

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Факультет филологии и межкультурной коммуникации

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНОВ

Материалы Международной научной конференции

г. Волгоград, 12–14 апреля 2010 г.

(Полная версия)

Научное электронное издание на компакт-диске

Волгоград
Издательство Волгоградского государственного университета
2010

Все права на размножение и распространение в любой форме
остаются за организацией-разработчиком.

Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.

Полное электронное издание сокращенной печатной версии:

Интеграционные процессы в коммуникативном пространстве регионов
[Текст] : материалы Междунар. науч. конф., г. Волгоград, 12–14 апр. 2010 г. :
(Сокр. версия: Пленар. заседание. Аннот. указ. докл. секций) / сост.:
Д. Ю. Ильин, Н. Л. Шамне ; Гос. образоват. учреждение высш. проф.
образования «Волгогр. гос. ун-т», Фак. филол. и межкультур. коммуникации ;
оргком.: О. В. Иншаков (пред.) [и др.]. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2010. –
434 с. – ISBN 978-5-9669-0773-0.

Составители:

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
Волгоградского государственного университета *Д. Ю. Ильин*;
доктор филологических наук, профессор,
декан факультета филологии и межкультурной коммуникации
Волгоградского государственного университета *Н. Л. Шамне*

ISBN 978-5-9669-0789-1

Издательство Волгоградского государственного университета.

400062, Россия, Волгоград, просп. Университетский, 100.

Тел.: (8442) 46-54-55, 46-08-07.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

<http://www.volsu.ru>

© Авторы статей, 2010

© ГОУ ВПО «Волгоградский государственный университет»

© Составление. Ильин Д. Ю., Шамне Н. Л., 2010

© Оформление, электронный текст. Издательство

Волгоградского государственного университета, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ	2
ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ	18
ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	18
<i>Э.Н. Акимова, Н.В. Тарасова</i>	<i>18</i>
«ЖИТИЕ НИКОНА, СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО»: ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУКОПИСИ XVII ВЕКА	18
<i>Е.И. Алещенко</i>	<i>21</i>
ФОЛЬКЛОРНЫЙ КОНЦЕПТ «ПРОСТРАНСТВО» В РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКЕ	21
<i>Т.В. Анисимова</i>	<i>24</i>
МЕСТО РИТОРИКИ В СИСТЕМЕ НАУК, ИЗУЧАЮЩИХ АРГУМЕНТАЦИЮ	24
<i>Л.Г. Антонова</i>	<i>28</i>
СПОСОБЫ И ПРИЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДИСКУРСИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ МАСС-МЕДИА	28
<i>Т.Н. Астафурова</i>	<i>34</i>
<i>А.В. Олянич</i>	<i>34</i>
ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКАЯ НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ПРЕДУБЕЖДЕНИЙ	34
<i>В.Д. Астрэйка</i>	<i>40</i>
КОМПЛЕКС МОЎНЫХ АДРОЗНЕННЯЎ паўночна-заходняй дыялектнай зоны беларускай мовы (агульныя заўвагі)	40
<i>Л. Беженару</i>	<i>43</i>
О ПОДГОТОВКЕ ФИЛОЛОГА-РУСИСТА В РУМЫНСКОМ ВУЗЕ В УСЛОВИЯХ БОЛОНСКОЙ МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ	43
<i>Н.В. Богданова, С.Б. Степанова, Т.Ю. Шерстинова</i>	<i>47</i>
ЗВУКОВОЙ КОРПУС РУССКОГО ЯЗЫКА «ОДИН РЕЧЕВОЙ ДЕНЬ» КАК СПОСОБ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА РЕЧИ РЕГИОНА	47
<i>Е.В. Брысина</i>	<i>51</i>
ФУНКЦИИ КОММУНИКАТИВОВ В ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ	51
<i>С.С. Ваулина, А.И. Ткаченко</i>	<i>55</i>
ОСОБЕННОСТИ СООТНОШЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОЙ И СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ	55
<i>Я. Вежбиньски</i>	<i>59</i>
К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ОБРАЗЕ КОНЦЕПТОВ В БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ	59
<i>Д.П. Войводич</i>	<i>63</i>

О СЕМАНТИЧЕСКОМ ИНВАРИАНТЕ УСТУПИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И СЕРБСКОГО ЯЗЫКОВ)	63
<i>К.Ю. Галицкая, Е.А. Тихомирова</i>	68
ЕЩЕ ОДНА ВОЗМОЖНОСТЬ В МЕДИАДИСКУРСЕ ПОКАЗАТЬ НЕ-ИСТИНУ КАК ИСТИНУ	68
<i>А.Х. Гольденберг</i>	71
ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ГОМИЛЕТИКИ В ПОЗДНЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ	71
<i>О.А. Горбань</i>	74
МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ТЕКСТОВОГО ВРЕМЕНИ В ДРЕВНЕРУССКИХ ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТАХ.....	74
<i>Г.А. Двоеносова</i>	78
КАТЕГОРИИ ФИЛОСОФИИ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ ДОКУМЕНТА	78
<i>А.Н. Долгенко</i>	81
О ПОЛЬСКОМ НАЧАЛЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVII–XVIII ВЕКОВ	81
<i>Д.Ю. Ильин</i>	84
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СИНХРОННО-ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	84
<i>Е.Ю. Ильинова</i>	89
КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ МОНИТОРИНГА ПЕЧАТНЫХ СМИ В МАССМЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА	89
<i>С.В. Ионова</i>	93
СОДЕРЖАНИЕ ТЕКСТА КАК ПРЕДМЕТ ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА	93
<i>В.И. Карасик</i>	97
ЭПИНОМЫ КАК СМЫСЛОВЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ	97
<i>Р.Л. Ковалевский</i>	105
СТРАТИФИКАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ОПИСАНИЮ СЕМАНТИКИ ХРОНОНИМОВ.....	105
<i>В.В. Компанеев</i>	108
ИЗОБРАЖЕНИЕ ГЕРОЯ В ПРОЗЕ Б. ЕКИМОВА	108
<i>М.А. Кормилицына, О.Б. Сиротинина</i>	113
КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ИНТЕГРАЦИИ ОБЩЕСТВА	113
<i>М.В. Косова</i>	116
ТЕРМИНОПОРОЖДАЮЩАЯ РОЛЬ ДОКУМЕНТНЫХ ТЕКСТОВ.....	116
<i>Н.А. Красавский</i>	119
МЕТАФОРА КАК СПОСОБ ЭКСПЛИКАЦИИ ЭМОЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ).....	120
<i>Р.И. Кудряшова</i>	126
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ В ДОНСКИХ ГОВОРАХ	126
<i>С.П. Кушнерук</i>	129

ПРОЯВЛЕНИЕ РЕЧЕВОГО КОНФЛИКТА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ	129
<i>Т.В. Максимова, Т.В. Бондаренко</i>	133
ЭТНОСПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «АНГЛИЙСКИЙ ДВОРЕЦКИЙ»	133
<i>М.В. Милованова</i>	136
РАЗНОВЕКТОРНОСТЬ ПОСЕССИИ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПИСАТЕЛЕЙ РЕГИОНА)	136
<i>В.А. Митягина</i>	139
РИТУАЛИЗОВАННЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА	139
<i>А.В. Млечко</i>	144
МОЛЧАНИЕ ЛОГОСА: МЕДИА И ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ	144
<i>Т.Г. Никитина</i>	151
РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ЯЗЫКОВОГО СУБСТАНДАРТА В СЛОВАРНОМ ОТОБРАЖЕНИИ	151
<i>А.В. Овчинников, Е.Ю. Протасова</i>	154
ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА РЕЧЕВОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ	155
<i>С.Р. Омельченко</i>	158
ДИАЛЕКТИКА АНТРОПОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ	158
<i>А.А. Петрова</i>	162
ПСИХОАКУСТИЧЕСКИЙ МОДУЛЬ КАК ОСНОВА РАЗВЕРТЫВАНИЯ СТРАТЕГИЙ ВОСПРИЯТИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧИ В ОНТОГЕНЕЗЕ	162
<i>М.В. Пименова</i>	165
Класс ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ	165
<i>Н.К. Рябцева</i>	175
МОДЕЛЬ «СМЫСЛ – ТЕКСТ» И ДИДАКТИКА ПЕРЕВОДА	175
<i>Й.Свободова</i>	179
К АКТИВНЫМ НОМИНАТИВНЫМ ТЕНДЕНЦИЯМ ГЛАГОЛОВ С ФОРМАНТОМ -ИРОВА(ТЬ) В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ	179
<i>У. Семяновска</i>	182
ДИАЛОГ КУЛЬТУР В КОММУНИКАТИВНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛЬШИ	182
<i>С.В. Серебрякова</i>	185
ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЗАЦИИ КЛЮЧЕВОГО СЛОВА В РАЗНОВРЕМЕННЫХ ПЕРЕВОДАХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	185
<i>А.А. Скорофатова</i>	190
ЭВОЛЮЦИЯ ПРОСИТЕЛЬНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ: ЖАЛОБА – ЧЕЛОБИТНАЯ – ПРОШЕНИЕ – ЗАЯВЛЕНИЕ	190
<i>В.Б. Смирнов</i>	198
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕДИАПОЭТИКИ. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА	199
<i>А.И. Смирнова</i>	204
АНТРОПОЦЕНТРИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ В РОМАНАХ АНАТОЛИЯ КИМА	204
<i>Т.Ю. Тамерьян</i>	208

ПРОБЛЕМА ЛАКУНАРНОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	208
<i>Е.В. Терентьева</i>	211
МЕТОДЫ ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА ГОВОРОВ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ	211
<i>В.И. Теркулов</i>	217
О ПРОГРАММЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УКРАИНСКИХ ГОВОРОВ РОССИИ И СМЕЖНЫХ ПРОБЛЕМАХ.....	217
<i>Г.В. Токарев</i>	220
К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ И ТИПОЛОГИИ концептов культуры.....	220
<i>Г.Д. Удалых</i>	223
КОНЦЕПТЫ ДРУЖБА / ДРУГ В СЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ.....	223
<i>Л.Г. Фомиченко</i>	226
СЕМИОТИКА НЕВЕРБАЛЬНЫХ БАРЬЕРОВ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	226
<i>Д. Цонева</i>	233
ВЛИЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ГРАММАТИЧЕСКОГО РОДА НЕКОТОРЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ	233
<i>Н.Л. Шамне, А.Н. Шовгенин</i>	237
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗРАБОТКИ АЛГОРИТМА ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА	237
<i>Е.М. Шептухина</i>	240
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ДРЕВНЕРУССКОГО ГЛАГОЛА В СИНХРОННО-ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ.....	240
<i>В.В. Шигуров</i>	244
О «ЧИСТОМ» И «СОВМЕЩЕННОМ» ТИПАХ ПРЕДИКАТИВАЦИИ КРАТКИХ ПРИЧАСТИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	244
<i>И.А. Щирова</i>	247
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: ГРАНИЦЫ И ВОЗМОЖНОСТИ.....	247
Секция	252
ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ	252
В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ	252
<i>Е.А. Андрющенко</i>	252
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА «ЧУЖОЙ» («ДРУГОЙ») (НА МАТЕРИАЛЕ ЭЛЕКТРОННЫХ БРИТАНСКИХ СМИ)	252
<i>Е.М. Булатова</i>	256
ОБРАЗНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РАЗЛИЧНОГО ПРОЯВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ СУБЪЕКТА В РУССКОМ, ЧЕШСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	256

<i>Е.Д. Степанова</i>	259
ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ПОТЕРИ ОБЪЕКТА В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ.....	259
<i>Р.Э. Бабаян</i>	263
ВЕЖЛИВОСТЬ В СОЗНАНИИ АРМЯН.....	263
<i>Е.А. Елтанская</i>	266
СПЕЦИФИКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА	266
<i>В.А. Брылева</i>	269
ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МОДЕЛИРОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО КОНТЕНТА САЙТА	269
<i>В.Е. Максимова</i>	276
СТЕРЕОТИПЫ: МЕСТО В КУЛЬТУРЕ, РЕАЛИЗАЦИЯ В ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)	276
<i>Е.А. Полехина</i>	280
АНГЛО-АМЕРИКАНИЗМЫ В СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ЖАРГОНАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ДЕТСКО-ЮНОШЕСКОГО ДИСКУРСА)	280
<i>М.В. Макарова</i>	283
ДИСТАНТИВ БЛИЗКО В РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ: ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	284
<i>Е.П. Лиховидова</i>	287
СТРУКТУРНО-КОМПОЗИЦИОННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКСТОВОГО ПРОСТРАНСТВА ИНТЕРНЕТ-САЙТА ОТЕЛЯ КАК СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ТУРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	287
<i>А.В. Карякин</i>	292
РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ КАК НЕЭКОЛОГИЧНОЕ ЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ	292
<i>О.Н. Георгиева</i>	295
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТНОСПЕЦИФИКИ ФРАНЦУЗСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ДОМИНАНТАХ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКИХ И РУССКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОВ)	295
<i>Ю.С. Дзюбенко</i>	299
ВАРИАТИВНОСТЬ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА РАЗЛИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ	299
<i>Л.Н. Ребрина</i>	302
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ПАМЯТИ КАК ПОДСИСТЕМЫ ГОМОСФЕРЫ	303
<i>И.Н. Рогожникова</i>	306
ВЕЖЛИВАЯ КОРРЕКТНОСТЬ ЭКОЛОГИЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ДИРЕКТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ «СОВЕТ» И «ПРЕДЛОЖЕНИЕ»).....	306
<i>Н.Б. Егорченкова</i>	309

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ СМЫСЛОВ ВЫСКАЗЫВАНИЯ	309
<i>А.Н. Шовгенин</i>	313
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ДИАСПОРЫ В РЕГИОНЕ	313
<i>О.Ю. Улогова</i>	316
СУБКТЕГОРИЯ ВЕРЫ В СЕМАНТИКЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ЕДИНИЦ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ.....	316
<i>Ю.Н. Куличенко</i>	320
ГЛАГОЛЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ПРОЯВЛЕНИЯ ЦВЕТОВОГО ПРИЗНАКА КАК СРЕДСТВО ОПИСАНИЯ ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА	320
<i>А.А. Громыкина</i>	323
КОРПУС НОМИНАТИВНЫХ ЕДИНИЦ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТОВ СМИ	323
<i>А.Е. Волкова</i>	327
НЕСПЕЦИФИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ПОБУДИТЕЛЬНОСТИ В КОНФЛИКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ	327
<i>Е.В. Басс</i>	331
ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В РЕГИОНЕ: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ И СУЩЕСТВОВАНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР	331
<i>О.С. Волкова</i>	335
РЕЧЕВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ АГРЕССИВНОЙ СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВОЛГОГРАДСКИХ СМИ	335

Секция

ОБЩЕЗНАЧИМОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ

В ИЗУЧЕНИИ И ПРЕПОДАВАНИИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ	339
<i>С.В. Арсентьева</i>	339
ОТРАЖЕНИЕ ЯВЛЕНИЙ КУЛЬТУРЫ В ЯЗЫКЕ	339
<i>М.Н. Попова</i>	343
ИДЕОЛОГЕМЫ И СТЕРЕОТИПЫ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ КОНЦЕПТА (НА МАТЕРИАЛЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ КОНЦЕПТА «ВОРОВСТВО»).....	343
<i>А.Е. Барецкая</i>	348
СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В СИСТЕМЕ ГРЕКО-СЛАВЯНСКИХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ.....	348
<i>А.А. Кудрявцева</i>	351
ПОПОЛНЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ «СУБЪЕКТ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» ЗА СЧЕТ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ, ПЕРЕШЕДШИХ В НАРИЦАТЕЛЬНЫЕ.....	351

Секция

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА РЕГИОНА.....	355

<i>Н.И. Ершова</i>	355
ЯВЛЕНИЕ СИНОНИМИИ У ДИАЛЕКТНЫХ НАЗВАНИЙ ЛИЦ ПО РОДСТВЕННЫМ ОТНОШЕНИЯМ В РУССКИХ ГОВОРАХ МОРДОВИИ	355
<i>Л.Н. Денисова</i>	358
СТРУКТУРНЫЕ И АСПЕКТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТНЫХ ГЛАГОЛОВ АТТЕНУАТИВНОГО СПОСОБА ДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ГОВОРОВ МОРДОВИИ)	358
<i>А.Ю. Рыженко</i>	362
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОЙКОНИМОВ В РЕГИОНАЛЬНЫХ НЕХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ XIX – начала XX вв.	362
<i>А.Н. Банько</i>	366
СПЕЦИФИКА ВЫРАЖЕНИЯ ПРАГМАТОНИМОВ В ТЕКСТАХ РЕКЛАМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ТОВАРОВ АВТОПРОИЗВОДСТВА)	366

Секция

ЯЗЫК И ТЕКСТ В ДИАХРОНИИ И СИНХРОНИИ 370

<i>Т.П. Акимова</i>	370
ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ПОГОДА» В РУССКОМ ЭПИСТОЛЯРНОМ ТЕКСТЕ	370
<i>Е.З. Киреева</i>	373
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ» В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»: ДИКТУМНЫЙ И МОДУСНЫЙ КОМПОНЕНТЫ	373
<i>И.Ю. Уварова</i>	376
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ ТЕКСТАХ XIX В.	376
<i>Т.А. Мешкова</i>	380
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ В ПОХВАЛЬНЫХ СЛОВАХ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА	380
<i>Ю.В. Кадыркова</i>	383
МОДИФИКАЦИЯ ДИРЕКТИВНОЙ ИНТЕНЦИИ 1 В СИТУАЦИИ ЭМОТИВНОГО ПОБУЖДЕНИЯ	383
<i>Ю.И. Юдина</i>	387
МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ СРАВНЕНИЙ В ЯЗЫКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ	387
<i>А.А. Макушина</i>	391
ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ УСТОЙЧИВЫЕ СОЧЕТАНИЯ В ДРЕВНЕРУССКОМ ДЕЛОВОМ ЯЗЫКЕ (ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	391

Секция

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В РАЗНЫХ РЕЧЕВЫХ СФЕРАХ 394

<i>С.Г. Михейкина</i>	394

ГАЗЕТНЫЙ ЗАГОЛОВОК-КАЛАМБУР СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛИНГВОКРЕАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ	394
<i>Г.В. Бобровская</i>	398
КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ГАЗЕТНОГО ДИСКУРСА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПУБЛИЦИСТИКИ И РЕКЛАМЫ	398
<i>Т.А. Пережогина</i>	401
УРОВЕНЬ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ В МОЛОДЕЖНОЙ ГАЗЕТЕ.....	401
<i>Л.В. Синицына</i>	406
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СИНТАГМАТИЧЕСКОГО ЧЛЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ДИКТОРСКОЙ РЕЧИ	406
<i>А.Е. Мажитова</i>	410
ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В КОМПОЗИЦИОННО-РЕЧЕВОЙ СТРУКТУРЕ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ НОВОСТЕЙ.....	410
<i>Е.С. Рябова</i>	413
СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНЫХ ТОК-ШОУ)	413
<i>Р.Й. Кочубей</i>	416
УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕЧЕВОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ ВЫПУСКНИКОВ КООПЕРАТИВНОГО ВУЗА	416
<i>Е.Н. Вотрина</i>	420
ХАРАКТЕР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АВТОРА И ЧИТАТЕЛЯ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА.....	420
<i>И.В. Бугаева</i>	423
ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ В РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЕ.....	423
<i>Е.А. Овечкина</i>	426
ОСОБЕННОСТИ МЕЛОДИЧЕСКОГО ОФОРМЛЕНИЯ МОЛИТВЫ «СИМВОЛ ВЕРЫ».....	426
<i>М.Л. Ефимова</i>	430
КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РЕКЛАМНОМ ДЕЛЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА (НА ПРИМЕРЕ г. ЯРОСЛАВЛЯ).....	430
<i>М.С. Дзедаева</i>	434
ВЕРБАЛИЗАТОР «ДВА» КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЧИСЛО» В ОСЕТИНСКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ КАРТИНЕ МИРА.....	434
<i>Е.Ю. Рослова</i>	437
ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКА КАК СПОСОБ ВОЗДЕЙСТВИЯ В СУДЕБНОЙ РЕЧИ.....	437

Секция

ЖАНРОВЫЙ АСПЕКТ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	442
<i>Н.К. Пригарина</i>	442
РИТОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КАК ОСНОВА ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ АРГУМЕНТАЦИИ *.....	442
<i>Е.Г. Гимпельсон</i>	445

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЖАНРОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СПЕЦИАЛИСТА	445
<i>И.В. Ярова</i>	449
СПЕЦИФИКА ОПОСРЕДОВАННОГО РЕКЛАМИРОВАНИЯ КНИГИ *	449
<i>Ю.Ю. Леонова</i>	452
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОММУНИКАНТОВ В ДИАЛОГЕ ПРОСЬБЫ	452
<i>Н.А. Крапчетова</i>	455
СПЕЦИФИКА МАНИПУЛЯЦИИ В СУДЕБНОЙ РЕЧИ *	455
<i>М.В. Мухина</i>	459
К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА	459
<i>А.Э. Рыцарева</i>	462
БЛОГИ (СЕТЕВЫЕ ДНЕВНИКИ) В РЯДУ СОВРЕМЕННЫХ СМИ.....	462

Секция

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ И КОНЦЕПТОЛОГИИ.....	467
<i>А.А. Новожилова</i>	467
СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ХРОНОНИМОВ И ПРЕДИКАТОВ.....	467
<i>Е.Г. Григорьева</i>	470
ОСОБЕННОСТИ ДРАМАТУРГИИ ЖАНРА ТОК-ШОУ В АМЕРИКАНСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ	470
<i>И.А. Садовникова</i>	474
ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ.....	474
<i>О.В. Ширинова</i>	477
КОНЦЕПТ «ОШИБКА» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	477
<i>Н.И. Дорохова</i>	481
ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ АНГЛОСАКСОНСКОГО ЖИЛИЩА	481
<i>И.О. Косова</i>	484
СЕМАНТИКА КОНФЛИКТА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ	484
<i>Л.В. Медведева</i>	489
СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ СПОСОБ РЕШЕНИЯ КОНФЛИКТА СТОРОН	489
<i>О.Ю. Попова</i>	493
ЛИНГВОСТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕЗЕНТАЦИОННОГО ДИСКУРСА (на материале английского языка).....	493
<i>В.И. Торгашов</i>	496
ВОЕННАЯ МЕТАФОРА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ	497
<i>В.В. Леонтьев</i>	500
ГЛОРИФИКАЦИЯ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ (на материале английского языка).....	500
<i>О.Р. Валуйская</i>	504
ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА	504
<i>С.В. Баталин</i>	507

КОНСТАНТНОЕ И ВАРИАТИВНОЕ В ОФОРМЛЕНИИ ВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДВУХСИНТАГМЕННОЙ ФРАЗЫ	507
<i>Е.А. Пелих</i>	510
АРХАИЧНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В НЕКОТОРЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	510
<i>И.В. Скрынникова</i>	514
ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ КАТЕГОРИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА	514
<i>Н.Ю. Сороколетова</i>	517
ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ	518
<i>Е.А. Ускова</i>	521
ПРОСОДИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА КОММУНИКАТИВОВ СОГЛАСИЯ В АНГЛИЙСКОМ РАЗГОВОРНОМ ДИАЛОГЕ	521
<i>Е.А. Курченкова</i>	525
СТРАТЕГИЯ ПЕРСОНИФИКАЦИИ КАК ОДНА ИЗ МАНИПУЛЯТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА	525
<i>В.В. Янина</i>	528
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ ПОСРЕДСТВОМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ДЕЙКТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКОЙ	528
<i>И.А. Мурзинова</i>	531
ФИКСИРОВАННЫЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ КАК ОСОБЫЙ ВИД КОНЦЕПТА ТИПИЗИРУЕМОЙ ЛИЧНОСТИ В КОЛЛЕКТИВНОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ	531
<i>Е.В. Степанова</i>	535
ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛОЯЗЫЧНОГО И РУССКОЯЗЫЧНОГО РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА В СВЯЗИ С ФАКТОРОМ АДРЕСАТА	536
<i>Л.Ф. Воскресенская</i>	539
КОНЦЕПТЫ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ СПЕЦИАЛИСТА	539
<i>И.К. Кириллова</i>	542
КОНЦЕПТЫ EDUCATION И STUDENT В АНГЛОЯЗЫЧНОМ УНИВЕРСИТЕТСКОМ ДИСКУРСЕ	542
<i>Н.П. Федорова</i>	546
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ И ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЕ	546

Секция

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ

МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ	551
<i>Л.Б. Барулина</i>	551
РАЗВИТИЕ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ)	551
<i>Н.П. Журавлева</i>	554

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ АРГУМЕНТАТИВНОГО УМЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ- ЛИНГВИСТОВ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ОБУЧЕНИЯ	554
<i>Л.И. Карпова</i>	558
СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ В УСЛОВИЯХ МОДУЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ	558
<i>Е.Ю. Ладонина</i>	561
ВИДЫ УПРАЖНЕНИЙ ПО ПЕРЕВОДУ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ	562
<i>И.Ю. Токарева</i>	565
О МЕТОДАХ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ.....	565
<i>А.В. Щеколдина</i>	568
ДИСКУССИЯ КАК УЧЕБНАЯ СИТУАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ БУДУЩИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА.....	568
<i>Е.В. Холодковская</i>	571
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНОЙ ДОСКИ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ МЛАДШЕЙ И СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ.....	571
<i>С.Ю. Кочеткова</i>	574
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДЕСКРИПТИВНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ КАРТ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМОГО ТЕЗАУРУСА У СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ.....	574
<i>Т.С. Мякишева</i>	578
ВНЕДРЕНИЕ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕСС ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ.....	578
<i>Н.А. Сытина</i>	582
СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА РУССКИХ РЕАЛИЙ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК)	582
<i>О.П. Сафонова</i>	585
ЭЛЕКТРОННЫЕ ПОРТФОЛИО В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	586
<i>О.П. Корниенко</i>	589
КОРРЕЛЯЦИЯ ЭТАПОВ ПРЕЗЕНТАЦИИ АРХИТЕКТУРНОГО ПРОЕКТА, РЕЧЕВЫХ ИНТЕНЦИЙ И ЛЕКСИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА	589
<i>Е.С. Гончарова</i>	592
СУГГЕСТИВНЫЙ ТИП КОММУНИКАЦИИ	592
<i>Т.В. Серопегина</i>	596

ОБЪЕКТ ЭТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ЛИЦА В ОБОЗНАЧЕНИИ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	596
<i>В.В. Анохина</i>	599
ВНЕАУДИТОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ИНТЕНСИФИКАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ	599

Секция

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

В РАЗНЫХ СОЦИОКОММУНИКАТИВНЫХ КОНТЕКСТАХ.....	604
<i>У.Б. Ильина</i>	604
ФУНКЦИИ PR-ДИСКУРСА ГЕРМАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.....	604
<i>М.Ю. Копылова</i>	608
ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АДРЕСАНТА В ИНТЕРНЕТ-ПРЕЗЕНТАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЯ (СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА).....	608
<i>С.А. Королькова</i>	611
РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ В ТЕКСТОТИПОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПИСЬМЕННУМУ ПЕРЕВОДУ	611
<i>Т.Б. Новикова</i>	614
ДИСКУРСИВНОЕ И ИНТУИТИВНОЕ МЫШЛЕНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА.....	614
<i>Э.Ю. Новикова</i>	615
ПЕРЕВОД ПЕРЕГОВОРОВ: ПРОБЛЕМЫ, СТРАТЕГИИ, РЕШЕНИЯ	615
<i>О.И. Попова</i>	619
БОЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС И ПРЕПОДАВАНИЕ ПЕРЕВОДА В ЕВРОПЕ И РОССИИ	619
<i>Т.С. Сидорович</i>	623
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА	623
<i>А.Н. Усачева</i>	626
ПРОТОТИПИЧЕСКИЕ И АДАПТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В КОГНИТИВНОЙ МОДЕЛИ ПЕРЕВОДА	626
<i>И.Г. Фомичева</i>	629
ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТНОГО ОБРАЗА В ГЛОБАЛЬНОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ ПЕРСОНАЛЬНОГО САЙТА	629
<i>Е.А. Шовгенина</i>	633
ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ УСТНОГО ПЕРЕВОДА В ВУЗЕ (НА ПРИМЕРЕ КАФЕДРЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА ВолГУ)	633

Секция

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НЕМЕЦКОЙ ГРАММАТИКИ.....	637
<i>А.В. Вальт</i>	637
МЕТОДИКА АНАЛИЗА КОГНИТИВНОГО И ЯЗЫКОВОГО ЗНАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)	637

<i>Л.М. Генералова</i>	640
СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРАНСПОЗИТОРОВ «SICH» И «WERDEN» ДЛЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СИТУАЦИЙ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ	640
<i>З.В. Изотова</i>	643
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНСТРУКЦИИ SEIN+ZU+INFINITIV В ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОМ ПРАВЕ ГЕРМАНИИ	643
<i>О.В. Коробова</i>	647
ПРИНЦИПЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ФОРМ ГЛАГОЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	647
<i>Л.М. Кравченко</i>	650
КОГЕРЕНТНО СВЯЗАННЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В СИТУАЦИЯХ РЕАГИРОВАНИЯ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО РЕЦИПИЕНТА НА ДИРЕКТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ	650
<i>Ю.В. Макарова</i>	654
ФРЕЙМОВЫЕ И ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ ОТРАЖЕНИЯ СИТУАЦИЙ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ НОСИТЕЛЯМИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	654
Секция	
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКУМЕНТНОЙ ЛИНГВИСТИКИ	658
<i>Е.В. Ковшикова</i>	658
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДЕЛОВОГО ПИСЬМА В УСЛОВИЯХ АВТОМАТИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ СОВРЕМЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ	658
<i>Г.А. Кривобокова</i>	662
КАТЕГОРИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ В ДЕЛОВОМ И НАУЧНОМ ДИСКУРСАХ, ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ В РАМКАХ ВОЛГОГРАДСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА	662
<i>Е.С. Белоус</i>	666
СВОЙСТВА ДОКУМЕНТНОЙ ИНФОРМАЦИИ	666
<i>О.И. Кулько</i>	669
СТРАТЕГИИ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ В ДЕЛОВОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ ДИСКУРСАХ	670
<i>И.А. Сафонова</i>	673
КОМПОЗИЦИОННО-РЕЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКСПЕРТНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	673
<i>А.В. Бережнова</i>	677
ЛЕКСИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ИНСТРУКТИВНО-МЕТОДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ	677
<i>Р.С. Карпов</i>	680
КОНЦЕПТ «ГОСУДАРЬ» В ОСНОВНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКОНАХ 23 АПРЕЛЯ 1906 ГОДА	680

<i>Н.В. Олизаренко</i>	684
ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ДОКУМЕНТНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	684
<i>Т.Б. Мульганова</i>	687
ДЕЛОВОЕ ПИСЬМО В СИСТЕМЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА УЧРЕЖДЕНИЙ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ (ОТВЕТНЫЕ ПИСЬМА НА ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАН ПРИ ОКАЗАНИИ ИМ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ)	687
<i>Е.С. Семикина</i>	690
КАЧЕСТВО ТЕКСТА РЕКЛАМНЫХ СООБЩЕНИЙ	690
<i>Л.Т. Маслова</i>	694
АДМИНИСТРАТИВНЫЙ РЕГЛАМЕНТ: СОВРЕМЕННЫЙ ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ И ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИИ	694

Секция

ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЕ И СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ.

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	700
<i>А.В. Ермолаева</i>	700
РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА И ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РФ ..	700
<i>Т.Н. Гайдученко</i>	703
РОЛЬ ДОКУМЕНТА В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	703
<i>Е.В. Булюлина</i>	707
ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ РАБОТЫ С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН В 1919–1920-е гг.	707
<i>К.А. Белоконева</i>	710
СИСТЕМА ДОКУМЕНТОВ, РЕАЛИЗУЮЩИХ КОНЦЕПЦИЮ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	710
<i>Е.Е. Саблина</i>	714
МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ДИСКУРСОВ СМИ	714
<i>А.С. Деденева, А.С. Прокурина</i>	717
РОЛЬ ДОКУМЕНТА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ УПРАВЛЕНИЯ БИБЛИОТЕКОЙ	717
<i>Н.А. Дьяченко</i>	723
К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ МЕНЕДЖЕРОВ	723

Секция

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ СМИ

В СОВРЕМЕННОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	727

<i>О.А. Прохватилова</i>	727
<i>Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)</i>	727
РЕЧЕВАЯ ПРАКТИКА РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ: НОРМАТИВНЫЙ АСПЕКТ	727
<i>О.Г. Шильникова</i>	732
НАЗВАНИЕ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЖУРНАЛА КАК БРЕНД.....	732
<i>Т.В. Назарова</i>	737
ИНФОРМАЦИОННОЕ УЧАСТИЕ ГРАЖДАН В ЛОКАЛЬНЫХ СМИ	737
<i>О.А. Козлова</i>	741
ИНТЕРНЕТ-ТЕЛЕВИДЕНИЕ В РОССИЙСКОМ СЕГМЕНТЕ СЕТИ: СПЕЦИФИКА КОНТЕНТА	741
<i>О.Г. Иванова</i>	743
ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» (1868–1880 гг.).....	743
<i>Е.В. Парахневич</i>	747
ОБРАЗ СОВЕТСКОЙ РОССИИ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ПУТЬ» (1925–1940 гг.).....	747
<i>Л.Е. Млечко</i>	751
РЕКЛАМА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ).....	751
<i>М.А. Самойлов</i>	754
С.П. ШЕВЫРЕВ – СОТРУДНИК «МОСКВИТЯНИНА».....	754
<i>М.Г. Вартанян</i>	758
ЖУРНАЛИСТИКА КАК ИГРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО.....	758
<i>В.А. Капустина</i>	761
«ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА»: К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В ЖУРНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ	761

Секция

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ	766
<i>Л.В. Кулькина</i>	766
КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ И «ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ».....	766
<i>К.А. Степаненко</i>	769
«ДЕТСКИЙ РАЙ» ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА	769
<i>А.Ю. Лавринова</i>	772
ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ХРОНОТОПА В ЛИРИКЕ В.И. НАРБУТА 1918–1922 гг.....	772
<i>С.О. Терещенко</i>	776
ЭВОЛЮЦИЯ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИХ МОТИВОВ В ДВУХ РЕДАКЦИЯХ ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ПОРТРЕТ».....	776
<i>Н.Б. Анциферова</i>	779

ДНЕВНИК В. ГУСЕВА КАК АКТ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ: ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ АДРЕСОВАННОСТИ	779
<i>С.Ю. Воробьева</i>	782
ГЕНДЕРНАЯ ПОЭТИКА: ПРАВО НА СУЩЕСТВОВАНИЕ.....	783
<i>Е.С. Бирючева</i>	785
ДОНСКИЕ РАССКАЗЫ И.Д. САЗАНОВА.....	785
<i>Н.В. Травова</i>	789
АВТОР, ПОВЕСТВОВАТЕЛЬ И ГЕРОЙ В «КОЛЫМСКИХ РАССКАЗАХ» ВАРЛАМА ШАЛАМОВА	789
<i>Л.Ю. Макарова</i>	792
СВОЕОБРАЗИЕ РАСКРЫТИЯ ТЕМЫ ЛЮБВИ В ЛИРИКЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ.....	792
<i>Н.Н. Нартыев</i>	795
ГОТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ США (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ Д. К. ОУТС)	795
<i>Д.К. Карслиева</i>	799
«ВИРТУАЛЬНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ» В «НЬЮ-ЙОРКСКОЙ ТРИЛОГИИ» ПОЛА ОСТЕРА КАК КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО.....	799
<i>Н.Е. Спирыкина</i>	804
«ЛЮДСКОЕ КЛЕЙМО» ФИЛИПА РОТА КАК ЛИРИЧЕСКИЙ РОМАН	804
<i>Т.И. Воронцова</i>	806
ОТРАЖЕНИЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ИДЕЙ В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖ. БАРТА КАК ВЫРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ВАРИАНТА КЛАССИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ	806
<i>Н.А. Ашихманова</i>	809
ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЕ ДЖОНА БАРТА: ВЕРБАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	809
<i>С.С. Васильева</i>	814
ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ДРАМАТУРГИИ М.М. ЗОЩЕНКО 1930-х ГОДОВ	814
<i>Ю.Д. Куликов</i>	816
РОЛЬ ИЗУЧЕНИЯ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА В СТАНОВЛЕНИИ СУБЪЕКТНОЙ ПОЗИЦИИ СТУДЕНТА ПРАВОСЛАВНОГО УНИВЕРСИТЕТА	816
<i>Е.А. Смирнова</i>	820
КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО В PR-ПРАКТИКЕ: СПЕЦИФИКА СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНЫХ СВЯЗЕЙ.....	820
<i>О.Ю. Юшко</i>	823
ГЕРОЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ СОЗНАНИИ: ПОНЯТИЙНАЯ, ОБРАЗНАЯ И ЦЕННОСТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ	823
<i>Ю.С. Ярцева</i>	827
СПЕЦИФИКА ИНТОНАЦИОННОГО ОФОРМЛЕНИЯ РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИКА	827

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

О.В. Иншаков, член Общественной палаты Российской Федерации, ректор Волгоградского государственного университета, доктор экономических наук, профессор.

Заместители председателя:

Б.Н. Сипливый, проректор по научной работе, доктор технических наук, профессор.

О.И. Сгибнева, проректор по внешним связям, доктор философских наук, профессор.

Н.Л. Шамне, декан факультета филологии и межкультурной коммуникации, доктор филологических наук, профессор.

Члены оргкомитета:

Т.Н. Астафурова, заведующий кафедрой профессиональной иноязычной коммуникации, доктор филологических наук, профессор.

Д.Ю. Ильин, доцент кафедры русского языка, кандидат филологических наук.

М.В. Косова, заведующий кафедрой документной лингвистики и документоведения, доктор филологических наук, профессор.

В.А. Митягина, заведующий кафедрой теории и практики перевода, доктор филологических наук, профессор.

А.В. Млечко, заведующий кафедрой журналистики, доктор филологических наук, доцент.

О.А. Прохватилова, заведующий кафедрой литературы, издательского дела и литературного творчества, доктор филологических наук, профессор.

Е.В. Терентьева, заместитель декана по научной работе и внешним связям, доктор филологических наук, доцент.

Н.А. Тупикова, заведующий кафедрой русского языка, доктор филологических наук, профессор.

Л.Г. Фомиченко, заведующий кафедрой английской филологии, доктор филологических наук, профессор.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Э.Н. Акимова, Н.В. Тарасова

**Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева
(Саранск, Россия)**

«ЖИТИЕ НИКОНА, СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО»: ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУКОПИСИ XVII ВЕКА

Комплексное многоаспектное изучение древне- и старорусских славяно-книжных текстов является одной из главных задач современной палеорусистики. Большая часть рукописных книг XI–XVII вв. остается до настоящего времени неисследованной, хотя анализ славяно-русских книжных текстов с учетом воздействия на них восточнославянской диалектной стихии позволяет воссоздать максимально полную и объективную картину исторической динамики языковых форм.

Рукописная книга «Известие о рождении, воспитании и о житии святейшего Никона, патриарха Московского и всея России» написана в середине 1680-х гг. клириком патриарха Никона, иподьяконом Иоанном Корнильевичем Шушериным (псевдоним – Рипатов). Год его рождения неизвестен, а умер он в 1693 г. и похоронен, как и Никон, в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре. Судя по всему, это был хорошо образованный для своего времени человек, обладающий литературным даром, знакомый с иностранными историческими сочинениями, популярными в то время в Европе. В предисловии к читателю он называет себя Хронограф, Феатрон, сочинения Аполлодора (Полидора Вергилия) и Пуффендорфа.

Свое авторство И. Шушерин, как того требовала старинная традиция, зашифровал при помощи цифровой системы, которая, впрочем, не будучи искажена переписчиками, легко поддается расшифровке.

Книга дошла до нашего времени в трех редакциях, в большом количестве списков конца XVII–XIX в., что свидетельствует о ее популярности. Один из них, названный своим владельцем для краткости «Житие Никона, святейшего патриарха Московского», хранится в Саранске в библиотеке Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (РФ НИИГН, И-11465). По сведениям заведующей библиотекой В.А. Ивлиевой, рукопись «Житие Никона...» входила в личную библиотеку члена Саратовской ученой архивной комиссии, профессора Саратовского университета А.А. Гераклитова (1868–1933), видного исследователя истории мордвы. Библиотека и архив ученого поступили в НИИ вскоре после его смерти.

В саранском манускрипте, относящемся, по-видимому, к авторской редакции, имеются отсутствующие в других списках предисловие, сопровождаемое виршами, и стихотворное послесловие, что само по себе

большая редкость. Приложены также «разрешительные грамоты» восточных вселенских патриархов, присланные в 1682 г. по просьбе царя Федора Алексеевича и переведенные с греческого языка в Посольском приказе. В них изложено разрешение впредь в церковных службах поминать Никона как патриарха, наряду с прочими Московскими (Российскими) патриархами.

С точки зрения палеографии рукопись представляет собой книгу форматом в четверку. Она достаточно хорошо сохранилась, переплетена в картон, обтянутый потертой темно-коричневой кожей, без тиснения и надписей; есть следы от двух застежек. На форзацах видны плесень и ходы жучков. Переплетено 25 тетрадей; первые 15 нумеруются буквенным обозначением чисел, как в XVII в., остальные – арабскими цифрами. Нумерация текста – постраничная, пронумеровано 380 страниц, еще четыре листа в конце рукописи чистые.

Бумага с филигранями, без герба, плотная, белая, местами пожелтевшая и потемневшая от загрязнения. Даты изготовления бумаги – 1757, 1762 и 1764 гг. У корешка на сгибе видны половинки водяного знака в виде трех литер, которые можно прочесть как ГКС. Это филигрань бумажной фабрики графа Карла Сиверса, работавшей в указанные десятилетия под Петербургом [Кукушкина, 1958, с. 296; Клепиков, 1978, с. 20].

Рукопись написана чернилами коричневого цвета ровной, красивой, достаточно разборчивой скорописью двумя разными почерками. Первый из переписчиков, очевидно, старший по возрасту, так как его манера письма архаичнее, переписал большую часть книги – до страницы 271 и затем страницы 368–380. Оба писца – опытные профессионалы. Они усвоили письмо, сложившееся под влиянием гражданского шрифта и вошедшее в широкое употребление в канцеляриях во второй трети XVIII в. Текст они делили на слова. На одной странице у первого писца умещалось 17–18 строк, у второго писца от 22 до 24 строк. Из знаков препинания употребляются в основном запятая и точка с запятой, знаков переноса еще нет, сохранены знаки ударения и другие надстрочные знаки, титла и выносные буквы.

Что касается орфографических особенностей рукописи, то можно отметить, что при указании дат от сотворения мира писцы заменили буквенные обозначения арабскими цифрами, появились *й*, *э*, осовременилось склонение и написание отдельных слов, имен, фамилий; на церковнославянский язык «Жития» наслаивался литературно-разговорный язык второй половины XVIII в., возможно, помимо воли писцов.

В тексте встречаются орфографические варианты, например: *Алексий* – *Алексей*, *вселенский* – *вселенские*, *аггел* – *ангел*, *амафор* – *омофор*, *Стретение* – *сретение*, *Адоевский* – *Одоевский*, *Афонасей* – *Афанасий*, *болярин* – *боярин*, *откуду* – *откуда*, *сигклит* – *синклит*, *иконном* – *эконом*, *ектения* – *эктения*, *в любве* – *в любви*, *в церкве* – *в церкви*, *келлия* – *келия* и т. д.

Тем не менее писцы сохранили основные внешние признаки копируемой рукописи. В обширном тексте нет ни одного раздела или абзаца, обозначенного

красной строкой: видимо, такова была особенность оригинала. Почти отсутствуют орнаментальные украшения. Немногие заглавия написаны простой невысокой вязью, и только дважды при этом, а также для написания двух инициалов *В* использованы красные чернила. Первый писец украсил эти инициалы двумя одинаковыми небольшими веточками, да еще после предисловия и в конце книги сделал несложные треугольные концовки.

Помимо основного текста, на книге есть другие надписи, имеющие отношение к биографии рукописи и к ее владельцам. Так, на правом листе верхнего форзаца выцветшими светло-коричневыми чернилами скорописью XVIII в. сделана следующая запись для памяти (особенности орфографии сохраняем): «1772 Рожетезство Христово было в ниделю 25, Василья Великаго в ниделю Богоявление Господня было. В пяток 5 ч. в день Богоявления по захождению солнца было необыкновенное дело, была молния, и гром ударил сильно, как и в летняя время. 1773 году, декабря сего». Ниже следуют четыре угасшие короткие строки, не поддающиеся прочтению и закрытые библиотечным штампом НИИ 1930-х гг. Предположительно, первая строка начиналась словами «Сея запись...».

Следующий за форзацем лист первоначально был чистым, нумерации не имеет. Скорее всего, писцы его рассматривали как титульный, хотя, как известно, в рукописных книгах XVII в. титульный лист почти не встречается. Неровными, неуверенными, ползущими вверх буквами на нем крупно начертано: «Житие Никона, святейшаго патриарха Московскаго».

На левом листе нижнего форзаца все теми же выцветшими чернилами скорописью XVIII в. сделана новая запись для памяти: «Надобно справитца за тетюшевское сукно положен ли вычет...», ниже две угасшие строки, под размазанными темными чернилами едва угадываются слова: «Книгу Житие Никона...».

На правой стороне форзаца, приклеенного к нижней крышке, есть владельческая запись, сделанная почерком XIX в.: «Из книг протоколиста Г. Григорья Никифоровича. Его благородию Никифорову!». Наконец, еще одна, самая поздняя, владельческая запись начинается на правой стороне верхнего форзаца и продолжается на левой стороне нижнего. Темными чернилами мелкими буквами рубежа XIX–XX вв. написано: «Книга принадлежит ученику Трофиму Иванову».

Таким образом, можно предположить, что среди владельцев «Жития» были купец, мелкий чиновник-протоколист, дворянин Никифоров и ученик Иванов, от которого, возможно, книга попала к А.А. Гераклитову.

Через сто лет после своего написания, в 1784 г., сочинение И. Шушерина впервые было издано типографским способом Академией наук по списку, происходившему из Валдайского Иверского монастыря [Житие...]. Затем издание повторялось по инициативе и с предисловием архимандрита Воскресенского монастыря Леонида (Кавелина) в 1871, 1906 и 1908 гг. [Известие...]. Все эти книги стали библиографической редкостью. В 1997 г.

Воскресенский Новоиерусалимский монастырь осуществил новое издание в переводе на современный русский язык [Повесть...].

Представляется, что языковой анализ описанной рукописи, являющейся образцом поздней агиографии, даст интересные результаты и в плане функционирования грамматической нормы, и в отношении особенностей организации текста.

Список литературы

1. Житие святейшего патриарха Никона, писанное некоторым бывшим при нем клириком. – СПб., 1784 ; 1817.
2. Известие о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона, патриарха Московского и всея России, написанное клириком Иоанном Шушериным (с печатного издания 1817 года, сличенного с тремя древнейшими списками). – М., 1906 ; 1908.
3. Клепиков, С. А. Филигранные надписи на бумаге русского производства XVIII – начала XX века / С. А. Клепиков. – М., 1978. – № 194А.
4. Кукушкина, М. В. Филигранные надписи на бумаге русских фабрик XVIII – начала XIX в. / М. В. Кукушкина // Ист. Очерк и обзор фондов рукоп. Отд. Б-ки АН СССР. – М. ; Л., 1958. – № 17.
5. Повесть о рождении, воспитании и жизни святейшего Никона, Патриарха Московского и всея России, написанная его клириком Иоанном Шушериным : пер. на рус. яз. – М., 1997.

Е.И. Алещенко

**Волгоградский государственный педагогический университет
(Волгоград, Россия)**

ФОЛЬКЛОРНЫЙ КОНЦЕПТ «ПРОСТРАНСТВО» В РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКЕ

Изучение вербализации концепта «Пространство» в сказочных текстах славянских народов представляет значительный интерес, так как его особенности во многом отражают видение мира людьми разных национальностей. Разумеется, это отражение носит опосредованный характер, подчиняясь, в свою очередь, сказочным законам, но, тем не менее, позволяет получить информацию культуроведческого и лингвоэтнологического характера. Специфические фольклорные и ментальные особенности того или иного народа реализуются прежде всего в лексике и фразеологии народной сказки.

Менталитет в своих признаках есть наивно целостная картина мира в ее ценностных ориентирах, существующая длительное время, независимо от конкретных экономических и политических условий, основанная на этнических предрасположениях и исторических традициях; проявляется в чувстве, разуме и воле каждого отдельного члена общества на основе общности языка и воспитания и представляет собой часть народной духовной культуры, которая создает этноментальное пространство народа на данной территории его существования [Колесов, 2004, с. 11].

Сказочное пространство в целом традиционно делится на «свое» и «чужое». К «своему» относится дом, хозяйственные постройки, двор, а в широком смысле – «собственное царство». «Чужое пространство» – это лес, в болгарской традиции – еще и горы, вода (подводное царство), небо, загробный мир, а также «далекое» царство, неведомая земля. Как у «своего», так и у «чужого» пространства может быть хозяин – это леший, водяной, морской царь, а в болгарском фольклоре, например, змеи и т. д. В.Я. Пропп рассматривает и такие миры – мир людской, мир дома, который рисуется начальной ситуацией, и другой мир, представленный в сказке, например, волшебным дворцом и садом [Пропп, 2005, с. 238]. Так, лес враждебен человеку, в нем могут происходить непонятные и страшные чудеса. Это не человеческий мир, в нем герой не «дома». В лес можно изгонять, причем в этом случае подразумевается «на погибель».

*Жил-был мужик. У этого мужика был кот, только такой баловник, что беда! Надоел он до смерти. Вот мужик думал, думал, взял кота, посадил в мешок и **понес в лес. Принес и бросил его в лесу – пускай пропадает** (№ 40, «Кот и лиса»); – **Иди, добрый молодец, по этой тропинке, увидишь терем – не терем, избу – не избу, сарай – не сарай, заходи туда и становись за печью. Там найдешь то – не знаю что** (№ 212, «Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что»).*

Как видно из приведенных примеров, лес населяют странные существа, которые если и не враждебны человеку изначально, то могут впоследствии в такой роли выступить. Они заколдованы, необычны, поэтому следует относиться к ним с опаской. Пространственное расположение также играет определенную роль: люди не живут в лесу, поэтому те, кто там встречается, могут быть связаны с потусторонним миром. В лесу легко заблудиться, в связи с чем отдаленность и недоступность героя порой описывается вполне реалистически, однако в лесных условиях это означает, что найти его сложно.

Обращаясь к пространственным отношениям и их отражению в национальной картине мира, многие авторы отмечают некую «зависимость» истории, культуры, менталитета и т. д. данной лингвокультурной общности от географического расположения, рельефа, природы. Так, связь беспредельного русского пространства с широтой русской души отмечают все исследующие эту проблему. Есть такая особенность и в болгарской ментальности: это роль гор. Несмотря на то, что горы занимают примерно треть территории Болгарии, как пишет В. Аврамова, в болгарском фольклоре поле и гора противопоставляются: поле всегда *равно* и *широко*, а гора – *закрилник*, *баща*, *майка*, *бунтовник* и т. п., то есть, как видим, если к полю проявляется нейтральное отношение – как к рельефу, то гора олицетворяется, сравнивается с самыми дорогими человеку людьми – отцом и матерью, в ней ищут спасения [Аврамова, 2007, с. 141]. Именно горы были приютом повстанцев в период турецкого владычества, что придало им дополнительную символику свободолюбия и непокорности врагу. В настоящее время такое отношение к горам преломляется в стремлении болгар съездить в горы, насладиться их красотой, зарядиться великолепным ощущением, которое

они дают. Как писал Иван Вазов: *Силни и необясними чувства вълнуваха душата ми на тая висота; тия чувства бяха една смес от удивление и радост, но те сега нямаха извора си в дребни, човечески, житейски мотиви, а в безкрайността и вечността на окръжаващата ме картина и в широката, божествена свобода... Таз беззаветна радост бе чиста от всичко земно, тя беше небесна радост; само упоителната област на небето може да я даде* [цит. по: Аврамова, 2007, с. 142].

В болгарских народных сказках в силу действия названных экстралингвистических факторов именно горы, помимо леса, играют роль «чужого» пространства:

– *При второто му сърце. То е у едно чудовище, а чудовището е в далечна планина. А в планината има езеро, в езерото е чудовището...* («Змейова невеста»).

Именно в горах живут враждебные человеку существа – самодивы, самовилы.

Хванали се да играят хоро самодивите навърх планината, на самодивската поляна («На самодива вяра не хващай»); *Повели трима овчари стадата си, за да им търсят свежа трева и бистра изворна вода. Извели ги високо в планината. Не знаели, че нагазили в самовилските поляни* («Облог със самовила»); *Развикала се Стана самовила от върх планината...* («Самовилски роби»).

В «чужом» мире болгарских сказок обитают змеи, которые нередко влюбляются в земных девушек:

Издигнали се над нейното родно Граово и като видял отвисоко колко е хубаво, змеем не се стърпял и и рекъл:

– *Като гледам, колко е красиво твоето родно място, ти се чудя как от него искаш да избягаши – виж гората, виж полето! Има и роса, и цвят, и слънце. А отиваш, дете няма нищо, само тъмни мъгли и ветрища* («Който се врича, той не се отрича»).

Примечательно, что в этом отрывке сам змей говорит о красоте родной для девушки земли и о том, что удивлен ее решением покинуть ее и жить в краю, где «только ветер и мгла».

Нельзя не отметить значимости фольклорного текста как выражения ментальности представителя того или иного народа. Хотя вопрос о национальной специфике фольклора считается исследователями одним из наиболее сложных, он также и один из наиболее существенных. Наряду с тем, что у каждого народа существует свой неповторимый и своеобразный сказочный эпос, в сказках разных стран, времен и народов легко обнаруживаются общие темы, сюжеты, образы и даже сходные художественные приемы. Э.В. Померанцева видит национальные особенности сказочного репертуара того или иного народа в его сюжетном составе, в соотношении в нем международных тем, сюжетов и образов с темами,

сюжетами и образами, известными только данному народу; в конкретном содержании сказок, в характере их бытования, в их форме и т. д. [Померанцева, 1988, с. 188]. Существует два аспекта модальности сказочного повествования. Эта двойственность выражается в том, что можно считать реальным все происходящее в сказке, если признать реально существующим мир, которого не было и нет. Вымысел – таково отношение сказочного слова к действительности, и это – модальность внешняя. Наряду с этим сказочное слово вступает в определенные отношения с событиями, происходящими непосредственно в сказочном мире. Это модальность внутренняя. Таким образом, всякое деление сказочных событий на «реальные» и «фантастические» противоречит самой природе волшебной сказки, основным принципам ее отношения к действительности [Медриш, 1980, с. 70].

Сказка позволяет структурировать фольклорную картину мира. Е. Бартминьский высказывает уверенность в существовании оснований для того, чтобы к общепризнанному в лингвистике иерархическому ряду единиц языка добавить текст как единицу более высокого порядка. По мнению ученого, этого безусловно заслуживают фольклорные тексты. Для них характерны черты повторяемости, институционализации, а также присутствие категориальных черт, позволяющих распознавать моделирующие системы тематические, логические и композиционные, которые были, например, открыты для сказки В.Я. Проппом [Бартминьский, 2005, с. 365]. Фольклорный текст является, таким образом, средоточием синхронных и диахронных черт, интересных современным исследователям как самой своей сущностью, так и особенностями их взаимодействия.

Список литературы

1. Аврамова, В. Лингвокультурология / В. Аврамова. – Шумен : Унив. изд-во «Епископ Константин Преславски», 2007. – 244 с.
2. Афанасьев, А. Н. Народные русские сказки : в 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М. : Наука, 1984–1985.
3. Бартминьский, Е. Языковой образ мира : очерки по этнолингвистике / Е. Бартминьский. – М. : Индрик, 2005. – 528 с.
4. Български народни вълшебни приказки. – София : Дамян Яков, 2004. – 144 с.
5. Колесов, В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов. – СПб. : Петерб. Востоковедение, 2004. – 238 с.
6. Медриш, Д. Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики / Д. Н. Медриш. – Саратов : Изд-во Саратов. Ун-та, 1980. – 296 с.
7. Померанцева, Э. В. Писатели и сказочники / Э. В. Померанцева. – М. : Сов. писатель, 1988. – 360 с.
8. Пропп, В. Я. Русская сказка / В. Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 2005. – 384 с.

Т.В. Анисимова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

МЕСТО РИТОРИКИ В СИСТЕМЕ НАУК, ИЗУЧАЮЩИХ АРГУМЕНТАЦИЮ *

Многие исследователи отмечают, что в конце XX века в лингвистике наметилась смена категориально-терминологической парадигмы. Если в середине столетия лингвистов интересовала главным образом собственно структура языка, то к концу века стали актуальными вопросы о том, как язык связан с обществом и психологией человека, как социальные и культурные факторы определяют построение речи.

Именно этот поворот привел к расширению объекта и предмета лингвистических исследований, а также к появлению областей равно интересных как для лингвистики, так и для других научных дисциплин – культурологии, социологии, психологии, семиотики. В связи с этим возникает ряд междисциплинарных отраслей: психолингвистика, социоллингвистика, этнолингвистика, психология речи, теория языковой личности и пр.

Этот в целом определенно положительный процесс сталкивается с весьма существенными трудностями, поскольку довольно часто достижения новых областей наук оцениваются только с позиций традиционной лингвистики, что приводит к сужению их предмета и умалению их роли в лингвистическом процессе. Ю.Н. Караулов сетовал на эту особенность современного речеведения: «Парадоксально, но факт: ни один лингвист в наше время не будет уже сочувственно цитировать соссюрговскую мысль о том, что единственным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя. Наоборот, если этот тезис получает оценку, то теперь только в критическом плане. Однако образ языка, создаваемый самими лингвистами, возникающий из чтения языковедческих работ, – осознаваемый или не осознаваемый их авторами, – в качестве основообразующего стержня содержит указанный соссюрговский тезис. <...> Даже психолингвистика по самым своим истокам, казалось бы, связанная с личностным, человеческим началом, остается бесчеловечной, сосредоточившись на изучении речевой деятельности и ее механизмов в отвлечении, в абстракции от свойств продуцента самой речевой деятельности» [Караулов, 2003, с. 19–20]. Во многом эта особенность связана с инерцией научного мышления, с тем, что до сих пор для негативной характеристики научного труда, относящегося к пограничной области, применяется оценочное суждение «это не лингвистика». Однако на ущербность этой характеристики еще 20 лет назад указывала М.Б. Бергельсон: «презумпция “чистоты науки” лежит в основании... аргумента “это не лингвистика”... Однако то, что считается “нелингвистикой” на одном этапе, включается в нее на следующем. Этот процесс лингвистической экспансии нельзя считать законченным» [Бергельсон, 1987, с. 35].

* Исследование проводилось в рамках гранта ГК № П734 от 12.08.2009.

Указанная особенность касается в той или иной мере всех наук, возникших на стыке различных лингвистических дисциплин, однако больше всего не повезло риторике, поскольку ее пытаются свести не только к собственно лингвистическим проблемам, но и к проблемам других классических наук. Так, до сих пор под маркой риторики удается продвигать не только культуру речи, но и логику, и даже сугубо литературоведческий анализ. Такое положение по нескольким причинам вызывает беспокойство у тех, кто всерьез занимается изучением этой науки, поскольку нередко приводит к тому, что от риторики стремятся отделить ее важнейшие части: жанроведение, теория аргументации и др. Это, однако, не способствует их более продуктивному развитию.

Так, в последнее время, наконец, пришло понимание того, что аргументация должна быть отделена от логики, которая по сути своей не может охватить всего многообразия ситуаций, требующих обоснования. Если речь идет об аргументации в гуманитарной сфере, логика не способна описать ее специфику. В связи с этим и появилась новая дисциплина – теория аргументации, которая, однако, взаимодействует с прагмалингвистикой, психологией, логикой, но решительно отмежевывается от риторики, хотя последняя еще Аристотелем задумывалась как наука, отвечающая за поиск аргументов, подходящих для конкретных ситуаций.

Объяснение этому можно найти в том, что, несмотря на декларируемый коммуникативный характер, теория аргументации все-таки концептуально опирается на логическую теорию, то есть признает безусловный приоритет рационального: «Аргументация – это речевой акт, состоящий из ряда высказываний, которые предназначены для того, чтобы обосновать или опровергнуть выраженное мнение, и направлены на то, чтобы убедить рационального судью в правильности определенной точки зрения, приемлемости или неприемлемости этого выраженного мнения» [Еемерен, 1992, с. 24]. Именно адресация всей аргументации «рациональному судье», а не реальному человеку нередко противопоставляет теорию аргументации риторике.

Кроме того, здесь необходимо обратить внимание еще на один нюанс. Во многих случаях недоверие (и даже презрение) некоторых ученых к риторике объясняется тем, что риторические приемы и методики, служащие средствами воздействия на слушателей, связываются только с манипулятивным внушением, давлением на аудиторию. Здесь обычно возникает противопоставление софиста, для которого «риторическая рефлексия изначально была связана с частным интересом и личной выгодой. Уговаривать, (пере)убеждать других софисту необходимо, прежде всего, для каких-то собственных целей, а не ради общезначимых ценностей», Сократу, который «не может говорить так красиво и убедительно, как говорят софисты, побуждая чувства, эмоции и настроения, вдобавок он бесстрашно и упорно стремится к

какой-то “объективной истине”, что народу совершенно ненужно и чуждо» [Аникин: <http://www.rusist.ru/articles/anikin./?cat=4/1.html>].

В связи с этим необходимо, во-первых, настаивать на строгом разграничении практики применения красноречия и теории, изучающей закономерности этой практики. Если под риторикой имеется в виду исключительно теория, то такая наука может быть вполне объективной, ибо не ставит цели идеологического внушения: одно дело *производить* внушающие эффекты, но совсем иное – *объяснять* их механизмы. Смещение указанных уровней недопустимо. Во-вторых, необходимо преодолеть стойкий стереотип отношения к риторическим формам воздействия как непремennomу обману и давлению и согласиться с тем, что во многих сферах (в политике, рекламе, судебной речи) риторическое воздействие является вполне добропорядочной и закономерной формой (не сводится к манипуляции).

В связи с этим нельзя не обратить внимания на то, что в последнее время наблюдается стремление представителей других ветвей коммуникативной лингвистики использовать и риторическую составляющую при описании аргументации. Так, если в работе «Аргументация, коммуникация и ошибки» Ф.Х. ван Еемерен и Р. Гроотендорст решительно отмежевываются от риторики, специально подчеркивают несовместимость теории аргументации с риторическим подходом [Еемерен, 1992, с. 11], то в более поздних работах учеными этой группы был разработан особый прагматодialeктический подход, в основе которого лежит стремление объединить достоинства как логического, так и риторического подходов [см., напр.: Еемерен, 2006 и др. работы автора].

Создается определенное противоречие: с одной стороны, все, кто всерьез разрабатывает теорию аргументации, вынуждены признать правомерность и необходимость участия риторики в рассмотрении этого предмета, с другой стороны, традиционный взгляд на содержание риторики как теорию украшения речи не дает возможности согласиться с тем, что именно эта дисциплина является той интегративной областью, которая способна объединить все усилия по изучению видов, форм и способов аргументирования в гуманитарной области. Это противоречие приводит к появлению некоторых еще более комбинированных дисциплин. Так, в некоторых своих статьях В.Н. Брюшинкин развивает мысль о том, что на сегодняшний день сформировалась самостоятельная область научного знания, занимающаяся аргументацией, и это не теория аргументации, – это «дисциплина, которая в отличие от логики имеет эмпирическую часть и в отличие от риторики занимается построением теоретических моделей реальных рассуждений». В.Н. Брюшинкин предлагает назвать ее аргументорикой [Брюшинкин: http://ratio.albertina.ru/pub/theory_of_argumentation]. Вместе с тем собственно риторическая модель аргументации воздействующей речи полностью укладывается в рамки именно аргументорики в понимании В.Н. Брюшинкина, что свидетельствует о дублировании старой риторики новой дисциплиной. Ср.: «...аргументорика включает в себя также и эмпирическое исследование

аргументации. Исследователь в области аргументорики имеет дело с определенной областью рассуждений, производящих убеждения» [Брюшинкин: http://ratio.albertina.ru/pub/theory_of_argumentation].

В связи с этим необходимо настаивать на важном принципе: дробление наук, выделение отдельных разделов в самостоятельные направления должно обязательно сопровождаться четким формулированием их предметов и установлением добрососедских отношений со смежными науками, которые гарантировали бы плодотворное продвижение в каждой области.

Список литературы

1. Аникин, Д. В. Рациональность и рационализация в философском дискурсе / Д. В. Аникин. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.rusist.ru/articles/anikin/?cat=4/1.html>.
2. Бергельсон, М. Б. Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / М. Б. Бергельсон. – М. : Наука, 1987.
3. Брюшинкин, В. Н. Обобщенная системная модель аргументации / В. Н. Брюшинкин. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://ratio.albertina.ru/pub/theory_of_argumentation.
4. Еемеерен, Ф. Х. ван Аргументация, коммуникация и ошибки / Ф. Х. ван Еемеерен, Р. Гроотендорст. – СПб., 1992.
5. Еемеерен Ф.Х. ван. Аргументация и разумность: о поддержании искусного баланса в стратегическом маневрировании / Ф.Х. ван Еемеерен, П. Хоотлоссер // Мысль. – 2006. – № 6.
6. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М., 2003.

Л.Г. Антонова

**Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия)**

СПОСОБЫ И ПРИЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДИСКУРСИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ МАСС-МЕДИА *

Современное масс-медийное пространство, предлагая новые технологические модели получения и передачи информации, апеллирует к классическим законам эффективной коммуникации, которые и в новых условиях определяют качественные показатели информационных связей и коммуникативных отношений.

При этом делаются уверенные шаги в направлении осмысления традиционных законов эффективного общения. Так, например, обращается внимание на диалоговые межличностные отношения, сохранившие свою актуальность и в условиях «технологической» информационной структуры современного коммуникативного пространства. По-прежнему оказываются

* Данная публикация осуществляется в рамках Гранта Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)» по проекту 6388 «Актуальные процессы современной социальной и массовой коммуникации».

востребованными отношения конгруэнтности при передаче и получении информации, которые обеспечивают соотнесенность и адекватность информационного наполнения коммуникативных отношений. Закон адресации информации и в новых условиях ориентирует коммуникантов на поиск эффективных «диалоговых пристроек» для обеспечения полноты и качества информации при ее передаче или приеме. Закон конвенциональности обращен к этической, нравственной стороне коммуникативных отношений между отправителями и получателями информации и регулирует нормативный и статусный уровень этих отношений.

Освоение классических законов эффективного общения необходимо для формирования прочных дискурсивных связей в современном информационном обществе, для установления прецедента ответственности и создателей, и потребителей информации, для повышения общей коммуникативной культуры членов информационного общества, их медиаграмотности.

Медиаграмотность воспринимается как эталонный и стабилизационный инструмент, понимается как определенный запас знаний об эффективной и продуктивной коммуникативной деятельности в новых условиях современной коммуникации, где соседствуют и традиционные книжно-письменные и электронные аудиовизуальные источники получения информации, что отвечает потребностям человека, живущего в условиях научно-технического и социально-культурного прогресса.

Эффективная и продуктивная коммуникация возможна, если коммуникантами усвоены классические законы взаимодействия и приобретены умения грамотно воспринимать и оценивать новые информационные продукты, сочетающие в себе традиционные и специфические приемы коммуницирования. Если вернуться к идее совершенствования медиаграмотности современного члена информационного сообщества, то необходимо говорить об освоении приемов медиалогики и признаков медиажанров: форм передачи информации в особом поликодовом режиме, который предполагает одновременное и дифференцированное «считывание» информации; понимание особенностей формата нового информационного продукта, атрибутики того или иного специфически нового жанра, особенностей стилового воплощения авторского замысла в словесном и видеообразе.

В каждом из современных медиажанров по-своему представлены «авторские знаки», но есть наметившаяся тенденция в оформлении «авторства». К числу сложившихся традиционных приемов можно отнести представление опосредованных знаков авторской принадлежности: указание на логотип организации, лицом которой является автор; оформление его авторского «права» на публикацию с указанием на историю получения доступа к представленной информации, включение дополнительных сведений о биографии автора или организации, фотопортрет автора или фотосессия, дающая представление о контексте событий в авторской интерпретации, что приветствуется сегодняшними законами позиционирования социальных (и в

том числе медийных) субъектов; указание на приобщенность к эталонным контекстам и достоверным редакционным материалам, вплоть до признания авторства через представление подлинной авторской подписи под событийными материалами. Все эти приемы, безусловно, усиливают субъективную позицию автора и дают читателю указание на достоверность, фактологичность информационного пространства, демонстрируют «ответственность автора» в медийном пространстве и дискурсивные отношения: «автор» – «адресат-читатель».

Прежде всего обращает на себя внимание полифункциональность рамочной композиции медийного жанра: текст так макетируется, что определенные приемы жанрово-композиционного оформления становятся очевидными. Многие из них бывают поддержаны на уровне пространственного кодирования: текст может быть предложен в графической рамке, его границы могут быть маркированы индексами раздела или рубрики, цветовая «подложка», на которой располагается материал, как фон, обеспечивает актуализацию представленной в тексте информации; текст разбит на сегменты, колонки, микромодули. Подобные презентативные маркеры позволяют дифференцировать информацию и создают удобство для чтения: обеспечивают порционность подачи информации, поддерживают избирательность читательского восприятия, помогают быстро вернуться к ранее прочитанному.

Можно говорить, что наметились тенденции в оформлении «авторства» в медийном тексте. К числу сложившихся традиционных приемов можно отнести представление опосредованных знаков авторской принадлежности: указание на логотип организации, лицом которой является автор; оформление его авторского «права» на публикацию с указанием на историю получения доступа к представленной информации, включение дополнительных сведений о биографии автора или организации, фотопортрет автора или фотосессия, дающая представление о контексте событий в авторской интерпретации, что приветствуется сегодняшними законами позиционирования социальных (и медийных, в том числе) субъектов; указание на приобщенность к эталонным контекстам и достоверным редакционным материалам, вплоть до признания авторства через представление подлинной авторской подписи под событийными материалами. Все эти приемы, безусловно, усиливают субъективную позицию автора и дают читателю указание на достоверность, фактологичность информационного пространства, демонстрируют «ответственность автора» в медийном пространстве «автор» – «адресат-читатель».

Например, в ходе анализа знаков авторской принадлежности в статьях, опубликованных в современных медиаизданиях (в известных читательской аудитории журналах «Компания», «Секретарь», «Дело», «Карьера» и некоторых других), нами отмечена принятая этими медиаизданиями традиция дискурсивного руководства читательским восприятием: максимальное внимание при макетировании и представлении материала на журнальной

полосе уделяется визуальным и графическим «знакам предварительного оповещения»: каждой статье на странице предшествует на фирменной «подложке» рубрикация (указание на жанр публикации: «Прогнозы недели» «Хроника событий»; «Авторитетное мнение»), дается опосредованная характеристика предлагаемого материала с использованием концептуального цитирования или экспертного заключения, которое может стать презентацией «чужого мнения», хотя редакция и соглашается, что такая позиция может вступать в противоречие с коммуникативным и жизненным опытом читателя. Нам кажется, эта тенденция не может быть оценена однозначно: положительной оценки заслуживает медийный диалог в направлении облегчения восприятия и удобства чтения (максимальная читабельность текста, не затрудняющая основную мотивацию читателя), а провокационные «установки», с указанием на сильную позицию эксперта или редакционное мнение, требуют от читателя определенной медиаобразованности, которая позволит ему защитить себя от консюмеризма и ложного «принятия всего на веру» при восприятии прочитанного.

А вот приемы фактологической «врезки» – представление на странице дополнительной информации (справки, факт-листа) по принципу не линейной, а гипертекстовой информации – можно только приветствовать, поскольку это знаки доверия адресату, уважение его права на дополнительные источники информации и реализация принципов медийного многоканального информационного диалога.

Активно функционируют в медийных жанрах и традиционные приемы выражения авторского отношения, формирующие «ожидание» адресата: обращение к приемам концептуального озаглавливания; смысловая «игра» с заголовками на основе визуальных кодов (подчеркивание, графическое выделение, цветовое маркирование).

Например, к числу концептуальных метафорических находок в дискурсивных отношениях можно отнести следующие заголовки: «*Квадратура денег*» (о проблеме ипотечных кредитов населения), «*Пещерные люди*» (о пензенских жителях, самостоятельно сделавших себя заложниками сомнительной веры и ушедших в пещеры для ожидания конца света); «*Скончались от РАН*» (о нереализованных возможностях научных начинаний российской научной мысли); «*Земное притяжение*» (о проблемах земельных кадастров и земельном праве граждан); «*Хобби-зарядка для интеллекта*» (о способах грамотного использования свободного времени). В каждом из этих заголовков используются приемы аллюзии, обновленное интерпретирование устойчивых выражений, метафорическое обновление звукокомплекса, что формирует хороший читательский вкус в вопросах языкового кодирования при чтении, на пороге восприятия текста.

Следует обратить внимание, что в современном массмедийном пространстве заголовки часто сопровождаются обязательными презентативными визуальными знаками: специально оформленными

материалами фотосессии, сюжетными смысловыми рисунками, метафорическими фотоколлажами.

Например, статья с открытым смысловым заголовком *«Продай телевизор, купи книгу, стань человеком!»* предваряется визуальным текстом, где в центре – человекообразная обезьяна, восседающая на стопке книг и замороженно наблюдающая за магическим телеэкраном. Представленная визуальная метафора, вызывающая улыбку, снимает «дидактический пафос», предполагаемый после прочтения заголовка, и таким образом обеспечивается «кредит доверия» в диалоге автор – читатель, дидактизм проблемного суждения заменяется доверительным и межличностным рассуждением.

Статьи *«Игры патриотов»* (о пропагандистах сетевой дезинтеграции) и *«Кризис пиратских напевов»* (о борьбе с продавцами нелицензионного контента) сопровождаются большими фотоколлажами, обеспечивающими дополнительную «смысловую привязку» – визуальную перцепцию – к полемически заостренному медийному контенту. Видеообраз, легко трансформируясь в клиповом сознании современной личности, помогает сохранить обе составляющие предметного поля: и прагматическую, и эмоциональную информацию в ходе чтения.

Приемы интимизации диалоговых отношений в рамках публичного высказывания мы тоже можем с полным правом отнести к наметившимся в настоящее время тенденциям в массмедийном дискурсе. Это, как правило, проявляется в особой устно-разговорной тональности «собеседования» в рамках интервью или при использовании приемов «рассказывания» в имиджевой статье.

Вот несколько примеров диалоговых «поддержек» из названных выше статей в медийных изданиях.

Пример 1. *«Разумеется, пребывание в пещере в ожидании конца света не свидетельствует о высоком интеллектуальном потенциале и психической адекватности... И если начистоту – я совсем не убежден, что сектанты из Погановки намного фанатичней и зашоренней других сектантов, которые сегодня так боятся провести обычные выборы и сменить одного президента на другого»* [цит. по: Дмитрий Быков. Пещерные люди // Компания. – № 44 (489) от 26 ноября 2007 года. – С. 14]

Автор, отвлекаясь от конкретного реального события, позволяет себе достаточно смелое и вольное обобщение, косвенно имеющее социально-политическое основание и требующее определенного интеллектуального умения у читателей идти в диалоге от простого к сложному и пользоваться приемами домысливания вслед за автором.

Пример 2. *«Давайте все же попробуем поглубже вникнуть в проблемы рынка жилья и инвестиций в него.... Учтите, что 70 % россиян ставят собственный дом не первое место среди признаков счастливой жизни...»*

[цит. по: Квадратура денег // Азбука. Газета бесплатных советов. – Ярославль. – 2007. – №4. – С. 4].

Авторы медийных изданий активно пользуются приемами устного диалога, перенося в письменный текст атрибуты живой беседы, с советами и рекомендациями.

Такие «диалоговые пассажи» в рамках письменного медийного текста призваны создавать общую доверительность и исповедальную тональность в рамках современного публицистического медийного текста.

Часто используются в медийных публикациях приемы иронического «самобичевания» или намеренного снижения «публицистической пафосности» или откровенного «заигрывания» с читателем при указании на его право оценки факта. В текст статьи включаются такие узнаваемые авторские попутные замечания: *«избавляю тебя, уважаемый читатель, от своих любительских рассуждений»*; *«умный меня без труда поймет»*; *«я не из тех журналистов, кто обязательно разделяет официальное мнение»*; *«я думаю, что нашему читателю достаёт жизненного опыта», «чтобы оценить (понять, поддержать), нужно родиться и вырасти в нашей действительности»*; *«нетрудно предугадать, к чему это приведет – к развалу государственности»* – и подобные этим диалоговые, вопросно-ответные конструкции или демонстрирующие ненавязчиво «присутствие «Я»-автора», обеспечивающие алгоритм рассуждения в медийном диалоге автора и читателя.

Можно говорить о внутритематических содержательных маркерах – типичных приемах субъективации и интимизации диктума. Это происходит, когда в рамках локального текста происходит «укрупнение» или нетипичная «детализация» предмета высказывания; представление как «предметной метафоры», которая при этом выносится в заголовок, представляется в эпиграфе и проходит лейтмотивом высказывания. (Ср.: *«ФАС на рекламу»* (о мерах по определению правовых полномочий российских рекламодателей); *«Зарубки времени»* (о воспоминаниях «доперестроечных» старшеклассников о школьной жизни); *«Маленькие игрушки больших мальчиков»* (о планерном спорте и его поддержке)).

Так, например, в публикуемых в медийных изданиях фрагментах блогов известных личностей часто заявленная тема обрывает «мелкими деталями», подробностями, «отследить» которые может только человек, постоянно заходящий на сайты и поддерживающий долгое время интерес к той или иной проблеме. Таким образом и осуществляется субъективация тематического поля медийного диалога, что обеспечивает особую доверительность в проблемном дискурсе.

Публичная раскованность, категоричность и эпатажность свидетельствуют о сложившейся авторской манере общения в медийном дискурсе. А претенциозность стиля в этих дневниковых высказываниях маркирует прием публичной самопрезентации: «мысли вслух» для диалога наедине со всеми.

Наши наблюдения показывают, что в медийных высказываниях активно используется маркер домысливания в предложенной системе сообщения на предметно-смысловом уровне. Эти домысливания обычно предполагаются с учетом условий и традиций совместной практики общения; они основываются на обобщениях интеллектуального опыта автора медийного текста и его читателя. В эссе они предъявляются через систему прецедентных высказываний, которые предполагают адресата не просто как «человека своего круга», но языковую личность с достаточным уровнем коммуникативной компетентности, в сознании которой осуществляется «замыкание» необходимой «рефлекторной дуги» (Ю.Н. Караулов) и обеспечивается нужная референция (восприятие, понимание), устанавливается нужная для автора и адресата система ожидания, лежащая в основе коммуникативного диалога.

Очень часто предельная «субъективация диктума» приводит к особой афористичности высказываний, и они приобретают характер философско-нравственных обобщений – «формул нравственного бытия», как называл их Д.С. Лихачев.

Вот несколько примеров таких медийных сентенций:

«Успех карьерный и жизненный зависит от эмоционального интеллекта – умения управлять своими эмоциями! И в гораздо большей степени, нежели от умственных способностей...» [цит. по: Хобби – зарядка для интеллекта // «Элитный квартал». – 2007. – № 5. – С. 133].

«Известный русский философ Иван Ильин утверждал, что главное в психологии русского человека – любовь и вера. Именно они, по его мнению, как путеводные звезды, определяют его жизнь и деяния» [цит. по: Русский журнал. – 2007. – № 6. – С. 30].

«Если к рекламе относиться как к «величайшему искусству XX века» (как сказал великий Маршал Маклюэн, «пророк электронной эпохи»), то порой хорошая реклама значительно интереснее и познавательнее некоторых фильмов» [цит. по: Индустрия рекламы. – 2006. – № 21. – С. 27].

Все рассмотренные приемы маркирования информации в медийном контексте призваны направлять внимание читателя как активного (медиаобразованного) потребителя информации; они создают необходимую систему навигационных линий, обеспечивают успешное и продуктивное продвижение в пространстве медийной информации и эффективные дискурсивные отношения в медийном пространстве.

Т.Н. Астафурова
Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия),
А.В. Олянич
Волгоградская государственная сельскохозяйственная академия
(Волгоград, Россия)

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКАЯ НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ПРЕДУБЕЖДЕНИЙ

Этностереотипы, определяемые как стандартное представление у мажоритарного этноса о миноритарных группах, входящих в него, неизменно порождают социальные предубеждения и, как следствие, напряженность в отношении представителей национальных меньшинств, социальных групп и т. д. Лингвосемиотическая нейтрализация этнических предубеждений предполагает их снятие за счет шутливого, пренебрежительного, уничижительного отношения представителей доминантной группы («свои») к физиологическим, психологическим, умственным и прочим характеристикам представителей маргинальных групп («чужие»). Язык этнического конфликта, содержащий оскорбительные слова, этнические ярлыки, прозвища различных этнических групп, большинство из которых являются уничижительными, исследовался И.Л. Алленом в его трудах «The Language of Ethnic Conflict» и «Unkind Words: Ethnic Labeling from Redskin to WASP» [Allen, 1983; Allen, 1990].

Коммуникативная категория конфликтности или интолерантности выражается в этноцентризме, ксенофобии, дискриминации и других проявлениях нетерпимости и агрессии в поведении или дискурсе этнической группы. Она представляет собой единицу коммуникативного сознания этноса, и ее структурно-когнитивными элементами являются агрессивность, категоричность, импозитивность (навязывание своего мнения), реализуемые в императивных максимах [Астафурова, Олянич, 2008; Астафурова, Олянич, 2009].

В социуме, отличающемся этнической, статусной и языковой неоднородностью, поводом для коммуникативной интолерантности являются неграмотная речь, ошибки в построении синтаксических конструкций, специфический акцент, несовпадение пресуппозиций и фоновых знаний представителей этнического меньшинства. Разные социальные общности / группы имеют собственные системы ценностей, иногда значительно отличающиеся друг от друга, но чем больше сходство фоновых знаний и апперцепционной базы у разных носителей языка, тем полнее понимание ими друг друга и тем менее вероятна интолерантность, речевая агрессия в коммуникации.

Маркерами интолерантности зачастую выступают знаки-алиенаторы, вербализующие предубеждения, рефлектирующие негативное стереотипическое восприятие доминантной ин-группой представителей маргинальной аут-группы [Allport, 1955]. Нейтрализация знаков-алиенаторов осуществляется в речевых жанрах интолерантного дискурса: 1) безобидной насмешке и 2) уничижительном анекдоте.

Жанр безобидной насмешки отличается краткостью, полисубъектностью, законченностью, регулярной воспроизводимостью, стилистической маркированностью, то есть афористичностью.

В русскоязычном интолерантном дискурсе этот жанр представлен широким спектром тем, в котором наиболее частотными являются насмешки этнического, статусного и профессионального характера. В таких шутках отражены низкий образовательный ценз, особенности коммуникативного поведения, социальные пристрастия, привычки представителей этнических групп. Так, чукчи – жители Дальнего Севера России – предстают как мало образованные, с ограниченным кругозором, коммуникативно-ригидные, неопрятные и т. д.:

Мотор с лодки – чукче легче.

Новая сенсация: Чукотские хакеры взломали счета.

Новый чукотский фильм про Джеймса Бонда «Однако, не говори <однако>!!!»

Чукчи играли в жмурки и потерялись.

Стереотипизированные представления русского этноса о хитрости, лени, жадности, глуттонических пристрастиях, приспособленчестве украинцев, интолерантно именуемых «хохлами», рефлексированы в большом количестве насмешек:

Горилка – это не украинская водка, это маленькая человекообразная обезьянка.

Если есть желание устойчивой связи в сети с Украиной – нужно к модему привязать кусочек сала.

Если зимой поцеловать бампер с украинскими номерами, то язык до Киева доведет!

Рецепт красного борща по-украински: берете красную тарелку, наливаете кипятка...

Сыр ХОХЛАНД – настоящее украинское качество!

Тиха украинская ночь... но сало надо перепрятать.

Украинцы певучий народ. Собравшись вместе, они могут часами петь свои любимые песни, лишь бы не работать.

Что хохлу хорошо, то свинье смерть!

Опасность глобального этнического доминирования китайцев, их плодовитость и экспансия во все регионы мира, их расовые отличия во внешности, способность к экономическому и технологическому лидерству, хитрость и высокомерие отражены в следующих этнически маркированных шутках, насмешках:

Надпись у входа в китайский роддом: «Хватит!!!»

В мире 5 миллиардов человек. А китайцев еще больше.

Китайцев больше всего на свете, потому что они пользуются китайскими презервативами.

Главное, чтобы китайцы не начали рис ложками есть...

В китайской армии вместе с тактическими маневрами «обход» и «охват» придумали еще один: просачивание мелкими группами численностью по миллиону.

Американские университеты – это место, где российские евреи преподают математику китайцам.

Китайцы обожают носить большие черные очки. Так они скрывают свой узкий взгляд на жизнь.

Косо на жизнь смотрят только китайцы.

Наряду с насмешками по поводу экзостереотипов в русскоязычном этносе широко представлены насмешки над собой, то есть эндостереотипами, рефлектирующими такие качества русских, как пристрастия к спиртному и обильной еде, социальные апатия и нигилизм, фатализм, тугодумие, сквернословие, драчливость, криминогенное поведение, лень и т. п.:

В России две беды: морозы и отморозки...

В России все делается неспроста... Вот если бы еще не сдуру...

В России из двух зол, как правило, выбирают то, которое дешевле.

В России все приметы к счастью, только одни к твоему, а другие к чужому.

В Америке работают, если платят хорошо. В России тоже работают. Если платят – хорошо.

Англичанин мыслит сидя. Француз стоя, американец на ходу. Русский думает потом.

Англичанин имеет жену и любовницу. Любит жену. Француз имеет жену и любовницу. Любит любовницу. Еврей имеет жену и любовницу. Любит маму. Русский имеет жену и любовницу. Любит выпить.

Богат и выразителен русский язык. Но уже и его стало не хватать.

Буря мглою небо кроет, вперемешку с русским матом...

Берегите родину – отдыхайте за границей.

Жанр уничижительного анекдота отличается фабульностью, нарративностью, моносубъектностью. В русскоязычном интолерантном дискурсе он преимущественно представлен текстами, в которых этнические предубеждения являются базовой характеристикой межкультурной интеракции.

Опасения по поводу утраты лингвокультурного господства, лингвоэтнической идентичности, языковых норм русского языка, повлекшие за собой упрощение его орфоэпической, грамматической, синтаксической и лексико-семантической систем, вербализованы в анекдотах о фонетических и грамматических искажениях русского языка представителями других этносов (например, кавказцами – грузинами, лезгинами, аварцами и др.):

Аварец идет по перрону плачет и кричит: «Уцла!!! Уцла!!!» Прохожий интересуется: «Кто ушла?» Аварец: «Поезд уцла!» Прохожий: «Не ушла, а ушел». Аварец: «Ле! Будешь ты у меня тут еще географши учить!»

Кавказская свадьба. Подвыпивший гость говорит соседу:

– Какой красивый хароший свадьба, но какой нэкрасивый нэвеста!

– Я тэбэ зарэжу! Это моя доч!

– Вах, извини уважаемый, я ведь нэ знал, что ты отэц этот красавица!

– Ну все. Тэбэ конэц! Я ее мат!

Предубеждения, связанные с осознанием отставания России от передовых государств мира в сфере социального обеспечения населения, качества производимой продукции, появились как следствие тяжелой экономической ситуации 90-х годов XX века, когда ощущался дефицит основных товаров потребления:

Идут по улице араб, северный кореец и русский. К ним подходит телерепортер и спрашивает: «Извините, каково ваше мнение по поводу дефицита мяса?» Араб: «Что такое дефицит?»; русский: «Что такое мясо?»; северный кореец: «Что значит слово мнение?».

Англичанин, француз и русский рассматривают картину «Адам и Ева в раю». «Посмотрите, как они сдержанны и спокойны, наверное, они англичане», – говорит англичанин. «Ерунда, они французы, потому что обнажены и прекрасны», – отвечает француз. «Нет, они русские», – возражает русский. – «У них нет одежды, крыши над головой и только одно яблоко на двоих».

Этнические предубеждения, вызываемые осознанием разноуровневости социально-экономического развития, разной индексации этнических ценностей, порождают анекдоты об отсутствии эквивалентности в восприятии одних и тех же явлений действительности представителями разных этносов. В анекдотах поддерживается стереотипно-негативное представление о чужих этносах как менее развитых интеллектуально и культурных:

Чукча-бизнесмен впервые посещает Москву и приглашен на обед в мэрию. Он не привык к русским соленьям (маринованные огурцы, грибы, селедка и т. п.), поэтому он постоянно посылает своего помощника за стаканом воды. На третий раз тот приходит без воды и на удивленный вопрос чукчи отвечает: «Однако, на колодце мужчина сидит».

Настороженное отношение русских к наиболее агрессивным представителям чеченской диаспоры, боязнь повторения трагедий, связанных с гибелью тысяч россиян в результате террористических актов, порождают анекдоты о сложных условиях выживания при неприязненном отношении друг к другу:

Захватили террористы-чеченцы самолет. Один террорист ходит по салону и спрашивает у пассажиров имена. Подходит к девушке и спрашивает:

– Как тебя зовут?

– Фатима, – отвечает она

Чеченец расчувствовался и говорит: Мою покойную мать звали Фатима. Ты будешь освобождена, как только мы прилетим в аэропорт!

Подходит к молодому человеку, сидевшему рядом, спрашивает имя, а тот отвечает: Меня зовут Иван, но друзья Фатимой называют!

– Где твой сын, Абдурахман?

– В Москву улетел.

– Одного отпустил?

– Одного.

– Не боишься?

– А чего бояться? За ним, говорят, вся московская милиция присматривает. Днем и ночью глаз с него не сводят.

Иронично-снисходительное отношение к представителям сельской прослойки российского социума вызывается опасением, что их энергичность и напористость в преодолении социальных барьеров способны создать конкуренцию для городского – более образованного, интеллектуального – населения России. Поэтому в анекдотах преднамеренно формируется образ недалекого, малограмотного, но уверенного в себе «деревенщины», который ложно интерпретирует и высокомерно оценивает неизвестные ему явления городской жизни:

Выбился мужик в люди. Приезжает в родную деревню... Обступают его селяне... Щупают костюм... Ткань крутая, фасон крутой...

– Где костюмчик-то справил?

– Да... в Париже...

– А далеко ентот Париж-то?

– Да тыщи две верст будет...

– Надо же, такая глухомань, а так шьют хорошо...

Мужик из деревни прокатился в Москву и по приезду собрал своих деревенских делиться впечатлениями. Ну, в общем, про то, да про се, и под конец рассказал о том, что посетил «Секс-шоп».

– Так интересно! Там бабы резиновые продаются!

А одна из самых языкастых деревенских теток спрашивает:

– А мужики там резиновые есть?

Мужик ей так серьезно отвечает:

– Не, мужиков резиновых там не было. Может, не завезли? Зато запчастей к ним – до хрена!

Наименее частотными оказались анекдоты из религиозной сферы, рефлектирующие страх и недоверие по отношению к представителям другой – не титульной – конфессии, причем в основе этого недоверия лежат наиболее распространенные пороки, приписываемые священникам чужой веры (мздоимство, прелюбодейство, обман и т. д.), что заставляет усомниться в истинности их вероучения и преданности церкви:

Идут священник и милиционер, видят – дерутся двое. Милиционер хотел разнять, поп его удержал:

– Еще не время, сын мой, подожди.

*Те двое уже убивают друг друга, поп все удерживает милиционера.
Наконец один из драчунов падает замертво.*

Священник – милиционеру:

– Теперь пора, сын мой. Идем. Один твой, другой мой!

Сельский поп молится богу: Боже, почему все так несправедливо? Я, Твой слуга, воздаю Тебе молитвы денно и ночью и живу в бедности, а эти грешники и безбожники понастроили тут дома и гаражи и вообще купаются в роскоши! Почему, о боже?

Голос с неба: Потому что они меня не достают своими молитвами.

– Батюшка, алкоголь – враг здоровью?

– Враг.

– А почему вы его потребляете?

– А как сказано в писании: «Возлюби врага своего».

Таким образом, предубеждения как прототипические концепты этнического неравенства вербализуются в интолерантном дискурсе. Семиозис предубеждений складывается из системы знаков-алиенаторов, маркирующих стереотипические представления доминантной ин-группы о маргинальной аут-группе. Нейтрализация языковой агрессии осуществляется в жанрах насмешки и уничижительного анекдота.

Дискурсивная модель нейтрализации этнических предубеждений базируется на эндо- и экзоэтнических пресуппозициях рационального характера. Их вариативность определяется индексами опасности / безопасности, приписываемыми представителями ин-группы членам аут-группы в рамках интолерантного дискурса. Алиенация представителей аут-группы нейтрализуется средствами интолерантного дискурса разной степени коммуникативной агрессии.

Список литературы

1. Астафурова, Т. Н. Ноосфера иноязычных предубеждений / Т. Н. Астафурова, А. В. Олянич // Культура народов Причерноморья : науч. журн. НАН Украины, Нац. Тавр. ун-та им. В.И. Вернадского. – Симферополь, 2008. – Т. 1, № 137. – С. 7–10.
2. Астафурова, Т. Н. Лингвосемиотика власти: знак, слово, текст: монография / Т. Н. Астафурова, А. В. Олянич. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. – 245 с.
3. Allen, I. L. The Language of Ethnic Conflict / I. L. Allen. – Columbia University Press, 1983. – 80 p.
4. Allen, I. L. Unkind Words: Ethnic Labelling: from Redskin to WASP / I. L. Allen. – N. Y. ; Westport ; London, 1990. – 115 p.
5. Allport, G. Y. The Nature of Prejudice / G. Y. Allport. – Cambridge, 1955. – 465 p.

В.Д. Астрэйка

**КОМПЛЕКС МОЎНЫХ АДРОЗНЕННЯЎ
ПАЎНОЧНА-ЗАХОДНЯЙ ДЫЯЛЕКТНАЙ ЗОНЫ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ
(АГУЛЬНЫЯ ЗАЎВАГІ)**

Паўночна-заходняя дыялектная зона беларускай мовы – адно з найбольш, спецыфічных, значных і цікавых структурна-тэрытарыяльных яднанняў мясцовых гаворак. У яе складзе паводле падабенства шэрагу моўных асаблівасцяў, працэсаў і тэндэнцый у пэўнае арэальнае і ў некаторай ступені структурнае адзінства аб'ядноўвацца беларускія гаворкі рознадыялектнай і, адпаведна, генетычна неаднароднай прыналежнасці. Паўночна-заходні моўны комплекс прыкметна вылучаецца агульным аб'ёмам рэгіянальна адметных рыс: на фоне іншых дыялектных зон гэта, сапраўды, «самае багатае па адрозненнях і тым самым дастаткова выразна акрэсленае занальнае адасабленне гаворак <...> ў беларускай мове» [Крывіцкі, 2003, с. 223]. Паўночна-заходняя дыялектная зона знаходзіцца на мяжы беларускага моўнага кантынууму і арэалаў польскай і балцкіх (пераважна літоўскай) моў і, шырэй, – на мяжы славянскага і балцкага моўных абшараў і сфарміравалася ў выніку адпаведных міжмоўных кантактаў і сувязяў. Міжславянскае і славяна-балцкае ўзаемадзеянне на паўночным захадзе Беларусі адбывалася на працягу цэлага тысячагоддзя і, выступаючы ў самых разнастайных формах, заўсёды мела тут даволі выразнае праяўленне. Застаючыся жывым працэсам, яно даступна назіранню і зараз. Вывучэнне беларускіх паўночна-заходніх гаворак як неад'емнай часткі сучаснага славяна-балцкага (resp. балта-славянскага) моўнага пагранічча, трапна названага «жывой лабараторыяй моўных узаемадзеянняў і ўплываў» («a living laboratory for language contact and influence») [Levin, 2003, с. 139], пры ўсёй сваёй аб'ектыўнай складанасці дазваляе даследчыку на свае вочы ўбачыць шырокі спектр актуальных ва ўмовах арэальнай сумежнасці і/ці сумеснасці моўных з'яў (інтэрферэнцыя, субстратызацыя і інш.) на розных стадыях іх развіцця: ад зараджэння да сістэмнай стабілізацыі.

Складанасць і неаднастайнасць працэсаў міжмоўнага кантактавання на сучасным славяна-балцкім (resp. балта-славянскім) этнічным сумежжы, большасць з якіх стагоддзямі адбываецца ва ўмовах бі- і полілінгвізму, прыводзіць да ўзнікнення шматлікіх наватвораў у сістэме названых беларускіх гаворак (а раней – і ў сістэме тых прабеларускіх дыялектных адзінак, што стварылі іх аснову). Падобныя з'явы так ці інакш выяўляюцца на ўсіх ярусах моўнай структуры і могуць дыферэнцыравацца паводле сваіх вытокаў, прычын і механізмаў узнікнення. Сярод іх значна пераважаюць асаблівасці найбольш мабільнага і чулага да ўсялякіх знешніх уздзеянняў лексічнага ўзроўню мовы (уключаючы і інавацыі лексіка-семантычнага парадку). Найбольш

распаўсюджанымі шляхамі папаўнення рэгіянальнага слоўніка з'яўляюцца натуральныя ў такіх выпадках інфільтрацыя і запазычанне (у тым ліку і семантычнае¹), а таксама рознага роду калькаванне. Нярэдкія тут і разнастайныя гібрыдныя і кантамінаваныя ўтварэнні² нахталт *скабуры'на* 'рабро' (= *ска'ба* < літ. *skoba* 'тэ' [Лаўчюте, 1982, с. 56]) + *рабры'на*) або *ламбу'к*, *ламбя'к* 'сцябло; цвёрдая частка птушынага пярэ' (з *ломб* < літ. *lambas* 'сцябло' [Лаўчюте, 1982, с. 69]) і да т. п. Паўночна-заходнія занальныя адрозненні ў галіне фанетыкі і граматыкі, як правіла, не адносяцца да т.зв. асноваўтваральных рыс у мове і даволі часта маюць у гаворках лексічна абмежаванае выкарыстанне (чаргаванне [г] // [к] // [х], зычны [ф] у лексеме *фасо'ля*, мужчынскі род слова *я'блык* ці жаночы слова *ста'да* і інш.). У асобных выпадках, аднак, назіраюцца зрухі ў кірунку да складвання своеасаблівых занальных структурных тыпаў (формы gen. pl. назоўнікаў жаночага роду з канчаткам *-аў (-яў)* (*ха'таў*, *сце'наў*) ці loc. sing. назоўнікаў мужчынскага роду з канчаткам *-я* (у *ле'ся*, на *бе'разя*) і інш.). Але гэтыя працэсы наўрад ці варта лічыць закончанымі: адпаведныя асаблівасці звычайна не выступаюць у гаворках паслядоўна ў якасці адзіна актуальных моўных сродкаў, многія з іх так і застаюцца на ўзроўні лакалізмаў у межах самой зоны. Таму трэба казаць хутчэй пра дзеянне ў беларускіх паўночна-заходніх гаворках пэўных, больш або менш выражаных, тэндэнцый моўнага развіцця, да якіх, акрамя названых вышэй, можна дадаць яшчэ скіраванасць да нейтралізацыі катэгорыі ніякага роду, да пашырэння класа назоўнікаў жаночага роду *а*-асновы за кошт пераходу ў яго назоўнікаў іншых класаў, да ўсталявання акцэнтнага тыпу з націскам на флексіі і інш. Некаторыя з такога роду з'яў ёсць падставы кваліфікаваць як праявы балцкага моўнага субстрату ў мясцовых беларускіх гаворках: паўночны захад Беларусі вядомы як адзін з рэгіёнаў (найбольш позні) масавай асіміляцыі балтаў (прадстаўнікоў усходнелітоўскіх і яцвяжскіх плямёнаў) славянамі – продкамі беларусаў. Гэтым тлумачыцца, у прыватнасці, тая высокая ступень натуральнасці існавання названых рыс у тканіне беларускай дыялектнай мовы, іх цесная сувязь і знітаванасць з апошняй, чаго звычайна нельга адзначыць у дачыненні да з'яў адстратнага тыпу.

У складзе паўночна-заходняга занальнага моўнага комплексу вылучаюцца і такія адрозненні, якія немагчыма разглядаць толькі як вынік прамога ўздзеяння з боку суседніх моўных сістэм (дзеяслоўныя абазначэнні *не'рыць* (*ня'рыць*, *пі'рыць*), *не'рці* 'праць бялізну (пранікам)'³, найменне прасцейшай прылады для апрацоўкі лёну *мя'льніца*⁴, сінтаксічная канструкцыя нахталт *было' двух (трох, чатыро'х) брато'ў* і інш.). Паколькі аналагічныя рысы ў балцкіх (пераважна – літоўскай) і/ці польскай мовах выступаюць у якасці адметных асаблівасцей, факт непасрэднага ўплыву на сумежныя беларускія гаворкі не можа быць выключаны зусім – «цяжка адмаўляць наяўнасць сувязі паміж гэтымі з'явамі, у першую чаргу з-за іх арэальнай блізкасці» [Цыхун, 1993, с. 33]. Разам з тым знаходжанне на перыферыі славянскага моўнага свету, існаванне паралеляў і ў іншых славянскіх мовах,

асабліва паўднёвых, не дазваляюць не ўлічваць верагоднасць спрадвечнага паходжання адзначаных моўных сродкаў. Трэба думаць, аднак, што міжмоўнае кантактаванне і ў такім выпадку адыгрывае сваю ролю: пастаянная прысутнасць адпаведнага моўнага фону вядзе да павышэння ўзроўню частотнасці ўжывання спрадвечных рыс і, зрэшты, да іх кансервацыі (феномен т.зв. моўнай падтрымкі). Значнае месца ў дадзеным працэсе займае, відавочна, і мова субстрату.

Паўночна-заходнія занальныя моўныя асаблівасці адрозніваюцца таксама адносна лакалізацыі і асаблівасцяў распаўсюджвання ў гаворках на тэрыторыі зоны. У першым выпадку яны ў большасці сваёй аб'ядноўваюцца ў чатыры групы: агульна-, паўднёва-, паўночна- і заходнезанальныя рэгіяналізмы, адлюстроўваючы такім чынам арэальную структуру ўказанай дыялектнай зоны. У другім – побач са з'явамі адносна кампактнага пашырэння выяўляюцца моўныя адрозненні спарадычнага ўжывання і адзінкавай фіксацыі. У мясцовой маўленчай практыцы гэтыя рысы не заўсёды маюць аднолькавы статус. Сярод разнастайных з'яў кантактнага паходжання адасабляюцца факты мовы, якія рэгулярна і паслядоўна актуалізуюцца ў маўленні, і факты маўлення, якія не сталі, а, магчыма, і не стануць здабыткамі мовы [параўн. Цыхун, 1993, с. 32]. З'явы сістэмнага парадку ўтвараюць базавую частку паўночна-заходняга занальнага моўнага комплексу і павінны вывучацца ў першую чаргу – на іх падставе і вылучаецца паўночна-заходняя дыялектная зона ак адна з адзінак моўнага ландшафту Беларусі. Разнастайныя аказіянальныя ўтварэнні (падсвядомыя памылкі як вынік інтэрферэнцыі) і блізкія да іншамоўных украпванняў уключэнні эвентуальнага характару, якія абавязкова ўзнікаюць у маўленні білінгваў і да пэўнага часу не вызначаюцца стабільнасцю выкарыстання, займаюць, відавочна, перыферыйнае становішча. Але і яны, дэманструючы пэўную стадыяльнасць у развіцці той або іншай інавацыі, прадстаўляюць сабой каштоўны матэрыял для вывучэння механізмаў і асноўных прынцыпаў ўзнікнення занальных моўных з'яў і вызначэння неабходных для гэтага ўмоў – зрэшты, як слушна заўважыў вядомы заходні лінгвіст, «інтэрферэнцыя не абавязана заўсёды заставацца інтэрферэнцыяй, г.зн. адхіленнем ад нормы, пры частым паўтарэнні яна сама можа стаць нормай» [Хауген, 1972, с. 69].

Примечания

¹ Семантычнае запазычанне, у адрозненне ад семантычнага калькавання, мае месца, на наш погляд, пры непасрэдных кантактах роднасных моў (гаворак), калі пры поўнай фармальнай тоеснасці пэўных уласцівых для іх лексічных сродкаў апошнія маюць хаця і блізкія, але розныя значэнні і пры гэтым ёсць падставы (арэальная сумежнасць, асаблівасці пашырэння па адзін і другі бакі мяжы і г.д.) меркаваць пра суседні моўны ўплыў у развіцці адпаведнай семантыкі лексемы ў адной з моў (гаворак).

² Апошнія ўзнікаюць у выніку словаўтваральнай адаптацыі іншамоўных слоў.

³ Некаторы ўплыў літоўскай мовы ў дадзеным выпадку падцвярджаецца існаваннем варыянта *ня'рыць*.

⁴ Параўн. бел. паўн.-усх. *мя'ліца*, усх. *мя'лка*, *мя'чка*, паўдн.-зах. *це'рніца* [ЛАБНГ (4): 142]. Беларускую назву разам з польск. дыял. *międlnica*, руск. дыял. *мя'льница* 'тс', укр.

м'я'льница 'прыстасаванне, на якім размінаюць шкуры' звычайна разглядаюць як паўночна-славянскае ўтварэнне ад *meṭi* [ЭСБМ 1978 – (7): 141; ЕСУМ 1982–1985 (3): 549], аднак надзвычай вузкая лакалізацыя ўздоўж беларуска-літоўскага сумежжа – у зоне пашырэння на Беларусі і ў Літве польскіх астраўных гаворак – сведчыць пра рэальнасць уплыву апошніх.

Список литературы

1. ЕСУМ, 1982–1985: Етимологічний словник української мови. Т. 1–3. – Київ : Наукова думка.
2. Крывіцкі, 2003: Крывіцкі, А. А. Дыялекталогія беларускай мовы / А. А. Крывіцкі. – Мінск : Вышэйш. шк. – 294 с.
3. ЛАБНГ, 1993–1998: Лексічны атлас беларускіх народных гаворак : у 5 т. – Мінск.
4. Лаучюте, 1982: Лаучюте, Ю. А. Словарь балтизмов в славянских языках / Ю. А. Лаучюте. – Л. : Наука. – 212 с.
5. Хаугэн, 1972: Хаугэн, Э. Языковой контакт / Э. Хаугэн // Новое в лингвистике. Вып. 6. – М. : Прогресс. – С. 61–80.
6. Цыхун, 1993: Цыхун, Г. Інавацыі славянскіх кантактных зон / Г. Цыхун // Gwary mieszane i przejściowe na terenach słowiańskich – Rozprawy Slawistyczne. № 6. – Lublin : UMCS. – S. 31–35.
7. ЭСБМ, 1978: Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. – Мінск : Навука і тэхніка.
8. Levin, 2003: Levin, J. F. The North Slavic-Lithuanian Contact Area: Mutual Influence and Resistance / J. F. Levin // American Contributions to the 13th International Congress of Slavists (Ljubljana, August 2003). Vol. 1: Linguistics / ed. by Robert A. Maguire & Alan Timberlake. – Bloomington, Indiana. – P. 139–148.

Л. Беженару

**Ясский государственный университет им. Ал.И. Кузы,
(Яссы, Румыния)**

О ПОДГОТОВКЕ ФИЛОЛОГА-РУСИСТА В РУМЫНСКОМ ВУЗЕ В УСЛОВИЯХ БОЛОНСКОЙ МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ

Преподавание русского языка в иностранной аудитории уже сложилась как специфическая, особая область филологии, как самостоятельная учебная и научная дисциплина. Такая область науки и практической деятельности как «Методика преподавания русского языка как иностранного» долгое время включалась в число «наук на стыке дисциплин». Связь этого предмета с исследованиями в области лингвистики, дидактики, психологии, философии нередко приводила к отрицанию некоторыми представителями других областей знаний методики как науки. Но стремительное развитие методики РКИ с начала 60-х годов повлекло за собой не только изменение методических ориентаций, но и смену статуса, предмета, принципов, методов и приемов обучения русскому языку как иностранному. Ведущие специалисты разных поколений – В.Г. Костомаров, О.Д. Митрофанова, И.Я. Лернер, Б.Н. Щукин – внесли большой вклад в развитие дидактики РКИ.

На протяжении времени «обучение языку» сменилось «обучением языку как средству общения», на смену чему пришло «обучение общению на

иностранном (русском) языке», или «обучение иноязычному общению» [Е.И. Пассов]. Тенденции глобализации, интернационализации и интеграции в современном мировом образовании поставили перед методикой РКИ глобальную цель – обучение общению, сопрягаемую прежде всего с коммуникативной функцией языка. Изменились целевые установки обучения: в процессе международной интеграции обучение языку предполагает формирование и воспитание необходимого обществу определенного типа личности, которая осознает не только свою национальную и культурную идентичность, но и воспринимает мир во всем его целостности и взаимосвязи. Эта личность овладевает иноязычной (русской) культурой путем русского, в нашем случае, языка. Изменение методических ориентаций преподавания РКИ связаны и с проблемой индивидуализации обучения, с интеллектуальным развитием личности с учетом ее познавательных интересов, социального статуса, языковых способностей обучаемого. В современных условиях внедрения инновационных систем, гибкости и мобильности нашего информированного общества невозможно ограничиться суммой предметных знаний и умений, чтоб достичь подлинной эффективности обучения русскому языку как иностранному. Предметные знания и умения должны быть связаны с более широким спектром факторов, находящихся вне среды образования, которые помогли бы речевой и практической направленности обучения. Научно-методические разработки в области методики преподавания РКИ, носящие в последние десятилетия инновационный характер, не могут не учитывать тот факт, что в жизнь общества активно внедряются идеи личностно ориентировочного обучения и непрерывности, через всю жизнь, образования. Эти тенденции могут внести определенные изменения как в теории, так и в практике преподавания РКИ; они свидетельствуют о необходимости фундаментального обновления подготовки специалистов, которые станут проводниками инноваций в обучении русскому языку и культуре.

Ныне мировой образовательный процесс охватывает свыше миллиарда учащихся, а эффективное функционирование сферы образования обеспечивают около 50 миллионов педагогов. Общемировые тенденции к интернационализации и интеграции национальных образовательных систем в единое мировое пространство образования ставит актуальную проблему о глобализации профессий. Современные условия развития общества, подвижность профессий и специализаций, диктуемые новыми формами экономического уклада мира, внесли изменения и в рамках образовательного процесса обучения. Сегодня он строится на системной интеграции – гуманитарных (правовых, социологических), технических, филологических и других профилей и направлений в подготовке специалистов.

Профессия «филолог» (не исследуемая, к сожалению, достаточно ни с одной точки зрения) имеет свое содержание, структуру, статус. Подготовка высококвалифицированного специалиста-филолога, тем более русиста-иностранца, как личности, у которой сформирована теоретическая,

практическая, психологическая, научно-исследовательская готовность к интеллектуально-творческой профессиональной и самообразовательной деятельности, – это сложный, противоречивый и длительный процесс, долгий, трудный и тернистый путь. Только комплексный процесс профессионального формирования и становления филолога создает модель конкурентоспособного специалиста, способного адаптироваться к меняющимся условиям мировой системы образования. В современном мобильном обществе, в котором внесены многоплановые изменения в системы обеспечения качества образования всех уровней, формирование профессионального филолога в румынском образовательном пространстве начинается со школы. Обучение в профильных классах (филологических) и лицеях (педагогических лицеях с профильными классами), внедрение в школьную программу и в учебные планы пропедевтических предметов, связанных с будущей профессией, – это лишь некоторые помощники в становлении будущего филолога. Начальная (школьная) ступень формирования будущего специалиста в области филологии призвана реализовать принципиально новые идеи гуманизации образования – идеи о педагогической поддержке учащегося в выборе будущей профессии на основе определения его интересов и возможностей. Следующими ступенями многоуровневого формирования и профессиональной подготовки (и компетенции) филолога-русиста являются, согласно Болонской модели образования, бакалавриат (*studii de licență*) со сроком обучения 3 года и совсем новое для румынского образования – магистратура (*studii de masterat*) со сроком обучения 2 года. Учеба в аспирантуре является обязательной для завершения образования высокоподготовленного специалиста. Она рассчитана на 3 года. Изменения государственных стандартов привели к изменению образовательных траекторий. Студент получает образование по программе «бакалавр», далее он может продолжать обучение по программе «магистр» (но количество мест в магистратуре в 5–7 раз меньше количества выпускников) и после этого поступать в аспирантуру. (А в аспирантуре такая же ситуация – мест намного меньше, чем выпускников магистерских курсов, да и не все магистры имеют склонность к исследовательской и научной деятельности). Но все же для определенного числа специальностей квалификация «дипломированный специалист» остается: это медицина, юриспруденция и др. Философия Болонской либеральной модели образования исходит из приоритета гибкой управляемости образованием, в которой вузам представляется большая самостоятельность в реализации образовательных программ (*autonomie universitară*). Происходит отказ от самого понятия «перечень образовательных программ». Их количество не ограничивается, а определяется потребностями общества, в том числе и рынком. Это меняет систему финансирования вузов: от прямого бюджетного финансирования, независимо от результатов образовательной деятельности, – к грантовому финансированию под образовательные программы и проекты. В этой модели государство финансирует образовательные программы *per student* (целевое финансирование

студента) и не определяет их содержание. Грантовое финансирование помогает не только созданию научно-исследовательских парков и платформ-лабораторий, но и открытию новых специальностей по спросу рынка. Вместе с этим оно способствует бесконечному увеличению специальностей (в том числе непрофильных), реализуемых вузами. Согласно некоторым требованиям грантов, можно открыть новую специальность всего на три года, если этого требует рынок. Однако считаем, что внедрение идеи интеграции европейской образовательной системы в румынском образовательном пространстве было не до конца осознано, а непродуманная и поспешная их реализация уже привела к негативным результатам и к снижению уровня подготовки специалистов-филологов. Болонский процесс – это тип интеграции образовательного пространства, который неизбежно упрощает и нивелирует высшее образование, а не синтезирует лучшие качества мировых и национальных традиций образования. Социализация молодежи – это центральная проблема европейской модернизации образования. А социализация не означает еще и высокоподготовленного специалиста. Согласно нормативным требованиям, уровень филолога-бакалавра предполагает усвоение обязательного минимума фундаментальных и общепрофессиональных дисциплин, а магистр-филолог должен быть широко эрудирован в основных областях гуманитарного знания, обладать фундаментальной научной базой, владеть методологией научного творчества, различать концептуальные подходы к использованию современных информационных технологий в филологии и владеть стратегиями выбора адекватных методов получения, обработки и хранения научной филологической информации, быть готовым в научно-исследовательской деятельности, к творческой разработке методик исследований с учетом междисциплинарных связей; в научно-педагогической деятельности быть готовым к определению целей и содержания учебных курсов, исходя из требований различных категорий слушателей, учитывая новейшие методики обучения [Балыхина, 2000, с. 26]. Однако трехгодичное образование не дает возможность студентам владеть профессионально-практическими умениями и навыками обучения языку и литературе в вузе по двойной специализации (как принято в румынских вузах), владеть в рамках специальности двумя иностранными языками, двойной профессиональной компетенцией, ориентироваться в проблемах педагогики и психологии, ассимилировать знания о двух культурах и цивилизациях. Конечно, двухступенчатая модель (3+2) раскрывает возможности междисциплинарной подготовки филолога-русиста, но как специалист, для деятельности которого чрезвычайно важно обладание иноязычной коммуникативной и лингвокультуроведческой компетенциями, он недостаточно подготовлен. Некоторые негативные аспекты Болонской образовательной системы сказываются на формировании профессиональных филологов – преподавателей РКИ и на процесс становления специалиста в области русского языка, литературы и культуры в иноязычном пространстве.

Список литературы

1. Балыхина, Т. М. Структура и содержание профессиональной компетенции филолога : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Т. М. Балыхина. – М., 2000.

Н.В. Богданова, С.Б. Степанова, Т.Ю. Шерстинова
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

ЗВУКОВОЙ КОРПУС РУССКОГО ЯЗЫКА «ОДИН РЕЧЕВОЙ ДЕНЬ» КАК СПОСОБ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА РЕЧИ РЕГИОНА *

Главным объектом внимания современного языкознания уже давно стала живая речь человека, с учетом всех его индивидуальных – социальных и психологических – особенностей, в этой речи отражающихся. Именно «живые языки во всем их разнообразии» являются, по мнению И.А. Бодуэна де Куртенэ, главным источником «материала как для грамматических, так и для всяких других лингвистических исследований и выводов» – «материала, данного непосредственно и доступного не только всестороннему наблюдению, но даже экспериментам» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 103]. Живая речь как подвижная, постоянно изменяющаяся система, самая суть которой заключается в ее бытовании в процессе использования, то есть в процессе речевой коммуникации, плохо поддающаяся фиксации и систематизации, в отличие от языка как относительно стабильной системы, должна стать материальной базой не только лингвистических исследований, но и преподавания языка в любой аудитории. Наилучшим способом собрать такой материал представляется корпусный подход, предполагающий создание специализированных лингвистических баз данных и языковых корпусов, которые позволяют осуществлять мониторинг и систематическое описание современной русской речи.

Именно такой подход был реализован при создании звукового корпуса «Один речевой день» (ОРД), который активно разрабатывается в настоящее время на факультете филологии и искусств СПбГУ [см. подробное описание: Богданова и др., 2009; Asinovsky et al., 2009].

На данном этапе исследования не ставится задачи описать функционирование русского языка во всем многообразии его проявлений. Исследованию подвергается только одна из форм его бытования – речь наивных носителей языка, для которых русский язык является родным, жителей города, расположенного в сфере господства литературного языка, не подвергавшегося никаким мощным диалектным или иноязычным влияниям, города с полипрофессиональным населением, без сдвигов в возрастном и

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ «Разработка информационной среды для мониторинга устной русской речи» (09-04-12115в).

гендерном распределении. Практически идеальным образцом такого города является Санкт-Петербург. Именно поэтому отбор информантов проводится среди жителей Санкт-Петербурга.

Были подобраны 40 волонтеров-информантов, давших согласие прожить один день с «диктофоном на шее». Все участники эксперимента перед получением диктофона заполняли специально разработанные анкеты – социологическую и психологическую. Из социальных характеристик отмечались вполне традиционные – пол, возраст, место рождения и наиболее длительного проживания, образование, профессия, род занятий и ряд др. Из психологических характеристик, полученных в ходе специального тестирования, были оценены такие качественные признаки личности, как спонтанная агрессия, общительность, уравновешенность, застенчивость, открытость, экстраверсия-интроверсия и маскулизм-феминизм.

В ходе записи все информанты вели дневник речевого дня, фиксируя все свои контакты и описывая коммуникантов.

К настоящему времени блок ОРД содержит 320 часов звучания, записанных от 40 информантов: 20 мужчин и 20 женщин в возрасте от 16 до 70 лет. Все они относятся к различным социальным группам и имеют разный уровень образования – от среднего специального до высшего, в том числе с ученой степенью. Сферы деятельности информантов также разнообразны – это и учеба, и занятость на производстве, и научно-преподавательская деятельность, и бизнес, и торговля, и юриспруденция, и медицина, и строительство, и некоторые другие. Кроме того, в записях присутствует речь более 600 коммуникантов, разговаривавших с информантами в течение дня. Среди последних – люди самого разного возраста (от 3 до 80 лет), разных специальностей (продавцы, кондукторы, менеджеры, преподаватели, врачи, библиотекари, вахтеры, компьютерщики и др.), состоящие с информантами либо в родственных, либо в дружеских отношениях, являющиеся их коллегами по работе или учебе. Широко и в разнообразных аспектах представлены в ОРД следующие речевые ситуации: покупки, посещение врача, посещение столовой, кафе, бара; учеба в вузе; транспорт, путешествия; хобби; общение с домашними животными; аренда жилья; посещение спортзала, общение с коллегами по работе (официальный и неофициальный уровни); отношения с родственниками (братья, сестры, дети, родители, бабушки, дедушки), отношения с различными государственными структурами и многие другие.

Осуществлена расшифровка 34 часов звукозаписей и их многоуровневое аннотирование в профессиональной программе ELAN [о системе аннотирования см.: Шерстинова, Рыко, Степанова, 2009]. В результате расшифровки получены тексты общим объемом в 244075 словоформ на уровне Frase (реплики говорящих).

В табл. 1 представлен образец текстовой расшифровки, на рис. 1 – образец многоуровневой разметки корпуса, выполняемый в программе ELAN.

Таблица

Образец текстовой расшифровки звукового корпуса: фрагмент шутливого разговора информанта (И42, 56 лет, консультант по проектам) с женой (Ж1) за обедом

00:06:23.170	Ж1	почему к тебе не подходят собаки ? *П вероятно они не чувствуют в тебе дружественную основу //
00:06:30.440		*П
00:06:30.900	И42	ну а с чего бы им чувствовать / дружественную основу ?
00:06:33.610		*П
00:06:34.220	Ж1	ну / когда человек хороший / они всегда в нем чувствуют / (...) друга //
00:06:41.430	И42#Ж1	а-а-а ! то есть ты хочешь сказать что / (...) возможно я человек не () *К мягко выражаясь / (...) ну не тот // *П который им нужен // # ну если они не подходят / значит у них какие-то есть сомнения ! туманные //

Параллельно с созданием корпуса начат анализ фонетики, лексики и грамматики русской повседневной речи, а также особенностей повседневной коммуникации. Назовем лишь некоторые направления исследований.

1. На материале нескольких звуковых файлов была проведена аннотация словоизменительных аффиксов на уровнях орфографического представления, фонетического транскрибирования и грамматического значения (см. рис. 1). Дальнейшая автоматическая обработка полученных аннотаций позволила выявить самые частотные орфографические манифестации флексий, их дистрибуцию в соответствии с грамматическим значением, их типичные способы реализации. Самой частотной флексией на нашем материале оказалась {а} – почти 20 % от всех словоизменительных финалей. Самое частотное грамматическое значение {а} – им. п. имен существительных ед. ч. 2-го склонения – 40 % (*мамА, панА*).

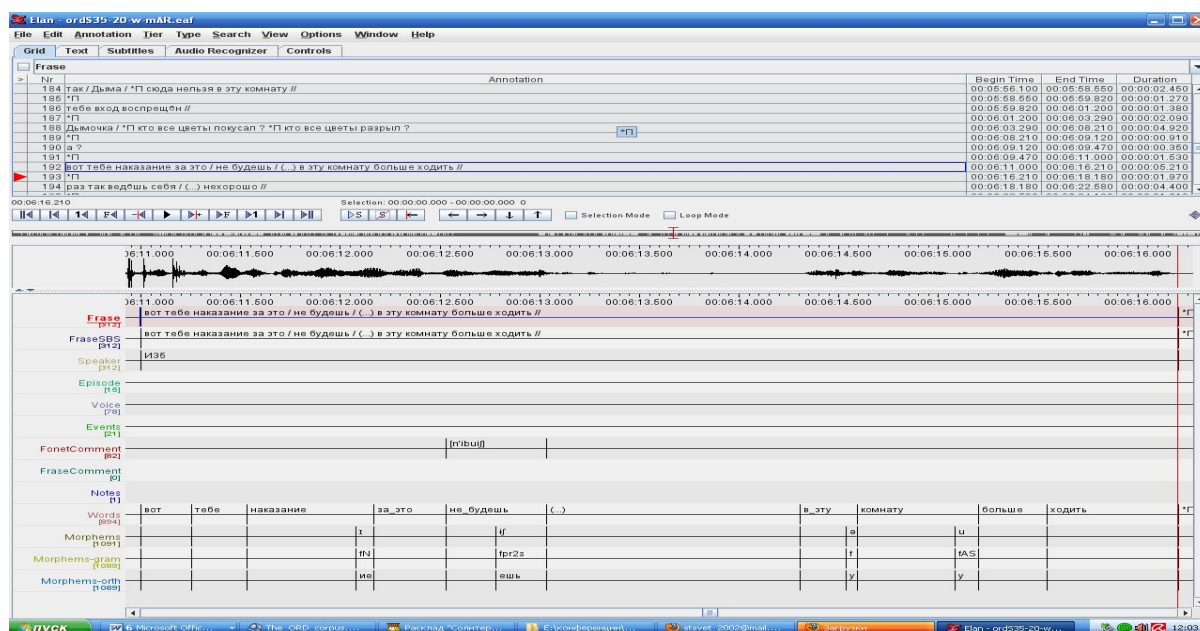

Рис. 1. Фрагмент многоуровневого аннотирования корпуса в программе ELAN

Интересными оказались наблюдения над реализацией финалей, представленных некоторыми орфографическими двухбуквенными сочетаниями. Так, из 46 финалей {ый}/{ий} в различных формах /j/ был реализован лишь в одном случае. Что касается заударных морфных комплексов, где среднеязычный сонант оказывается между гласными (случаи типа *краснЫЕ*, *краснУЮ*), то, как показывает наш материал, в речи исчезает не только сам сонант, но и само сочетание гласных в подавляющем большинстве случаев стягивается до одного однородного аллофона. Из 99 подобных финалей только в 28 реализовано бифонемное сочетание.

2. По материалам расшифрованных записей 40 информантов был получен частотный словник всех использованных в речи словоформ и выполнен первичный анализ этих данных [Sherstinova, 2009], который показал значительные отличия «верхушки» словника в нашем материале от аналогичных данных, представленных в существующих частотных словарях.

3. Не последнее место среди возможностей использования материалов ОРД занимает создание лексикографического описания бытовой спонтанной звучащей речи, что является еще одной перспективной задачей настоящего проекта. Описание может вестись, как минимум, в трех направлениях: создание 1) словаря русской бытовой разговорной речи, 2) словаря контекстных экспрессем русской разговорной речи, 3) словаря редуцированных форм русской речи (*рупь*, *дяинька*, *пийсят*, *прально*, *тода*, *то ись*, *кагорится*, *собсно гря и под.*) [Богданова, 2008].

По мере сбора и обработки материалы ОРД передаются в устный подкорпус Национального корпуса русского языка, что делает их доступными для самого широкого круга пользователей.

Список литературы

1. Богданова, Н. В. Аллегровые формы русской речи: от произносительной редукции к письменной фиксации и лексикализации в языке / Н. В. Богданова // Материалы XXXVII Междунар. филол. конф. «Фонетика», 10–15 марта 2008 г. / отв. ред. Н. Д. Светозарова. – СПб., 2008. – С. 31–44.
2. Звуковой корпус как способ мониторинга и фиксации разных форм естественного языка / Н. В. Богданова, А. С. Асиновский, М. В. Русакова [и др.] // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 8 (15). По материалам ежегод. Междунар. конф. «Диалог» (2009) / гл. ред. А. Е. Кибрик. – М., 2009. – С. 38–44.
3. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Языкознание / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Избр. тр. по общему языкознанию. Т. II. – М., 1963. – С. 96–117.
4. Шерстинова, Т. Ю. Система аннотирования в звуковом корпусе русского языка «Один речевой день» / Т. Ю. Шерстинова, С. Б. Степанова, А. И. Рыко // Материалы XXXVIII Междунар. филол. конф. «Формальные методы анализа русской речи» (Санкт-Петербург 16–20 марта 2009 г.). – СПб., 2009. – С. 66–75.
5. The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication «One Speaker's Day»: Creation Principles and Annotation / A. Asinovsky, N. Bogdanova, M. Rusakova [et al.] // LNCS/LNAI series. «Text, Speech and Dialogue» (TSD-2009). – Springer-Verlag, Berlin, Heidelberg. – P. 250–257.

6. Sherstinova, T. Quantitative data processing in the ORD speech corpus of Russian everyday communication / T. Sherstinova // Proc. of International Quantitative Linguistics Conference (QUALICO 2009). – Graz, Austria, 2009. – P. 56–57.

Е.В. Брысина

**Волгоградский государственный педагогический университет
(Волгоград, Россия)**

ФУНКЦИИ КОММУНИКАТИВОВ В ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ

Значительная часть диалектных фразеологических единиц (далее –ДФЕ) обладает константными прагматическими свойствами, так как транслируемая ими языковая информация имеет прямую прагматическую направленность на слушателя. Прежде всего, это фраземы, содержащие в себе побудительную или контактную информацию. Такие ДФЕ могут быть как знаменательного, так и модального типа. В первом случае помимо основного денотативно-коннотативного содержания фразема заключает в себе информацию о желании, намерении, волеизъявлении субъекта, которая обычно выражается грамматически (часто – повелительной формой глагольного компонента) или контекстуально. Ср.: *Но едва начинала забываться, в уши ей врывался либо грохот стула, либо злобное рычание: «Не-ет, знычт, на ширмака вы не проедете, не подоживетесь, нет!»* [Н. Сухов]; *«Хватит нам тут пустобрехов! ... Довольно!...Наслушались!...В России уже полгода Советская власть, а мы начинаем тут... Умники какие! Подходит она, Советская власть, для нас или не подходит... Хватит наводить тень на плетень!»* [Н. Сухов]. *«Ты мне глузды не забивай! Я издали углядела»* [Б. Екимов]. В первом предложении ДФЕ (не) проехать на ширмака, кроме своего основного значения «проделать что-либо за чужой счет», передает намерение говорящего не допустить данного действия теми, к кому обращена его речь. Данная языковая информация аккумулируется фраземой из контекста, в котором, помимо общей обвинительной тональности высказывания, дважды повторяется отрицание «нет». Во втором предложении ДФЕ наводить тень на плетень – «забивать голову, вызывать ненужные сомнения» – сочетается с глаголом *хватит*, употребленным в повелительном значении и выражающим стремление говорящего заставить других участников коммуникации прекратить ненужные разговоры. ДФЕ *забивать глузды* «морочить голову» употреблена в предложении с глагольным компонентом в повелительном наклонении, что уже само по себе свидетельствует о желании говорящего таким образом воздействовать на собеседника, чтобы он прекратил неприятные говорящему действия.

Условно группа таких единиц в диалекте объединяет в первую очередь фразеологические коммуникативы – идиоматизированные коммуникативно-прагматические единицы, которые выполняют функцию высказывания говорящего лица в диалоге или монологе и служат для коммуникативно-значимого и прагматически заряженного обозначения эмотивно-оценочного

отношения говорящего к предмету речи или к участникам ситуации речевого общения. В диалекте это единицы типа *Чудн'ое дело! На-сам'ом-то деле! Одним м'ентом! Чаво и гутарить!* и под.

К фразеологическим коммуникативам примыкают фразеорефлекторные речения (фразеорефлексы) – устойчивые коммуникативно-значимые реплики, являющиеся элементами обрядово-этикетного взаимодействия участников коммуникативного акта. Сюда относим реплики приветствия, прощания, выражения благодарности, извинения и т. п., которые, например, в донской казачьей среде нередко имеют свои особенности (ср.: утреннее приветствие в донском казачьем диалекте *Здорово ночевали!*, отличающееся от дневного *Здорово живете!*), а также ритуально-обрядовые устойчивые словесные комплексы, характеризующиеся коммуникативной предопределенностью: реализация одного такого высказывания неизбежно «провоцирует» ответный фразеорефлекс. К примеру, в ответ на приветствие входящего в дом человека «*Хлеб-соль!*» хозяева непременно ответят шуткой: «*Едим, да свой! А ты приставай, да свой доставай!*»;

Диалектные фраземы подобного рода чаще всего содержат в себе контактную информацию – сведения о намерениях говорящего установить поведенческий контакт с собеседником. При этом все другие виды информации – когнитивные и коннотативные – в значении ДФЕ оказываются вторичными, незначимыми, несущественными. Участники коммуникативной ситуации, стремящиеся установить контакт друг с другом, организуют речевой акт, интенция осуществить который нацелена на сам этот акт как на предпочтительный способ вступить в общение. При этом интеллектуально-информативная задача высказывания отодвигается на второй план, частные цели в фатическом речевом поведении всегда подчинены начальному контактному импульсу.

Условия, генерирующие контактное речевое поведение, можно было бы назвать, вслед за Т.Г. Винокур, символикой социального бытия языковой личности, требующей контакта ради контакта и устанавливающей речевой контакт как паллиатив неречевой деятельности. Но говорить о последнем как о свободном, бесцельном общении между людьми (наиболее распространенная трактовка фатической функции, по Н. Малиновскому, Р. Якобсону и др.) недостаточно корректно, потому что явная или неявная цель всегда присутствует в любой деятельности квалифицируемой категории. И вопрос заключается лишь в том, насколько непосредственно или насколько опосредованно она отражена в словесном составе высказывания.

Контактная информация, передаваемая в диалекте устойчивым сочетанием слов, часто имеет опосредованный характер, эксплицитно не выражена и реализуется через частную интенцию, выражаемую содержанием продуцируемого высказывания. Однако содержательная ценность такого

выражения может быть сведена до минимума благодаря десемантизации его элементов.

Фразеорефлексы и модальные фраземы-коммуникативы имеют прямую контактную направленность, выступая в коммуникативной ситуации как своеобразная речевая инициальная или реактивная формула общения, создавая локальное силовое поле в дискурсе. Особо показательным примером такого употребления могут служить обрядовые ДФЕ, когда инициальная фраза неизбежно предполагает определенный набор ответных высказываний. Такое «перебрасывание» репликами имеет своей целью исключительно установление контактных отношений, основанных на выработанных в данном социальном обществе законах и традициях. Так, к примеру, при сватовстве за каждой из сторон закрепляется своя роль в ритуальном действии и соответствующий данной роли набор устойчивых фраз, ср.:

Свашка: *«Ехали мимо да завернули по дыму. Пришли гости не гостить, а пир подымать. У вас товар, у нас купец. На товар нележалый есть купец неженатый. Можно ли их вместе свести да род завести?»*.

Родители невесты: *«Проходите, гости дорогие!»*

Сваты: *«Спасибо на амине, на добром слове, на благодарном доме!»*
(х. Атамановский)

ДФЕ, несущие в себе контактную информацию, могут использоваться говорящим с разными целями: 1) завязать знакомство между незнакомыми людьми; 2) между малознакомыми – укрепить знакомство; 3) при случайном знакомстве соблюсти правила вежливости; 4) между хорошо знакомыми людьми сохранить общепринятый тип отношений; 5) в обрядовой ситуации закрепить невербальный контакт.

Третью группу фразем-прагматонимов в диалекте образуют разного рода бранные выражения – стилистически маркированные устойчивые словесные комплексы, являющиеся своеобразными репрезентантами чувств-отношений говорящего к объекту речи (*Чтоб тебе наповылазило! Игрязь вас заломай! Чтоб тебя хапун сцапал! Хвятина б тебя поломала! Неприязная сила! Сатана тебя задери! Холера ненасытная!* и т. п.). К числу таких единиц будут относиться в первую очередь своеобразные гневные «пожелания» и «посылы вслед». Данные языковые единицы образуют особый стилистический пласт оборотов речи, объединяемых яркой экспрессивной окраской предельной сниженности, грубости, фамильярности. Такие выражения особым образом воздействуют на формирование коммуникативной ситуации, являясь в некотором роде трансформаторами чувств, переживаний, эмоций носителей диалекта.

Все три группы устойчивых сочетаний образуют ядерные цепи фраземного прагматического поля диалекта, так как являются носителями исключительно прагматической информации. Сам факт их употребления в речи свидетельствует о намерении говорящего определенным образом

воздействовать на поведение и психическое состояние адресата с тем, чтобы получить ожидаемый эффект.

К подобного рода устойчивым фразам примыкают единицы разных структурно-семантических типов, в которых прагматическая побудительная и контактная (фатическая) информация может быть эксплицирована грамматически. Например, *не задуряй голову* «не обременяй память лишней информацией», *поморкуй котелком* «усиленно подумай о чем-либо» – в данных фразеологизмах побудительная информация выражается формой повелительного наклонения глагольного компонента. Побудительная информация может раскладываться на частные «побудительные значения»: категорическое побуждение и его модификации – приказ, команда, требование, разрешение, запрещение и т. д.; смягченное побуждение и его модификации – просьба, мольба, упрашивание и т. д. и нейтральное побуждение и его модификации – совет, инструкция, наставление, поучение, увещание, предложение, пожелание и т. п. Понятно, что не все типы побудительной информации одинаково представлены в значении ДФЕ, но почти все ее разновидности распределены по разным уровням прагматического фраземного поля диалекта.

На периферии прагматического фраземного поля находятся единицы разных структурно-семантических и функциональных разновидностей, общим признаком которых является представленность в их значении какого-либо одного типа прагматической информации – экспрессивного, например, (чаще всего выраженного через квантитативность): *ревом реветь* «издавать очень громкие звуки»; (лежать) *мост мостом* «плотно покрывать поверхность»; *ряса рясою* «о большом количестве чего-либо» и т. д.

Особую группу на периферии прагматического поля составляют потенциальные фразеологизмы – выразители актуализированной прагматической предрасположенности, – в роли которых выступают яркие образные метафоры, отражающие самую суть явлений. Такие обороты речи являются окказиональными, но при этом характеризуются неожиданностью образа, его новизной, непривычностью и поэтому, употребляясь в речи, могут оказывать на слушающего заметный прагматический эффект. Примером таких употреблений могут служить следующие записи диалектной речи, сделанные в хуторе Двойновском Волгоградской области в 1999 году: *Мне ф-погрип слазить – тьфу!* – *как щанка паткавать* (как *щенка подковать* в значении «очень просто, легко, не стоит труда»); *А энтат зять был дюжа дилавой, па наздрям начальник* (по *ноздрям начальник* – то есть «начальник во всех проявлениях, по всем признакам – роду занятий, поведению, внешности и т. д.» – *начальник по брови, до кончиков ногтей*); *Ой, дефки, у мене этих прискаскаф – мяшок нипачатый!* (*мешок непочатый* «много, огромное количество»); *Пришла с магазина, фся захлюстана, как сучка по весне* (как *сучка по весне* «перепачканная, грязная»); *Ты чаво-ш такая лахматая, как совы*

толклись в твоей голове! (как совы в голове толклись «о лохматом, неаккуратно причесанном человеке») и т. п.

Все ДФЕ, независимо от их места в прагматическом поле, являются высказываниями, которые предназначены для выполнения интеллектуально-информативной и (или) воздействующей, регулятивной функции. Их целевое назначение – не столько сообщение о чем-, ком-либо, сколько воздействие на мысли, поведение, состояние, волю адресата.

С.С. Ваулина, А.И. Ткаченко
Российский государственный университет им. И. Канта
(Калининград, Россия)

ОСОБЕННОСТИ СООТНОШЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОЙ И СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ *

Языковая категория модальности, несмотря на достаточно длительный и весьма активный интерес к ней со стороны исследователей, до сих пор «устойчиво сохраняется как признанный предмет дискуссий» [Бондарко, 1990, с. 59]. При этом одним из дискуссионных является вопрос о функциональном статусе объективной и субъективной модальности.

Следует отметить, что в научной литературе достаточно последовательно проводится выделение и разграничение данных типов модальности, намеченных еще В.В. Виноградовым [Виноградов, 1950] и широко представленных в традиционных классификациях модальных значений [см., напр.: Золотова, 1973; Панфилов, 1977; Бондаренко, 1979; Гак, 1979; Русская грамматика, 1980].

Вместе с тем ряд исследователей считают, что выделение объективной и субъективной модальности является весьма условным, высказывая в качестве аргументации своей позиции различные и подчас противоположные точки зрения. Так, например, Т.И. Дешериева полагает, что «элемент субъективности наличествует во всех компонентах семантики модальности» [Дешериева, 1987], а Л.М. Васильев, напротив, утверждает, что «все отношения, выражаемые категорией модальности, являются объективными, ибо они, как и другие отношения действительности, познанные человеком, обобщены в процессе речевой практики, объективированы в языке» [Васильев, 1973, с. 55].

Кроме того, отсутствует единство в понимании самой природы категорий объективности и субъективности. Так, существует точка зрения, что

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 09-06-00172-а.

объективная модальность – это отражение характера объективных связей в ситуации как возможных, действительных или необходимых; она выражается на синтаксическом уровне, а субъективная модальность – на уровне логико-грамматического членения предложения [см., напр.: Панфилов, 1977, с. 39]. Ей противостоит другая точка зрения, выраженная, в частности, М.В. Ляпон, которая утверждает, что «принятые в логике модальные квалификации суждения с точки зрения действительности, необходимости и возможности не могут ... служить ориентиром для лингвистической концепции модальности, так как они не только не исчерпывают семантического диапазона реализуемых в естественном языке средств объективизации изложения, но даже не воспроизводят той гаммы смысловых оттенков, которая связана с уточнением степени достоверности утверждения» [Ляпон, 1971, с. 230].

Не ставя перед собой задачу в ограниченных рамках данной статьи обсуждения причин приведенных разногласий в языковой трактовке рассматриваемых модальных пластов, связанной, как нам кажется, с различным пониманием категорий объективности / субъективности, подчеркнем, однако, что вряд ли можно говорить об их полной автономности. «Сферы субъективного и объективного в языке, – справедливо отмечает П.А. Эслон, – как и в действительности, всегда взаимосвязаны; категория модальности представляет собой диалектическое единство объективного и субъективного» [Эслон, 1997, с. 234–235]. Объективная модальность обязательно содержит субъективный компонент¹, степень выраженности которого определяется в современной лингвистике с помощью семантической категории оценки (или оценочности)². Вполне очевидно, что особенно отчетливо данный компонент прослеживается в связном тексте, пронизанном субъективностью и антропоцентрическими устремлениями автора [см., напр.: Бабенко, 2000, с. 194].

Но тот бесспорный факт, что модальность как категория, «охватывающая всю ткань речи» [Виноградов, 1950, с. 43], реализуется не только на уровне предложения (высказывания), но и на уровне самой крупной речевой единицы – текста, особое внимание специалисты обратили лишь в последние десятилетия, когда в лингвистике весьма отчетливо проявились антропоцентрические тенденции и учет человеческого фактора, играющего роль экстралингвистического компонента языковых преобразований, обусловил закономерный интерес исследователей к прагматическому аспекту функционирования языковых единиц и грамматических категорий.

В плане сказанного значительный интерес представляет модальность публицистического дискурса, обладающего целенаправленным социальным действием, участвующего во взаимодействии людей и механизмов их сознания, то есть в когнитивных процессах. В этом случае прагматический аспект модальности становится еще более очевидным, поскольку на передний план выдвигается сам акт коммуникации, то есть для письменного текста – взаимоотношения автора и читателя.

В отличие от художественного произведения, где авторская модальность раскрывается не только через образ автора, но и через всю образно-содержательную систему произведения, а сама авторская позиция часто имеет имплицитный, неявный характер выражения, в публицистическом тексте выражение «авторства» является принципиально важным для пишущего, поскольку его главная цель – открыто донести до читателя свои мысли, свои представления и свои оценки. Поэтому «степень авторизации здесь чрезвычайно высока и авторская модальность всегда эксплицирована» [Золотова, 2004, с. 389]. «При выражении собственного отношения к реальным проблемам реального мира, – отмечает Т.В. Романова, – автор публицистического текста не «прячется за спину» созданного им рассказчика, а говорит сам» [Романова, 2003, с. 56]. Публицистический текст становится каналом передачи информации и определенного видения действительности. В то же время в тексте фиксируются события и характеры, вызывающие у автора (=лица, ведущего повествование) различные оценочные реакции.

Проиллюстрируем вышесказанное на примере авторской публикации «Нормативы – вниз, тарифы – вверх», помещенной в региональной газете «Калининградская правда» от 17 февраля 2010 г. В данной публикации, посвященной весьма злободневной и болезненной для жителей Калининградской области проблеме тарифов и нормативов на услуги ЖКХ, журналист описывает ход ее обсуждения на рабочем совещании у губернатора области, в котором приняли участие представители администрации области, члены Общественной палаты и депутаты окружного совета.

По жанровой принадлежности рассматриваемая публикация носит информационный характер, однако в ней весьма органично сочетаются объективная и субъективная модальности. При этом объективная модальность, раскрывая «положение дел», описываемое в публикации, образует пропозициональный «фундамент» текста. Объективно-модальные значения реальности / ирреальности выражаются с помощью глагольных форм изъявительного и сослагательного (условного) наклонения. Ср.: «Общественная палата, полагаясь на многолетние исследования народных экспертов, *утверждает*, что нормативы, по которым *рассчитываются* тарифы на горячую воду и тепло, существенно завышены. Споры о тарифах-нормативах *вспыхнули* на прошедшем в понедельник заседании комиссии окружного совета по градорегулированию, землепользованию и вопросам ЖКХ с новой силой» (значение реальности). – «А что, *если* в конце концов *выяснится*, что люди действительно сильно *переплачивали*?; *Если* *понижутся* нормативы, значит, тарифы *будут* «подтянуты» за счет чего-нибудь другого» (значение ирреальности). Значения ситуативной модальности, «расшифровывающие» объективную модальность с точки зрения возможности, необходимости соответствующего «положения дел», весьма частотно реализуются в высказываниях участников состоявшегося коммуникативного

процесса с помощью модальных экспликативов соответствующих значений – модальных глаголов и предикативов в сочетании с зависимым инфинитивом:

- экспликативов значений необходимости и долженствования: «...нормативы *надо* сделать объективными и справедливыми. Потребители не *должны* переплачивать, а поставщики услуг – [не должны – С.В., А.Т.] *терпеть* убытки») – высказывание губернатора; «Первого апреля уже *должен* быть введен справедливый норматив. А до этого *надо* отменить постановление № 1722» – высказывание эксперта Общественной палаты;
- экспликативов значения возможности: «... *рассчитывать* нормативы *можно* разными способами» – высказывание заместителя председателя комитета городского хозяйства;
- экспликативов частного модального значения вынужденности: «Если норматив снизится, то, по идее, *придется* *снижать* и тариф, но это может погубить МУПы» – высказывание представителя администрации.

На этот объективно-модальный «фундамент» рассматриваемого текста накладывается субъективно-модальная «настройка», эксплицируемая преимущественно вводно-модальными словами и словосочетаниями со значениями вероятности, мнения, источника информации. Например: «Спорить с ним [губернатором – С.В., А.Т.] на сей счет никто, *понятное дело*, не стал. Однако каждый из участников понял сказанное, *похоже*, по-своему»; «Во всяком случае к «единому знаменателю», *как ожидалось*, чиновники и общественники не пришли»; «Когда будет результат? Бог весть! *Может быть*, месяца через два – два с половиной»; «Это, *на мой взгляд*, было бы справедливо и целесообразно... Однако у представителей администрации, *как выяснилось*, несколько другие представления о справедливости и целесообразности»; «При этом оппоненты, *похоже*, были уверены, что правильно поняли пожелания и указания губернатора, высказанные им в ходе рабочего совещания 12 февраля»; «Словом, хрен редьки не слаще».

Большой модально-оценочный эффект в анализируемом тексте создается употреблением фразеологизмов. Ср.: Они-де [МУПы – С.В., А.Т.] и без того *на ладан дышат*, так и вовсе *дуба дадут*».

Итак, как показал анализ, при рассмотрении модальности публицистического текста (в нашем случае – газетного) актуализируется понимание модальности как двуаспектной категории, фиксирующей, с одной стороны, отношение высказывания к внеязыковой действительности, с точки зрения говорящего (автора) относительно ее реальности / ирреальности, возможности, необходимости, желательности и др. (объективная и ситуативная модальность), а с другой стороны – выражающей отношение субъекта, автора к объекту, предмету речи и его целевую установку (субъективная модальность).

Раскрыть механизм взаимодействия этих модальных пластов, выявить функциональную иерархию объективно-модальных и субъективно-модальных

значений в тексте, определить характер их соотносительности с эмоционально-оценочными значениями, установить систему средств их выражения – эти и другие задачи представляются весьма актуальными при дальнейшем изучении как модальности газетно-публицистического дискурса, так и модальности как текстовой категории в целом.

Примечания

¹ Ср. определение объективной модальности: «Отношение высказывания к действительности, с точки зрения говорящего» [Золотова 1973: 142–144].

² См. об этом подробнее [Ваулина 2009: 3–10].

Список литературы

1. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко, И. Е. Васильев, Ю. Б. Казарин. – Екатеринбург : Изд-во Ур. ун-та, 2000. – 533 с.
2. Бондаренко, В. Н. Виды модальных значений и их выражение в русском языке / В. Н. Бондаренко // Филол. науки. – 1979. – № 2. – С. 52–61.
3. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко, Е. И. Беляева, Л. А. Бирюлин [и др.]. – Л. : Наука, 1990. – С. 5–58.
4. Васильев, Л. М. Модальные слова в их отношении к структуре предложения / Л. М. Васильев // Ученые записки Башкир. ун-та. – 1973. – С. 55–60.
5. Ваулина, С. С. Оценочность и модальность: специфика межкатегориальных отношений / С. С. Ваулина // Оценки и ценности в современном научном познании : сб. науч. тр. – Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. – С. 3–10.
6. Виноградов, В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В. В. Виноградов // Тр. Ин-та рус. яз. – М. ; Л., 1950. – Т. II. – С. 38–79.
7. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология / В. Г. Гак. – М. : Высш. шк., 1979. – 304 с.
8. Дешериева, Т. И. О соотношении модальности и предикативности / Т. И. Дешериева // Вопросы языкознания, 1987. – № 1. – С. 33–45.
9. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1973. – 351 с.
10. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Ониненко, М. Ю. Сидорова. – М. : Изд-во ИРЯ РАН им. В.В. Виноградова, 2004. – 541 с.
11. Ляпон, М. В. К вопросу о языковой специфике модальности / М. В. Ляпон // Известия АН СССР, Серия лит. и яз. – 1971. – Т. XXX, Вып. 3. – С. 230 – 239.
12. Панфилов, В. З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения / В. З. Панфилов // Вопросы языкознания. – 1977. – № 4. – С. 37–48.
13. Романова, Т. В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе / Т. В. Романова. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. – 295 с.
14. Русская грамматика : в 2 т. – М. : Наука, 1980.
15. Эслон, П. А. Проблема разграничения модальных значений / П. А. Эслон // Тр. по рус. и славян. филологии. – Tartu, 1997. – № 1. – С. 231–239.

Я. Вежбиньски

Лодзинский университет (Лодзь, Польша)

К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ОБРАЗЕ КОНЦЕПТОВ В БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ

Тема вписывается в общие установки и положения лингвокультурологии и концептологии [см., напр.: Арутюнова, 1994; Крейдлин, 1994; Карасик, 2002; Кубрякова, 1996; Лосев, 1991; Степанов, 1997; Стернин, Попова, 2006; Bartmiński, 2006; Wierzbicka, 2007].

Основные из этих положений заключаются в следующем:

1. В языке любого этноса отражается концептуальная картина мира с его ценностными приоритетами. Язык расценивается при таком подходе как фактор, моделирующий картину мира. С этой точки зрения мы разделяем идею Сепира-Уорфа, согласно которой индивид видит мир сквозь призму своего родного языка [Сепир, 1997].

2. В близкородственных языках принципы структурирования информации о внешнем мире не совпадают. Различия связаны с особенностями репрезентации объективной действительности в этих языках по ряду критериев: исторических, национальных, культурных, социальных, нравственных, религиозных и идеологических.

3. Репрезентантами языковой картины мира являются концепты, которые считаются основным понятием когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Разыскания в области концептов связаны с усвоением семиотической системы языка, так как в них хранится коллективная память исторического и культурного прошлого того или иного этноса и поэтому они обладают этнокультурной спецификой.

Из многомерной языковой картины мира предметом нашего анализа является концепт «Судьба», его понятийное и семантическое пространство, его языковые манифестации. Данный концепт принадлежит к универсальным, общечеловеческим понятиям и встречается в каждом национальном языке. Языковой базой извлечения знаний об этом концепте являются материалы словарей.

Термин *судьба* толкуется как «стечение обстоятельств и ход жизненных событий, не зависящих от воли человека». Приводятся также определения: *участь, доля, жизненный путь* [см.: БТС, 2003, с. 1288; ср.: ОШ, 2005, с. 778]. В словаре Даля *судьба* поясняется как «участь, жребий, доля, рок, предопределение, неминуемое в быту земном, пути провидения» [Даль, 1980, т. 4, с. 356]. Большинство из этих определений фиксируется также в синонимических словарях [см., напр.: СС, 1975, с. 565].

Небезынтересны для постижения смысла рассматриваемого термина различные аналитические синтаксические образования, ср.: *судьба кого-то, что-то преследует, разлучила; судьба что-то решила, определила; судьба кому-то досталась, но и: судьба кому-то улыбнулась, судьба над кем-то сжалилась* и др. Кроме того, слово *судьба* входит в состав многих свободных

словосочетаний: *трудная, нелегкая, страшная, неумолимая, неотвратимая, роковая, неведомая, жестокая, трагическая*, а также: *счастливая, завидная, интересная судьба*. Ср. также выражения: *жаловаться на судьбу; беспокоиться, волноваться за судьбу; проклинать, благодарить судьбу; покориться, противиться судьбе*. В словарях приводятся также устойчивые выражения: *волею судьбы (судеб); насмешка судьбы; испытания судьбы; бросать (бросить) на произвол судьбы; суждено судьбой; судьба распорядилась; от (своей) судьбы не уйдешь; судьбы не угадаешь* и др.

По данным примерам можно судить о характерных семантических признаках судьбы для человека. Преобладают отрицательные характеристики: неизвестная, нежелательная, трагическая, неотвратимая, страшная, горькая. Положительных признаков меньше, ср.: *светлая, легкая, неповторимая, счастливая*. Человек может воздействовать на нее следующим образом: *облегчить, молить, дразнить, искушать, проклинать судьбу*. В наиболее общем смысле *судьба* определяется как «непостижимая предопределенность событий и поступков человека» и с этой точки зрения выступает как противоположность свободе. Таков лексикографический образ слова *судьба*, который является внешней репрезентацией концепта.

Рассмотрим языковое воплощение данного концепта в польском языке. Русскому слову *судьба* соответствует в двуязычных русско-польских лексиконах слово *los* и сопутствуют синонимы *przeznaczenie, dola*. Словарная статья сопровождается выражениями: *gorzki los* горькая судьба, *koleje losu* превратности судьбы, *kusić los* искушать судьбу, *rzucić na pastwę losu* бросить на произвол судьбы, *pogodzić się z losem* примириться с судьбой, *los prześladowuje (kogoś)* судьба преследует кого-либо [см.: WSPR, 1998, с.377, ср.: WSRP, 2004, с. 783].

Концепт *los* просматривается через следующие языковые значения: 1. *dola, koleje życia, bieg wydarzeń*, то есть доля, участь, ход событий (приводятся примеры употребления: *Cieężki, zły, marny los. Koleje losu. Skarżyć się na los, przeklinać los. Pogodzić się z losem. Dzielić z kimś los. Walczyć, borykać się z losem*); 2. *przeznaczenie, fatum, traf, przypadek*: *Ironia losu. Uśmiech, zrządzenie losu. Dar losu. Kusić, wyzywać los* [см.: SJP, 1979, т. 2, с. 53]. В другом словаре данная единица фиксируется дважды, получая статус слов-омонимов. *Los* толкуется как: *bieg, rozwój wydarzeń przytrafiających się w życiu człowiekowi, związanych z czymś; koleje życia, dola*: *Gorzki, marny, psi, szczęśliwy los. Zmienne losy. Lepszy, gorszy los* [SWJP, 1998. т. 1, с. 468]. Его омоним объясняется как: *przypadek, traf, zbieg okoliczności; przeznaczenie, fatum*: *Nieubłagany los. Los płała figle. Kusić los. Igraszka losu. Uśmiech, zrządzenie losu* [см.: SWJP. 1998, т. 1, с. 469]. В словаре синонимов польского языка за доминантным словом *los* отмечены: *dola, przeznaczenie, fatum* [SWB, 1988, с. 79].

Таковы словарные смыслы концептов *судьба* и *los*. Однако концепт не является категорией исключительно языковой. Он представляет собой сложное ментальное образование, связанное как с аксиологией, так и с этнокультурной его

спецификой. К тому же при изучении концептов неизбежно межкультурное сравнение. В связи со сказанным обратимся к интерпретации *судьбы*, которую предложил польский литературовед и семиотик Ежи Фарыно. Она помещена в 3-м томе русско-польско-английского лексикона «Идеи в России». Статью открывает утверждение: «Несмотря на то, что обычно русское слово “судьба” переводится польским *los*, это два принципиально разных понятия». Данная мысль затем поясняется: «*Los* даже в персонифицированном смысле и вне субъекта оставляет субъекту своего рода “вольную волю” <...>. Судьба же такой “вольной воли” не предусматривает. Судьбе надо подчиниться и “покориться”. В трактовке “вольной воли” в аспекте “судьбы” и *losu* заключены принципиальные различия между православной и католической позициями, русским и западным подходами к этому вопросу. Более того, “судьба” в известной степени предопределена, охватывает жизнь человека как единое целое и в общих чертах может рассматриваться как назначенный жизненный путь. “Судьба”, понимаемая как “Божие предназначение”, связана с “высшим смыслом”, бывает “испытанием человека” и в конечном итоге ведет к оправданию и одобрению как всякого рода несчастий (включая исторические катаклизмы), так и подвигов <...>. Зато не вполне доброжелательно воспринимаются попытки изменения своей “судьбы”. Очевидно, не без оснований: при таком понимании “судьбы” любые попытки противостояния ей должны ассоциироваться с богоборческой позицией. Обычно так это и есть. Наверняка не случайно, что все исторические бунты в России, включая Октябрьскую революцию, с одной стороны, активизировали антирелигиозные позиции и действия, а с другой – проходили под лозунгами священной миссии». Статью завершает итоговая фраза: «Поэтому если в разных дискурсах речь идет о “судьбе России” или “пути России”, вопрос касается не только истории, а, прежде всего, „предназначения/миссии” России. Выяснение этих проблем сводится к вопросу мистического “предназначения”» [LRPA, 2000, т. 3, с. 460–462].

Итак, в концептах суммируются различные идеи этноса, в их структуре своеобразно преломляются ментальные особенности и традиция этноса. Концепты содержат в своем пространстве народные стереотипы и культурную информацию о картине мира. Они выполняют функцию особых знаков культуры, обладая своей историей и ценностными принципами, и мотивируются историческими и культурными событиями. В пространство концепта входят все возможные значения слова, его смысловой образ и ассоциативный комплекс. Таково когнитивно-семантическое описание пространства того фрагмента русской языковой картины мира, который хранится в концепте *судьба*. Судьба обозначает, с одной стороны, высшую силу, господствующую над человеком, с другой же – жизнь человека, которая поворачивается различными сторонами. Данный концепт вызывает в сознании ряд ассоциаций. У основ языковой картины мира лежат как языковые средства, так и другие признаки: исторические, культурные, социально-бытовые, географические, политические, религиозные.

Таков подход русских к действительности, таковы их жизненные приоритеты. Русские более терпеливо и покорно по сравнению с поляками подчиняются судьбе и готовы ждать того, что им предназначено. Жизненная установка обыкновенного русского человека состоит в том, что от своей судьбы никто не уйдет, она распоряжается жизнью и смертью. Иногда человек противится своей судьбе, искушает ее, но в конечном итоге он и так вынужден ей покориться. Не случайно русские говорят: Свою судьбу конем не объедешь.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Загадки судьбы / Н. Д. Арутюнова // Знак : сб. ст. по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А.Н. Журина. – М., 1994.
2. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград, 2002.
3. Крейдлин, Г. Е. Понятие судьбы в контексте разных культур / Г. Е. Крейдлин. – М., 1994.
4. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова. – М., 1996.
5. Лосев, А. Ф. Философия. Мифология. Культура / А. Ф. Лосев. – М., 1991.
6. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М., 1997.
7. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М., 1997.
8. Стернин, И. А. Семантико-когнитивное направление в российской лингвистике / И. А. Стернин, З. Д. Попова // *Respektus Philologicus*. – 2006. – № 10. – С. 43–51.
9. Bartmiński, J. Językowe podstawy obrazu świata / J. Bartmiński. – Lublin, 2006.
10. Wierzbicka, A. Słowa i kultury. Różne słowa – różne sposoby myślenia? Model kultury a słownictwo języka / A. Wierzbicka // *Słowa kluczowe. Różne języki – różne kultury*. – Warszawa, 2007. – С. 16–34.

Источники

1. БТС = Большой толковый словарь русского языка / ред. С. А. Кузнецов. – СПб., 2003.
2. Даль = Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка Т. 4 / В. Даль. – М., 1980.
3. ОЖ = Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 2005.
4. СС = Словарь синонимов : справ. пособие / ред. А. П. Евгеньева. – Л., 1975.
5. LRPA = Faryno, J. Судьба/Los/Fate / J. Faryno // Идеи в России. Idee w Rosji. Ideas in Russia : leksykon rosyjsko-polsko-angielski / ред. A. de Lazari. – Łódź, 2000. – Т. 3. – С. 460–462.
6. SJP = Słownik języka polskiego / ред. M. Szymczak. – Warszawa, 1979. – Т. 2.
7. SWB = Słownik wyrazów bliskoznacznych / ред. S. Skorupka. – Warszawa, 1988.
8. SWJP = Słownik współczesnego języka polskiego / ред. B. Dunaj. – Warszawa, 1998. – Т. 1.
9. WSPR = Hessen, D. Wielki słownik polsko-rosyjski / D. Hessen, R. Stypuła. – Warszawa, 1998.
10. WSRP = Wielki słownik rosyjsko-polski z kluczem polsko-rosyjskim / ред. J. Wawrzyńczyk. – Warszawa, 2004.

Д.П. Войводич

Новисадский университет (Нови-Сад, Сербия)

О СЕМАНТИЧЕСКОМ ИНВАРИАНТЕ УСТУПИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И СЕРБСКОГО ЯЗЫКОВ) *

Концессивные, как и все генеративно детерминированные, асимметричные, биситуативные отношения (каузальные, консекутивные, кондициональные и финальные), обладают общим, «надкатегориальным» признаком 'обусловленности'.

Придаточная часть концессивных предложений (КП), с помощью которых, наряду с общим значением уступительности ('указание на условие, не являющееся достаточным основанием для того, чтобы воспрепятствовать совершению действия в главном предложении'), реализуются и различные частные (под)значения, чаще всего вводится (синонимичными друг с другом) следующими семантическими союзами, играющими между главной (ГКП) и придаточной (ПКП) частями рассматриваемых предложений связывающую и организующую роль, на основании которой определяется и адвербиальное значение предложения в целом: (рус.) *хотя (и), пусть, несмотря на (то что), вопреки (тому что), как ни, сколько ни, что бы ни*; (серб.) *иако, мада, макар, премда, без обзира на (то што), упркос (томе што), ма (ко/како/колико/гдје)*. Ср.: (1) *В старинном громадном камине, **несмотря на** жаркий весенний день, пылали дрова* (Булгаков) // *У старинском огромном камину, **без обзира на** топли прољетни дан, тињала су дрва*; (2) *Далеко и давно изгледало је одједном све, **иако** је прошло свега неколико дана од његовог последњег виђења* (Андрић) // *Бесконечно далекой почудилась им вдруг их последняя встреча, **хотя** прошло совсем немного дней*. Если же условие отождествить с причиной, для чего имеются веские основания, поскольку они объединены, условно говоря, надкатегориальными каузативными (общими причинными) отношениями, тогда можно утверждать, что концессивные предложения в придаточной части содержат основу (условие/причину) для реализации определенного последствия, а в главной части – результат, противоположный этому ожидаемому логическому последствию, чем в определенной мере нарушаются правила организации регулярных синтаксических связей. Таким образом, с помощью данных предложений реализуются не только отношения, общие с остальными сложноподчиненными предложениями каузативно обусловленной структуры (причины, следствия, условия и цели), но и отношение адверсативности, характерное для противительных (адверсативных) сложносочиненных предложений [ср.: Черникова, 2004; Птиченко, 2009]. Иными словами, концессивные отношения основываются на принципе «обманутого ожидания», так как модели регулярных логических отношений противопоставляется реальный факт (действие-следствие как актуальный,

* Исследование выполнено в рамках проекта «Опис и стандардизација савременог српског језика» (подпроект «Синтакса савременог српског језика II: Сложена реченица»), поддержанного Министерством науки Республики Сербии (грант 148002).

достигнутый результат), опровергающий ожидаемое следствие (действие как априорный, предполагаемый результат) [Гусман, 1998, с. 96].

Несмотря на то, что данное ожидаемое, предполагаемое следствие (Q') при реализации уступительных отношений не имеет своего эксплицитного, формального выражения, оно все же (хотя и имплицитно) участвует в семантической организации КП, так как двухкомпонентную формально-синтаксическую структуру ($P \Rightarrow Q$) трансформирует в четырехкомпонентную семантическую структуру, где в противоречивые отношения вступают не результат (Q) и его (имплицитная) причина (P'), а два следствия, проистекающих из одной и той же причины, а именно: (1) ожидаемое (априорное) и (2) неожиданное (апостериорное, актуальное) следствие, с тем что ожидаемое никогда не вербализуется [ср., в частности: Евтюхин, 1996, с. 170–174; Гусман, 1998; Апресян, 1999; Николаева, Фужерон, 1999; Храковский, 2000; Типология..., 2004; Черникова, 2004; Урысон, 2005; Кару, 2006; Алексанова, 2008; Мусатова, 2008].

Данные отношения ситуаций в КП можно выразить следующей формулой: $P \Rightarrow Q? \Delta P? \Rightarrow Q$, где P – недейственная ситуация-препятствие в ПКП (эксплицитная форма), $Q?$ – нереализованная ожидаемая ситуация в ГКП (имплицитная, нулевая форма), $P?$ – действенная ситуация-причина в ПКП (имплицитная, нулевая форма), Q – реализованная неожиданная ситуация в ГКП (эксплицитная форма), $\Rightarrow$ – импликация, Δ – симметричное различие. (Таким образом, выясняется, что исходная, неблагоприятная ситуация (P) является недейственной, так как ситуация (Q), вопреки всему, реализуется благодаря сосуществованию и активизации более сильной, благоприятной (действенной), хотя и имплицитной причины ($P?$). К этим трем компонентам, традиционно выделяемым в славянских грамматиках, здесь причислен и четвертый – нереализованная (ожидаемая) ситуация ($Q?$), также (как и преодолевающая препятствие причина $P?$) никогда не вербализующаяся [ср., например: Русская грамматика, 1980, с. 585–593; Теремова, 1986; Пипер, 2005, с. 826 и сл.; Птиченко, 2009]. Отметим, что из такого взаимоотношения следует: (1) что ситуации P и $Q?$, которые должны иметь (но не имеют) место, являются лишь «обозначенными» и (2) что ситуации $P?$ и Q , которые не должны иметь (но имеют) места, являются «осуществленными».)

Представленные concessивно-адверсативные, на первый взгляд, парадоксальные (взаимо)отношения компонентов, характеризующиеся «обратной» обусловленностью, в действительности составляют семантический инвариант КП. (Данное значение несовпадения ожидаемого и реального можно усилить употреблением коннекторов (когезивных слов), то есть лексико-грамматических показателей отношений противоречия в главном предложении, каким является союз/союзы (рус.) *все-таки* (*все же, тем не менее*) / (серб.) *ипак*.)

В качестве иллюстрации указанной «двойственной ориентации», принципа «обманутого ожидания» и всех упомянутых отношений можно привести следующие примеры с их парафразами: (3а) *Иван закончил*

университет (Q), хотя для этого у него не было условий (P) ('у Ивана не было условий, чтобы закончить университет (P), следовательно, существовало обоснованное ожидание, что он его не закончит (Q'), но он его все-таки закончил (Q), так как обладал сильной волей (P')'); (3б) *Иван не закончил университет (Q), хотя для этого у него были условия (P) ('у Ивана были условия, чтобы закончить университет (P), следовательно, существовало обоснованное ожидание, что он его закончит (Q'), но он его все-таки не закончил (Q), так как не обладал сильной волей (P')');*

Отметим, что, в отличие от остальных (каузативно) детерминированных категорий (каузальности, консекутивности, кондициональности и финальности), асимметричная, биситуативная семантическая структура которых основывается в первую очередь на хронотопических, то есть фактическо-темпоральных параметрах, что теснейшим образом их соотносит с категорией темпоральности, категория концессивности в своей семантической структуре содержит параметры, условно говоря, «конверсивной асимметрии» (симметричного различия) – «двойственной ориентации», чем она коррелирует с категориями, реализующимися в синтаксическо-семантических отношениях, какими являются компаративные, контрастные/неконтрастные, копулятивные, адверсативные, дизъюнктивные и подобные отношения.

Следует подчеркнуть, что имплицитная причина преодоления / непреодоления субъектом препятствия является, как правило, субъективной категорией, так как совершение или несвершение действия зависит от внутреннего состояния субъекта (воли, настроения, степени желания, понимания и восприятия обстановки в целом и т. п.).

Отметим также, что предварительный анализ обусловленных предложений [см., в частности: Војводић, 2009] указывает на специфическое синтаксическо-семантическое отношение главного и придаточного компонента в концессивных предложениях. Иными словами, это отношение, наряду с вышеприведенными инвариантными элементами, содержит и основные компоненты, характерные для категорий эвиденциальности и эпистемической модальности, в реализации которых, как и в организации уступительных отношений, участие (присутствие) говорящего является обязательным. (Категорию эвиденциальности, а вместе с ней и категорию эпистемической модальности можно рассматривать как своеобразное семантическое соотношение пропозиции и модуса в полипредикативном высказывании, то есть как соотношение, связанное с имплицитным присутствием говорящего и степенью его ознакомленности с событиями, которые произошли (происходят, произойдут), что опосредованно отражается и в «интерпретации» говорящим в ПКП условия/неусловия для реализации действия в ГКП. Для эвиденциальности и эпистемической модальности, как и для категории концессивности, важную роль играет указание – либо эксплицитное, либо имплицитное – на источник и достоверность информации о событии (для чего используются и термины *авторизация* и *имперцептивность*), сообщаемой говорящим. Так, например, в концессивном

предложении-высказывании (За), где говорящий, сообщая основную информацию о событии, релевантную для адресата ('Иван закончил университет'), сообщает и второстепенную информацию ('у него не было условий закончить университет'), с помощью которой обозначает не только свою эксплицитную («конверсивно-асимметричную»), но и имплицитную («эпистемическо-субъективную») позицию, сформированную на основании предыдущего («эвиденциального») знания, то есть логического вывода (предположения), вследствие чего аподозис (ГКП) и можно рассматривать как пропозицию высказывания, а протазис (ПКП) – как его модус (модальную рамку). [Более подробно о приведенных двух категориях см., в частности: Якобсон, 1972; Козинцева, 2000; Полянский, 2001; Пипер, 2005, с.643–646; Храковский, 2005; Шакирова, 2005; Эвиденциальность, 2007; Шестухина, 2009].)

Список литературы

1. Алексанова, С. А. Структурно-семантические особенности конструкций с детерминантами уступки / С. А. Алексанова // Вестн. Ун-та Рос. акад. образования. – 2008. – № 4. – С. 29–32.
2. Апресян, В. Ю. Уступительность в языке и слова со значением уступки / В. Ю. Апресян // Вопросы языкознания. – 1999. – № 5. – С. 24–44.
3. Војводић, Д. О зависносложеним реченицама са условљеном структуром (опште карактеристике, статус и класификација) / Д. Војводић // Славистика. – 2009. – Књ. XIII. – С. 121–136.
4. Гусман, Тирадо Р. Генеративные сложноподчиненные предложения в русском языке / Тирадо Р. Гусман. – Воронеж, 1998.
5. Евтюхин, В. Б. Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка / В. Б. Евтюхин // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб., 1996. – С. 138–174.
6. Кару, К. Уступительные конструкции в эстонском и русском языках : дис. ... д-ра филос. по рус. яз. / К. Кару. – Тарту, 2006. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://dSPACE.utlib.ee/dSPACE/bitstream/10062/304/1/karukatrin.pdf>.
7. Козинцева, Н. А. К вопросу о категории засвидетельствованности в русском языке: косвенный источник информации / Н. А. Козинцева // Проблемы функциональной грамматики: категории морфологии и синтаксиса в высказывании / отв. ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубик. – СПб., 2000. – С. 226–240.
8. Мусатова, Г. А. Семантика уступки : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. А. Мусатова. – М., 2008.
9. Николаева, Т. М., Некоторые наблюдения над семантическим статусом сложных предложений с уступительными союзами / Т. М. Николаева, И. Фужерон // Вопросы языкознания. – 1999. – № 1. – С. 17–36.
10. Синтакса савременога српског језика: Проста реченица / П. Пипер, И. Антонић, В. Ружић, С. Танасић, Љ. Поповић, Б. Тошовић / уред. М. Ивић. – Београд – Нови Сад, 2005.
11. Полянский, С. М. Таксис – относительное время – эвиденциальность (к проблеме критериев разграничения) / С. М. Полянский // Сиб. лингвист. семинар : науч. журн. по теорет. и прикладному языкознанию. – 2001. – № 2. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.lingvotech.com/taxis_evident.
12. Птиченко, О. А. Философские, семантико-синтаксические аспекты и границы поля concessивности в русском языке / О. А. Птиченко // Вестн. Ставроп. гос. ун-та. – 2009. – № 60. – С. 120–127.

13. Русская грамматика. Т. II. Синтаксис / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М., 1980.
14. Теремова, Р. М. Семантика уступительности и ее выражение в современном русском языке / Р. М. Теремова. – Л., 1986.
15. Типология уступительных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. – СПб., 2004.
16. Урысон, Е. В. К типологическому описанию служебных слов с противительной и уступительной семантикой / Е. В. Урысон // Четвертая типологическая школа : Междунар. шк. по лингв. типологии и антропологии (Ереван, 21–28 сент. 2005 г.) : материалы лекций и семинаров. – М., 2005. – С. 328–331.
17. Храковский, В. С. Опыт анализа универсальных уступительных конструкций / В. С. Храковский // Проблемы функциональной грамматики: категории морфологии и синтаксиса в высказывании / отв. ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубик. – СПб., 2000. – С. 135–163.
18. Храковский, В. С. Эвиденциальность и эпистемическая модальность / В. С. Храковский // Slavolinguistica 6: Modality in Slavonic Languages (New Perspective) / eds. B. Hansen, P. Karlik. – Munchen, 2005. – С. 87–94
19. Черникова, Н. С. Уступительные конструкции: отклонение от стандарта? (на материале английского языка) / Н. С. Черникова // Язык, коммуникации и социальная среда : сб. науч. тр. Вып. 3. – Воронеж, 2004. – С. 163–169.
20. Шакирова, Р. Д. О соотношении категории эвиденциальности и эпистемического статуса высказывания (на материале современного немецкого языка) / Р. Д. Шакирова // Вестн. Самар. гос. ун-та. – 2005. – Т. 38, № 4. – С. 127–134.
21. Шестухина, И. Ю. Категория эвиденциальности в русском нарративном тексте: коммуникативно-прагматический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. Ю. Шестухина. – Барнаул, 2009.
22. Эвиденциальность в языках Европы и Азии : сб. ст. памяти Наталии Андреевны Козинцевой / отв. ред. В. С. Храковский. – СПб., 2007.
23. Якобсон, Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя / отв. ред. Б. А. Успенский. – М., 1972. – С. 95–113.

К.Ю. Галицкая, Е.А. Тихомирова
Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ЕЩЕ ОДНА ВОЗМОЖНОСТЬ В МЕДИАДИСКУРСЕ ПОКАЗАТЬ НЕ-ИСТИНУ КАК ИСТИНУ

Адресат идеологического текста обязан уметь различать истину и то, что автор хочет выдать за истину. Какие элементы в тексте позволяют автору сделать эти понятия неразличимыми? Что помогает журналисту манипулировать восприятием текста читателем?

Воздействие журналиста на адресата осуществляется на всех уровнях текста. Воздействующая роль лексических, морфологических и синтаксических средств описана. Попробуем выявить, как связи структурных элементов

газетной статьи определяют интерпретацию текста читателем и характеризуют ли «интерпретирующая» организация текста статьи то или иное СМИ.

Методом сплошной выборки всех публикаций по правовой тематике за 2003 год было выбрано 46 статей из «Белорусской деловой газеты» (далее – БДГ), 30 статей из «Белорусской газеты» (далее – БГ), 29 статей из «Народной газеты» (далее – НГ), 25 статей из «Звезды» (всего 130 публикаций).

Основными структурными элементами газетной статьи являются название рубрики, заголовков, подзаголовков (или несколько выделенных графически подзаголовков), текст, подпись автора. Мы полагаем, что названные элементы (кроме подписи автора) – это структурные элементы информационного комплекса (или единства), а не рамочные элементы [Сурикова, 2004, с. 523], поскольку семантически они тесно связаны с основным текстом статьи и способны оказывать влияние на его информационную направленность. Кроме основных элементов в состав статьи могут включаться дополнительные структурные элементы: графические изображения, справки, комментарии, послесловия...

Каждое печатное издание характеризует своя «каноническая» форма статьи. Большинство статей «БГ» (27 статей из 30) шестичастной структуры: название рубрики, заголовков 1, заголовков 2, подзаголовков, подпись автора, текст. Пятичастную структуру имеют 43 из 46 статей «БДГ»: название рубрики, заголовков, подпись автора, подзаголовков, текст; и 24 из 29 статей «НГ». Для статей газеты «Звезда» характерна пятичастная структура двух видов: название рубрики, заголовков, подзаголовков, текст, подпись автора или заголовков 1, заголовков 2, подзаголовков, текст, подпись автора.

Возникает привычная для постоянного читателя симультанность восприятия, обусловленная визуальной организацией текста в данном СМИ. Это создает предпосылку для скользящего чтения и обманчиво быстрой интерпретации текста. Следовательно, у автора появляется лазейка для манипуляции восприятием сообщения адресатом.

Опишем структурно-семантические отношения, возникающие между элементами газетной статьи. Наш материал позволяет выделить пять видов связи. Это линейно-тематическая связь, нелинейно-тематическая связь, синтаксическая связь, метафорическая связь, оценочно-риторическая связь. Виды связи обязательно взаимодействуют в тексте любой анализируемой статьи: разные виды связи объединяют структурные элементы в текстовое единство.

Главной функцией линейно-тематической связи является передача информации. Структурные элементы статьи объединены центральной темой повествования, каждое последующее звено цепочки содержит новое о заявленном ранее. Общий объем равен сумме объемов информации структурных частей. Например: Название рубрики: *Процесс*. Заголовков: *Предстал перед судом директор ОАО «Пищевик»*. Подзаголовков: *Один из районных судов Минска приступил к рассмотрению уголовного дела в отношении руководства ОАО «Пищевик»*. Почти год его директор Николай Винник находится в заключении – он обвиняется по трем статьям УК («БГ»).

Связанные элементы состоят из высказываний, которые можно полагать истинными, так как они описывают положение вещей в реальном мире. Журналист заявляет о своем желании, чтобы его позиция свидетеля и читательская позиция наблюдателя совпадали.

Линейно-тематическое соединение элементов – нейтральный вид связи. Этим мы объясняем ее частотность. По нашим наблюдениям, относительная частота использования линейно-тематической связи в «БДГ» (53,6 %), в «Звезда» (48,5 %), в «БГ» (45,8 %), в «НГ» (45,4 %).

Нелинейно-тематическая, синтаксическая, метафорическая, оценочно-риторическая связи структурных элементов газетной статьи воздействуют на адресата, определяют его отношение к сообщению.

Нелинейно-тематическая связь – связь через известное для автора, но неизвестное для читателя. Текст строится на логической инверсии. Инверсия привлекает внимание адресата. Читатель вынужден прочитать весь текст статьи, чтобы восстановить недостающую информацию, которую содержит структурная единица, находящаяся в постпозиции к соединенным нелинейно-тематической связью элементам текста. Например: название рубрики: *Аресты*. Заголовок: *О вреде зарядки*. («БДГ»).

Обычно, понуждая к чтению, журналист использует, как в следующем примере, в одном структурном элементе высказывание с нечеткой пропозицией, в котором размыто истинностное значение [Левин, 1998, с. 652], а другой элемент представляет собой прецедентное высказывание: название рубрики: *На темы морали*. Заголовок: *Возвратись из «командировки»* («НГ»).

По нашим наблюдениям, относительная частота использования нелинейно-тематической связи в «БГ» (21,1 %), в «НГ» (19,4 %), в «БДГ» (14,7 %), в «Звезда» (3,8 %).

Метафорическая связь – это связь, основанная на какой-либо фигуре переосмысления. Такое соединение элементов информации экспрессивно. Автор использует риторические фигуры в качестве опорного элемента текстообразования с целью повлиять на читателя. Например: Необычное для издания название рубрики: *Почти театр*. Заголовок 1: *Комедия общего режима*. Заголовок 2: *По мотивам отдела «по борьбе с распространением наркотиков»* («БГ»).

В нашем материале относительная частота использования метафорической связи в «БДГ» (86,3 %), в «БГ» (15,5 %), в «НГ» (4,2 %), связь не выявлена в «Звезда».

Синтаксическая связь – соединение графически обособленных, но синтаксически обусловленных (на уровне словосочетания или предложения) элементов. Синтаксически связанные структурные единицы не теряют своей способности функционировать самостоятельно, но весь объем предлагаемой информации обнаруживается читателем только в их взаимодействии. Это открывает широкие возможности для языковой игры, что делает синтаксическую связь стилистически окрашенной. Часто синтаксической

связью соединяются заголовок 1 и заголовок 2. Например: Заголовок 1: *Суд не возбудил*. Заголовок 2: *Дело по заявлению лидера СПС («БГ»)*.

Взаимодействие синтаксической связи с другими делает игру автора с читателем более изощренной, например: название рубрики: *Приговор*. Заголовок 1: *КГБ поступал* Заголовок 2: *в «Норвежский дом» ... («БГ»)*; или: название рубрики: *Суд*. Заголовок 1: *Борьба за время*. Заголовок 2: *Местное*. Подзаголовок: *В Хозяйственном суде Минска началось рассмотрение иска ООО «Местное время-пресс» к Минскому облисполкому... («БГ»)*.

Относительная частота использования синтаксической связи в «БГ» (4,9 %), в «БДГ» (0,7 %), в «Звезда» (0,6 %), связь не отмечена в «НГ».

Оценочно-риторическая связь направлена не на сообщение, а на убеждение. Ее формируют языковые единицы, содержащие авторскую оценку. Например: Заголовок: *Мерзавец с улицы Одинцова*. Подзаголовок: *Преступность. Где ее истоки? Что толкает молодого человека на преступление? На эти вопросы однозначного ответа нет до сих пор («НГ»)*.

Относительная частота использования оценочно-риторической связи в «Звезда» (41,5 %), в «НГ» (36,8 %), в «БДГ» (11,9 %), в «БГ» (1,8 %).

В газетной статье структурные элементы объединяются при помощи нескольких видов связи. При этом стилистически нейтральные связи сочетаются со связями стилистически отмеченными, то есть основной принцип создания публицистического текста – сочетание стандарта и экспрессии – реализуется и на уровне структуры газетной статьи.

Авторы, организуя текст, используя чередование нейтральных и стилистически маркированных связей структурных элементов статьи, манипулируют восприятием информации во всех рассмотренных изданиях. Однако газеты различает степень скрытости влияния на читателя. Манипуляция восприятием на уровне лексики, характерная для авторов «НГ» и «Звезды», расставляющих акценты социальной оценки, – «манипуляция в лоб». Образованный читатель ее осознает сразу и сопротивляется чужому воздействию.

Влияние на читателя на уровне связей структурных элементов газетной статьи скрыто от него и требует специального выявления. Для читателей «БДГ» было привычным использование журналистами метафорического переосмысления действительности, они получали удовольствие от языковой игры, но интеллектуалы бы противились открытому выражению оценки, поэтому оценочно-риторическая связь элементов не доминировала в «БДГ». Журналисты «БГ» ориентировались на более широкий круг читателей. Увидеть преобладающую в издании синтаксическую связь помогало расположение объединенных ею элементов на странице, написание последующих элементов со строчной буквы и отсутствие знаков препинания.

Список литературы

1. Левин, Ю. И. Истина в дискурсе / Ю. И. Левин // Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – М., 1998.

А.Х. Гольденберг

**Волгоградский государственный педагогический университет
(Волгоград, Россия)**

ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ГОМИЛЕТИКИ В ПОЗДНЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ

На первую половину XIX века приходится расцвет русской гомилетики, связанный, прежде всего, с именами московского митрополита Филарета (Дроздова) и архиепископа Иннокентия Херсонского (Борисова). Пастырское слово, или поучение, было одним из ведущих жанров духовной литературы. Гоголь в статье из «Выбранных мест», посвященной проблеме самобытности русской литературы, – «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» (1846) – назвал три ее «самородных ключа»: народную песню, пословицу и слово церковных пастырей [Гоголь, т. VIII, с. 369]. Эту статью можно рассматривать как своего рода эстетический манифест писателя, в котором нашел отражение и собственный художественный опыт автора «Мертвых душ», сумевшего органично соединить в своей поэтике традиции фольклора и древнерусской литературы [см.: Гольденберг, 2007]. Эстетика учительного «слова», его духовно-нравственный потенциал продолжали оказывать ощутимое влияние на русскую литературу Нового времени и во многом определили ее учительный характер, достигший своего апогея у Достоевского и Толстого.

Филарет вошел в историю русской литературы как автор поэтического диалога с Пушкиным о смысле человеческой жизни (стихотворение «Не напрасно, не случайно / Жизнь от Бога мне дана»). Не менее значительной была и роль Иннокентия Херсонского (1800–1857), занимавшего одно из первых мест среди выдающихся духовных деятелей гоголевской эпохи. Он был известен как авторитетный богослов, талантливейший педагог, выдающийся церковный оратор. Главной заслугой Иннокентия в области гомилетики стало творческое преобразование русской проповеди, освобождение ее от схоластики, избытка славянизмов, выработка нового языка и слога – по определению современника, «чистого» и живого. Отнюдь не случайно он был избран в 1836 г. действительным членом Российской Академии наук по Отделению русского языка и словесности.

Проповеди Иннокентия широко распространялись в печатном виде и принесли ему всероссийскую известность. Уже при жизни за ним закрепилось имя Русского Златоуста. Проф. Малышевский писал через 12 лет после кончины Иннокентия: «Едва ли не более всех заставил он современное ему русское общество полюбить свою русскую проповедь, едва ли не шире всех распространил он просветительское влияние ее на общество» [Русский Златоуст, 2006, с. 97]. Иннокентий стал одним из любимых авторов журнала «Москвитянин», в котором

печатались и его сочинения, и отклики на них. М.П. Погодин, издатель журнала, друживший с архиепископом до самой его кончины и много сделавший для распространения трудов и сохранения памяти о личности духовного писателя, выпустил в 1843 году трехтомное собрание его сочинений. Иннокентий находился в дружеских отношениях и переписке со многими литературными деятелями, входившими в круг общения Гоголя: Жуковским, Кукольниковым, Киреевским, Максимовичем, Надеждиным, Сомовым, Хомяковым, Шевыревым и др.

Письма Гоголя 1840-х годов содержат неоднократные просьбы прислать ему творения Иннокентия. Так, в письме С.П. Шевыреву 18 декабря 1847 г. Гоголь обращается к нему: «Если хватит денег, то, пожалуйста, присовокупи к книгам новую, недавно вышедшую книгу Иннокентия, в которой, говорят, очень хорошие поучительные слова...» [т. XIII, с. 415].

Первая встреча Гоголя с Иннокентием в апреле 1842 г. стала для писателя судьбоносной. Приехавший в Москву Иннокентий благословил писателя на поездку в Иерусалим. Посылая ему в мае 1842 г. только что вышедший первый том «Мертвых душ», Гоголь назначает преосвященному через два года новую встречу в Иерусалиме после завершения второго тома поэмы. В этом же письме Гоголь просит Иннокентия о духовном покровительстве над своими близкими: «Мертвые души» «доставит вам маминька моя лично, которую благословите вашим благословеньем» [т. XII, с. 64].

Новую страницу в отношениях Гоголя с Иннокентием открыла книга «Выбранные места из переписки с друзьями». Не только ее учительный пафос, но и многие ее темы и образы перекликаются с проповедями Иннокентия. Архиепископ был одним из первых, кому Гоголь просил переслать свою новую книгу. Отзыв пастыря о «Выбранных местах» писателю передал М.П. Погодин. Он был неоднозначным: «...скажите, что я благодарен за дружескую память, помню и уважаю его, а люблю по-прежнему, радуюсь перемене с ним, только прошу его не парадировать набожностью: она любит внутреннюю клеть. Впрочем, это не то, чтоб он молчал. Голос его нужен, для молодежи особенно, но если он будет неумерен, то поднимут на смех и пользы не будет» [Переписка Гоголя, т. 1, с. 419]. Слово «парадировать» Иннокентий употребил в значении «выставлять напоказ». Замечания преосвященного сильно задели писателя. Да и прогноз его относительно превратного понимания самого тона книги оказался близок к истине. Ответное письмо Гоголя носит исповедальный характер: «Парадировать набожностью я тоже не хотел. Я хотел чистосердечно показать некоторые опыты над собой, именно те, где помогла мне религия, но вышло все это так неловко, так странно, что я не удивляюсь этому вихрю недоразумений, какой подняла моя книга... Природа у меня во многом не похожа на других людей. Я был издавна скрытен от неуменья изъясниться... А потому эта книга, имеющая вид учить других, может быть, <была> необходимым извержением того, что стремилось во мне излиться» [т. XIII, с. 343–344].

Таким «умением изъясниться» по многим проблемам общественного и духовного характера, поднятым в книге Гоголя, как никто другой, обладал

Иннокентий. Погодин писал, что «проповеди Иннокентия трепещут минутою» [Москвитянин, 1848, с. 81]. В отличие от другого выдающегося проповедника этой эпохи Филарета Московского, избегавшего в своих речах злободневности, Иннокентий не боялся говорить и об итальянской опере, и о русской масленице, он, по выражению Ап. Григорьева, чувствовал «запах и цвет жизни». Как точно заметил историк русской гомилетики, «мирская жизнь у Иннокентия как-то признана в своих правах, признана и оправдана, пусть как ущербное и неполное, но все же по своим законам движущееся и дышащее бытие» [Зубов, 2001, с. 190].

Русские писатели высоко ценили литературный дар Иннокентия. Лев Толстой, слушавший его проповеди под градом ядер на бастионах Севастополя, включил Иннокентия в список предполагаемых сотрудников журнала «Солдатский вестник», задуманного будущим автором «Севастопольских рассказов». Один из первых биографов святителя подчеркивал литературные достоинства «слов» пастыря, «этого гениального оратора на кафедре Церковной, который, как писатель русский, должен занять одно из первых мест в истории русской литературы, а как проповедник – одно из первых мест между духовными витиями не только нашего времени и Отечества, но и всех времен и народов» [Русский Златоуст, с. 99].

Речь Иннокентия необычайно доступна и образна. У него, по словам одного из современников, «сила ума разрешалась богатством образов» [цит. по: Флоровский, 1983, с. 198]. Для изъяснения церковных догматов он использует образы из мира природы, в рассказах о событиях священной истории его воображение рисует широкие картины, полные художественных деталей, которых нет в священных текстах. Однако такого рода литературность была по вкусу далеко не всем церковным авторам. Филарет Московский писал о его «Страстной седмице»: «Не лишнее было бы, если бы по иным местам пройти холодным взором рассудка, и остричь некоторые слова, в которых далеко простерлась свобода воображения» [цит. по: Барсов, 1884, с. 199].

Проповеди Иннокентия отличал глубокий психологизм, обращенность к интимно-личным переживаниям слушателей. В отличие от Филарета, который, по мнению И.В. Киреевского, движется от разума к сердцу, Иннокентий выбирает другой путь – от сердца к разуму. Исследователи уже отмечали связь его образной системы с романтизмом. Таков, к примеру, излюбленный романтиками образ развалин или руин, в котором «явлена стихийность и бесформенность ночного лика бытия» [Зубов, 2001, с. 178]. Ему целиком посвящено слово Иннокентия в святогорской сельской церкви 21 августа 1842 г. Вокруг нее располагались развалины некогда прославленного монастыря. Иннокентий видит в них символ разрушения храма человеческой души. «Как же, – вопрошает он, – узнать, что храм души нашей цел и благоустроен? – Так же, как узнают это в отношении к храмам наружным: сравнением состояния и вида их с чертежом, по которому они строены. «Чертеж» внутреннего храма – в Евангелии и совести нашей ... в нас, доколе остаемся на земле, все еще нет целого и полного храма души в том совершенстве, какое он должен иметь по намерению Небесного Архитектона» [Русский Златоуст,

с. 406–407]. Этот же образный ряд Гоголь использует в описании душевного состояния Чичикова в заключительной главе второго тома «Мертвых душ»: «Это был не прежний Чичиков. Это была какая-то развалина прежнего Чичикова. Можно было сравнить его внутреннее состояние души с разобранным строением, которое разобрано, чтобы строить из него же новое; а новое еще не начиналось, потому что не пришел от архитектора определительный план...» [т. VII, с. 124].

Столь интенсивный духовный и литературный диалог писателя и проповедника свидетельствует о том, что традиции русской гомилетики играли существенную роль в позднем творчестве Гоголя.

Список литературы

1. Барсов, Н. Н. К биографии Иннокентия / Н. Н. Барсов // Христианское чтение. – 1884. – № 1–2.
2. Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений : в 14 т. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1952.
3. Гольденберг, А. Х. Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя / А. Х. Гольденберг. – Волгоград, 2007.
4. Зубов, В. П. Русские проповедники : очерки по истории русской проповеди / В. П. Зубов. – М., 2001.
5. Москвитянин. – 1848. – Ч. 5.
6. Переписка Н.В. Гоголя : в 2 т. – М., 1988.
7. Русский Златоуст. Жизнеописание, слова и проповеди святителя Иннокентия, архиепископа Херсонского. – Единецко-Бричанская епархия, 2006.
8. Флоровский, Георгий. Пути русского богословия / Георгий Флоровский. – Париж, 1983.

О.А. Горбань

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ТЕКСТОВОГО ВРЕМЕНИ В ДРЕВНЕРУССКИХ ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТАХ

Древнерусская деловая письменность дает богатый материал для исследования истории русского языка, поскольку деловые тексты были мало подвержены влиянию церковнославянского языка и в значительной степени отражали особенности живой речи. Тем не менее многими учеными отмечается недостаточное внимание к языковой культуре деловой письменности [Котков, 1991, с. 122], неизученность деловых памятников в целом ряде лингвистических аспектов. Например, деловая письменность может рассматриваться не только как совокупный источник массивов языковых фактов, но и как корпус текстов со своими правилами их построения. В этом аспекте деловые памятники исследовались историками, документоведом. Однако они почти не изучены с позиций документной лингвистики именно как тексты с их композиционной, языковой, категориальной структурой, тогда как это представляется

актуальным для понимания истории делового языка и специфики современных документных текстов.

В докладе рассматриваются морфологические средства выражения текстового времени (темпоральности) в древнерусских грамотах XII–XIV вв. К ним относятся морфологические формы глагольного времени, а также формы повелительного и сослагательного наклонений и инфинитива, указывающие на временную отнесенность действий в сочетании с контекстуальными средствами.

В рассмотренных документах с различной частотностью представлена почти вся парадигма временных форм – настоящего, будущего простого, будущего сложного первого, будущего сложного второго, аориста, перфекта, плюсквамперфекта; в нашем материале не отмечены лишь формы имперфекта, а плюсквамперфект представлен единичными образованиями; причастия мы пока оставляем вне поля зрения, так как они употребляются в грамотах крайне редко и в силу своей грамматической специфики требуют специального рассмотрения.

Формы настоящего и простые формы будущего времени глаголов имеют много общего в значении и употреблении. Они могут выражать вневременные действия, однако в основном обозначают предполагаемые действия в будущем и встречаются часто в придаточных предложениях с условным значением; при этом в главном предложении, как правило, используется инфинитив, также обозначающий в контексте действия в будущем с оттенком долженствования. Такое употребление презентных и инфинитивных форм характерно для договорных грамот, в которых излагаются условия договора как возможные действия в будущем и необходимая реакция на них, но отмечено и в других грамотах, в частности в «охранительных» строчках. Например, в статьях договора: *Аже латинескии. **придетъ** къ городу. свободно ему **продавати*** (Гр 1229 сп. 1277–1279, смол.); в «охранительных» строчках: *А хто сю грамоту мою **порушитъ суди(т)** ему б(ог)ъ* (Гр 1389, 2, моск.), здесь использованы две презентные формы.

Сложные формы будущего времени гораздо менее частотны в грамотах, чем простые.

Среди форм прошедшего времени наиболее употребителен перфект со связкой и без нее, гораздо реже встречается аорист, единичен плюсквамперфект. Преобладание перфекта в грамотах объясняется его семантикой: он обозначал действие в прошлом, результат которого актуален для последующих действий или состояний [Терентьева, 2000]; именно такие действия, представляющие собой совершившийся правовой акт с определенными последствиями, в первую очередь и фиксируются грамотой.

Образец анализа текстообразующей функции морфологических форм глагола в деловом тексте дан С.П. Лопушанской на примере «Устава Святослава Ольговича» [Лопушанская, 1986]. Ученым показано, что «важным основанием для распределения глагольных форм времен и наклонений был признак, который можно условно назвать “степень участия субъекта в описываемых событиях”» [там же, с. 134] (под термином «субъект» понимается

автор документа); в зависимости от этого выделяются две группы словоформ – обозначающих действия самого субъекта и обозначающих действия других лиц. Точкой отсчета в тексте является словоформа, называющая основное действие субъекта, остальные глагольные формы обозначают время совершения действий по отношению ко времени действия, названного данной словоформой.

Наш материал во многом подтверждает наблюдения исследователя над ролью глагольных форм в темпоральной организации текстов древнерусских грамот. Точкой отсчета, как правило, является глагольная словоформа, обозначающая правовое действие, которое утверждается грамотой, либо факт написания документа. Субъекты этого действия могут быть представлены как субъекты (авторы) текста, что выражается формой 1 л., либо как третьи лица – участники сделки, что выражено формами 3 л. Как правило, в данной функции употребляется форма перфекта либо настоящего времени. Например, перфект: [Се] язъ. князь великии олгердъ. своимъ бра(то)мъ со кня(зе)мъ с кестутьемъ и кня(з) великии св(я)тъславъ иванови(ч) **[по]слали есмы** своихъ пословъ... (Гр 1372, 2, моск.); *се въдале* варламе с(вя)т(о)му сп(а)су. землю и огородъ... (Гр. 1192 – 1210, новг.); настоящее время: *Се язъ грешныи худыи рабъ б(ож)ии иванъ пишу* д(у)ш(е)вную грамоту... **даю** рядъ с(ы)н(о)мъ своимъ и княгини своеи. (Гр 1336, моск.). Высказывания, содержащие временные формы в таком употреблении, можно определить как перформативы, то есть высказывания, эквивалентные действию, поступку. Если в современном русском языке в перформативах выступает форма настоящего времени, то в древнерусских текстах близкое к перформативному значение выражают, как видим, и формы прошедшего времени – перфект, аорист и плюсквамперфект. Использование аориста в таком значении характерно в основном для новгородских грамот, в том числе берестяных [Зализняк, 2004, с. 174–176].

Остальные формы глаголов обозначают в тексте действия, предшествующие действию, являющемуся точкой отсчета, одновременные ему либо следующие за ним. Он могут также соотноситься не с установленной точкой отсчета, а друг с другом.

Соотношение глагольных форм рассмотрено на примере Мстиславовой грамоты 1130 г. (Гр 1130). В этом тексте точкой отсчета текстового времени является форма перфекта со связкой *повелель есмь*, обозначающая действие субъекта текста (в. кн. Мстислава Владимировича) как фиксируемый грамотой правовой акт; с нею соотносятся формы перфекта без связки *далъ*, а также формы перфекта *далъ есмь* и *велель есмь*, обозначающие действия другого субъекта текста (его сына Всеволода), которые тоже можно считать точкой отсчета. Словоформы *почънетъ хотети* (буд. сл. 1), *буди* (повелит.), *отимаеть* (наст.), *молите* (повелит.), *изоостанеть ся* (буд. пр.), *есте* (наст.) обозначают действия, будущие по отношению к «основному» действию. Далее словоформа– действия другого субъекта. По отношению к действиям *далъ*, *далъ есмь* и *велель есмь* действия, названные презентными формами *обедаеть*,

запъртитъ и *судитъ*, также являются будущими. Остальные глагольные формы соотносятся частным образом с названными.

В зависимости от содержания грамоты, набор и соотношение глагольных словоформ различался, но общие закономерности их группировки, как правило, соблюдались. Привлечение к анализу большего количества грамот разных видов может дополнить и уточнить данные наблюдения.

Текстовую категорию темпоральности в современном русском языке характеризуют как лексикоцентрическую [Матвеева, 1990, с. 31]. В древнерусских грамотах собственно лексические средства выражения текстового времени не являются преобладающими; во многих грамотах, например берестяных, они вообще не отмечены. Более значимыми в этом отношении являются грамматические средства. Именно морфологические формы глагола, на наш взгляд, являются основным средством организации текстового времени, выполняя текстообразующую функцию. Подобные наблюдения касаются и современных официально-деловых текстов на русском языке [там же, с. 77–78]. Сказанное может свидетельствовать о том, что закономерности построения деловых текстов имеют длительную традицию и закладывались еще в древнерусский период.

Список литературы

1. Зализняк, А. А. Древненовгородский диалект / А. А. Зализняк. – М., 2004.
2. Котков, С. И. Старинная русская деловая письменность в ее отношении к литературному языку / С. И. Котков // Источники по истории рус. яз. XI – XVII вв. – М., 1991. – С. 122.
3. Лопушанская, С. П. Лингвистическое описание «Устава Святослава Ольговича» / С. П. Лопушанская // Проблемы исторического языкознания. Вып. 3: Литературный язык Древней Руси : межвуз. сб. – Л., 1986.
4. Матвеева, Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий / Т. В. Матвеева. – Свердловск, 1990.
5. Терентьева, Е. В. Семантика перфектности в древнерусских формах прошедшего времени от глаголов действия, состояния, отношения / Е. В. Терентьева // Науч. шк. Волгогр. гос. ун-та. Русский глагол: история и современное состояние / науч. ред. С. П. Лопушанская. – Волгоград, 2000. – С. 454–470.

Источники *

Гр 1130 – Грамота данная в. кн. Мстислава Владимировича и его сына Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю, 1130 г.

Гр. 1192–1210, новг. – Грамота данная Варлаама Спасо-Хутынскому монастырю на землю с угодьями, челядью и скотом, 1192–1210 гг.

Гр 1229 сп. 1277–1279, смол. – Торговый договор Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г., готландская редакция, список 1277–1279 гг.

Гр 1336, моск. – Грамота духовная московского в. кн. Ивана Даниловича Калиты, 1336 г.

Гр 1372, 2, моск. – Грамота перемирия послов в. кн. литовского Ольгерда Гедиминовича с московским в. кн. Дмитрием Ивановичем Донским, 1372 г.

Гр 1389, 2, моск. – Грамота духовная (вторая) московского в. кн. Дмитрия Ивановича Донского, 1389 г.

* Тексты цит. по изд.: Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. – М., 2004. – С. 456 ; Хрестоматия по истории русского языка / сост. В. В. Иванов, Т. А. Сумникова, Н. П. Панкратова. – М., 1990. – С. 39, 60, 86, 92, 128.

Г.А. Двоеносова
Казанский государственный энергетический университет
(Казань, Россия)

КАТЕГОРИИ ФИЛОСОФИИ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ ДОКУМЕНТА

Главным признаком теоретического знания является его способность к воспроизведению сущности изучаемого объекта в ее конкретности, всесторонности и объективности [Коршунов, Шаповалов, 1986, с. 71]. постижение сущности документа является одной из ведущих теоретических проблем документоведения [Гельман-Виноградов, 2003, с. 289]. В ее решении утвердился информационный подход, навеянный в 1960-е гг. кибернетикой, документалистикой и теорией информации. Информационный подход отождествляет понятия «документ» и «информация» (документированная информация), и проблема сущности документа решается через постижение сущности информации.

Между тем сущность – философская категория, объясняемая как совокупность таких свойств предмета, без которых он не способен существовать и которые определяют все остальные его свойства. Рядом ученых информация также рассматривается как философская категория [Семенюк, 1975 и др.]. Следовательно, проблема сущности документа должна решаться через методологию философской теории научного познания, причем на основе деятельностного подхода, так как документ – продукт и результат человеческой деятельности.

Задача философского подхода к документу ставится не впервые. Группу теоретических проблем под названием «философия документоведения» выделяет А.Н. Сокова [Сокова, 1986, с. 25]. На необходимость «глубокого философского обоснования многих положений документоведения» указывает М.В. Ларин [Ларин, 2007, с. 24].

В нашем исследовании мы попытались подойти к проблеме сущности документа, используя в качестве познавательных координат категории философии. Категории, как известно, это наиболее общие фундаментальные понятия, являющиеся формами и устойчивыми организующими принципами мышления.

Уяснение сущностной природы документа следует начинать, на наш взгляд, с философской пары категорий «причина и следствие». В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова причина толкуется как: 1) явление, вызывающее, обуславливающее возникновение другого явления; 2) основание, предлог для каких-нибудь действий. Аналогичное значение имеет философское определение причины. Результат действия причины – следствие.

Сторонники информационного подхода к документу причиной его возникновения считают необходимость передачи информации во времени и пространстве. Мы усматриваем причину возникновения документа (сначала в дописменных его формах) в необходимости регулирования социальных отношений. Документ появляется как следствие социального расслоения и необходимости, в связи с этим доказательства имущественных и имущественных прав [Двоеносова, 2007, с. 251]. Аналогичное мнение о причине происхождения документа высказывает И.Н. Шпилевская: документ возник в глубокой древности как способ организации человека в социуме по вопросам, в первую очередь, собственности и права [Шпилевская, 2004, с. 300].

Категории «причина и следствие» коррелируют с другой философской парой – «цель и средство». В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова цель – это то, к чему стремятся, что надо осуществить. Средство – это прием, способ действия для достижения чего-нибудь, орудие (предмет, совокупность приспособлений) для осуществления какой-нибудь деятельности.

С точки зрения теории деятельности категория цели применительно к документу может рассматриваться в двух значениях: 1) целью документирования является запись информации на материальном носителе, и тогда документ рассматривается как результат документирования – деятельности по созданию документа; 2) целью документирования является выполнение посредством документа другого вида деятельности, и тогда документ является средством. Эти значения просматриваются в подходах к определению термина «документ». Документ есть одно из средств, при помощи которого общество функционирует, управляется и оставляет информацию о себе [Сокова, 2002, с. 9].

В зависимости от целей, назначения документа составитель выбирает его форму [Медушевская, 1985]. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова форма определяется как наружный вид предмета и как структура, выражение чего-нибудь, обусловленное определенным содержанием. Как философская категория форма объясняется как внешнее очертание, фигура, наружность, образ, а также план, модель, штамп. Термин «форма» употребляется также для обозначения внутренней организации содержания и коррелирует, таким образом, с понятием структуры. Содержание – философская категория, отображающая систему взаимосвязанных составных элементов, свойств и процессов, определяющих специфику и развитие объекта.

Как отмечал В.В. Автократов, «...автор коллективный или индивидуальный не только вкладывает в документ определенное содержание, но и организует его, сообщает ему «программу» восприятия, способ актуализации информации потребителем, которому она адресуется» [Автократов, 1979, с. 142]. Организация информации (содержания) происходит через форму. Именно через форму пользователю документированной

информации сообщается «программа» ее восприятия и использования. Документоведение рассматривает документ как форму фиксации и передачи информации, как форму личностных и официальных общений, как форму сохранения первичной информации для последующего отображения истории общества и социально-экономических отношений» [Сокова, 1986, с. 5].

В единстве «форма – содержание» более устойчивой является форма [Сокова, 2002, с. 9]. Это, на наш взгляд, объясняется тем, что именно форма актуализирует содержание документа и обеспечивает его действие. Действительна форма. Документ – превращенная форма действия, выраженная языком и закрепленная на материальном носителе информации.

Мы полагаем, что форма – наиболее устойчивый (неизменный) признак документа, а значит – его сущность, если следовать определению сущности.

В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова понятия сущности и явления не противопоставляются. Сущность определяется как внутренняя основа, содержание, смысл, суть чего-нибудь, как сущность явления. Явление – то, в чем сказывается, обнаруживается сущность, а также вообще всякое проявление чего-нибудь. Следовательно, документ – это явленная сущность. Документ – это форма отражения социальной реальности, одна из множества форм, которой придается символическое значение первоисточника наиболее достоверной информации о фактах, явлениях и событиях реальной действительности. Документ – символическая форма материализации, объективации действия, конвенциональная форма.

Список литературы

1. Автократов, В. Н. Понятие происхождения в архивоведении / В. Н. Автократов // Археограф. ежегодник за 1978 г. – М. : Наука, 1979. – С. 142–145.
2. Воробьев, Г. Г. Документ: информационный анализ / Г. Г. Воробьев. – М : Наука, 1973.
3. Гельман-Виноградов, К. Б. О новых возможностях познания сущности / К. Б. Гельман-Виноградов // Документация в информационном обществе: парадигма XXI века : докл. и сообщ. на десятой Междунар. науч.-практ. конф., 25–26 нояб. 2003 г. / Федер. архивное агентство, ВНИИДАД. – М., 2001. – С. 289.
4. Гельман-Виноградов, К. Б. Трудности научной трактовки понятия «документ» и пути их преодоления / К. Б. Гельман-Виноградов // Особая миссия документов : избр. тр. / предисл. проф. М. В. Ларина. – М., 2009. – С. 13.
5. Двоеносова, Г. А. Вопросы теории документоведения сквозь призму подготовки специалиста / Г. А. Двоеносова // Документация в информационном обществе: современные технологии документооборота : докл. и сообщ. на XIII Междунар. науч.-практ. конф., 22–23 нояб. 2006 г. / Росархив, ВНИИДАД. – М., 2007. – С. 251.
6. Коршунов, А. М. Методологические проблемы исторического познания и принцип отражения / А. М. Коршунов, В. Ф. Шаповалов // Вопросы философии. – 1986. – № 3. – С. 71–80.
7. Вопросы документоведения и архивоведения в трудах К.Г. Митяева (к 70-летию со дня рождения) / А. А. Кузин, Т. В. Кузнецова, Я. З. Лившиц, К. И. Рудельсон // Советские архивы. – 1972. – № 2. – С. 55.
8. Ларин, М. В. О научной деятельности ВНИИДАД в сфере документационного обеспечения управления / М. В. Ларин // Документация в информационном обществе:

современные технологии документооборота : докл. и сообщ. на XIII Междунар. науч.-практ. конф., 22–23 нояб. 2006 г. / Росархив, ВНИИДАД. – М., 2007. – С. 24.

9. Медушевская, О. М. Теоретические проблемы в современном источниковедении / О. М. Медушевская // Теория и методы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин : межвуз. сб. – М., 1985.

10. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: Ок. 60000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под. общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 25-е изд., испр. и доп. – М. : Оникс : Мир и Образование, 2007. – С. 837.

11. Семенюк, Э. П. Методологическая роль общенаучных категорий и подходов в информатике / Э. П. Семенюк // НТИ. Сер. 2. – 1975. – № 2. – С. 9.

12. Сокова, А. Н. Документоведение как научная дисциплина: объект, предмет, основные задачи / А. Н. Сокова // Документирование управленческой деятельности : сб. науч. тр. / Главархив СССР, ВНИИДАД. – М., 1986. – С. 5–50.

13. Сокова, А. Н. Пути воздействия государства на работу с документами в негосударственной сфере экономики / А. Н. Сокова // Делопроизводство. – 2002. – № 2. – С. 9–12.

14. Урсул, А. Д. Природа информации : филос. очерк / А. Д. Урсул. – М., 1968.

15. Философия : энциклопед. словарь / под. ред. А. А. Ивина. – М. : Гардарики, 2006. – С. 84.

16. Шпилевская, И. Н. Эволюция дефиниции термина «документ» и система функций документа / И. Н. Шпилевская // Документация в информационном обществе: парадигмы XXI века : докл. и сообщ. на десятой Междунар. науч.-практ. конф., 25–26 нояб. 2003 г. / Росархив, ВНИИДАД. – М., 2004. – С. 300.

А.Н. Долженко

**Российская академия государственной службы при Президенте
Российской Федерации (Москва, Россия)**

О ПОЛЬСКОМ НАЧАЛЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVII–XVIII ВЕКОВ

Общеизвестно, что государственное противостояние и конфессиональная непримиримость порождали и поддерживали негативные образы и отрицательные стереотипы во взаимных представлениях поляков и русских. Однако, наряду с отражением в коллективном и культурном бессознательном российско-польских конфликтов, необходимо учитывать и ту роль, которую польская литература сыграла в формировании русской литературной традиции. Поскольку русско-польские литературные связи с XIX века (от Мицкевича и Пушкина) до настоящего времени исследуются давно и активно, хотелось бы обратить внимание на ряд как известных, так и малоизвестных обстоятельств, раскрывающих суть польского начала в русской литературе XVII–XVIII веков, по инерции несправедливо воспринимающихся лишь как средневеково-барочная и просветительски-абсолютистская увертюра к русской классике.

Первый факт, на котором традиционно сходится внимание компаративистов, относится к влиянию польской силлабики на русское стихосложение. Первой и длительное время единственной стихотворной системой в русской поэтической культуре было народное тоническое

стихосложение, определяющее стихотворный облик фольклорного жанра лирической песни. К середине XVII века складывается русская силлабика. Академик А. Соболевский считал, что силлабические стихи – вирши – возникли под влиянием польской поэзии. Есть и противоположная точка, чрезвычайно распространенная и разносторонне аргументированная в советском стиховедении, о том, что силлабика сложилась сама собой. Однако аргументы Соболевского выглядят более убедительными. Чужое для ткани русского стиха принимается поэтической культурой только в том случае, если считается образцовым. Так и было в случае с польской силлабикой.

Отнюдь не удивительно, что подлинный расцвет русской силлабической поэзии наступает в середине 60-х годов XVII в. Он связан с деятельностью крупнейшего поэта XVII в. Симеона Полоцкого и его учеников: Сильвестра Медведева и Кариона Истомина. Силлабический стих Полоцкого формировался под непосредственным воздействием польского стиха, но был тесно связан со строем книжного русского языка, которым он писал свои произведения. Силлабическая поэзия Сильвестра Медведева мало оригинальна. Он многое заимствовал из поэзии своего учителя. Карион Истомин был более талантливым и плодовитым учеником Симеона Полоцкого. Он использует поэзию в качестве важного средства борьбы за просвещение. Благодаря деятельности Симеона Полоцкого и его учеников силлабический стих начинает широко применяться в литературе. Возникает новый поэтический род – лирика, появление которой – яркое свидетельство начала идентификации и дифференциации личности.

Принципы силлабического стихосложения, разработанные во второй половине XVII в., получили дальнейшее развитие в творчестве поэтов-силлабиков первой трети XVIII столетия: Петра Булаева, Феофана Прокоповича. А уже В.К. Тредиаковский соединил свое (русскую тонику) и чужое (польскую силлабику). То же, но сквозь призму немецкой поэтической традиции, делал и М.В. Ломоносов. В результате уже у А.П. Сумарокова мы имеем дело с русским силлабо-тоническим стихосложением классического образца, просуществовавшим в практически неизменном виде вплоть до рубежа XIX–XX вв.

Второй факт, свидетельствующий о польском влиянии на русскую литературную традицию, связан с вопросом о своеобразии русского барокко. По нашим наблюдениям, в русской литературе конца XVII – первой трети XVIII века реализуются эстетические программы, восходящие как к галантному, так и к сарматскому течениям барокко в польской литературе.

Галантное барокко нашло воплощение в анонимной лирике петровской эпохи, утверждавшей новый тип отношений между мужчиной и женщиной (прекрасная дама и галантный кавалер). Здесь формируется не только новый тип отношения – любовь к человеку, но и традиция его изображения – пирометафорика любви, как у польских «маринистов» (Морштын), выступивших в роли своеобразных проводников античной и ренессансной традиций изображения любви в русскую литературу.

Морализаторство, дидактичность, склонность к сатире в духе Вацлава Потоцкого и в целом сарматского течения польского барокко находят отражение в творчестве А.Д. Кантемира. Следует полагать, что масштабный сравнительный анализ творчества Потоцкого и Кантемира позволил бы по-новому взглянуть на формирование и некоторые особенности развития жанра стихотворной сатиры в русской литературе первой половины XVIII в.

Особое внимание хотелось бы обратить на третий факт – отношение к полякам в трагедии А.П. Сумарокова «Димитрий Самозванец» (1771). Известно, что в истории русской трагедии она занимает особое положение, так как это, по сути, первое драматическое произведение, написанное не на основе летописных сюжетов или по мотивам античных и европейских пьес, а на реальном историческом материале. Казалось бы, события Смутного времени как нельзя более располагают к художественному выражению конфессиональной непримиримости. В определенной степени это так. Однако оценка фигуры Самозванца русским народом, высказанная Начальником стражи, заставляет посмотреть на изображение отношения русских к полякам с другой стороны. На вопрос Димитрия о том, что говорят о нем в народе, Начальник отвечает следующее:

*Что ты не царский сын, которым ты явлен,
Что он во Угличе неложно умерщвлен.
Отрепьевым тебя в народе именуют,
Твою историю вот тако знаменуют:
Что ты из общества монашеска ушел
И в Польше ты себе убежище нашел
И тамо обманул и тестя и невесту,
Дошел обманами: к престола царска месту;
Что днесь колеблется поляками сей трон
И церкви западной ты вводиши закон;
Что ты безбожия и наглостей рачитель,
Москвы, России враг и подданных мучитель.*

Примечательно, что русский народ вменяет Самозванцу в вину то, что он, найдя убежище в Польше, обманул невесту и тестя. Известно, что, сговорившись с Юрием Мнишеком о свадьбе на его дочери Марине, он выдал невесте запись, по которой обязался не стеснять ее в делах веры и уступить ей в полное владение Великий Новгород и Псков, причем эти города должны были остаться за Мариной даже в случае ее неплотия. По восшествии же на престол Самозванец, не желавший раздражать народ, настаивал на православном отправлении Мариной крестного знамения, а вместо обещанных земель предложил денежную компенсацию. И этот обман становится в один ряд с другими грехами Димитрия.

Таким образом, Димитрий Самозванец оценивается народом не как государь (нарушив слово, он не отдал территории), а как человек (в благодарность за «убежище» он обманул и тестя, и невесту). При этом явная

антипатия по отношению к Самозванцу здесь сочетается с неявной симпатией, по меньшей мере с сочувствием, по отношению к полякам, которые так же, как и русские, стали жертвами Димитрия, обманом дошедшего «к престола царска месту». То, что в произведении, написанном на материале истории противодействия польскому владычеству, нашло выражение сочувствие к полякам – факт неординарный. Однако именно данный факт, как и целый ряд других, позволяет судить о том, что уже в XVIII столетии художественная аксиология русской литературы утверждала приоритет общечеловеческих ценностей над национальными.

Подводя итог, отметим, что все приведенные примеры свидетельствуют о том, что русская литература вплоть до конца XVIII века была еще весьма далека от воплощения того негативного гетеростереотипа восприятия поляка, который уже в начале XVII в. сформировался в народном сознании и был воплощен в устном народном творчестве.

Д.Ю. Ильин

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СИНХРОННО-ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ *

Традиционное описание проприальных единиц вынуждает «либо отказываться от рассмотрения некоторых сторон, либо выстраивать чрезмерно аморфную типологию с неопределенными связями и отношениями между отдельными ее частями» [Супрун, 2000, с. 15–16], в связи с чем необходим новый подход к изучению ономастической лексики, интерпретируемый как полевое структурирование массива топонимических фактов, что позволит показать взаимосвязь факторов, влияющих не только на состав ономастической лексики, отражающей своеобразие местных названий, но и на динамические процессы в сфере региональной топонимики, направленность которых имеет сложный центробежный и центростремительный характер [см.: Тупикова, 2008]. Изменения в ономастических подсистемах являются отражением общих тенденций в развитии русского литературного языка в новейший период, понять и описать которые возможно при синхронно-диахроническом анализе массива фактов.

При рассмотрении понятия «язык региона» во внимание принимается локализованность данной подсистемы с точки зрения временной и географической определенности бытования онама, специфика функционального

* Статья написана при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013» (Госконтракт № 02.740.11.0367).

пространства, в рамках которого характеризуется использование языковых единиц, и особенности периода социально-исторического развития общества.

Расположенность Волгоградской области в полупустынной зоне и в междуречье Волги и Дона накладывает отпечаток на топонимику указанного региона, в котором наиболее распространенными ономастическими названиями являются наименования со значением 'административно-территориальные единицы, города и другие населенные пункты', 'водные пространства, водоемы', 'рельеф местности, природные образования', 'участки суши, омываемые водами или прилегающие к водоемам'. Источниковой базой послужили тексты центральной областной газеты, которая в различные периоды называлась «Сталинградская правда» (1925–1961 гг.) и «Волгоградская правда» (с 1961 г. по наст. время); к дореволюционным изданиям, освещавшим различные стороны жизни населения, проживавшего на рассматриваемой территории, относится газета «Царицынский Вестник».

Синхронно-диахронический подход предполагает обоснование понятия «синхронный срез» применительно к данному исследованию. Учитывается, что для топонимической лексики конца XIX – начала XX вв. характерно развитие новых способов формообразования, порожденное процессами демократизации русского литературного языка, выразившееся, например, в сосуществовании онимов, зафиксированных на картах, и неофициальных названий географических объектов, принятых в речи местных жителей. В 40–50-е гг. XX в. в рамках проприальной подсистемы появляются разнообразные варианты наименований географических объектов, существующих и вымышленных, цель которых – засекретить расположение мест сражений, что связано с видоизменением социокультурных условий существования русского литературного языка в связи с Великой Отечественной войной. Для топонимической лексики конца XX – начала XXI вв. существенным является фактор намеренного переименования объектов, что связано с изменением политико-идеологических ориентиров, отношением общества к литературной норме, перераспределением прямых и переносных значений лексических единиц, тенденцией расширения функций публицистических метафор, появлением новых экспрессивно-оценочных коннотаций в семантике слов, в том числе топонимов.

Специализированными для выражения инвариантного семантического признака 'административно-территориальные единицы, города и другие населенные пункты' при обозначении соответствующего географического объекта являются астионимы *город Царицын*, *город Сталинград* и *город Волгоград*. Эти названия регулярно употребляются в различных функциях, свойственных топонимам, общеприняты при использовании, отличаются богатым ассоциативным объемом названия, являются наиболее частотными в газетных текстах наименованиями важного административно-территориального, социально-географического и культурно-исторического объекта в регионе – областного центра. В газетных текстах *Царицын*,

Сталинград и *Волгоград* употребляются, как правило, без информативно избыточного апеллятива *город*: *Какъ то Бугаевскій уехалъ изъ Астрахани въ Царицынъ* (ЦВ, 08.10.1914); *По могучим просторам Волги проплывут они от Сталинграда до Москвы* (СП, 14.05.1950); *В детских домах Волгограда и области начат набор кандидатов в оркестровый полк* (ВП, 20.05.2003). Отличительным признаком этих онимов является богатый коммуникативно-прагматический потенциал, способность получать экспрессивно-переносный смысл, обозначая, например, совокупность жителей населенного пункта: *Въ виду исключительнаго интереса, связаннаго для Царицына съ отправкой подарковъ въ действующую армію, помещаемъ более подробный докладъ объ этомъ* (ЦВ, 21.12.1914); *Отражают ли его стихи все то новое, что вносит Сталинград в общее дело всего советского народа – построение коммунизма?* (СП, 01.07.1950); *В сборе груза весом около 10 тонн приняли активное участие Волгоград, Волжский, Камышин* (ВП, 18.03.2003); место совершения какого-либо события: *На 14 октября бюллетень о состояніи водныхъ путей показываетъ въ нижней Волге – Саратовъ, Камышинъ и Царицынъ – небольшую площадь* (ЦВ, 15.10.1914); *А как помогли нам лыжные соревнования в окрестностях Сталинграда* (СП, 25.03.1944); *Санаторий "Качалинский" расположен в 60 км от Волгограда* (ВП, 26.04.2003) и др.

Регулярно реализуют свои функции, являются наиболее специализированными для обозначения географического объекта и частотными при употреблении в текстах СМИ гидронимы *Волга* и *Дон*, которые употребляются, как правило, без апеллятива *река*: *Несколько буксирныхъ пароходовъ ушло вверхъ по Дону...* (ЦВ, 31.01.1912); *Большую экономию в кормах можно получить, организова зимний выпас скота в поймах Хопра, Дона и Волги* (СП, 06.01.1942); *Всех желающих здесь непременно свозят на экскурсию в расположенную поблизости станицу Качалинскую, основанную у самого начала «переволока» из Дона в Волгу* (ВП, 24.06.2004). Данные топонимы могут иметь также переносные значения при употреблении в народно-поэтическом смысле: *Половодье на Волге-матушке пошло на спад* (ВП, 11.06.2002); *А как хорошо летом на Дону-батюшке!* (ВП, 17.07.2003).

Наиболее специализированным, регулярно используемым на страницах названных газет конца XIX – начала XX вв. и в середине XX в., частотным среди однотипных топонимических единиц, обозначающих географические объекты с инвариантным семантическим признаком 'рельеф местности, природные образования', является наименование *Дар-гора*. Этот топоним служит, как правило, для описания прилегающей к возвышенности местности: *...Конаковъ отправился къ своимъ родителямъ, проживающимъ на Дарь-Горе* (ЦВ, 05.10.1914); *23 января очистили мы от немцев Дар-гору* (СП, 31.01.1945). Данное наименование, насчитывая длительный период существования, в указанные хронологические отрезки играло важную пространственно-организующую роль в социально-географической характеристике региона: на рубеже XIX–XX вв. в местности, граничащей рядом с Дар-горой, была сосредоточена хозяйственная жизнь

Царицына, а в годы Великой Отечественной войны на этой возвышенности разворачивались кровопролитные сражения.

Регулярно используется в газетных публикациях середины XX в. и конца XX – начала XXI вв. оним *Мамаев курган*. Данная лексическая единица высокочастотна в текстах областной газеты, однако сочетаемость данного топонима с апеллятивом является социально-маркированной и значимой. В материалах «Сталинградской правды» наряду с проприативом *Мамаев курган* использовался оним *Мамаев бугор*, где существительное *бугор* указывает на определенную возвышенность: *Немецкие танки, столпившиеся на Мамаевом бугре, начали обстреливать паром* (СП, 01.10.1944). Газета «Волгоградская правда» отражает то название, которое появилось после открытия памятника защитникам Сталинграда: *Самым почетным в коллективе считается задание на строительство памятника-ансамбля героям Сталинградской битвы на Мамаевом кургане* (ВП, 21.08.2004). Существительное *курган* обогащает топоним дополнительным смыслом, оценочной окраской и становится в данном контексте не только названием возвышенности, но и экспрессивным заместителем нарицательного имени [Отин, 2006, с. 11], поскольку совмещает в своей семантике признаки двух лексико-семантических парадигм – с нейтральным и книжно-символическим значением.

Наиболее специализированным, регулярно используемым на страницах газет и частотным среди однотипных топонимических единиц со значением 'участки суши, омываемые водами или прилегаемые к водоемам' является наименование *остров Сарпинский*, служащее, как правило, для описания местности: *6 мая воспитанниками была предпринята экскурсия на Сарпинский остров* (ЦВ, 08.05.1914); *На Сарпинском острове имеется ряд естественных выходов газа* (СП, 10.01.1945); *Мы сделали проект школы на острове Сарпинском* (ВП, 10.08.2002). Данное наименование, являясь обозначением наиболее крупного острова в европейской части России, играет важную пространственно-организующую роль в социально-географической характеристике региона, насчитывает длительный период существования и известно широкому кругу носителей языка.

Помимо проприатива *остров Сарпинский* регулярно используется в газетных публикациях середины XX в. и конца XX – начала XXI вв. оним *Волго-Ахтубинская пойма*. Данная лексическая единица достаточно частотна в газетных текстах. Пространственно-организующая роль данного объекта обусловлена ее размерами, уникальностью природных и историко-культурных комплексов. Указанный оним может употребляться в прямом, стилистически нейтральном значении, например: *На плодородных почвах Волго-Ахтубинской поймы производятся посевы овощных культур* (СП, 26.07.1950); *На сегодняшний день в Волго-Ахтубинской пойме уровень воды достаточно высок* (ВП, 20.03.2004). Богатый семантико-прагматический потенциал и ассоциативный объем названия находит реализацию в перифрастических наименованиях объекта, зафиксированных в «Волгоградской правде»:

«всероссийский огород», поскольку благодатная почва дает возможность получать большой и разнообразный урожай сельскохозяйственных культур, например: *Он повел далее речь о совместных действиях в сфере переработки витаминной продукции, которая выращивается на «всероссийском огороде» – в Волго-Ахтубинской пойме* (ВП, 24.09.2003), *«оазис жизни»*, так как особый микроклимат благотворно влияет на организм человека, в частности: *В этом году детей примут базы отдыха «Огонек» и «Чайка», расположенные в живописных местах нашего «оазиса жизни» – Волго-Ахтубинской поймы...* (ВП, 14.02.2002). Данный топоним широко известен носителям языка не только в рамках Волгоградской области, но и за ее пределами.

Проанализированный массив фактов позволяет говорить о том, что топонимические единицы характеризуются различными функционально-семантическими свойствами в газетных текстах. В подсистеме региональной топонимики формируются особые связи, определяющие употребление данных имен собственных, которое обнаруживает зависимость от разных факторов. Для изучения интересующих нас процессов предлагается рассматривать названное единство проприальной лексики, сложившееся в языке региона, через понятие «сегментная структура функционально-семантического поля топонимов» [см.: Ильин, 2009]. Онимы, специализированные для обозначения географического объекта, выступающие как универсальное средство наименования объекта, реализующие различные функции, свойственные топонимам, имеющие большую частотность употребления в текстах региональных газетных изданий конца XIX – начала XXI вв., богатый семантико-прагматический потенциал и ассоциативный объем названия, выполняющие пространственно-организующую роль в географической характеристике региона как социально и административно значимые объекты, насчитывающие длительный период существования, известные широкому кругу носителей языка не только на данной территории, но и за ее пределами, по своим признакам представляют собой ядерные конститuentы названного поля. Предлагается говорить о включении таких лексических единиц в вершинную часть соответствующего сегмента – совокупности единиц, предназначенных для именования на территории региона географических объектов, объединенных по семантическим признакам 'административно-территориальные единицы, города и другие населенные пункты', 'водные пространства, водоемы', 'рельеф местности, природные образования', 'участки суши, омываемые водами или прилегающие к водоемам'. Менее специализированные для обозначения географического объекта онимы, употребляемые, как правило, с соответствующим апеллятивом, непоследовательно выражающие инвариантный семантический признак проприатива, нерегулярно реализующие функции, свойственные топонимам, характеризующиеся малой частотностью употребления в газетных текстах, обладающие невысоким семантико-прагматическим потенциалом и обозначающие объекты, которые не имеют важного пространственно-

организующего значения в географической характеристике региона и большой социально-административной значимости в масштабах территории, а также мало известны носителям языка за пределами региона, могут быть отнесены к срединной части выделяемого нами сегмента и по своим функционально-семантическим свойствам обнаруживают, соответственно, принадлежность к ближней периферии всего реконструируемого функционально-семантического поля топонимов. Ономастические единицы, способные получать различное смысловое наполнение в зависимости от апеллятива, с которым сочетаются, и контекстуального окружения, в рамках которого употребляются, называют небольшие географические объекты, не имеющие большой административно-хозяйственной значимости, характеризуются малой частотностью в газетных текстах, мало известны носителям языка в коммуникативном пространстве региона и обладают низким семантико-прагматическим потенциалом, предлагается рассматривать в составе окраинной части выделенного сегмента, что связано с реализацией признаков, свойственных конституентам дальней периферии моделируемого поля.

Список литературы

1. Ильин, Д. Ю. Полевая организация топонимической лексики в языке региона / Д. Ю. Ильин // Вестн. Рос. гос. ун-та им. Иммануила Канта. Вып. 8. Сер. «Филол. науки». – Калининград, 2009. – С. 19–24.
2. Отин, Е. С. Словарь коннотативных собственных имен / Е. С. Отин. – М. ; Донецк, 2006.
3. Супрун, В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : дис. ... д-ра филол. наук / В. И. Супрун. – Волгоград, 2000.
4. Тупикова, Н. А. Язык региона как объект научного исследования: задачи и перспективы / Н. А. Тупикова // Теоретические и лингводидактические проблемы исследования русского и других славянских языков. – Волгоград, 2008. – С. 185–197.

Е.Ю. Ильинова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ МОНИТОРИНГА ПЕЧАТНЫХ СМИ В МАССМЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА *

Современная лингвистика дискурса складывается из значительного числа теорий, раскрывающих содержание феномена коммуникативности как свойства, обуславливающего преодоление асоциального, иррационального, неразумного в поведении человека. Анализ коммуникативных функций языка и изучение характера влияния антропогенного фактора на стратегии построения коммуникации позволяет выявить стереотипные и индивидуально-личностные реализации дискурса, а далее систематизировать формы речевого поведения,

* Написано при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013» (Госконтракт № 02.740.11.0367).

связав их с общественными и личностными мотивами и потребностями человека. Следует отметить, что исследователи дискурса, избирая дескриптивный подход к систематизации форм коммуникации и признавая их синкретический характер, не всегда учитывают факторы временной или локальной (региональной) специфики реализации отдельных категорий дискурса, зафиксированных в ходе научного анализа. Как представляется, наблюдения за реализациями выявленных категорий и расширение массива упорядоченных во времени и пространстве текстов дают ценные сведения о вариативности проявления типологических закономерностей организации реального дискурсивного пространства.

В задачи данной публикации входит обоснование информационно-потребностного подхода к мониторингу информации, передаваемой печатными СМИ, и анализ тематической специфики новостного пространства региона. Это позволит получить данные о социокультурных доминантах, влияющих на формирование и развитие гражданского общества в отдельном регионе (в частности, Волгоградской области). В качестве главного приема изучения предлагается мониторинг, под которым мы понимаем процесс регулярного и многоаспектного анализа новостного контента региона и отслеживания динамики изменения коммуникативно-стилевых особенностей языка журналистики. Представляется, что многолетние и постоянные наблюдения за частотностью реализации отдельных категорий массмедийного дискурса, ограниченные временными и/или географическими рамками, – это не только средство объективации выводов об актуальности, теоретической и практической значимости важных характеристик дискурса отдельной разновидности, но и прием изучения его социокультурной ценности как особого фактора, связывающего коммуникативные способности человека с мотивами и потребностями его бытия.

Признавая важность многоаспектного подхода к мониторингу новостного пространства региона, отметим, что центральными понятиями мы считаем событие, мотив и потребность. Событие получает статус новостного, когда оно рассматривается как важное явление или факт, произошедшие в общественной или личной жизни, вхождение его в массмедийный дискурс означает, что оно достойно быть представленным на всеобщее обозрение (ср.: «Любой акт коммуникации определяется внеязыковыми факторами и мотивами – своей тематикой и содержательно-информативным смыслом, условиями, в которых оно происходит, самими участниками, то есть характером, целями, намерениями, даже настроением» [Костомаров, 2005, с. 15]).

Мотив и потребности – это главная причина, по которой становится необходимой коммуникация в целом. Любая форма коммуникации обслуживает биологические, социальные и идеальные или иные потребности человека (напр., выживание, сотрудничество с другими людьми, убеждение других действовать или думать каким-то образом, осуществление власти над другими людьми, объединение обществ и организаций в одно целое, получение и сообщение информации, осознание мира и нашего опыта в нем, проявление творческой натуры и воображения – об этом: [Олянич, 2007,

с. 48]). Изменение качества жизни и требований времени ведет к трансформации потребностей и, по мнению ряда социологов и политологов, подчинено закону возвышения потребностей (так называемые потребности развития). Они трансформируются и переходят с низкого на более высокий уровень, вызывая изменения в характере общения и влияя на развитие типов коммуникативного взаимодействия.

Одной из главных потребностей современного общества считается потребность в информации, поскольку она не только удовлетворяет природное любопытство человека, позволяя ему изучать мир и формировать научные знания о нем, но и трансформирует все другие потребности, расширяя социальные и культурные формы бытия человека. Приведенные выше пояснения позволяют нам предложить информационно-потребностный подход к организации мониторинга массмедийного пространства отдельного региона. Он основан на выделении базовых и ценностно-ориентированных потребностей человека, которые формируют тематические и ценностные доминанты этого пространства и позволяют систематизировать новостные события и формы их представления в массмедийном дискурсе. В современном новостном пространстве информирование общества осуществляется в соответствии с такими тематическими рубриками, как политика, экономика, финансы, бизнес, технология, наука, культура, спорт, здоровье, развлечения, что соответствует потребностям в материальных благах, информированности, вере, равенстве социальных прав, обеспечении безопасности, охране здоровья, обеспечении порядка, снятии социального и индивидуального напряжения и т. д. На страницах общероссийских и местных изданий они могут быть представлены в разной степени и разной пропорции, существенные несовпадения наблюдаются и по таким параметрам, как жанр, тональность и стиль описания события.

Текст новостного сообщения, как известно, характеризуется высокой степенью событийности (в идеале его содержание должно быть адекватно всем понятийным характеристикам события и обладать ценностью для экономической, политической, социально-культурной жизни страны или отдельного региона), а также коммуникативной ценностью, ориентированной не только на информирование, но и воздействие на общественное сознание жителей региона. Значимость последнего объясняется прагматикой массмедийного дискурса – новостное информирование предполагает не столько передачу нового знания, сколько изменение (расширение, углубление) общих представлений о состоянии гражданского общества на данный (малый по длительности, но современный) период. От потребителя информации требуется умение включаться в процесс установления соответствия полученной информации общим представлениям о правилах социального устройства общества и их адекватности морально-нравственным критериям социума.

Изучение приемов концептуализации новостного события в масс-медийном пространстве региона проводилось по следующим этапам и с учетом ряда параметров: 1) выделение события, составившего основу содержания текста (описание места, времени, участников, действий, их последствий и т. п.); 2) отнесение события к тематической рубрике новостного дискурса (политика, экономика, финансы, бизнес, технология, наука, культура, спорт, здоровье, развлечения и т. п.) и выявление его связи с группой витальных, социальных или идеальных потребностей; 3) анализ жанровой отнесенности текста о событии (выделение прототипных характеристик, позволяющих отнести текст к отдельной разновидности массмедийного дискурса); 4) определение фокуса изображения события (анализ приемов его языкового воплощения, интерпретация образных и стилистических средств его описания).

Мониторинг печатного массмедийного пространства региона за 2009 год показал, что в нем достаточно полно представлены печатные издания общероссийского и регионального уровней. Местная печать основное внимание уделяет новостям Волгоградской области, которые распределяются по таким рубрикам, как *Региональная экономика*, *Региональная политика*, *Закон и порядок*, *Криминал*, *Спорт*, *Здоровье*, *Культура и досуг*. В них в центре новостных событий – люди, их личные достижения и проблемы, сообщения о диалоге власти с жителями отдельного района и т. п. Общее новостное пространство дополняют информационно-аналитические бюллетени, периодические издания муниципального уровня, в которых ярко выражены политические взгляды их издателей. В таких изданиях практически отсутствует информация о событиях, относящихся к категории общероссийского и международного уровня, не публикуются аналитические обзоры по экономическим и политическим вопросам страны и регионов ЮФО, в них нет информации о культурных событиях области, проявляется стремление позиционировать образы отдельных лидеров региона.

Анализ приемов и форм вербализации события на страницах печатных изданий позволил выявить ряд различий в стиле и тональности новостного текста. Весьма распространенным и эффективным приемом речевого воздействия в массмедийном дискурсе следует признать фокусную подачу информации. Она проявляется, в первую очередь, в заголовке новостной статьи, который принято считать сильной позицией текста. Здесь начинается манипулятивное воздействие на сознание читателя – информируя его о теме текста, автор не только называет событие, но и пытается заранее сформировать отношение к нему. В таких заголовках активно действует сценарий «двойной игры» – одновременно реализуются две интенции отправителя речи: журналист весьма пространно информирует читателя о факте или актуальном событии, но восприятие осложняется образной формой представления, в которой доминирует эмоциональное отношение автора.

В статье представлены первые результаты исследования, посвященного выявлению информационных доминант массмедийного пространства региона

на основании анализа содержания местных и общероссийских печатных изданиях, распространяемых в г. Волгограде. Данные мониторинга позволяют не только наблюдать, но и прогнозировать направления трансформации потребностей вслед за изменением гражданского сознания социума, за характером диалога между властью и гражданами, между обществом и его отдельными представителями с целью объединения граждан, проживающих на единой территории.

Список литературы

1. Костомаров, В. Г. Наш язык в действии : очерки современной стилистики / В. Г. Костомаров. – М. : Гардарики, 2005.
2. Олянич, А. В. Презентационная теория дискурса / А. В. Олянич. – М. : Гнозис, 2007.

С.В. Ионова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ ТЕКСТА КАК ПРЕДМЕТ ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА *

Слово «мониторинг» происходит от латинского «*monitor*» – напоминающий, надзирающий. В самом общем смысле мониторинг определяют как постоянное наблюдение за каким-либо процессом с целью выявления его соответствия желаемому результату или исходному положению.

Известно, что впервые мониторинг стал применяться в естественных науках, затем в экологии и других смежных науках. В экологии мониторинг – это непрерывное слежение за состоянием окружающей среды с целью предупреждения нежелательных отклонений по важным параметрам. Сегодня главная сфера практического применения мониторинга – это управление, а точнее, информационное обслуживание управления в различных областях деятельности. В применении к общественным наукам мониторинг рассматривается как средство обеспечения эффективного функционирования системы прогнозирования. Система построения прогноза основана на систематическом, специально организованном опросе экспертов с целью заблаговременного взвешивания возможных последствий принимаемых решений с помощью сугубо условных предсказаний поискового и нормативного характера.

Для осуществления мониторинга необходимо выделение и учет следующих факторов: *объекта наблюдения, образца для соотнесения данных, средство сопоставления, критерии оценки положения дел*. Для осуществляемого нами лингвоэкологического анализа на данном этапе его разработки наиболее актуальным вопросом является выявление принципов экологичности коммуникации, и в частности, текстовой коммуникации.

Несмотря на то, что экологический аспект лингвистического анализа выделился в самостоятельную исследовательскую область лишь с начала 70-х

* Исследование проводилось в рамках тематики и при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013» (Госконтракт № 02.740.11.0367).

годов XX в., практические разработки и использование принципов экологичности применительно к таким нематериальным образованиям, как язык и содержание создаваемых посредством языка текстов, стало осуществляться лишь на рубеже XX–XXI вв. К этому времени лингвистика обогатилась теоретическими и прикладными исследованиями в области грамматики, семантики и прагматики языка и текста, позволяющими начать разработку «экологических переменных» (по Х. Хаарману): *лингвосоциальных, лингвополитических, лингвокультурных, лингвopsихологических, интеракционных и др.*, – которые определяют языковое поведение социальных групп и отдельных личностей в среде их взаимодействия.

Одним из интегральных гуманитарных объектов, способных подвергаться эколингвистическому мониторингу, является текст и текстовые пространства как особая, информационная среда жизнедеятельности человека. Текстовое пространство в качестве разновидности экологической среды представляет собой совокупность вербальных текстов, рассматриваемых с позиций их закономерных связей и отношений, а также «пространства созерцания» (восприятия, представления, «внешнего» переживания) Цель эколингвистики данного направления состоит в формулировании и разъяснении идеологии, мировоззренческих установок общества, тех сакральных ценностей и сверхсмыслов, без которых не может развиваться никакое государство и нация.

В контексте данного направления разрабатываются общетеоретические проблемы, связанные с разработкой принципов экологичности жизнедеятельности человека в текстовой информационной среде. Сегодня этот вопрос находится в стадии разработки, а предлагаемые исследователями принципы экологичности пока не образуют системы и не охватывают всех важнейших сторон процесса, который условно можно обозначить как взаимодействие «текст – человек». В рамках проводимого исследования учитываются разработки ученых, которые могут служить обоснованием тех или иных принципов экологичности и служить основанием для разработки и проведения развернутого эколингвистического мониторинга текстового пространства волгоградского региона. Среди наиболее актуальных для нашего исследования разработок выделим следующие.

А. Понимание информационной среды как явления, стоящего в одном ряду с такими теоретическими конструктами, как ноосфера В.И. Вернадского и семиосфера Ю.М. Лотмана: семиосфера образует коммуникативно-семиотическую структуру ноосферы – биосферы, организуемой разумной мыслью человека и рассматриваемой как система знаковых опор сознания [Лотман, 2000]. Информационная среда представляет условия для развития субъекта информационного пространства, степень ее благоприятствования определяется внутренними характеристиками субъекта.

Б. Понятие нравственной экологии и экологии культуры [Лихачев, 1985; Лихачев, 1997]. В работах Д.С. Лихачева отмечается, что экологию нельзя ограничивать только задачами сохранения природной биологической среды. Для жизни человека не менее важна среда, созданная культурой его

предков и им самим. Как отмечает ученый, культурная среда столь же необходима для духовной, нравственной жизни человека, для его «духовной оседлости», для его привязанности к родным местам, для его нравственной самодисциплины и социальности, как и природная, биологическая среда [Лихачев, 1985, с. 94].

В. Аспект экологичности эмотивной коммуникации. В качестве основного признака экологичности здесь предлагается использовать понятие положительного индекса эмотивности, то есть соблюдения этических и эмотивных норм пользования языком [Солодовникова, Шаховский, 2010]. Из-за отсутствия должной эмоциональной / эмотивной компетенции коммуникантов высказывания и сообщения чисто информационного характера могут быть эмоциональными и поражающими не только рациональную, но и чувственную сферу адресата.

Г. Концепция энергетического потенциала языка и создаваемых на нем речевых произведений (синергетика языка и текста) и биолингвистика. По словам В.Ф. Нечипоренко, под биолингвистикой следует понимать «науку о взаимоотношениях, взаимосвязях материального и духовного (психического) начал в человеческом организме» [Нечипоренко, 1984, с. 74].

Д. Установление глубинных механизмов целенаправленного воздействия текстов на сознание адресатов:

- приемов формирования адекватного или искаженного образа мира в сознании потребителей текстовой информации; утрата смыслов в процессе ретрансляции текстовой информации [Ионова, 2006];
- механизмы сближения реальной референции и вымысла в тексте [Ильинова, 2008],
- приемы совмещения достоверного и недостоверного знания в коммуникации [Панченко, 2010],
- понятие коммуникативного смягчения – митигации [Тахтарова, 2010];
- трансдискурсивная природа символа, механизмы прочтения текстового единства с позиций социологического кода [Млечко, 2009].
- феномен вербальной агрессии в конфликтной коммуникации [Волкова, 2009] и др.

Е. Исследование принципов экологичности использования языка в разных сферах общения: в сфере современной электронной коммуникации, в политическом и медийном дискурсах [Леонтович, 2010; Солодовникова, Шаховский, 2010].

На основе анализа регионального коммуникативно-текстового пространства в соответствии с выявленными критериями экологичности в сфере информации и вербализованных знаний возможно осуществление оценки экологического состояния инфосреды, установления степени ее экологической опасности. Под экологической опасностью в науке принято понимать угрозу ухудшения качества среды, обусловленную наличием или потенциальной возможностью возникновения вредных факторов [Экологический менеджмент,

2008]. По современным представлениям, ухудшающаяся экологическая обстановка классифицируется по возрастанию степени неблагополучия: *относительно удовлетворительная; напряженная; критическая; кризисная; катастрофическая*. Перспективой для эколоингвистических исследований должна являться разработка и внедрение в практику система диагностики состояния информационной среды существования человека в регионе.

С учетом указанных выше подходов в качестве основной задачи коммуникативно-текстовой экологии следует определить достижение приемлемого уровня взаимодействия между объектом и средой, достижения *гармонии* в использовании разнообразных видов и форм информации с учетом интересов участников общения, в выборе оптимального эмоционального стиля общения и т. д. В качестве обобщающего принципа экологичности текстовой коммуникации в этом случае предлагается рассматривать «принцип баланса», а именно, *информационного баланса* как соотношения количественной и качественной информации, обуславливающей гармоничное состояние информационного пространства; *концептуального баланса* как качественной характеристики информации, определяемой ее концептуальной полнотой, многосторонностью и оценочной окрашенностью создаваемого информационного образа; *эмоционального баланса* как соотнесения позиций участников коммуникации с нормами и правилами эмоционального взаимодействия, принятыми в данном сообществе.

Данные подходы, как нам представляется, соответствуют целям языковой экологии и позволяют при помощи языковых произведений решать задачи, выходящих в область коммуникации и, шире, в социальный контекст.

Список литературы

1. Волкова, О. С. Прагмалингвистические особенности межличностного общения в коммуникативной ситуации «Бытовой конфликт» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. С. Волкова. – Волгоград, 2009. – С. 13.
2. Ильинова, Е. И. Вымысел в языковом сознании и тексте / Е. Ю. Ильинова. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2008.
3. ИONOва, С. В. Аппроксимация содержания вторичных текстов / С. В. ИONOва. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006.
4. ИONOва, С. В. Вторичный текст и проблема преобразования смысла в коммуникации / С. В. ИONOва // Человек в коммуникации: аспекты исследований. – Волгоград, 2005. – С. 121–134.
5. Леонтович, О. А. Проблемы виртуального общения. Волгоградский государственный педагогический университет / О. А. Леонтович // Ecolinguistics: человек, язык и окружающая среда, 2010. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://ecolinguistics.ru/index.php>.
6. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность. Антология / под ред. В. П. Нерознака. – М. : Academia, 1997.
7. Лихачев, Д. С. Экология культуры / Д. С. Лихачев // Прошлое – будущему. – М. : Наука, 1985.
8. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство–СПБ, 2000.
9. Млечко, А. В. От текста к тексту. Символы и мифы «Современных записок» (1920–1940) : монография / А. В. Млечко. – Волгоград : ВолГУ, 2008.

10. Нечипоренко, В. Ф. Биоллингвистика в ее становлении (Биоллингвистические основы системы памяти, мышления, языка и речи) / В. Ф. Нечипоренко. – М. : МГПИ, 1984.
11. Панченко, Н. Н. Достоверность как коммуникативная категория / Н. Н. Панченко. – Волгоград : Перемена, 2010.
12. Солодовникова, Н. Г. Терапевтическая функция языка / Н. Г. Солодовникова, В. И. Шаховский // Ecolinguistics: человек, язык и окружающая среда. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://ecolinguistics.ru/index.php>.
13. Тахтарова, С. С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты) : монография / С. С. Тахтарова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. – 382 с.
14. Экологический менеджмент ISO 14000 // Донской экологический центр 2004–2008. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.ektor.ru/pages/iso.asp?id=6>.

В.И. Карасик

**Волгоградский государственный педагогический университет
(Волгоград, Россия)**

ЭПИНОМЫ КАК СМЫСЛОВЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Смысловые образования в индивидуальном и коллективном сознании носителей определенной лингвокультуры неоднородны и подвержены различным трансформациям. Основываясь на противопоставлении ближайшего и дальнейшего значения слова (по А.А. Потебне) и выделении актуального, дополнительного и этимологического слоев концепта (по Ю.С. Степанову), можно выделить особый тип смысловых образований – эпиномные концепты, или эпиномы, смыслы с редуцированным предметным и гипертрофированным эмоционально-оценочным содержанием. Таковы, например, в массовом сознании концепты «демократия», «свобода», «война». Эти концепты, как показывают проведенные исследования [Солохина, 2004; Крячко, 2007; Филиппова, 2007], характеризуются резким изменением смысла в разных типах дискурса (научном и обиходном, политическом и художественном), имеют различное содержание в сознании представителей разных социальных групп, отличаются высокой диффузностью и используются в специфических коммуникативных ситуациях.

Терминологически эпиномные концепты соотносятся с телеономными, отправляющими к высшим ценностям (термин С.Г. Воркачева). Р. Ходж и Г. Кресс говорят о логономных правилах (logonomic rules), предписывающих условия для производства и восприятия смыслов, эти условия определяют, кто имеет право устанавливать и получать смыслы, какие темы могут наделяться смыслами, при каких обстоятельствах и в какой модальности это может происходить [Hodge, Kress, 1988, p. 3–6]. Если продолжить этот ряд терминов,

то можно выделить стандартные смысловые образования – эргономные концепты (греческие корни *epi-*, *erg-*, *teleo-*, *nom-* выражают смыслы «поверхность», «инструмент», «цель» и «закон»). Предлагаемая сетка координат сориентирована на принципиально разные типы дискурса: 1) тот, в котором порождаются новые бытийные смыслы (телеономный дискурс), 2) тот, в котором речь идет об обычных вещах и при этом сообщается некоторая содержательная информация (эргономный дискурс), 3) тот, в котором общение сводится к эмоциональному контакту (эпиномный дискурс).

В основу выполненного исследования положена следующая гипотеза: эпиномы представляют собой смысловые ориентиры, назначение которых – эмоциональное самовыражение, определение круга своих и приблизительное обозначение фрагментируемой действительности. Эти смысловые образования являются одной из первичных форм коммуникации, они свойственны младенцам, в речи которых, как известно, преобладают единицы с диффузной семантикой: один и тот же звукокомплекс может обозначать множество явлений, ассоциативно связанных между собой. Со временем происходит усложнение и фиксация смысловых отношений, устойчивые смысловые единицы составляют коллективную и индивидуальную концептосферу. Вместе с тем в этой концептосфере взрослых носителей языка существуют зоны максимально подвижных смыслов, и природа этих зон различна.

Во-первых, выделяются коммуникативные сферы, информативное содержание которых вторично по сравнению с их эмоциогенным содержанием [Шаховский, 2008]. Для общения в соответствующих ситуациях в естественных языках выработался особый класс единиц – междометия. Например, вскрикивая «Ой!», люди выражают весьма размытый класс содержательных областей – от боли или досады до удивления или радости. Разумеется, среди междометий есть и более узкие содержательные подклассы, например, рус. «Ау!» или англ. «Oops!». Сюда же можно отнести обширный класс междометных эквивалентов, которые внешне выглядят как обычные высказывания, однако в определенных коммуникативных ситуациях выражают только эмоцию, причем часто балансируют на грани социально допустимой нормы поведения и включают грубые слова. В качестве пограничного явления между языковыми единицами, выражающими весьма размытый смысл, и животными криками или выдохами, выделяются образования, которые М.Я. Блох остроумно назвал изгласениями.

Во-вторых, для коммуникативной практики важно противопоставить два типа знания – глубокое и ориентировочное. Существующие в эпистемологии (науке о знании и познании) и психологии классификации знания сводятся к пяти основным группам: 1) теоретическое, практическое и духовно-практическое знание (И.Т. Касавин), 2) предметное и процедурное знание («что» и «как»), 3) явное и скрытое для самого субъекта знание (М. Поланьи), 4) экзотерическое и эзотерическое знание и 5) глубокое и ориентировочное знание (что это либо к чему это относится). В последнем случае человек дифференцирует мир по значимым для его практической деятельности сферам.

Зона ориентировочного знания гораздо шире зоны глубокого знания, глубокое знание перетекает в веру и становится основой личности, в то время как ориентировочное знание по своей природе должно быть подвижным, подверженным постоянным изменениям. Мы можем объяснить или описать то, что мы хорошо знаем, но мы обычно даем приблизительную тематическую родовую характеристику того, что нам мало известно. Например, долото – это инструмент, пенталгин – лекарство, бихевиоризм – теория. В языке закреплено принципиальное различие между двумя типами знания – глубоким и поверхностным – в значениях диады «знать» – «ведать», «kennen» – «wissen», «to know» – «to be aware of», «savoir» – «connaitre».

В-третьих, точность обозначения мира зависит от типа дискурса, следовательно, от типа коммуникативной ситуации. Мы не должны формулировать определения нашего состояния в беседе по душам или давать точные дефиниции в ситуации ссоры. Здесь на первый план выступает выдвинутое Цицероном требование уместности речи как основное риторическое правило. Эпиномная коммуникативная практика является генетически исходной для людей, при этом те знаки, в которые она облекается, еще нельзя в полной мере называть второй знаковой системой. Уровень коммуникативной компетенции взрослого человека определяется, по М.М. Бахтину, количеством жанров речи, которыми владеет носитель культуры. Вряд ли можно владеть всеми речевыми жанрами на высоком коммуникативном уровне, если принять во внимание вторичные жанры речи, но есть определенный минимум, владение которым необходимо для того, чтобы быть членом социума. Первичные речевые жанры конситуативны, их предметное содержание в значительной степени выражается указательно, речь идет о наблюдаемом или как бы наблюдаемом. Качественный сдвиг происходит при переходе от эпиномов к эргономам, к тем концептам, которые имеют фиксированное содержание. Невозможно с помощью эпиномов выразить повествование, рассказать о чем-либо. Однако возможно обратное движение, инволюция речи, нарастающая потеря точности смыслов:

«Что же там было?» – «Да вот, вообще, короче, понимаешь, на тебе!»

В-четвертых, речь идет о коммуникативной компетенции личности. Есть область невыразимых смыслов, то, о чем Ф.И. Тютчев сказал: «Мысль изреченная есть ложь». Эта же мысль выражена Л. Витгенштейном: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать». Но наряду с объективной невыразимостью определенных смыслов есть и субъективная невыразимость, обусловленная низким уровнем коммуникативной компетенции языковой личности. Показателен пример из известного произведения В.М. Гаршина «Сказка о жабе и розе»:

Ей очень понравилась роза, она чувствовала желание быть поближе к такому душистому и прекрасному созданию. И, чтобы выразить свои нежные чувства, она не придумала ничего лучше таких слов:

– Постой, – прохрипела она, – я тебя слопаю!

Жаба символизирует в этой притче все низкое, грубое, уродливое. Неслучайно она сводит свое восхищение перед розой к первичной витальной потребности. Замечу, впрочем, что грубое и уродливое может выражаться достаточно изощренно. Но в данном контексте речь персонажа сводится к простейшим вербально выраженным рефлексам, поскольку другими коммуникативными средствами жаба не обладает. Героиня «Двенадцати стульев» И. Ильфа и Е. Петрова изъяснялась исключительно эпиномами:

Словарь Вильяма Шекспира по подсчету исследователей составляет 12 000 слов. Словарь негра из людоедского племени «Мумбо-Юмбо» составляет 300 слов.

Элочка Щукина легко и свободно обходилась тридцатью.

Вот слова, фразы и междометия, придирчиво выбранные ею из всего великого, многословного и могучего русского языка:

1. Хамите.

2. Хо-хо! (Выражает, в зависимости от обстоятельств: иронию, удивление, восторг, ненависть, радость, презрение и удовлетворенность.)

3. Знаменито.

4. Мрачный. (По отношению ко всему. Например: «мрачный Петя пришел», «мрачная погода», «мрачный случай», «мрачный кот» и т. д.)

5. Мрак.

6. Жуть. (Жуткий. Например, при встрече с доброй знакомой: «жуткая встреча».)

7. Парниша. (По отношению ко всем знакомым мужчинам, независимо от возраста и общественного положения.)

8. Не учите меня жить.

9. Как ребенка. («Я бью его, как ребенка», – при игре в карты. «Я его срезала, как ребенка», – как видно, в разговоре с ответственным съемщиком.)

10. Кр-р-расота!

11. Толстый и красивый. (Употребляется как характеристика неодушевленных и одушевленных предметов.)

12. Поедем на извозчике. (Говорится мужу.)

13. Поедем в таксо. (Знакомым мужского пола.)

14. У вас вся спина белая. (Шутка.)

15. Подумаешь.

16. Уля. (Ласкательное окончание имен. Например: Мишуля, Зинуля.)

17. Ого! (Ирония, удивление, восторг, ненависть, радость, презрение и удовлетворенность.)

Оставшиеся в крайне незначительном количестве слова служили передаточным звеном между Элочкой и приказчиками универсальных магазинов (И. Ильф, Е. Петров).

Если не обращать внимание на то, что словарь Шекспира на самом деле насчитывает не менее 15 тысяч слов (а по некоторым данным – не менее

20 тысяч), то приведенный список выражений весьма точно соответствует основным функциям эпиного общения. Центральное место в данном списке занимают междометия и их эквиваленты (*хо-хо, мрак*). К этим единицам примыкают клишированные фразы, используемые для самопозиционирования с претензией на оригинальность в диалоге (*Хамите! Не учите меня жить! У вас вся спина белая*). Важным является ласкательное окончание имен, такой коммуникативный прием говорит нам о стремлении коммуниканта сократить дистанцию общения и поддерживать игривую тональность диалога (ср. *Мишенька* и *Мишуля*). Это стремление проявляется и в обращении «*Парниша*» к мужчинам любого возраста и статуса. Эллочка весьма агрессивна: она находится в состоянии боевой готовности и сразу же выпаливает одну из своих универсальных фраз, чтобы сбить с ног собеседника. Остап Бендер пытается вывести разговор с ней из эпиного общения в обычное, но безрезультатно:

– *Вы вчера были на аукционе и произвели на меня чрезвычайное впечатление.*

– *Хамите!*

– *Помилуйте! Хамить такой очаровательной женщине бесчеловечно.*

– *Жуть!*

В итоге великий комбинатор достигает своей цели и получает заветный стул в обмен на чайное ситечко, но приведенный текст показывает, что попытки вывести эпиный дискурс в неэпиное общение стандартными средствами обречены на провал, здесь требуются иные приемы.

Эпиномы в обычном общении выполняют функцию интимизаторов, резко сокращая дистанцию между коммуникантами, с одной стороны, и противопоставляя своих и чужих, с другой стороны.

Обратим внимание на размывание содержания концептов в разных типах дискурса.

Реальностью нашего времени стали факты терроризма – захваты заложников, нападения на милицию, взрывы в метро. На слово *terrorism* сегодня в сети интернет высвечивается 29 миллионов ссылок. Суть терроризма – насилие с целью устрашения, это борьба с применением насилия вплоть до физического уничтожения. Такие концепты, как «смерть», «война», «терроризм», эмоционально заряжены, поскольку касаются важнейшей витальной ценности – жизни. В эргономном дискурсе можно дать определение терроризму по толковому словарю или описать его проявление. Например:

Терроризм – Тактика, политика террора || Деятельность террористов. Террор – [латинск. terror – ужас]. Физическое насилие по отношению к политическим врагам. *Народники отказались от массовой революционной работы среди крестьянства и рабочего класса и перешли к индивидуальному террору* [Ушаков].

После взрывов в московском метро 29 марта 2010 г. в российской официальной и неофициальной массовой информации было много откликов на эту тему. В «Российской газете» на первый план выдвинуто отношение власти к терроризму:

Сразу после взрывов в Москве Дмитрий Медведев спустился с цветами в метро на место трагедии, что не может не говорить о том, что президент серьезно и тоже очень по-личному отнесся к произошедшему. В целом президент правильно отреагировал на трагические события. Внятные высказывания, четкие поручения. Медведев, если хотите, вообще за два своих года заметно гуманизировал, «очеловечил» российскую власть. Он демонстрирует реакцию нормального существа, а не бронзового памятника самому себе, как многие другие чиновники, стоящие ниже президента на иерархической лестнице. На следующий день после теракта в Кизляре Медведев прилетел в Дагестан, собрал всех руководителей регионов Северного Кавказа и провел там совещание по борьбе с терроризмом. Место для такого совещания также было выбрано максимально верно.

Автор цитируемой статьи характеризует террористическую атаку как трагедию для государства, показывает решимость власти бороться с терроризмом и подчеркивает личное эмоциональное отношение руководителя страны к жертвам террора. Главный признак терроризма – человеческие жертвы.

Среди этих откликов в блогосфере были попытки психологически объяснить поведение смертниц. Например:

Она знает, что предстоит умереть, она устала от ветров, пустоты и отчаяния, ей не было и не будет места, но к этому не привыкать. Как во сне она спускается в метро, кругом серая масса людей, глаза лучше не поднимать, к этому она привыкла. Все вокруг чужие, нутром она знает, что поймай они ее, – это будет жестокое и холодное унижение, они сделают с ней все самое худшее. В этот последний день у нее есть шанс обрести тот единственный, может быть, смысл, который отпущен ей жизнью, получить уважение и минутную память тех, кто, наконец, поймет, зачем она пришла на этот свет, и даже помянет ее по-своему, и это будет для нее высшей лаской. И всего-то дел: пойти вместе с толпой в метро; в какой-то момент, наконец, сделать нечто своими руками, волей; и этот долгожданный огонь смоем муть бесконечных унижений и бессмысленной жизни, уже почти без надежд. Рядом идут люди, их так много, а где же были все они, когда она плакала, когда ее унижали? Кто-то из них убивал ее соотечественников, а большинство безразлично жили рядом. Сейчас это уже не имеет значения. Сейчас из грязного двора очищающей вспышкой взлетит секундный огонек, как воздушный пузырек детства.

Психолог-профессионал дает эмпатическую зарисовку личности современной террористки. В этом понимании терроризм превращается в акт самоубийства, сведения счетов с бессмысленной и унижительной жизнью. Главный признак терроризма в этом изложении – протест против равнодушия.

Большая часть откликов носила иной характер:

...шахидка, смертница, не довольная жизнью вдова или кто там еще?.. ЭТО УБИЙЦА!!! влезть в психологический портрет убийцы можно, конечно! и строить догадки о том, что эту тварь «сподвигнуло» на преступление можно долго... А опишите состояние матери – родившей, вырастившей, жившей своим ребенком – для него, ради и во имя его – и потерявшей свое чадо от мучительной боли и попробуйте сами пережить такую боль! Если бы у адвокатши таким образом погиб сын или дочь – она бы тоже стала защищать безмозглую убийцу?!

В этом эмоциональном отклике на первый план вынесено горе человека, потерявшего близких в результате террористического акта. Главный признак терроризма в этом текстовом фрагменте – это убийство.

Встречаются, однако, и другие оценки:

Л. К. мыслит как стандартный либерал, которые, как известно, больше всего ценят свою жизнь, свою шкуру. Либералу неведомо желание совершить подвиг во имя своего народа или веры, либерал как свинья не умеет смотреть вверх, в небо. Я думаю, что эти девушки осознанно решили совершить подвиг, как совершали его русские солдаты в Великую Отечественную. ... Они выше вас, обыватели. У них в жизни есть Высший смысл. А у обычных людей только дом-работа-семья.

В этом тексте восторженно оценивается романтика терроризма, противопоставляются обычные люди, обыватели, с их земными ценностями, и романтики, идущие на подвиг. Оставим на совести автора этого послания сравнение террористов с солдатами Великой Отечественной войны. Такая позиция получает резкую отрицательную оценку в постах:

Романтизировать образ убийцы-террористки и искать какие-то оправдания и истоки, не замечая очевидного, может только идиот. Эти твари несут смерть, но они лишь инструмент, созданный «веществами» и психологической обработкой. Тут нечего обсуждать, нечего понимать. Инструмент не является стороной в противостоянии и войне, значит изучать его незачем, а то, что суицидальные наклонности и внутренняя потребность упрощают обработку будущей шахидки – так это просто один из множества факторов, ничуть не открывающий закономерности превращения человека в бомбу.

В этом послании терроризм понимается как убийство, организованное с определенной целью. Автор не считает террористов людьми.

Обращает на себя внимание привыкание к смерти. Один из комментариев в день взрыва:

Мои немногочисленные московские все живы и здоровы. Одна из знакомых сообщила следующее: «Я сегодня заболела и пропустила взрыв на

своей станции и в свое время». Счастливая случайность, которой могло бы и не быть.

Перед нами – новое восприятие терроризма как объективной реальности нашей жизни, с которой следует смириться. Террорист превращается в таком случае в воплощение безжалостной судьбы.

Для определения образных и оценочных характеристик террористов в сознании наших современников был проведен следующий эксперимент. Информанты получили задание написать несколько строк на тему: «Когда я думаю о террористах, я представляю себе...». Приведу типичные тексты.

Когда я думаю о террористах, я представляю себе ... араба с выпученными глазами, орущего «Аллах акбар!» и взрывающего на себе пояс шахида в большом скоплении людей – в магазине, кинотеатре, метро. Кругом лужи крови, убитые, раненые.

... женщину в черном, лица не видно, движется как-то странно, неестественно, избегая взглядов. Потом она находит себе место и садится у стены. И потом раздается взрыв.

... группу молодых людей, захвативших самолет. Один из них что-то кричит с пистолетом в руке. Все пассажиры в ужасе застыли в своих креслах. Видно, что захватчики не в себе. Наверно, они приняли наркотики.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что вербальные реакции многих респондентов совпадают.

Терроризм как эпином проявляется в базовой эмоциональной реакции на внезапную угрозу жизни со стороны людей, подчеркивающих свою отчужденность от остальных. По своей эмоциональной значимости эпиномы в чем-то приближаются к архетипам, но количество архетипических концептов весьма ограничено [Савельева, 2008], в то время как эпиномы весьма многочисленны.

Следует отметить, что класс эпиномов неоднороден. Сюда относятся как смысловые образования с гипертрофированной эмоционально-оценочной составляющей и редуцированным предметно-образным содержанием, так и концепты приблизительной ориентации, языковой формой которых являются агнонимы (по В.В.Морковкину), то есть слова, значения которых неизвестны или малопонятны многим носителям языка.

Итак, говоря об эпиномных концептах, мы акцентируем следующие моменты: 1) эти концепты обусловлены определенными коммуникативными условиями – эпиномным дискурсом, 2) их содержание сводится к самопозиционированию, эмоциональной оценке и размытому обозначению фрагмента действительности, 3) существуют коммуникативные ситуации, в которых апеллировать к таким концептам уместно, и ситуации, в которых это неуместно, 4) необходимо объяснение феномена эпиномной гипертрофии в современной массовой культуре. Такая эпиномия является одной из характеристик современного массового сознания, и это системно связано с

такими его свойствами, как девербализация, увеличение спонтанных реакций в разных типах общения, визуализация информации, возрастание игрового компонента в коммуникации и др. [Карасик, 2009].

Список литературы

1. Воркачев, С. Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели) / С. Г. Воркачев. – Волгоград : Перемена, 2003. – 164 с.
2. Карасик, В. И. Девербализация / В. И. Карасик // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. Вып. X. – СПб. : Сударыня, 2009. – С. 109–117.
3. Карасик, В. И. Рубрикация общения / В. И. Карасик // Новое в славянской филологии : сб. ст. Вып. 4 / отв. ред. М. В. Пименова. – Севастополь : Рибэст, 2009. – С. 32–38.
4. Крячко, В. Б. Концептосфера «война» в английской и русской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. Б. Крячко. – Волгоград, 2007. – 24 с.
5. Савельева, У. А. Архетипический лингвокультурный концепт «предательство» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / У. А. Савельева. – Волгоград, 2008. – 24 с.
6. Солохина, А. С. Концепт «свобода» в английской и русской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. С. Солохина. – Волгоград, 2004. – 24 с.
7. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Шк. «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
8. Филиппова, М. А. Идеологический концепт «демократия» (на материале лингвокультуры США) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. А. Филиппова. – Волгоград, 2007. – 22 с.
9. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций : монография / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.
10. Hodge, R. Social Semiotics / R. Hodge, G. Kress. – Cambridge : Polity, 1988. – 285 p.

Р.Л. Ковалевский

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

СТРАТИФИКАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ОПИСАНИЮ СЕМАНТИКИ ХРОНОНИМОВ

1. В процессе возникновения и развития все новых подходов к пониманию и исследованию лексической семантики, разработки и использования методов семантического анализа, адекватных выдвигаемой семантической концепции, становится очевидным, что установить в этом вопросе «абсолютную истину» не удастся. Причин этому немало. Обратим внимание лишь на некоторые из них.

1.1. Конструкт, который мы называем «лексическим значением» (ЛЗ) в рамках категории «лексическая семантика» находится в системе многосторонних отношений, определяющих его многоаспектность. Первое отношение, определяющее само возникновение словесного знака, – это

отношение субъективного мира человека к объективному миру сущностей-объектов. Являясь результатом «присвоения» субъектом познавательной деятельности элементов реального мира, проходя через «фильтр» целесообразности как условия жизнедеятельности, выживания и развития, ЛЗ включает некоторый (важный, известный, предполагаемый и пр.) ряд признаков некоторых сущностей-объектов¹. Набор этих признаков и их качественные характеристики могут меняться в ходе дальнейшей познавательной деятельности, что приводит к новым номинациям или к изменению значения конкретной лексической единицы.

1.2. Продукт этого «присвоения» в процессе номинации становится языковым знаком. Сам процесс номинации лишь «рождение» лексической единицы. Ее функционирование и развитие в свою очередь обусловлено двумя типами отношений – парадигматическими и синтагматическими. Первое отношение, реализующееся вхождением единицы в какую-либо языковую (лексическую) парадигму, определяет не только ее значимость, но и значение. Второе – использование в коммуникации – приводит не только к изменению значения в ретро- или перспективе, но и к возникновению и реализации на базе референции т.н. «актуального значения».

1.3. Третье отношение, определяющее специфику ЛЗ, человек (*homo loquens*) – социум, представленное в истории лингвистики дифференциацией «ближайшего» и «дальнейшего» значения слова (А.А. Потебня).

1.4. Единицы лексического уровня развитых языков представлены миллионами словесных знаков различной структуры плана выражения и плана содержания, соотносимые (номинирующие) с открытым множеством сущностей-объектов.

2. Рассматривая историю вопроса о целях и методах лексической семантики, А. Вежбицкая пишет: «Традиционная семантика занималась довольно бессистемно то значениями индивидуальных выражений, то изменениями значений. Что касается современной семантики, то основным предметом ее внимания является семантическое представление: вместо того чтобы говорить о значениях (и изменениях значения), она стремится моделировать их и представлять в виде эксплицитных формул», а цель семантики «состоит в том, чтобы выявить *структуру мысли*, скрытую за внешней формой языка» [Вежбицкая].

В работах авторов различных семантических школ находим значительное количество терминов, часто недостаточно четко определяемых, которые используются для представления «присвоенного» и означенного словесными знаками познавательного опыта человека. Это «структура мысли», «когнитивное понятие», «инвариантный и фактуальный смыслы», «*Bewu?tseinsbild*», «*Bewu?tseinsinhalt*», «смысл», «значение» и др.

В рамках данного сообщения нас интересует вопрос о применимости каких-либо семасиологических понятий для представления семантической структуры

одного из типов хрононимов – единиц лексико-семантической категории хронос и, в частности, вопрос о стратификационном представлении их семантики.

Под стратификацией семантики А. Бондарко понимает «разграничение и соотнесение различных уровней и аспектов содержания, выражаемого языковыми средствами, в его отношении к содержанию мыслительному (смысловому)» [Бондарко]. В результате анализа предшествующих попыток стратификации семантики, предпринимавшихся Э. Кошмидером, Э. Косериу, В. Матезиусом и др., А. Бондарко останавливается на двухуровневой стратификации на базе понятий «значение» (З) и «смысл» (С).

Вопрос о правомерности такого подхода может зависеть от того, рассматриваем ли мы смысл и значение (а) как части (элементы, уровни) какого-то целостного образования или (б) как две различные сущности.

И первое, и второе требуют уточнения понятия «семантика», во всяком случае корректировки понимания семантики в контексте семиотики (семиозиса) как отношения знаков к объектам.

Если предположить первое, что С и З есть формы существования либо стороны одного единого феномена, то требуется уточнение понятий С и З, так как преобладающей является точка зрения о том, что С есть некоторый ментальный продукт присвоения объекта-сущности, некий факт сознания, который может быть представлен, эксплицирован в коммуникации различными знаками с различающимися значениями, то есть С находится еще вне знака, а З есть некий ментальный феномен, означенный человеком и входящий в состав знака в единстве с определенным планом выражения. Логично предположить, в связи с этим, что С и З не могут считаться стратами одного целого.

Если предположить второе, то есть, что С и З – не части одного феномена, то рассматривать их как элементы, выделенные в ходе стратификации, нелогично.

Трудности стратификационного представления семантики заключаются и в том, что, как известно, семантика различных словесных знаков по своей структуре может иметь принципиальные различия.

Мы остановимся здесь лишь на одном типе единиц лексико-семантической субкатегории хронос – на хрононимах.

Массив хрононимов представлен значительным количеством различных структурно-семантических типов. Рассмотрим проблему стратификации на материале лишь четырех из них.

(1) Хрононимы узувального типа с устойчивой формальной структурой и семантикой, представляющей такие ментальные сущности, как временная точка и временной отрезок на какой-либо временной шкале, напр.: *sonntags, nachts, tagsüber, wochentlich, im Mai* и т. п.

(2) Хрононимы узувального типа с планом выражения, включающего константные и переменные элементы, семантика которых частично референциально обусловлена, так как варьируется в зависимости от переменных, напр.: *um 2(5, 13, 22) Uhr, im Jahre 1999 (1845, 2003), am 8. (9.) Mai*.

(3) Хрононимы узувальнага тыпу, семантика которых контекстуальна абумоўлена і мае дзейкіцкі характар, напр.: *damals, danach, später* і т. п.

(4) Хрононимы рэферэнцыйнага тыпу, якія, як правіла, адзін канстантны элемент – рэлятар, задаючы толькі часовы вектар, які ў рэферэнцыі вызначае часовыя адносіны паміж цалкам вызначанымі падзеямі, напр.: *vor dem Krieg, nach der Wende*.

Параўнанне хрононімаў толькі гэтых чатырох тыпаў паказвае, што семантика хрононімаў груп (1) і (2) прынцыпальна адрозніваецца ад семантыкі астатніх груп, так як яна сапастаўляецца з некаторымі аб'ектамі прадуктаў чалавеческай пазнавальнай дзейнасці часовымі / календарнымі шкаламі і сістэмамі лічэння.

Хрононимы 3 і 4 груп атрымліваюць семантычнае «напоўненне» толькі ў рэчавым ужыванні, у працэсе рэферэнцыі, у кантэксце.

Тым не менш можна гаварыць, па меншай меры, аб двух узроўнях (стратах) семантыкі ўсіх чатырох груп.

Першы – глыбінны ўзровень – прадстаўлены «кагнітыўным панятым», вызначаемым як «асновная адзінка псіхікі-свядомасці чалавека, базавы элемент чалавеческай карціны свету; абагульненае інварыянтнае веданне аб аб'екце мыслення [Лешак, 1996, с.436]. Ён прадстаўлены такімі кагнітыўнымі паняццямі, як «часовага адсятку / часовая працягласць (чэго-лібо)», «часовая кропка», «часовага вектара» (з яго варыянтамі) і др.

Вядучы – паверхніны ўзровень – вызначаецца рэферэнцыйнай базой і прадстаўляе сабой актуальны пласт (страту) значэння.

Примечание

¹ I. Унутранае зместнае прадмета, абнаражываючае ў знешніх формах яго існавання (у філасофіі). II Галоўнае, існаснае ў ком-лібо, чым-лібо, сут' кога-лібо, чэго-лібо; існаснае.

Список литературы

1. Бондарко, А. В. О стратификации семантики / А. В. Бондарко // (Общее языкознание и теория грамматики : материалы чтений, посвящ. 90-летию со дня рождения С.Д. Кацнельсона. – СПб., 1998. – С. 51–63.

2. Вежбицкая, А. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.beleb.net/obmen/Wierzbicka.htm>.

3. Лешак, О. Языковая деятельность. Основы функциональной методологии лингвистики / О. Лешак. – Тернополь, 1996.

В.В. Компанеец

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ИЗОБРАЖЕНИЕ ГЕРОЯ В ПРОЗЕ Б. ЕКИМОВА

Нет необходимости представлять Бориса Екимова: большой русский писатель, лауреат Государственной премии Российской Федерации, хорошо известен не только читающей России, но и за ее пределами.

Владимир Солоухин как-то сказал: Екимова не с кем сравнивать – у него своя манера, свой язык [Солоухин, 1984, с. 3]. И это верно. Герой писателя, его сокровенный человек – это в основном сельский житель, живущий в небольшом хуторе. Екимовское видение жизни по преимуществу гармоническое, светлое. Но тишина хуторов и станиц все более беспокойная, тревожная, будоражающая. Как будто сама жизнь вырождается. И вот уже в хуторском безмолвии гулко звучит *ботало* – медный колокольчик на шее старой, ослепшей, заброшенной женщины. По звуку этого колокольчика ее, заблудившуюся, выручают добрые люди (повесть «Крик в ночи»). В рассказе «Набег» тишина уже губительно опасна. Николаю Скуридину, знакомому нам по более ранней новелле «Путевка на юг», уже не до курортных мечтаний: с оружием в руках он должен защищать гурт скота от ночного набега кавказцев.

Конечно, произведения Б. Екимова не отнесешь к «жестокой» прозе с ее сгущением зла, как скажем, «Печальный детектив» В. Астафьева. Но и волгоградский автор, кстати всегда отличавшийся остроконфликтностью, вынужден идти на крайнее обострение, он показывает своих героев подчас в самых что ни на есть экстремальных ситуациях. Такова, например, повесть «Высшая мера».

Здесь нет естественной жизни. Возведенный гидроузел привел к затоплению и станицы, и монастыря, и кладбища. Негде стало не только молиться Богу, но и поминать родных.

В центре произведения судьба Кости Любарева, бригадира местного рыболовецкого колхоза. И сам бригадир, и его подопечные – люди без корней, без родной почвы. Поэтому они легко оказываются во власти темных разрушительных сил. Их удел – постоянные «левые» деньги, бесконечные попойки, гульбища, драки. Казалось бы, невинная шалость: по особому заказу подгулявших рыбаков киномеханик крутит фильмы «задом наперед». Но в контексте екимовской повести эта деталь приобретает емкий символический смысл, а именно: нравственные ценности героев полностью перевернуты. Вот почему они показаны вне семьи, вне семейных отношений. «От всего отчурались» – такой приговор Косте и его друзьям выносит мать центрального героя.

Итог печален: Любарев попадает в психиатрическую лечебницу. И вот некогда свободная, вольная, открытая жизнь сузилась до больничного окошка, из которого видна была лишь небольшая часть двора. Однако, как это ни парадоксально, только из клиники для душевнобольных Костя впервые незамутненным взором увидел и свою мать, и свою, теперь уже взрослую, дочь. Переживая настоящее потрясение, герой сам выносит себе приговор: «Я ни одному человеку добра не принес. Мать родную забыл ... И потому прошу высшей меры – смертельный укол» [Екимов, 1995, с. 5–6]. Покаяние Любарева

неподдельно, и такой финал для Екимова, стремящегося увидеть в человеке человека, вполне закономерен.

Большой художник, настоящий мастер проявляется во всем, даже в деталях, которые читатель порой и не замечает. В связи с этим обратим внимание на значимость имени в екимовских произведениях. В той же повести «Высшая мера» утратившие человеческое обличье рыбаки забыли свои, данные при крещении, имена. Имя полностью вытеснено прозвищем: Славик стал Чугуном из-за «чугунного» от многолетнего пьянства лица; его друга именуют Мультиком, ибо во хмелю с ним обязательно что-то случается. Здесь и вечно дерущийся Сатана, и усохший, кого-то ругающий Водяной, и грозящий зарезать неверную жену Кулига. В сущности, перед нами не человеческие характеры, а некие знаки, персонажи, утратившие свою индивидуальность, свое «я».

Или взять хотя бы рассказ «Набег». Казалось бы, что страшного в том, что не послушались Николая Скуридина и назвали родившегося внука не Михаилом (в честь деда), а Артуром? Однако подросший Артур вскоре был взят милицией на учет, стал курить, выпивать, бросил школу. Как тут не вспомнить философа Павла Флоренского, который, полагая, что имя оказывает воздействие на судьбу человека, утверждал: «По имени житие, а не имя по житию» [Флоренский, 1990, с. 140].

В новелле «Телик» – одной из лучших в творчестве Екимова – у центрального героя имени нет. В поселке все его так и звали «Телик», ибо имелась у персонажа слабость: всегда быть в «курсе» и при всяком удобном случае смотреть телепередачи. «Телевизоров было два... Один был настроен на первую программу, другой – на вторую» [Екимов, 1995, с. 329]. Вдобавок герой мечтает достать еще маленький переносной, летом повесить его в огороде: «работай и гляди». По сути дела, речь идет о страшной метаморфозе, о тех изменениях в психологии и поведении человека, когда искусственная вторичная жизнь подменяет собой естественное, ниспосланное свыше бытие. Небольшой светящийся экран заслоняет собой мир во всем богатстве его проявлений.

Закономерно возникает вопрос: *безмыслие* – только личная беда екимовского персонажа? Конечно, нет. Пожалуй, в большей степени это результат роботизирующих воздействий на человека XX–XXI столетий всей цивилизации, обрушившейся, неживоносной, мертвящей.

Во многих рассказах Екимов затрагивает проблемы, внешне ничем не примечательные. Но в том-то и сила подлинного художника, что под его пером обычные сюжеты преображаются, становятся явлением художественного слова, обладают магической силой притягательности. И происходит это не из-за эстетических изысков, сознательного украшательства. Ничего подобного у Екимова нет. Происходит это не потому, что герой писателя – человек какой-то особой избранной породы, рафинированный интеллигент, сложно размышляющий о судьбах мира и человечества. Таких героев в рассказах Екимова тоже нет.

Екимовские персонажи, как правило, немногословны. Взять хотя бы Тарасова из одноименной новеллы, могучего, физически сильного человека, воплощающего собой русское богатырство. Тракториста поймали с поличным: воровал солому с колхозных полей. Лишь потом читатель узнает, что солому герой вовсе не воровал, а подкармливал скот на колхозной ферме. Малоразговорчивый Тарасов обладает живой, ранимой, восприимчивой душой. Он не приемлет конторски-чиновничьего отношения к жизни. Ему важно жить по совести.

Другой сквозной персонаж екимовской новеллистики Николай Скуридин, в отличие от Тарасова, болезненный, худой, невзрачный на вид, но именно он в критической ситуации оказался «самым надежным», сумевшим спасти колхозный скот.

Екимовские герои не размышляют о том, что нравственно, а что безнравственно. Нравственность обнаруживается в их поступках, практических действиях. Да, они немного подрастерялись в постперестроечной действительности. Но они сохранили в себе главное: совесть, любовь к земле, непоказную доброту, человеческую надежность – лучшие черты национального характера.

Одна из тревог Екимова – утрата родственных связей, отрыв от родной почвы, от материнства и, как следствие, очерствение людских сердец. Казалось бы, небольшое усилие, всего один шаг осталось сделать Марише, героине рассказа «Дальние родственники», для того, чтобы откликнуться на любовь единственной тетки. Но она так и не смогла сделать этого шага. Другая новелла «Соседи» наполнена непереносимой болью, и боль возникает от заброшенности состарившихся матерей и отцов.

Мысль об опасности отчуждения, взаимонепонимания людей, утраты единения и братства приобрела первостепенную важность во многих произведениях современной прозы. С особой художественной силой она зазвучала, как мы знаем, в повести В. Распутина «Последний срок». Равнодушие, душевная черствость, механистичность поведения настолько овладевают детьми старухи Анны, что уже управляют их реальными действиями и поступками: дети не внемлют мольбам умирающей матери подождать «чутельку», дожидаться ее кончины и разъезжаются по домам, в смертный час оставляя одну. Происходит процесс «разодушевления» людей, в результате которого утрачиваются родственные связи: дети не понимают родной матери, и главная причина отчуждения – в забвении «родственно-отеческой» духовной традиции.

В рассказе Б. Екимова «Ночь исцеленья», едва ли не самом лучшем в новеллистике писателя, казалось бы, создается аналогичная ситуация: крестьянка баба Дуня, всю свою многотрудную жизнь посвятившая заботам о детях, забыта своими чадами, переселившимися на жительство в город.

Вместе с тем Б. Екимов намеренно ввел осложняющий мотив, который во многом и обусловил новый поворот в раскрытии традиционной темы.

Одной из причин, объясняющих, почему дети редко гостили у матери, являлись повторяющиеся из ночи в ночь тревожные сны бабы Дуни. В них нашел отражение тяжелый жизненный опыт военных лет: женщина то причитала о потерянных хлебных карточках, то просила «не отымать» желудей, собранных для прокорма детишек. Сновидения старухи приносили душевные страдания ей самой и будоражили всех обитателей дома. Визиты к врачам не помогали.

Исцелителем старой женщины неожиданно оказался ее внук Гриша, приехавший в деревню на зимние каникулы. Подросток явно отличается от своих рассудочно-практичных родителей, которые любили бабу Дуню умом, пониманием своего долга. Они «понимали» и причины недуга старухи: «несладкая» жизнь, война и голод. «Понимать понимали, – замечает автор, – но от этого было не легче» [Екимов, 1986, с. 192].

Спрашивается, почему – «не легче»? Потому, считает Б. Екимов, что «понимание» не согрето теплотой сердца.

В самом деле, сердце в христианской антропологии «глубже», «центральнее, чем психологический центр сознания. Сердце есть центр не только сознания, но и бессознательного, не только души, но и духа, не только духа, но и тела, не только умопостигаемого, но и непостижимого» [Вышеславцев, 1990, с. 68].

Сердца у родителей Гриши, давших сыну совет обрывать тревожные бабкины сны грубым окриком «Молчать!», как раз и нет. Сердечность утрачена в ежедневной суете жизни, поэтому екимовские персонажи, говоря языком Б.П. Вышеславцева, «потеряли мистическую связь с ближними и с Богом... потеряли... и свое настоящее Я, забыли о нем» [Вышеславцев, 1990, с. 64].

Что касается Гриши, то он обладает истинным великодушием, душой и сердцем, способными чувствовать боль другого. Возможно, сама баба Дуня всей своей бескорыстной жизнью сумела передать внуку душевную отзывчивость. Так или иначе, их общение осуществляется не на обыденном, а на высшем духовном уровне.

Именно открытая сердечность, отсутствие ложных душевных напластований позволили подростку войти в прошлую жизнь старухи и, постигнув ее изнутри, каким-то чудесным образом внушить ей спокойствие.

Вместе с тем чудо исцеления было обеспечено настолько большим внутренним напряжением, что мальчик оказался в «странном забытьи». Он «сидел у печки и плакал. Слезы катились и катились. Они шли от сердца, потому что сердце болело и ныло, жалея бабу Дуню и кого-то еще» [Екимов, 1986, с. 198].

В сущности, Гриша проделывает работу, которую должны были выполнить до него люди, окружавшие бабу Дуню в трудные военные годы. Сострадательность подростка, трансформировавшаяся в практическое действие, приобретает помимо прямого значения (исцеление старухи) еще и символический смысл. Своим поступком мальчик восстанавливает прерванную связь времен,

через себя соединяет недостающие звенья в цепи поколений, восходящих в конечном счете к предкам, к истокам всего рода. Логикой повествования Б. Екимов утверждает идею, отстаиваемую в свое время творцом «Философии общего дела» Н. Федоровым: «Каждый должен сознавать себя сыном, внуком, правнуком, праправнуком <...> потомком, то есть сыном всех умерших отцов, а не бродягою, не помнящим родства <...>» [Федоров, 1982, с. 65].

Бессердечность, равнодушие, людская отчужденность, порожденные бездуховной цивилизацией, ведут, по мысли писателя, к саморазрушению человеческой личности. Спасение людей – в сохранении и продолжении духовных традиций предков, в сердечном отношении друг к другу, в душевном единении и братстве.

Талант Екимова наиболее органично проявляется в жанре рассказа. Описательность, казалось бы противопоказанная новеллистической форме, во многом и придает екимовскому повествованию непохожесть и своеобразие. Насквозь лиричные рассказы прозаика заключают в себе большую силу художнического восприятия окружающего тварного мира. Екимов обладает даром изнутри, в мельчайших подробностях раскрывать всю таинственность жизни птиц, животных, растений. Каждая травинка в отдельности и весь «тварный» мир живут у него волшебной, чарующей жизнью. Смело можно говорить о екимовском «космосе» со всеми его крупными и мелкими планами изображения. Здесь, конечно, сказываются традиции Шолохова, силой и мощью которого как бы наэлектризованы, намагничены произведения волгоградского прозаика.

Произведения Екимова, объединенные сквозными героями, общими проблемами и конфликтами, «единством места и времени», можно рассматривать как единый эпический мир, как масштабную картину современной сельской жизни.

Список литературы

1. Вышеславцев, Б. П. Сердце в христианской и индийской мистике / Б. П. Вышеславцев // Вопросы философии. – 1990. – № 4. – С. 62–87.
2. Екимов, Б. П. За теплым хлебом : рассказы / Б. П. Екимов. – М. : Современник, 1986. – 412 с.
3. Екимов, Б. П. Высшая мера : повести и рассказы / Б. П. Екимов. – Волгоград : Комитет по печати, 1995. – 416 с.
4. Солоухин, Вл. Как в капле чистой воды... / Вл. Солоухин // Екимов Б. Елка для матери : рассказы / Б. Екимов. – М. : Сов. Россия, 1984. – С. 3–7.
5. Федоров, Н. Ф. Сочинения. Философское наследие / Н. Ф. Федоров – М. : Мысль, 1982. – Т. 85. – 712 с.
6. Флоренский, П. А. Имена / П. А. Флоренский // Социологические исследования. – 1990. – № 4. – С. 132–141.

М.А. Кормилицына, О.Б. Сиротинина
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
(Саратов, Россия)

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ИНТЕГРАЦИИ ОБЩЕСТВА

Каждому человеку необходима профессиональная компетентность. Каждому человеку, хотя и в разном объеме, нужна и коммуникативная компетентность. Никакие интегративные процессы ни внутри страны, ни с соседними странами, ни тем более мира в целом без компетентности в межкультурной коммуникации невозможны. Жизнь в демократическом обществе, которое мы пытаемся строить в России, во многом зависит от успешности коммуникации между его представителями, от их умения договариваться, сотрудничать друг с другом, вместе решать возникающие проблемы, быть активными участниками диалога с властью и демократическими институтами. Непременным условием интеграции общества становится знание правил успешности коммуникации, которая напрямую зависит от определенного уровня коммуникативной компетенции участников социального взаимодействия. Именно этим можно объяснить усиленное внимание к понятию «компетенция» и компетентностный подход к изучению коммуникации во всех сферах жизни общества, от образования до экономики. Кафедра русского языка и речевой коммуникации Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского второй год занимается изучением коммуникативной компетенции, ее составляющих и их реализации и роли в разных сферах общения и разных социальных группах. Знать о языке все и всем уметь пользоваться вряд ли возможно, но разные профессии и разные условия жизни требуют и разных компетенций, которые входят в требования к профессии, выполняемому кругу обязанностей и т. д. Особенно важна коммуникативная компетенция для некоторых видов деятельности. Без нее невозможно обучение, эффективное законотворчество и плодотворные переговоры, деятельность СМИ, все виды управления (от маленького частного предприятия до всей страны), семейное счастье и дружба. «В деловом мире все чаще проявляется интерес к коммуникациям внутри организации и анализу качества работы с клиентами тех специалистов, от речевой подготовки которых зависит конкурентноспособность фирмы» [Харченко, Шкатова, 2009, с. 335]. О важности коммуникативной компетенции всех слоев общества говорил и И.А. Стернин, давая в одной из своих работ прогноз коммуникативного развития России: «Возрастет мотивация к освоению культуры поведения, общения и речи. Постепенно будут формироваться и предъявляться коммуникативные требования к профессиональной деятельности различных категорий работников. Возможно, они будут закреплены административно или законодательно. В первую очередь это коснется журналистов, чиновников, педагогов» [Стернин, 2004, с. 13]. Сейчас мы все являемся свидетелями этого процесса.

В рамках компетентностного подхода к исследованию коммуникации на нашей кафедре была разработана типология составляющих коммуникативной

компетенции. Под коммуникативной компетенцией понимается способность решать средствами языка актуальные задачи общения в разных сферах жизни, знания и умения пользоваться фактами языка и речи для эффективной реализации целей общения. Типология составляющих коммуникативной компетенции (далее – КК) включает языковую, этическую, собственно коммуникативную составляющие, риторическую грамотность, выразительность и творческое своеобразие речи. Каждую из этих составляющих в свою очередь можно представить как набор более конкретных знаний и умений [Захарова, Кормилицина, Сиротинина, 2010].

Особое внимание в наших исследованиях уделяется двум сферам общения: сфере СМИ, оказывающей огромное влияние на жизнь страны и языковую компетентность населения, и сфере неофициального повседневного общения, с которой неизбежно связана жизнь людей.

Остановимся подробнее на результатах исследования составляющих коммуникативной компетентности современных журналистов.

Для журналиста важно максимально полно владеть своим инструментом – возможностями языка. При этом следует знать возможности языковой системы и нормы, границы ее допустимого варьирования.

В языковую компетенцию входит знание точных значений (почти все слова, кроме терминов, многозначны) и на их основе умение выбирать самое точное слово, отбирая его из многословного синонимического ряда. Например, слова *расстрелять*, *застрелить* и *подстрелить* не взаимозаменяемы, а в СМИ употребляется почти всегда только одно из них – *расстреляли* (см., например, заголовок *Отвергнутый ухажер расстрелял обидчицу на Манежной площади* – МК, 30.12.2009, хотя «расстрелянная» девушка осталась жива).

Стоит внимательно относиться к омонимам, а в письменной речи и к омографам (*Орган* и *оргАн*; недавно к статье о приобретении и вводе в работу нового музыкального инструмента был напечатан заголовок *Компетентный орган*, в котором определение наталкивает на слово с ударным О).

Конечно, недопустимо искажение значения слова (*артефакт* как «природное образование»; «нечто непознанное», *раут* вместо *ритуал* и т. д.) [подробнее см.: Сиротинина, 2006].

В языковую компетенцию журналиста входит знание норм формообразования. Между тем нередко ошибки в образовании форм сравнительной степени (*более худший*), родительного падежа мн. ч. (*препонов*, *носок*) и им. пад. ед. ч. (*тапок*, *туфель*), глагольных форм (уже допустимость *читят*, но недопустимость иногда встречающегося в СМИ *четет*).

Разумеется, в языковую составляющую компетентности журналиста входит соблюдение акцентологических норм. К сожалению, в СМИ (не в речи журналиста) часто можно услышать и *квАртал*, и *намерЕний* (даже у, казалось бы, людей высококультурных – например, в речи Г.А. Явлинского), не говоря уж о постоянном *осУжден* и *возбУждено* в речи юристов. А ведь рядовые

носители русского языка ориентируются на всю речь в СМИ, не воспринимая ее критически.

Пожалуй, самой главной составляющей языковой компетентности журналиста является его умение и привычка пользоваться нормативными словарями и справочниками. Необходимо использовать именно современные словари, и при этом не любые, а авторитетные (прошедшие экспертизу уполномоченных на это организаций или созданные в этих организациях: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ, Институт русского языка им. А.С. Пушкина) и обязательно учитывать принципы лексикографической подачи норм (предисловия надо читать).

Очень важна для журналистов собственно коммуникативная компетенция, в основе которой – риторическая, а фундамент риторической – этическая. Хотя в подготовку журналистов закладываются курсы по этике и законодательству о СМИ, тем не менее этической компетентности многим журналистам явно не хватает. Проявлением этической компетенции является уважение к адресату, стремление к поиску компромисса, умение предупреждать возникновение конфликтов и гасить возникшие. Безусловно, необходимы приоритет вежливости, ограничение категоричности [Кормилицына, 2007]. Для демонстрации своего уважения к читателю журналисту приходится использовать самые разнообразные тактики гармонизации общения. Это такие тактики, как придание читателю равного информационного статуса, проявление внимания к нему, предупреждение негативной реакции адресата, признание ошибочности своего мнения, в интервью – предоставление свободы действий адресату при демонстрации своей позиции, предоставление ему возможности тактичного ухода от ответа на нежелательный вопрос и др. [Шамьенова, 2000].

В современной прессе эти тактики реализуются самыми разными способами: отбором для обсуждения проблем, волнующих большую часть общества; особыми заголовками-«загадками»; включением в текст разнообразных «ловушек внимания» читателя (В.Г. Костомаров); средствами внутренней диалогичности; многочисленными метатекстовыми средствами, в том числе средствами авторизации и адресации; использованием разнообразных средств смягчения категоричности и резкости оценок.

На этическом фундаменте строится и риторическая грамотность. Соблюдение риторических законов и правил (но для этого их надо знать!) если не гарантирует успешность человека в жизни (она возможна не всегда), то во всяком случае большую эффективность любого вида общения, в том числе и журналистского труда, обеспечивает.

Риторическая некомпетентность многих журналистов, пренебрежение к риторическим законам, выдержавшим тысячелетнюю проверку, очень вредит нормальному развитию российского общества. И пример СМИ, до сих пор сильно влияющих на сознание россиян, сыграл бы тут очень важную роль.

Риторическая компетентность создает и собственно коммуникативную компетентность, в отличие от риторической, заранее не продумываемой, а автоматически проявляющейся в каждом акте коммуникации:

1) говорящего надо слушать, не перебивая его и демонстрируя ему свое внимание, и почти все время поддерживать (*Да конечно; Так-так; Надо же; Да неужели*);

2) в случае непонимания – переспросить, уточнить, правильно ли слышал;

3) стараться понять позицию второго и не обрывать его, а, продемонстрировав уважение к его точке зрения, убедить в неправоте;

4) никогда не высказывать презрения, не унижать собеседника.

Наши исследования показали, что, конечно, степень компетентности современных журналистов, политиков и руководителей разного уровня сейчас, в XXI в., намного выше, чем в 90-е годы XX в., но все еще недостаточна.

Список литературы

1. Захарова, Е. П.. Коммуникативная компетенция: проблемы типологии ее составляющих и их роли в дискурсах разных типов / Е. П. Захарова, М. А. Кормилицына, О. Б. Сиротинина // Русский язык: исторические судьбы и современность. – М., 2010.

2. Кормилицына, М. А. Категоричность и способы ее смягчения в текстах современной прессы / М. А. Кормилицына // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2007. – Вып. 7.

3. Сиротинина, О. Б. Что происходит с русским языком? / О. Б. Сиротинина // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2006. – Вып. 6.

4. Стернин, И. А. Проблемы прогнозирования коммуникативного и языкового развития России в первой половине XXI века / И. А. Стернин // Русистика. – Киев, 2004.

5. Харченко, Е. В. Предметное поле «организационной лингвистики» / Е. В. Харченко, Л. А. Шкатова // Дискурс, концепт, жанр. – Нижний Тагил, 2009.

6. Шамьенова, Г. Р. Принцип вежливости как коммуникативная категория : дис. ... канд. филол. наук / Г. Р. Шамьенова. – Саратов, 2000.

М.В. Косова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ТЕРМИНОПОРОЖДАЮЩАЯ РОЛЬ ДОКУМЕНТНЫХ ТЕКСТОВ

Упорядоченный терминологический аппарат, отражающий систему научных понятий, обеспечивает успешную профессиональную коммуникацию в любой профессиональной среде. Результаты процесса систематизации и унификации терминологии находят отражение в терминофиксирующих текстах – словарях, справочниках, классификаторах, стандартах, где представлен перечень терминов, определено их значение, закреплена сфера использования, нормы употребления.

Рекомендациями стандартов руководствуются в своей работе документоведы-практики, применяя, используя термины в текстах официально-

деловых документов, которые, вслед за В.М. Лейчиком [см.: Лейчик, 1990, с. 82–83], можно назвать *терминоиспользующими*.

Оппозиция документных текстов (терминофиксирующие / терминоиспользующие) оставалась бинарной довольно долго, так как документоведение зарождалось и существовало много лет как технология, ремесло. Однако обобщение и осмысление практического опыта подготовило становление документоведения как науки, развитие которой, обусловленное рядом социальных и общенаучных процессов, привело к ее очевидному содержательному изменению, что нашло отражение уже в названии: «Документоведение» → «Документационное обеспечение управлением» → «Управление документацией». Появление новой научной специальности 05.25.02 – «Документалистика, документоведение, архивоведение», большого количества научных работ разного жанра – статей, монографий, учебников, расширение видов документных текстов и сфер деловой коммуникации сделало бинарную оппозицию трехчленной: присоединились терминопорождающие тексты.

Роль таких текстов, важность исследовательского подхода от терминопорождающих текстов к терминофиксирующим, корректировки терминологического аппарата последних стало более актуальным вектором анализа, так как изучение реально бытующих в тексте терминов позволяет выявить существенные закономерности их создания и использования.

В документном тексте термины обозначают его тему, организуют микрочасти, создают так называемую топикальную организацию, поддерживают связанность.

В текстах осуществляется вербализация научных понятий, концептуализация идей, так как процесс порождения термина происходит именно в тексте, компонентом которого термин становится. Свойства терминов формируются при осуществлении речевых актов, вплетенных в научное познание и обмен научной информацией. Подчеркивая терминопорождающую роль текстов, исследователи разграничивают термины речи и термины языка: «Термины языка выражают актуальное на современном этапе развития области понятие, воспроизводятся в процессе речи, составляют основу, «костяк» терминологии любой предметной области. Термины речи производятся в речевом процессе для выражения новых понятий, возникающих в каждом конкретном акте профессионального мышления. Они принадлежат речевой терминологической системе того или иного специалиста» [Горшкова, 1985, с. 21].

В тексте термин динамичен, так как реализует заложенное во всех языковых единицах свойство вариативности, не ограничен исходной морфологической формой, несет в себе элементы коннотации контекста, благодаря чему часто не требует строгой вербальной дефиниции. Именно в процессе функционирования возникают типичные ситуации, нарушающие симметрию языкового знака-термина (появление синонимов, развитие полисемии, омонимии), что приводит к эволюции терминологическо-понятийных систем.

Термины по-разному используются в документах разных видов, что ставит вопрос о типологии документных текстов.

С точки зрения использования терминов тексты можно разделить на связанные (монография, статья, описание изобретения, учебник и т. д.) и дискретные (классификатор, словарь, плановый документ и т. д.).

Возможна типология документных текстов, в основу которой будет положена стратификация «закрепленных за ними» терминологических единиц. Новейшие исследования в области терминоведения убеждают, что лексика, обозначающая научные понятия, не является однородной. Функция специализированных лексем, сохраняя инвариантные свойства, варьируется, и для обозначения понятия используется определенный тип единиц языка – вариант из парадигмы средств выражения специального понятия. Так, для называния обобщенного теоретического понятия используются термины (*документ, договор*); для номинации более конкретного понятия, «предмета» – номены (*бланк, полис, табло, талон*); в устной профессиональной речи, сопровождающейся эмоциями, применяются профессионализмы (*платежка*); на ранних этапах формирования понятия, когда необходимо эксплицировать все его признаки, используются развернутые языковые формулы – предтермины (*лицо, заключающее договор; заявление о гибели застрахованного имущества; общество с дополнительной ответственностью; работы промышленного характера*) и т. п.

Учет универсальности или специфичности обозначенных объектов, этапа формирования научного понятия, его характера, степени близости специальной единицы к общеупотребительной лексике, семантических, грамматических и структурных особенностей позволяют говорить не о бинарной оппозиции «термин – общеупотребительное слово», а о градации языковых единиц, выражающих научные или профессиональные понятия, в частности понятия документоведения, то есть рассматривать степень терминологичности как градуируемое свойство. Данное положение делает актуальным вопрос о том, какая специализированная лексика, какие типы терминологических единиц используются для обозначения понятий в сфере деловой коммуникации, как они функционируют в разных видах документов.

Проблематика изучения функционирования терминов в тексте только начинает формулироваться. Определяются основные понятия этой области исследования, названной терминоведческой теорией текста, выявляются новые нерешенные вопросы, в частности требования к термину, используемому в тексте, принципы унификации терминологических единиц, в числе актуальных вопросов и закономерности формирования терминологического значения.

Такой подход позволит выявить особенности использования терминологии в документах разных типов, скорректировать требования к терминам, используемых в деловом тексте, принципы унификации терминологических единиц, определить нормы терминопотребления и,

возможно, уточнить существующую типологию, установить промежуточные разновидности документов.

Сфера деловой коммуникации требует достаточно жесткой фиксации информации, стандартизованности ее языкового выражения (это требование касается и формы терминологических единиц). Но при этом она подчиняется свойствам языковой системы в целом, которая имеет адаптационный характер, проявляющийся в ее гибкости и подвижности, размытости значений. Изменчивость системы – ее важное свойство, обусловленное функциональным характером. В этом случае важно определить параметры, изменение которых может привести к разрушению этой системы, к утрате ее конституирующих свойств и переходу в новое качество.

Решение теоретических проблем терминологии, безусловно, найдет практическое применение при оптимизации способов фиксации, обработки и передачи профессионально значимой информации, в терминографии. Отдельные терминофиксирующие тексты – отраслевые терминологические стандарты и сборники рекомендуемых терминов – требуют пересмотра, необходимо создание словарей нового типа, тезаурусов (в том числе и узкоотраслевых), отражающих комплекс системных отношений лексико-фразеологического состава специальных текстов (например, род, вид, контекст, сферу применения, связи слова, парадигматические отношения и др.), в разработке нуждаются вопросы терминологического редактирования специальных текстов, создание компьютерных терминологических банков. Это отвечает потребностям современного общества и может быть использовано в учебном процессе и в работе специалистов разного профиля.

Названные проблемы – далеко не полный перечень задач, которые ждут своего решения, но вместе с тем они намечают широкие перспективы, которые открываются и для терминоведения, и для документной лингвистики.

Список литературы

1. Горшкова, Т. М. Термины языка и термины речи / Т. М. Горшкова // Термины в языке и речи. – Горький, 1985. – С. 21–25.
2. Лейчик, В. М. Особенности функционирования терминов в тексте / В. М. Лейчик // Филол. науки. – 1990. – № 3. – С. 80–87.

Н.А. Красавский

**Волгоградский государственный педагогический университет
(Волгоград, Россия)**

МЕТАФОРА КАК СПОСОБ ЭКСПЛИКАЦИИ ЭМОЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ)

Анализ многочисленных научных публикаций, вышедших в последние годы, со всей очевидностью показывает актуальность проблемы вербализации

психических констант в разных этнических сообществах [Вежбицкая, 1997; Голованивская, 1997; Шаховский, 2008 и др.]. Изучение психической ипостаси разноэтностных языковых личностей в лингвокультурологическом аспекте ценно, поскольку оно позволяет выявить особенности характера культурных предпочтений и доминант, саму специфику устройства психического, в целом, ментального мира представителей определенной этнической общности.

Известно, что описание национальных концептосфер предполагает обращение ученого к средствам и способам их вербализации. При лингвокультурологическом анализе концептов эмоций продуктивным представляется установление сочетательных возможностей обозначающих их слов. Материалом для интерпретации номинаций концептов эмоций послужили прозаические и поэтические произведения известных русских авторов XVIII–XX веков.

Установлено, что номинанты эмоций, используемые в художественной речи, подвергаются активной метафоризации, что обусловлено как их семантикой, так и самой сферой функционирования. В основе метафоры лежит какое-либо сравнение, определенное формальное или функциональное сходство между различными фрагментами действительности. На основании такой предметно-ментальной операции, как сопоставление по аналогии, человек переносит наименование одного предмета на обозначение другого. Плененное сплошными ассоциациями, человеческое языкомышление в силу его знаковости спровоцировано поиском аналогий между фрагментами внутри «предметного» мира, с одной стороны, и фрагментами мира абстракций – с другой. Появлению в нашем языке лексики *abstracto* предшествует наречение объектов реального, перцептивного (то есть визуально, тактильно воспринимаемого человеком) мира. Общеизвестно, что предметные представления человека первичны; абстрактное же мышление, оязыковленное соответствующими знаками, – вторично. Рождение абстракций, оперирование ими как вербализованными категориями человеческим языковым сознанием, по своей сути, в основе имеет «мир предметов», эволюционное осмысление которых приводит Homo sapiens к открытию в нем многочисленных общих черт, сходств. Первичностью наречения предметного мира как раз и объясняется факт экстраполяции уже «готовых» языковых единиц на абстрактные явления человеческого бытия. Следовательно, можно утверждать, что наименования абстракций представляют собой, в сущности, свершившиеся (нередко в глубокой древности и потому забытые нами, стертые со временем в нашей коллективной семантической памяти) переносы с фрагментов «ословленного» мира («gewortete Welt» по М. Хайдеггеру).

Метафора несет в себе большой прагматический потенциал, заложенный в ее природе: она самым неожиданным образом обнажает неизвестные нам ранее *отношения* между предметами мира. Метафорические описания номинируют «увиденные» человеком новые смыслы. Ассоциативность нашего языкомышления ведет к установлению формальных и функциональных

сходств, связывающих предметы мира, к выявлению новых связей между ними. Обнаружение подобного рода ассоциативных отношений культурно обусловлено: в социуме в разное время его существования легко обнаруживаются предпочтения в выборе объектов метафоры. Ими оказываются психологически, в целом культурно наиболее релевантные феномены с точки зрения того/иного человеческого сообщества на конкретном историческом временном промежутке его развития. Отсюда очевидна важность лингвокультурологического анализа *косвенных номинаций* (в особенности метафорических) для изучения прежде всего духовной жизни того/иного социума. Эти соображения приводят нас к осознанию необходимости лингвокультурологического анализа такого типа косвенной номинации эмоций, как метафора, применительно к концептосфере эмоций.

Принято выделять следующие семантические типы метафоры: а) (по вспомогательному субъекту сравнения) 1. антропоморфную, 2. зооморфную, 3. машинную, 4. флористическую, 5. пространственную; б) (по основному субъекту сравнения), в частности, 1. цветовую, 2. количественную [Москвин, 1997, с. 23]. Придерживаясь в целом этой классификации, мы предполагаем «примерить» ее на метафорические описания эмоций в русском языке.

Семантический анализ данных дескрипций обнаруживает максимально высокую степень распространенности *антропоморфной* метафоры. В ее основе лежат такие явления, как персонификация и олицетворение [Арутюнова, 1976, с. 95]. Значительная продуктивность этого типа метафоры связана с антропоморфным характером человеческого познания. Антропоморфные метафоры обладают разными структурами. Их компонентами являются различные знаменательные части речи. К наиболее распространенным относятся метафоры, структуру которых формируют номинанты эмоций и *глаголы*. Обозначения эмоций при этом выступают, пользуясь терминологией В.П. Москвина, в функции слова-параметра (или агента, термина сравнения), а глагольные лексемы, соответственно, в функции аргумента [Москвин, 1996, с. 104–105]. Иначе говоря, номинант эмоции – это метафоризируемый компонент, а глагол – метафоризирующий. Приведем пример: «Страх и стыд вошли и в кровь, и в плоть» [Б. Слуцкий]).

При рассмотрении словосочетаний, в которых номинанты эмоций выполняют функцию субъекта действия, можно выделить на основе анализа глагольной семантики следующие классы антропоморфной метафоры: 1) *motusverbum* (глаголы движения) – «Страх сковал его» [Д. Гранин]; 2) *emotioverbum* (глаголы эмоций) – «Печали улаждаются вином» [В. Муковский]; 3) *localverbum* (глаголы места) – «Злая печаль поселилась во мне» [Н. Никитин]; 4) *dicendiverbum* (глаголы говорения) – «И подлинно во мне печаль поет» [О. Мандельштам]. Данная семантическая классификация антропоморфной глагольной метафоры соотносится с так называемыми активными моделями словосочетаний [см.: Красавский, 2008]. В одном из ее классов (*motusverbum*) можно в свою очередь выделить субклассы. Мы выделяем следующие

семантические субклассы: а) глаголы со значением удаления – «Утек страх» [Д. Гранин], б) глаголы со значением исчезновения – «Страшный гнев вдруг бесследно исчез» [М. Шолохов], в) глаголы со значением начала действия – «Страх начинается издали...» [П. Проскурин], г) глаголы со значением окончания действия – «...Страхи кончились» [П. Проскурин], д) глаголы со значением расширения, увеличения физического тела – «Радость распирала грудь Хопрова» [М. Шолохов], е) глаголы со значением приостановления, замедления совершения физических действий – «Страх сковал его» [Д. Гранин].

Рассмотрим далее сочетания глаголов и номинантов эмоций, которые в них выступают в функции *несубъекта*. В так называемых пассивных синтаксических моделях можно выделить следующие классы антропоморфной метафоры: 1) *motusverbum* – «Я печаль ... в сердце медленно несу» [О. Мандельштам]; 2) *emotioverbum* – «Прогневался гневом...» [М. Лермонтов]; «И благодарные сердца томились тайною тоской» [М. Лермонтов]; 3) *mentalverbum* (глаголы, связанные с понятием размышления, познания) – «Познай же грусть и слезы» [А. Пушкин]; 4) *morbusverbum* (глаголы, связанные с понятием болезни) – «Болезнь тоской» [В. Вересаев]. В классе *motusverbum* обнаружены глаголы со значениями: а) пассивного созерцания действительности – «Ксения сидела со страхом ...» [А. Платонов], б) активного принудительного действия – «Самое трудное, наверное, – научиться подавлять в себе страх» [П. Проскурин], в) исчезновения, избавления – «Весь гнев с души красавец мой согнал...» [Н. Некрасов], г) физического проявления переживания – «Он весь дрожал в гневе и бешенстве ...» [В. Быков]; д) масштабности действия – «Облако печали покрыло очи их...» [К. Батюшков].

Материал показывает, что антропоморфная метафора может быть и субстантивной (в нашем случае выраженной преимущественно генитивной синтаксической конструкцией), напр., «слезы ярости» [М. Шолохов]. Факт непродуктивности антропоморфной субстантивной метафоры имеет «частеречное» объяснение: имена существительные значительно уступают глаголам в возможностях отражения динамизма эмоций.

Адъективная антропоморфная метафора по сравнению с субстантивной более распространена. Номинанты эмоций употребляются с грамматически зависимыми от них адъективами в равной степени как в активных, так и в пассивных моделях, фиксирующих синтагматические свойства соответствующих лексем. В высказываниях они выполняют функцию атрибута и обычно являются яркими эпитетами, способными оценочно квалифицировать предмет речи, то есть определенный фрагмент действительности. Оценивающими оказываются чаще не антропоморфные, а натурморфные метафоры – напр., *золотая радость, холодное бешенство*.

Семантический анализ адъективных словосочетаний позволяет установить их следующие смысловые классы: а) «неконтролируемость переживаемой эмоции» – «безотчетный страх» [А. Белый]; б) «неизбежность переживания эмоции» – «роковая отрада» [А. Блок]; в) «эмоционально

выраженная (через сами *номинанты эмоций*) оценочность переживания» – «злая радость» [М. Лермонтов], «брезгливая грусть» [М. Цветаева]; д) «интенсивность переживания эмоции» – «возрастающая тоска» [Д. Гранин]; е) «скрытость эмоции» – «тайная грусть» [А. Блок].

Продуктивным средством не прямой номинации во многих языках является зооморфная метафора [Маслова, 1997]. Общеизвестен лингвокультурный факт приписывания оценочных характеристик многим зоонимам в различных культурах. Однако менее известно то обстоятельство, что в основе многих древних клишированных высказываний, содержащих, в том числе, и зоонимы, лежит миф. Сознание современного человека, в особенности просвещенного европейца, по большому счету лишено мифологической компоненты. Вместе с тем в его языковом сознании содержатся многочисленные оценочные метафоры – реликты древности, осколки разбившейся несколько столетий тому назад мифологической картины мира. Легкомысленно было бы рассматривать метафорически вербализованные фрагменты мифологического мира применительно к современным социально-историческим условиям исключительно как некие экспериенцеры, как пассивно существующие в нашем сознании малозначащие для нас смыслы. Они актуальны уже в силу своей знаковости. Культурная релевантность метафорических дескрипций, в частности обсуждаемой здесь зооморфной метафоры, может со временем, безусловно, деактуализироваться, поскольку, во-первых, в наш технократический век ореол таинства фауны и флоры для современного цивилизованного человека не столь значителен; во-вторых, многие распространенные ранее метафоры, включая и зооморфную, теряют аттрактивность в силу их *лингвопсихологического* старения, ведущего в ряде случаев к их культурной смерти. Выражаемые ими оценочные смыслы как результат квалифицирующей деятельности человека сохраняются в культуре благодаря метафоризации уже иных, психологически более важных на том/ином этапе развития этноса объектов мира.

Употребление зооморфной метафоры проиллюстрируем следующими наиболее яркими примерами: «Ни змия Вас не ужалит, ни печаль...» [В. Ходасевич], «Свернулась на сердце жалость...» [М. Шолохов], «Убить змею печали...» [К. Бальмонт], «И грусть на дне старинной раны зашевелилась, как змей» [М. Лермонтов]. Эмоции в подобных контекстах уподобляются действиям животных, создающих в художественном тексте определенные образы, экспрессию в целом. С точки зрения своей структуры зооморфная метафора, как правило, выражена глаголом. Зооморфной метафоре близка по своей сущности метафора флористическая. Последняя, однако, не продуктивна в исследуемом материале.

Наблюдения над сочетательными способностями номинантов эмоций иллюстрируют продуктивное использование в качестве объекта сравнения во вторичных номинациях предметов физического мира. Здесь речь идет об «овеществлении» значений словосочетаний, фиксирующих на вербальном

уровне уподобление эмоций конкретно существующим реалиям физического мира. Эти реалии, обладающие самыми разнообразными физическими свойствами, способны активно действовать на психологию человеческого восприятия в силу их утилитарной значимости. Продуктивность косвенных наименований эмоциональных фрагментов мира, в основу которых кладется животворящий предметный, то есть аудитивно, визуально, тактильно ощущаемый (в целом перцептивный) образ, обосновывает необходимость выделения в существующих семантических классификациях метафоры ее автономного типа – натурморфной метафоры (от латинских слов «*natura*» – природа и «*morphe*» – форма). Под ней понимается перенос наименований реально существующих предметов на культурные психические факты внутреннего мира человека. Этот языковой перенос осуществляется благодаря обнаруженным, тонко схваченным человеческим сознанием формальных и функциональных связей между фрагментами *разных* (физического и психического) миров. В основе этих связей всегда лежит ассоциация. Реально воспринимаемый человеком физический предмет вызывает определенные ассоциации, что и позволяет соответствующим образом организовывать на пропозициональном уровне языка сами смыслы – результат нашей лингвокогнитивной деятельности.

Натурморфная метафора имеет разную частеречную оформленность. Ее компонентами могут быть глаголы, адъективы и субстантивы. Начнем анализ натурморфной метафоры с ее глагольного типа. В глагольной натурморфной метафоре мы выделяем ее несколько субтипов. Нами они обозначены специальными терминами греко-латинского происхождения с целью компактности и мотивированности наименования. Ниже предлагается семантическая классификация натурморфной глагольной метафоры: первый ее субтип – *pyroverbum* (лат. *pyro* – «огонь»), второй – *aquaverbum* (лат. *aqua* – «вода») и, соответственно, третий – *pyroaquaverbum*. Семантический класс глагольной натурморфной метафоры *pyroverbum* наиболее представлен в русских художественных текстах: «Страшный гнев, полымем охвативший Макара, исчез» [М. Шолохов], «Высоко пылает ярость...» [А. Блок], «Только легкая грусть, словно дымкой, обволакивала его сердце...» [М. Шолохов], «И загоралась она радостью...» [А. Блок]. Данные примеры иллюстрируют уподобление эмоций огню и дыму. Семантический субтип *aquaverbum* проиллюстрируем следующими примерами: «А тоска мою выпила кровь» [А. Ахматова], «И в огромных, расширенных зрачках его плеснулось бешенство...» [М. Шолохов]. Интересен факт установления сочетающихся с номинантами эмоций в русском языке глаголов, в семантику которых входит комплексный компонент «огонь» и «жидкость» (группа *pyroaquaverbum*): «И на глазах вскипели слезы ярости и восторга...» [М. Шолохов].

Натурморфная метафора по своей частеречной принадлежности может быть не только глагольной, но и субстантивной, напр., «запасы радости» [Д. Гранин]).

Адъективная натурморфная метафора в исследуемом материале в количественном отношении по сравнению с субстантивной оказалась более распространенной. Однако при этом ее семантическая классификация не отличается каким-либо разнообразием. Установлено всего лишь две семантические группы (или два субтипа) натурморфной метафоры: 1) цветовая метафора («черный гнев» [А. Блок], «белое бешенство» [М. Цветаева], «седая печаль» [К. Бальмонт]), 2) температурная метафора («холодное бешенство» [М. Шолохов], «горячий страх» [П. Проскурин]). В художественной речи адъективные метафоры выступают в функции эпитета, оценочно и образно характеризующего описываемое явление. Номинанты эмоций, сопровождаемые эпитетами, в речи воспринимаются читателем/слушателем как некие активные самодовлеющие величины, обладающие способностью эффективного воздействия на реципиента.

Материал показывает, что в отдельных случаях в структуру развернутых метафорических дескрипций входит вербально выраженный компонент сравнения: «Только легкая грусть *словно* дымкой...» [М. Шолохов], «Печаль *как* птица серая...» [О. Мандельштам]. Здесь номинанты эмоций выступают в функции субъекта сравнения.

Как можно видеть, номинанты эмоций активно метафоризируются в русской художественной речи. Этот языковой факт становится понятным, если иметь в виду относительную бедность, скудость прямых номинаций для выражения общих абстрактных понятий, в особенности *эмоциональных*. По нашему мнению, метафоризация номинаций эмоций как вторичный тип их обозначения представляет большой интерес для лингвиста-культуролога, поскольку именно ее анализ обнажает сам лингвокогнитивный механизм деятельности человеческого сознания. Наблюдения над метафорическими описаниями обнаруживают существование скрытых связей между различными феноменами мира, открывают для человека новые знания об окружающей его действительности, его внутреннем мире. Ассоциативный характер нашего языкомышления своим результатом имеет вербальное установление формальных и функциональных сходств, связывающих предметы объективной и субъективной действительности. Обнаружение ассоциативных отношений всегда культурно обусловлено: в этносе в разное время его существования вербально эксплицирована система ценностных предпочтений в выборе участников метафоры.

Анализ употребления номинантов эмоций как компонента метафорических дескрипций в художественных произведениях показывает множество образов, используемых носителями русского языка в понимании исследуемого социально-психологического феномена. Эти образы покоятся на универсальных базисных архетипах (огонь, вода, воздух), лежащих в основе толкования человеком мира.

В русских художественных произведениях наиболее продуктивными являются антропо- и натурморфные типы метафор, вербализующие эмоции. Высокий индекс употребления антропоморфной метафоры мы понимаем как

интроспективность их продуцента и носителя – человека, стремящегося измерять, значит, и оценивать «вещи» сквозь призму Его. Эмоциям человеческое сознание приписывает известную «человекоподобную» активность, в основе которой лежит их мотивационная сила. Причина же активного применения натурморфной метафоры (в особенности, глагольной – *pyrooverbum*, *pyroaqaverbum*), уподобляющей психические переживания человека реально воспринимаемым предметам действительности, кроется в их традиционной витальной и утилитарной ценностях.

Список литературы

- Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976.
- Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. М. : Яз. рус. культуры, 1997.
- Головановская, М. К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка / М. К. Головановская. М. : Изд-во МГУ, 1997.
- Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах : монография / Н. А. Красавский. – М. : Гнозис, 2008.
- Маслова, В. А. Введение в лингвокультурологию / В. А. Маслова. – М. : Наследие, 1997.
- Москвин, В. П. Классификация русских метафор / В. П. Москвин // Языковая личность: культурные концепты : сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 1996. – С. 102–110.
- Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций : монография / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008.

Р.И. Кудряшова

**Волгоградский государственный педагогический университет
(Волгоград, Россия)**

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ В ДОНСКИХ ГОВОРАХ

Среди диалектных слов, бытующих в донском казачьем диалекте, значительную группу составляют семантические диалектизмы, которые имеют одинаковый морфемный состав с соответствующими словами литературного языка, но отличаются от них своим значением.

Исследование семантических диалектизмов в донских говорах (анализировались материалы БТСДК и СДГВО) показало, что большую их часть составляют имена существительные, служащие наименованиями различных реалий, предметов; так называемая «непредметная» лексика (глаголы, прилагательные, наречия) представлена незначительным числом лексем.

Тематические группы рассматриваемых диалектных слов весьма разнообразны. В первую очередь это диалектизмы, отражающие восприятие местными жителями природы донского края.

Среди них названия природных объектов и явлений природы: *барак* ‘овраг’, *бой* ‘пастбище, выгон’, *бугор* ‘сугроб’, *бурки* ‘пузырьки на поверхности воды’, *бухта* ‘большая яма, наполненная внешней водой’, *курган* ‘снежный

сугроб', *метелка* 'поземка'; названия ветра: *астраханец* 'юго-восточный ветер', *москвич* 'холодный северный ветер'.

Широко представлена среди казачьих семантических диалектизмов лексика животного мира:

- наименования насекомых: *аэропланчик* 'стрекоза', *бук* '1) жук-плавунец, 2) паук'; *костяшка* 'мокрица', *красноперка* 'вид кузнечика с красными крыльями', *крючок* 'вид овода', *лесник* 'клещ';
- номинации птиц: *гадалка* 'кукушка', *качка* 'утка', *пугач* 'филин', *ры́бник* 'мелкая озерная или речная чайка';
- названия рыбы: *бегун* 'сельдь, выметавшая икру', *конек* 'небольшая рыба, род тарани', *кочегар* 'рыба бычок черного цвета';
- названия диких и домашних животных и их органов: *трус* 'заяц, кролик', *башмак* 'годовалый теленок'.

Семантические диалектизмы находим при обозначении донской растительности:

- деревьев, кустарников (дикорастущих и культурных) и их плодов: *барынька*, *барыня*, *боярыня* 'боярышник и его плоды', *бубен* 'зеленая ягода, зеленый плод', *камушек* 'косточка плода', *хрусталь* 'молодой съедобный побег аира';
- трав: *борщ* 'щавель', *калачик* и *копеечка* 'просвирняк низкий', *капканчик* 'растение якорцы земляные', *козлик* 'растение козлобородник', *косица* 'полевое растение', *кукушка* 'болотное растение', *липучка* 'общее название растений с колючими семенами или названия отдельных видов растений, обладающих теми же свойствами (липнуть, прилипнуть)';
- цветов, в том числе комнатных: *бабочка* 'василек', *курочки* 'подснежники', *коготки* 'ноготки аптечные, цветы календулы'.

Примыкают к этой группе и названия растений, выращиваемых человеком:

- злаковых культур: *белка* 'сорт пшеницы', *гирька* 'сорт мягкой безостой пшеницы';
- овощей: *баклажаны*, *яблочки*, *ягодки* 'помидоры', *кабак* 'тыква', *кабан* 'сорт большой белой тыквы'.

Значительная группа слов связана с хозяйственной деятельностью, повседневным бытом человека: *балабон* 'колокольчик на шее коровы', *баран* 'колодезный ворот', *мальчик* 'часть сруба колодца, находящаяся в воде', *беда* 'широкая телега с высокими бортами для перевозки сена, соломы', *заноза* 'железный прут, которым закрывают шею быка в ярме', *клещи* 'нижняя часть хомута', *лисица* 'деревянное основание повозки, к которому крепятся другие части', *подушка*, мн. *подушки* 'основные деревянные части телег, к которым крепятся оси', *бурундук* 'канат', *мот* 'веревка', *каталка* и *качалка* 'скалка' и др.

Отражены в рассматриваемой лексике названия частей дома и внутренней обстановки в нем: *хата* 'комната в доме', *чулан* 'теплый коридор', *крышка*

‘ставня’, *калитка* ‘форточка’, *круг* и *кружок* ‘оконное стекло’, *ливень* ‘водосточная труба’, *баранчик* ‘защелка’.

Представлена среди семантических диалектизмов и лексика, называющая части, органы человеческого тела: *борода* ‘подбородок’, *крест* ‘поясница’, *луна* ‘пуп’, *мякиш* ‘мускулы предплечья руки’, *зебры* и *салазки* ‘нижняя челюсть’, *зевки* ‘челюсти, скулы’, *соски* ‘гланды и их воспаление’.

Семантические диалектизмы-существительные используются в казачестве для характеристики человека: *бурлак* ‘неженатый бессемейный казак, не имеющий хозяйства’, *буря* ‘полный, упитанный человек’, *любитель* ‘любовник’, *нахал* ‘внебрачный ребенок’.

Нашли отражение в словаре донских казаков семантические диалектизмы, относящиеся к казачке. Это и названия женских причесок (*колпак* ‘заплетенная и закрученная на голове женская коса’, *корзина* и *корзинка* ‘женская прическа в виде скрученных на затылке волос’, *кулек* и *куль* ‘волосы, собранные на затылке в узел, – прическа замужней казачки’, *колонка* ‘вид женской прически’), и наименования головных уборов (*коврик* ‘платок’, *матрешка* ‘маленький головной шерстяной платок’), одежды, обуви, украшений (*коротышка* ‘короткая верхняя одежда’, *гусары* ‘вид праздничной женской обуви из кожи или сафьяна’, *коты* ‘род обуви, высокие чувяки’, *ладанка* ‘карман на поясе юбки’, *наручник* ‘браслет’).

Для названия местной пищи, изделий из теста также используются в казачестве семантические диалектизмы: *ладушки* ‘оладьи’, *пирог* ‘обычный хлеб из пшеничной или ржаной муки’, *калач* ‘вид свадебного хлеба, украшенного фигурками птичек из теста’ и др.

В диалекте донских казаков представлена и лексика, отражающая особенности отдыха, гуляний, игр, времяпрепровождения молодежи: *ледник* ‘1) ледяная горка’, ‘2) приспособление из доски и других предметов, покрытых льдом и употребляемых для катания с горы’; *кобылки* ‘подвижная игра, вид чехарды’; *шашки* ‘разновидность игры в кости’ и др.

Среди «непредметной» лексики можно выделить глаголы, обозначающие различные действия человека или его состояние: *бушевать* ‘натягивать на колесо железную шину, бушовку’, *крутить* ‘ловить рыбу в запрещенных местах’, *мигнуть* ‘мелькнув, быстро скрыться’, *нагадать*, *нагадывать* ‘напомнить (напоминать)’, *накинуть* ‘вспомнить’, *кусать* ‘грызть (семечки)’, *кричать* ‘плакать’, *найтись* ‘родиться’ и др. Представлены также глаголы, отражающие состояние природы (*курить* ‘мести – о снеге, песке’).

Сюда же относятся имена прилагательные, большая часть которых служит для характеристики человека: *беглый* ‘легкомысленный’, *бездушный* ‘хилый, слабый’, *бурный* ‘дикий, обезумевший’, *косой* ‘однорукий, хромой’, *красный* ‘рыжий’, *мудрый* ‘хитрый’, *лиственный* ‘слоеный’.

Редко встречаются наречия, совпадающие по звучанию с литературными, но различающиеся значением: *крепко* ‘громко’, *резко* ‘громко’ или ‘очень сильно’.

Некоторые рассмотренные имена существительные, глаголы и прилагательные, являясь семантическими диалектизмами по отношению к литературному языку, в диалекте могут варьироваться в лексико-семантическом плане.

В качестве примера можно привести такие лексемы, как *лягушатник* (именует рыбу, птицу и растения: '1) небольшой сом, 2) птица выпь, 3) декоративное растение касатик пестрый, 4) мелкая болотная трава'); *бурливый* ('1) болтливый, 2) ворчливый'); *луна* 'пуп' и *луна* 'эхо, гул' (омоним к первому).

Нельзя сказать, что все семантические диалектизмы, совпадая по фонемному составу, полностью различаются значением в литературном языке и говорах. Таких слов не очень много (например: *барак, баран, башмак, беда, гусары, лисица* и др.). Значения большинства анализируемых слов в указанных разновидностях национального языка корреспондируют друг с другом [Осовецкий, 1982, с. 132]. Например, в лексике донского казачества используется слово *пушка* для именованя гриба-дождевика, который, созрев, лопається, разбрасывая свои споры. На утверждение такого названия в говорах оказало влияние, по-видимому, сходство с артиллерийским орудием: «стреляет», издает хлопающий звук, сопровождающийся «взрывом»: *Ис пушки дым зилений идетъ. Там фся бугробина ф пушках. Маладыи пушки съядобны. Пушка сазрѣваитъ и лопаицца.*

Тожественные в звуковом отношении слова диалекта и литературного языка семантически могут различаться в разной степени: расхождения могут быть минимальными, могут быть значительными. Соотношения в семантическом плане таких слов очень многообразны и нестандартны.

Семантические диалектизмы остаются устойчивыми в речи донских казаков, широко используются местными жителями разного возраста и уровня образования.

Список литературы

1. БТСДК = Большой толковый словарь донского казачества. – М. : Рус. словари : Астрель : АСТ, 2003. – 608 с.
2. Осовецкий, И. А. Лексика современных русских народных говоров / И. А. Осовецкий. – М. : Наука, 1982. – 200 с.
3. СДГВО = Словарь донских говоров Волгоградской области / сост. Е. В. Брысина, Р. И. Кудряшова, В. И. Супрун ; под ред. Р. И. Кудряшовой. – Волгоград : Изд-во ВГИПК РО. – Вып. 1. – 2006 ; Вып. 2. – 2007 ; Вып. 3. – 2007 ; Вып. 4. 2007 ; Вып. 5. 2008 ; Вып. 6. 2009.

С.П. Кушнерук

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ПРОЯВЛЕНИЕ РЕЧЕВОГО КОНФЛИКТА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ *

Предмет лингвистической судебной экспертизы – конфликт, имеющий лингвистические проявления и измерения. Лингвистическое видение коммуникативно-речевой или системно-языковой стороны правовой коллизии полно проявляется и отражается в заключении эксперта. Однако и само заключение, как показывает опыт, может порождать конфликты второго порядка, связанные как с интерпретацией экспертных данных, так и с обстоятельствами его проведения, процессуальными сторонами исследования, с полнотой и качеством вопросов, поставленных перед экспертом, с транспонированием лингвистических данных в координаты правовых объяснений, следствий и процедур.

Относительно недавнее изменение в приказе Минюста России, который устанавливает рода и виды экспертиз, было связано с введением в список лингвистической экспертизы, содержание которой определено следующим образом: «Исследование продуктов речевой деятельности». Заметно, насколько широк и многообразен может быть спектр правовых обстоятельств, предполагающих проведение лингвистических исследований и экспертиз (далее используем слово «исследований»). Более того, их актуальность и востребованность определяется несколькими серьезными изменениями самого общества. При этом изменения имеют самую разную направленность. Например, с одной стороны – заметное (многие говорят – катастрофическое) снижение речевой грамотности и речевой культуры, с другой – увеличение количества и видов тех текстов, которые используются в различных ситуациях. Сюда можно добавить рост документной коммуникации, влияние речевых образцов СМИ, часто живущих «по собственным законам», изменение словарного состава русского языка, попытки «улучшить» его нормы и многое другое. Эти и другие обстоятельства прямо или косвенно повлияли на рост обращений к специалистам, проводящим лингвистические исследования. Частота таких обращений дает основание полагать, что значимость исследования речевых составляющих в гражданском и уголовном судопроизводстве заметно пересмотрена. Если раньше к лингвистическим исследованиям отношение было скорее ироническое, то сейчас сами результаты лингвистических исследований, их значимость в следственных и судебных действиях показали свою эффективность.

Многолетняя практика проведения судебных лингвистических исследований, а также интерес, который проявила часть профессионального юридического сообщества, дают основания высказать ряд соображений, полезных в тех случаях, когда возникает необходимость в привлечении специалиста-лингвиста. Рекомендации ориентированы на прояснение ситуаций,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013» (Госконтракт № 02.740.11.0367 от 20 июля 2009 г.).

связанных с конфликтными ситуациями, возникающими при реализации и обсуждении экспертных заключений.

1. Сложившаяся практика показывает, что лингвистическое исследование качественно может быть проведена только тем лицом, которое каждый день связано с научно-практическими действиями в той области, которая составляет суть экспертизы. При всем уважении к специалистам, окончившим филологические факультеты и защитившим дипломы по поэтическому творчеству А. Блока или истории суффикса *-or* в среднеанглийском языке, вряд ли их кандидатуры оптимальны в проведении исследований о наличии речевых признаков дачи взятки или даже об отнесении речевых единиц к классам оскорбительной лексики. Если обратить внимание на состав лиц, производящих лингвистические экспертные операции, то можно увидеть, что они являются не только кандидатами или докторами наук в области лингвистики, но и специалистами в таких областях лингвистического научного знания, которые соответствуют профилю, содержанию лингвистического исследования. Рекомендация 1: искать не лингвиста вообще, а специалиста с опытом экспертной работы и умеющего квалифицированно решать специфические исследовательские задачи.

2. Определить в принципе необходимость исследования и при принятии положительного решения сформулировать перед специалистом задачу, не пытаясь подменить его. Лингвистическая сторона любого дела, ее содержание и особенности – предмет совместного обсуждения адвоката и специалиста. К сожалению, в обществе и в некоторых профессиональных кругах проявляется подход: «А что там особенного, я же по-русски говорю, значит, я тоже немножко лингвист». Недавно во время судебного заседания, один из известных волгоградских адвокатов, когда его спросили о наличии лингвистического образования в связи со спором по лингвистической сущности исследования, заявил: «Я имею юридическое образование и большой опыт, а русский язык я учил в школе, поэтому могу обсуждать все стороны лингвистической экспертизы». Значит ли это, что все, кто «проходил» в школе основы права может считать себя юристом, а троечник по рисованию – специалистом, отвергающим результаты портретной экспертизы? Очевидно, нет. Опасно создавать для себя иллюзию простоты речевых явлений и легкости их точной характеристики из конкретных ситуаций, составляющих предмет дела уголовного, гражданского или арбитражного судопроизводства. Рекомендация 2. Выявить лингвистическую составляющую дела и обсудить ее объем и содержание со специалистом лингвистом.

3. Один из самых сложных и ответственных этапов производства исследования – формулировка вопросов, на которые будет отвечать специалист. Основная сложность – они должны иметь языковую суть. Нельзя «втаскивать» эксперта любой области в юриспруденцию. Ведь сущность исследований состоит в том, что право говорит: «Да, я велико, сильно и многосторонне, но мне нужна помощь. Пусть специалист, не вторгаясь в право,

чего ему делать нельзя – он не юрист и в юриспруденции, возможно, ничего не понимает, – покажет значимые для меня признаки, свойства, качества, количества. Я их приму, поясню и включу в правовой контекст». Например, недопустимо, чтобы вопрос звучал так: «Является ли оскорблением гр-на N следующая фраза: ...?». Наличие или отсутствие оскорбления как деяния определит суд, а лингвист может ответить на вопрос: «Относится ли слово (выражение).... к какой-либо из групп речевых средств, которые с точки зрения речевых норм обладают оскорбительными свойствами? Если да, то каковы эти свойства?». Иногда качество вопросов пытаются заместить их количеством, что, чаще всего, не повышает эффективности исследования, но удорожает стоимость ее проведения. Длительная практика показывает, что верно выбранный аспект исследования воплощается в 2–6 вопросов, включаемых в запрос или в постановление. Рекомендация 3. Определению содержания и количества вопросов уделить максимальное внимание, для их формулировки крайне желательно привлекать специалиста.

4. Максимальное внимание следует уделить качеству формальных и содержательных составляющих заключения, включения в него всех обязательных реквизитов. Хотя это общеизвестное положение и его напоминание может обидеть юриста, но в лингвистических исследованиях заключение имеет свои нюансы. Оно должно включать нормативно-языковую базу исследования, словарь основных терминов, использованных в тексте, раздел, в котором характеризуется вид речевого материала, единицы которого исследуются. Краткий пример, почему необходимо последнее: «Ну, ты волчара, блин, куда ты пропал!» – в разговорно-просторечном материале; «Этот волчара со своим позорным приговором!» – реплика родственника в суде после вынесения приговора в адрес судьи. Рекомендация 4. Соблюдение всех общих требований к заключению по исследованию с учетом его лингвистической специфики.

5. Нельзя ожидать от лингвистических исследований чудес, но и принижать их возможности нельзя. Недооценка этих исследований и появление вторичного конфликта уже на основе представленного заключения часто происходит потому, что на сам ход и методики исследований смотрят с позиций «русского языка в школе». Не стану щеголять терминами, но широкая практика исследований, наличие учебной литературы, научных изданий являются свидетельством того, насколько возросли возможности лингвистических исследований. Внимание Российского гуманитарного научного фонда позволило реализовать уникальную исследовательскую программу по инновационным направлениям лингвистических экспертиз. Это сказывается на увеличении классов задач, решаемых в рамках исследований: речевые аспекты взяточничества, вымогательства, угроз, оскорблений, посягательства на честь достоинство и деловую репутацию, распространение наркотиков, манипуляции с ГСМ, соответствия содержания законов и подзаконных документов, правильность речевого оформления реквизитов,

проявления экстремизма и речевой агрессии – вот далеко не полный перечень правовых проблем, решаемых с участием специалистов-лингвистов. Рекомендация 5. Речевые составляющие присутствуют практически во всех видах деятельности. Посмотрите, возможно, обращение к их особенностям поможет Вам в выявлении таких значимых признаков, которые усилят доказательную базу.

Последнее замечание. Лингвистические экспертизы – объемные и продолжительные исследования, требующие квалифицированного и ответственного труда. Эти факторы определяют стоимость экспертных исследований. Стоимость экспертного исследования определяется договором, а порядок оплаты регулируется законом, в частности, этому вопросу посвящены изменения, внесенные в ГПК России в 2009 году.

Т.В. Максимова, Т.В. Бондаренко

Волгоградский государственный университет (Волоград, Россия)

ЭТНОСПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «АНГЛИЙСКИЙ ДВОРЕЦКИЙ»

Достижения лингвоконцептологии и лингвоперсонологии послужили основой для выделения особого вида концепта – концепта типизируемой личности – и становления нового направления в лингвистике, теории лингвокультурных типажей. Типаж являет собой узнаваемый образ представителя той или иной культуры, типизированный на основе социокультурных критериев, а также определенных специфических характеристик вербального и невербального поведения. Лингвокультурный типаж представляет особую важность для аксиологического направления в лингвистике, поскольку отражает в себе закрепившиеся в социуме ценности, с одной стороны, и служит основой для формирования новых ценностных ориентаций в обществе, с другой [Карасик, 2002].

Формированию лингвокультурного типажа сопутствует его трансляция в другие лингвокультурные пространства. В данной статье мы предлагаем рассмотреть этноспецифические характеристики лингвокультурного типажа «английский дворецкий» в рамках его функционирования в культурах стран, импортировавших этот концепт.

В русском языковом сознании лингвокультурный типаж «английский дворецкий» возник благодаря британской литературе, театральным и кино постановкам по английской классике и множеству анекдотов о камердинерах и дворецких.

В России слово «дворецкий» появилось еще в начале XV века и означало главу дворцового управления, то есть человека, управлявшего недвижимостью царской семьи. В XVII столетии дворецкими стали называть управляющих усадьбами. После революции профессия исчезла вместе со

слоем аристократии и возродилась в России в конце 90-х годов XX века с появлением класса состоятельных людей, нуждающихся в услугах профессионалов. Поскольку отечественные традиции были забыты, сегодняшние дворецкие в России ориентируются преимущественно на английский опыт и технологии. Следовательно, типаж дворецкого, будучи импортированным в русскоязычную культуру, характеризуется наличием ключевых признаков своего британского коллеги.

В русском языке существуют следующие номинации, апеллирующие к рассматриваемому концепту: «дворецкий», «управляющий», «слуга», «домашний персонал». В обиход входит также английское заимствование «батлер» (от англ. *butler*). На понятийном уровне можно выделить следующие смысловые доминанты: 1) представитель сферы услуг; 2) наемный работник; 3) управляющий домом / поместьем. В английском массовом сознании дворецкий – маскулинный типаж, в России же, в отличие от Запада, в профессии довольно часто встречаются женщины. Так, например, директор «Школы дворецких» В. Овчинников так описывает сложившиеся тенденции: *«Меняется мир, а вместе с ним и наше отношение к профессиям, в том числе к профессии батлера. На мой взгляд, она самая что ни на есть женская, потому что и в управлении домом, и в гостиничном деле «классный» сервис – это, прежде всего, внимание к мелочам, что характерно больше для женщин. Мужчине, особенно россиянину, работающему в сфере обслуживания, редко удается достичь международного уровня сервиса. Сварить, подать, убрать чашку кофе, поддержать беседу – это же целая наука, куда входит не только этика поведения, но и знание психологии, способность интуитивно угадывать настроение, расположение духа хозяина или гостя... Есть и такой немаловажный нюанс: иностранные гости (в отеле), независимо от их пола, предпочитают, чтобы их обслуживала женщина»* [<http://www.steward.ru>].

Образно-перцептивная составляющая типажа «дворецкий» в российском массовом сознании больше относится к стереотипам, возникшим под влиянием английской литературы, а именно благодаря персонажам А. Конан-Дойля и П.Г. Вудхауса: высокий мужчина с бакенбардами, в ливрее, белоснежных перчатках; его лицо бесстрастно, движения бесшумны. Тем не менее стереотипное восприятие современного батлера во многом соответствует перечисленным признакам. *«Чтобы я всегда искал корпулентных мужчин с бакенбардами и раскатистым баритоном – такого, конечно, нет. Но внешность должна быть, что называется, представительной – как правило, в качестве дворецкого заказчики предпочитают видеть мужчину старше 35 лет, не слишком крупного, но и не маленького, не суетливого и не заторможенного. В человеке должно быть подлинное чувство собственного достоинства. Это большая редкость. Часто под видом достоинства скрываются комплексы несостоятельности, а в профессии дворецкого им места нет, поскольку нужно решать сложнейшие задачи по управлению большим хозяйством и при этом не считать для себя оскорблением*

необходимость открыть кому-то дверь или сварить кофе. По моему опыту, такой широтой сознания обладают бывшие военные, руководящие работники банковской сферы или совзагранработники», – так описывает современного дворецкого В. Рогожкин, специалист по подбору домашнего персонала, в прошлом выпускник школы дворецких [<http://www.kommersant.ru/doc.aspx>].

Как видим, в представленном тексте используемые вербальные средства сочетают в своей семантической структуре не только дескриптивный, но и оценочный компоненты: «представительный», «достойный», «подлинный». Подобное наслоение оценочной составляющей на образный элемент говорит нам о том, что концепт «дворецкий» в российской лингвокультуре приобретает яркость и многомерность.

Социометрический план статуса дворецкого в России все больше приобретает черты британского батлера: это высокооплачиваемый профессионал, имеющий все необходимые навыки для успешной работы, получивший специализированную подготовку в закрытом учебном заведении, служащий в доме состоятельных людей. В семиотический пласт типажа вошли такие составляющие, как «школа дворецких», «клуб», «гильдия дворецких».

В лингвокультурное пространство стран Востока концепт «английский дворецкий» пришел иным путем – с развитием индустриального и финансового капитализма, а следовательно, и с укреплением буржуазной морали, расцветом прагматических представлений о стиле жизни. Рост и укрепление рынка услуг на Востоке стал результатом появления нефтяных магнатов: *«Following varied shift and changes accompanying accelerated globalization overall global demand for butlers since the turn of the millennium has risen dramatically. The proximate cause is that the number of petroleum millionaires and billionaires has risen in recent years, and such people are finding that they desire assistance in managing their household. The number of wealthy in China has particularly increased, creating in that country high demand for professional butlers who have been trained in the English butling tradition. There is also increasing demand for such butlers in other Asian countries, India and the Middle East»* [<http://www.modernbutlers.com>]. Но, как утверждает С. Ферри, глава Института подготовки профессиональных дворецких в Лондоне, в статье *«Royal Tips for Indian Butlers»* батлерам в странах Востока приходится бороться с собственной ментальностью *«servant mentality»*, чтобы соответствовать требованиям времени и уровню своих работодателей; при этом он подчеркивает, что времена меняются и профессия дворецкого перестает быть исключительно английской: *«Butlering, after all, is a British tradition – but times are changing and we are facing profession prosper in the Middle and Far East, enriching with eastern delicacy and refinement»* [<http://news.bbc.com.uk>].

Как и в России, отличительной чертой профессии дворецкого в странах Ближнего Востока, например ОАЭ, является значительное число женщин-дворецких как в отелях, так и в частных домах. Но связано это, прежде всего, с культурой и традициями государств: *«Today female butlers are highly preferred*

especially for work within Middle East families where it may be culturally problematic for males to work closely with females in a household» [<http://www.modernbutlers.com>]. Владельцы отелей уровня luxury сумели использовать эту культурную традицию в целях маркетинга и создали так называемые «*Ladies' Floors*» (женские этажи), где проживают и обслуживают только женщины: «*Jeddah, Saudi Arabia, 10 December, 2007: Saudi Arabia's first hotel to offer an exclusive floor for female travellers says its success could start a trend in the Kingdom and other parts of the Middle East. The Rosewood Corniche in Jeddah has reported a strong response from female guests since opening its doors in September to reveal a dedicated Ladies' Floor which is unique in Saudi Arabia. It offers an elegant and private retreat, with an exceptional range of amenities specifically designed and tailored to meet the needs of female guests, including 24-hour female butler service, luxurious handmade bedding, female inspired artwork and a distinctive array of imported toiletries and grooming essentials*» [<http://www.addthis.com>].

Таким образом, реклама этого отеля презентует данный вид услуг как эксклюзив, обещая шикарное обслуживание, скрывая за позитивно окрашенными лексемами «luxurious», «dedicated», «exceptional» то, что в странах Запада посчитали бы дискриминацией.

Итак, мы рассмотрели некоторые этноспецифические особенности лингвокультурного типажа «английский дворецкий» и можем сделать предварительные выводы. Существенной отличительной чертой дворецких в заимствующих культурах является гендер: несмотря на маскулинное восприятие типажа, в восточных странах женщины прочно заняли свою нишу в этой сфере услуг. Социокультурный план статуса также несет в себе традиционные черты британского дворецкого, сочетая их с особенностями менталитета стран, импортирующих типаж. В принимающих лингвокультурах типаж получает положительную оценку, зафиксированную в позитивно маркированных лексемах.

Список литературы

1. Карасик, В. И. Лингвокультурный типаж: к определению понятия / В. И. Карасик, О. А. Дмитриева // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж. – Волгоград : Парадигма, 2005. – С. 5–25.

Источники

1. <http://www.modernbutlers.com/html/journal.html>.
2. <http://news.bbc.com.uk>.
3. <http://www.addthis.com>.
4. <http://www.kommersant.ru/doc.aspx>.
5. <http://www.steward.ru>.

М.В. Милованова

**РАЗНОВЕКТОРНОСТЬ ПОСЕССИИ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПИСАТЕЛЕЙ РЕГИОНА) ***

Универсальная понятийная категория посессивности играет исключительно важную роль в концептосфере человека. На протяжении всей своей жизни человек всегда чем-то и кем-то владел, включал в свою сферу разнообразные объекты. Мы исходим из того, что осмысление становления посессивных отношений, их развития в процессе поступательной деятельности человека происходило в каждой культуре по-разному, будучи обусловлено определенной иерархией ценностей, прежде всего национально-культурной спецификой, что нашло отражение также в языке казачества. Материалом исследования послужил Большой толковый словарь донского казачества, а также художественные тексты писателей Нижневолжского региона (Б. Екимова, Н. Терехова), сборники поэтических и прозаических текстов хоперских казаков. Языковые средства, используемые в речи донского и хоперского казачества, рассматриваются нами как единый массив фактов, отражающих особенности Нижневолжского региона.

Универсальная понятийная категория посессивности является бинарной: субъект является посессором лишь по отношению к определенному объекту, с которым он и вступает в посессивные отношения. Таким образом, все языковые средства, репрезентирующие категорию посессивности, можно разделить на языковые средства, относящиеся к субъекту, объекту, а также квалифицирующие посессивные отношения.

Мы считаем, что посессия представляет собой разновекторный процесс. Как известно, под вектором понимается «прямолинейный отрезок, имеющий начальную и конечную точки и характеризующийся числовым значением и направлением; векторный – относящийся к вектору» [ТСИС, 143]. Посессия как особое отношение человека с окружающим миром может быть направлена как от начальной точки в сторону ее становления, так и к конечной точке в сторону ее утрачивания. Однако специфика посессивных отношений такова, что если первый вектор (начало) присутствует всегда, то второй вектор (окончание) может быть и не реализован. Данные векторы развития посессивных отношений находят свое отражение также в группе наименований субъекта-посессора с точки зрения социального положения (имущественной характеристики).

В семантике включенных в эту группу языковых единиц находит непосредственное отражение понятие собственности. Соответственно, данные языковые единицы разделяются на две микрогруппы – с точки зрения наличия собственности и ее отсутствия. В микрогруппу языковых единиц,

* Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 2009–2013 гг. (Госконтракт от 20.07.2009 г. № 02.740.11.0367).

маркирующих субъекта-посессора как собственника, входят следующие номинации, подчеркивающие определенную степень богатства: *богатун, достаточный, заможный, озолотенный, приправный, чemezинник* [БТСДК, 2003; БЕ, 1995], например: *Тут адни багатуны раньшы жыли* [БТСДК, 2003, с. 48]; *Папаша наш атаман был, заможный казак* [БТСДК, 2003, с. 174]; *Багатых дразнили чимязинниками* [БТСДК, 2003, с. 572]. В большинстве случаев эксплицирована отрицательная оценка, средствами выражения которой может быть суффикс *-ун-*, либо сама семантика существительного – *чemezинник* – в основе лежит наименование предмета: *чemezин* – кошелек особой формы, род кармана для денег [БТСДК, 2003, с. 572]; в словаре В.И. Даля *чemezинник* – это не только богач, но и скряга, скупой с деньгами [Д, 2003, т. 4, с. 388]. Субстантивированное слово *озолотенный* также содержит отрицательную оценку, в данном случае перед нами отглагольное образование, мотивированное глаголом *озолотиться*. Субстантивированные лексемы *заможный, достаточный, приправный* с точки зрения оценки нейтральны, в основе номинации субъекта-посессора лежит либо действие (метафорически переосмысленное) – *приправлять – приладить, приделать* [Д, 2003, т. 3, с. 356], либо совокупность предметов: *замога* – состояние, имущество [Д, 2003, т. 1, с. 543]; *достаток*.

Подгруппа наименований субъекта-посессора с точки зрения отсутствия собственности является более многочисленной. В основе номинаций субъекта-посессора лежат внешний вид, внутренняя характеристика, метафорическое переосмысление реалий действительности, в целом образ жизни. Прежде всего отмечено несколько номинаций субъекта, мотивированных лексемой *голый*: *големяка, голодряб, голутва* [БТСДК, 2003], в первых двух случаях номинация осуществляется по внешнему виду: *големяка* – тот, кто плохо одет и, соответственно, бедный: *Галимяки ничиво ни имеют* [БТСДК, 2003, с. 110]; *голодряб* (от *голый* и *дрябать* – царапать, драть), в основе номинации *голутва* – метафора, в словаре В.И. Даля находим: *голутва* – вырубка, просека [Д, 2003, т. 1, с. 348], то есть чистое, голое место.

Посессивные отношения могут развиваться как постепенное накапливание объекта в сфере субъекта, так и как его постепенное (или однократное) утрачивание. Процесс постепенного накапливания объекта репрезентируют глаголы, подчеркивающие становление отношений владения. В данную группу глаголов (и устойчивых сочетаний) в нашем фактическом материале включены *воспоможиться, гобить, дбать, придбать, зажить, бгать, набгать, нахапаться, обогатеть, обтрусить харахоры* [БТСДК, 2003; БЕ, 1995; НТ, 1998; ТП, 1992]. Следует заметить, что данный глагольный ряд намного шире аналогичного ряда в литературном языке. В семантической структуре приведенных глаголов актуализируется темпоральный характер приобщения объекта, поскольку действие с фазой становления предполагает некий длительный промежуток времени.

Глаголы *зажить* (синоним в литературном языке – *нажить*), *гобить*, *дбать* (*придбать*), *бгать* (*набгать*) можно считать ключевыми для данного ряда. В семантической структуре этих глаголов характер объекта собирательный, представлен в совокупности как определенная часть того, что принадлежит субъекту, является его собственностью, в его состав может входить все, что включается в сферу субъекта на данный момент: ценности, а также все предметы, вещи, постепенно приобщаемые субъектом в течение его жизни: *Чилавек скоро зажыветь, скоро и пражыветь* [БТСДК, 2003, с. 168]; *Бабушка дбала-дбала, а умирла – и ничиво ни нужна, с сабой ни взяла* [БТСДК, 2003, с. 126]; *Ни набгали на фсю жызню* [БТСДК, 2003, с. 295]. *Гобить* этимологически восходит к др.-рус. *гобина* – богатство, изобилие [Ф, 2004, т. 1, с. 423]; *дбать* восходит к праславянскому **dъbati* – заботиться, стараться, копить [Ф, 2004, т. 1, с. 486], *бгать* – гнуть, мять, обматывать, закутывать [см.: Ф, 2004, т. 1, с. 140], в последнем случае можно усмотреть связь со значением «накапливать» как с долгим и трудоемким процессом.

Другие глаголы уточняют характер становления владения с точки зрения характера объекта: *воспоможиться* – обзавестись хозяйством; степени накопления: *нахапаться* – накопить с избытком (как правило, содержит отрицательную оценку), *обогадеть* – стать богатым, *обтрусить харахоры* – стать богатым, но при этом еще и «зазнаться», ср. «харахориться»: *Ну, антрусила сваи харахоры, багачи стала, вазнислась* [БТСДК, 2003, с. 331] (отрицательная оценка).

Следует особо отметить тот факт, что процесс постепенного утрачивания объекта не находит отражения в языке казачества, поскольку специальные глагольные единицы, отличные от глаголов литературного языка, разговорной речи, просторечия, отсутствуют.

Таким образом, анализ репрезентации различных посессивных отношений в семантике единиц, отражающих особенности языка региона, позволяет говорить о значимости для представителей казачьей культуры процесса становления владения, накопления совокупного объекта в сфере субъекта, его сохранения.

Список литературы

1. БЕ = Екимов, Б. Высшая мера : повести и рассказы / Б. Екимов. – Волгоград : Комитет по печати, 1995.
2. ТП = Попова, Т. Во поле диком / Т. Попова // Голгофа. Поэзия и проза хоперских казаков. Приложение к газете «Хоперский вестник». – Урюпинск, 1992.
3. НТ = Терехов, Н. У родного гнезда : повести, рассказы / Н. Терехов. – Волгоград : Комитет по печати и информации, 1998.
4. БТСДК = Большой толковый словарь донского казачества / Ростов. гос. ун-т, Ф-т филологии и журналистики; Каф. общ. и сравн. языкознания. – М. : Рус. словари : Астрель : АСТ, 2003.
5. Д = Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
6. Ф = Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер – М. : Астрель : АСТ, 2004.

РИТУАЛИЗОВАННЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Одним из значимых прикладных достижений коммуникативной лингвистики стало появление, развитие и широкое распространение функциональной теории перевода, скопос-теории, представленной ее авторами как комбинация двух релевантных для современной переводческой деятельности концепций: теории переводческих действий (Х. Фермеер) и коммуникативно-прагматической транслятологической типологии текстов (К. Райс) [Rei?, Vermeer, 1984]. Предметом исследования выступили действия переводчика, а тексту перевода – трансляту было отказано в статусе автономного языкового феномена, потому что цель как доминанта перевода обусловила необходимость создания вторичного текста как элемента коммуникативного действия в заданном социокультурном контексте. Главным в переводе стал результат, соответствующий заявленной цели, а «оформление» транслята вышло из «тисков» лингвистической эквивалентности и получило подчиненную целеполаганию роль. Эта революция, совершенная функциональной теорией, коренным образом изменила письменный перевод, многое в нем оптимизировала, и ее можно привести в качестве одного из самых удачных примеров «анализа факторов, которые оказываются релевантными для каждой из разновидностей перевода и для различных типов текстов» [Львовская, 2008, с. 169]. З.Д. Львовская считает, что «на основе такого анализа можно было бы сформировать **коммуникативные требования**, которым должен отвечать конечный продукт деятельности переводчика» [там же, выделено автором – В.М.].

Проблемы устного перевода, обусловленные новыми требованиями, предъявляемыми глобализацией к качеству коммуникации, в первую очередь, в профессиональных контекстах, не получили в рамках функциональной теории удовлетворительного освещения, что достаточно легко объяснить. В письменном переводе имеет место временная и пространственная удаленность исходного текста и текста перевода, скопос-теория «прописывает» действия выполняющего заказ переводчика применительно к конкретному типу текста, а в устном переводе партнеры по коммуникации действуют в одном интерактивном контексте. Текст как результат устного перевода располагает не вполне самостоятельными характеристиками, потому что получателю перевода доступны невербальные элементы исходного текста (жестикуляция, мимика отправителя, просодические параметры текста), во многих случаях реакция аудитории, владеющей исходным языком, а также известна предыстория, «канва» данной ситуации опосредованной коммуникации.

В исследовании Ф. Пеххакера, посвященном переводу конференций [Pochhacker, 1994], описываются различные случаи «синхронизации» эмоций, визуально доступных получателю. Так, ставшее вполне универсальным англоязычное *Wow!*, спонтанно использованное докладчиком в ответе на комментарий, передается средствами немецкой фонетики с соблюдением заданной степени экспрессии, а восторженные благодарности по поводу полученной премии, ограниченные поклонами и обращением по имени к каждому из членов президиума и соответствующими невербальными знаками, не перевыражаются на языке перевода – синхронист реализует прагматику данного эмотивного коммуникативного действия, отложив микрофон и предоставив аудитории пережить волнующий момент в его «первичном» предъявлении. Следует сказать, что устный перевод – как синхронный, так и последовательный – очень часто ограничен составом актантов и набором текстов, заданным программой. Комплекс текстов конгресса, конференции, переговоров и т. п. образует гипертекст, и как цельный фрагмент соответствующего дискурса он может быть исследован с разных позиций. Поиск однозначных, формульных соответствий и изучение их социокультурной эквивалентности и адекватности особенно значимы для теории и практики перевода, традиционно запрограммированных на «рамочную» функцию «стандартных речений» [Латышев, Провоторов, 2001, с. 109].

В исследованиях институциональной коммуникации языковые средства «стандартных речений» выступают в качестве объекта как репликовые шаги, «рутинные формулы», «прагматические клише» [Гурьева, 2003; Coulmas, 1981; Ehlich, 1994; Konig, 1994; Rauch, 1992; Stein, 1995; Werlen, 1984]. Отметим, что как в указанных работах, так и в достаточно большом количестве других, выполненных в аналогичном русле, имеет место частотное использование таких понятий, как «ритуал», «ритуальный» и «ритуализованный»; «институт», «институциональный» и «институционализированный»; «конвенция», «конвенциональный» и «конвенционализированный»; «форма», «формальный» и «формализованный»; «стандарт», «стандартный» и «стандартизованный».

Такое однообразие терминообразования не связано, однако, с различием в выражении свойства как принадлежности и свойства как результата процесса. И. Верлен характеризует институционализированность как связанность с институтами, формализованность, стилизацию, повторяемость и перформативность [Werlen, 1984, с. 86]. Для Э. Раух институционализированными являются «все языковые действия, совершаемые и вне институтов, которые основываются на конвенциях и положениях... всего общества, группы или индивидов», а институциональными – языковые действия, которые выполняют функцию конституирующих элементов институтов как исторически-политических учреждений, представляют и воспроизводят их [см.: Rauch, 1992, с. 44–46]. Так, она замечает, что преамбула к договору о ЕС будет неполной без эксплицитно-перформативной формулы *Sie haben beschlossen, ...dieses Abkommen zu schlie?en*, а в религиозном дискурсе выражение *Ich taufe dich im*

Namen des Vaters und des Sohnes und des heiligen Geistes реализует весь процесс [там же]. Э. Раух отказывается от оппозиции «ритуальный / ритуализованный» в своей работе, полагая, что они коррелируют с оппозицией «институциональный / институционализированный», и проводит сопоставление понятий «ритуал», «обычай», «церемония», «конвенция / норма», «правила вежливости». Наблюдения автора представляются достаточно спорными: по ее мнению, церемония по большинству позиций совпадает с ритуалом, вежливость являет собой подтип ритуала, а максимально удалены от него норма и конвенция. Перевод позволяет проверить степень формализованности коммуникации, потому что использование формульных единиц достаточно жестко регламентируется ситуативными контекстами соответствующего профессионального дискурса. Проекция на переводческую практику показывает, что понятие ритуализованной коммуникации может оптимизировать качество вторичного текста, в частности в ситуациях открытия и закрытия различных мероприятий, в очень важном для успеха любой беседы, переговоров оформлении начала и конца разговора и ряда других контекстов.

Логичным представляется замечание Ш. Штайна относительно пересечения ритуальных и формальных языковых действий, потому что в институционализированных ритуалах предписан не только процесс, но и использование текстов определенной формы [Stein, 1995, с. 47]. Коммуникативное действие реализует всю полноту своей программы именно потому, что формулы в институциональных контекстах ожидаемы и предсказуемы. Ритуализованные действия, воплощаемые в установленной тональности, структуре текста и его компонентах, имеют место, в частности, в весьма значимых для профессиональных дискурсов приветственных, поздравительных речах, протокольных формулах различных заседаний, что обуславливает огромную роль соответствующей компетенции переводчика. Широко используемое в традиционной дидактике перевода заучивание «стандартных речений», как было отмечено выше, представляется и сложным, и в ряде случаев лишенным смысла занятием, потому что отрыв от дискурса, от реального социокультурного контекста нейтрализует, нивелирует характеристики коммуникации, которая маркирована и ритуализована по определению.

В разделе «Дискуссия» пособия, рекомендованном «студентам языковых вузов, готовящихся к переводческой деятельности» [Сазонова, 2004], предлагается набор стандартных формул для участников дискуссии – председателя собрания и участников. Многие из них можно обозначить как однозначные соответствия, реальные для перевода как простой подстановки:

- *Wer mochte an der Diskussion teilnehmen?* – *Кто хотел бы принять участие в дискуссии?*
- *Das Wort hat Herr Dr. X.* – *Слово имеет д-р X.*
- *Ich schlage vor, die Diskussion zu dieser Frage fortzusetzen.* – *Я предлагаю продолжить обсуждение этой проблемы.*

Данные соответствия не вызывают возражений, особенно на фоне пар формульных реплик, которые представляются достаточно спорными с точки зрения их не вполне корректной модальной оформленности:

- *Ich kann meinem Kollegen nicht zustimmen.* – Я не согласен с моим коллегой.
- *Ich kann Ihrer Meinung nicht zustimmen.* – Я не могу согласиться с Вашей точкой зрения.
- *Sie haben mich nicht überzeugt.* – Вы меня не убедили.
- *Ich glaube, es ist nicht so.* – Я думаю, что это не так.
- *Dem Redner ist nicht gelungen, das Problem völlig zu lösen.* – Докладчику не удалось полностью решить проблему.
- *Ubrigens haben sie mich nicht ganz richtig verstanden.* – Между прочим Вы поняли меня не совсем правильно.

Приведенные «стандартные речения» предлагаются в качестве однозначных соответствий для оформления протокольного, ритуализованного действия в рамках конференц-коммуникации. Даже на первый взгляд заметна чрезмерная категоричность потенциальных замечаний, которые, при всей своей функциональности и возможной уместности, например, в политическом или экономическом дискурсе, вряд ли могут быть рекомендованы для использования в интеракциях научного дискурса без соответствующих комментариев относительно адекватного прагматического оформления. Отметим, что использование изъявительного наклонения и отказ от возможных модальных слов *leider*, *aber*, *doch* вполне допустимы с точки зрения немецкого менталитета с его установкой на «прямотушие», открытость, но только в ситуации общения достаточно хорошо знающих друг друга специалистов, однако при переводе на русский язык переводчику стоит вспомнить об универсальных лингвопрагматических возможностях *все же* и *все-таки*. При переводе на немецкий для австрийских коллег изъявительное наклонение обязательно заменяется на сослагательное, поскольку конъюнктив доминирует в соответствующих контекстах устной коммуникации в австрийской лингвокультуре в целом. Безусловно, может иметь место и намеренная однозначность и категоричность, но тогда налицо аффективное коммуникативное действие, далекое от ритуализованного.

Знание предложенных пар формульных выражений имеет, таким образом, ограниченное применение, но они могут быть успешно использованы в качестве исходного материала для вариативного переводческого поиска, ориентированного на социокультурную детерминированность коммуникативно-прагматического подхода к переводу.

Список литературы

1. Гурьева, З. И. Речевая коммуникация в сфере бизнеса: к созданию интегративной теории (на материале текстов на русском и английском языках) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / З. И. Гурьева. – Краснодар, 2003.

2. Латышев, Л. К. Структура и содержание подготовки переводчиков в языковом вузе / Л. К. Латышев, В. И. Провоторов. – М. : НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001.
3. Львовская, З. Д. Современные проблемы перевода / З. Д. Львовская. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008.
4. Сазонова, Е. М. Международные контакты : учеб. пособие по немецкому языку для переводчиков / Е. М. Сазонова. – М. : Высш. шк., 2004.
5. Coulmas, F. Routine im Gespräch: zur pragmatischen Fundierung der Idiomatik / F. Coulmas. – Wiesbaden : Akademische Verlagsgesellschaft Athenaion, 1981.
6. Ehlich, K. Institutionsanalyse. Prolegomena zur Untersuchung von Kommunikation in Institutionen / K. Ehlich // Ehlich K. Texte und Diskurse. Methoden und Forschungsergebnisse der Funktionalen Pragmatik / K. Ehlich, J. Rehbein ; hrsg. von G. Brunner und G. Graefen. – Opladen : Westdeutscher Verlag, 1994. – S. 287–327.
7. König, P.-P. Handlungsmuster – Textmuster – Dialogmuster. Überlegungen zum Status kommunikativer Muster / P.-P. König. Sprache – Sprechen – Handeln ; hrsg. von D. W. Halwachs und I. Stutz. – Tübingen : Niemeyer, 1994. – S. 109–116.
8. Pochhacker, F. Simultandolmetschen als komplexes handeln / F. Pochhacker. – Tübingen : Narr, 1994.
9. Prunč, E. Einführung in die Translationswissenschaft. Band 1. Orientierungsrahmen / E. Prunč. – Graz : Selbstverlag, Institut für Theoretische und Angewandte Translationswissenschaft, 2002
10. Rauch, Elisabeth. Sprachrituale in institutionellen und institutionalisierten Text- und Gesprächssorten / Elisabeth Rauch. – Frankfurt am Main : Verlag Peter Lang GmbH, 1992.
11. Reiß, K. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie / K. Reiß, H. Vermeer. – Tübingen : Niemeyer, 1984.
12. Stein, Stephan. Formelhafte Sprache: Untersuchungen zu ihren pragmatischen und kognitiven Funktionen im gegenwertigen Deutsch / Stephan Stein. – Frankfurt am Main : Peter Lang GmbH, 1995. S. 45–54.
13. Werlen, Iwar. Ritual und Sprache: Zum Verhältnis von Sprechen und Handeln in Ritualen / Iwar Werlen. – Tübingen, Narr, 1984.

А.В. Млечко

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

МОЛЧАНИЕ ЛОГОСА: МЕДИА И ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ

Методологически обусловленная оппозиция *логос / миф* (диалектически-логически-научное / образное познание мира) исторически выступает в качестве дихотомии, репрезентирующей интеллектуальный и духовный универсум. Логос Гераклита характеризовался эмпирически нефиксируемой универсальной закономерностью разворачивающихся форм бытия, космических пульсаций; в постсократической философской традиции Логос осмысливается Платоном как «понятие», «теория», «критерий», обуславливая дальнейшее эпистемологическое противопоставление Логоса как рационального способа освоения мира и Мифа как его интуитивного постижения.

Соображения подобного рода послужили импульсом к своеобразному ренессансу мифа в Новейшее время, когда в поле зрения социогуманитарного

познания попали феномены, связанные с идеологией и коллективной ментальностью. Через осознание А. Шопенгауэром, Ф. Ницше и К. Марксом «искусственности» эпистемологических установок происходит кристаллизация представления о современном мифе, в основу которого положено признание за мифом почти абсолютной эпистемологической власти в рамках любой культурно-исторической целостности. Так появляются теории, объясняющие генезис осмысления человеком реальности с помощью понятия мифа, имеющего изначально социокультурную природу. Например, А.М. Лобок рассматривает миф как поле культурных смыслов и культурной памяти какой-либо культуры: «Человек прирожден той или иной культуре, той или иной культурной целостности, той или иной культурной реальности, а значит, оказывается прирожден некоему полю смыслов, пронизывающих эту культурную целостность, эту культурную реальность. Смысловые ориентиры культуры, в которой он рождается и существует, передаются ему через взаимодействие с родителями, друзьями, школьными учителями, произведениями литературы и искусства и т. п., и каждый человек оказывается до определенной степени неререфлексивно сращен с совокупностью этих неявных смысловых установок культуры. Эти неявные установки и ориентиры культуры создают своеобразную смысловую размерность человеческой жизни, накладывают на человеческую жизнь ее смысловой масштаб. Они-то и составляют своего рода смысловой миф культуры, который так или иначе усваивает каждый взрослеющий внутри данной культуры ребенок» [Лобок, 1997, с. 82–83].

Таким образом, у Лобка во многом синонимизируются миф и такие понятия теории дискурса, как «пресуппозиция» и «общий когнитивный фонд» или «категории очевидности» из области социологии символического. «Миф, – пишет Лобок, – это своего рода язык-шифр, на котором разговаривают между собой представители одной культуры. Миф – это тайный язык смыслов, сама суть которого состоит в том, чтобы сделать данную культуру эзотеричной, непроницаемой для представителей других культур. Миф – это знак избранничества человека, появившегося на свет в данном племени. Это тайная подкладка его жизни, сам смысл которой состоит в ОТДЕЛЕНИИ этого человека от всех прочих, родившихся в иных культурных общностях» [там же, с. 21].

Калькирование базовых элементов традиционных мифов в новых исторических и эпистемологических условиях, позволившее говорить о феномене «современного мифа», не могло в то же время не подразумевать наличие и дифференцированных признаков последнего. Их вычленение связано не только с естественными метаморфозами социально-исторического характера, сопровождаемыми неизбежными мутациями ментального плана, но и с оценочными характеристиками феномена мифа. В самых общих чертах эту ситуацию можно представить следующим образом: «Какое место в жизни современного человека занимает «миф», мифология как система взаимосвязанных мифов? Вот точка зрения Ницше: живую греческую «культуру» погубили «интеллектуалы» – Сократ и софисты. Сходную картину

мы наблюдали и много позже: Просвещение нанесло сокрушительный удар по христианской «мифологии». Однако существует мнение, что у современного человека есть-таки «мифы»: правда, это пустые, неадекватные, а то и вовсе «ложные» мифы прогресса, равенства, всеобщего образования и того стерильного благополучия, к которому призывают рекламы. Примирить эти точки зрения можно, видимо, только договорившись о следующем: «модернизм» сокрушает старый, привычный жизненный уклад (то есть ритуалы и сопутствующие им мифы) – и люди чувствуют себя опустошенными: они не могут удовлетворяться голыми абстракциями и потому спешат заполнить пустоту незрелыми, сметанными на скорую руку, обрывочными мифами, в которых выражается желаемый, даже обязательный порядок вещей» [Уэллек, Уоррен, 1978, с. 208–209].

Таким образом, становится возможным выделение трехчастной хронологической структуры мифа. Первый период – магический – охватывает архаическую стадию развития цивилизаций и завершается около 500 года до нашей эры, «осевой эпохой» (К. Ясперс), временем зарождения мировых религий и «вступления» человека в Историю (М. Элиаде). Второй – религиозный – характеризуется обретением мифологическими элементами новой, религиозной, формации. Кризис этого периода, как известно, был связан с наступлением европейского рационализма, породившего третью «мифологическую эпоху» – эру современного мифа.

Это время характеризуется объективацией так называемых социальных и политических мифов, иногда в научной литературе разделяемых, но чаще первые понимаются расширительно и включают в себя и мифологию политическую. В этом (впрочем не являющимся принципиальным) аспекте мы вполне солидарны с А. Ульяновским, позиционирующим эти феномены к мифологии «классической», в частности в области их генезиса: «В политической мифологии аспект ее создания прозрачен и сводится к вопросу групп идеологического воздействия, но как быть в вопросах более анонимной социальной мифологии? <...> В области социальной мифологии актуален вопрос заказчика, – групп интересов, создателей социальной мифологии – в области же мифологии классической явных создателей мифов чаще всего обнаружить не удастся (хотя и прослеживаются влияния жрецов на определенные трансформации мифологического материала, обоснованные социальными функциями мифа) – но вместе с тем миф есть порождение стихийного народного творчества. Социальные мифы произрастают из интересов. Наиболее ярко это проявляется в политической идеологии (для нас синонимичной политической мифологии)» [Ульяновский, 2003, т. 1, с. 49].

На основе анализа различных определений социального мифа А. Ульяновский вычленяет ведущие черты последнего. «Первой такой чертой социального мифа является наличие власти, воли, заданной извне цели» [Ульяновский, 2005, с. 70]; вторая (на наш взгляд, самая репрезентативная и генетически связывающая современный миф с традиционным) – это установка на объединение «живущих в мифе», он «служит установлению и поддержанию

мировоззрения». Третья черта очень тесно связана со второй и как бы служит ее «необходимым условием» в рамках современной эпистемы: «Единственное, в чем солидарны мыслители, – в некоторой степени ложности мифа, как будто миф искажает действительное положение вещей для живущих в мифе... » [там же, с. 71].

Эти две последние черты достаточно ясно охарактеризованы и в «Социальных мифах» П. Гуревича: «Миф, идеология – это ни в коей мере не истина, но они могут спланировать людей, и в этом их ценность. Мифологическое сознание понималось как вечное состояние идей и мотив человеческого поведения. Надо не преодолевать предрассудки, бытующие в обществе, а насаждать иные, более живучие, жизнеспособные. Весь смысл социального мифа – скрыть знание, отвлекать от истины. Иллюзии выполняют общественно необходимую функцию: укрепляют, стабилизируют общественное отношение, поскольку намечают индивиду выражать его побуждения» [Гуревич, 2001, с. 371].

Справедливость этого замечания бесспорна. Но и в нем отчетливо звучит нерелевантное, на наш взгляд, противопоставление «неизбежной лжи» мифа и «нагой истины», мерцающей далекой жемчужиной «реальности» в темных слоистых водах скрывающей ее мифологии. В более «сглаженном» виде оно представлено у Э. Дюркгейма, аналогизирующего социальные функции религии и идеологии: «Дело не в том, верную или ложную картину дает идеология. Важно уяснить, зачем нужно ложное сознание, как оно помогает людям находить общий язык, вырабатывать коллективные представления. Иллюзии нужны людям, ибо без них индивид не способен «пристроиться» к окружающему миру. *Ложное представление возникает не на социальной, а на антропологической основе.* Заблуждение помогает человеку ориентироваться, затем закрепляется в обычаях и воспринимается как общепринятая истина. Но реальное содержание заблуждения можно отыскать только во внутреннем мире человека, в его психологическом складе» [цит. по: Гуревич, указ. соч., с. 375] (курсив наш – А.М.).

Другими словами, при характеристике социального мифа определяющим признаком будет не оппозиция истинности / ложности, а, думается, более явная, чем в традиционном мифе, выраженность его иллюзорности. Вернее, обостряются осознание, понимание этой иллюзорности, обусловленные доведенным в Новое и Новейшее время до точки экстремы рационализмом. Более того, мифологизации подвергается и сам рационализм – он словно бы делает круг, приходя от критики мифологических систем к их апологетике и даже сам становясь одной из них. «Мы видим, что разные исследователи критично относятся к содержанию социального мифа – с точки зрения исследователей, на основе их более полного знания выявляется ложность содержания мифа, сами же живущие в мифе руководствуются мифом, как само собой разумеющимся воззрением. Условная истинность содержания социального мифа является его общим. Императивность, фрагментарность, стремление к паразитированию на доверительных концептах,

ангажированность социального мифа властью и волей тоже отмечается в определении социального мифа у разных авторов. Таким образом, применительно, по крайней мере, к современной европейской цивилизации можно отметить достаточно сложное переплетение мифа и логоса в социальном мифе. Присущая мифу иллюзорность выявляется сторонним наблюдателем, живущие же в мифе непротиворечиво совмещают сам миф с определенным уровнем рациональности и рассудка» [Ульяновский, указ. соч., с. 71].

То есть иллюзорность есть одно из главных свойств всякого мифа – ценности и понятие блага культуры изменчивы, относительно и во многом конвенциональны – но наиболее «осязаемым» она становится в периоды даже не столько кризиса, сколько «усталости» культуры, периоды девальвации былых и поиска новых ценностей и ориентиров. Проблема лишь в том, что таких периодов становится все больше, они все чаще сменяют друг друга, и, не успев разочароваться в одних, «живущие в мифе» очаровываются другими «идеалами», о которых наперебой говорят многочисленные «голоса культуры» и самый громкий из них – средства массовой информации и, шире, средства массовой коммуникации.

Тем самым мы подходим к наиболее, пожалуй, репрезентативному признаку современного мифа – к его аксиомной и глубочайшей генетической связи с мифом традиционным, по модели которого он строится, функционально-образные ресурсы которого он использует. Именно в этом аспекте наблюдается удивительное единодушие всех исследователей, а разнообразие многочисленных параллелей между феноменами не может не поражать неискушенного читателя. И, тем не менее, весь корпус этой проблематики так и остается, на наш взгляд, скорее заявленным, чем решенным. Как заметил неплохой знаток обоих феноменов К. Флад, «теоретики священной мифологии не проявляют (или почти не проявляют) интереса к проблемам идеологии, а специалисты по идеологии не рассматривают (или почти не рассматривают) мифологические стороны своего предмета» [Флад, 2004, с. 7].

И современный, и традиционный мифы сполна отвечают тому краткому определению, которое мы встречаем у того же К. Флада: «Миф есть форма объяснения». Являясь феноменом коллективной ментальности, с одной стороны, и системой символов, с другой, миф выступает формой *символической коммуникации*, которая, в свою очередь, и обеспечивает в конечном счете социальную *стабильность* и *устойчивость* в конкретных рамках культурной аксиологии и прагматики. «Миф удовлетворяет потребность в целостном знании о мире, организует и регламентирует жизнь общественного человека (на ранних этапах истории – полностью, на более поздних – совместно с другими формами идеологии, наукой и искусством). Миф предписывает людям правила социального поведения, обуславливает систему ценностных ориентаций, облегчает переживание стрессов, порожаемых критическими состояниями природы, общества и индивидуума» [Неклюдов, 2005, с. 19].

Многим исследователям, как мы видим, миф видится как своеобразный «шифр», с помощью «языка» которого закодированы «реальные» процессы, происходящие в обществе, остается лишь овладеть этим кодом, а вместе с тем и контролем над ситуацией: «Системное видение проблемы общества, напротив, требует философских обобщений, касающихся природы человека, человеческой цивилизации и национальной истории. В некоторых важнейших для человека аспектах он остается равен своим первопредкам, для которых мифы были насущной реальностью, переданной современным поколениям уже в виде реальности психи и основ мировоззрения. Будучи выявленными, они с успехом могут быть применимы к исследованию политических процессов» [Кольев, 2003, с. 12]. При этом, как справедливо заметил М. Элиаде, «речь идет не о «пережитках» первобытного менталитета. Некоторые аспекты и функции мифологического мышления образуют важную составляющую часть самого человеческого существа» [Элиаде, 2001, с. 193].

Корреляция традиционного («классического») мифа и мифа современного проходит, разумеется, в рамках определенных категорий, главными из которых выступают категории времени и пространства. «При этом, – отмечает современный исследователь, – пространство и время культуры осмысляются не просто как категории, фиксирующие ее абстрактные свойства, но как *формы, онтологически выражающие связь человека и культуры*. А потому и сама эта связь была представлена в качестве характеристики бытия самой культуры, позволяющей, с одной стороны, уточнить то, как внешнее переходит во внутренний мир человека, а с другой стороны, выявить свойства человека как «проводника» и носителя функций культурного пространства и времени» [Баркова, 2002, с. 16].

Выступая основными структурообразующими категориями всякой культурной целостности, эти категории формируют или, во всяком случае, создают предпосылки для формирования такой эпистемологической позиции, как картина мира, определяемая как «система представлений человека о мире и о его месте в нем, комплексное представление о конкретной действительности и о взаимоотношениях с ней человека» [Жидков, Соколов, 2003, с. 54]. Это – пусть и широкое – определение «картины мира» позволяет говорить о сопоставимости этого понятия с понятием мифа, хотя бы в том, что и картина мира, и миф конструируются – оказываются словно бы сотканными (ср. с дословным переводом слова «текст» – текстура, ткань) из более «мелких» символических элементов. В первом случае это «система образов (и связей между ними), <...> составляющая картину мира», а также «порождаемые этой своеобразной конфигурацией образов и сведений жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации и духовные ориентиры» [Жидков, Соколов, указ.соч., с. 69].

В случае же мифа перед нами система, обладающая несомненной, но трудно улавливаемой и подвижной иерархичностью. Например, структуру современной мифологии можно рассматривать скорее как взаимодействие и

взаимопереплетение нескольких мифов – национального, «образовательного», научного, «западного» и т. д. В разное время разные мифы занимают доминирующее положение в массовой ментальности. Считается, что самый мощный миф современной западной культуры – это миф потребления, социальными практиками которого выступают медиа, брэндинг и реклама.

При этом важно понять, что как смысловая конвертируемость традиционного мифа (А. Лосев), так и онтологическая всепроявленность космического Логоса (П. Флоренский) в фантазматических условиях общества потребления неизбежным образом теряют свой эпистемологический статус и обретают в первом случае характер социальной иллюзии, во втором – логоцентрического гомеостаза, предельная концентрация которого и приводит к окончательному торжеству этих иллюзий («симулякров») на всем пространстве общества потребления. Функциональную роль в этом процессе играет, безусловно, медийное поле (П. Бурдьё), особенности структуры которого были описаны в работах авторитетного канадского коммуникативиста М. Маклюэна (в первую очередь таких, как «Механическая невеста: фольклор индустриального общества» (1952), «Галактика Гутенберга: становление человека печатной культуры» (1962), «Понимая медиа: внешние расширения человека» (1964), «The medium is the message» (1967), «Война и мир в глобальной деревне» (1968). Как известно, Маклюэн связывал все социально-исторические изменения, прежде всего, в зависимость от глубинных изменений ментальности человека, в свою очередь связанных с изменением средств коммуникации в той или культуре, вернее, со способом восприятия информации.

Так, он считал, что долгое время господствовала аудиотактильная цивилизация, информация в которой распространялась и воспринималась преимущественно устным путем. Все кардинальным образом изменилось в XV–XVI вв. (наступление визуальной цивилизации, «галактики Гутенберга»), после появления книгопечатания, что привело не только к крайним формам индивидуализма и отчужденности человека (связанными с привычкой получать и понимать информацию «индивидуально», из книг), но и к физиологическим изменениям. Например, считает исследователь, изменяется фокусировка человеческого зрачка, приспособленного к «считыванию» информации с различных поверхностей. «Письменность развивает у людей способность фокусировать свой взгляд на некотором расстоянии перед образом, так что мы воспринимаем всю картину одним взглядом. У бесписьменных людей такая привычка не выработана, они видят предметы иначе. Они скорее сканируют предметы и образы, подобно тому, как мы это делаем с печатным текстом – сегмент за сегментом. Иными словами, они не способны отстраниться от предмета, видеть его со стороны, и полностью *сливаются* с ним или эмпатически проникают в него. Глаз используется не как орган перспективного видения, а, так сказать, как орган тактильного восприятия. Евклидово пространство, которое базируется на отделении зрения от тактильности и

слуха, им неизвестно» [Мак-Люэн, 2003, с. 56–57]. В конечном счете эти процессы приводят к индустриальным и социальным революциям и формированию индустриального общества.

Ситуация меняется с появлением электронных СМИ. С этого времени начинается обратный процесс, ознаменовавший выход за рамки визуальной культуры и метко охарактеризованный Маклюэном как «глобальная деревня» – эпоха мгновенного, коллективного и безудержного (эмплозивного) распространения и восприятия (потребления) информации. Но понимание этого процесса лишь в сугубо положительном аспекте преждевременно – в контексте работ Маклюэна становится ясным, что если и происходит возвращение человека в «коллективный Эдем», то оно последнее – перед грядущим Апокалипсисом. Избыток информации приводит не к углубленному ее восприятию, не к глубинному процессу получения знания, а к безграничному поглощению все расширяющегося информационного поля, к процессу его «поедания», «потребления». Это приводит к парадоксальной ситуации, обозначенной канадским ученым в оксюморонном выражении «The medium is the message» («Средство передачи информации само по себе является сообщением»). То есть само по себе значимо то, как мы получаем информацию, ее ритмы движения, ее способ доставки. Скорость и количество современного знания настолько велики, что процесс ее восприятия уже более значим сам по себе, чем сама информация. Значим процесс безудержного поглощения знаков – «семиофагии» современного человека. Причем этот процесс поглощения информации синхронизирован с другими процессами – поглощение вещей, произведений искусства, знания, удовольствия и т. д., блестяще описанных в работах Ж. Бодрийяра. У Маклюэна это положение рисуется с помощью метафоры Нарцисса: современный человек, потеряв способность во всей полноте видеть и чувствовать мир (ощущать онтологическую связь с космическим Логосом), возмещает эту утрату с помощью бесконечных технических устройств (в терминологии Бодрийяра – гаджетов). Он окружает себя бесчисленными экранами и трубками, заменяющими ему утраченные слух и зрение. При этом он полностью счастлив – он смотрит на самого себя в зеркало культуры и не может оторваться от своего отражения. Современный человек одновременно слушает миллионы голосов и смотрит на миллионы лиц – но ни голоса Логоса, ни Лица Творца уже нет.

Список литературы

1. Баркова, Э. В. Пространственно-временной континуум в онтологии культуры / Э. В. Баркова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2002. – 300 с.
2. Гуревич, П. С. Социальные мифы / П. С. Гуревич // Реклама: внушение и манипуляция. Медиа-ориентированный подход. – Самара : Изд. Дом «Бахрах-М», 2001. – С. 369–382.
3. Жидков, В. С. Искусство и картина мира / В.С. Жидков, К.Б. Соколов. – СПб. : Алетейя, 2003. – 464 с

4. Лобок, А. М. Антропология мифа / А. М. Лобок. – Екатеринбург : Банк культур. информ., 1997. – 688 с.
5. Мак-Люэн, М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры / М. Мак-Люэн. – К. : Ника-Центр, 2003. – 430 с.
6. Неклюдов, С. Ю. Структура и функция мифа / С. Ю. Неклюдов // Современная российская мифология / под ред. М. В. Ахметова. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2005. – С. 9–27.
7. Ульяновский, А. В. Социальный миф как брэнд: философская антропология, эстетика, на границах запрета, etc. В 2 т. Т. 1 / А. В. Ульяновский. – СПб. : Роза Мира, 2003. – 234 с.
8. Флад, К. Политический миф. Теоретическое исследование / К. Флад. – М. : Прогресс-Традиция, 2004. – 263 с.
9. Элиаде, М. Аспекты мифа. / М. Элиаде. – М. : Академ. проект, 2001. – 240 с.

Т.Г. Никитина

**Псковский государственный педагогический университет
(Псков, Россия)**

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ЯЗЫКОВОГО СУБСТАНДАРТА В СЛОВАРНОМ ОТОБРАЖЕНИИ

Решая вопрос об объеме и содержании регионального компонента языкового субстандарта, исследователь в первую очередь обращается к словарям регионального сленга. Однако, открывая «Словарь московского арго» [Елистратов, 1994] или «Словарь уфимского сленга» [Вахитов, 2003], он обнаруживает здесь прежде всего лексику и фразеологию, хорошо известную всей российской молодежи, относящуюся в «общему жаргону», «интержаргону», «жаргонизированной разговорной речи». Понятен замысел авторов таких словарей: показать современный срез лексико-фразеологической системы молодежного языка региона без дифференциации общерусского и местного в сленге и просторечии.

В отличие от этих словарей «полного типа» вопрос о вычленении собственно регионализмов языкового субстандарта решен на материале Пскова и Псковской области в «Словаре регионального сленга» [Никитина, Рогалева, 2006], составленном сотрудниками Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского педуниверситета, занимающейся не только учебными, но и социокультурологическими словарными проектами.

К регионализмам в «дифференциальном» словаре сленга отнесены лексические единицы и фразеологизмы, отражающие исключительно местные реалии: это сленговая топонимика и микротопонимика, наименования продуктов материальной и духовной культуры, созданных в регионе, а также антропонимы – прозвища известных здесь людей, коллективные прозвища и производные от них. Почти 90 % всего материала составила сленговая ономастика.

Антропонимический слой псковских молодежных сленгизмов составляют прозвища местных знаменитостей – людей искусства, бизнеса, политики.

В шутивно-иронических обработках их фамилий представлены продуктивные способы современной жаргонной номинации от традиционных усечений наименований и аффиксации до чисто игровых трансформаций, базирующихся на созвучиях с омонимическим эффектом: *Шлося* – Л. Шлосберг, лидер Псковского отделения партии «Яблоко», *Бряк* – М. Брячак, генеральный директор фирмы «Ростэк-терминал», *Шнипель* – бизнесмен Н. Лепиных (г. Пыталово), *Микрофонова* – главный редактор канала «Телеком» Н. Митрофанова, *Татарин* – диктор канала «Телеком» А. Татаренко. Городские знаменитости получают и яркие метафорические прозвища, отражающие их внешность: *Тарзан* – диктор канала «Телеком» Д. Иванов, *Снежный человек*, *Неандерталец*, *Лохматкин* – А. Константинов, *рок-музыкант*, *шоу-мэн*.

Наиболее частотные коллективные молодежные прозвища, зафиксированные на Псковщине – это наименования молодежных группировок. Как правило, здесь реализуется номинация по территориальной принадлежности:

а) посредством метонимического переноса: *Лепеши* – район ул. Лепешинского > молодежная группировка этого района; *Конюшня* – район ипподрома > молодежная группировка этого района; *Овсы* – район Овсища > молодежная группировка этого района;

б) аффиксальными способами: *Болотные* – молодежная группировка с *Болота* – микрорайона за железнодорожным полотном; *Любятка* – молодежная группировка района Любатово.

Широко известны среди молодежи образованные от антропонимов наименования учебных заведений: *Таракановка*, *Тараканник* – Псковский пединститут (прозвище бывшего ректора – *Таракан*); наименования торговых предприятий: *Тимоша* – Торговый дом А.Н. Тимохина; наименования учреждений культуры: *Константинополь* – репетиционная база и студия звукозаписи А. Константинова.

На базе гипокорических форм личного имени *Владимир* образуются «артионимы» особого рода – наименования памятников В.И. Ленину, отражающие их местоположение или конструктивные особенности: *Володя в огороде* – памятник в центре клумбы у пединститута, *Вован Большой*, *Вован Глыба* – памятник у пединститута, *Вован Мелкий*, *Вова Малый (Малой)* – памятник у здания Областной администрации.

В персонифицированном наименовании специфической псковской реалии – памятника А. Невскому, прослеживаются псковско-петербургские номинативные параллели: *Шурик (Шурыч, Саня, Санек) с Невки (с Невского)*, ср.: в Санкт-Петербурге – площадь, станция метро *Шурика с Невки*.

Псковские топонимы-сленгизмы, отобранные для словаря, – это названия населенных пунктов области, трансформированные на базе звуковых ассоциаций: *Писиков*, *Писюков* (Псков), *Гадов* (Гдов), *Опойка* (Опочка), *Деды* (Дедовичи), используемые во вторичной функции ойконимы прецедентного характера, позволяющие передать дополнительные эмотивно-оценочные смыслы: *Васюки* – г. Великие Луки; *Гадюкино* – г. Гдов (ср. *Гадов*),

подвергшиеся структурным упрощениям составные наименования: *Струги Красные* > *Стругаля*.

Сленговая городская микротопонимика (названия внутригородских территорий, линейных и точечных объектов) составляет основной онимический пласт в региональном словаре сленга. Сюда вошли, прежде всего, городские хоронимы – названия районов, микрорайонов и других обособившихся в черте города территорий, мотив номинации которых отражает время застройки (*Новье* – 5-й микрорайон Пскова, застроенный в 80–90-е гг. XX в., *Старье*, *Старуха*, *Старушка* – старые микрорайоны Запсковья), степень благоустроенности, престижности (*Дворянское гнездо*, *Рижский микрорай* – участок Рижского проспекта, застроенный благоустроенными девятиэтажными домами, *Дербеня*, *Затотуркино* – отдаленные районы и пригороды Пскова – Кориново, Любятово).

Сленговые наименования псковских улиц образуются способом универбации по модели, продуктивной в разговорной речи (ул. Петровская – *Петровка*). Эффективно срабатывает в Пскове и диалектно-просторечная модель «стяженных онимов»: *Лепеши* – ул. Лепешинского; *Индусы* – ул. Индустриальная. Такие названия улиц чаще употребляются в формах косвенных падежей, что показано в иллюстративных контекстах: – *А где живет Рогалик?* – *На Рокоссах* (на ул. Рокоссовского). *Это Серый с Кузнецов* (с улицы Кузнецкой).

При именовании баров, ресторанов, ночных клубов игровые способы номинации становятся ведущими – это звуковые трансформации и контаминация с омонимическим эффектом: *Фригид* – кафе «Фрегат», *Прусь* – ресторан «Русь», *Шалавица* – кафе «Лавица», *Мухоморье* – кафе «Лукоморье». Экспрессию сленговых регионализмов данной сферы усиливают словообразовательные вариации: *Бингарь*, *Бингуль*, *Бингусь* – клуб «Бинго».

Уникальны как по денотативной соотнесенности, так и по конкретной образности наименования объектов городской скульптуры: *Няня с пушкой*, *Пушняня*, *Пампушкин с няней* – памятник Пушкину с няней на Октябрьском проспекте; *Зеленуха*, *Зеленка*, *Лягуха* – памятник княгине Ольге на Октябрьской площади (этимология сленгизма раскрывается в иллюстрации: *Лягуха* – потому что позеленела вся, медная, что ли, и глаза выпучены (2004 г.).

Изъяснение социо-культурного фона таких сленгизмов наряду с другими группами онимов – одна из главных задач составителей регионального словаря сленга. Здесь должно в полной мере раскрыться отношение носителей жаргона к объектам ономастической и отономастической номинации – героям и «героям» сегодняшнего дня, к историческим личностям и событиям.

Словообразовательный комментарий раскрывают социокультурное содержание мотивационного компонента семантики сленгизма, которое не всегда удается истолковать в лаконичной дефиниции: ПЕСТЯДА, -ы, ж. Родник в поселке Владимирский. *Не пей из Пестяды, козленочком станешь*. (Запись 2005 г.) < От *пестициды*. ПУТАННИЦА, -ы, ж. Шутл. Офицерское общежитие

гостиничного типа в поселке Владимирский. *Да кто бы говорил о морали! Ты сама-то из Путаницы не вылезала все лето.* (Запись 2004 г.) < От путана – девушка легкого поведения.

Текстовые описания мотивационного признака несут еще большую дополнительную информацию об объекте. Как правило, это информация негативного характера, которая, прежде всего, и привлекает внимание носителей сленга: КОРОЛЕВСТВО КРИВЫХ ЗЕРКАЛ. Шутл. *Центральный универмаг на Октябрьской площади в Пскове.* ... < Здание несколько лет ремонтируется, окна затянуты зеркальной полиэтиленовой пленкой. ДЫРКИНО, -а, ср. Шутл.-ирон. *Деревня Норкино Опочецкого района.* ... < На въезде в деревню стоит дом с незастекленными окнами.

Как один из приемов подачи этимологических сведений и социокультурной информации в словаре используются и иллюстративные контексты.

Таким образом, дифференцированный словарь регионального сленга позволит показать реальную специфику сленговой системы в ее региональном варианте и как лингвосоциокультурологический источник отразит взгляд нашего молодого современника на свою малую родину в контексте культуры и истории страны.

Список литературы

1. Вахитов, С. В. Словарь уфимского сленга / С. В. Вахитов. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2003.
2. Елистратов, В. С. Словарь московского аргю / В. С. Елистратов. – М.: Рус. словари, 1994.
3. Никитина, Т. Г. Региональный словарь сленга. Псков и Псковская область / Т. Г. Никитина, Е. И. Рогалева. – М. : ЭЛПИС, 2006.

А.В. Овчинников, Е.Ю. Протасова

Государственный университет Хельсинки (Хельсинки, Финляндия)

ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА РЕЧЕВОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ

Речевое развитие двуязычных детей является интересным феноменом, исследуемым в различных областях знания: психологии, педагогике, лингвистике, коррекционной педагогике. Хотя двуязычными и многоязычными становится все больше людей в мире, мультилингвальному развитию ребенка посвящено лишь 2 % от всей имеющейся по данному вопросу литературы [Bhatia, Ritchie, 1999]. Несмотря на большое количество книг и статей, подтверждающих успехи многоязычного (по современной терминологии Евросоюза, плюрилингвального) образования, особенно в виду усиливающихся в Европе миграционных потоков [Beacco, Coste, 2009; Budach et al., 2008; Bernaus et al., 2004], в случае сомнения в нормальном речевом развитии

ребенка, находящегося под влиянием нескольких языков одновременно, родители, воспитатели и учителя готовы списать речевые недостатки на билингвизм. В самом деле, сравнение монолингвов и билингвов по каждому из языков отдельно часто дает результат не в пользу билингвов, которые отстают от монолингвов по конкретному языку (но не по их сумме) или имеют какие-то особенности в произношении, подобные акценту. В научной литературе подчеркивается необходимость преемственности между семьей и обществом в вопросах воспитания двуязычия [Helot, 2007; McCardle, Hoff, 2006; Simpson, Wigglesworth, 2008], создания успешной развивающей среды для поддержки всех языков, любых так называемых «тропинок в язык», то есть индивидуальных путей овладения иными языками и их применения, причем они могут быть усвоенными в многообразных условиях и разными методами. В качестве задачи мультилингвизма и интеркультурной педагогики ставится активное пользование несколькими языками, употребление их с определенными целями.

Ученые давно проследили зависимость развития коммуникации, речи и грамотности друг от друга и от уровня компетентности в окружающем мире и степени сформированности умений представлять себе мир, и задача состоит в том, чтобы стимулировать развитие ребенка в течение всего дня его пребывания в детском саду, доме или школе, сообразуясь с его уже имеющимися способностями и выстраивая на них те, которые пока еще недостаточны; аналогично совершенствуются и социальные навыки в игре [Allott, 2005; Carpendale, Lewis, 2006; Elkin, 2008, Plummer. 2008]. В случае двуязычных методов преподавания постоянное общение является мощным средством стимулирования языкового развития применительно к самым разным областям знания; многоязычные идентичности должны получать подпитку и находить возможность интерактивного общения не только в условиях институционального общения, но и за пределами школы [Conteh, 2006]. Огромное внимание уделяется тому, как именно взрослый организует общение с детьми, на что он должен обращать внимание, как задавать вопросы, как стимулировать вопросы детей, как использовать имеющиеся у детей и у педагогов знания при конструировании новых представлений о мире [Myhill et al., 2006]. Хотя за последние десятилетия появилось несколько серьезных лингвистических теорий, в практику преподавания языка они внедряются достаточно редко, напр. [De Кноп, De Rycker, 2008] предлагают преподавать, основываясь на реальном использовании речи и когнитивной лингвистике, опираясь на подходы А. Гольдберг и Р. Лангакера. В обучении второму языку также создаются корпуса речевых образцов, получаемые от учащихся на разных стадиях усвоения ими иностранного или второго языка, и исследования полученных данных ведутся современными средствами качественного и количественного анализа [Cohen, Macaro, 2007].

Исследования билингвизма (двуязычия) позволили ученым открыть некоторые особенности овладения языками вообще, потому что здесь мы

смотрим как бы в зеркало: как развивается один язык по сравнению с другим (контрастивно), как отражается мышление в одном и в другом языке, что дается однажды и переносится в новый язык, что психологически отбрасывается, что перенимается из определенной культуры вместе с языком. При билингвальном развитии виднее то, что незаметно при монолингвальном. Если интеллектуальное и лингвистическое развитие ребенка хотя бы на одном языке оказывается достаточно высоким, то и общий уровень языковых способностей поддерживается на должной высоте; если же в каждом из языков есть явные проблемы и пробелы, то следующий язык может оказаться усвоенным на среднем уровне. Несмотря на это, люди общительные овладевают лучше коммуникативной стороной речи, люди впечатлительные могут обобщать на высоком уровне, но избегать общения и т. п. — многое в языке зависит от темперамента и когнитивного профиля индивидуума.

Отдельные исследования по двуязычию выполняются на стыке наук и не могут быть исключительно психологическими, социологическими, лингвистическими, педагогическими или нейрологическими по своему характеру. Среди тем, традиционно поднимающихся в этой области, можно перечислить следующие: классификация ситуаций овладения несколькими языками, уровни компетенции на каждом из языков, взаимовлияние языков, методы исследования двуязычия, взаимосвязь билингвизма и возраста, нейролингвистическая основа двуязычия. Для овладения контекстно-обусловленными речевыми умениями на втором языке ребенку в среднем требуется два года, для овладения контекстно-независимыми — пять — семь лет. При двуязычных программах для детей — представителей коренных меньшинств — по сравнению с одноязычными для них же потребовалось три-четыре года на перенос навыков из родного языка в доминирующий язык, но потом они обогнали детей в монолингвальной программе. Дети в двуязычных классах за два-три года начинают хорошо говорить устно, но необходимо четыре-шесть лет, чтобы достичь уровня, достаточного для школьного обучения.

Рассмотренные выше и многие другие варианты исследований в области детского би- и мультилингвизма, как раннего, так и подросткового, показывают, что множество ситуаций, вызывающих беспокойство, не должно оставаться незамеченными, но в то же время страху и отчаянию не должно быть места. В своей практике работы с многоязычными детьми мы постоянно сталкиваемся с такими явлениями, как позднее начало речеупотребления (достаточно долгий мутизм — до 4 лет и даже позже), акцент (нередко особенности произношения, связанные с языком окружения, в домашнем языке ребенка, как будто более сильным), смешение языков (ребенку не хватает лексического запаса то в одном, то в другом языке в зависимости от того, какие темы затрагиваются в общении, поэтому он либо пытается обойти трудное слово, прибегая к описанию, либо заменяет слово одного языка словом другого), неверный морфологический выбор (замена рода, числа, падежа, других показателей как под влиянием второго языка,

так и внутри системы самого языка или как нечто среднее между разными типами ошибок, например построение по аналогии, гиперкоррекция или упрощение парадгмы), синтаксические сбои. Тем не менее наблюдаемые нами дети, испытывающие определенные трудности в овладении языками, почти не допускают таких ошибок, которые невозможно было бы объяснить. К тому же, вырастая (а мы наблюдаем некоторые случаи уже 20 лет), дети становятся полноценными билингвами. У многих возникает интерес к лингвистике, многие сознательно совершенствуют владение языком и представления о культуре изучаемого языка.

Измерить многоязычие сложно. Проявления его разнообразны даже в одном человеке, а в обществе можно встретить самые разные конфигурации нескольких языков, причины и области существования мультилингвизма. Неверно будет считать, что, говоря о родном языке, мы имеем в виду только собственно язык, то есть чисто языковые структуры и явления. С овладением и владением языком связано много проблем: социальных (общение с другими людьми, взаимопонимание, положение в обществе, способность взаимодействовать с окружающим и т. п.), психологических (самоощущение, самооценка, чувство собственного достоинства, душевный комфорт и т. п.), культурно-антропологических (самобытность личности, культурно-языковая и этническая идентичность, возможность самореализации, доступ к образованию и творческой деятельности и т. п.).

Список литературы

1. Allott, R. The child and the world / R. Allott. Hertfordshire : Able Publishing, 2005. – 86 p.
2. Beacco, J.-C. Pour une education plurilingue en Europe / J.-C. Beacco, D. Coste // Le francais dans le mond. – 2009. – mai-juin. – № 363. – P. 30–32.
3. Motivation and attitudes towards learning languages in multicultural classrooms / M. Bernaus, A.-M. Masgoret, R. C. Gardner, E. Reyes // International Journal of Multilingualism. Vol. 1, No 2. – 2004. P. 75–89.
4. Bhatia T. K. The bilingual child: some issues and perspectives' / T. K. Bhatia, W. C. Ritchie // Ritchie W. C. Handbook of second language acquisition / W. C. Ritchie, T. K. Bhatia [et al.]. Oxford : Academic Press, 1999. – P. 569–643.
5. Ecoles plurilingues. Multilingual schools: Konzepte, Institutionen und Akteure / G. Budach, J. Erfurt, M. Kunkel [et al.]. – Frankfurt/Main : Peter Lang, 2008. – 430 s.
6. Carpendale, M. How children develop social understanding / M. Carpendale, C. Lewis. – Malden, MA. : Blackwell, 2006. – 323 p.
7. Language learner strategies: thirty years of research and practice / A. D. Cohen, E. Macaro [et al.]. – Oxford : Oxford University Press, 2007. – 344 p.
8. Promoting learning for bilingual pupils 3–11 / J. Conteh [et al.]. – London : Paul Chapman, 2006. – 123 p.
9. Applications of cognitive linguistics : cognitive approaches to pedagogical grammar / S. De Knop, T. De Rycker [et al.]. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2008. – 415 p.
10. Elkin, S. 100 ideas for teaching communication, language and literacy / S. Elkin. – London : Continuum, 2008. – 127 p.
11. Helot, C. Du bilinguisme en famille au plurilinguisme a l'ecole / C. Helot. – Paris : L'Harmattan, 2007. – 283 p.

12. Childhood bilingualism. Research in infancy through school age / P. McCardle, E. Hoff [et al.]. – Clevedon : Multilingual Matters, 2006. – 180 p.
13. Myhill D. Talking, listening, learning; effective talk in the primary classroom / D. Myhill, S. Jones, R. Hopper. – Maidenhead : Open University Press, 2006. – 166 p.
14. Plummer, D. M. Social skills games for children / D. M. Plummer. – London : Jessica Kingsley, 2008. – 176 p.
15. Children's language and multilingualism: indigenous language use at home and school / J. Simpson, G. Wigglesworth [et al.]. – N. Y. : Continuum, 2008. – 329 p.

С.Р. Омельченко

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ДИАЛЕКТИКА АНТРОПОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ

В связи с утверждением антропологического подхода в лингвистике внимание ученых все больше привлекают понятия языковой картины мира (далее – ЯКМ), когнитивной / концептуальной картины мира (ККМ), концептосферы и ментальности. Интерес к ним проявляется не только в антрополингвистике, но и других науках, изучающих сферу сознания, мышления, духовной, практической и речевой деятельности человека [Колесов, 2006; Колшанский, 1990; Попова, Стернин, 2007; Кубрякова, 1988 и др.]. Признается, что эти понятия, связанные с конкретно-пространственными и абстрактно-пространственными представлениями человека о мире, имеют общую область пересечения и взаимодействия.

Однако существуют проблемы установления таких областей пересечения и взаимодействия, поскольку данные понятия имеют неоднозначную трактовку, что, в свою очередь, обуславливает терминологическую неупорядоченность.

Одна из проблем касается взаимоотношения понятий «картина мира», «когнитивная / концептуальная картина мира» и «языковая картина мира». Например, одни ученые вообще ставят под сомнение правомерность существования последней [см.: Колшанский, 1990], другие, допуская ее, полагают, что данные феномены связаны друг с другом, но между ними нельзя ставить знак равенства [Кубрякова, 1988, с. 143–146; Попова, Стернин, 2007, с. 51–56].

Так, З.Д. Попова и И.А. Стернин считают «картину мира» родовым понятием, а когнитивную и языковую картины мира – ее разновидностями. ККМ они связывают с непосредственной картиной мира, получаемой в результате прямого познания окружающей действительности. Поскольку познание осуществляется при помощи чувств и абстрактного мышления, когнитивная картина мира «формируется как результат непосредственного восприятия мира и его осмысления» [Попова, Стернин, 2007, с. 51]. В зависимости от способа ее формирования она может быть рациональной и чувственной, теоретической и эмпирической, научной и наивной и т. д. Когнитивная картина мира – это совокупность концептосферы и стереотипов сознания, которые задаются культурой [там же, с. 52].

Языковая картина мира, по мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, является результатом фиксации концептосферы вторичными знаковыми системами, которые материализуют существующую в сознании непосредственную когнитивную картину мира. ЯКМ не равна ККМ: вторая неизмеримо шире первой, поскольку далеко не все концепты имеют языковое выражение и становятся предметом коммуникации [там же, с. 54]. Авторы делают вывод о том, что ККМ и ЯКМ связаны между собой как первичное и вторичное, как ментальное явление и его вербальное представление, как содержание сознания и средство доступа исследователя к этому содержанию [Попова, Стернин, 2007, с. 56].

Такая трактовка соотношения ККМ и ЯКМ, на наш взгляд, недооценивает сам язык, который понимается как своеобразная «материя смысла» [Язык как материя, 2007, с. 13]. Мысль о том, что в основе каждого языка лежит упорядоченная система смыслов и, более того, что при всем формальном многообразии существующих языков этот смысловой каркас для них един, в лингвистике не нова [там же, с. 37].

Так, Н.Ю. Шведова перспективный путь поиска «смыслового каркаса» языка связывает с трактовкой местоимений в качестве «смысловых исходов», на которых базируются категории языка. В связи с этим она пишет: «Языковая смысловая категория абстракции, существующая как отвлечение совокупно от понятия, означенного исходным местоимением, и от языковых значений (от семантики) тех единиц (формальных, морфемных, лексических, идиоматических), которые, образуя некие языковые множества, обращены к исходному смыслу и заключают его в себе как основу своего значения» [Шведова, Белоусова, 1995, с. 32–33].

Однако трудность заключается в неоднозначной интерпретации понятия «языковой смысл». Так, И.А. Мельчук и А.В. Бондарко понимают смысл как «семантическое представление» или «когнитивную основу», то есть как нечто лежащее вне языка, в сознании говорящего, то, что он вкладывает в языковую форму и что, таким образом, может быть из нее изъято. Такое понимание смысла, по оценке Ю.Л. Воротникова, соответствует глубинным, интуитивным представлениям человека и поэтому может быть отнесено не только к смыслу языковому [Воротников, 2007, с. 46].

Другой подход к смыслу учитывает не то, что «мы хотим выразить в языковой форме или что мы хотим извлечь из нее», а то, «что мы находим запечатленным в самом языке». Другими словами, ученых интересует, какие смыслы формально категоризованы в языке и предоставлены в распоряжение говорящего. Это категориальные смыслы языка, материализуемые при помощи его разноуровневых единиц, семантика которых включает в себя соответствующее понятие и объединяет все эти единицы в некое семантическое множество [Шведова, 1998, с. 32].

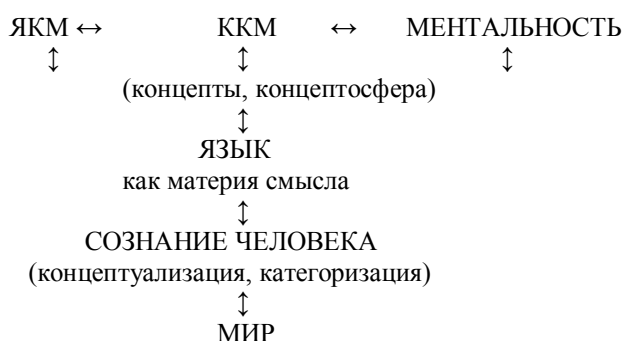
Еще одна проблема связана с соотношением когнитивной / концептуальной картины мира, языковой картины мира с понятием ментальности, которая также трактуется по-разному [см.: Омельченко, 2003, с. 95–100].

Часто ментальность отождествляют с менталитетом и рассматривают как синонимичные понятия. В.В. Колесов, признавая синонимичность терминов «ментальность» и «менталитет», считает, что второе слово является варваризмом – в нем нет русского суффикса. По мнению ученого, русское слово *ментальность* с абстрагирующим суффиксом *-ость* уводит от европейского понимания менталитета, связанного в большей мере с рассудочностью. Ментальность возникла на фоне менталитета и вбирает в себя не только разумную сущность, но и чувственное познание. При определении ментальности следует учитывать ее связь с языком: «Ментальность есть мировосприятие в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, волевые и духовные качества национального характера в типичных его свойствах и проявлениях» [Колесов, 2006, с. 11].

З.Д. Попова и И.А. Стернин связывают менталитет только с ККМ. Термин «ментальность» эти ученые вообще не употребляют. Они трактуют менталитет «как специфический способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для определенной личности, социальной или этнической группы» [Попова, Стернин, 2007, с. 57–58]. Как видим, здесь не учитывается роль языка в формировании менталитета. Кроме того, связывая менталитет только с процессами восприятия и понимания, эти лингвисты игнорируют другие виды ментальной деятельности, такие как мышление, воображение / представление, память, воля, чувства и эмоции, речевая деятельность [см.: Рубинштейн, 1989, т. 1, с. 192–400 и др.].

На наш взгляд, диалектика понятий «языковая картина мира», «когнитивная / концептуальная картина мира» и «ментальность» проявляется в языке, который, с одной стороны, позволяет выявить когнитивные основы сознания, с другой стороны, сам содержит глобальные категориальные смыслы (живое – неживое, личность – неличность, движение, пространство, время, количество, качество и т. д.), репрезентируемые разнообразными формальными средствами.

Такое соотношение можно представить в виде следующей схемы:

Язык выступает не только в качестве своеобразной материальной формы закрепления и реализации отражения объективного мира в сознании человека. Он является одним из способов представления этого мира в виде концептов, которые,

в свою очередь, формируются, осмысляются и систематизируются в результате происходящих в сознании процессов концептуализации и категоризации.

Язык, с одной стороны, выступает в качестве средства репрезентации концепта, а с другой – сам способствует образованию концептов. Так, процессы номинации служат для называния концептов и вычленения фрагментов неязыковой действительности, для фиксации соответствующих понятий о них в форме значения языковых единиц.

В свою очередь влияние языка на формирование концептов, получивших языковое обозначение, проявляется в подведении нового опыта под привычные рубрики человеческой классификации и его обозначении в концептуальной системе человека. Например, *душа* связывается с *сердцем*, *чувствами*, *переживаниями*, она может соотноситься и с *умом* (*ум с сердцем не в ладу*), *душа* может раздваиваться и т. д. [Кубрякова, 1988, с. 145–146].

Результаты концептуализации и категоризации в виде концептов, образующих концептосферу языка, закрепляются не только в когнитивной, но и в языковой картине мира, которая содержит единицы хранения знаний, материализованных при помощи различных языковых средств. ЯКМ, таким образом, отражает то, что осознано как носителями конкретного языка, так и отдельным человеком. В этом случае ЯКМ рассматривается в виде своеобразной концепции мира, которая присуща определенному этносу в определенный исторический период его развития [Кубрякова, 1988; Лихачев, 1993 и др.].

В целом ЯКМ, когнитивная / концептуальная картина мира и концептосфера представляют собой результат осуществления ментальной деятельности и формируют ментальность человека, то есть его мировоззрение, задают нормы его поведения. Чтобы понять ментальность отдельного человека как представителя конкретного языкового сообщества, нужно выявить основные категории и формы языка, запечатленные в его ЯКМ и концептосфере, которые отражают представления и знания людей о мире.

Таким образом, диалектика рассматриваемых понятий предполагает их связь с языком, который выступает в качестве одной из областей их пересечения и взаимодействия.

Список литературы

1. Воротников, Ю. Л. В поисках смыслового каркаса языка / Ю. Л. Воротников // Язык как материя смысла : сб. ст. к 90-летию академика Н.Ю. Шведовой. – М., 2007.
2. Колесов, В. В. Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. – СПб, 2006.
3. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. – М., 1990.
4. Кубрякова, Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М., 1988.
5. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Изв. Академии наук. Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 52, № 1.
6. Омельченко, С. Р. Отражение ментальности в языке: опыт научно-аналитического обзора / С. Р. Омельченко // Вестн. ВолГУ. Сер. 2, Языкознание. – Волгоград, 2003. – Вып. 3.
7. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М., 2007.

8. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии. В 2 т. Т. 1 / С. Л. Рубинштейн. – М., 1989.
9. Шведова, Н. Ю. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий / Н. Ю. Шведова, А. С. Белоусова. – М., 1995.
10. Шведова, Н. Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства / Н. Ю. Шведова. – М., 1998.
11. Язык как материя смысла : сб. ст. к 90-летию академика Н.Ю. Шведовой. – М., 2007.

А.А. Петрова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ПСИХОАКУСТИЧЕСКИЙ МОДУЛЬ КАК ОСНОВА РАЗВЕРТЫВАНИЯ СТРАТЕГИЙ ВОСПРИЯТИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧИ В ОНТОГЕНЕЗЕ

Ученые, исследующие человеческое общение, отмечают, что звуковая или звучащая речь как способность знаково-символического отражения предметов и явлений окружающего мира, а также собственных состояний, с использованием разных уровней обобщения, является уникальной способностью человека. Именно слово, этот «сигнал сигналов», посредством которого осуществляется обобщение и абстракция, характеризующие «специально человеческое высшее мышление» (И.П. Павлов), стало той исключительной способностью высшей нервной деятельности человека, которая обусловила его прогрессивное развитие. Оно резко расширило диапазон и качество восприятия внешнего мира и самовыражения, возможность передачи информации другим людям об окружающей среде и собственных состояниях за счет звуковых конструкций, несущих эмоциональную и смысловую нагрузку. Предпосылкой для генерации звуковой речи было развитие и совершенствование в процессе эволюции периферического аппарата звукогенерации – глотки, гортани, голосовых связок, нижней челюсти [Вартанян, 1999, с. 182]. Важная роль принадлежит возможности координации голосового и артикуляционного аппарата. Основной психоакустической характеристикой речи человека является ее разборчивость, то есть степень правильного восприятия слушателем звуков, слов и смысла речи.

Речевой сигнал поставляет слушателю информацию двух видов: 1) лингвистическую, то есть собственно речевую (языковую, семантическую, вербальную), или, иначе, информацию, носителем которой является слово; 2) экстралингвистическую (внеязыковую), или информацию о поле, возрасте говорящего, о его физическом состоянии, здоровье, об эмоциональном состоянии и т. д., причем эта информация не зависит от того, что говорит человек. Она содержится в характерных особенностях организации речи и акустики голоса говорящего – тембре, высоте, громкости, интонации, темпоритмических характеристиках.

Восприятие представляет собой основную когнитивную деятельность, свойственную человеку и порождающую все остальные ее виды. Как таковое, как начальная и необходимая ступень в соотношении «познание мира – реализация сенсорной информации языком, то есть ее когнитивная интерпретация» восприятие является наименее исследованной областью в языковедении, что общепризнано, поскольку представляет собой огромную плоскость ощущений и сигналов, обрабатываемых различными отделами головного мозга. Распознавание и анализ звуков, в том числе и речевой природы, человеческим индивидуумом исключения из указанного не составляет. Речь в данном случае может идти о существовании некой просодической модели, включающей психоакустический модуль, который, в свою очередь, максимально автономно функционирует и не подвержен влиянию фонетико-фонологического и прочих «лингвистических» и общекогнитивных высших блоков системы [Венцов, Касевич, 2003, с. 205]. При такой постановке проблемы возникает вопрос, когда и как предположительно начинает складываться, оформляться и функционировать данная модель, вне зависимости от типологической особенности языка на начальном этапе ее формирования. Иными словами, когда генетически заданные стратегии восприятия получают толчок к своему разворачиванию – в пре- или в постнатальном периоде развития ребенка. Принципиален ли такой подход в общем смысле своего изучения, – скорее нет, однако если рассматривать отдельно звуковой поток, его физические и энергетические характеристики, то становится возможным предположить начальность пренатального периода в оформлении модели восприятия мелодики человеческой речи, прежде всего материнской, обращенной к еще не родившемуся ребенку, поскольку последний «гулит» уже с интонациями родного языка. Что касается последней, то все мелодические параметры и просодические характеристики складываются постепенно, поэтапно, в соответствии с физиологическим развитием организма, и позднее, об этом свидетельствует проведенное нами исследование интонационных составляющих детских речевых реакций на материале немецкого и русского языков в период с 2-х до 5-ти лет. Таким образом, можно говорить о некой свернутой протоинтонационной и протопросодической модели, состоящей из врожденного умения воспринимать соответствующие акустические параметры. Что же касается реализации подобной модели ребенком, то свое подлинное бытие и различие по языкам она обнаруживает лишь на стадии становления фонетико-фонологических и последующих ярусов той или иной языковой системы, однако и здесь на ранних этапах развития речи обнаруживаются универсальные тенденции: преобладание незаконченных мелодик в слоги-словах и так называемый «рванный» ритм фраз, выражающийся в частых перерывах в звучании и несистемных паузах.

Какими же механизмами должен владеть человек от рождения, чтобы восприятие речи стало возможным, и какие знания он должен приобрести в процессе овладения языком применительно к указанной гипотезе? Заметим, что

когда мы говорим о врожденных механизмах, то не разграничиваем аспекты, связанные с доступностью тех или иных операций уже в ранний постнатальный период, и все стороны деятельности, становящиеся возможными в силу созревания организма. Мы не различаем также в данном случае механизмы и знания, поскольку последние, если это знания процедурного типа, с функциональной точки зрения представляют собой механизмы [Венцов, Касевич, 2003, с. 208].

Специфические характеристики материнской речи отчасти указывают на то, каковы именно те параметры, которые должен обрабатывать ребенок, чтобы воспринимать речь (напомним: чтобы воспринимать речь, необходимо владеть языковой системой; однако, чтобы овладеть данной языковой системой, нужно уметь воспринимать в той или иной степени языковой материал соответственной речевой среды – процесс не может не быть рекурсивным). Достаточно ясно, что ребенок должен уметь определять длительность акустического сигнала, а также оценивать крутизну частотных перепадов.

Экспериментально доказан факт раннего восприятия детьми интонации взрослых. Уже в первые дни после рождения у ребенка появляется реакция на звуковые раздражители. Она регистрируется в виде пульса и дыхания. Как показывают некоторые наблюдения [Brown, 1973] уже в раннем постнатальном периоде дети по-разному реагируют на неречевые звуки и речь. Более того, дети 4-месячного возраста в окружающей их речевой среде выделяют так называемую материнскую речь (*motherese*), то есть речь, для которой характерны сравнительно медленный темп, небольшая длительность каждого высказывания, выделенность синтагм и фраз паузами, некоторая утрированность мелодических перепадов: в экспериментальных условиях взор младенцев дольше задерживается на громкоговорителе, когда через него воспроизводится материнская речь, чем тогда, когда звучат произвольные речевые образцы (вне зависимости от того, используется ли в эксперименте речь матери данного ребенка) [Gleitman, 1989, с. 153].

Иначе говоря, владение базовой оппозицией «речь / неречь» [Касевич, 1983], где в качестве первого члена оппозиции выступает речь материнская, принадлежит, вероятно, к генетически заданным «стартовым условиям». Из этого, в свою очередь, следует, что человеку от рождения присуще умение выделять из звукового фона определенные признаки организованности в акустических событиях.

Эмоциональное распознавание фонации взрослого приводит к развитию интонационного слуха у ребенка и появлению вокализаций с интонацией родного языка. Все эти вокализации приобретают коммуникативный характер и реализуются в период эмоционального, ситуативно-личностного общения ребенка с взрослым.

Большую роль в развитии речевых реакций ребенка играет рано появляющаяся способность подражания речи взрослых, начинающаяся с имитации интонационной стороны высказывания.

Открытие зеркальных, или «амбивалентных», нейронов позволило дать значительно более простое объяснение, почему мы так быстро и легко в большинстве случаев понимаем действия окружающих. Предполагается, что, когда мы видим движение другого человека, у нас в головном мозге включаются те же нейроны, которые работают, когда мы сами совершаем подобное действие.

Согласно теории, связывающей речь и зеркальные нейроны (Дж. Ридзолатти, М. Арбиб), именно благодаря тому, что в мозге вида *Homo sapiens* имелись зеркальные нейроны, этот вид смог овладеть речью и создать цивилизацию. Зеркальные нейроны – клетки головного мозга, которые активизируются как при выполнении человеком определенного действия, так и при виде того, как это действие выполняет кто-то другой. Результаты исследования Дж. Ридзолатти и М. Арбиба могут служить подтверждением теории о том, что активность этих нейронов играет ключевую роль в способности к эмпатии. Зеркальные нейроны связаны не только с повторением чужих действий, но и с интерпретацией чувств окружающих. Именно они отвечают за понимание без слов, подражание и раннее обучение.

Подводя общий итог изложенному, констатируем следующее:

- восприятие и реализация звукового континуума на разных этапах онтогенеза как когнитивные процессы, характеризующие личность развивающуюся, происходят при участии врожденного эмоционально-модального модуля с генетически заложенными принципами и стратегиями.
- врожденный фактор имитации, свойственный человеку как биологическому виду, подкрепляется и развивается в той или иной среде обитания (языковой и культурно-обусловленной).

Список литературы

1. Вартанян, И. А. Физиология сенсорных систем / И. А. Вартанян. – СПб., 1999.
2. Венцов, А. В. Проблемы восприятия речи / А. В. Венцов, В. Б. Касевич. – М., 2003.
3. Where learning begins: Initial representations for language learning / L. Gleitman [et al.] // *Linguistics: The Cambridge Survey. Vol. 3: Language: Psychological and Biological Aspects* / ed. F. J. Newmeyer. – Cambridge, 1989.

М.В. Пименова

Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)

КЛАСС ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ

Поле политической лингвистики охватывает различные сферы общественной жизни, к числу которых прямое отношение имеет идеология [Пименова, 2010]. Идеологией традиционно называют систему идей, представлений, понятий, взглядов, характеризующую какую-либо социальную группу, класс, политическую партию, общество и отражающую их отношение к

действительности. Однако понятие идеологии шире, оно включает в себя религиозные системы, экономические теории и учения, а также философские учения и течения, концепты культуры и искусства.

Класс идеологических концептов образуют:

- 1) концепты систем философских идей, взглядов, учений и их представителей (*неоплатонизм, позитивизм, гностицизм; гуманизм*);
- 2) концепты систем экономических идей, взглядов, учений (*глобализм; технократия; рынок; ЕЭС*);
- 3) концепты систем социально-политических идей, взглядов, учений (*марксизм; империализм; фашизм; коммунизм; тоталитаризм; либерализм; терроризм; сепаратизм; национализм; расизм; сегрегация*);
- 4) концепты систем религиозных идей, взглядов, учений (*православие; суннит, шиит*);
- 5) концепты политических партий, движений, течений (*партия; большевизм*);
- 6) концепты культуры и искусства (*модернизм; абстракционизм*).

Практически все концепты, относящиеся к этому классу, за редким исключением, являются заимствованными. В класс идеологических входят также концепты представителей той или иной идеологической принадлежности.

I. Многие философские системы определили на века развитие научной мысли в разных странах [*В принципе, позитивистская идеология непрерывного поступательного развития науки предполагала, что хотя эти модели и являются чисто гипотетическими положениями («гипотезами»), полученными путем индуктивных обобщений, однако по мере уточнения они достигают такого статуса эмпирической обоснованности и общепризнанности, что могут рассматриваться как неизменные «законы природы».* (Куренной. Наука в современном мире // «Отечественные записки», 2003)]. Другие системы выражают общий смысл исторического периода [*Но если это так, то в этих категориях идеология классического Возрождения – это идеология возрождения человечности.* (Иоанн Мейендорф. Духовное и культурное Возрождение XIV века и судьбы Восточной Европы)]. Общая ориентация человеческого общества XX века – гуманизм [*Развитие процесса пошло по общегуманистическому руслу, проложенному просветительской идеологией, ориентированной на гуманизацию общественного сознания.* (Петрова. В.М. Васнецов. «Снегурочка». Нетрадиционный анализ в традиционном историческом контексте // «Наш современник», 2004.07.15)].

II. Экономические теории представляют определенную систему идей на развитие общества [*Применительно к данному случаю историческое противостояние аристократического и буржуазного этосов, идеологий безотчетности и расчета, умения тратить и склонности беречь хорошо показывает Элиас: Элиас Н. Придворное общество / Пер. с нем. (Бикбов. Рынки культуры как рынки вкуса и признания (2004) // «Неприкосновенный*

запас», 2004.01.15); *Проблема не в рынке – его современная роль не ставится под сомнение ни в теории, ни в практике, – а в адептах «идеологии рынка».* (Чернышев. Фермопилы.ru // «Эксперт», 2004.12.13)]. Не всегда эти теории получают поддержку в обществе, потому что идеи, положенные в их основу, противоречат национальной ментальности [*Обличая ложь глобализма, мы должны заявить, что глобализм – это антихристианская идеология.* (Митрополит Агафангел (Саввин). Да поможет Господь Бог России! // «Наш современник», 2004.04.15); *Меркантильность – вот главная движущая сила и идеология рынка.* (Николаев. В поисках капитала // «Вечерняя Москва», 2002.02.07); *Письма обнаруживают чудовищный диссонанс насаждаемой сегодня в России идеологии «всеобщего обогащения» и реальной жизни.* (Кузин. Красные пути. Об альманахе «Красные холмы» // «Октябрь», № 2, 2001)]. На стыке двух веков XX и XXI возникла новая экономическая идеология – глобализм [*Имя новой идеологии – глобализм, а авторы и спонсоры его – в немалой степени широкие круги, воспитанные Советом по внешним сношениям.* (Нарочницкая. Аналитические институты – глаза, уши и мозг Америки // «Наш современник», 2004.03.15)].

III. Времена социалистического строя определенно характеризуются соответствующим выбором системы политических взглядов. «Понятие идеологии применительно к российской действительности ушло в прошлое вместе с социалистической идеей, равно как и эпитет «идейный» применительно к человеку в современном русском языке утратило смысл либо однозначно обозначает его принадлежность к партиям, разделяющим коммунистические идеалы. Очевидно, именно в связи с этим слово *идеология* получило отрицательную окраску, а само понятие идеи в некоторых своих употреблениях сохраняет особую политическую акцентированность, особенно в сочетаниях *социалистическая идея, русская идея, идея свободы, равенства* и пр., немедленно ассоциирующую это понятие с классовой борьбой и недавней российской историей» [Голованивская, 1997, с. 176]. «Привязка» идеологии к советскому политическому строю наглядно представлена во многих контекстах [*В 1920–1930-е годы старые вещи уничтожаются как чуждые советскому строю и идеологии, как «признак обывательщины».* (Шпаковская. Старые вещи. Ценность: между государством и обществом // «Неприкосновенный запас», 2004.01.15)].

Реформы, производимые в общественном устройстве, также носят характер идеологии [*Однако в основании идеологии реформы лежат два нормативных источника высшей юридической силы – это Конституция РФ и международные обязательства Российской Федерации в области организации правосудия.* (Морщакова. На пути к правосудию // «Отечественные записки», 2003)]. Сами идеологии претерпевают трансформации [ср.: *«История ограничения суверенитета народа есть история идеологии либерализма»,* – писал И. Валлерстайн. (Рогожников. Какая демократия нам нужна // «Эксперт», 2004.12.13); *Из всех атеистических соблазнов последних двух веков истории человечества – марксизм, национал-социализм, демократический*

либерализм – последний сегодня являет наибольшую опасность для мира, поскольку именно его идеология сегодня самыми что ни на есть тоталитарными методами, вплоть до силы оружия, насаждается на земле. (Стеняев. Входите тесными вратами // «Наш современник», 2004)].

Фундаментом устройства одной части стран мира может быть определенная политико-идеологическая система. Много идеологических концептов этой сферы появилось в XX веке: **марксизм, тоталитаризм, фашизм, сепаратизм, терроризм** [Российской политике на постсоветском пространстве не хватает **идеологии**, сопоставимой по влиянию советскому **коммунизму** или западному **либерализму**, считает главный редактор Независимой издательской группы Виталий Третьяков. (Механик. Революция под копирку // «Эксперт», 2004.12.06); В 1934 году прекращается деятельность Комиссии по сохранению культурных ценностей, признанной «слишком узкой, аполитичной и не имеющей общественного уклона», а ее сотрудники названы «маленькой кучкой любителей красоты и древностей, чуждой **марксистской идеологии**». (Шпаковская. Старые вещи. Ценность: между государством и обществом // «Неприкосновенный запас», 2004.01.15); Действительно, через полтора столетия после гибели Спасителя христианство стало важной (хотя еще подпольной) компонентой **имперской идеологии**. (Смирнов. Конец серебряного века. Anno Domini 180 // «Знание – сила», № 9, 2003); О **коммунизме**, который еще полвека назад вполне обоснованно претендовал на роль **мировой идеологии**, все настолько крепко забыли, что впору вспомнить известный анекдот про «неуловимого Джо»: «Что, никто не может его поймать?» (Панов. Пролетарии, разъединяйтесь // «Коммерсантъ-Власть», № 7, 1998); Я начитался цитат (в журнале) из книги Гитлера «Майн кампф» и всюду цитировал их как пример **фашистской идеологии**... (Давыдов. Театр моей мечты); Напомним, что проект «великой Албании», продвигаемый албанскими «интеллигентами» и албанскими боевиками, был сочинен еще во время Берлинского конгресса 1878 года, где при участии и помощи Османской империи и Австрии была создана Призренская лига, **идеология** и геополитические карты которой являются содержанием албанского **террористического сепаратизма**, напоминающего чеченский. (Нарочницкая. Восточный вопрос и мировая политика // «Наш современник», 2004.10.15)]. Другая часть концептов появилась ранее: **расизм, сегрегация** [Другие пути решения проблем означают возврат к **идеологии расизма** и практике колониальной эпохи. (Абашин. Либеральный расизм (2003) // «Независимая газета», 2003.06.24)]. Многие идеологии правящих слоев других стран мало известны в России: **пантюркизм** в Турции [Наконец, одно из самых главных положительных последствий исламизации Турции и Азербайджана заключается в отказе турецкой правящей элиты от **идеологии пантюркизма**, которая представляет существенную опасность для России, населенной немалым числом тюркоязычных народов. (Александр Алексеев. История болезни (2003) // «Спецназ России», 2003.08.15)].

IV. Многие страны строят свою политику, основываясь на религиозных учениях и течениях [*Полюсом мира стали Соединенные Штаты Америки, но эта однополярность предоставляет некую свободу для стран третьего, четвертого порядка, стран с **религиозной идеологией**, транслирующими ее как главную составляющую своего государственного устройства.* (Козлова. Свобода совести и светскость государства: проблемы и решения // «Адвокат», 2004.12.01)]. Идеология описывается религиозными предикатами [*Это консервативная, националистическая, имперская, державная и патриотическая **идеология**, которую из года в год и из века в век исповедовали все русские люди, которые неравнодушны к судьбе России во времени и в вечности.* (Холмогоров. Русский горизонт // «Спецназ России», 2003.03.15)]. Это обусловлено тем, что идеология выражала ранее понятие мировоззренческой религиозной системы. Сейчас в описаниях систем мировоззрения прослеживается наследие исходных форм и способов их вербализации, а у исследуемого концепта появляются теоморфные признаки ‘воскрешение’, ‘поклонение’ [*При этом политический контекст, в котором **воскрешается идеология** единого основания, далек от конъюнктуры вековой давности.* (Бикбов. Рынки культуры как рынки вкуса и признания // «Неприкосновенный запас», 2004.01.15); *Единственная **идеология**, которой он поклоняется,* – это максимальное удовлетворение личных потребностей, а они у него безграничны и входят в противоречие с возможностями, которые, как бы ни были велики, всегда ограничены. (Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру)], а также признаки ‘религии’ [*Конечно, можно **исповедовать** какую-либо **идеологию** и при этом быть амбициозным и жадным.* (Абарин. А был ли Рейли? // «Совершенно секретно», 2003.04.03)], ‘культ’ [*Стремление со стороны НРД держать под контролем его поведение, мысли и эмоции;* – отождествление **культовой идеологии** с реальностью. (Пронин. Работа психолога с членами новых религиозных движений // «Вопросы психологии», 2004.08.10)].

Многие государства используют свои национальные религии как основы государственной системы [*В духовном отношении, в значении ярко вспыхнувшей в пределах его **русской нравственно-религиозной идеологии** – он никогда не умрет в истории возрождения великой Святой Руси.* (Алексеев. Героизм обреченных // «Спецназ России», 2003.04.15); *Главных вариантов при ближайшем рассмотрении оказывается три: два протурецких (с преобладанием соответственно светской и **радикальной суннитской идеологии**) и один проиранский (основанный на **шиитской идеологии**).* (Алексеев. История болезни // «Спецназ России», 2003.08.15); *Главный из них – это неизбежная переориентация Турции с идеологии пантюркизма на идеологию радикального ислама.* (Алексеев. История болезни (2003) // «Спецназ России», 2003.08.15)].

V. Свою идеологию имеют партии, движения и политические течения [*Прошло 100 лет **большевистской идеологии** в России.* (Федоткин. Власть и оппозиция // «Советская Россия», 2003.07.03); *С **внятной идеологией** у нас только*

две **политические партии**: коммунисты и СПС. (Рыклин. Пусть игра стоит свеч // «Еженедельный журнал», 2003.04.08)]. Такую идеологию синонимично именуют политической платформой [Анархисты взяли в свои руки «культурно-просветительный отдел армии», стали издавать газеты «Набат», «Путь к свободе» и подводить «платформу» и идеологию под махновское движение: «Отрицание принципа государственности и всякой власти, объединение трудящихся всего мира и всех национальностей, полное самоуправление трудящихся у себя на местах, введение вольных трудовых советов крестьянских и рабочих организаций...» (Деникин. Очерки русской смуты. Том V. Вооруженные силы Юга России); Однако, парадоксальным образом, отказываясь от программного документа, а вместе с ним – и от демократической идеологии управляемой трансформации, объявив «банкротство» прежнего государства не только фактом, но отчасти и «благом» – то есть реформой, либерализацией, правительство Гайдара из «технического» немедленно превратилось в носителя самостоятельной и весьма радикальной (в контексте российской традиции и сложившегося взгляда на «реформу») **политической платформы**. (Рогов. Между демократией и свободой. Идейные парадоксы русской демократической революции // «Неприкосновенный запас», 2003.09.12); За оставшееся до выборов время «Единой России» предстоит в полной мере овладеть наукой побеждать, кардинально обновив кадровую обойму и сформулировав внятную **партийную идеологию**. (Жеребенков. Учитесь властвовать... // «Итоги», 2003.03.04)].

VI. Идеология является контекстуальным синонимом культуры [Тогда в мире конкурировали **идеологии** развития, представленные двумя **культурами**: англосаксонской и советской. (Архангельская. Страна в отсутствии любви // «Эксперт», 2004.12.06)].

На основании фактического материала у концепта идеология выделяются следующие понятийные признаки:

а) 'теория' [Именно поэтому в эпоху «охвата» господствующие **теории** превратились в особую – агрессивную и резистентную – «форму жизни» теорий, а именно в **идеологии**. (Ослон. Мир теорий в эпоху «охвата» // «Отечественные записки», 2003)];

б) 'платформа (партии, движения)' [По своей поэтике (и по «идеологии») Трифонов был шире новомирской **платформы**: и не случайно одни из лучших его рассказов, предложенных редакции в конце 60-х, были подвергнуты сомнению на основании того, что они написаны на какие-то (сказано пренебрежительно) «вечные темы». (Иванова. Чужой среди своих // «Знамя», 1999); В желании автора представить советский партийно-государственный аппарат зараженным «этнической ксенофобией» и создать впечатление, что его значительная часть исповедовала **идеологию русского национально-патриотического движения** (которая весьма далека от национализма), содержится весьма актуальная политическая подоплека. (Титов. Новый «либеральный конструктивизм» // «Наш современник», 2004.08.15)];

в) 'религия' [*Я считаю, что в следующем веке фрески Дионисия будут играть особую роль в становлении русской духовности. Как наиболее яркое отражение **идеологии православия**. (Кабанова. Испытание фресками. Ферапонтовский музей в канун юбилея // «Известия», 2002.08.05); Число проявлений антисемитизма не спадает, одновременно появляются радикальные молодежные организации и группировки, **проповедующие** чужденоненонистическую **идеологию**. (Азимов. Выступление на закрытии Конференции ОБСЕ по антисемитизму // «Дипломатический вестник», 2004.05.25)]. Новые концепты включаются в общую национальную концептуальную систему, заимствуя в ней то, что аккумулировалось в ней веками. Так, у **идеологии** – концепта нового, заимствованного, появляются признаки 'жреца' [*Абсолютизация социо-центризма исключает эти условия, приводит к перерождению философии самооценности человека в **идеологию** его несвободы, **которая** в угоду инертной системе социальных отношений **жертвует** отдельной и уникальной личностью, провоцирует процесс уничтожения человека в человеке (как это ни парадоксально). (Шувалов. Гуманитарно-антропологические основы теории психологического здоровья // «Вопросы психологии», 2004.12.14)], 'нового культа Бога Капитала' [*Более того, капитализм превратил рынок в свою **идеологию**, поскольку **рыночная стихия** – среда обитания его бога **Капитала**. («Futurum», или О разделении России на «мы» и «они» // «Жизнь национальностей», 2004.06.16)];***

г) 'наука' [*Схематично можно сказать, что Вернадский считал силу науки больше всех других общественных сил, Иоффе в государственной советской **идеологии** видел **воплощение науки**, а для Мандельштама наука и социальная идеология были двумя разными мирами. (Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода)]. Нужно заметить, что под наукой понимаются разные отрасли знания, не только философия [*В то же время как некоторыми постпозитивистами, так и представителями других сходных течений был подвергнут прямой атаке тезис о ценностной нейтральности **науки**, что в одних случаях позволило рассматривать ее как форму определенной **идеологии**, которая подлежит ограничению в своих универсальных притязаниях (Юрген Хабермас), а в других случаях говорить о необходимости радикального пересмотра структуры научного знания (Герберт Маркузе). (Куренной. Наука в современном мире // «Отечественные записки», 2003)];**

д) 'идея' [*Сама **идеология интернет-трейдинга** подразумевает максимальное облегчение и упрощение выхода на рынок большого числа таких непрофессиональных инвесторов. (Бурдинский. Модная услуга. Интернет-трейдинг становится стандартным продуктом банковской «корзины» // «Известия», 2001.10.29)];*

е) 'стратегия' [*Мы будем сами вырабатывать **идеологию, стратегию** кампании, а уже потом проводить тендеры среди производителей. (Дмитрий Камышев. Владимир Рыжков: никто ничего не будет экономить // «Коммерсантъ-Власть», № 28, 1999)];*

ж) 'культура' [*Но Запад сильно опередил нас в развитии культуры, которая является продолжением **идеологии**: притягательность западной культуры для советских людей обеспечили поп-музыка, новый кинематограф и литература, особенно фантастика.* (Архангельская. Страна в отсутствие любви // «Эксперт», 2004.12.06)];

з) 'мировоззрение' [*Гигантская власть телевидения по-новому подтверждает тезис о том, что все, включая и экономику, и войны, начинается с **мировоззрения**, с **идеологии**.* (Дондурей, Прусс. Великая виртуальная революция // «Знание – сила», 2003)];

к) 'распорядок / норма / правила' [*Шиманского вызывали в политотдел санитарного управления военного округа и посулили отправить его на фронт, если из особого отдела опять сообщат о непорядках в **госпитальной идеологии**.* (Гроссман. Жизнь и судьба)];

к) 'власть'. Идеология – составная часть системы власти в государстве. Власть ведала идеологией, держала ее в своих руках [*Тем более иррациональность была невыносима для людей, находившихся **под властью** всецело рациональной – «научной» – социальной **идеологии**.* (Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода)]. В описаниях власти в русском языке сохраняются тенденции выражения ее особенностей посредством разных признаков, которые переносятся на идеологию, среди них признаки 'управления' [*Ведь **правлящая идеология** позволяла студентам крайне скудный философский рацион.* (Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода)], 'дани' [*Некоторые психологи (в основном молодого поколения) утверждают, что теория деятельности А.Н. Леонтьева – устарелая, малопродуктивная, запутанная, оторванная от жизни, она – **дань советской идеологии**...* (Братусь. Леонтьевские основания смысловых концепций личности // «Вопросы психологии», 2004.08)], 'диктатуры' [*В истории человечества существовало множество различных государственно-политических систем: монархических, республиканских, тоталитарных, демократических, основанных на **диктатуре идеологий**, личностей, партий.* (Митрополит Агафангел (Саввин). Да поможет Господь Бог России! // «Наш современник», 2004.04.15)], 'охраны' [***Стражи идеологии** вначале думали: чудачество.* (Потресов. Возвращения Некрасова)], 'клятв верности' [*В советские времена каждый, кто хотел легально заниматься наукой, то есть за удовлетворение своего научного любопытства получать еще и зарплату, должен был мириться с необходимостью принесения публичных **клятв верности** официальной **идеологии**, известной как марксизм-ленинизм.* (Сурмава. Психологический смысл исторического кризиса // «Вопросы психологии», 2004.06.15)];

л) 'концепция' [***В идеологии проектного управления** есть три критерия эффективности: сделать вовремя, произвести из имеющихся ресурсов и просоответствовать заданным критериям качества.* (Чернышев. Управление собственностью: русский стандарт // «Эксперт», 2004.12.20)]. Этот признак встречается как в текстах, касающихся темы управления, так и других тем,

например, компьютерного программирования [**Идеология большинства программ**, которые сейчас готовятся, заключается в том, что мы ищем стартовые ресурсы, для того чтобы запустить осуществление какой-то программы. (Аграфенин. Валентина Матвиенко: Добрые питерские традиции – наш важнейший ресурс // «Санкт-Петербургские ведомости», 2003.05.26)];

м) ‘увлечение’ [*И сейчас, перечитывая все это, я вдруг понял их слепую веру и увлеченность марксистской философией и идеологией, которая врезалась в их светлые головы и души...* (Давыдов. Театр моей мечты)];

н) ‘порок’ [*Сотни тысяч людей, побывавших в заключении, **растлены** воровской идеологией и перестали быть людьми.* (Шаламов. Колымские рассказы)].

Комплекс устоявшихся концептуальных метафор наглядно отражает существующие смысловые связи между идеологией и социумом, его управлением и другими национальными символами.

Власть обычно ассоциируется с борьбой, войной, захватом [*Нападение Германии на СССР в 1941 г. – война идеологий.* (Шилин. От мифов к реальности: крест Косово // «Наш современник», 2004.05.15)]. Этот образный ряд переносится на идеологию, так как связь идеологии и власти очевидна. *Идеология* предстает в облике соперника [*Твоя идеология, скажешь, **взяла верх.*** (Домбровский. Хранитель древностей)], война [*Это наш достойный ответ на вызов времени, нового столетия, основной чертой которого станет не битва идеологий, а острая конкуренция за качество жизни.* (Савченко. С Родиной в сердце // «Наш современник», 2004.01.15)].

Ненатуральность, неподлинность идеологии понимается как некая игра, сцена которой располагается во всем обществе. Сама идеология играет соответствующую роль на этой сцене жизни [*В обществе, где идеология – государственная идеология – **играла** столь воинственную роль, наука не осталась в стороне.* (Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода)]. В качестве актера идеология не всегда правдоподобна [*Иначе в нашей идеологии непременно будет слышна та **фальшивая нотка**, которая компрометирует прежде всего для нашего собственного национального самосознания.* (Устрялов. К вопросу о русском империализме // «Проблемы России», № 15, 1916)].

Традиционным символом Родины (страны) считается дом. Метафора «Россия – дом» постоянно эксплуатируется в российских СМИ. Она прослеживается не только в названиях партий (*Наш дом – Россия*), но и в последовательной концептуализации идеологии признаками ‘строительства’ [*Но мистический смысл этого события был громадным, так как впервые после 1917 года государственная идеология этой малой части России с самого начала **строилась** на монархизме.* (Алексеев. Героизм обреченных // «Спецназ России», 2003.04.15)], ‘фундамента’ [*Совершенно бессмысленно ориентироваться исключительно на «ортодоксальную практику» – хотя бы потому, что она составляет лишь ничтожную часть галактической картины, не позволяет*

проанализировать собственный **идеологический фундамент**, наконец, потому, что она неоднозначна в куда большей степени, чем стоящая за ней идеология. (Шамиль. Еврейская ксенофобия // «Наш современник», 2004.11.15)], ‘здания’ [**«Рушится привычная идеология, отвергнутая, разбитая жизнью»**]. (Чернавский. Первый национал-большевик // «Наш современник», 2004.10.15)], ‘опоры’ [Объявляя себя марксистом, он в своих теоретических поисках реально **опирался не на эту тоталитарную идеологию**, а на иные, гуманистические философско-идеологические ценности, на здравый смысл, в конце концов. (Сурмава. Психологический смысл исторического кризиса // «Вопросы психологии», 2004.06.15)]. Опорная конструкция – самый распространенный способ объективации этого символического признака, а домашняя метафора – важный способ реализации концепта **идеология**.

Не менее значимым символом России выступает «птица-тройка» (по Н.В. Гоголю). Обуздание стихийной, неконтролируемой силы страны описывается метафорой вожжей, выражающей сознательное управление обществом с помощью идеологии [*Все это помогло людям, посвятившим свою жизнь науке, с оптимизмом смотреть на происходящее вокруг, забывать личные обиды и не обращать внимания на удушающие **вожжи** правящей идеологии в гуманитарных сферах общественной жизни.* (Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода)].

Еще один из самых распространенных способов актуализации разных признаков идеологии могут быть вегетативные метафоры. Укоренившиеся взгляды в обществе дают плоды [*А так как народ состоит из людей, движущихся интересами и инстинктами, то, просочившись в народную среду, интеллигентская **идеология** должна была **дать** вовсе не идеалистический плод.* (Струве. Интеллигенция и революция)].

Идеи, сложившиеся в систему, представляются артефактными метафорами. Артефактность, искусственность идеологии реализуется посредством предикатов рукотворности, создаваемости, разрабатываемости [*Он, слава Господи, 30 тысяч лет, допустим, имеет культуру и сохранил ее до сих пор, в отличие от нас, славян, и всех индоевропейцев, которые восприняли **идеологию, созданную** другой языковой семьей, допустим, афразийской.* (Вяч. Вс. Иванов. Задачи и перспективы наук о человеке); *По этой причине в первые годы независимости государственную **идеологию разрабатывали** именно носители западноукраинской парадигмы.* (Вуйко. Двухцветная страна // «Эксперт», 2004.12.06)], конструирования [*В конце 60-х годов на страницах «Форин Аффферз» появляется имя З. Бжезинского, которого извлек из безвестности Дэвид Рокфеллер – человек, занимающий весьма важное место в **конструировании идеологии** глобализма и ее институционализации.* (Нарочницкая. Аналитические институты – глаза, уши и мозг Америки // «Наш современник», 2004.03.15)]. Понятийный признак идеологии, распространенный в дискурсе СМИ, ‘борьба за умы’ обусловил наличие большого количества метафор оружия [*Возникнув первоначально в социальном качестве, как **орудие** классовой борьбы, **идеология** по мере развития*

общественных отношений расширилась до понятия «образа жизни», блестяще реализованного в США и не до конца – в советском обществе. (Деягин. Глобальные требования к России // «Наш современник», 2004.02.15)], оков [*Мы были вооруженными людьми, но в тот период скованы идеологией* «как бы чего не вышло! (Морозов. Адмирал ФСБ // «Наш современник», 2004.04.15)]. Еще одним источником метафорической экспансии служит область энергетики: *идеология* представляется мощным источником вырабатываемой для борьбы энергии [*Эти мощные генераторы идеологии создают тонким и опосредованным образом мировоззренческие аксиомы для посвященных и стереотипы для профанов...* (Нарочницкая. Аналитические институты – глаза, уши и мозг Америки // «Наш современник», 2004.03.15)].

Заимствованные концепты – особая область интереса когнитивной лингвистики. Исследование развитие структур заимствованных концептов – предмет пристального изучения когнитологов. Сужение понятийных признаков идеологии в советский период сменилось расцветом ее концептуальных метафор в российских СМИ, появлением новых понятийных признаков, обусловленных изменениями в социальной жизни страны, сменой ее политических ориентиров.

Список литературы

1. Голованивская, М. К. Французский менталитет с точки зрения носителей русского языка / М. К. Голованивская. – М. : МГУ, 1997. – 280 с.
2. Пименова, М. В. Концептуальная система политики / М. В. Пименова // Политика в зеркале языка и культуры / отв. ред. М. В. Пименова. – М. : ИЯ РАН, 2010. – С. 86–105. – (Сер. «Филол. сб.» ; вып. 10).

Н.К. Рябцева

Институт языкознания Российской Академии наук (Москва, Россия)

МОДЕЛЬ «СМЫСЛ – ТЕКСТ» И ДИДАКТИКА ПЕРЕВОДА

В пособиях, учебниках и книгах по теории и практике перевода приводится множество интересных, показательных и поучительных языковых примеров, однако их переводоведческий комментарий не всегда лингвистически удачен. Это вызвано, в первую очередь, тем, что целый ряд используемых в традиционной теории перевода понятий не обладает достаточной объяснительной силой. Это: *единица перевода, переводческая трансформация, переводческие соответствия, единичные/ множественные лексические (межъязыковые) соответствия, контекстуальная замена, нормативный перевод* и др. Так, в традиционной теории перевода считается, что перевод осуществляется по «единицам перевода». Это понятие неудачно по меньшей мере в двух отношениях. Во-первых, оно не соответствует языковой (и межъязыковой) реальности: нормальный человек не порождает речь (и не переводит) по «единицам», он выражает мысли. Во-вторых, понятие единицы

перевода не связано прямо с другими понятиями теории перевода – не используется в их дефинициях, да и само не имеет четкой дефиниции.

В связи с этим в ряде публикаций [Рябцева, 2006–2009] была предложена специальная, практически и дидактически ориентированная методика объяснения переводческой деятельности – «Металингвистика перевода». Она основана на семантической модели «Смысл – Текст» И.А. Мельчука и ее специальной версии – «Интегральном описании языка» Ю.Д. Апресяна. Ее исходными понятиями являются: *устройство языка, языковая способность, пословный vs. идиоматичный перевод, рекурсивность перевода* и др. Они позволяют сформулировать ответы на важнейшие практические и дидактические вопросы: *чем профессиональный перевод отличается от непрофессионального и в чем заключается творческий характер переводческой деятельности.*

В металингвистическом отношении естественный язык состоит из словаря, грамматики, семантики, прагматики и концептики. Центральным, самым главным компонентом языка выступает семантика (ср. *синонимия, антонимия, многозначность, идиоматичность (выражения заданного значения/ смысла), полифункциональность, синкретизм и «энциклопедичность»*). Главным принципом устройства языка выступает *асимметрия* всех его составляющих – отсутствие однозначного соответствия между формой и ее значением, и между значением и выражающей его формой. Соответственно, главным свойством *межъязыковой* коммуникации выступает ее асимметрия: *перевод с одного языка на другой всегда принципиально асимметричен*. На практике это проявляется в том, что нельзя перевести текст, заменяя слова («единицы») одного языка словами («единицами») другого языка. Главным принципом описания межъязыковой асимметрии выступает семантика. А главным «инструментом», «затемняющим» этот факт, выступает двуязычный словарь: в нем даются иноязычные соответствия данного слова в данном значении, но не даются сами значения. В результате создается иллюзия равнозначности слов в разных языках и возможности замены слов одного языка словами др. языка.

Устройство языка и языковая способность принципиально конгруэнтны друг другу: главное во владении языком – способность выражать заданный смысл разными синонимическими *по своему значению* средствами и при этом *идиоматично* – в соответствии с *нормами* лексической, грамматической и прагматической *сочетаемости*, и распознавать *смысл* речи независимо от способа его выражения и несмотря на *неоднозначность/ многозначность* входящих в нее элементов [Апресян, 1995, т. 1, с. 11].

Самым важным исходным понятием в описании процесса перевода является понятие «пословный перевод», которое, в свою очередь, опирается на строгое лингвистическое понятие словаря. Именно с помощью понятия словаря можно предельно просто объяснить, что такое пословный и буквальный перевод: *пословный перевод* – такой, когда (каждое) слово переводится своим словарным эквивалентом без учета контекста/ прагматики (то есть когда передается значение отдельных слов, а не смысл всего контекста), а буквальный

перевод – когда слово переводится еще и своим первым, основным словарным эквивалентом. Соответственно, *непрофессиональный* перевод, в отличие от профессионального, выполняется пословно. Профессиональный перевод отличается от непрофессионального тем, что выполняется не пословно или поэлементарно (не по «единицам»), а на совершенно других принципах: он выполняется *рекурсивно*, «возвратно-поступательно»: так, что каждое последующее слово переводится в контексте с предшествующими, и так, чтобы выполнялось главное требование к *любому* тексту, в том числе и переводу: *идиоматично/ аутентично* выражать заданный смысл.

Таким образом, одним из самых важных требований к качеству профессионального перевода выступает требование идиоматичного/ аутентичного выражения заданного смысла в тексте перевода. Оно заключается в том, что, независимо от того, *что* и *как* было сказано в оригинале, в переводе соответствующий смысл должен быть выражен так, как это делают в данной ситуации носители языка. Например, в переводе романа Д. Брауна «Код да Винчи» (М., «Матадор», 2005) на с. 36 употреблено выражение «*подвешенные к стенам камеры слежения*», которое этому требованию не отвечает. По-русски естественно сказать «*установленные на стенах камеры слежения*», и, независимо от того, как именно этот смысл был выражен в оригинале, в переводе ему может соответствовать только этот указанный или любой аналогичный ему (и идиоматичный) оборот.

Важно, что именно идиоматичное выражение смысла делает речь (и текст перевода) «правильной» и естественной, и потому является самым «коротким» путем его воплощения и самым эффективным способом обеспечить его понимание адресатом. Так, например, перевод фразы *Manson climbed into the gig behind a tall horse* – «Мэнсон влез в коляску, запряженную крупной лошастью» представляет собой не «контекстуальную замену» слов, а использование выражения, которое стандартно, типично, *стереотипно* и потому идиоматично описывает по-русски заданную в оригинале ситуацию/ используется в русском языке для выражения заданного смысла. Аналогично объясняются многие из тех примеров, что приводятся в соответствующих переводоведческих трудах, в которых они комментируются разрозненно и внесистемно.

При этом под метаязыковую рубрику «идиоматичность» попадает множество самых разнообразных примеров и явлений, которые описываются в традиционном переводоведении независимо друг от друга и без объяснительного, метаязыкового комментария. Тогда как метаязыковое понятие идиоматичности имеет отношение почти ко всем межъязыковым «явлениям» и «преобразованиям» и потому выступает в качестве важнейшего *металингвистического стимула* к поиску нетривиального переводческого решения. Так, например, ни в одном пособии по переводу не найти системного, последовательного, непротиворечивого и конструктивного (распространяющегося на все аналогичные случаи) объяснения того, как следует переводить выражения типа *железная воля*, *сильный характер*, *бурный восторг* и т. п. Тогда как в рамках модели «Смысл–

Текст» такое объяснение оказывается предельно простым, понятным, естественным и конструктивным: во всех данных и во всех аналогичных выражениях эпитеты употребляются не в своем исходном, основном, предметном *значении*, а в переносном, которое называется «большое проявление признака» и которое во всех языках может выражаться в высшей степени *идиоматично*. Это «Магн» – важнейший коммуникативный *смысл* «интенсивность». Выражающие его эпитеты очень *избирательны* и сочетаются в данном языке только с ограниченным классом слов. Для того, чтобы почувствовать эту идиоматичность и избирательность, достаточно перевести словосочетание пословно/ буквально: тяжелая болезнь – grave illness (букв. «мрачная»), густой туман – heavy fog (букв. «тяжелый»), ср. крошечная тьма – мертвая тишина, но не *мертвая тьма – *крошечная тишина. Так, по-русски *бурный* сочетается с *восторг, радость, веселье, страсти, чувства, переживания, аплодисменты* и др., но не **рассуждения, гнев*. В англ. яз. heavy сочетается с именами: 1) осадков, (rain), 2) «расходов» (debt, expenses, price, taxes), 3) именами деятеля (buyer, eater, sleeper). Все подобные эпитеты не могут быть переведены автономно, «пословно», но только в виде идиоматичного словосочетания, которое используется для (идиоматичного) выражения данного смысла в другом языке. Показательно, что осознание этого факта проявляется в создании словарей принципиально нового, комбинаторного типа [Рябцева, 1999].

В целом можно сказать, что *идиоматичность/ аутентичность* выражения заданного смысла – не только главное «лингвистическое» требование к переводу, но и важнейший компонент языковой способности, устройства языка и его использования, а также профессиональной компетенции переводчика и особенностей перевода с языка на язык. Соответственно, несколько упрощая, можно сказать, что профессиональный переводчик не столько «переводит», сколько стремится выразить заданный в оригинале смысл так, как это принято в языке перевода, то есть идиоматично: общепринято, стандартно, стереотипно, аутентично и потому наиболее понятно. При этом профессиональный перевод должен быть не просто рекурсивным и идиоматичным, он должен быть *рекурсивно идиоматичным*: таким, чтобы в нем каждое последующее слово идиоматично сочеталось с предшествующими. Так что исходным и довольно парадоксальным условием *творческого* переводческого мышления выступает поиск наиболее *стереотипного* для данной ситуации/ контекста выражения в языке перевода.

В заключении следует отметить, что для решения весьма актуальной в настоящее время проблемы подготовки преподавателей перевода нужны специальные, практически ориентированные дисциплины, что-то вроде «практическая лингвистика», «практическая семантика», «практическая стилистика».

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды / Ю. Д. Апресян. – М. : ЯРК, 1995.

2. Рябцева, Н. К. Научная речь на английском языке : нов. слов.-справ. активного типа / Н. К. Рябцева. – М. : Наука : Флинта, 1999.
3. Рябцева, Н. К. Язык и естественный интеллект / Н. К. Рябцева. – М. : Academia, 2005.
4. Рябцева, Н. К. Металингвистика перевода / Н. К. Рябцева // Проблемы обучения переводу в языковом вузе : тез. пятой Междунар. науч.-практ. конф. – М. : МГЛУ, 2006.
5. Рябцева, Н. К. Металингвистические знания в теории и практике перевода / Н. К. Рябцева // Проблемы представления (репрезентации) в языке: Типы и форматы знаний. – М. : ИЯ РАН, 2007.
6. Рябцева, Н. К. Стереотипность и творчество в переводе / Н. К. Рябцева // Стереотипность и творчество в тексте / Е. А. Баженова (отв. ред.). – Пермь : Гос. ун-т, 2008.
7. Рябцева, Н. К. Роль лингвистической терминологии в упорядочении и формализации переводоведческого знания / Н. К. Рябцева // Терминология и знание : материалы Междунар. симпозиума. – М. : Ин-т рус. яз. РАН, 2009.
8. Рябцева, Н. К. Когнитивное моделирование переводческой деятельности / Н. К. Рябцева // Cognitive Modeling in Linguistics. Proceedings of the XI-th International Conference (Констанца, Румыния, 7–14 сент., 2009). – М. ; Казань, 2009.

Й.Свободова

Западно-Чешский университет (Пльзень, Чехия)

К АКТИВНЫМ НОМИНАТИВНЫМ ТЕНДЕНЦИЯМ ГЛАГОЛОВ С ФОРМАНТОМ *-ИРОВА(ТЬ)* В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

По наблюдениям лингвистов, производство глаголов в русском языке менее активно, чем производство имен. Глагольные неологизмы составляют лишь 9 % от всего количества неологизмов [Земская, 2000, с. 126]. К числу частных актуальных вопросов глагольной деривации можно отнести лексемы с формантом *-ирова(ть)* и *-изирова(ть)*, пополняющие словарный состав русского языка многими заимствованными глаголами. При рассмотрении данного пласта лексики мы уделили внимание словообразовательным и стилистическим особенностям русских глаголов в сопоставлении с чешским языком.

Принято считать, что глаголы с отмеченными суффиксами восходят по своему происхождению к немецким суффиксам *-ieren*, *-isieren*, *-izieren* (*politisieren* – *политизировать*, *polemisieren* – *полемизировать*, *klassifizieren* – *классифицировать*). Некоторые рассматриваемые заимствованные дериваты вошли в русский язык непосредственно или через польский язык [Граудина, 2004, с. 416]. Их внедрению в язык способствовал праславянский по происхождению формант *-ова-*, часто осложнявшийся интерфиксами и прошедший длительный этап в результате различных способов суффиксального оформления заимствованных глаголов. Считают, что рассматриваемые глаголы появились в русском языке в XVIII в., но продуктивными они стали лишь в середине XIX в. Так, например, Л.С. Берг [Берг, 1943, с. 109] и некоторые другие лингвисты еще на протяжении XX в. считали осложненные суффиксы *-ировать*, *-изировать* лишними и призывали отказаться от них. Если в XIX и в начале XX вв. в русском языке появлялись такие лексемы, как *электрифицировать*, *большевизировать*,

обмундировать, маршировать и др., то в последние годы XX в. заимствуются лексемы, имеющие терминологическое значение, как, например, *лимфодренировать, нитрифицировать, нокаутировать, менеджировать* и др.

Заимствования-германизмы появляются в чешском языке уже в период формирования чешского государства. Тенденции в заимствовании многих глаголов с иноязычной основой, к которой присоединяется праславянский по происхождению суффикс *-ova-* (*handlovat, fedrovat, hauzirovat, lifrovat, luftovat*) усиливаются в XV в. в связи с развитием гуманизма. Период чешского национального возрождения характеризуется усиливающимся пуризмом, в результате которого появляются семантические кальки, возникшие в результате образования новых дериватов при помощи словообразовательных способов и синтаксических конструкций, типичных для немецкого языка. На протяжении последующих столетий к глаголам с иноязычной основой продолжает активно присоединяться суффикс *-ova-*, причем многие заимствованные глагольные лексемы со временем выходят из употребления; они заменяются новыми чешскими дериватами.

В сравниваемых славянских языках совпадающие по форме приставки могут частично не совпадать по значению, а тождественные по значению префиксальные глаголы часто имеют разные по форме префиксы: *сфотографировать – vyfotografovat, напренироваться – vytrenovat se*. Некоторые префиксальные глаголы чешского языка не имеют в русском языке эквивалентов с тождественной словообразовательной структурой. Значение чешских префиксов передается лексически: *odizolovat – снять изоляцию; zkulturnět – стать более культурным, nalakovat – покрыть лаком*, а также внутренней формой слова, как у двувидовых глаголов: *zautomatizovat* (сов.), *automatizovat* (несов.) – *автоматизировать* (сов. и несов.).

Тождественные глаголы могут различаться в чешском и русском языках стилистической окраской. Например, функционирующие в чешском языке глаголы *reprezentovat – репрезентовать, tolerovat – толерировать* в русском вышли из употребления. Стилистически нейтральные в чешском языке глаголы *absorbovat – абсорбировать, amnestovat – амнистировать* являются в русском языке терминами. При идентичности содержания могут быть различными лексическое выражение соответствующих глагольных лексем: *коллизировать – kolidovat, odporovat (v čem); антистимулировать – nemotivovat, коллекционировать – sbírat*, а также грамматические свойства рассматриваемых глаголов, например, *sympatizovat (s kým, čím): симпатизировать (кому, чему)* и т. п.

Проведенный сравнительный анализ глагольных словообразующих формантов *-ирова(ть)* в русском языке и *-ova-* в чешском языке, присоединяющихся преимущественно к основам иноязычного происхождения, позволяет сделать некоторые выводы:

1) глагольным дериватам с формантом *-ирова(ть) / -изирова(ть)* соответствуют в чешском языке глаголы с продуктивным суффиксом *-ova-*:

agitovat – агитировать, *blokovat* – блокировать, *informovat* – информировать, *likvidovat* – ликвидировать, *operovat* – оперировать, *automatizovat* – автоматизировать, *specializovat (se)* – специализировать(ся);

2) в чешском языке сфера употребления каждого из этих глаголов строго регламентирована оппозицией «литературность / нелитературность». Глаголы, заимствованные из классических и европейских языков, например, *absolvovat*, *aranzovat*, *alarmovat*, *faulovat* и т. п., являются принадлежностью литературного языка. Глаголы, заимствованные из немецкого языка, например, *prubovat*, *nasponovat*, *smajchlovat se*, *fixlovat*, *flamovat*, *vekslovat*, *vysajchnovat se*, а также дериваты суффиксом *-irova-* (*-yrova-*): *cityrovat*, *sekyrovat*, *lakyrovat*, *filozofirovat*, *klempirovat*, *fixirovat* и др. функционируют, главным образом, в чешском разговорно-бытовом языке, то есть за пределами литературного языка. Ср. еще: *debuzirovat* (разг.) – *hodovat* (лит.) – *нуровать*; *lifrovat* (разг.) – *dodavat* (лит.) – *поставлять*. Некоторые лексемы стилистически окрашены. Для чешского литературного языка типичны глагольные лексемы без *-ir-* / *-yr*: *citovat*, *lakovat*, *filozofovat*, *fixovat*. Только в тех случаях, где глагол без *-ir-* являлся бы неясным или выступал бы в качестве омонимичного, тогда употребляют и в чешском литературном языке лексемы с *-ir-*, например: *kopirovat*, *masirovat*, *pasirovat*, *rezirovat*, *servirovat*;

3) в чешском языке глагольная лексика более разнообразна; она представлена шире, чем в русском языке. Многие глаголы, употребительные в различных стилях чешского языка, в русском языке отсутствуют. Таковы многочисленные заимствования из классических языков (именно из латинского): *negovat*, *stagnovat*, *suplovat*, *apostrofovati*, *ekonomizovat* и т. п. – и европейских языков: *sikanovat*, *alarmovat*, *driblovat* и др. Следует отметить отсутствие в русском языке пласта нелитературной глагольной лексики немецкого происхождения;

4) более высокая в чешском языке, чем в русском, валентность ряда исходных глаголов иноязычного происхождения (например, *alkulovat*, *kombinovat*, *komponovat*, *konstruovat*, *montovat*) объясняется наличием у них в чешском языке значений, отсутствующих в русском языке;

5) вместе с активизацией приставочных образований с суффиксом *-irova(ть)* и *-ova-* появляется в обоих языках тенденция устранять двувидовость вышеуказанных глаголов. Заметна активизация приставок *де-* (*деполитизировать*); *ре-* (*реинвестировать*) [Граудина, 2004, с. 416; Костомаров, 2003, с. 474]; *с-* (*спродюсировать*); *про-* (*проиндексировать*); *раз-* (*разблокировать*). Глагольные лексемы *проинтервьюировать*, *проинструктировать* [Лопатин, 2006, с. 596], *проиндексировать* [Скляревская, 1998, с. 515], *сконцентрировать*, *проконстатировать* и идентичные приставочные лексемы с суффиксом *-ova-* в чешском языке (*заасфальтировать* – *zaasfaltovat*) пока не признаются полностью нормативными.

Список литературы

1. Берг, Л. С. Бережно относиться к русскому литературному языку / Л. С. Берг // Вестн. ЛГУ, 1943. – № 3. – С. 107–113.
2. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2001. – 304 с.
3. Граудина, Л. К. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. – 3-е изд. – М. : Астрель : АСТ, 2004. – 555 с.
4. Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: ок. 1900 словообразов. единиц / Т. Ф. Ефремова. – 2-е изд., испр. – М. : АСТ : Астрель, 2005. – 636 с.
5. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование / Е. А. Земская. – Флинта ; Наука, 2006.
6. Земская, Е. А. Активные процессы современного словопроизводства / Е. А. Земская // Русский язык конца XX столетия. – М., 2000. – С. 90–141.
7. Костомаров, В. Г. Современный русский литературный язык / В. Г. Костомаров, Б. И. Максимов. – М. : Гардарики, 2003. – 515 с.
8. Лопатин, В. В. Русский толковый словарь / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. – М. : Эксмо, 2006. – 928 с.
9. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : ИТИ Технологии, 2006. – 944 с.
10. Складневская, Г. Н. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Г. Н. Складневская. – СПб., 1998. – 700 с.
11. Stylistika současné češtiny / M. Čechova [a kol.] ; ISV. – Praha, 2003
12. Havranek, B. Vývoj českého spisovného jazyka / B. Havranek ; FF UK, SPN. – Praha, 1980
13. Kolektiv autorů Ústavu jazyka českého / FF MU v Brně, Příruční mluvnice češtiny, Lidové noviny. – Brno, 1996
14. Žaža, S. Ruština a čeština v porovnávacím pohledu / S. Žaža ; MU v Brně, Filozofická fak. – Brno, 1999. – 122 s.

У. Семьяновска

Лодзинский университет (Лодзь, Польша)

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В КОММУНИКАТИВНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛЬШИ

В Польше согласно требованиям министерских программ образовательные стандарты предполагают новые прагматические задачи для преподавания иностранных языков в школьном и вузовском обучении на разных уровнях владения языком (с основного по продвинутой этапы). Язык должен служить прежде всего средством реального общения в разных областях человеческой деятельности: науки, культуры, бизнеса, техники. Поэтому изучающий иностранный язык должен не только понимать иностранную речь, но производить речь в устной и письменной форме.

Уровень знания русского языка как иностранного польским студентом определяется не только непосредственным контактом с его преподавателем. На занятиях создается обстановка реального общения (ролевые игры), активно

используется иностранный язык в живых, естественных ситуациях. Студенты принимают участие в учебных и научных дискуссиях на русском языке, реферируют и обсуждают иноязычную для них русскую научную литературу, отдельные курсы читаются на русском языке, студенты готовят презентации, принимают участие в международных конференциях, работают в научных и театральных кружках, самостоятельно готовят «Русский вечер», на котором демонстрируют на русском языке мини-спектакли, скетчи из студенческой жизни, песни, викторины [см.: www.rusinst.uni.lodz.pl].

Сегодня обучение иностранным языкам неразрывно связано со знанием мира и культуры народа, говорящего на данном языке. Как отмечает С.Г. Тер-Минасова, «его эффективность, помимо знания языка, зависит от множества факторов: условий и культуры общения, правил этикета, знания невербальных форм выражения (мимики, жестов), наличия глубоких фоновых знаний и многого другого» [Тер-Минасова, 2000, с. 28].

Изучая русский язык, польские студенты-филологи одновременно знакомятся с русской культурой в рамках курса «Русская культура» (I–II курс обучения), на факультативах (бакалавриат и магистратура), а также во время практикума по русскому языку, где лингвострановедческие и культурологические знания являются неотъемлемым элементом учебного процесса. Предметом изучения являются такие компоненты культуры, как: а) традиции, обычаи (Татьянин день, студенческие приметы, праздник Нового года, новогодние приметы, Пасха, пасхальные приметы, Рождество Христово, день рождения), обряды (Масленица, святочные обряды и традиции); б) бытовая культура (новоселье, русская кухня, баня); в) повседневное поведение – русская речевая культура (приветствие, прощание – ответные реплики, обращение к знакомым и незнакомым людям, знакомство, просьба и ответ на просьбу, приглашение, предложение, извинение, благодарность, поздравления, пожелания, совет, комплименты, жалоба, упрек, утешение и сочувствие и др.); г) «национальные картины мира», отражающие специфику восприятия окружающего мира, национальные особенности мышления представителей русской культуры (национальный русский характер, «загадочная русская душа», «разговор по душам», «русские кухни», «приходите к нам на огонек», русский менталитет в языке и культуре); д) художественная культура (культурные аспекты перевода, русская литература, живопись, музыка, архитектура).

Эти задачи реализуются преподавательским коллективом Института русистики Лодзинского университета.

При изучении русского языка и культуры мы учитываем родной язык и культуру, используя метод сопоставления, признанный в методике преподавания иностранных языков. «Это позволяет получить более полное и многогранное знание культуры носителей изучаемого языка, поскольку их мир представлен, во-первых, так, как он выглядит в их собственных глазах, и, во-вторых, через призму родной для учащихся культуры, через столкновение этих

культур, что позволяет яснее осознать различия этих культур и избежать культурного шока при реальном общении с представителями чужой культуры" [Тер-Минасова, 2000, с. 33].

Приведем несколько примеров из учебного процесса, которые нуждаются в предварительном комментировании для устранения культурного барьера при введении нового материала. Итак, активизируя речевой этикет при обращении детей к незнакомым людям, следует обратить внимание на употребление лексем «дядя», «тетя», которые в польском языке употребляются только для обозначения родственных связей. Это относится также к маркированным стилистически словам «дядька» и «тетка». В обоих случаях в польском языке употребляем слова «господин, госпожа» – [Пан, Пани] (Proszę Pana, Proszę Pani – вежливое обращение). Отличия выступают также в коммуникативном поведении студентов по отношению к преподавателям в польской и русской аудиториях. В Польше, обращаясь к преподавателю в учебных заведениях, принято использовать словоформы – господин + научное звание, например: господин профессор (Panie Profesorze), госпожа доктор (Pani doktor), что неуместно в русской языковой культуре, где в данной ситуации принято обращение по имени-отчеству.

Как известно, религия занимает в жизни поляков очень важное место. И в Польше, и в России многие праздники, традиции и обычаи связаны с религией. И хотя конфессии обоих народов (православие и католицизм) имеют общие корни в христианской вере, однако без знания русской православной культуры нельзя понять особенности отдельных религиозных праздников. Например, Рождество Христово отмечают и православные, и католики, но в разное календарное время. Студенты, получив информацию о григорианском и юлианском календарях и функционировании последнего в православной церкви, сразу понимают, почему поляки празднуют рождественский сочельник раньше. Ведь тогда они наряжают елку и дети получают подарки, а не под Новый год, как это бывает в России. Причем подарки дарит русским детям не Святой Николай, а Дед Мороз. Сведения о том, кто такой Дед Мороз и как сложился его сказочный образ, студенты получают также на занятиях по русской культуре (курс по фольклору). Рождественский сочельник в польской традиции занимает особое место. Это не только религиозный праздник, но и семейный. В этот вечер, когда по традиции на небе появится первая звезда, за праздничным столом собирается вся семья, а рождественский ужин начинается с пожеланий благополучия и здоровья, и каждый делится друг с другом облаткой (а по православной традиции – просфорой). Раскрыть отличия в обеих культурах помогает сегодня не только литература по специальности, но массмедиа, Интернет, прямые трансляции по спутниковому телевидению. Это ликвидирует предубеждения, предрассудки, преодолевает культурные барьеры, сближает народы. Наблюдая за трансляцией рождественской литургии из Храма Христа Спасителя в Москве, мы можем соучаствовать в богослужении и воочию следить за поведением верующих в православном храме, а также

сопоставить праздничное убранство православного собора и католического костела в этот праздник (в церкви находится икона Рождества Христова, а в костеле вертеп, изображающий Святое Семейство, и младенца Иисуса в яслях).

Знание иностранного языка должно выполнять функцию орудия производства в разных сферах человеческой жизни (в экономике, бизнесе, туризме), в особенности в межкультурных контактах. Изучающий русский язык должен знать и понимать, с какой целью он овладевает навыками чужой речи, в каких ситуациях ему нужен этот язык, должен ощущать, что учится реальному общению. Поэтому во время учебного процесса студенты получают конкретные коммуникативные задания, с которыми они могут встретиться в своей жизни, этим заданиям подчинены грамматические структуры. Такая работа повышает мотивацию у учащихся, они охотно «вживаются» в роль гида, журналиста, телеведущего и т. п. Одной из эффективных и любимых форм работы студентами на старших курсах являются мультимедийные презентации. В течение семестра студенты, работая в группах по два-три человека, проводят презентации по темам «Русские в культуре нашего города» (виртуальная экскурсия по своему городу), «Роль поляков в исследованиях Сибири». Для подготовки презентации студенты находят документальные материалы (схемы, карты прошлых столетий, старинные снимки), сами делают фотографии, фонозаписи и составляют комментарий. Подготовленные работы демонстрируются в аудитории, а затем обсуждаются всем студенческим коллективом. Такие занятия – это настоящий диалог культур двух народов, в чем убеждаются сами польские студенты, изучающие русский язык в нашем Институте.

Список литературы

1. Верещагин, Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М., 1990.
2. Афанасьева, Н. А. Палитра стилей / Н. А. Афанасьева, Т. И. Попова. – СПб., 2007.
3. Тер-Минасова, С. Язык и межкультурная коммуникация / С. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000.
4. Русский язык как иностранный. Теория. Исследования. Практика. Вып. VII / под ред. И. П. Лысаковой. – СПб, 2004.

С.В. Серебрякова

Ставропольский государственный университет (Ставрополь, Россия)

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЗАЦИИ КЛЮЧЕВОГО СЛОВА В РАЗНОВРЕМЕННЫХ ПЕРЕВОДАХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Расширение исследовательских горизонтов по ряду координат позволяет изучать текст не только в статике как «молчаливый» продукт речевой деятельности, но и в его динамике как процесс его создания, понимания и воспроизведения. В переводческом плане важно подчеркнуть, что текст в своей полноте «событиен», представляя собой «каждый раз снова и снова осуществляемое событие создания – созерцания – понимания художественной

целостности... Это не готовый мир и не готовый раз и навсегда воплощенный и доступный для потребления смысл, а форма непрерывного человеческого общения и порождения в нем поисков смысла» [Гиршман, 2002, с. 55]. Трактовка текста оригинала и всех его имеющихся разновременных переводов как единого текстового пространства высокой лингвокультурологической, общепилологической и, в целом, познавательно-эстетической значимости позволяет рассматривать перевод текста не только как акт и продукт межкузыковой и межкультурной коммуникации, но и как отсроченное во времени и пространстве творческое взаимодействие – через текст как совокупность коннотирующих смыслов – автора оригинала и переводчика как языковых личностей своей культурно-исторической эпохи на уровне их индивидуальных когнитивных систем. Речь идет при этом о взаимодействии смыслов, в том числе и «внеположенных» материальному тексту [Барт, 2001, с. 35–36], обусловленных соответствующей эпистемологической ситуацией, так как «художественный текст входит в связную структуру идей своего времени и во многом опосредует ее, концентрируя основные познавательные тенденции и ценности» [Штайн, Петренко, 2006, с. 41], что коррелирует с представлениями о системном характере коммуникации и культуры.

Правомерной представляется трактовка текста оригинала и всех его переводных версий как целостного переводческого дискурсивного пространства большой объяснительной силы, позволяющего бесконечно приближаться к замыслу творца [Кушникова, 2003, с. 38–39]. Появление новых переводных версий в различных социокультурных условиях является, без сомнения, доказательством высокой художественной и эстетической ценности оригинала, его большой дискурсивной валентности – не только для переводчика, но и для принимающей культуры. Один из основателей отечественной теории перевода, автор концепции полноценного перевода А.В. Федоров положительно оценивал наличие предшествующих переводов и считал, что переводы одного и того же произведения есть «процесс бесконечного приближения к художественному познанию объекта; ... переводы эти как звенья историко-литературного процесса могут дополнять друг друга, раскрывать разные стороны оригинала» [Федоров, 1983, с. 180]. Эти положения не утратили своей актуальности и сегодня. Так, У. Эко считает, что «хороший перевод всегда представляет собою критический вклад в понимание переведенного произведения. Перевод всегда нацелен на некий определенный способ прочтения произведения, как и критика в собственном смысле слова... Переводы одного и того же произведения дополняют друг друга, поскольку зачастую они позволяют нам увидеть оригинал с различных точек зрения» [Эко, 2006, с. 297]. Несомненно, каждый перевод, обогащая новыми смыслами оригинал как первичную синергетическую систему, представляет собой его новое прочтение в иной эпистеме. Ю.М. Лотман называет этот процесс «не пассивной передачей, а живым генератором новых сообщений», творческим

процессом, обусловленным «усложнением семиотической структуры получателя текста и превращением его в личность» [Лотман, 1996, с. 96–99].

Целесообразно рассматривать имеющиеся переводные версии одного произведения в синхроническом и диахроническом аспектах. О коммуникативной эквивалентности перевода принято говорить в синхроническом измерении, привлекая для верификации наблюдений лексикографические, нормативные и текстовые источники, существующие «на оси относительной одновременности». Рассмотрение имеющихся переводов в диахронии – «на временной вертикальной оси эпистемологического пространства» [Штайн, Петренко, 2006, с. 41] – с учетом метапозтик позволяет получить информацию относительно динамики нормы и узуса, жанровых канонов и в целом языковой и концептуальной картин мира принимающей культуры.

Плодотворной представляется в этом аспекте мысль Ю.М. Лотмана о памяти текста: он не только генерирует новые смыслы, но и «конденсирует» культурную память: «Текст обладает способностью сохранять память о своих предшествующих контекстах. ...Создаваемое текстом вокруг себя смысловое пространство вступает в определенные соотношения с культурной памятью (традицией), отложившейся в сознании аудитории. В результате текст вновь обретает семиотическую жизнь» [Лотман, 1996, с. 21–22]. Этот тезис в полной мере приложим к любым переводным версиям подлинника, которые можно считать, продолжая мысль Ю.М. Лотмана, памятью не только о всех интерпретациях данного произведения, но и о тех находящихся вне текста исторических событиях, ассоциации с которыми могут возникать в процессе чтения.

Все изложенное выше позволяет говорить о сложном диалектическом единстве литературного произведения и его переводных версий, которое предполагает «взаимодействие, взаимовлияние двух (или трех, в случае перевода с языка-посредника) языковых картин мира, двух языковых и художественных систем, двух концепций действительности (авторов оригинала и перевода)» [Оболенская, 2004, с. 563]. Очевидным является и диалектическое противоречие «между *вне-временностью* подлинника художественного произведения и *со-временностью* перевода», так как даже в едином социокультурном контексте невозможны абсолютно идентичные интерпретации одного и того же произведения разными субъектами как языковыми личностями, к тому же аксиоматично признаваемой является и неизбежность переводческих потерь.

В качестве эмпирического материала обратимся к русским переводам романа И.В. Гете «Die Leiden des jungen Werthers», вышедшего в свет в Германии в 1774 г., с целью рассмотрения специфики перевода его заглавия как первой авторской интерпретации текста, которая часто является ключом к пониманию всего произведения. Речь идет о первых трех переводах романа, вышедших в 1781, 1796 и 1829 гг. Полные названия романа представлены

следующими вариантами: «Страсти молодого Вертера», переведена с немецкого в Санкт-Петербурге 1781 года иждивением Е.В.; «Страсти молодого Вертера». Сочинения г. Гете с присовокуплением писем Шарлоты к Каролине, писанных во время ее знакомства с Вертером. Вновь переведенным в Санкт-Петербурге, перепечатано в типографии у Мейера, 1796 года. Иждивением Т. Полежаева и Г. Зотова; «Страдания Вертера». С немецкого... Москва. В типографии Августа Семена, при Императорской Медико-хирургической Академии. 1829. Период появления первых переводов романа Гете характеризуется новым отношением к переводу в русской словесности и демократическими преобразованиями в самой системе русского литературного языка. В переводческой практике приветствуется не «склонение на наши нравы», а сохранение индивидуально-авторского идиостиля и культурного колорита. Вполне закономерно, что вторая версия сохраняет идентичное заглавие, ибо второй перевод осуществлялся без обращения к оригиналу как стилистическая правка первой переводной версии романа Гете, которая была переиздана в 1794 г.

Опираясь на трехуровневую модель лингвостилистического анализа художественного текста [Задорнова. 1984], рассмотрим имеющиеся модификации в переводе на русский язык заглавия романа. На семантическом уровне перед нами заглавие в виде расчлененного номинативного знака «*Die Leiden des jungen Werthers*», представленного абстрактным именем с определенным артиклем и приименным субстантивным определением в генитиве, структура которого сохраняется в переводе. В грамматическом плане Гете использует конструкцию со склоняемым именем собственным, что допускалось языковой нормой того времени, но сегодня воспринимается как архаичное явление, равно как и написание имени собственного через *th*. Отметим также использование абстрактного имени с определенным артиклем *Die Leiden*, который вводит в повествование уникальные, особенные переживания молодого человека по имени Вертер, что не отражено в переводе ввиду отсутствия определенного артикля в русском языке.

На втором метасемиотическом уровне акцент переносится на индивидуально-авторское осмысление языковых единиц, означающее приращение смыслов в рамках художественного целого. В этом плане интерес вызывает ключевое слово *Leiden*, которое представлено в двух первых переводах словом *страсти*. По данным немецких толковых словарей И.Кр. Аделунга (1801) и братьев Гримм (1854–1960), немецкое *leiden*, этимологически восходящее к обозначению в индогерманском ареале различных видов передвижения в пространстве, в процессе христианизации было переосмыслено и стало употребляться по отношению к мученическому пути Иисуса Христа, к тем телесным и душевным испытаниям, которые он терпеливо сносил, понимая их неизбежность. В этом значении как глагол, так и существительное часто встречаются не только в Лютеровском переводе Библии (*gottliche leiden das Christus muste leiden und auferstehen von den todten*), но и в

различных текстах самого Гете. Думается, эти смыслы заложены в название его романа, ключевое слово которого представлено субстантивированным инфинитивом: *муки, которых нельзя избежать, тоска, печаль, горе, скорбь, страдания во имя праведного дела*. Но в светской жизни глагол *leiden* использовался в других значениях: *страдать от болезни, недуга, любви, несправедливости; мириться с чем-либо*. В русском литературном языке система абстрактных имен находится в стадии формирования, на которое оказывает влияние христианская традиция и, конечно же, перевод Библии, где муки Христа представлены как *страсти* (ср.: *страсти Христовы, страсти господни*). В толковом словаре В.И. Даля лексема *страсть* представлена отдельной статьей: *страсть – страсти мн., страданье, муки, маета, мученье, телесная боль, душевная скорбь, тоска; особ. в знач. подвига, сознательно принятые на себя тяготы, мученичества*. В переводческом плане интерес представляет также толкование *страсти* как душевного порыва, безотчетного влечения, необузданного, неразумного хотенья (*страсть слепая, безумная, неистовая, несчастная; Любовь и ненависть – противоположные страсти*). Лексема *страдание* в словаре Даля не представлена отдельной статьей, но она используется для толкования слова *страсть* и глагола *страдать*. Поэтому вполне обоснованным можно считать передачу семантики *Leiden* как *страсти*. Впоследствии понятие «страсть», сохраняя свой концептуальный статус в религиозном дискурсе, в светской жизни утрачивает эти коннотации и в переводной версии 1829 г. в заглавие выносится уже слово *страдания*, эксплицирующее, по Далю, *состояние и действие по глаголу страдать (самое чувство страдающего, мука, мучение)*.

Результаты представленных выше наблюдений позволяют перейти на метаметасемиотический уровень и сделать выводы относительно главного концепта романа, установлению которого, несомненно, способствует знание языкового, литературного и культурного контекста Германии конца XVIII в., а также основных фактов жизни и эстетики молодого Гете, описавшего трагическую историю юного мечтателя и страдальца, человека полного страсти, мечтательного и легко ранимого, страдавшего от неразделенной любви, который с большой симпатией воспринимался молодыми современниками Гете. Слово, включенное в заглавие, приобретает в ходе повествования концептуальную значимость, реализуемую различными лексическими единицами со статусом ключевых (*Empfindung, Qual, Abschied, Liebe, Vorfall, Traum, Seele, Erinnerung, Erschuettrung, Bewegung, Freude, Muedigkeit, Wahn, Unglueck, Wonne, Krankheit, Melancholie, Verdruss*), отличающимися контрастирующей семантикой, которая способствует расширению семантического радиуса заглавия в текстовом пространстве романа. Подчеркнем, что привлечение к анализу разновременных переводов как единого текстового пространства позволяет получить ценные сведения относительно динамических процессов в языке перевода.

Считаем правомерным дополнить единое текстовое семантическое пространство, представленное оригиналом и его разновременными переводами,

текстами переводов этого же произведения на другие языки (в первую очередь, родственные), а также версиями внутриязыкового и межсемиотического видов перевода, что, на наш взгляд, позволит расширить объект гуманитарно-филологического анализа, подняв его до ранга поликультурного семиотического пространства более высокого интерпретационно-антропологического потенциала. Подчеркнем, что объединяющим центром этого пространства, его ядерным компонентом, собственно, инвариантом в самом общем понимании, выступает текст оригинала, составляющие которого – его переводные версии-варианты – в содержательном плане связаны между собой, будучи своего рода вариациями на одну, заданную творцом тему. В этом случае можно говорить о своеобразном метатекстовом статусе данных переводов как вторичных текстовых продуктов.

Поэтому считаем правомерным использование в качестве эмпирического материала в диссертациях по теории языка любых имеющихся переводных версий оригинала как объекта исследования, центральным компонентом которого выступает текст подлинника и, соответственно, исходный язык принимается за эталонный, а его переводные версии используются как имеющиеся в распоряжении исследователя коммуникативно-прагматические его интерпретации, или его «истолковательные гипотезы», по У. Эко [Эко, 2006, с. 93]. Основную исследовательскую задачу можно определить в этом плане как изучение и интерпретация в координатах избранной парадигмы знания оценочного индивидуально-авторского мировидения, раскрытие авторского замысла, а не системное сопоставление на любом из уровней, как того требует паспорт специальности «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание». Убедительно звучат в этом контексте слова Р. Якобсона из его небольшой, но очень важной для теории перевода статьи «О лингвистических аспектах перевода»: «Наука о языке не может интерпретировать ни одного лингвистического явления без перевода его знаков в другие знаки той же системы (внутриязыковой перевод) или в знаки другой системы (межъязыковой перевод)» [Якобсон, 1978, с. 18].

Список литературы

- Барт, Р. S / Z / Р. Барт. – 2-е изд., испр. – М., 2001.
- Гиршман, М. М. Литературное произведение: Теория художественной целостности / М. М. Гиршман. – М., 2002.
- Задорнова, В. Я. Восприятие и интерпретация художественного текста / В. Я. Задорнова. – М., 1984.
- Кушнина, Л. В. Динамика переводческого пространства / Л. В. Кушнина. – Пермь, 2003.
- Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М., 1996.
- Оболенская, Ю. Л. Перевод как форма взаимодействия литератур / Ю. Л. Оболенская // Введение в литературоведение / под ред. Л. В. Чернец. – М., 2004. – С. 562–574.
- Федоров, А. В. Искусство перевода и жизнь литературы : очерки / А. В. Федоров. – Л., 1983.

Штайн, К. Э. Русская метапоэтика : учеб. слов. / К. Э. Штайн, Д. И. Петренко. – Ставрополь, 2006.

Эко, У. Сказать почти то же самое: Опыты о переводе / У. Эко. – СПб, 2006.

Якобсон, Р. О. О лингвистических аспектах перевода / Р. О. Якобсон // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 16–24.

А.А. Скорофатова

**Луганский государственный университет внутренних дел
(Луганск, Украина)**

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОСИТЕЛЬНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ: ЖАЛОБА – ЧЕЛОБИТНАЯ – ПРОШЕНИЕ – ЗАЯВЛЕНИЕ

В разные исторические эпохи жанр *просьбы* получал разные названия. Так, в период XIII–XVI веков просьбу называли «жалобой». В период конца IX – начала XIII вв. русские князья по жалобам своих подданных «вершили суд и расправу». Право жалобы было закреплено в уставных грамотах князей. Жалобы подразделялись на гражданские, то есть исходящие от рядовых граждан и на управленческие, то есть исходящие от лица или социальной группы, занимающих определенное положение в структуре управления [Бессонова, 1999].

С укреплением самодержавия (середина XVI века), где во главе государства – царь, божий помазанник, первое после Бога лицо на Руси, и если кто-то желает удовлетворения своей просьбы, он должен показать свое зависимое положение, «бить челом». Жанр просьбы остается, но передающий ее вид документа называется в эту эпоху «челобитной» [Качалкин, 2007]. Слово «чело» значит «лоб». В Древней Руси «челом», то есть лбом, бились об пол, падая перед вельможами и царями в земных поклонах. Это называлось «*кланяться большим обычаем*» и выражало крайнюю степень уважения. Неудивительно, что «*бить челом*» вскоре стало означать «обращаться к властям с просьбой, ходатайствовать». В письменных просьбах – «челобитных» – так и писали: «*А на сем тебе твой холопишко Ивашко челом бьет...*» Еще позднее слова «бьют челом» стали просто значить «приветствуют».

Можно также вспомнить слова А. Грибоедова из «Горя от ума»:

*Свежо предание, а верится с трудом.
Как тот и славился, чья чаще гнулась шея:
Как не в войне, а в мире брали лбом –
Стучали об пол, не жалея!*

Известна любопытная униженная челобитная, написанная Иваном Грозным 30 октября 1575 года: «*Государю великому князю Симеону Бекбулатовичу всея Руси Иванец Васильев со своими детишками с Иванцом и с Федорцом, челом бьют...*» Он употребляет здесь все уничижительные самоназвания и выражения, принятые в челобитных царю: «*А показал бы ты,*

государь, милость...», «Окажи милость, государь, пожалуй нас!». Употребляются все соответствующие уменьшительные слова: *«вотчинишки», «поместьишки», «хлебишко», «деньжонки», «рухлядишко»* и т. д., но главным содержанием челобитной служит *«просьба»* Иванца о разрешении ему *«перебрать людишек»* (то есть совершить массовые казни).

Роль жалоб в данный исторический период блестяще раскрыта в работе И. Дитятина [Дитятин, 1895]. В период московского государства духовенство, служилые люди, посадские, волостные и «всяких чинов» люди «били челом государю, царю и великому князю» о всяких своих тяготах, обидах и разореньях. Посадские и крестьянские старосты и выборные люди несли и везли свои «челобитья великие» в Москву самому царю или в приказы царские. «Мир» пользовался правом жаловаться на злоупотребления, и жалобы выслушивались, просьбы исполнялись, правительство злоупотреблениям не потакало.

О.Э. Бессонова, отмечает, что челобитные подавались от имени отдельных лиц, от целых сословий, общин или от всех лиц, входящих в их состав. Они подписывались или всеми челобитчиками или несколькими выборными представителями сословия или общины. Челобитная начиналась со слов: *«Царю и великому князю всяя Руси бьют челом холопи и сироты твои государевы»* и несколькими челобитчиками везлись в Москву. Прибыв в Москву, челобитчики жили где-нибудь на подворье, выжидая, «как государь куды пойдет», чтобы при этом удобном случае и вручить ему свою челобитную. Такая подача челобитных лично самому государю практиковалась до издания Уложения царя Алексея Михайловича. Ввиду этого при каждом выходе царя его сопровождали боярин и дьяк из челобитного приказа. Из челобитного приказа челобитные поступали на рассмотрение царя в боярскую думу. Решение царя пишется думными дьяками на самих челобитных, которые после этого снова возвращаются в челобитный приказ. Подъячие челобитного приказа читают царское решение или ответ на челобитье «на площади, перед царским двором, всем людям», а по прочтению отдают челобитную «именно тем людям, чья та челобитная будет». Но иногда челобитные направлялись прямо в челобитный приказ и оттуда выдавались на руки челобитчикам.

Уложение 1649 г. уже запрещает, под страхом наказания батогами и тюрьмой, лично обращаться к государю и предписывает сначала обращаться в соответствующий приказ. Подписная челобитная, то есть челобитная, возвращенная в соответствующий приказ с надписью на ней слов – «царь указал и бояре приговорили», за которыми следовало изложение самого приговора – обращалась в закон.

По экспертной оценке И. Дитятина, содержание челобитных было так же разнообразно, как и содержание тех царских указов и грамот и боярских приговоров, которые вызывались ими к жизни. Челобитные затрагивали все сферы внутреннего административного строя, все стороны общественных отношений, которые регулировались в значительной степени под влиянием

челобитных, и тех предложений и мер, которые указывались московскому правительству в этих челобитных [см.: Бессонова, 1999].

Челобитная обычно начиналась с обращения к государю. Затем шла информация о просителе, например, «Челобитная солдата Алексея Ильина Мертваго о справе за ним поместья прадеда его Ивана Осипова Мертваго в Алатырском и Галицком уездах» начинается так: *«Бьет челом лейб-гвардии Преображенскаго полку солдат Алексей Ильин сын Мертваго, а о чем мое прошение, тому следуют пункты»* [Архив Таушева, www].

Далее по пунктам раскрывалась суть просьбы, например, в том же документе:

1.

За прадедом моим Иваном Осиповым сыном Мертваго недвижимаго имения было в Алаторском уезде, в Кишском стану, в селе Мурзицах, которое досталось ему прадеду моему за деньги, за 30 рублей, по поступке и по заручной челобитной и по допросу от вдовы Авдотьи Никитинской жены Иванова сына Акулова, пашни 17 четвертей с третником, да в Галицком же уезде, в деревне Овсянниковой с жеребьями деревень, пашни 9 четвертей без третника, всего 26 четвертей в поле, а в дву потому ж, с крестьяны, а именно: крестьян в Алаторском уезде, в селе Мурзицах, Борис Карпов с сыном его Федором, крестьянские дети Давыд, Савелий Ивановы дети; в Галицком уезде, в деревне Овсянниковой, Василий Ларионов сын Серков, Сафрон, Степан Борисовы дети; и оное вышеписанное недвижимое с людьми и со крестьяны, за означенным прадедом моим в 703 году августа в 20 день, справлено и отказано, о чем подлинно значить в Государственной Вотчинной Коллегии, по дачам и отказным книгам имянно.

2.

Да в прошлом же 1716 году, ноября 22 дня, вдова Марфа Иванова дочь, Михайловская жена Никитина сына Акулова, с дочерью своею Аграфеною, продала означенному ж прадеду моему Ивану Осиповичу сыну Мертваго недвижимаго имения в Галицком уезде, в деревне Овсянниковой и со крестьяны, о чем подлинно значит в той купчей, которая купчая при челобитье моем именованнаго, в Государственной Вотчинной Коллегии сего 1754 года явлена, с которой купчей и принята в Государственной Вотчинной Коллегии точная копия.

3.

А по смерти означеннаго прадеда моего, к вышепредъявленному недвижимому имению ныне состою ко владению законный наследник я, именованный. И дабы Высочайшим Вашего Императорскаго Величества указом повелено было сие мое челобитье в Государственную Вотчинную Коллегию принять и вышепредписанное недвижимое за меня именованнаго справить, и для отказа куда надлежит послать указы.

4.

Всемилоостивейшая Государыня, прошу Вашего Императорскаго Величества о сем моем прошение учинить. Генваря – дня 1754 году.

К подаянию надлежит в Государственной Вотчинной Коллегии. Прошение писал подъяческий сын Иван Щербаков [Архив Таушева, www].

Заканчивался документ обязательной формулой «руку приложил» и личной подписью, например: *«К подлинной челобитной руку приложил солдат Алексей Ильин сын Мертваго. На подлинной помета такова: подана Генваря 25 дня 1754 года, записав, взять к повытью и выписав доложить»* [Архив Таушева, www].

С реформами Петра жанр просьбы реализуется в документе с видовым названием «прошение». Слово «челобитная» постепенно стало употребляться с ироническим подтекстом, например:

Так поклонимся Ему-медному.

Уж пора бы нам – люду бедному

Тать изгнать с Руси ненасытную.

Подадим же Петру челобитную ([Владимир Шилин](#), «Челобитная Грамота»).

Прошение сохраняется и в министерской канцелярии XIX-го века. Со времен Петра I институт жалобы существенно рационализировался. Прежде всего был издан ряд указов, запрещавших людям всех сословий обращаться с просьбами и жалобами на высочайшее имя помимо правительственных учреждений. Были разработаны подробнейшие правила для «прошений и жалоб, подаваемых в правительственные и судебные места и к тем лицам, кои по законам принимать оные должны» [Плавильщиков, 1811]. Введена специальная должность рекетмейстера, который принимал и рассматривал жалобы от челобитчиков на медленное или несправедливое решение их дел в коллегиях. В дальнейшем первой инстанцией приема жалоб являлись смешанные присутствия, второй и последней – административные департаменты правительствующего сената [Бессонова, 1999].

В этот исторический период особое распространение получили так называемые письмовники – сборники образцов документов, вышедшие непосредственно из делопроизводственной практики и содержащие стихийно сложившиеся нормы и правила, отражающие традиции делопроизводства и формулы речевой учтивости, вежливости, обходительности, необходимые для написания частных и деловых писем. Предшественниками «письмовников» были «формулярники» – описания реквизитов документа, расположенных в определенной последовательности. Ранние письмовники были своеобразными подручными сборниками, «азбуками-прописями» для писцов. Они содержали образцы построения документов по определенной схеме, шаблонные наборы фраз и выражений, являвшихся неотъемлемой частью формулярного этикета и отражавших официальные отношения. Другой вид ранних письмовников – «титულлярники», содержавшие сведения о том, как записывать полный царский титул. Сферу частных отношений и частной переписки ранние письмовники не регламентировали.

С XVIII в., с очевидным обособлением частной и общественной жизни, появляется разделение между «письмоводительством» для государственных нужд и руководствами к написанию частных писем. Письмовники первой группы – «для государственных нужд» – регламентировали состав, форму и содержание официальных документов. Таков был *Письмовник, содержащий разные письма, прошения, записки по делу, контракты, аттестаты, одобрения, расписки, пропуски и письменный вид крепостным людям, приказ старосте, форму купеческих ассигнаций, квитанции, расписки, письма посылочные и кредитные* (СПб, 1788) и изданный вслед за ним *Кабинетный и купеческий секретарь*. Одним из наиболее ранних письмовников второй группы считается *Наставление как сочинять и писать всякие письма к разным особам* (1765), составленное анонимным автором. Оно было адресовано «обышным» людям и является первым образцом русской нормативной эпистолографии. Однако самый известный из письмовников для частных лиц, выдержавший за три четверти века одиннадцать переизданий – это знаменитый сборник Н.Г. Курганова (1725–1796) – «циника по наружности, благородного человека по душе», как именовал сам себя этот русский ученый-инженер, автор нескольких научных трудов по навигационному делу. Прославили его, однако, не эти труды, а составленная им – скорее для развлечения – *Российская универсальная грамматика или всеобщее письмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку, с семью присовокуплениями разных учебных к полезнозабавных вещей* (1769).

В конце XIX в. в России появились новые пособия по письмоводству. Важнейшими среди них были *Положение о письмоводстве в военном ведомстве* (1883) и *Письмовник Крылова с подзаголовком Настольно-справочная книга. Толковый письмовник. Полное собрание всех актов, договоров, обязательств, прошений и писем на все случаи жизни с подробным наставлением как их составлять, кому и куда подавать* (1888). В этих сборниках были приведены новые образцы писем, соответствовавшие новой эпохе и новому языковому этикету. В советское время жанр «письмовников» был подвергнут осмеянию как «пережиток буржуазного прошлого» [Письмовники, www].

С формой прошения первой половины XIX в. можно ознакомиться, прочитав официальные письма, написанные Тарасом Шевченко, среди которых много прошений, например:

*«В Общество поощрения художников
от ученика Императорской Академии художеств
Тараса Шевченка*

Прощение

Будучи покровительствуемый Обществом поощрения художников в продолжение нескольких лет, и средствами которого по мере моих способностей образовался в избранном мною художестве, и получивши за

первый опыт в живописи лестное для меня одобрение, решился вторично прибегнуть с покорнейшею моею просьбою.

В пределах моей родины Южной России уцелели до сего времени многие следы вековых потрясений, испытанных некогда этим краем в непрерывной борьбе за веру и независимость с иноплеменными хищными соседями. Там в памяти народной живы еще бесчисленные поэтические предания старины, свидетельствующие о доблестных подвигах предков; там разнообразные красоты природы или особенность местных нравов и обычаев, издревле перешедших к потомкам, на каждом почти шагу останавливают внимание. Желая более сделать известными достопримечательности родины моей, богатой воспоминаниями историческими и резко отличающейся от других народным бытом настоящего времени, я предпринял издание, названное мною “Живописная Украина”, которое разделяю на три следующие части: 1-ое. Виды, примечательные по красоте или историческим воспоминаниям. – 2-ое. Народный быт настоящего времени. – 3-е. Исторические события. Издание будет выходить отдельными выпусками в количестве 12-ти эстампов ежегодно. Три эстампа, по возможности конченные, представляю на благоусмотрение Общества, и ежели удостоюсь благосклонного внимания и одобрения, то, не имея собственных средств для расходов, в таком случае неизбежных, беру смелость просить о помощи в предпринятом мною деле. И почту себя счастливым, ежели Общество благоволит мне дать возможность отпечатать первые два выпуска, состоящие из 6-ти эстампов, в количестве 600 экземпляров и соизволит принять от меня 100 или более экземпляров моего издания.

*Императорской Академии художеств
вольнопrixодящий ученик
Тарас Шевченко» [Шевченко, 2003].*

В XIX в. в сравнении с прежними «челобитными» у «прошений» отмечается больше разновидностей: *исковые, явочные* и т. д. [Качалкин, www].

В русском судопроизводстве до 1864 г. «*исковое прошение*» – прошение, «*коим истец ищет иска*», то есть по личным искам из договоров, об убытках и т. д. В новом судопроизводстве *исковое прошение* составляет форму предъявления всякого иска в окружном суде. В истории русского судопроизводства *исковое прошение* (челобитная) появляется, на смену словесного предъявления исков, в конце XVI в.; его писали в жалостливых выражениях, чтобы тронуть судью. *Исковое прошение* писалось по пунктам и к каждому пункту прикладывалась рука просителя. В *исковом прошении* обозначаются *суд*, куда оно подается, *стороны* и их адреса, *цена* иска, *просительный пункт*. Наибольшее место в *исковом прошении* отводится исторической части дела – изложению его обстоятельств со ссылкой на доказательства, а также юридическим соображениям со ссылкой на законы [Словарь Брокгауза, Ефрона, www].

«*Явочное прошение*» – письменное заявление о побеге крепостного либо пропаже чего-либо. Так, при утерянном [паспорте](#) его владелец получал копию *явочного прошения*, служившую заменой паспорту [Я, www]. *Явочные*

прошения являются интересными историческими источниками, например, А. Мансуров в «Из провинциальной жизни прошлого столетия» описывает такой случай: *«По поручению Рязанской Ученой Архивной Комиссии занимался я разбором дел прошлого столетия Рязского Нижнего Земского Суда.*

В числе бумаг не особой важности, кои могли бы быть назначены к уничтожению, оказалась масса явочных разного рода прошений, о краже лошадей, побегах крестьян, дворовых людей и проч. По делу видно, что Земский Суд никаких почти мер по этим прошениям не принимал, да вероятно не имел возможности и принимать, по их многочисленности. В числе этих явочных прошений попалось одно, заслуживающее внимания. Оно рисует картину из провинциальной жизни весьма характеристичную.

Выборный от Стрелецкой слободы г. Рязска, однодворец, Тимофей Чвиров подал в Земский Суд прошение, в котором объясняет, “что в Декабре сего 1790 года, той Стрелецкой слободы по общему мирскому всех однодворцев согласию, поиман был очередной для отдачи за всех показанной слободы однодворцев в рекруты, однодворец Димитрий Бороздин, который, находясь под караулом, обще с караульщиком, однодворцем Савелием Серебренниковым, скованные, незнаемо куда бежали”.

“И если паче чаяния, оные однодворцы явятся где либо на воровстве, или в другом каком противном закону проступке: то не причтено бы было мне и прочим, той слободы однодворцам, в виновность, а равно, буде они, убегая той отдачи, попортят у себя какой либо член, – понужденным нашелся просить”.

“Дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было мое явочное прошение в Рязском Нижнем Земском Суде принять и записать впредь для ведома”.

Прошение подписано по пунктам, написано на гербовом листе с водяными знаками орла и с клеймом в углу, также с орлом и с надписью, изъ которой видно, что бумага 1788 года, и цена ей 5 коп.

Из этого прошения явствует, что для окарауливания рекрута в глубине Рязанской провинции, в конце прошлого столетия, употреблялся прием, который практиковался в древнем Риме: и сторожа, и окарауливаемого сковывали одною цепью, и когда они решались бежать – то бежали вместе.

Было ли это одиночное явление или обыкновенное, решить конечно трудно» [Мансуров, 1895].

Перечисленные разновидности прошений образуют терминологические словосочетания, отражающие различия прошений в содержании и форме; другие определения являются «ритуальными» и терминологических сочетаний не образуют: *всепокорнейшее, покорное, покорнейшее, рабское* и др. под. Например:

*В Правление Императорской Академии художеств
Из вольноотпущенных постороннего ученика
Императорской Академии художеств
Тараса Шевченки*

покорнейшее прошение

Получив свободу от помещика своего, вот уже год посещаю рисовальные классы Императорской Академии художеств.

Не будучи приписан еще ни к какому званию, числясь только посторонним учеником Академии, прошу покорнейше Правление Императорской Академии художеств в таковом качестве выдать мне на свободное жительство в С.-Петербурге билет, какой по положению выдается для вольноприходящих учеников Академии. Июня 3 дня, 1839 года.

*К сему прошению руку приложил **Тарас Шевченко** [Шевченко, 2003].*

Употребление наименования разновидностей документов стало обязательным и строго регламентировалось. Разновидность документов определялась положением корреспондентов на иерархической лестнице. Изложение содержания документа стало полностью зависеть от его формы, а не от назначения документа, поэтому одна и та же разновидность документа имела разные варианты оформления реквизитов [Министерство, www]. Так, в деловом эпистолярии Тараса Шевченко наряду с прошениями находить рапорты:

*Его высокопревосходительству господину
киевскому военному, подольскому и волынскому
генерал-губернатору генерал-адъютанту
и кавалеру Бибикову
Свободного художника Шевченка*

Рапорт

Из числа выданных мне 28 ноября 1845 года из канцелярии вашего высокопревосходительства ста пятидесяти рублей серебром, для некоторых разысканий в Полтавской губернии, издержано мною: на прогоны тридцать один рубль тридцать шесть копеек и кормовых шестьдесят четыре рубля восемьдесят копеек серебром, оставшиеся за сим пятьдесят три рубля восемьдесят четыре копеек серебром и расходную тетрадь вашему высокопревосходительству при сем имею честь представить.

Свободный художник Т. Шевченко

20 сентября 1846 года

Киев [Шевченко, 2003].

После Октябрьской революции 1917 года внутренняя форма слова прошение вызвала ассоциации с униженной просьбой, и поэтому с 1918 года жанр просьбы стал называться «заявлением». В 1919 г. Народным Комиссариатом Государственного контроля (НКГК) было учреждено Центральное бюро жалоб и заявлений, а затем его местные отделения. Были установлены порядок подачи жалоб, сроки их рассмотрения, форма жалобы, основания для обжалования и т. д.

Список литературы

1. Архив Павла Сергеевича Таушева. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.simbir-archeo.narod.ru/Russian/17vek/arshiv/52shelobitnye.htm>.

2. [Бессонова, О. Э. Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России / О. Э. Бессонова. – Новосибирск : ИЭиОПП СО РАН, 1999.](#)
3. Дитятин, И. Роль челобитий и земских соборов в управлении московского государства / И. Дитятин // Ст. по истории рус. права. – Спб, 1895.
4. Качалкин, А. Н. Названия документов в 19 веке / А. Н. Качалкин. – Электрон.дан. – Режим доступа: [http://vedi.aesc.msu.ru/russian/articles.php?id=6&auth=306a584ca02d1404ce97964414261870.](http://vedi.aesc.msu.ru/russian/articles.php?id=6&auth=306a584ca02d1404ce97964414261870)
5. Качалкин, А. Н. Прошлое, настоящее и будущее языка русского документа / А. Н. Качалкин // К 80-летию Ю.В. Рождественского : сб. ст. / под ред. А. А. Волкова, А. Ю. Овчинникова, О. Э. Хазановой. – М., 2007.
6. Мансуров, А. Из провинциальной жизни прошлого столетия / А. Мансуров // Русский архив, 1895. – Кн. 3, Вып. 11. – С. 319–323.
7. Министерское делопроизводство XIX века. – Электрон. дан. – Режим доступа: [http://www.government.nnov.ru/?id=34913&template=print.](http://www.government.nnov.ru/?id=34913&template=print)
8. Письмовники. – Электрон. дан. – Режим доступа: [http://www.medialingua.ru.](http://www.medialingua.ru)
9. Плавильщиков, А. Рассуждение о прошениях и жалобах, подаваемые в правительственные и судебные места и к тем лицам, кои по законам принимать оные должны / А. Плавильщиков. – Спб, 1811.
10. Шевченко, Т. Зібрання творів. У 6 т. Т. 6 / Т. Шевченко. – К., 2003. – С. 225–235.
11. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – Петербург, 1890–1907. – Электрон. дан. – Режим доступа: [http://dic.academic.ru/contents.nsf/brokgauz_efron/.](http://dic.academic.ru/contents.nsf/brokgauz_efron/)
12. Я. – Электрон. дан. – Режим доступа: [http://speakrus.ru/starina/27.htm.](http://speakrus.ru/starina/27.htm)

В.Б. Смирнов

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕДИАПОЭТИКИ. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Современная глобализация информационного пространства и коммуникативных технологий порождает растерянность теоретиков журналистики перед возможностью постижения поистине безграничного множества явлений, объединяемых понятием «средства массовой информации». Гносеологическая, социологическая, антропологическая и лингвокультурологическая многосоставность этого феномена, требующего комплексной методологии исследования, все чаще в последнее время вызывают заявления о кризисе журналистской науки и необходимости пересмотра ее науковедческого терминария.

Журналистика, смело интегрирующая достижения смежных наук и научных дисциплин, одновременно вступила в эпоху такой узкопрофильной дифференциации, что зачастую исследователи единого объекта не понимают специфического (чаще всего – «заморского») языка коллеги-«предметника». Само понятие «журналистика» стало настолько полисемантическим, что все значения этого слова не перечислить и на одной странице. Не случайно некоторые теоретики массмедиа заговорили о «нормативизации»

журналистской науки. Речь идет, в первую очередь, о недавней статье С.Г. Корконосенко «Нормативные теории и нормативность в теории журналистики», автор которой поднимает вопрос о «границах между нормой, подлинным новаторством и его имитацией» [Корконосенко, 2009, с. 3]. Ссылаясь на озабоченность зарубежных коммуникологов, в частности президента Европейской ассоциации коммуникационных исследований и образования (ECREA) Франсуа Хейндерикса, тем, что журналистская наука, пополняемая учеными-«смежниками» (именуемыми им «мигрантами коммуникации» в отличие от «родившихся в коммуникации», то есть имеющих специальное образование), засоряется неадекватной ей терминологией и утрачивает методологическую четкость, С.Г. Корконосенко ратует – при всем плюрализме мнений – за определенную теоретическую упорядоченность (нормативность) научного знания, базирующуюся на классической (национальной и мировой) теории, корректно сочетающей традиции и новаторство. «Если мы, – цитирует петербургский ученый зарубежного коллегу, – действительно считаем, что исследование коммуникации – дисциплина развивающаяся и приближающаяся к зрелости, то сообщество (имеется в виду Европейское – В. С.) должно объединить силы, чтобы завоевать признание академического мира... Для этого требуется, чтобы мы договорились о ясно определенном, строгом и своеобразном наборе эпистемологических стандартов и развитием методологическом инструментарии» [Корконосенко, 2009, с. 4].

Аналогичное мнение высказывает и белгородский исследователь медиакритической проблематики А.П. Короченский, настаивающий на необходимости выработки отечественной методологии изучения средств массовой информации и отвечающего ей понятийного аппарата, который бы не компилировал апологетически зарубежную терминологию [Короченский, 2008, с. 17]. В самом факте современного сосуществования нетривиального исследования массово-коммуникативных явлений нет ничего удивительного и противоестественного. Более того, он свидетельствует об активном методологическом поиске журналистской науки.

Журналистика – сложная многофункциональная информационная и социокультурная система, которая может рассматриваться в самых разнообразных общественных, культурных и научных контекстах: в историческом и современном гносеологическом пространстве, в пространстве антропологических сущностей, в пространстве прошлой и современной культуры, в пространстве разных цивилизаций и государственных систем; в экономическом, технологическом, индустриальном и прочих видах пространств, более или менее локализованных. Даже в контексте разработанной ныне Концепции национальной безопасности. И принципы изучения журналистики определяются не только ее природным предназначением, но и парадигмой, в которую она включается тем или иным исследователем. Это во-первых.

Во-вторых, преодоление догматической философии «столпничества», под которым я разумею «единственно верную» методологию марксизма-ленинизма, распространявшую, к примеру, ленинскую периодизацию рабочей печати на всю теорию и историю российской культуры и прессы, неизбежно должно было перерасти – даже из чисто протестных настроений! – в демонстрацию силы долго сдерживаемого духа, что и вызвало к жизни методологическую сумятицу, чрезмерное увлечение зарубежными концепциями (не советское – значит отличное!) и нигилистическое забвение отечественного исследовательского опыта. Истинно по-русски: «раззудись плечо, размахнись рука!»

В-третьих, методологическому плюрализму в гуманитарном знании способствовало усилившееся в последней трети прошлого века стремление к комплексному изучению сложных социокультурных систем, которое существенно расширило парадигмальный горизонт журналистской науки и вывело ее из состояния самоуспокоенности. Однако сопутствующие этому процессу общеизвестные внешнеполитические и внутривнутриполитические явления привели к смене идеологических вех и духовных ориентиров, вызвав разброд и шатания в среде научной общественности, которая не без основания заговорила об утрате национальной идентичности, космополитизации теоретических концепций, эклектичности методологического и терминологического аппарата.

Для наведения порядка в сфере терминологии, используемой «родившимися в коммуникации» и «мигрантами коммуникации» (последних, на мой взгляд, ныне больше), во имя создания общепонятного языка для национального коммуникативного сообщества, мне кажется, в первую очередь необходимо найти емкое, удобоваримое (пусть даже «кентаврическое», двуязыкое) определение для самой журналистской науки, которое бы отграничивало ее терминологически от всеобъемлющего понятия «журналистика», тождественного объекту научного исследования.

Под этим названием наука о средствах массовой информации, включающая весь «набор» науковедческих дисциплин, свойственных практически всем отраслям знания (теория, история, методология), в том числе систему подготовки отраслевых специалистов (медиаобразование), фигурирует в Государственном рубрикаторе научно-технической информации и Списке специальностей Высшей аттестационной комиссии РФ. Некоторые исследователи, которых не удовлетворяет тождественность названия объекта изучения и науки о нем (В.И. Чередниченко. А.В. Федоров и др.), предпочитают пользоваться термином «журналистиковедение». Громоздко, труднопроизносимо и не технологично для использования в печатном тексте.

Чаще всего таким терминологическим поиском занимаются «мигранты журналистики», которых я называю «смежниками». В комплексном изучении средств массовой информации они стремятся равноправно представить интересы и профильной научной дисциплины, и смежной с ней области знания. Так называемый «бифокальный взгляд» характерен, в частности, для работ саратовского профессора В.В. Прозорова в работах «Власть современной

журналистики, или СМИ наяву» (2004) и «Власть и свобода журналистики» (2005), о которых мне уже приходилось высказываться [Смирнов, 2006]. Поскольку В.В.Прозоров «мигрировал» в журналистскую науку из литературной, то его концепция структурной организации средств массовой информации и коммуникации имеет по преимуществу литературоцентристский, а по сути – антропологический характер. Практическое преимущество «бифокального взгляда на властную энергию СМИ-продукта» ученый видит в том, что он (взгляд – В. С.) «позволяет сосредоточиться на таких слабо пока отрефлексированных областях медианауки, как журналистская критика и журналистская поэтика» [Прозоров, 2004, с. 8]. Сразу оговорюсь, чтобы в дальнейшем не возвращаться к полемике по поводу вводимых автором понятий (которые так и не получили в книгах четкого определения), что, на мой взгляд, точнее пользоваться терминами *медиакритика* (он, кстати, обстоятельно «отрефлексирован» в работах А.П. Короченского) и *медиапоэтика*. Они, во всяком случае, не дают простора для вольного, двусмысленного толкования их. Ведь журналистская критика – в отличие от уже закрепившегося в научном обиходе понятия *медиакритика*, которая сосредоточена на интерпретации и оценке медиапродукта, – может трактоваться и как критическое отношение журналиста к явлениям и фактам действительности. В равной мере и журналистская поэтика – в отличие от *медиапоэтики* как системы средств, используемых тем или иным информационным каналом, – может восприниматься в разных смыслах, более всего тяготея к индивидуальному мастерству журналиста.

Коротко, чтобы не повторяться, разъясню смысл антропологической концепции ученого. Опираясь на теорию австрийского лингвиста и психолога Карла Бюлера о тройственной функции человеческого языка (репрезентация, экспрессия, апелляция), каждая из которых отражает различные степени саморазвития личности, то есть этапы возрастной психологии, В.В.Прозоров приходит к выводу, что по мере углубления «личностного душевного пространства бытия каждого человека (с момента его явления на свет) обнаруживается возможность говорить об *эпической, лирической и драматической составляющих освоения этого пространства*» (курсив мой – В. С.) [Прозоров, 2004, с. 147]. Эта гипотеза, дополненная мыслью о том, что журналистское творчество представляет собою комплексную деятельность, в которой сочетаются познавательная, ценностно-осмысляющая и художественная функции, неизбежно должна была привести В.В.Прозорова к наложению на средства массовой информации той литературно-родовой «сетки», которая существует с аристотелевских времен. Антропологизм прозоровской концепции и породил ее литературоцентричность. «Три литературных рода, – считает ученый, – это нечто большее, чем только системные «различители» обширного поля поэтических текстов. Три литературных рода – это, скорее всего, поистине универсальная триада, объясняющая и особенности огромного литературно-текстового рельефа, и

основные, ведущие речевые функции, и природу возрастной, постепенно «возрастающей» и усложняющейся психологии» [Прозоров, 2004, с. 151].

В.В. Прозоров считает возможным говорить о трех антропологических доминантах, которые «в сложной совокупности своей способствуют конструированию, формированию и развитию человеческих субъектно-объектных связей и отношений в нашем мире» [Прозоров, 2004, с. 151]. Это, конечно же, эпическая, лирическая и драматическая доминанты, в характеристике которых есть что-то и от Аристотеля, и от Гегеля, и от современной коммуникативистики. Но главное состоит в том, что интерпретация содержательной структуры этих доминант позволяет исследователю проецировать их на «соприродные человеческой психике эпические, лирические и драматические каналы информации» и «способствует образованию трех властно воздействующих на человека основных разновидностей массовой коммуникации» [Прозоров, 2004, с. 153]. Как вы уже догадались, печать, аудио и видеовещание. Они-то и должны стать объектами изучения *смикологии*: таково новое определение журналистской науки, которое дает ей автор монографии «Власть современной журналистики, или СМИ наяву».

Для меня это определение неприемлемо потому, что беспредельно расширяет объект изучения журналистской науки за счет включения в него предметной сферы, подведомственной коммуникативистике: от природных и искусственных языков до весьма выразительного «жезлового» языка «гаишника». Приветствуя междисциплинарные взаимодействия, я категорически против научного экспансионизма. Как, в равной мере, и против терминологического симбиоза, который свойствен монографии В.В. Прозорова. И считаю, что наиболее удачным определением для науки, изучающей средства массовой информации, могло бы стать «*медиаведение*»: компактное и смылосодержательное, не выбивающееся из сложившегося семантического поля медийной фразеологии, не посягающее на территорию коммуникативистики. *Медиаведение* отнюдь не исключает из исследовательского терминария понятий «*газетоведение*» и «*журналоведение*» как более узких научных дисциплин, изучающих крупные специфические – при всей родовой близости – сферы медийного производства. Требуется включения в число медиаведческих дисциплин, наряду с теорией журналистики, историей журналистики, медиакритикой и т. п., и *медиапоэтики*, которая находится в эмбриональной стадии развития.

Никто, видимо, не будет спорить о том, что и поэтика литературы, и поэтика журналистики (медиапоэтика) имеют дело с текстовой реальностью, исследуя преимущественно ее внутреннюю эстетическую упорядоченность. Однако в основе ценностных ориентиров медиапоэтики и поэтики литературы лежат несовместимые критерии эстетической полноценности медийного и литературно-художественного продукта. В поэтологическом аспекте литературоведение оценивает художественный текст (произведение) с точки зрения органичности его формосодержательного единства, опираясь на анализ внутренних связей и

соотношения различных уровней художественного целого. Для литературоведа задача первостепенной важности – выявить индивидуальное начало в тексте, объяснить неповторимость его архитектоники. Журналистское произведение – газетный или журнальный номер, еженедельник – плод коллективного творчества, зачастую даже анонимного, поэтому индивидуальное начало отступает на задний план и становится предметом рассмотрения чаще всего, когда заходит речь о журналистском мастерстве. Объектом медиаведения является вся совокупность печатных и электронных средств массовой информации, рассчитанной не на узкопрофессиональную аудиторию, а именно на массового потребителя (не в количественном отношении, а в социальном – как представителя массы), стремящегося к удовлетворению актуального общественного интереса.

Главная цель медиапоэтики – выявление индивидуального своеобразия отдельных источников с точки зрения адекватности их формы и содержания функциям массовой информации. Целевые установки поэтики литературы и медиапоэтики в общем методологически сходны. Их усилия направлены на имманентный анализ литературных и медийных текстов в культурологическом понимании этого слова с целью повышения качественного уровня, с одной стороны, и обогащения теоретического потенциала своих наук – с другой, которое в конечном счете должно позитивно отразиться на практической творческой деятельности. Так что медиапоэтика имеет одновременно и теоретический, и прикладной характер. Но критерии полноценности литературного и медийного продуктов несколько иные.

Литературное произведение самодостаточно по своей художественной сути и не претендует на удовлетворение прагматических потребностей общества. Оно, в отличие от медийной продукции, не нуждается в проверке социальной практикой. С другой стороны, чем больше журналистское произведение отвечает ее потребностям, тем эффективнее оно выполняет свои функции. Для литературного текста «тестом на прочность» является комплекс эстетических качеств, определяющих художественность. Для медийного текста – *информационная насыщенность*, уровень которой определяется обязательным соблюдением трех важнейших качеств информативности: *релевантность*, *декодируемость*, *небанальность*. По мнению известного теоретика журналистики Е.П. Прохорова, «несоблюдение хотя бы одного из названных требований (даже при высокой степени реализации двух других) лишает текст возможности быть информативным» [Прохоров, 2000, с. 37]. Разумеется, речь идет не о какой-либо информационной заметке, а о совокупности периодически повторяющихся микротекстов, образующих гипертекст (молекулу) медийного источника.

В свою очередь, триада требований, без выполнения которых журналистский текст как плод индивидуального творчества (будем предполагать, что он обошелся без редакторского вмешательства) и как совокупный труд коллективного творчества (медийный источник), не может претендовать на высококачественность, обуславливает соблюдение обширной системы

нормативных правил, которые определяют исследовательскую проблематику медиапоэтики. Ее задача – уловить в конгломерате качеств эстетическое содержание и в многовариативной сочетаемости этих элементов поэтические конструкции, максимально способствующие реализации в журналистском продукте его функциональности. Чем выше информационный потенциал и уровень информационной насыщенности, чем богаче арсенал выразительных и изобразительных средств журналистики, тем качественнее ее продукт.

В этом, в сущности, и заключается искусство журналистики, методику расщепления которого на формосодержательные единицы во имя воссоздания гармонического целого, зачастую не уступающего по своему эмоциональному воздействию художественной литературе, еще предстоит разработать.

Список литературы

1. Корконосенко, С. Г. Нормативные теории и нормативность в теории журналистики / С. Г. Корконосенко // Современные проблемы журналистской науки. – Воронеж, 2009.
2. Короченский, А. П. Актуальные вопросы развития журналистской науки в постсоветском пространстве / А. П. Короченский // Журналистика и медиаобразование. – Белгород, 2008. – Т. 1.
3. Прозоров, В. В. Власть современной журналистики, или СМИ наяву / В. В. Прозоров. – Саратов, 2004.
4. Прозоров, В. В. Власть и свобода журналистики / В. В. Прозоров. – М., 2005.
5. Прохоров, Е. П. Введение в теорию журналистики / Е. П. Прохоров. – М., 2000.
6. Смирнов, В. Б. Власть и свобода СМИ / В. Б. Смирнов // Вестн. ВолГУ. Сер. «Литературоведение и журналистика». – Волгоград, 2006. – Вып. 5. – С. 155–158.
7. Смирнов, В. Б. Антропологическая концепция смикологии / В. Б. Смирнов // Акценты. Новое в массовой коммуникации. – Воронеж, 2006. – № 1–2. – С. 7–9.

А.И. Смирнова

Московский городской педагогический университет (Москва, Россия)

АНТРОПОЦЕНТРИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ В РОМАНАХ АНАТОЛИЯ КИМА

По словам Мераба Мамардашвили, «человечество есть нечто такое, что пытается стать человечеством. И, пока оно не стало таковым, ни один не является человеком» [Мамардашвили, 2002, с. 37]. Эта мысль художественно реализуется в русской прозе конца XX века, определяя концепцию человека в ней. Она близка современному прозаику Анатолию Киму: человек и человечество, я и «Мы», человек эволюционирующий, – вот те вопросы, над которыми размышляет писатель. Философией человека занимается, как известно, философская антропология, которая «как понятие отражает высокий уровень философской рефлексии о человеке и возникает лишь на определенном этапе развития мировой философской мысли» [Гуревич, 1995, с. 101]. Определяя основные метафизические направления в истории философии, П.С. Гуревич называет наряду с другими и антропоцентризм, что означает «помещение человека в центр философского умозрения» [Гуревич, 1995, с. 96].

Н.В. Омельченко в монографии «Опыт философской антропологии» специфику философско-антропологического анализа видит в исследовании сущности человека, в «верификации исходных постулатов, первых принципов различных антропологических дисциплин» [Омельченко, 2005, с. 84], в изучении «всеобщего в человеке», «всеобщего в отношениях человека с универсумом» [Омельченко, 2005, с. 84].

В познании человека художественная литература своими средствами стремится решать задачи, сходные с теми, что ставят перед собой философы. Антропоцентристская концепция А. Кима нашла развернутое воплощение в романах «Белка», «Отец-Лес», «Сбор грибов под музыку Баха», «Близнец», «Остров Ионы». «Кризис человечества (и отдельного человека) в том, – по словам Кима, – что оно хочет отделиться от вселенской системы. И именно с того времени, как люди стали сознательно стремиться к обособленному существованию, началась их трагедия, которая для них кончается гибелью» [Диалог, 1990, с. 106]. Осознанием этого кризиса и обусловлено развитие антропоцентристской концепции в творчестве писателя, выдвижение им человека в качестве точки отсчета для определения всех объектов и явлений внешнего мира, в качестве «меры всех вещей».

В романе-сказке «Белка» (1984) автор задается вопросом «что такое человек». Над ним размышляет один из главных героев Митя Акутин, предполагая худшее: не является ли человек ошибочным творением природы, «существом изначально двусмысленным и глубоко падшим в глазах каких-то неведомых высших судей» [Ким, 1988, с. 571]? Двуединство человеческой природы обусловлено соотношением в ней сил добра и зла. Торжество добра и спасение человека видится автору в преодолении «звериного начала», в стремлении стать «подлинными людьми» («через пронзительную телесную боль и плотскую маету» должна «водвориться» духовность). Смысл эволюционного развития человечества заключатся, по Киму, в «победе» подлинных ценностей бытия: «величия духа» над «низменной радостью плоти». В «Белке» изображаются люди и звери, зачастую граница между ними условна: человек проявляет себя как зверь, зверь – как человек, что объясняется двойственностью самой человеческой природы. Именно им обусловлено то оборотничество, которому подвержено большинство героев романа. Отличие же подлинных людей от оборотней проявляется в том, что они ведут себя словно бессмертные. Антропоцентристская концепция автора основывается на идее эволюции человека и «подкрепляется» философией бессмертия. Оно даруется только подлинным людям и «непременным условием для того, чтобы смерть перешла в бессмертие, является необходимость каждому сотворить свою жизнь *по-человечески...*» [Ким, 1988, с. 716].

В ранних произведениях Кима начинают формироваться эволюционная концепция человека и философия бессмертия. Герой повести «Собиратели трав», обращаясь к До Хок-ро, говорит: «Вы, добрые люди, бессмертны» [Ким, 1988,

с. 438]. Жизненный путь Лохова в повести «Лотос» представляет собой мучительный процесс духовного преображения, которое невозможно без осмысления своего места и назначения в мире. Истина, обретенная им, заключается в том, что нужно верить в бессмертие, и высшая радость после смерти та же, что составляет смысл существования, – чувство единства мира, приходящее с любовью. В романе «Белка» идея бессмертия связывается с пониманием творчества как высшей духовной ценности и как путь самосовершенствования человека. В нем реализуется ноосферное видение автора, связанное с концепцией человека «незавершенного», «создающегося», стремящегося к идеалу, то есть обретению подлинной человечности («человек как носитель божественного духа»), когда каждый, по словам Мити Акутина, «станет как Вечный Живописец» [Ким, 1988, с. 654], станет Творцом. В этих словах в метафорической форме выражается концепция ноосферы, так как в учении В.И. Вернадского о ноосфере есть понятие о человеке разумном, творце – «*Nomo sariens faber*». Образование ноосферы из биосферы требует, по словам ученого, «проявления человечества как единого целого» [Вернадский, 1989, с. 168]. В.И. Вернадский обращает внимание на то, что ноосфера вбирает в себя человеческую культуру и человеческую мысль [Вернадский, 1991, с. 68]. В русле учения о ноосфере В.И. Вернадского эволюция человечества понимается автором «Белки» как творческое восприятие мира, как самосовершенствование, как ощущение себя частью целого, другого как себя. Человек-творец, по Киму, способствует накоплению энергетики расширяющейся ноосферы. «Эта новая форма биогеохимической энергии, которую можно назвать *энергией человеческой культуры*, – подчеркивает Вернадский, – или культурной биогеохимической энергией, является той формой биогеохимической энергии, которая создает в настоящее время ноосферу» [Вернадский, 1991, с. 126].

В романе-притче «Отец-Лес» (1989) речь идет об угрозе самоистребления человечества, «о страсти к самоуничтожению» (А. Ким). Катастрофичность бытия на исходе XX столетия ощущается многими писателями. Ким выдвигает антропоцентристскую версию – человек как первопричина мировой катастрофы. В центре внимания автора человек, сам являющийся непознанной вселенной. Если в «Белке» смысл эволюции видится в самосовершенствовании человека и утверждении творческого отношения к жизни, то в романе «Отец-Лес» художественно обосновывается мысль о том, что «в своем мире человеки гораздо ближе к сатане, чем к Богу» [Ким, 1989, № 5, с. 62]. Один из главных героев романа натурфилософ Николай Тураев пытается понять, «в чем высшее предназначение его единичной жизни». Его брат Андрей ищет ответ на вопрос: «...зачем мы с тобой прожили со столь непостижимой неловкостью свои жизни?» [Ким, 1989, № 6, с. 127]. «Зачем же путь человеческий?» – вопрошает Отец-Лес. В итоге своего жизненного пути Николай Тураев приходит к обретению «безбрежной свободы». «Это был миг разрыва последней связи с тем миром людей, который ему больше был не нужен» [Ким, 1989, № 5, с. 52]. И обретению нового имени – «Никто». В этом проявляется осознанный выбор

Николая, хорошо знающего древнекитайскую философию и последовавшего примеру мудреца Лао-Цзы («навсегда уйти в неизвестность» [Ким, 1989, № 5, с. 81]), который писал в «Трактате о пути и потенции»: «Постоянство пути – в отсутствии имени» [Антология даосской философии, 1994, с. 40].

Своего рода комментарием к роману могут служить слова А. Кима об «отлучении человека от Бога, бога-вселенной, от высших космических законов», ставшем «формой всеобщей человеческой несвободы» [Ким, 1990, с. 106]. В «Отце-Лесе» концепция человека связана с решением таких проблем, как добро и зло, божеское и сатанинское, жизнь и смерть. Смысл антропоцентристской концепции романа заключается в том, что спасение человека возможно при условии его духовного преображения – через доброту («невозможно жить в добре без Бога»), любовь, свободу, связь с другими людьми («Я-одинокость» противопоставляется «Философия Леса»), ощущение себя частью Универсума.

В «Белке» идея эволюции человечества, осмысливаемая А. Кимом в русле философских воззрений П. Тейяра де Шардена («Феномен человека»), В.И. Вернадского, позволяла увидеть человека венцом творения. В романе-притче «Отец-Лес» автор говорит «о таких качествах человека, с которыми человеческий мир во вселенной не имеет права, не имеет возможности продолжаться в будущем» [Ким, 1990, с. 53]. Антропоцентристская концепция Кима получает дальнейшее развитие в «метаромане» (авторское определение жанра) «Остров Ионы» (2002), в котором речь идет о поиске героями ответов на вопросы, связанные с предназначением человека, смыслом творчества, счастьем; в «романе-мистории» «Сбор грибов под музыку Баха» (2002) и романе «Близнец» (2002), посвященных проблеме бессмертия человека. Реализации антропоцентристской концепции в романном творчестве А. Кима способствует «синтетизм» художественного мышления автора, определивший и структурные особенности его романов: чередование, переплетение множества «голосов», сюжетно-композиционное и пространственно-временное решения, жанровые модификации.

На «масштаб рассмотрения человека» (А. Ким) в них повлияла и философия, которая, по словам А. Кима, начиналась для него с Запада, «буддизм, даосизм, конфуцианство пришли потом» [Ким, Шкловский, 1990, с.56]. Так, писатель упоминает Платона, Спинозу, Шопенгауэра, Гегеля, называет Тейяра де Шардена и Вернадского, а также создателя философии «общего дела» Н.Ф. Федорова.

Список литературы

1. Антология даосской философии. – М., 1994.
2. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – М., 1989.
3. Вернадский, В. И. Научная мысль как планетное явление / В. И. Вернадский. – М., 1991.
4. Гуревич, П. С. Философская антропология: опыт систематики / П. С. Гуревич // Вопросы философии. – 1995. – № 8.
5. Ким, А. Избранное / А. Ким. – М., 1988.
6. Ким, А. Отец-Лес / А. Ким // Новый мир. – 1989. – № 4–6.

7. Ким, А. поисках гармонии / А. Ким, Е. Шкловский // Литературное обозрение. – 1990. – № 6.
8. Мамардашвили, М. Философские чтения / М. Мамардашвили. – СПб., 2002.
9. Омельченко, Н. В. Опыт философской антропологии / Н. В. Омельченко. – Волгоград, 2005.
10. Путешествие души. Беседа с писателем А. Кимом // Диалог. – 1990. – № 3.

Т.Ю. Тамерьян

**Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
(Владикавказ, Россия)**

ПРОБЛЕМА ЛАКУНАРНОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В процессе межкультурной коммуникации, осуществляющейся в условиях взаимодействия языков и культур, обнаруживаются различного рода несовпадения в системах контактирующих языков. Эти расхождения становятся причиной непонимания между коммуникантами: «Контактируя с чужой культурой (инокультурным текстом), реципиент видит ее через призму своей локальной культуры, чем в основном и предопределяется непонимание специфических феноменов незнакомой культуры» [Антипов, 1989, с. 84].

Г.Д. Гачев называет такие национально-специфические элементы, препятствующие общению представителей разных культур, «заусеницами», которые «задираются» в процессе межкультурной коммуникации [Гачев, 1967, с. 82].

В современной лингвистике термин «лакуна» трактуется неоднозначно. Среди разнородных толкований этого термина выделяются два основных подхода – лакуны в узком смысле, то есть отсутствие какой-либо единицы языкового уровня в одном из сопоставляемых языков, и лакуны в широком смысле, то есть существующие не только на эксплицитном (языковом), но и на имплицитном уровнях.

Под лакураностью понимается несоответствие между сопоставляемыми языками и культурами, следствием которого является отсутствие в одном из сопоставляемых языков / культур явления, свойственного другому языку / культуре, затрудняющего понимание между коммуникантами – представителями различных лингвокультурных сообществ.

Общеизвестно, что существование лакун вызвано различиями в «базовых элементах национальной специфики лингвокультурной общности» [Антипов, 1989, с. 120] или когнитивных базах (Г.Д. Гудков). Однако такого рода несовпадения могут быть полные или частичные. Поэтому целесообразно различать абсолютные лакуны – элементы языка и культуры, существующие в одной лингвокультурной традиции, имеющие конвенционально закрепленные выражения, и полностью отсутствующие в другой. Относительными лакунами

принято считать случаи, когда схожие явления находят в сопоставляемых культурах разное осмысление и истолкование и, как следствие, по-разному выражаются в соответствующих языках.

Лакуны принято подразделять на лингвистические и экстралингвистические, или культурологические. Промежуточное положение занимают лингвокультурологические лакуны. Лакуны, выявляемые при сопоставлении языков или внутриязыковых сравнений, называются языковыми, или лингвистическими. Разноуровневые расхождения между реальными или потенциальными единицами сопоставимых языков называются межъязыковыми лакунами, а внутри одного языка – внутриязыковыми лакунами. Культурологические лакуны фиксируют несовпадения в культурных проявлениях, которые, как правило, проявляются в процессе межкультурной коммуникации. Лингвокультурологические лакуны выявляются при сопоставлении ядерных репрезентаций этнокультурных проявлений.

Лакуны культурного фонда, являясь разновидностью когнитивных лакун, охватывают довольно широкую и разнородную область знания. До сих пор нет устоявшегося мнения относительно состава лакун культурного фонда. А лакуны фоновых знаний частично связывают только с этнокультурной лексикой и национальным ономастиком. Считается, что лакунарность культурного фонда, обусловленная своеобразием историко-культурного развития определенной лингвокультурной общности, покрывает знание / незнание исторического, социокультурного, литературного наследия народа.

Лакунарность культурного фонда предполагает или полное отсутствие комплекса знаний, представлений и ассоциаций, связанных с инокультурным текстом (в широком смысле, по Ю.Н. Караулову), или же широкий спектр расхождений, являющихся результатом формирования национально детерминированного минимизированного представления о каком-либо инокультурном феномене. Тогда абсолютной лакуной культурного фонда признается полное отсутствие в когнитивном пространстве носителей одного из сопоставляемых языков / культур знаний о каком-либо инокультурном явлении, а относительной лакуной – национальный инвариант такого представления.

Концепты как ключевые единицы когнитивной базы могут считаться абсолютно или относительно лакунизированными. Абсолютными концептуальными лакунами могут называться только национально-специфические концепты, полностью отсутствующие в инокультурной концептосфере: «Выступая в качестве базовых, опорных элементов языка, концепты объединяют представителей одной лингвокультуры, обеспечивая основу взаимопонимания между ними через «сгустки смысла», в которых воплощается дух народа» [Леонтович, 2002, с. 133–134].

В процессе межкультурной коммуникации носители лингвокультур лакунизированы по отношению друг к другу. Лакуны различных уровней не существуют изолированно, они составляют горизонтальную структуру,

формируя многомерное образование, связывающее различные виды лакун в реальной коммуникации. Поэтому основной причиной неудачи в кросскультурной коммуникации является несоответствие ключевых элементов когнитивных баз представителей лингвокультурных сообществ, то есть когнитивная лакунарность, вбирающая в себя все рассмотренные выше явления, поскольку центральной в когнитивном подходе к языку является категория знания, а «язык служит основным средством «фиксации», хранения, переработки и передачи знания, выступает в качестве своеобразной системы различных «упаковок» знания. Таким образом, на первый план выдвигается вопрос о видах знания и способах их языкового представления» [Белявская, 1994, с. 89].

К относительным концептуальным лакунам следует причислить универсальные и заимствованные концепты [Леонтович, 2002; Карасик, 2004], характеризующиеся национально-культурными особенностями объективации. В связи с этим некорректно говорить об эквивалентности или частичной эквивалентности концептов разных культур [Багринцева, 2001, с. 15–16].

И.А. Стернин отмечает, что существуют концепты, не выраженные отдельными лексическими единицами, но представляющие собой когнитивные категории. Это утверждение позволяет выделить номинированные концепты и неноминированные концепты. Вместе с тем наличие невербализированных концептов свидетельствует не об их отсутствии в национальном сознании носителей языка, а, скорее, о коммуникативной нерелевантности [Стернин, 2003, с. 30]. Автор обосновывает существование мотивированных лакун (вызванных отсутствием предмета или явления) и немотивированных лакун, связанных с отсутствием предмета или явления. Таким образом, «национальная специфика мышления производна не от языка, а от реальной действительности, язык же только отражает в своей семантике и называет те различия, которые оказываются коммуникативно релевантными для народа в силу тех или иных причин, ... лексическая лакунарность не влияет на формирование национальной специфики мышления» [там же].

И, наконец, под рутинными лакунами понимается несовпадение фреймов, сценариев и ситуаций, связанных с универсальными или импортированными концептами.

Таким образом, несовпадения содержания элементов когнитивных баз – когнитивных структур и моделей – у представителей разных культур приводит к непониманию между ними, а элиминирование лакун – это попытка «перекодировать» чужие модели своими и / или, наоборот, средствами контактирующих языков.

Список литературы

1. Текст как явление культуры / Г. А. Антипов, О. А. Донских, И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин. – М. : Наука, 1989. – 167 с.
2. Багринцева, Н. В. Культурно-детерминированные факторы в теории и практике перевода : автореф. ...дис. канд. филол. наук / Н. В. Багринцева. – М., 2001. – 24 с.

3. Белявская, Е. Г. Когнитивные основания изучения семантики слова / Е. Г. Белявская // Структуры представления знаний в языке. – М., 1994.
4. Гачев, Г. Д. О национальных картинах мира / Г. Д. Гачев // Народы Азии и Африки. – М., 1967. – № 1. – С. 77–92.
5. Карасик, В. И. Языковой круг / В. И. Карасик. – М., 2004. – 390 с.
6. Леонтович, Л. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения / Л. А. Леонтович. – Волгоград : Перемена, 2002. – 434 с.
7. Стернин, И. А. Принадлежит ли язык к явлениям культуры / И. А. Стернин // Русский язык в контексте культуры. – Екатеринбург : УГУ, 1999.
8. Стернин, И. А. Концепты и лакуны / И. А. Стернин // Перевод и межкультурная коммуникация : материалы науч. конф. «Лингвист. основы межкультурной коммуникации». Секция «Перевод и межкультур. коммуникация». Н. Новгород, 14–16 нояб. 2003 г. – Н. Новгород, 2003. – 254 с.

Е.В. Терентьева

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

МЕТОДЫ ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА ГОВОРОВ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ *

Внимательное изучение народной речи ... показывает, что в каждой почти деревне язык подростящего поколения отличается от языка старших, что женщины говорят иначе, чем мужчины, что старики и старухи имеют в своем языке такие особенности, которые избегаются прочим населением.

А.А. Шахматов,

Курс истории русского языка. Часть 1.

Читан в Санкт-Петербургском университете

в 1908–1909 г.

Несмотря на то, что на протяжении XX века диалектное разнообразие русского языка, в том числе и на территории современной Волгоградской области, подвергалось нивелированию, все же нельзя говорить о том, что диалекты исчезают. Как территориальные варианты русского языка, они и сейчас для значительной части его носителей остаются основным средством повседневного общения, и, как отмечают исследователи, тенденции к сохранению используемой коммуникативной системы преобладают над тенденциями к ее изменению [Баранникова, 1991; Калнынь, 1997]. По наблюдениям ученых, в донских говорах на территории Волгоградской области «особенно заметна неравномерность утраты специфических диалектных черт: наиболее существенные, основные в диалектной системе, коммуникативно значимые, важные для общения лексические,

* Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 2009–2013 гг. (Госконтракт от 20.07.2009 г. № 02.740.11.0367).

фонетические, грамматические признаки устойчиво сохраняются в них, утрачиваются же особенности локально ограниченные и имеющие низкую степень коммуникативной значимости; при этом значительную роль играет психологический фактор, оказывающий влияние на изменение или сохранение диалектных черт» [Кудряшова, 1998, с. 31].

Следует отметить также, что сохранение либо утрата традиционного говора зависит и от разнообразных социальных причин. Как подчеркивает Л.П. Крысин, у диалекта имеется не только территориальная локализованность, он является и социальной языковой разновидностью, «поскольку местным диалектом владеет круг лиц, достаточно определенных в социальном отношении: в современных условиях это крестьяне старшего поколения» [Крысин, 2003, с. 48]. Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением тех исследователей, которые видят важность изучения речи молодого поколения: «Какова же тогда языковая форма младшего населения сельской местности? Речь данного поколения ведь отличается от речи старшего поколения, отнюдь не являясь при этом литературной. Это тоже диалектная речь! Следовательно, диалекты также имеют социальную стратификацию, ее должна иметь и диалектология» [Вахтера, 2009, с. 42]. Л.П. Крысин и сам указывал на то, что в деревенской речи наблюдаются социальные слои, и она ситуативно обусловлена [там же, с. 49]. Впрочем, эта идея уже высказывалась в языкознании. Выдающиеся лингвисты XX века подчеркивали социальный характер диалектологии. По мысли А. Мейе, в процессе изучения диалекта нужно обращать внимание на то, что жители одной и той же, пусть маленькой деревни говорят по-разному в зависимости от возраста, профессии, социального положения и ... если эти подробности не учитываются, мы не получаем представления о состоянии говора [Мейе, 1954]. Именно об этом писал и А.А. Шахматов, чьи слова мы позволили себе вынести в качестве эпиграфа к настоящему докладу. Можно сказать, что подытожил высказывания своих великих предшественников В.М. Жирмунский, подчеркнув следующее: «территориальная диалектология в соответствии с самой языковой действительностью должна быть и диалектологией социальной» [Жирмунский, 1969, с. 23].

Как отмечают современные исследователи, нынешнее состояние русского языка и его диалектов в регионах обусловлено воздействием огромного числа различных факторов лингвистического и экстралингвистического характера, которые в определенных обстоятельствах способны создавать условия для нестабильного функционирования языковой системы [Шамне, 2010, с. 25]. Вот почему сегодня назрела необходимость проведения эколингвистических исследований языка. Эколингвистический мониторинг призван установить комплекс лингвистических, социальных, социально-психологических факторов, влияющих на современное состояние диалектного ландшафта Волгоградской области, выявить те из них, что способствуют сохранению либо утрате традиционного диалекта как феномена культурного национального наследия. Результаты и выводы эколингвистических наблюдений позволят разработать

(при необходимости) систему специальных мер для популяризации диалектов в широкой печати, вузовских курсах и т. д. [см.: Касаткин, 1993].

Предметом нашего рассмотрения явились волгоградские говоры, специфика которых состоит в том, что на территории области представлены как ранние переселенческие (донские казачьи, занимающие западную половину области), так и собственно переселенческие (волжские, занимающие восточную часть) говоры [Баранникова, 1975, с. 22–31].

Нами был проведен анализ материала, относящегося преимущественно к донским говорам и собранного в ходе экспедиций в районы Волгоградской области: Алексеевский (станции Алексеевская, Усть-Бузулукская), Городищенский (хутор Вертячий), Иловлинский (станции Новогригорьевская, Трехостровская, хутора Озерки, Белужино-Калдаиров), Калачевский (станции Голубинская, Пятиизбянская, хутор Ильевка), Урюпинский (хутора Котов, Нижнецепляевский, Серковский).

В ходе проведения эколоингвистического мониторинга использовались опросы и анкетирование представителей различных социальных групп обследованных населенных пунктов, включенное наблюдение, обработка материала с помощью диалектных словарей (БТСДК, СДГВО) [Милованова, 2009; Rudykina, 2009], а также был апробирован метод матричной реконструкции, предложенный профессором ВолГУ С.П. Лопушанской. Метод представляет собой комплексное рассмотрение языковых явлений по типу матриц, отражающих набор реальных и мнимых величин, расположенных в виде таблицы [Лопушанская, 2005, с. 16]. Использование метода матричной реконструкции позволяет соотнести реальные (имеющие материальное воплощение, в частности словоформы) и мнимые (не имеющие материального воплощения, например семантические компоненты значения) величины и обнаружить закономерности эволюции не только отдельных языковых единиц, но и лексических подсистем языка [Горбань, Косова, Шептухина, 2009, с. 18].

На основе метода матричной реконструкции устанавливается отождествление реальных и мнимых величин и их вариантов с целью выявления характера этих отношений, а точнее – представленности единиц в речи разных социальных групп носителей диалектов. Как реальные величины рассматриваются лексема и ее дериваты, а также пол (m,f), возраст (1 – до 18 лет, 2 – от 19 до 25, 3 – от 26 до 35, 4 – от 36 до 55, 5 – старше 56), образование (1 – нет, 2 – начальное, 3 – среднее, 4 – высшее), социальный статус (^ – крестьяне, % – сельская интеллигенция) информантов (см. матрицу). В качестве мнимых величин приняты лексико-семантические признаки, которые могут быть обобщены на различных уровнях. Пересечение этих показателей подвергается анализу по принципу вероятности появления определенной словоформы с определенными характеристиками в рамках всего исследуемого пространства от нуля до единицы с целью выяснения коррелятивных отношений, то есть содержательных связей между наблюдаемыми фактами русского языка в разных условиях его функционирования.

Матрица
выражения степени родства словом *сестра* и его суффиксальными производными
в говорах Волгоградской области

П Е Р В А Я	основная сема	слово	возраст					пол		образование				социаль- ный статус	
			1	2	3	4	5	m	f	1	2	3	4	%	^
О П П О З И Ц И Я	родная, дочь тех же родителей	сестра	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
		сеструшка	0	0	1	1	1	1	1	1	1	1	0	1	1
		сестраня	0	0	1	1	1	1	1	1	1	1	0	1	1
		сестрянка	0	0	0	1	1	0	1	1	1	0	0	0	1
		сестрица	0	0	1	1	1	1	1	1	1	0	0	0	1
	двоюродная	сестрен- ница	0	0	0	0	1	1	0	0	1	1	1	1	1
		сестрянка	0	0	0	0	1	1	1	1	1	0	1	0	1
		сестрица	0	0	0	1	1	1	1	1	1	0	1	1	1
		сеструшка	0	0	0	0	1	0	1	1	1	0	1	1	1
	неродная; сестра мужа, которая моложе его	сестрица	0	0	0	1	1	0	1	1	1	1	0	0	1
		сестрица	0	0	0	0	1	0	1	1	0	0	0	0	1
	жена брата, который старше	сестрица	0	0	0	1	1	0	1	1	1	1	0	1	1
	жены родных братьев по отношению друг к другу	сестрица	0	0	0	1	1	0	1	1	1	1	0	1	1
	сестра жены	сеструшка	0	0	0	1	1	0	1	1	0	0	0	1	1
	сестра мужа	сеструшка	0	0	0	0	1	0	1	1	0	0	0	1	1
	жены родных братьев по отношению друг к другу	сеструшка	0	0	0	1	1	0	1	1	1	1	0	1	1
В Т О Р А Я	старшая	сестра	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
		сестрица	0	0	0	0	1	1	1	1	1	0	0	1	1
		сестраха	0	0	0	1	1	1	1	1	1	0	1	0	1
		сеструшка	0	0	0	1	1	1	1	1	1	0	1	0	1
	младшая	сестра	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
		сеструшка	0	0	0	0	1	0	1	1	1	0	0	0	1

Вертикаль матрицы позволяет говорить о том, что в говорах сохраняется оппозиция, которая характеризуется противопоставлением интегральных сем ‘родная :: неродная’ (сестра) с развернутой детализацией оппозиции *неродная* (двоюродная; сестра мужа, которая моложе его; жена брата, который старше; сестра жены; сестра мужа; жены родных братьев по отношению друг к другу). Дополнение к данной оппозиции представляет собой лексема *большуха* со значением «взрослая родная дочь». Вторая

оппозиция характеризуется противопоставлением интегральных сем 'старшая :: младшая'. Кроме того, эту оппозицию дополняет лексема *большуха* со значением «старшая сестра», зафиксированная в станице Голубинской Калачевского района. В оппозиции 'старшая :: младшая' большую активность демонстрирует оппозиит *старшая*.

Горизонталь матрицы дает возможность увидеть, что диалектные дериваты от основы *сестр*- лучше сохраняются в речи среднего и старшего поколения, преимущественно женщин. Оппозиция 'родная :: неродная' показывает большую активность употребления производных образований со значением «родная» в речи информантов (мужчин и женщин) среднего и старшего поколения, имеющих среднее образование, по сравнению с дериватами со значением «неродная». Оппозиция 'старшая :: младшая' позволяет установить низкую активность образования *сеструшка* «младшая сестра» в речи опрошенного населения.

В целом же можно говорить о доминировании литературной лексики *сестра*, употребляемой либо в сочетании с прилагательным *двоюродная*, либо недифференцированно, и о тенденции к исчезновению из речи коренного населения анализируемых дериватов. Думается, такому положению дел можно дать экстралингвистическое объяснение. В связи с уменьшением вплоть до начала XXI века рождаемости на селе, распадом традиционно больших семей стала утрачиваться традиция детализированного наименования старших и младших сестер, кровного и бокового родства лиц женского пола; оформилась тенденция к распаду сложившихся в казачьих говорах семантико-словообразовательных оппозиций.

Вместе с тем в приведенной матрице зафиксировано употребление анализируемых дериватов в речи образованной сельской интеллигенции, что свидетельствует, на наш взгляд, о сознательном стремлении представителей этого социального слоя сохранить уходящее народное слово. Кроме того, информанты старшего возраста, имеющие начальное образование, в беседах с исследователями высказывали мнение о том, что казачий язык достойный, что молодежь должна его знать и не стесняться на нем разговаривать.

Как подтверждают исследования Р.И. Кудряшовой, большинство опрошенных казаков считают необходимым в современных условиях владеть двумя формами национального языка (своим родным диалектом и литературным языком) и уметь выбирать одну из них в зависимости от реальной ситуации общения. «За весь период обследования донских говоров, – отмечает исследователь, – нам не приходилось слышать ни одного негативного высказывания о своем говоре. Сравним с высказыванием о своем говоре представителей волжских цокающих говоров:

Куды б ни поехал – стыдимси своим разговором.

У нас она село-т такая безобразная, у нас больно слово нехорошее [Кудряшова, 1997, с.33, 55–57].

Таким образом, рассмотрение языковых явлений по типу матриц,

отражающих набор реальных и мнимых величин, позволяет представить динамическое описание донских говоров, приобретающее объяснительную и прогнозирующую силу. Проведенный анализ дает возможность говорить об устойчивой тенденции к сохранению казачьих говоров Волгоградской области в связи с осознанием их как престижных, чему, без сомнения, способствует движение за возрождение донского казачества, воссоздание институтов казачьего самоуправления, воспитание молодежи в духе казачьих традиций.

Список литературы

1. Баранникова, Л. И. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации / Л. И. Баранникова // Вопросы языкознания. – 1975. – № 2. – С. 22–31.
2. Баранникова, Л. И. Об устойчивости диалектной системы / Л. И. Баранникова // Системность в языке, речи, тексте : межвуз. сб. науч. трудов / НГПИ им. М. Горького. – Н. Новгород, 1991. – С. 12–22.
3. Ваахтера, Й. М. Эволюция системы гласных фонем в некоторых русских говорах Вологодской области / Й. М. Ваахтера // Slavica Helsingiensia 27. – Helsinki : Helsinki University Press, 2009. – 323 с.
4. Горбань, О. А. Принципы комплексного подхода к анализу языковых явлений в трудах профессора С.П. Лопушанской / О. А. Горбань, М. В. Косова, Е. М. Шептухина // Семантика древнерусского глагола: синхронно-диахронический аспект: коллективная монография. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2009. – 272 с.
5. Жирмунский, В. М. Вопросы социальной лингвистики / В. М. Жирмунский. – М. : Наука, 1969. – С. 5–25.
6. Калнынь, Л. Э. Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика / Л. Э. Калнынь // Вопросы языкознания. – 1997. – № 3. – С. 115–124.
7. Касаткин, Л. Л. Русские диалекты и языковая политика / Л. Л. Касаткин // Русская речь. – 1993. – 2. – С. 82–90.
8. Крысин, Л. П. Формы существования (подсистемы) русского национального языка / Л. П. Крысин // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. Л. П. Крысин ; Ин-т русского языка РАН. – М. : Яз. славян. культуры, 2003. – 568 с.
9. Кудряшова, Р. И. Слово народное. Говоры Волгоградской области в прошлом и настоящем / Р. И. Кудряшова. – Волгоград : Перемена, 1997. – 124 с.
10. Кудряшова, Р. И. Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области) / Р. И. Кудряшова. – Волгоград : Перемена, 1998. – 93 с.
11. Лопушанская, С. П. Взаимодействие русского литературного языка и нижеволжских говоров по данным матричной реконструкции / С. П. Лопушанская // Взаимодействие русского литературного языка и территориальных диалектов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. – С. 11–22.
12. Мейе, А. Сравнительный метод в историческом языкознании / А. Мейе ; пер. с франц. – М., 1954. – 103 с.
13. Милованова, М. В. Особенности репрезентации категории поссессивности в языке региона / М. В. Милованова // Язык региона: Лексика. Грамматика. Функциональное пространство. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. – С. 251–277.
14. Шамне, Н. Л. Теоретические и прикладные аспекты эколингвистического мониторинга региона / Н. Л. Шамне // Пространство в языке и речи: эколингвистические и лингвокультурологические проблемы изучения и описания : сб. науч. ст. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2010. – С. 21–32.

15. Шахматов, А. А. Курс истории русского языка. (Читан в Санкт-Петербургском университете в 1908–1909 г.). Ч. 1 / А. А. Шахматов. – 2-е изд.. – СПб., 1910–1911. – 407 с.

16. Rudykina, E. The Studying Pottery Vocabulary of Volgograd Region Don Dialects / E. Rudykina // Jazykovedne a literarovedne. Kolokvium I: zbornik vedeckych prac. – Bratislava, 2009. – Р. 42–48.

Источники

1. БТСДК = Большой словарь донского казачества. – М. : Рус. словари : Астрель : АСТ, 2003. – 608 с.

2. СДГВО = Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Е. В. Брысина, Р. И. Кудряшова, В. И. Супрун ; под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. – Волгоград : Изд-во ВГАПК РО, 2006. – Вып. 1–5. – 2008.

В.И. Теркулов

**Горловский государственный педагогический
институт иностранных языков (Горловка, Украина)**

О ПРОГРАММЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УКРАИНСКИХ ГОВОРОВ РОССИИ И СМЕЖНЫХ ПРОБЛЕМАХ

Мотивом для написания данной статьи послужили предварительные результаты финансируемой Украинским и Российским фондами фундаментальных исследований работы Ф 28.5 / 005 «Полевые исследования лексико-семантических процессов в речи носителей русского и украинского языков на территориях позднего заселения», которая выполняется научной группой ГГПИИЯ (под моим руководством) совместно с научной группой ВолГУ (руководитель – проф. Н.А. Тупикова). Цель этого исследования – определение особенностей существования и развития украинских говоров в России и русских – в Украине. Однако сугубо лингвистические студии, общение с моими коллегами, превентивные материалы для исследования привели меня к выводу, что работа наших государственных учреждений с украинской диаспорой лишена системности. И это становится причиной, во-первых, потери авторитета Украины у своих заграничных соотечественников, а во-вторых, ассимиляции украинцев с автохтонным населением стран, в которых они живут, в первую очередь – стран СНГ. К сожалению, Украина больше ждет помощи для себя, чем помогает иностранным украинцам. Ради справедливости отмечу, что у нас есть «Национальная программа работы с заграничными украинцами на период до 2010 года». Но она, как показало мое общение с российскими украинцами, малоэффективна.

Целью статьи, которая предлагается для обсуждения уважаемой научной общественности, является установления основ исследования современного состояния украинства за рубежом. Все знают, что украинцы живут не только на Украине, но еще и в России, где их насчитывается приблизительно 5 миллионов, в Казахстане – около 2,5 миллионов, в Соединенных Штатах

Америки – около 2 миллионов, в Канаде – около миллиона, в Польше – приблизительно 500 тысяч и т. д. Вообще, по данным на 2004 г., за пределами Украины живет до 15 млн. украинцев, то есть около трети наций [Українська діаспора]. Думается, что начинать нужно с тех стран, которые географически и исторически более близки к Украине, в первую очередь – с России.

Нам известны места компактного расселения украинцев в России – они живут большей частью в Москве, Санкт-Петербурге, в районах Волгограда, Курска, Воронежа, Саратова, Самары, Астрахани, Владивостока, Кубани (Краснодарский край), Дона, от Оренбурга до Тихого океана, в Закаспийской области, в Приморском крае над рекой Уссури, в Амурской области («Зеленый Клин»). Однако точных сведений о расселении украинцев в России у нас нет. Таким образом, актуальной сейчас становится проблема отсутствия точной информации о территории расселения украинцев за пределами Украины, в первую очередь, в Российской Федерации, о современном состоянии их языковой и культурной самоидентификации, языковой компетенции, сохранении национально-культурных традиций, истории проживания за границей. У нас нет лингвоэтнической карты украинских населенных пунктов, нет карты украинских диалектов России. Последней картой, на которой такие говоры были отмечены, является, по нашим сведениям, «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с дополнением очерка русской диалектологии» [Дурново, 1915], изданный еще в 1915 г. Упоминание об украинских диалектах (малороссийских, по терминологии авторов карты) там было возможным лишь потому, что они не отделялись от «великорусского» языкового членения. Очень странно то, что украинистика не поставила еще перед собой задачу создания такой карты. Но уже само установление реестра украинских говоров России позволит, во-первых, установить географические направления помощи метрополии (то есть Украины) своим диаспорам, а во-вторых, даст возможность установить поле исследования особенностей формирования, существования и развития украинских говоров, украинского этноса в России.

У нас нет также полноценных комплексных лингвистических, исторических, этнографических описаний современного состояния заграничного украинства. Нам нужна общегосударственная программа, целью которой и было бы именно описание истории формирования заграничного украинства, территории его расселения, особенностей современного лингвистического, культурного, этнографического состояния.

Для реализации программы необходимо создание Ассоциации исследователей современного национально-культурного состояния украинства за границей, в которую должны войти ведущие ученые, в первую очередь, Украины и России. Есть предварительная договоренность о вхождении в такую Ассоциацию научных работников Львовского национального университета им. И. Франко, Донецкого национального университета, Харьковского государственного педагогического университета им. Г. Сковороды,

Кировоградского государственного педагогического университета им. Владимира Винниченко, Горловского государственного педагогического института иностранных языков, Славянского государственного педагогического университета, Таврийского национального университета им. В.И. Вернадского и других. Кроме того, большую заинтересованность высказали члены Российской ассоциации украинистов, научные работники Москвы, Тюмени, Волгограда, Уфы. Эта Ассоциация, на мой взгляд, должна работать в следующих направлениях.

1. Историко-социальное: создание карты украинских населенных пунктов России. Анализ их количественного и национального состава, места в экономической системе РФ, истории возникновения и развития. Создание энциклопедии «Украинские поселения на карте России».

2. Лингвистическое: создание атласа анклавных украинских говоров России, описание современного состояния этих говоров, их влияния на язык автохтонного населения, влияние языка автохтонного населения на говоры украинского языка, составление словарей российских говоров украинского языка. Создание энциклопедии «Украинский язык в России».

3. Этнографическое: описание обычаев, культуры, быта, мировоззрения украинцев зарубежья. Создание энциклопедии «Украинская культура России».

4. Фольклорное: описание фольклора украинцев России. Создание сборников фольклорных текстов российских украинцев.

Первым и главнейшим этапом работы является именно создание карты украинских населенных пунктов России. От этого зависит установление плана и географии исторических, этнографических, диалектологических и фольклорных экспедиций. Первичными территориями исследования, на мой взгляд, должны стать Поволжье, Кубань, Башкортостан, Тюменская область. География должна расширяться. Исследованию подлежат не только территории компактного расположения украинских населенных пунктов, но и изолированные населенные пункты на доминантных автохтонных территориях.

Каким мне видится реальное воплощение программы? Нам нужно провести учредительную конференцию Ассоциации исследователей современного национально-культурного состояния украинства за границей; создать лаборатории анклавной¹ диалектологии, этнографии, истории украинства зарубежья, фольклористики на уровне НАН Украины и МОН Украины; создать исследовательские группы в вузах Украины и России, настроенные на сбор и обработку языкового, исторического, этнографического, фольклорного материала; разработать модели сбора и обработки этого материала, план проведения экспедиций. Правильным будет создание научного издания «Украина за рубежом» на уровне НАН Украины и Министерства образования и науки Украины совместно с заинтересованными организациями России; создание редколлегий энциклопедий «Украинские поселения на карте России», «Украинский язык в России», «Украинская культура России», Интернет-портала Ассоциации исследователей современного национально-культурного состояния украинства за рубежом; системы постоянно

действующих семинаров и конференций по анклавной диалектологии, анклавной этнографии, истории украинства зарубежья, анклавной фольклористике.

Подытоживая, скажу: работы очень много. Но ее нужно делать, и, к сожалению, во многих случаях – с нуля. Но это необходимо.

Примечание

¹ Это мой термин. Он обозначает населенные пункты и говоры, находящиеся в иноязычном окружении.

Список литературы

1. Дурново, Н. Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии / Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков. – М. : [б. и.], 1915. – VI. – 132 с.
2. Українська діаспора. – Електрон. дан. – Режим доступа: <http://uk.wikipedia.org/wiki>.

Г.В. Токарев

**Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
(Тула, Россия)**

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ И ТИПОЛОГИИ КОНЦЕПТОВ КУЛЬТУРЫ

Культура – результат действия процессов смыслообразования, система его принципов и продуктов. Результаты этого процесса воплощаются на ментальном уровне в виде концептов. Тем самым концепт – составляющая культуры. Он является *атрибутом культуры*, «сгустком культуры в сознании человека» [Степанов, 2001, с. 43]. Концепт может иметь статус *константы культуры*, если существует постоянно или долгое время. Это означает, что он играет роль *принципа культуры*. В связи с этим необходимо правильно определять имена концептов культуры. Лучшим средством наименования являются абстрактные имена существительные. Обозначения концептов конкретными именами противоречит утверждению о том, что концепты выступают своего рода принципами культуры. Формулировки типа «*Птица*» как *концепт культуры* правильнее заменять на *образ птицы, представления о птицах* и подобные.

Таким образом, в лингвокультурологическом понимании концепт – это глобальная, многомерная единица ментального уровня, для которой характерны следующие признаки:

- культурно-историческая обусловленность, то есть зависимость порождения тех или иных смыслов от идеологем какой-либо эпохи;
- структурированность более простыми в ментальном отношении смыслами: обыденными понятиями, представлениями, культурными установками, идеологемами, стереотипами, которые могут иметь разнообразные формы репрезентации (выражения);

- неоднородность содержания, проявляющаяся в синтезе конкретного и абстрактного, рационального и эмоционального, объективного и субъективного;
- широкий объем (экстенционал);
- разнообразие типов знаковых репрезентаций, то есть способность к выражению средствами, неоднородными с точки зрения сложности, разных семиотических систем.

Структурная модель концепта определяется характером входящего в него содержания. Можно выделить два основных типа содержания.

Первый тип включает в себя конструкты знания, обладающие ценностью и истинностью для всего человечества. Слой концепта, содержащий знания этого типа, назовем *универсальным*. Второй тип включает в себя национально-специфические знания, которые продуцируются лингвокультурной общностью, то есть группой, объединенной совокупностью признаков (язык, история, культура, религия и т. п.). Слой концепта, содержащий знания этого типа, назовем культурным. *Культурный* слой концепта содержательно неоднороден. Это обусловлено дифференциацией лингвокультурной общности как субъекта, продуцирующего смысл, на более мелкие группы – социумы, то есть группы, выделяемые по общности профессии, возраста, конфессии, уровня образования, хобби и др.

В культурный слой концепта входит информация о социальном рейтинге концепта: в одни культурно-исторические периоды концепт может приобретать особую социальную значимость, в другие – утрачивать ее.

По структуре концепты могут быть представлены в виде фреймов, сценариев, гештальтов. Тот или иной смысл может быть «упакован» в виде концептуального гештальта, под которым, вслед за Д. Лакоффом, понимается целостный образ, совмещающий в себе чувственное и рациональное [Лакофф, 1990]. Данный тип «упаковки» обычно актуален на начальных этапах познания, поскольку является прежде всего результатом пассивного, эмоционально-чувственного восприятия явления.

Под фреймом М. Минский, Т.А. Ван Дейк, Ч. Филлмор и некоторые другие ученые учили понимать социально обусловленную структуру знаний, представляющую тот или иной концепт (или его составляющую). Фрейм организует понимание и категоризирует опыт, описывает то, что в данном обществе является типичным.

Фреймы состоят из слотов. Слот (пустой узел) – это элемент фрейма, имеющий строго очерченный объем, но не обладающий содержанием. Это свойство слота позволяет идентичные виды знания включать в один фрейм. Иными словами, тот или иной слот в зависимости от ситуации заполняется переменными (конкретными данными той или иной ситуации). В зависимости от объема содержания структурируемого знания можно выделить гиперфреймы и гипофреймы (субфреймы).

Тесно связаны с фреймом сцены, сценарии и скрипты. Все перечисленные виды концептуальной «упаковки» обусловлены понятием ситуации. Ситуация предполагает систему внешних по отношению к субъекту условий. Те или иные ситуации отражаются в нашем сознании в виде образов (пропозиций, картин), где можно рассмотреть участников ситуации, их функции, обстоятельства, в которых разворачивается ситуация. Совокупность выделенных компонентов образует сцену. Сцены, следуя одна за другой, развиваются по определенному сценарию. Стереотипный, типичный сценарий называют скриптом.

Ю.С. Степанов учит, что концепты могут быть как априорные (имеющие одно или небольшое число существенных, актуальных признаков, представленных в виде коллективного бессознательного, широкую сферу применения; чаще всего постоянные, «рамочные», по Г. Лейбницу, чистые), так и апостериорные, эмпирические (с плотным ядром). Априорные концепты человек использует как данное. Они не зависят от его опыта. Апостериорные всегда проведены индивидуумом через себя, продуманы и прочувствованы им. Рамочными концептами являются «Цивилизация», «Интеллигенция» и др., эмпирическими – «Труд», «Любовь» и др.

В зависимости от характера семиотического процесса концепты могут быть определены как идеологически детерминированные и эволюционные. Репрезентации эволюционных концептов позволяют проследить развитие семиотического процесса, идеологически детерминированных – нет. Примером эволюционного концепта может быть «Любовь», поскольку каждая культурная эпоха включает в него свои смыслы, оставляя инвариантную часть. Концепт «Пятилетка» является идеологически детерминированным, так как существовал только в советскую эпоху.

По отношению к культуре концепты могут быть дифференцированы на исконные и импортированные. Первые генерированы культурой, вторые могут быть заимствованы данной культурой из других культур. Процесс импортирования культурных смыслов постоянно происходит в культуре. По Ю.М. Лотману, это обязательное условие существования культуры. История импортных концептов может быть разной. Одни из них временно принимаются культурой, другие – усваиваются культурой и адаптируются к ней. Так, концепт «Сплин» был воспринят русской культурой первой трети XIX века. Концепт «Толерантность» был заимствован из европейской культуры, однако в русской культуре он был переосмыслен, его сфера смыслового распространения изменена. Так, в европейской культуре толерантность не имеет границ, в русской же культуре толерантность не распространяется на сексуальную ориентацию человека.

Итак, концепт является способом существования и организации культуры. Структурируя культуру и указывая на динамику культурно-когнитивных процессов, он обеспечивает связь между различными эпохами и стилями культуры. Концепт не только отражает объективный мир, но и задает

определенный угол зрения на него и тем самым закрепляет и организует те или иные ценности, помогает человеку ориентироваться в том или ином культурном пространстве. Концепт отражает этнический характер лингвокультурной общности, сущность которого заключается в определенном типе реакций на явления окружающего мира.

Список литературы

1. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство СПб, 2000. – 704 с.
2. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Акад. Проект, 2001. – 990 с.

Г.Д. Удалых

Бакинский славянский университет (Баку, Азербайджан)

КОНЦЕПТЫ ДРУЖБА / ДРУГ В СЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

В центре внимания современных лингвистических исследований оказывается носитель языка, субъект коммуникации – человек. Картина мира, основанная на ощущениях, представлениях, восприятии и мышлении человека, задает нормы поведения, систему ценностей и мировоззрения. Это находит отражение в концептах, совокупности которых Д.С. Лихачев понимал как фонд культурно-этнического опыта.

К числу центральных концептов русского сознания относится концепт *дружба*, что связано с рядом коммуникативно-психологических качеств русского человека, таких как эмоциональность, общительность, открытость. Вместе с тем концепт *дружба* может быть охарактеризован как универсальный, присущий разным народам, в том числе славянским. Концепт *дружба* как ментальная единица языковой картины мира репрезентирует такие гуманистические смыслы, как *помощь, надежность, доверие*.

Дружба – многоаспектное явление, не сводимое к одной области знаний: дружба – межличностное отношение, основанное на общности интересов, взаимной привязанности [Словарь, 1989, с. 85], духовной близости [Словарь, 1983, с. 177]; на доверии и откровенности [Волков, 1999, с. 358]. Дружба всегда считалась важной социально-нравственной ценностью. В широком смысле понятие дружбы обозначает не только межличностные, но и социальные отношения (дружба народов, договор о дружбе между государствами и т. п.). Дружба связана не только с моралью и нравственностью, долгом, верностью и справедливостью, но и с носителем всех этих качеств – другом. Этот концепт важен для сознания русского народа, тяготеющего к соборности, к слиянию с другими людьми.

В данной статье мы рассмотрим ассоциаты, полученные на слово-стимул «друг» у русских, болгар, белорусов и украинцев (Славянский ассоциативный

словарь. М., 2004; далее – САС). Культурная ценность концепта представляет собой его коммуникативно-дискурсивное свойство, выражающееся в частотности употребления имени концепта в речи, в его способности объединять различные семантические и концептуальные сферы, в его включенности в значимые для данной культуры ценностные оппозиции. Данное понимание культурной ценности позволяет моделировать концепт как совокупность культурно-значимых концептуальных смыслов. Форма представления экспериментальных данных в САС позволяет изучать не только сходства и различия в содержании образов сознания четырех славянских народов, но и выявить сходства и различия в системности их образов мира [САС, с. 5].

По данным САС, слово «друг» входит в ядро языкового сознания русских, белорусов, болгар и украинцев. При анализе содержания ассоциативных полей слов (далее – АП), входящих в ядро сознания этих народов, слово «друг» явилось одной из реакций на слово-стимул «человек» у русских (наряду с белорусами и украинцами) [САС, с. 6–8].

У всех четырех славянских народов ЧЕЛОВЕК представляется скорее другом, чем врагом: *белорусы* сябар 8 / ворог 1; *болгары* приятел 11 / враг 3; *русские* друг 18 / враг 4; *украинцы* друг 5 / ворог 3 [САС, с. 8]. Более всего сближены в понимании этого русские и болгары.

Полученные количественные показатели АП стимула ДРУГ следующие: у русских получено всего реакций 593, разных 164, отказов 17, единичных 113; от белорусов получено всего реакций 643, разных 233, отказов 11, единичных 166; от болгарских респондентов получено всего реакций 581, разных 205, отказов 12, единичных 138; от украинцев получено всего реакций 477, разных 140, отказов 2, единичных 94 [САС, с. 98–99]. Больше всего отказов на получение реакций было у русских (17), что свидетельствует об изменении ценностного статуса категории дружбы в языковом сознании русских.

Наиболее частотными реакциями на стимул ДРУГ у русских являются *враг* 82; *верный* 62; *лучший, хороший* 23; *недруг* 22; *мой, товарищ* 21; *собака* 20; *брат* 17; *подруга* 13; *верность* 11; *помощь* 10; у белорусов частотными являются ассоциаты *лучший* 74; *верный* 42; *добрый* 30; *помощь, выручка* 29; *мой* 19; *враг* 18; *доверие* 16; *дружба* 15; *товарищ* 13; *разговор* 11; *товарищество* 10. У болгар частотными реакциями являются *хороший* 46; *товарищ* 39; *враг* 33; *доверие* 22; *опора* 18; *брат* 16; *верность* 15; *помощь* 14; *близкий* 11. У украинцев частотными являются *верный* 104; *товарищ* 19; *враг* 18; *детство, наилучший, собака, настоящий* 15; *доверие* 12; *верность, красивый, надежный, поддержка* 11 [САС, с. 96–99].

Совпадающими реакциями на слово-стимул «друг» во всех четырех АП являются ВРАГ, ТОВАРИЩ. Отмечается смещение оценок в ядре языкового сознания данных славянских народов в сторону отрицательного признака в слове-стимуле «друг»: *русские* враг 82 / товарищ 21; *белорусы* враг 18 / товарищ 13; *болгары* друг 39 / враг 33; *украинцы* товарищ 19 / враг 18 [САС, с. 96–97].

Необходимо отметить, что за последние десятилетия частотность реакции ВРАГ у русских возросла – *враг* 82 против *враг* 47 в «Русском ассоциативном словаре» (М., 1994)¹. Концепты *друг* – *враг* представляют собой бинарную оппозицию, поскольку их взаимосвязь прослеживается на разных уровнях объективации в языке, см. в русских пословицах: *Больше друзей – больше и врагов. Дружба от недружбы близко живет.*

Помимо этого, у русских дополнительно отмечена стимульная реакция *недруг* 22.

По индексу стереотипности реакций можно косвенно судить о состоянии языкового сознания и о динамике его изменения. Так, русские, белорусы и украинцы дают больше стереотипных ответов, чем болгары.

Рассмотрим типы реакций на слово-стимул «друг». Это, во-первых, семантические множители, то есть различного рода синонимы, которые в совокупности раскрывают содержание данного концепта. Прежде всего, это *товарищ* (русские 21 / белорусы 13 / болгары 39 / украинцы 19). У русских эта реакция является пятой, у белорусов занимает 9-ю позицию, у болгар и украинцев – 2-ю позицию, являясь при этом самой частотной у болгар. Затем ассоциат *брат* у русских (17) и у болгар (16), которые занимают одинаковую 7-ю позицию. Кроме того, у русских информантов на 8-м месте находится ассоциат *подруга* 13. Таким образом, в пятерку наиболее частотных ассоциатов-синонимов к стимулу «друг» входят *товарищ* у русских, болгар и украинцев.

Рассмотрим реакции к слову-стимулу «друг» с эмоционально-оценочной коннотацией. Пропущенные через призму национального сознания, представления и знания об общечеловеческих и национально-культурных ценностях формируют семантические основания оценочных значений. Структурами представления этих знаний можно считать комбинации частных оценок. Данные Словаря свидетельствуют, что в общении с теми, кого русские называют другом, для русского мироощущения частотными эмоционально-оценочными стимульными реакциями являются *верный* 62; *лучший*, *хороший* 23; *близкий*, *преданный* 8; для белорусов – *лучший* 74; *верный* 42; *добрый* 30; для болгар – *хороший* 46; *близкий* 11. У украинцев частотные реакции с эмоционально-оценочным компонентом *верный* 104; *настоящий* 15; *красивый*, *надежный* 11. У русских, белорусов и украинцев совпадают реакции *верный* (соответственно 62 / 42 / 104), *лучший* (23 / 74 / 15). При этом самой высокой частотностью отличается реакция *верный* 104 у украинцев, самой низкой частотностью отличается реакция *близкий*, *преданный* 8 у русских. Таким образом, в языковом сознании славянских народов складывается положительный аксиологический стереотип, характеризующий концепт ДРУГ. Можно отметить также функциональную сторону реакций на слово-стимул «друг». Для русских, белорусов и болгар – это *помощь* (10 / 29 / 14), для белорусов – *выручка* 29; *дружба* 15; *товарищество* 10; для болгар

опора 18; для украинцев *поддержка* 11 [САС, с. 96, 98]. Для русских реакция *помощь* – самая низкочастотная: *друг* представляет для друга ценность сам по себе. Для белорусов реакции *помощь* и *выручка* совпадают в индексе частотности (29), что указывает на понимание коллективного характера дружбы.

Стимульная реакция ДРУЖБА у всех славянских народов имеет низкую частотность (русские 6; белорусы 15; болгары 4; украинцы 2). Среди них реакция ДРУЖБА у белорусов занимает 4-е место; у русских и у украинцев занимает 11-е место; у болгар – 17-е место.

Можно предположить, что существенное сходство в образе мира четырех славянских народов вытекает из общности их происхождения, истории, культуры. Выделенные доминантные идеи, лежащие в основе концепта ДРУГ для русских, украинцев, болгар и белорусов: взаимное общение, поддержка, верность. В АП стимула ДРУГ славянским народам свойственно личностное восприятие друга через систему жизненно важных для них ориентиров – внутренних качеств и соучастия / общения. Однако это не предполагает полного совпадения стимульных реакций. Так, у русских ДРУГ соотносится с такими этическими представлениями, как доброта, любовь, необходимость, счастье, честность, честь. Белорусы ассоциируют ДРУГА с защитником, одноклассником, врачом, собеседником, студентом, человеком, юношей. Для болгар ДРУГ – игра, компания, разговор, прогулка, встреча [САС, с. 965–99].

Примечание

¹ Православная картина мира стирает смысловое различие между антонимичной (в мирском понимании) парой «друг – враг», включая оба ее члена в категорию «ближнего». На этом основании считается возможным признать, что в православном мире наряду с употреблением слова «друг», имеющего в словаре С.И.Ожегова значение <тот, кто связан с кем-н. дружбой>, существует употребление слова «друг» в значении <враг, который, совершая зло, творит благо, а потому тоже является благодетелем, другом>. Точно так же, наряду с употреблением слова «враг», имеющего в словаре С.И.Ожегова значение <тот, кто находится в состоянии вражды с кем-нибудь, противник>, существует употребление слова «враг» в значении <благодетель, друг> [Чернышева, 2005, с. 171].

Список литературы

1. Волков, Ю. Г. Человек : энцикл. слов / Ю. Г. Волков, В. С. Поликарпов. – М., 1999.
2. Славянский ассоциативный словарь. – М., 2004.
3. Словарь по этике. – М., 1989.
4. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983.
5. Чернышева, А. Ю. Виды языкового контраста в русской православной культуре / А. Ю. Чернышева // Русская и сопоставительная филология / Каз. гос. ун-т, филол. фак. – Казань : Каз. гос. ун-т, 2005.

Л.Г. Фомиченко

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

СЕМИОТИКА НЕВЕРБАЛЬНЫХ БАРЬЕРОВ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Общеизвестно, что владение иностранной речью, то есть родным языком партнеров по межкультурной коммуникации, или хотя бы общепризнанным на данном этапе гуманитарного развития человечества международным английским языком является важной составляющей переговоров, взаимопонимания, а вместе с тем и воздействия в той или иной степени на партнеров по общению и т. д. Однако достижение взаимопонимания не всегда зависит от довольно свободного владения иностранной речью. Камнем преткновения становятся так называемые барьеры невербального поведения носителей разных культур в процессе общения.

На страницах российской научной периодической печати, когда речь заходит о невербальной коммуникации, обычно подразумеваются кинетические, проксемические, паралингвистические и другие аспекты общения. Но существуют также определенные, так называемые специфично-генетические факторы общения, которые присущи народам и на которые исследователю необходимо обращать внимание при анализе вербальных и невербальных средств коммуникации. Как представляется, знание семиотических правил использования знаковых систем поможет разобраться в этом непростом вопросе межкультурного общения. Напомним, что семиотика – это наука о знаках и знаковых системах, а так как невербальные знаки также формируют знаковые системы, то исследование и анализ последних как нельзя лучше осветит чувствительные зоны, мешающие плодотворному сотрудничеству народов, проживающих в разных странах, так как вышеупомянутые специфичные национальные факторы и являются теми семиотическими знаками-барьерами, препятствующими взаимопониманию сторон в любой сфере деятельности.

В зарубежной литературе [П.А. Андерсен, Х. Ванг, Ф.Е. Яндт, Г.Я. Хофстид, П.Б. Педерсен, Е.Т. Холл и др.] сфера невербальной коммуникации рассматривается в более глобальном масштабе, когда сравниваются страны, этнические группы и их культуры.

Невербальная коммуникация имеет как биологически определяемые, так и культурно-специфические аспекты. Некоторые факторы являются врожденными и заложены в человеке или, более глобально, в представителях одной лингвокультуры, психологически ориентируя участников общения на межкультурные сходства в невербальном поведении, но огромное количество несоответствий также существует, создавая при этом различные трения, коммуникативные сбои и недопонимание в процессе общения.

Следует заметить, что люди полагаются на невербальные «ключи» или «коды» как своего рода идентификационные знаки, посредством которых они позиционируют себя и других в категорию «свой-чужой». Такими знаками могут служить украшения, одежда, косметика и аксессуары, вкупе с просодическими

(паралингвистическими) средствами, представленными высотой тона голоса, громкостью, темпом, использованием пауз различного рода, национальными характеристиками качества голоса и другими. Необходимо помнить, что параметры различных компонентов невербального поведения не только характеризуют нацию, но и зачастую диктуют использование определенных невербальных средств при соблюдении этикета надлежащего поведения, принятого в определенной этнической группе. В зарубежной научной литературе (Хофстид, П.А. Андерсен и др.) в рамках исследований подобного рода изучаются следующие составляющие невербального поведения, разъединяющие или объединяющие участников межкультурной коммуникации: открытость или закрытость (зажатость) в общении, тяга к индивидуальному или коллективному сотрудничеству, подчиненность или демократичность в общении, гендерная принадлежность культуры народов, проживающих в определенных странах, отношение к «чужакам», дистантность контакта или непосредственного общения (context, identity, power distance, gender, uncertainty, and immediacy).

Не вызывает сомнения тот факт, что невербальные знаки часто подменяют вербальные знаки и, по мнению некоторых исследователей, являются наиболее убедительными и экспрессивными, вызывающими большее доверие, нежели язык, в рамках кросскультурного общения. В определенных случаях улыбка, подмигивание, продолжительный взгляд, барабанная дробь пальцами по столу и т. д. являются красноречивее речи партнеров.

Попробуем разобраться во влиянии хотя бы некоторых факторов невербального общения в рамках межкультурной коммуникации. (Отметим, что к основным сравниваемым народам будут относиться русские, англичане и американцы, хотя, по возможности, различные этнические группы будут характеризоваться по вышеназванным категориям).

Компоненты невербального поведения народов в процессе коммуникации, обычно подразделяются на две группы (см. табл. 1).

Таблица 1

Компоненты невербального поведения этнических групп

Компоненты	Группа 1	Группа 2
Открытость/ Закрытость в общении	Высокая степень открытости	Низкая степень открытости
Тяга к индивидуальному или коллективному сотрудничеству	Индивидуализм	Коллективизм
Подчиненность или демократичность в общении	Низкая степень демократичности	Высокая степень демократичности
Гендерная характеристика культуры	Феминный тип	Маскулинный тип
Отношение к «чужакам»	Высокая степень настороженности (нетерпимость)	Низкая степень настороженности (терпимость)
Дистантность контакта или непосредственного общения	Тесный контакт	Удаленный контакт

Рассмотрим каждый компонент детально.

Первая составляющая невербального поведения в данном перечне – «открытость / закрытость в общении» – характеризует народы как открыто выражающие свои взгляды, мысли, идеи или же, наоборот, не высказывающие открыто свое мнение, предпочитающие промолчать.

Для высокой степени открытости характерна прямота и свобода в высказывании своих идей. Отмечается точное значение сказанного, тяготение к специфическим деталям, служащие придерживаются точного графика работы. К этому типу относятся народы стран Швейцарии, Германии, Северной Америки.

Для низкой степени открытости характерна непрямота и молчаливость. Информация подается либо в документах, либо в приватной беседе. К этой категории относятся народы стран Японии, Китая, Кореи. В этих странах в процессе переговоров и коммуникации полагаются больше на невербальное поведение собеседников и в меньшей степени на вербальное.

В категории «индивидуализм-коллективизм» акцент делается на том, что культуры, нацеленные на индивидуализм, проповедуют права и свободы личности, делают акцент на я-индивидуальности. В то же время в народах с преобладанием коллективной культуры акцент ставится на мы-«индивидуальность», они более ориентированы на групповое сотрудничество, на работу в коллективе.

Западные культуры попадают под категорию индивидуалистов, в то же время восточные культуры характеризуются как коллективные. Приведем примеры стран с ярко выраженным вектором индивидуалистской культуры: США, Австралия, Великобритания, Канада, Нидерланды, Новая Зеландия, Италия, Бельгия, Дания, Швеция.

Страны, в которых культивируется коллективное сотрудничество между людьми – Венесуэла, Колумбия, Пакистан, Перу, Тайвань, Таиланд, Сингапур, Чили, Гонконг, Россия.

Таким образом, в категории «индивидуализм» центральной ценностью является индивидуальная свобода, связи между членами коллектива диффузные или могут отсутствовать совсем, в то же время для «коллективной» культуры характерны гармония в группе, наличие тесных связей между членами коллектива и согласованных действий. В «коллективных культурах» люди подавляют как позитивные, так и негативные эмоции, если они идут вразрез с эмоциями членов своей группы. В так называемых «индивидуальных культурах» люди больше готовы отстаивать свою позицию, находить конфронтационные стратегии для решения своих проблем.

Следующий компонент – «степень демократичности». В данной группе акцентируется наличие степени равенства между партнерами в коллективе или же его отсутствие, наличие статуса подчиненности в рамках иерархической служебной лестницы.

Для категории с низкой степенью демократичности характерно уважение и почитание статуса вышестоящего. К данной группе относятся следующие страны: Филиппины, Мексика, Венесуэла, Россия.

Для стран с высокой степенью демократичности характерно коллективное равенство и уважение личного мнения каждого члена общества. Страны – Австрия, Израиль, Дания, США, Великобритания, Новая Зеландия, Ирландия, Швеция, Норвегия, Финляндия, Швейцария.

Следующая категория делит страны по так называемой «гендерной» принадлежности. Оказывается вполне возможным разделение наций и культур на группу «феминности» и группу «маскулинности». Ориентация культуры по гендерной принадлежности оказывает большое влияние на различные стороны невербального поведения. Сюда можно отнести выражение лица, характерное для мужчин и женщин, карьерный статус, невербальные формы поведения людей, находящихся во властных структурах, возможность взаимодействовать с незнакомцами или с лицами противоположного пола и т. д.

Принадлежность к гендерному национальному культурному различию в данном случае трактуется как жесткость и неукоснительность использования правил поведения по половой принадлежности.

В маскулинных культурах гендерные правила поведения более жесткие и культивируют такие качества в людях, как сила, уверенность, дух состязательности и амбициозности. В феминных или не ярко выраженных, занимающих промежуточное звено между двумя гендерами культурах, акцент поведения фокусируется на любви, сострадании, эмоциональности и заботе. К десяти наиболее маскулинным по культурной принадлежности и невербальному поведению странам относятся Япония, Австрия, Венесуэла, Италия, Швейцария, Мексика, Ирландия, Великобритания, Германия и Филиппины. Среди десяти «феминных» культур можно назвать Швецию, Норвегию, Нидерланды, Данию, Финляндию, Чили, Испанию, Португалию, Таиланд и Перу. В «маскулинных» культурах наименьший процент женщин задействован в сфере производства, недавнее получение политических прав участвовать в голосовании в выборах кампаниях страны, больший процент жестокого отношения к женщинам как классу. Неудивительно, что скандинавские страны занимают верхнюю позицию среди «феминных» культур, так как длительная история равенства прав и свобод женщин и мужчин в этих странах позволяют «слабому» классу полноправно участвовать в общественно-политической и экономической сферах наравне с мужчинами.

Категория «отношения к «чужакам» также подразделяется на два типа: с высокой и низкой степенью настороженности, или, другими словами, нетерпимости и терпимости. Первая группа означает, что все, что не относится и не принадлежит к данной культуре, является иным и опасным. Группа с низкой степенью настороженности означает: все, что

относится к другим культурам, вызывает любопытство, и это необходимо подвергнуть исследованию. В первой группе люди более подвержены панике, страху перед неизведанным, во второй группе – люди более терпимы к другим, более позитивно и дружелюбно настроены по отношению к незнакомцам и окружающей обстановке. Страны, входящие в первую группу, – Греция, Португалия, Бельгия. Ко второй группе относятся Сингапур, Дания, Швеция.

К последней группе в данном исследовании относится категория «дистантность контакта / непосредственного общения». Данный компонент невербального поведения свидетельствует о наличии комфортного месторасположения друг от друга в ситуации общения. Культуры, в которых люди при общении располагаются близко друг к другу и не испытывают при этом неловкости и дискомфорта, называются «контактными культурами» (тесный контакт) («contact cultures»). Так, люди, общаясь, стоят на довольно близком расстоянии друг от друга, при этом не исключаются дружеские касания, похлопывания по плечу и т. д.

Люди, относящиеся к культурам «удаленного контакта», при общении находятся на довольно далеком расстоянии друг от друга, а процент касаний совсем незначительный.

К культурам «тесного контакта» относятся страны арабского мира, включая северную Африку; страны средиземноморского региона, такие как Франция, Греция, Италия, Португалия, Испания; еврейские народы из Европы и Ближнего Востока; народы восточной Европы, Россия; все латиноамериканские страны. Австралийцы и североамериканцы находятся в «пограничной зоне» между культурами тесного контакта и удаленного контакта. К культурам «удаленного контакта» относятся народы, проживающие в странах Северной Европы, таких как Скандинавия, Германия и Англия. Сюда же относятся азиатские страны Бирма, Китай, Индонезия, Япония, Корея, Филиппины, Таиланд, Вьетнам.

Для народов, проживающих в странах с культурой «тесного контакта», близкое расположение друг к другу при общении свидетельствует о дружелюбии и желании общаться. Люди, принадлежащие к противоположному лагерю, чувствуют дискомфорт, когда нарушается их так называемая «зона комфорта и безопасности» при общении.

На основании изложенного можно провести сопоставление невербального поведения по названным категориям трех стран – России, Великобритании и США (см. табл. 2).

Таблица 2

**Компоненты невербального поведения народов,
проживающих в России, Великобритании, США**

Компоненты	Россия	Великобритания	США
Открытость/закрытость в общении			

Высокая степень открытости		+	+
Низкая степень открытости	+		
Тяга к индивидуальному или коллективному сотрудничеству			
Индивидуализм		+	+

Коллективизм	+		
Подчиненность или демократия в общении			
Низкая степень демократичности	+		
Высокая степень демократичности		+	+
Гендерный аспект			
Феминный тип	+		
Маскулинный тип		+	+
Отношение к «чужакам»			
Высокая степень настороженности	+		
Низкая степень настороженности		+	+
Дистантность контакта и или непосредственного общения			
Тесный контакт	+		
Удаленный контакт		+	+

На основании сопоставления можно сделать вывод о том, что в процессе общения с представителями англоязычного мира (американцами и англичанами) у россиян могут возникнуть барьеры невербального характера, так как векторы аспектов невербального поведения расположены в противоположных направлениях.

Согласно данным таблицы 2, «мы» и «они» находимся на разных полюсах лингвокультурного пространства. Необходимо, однако, сделать небольшую оговорку, что существуют некоторые компоненты невербального поведения, которые свидетельствуют о том, что россияне и американцы находятся в «пограничных зонах» данных категорий. Так, например, необходимо отметить «дух команды», коллективную работу в команде американцев, когда ставится определенная цель и требуются усилия всего коллектива для ее достижения. В составляющих «дистантность контакта» и «гендерная характеристика культуры» также можно найти некоторые совпадения у американцев и россиян, позволяющих им сотрудничать друг с другом без особых усилий и преодоления своих национальных традиций.

Таким образом, семиотический анализ невербальных барьеров поведения свидетельствует о том, что каждая составляющая является знаковой и требует тщательного анализа и изучения со стороны партнеров по коммуникации перед их непосредственным общением для достижения желаемого результата любой из сторон в процессе общения.

1. Andersen, P. A. Unravelling Cultural Cues: Dimensions of Nonverbal Communication Across Cultures. / P. A. Andersen, H. Wang // Samovar, L. A. Intercultural Communication: [A Reader] / L. A. Samovar, R. E. Porter, E. R. McDaniel. – 11th ed. – Thomson ; Wordsworth (USA), 2004. – P. 250–265.
2. Hall, E. T. Beyond Culture. Garden City / E. T. Hall. – N. Y. : Anchor, 1976.
3. Hofstede, G. J. Exploring Culture. Exercises, Stories and Synthetic Cultures. Intercultural Press / G. J. Hofstede, P. B. Pedersen, G. Hofstede. – Boston : L. : A Nicholas Brealey Publ. Company, 2005.
4. Jandt, F. E. An Introduction to Intercultural Communication. Identities in a Global Community / F. E. Jandt. – 5th ed. – Thousand Oaks : L. : New Delhi : Sage Publications, 2001.

Д. Цонева

Русенский университет «Ангел Кънчев» (Русе, Болгария)

ВЛИЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ГРАММАТИЧЕСКОГО РОДА НЕКОТОРЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В принципе имя существительное, называя предмет, одновременно обозначает, что оно принадлежит к одному из трех грамматических родов – мужскому, женскому или среднему. Грамматический род связан непосредственно с полом называемого человека. Но в современном болгарском языке имеются существительные, обозначающие лица, с помощью которых можно обозначать и мужчин, и женщин, и детей, то есть это имена общего рода (*commonia*), например: *роднина, сирак, лудетина, симпатия, балама, будала, пияница, хаймана, шушумига, лапнимуха, мижитурка; дрънкало, миткало, плямпало* и др. (*Той ми е роднина, тя ми е роднина и то ми е роднина.*). За исключением слов *роднина* и *сирак* они эмоционально окрашены разговорной речью и показывают определенное отношение к называемому лицу.

В русском языке также обособлена группа существительных с окончанием *-а, -я*, обозначающих лиц по характерным для них свойствам, привычкам, действиям и имеющих обычно отрицательную оценку: *плакса, задира, гуляка, убийца, пьяница, зубрила; воришка, лгунишка, хвастунишка* и др. К ним примыкает несколько существительных без порицательного оттенка: *бедняга, калека, коллега, малютка, умница, сирота, староста*, например: *Он у нас хороший староста. Она у нас хорошая староста; Андрей был круглый сирота. Настя была круглая сирота.*

По мере того, как в русском языке «средством выражения рода существительных служат прилагательные с их родовыми окончаниями или глаголы в формах прошедшего времени и сослагательного наклонения» [Шелякин, 2000, с. 30], в болгарском языке прилагательное не согласуется с глагольным субъектом, например: *Петър е кръгъл сирак. Иванка е кръгъл сирак; Петър е голяма пияница. Иванка е голяма пияница.*

В болгарском языке имеются и существительные, которые употребляются то как имена мужского рода, то как имена женского рода. Это колебание в роде в большей степени вызвано влиянием местных народных говоров или особенностями заимствования от иностранных языков, например: *жар*, *кал* и *пепел* в староболгарском языке были словами от мужского рода, но в современном болгарском языке они изменили свой род: *жар* – *жарта*, *пепел* – *пепелта* (*хубава жар*, *голяма кал*, *сива пепел*).

Такое же изменение произошло и со словом *вечер*, которое когда-то было словом мужского рода. Входящее в устойчивое сочетание для поздравления, по старой привычке оно остается словом мужского рода: *Добър вечер!* или *Бъдни вечер*, но в свободных словосочетаниях оно слово женского рода – *приятна вечер*, *топла вечер* и т. д.

Существительные *тел* и *прах* являются одновременно словами и мужского, и женского рода: *тел* – *тельт*, *тела* и *телта*; *прах* – *прахът*, *праха* и *прахта*.

Наиболее существенные колебания в грамматическом роде в современном болгарском языке наблюдаются при наименовании должностей, профессии и званий, которые женщины имеют или занимают, например: *Заседанието бе ръководено от председателя / председателката на комисията* – инженер *Ирина Енчева*; *Госпожа Маринова е учител / учителка по информатика* и *директор / директорка на училището*.

К сожалению, мы часто слышим в передачах Болгарского национального телевидения обращения к женщинам министрам: «*Господин Министър*» или «*Тя е професорка по право*», «*Министърът на образованието и науката присъствала и открила новото училище*» и т. д.; читаем в болгарском прессе: «*Милиционерка от Русия стана Мис Вселена*» и т. п.

Действительно, в болгарском языке имеются существительные только мужского рода, у которых нет коррелятивных форм женского рода, несмотря на то, что речь идет и о женщинах. Условно эти имена можно объединить в три группы:

1. Существительные для обозначения новых профессий, должностей и званий: *мениджър*, *бодигард*, *докторант*, *доцент*, *професор*, *академик*, *декан*, *ректор*, *нотариус*, *прокурор*, *министър*, *политик* и др.

2. Названия профессий, характерных до недавнего времени только для мужчин: *архитект*, *водопроводчик*, *докер*, *електротехник*, *зидар*, *миньор*, *стругар*, *хлебар*, *шофьор*, *летец*, *пилот*, *водолаз*, *каскадьор*, *пожарникар*, *футболист*, *инженер* и др.

3. Военные чины и звания: *сержант*, *офицер*, *капитан*, *майор*, *полковник*, *генерал* и др.

Правильно говорить: *Госпожа Н. Михайлова беше министър на външните работи*; *Госпожа А. Енчева е професор и доктор на филологическите науки*; *Тя е авторитетен прокурор* и т. п.

При официальном общении болгарский речевой этикет требует, чтобы обращения к женщинам с научными званиями были *Госпожо Професор*, *Госпожо Доцент*, *Госпожо Академик*, *Госпожо Министър* и т. п.

При оформлении адресов и в официальных письмах, просьбах, заявлениях нужно знать, что слова *господин*, *госпожа*, *госпожица* пишутся перед именем лица, к которому обращаются, а не перед наименованием должности, которую занимает данное лицо, потому что должность не относится к полу, семейному положению и возрасту лица, например:

До
Директора на
СОУ «Хр. Ботев»
Госпожа С. Маринова

Уважаема госпожо Директор,
(или Уважаема госпожо Маринова)

Но наблюдается и другое. В языковой практике все чаще употребляются имена мужского рода даже тогда, когда есть соответствующее слово женского рода, например: «*Валя Иванова, **учител** от Стара Загора, е **нашият специален кореспондент***»; «*Тя е **собственик** на земята над автогарата и **автор** на проекта*».

Лингвистическая деятельность, при которой титулы, звания, профессии женщин обозначаются существительными мужского рода, называется маскулинизацией.

В болгарском языке неоднократно делались попытки объяснить это явление. Принимается, что формы мужского рода при обозначении социальной категории в нормативных актах и документах имеют представительный, нейтральный характер. По мнению Загнитко, существительные мужского рода для лиц отличаются от существительных женского рода, которые маркированы. Имена мужского рода нейтрализуют референцию с родом, так как подчеркивают не столько пол, сколько идею о социальной значимости профессии данного индивида, и «придают одну особую эмфазу и торжественность высказыванию, показывают его общий характер» [Загнитко, 1990, с. 29]. Следовательно, профессиональная квалификация, высказанная в мужском роде, ставит на второй план пол своего носителя.

Другие языковеды считают, что эта лингвистическая деятельность подвергается влиянию русской языковой традиции и наложению административного стиля речи. В своей статье 1964 г. К. Бабов приводит следующие слова, перешедшие из русского в болгарский язык: *асистент, аспирант, герой, делегат, депутат, директор, завеждащ, комунист, лауреат, лекар, новатор, общественик, организатор, председател, преподавател, престъпник, приятел, ръководител, секретар, учител, член* [Бабов, 1964, с. 213]. Заимствование создает предпосылку для механического восприятия русской языковой практики. По мнению К. Бабова, формулировка «*космонавтът другарката Терешкова*» неприемлема, ученый занимает решительную позицию против употребления имен мужского рода для обозначения женщин. Бабов считает, что болгарские языковые структуры позволяют языку всегда создавать морфологическим путем производные слова

женского рода от любого имени мужского рода, так как в словообразовательной системе болгарского языка нет таких помех стилистического характера, которые предполагали бы маскулинизацию в русском языке. По мнению автора, в болгарском языке очень редко существуют лексические и стилистические несоответствия между именами мужского и женского рода. Даже производные слова женского рода, встречающиеся в разговорном языке, как, например, *съдийка, директорка, министърка, професорка*, не коннотируют ни с каким пренебрежительным оттенком.

Другие болгарские языковеды не согласны с этим мнением [Влахова, 2001; Велева, 1991 и др.]. Они считают, что такие формы, как *министърка, президентка, професорка* или *посланичка*, являются стилистически маркированными и имеют пренебрежительный характер.

Интересен и тот факт, что новые заимствования из английского языка типа *брокер, барман, дизайнер, дилър, дистрибутор, мениджър, офис администратор* сразу же создали в устной речи и производные слова женского рода – *брокерка, барманка, дизайнерка, дилърка, дистрибуторка, мениджърка, офис администраторка*.

Употребление имен мужского рода при обозначении профессий, званий и должностей, которые занимают женщины, уже встречает серьезное сопротивление со стороны болгарской нормативной грамматики. Поэтому в «Нов правописен речник на българския език» (в Новом орфографическом словаре болгарского языка) (БАН, София, 2002) для некоторых слов, которые до недавнего времени употреблялись лишь в мужском роде, предложены и коррелятивные формы женского рода, например:

*агроном и агрономка, адвокат и адвокатка,
асистент и асистентка, депутат и депутатка,
експерт и експертка, икономист и икономистка,
инспектор и инспекторка, колега и колежка,
кореспондент и кореспондентка, космонавт и космонавтка,
кмет и кметица, председател и председателка,
президент и президентка, учител и учителка,
рецензент и рецензентка и др.*

Согласно существующей литературной норме, предложения, приведенные выше, в которых наблюдалось колебание в роде существительных, нужно писать так: *Заседанието бе ръководено от председателката на комисията – инженер Ирина Енчева. Госпожа Маринова е учителка по информатика и директор на училището. Валя Иванова, учителка от Стара Загора, е нашата специална кореспондентка. Тя е собственичка на земята над автогарата и авторка на проекта.*

Несмотря на то, что под влиянием русского и некоторых западноевропейских языков в болгарскую языковую практику входит много новых слов мужского рода, формы в мужском роде с референтом лица женщины смущают носителей болгарского языка, особенно когда они имеют артикль в позиции подлежащего в предложении, где глагольное словосочетание является

семантически согласованным, напр.: *Директорът* е разговаряла с родителите. *Деканът* беше свикала факултетския съвет. Наличие определительного артикля в болгарском языке усиливает признак рода, блокирует возможность семантического согласования и мотивирует создание производных форм морфологическим способом, в которых существует согласование между родом референта и грамматическим родом имени существительного.

Список литературы

1. Андрейчин, Л. Защо продължаваме да назоваваме и титулуваме жените с форма за мъжки род / Л. Андрейчин. – Български език, XXIV, кн. 5. – 1974. – С. 26–31.
2. Бабов, К. Думите в руски език «космонавт – жена-космонавт» и техните български съответствия / К. Бабов. – Български език, XIV, кн. 2. – 1964. – С. 209–214.
3. Брезински, Ст. Трудният български език / Ст. Брезински. – Унив. Изд-во «Св. Климент Охридски».
4. Велева, М. Съотношението род – пол при съществителните нарицателни имена за лица в българския език / М. Велева. – Български език, кн. 3. – 1991. – С. 204–211.
5. Влахова Р. За някои особености на хонорификативната система в съвременния български книжовен език. – В: Българският език през XX в. С., 2001.
6. Игнатова, Цонева. Култура на речта / Второ изд., прераб и доп. – Русе, 2008.
7. Компендиум лингвистических знаний для практических занятий по русскому языку / под ред. Ханса Шлегеля. – Берлин, 1992.
8. Пенчева М. Категорията род и названията за лица от мъжки и женски пол. – Бюлетин съпоставителни изследвания на българския език с други езици. 1977, № 4 – 5.
9. Русинов, Р. Традиция, съвременно състояние и мода при назоваване или титулуване на жените в българския език / Р. Русинов // Проблеми на българската книжовна реч. – София, 1974.
10. Сумрова, В. Проблемът за маскулинизацията на съществителните имена / В. Сумрова. – Български език, кн. 1. – 2001–2002. – С. 120–125.
11. Шелякин, М. А. Справочник по русской грамматике / М. А. Шелякин. – М., 2000.
12. Zdgnitko, A. A. Morfolohični katehoriji v systemi predikatnosti iKyjiv predikatynosti rečennja / A. A. Zdgnitko. – Kyjiv : NMK VO, 1990.

Н.Л. Шамне, А.Н. Шовгенин

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗРАБОТКИ АЛГОРИТМА ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА *

Практически любой регион современной России является многоязычным, имеющим представителей диаспор различных национальностей. В свою очередь, каждая диаспора вовлечена в коммуникативное взаимодействие с языковым большинством. Такая констелляция, характеризующаяся неравноценным, но обоюдным влиянием, рождает очевидную необходимость осмысления этого взаимодействия с эколингвистических позиций. В качестве предмета эколингвистики мы рассматриваем взаимодействие между языком,

* Исследование проводилось при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013 гг.» (Госконтракт № 02.740.11.0367).

человеком как языковой личностью и его окружающей средой. Язык при этом характеризуется как неотъемлемый компонент цепи взаимоотношений между человеком, обществом и природой.

На основании различных концепций отношений человека и окружающей его языковой среды [Chomsky, 1968; Бахтин, 1986, с.460; Гаспаров, 1996; Naugen, 2001; Calvet, 2007] можно определить важные проблемные области, которые должны быть покрыты эколингвистическим мониторингом.

Возможным путем концептуализации взаимодействия человека и языковой среды может стать рассмотрение человека в его различных ролях, то есть источника изменений, объекта изменений и потенциального субъекта ликвидации изменений в языке.

Исходя из трактовки мониторинга как оперативного сбора данных о сложных явлениях и процессах, описываемых достаточно небольшим количеством ключевых, особо важных показателей с целью оперативной диагностики состояния объекта исследования в динамике [Лукина, 2002; Реймерс, 1990], мы придерживаемся следующего определения: под мониторингом понимается специально организованная и постоянно действующая система сбора и анализа лингвистической информации, проведения дополнительных информационно-аналитических обследований (опросы населения и т. п.) и оценки (диагностики) состояния и тенденций развития языка в конкретном регионе.

Вопрос о мониторинге процессов, происходящих в системе функционирования русского языка в современной России во взаимодействии с другими языками, чрезвычайно актуален, поскольку эти изменения происходят в условиях переходного периода, в условиях разрушения одной системы и зарождения другой. Это означает в свою очередь, что опыта анализа состояния языка, перспектив его развития практически нет, тем более нет и его теоретического обобщения.

Таким образом, мониторинг языкового пространства региона как организованное системное наблюдение за ходом и характером качественных изменений в языке приобретает значимость фундаментальной проблемы.

Сформулированное нами определение эколингвистического мониторинга должно быть реализовано на практике посредством адекватных для решения поставленных задач инструментов. Использование этих исследовательских инструментов в конечном итоге должно привести нас к результату, который заключается в оценке исполнения русским и другими языками в регионе функций средства коммуникации на разных уровнях общества и в различных ситуациях интеракции. Оптимальной формой упорядочивания исследовательских мероприятий в этом случае является, на наш взгляд, алгоритм. В свою очередь, под алгоритмом мы понимаем последовательность действий, направленных на получение определенного результата за конечное число шагов.

Таким образом, в рамках эколингвистического исследования алгоритм представляет собой правило организации последовательности исследовательских мероприятий, направленных от оценки общей социокультурной ситуации в регионе, через определение социальных кластеров, установление значения

переменных обследуемых параметров, выявление проблемных областей, к формулированию мероприятий для стабилизации эколингвистического баланса.

При этом алгоритм такого исследования должен удовлетворять традиционным условиям логических построений, которые в рамках эколингвистики мы трактуем следующим образом:

- дискретность – алгоритм должен представлять процесс решения задачи как последовательное выполнение простых шагов, то есть получения данных по отдельным эколингвистическим параметрам. При этом для выполнения каждого шага алгоритма требуется конечный отрезок времени, то есть сбор и обработка исходных данных для получения результата осуществляются во времени дискретно;
- детерминированность или определенность. В каждый момент времени следующий шаг работы однозначно определяется состоянием системы. Таким образом, алгоритм выдает один и тот же результат для одних и тех же исходных данных;
- понятность – алгоритм для исполнителя должен включать только те действия, которые он в состоянии совершить над исходными данными;
- завершаемость (конечность) – при корректных исходных данных исполнение алгоритма должно завершиться получением конечного результата за конечное число шагов;
- массовость – алгоритм должен быть применим к разным наборам исходных данных, то есть вести к получению адекватного результата независимо от сочетания значений эколингвистических параметров;
 - результативность – завершение алгоритма определенным результатом.

Как уже отмечалось выше, эколингвистический мониторинг региона осуществляется в ходе получения данных по отдельным параметрам. Под эколингвистическим параметром мы понимаем 1) относительно постоянный показатель (количественный либо качественный / дескриптивный), характеризующий моделируемую систему; указывает, чем данная система отлична от других; 2) измеримая величина, характеризующая эколингвистическое пространство региона, его структуру, состояние. Каждый параметр характеризуется переменной. В рамках нашего исследования мы различаем два вида переменных, а именно количественные и качественные или дескриптивные. Количественные переменные, соответственно, имеют численное выражение и могут быть обработаны в рамках стандартных методов математической статистики. Большую сложность представляют дескриптивные переменные, под которыми мы понимаем переменные, которые не могут иметь количественных числовых значений. Значение качественной переменной выражается текстовым описанием, рисунком или каким-либо другим поясняющим его смысл способом. Качественные переменные измеряются в классификационной шкале (номинальной), когда в результате измерения определяется принадлежность объекта к определенному классу или в порядковой шкале, когда в результате измерения также определяется принадлежность объекта к некоторому классу, но дополнительно можно упорядочить объекты, сравнив их в каком-либо отношении друг с другом.

Данные мониторинга реализуются в виде описаний, диаграмм и графиков. Может быть построен график действующей нормы (тренд), а на той же плоскости график на основании собранных данных; мониторинг по отдельным словам, грамматическим конструкциям, фонетике, которые обнаруживают отклонение от нормы.

Результатом мониторинга является формулирование мероприятий, направленных на стабилизацию эколингвистической системы региона, как отмечалось выше. Однако очевидно, что воздействовать на эколингвистическую систему региона в целом невозможно, равно как и невозможно проводить ее обследование в таком формате. В процессе проведения исследований нами было установлено, что кластером для проведения обследования должна быть структурированная в рамках социальной системы группа людей, к которой такие мероприятия могут быть применены. Одним из таких подходов к подразделению общества на кластеры может быть подразделение по сферам трудовой и образовательной занятости. Безусловно, мы не можем упускать из рассмотрения и институциональную организацию общества.

Подводя итог приведенному выше теоретическому описанию проблем и задач эколингвистического мониторинга региона, следует отметить, что он является также инструментом изучения расхождений в развитии окружающей действительности и языка, а следовательно, скрывает в себе огромный потенциал лингвистического реагирования на социальные вызовы современности.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1986. – 543 с.
2. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М. : Новое лит. обозрение, 1996. – 352 с.
3. Лукина, В. Е. Мониторинг состояния окружающей среды. Нормирование качества окружающей среды / В. Е. Лукина. – Донецк, 2002.
4. Реймерс, Н. Ф. Природопользование : слов.-справ. / Н. Ф. Реймерс. – М. : Мысль, 1990. – 637, [2] с.
5. Calvet, L.-J. Approche sociolinguistique de l'avenir du français dans le monde / L.-J. Calvet // Herodote. – 2007 – № 3 (126). – P. 153–160.
6. Chomsky, N. Language and Mind / N. Chomsky. – N. Y. : Harcourt : Brace & World, 1968.
7. Haugen, E. The Ecology of Language / E. Haugen // The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment / ed. by A. Fill. – L. ; N. Y., 2001. – P. 57–66.

Е.М. Шентухина

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ДРЕВНЕРУССКОГО ГЛАГОЛА В СИНХРОННО-ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Комплексный подход, предполагающий всестороннее исследование языковых единиц с учетом особенностей мышления человека той или иной

эпохи, существенно расширяет границы изучения словообразовательных процессов, позволяет рассмотреть их с позиций организации смыслового пространства языка, давая возможность по-новому взглянуть на формирование словообразовательной парадигмы русского глагола.

Реализовать идею рассмотрения языковых фактов во взаимосвязи с особенностями мышления, восходящую в русской лингвистической традиции к трудам Н.В. Крушевского [1998], А.А. Потебни [1958], представляется возможным с опорой на когнитивно-коммуникативную парадигму, базовыми элементами в которой являются понятия *концептуальное ядро*, *стереотипность*, *концептосфера* [Лопушанская, 2003]. Ключевым в этом ряду становится термин «стереотипность» в той интерпретации, которая предложена в работах С.П. Лопушанской. Стереотипность рассматривается как «свойство слова, обеспечивающее набор наиболее значимых признаков определенного концепта», как смысловая доминанта концепта и «является стержневым маркером, показателем выраженности того или иного концепта в процессе мыслительной деятельности, направленной на преобразование внутренней речи во внешнюю» [Лопушанская, 2003, с. 262]. Стереотипность соединяет в процессе речемыслительной деятельности ядро концепта и категориально-лексическую сему слова как языковой единицы. Сложная трансформация внутренней речи во внешнюю эксплицирована в виде семантических изменений двух типов: семантической модуляции и семантической деривации [Лопушанская, 2003, с. 262–263]. Семантическая модуляция понимается как «универсальный речемыслительный процесс, объединяющий разноуровневые средства данного языка в ряды речевых соответствий для реализации семантико-смысловой соотнесенности компонентов смысловой структуры слов, словоформ, морфем, словосочетаний, предложений, текста» [там же].

Применение основных понятий лингвистической концепции профессора С.П. Лопушанской представляется продуктивным при анализе явлений словообразования и позволяет характеризовать формирование словообразовательной парадигмы как синхронно-диахронический процесс, при котором модуляционные семантические изменения в смысловой структуре производящего глагола рассматриваются как явления плана синхронии; регулярность этих изменений и на ее основе изменения системного характера – появление новых слов в результате семантического и морфемного словообразования – относятся к плану диахронии.

В статье на примере древнерусского глагола *dsry=nb* и его приставочных производных раскрыт механизм формирования словообразовательной парадигмы древнерусского глагола, которую образуют «производные, имеющие одну и ту же производящую основу и находящиеся на одной ступени словопроизводства» [Кубрякова, 1990, с. 366].

С этой целью реконструирована семантическая структура производящего слова. У глагола *dsry=nb* в качестве категориально-лексической установлена сема 'изменение навыков субъекта', которая реализуется в интегральных семах

(ИС) 'характер субъекта', 'характер объекта', 'характер процесса', 'способ изменения навыков'.

Интегральная сема 'характер субъекта' представлена дифференциальными признаками (ДП) «одушевленность», «конкретность», «активность»: Zrj gjlj,ftnm ghjcd4oymysbv] d4h4 dsry=nb b d] chl= y14k4 d]pd4ofnb gbcrjg= bkb gjg]v] (Кормчая Ефремовская XII в.). В приведенном контексте субъект выражен субстантивированным причастием.

Интегральная сема 'характер объекта' конкретизируется дифференциальными признаками «неодушевленность», «абстрактность», «пассивность», поскольку в процессе изменения состояния субъект получает новые практические знания, навыки. В контексте интегральная сема эксплицируется абстрактными существительными в формах Вин. без предлога: fo' b bp byjuj ghbl'nm vjyfcns5 gjg]. bkb lbfrjy]. y' f,bt yf ck=;m,= njuj ghbbv'nm. y] gmhd4t lf gh4,=l'nm lj nhbb v(c)wm bkb,jk'. b vfyfcnshmcrt lf dsry'nm =cnh]tybt (Устав студийский церковный и монастырский XII / XIII в.); Lj,hj ;' gfx' dsry6nb fin' r]nj p4kj v6lh] k=xbnmc5 (Пандект Антиоха XI в.). Абстрактное существительное в функции объекта может быть употреблено в форме Дат. без предлога: d4h4 dsry=nb (Кормчая Варсонофиевская к. XIV в.).

Исходным признаком, конкретизирующим интегральную сему 'характер процесса', является дифференциальный признак «приобретение навыков», например: dmc5rjuj ghbd'cnb [jn5offuj. yf 'gbcrjgmcrsb cfy]. dmc' g4ybt d4l4nb lf frs jn] njuj. dmcn b;' j y'vm rkbhj] cbw' =d4ofdfnm dsry=nb (Кормчая Ефремовская XII в.).

Интегральная сема 'способ изменения навыков' конкретизируется основным дифференциальным признаком «интеллектуальные усилия», например: Y4 x.lmy] =xbn'km b;' lj,h4 dsr]y=ofz l4nb gh4v=lhs c]ndjhbnm, y] b;' y' dsry=ofz b y'v=lhs =v=lhbd] b c]dmhibd] (Лествица Иоанна Синайского XII в.).

Рассмотренные компоненты семантической структуры глагола dsry=nb актуализируются при употреблении производящего в прямом значении «учиться, усваивать». Модуляционные семантические изменения в смысловой структуре бесприставочного глагола наблюдаются в рамках реализации интегральных сем 'характер процесса' и 'способ изменения навыков'.

Исходным дифференциальным признаком, реализующим интегральную сему 'характер процесса', был ДП «приобретение навыков». Оппозит данного дифференциального признака – «утрата навыков» – в смысловой структуре бесприставочного глагола dsry=nb является модуляционным, не приводящим к изменению категориально-лексической семы; он воспринимается как потенциальный и актуализируется в приставочном глаголе jn]dsry=nb.

Интегральная сема 'способ изменения навыков' в зависимости от контекста может быть представлена различными дифференциальными признаками.

Дифференциальный признак «физические усилия», являющийся оппозитом основному ДП («интеллектуальные усилия»), наличествует в смысловой структуре глагола dsry=nb как потенциальный; именно он актуализируется в смысловой структуре приставочных производных yfdsry=nb, j,sry=nb.

В некоторых контекстах в смысловой структуре бесприставочного глагола происходит активизация ДП «повторение состояний» при нейтрализации исходного дифференциального признака: ;'yf lf dsry'nm d] dmc5rjvm gjdbyjd'y2b (Изборник Святослава 1073 г.). При такой перегруппировке семантических признаков в смысловой структуре глагола dsry=nb наблюдается семантическая модуляция, поскольку категориально-лексическая сема 'изменение навыков субъекта' сохраняется.

Описанные возможности выражения производящим глаголом категориально-лексической семы 'изменение навыков субъекта' обусловлены реализацией стереотипности, отражающей представления о процессе интеллектуальной деятельности, обеспечивающей набор наиболее значимых признаков концептуального ядра, в которое включаются представления о том, что человек различными способами приобретает практические знания, умения, навыки. Признаки концептуального ядра находят отражение в семах различного уровня абстракции, составляющих семантическую структуру глагола dsry=nb, репрезентирующего концепт 'интеллектуальная деятельность' концептосферы 'действие'.

Формирование парадигмы приставочных глаголов происходит в рамках модуляционных семантических изменений в смысловой структуре производящего глагола. В процессе морфемного словообразования приставка фиксирует модуляционные семантические изменения в смысловой структуре производящего глагольного слова, выполняя модуляционно-маркирующую функцию [Шептухина, 2009, с. 186–187]. При этом в смысловой структуре производных глаголов сохраняется категориально-лексическая сема производящего слова, а свойственные ему дифференциальные признаки перераспределяются между производными с разными префиксами. Стереотипность как смысловая доминанта концепта, обеспечивающая набор наиболее значимых его признаков, задает границы парадигмы, обуславливает семантическую соотнесенность производящего и производных глаголов.

Список литературы

1. Крушевский, Н. В. Заговоры как вид русской народной поэзии / Н. В. Крушевский // Избранные работы по языкознанию. – М. : Наследие, 1998. – С. 25–47.
2. Кубрякова, Е. С. Парадигма / Е. С. Кубрякова // Лингвист. энцикл. слов. / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. Энцикл., 1990. – С. 366.
3. Лопушанская, С. П. Концептуальное ядро русского слова, функционирующего в современном тексте / С. П. Лопушанская // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – С. 259–269.
4. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике. В 4 т. Т. I–II / А. А. Потебня. – М. : Госучпедгиз, 1958. – 534 с.
5. Шептухина, Е. М. Функции древнерусских глагольных приставок в процессе словообразования / Е. М. Шептухина // IV Междунар. Бодуэн. чтения : тр. и материалы. В 2 т. Т. 2: Морфемика, словообразование, грамматика. История языка и диалектология. Лингводидактика. Литературоведение и фольклористика. – Казань : Каз. гос. Ун-т, 2009. – С. 186–187.

О «ЧИСТОМ» И «СОВМЕЩЕННОМ» ТИПАХ ПРЕДИКАТИВАЦИИ КРАТКИХ ПРИЧАСТИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ *

Безлично-предикативная транспозиция кратких причастий в русском языке представлена образованиями типа *разрешено, запрещено, установлено, обнаружено, доказано, подтверждено, забыто, написано; освещено, убрано, сломано* [см., напр.: Пешковский, 1938, с. 331–332; Виноградов, 1986, с. 340–341]. Согласно авторам «Краткой русской грамматики», «от кратких причастий прошедшего времени среднего рода следует отличать совпадающие с ними по форме причастные предикативы на *-но* и *-то*, употребляющиеся в позиции главного (или одного из главных) членов предложения: *в доме убрано; закрыто на учет; курить запрещено*» [Краткая русская грамматика, 1989, с. 302]. Их транспозиция в разряд предикативов осуществляется, на наш взгляд, в двух типах контекстов: 1) **в контексте предикативации** («чистый тип транспозиции») и 2) **в контексте предикативации и адъективации** («совмещенный тип транспозиции»; см. также [Шигуров 2010: 43–44]). Соответственно могут быть выделены два типа предикативирующихся кратких причастий:

1. **Неадъективированные краткие страдательные причастия на *-но* / *-то*** типа *сказано, написано, сообщено, подтверждено, доказано, забыто* во временных формах акционального перфекта (*написано*), претерита (*было написано*) и футурума (*будет написано*). Такие краткие причастия образуются от глаголов, которые обозначают действия, не способные изменить внутреннее качество объекта. Это могут быть глаголы со значением речи, мысли, создания объекта и т. п. типа *сказать, произнести, установить, забыть, написать* и др. См. пример аналитического пассива СВ глагола в безличном предложении, приведенный Л.Л. Буланиным [Буланин, 1986, с. 3]: *Об этом **написано** в газетах*. Причастные предикативаты (*сообщено, выявлено* и др.), то есть словоформы, в той или иной мере приближенные к предикативам типа *ему весело*, при употреблении в позиции главного члена (простого глагольного сказуемого) безличной конструкции сохраняют свои глагольные свойства: значение действия; категории вида (СВ), залога (пассив) и абсолютного времени (перфект). Кроме того, они передают в формах вспомогательного глагола (*было / будет сообщено*) значение наклонения (индикатива или конъюнктива). В то же время формы 3-го лица, среднего рода и единственного числа у вспомогательного глагола как компонента аналитического пассива СВ оказываются у них десемантизованными, то есть «пустыми». В таких случаях

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Исследование предикативации как типа ступенчатой транспозиции слов и словоформ в системе частей речи русского языка»), проект № 08-04-00342а.

имеет место нейтрализованный тип их употребления: *Об этом было / будет сообщено по радио*. Ср. соотносительную неопределенно-личную конструкцию с претеритальным активом СВ глагола *сообщили*: *Об этом сообщили по радио*. Аналогичный тип нейтрализации категорий лица, числа и рода представлен в соответствующих типах употребления безличных глаголов; ср.: *Ему нездоровится / нездоровилось*.

Применительно к причастиям типа *послано, указано, отмечено* можно говорить, по-видимому, лишь о начальном этапе их движения по направлению к предикативам. Не случайно именно такие формы, то есть не подверженные адъективации и сохраняющие глагольные категории вида и залога, не признавались многими лингвистами среди образований, относимых к особой части речи – словам категории состояния. Но, справедливости ради, надо сказать, что и краткие причастия вроде *сказано, сообщено, написано* в роли безличного предиката (*Об этом сказано в инструкции*), как и отадъективные предикативы типа *Ему весело*, в равной мере лишены форм согласования в роде и числе с подлежащим. Поэтому флексия -о у них также может быть признана «пустой», утратившей парадигматическую связь с категориями рода и числа.

2. Адъективированные краткие страдательные причастия на -но / -то преимущественно от глаголов СВ типа *прибрано, подметено, покрашено, открыто, закрыто, освещено; запрещено, разрешено* и т.п. Предикативы на базе кратких форм адъективированных страдательных причастий НСВ вроде *крашеный, жареный, вяленый* встречаются крайне редко. Напр.: *Зеленый крашеный купол церкви, осененный бедным, но чистеньким позолоченным крестом, сиял под солнцем* (Е. Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона). Ср.: 1) краткую форму адъективирующегося причастия НСВ в функции предиката двусоставной конструкции: *За покатым свалом Днепра небо крашено лазурью, киноварью...* (М.А. Шолохов. Тихий Дон) и 2) предикатив на базе адъективированного краткого причастия в безличном предложении с отрицанием: *Здесь не крашено!* См. также: *В помещении давно не топлено*.

Причастия СВ типа *покрашенный* в полной и краткой формах могут быть употреблены в контексте грамматической адъективации, а в краткой форме среднего рода единственного числа – в «совмещенном» контексте грамматической адъективации и предикативации. Оба типа транспозиционных преобразований причастий имеют чисто грамматический характер, обнаруживая себя в сфере функциональной, а не лексической омонимии. Иллюстрацией этого типа грамматических омонимов могут служить следующие типовые контексты:

(1) *Темный коридор, покрашенный шаровой краской для артиллерийских снарядов, мрачная кухня с веревками для белья, с лесенкой полочек для туалетного и хозяйственного мыл по обе стороны от раковины, с закрепленными за каждым жильцом конфорками трех газовых плит, с жильцами, исключительно женщинами...* (А. Найман. Все и каждый); *Окно вчера было покрашено маляром (страдательное причастие СВ);*

(2) *Перед этим завесил стены комнаты картинами на алюминии, кустарными тарелками и покрасил колонки буфета в синий цвет. Покрашенный буфет не изменился* (В.Б. Шкловский. Третья фабрика); *Здание покрашено и выглядит очень празднично* (**причастие, подвергшееся грамматической адъективации и функционирующее в рамках глагольной лексики покрасить**);

(3) *Маляр выкрасил садовую решетчатую скамейку, поставил вывеску – «Осторожно. Покрашено» – и ушел* (К.А. Федин. Первые радости) (**статальный предикатив со значением производного состояния предмета, сформировавшийся на базе адъективированного краткого страдательного причастия**).

В случаях (2) и (3) мы имеем дело с одновременной грамматической адъективацией и предикативацией краткого причастия СВ *покрашено*. Но грамматическое перерождение словоформ *покрашенный*, *покрашено* не приводит, как уже сказано, к нарушению смыслового тождества глагольной лексики *покрасить*, свидетельствуя лишь о формировании грамматических омонимов: *покрашенный-1* (полное страдательное причастие СВ) – *покрашенный-2* (отпричастное прилагательное); *покрашено-1* (краткое страдательное причастие как компонент аналитической формы пассива финитного глагола СВ *было покрашено*; ср. форму актива СВ глагола: *Маляр покрасил окно*) – *покрашено-2* (краткое отпричастное прилагательное) – *покрашено-3* (синкретичная структура, синтезирующая свойства отпричастного прилагательного и предикатива). Процесс функциональной адъективации причастия приводит к ослаблению и утрате в нем грамматических признаков глагола, а именно, семантики действия, категорий вида, залога, времени (а в аналитических формах пассива СВ типа *было покрашено* – и наклонения), функции вторичного предиката и др. [см., напр.: Буланин, 1976, с. 16; 1986; Шигуров, 1993, с. 246–257].

При предикативации адъективированные краткие причастия используются в синтаксически независимой позиции главного члена безличного предложения, утрачивая при этом избыточные для данного употребления формы согласования с подлежащим в среднем роде и единственном числе. Ср.: *Здание покрашено* --> *В здании покрашено*. В связи с этим меняется и категориальный статус флексийной морфемы *-о* в предикативе *покрашено*. По замечанию Ю.П. Князева, роль флексий в гибридных структурах, совмещающих признаки прилагательных, наречий и безличных предикативов, существенно ослабевает [см.: Князев, 2007, с. 168–169]. Проявляется это, прежде всего, в ее фиксированном употреблении. При адъективно-предикативной транспозиции кратких страдательных причастий (*Осторожно. Покрашено*) их флексия *-о* утрачивает согласовательные функции и связь со словоизменительными парадигмами категорий рода и числа. Она как бы «застывает», «каменеет», превращаясь в суффикс. Ср., впрочем, аналогичную трансформацию флексий в суффиксы у отсубстантивных и отадъективных предикативов: *Охота отдохнуть* (<-- *Идет охота* на волков.

В.С. Высоцкий; существительное); *Нужно* подумать над возможными последствиями (<-- Для цеха *нужно* новое оборудование; краткое прилагательное).

Список литературы

1. Буланин, Л. Л. Трудные вопросы морфологии / Л. Л. Буланин. – М. : Просвещение, 1976. – 207 с.
2. Буланин, Л. Л. Категория залога в современном русском языке / Л. Л. Буланин. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 88 с.
3. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1986. – 640 с.
4. Князев, Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе / Ю. П. Князев. – М.: Яз. славян. культур, 2007. – 704 с.
5. Краткая русская грамматика / В. Н. Белоусов, И. И. Ковтунова [и др.] ; под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. – М. : Рус. яз., 1989. – 639 с.
6. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М. : Учпедгиз, 1938. – 451 с.
7. Шигуров, В. В. Типология употребления атрибутивных форм русского глагола в условиях отрицания действия / В. В. Шигуров ; науч. ред. Л. Л. Буланин. – Саранск : Изд-во Морд. ун-та, 1993. – 385 с.
8. Шигуров, В. В. О месте предикативации в системе транспозиционных процессов на уровне частей речи / В. В. Шигуров // Русский язык: исторические судьбы и современность : IV Междунар. конгресс исследователей рус. яз. (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филол. фак., 20–23 марта 2010 г.) : тр. и материалы / сост. М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 43–44.

И.А. Щирова

**Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)**

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: ГРАНИЦЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Изучение процессов концептуализации признается перспективным направлением когнитивной парадигмы научного знания, что закономерно приводит исследователя художественного текста к разработке методик, направленных на описание текста как частного (индивидуально-авторского) варианта концептуализации мира. Использование в ходе этого описания базовых понятий когнитивистики «картина мира» и «концепт» позволяет текстолингвисту увидеть в тексте уникальное по своей языковой организации средство объективации индивидуально-авторской картины мира как концептуальной системы. На основании изучения языковых средств, репрезентирующих эту систему и являющихся предметом индивидуально-авторского выбора, делаются выводы о специфике авторского отношения к миру, которая всегда находит отражение в тексте, сколь бы высокую степень отрыва от реальной действительности не демонстрировал его фантазийный мир.

В «Словаре русской культуры» Ю.С. Степанов указывает на сложность концепта, усматривая в нем, с одной стороны, «явление того же порядка, что и понятие» и, соответственно, слово, способное (хотя и изредка) служить синонимом слову «понятие» в научном языке, а с другой стороны, – сложную структуру, существующую в реальном сознании не в виде четкого понятия, а в виде «‘пучка’ представлений, понятий, значений, ассоциаций, переживаний», которые «сопровождают» языковой репрезентант концепта [Степанов, 2001, с. 43]. Имея дело с различными формами вербализации концепта и формулируя перед собой задачу описания его содержания не иначе, как на основе изучения этих форм, исследователь занимается моделированием той ментальной сущности, которую представляет собой концепт. Выводы об организации подобных ментальных сущностей, обретающих в тексте единственно релевантную для текстолингвиста языковую реальность, являются гипотезами, что, впрочем, не умаляет их значимости, поскольку «мера гипотетичности в этом случае», – вновь сошлемся на Ю.С. Степанова, – «не больше, чем в других гуманитарных исследованиях» [Степанов, 2001, с. 60]. Вне зависимости от того, какие именно методики описания концепта используются исследователем – упомянем для примера привычное многим описание концепта как слоистой-зональной структуры или биокогнитивные подходы к концепту, постулируемые когнитивистикой второго поколения, – реализация этих методик представляет собой очередную попытку моделирования сущности, с которой в действительности лингвист не может работать по определению. Эта сущность не только носит умозрительный характер, но и, являясь элементом концептуальной системы человека, постоянно меняется. «Очеловеченность» концепта предопределяет сложность построения его модели. Исследователь может довести описание некоторых концептов (ср. «ЛЮБОВЬ», «ПРАВДА», «ИСТИНА» и пр.) «лишь до определенной черты, за которой лежит некая духовная реальность, которая не описывается, но лишь переживается» [Степанов, 2001, с. 83]. Столь же «неописуемым» признается и описание «интимно-личного круга ассоциаций», которые вызывает концепт. «Это уже не может быть описано в словаре, – замечает Степанов, – а иногда не может быть описано и вообще, в принципе – неописуемо» [там же, с. 82].

Итак, модель авторской картины мира как системы индивидуально-авторских концептов помогает изучить сложный и недоступный в реальности объект. Как и любая иная модель, она дает огрубленное представление об объекте моделирования, упрощает его, однако обладает доступностью и объяснительной силой. При этом, исходя из условности разведения в процессе научного описания понятий «когнитивный» и «коммуникативный», текстолингвист, ставя перед собой задачу моделирования тезауруса творческой языковой личности, закономерно должен видеть в этой личности участника художественной коммуникации. Коммуниканты, к которым он апеллирует, являются ментальными конструктами, гипотетическими сущностями, компонентами той абстрактной ситуации литературной коммуникации, которую он выстраивает в своем сознании. Научная ценность гипотетических

конструктов очевидна: усматривая в авторе «объективированный субъект» и работая с языковой данностью текста, а не с сопровождающим текст фактографическим материалом, текстолингвист, может оперировать лишь такими абстрактными понятиями. Например, говоря об авторской картине мира, он должен иметь в виду категорию имплицитного (подразумеваемого) автора, «образ» автора, который «вырастает из текста» и носит собирательный характер. Заметим, что, как и реально существующий концепт, эти ментальные конструкты имеют реально существующие аналоги (объекты моделирования), каковыми являются коммуниканты, принадлежащие конкретному времени и пространству.

Сложность моделирования авторской картины мира как концептуальной системы, во многом предопределенная сложностью моделирования «концепта», усугубляется еще рядом причин. Упомянем лишь некоторые из них.

Бесспорно, сложен не только отбор тех индивидуально-авторских концептов, которые представляют наибольшую исследовательскую значимость для описания авторской картины мира, но и выстраивание их иерархии, поскольку все элементы текста эстетически значимы (ср. «нулевой прием», «нулевая степень письма» и пр.). Это подтверждается статусом текста как эстетического события, в котором реализуются базовые принципы текстопостроения: селекция и комбинация.

Следует упомянуть и еще об одной причине. Как любая иная картина мира, авторская картина мира включает в себя универсальную, национальную и индивидуальную составляющие. В художественном тексте, где лингвокреативный субъект демонстрирует наивысшую степень креативности, свидетельством чему является уникальный творческий продукт (текст), особо важной представляется «ускользающая», в силу своей неповторимости, индивидуальная составляющая картины мира. Именно с ней соотносятся личностные авторские мотивации, оценки и ассоциации, отражающие особенности познания мира художником слова и получающие выражение в уникальной языковой форме. Уникальность запечатленного в тексте творческого мировосприятия традиционно находит отражение в концептуально-терминологическом аппарате текстолингвиста, прежде всего, в понятии индивидуально-авторского стиля, а также в иных понятиях, предполагающих работу творческого сознания: «авторский замысел», «авторская интенция», «авторский образ», «авторская интонация» и пр. С наибольшей очевидностью оригинальность авторского видения запечатлевает система разноуровневых художественных образов, будь то языковые образы; образы, формирующие отдельные смысловые и содержательно-формальные микросистемы текста (ср. системы образов персонажей, пейзажные образы и пр.) или его целостный образ.

Огрубленность моделируемой исследователем авторской картины мира возрастает в связи с тем, что текстолингвист не учитывает реально влияющие на внутренние механизмы творчества подсознательные процессы, о чем эксплицитно свидетельствует одно из важнейших понятий «науки о тексте» – «авторская интенция». Исследование подсознательных процессов лежит вне

сферы его компетенции, хотя и проводится представителями иных областей научного знания, например, психоаналитической критики.

Сложность моделирования авторской картины мира как концептуальной системы априорна и в силу того, что некоторые из индивидуально-авторских концептов, объективируемых в художественном тексте, формируются на базе культурных концептов. Это предполагает активное обращение исследователя как к лингвокультурологическим трудам, где подобные концепты могут выступать предметом самостоятельного изучения, так и к собственным выводам об их содержании, что требует дополнительной работы с дефинициями слов, обозначающих концепт, их синонимами, дериватами, фразеологизмами, пословицами, поговорками и прочими формами вербализации культурных концептов, принадлежащих коллективному сознанию. Важной частью такой работы должна стать и работа с текстом.

Акценты на сложности построения модели авторской картины мира, объективируемой художественным текстом, не уменьшают значимости моделирования как гносеологической категории, которая характеризует важный путь познания человеком мира и себя как его части и поэтому востребована современными стилями научного мышления. Более того, представляется, что достоверность выводов текстолингвиста увеличится, если придать работе с языковыми репрезентантами индивидуально-авторских концептов системный характер, например, путем использования в процессе моделирования понятия «алгоритм». Это понятие, подразумевающее строго заданную последовательность выполняемых операций, набор приемов в рамках заданных языковых средств, может выступить своего рода компенсаторным механизмом по отношению к сложной природе текста и к не менее сложной системе индивидуально-авторских концептов. Характер операций при этом будет диктоваться конкретикой целей и задач исследователя. Еще одним возможным решением «упрощения сложности» работы с языковым материалом может явиться построение иерархии оппозитивных эмотивно-оценочных текстовых смыслов, фиксирующих ценностные ориентации персонажей-антиподов (протагониста и антагониста) и опосредованно (прямо или методом от противного) транслирующих авторскую точку зрения. Важность систематизации оппозитивных смысловых зависимостей как таковых подтверждается важностью моделей и механизмов семантического противоположения для описания реальных структур знания.

Список литературы

1. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М., 2001.

Секция
**ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ**

Е.А. Андрющенко

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ
КОНЦЕПТА «ЧУЖОЙ» («ДРУГОЙ»)
(НА МАТЕРИАЛЕ ЭЛЕКТРОННЫХ БРИТАНСКИХ СМИ)**

Статья посвящена актуальной проблеме лингвистики – использованию оппозиции «свой – чужой» в языке СМИ Британии с точки зрения лексического наполнения. Концепт рассматривается в рамках когнитивного подхода. Исследуется вербализация базового концепта «свой – чужой» в современной языковой картине мира. Анализируются средства и способы реализации номинативных и дискурсивных стратегий при создании образов государств.

Проблема изучения национальных особенностей языкового сознания коммуникантов привлекает пристальное внимание ученых различных стран. Изучение проявления культуры в языке осуществляется с помощью анализа различных типов текстов и выделения в них социокультурных единиц. Лексические единицы насыщены культурной информацией о быте нации, они в большей мере отражают отношения с представителями другой нации, тем самым, фиксируя «свое» и «чужое».

Оппозиция «свой» – «чужой» является предметом изучения различных социально гуманитарных наук, в частности, концепт свой – чужой рассматривается представителями социальной психологии, (наряду с описанием проблем группы и аутгруппы), истории, философии, языкознания. Более того, проблемы чуждости изучаются междисциплинарно, на стыке таких гуманитарных дисциплин, как этнопсихология, лингвострановедение, психологическая и культурная антропология, этнопсихолингвистика.

Проанализировав научную литературу по данной проблеме, можно сделать вывод, что отношение к «своему» положительно, достоинства «своих» высоко ценятся, в отличие от отношения к «чужим», которое отрицательно. Авторы учебника «Культура и этнос» выделяют «источник добра», включающий в себя «образ себя» или «мы – образ», то есть образ коллектива и «источник зла», который можно обозначить как «образ врага» [http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/KultEtn/02.php].

Разделение на «своих» и «чужих» появляется в античные времена. Варвар отличает «своего» от «чужого» не только по цвету кожи, волос, раскраски на теле. Этнодифференцирующую роль играет культура: быт, привычки, язык, поведение человека. Отношения между «своими» и «чужими» ухудшаются,

после того как эмигранты стремительно выдвигаются вперед, за счет стремления достигнуть успеха в новом, неизведанном крае (например, появление евреев-купцов, или интеллигентов в России).

Мы предполагаем, что отношение англичан к «чужим» – эмигрантам не на столько отрицательно, как, например, у немцев или русских. Это связано с тем, что исторически с XI века Англия не была никем завоевана, в Англии не было крепостного права, то есть англичане на протяжении нескольких веков не испытывали «национальных и социальных унижений» [[http://www.gumer.info/bibliotek Buks/Polit/pomer/kto takie.php](http://www.gumer.info/bibliotek/Buks/Polit/pomer/kto_takie.php)].

Анализ практического материала (электронные версии газет The Times, The Daily Telegraph, The Daily Mail и другие материалы BBC) зафиксировал значительную долю этноконфликтогенных публикаций, которые с наибольшей частотностью встречаются в статьях, описывающих проблемы криминала, терроризма, войны. Так, по мнению Е.О. Хабенской, «продуцирование ксенофобии (этнофобии) чаще всего происходит посредством избирательного обозначения журналистами этнической принадлежности героев криминальных сюжетов (указывания на этничность преимущественно «нерусских» преступников), что объективно способствует формированию в массовом сознании представителей этнического большинства негативных этнокультурных стереотипов других (иноэтничных)» [<http://www.ashpi.asu.ru/studies/2005/hbnskja.html>].

В данной статье мы попытались, опираясь на лингвистический анализ текстов, выделить и описать несколько образов «чужих» встречающихся в современной прессе Британии. Политический образ «чужого» находит свое отражение в оппозиции «народ-власть». Компоненты данной оппозиции репрезентируются с помощью прямого наименования того или иного политика. В связи с последними политическими событиями в Британии (участие в войне в Ираке, недовольство народа недостаточным обмундированием армии и т.д.) чаще всего в отрицательном контексте звучат имена Тони Блэра и Гордона Брауна. Gordon Brown failed to properly equip troops for war, says David Cameron (The Telegraph, 03.02.10). You are a liar and murderer they screamed at him: Fury in public gallery as Blair says «I have not a regret» [The Daily Mail, 31.01.10]. Вызывает интерес случай употребления такой лексической единицы как «Blairites», обозначающей людей поддерживающих идеи Блэра. Оппозиция «народ-власть» может быть представлена с помощью слов обобщенного понятия «власть», включающего в себя различных политиков, отдельные партии. Our country deserves more than this, but this is what is happening today [The Daily Mail, 31.01.10]. В данной статье речь идет о Лусиане Бергер, (и о политической системе в целом) которая достигла определенного высокого положения в политике благодаря знакомству с сыном Блэра. «Another bright young thing with absolutely no experience», «She once launched a light-hearted campaign to put “femininity back into feminism”, “Great Britain PLC ix being run by Donkeys”» [The Daily Mail, 31.01.10].

Наряду с образом «чужого» в лице власти, в прессе проявляется образ «этнически чужого». В связи с историческими особенностями развития Британии до последнего времени самым популярным «чужим» в Британии был

представитель Индии, Пакистана или Бангладеш. В современной прессе мы не встретили упоминания о людях из этих стран и об этих странах вообще. На наш взгляд, это взаимосвязано с внешней политикой Соединенного Королевства, а именно, военными конфликтами на территории Ирака и Афганистана. Важную роль в выборе материала для написания газеты играют процессы глобализации или американизации. Авторы Британских статей массовой информации называют данные явления как «Westoxification». Приведем примеры, отражающие современные процессы, протекающие в Британском обществе. «Ms Berger claimed she had been spat on at a student conference for being Jewish...» [The Daily Mail, 31.01.10], «This (revolutionary cry “Independence, Freedom, Islamic Republic”) suggested an Islamic Republic could bring freedom from the state oppression of the Western-backed Shah’s regime» [BBC, 07.12.09]. По мнению Л. Ениной, «лексика, имеющая негативную окраску и находящаяся за пределами литературного языка, выплескивается на страницы газет и способствует развитию агрессии, возвращает, подпитывает нашу агрессию. В таких случаях речь идет уже не о толерантном отношении к чужим, а о недопустимом в прессе лингвистическом воплощении интолерантной позиции» [http://www.tolerance.ru/biblio/dzyalosh-1/multi/2_enina.html]. Анализ статей об Ираке показал, что авторы намеренно используют большее число негативно окрашенной лексики по сравнению с позитивно окрашенной лексикой. В среднем в статье насчитывается 45–50 отрицательно и 5–7 положительно нагруженных лексических единиц. Более того, авторы употребляют многократные лексические повторы с использованием синонимичных выражений, чтобы воздействовать на восприятие читателя. Наконец, в статьях встречается обращение к морфологическим частям слова, несущим отрицательную коннотацию. Так в статье «Crowds mourn Iran’s reform cleric» приставка «un», слова «not», «no» и другие способы выражения отрицания употребляются 10 раз, слова описывающие чувство беспокойства – 5 раз, слово «mourn» – 4 раза, слова с корнем «die» – 7 раз, «funeral» – 4 раза [BBC, 07.12.09].

Мы обратили внимание на бинарность взаимоотношений между Францией и Соединенным Королевством. С одной стороны, авторы статей пишут о Франции как о «чужой» стране. «We can’t trust France to be our ally on the battlefield» [The Telegraph, 03.02.10]. С другой стороны, Британцы считают французов «своими». Это связано с появлением тоннеля, соединяющего Британию и Францию, что и влияет на расширение взаимоотношений между представителями этих государств. Сближение произошло благодаря сокращению временного расстояния между государствами. Теперь из Британии во Францию можно доехать за 2 часа. Данное явление находит свое отражение в языке. «Our cross-Channel sisters», «We felt a great deal of sympathy for one another, in all senses of the world» [The Times, 6–7, 11.02.10]. Таким образом, авторы не просто описывают взаимоотношения между этими странами используя общий положительный настрой, но и употребляют метафоры кровного родства.

Третьим способом репрезентации образа «чужого» в Британском тексте выступает тема, связанная с криминальным миром. Преступник – «чужой» наделен отрицательными чертами, является нарушителем «нашего» порядка, угрожает границам «нашего» мира. В сравнении с этнически «чужим», к которым британцы испытывают не только чувство нетерпимости, но и одновременно чувство сострадания, эмпатию, преступник – «чужой» переходит из категории «чужой» в категорию «враг». «British Godfather “threatened enemies” from on Facebook from maximum security jail». «This monster (Criminal Colin Gunn) is what a death penalty is for» [The Daily Mail, 31.01.10].

То, что объединяет людей в группы, и соответственно, в «мы – образ» – это не только внешние характеристики и элементы культуры, как это было у древних народов, но и национальное самосознание или внутригрупповая идентичность. Как пишет О. Письменюк, «бинарная система мышления за прошедшие эпохи в основных чертах не изменилась. Лишь усложнился объект познания – сфера социальных отношений, которую человеческое сознание, обремененное идеологией, стремится уложить в привычную схему восприятия мира» [Письменюк, 2006, с. 225]. Анализ концепта «чужой» на страницах британской прессы позволяет понять процесс воздействия на читателя и облегчает проблемы межкультурной коммуникации. *Как говорит Н.Л. Шамне, в каждой культуре есть свои стереотипы поведения. Они составляют первый круг явлений, которые необходимо знать, чтобы избежать «культурного шока»* [Шамне, Милованова, 1998, с. 356–396]. Процесс изучения бинарной оппозиции «свой – чужой» помогает нам понять меняющегося британца.

Список литературы

1. Письменюк, О. Языковые средства репрезентации оппозиции «свой» – «чужой» в коммунистической прессе / О. Письменюк // III Междунар. Бодуэн. чтения: И.А.Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23–25 мая 2006 г.) : тр. и материалы. В 2 т. Т. 2 / Казан. гос. ун-т; под общ. ред. [К. Р. Галиуллина](#), [Г. А. Николаева](#). – Казань : Изд-во Каз. ун-та, 2006. – С. 223–225.
2. Шамне, Н. Л., Милованова М. В. Особенности адаптации студентов в инокультурной среде / Н. Л. Шамне, М. В. Милованова // Americana. Вып. 2 : материалы Междунар. науч. конф. «Россия и страны Америки: опыт исторического взаимодействия», г. Волгоград, 24–26 сент. 1997 г. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1998. – С. 392–398.
3. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/KultEtn/02.php.
4. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/pomer/kto_takie.php.
5. <http://www.ashpi.asu.ru/studies/2005/hbnskja.html>.
6. http://www.tolerance.ru/biblio/dzyalosh-1/multi/2_enina.html.

Источники

1. <http://news.bbc.co.uk>.
2. <http://www.telegraph.co.uk>.
3. <http://www.dailymail.co.uk>.
4. <http://www.timesonline.co.uk>.
5. The Times. – February 11. – 2010.

**ОБРАЗНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РАЗЛИЧНОГО ПРОЯВЛЕНИЯ
СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ СУБЪЕКТА
В РУССКОМ, ЧЕШСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ ***

Статья посвящена сравнительному рассмотрению образных средств выражения социального поведения субъекта на материале фразеологических единиц русского, чешского и английского языков. Выявляются структурно-семантические особенности фразеологизмов и дается их лингвокультурная характеристика.

Фразеологическая картина мира дает наиболее яркое представление о человеке и окружающем его мире, причем человек характеризуется во всем многообразии действий, состояний, отношений, одним из наиболее ярких проявлений которых выступает социальное поведение. Поведение человека – понятие очень широкое, включающее в себя различные аспекты соприкосновения субъекта с окружающим миром. Большинство фразеологических оборотов, выражающих поведение субъекта, передают отношение человека к труду или, в частности, к выполнению какой-либо определенной работы.

В современных исследованиях в области фразеологии идиомы чаще всего определяются как «микротексты, в номинативное основание которых, связанное с ситуативным характером обозначаемого, втягиваются при его концептуализации все типы информации, характерные для отображения ситуации в тексте, но представленные во фразеологизмах в виде «свертки», готовой к употреблению как текст в тексте» [Телия, 1996, с.8]. В связи с этим по-новому трактуется и фразеологическое значение. Именно в рамках когнитивного подхода значение фразеологизма начинает восприниматься не просто как конструктор, а как многомерный информационный комплекс. С этой точки зрения использование понятия фрейма при анализе языковых единиц позволяет глубже охарактеризовать особенности восприятия носителями того или иного языка различных проявлений окружающего их мира и человека в нем. Моделирование фреймовой структуры фразеологизмов благодаря таким свойствам фрейма, как категориальный принцип организации знания, представление знания о типической, тематически единой ситуации, четко выстроенная иерархическая структура и динамический характер, позволяет более тщательно изучить значение фразеологизма, отраженное в сознании носителя языка.

С целью выявления лингвокультурных особенностей фразеологизмов, называющих социальное поведение в сфере трудовой деятельности,

* Статья написана при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013» (Госконтракт № 02.740.11.0367)

проводилось сопоставление единиц в трех языках – русском, чешском и английском. Поскольку указанная ситуация носит универсальный характер, во всех названных языках она представлена довольно значительным количеством фразеологических оборотов.

Структуру рассматриваемой ситуации образуют два ценностных полюса – трудолюбие, соотносимое с идеей созидательной деятельности, и лень, проявляющаяся в бездействии субъекта. Таким образом формируются две самостоятельные группы ФЕ – со значением созидания и со значением бездействия.

Рассмотрим первую группу фразеологизмов. Идея о конструктивной деятельности воплощена глагольными ФЕ с базовой семантикой ‘трудиться, работать’. Во фразеологических оборотах это значение расширяется и конкретизируется путем характеристики образа действия, использования интенсификаторов, скрытого сравнения с другими процессами. Актуальные для носителей языка элементы в значении фразеологизмов, разным образом называющих ситуации труда и любой другой созидательной деятельности, определенным образом структурированы и могут быть представлены в виде фрейма.

Обязательными составляющими любого действия будут являться субъект, выступающий носителем деятельностной способности, объект, представляющий собой то, на что эта способность направлена и, собственно действие, производимое активным субъектом. У всех рассматриваемых нами единиц объект не актуализирован – он представляет собой некую абстрактную работу, дело, которое необходимо выполнить субъекту и представление о котором может быть получено только из контекста.

Таким образом, описываемый фрейм, типизировано отражающий процессы созидательной деятельности, включает три субфрейма – субъект созидания, объект созидания и процесс созидания.

Субъект созидания может быть охарактеризован по качественному признаку – именно использование того или иного фразеологизма по отношению к человеку свидетельствует о наделении его определенной качественной оценкой.

Проанализировав единицы с данной точки зрения, мы можем сделать вывод о том, что во всех трех языках фразеологизмы актуализируют одинаковые характеристики субъекта – трудолюбие (рус. *работать не покладая рук, трудиться в поте лица*; англ. *work like a horse / navy*, чешск. *pracovat jako mezek, pracovat jako včelička*), старательность (рус. *вкладывать всю душу, наводить глянец на что-л.*; англ. *put one's heart and soul into smth, give smth your all*; чешск. *vkladat [celou] dusi*), энергичность (рус. *вертеться как белка в колесе*, англ. *be busy as a beehive / as a beaver, be on all cylinders*; чешск. *pracovat jako blazen*), самоотверженность (рус. *работать на износ*; англ. *work fingers to the bone*; чешск. *pracovat do umoru / do upadu*).

В рамках субфрейма *процесс созидания* могут быть выделены слоты *качественность* и *интенсивность*. Именно данные параметры оказываются

наиболее значимыми показателями производимого действия, зафиксированными во фразеологических оборотах. Слот *квалитативность* содержит указания на способ представления действия как непрерывного или перфективного. Под перфективностью в данном случае понимается намерение субъекта совершить действие, прилагая все возможные усилия. Важно отметить, что фактический материал указывает на преобладание в русском языке ФЕ, действие которых подчеркнуто непрерывно (*работать не покладая рук, не разгибать спины, работать от зари до зари*), в то время как в английском и чешском подобные единицы отсутствуют. В свою очередь, о перфективности действия в равной мере свидетельствуют обороты всех трех языков (рус. *трудиться в поте лица*; англ. *burn the candle at both ends*; чешск. *dělat na doraz*).

Слот *интенсивность* предполагает характеристику производимого действия с точки зрения его соответствия нейтральным показателям общего объема работы, затраченного времени или сил. Таким образом, ФЕ, включающие в свое значение семы 'очень много', 'очень сильно', 'очень долго' называют процесс с высокой степенью интенсивности, в случае их отсутствия можно говорить о нейтральности данного признака.

Преобладающее число рассматриваемых единиц называют действия с высоким показателем интенсивности. Однако, если в русском языке эта особенность характерна почти для всех ФЕ, то в английском и чешском наблюдаются некоторые отступления. В частности, в английском языке имеется ряд выражений, свободных от каких бы то ни было выражений интенсивности (например, *take off one's coat, sink one's teeth into smth, go to town* и др.). В чешском языке высокая степень интенсивности характеризует прежде всего разговорные или стилистически сниженные варианты (например, *držet jako bulhar, držet do úmoru* и др.).

Фразеологизмы, в обобщенном виде передающие ситуацию бездействия, – одни из наиболее используемых в речи образных выражений. В рамках данной группы хорошо развиты отношения синонимии, что связано с многообразием этих единиц. Для выявления наиболее актуальных признаков и элементов рассматриваемой ситуации мы считаем целесообразным представить ее в виде фрейма.

Поскольку ситуация бездействия по сути представляет собой ту же самую ситуацию действия, только ориентированную к другому полюсу ценностной системы координат, логично предположить, что устойчивые признаки фрейма будут одинаковыми. Следовательно, и в данном случае нами выделяются субфреймы, соотносимые с субъектом, объектом и непосредственно процессом действия (в нашем случае бездействия).

Говоря о ситуации бездействия, мы понимаем ее широко и говорим прежде всего об отсутствии полезной, конструктивной деятельности, а не только о бездействии в чистом виде. Таким образом, в состав ФЕ данной группы попадают и единицы, характеризующие бесполезные и некачественные действия.

Квалитативная характеристика субъекта бездействия является обязательным элементом фреймовой структуры анализируемой ситуации и образует один из ее слотов. В процесс анализа способов характеристики человека, представленных во фразеологизмах трех языков, мы обратили внимание на преобладание в русском языке признака 'медлительный' (например, *тянуть волюнку, тянуть резину, тянуть ко́та за хвост*), в то время как английский и чешский языки в большом количестве демонстрируют ситуации совершения человеком элементарных и ненужных действий, тем самым характеризуя его как ленивого, не желающего совершать ничего более серьезного (англ. *twiddle one's thumbs, thrash over old straw* и др.; чешск. *do moře vodu nosit, nabírat sitem vodu* и др.).

Субфрейм *процесс бездействия* представлен слотами *целевая установка* и *квалитативность*. В рамках данных структурных элементов ключевыми признаками русских ФЕ являются медлительность, нерезультативность (*тянуть время, переливать из пустого в порожнее*), а также некачественность (*валить через пень колоду*). Английский и чешский языки характеризуют подобные действия прежде всего как нерезультативные и формальные (англ. *fish in the air, go easy*; чешск. *přemýšlet o nesmrtelnosti chrousta, stavět na písku*).

Метод построения фреймовых структур на основе анализа фразеологических значений еще требует своего дальнейшего изучения, однако, бесспорно, он является одним из наиболее перспективных подходов к изучению языка в современном языкознании.

Список литературы

1. Телия, В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М., 1996.

Е.Д. Степанова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ПОТЕРИ ОБЪЕКТА В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

В статье проводится сравнительно-сопоставительный анализ фразеологизмов в русском, английском и немецком языках со значением «потеря собственности» в двух аспектах: структурно-семантическом и лингвокультурологическом. Материалом для анализа послужили тексты художественной литературы русских, английских и немецких авторов, а также некоторые их переводы; использовались также фразеологические и толковые словари русского, английского и немецкого языков.

История развития человеческого общества показывает, что собственность существует только тогда, когда есть отношения: отношение человека к

предмету, а также отношения людей друг к другу по поводу этого предмета. А.Я. Гуревич отмечает, что лишь со временем люди стали относиться друг к другу как к собственникам и несобственникам, а к предметам как к «твоим» и «моим» [Гуревич, 1984, с. 225].

В языковой картине мира понятие собственности детерминировано историческим развитием страны, культуры, а также традициями, обычаями народа. В сознании людей, говорящих на разных языках, возникают, соответственно, и различные «картины мира».

Семантика слова *собственность* включает в себя такие понятия, как владение, приобретение, отчуждение, утрату и другие и может быть выражена такими признаками, как увеличение или уменьшение сохранения собственности, оценка отношения субъекта к собственности, передача либо приобретение собственности и т. д.

Отношения обладания, принадлежности, отношения родства, то есть наличие отношения к собственности составляют часть универсальной языковой категории – посессивности [см. об этом: Милованова, 2006, с. 181].

С точки зрения характера утрачиваемой собственности все исследуемые нами фразеологизмы со значением потери можно разделить на следующие группы: I. Потеря личной собственности материального характера; II. Потеря собственности, где в роли субъекта выступает сама собственность; III. Потеря личной собственности абстрактного характера. В рамках обозначенных групп выделяются микрогруппы. Наиболее многочисленной является первая группа; остановимся на рассмотрении микрогруппы «потеря вследствие безрассудного поведения».

В русском языке фразеологические обороты, характеризующие полную потерю (или в больших количествах) субъектом денег, имущества, представлены следующими единицами: *бросать на ветер; пускать по ветру; промотать (проматывать) все: Но бросать денег на ветер я не стану* (Гоголь); *Дурак, дурак! – думал Чичиков, – промотает все и детей сделает мотишками* (Гоголь); *В самом деле, почему богатство «прикачнулось» дураку, который пустит его по ветру, а не ему, Петру Васильичу...* (Мамин-Сибиряк).

Значение этих глагольных фразеологизмов «тратить безрассудно, попусту», то есть тратить, не сдерживаясь доводами рассудка, благоразумия; неосторожно, опрометчиво. Как известно, существительное *рассудок* интерпретируется по Д.Н. Ушакову как «мыслительная способность, позволяющая логически осмыслять действительность; нормальное, обычное состояние человеческого сознания; общепризнанный здравый смысл, определяющий поведение человека» [ТСРЯ, т. 3, с. 1265]. Соответственно потеря по безрассудству означает отсутствие всех этих качеств.

Глагольные компоненты *бросать* и *пускать* в данных примерах имеют переносное значение, передают значение утраты объекта. Исходя из общечеловеческих знаний о мире, природных явлениях в мире, во фразеологических оборотах укоренилось существительное *ветер* – «движение воздуха», которое ассоциируется в сознании людей с быстрым прохождением

какого-либо явления, события, в данном случае – потери, и усиливает эмоциональную окраску фразеологических единиц. Глагольные компоненты данных фразеологических единиц являются синонимами, имеют аналогичные коннотации, но глаголу *пускать* свойственна более выраженная отрицательная оценка события.

Значение расточительства (безрассудной траты), нерасчетливой (небережливой, неэкономной) траты имущества, денег выражено глаголом несовершенного вида *проматывать* (совершенного вида *промотать*).

Потеря личной собственности попусту, безрассудно характеризуется в английском языке следующими фразеологическими единицами: *to dissipate money*; *to throw away one's money*; *to throw one's money around*; *to throw up everything*; *to spend money like water: I've not got the money to throw away* (Galsworthy); *He is for throwing up everything and making spendthrifts of his sons* (Gogol).

Внешняя форма фразеологизма, состоящая из переходного глагола *to throw* (бросать, швыряться) + наречие *away* (удаление от субъекта прочь) в сочетании с существительным *money* приобретает значение «*тратить деньги впустую, сорить деньгами*». В Оксфордском словаре современного английского языка дается следующая интерпретация значения этого глагола: *lose by foolishness or neglect* [OALD, 2, 398] – «терять по глупости, небрежности, невниманию». Трата денег по глупости (неразумно) выражена также словосочетанием *to dissipate money (waste foolishly)*.

Фразеологический оборот *to throw one's money around* по структуре отличается от предыдущего наречием *around* (вокруг, повсюду), то есть лексическим составом, но они имеют семантическое тождество.

Значение расточительной траты выражено фразеологическими оборотами *to throw up everything*; *to spend money like water*. В последнем обороте метафорический перенос основан на сравнении с водой. Ср. с русским вариантом: *деньги уплывают как вода*. Но если в английской лингвокультуре эта фразеологическая единица имеет значение безрассудной, расточительной траты, то в русской, это, скорее всего, трата быстрая, нежелательная, ввиду каких-то определенных обстоятельств. Экспрессивность значения, коннотация проявляются в существительном *water*.

В немецком языке данная микрогруппа представлена следующими фразеологическими оборотами: *Groschen rasch vertun*; *Geld in die Pfuetze werfen*; *alles durchbringen: Dann werden deine Groschen rasch vertan sein* (T. Mann); *Um meine Zahlungsfahigkeit klarzustellen, habe ich nicht noetig mein Geld in die naechste Pfuetze zu werfen* (T. Mann); *Ein Dummkopf, ein Dummkopf! – dachte sich Tschitschikow, – Er wird alles durchbringen und auch seine Sohne zu Verschwendern machen* (Gogol).

Тратить деньги зря, попусту, «растрясать» их, передает лексико-семантическое значение производного глагола *vertun*, наречие *rasch* (быстро) усиливает экспрессивность фразеологизма. Дополнительная образность создается компонентом *Groschen*, который является маркером благосостояния

человека, так как *Groschen* обозначает денежную единицу в Австрии, а в Германии существительное *Groschen* разговорное, выражающее денежную монету в десять пфеннигов, то есть данный фразеологический оборот, а также многие другие, в состав которых входит это существительное, ассоциируются с культурно-национальным стереотипом небольшого количества денег или их отсутствием, например, в русском языке: *без гроша в кармане*, в английском языке: *to be without a kopeck (a penny)*. На отсутствие денег в английском словосочетании указывают существительные *a kopeck* (копейка – самая маленькая денежная единица в России или *a penny* – британская монета стоимостью в один фунт). Однако в немецком языке существует фразеологический оборот с существительным *Groschen*, имеющий противоположное значение: наличие денег: *bei Groschen sein* – *быть при деньгах*.

Во фразеологическом обороте *Geld in die Pfütze werfen* переходный, непроизводный глагол *werfen* «бросать, швырять» имеет переносное значение, существительное *die Pfütze* (лужа) в национальной культуре многих народов имеет образ жидкости, скорее всего грязной, на какой-либо поверхности, поэтому оборот «бросить в лужу» связан с культурно-национальным стереотипом «испортить, потерять, причем бездарно, не думая о последствиях». Фразеологизм с существительным *die Pfütze* имеет стилистически сниженную характеристику.

Проанализировав данную микрогруппу фразеологизмов в трех языках, можно заключить, что они обнаруживают следующие сходства: осуждение траты собственности безрассудно, попусту. Все фразеологические единицы принадлежат к одному синонимическому ряду. Существует небольшое отличие в лексическом составе фразеологизмов, к примеру, безрассудная потеря денег в русском языке ассоциируется с «выбрасыванием их на ветер», в английском языке наречия *away, around* указывают на их отдаление от субъекта, в немецком языке «попусту истратить деньги» значит «выбросить в лужу» (*in die Pfütze*), на улицу (*auf die Strasse*), в окно (*zum Fenster*). Трата денег, которая ассоциируется с водой, имеется только в русском и английском языках (*like water* «как вода»). Что касается глагольных компонентов во фразеологизмах, то глагол *пускать* имеет сниженную стилистическую окраску по сравнению с глаголами *to spend* в английском языке и *ausgeben* – в немецком, но *to throw away* в английском, *vertun* в немецком и другие вышеназванные глаголы имеют аналогичные коннотации с отрицательной оценкой. Фразеологизмы активно употребляются в разговорной речи, указывают на нормы поведения людей и их оценку.

Список литературы

1. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1984.
2. Милованова, М. В. Репрезентация посессивной ситуации приобщения объекта в неблизкородственных языках (на примере глагола «принять» в русском языке и его эквивалентов в немецком языке) / М. В. Милованова // Вестн. СамГУ. – 2006. – № 10/2 (50). – С. 179–186.

Источники

1. ТСРЯ = Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1994.
2. OALD = Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford : Oxford University Press, 1982.

Р.Э. Бабаян

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ВЕЖЛИВОСТЬ В СОЗНАНИИ АРМЯН

В статье показаны результаты лингвистического эксперимента с участием представителей армянской культуры для выявления ассоциаций к слову вежливость.

В последнее время лингвисты и культурологи проявляют особый интерес к вежливости, являющейся важнейшей категорией коммуникативного сознания. Возросший интерес к данной категории указывает на важность и актуальность этого вопроса в межкультурном общении. Вежливость как лингвистическая категория рассматривается на примере многих языков, но в каждой культуре это понятие трактуется по-разному.

Вежливость следует изучать как коммуникативную категорию. Под коммуникативными категориями понимаются самые общие коммуникативные понятия, упорядочивающие знания человека об общении и нормах его осуществления [Стернин, 2002, с. 5]. К ним исследователи относят толерантность, коммуникативную неприкосновенность, коммуникативное давление и др., отражающие коммуникативное сознание человека.

Вслед за Лариной, мы считаем, что вежливость является центральной коммуникативной категорией, которая представляет собой своеобразный инструмент, позволяющий «проследить логику поведения представителей различных лингвокультур» [Ларина]. Подобную идею выдвигает Е.А. Земская, которая называет категорию вежливости влиятельным регулятором речевого поведения [Земская, 2004, с. 597].

В культурологии под термином *вежливость* понимается национально-специфическая коммуникативная категория, содержанием которой является система ритуализованных стратегий коммуникативного поведения (языкового и неязыкового), направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и соблюдение общественно-принятых норм при установлении, поддержании и завершении межличностного контакта [Ларина, 2009, с. 169].

В рамках нашего исследования был проведен ассоциативный эксперимент, основанный на вербальных ассоциациях испытуемых. Этот метод лингвистического исследования позволяет собрать данные об отношении испытуемых к исследуемому явлению, выраженному словами их родного языка, проанализировать, как коммуникативная среда формирует ассоциативную базу человека, влияет на его мировосприятие и как выявляет этнокультурную специфику восприятия изучаемого явления.

В эксперименте приняли участие жители с высшим образованием города Еревана в возрасте от 25–39 лет. Количество опрошенных респондентов составило 85 человек. Информантам было предложено объяснить, как они

понимают слово «вежливость» и привести ассоциации к нему. В результате обработке данных были получены следующие результаты. Армяне, отвечая на вопрос, как они понимают слово *вежливость*, показали разные и интересные ответы. Результаты эксперимента мы условно поделили на 3 этапа ассоциаций.

К первому этапу мы отнесли наиболее частотные следующие ответы: уважение к старшим (97 %), забота о людях и о своих родственниках (91 %), образованность (89 %), воспитанность (87 %), любовь к детям (82 %), приветливость (77 %), любезность (76 %), доброта (70 %), гостеприимство (67 %). Некоторые ассоциации приводились на армянском языке: спасибо շնորհակալություն (72 %), вежливое обращение – քաղաքավարի վարմունք (66 %), дружелюбный – հոգեկան (64 %), добрые отношения – լավ հարաբերություններ (47 %), добрый человек – բարի մարդ (44 %), мягкосердечный человек – փափկափրու մարդ (40 %), милый человек – սիրալիր մարդ (38 %), скромный (33 %) ласковые слова – փաղաքշական խոսքեր (32 %), говорить здравствуйте բարեկ ձեզ (30 %), ласковая мать – գորովալից մայր (26 %).

Во второй этап ассоциаций вошли армянские слова, которые сложно поддаются дословному переводу, но часто употребляются в армянской культуре. Это такие слова и словосочетания как *джан* (67 %), *цветтанем* (64 %), *джигяр* (58 %), *балес* (47 %). *Джан* – это слово, которое является одним из самых распространенных форм обращения. Оно может ставиться сразу после имени человека, к которому обращаются, а также может употребляться со словом *азиз* – *азиз джан*. Еще одно не менее употребляемое выражение – *цвет танем*. В армянском словаре дается следующее определение: *цвет танем* – желание взять на себя боль любимого человека, чтобы избавить его от боли (АТС). Другими словами, чтобы близкие и родственники были здоровыми, счастливыми, жизнерадостными. *Балес* – это ласковое и нежное обращение к детям. Преисполняясь доброжелательностью, нежностью, любовью, испытывая самые теплые и трепетные чувства, а также чувство уважения, армянин использует эти выражения для обращения к близким, друзьям, детям и просто знакомым.

Интересным представился тот факт, что характерной реакцией со стороны многих армян при ассоциации *вежливость* была реакция прецедентными именами (ПИ), среди которых наиболее частотными были такие ПИ, как Цицернакаберд (55 %), Эчмиадзин (50 %), Арарат (48 %), Давид Сасунский (31 %). Эти ассоциации мы отнесли к третьему этапу. Для того чтобы понять, почему эти образы возникли в сознании армян, попробуем проанализировать и дать описание этим понятиям.

Цицернакаберд – (арм. Միջնաշխարհ – «крепость ласточки») – памятник жертвам геноцида армян 1915 года, который был, воздвигнут в 1967 году на вершине холма Цицернакаберд и стал священным местом для всех армян (www). Монументальная композиция, которая, представляет собой мавзолей из 12 расположенных по кругу и чуть склоненных к центру пилонов. Внутри мавзолея горит вечный огонь, и звучат траурные мелодии. Мавзолей украшает высокий

сорокаметровый остроконечный обелиск, рассеченный на две неравные части (символизирующие разделение Восточной и Западной Армении) – символ возрождения армянского народа, видный из любой точки города. К мавзолею ведет длинная траурная аллея, вдоль которой находится мемориальная стена. В Армении 24 апреля – День памяти жертв геноцида, когда сотни тысяч армян, а также иностранные гости собираются в этом парке, чтобы отдать дань почтения жертвам, павшим во время геноцида. Каждый старается подняться на холм к мемориальному комплексу и возложить цветы к вечному огню.

Святой Эчмиадзин – одна из бывших столиц Армении. Здесь расположен кафедральный собор Сурб Эчмиадзин, резиденция Католикоса всех армян. После принятия христианства в Армении как государственной религии в 301 году он стал духовным центром Армянской Церкви. На древнеармянском языке слово «Эчмиадзин» означает «снизошел единокровный». Согласно легенде, Первопрестольный Святой Эчмиадзин построен на месте, указанном Христом святому Григорию в пророческом сне после крещения царя Трдата.

В Святом Эчмиадзине с почитанием хранятся мощи святого Иоанна Крестителя, святого Стефана Первомученика, святых апостолов Фаддея, Варфоломея, Андрея Первозванного, Фомы, многих святых Церкви и такие святыни как частица Древа Животворящего и Пречестного Креста Христова. Каждый год сотни тысяч туристов приезжают в город, чтобы увидеть эти и другие реликвии и сокровища. День Святого Эчмиадзина отмечается в воскресенье, спустя 64 дня после праздника Святой Пасхи.

Арапат – это гора, овеянная тайнами и легендами о Ноевом ковчеге. Гора, находящаяся сегодня на территории Турции, но она была и остается символом армянской нации. Самая горькая утрата для армянского народа, с которой они не смиряются никогда. В Ереване существует следующее поверье: если утром удастся увидеть Арапат, значит, день сложится удачно.

«Сасунци Давид» (Давид Сасунский) – армянский героический эпос, который сложился в 7–10 вв., в период освободительного движения против владычества Арабского халифата. Повествует о борьбе сасунских героев-богатырей за освобождение армянского народа от иноземных захватчиков. (www) В «Давиде Сасунском» воплощены такие черты армянского народа как мужество, доблесть, героическое бесстрашие в борьбе с врагами. Былина о Давиде Сасунском по своему художественному совершенству является одним из лучших образцов мирового народного эпоса. На привокзальной площади установлен памятник Давиду Сасунскому, чье имя носит станция метро, этот памятник изображен и на жетонах ереванского метрополитена.

Почему же именно эти образы возникли в сознании армян. Если проанализировать названные ассоциации, то можно выявить одну общую тему – Независимость Армении. История армянского народа насыщена войнами, в которых свою свободу и независимость армяне постоянно отстаивали в борьбе со многими завоевателями. Тема независимости, на протяжении многих лет являлась актуальной и значимой для армянского народа. Армяне с гордостью и уважением,

с любовью и нежностью относятся к истории своей нации, возможно, поэтому эти священные места были названы при ассоциации *вежливость*. В дополнении мы хотели бы акцентировать внимание на то, что в армянском синонимическом ряду имеются такие значения вежливости, как: быть образованным, быть воспитанным, человеколюбие, чувственные отношения, доброжелательные отношения, вежливость.

Таким образом, данное наблюдение позволило выдвинуть следующее: основными содержательными элементами вежливости армянской лингвокультуры являются: уважение к старшим, забота о людях, образованность, любовь к детям. Вежливость в армянской коммуникации также основана на чувственных восприятиях и ассоциируется с такими прецедентными именами как Цицернакаберд, Эчмиадзин, Арарат, Давид Сасунский.

Список литературы

1. Земская, Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь / Е. А. Земская. – М. : Яз. славян. культуры, 2004.
2. Ларина, Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т. В. Ларина. – М. : Рукоп. памятники Древней Руси, 2009. – 512 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
3. Стернин, И. А. Русское коммуникативное сознание / И. А. Стернин // Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 3. – Воронеж : Истоки, 2002. – С. 5–13.

Источники

1. АТС = Агаян, Э. Б. Армянский толковый словарь / Э. Б. Агаян. – Ереван, 1976.
2. <http://www.calend.ru/holidays/armenia/>.

Е.А. Елтанская

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

СПЕЦИФИКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

В статье представляется новое направление в языкознании, изучающее языковую сферу обитания человека и общества, которое формируется на выявлении законов развития, общих как для экологии, так и для языка. Особое внимание уделяется перспективам проведения научно-исследовательских изысканий в области дискурсивного анализа с точки зрения эколингвистического подхода.

Тенденции к гуманизации всех сфер человеческой жизни, наметившиеся с середины XX века и обусловленные переходом от индустриального типа общества к информационному, актуализировали социальные научные дисциплины в целом и языкознание – в частности. В современном научном процессе отмечается сосуществование различных научных парадигм и подходов в исследовании языка как объекта. Это подтверждается как ростом числа работ междисциплинарного характера, в которых естественнонаучные

исследования проводятся с учетом достижений лингвистики, так и появлением новых комплексных направлений, уделяющих значительное внимание анализу языкового материала. Одним из таких молодых направлений является эколингвистика – раздел языкознания, сформировавшийся на стыке социального (соотношение социальных и языковых структур в процессе развития мышления на разных ступенях этногенеза), психологического (проблемы речевого воздействия) и философского (проявление в языке предельно общих свойств и закономерностей развития общества и познания) направлений в лингвистике [Кислицина, www.ecolinguistics.ru].

Эколингвистика – это одно из современных научных направлений в области языкознания, которое сформировалось на стыке социального, психологического и философского направлений в лингвистике. Эколингвистика как новое научное направление в изучении языковой сферы обитания человека и общества формируется на выявлении законов, принципов и правил, общих как для экологии, так и для развития языка, и исследует роль языка при возможном решении проблем окружающей среды [Википедия].

Социальная востребованность эколингвистики определяется возрастающим интересом общества к проблемам окружающего мира, в том числе к проблемам метафорического моделирования действительности в массовом сознании. Вызывает удивление, что языкознание до последнего времени не интересовалось тем, какое влияние оказывает язык на актуальные проблемы современного мира, на проблему «экологического» кризиса. Эколингвистика как наука, объединяющая экологию и лингвистику, изучает взаимодействие между языком, человеком как языковой личностью и его окружающей средой. Язык при этом рассматривается как неотъемлемый компонент цепи взаимоотношений между человеком, обществом и природой. Функционирование и развитие языка представляется как экосистема, а окружающий мир – как языковой концепт.

В эколингвистике в настоящее время выделяются два направления. Первое – где главенствует экология и экологические идеи экстраполируются на язык и языки (Э. Хауген, В.Ф. Маккей, П. Мюльхойзлер). Второе – в основе которого лежат языковые данные, способствующие раскрытию экологических проблем в самом широком понимании данного определения (М.А.К. Хэллидей, А. Филл, Й. Дреер, Й.Кр. Банг).

В последнем поднаправлении представляют особый интерес исследования, проводимые в рамках одного языка, и исследования контрастивного характера, требующие вовлечения материала нескольких языков. Анализ лексики конкретного естественного языка с привлечением эколингвистических критериев позволяет выявить ассоциации, образные представления носителей языка о явлениях окружающей действительности. Если структурная лингвистика разделяет язык на отдельные элементы, изучает оппозиции этих единиц, разграничивает синхронию и диахронию, язык и речь, то экологическая лингвистика подчеркивает вместо разделения связь элементов, вместо оппозиций их отношения и избегает разграничения синхронии и диахронии. В структурализме значение элемента

определяется его положением в системе. Система – нечто скорее статичное, где каждое изменение влечет за собой изменение равновесия всей системы. Напротив, экосистема – открытая, живая, динамичная структура. Главный объект исследования эколингвистики – не состояние или развитие, не отношения между элементами, а сами процессы и их взаимодействие, приводящее к изменению элементов.

В отличие от исторического языкознания, которое изучает влияние одного языка на другой в процессе их развития или индивидуальное развитие языков, экологическая лингвистика занимается исследованием процессов вытеснения или выживания между конкурирующими языками в определенном пространстве, будь то сознание отдельного человека или какое-либо общество.

По сравнению с прагматикой, для которой язык является средством коммуникации для обмена знаниями, влияния на других людей, эколингвистика изучает функции языка, которые не исчерпываются простым обменом «речевыми актами». Функция языка, состоящая в установлении связи между людьми, приобретает большее значение, чем просьба, объяснение, вопрос. Эколингвистика изучает роль языка как инструмента поддержания общности, функционирование этого инструмента в конкретных ситуациях общения. Помогая осознать механизмы обострения конфликтов и возникновения споров, эколингвистика пытается способствовать мирному сосуществованию людей в различных социальных группах и в обществе [Иванова, ecolinguistics.ru].

Среди перспективных направлений эколингвистических исследований выделяются следующие:

- лингвистическое разнообразие (причины, формы, функции и последствия);
- исчезающие языки (спасение малых и исчезающих языков);
- соотношение между биологическим и лингвистическим / культурным многообразием;
- эко-критическое направление: поиск экологических и неэкологических элементов языковой структуры (грамматика);
- обучение эко-грамотности (знания о всеобщей взаимосвязи в мире);
- эко-критический дискурсивный анализ [Кислицина, ecolinguistics.ru].

Поиски методологических решений в когнитивно-ориентированных исследованиях с точки зрения эколингвистического подхода актуальны на сегодняшний момент, так как дискурс – понятие когнитивное, имеющее дело со знаниями определенного рода, их передачей и созданием новых знаний. Дискурс представляет собой явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом с другой стороны. В конкретной ситуации общения человек использует как лингвистические, так и экстралингвистические знания.

Представляется интересным с исследовательской точки зрения рассмотреть экономический дискурс как подтип институционального дискурса в экосистеме языка. То есть выявить и определить регулятивные механизмы

развития, самоочищения и самовоспроизведения языка, так как эволюция языка непосредственно связана с эволюцией экономики и общества в целом.

Взаимосвязь экосистемы языка и экономической системы, очевидно, прослеживается на уровнях развития инфраструктуры как отдельных видов рынков, так и типов инфраструктуры, обеспечивающих общие условия воспроизводства в масштабах экономики, к которым относятся инновационная, инвестиционная, производственная, социальная, институциональная, информационная, экологическая и др.

Особенно интересна для изучения инновационная инфраструктура, которая занимает особое место в экономической системе по сравнению с другими типами инфраструктур, поскольку возникает в процессе создания и освоения новых технологий и ее развитие является основной из задач формирования национальной инновационной системы. Развитие инновационной инфраструктуры происходит одновременно с изменениями непосредственно в экосистеме языка, так как результаты экономических преобразований реального сектора экономики отразились и отражаются на состоянии инновационной инфраструктуры и экосистемы языка. Роль, место, особенности инновационной инфраструктуры в экономике обуславливают актуальность исследования механизма взаимодействия экономики и языка.

Кроме того, несмотря на активные разработки проблем инновационной инфраструктуры с точки зрения экономики как науки в последние десятилетия, эта тема требует дальнейшего научного анализа, поскольку до сих пор преобладали отраслевой, технический и эмпирический подходы к ее рассмотрению, а исследованию источников создания и развития инновационной инфраструктуры, в том числе и с точки зрения эколлингвистики как научного направления, не уделяется достаточного внимания.

Экология языка как изучение условий развития языка, появления тех или иных феноменов, реалий, отношений в языке способствует процессу интеграции в мезопространство и процессу глобализации в целом.

Источники

1. <http://ru.wikipedia.org/wiki/эколлингвистика>.
2. ecolinguistics.ru.
3. www.lib.csu.ru.
4. www.philology.ru/.
5. elibrary.ru.

В.А. Брылева

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МОДЕЛИРОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО КОНТЕНТА САЙТА *

* Статья написана при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013» (Госконтракт № 02.740.11.0367).

Статья посвящена исследованию эколингвистического аспекта семантического содержания веб-сайта для бизнеса. Рассматриваются требования к модели семантики сайта с точки зрения его успешного функционирования и популярности в информационном и поисковом дискурсе, а также его позиционирование в экосистеме Интернета.

В связи с развитием информационно-коммуникационных технологий наблюдается все возрастающее количество информации, размещаемой в World Wide Web в виде веб-сайтов. Веб-сайт в пространстве Интернета, как совокупность текстовой информации, является компонентом сложной самоорганизующейся системы, взаимодействие с элементами которой является залогом успеха или провала его функционирования. Текстовая информация, транслируемая сайтами, представляет собой мультязычную экосистему с определенными закономерностями, зная которые, можно моделировать семантику сайтов с заданными свойствами.

Задача данной статьи – рассмотреть процесс моделирования семантики бизнес-сайта с точки зрения его эколингвистического взаимодействия с другими членами системы и определить факторы, имеющие значение для этого процесса.

Сайт для бизнеса, основной целью которого является привлечение новых клиентов и конверсия посетителей в покупателей услуги или товара, выполняет свою функцию, а, значит, является эффективным бизнес-инструментом, лишь в том случае, если он в состоянии встроиться в сложную систему информационных объектов Интернета. К наиболее важным элементам этой глобальной экосистемы можно отнести:

- Поисковые системы или машины (Google, Yahoo, Yandex и т. п).
- Сайты схожей тематики и сайты-конкуренты в той же сфере бизнес-деятельности.
- Информационные новостные сайты, в которых появляются статьи, новости или пресс-релизы на тему сайта или деятельности его владельца.
- Тематические каталоги, доски объявлений, отраслевые каталоги, бизнес-справочники.
- Вики-энциклопедии и другие справочные тематические ресурсы.
- Блоги, живые журналы, социальные сети и иные веб-сервисы, имеющие отношение к тематике сайта.

Все остальные веб-ресурсы, в частности иной тематической или жанровой направленности, также могут играть определенную роль в жизни сайта. Сайт как информационный объект взаимодействует с этими элементами экосистемы посредством своего контента, то есть текстового и мультимедийного (видео, изображения, аудио) содержания. Мы будем говорить о текстовом контенте, поскольку на данном этапе развития Интернета именно он играет ключевую роль в «выживании» сайта, и, прежде всего, о его содержательном семантическом аспекте. Естественный язык, на котором транслируется контент сайта, играет также важную роль в его позиционировании, в частности в экосистеме национального домена (.ru, .nl, .uk

и т. п.), поскольку сайт на любом языке кроме английского (или как минимум его англоязычная версия) имеет мало шансов стать успешным «игроком» в глобальной сети.

Один из наиболее важных показателей уровня жизнеспособности сайта является его нахождение в зоне видимости поисковых систем. Зоной видимости считаются первые 20–30 позиций в результатах выдачи поисковой машины после введения в поисковую строку ключевого запроса. С данной точки зрения, успешным можно считать сайт, контент которого:

1. максимально отвечает *требованиям поисковых систем* в отношении релевантности поисковым запросам пользователей (в соответствии с принятыми алгоритмами ранжирования той или иной поисковой системы);

2. наиболее полно удовлетворяет *информационный запрос пользователя* (обеспечивает релевантность результатов поиска);

Алгоритмы ранжирования поисковых систем, которые выстраивают сайты в выдаче в определенном порядке в ответ на поисковый запрос, в последнее время стремятся к тому, чтобы вывести на первые позиции сайты, чей контент наиболее полно удовлетворяет этот информационно-поисковый запрос. Поэтому специалисты [Евдокимов, 2009] считают, что при моделировании контента сайта имеет смысл ориентироваться скорее на требования конечного пользователя, чем на требования поисковых систем, однако и пренебрегать этими требованиями не стоит.

Таким образом, двусторонняя прагматическая направленность сайта заранее определяет его семантику. Факторы, влияющие на ранжирование и, значит, успешность сайта, учитываются при разработке контента, в результате чего моделируемый контент сайта, к примеру, для бизнеса, задается довольно жесткими рамками требований электронного поискового дискурса, которые возникают на основе наиболее важных для бизнеса целевых запросов к поисковой системе. В результате создаваемый контент уже на этапе предпроектной подготовки должен принимать во внимание внешние и внутренние параметры.

1. Внешние параметры контента сайта:

- релевантность текста поисковому запросу, определяемая наличием ключевых слов (запросов) в метатегах (TITLE, description, keywords), в заголовках, в имени файла и домена, в картинках (ALT), а также их плотностью в тексте страницы (отношение количества словоупотреблений ключевого запроса к количеству слов на странице);
- «траст» сайта, определяемый как совокупность таких параметров как индексы цитирования страницы (ВИЦ, тИЦ, PR), общий ссылочный вес сайта, тематическая релевантность входящих ссылок, соответствие основной тематики сайта поисковому запросу, и проч.;

2. Внутренние параметры контента сайта включают качество и уникальность контента, его общий объем, структурированность информации и визуальное представление (форматирование) текстового контента; онтологическую архитектуру сайта, включая уровни вложенности, подробность

и структурированность навигации, качество юзабилити ресурса, а также частота обновления, возраст страниц и валидность кода страниц.

Если представить себе текст сайта как элемент экосистемы, то совокупность внешних и внутренних параметров контента веб-ресурса определяют его взаимодействие с другими текстами в пределах электронного дискурса отдельно взятой поисковой машины и, соответственно, его шансы на «выживание», то есть нахождение на первых или лучших позициях в экосистеме проиндексированных ею сайтов.

Разработка контента веб-сайта для бизнеса, как и для любой другой сферы деятельности, формируется на предпроектной стадии и заканчивается созданием «технического задания» – основного документа, в соответствии с которым ресурс проектируется и реализуется. На предпроектной стадии определяются цели и задачи сайта, состав категорий его потенциальных пользователей, формулируются требования к структуре и составу его контента, функциональным характеристикам и дизайну. В ходе предпроектного обследования создается развернутое описание бизнес-деятельности, обеспечивающее «целостное представление об объекте сайтостроения, то есть его информационный образ». [Гендина, 2009].

Информационный образ, по мнению Гендиной, – это «максимально полный, упорядоченный с использованием фасетного и/или иерархического принципов, перечень характеристик (атрибутов и аспектов), которые дают целостное представление о конкретной деятельности объекта сайтостроения». Информационный образ включает онтологию основных или ключевых понятий, характеризующих объект сайтостроения, а также определяет характер взаимосвязей между ними и способ представления этих связей, который выражается впоследствии в архитектуре сайта – физическом воплощении семантической сети, лежащей в его основе. Все элементы этой сети разрабатываются на этапе предпроектной подготовки и определяются основной прагматической составляющей сайта – его целью и целевой аудиторией.

Семантическая сеть для сайта строится с учетом внешних и внутренних параметров контента. Внутренние параметры, определяющие ориентацию сайта на пользователя и транслирующие ему наиболее важный message сайта (его миссию, или главную задачу), сказываются на построении онтологической архитектуры сайта, в основе которой лежит процесс концептуализации предметной области, или, в нашем случае, бизнес-деятельности (бизнес-процессов). Например, наиболее распространенной структурой бизнес-сайтов является следующая семантическая сеть:

Кто («о компании») + *что делает* («услуги») + *что продает* («каталог продукции») + *где* («контактные данные») + *кому* («наши клиенты») + *как* («условия обслуживания»).

К данной схеме может добавляться узел + *с кем* («партнеры»), + *что сделано* («наши работы»). Узел + *что сделано* может варьироваться и принимать форму + *что знаем / умеем*, тогда он интерпретируется как, например, раздел «наши статьи», «библиотека», «публикации», дающие

дополнительную информацию о бизнесе или производственном процессе. Узел *+как* может включать помимо условий обслуживания (доставки, продаж, скидок и т. п.), например документацию, необходимую для данного вида деятельности, нормативные или иные документы. Процедура построения семантической сети можно назвать *семантическим картированием* предметной области.

Внешний аспект, или будущее сайта в поисковой экосистеме, учитывается при построении *семантического ядра*, или списка основных ключевых запросов, по которому планируется выход сайта в «топ» выдачи основных поисковых систем. Список ключевых слов создается на основе онтологии, но верифицируется через специальные службы поисковых систем или специализированные SEO сайты. В процессе создания семантического ядра проводятся следующие работы:

- семантический анализ предметной области и тематических текстов с целью формирования начального списка запросов;
- семантический анализ и снятие концеп-карт с сайтов конкурентов в данной предметной области и с сайтов смежной тематики;
- поиск возможных синонимов и однокоренных слов для всех ключевых терминов; поиск сходных по смыслу поисковых запросов;
- поиск сопутствующих терминов, которые употребляются только в контексте целевой тематики;
- выявление терминов и терминосочетаний, которые используются как на русском, так и английском языках;
- анализ популярных запросов с целью выявления вариантов написания, жаргонных названий, орфографических ошибок;
- анализ частот (количество запросов в месяц по конкретным ключевым словам) выявленных поисковых запросов;
- исключение из семантического ядра нецелевых, редких, а также многозначных поисковых запросов [<http://w3seo.ru/>].

После лингвистического анализа и составления семантического ядра необходимо вернуться к первой процедуре картирования контента и внести определенные изменения в онтологию в зависимости от полученных результатов. Так, например, если при первоначальном картировании раздел навигации сайта компании по ремонту промышленных скважин назывался «услуги», после анализа семантики в выдаче поисковых машин будет предложено назвать его «ремонт скважин», как более точно отвечающему на целевой запрос.

По завершению предпроектной аналитической стадии разработка контента сайта переходит в проектную, основой которой является непосредственное создание текста страниц сайта. По мнению специалистов [Гендина, 2009; Ашманов, 2009], при написании текста для сайта необходимо учитывать общие и специфические требования, обусловленные гипертекстовой формой представления информации. К числу общих требований относятся: полнота, точность, логичность, последовательность, структурированность,

четкость и ясность изложения материала, соответствие литературным нормам используемого языка. Специфическими требованиями являются: лаконичность («телеграфный стиль»), порционность и рубрицированность; диверсификация различных стилей представления информации (официального, научного, публицистического, разговорного) в зависимости от целевой аудитории сайта; гипертекстовая форма представления информации, означающая наличие четкой перелинкованной семантической сети в основе контента всего сайта и каждой его страницы. Однако одним из наиболее важных требований к тексту страниц является ее соотнесение с семантическим ядром, которое должно лежать в основе любого текста, размещаемого на сайте. Каждая страница оптимизируется под два-три ключевых запроса, прописанных в семантическом ядре. «Оптимизируется» – означает, что создаются уникальные (не содержащие заимствований с других сайтов) тексты, в которых присутствуют необходимые ключевые слова в нужном количестве (обычно не более 5 % от общего количества словарных единиц в тексте страницы). Однако недостаточно написать тексты, ориентированные под ключевые запросы. В электронной среде действуют правила обычного рекламного дискурса: информационно-рекламные тексты, привлекающие внимание посетителей сайта, должны быть «конверсионными», то есть побуждать к совершению покупки или заказу услуги. Помимо создания рекламного текста для каждой страницы необходима логическая и последовательная «перелинковка» текстов группы страниц, позволяющая «вести» посетителя с одной порции информации на другую, незаметно подводя его к совершению определенных действий на сайте (заполнение формы заказа, звонок менеджеру и т. п.). Основные принципы создания текста в рамках «реального» и «виртуального», то есть электронно-опосредованного рекламного дискурса не сильно отличаются друг от друга, однако в последнем случае содержание и лексико-синтаксическое наполнение текста обусловлено требованиями электронного поискового дискурса.

Для примера приведем текст, оптимизированный под поисковые запросы. Компания РБК, предлагающая платную услугу создания текста для сайта, на странице с названием «Копирайтинг» и заголовком страницы (в теge title) *«SEO копирайтинг, наполнение сайта продающими текстами и уникальным контентом, рерайт существующего контента. Индивидуальный подход при написании SEO текстов для каждого сайта! Закажите продающий SEO копирайтинг и рерайтинг от Корпорации РБС и Вы получите ожидаемо высокий результат!»* содержит явно оптимизированный под ключевые запросы отрывок текста:

«В прошлом, вопрос, где взять **контент для сайта**, стоял очень остро – **написанием статей** за деньги в сети Интернет занимались единицы. **Стоимость SEO услуг** по написанию продающих рекламных текстов и статей за деньги была очень высокой. Сайты были переполнены объявлениями типа: «**ищу рерайтера**», «**требуется seo, рерайтер и копирайтер для рерайта и написания статей**», «**нужен рерайтер и копирайтер**». До недавнего времени переписывать и писать **статьи на заказ** бралось небольшое количество отдельно взятых копирайтеров и рерайтеров. **Стоимость SEO копирайтинга и рерайтинга статей** устанавливалась

стихийно, часто бралась «с потолка» – точно сказать, **сколько реально стоит копирайтинг и рерайт текстов**, не мог никто, потому что тогда не существовало SEO-технологий, позволяющих отследить результат **SEO копирайтинга и рерайтинга**. Появление на рынке таких крупных игроков, как Корпорация РБС с ее студией **копирайтинга и копирайтинг-агентством**, привело к тому, что рынок **копирайта и рерайта текстов** понемногу цивилизовался. **Услуги SEO копирайтинга и рерайтинга текстов** стали базироваться на передовых SEO методах. **Написание рекламных статей** и текстов для сайта силами наших специалистов стало стандартом **SEO копирайтинга**. Также изменилась **стоимость услуг копирайтера, SEO и рерайта текстов**. Цены на **копирайтинг и рерайт** стабилизировались. Со временем вопрос, где брать контент для сайта, отпал – **заполнение сайта контентом** не представляет проблемы, **написание текстов для сайта** за деньги не предлагает сегодня разве что ленивый.»

<http://www.bdbd.ru/conversion/copywriting/>

Жирным шрифтом выделены словосочетания, которые «работают» на позиции страницы в поисковой выдаче. Текст оптимизирован под ключевые слова *«копирайтинг, рерайтинг, seo копирайтинг, написание статей, контент для сайта, услуги копирайтера, статьи на заказ, наполнение сайта контентом»*. Согласно сервису <http://www.seotxt.com/service/optimizer/>, плотность ключевых слов не превышает 5.52 %, что отвечает требованиям поисковиков, однако читателю такой текст может показаться «заспамленным» ключевыми словами и неинтересным. На этой же странице присутствуют намного более дружелюбные к пользователю тексты, например:

«Копирайтинг – работа, требующая знания основ рекламы, психологии и маркетинга. Прежде, чем начать **создавать тексты** для интернет-страниц, мы внимательно изучаем специфику деятельности компании-клиента, проводим анализ сегмента рынка, конкурентной ситуации, выявляем целевую аудиторию. Написание продающих рекламных **SEO** текстов и статей для сайтов – это симбиоз творчества с передовыми методами интернет-маркетинга и технологиями интернет-аналитики и **SEO**.

Привлекательные тексты, содержащие описание основных достоинств вашего товара или услуги, конкурентных преимуществ компании, уникальности торгового предложения и других деталей, удерживающих посетителей на сайте и побуждающих их к принятию решения – к покупке, загрузке файлов, регистрации или внимательному изучению контента – это не просто решение проблемы **наполнения вашего сайта**, но проверенный способ увеличения продаж и улучшения качества посещений.»

Данный сегмент текста рассчитан на пользователя в большей степени, чем на поисковую систему, однако и в нем копирайтер не забыл использовать семантическое ядро сайта: *SEO, создание текста, наполнение сайта* – концепты, отражающие основную деятельность компании.

Таким образом, как мы видим, разумно достаточная и «экологически правильная» модель семантики сайта включает такие компоненты как семантическая сеть (онтология ключевых понятий предметной области), семантическое ядро (список ключевых запросов, созданный в соответствии с требованиями поискового электронного дискурса) и гипертекст (текст страниц с перелинкованной структурой, построенный по правилам рекламного электронно-опосредованного дискурса). Если соблюсти баланс между

требованиями каждого из элементов всей экосистемы, можно получить конкурентоспособный контент, а значит, и сайт, выполняющий свои основные прагматические задачи.

Список литературы

1. Гендина, Н. И. Официальный Web – сайт: проблемы отражения в открытом информационном пространстве основных функций библиотеки как социального института / Н. И. Гендина, Н. И. Колкова, О. И. Алдохина // Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса: материалы конф. – Электрон. дан. – М. : ГПНТБ России, 2009. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
2. Евдокимов, Н. В. Основы контентной оптимизации сайтов / Н. В. Евдокимов. – М., 2009. – 160 с.
3. Ашманов, И. Оптимизация и продвижение сайтов в поисковых системах / И. Ашманов, А. Иванов. – СПб. : Питер. – 2009. – 400 с.
4. Семантическое ядро. Российская студия поисковой оптимизации w3seo.ru. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://w3seo.ru/semantic_kernel.html (дата обращения: 16.06.2010).

В.Е. Максимова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

СТЕРЕОТИПЫ: МЕСТО В КУЛЬТУРЕ, РЕАЛИЗАЦИЯ В ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье рассматриваются стереотипы в лингвокультурологическом аспекте. В ней говорится о месте стереотипов в культуре, их признаках, видах и функциях. Речь также идет о влиянии стереотипных представлений на процесс межкультурной коммуникации. В статье исследуется молодежный дискурс носителей русской и американской лингвокультур, описываются средства выражения стереотипов в русском и английском языках.

В условиях глобализации и расширения контактов в современном мире вопросы успешной коммуникации в рамках одного общества и при межкультурном общении становятся объектом пристального внимания социологов, политологов и лингвистов. Нельзя не отметить тот факт, что даже при наличии взаимного интереса представителей разных культур друг к другу актанты очень часто недостаточно хорошо знакомы с особенностями коммуникативного поведения представителей иной лингвокультурной общности.

Язык является фактом культуры и ее составляющей частью одновременно. «Культура реализуется в языковых концептуализациях, поведении, предубеждениях, предпочтениях, ценностных установках, в способе мышления, символах и стереотипах» [Маслова, 2008, с. 30].

Одним из факторов, оказывающих влияние на процесс межкультурной коммуникации, являются стереотипные представления носителей разных лингвокультур друг о друге. Кроме того, необходимо помнить, что в каждой культуре есть свои стереотипы поведения. Они составляют первый круг

явлений, которые необходимо знать, чтобы избежать «культурного шока». Свои традиционные способы взаимодействия в рамках коммуникации есть в каждой культуре [Шамне, 1998, с. 395–396].

В этой связи представляется особенно важным вопрос об эффективном обращении со стереотипами, что означает способность «осознавать их и умение от них отказываться перед фактом их несоответствия реальной действительности» [Грушевицкая, 2003, с. 225].

Цель нашей работы – проанализировать стереотипы, существующие в русской и американской лингвокультурах. Нам представлялось интересным рассмотреть способы реализации стереотипных представлений российской и американской молодежи в молодежном дискурсе. Материалом исследования послужили интернет-форумы, результаты анкетирования, молодежные СМИ.

Термин «стереотип» восходит к концепции американского социолога У. Липпмана, согласно которой стереотип – «это схематично упрощенный образ реальности в сознании человека (pictures in our head) [Липпман, 1950, с. 23].

В социальных и политических науках стереотип определяется как «схематический, стандартизированный образ или представление о социальном явлении или объекте, обычно эмоционально окрашенные и обладающие устойчивостью» [Селиверстова, 2007, с. 158]. Стереотип, как правило, складывается под влиянием социальных условий и предшествующего опыта человека. Очень часто слова «стереотип», «стереотипный» несут в себе значение «шаблонный», «обобщенный», «ложный», «неверный», а следовательно имеют негативную окраску. Таким образом, мы можем сделать вывод, что стереотип «характеризуется признаками обобщенности, устойчивости, эмоциональной окрашенности и оценочности» [там же].

Особенностью стереотипных представлений является то, что стереотип – это «способ структурирования и передачи знаний и их языковой фиксации» [Heringer, 2004, р. 199]. Согласно мнению авторов учебника «Основы межкультурной коммуникации» [Грушевицкая, 2003, с. 221–223], можно выделить 3 функции стереотипов: ориентирующую (связанную с когнитивным восприятием мира), информирующую (основанную на передаче относительно достоверной генерализированной информации) и функцию влияния на создание реальности (которая служит для разграничения своей и чужой групп и позволяет защитить интересы своей группы).

Нами были опрошены 102 американских подростка и 115 русских подростков в возрасте от 13 до 18 лет. Среди опрошенных русских респондентов большинство составляют девушки (70 человек), в то время как среди американских подростков примерно одинаковое количество юношей и девушек (58 юношей и 44 девушки).

Мы рассмотрели национальные социокультурные стереотипы, функционирующие в американской и русской лингвокультурных общностях.

Проанализировав собранный материал, мы можем выделить следующие характерные черты, которые согласно опросу респондентов-американцев, характерны для актантов американской лингвокультурной общности:

- «Americans are the best in everything».

Американцы считают себя лучшими всегда и во всем. Они горды своей страной и ее достижениями: «*America is a very prosperous country*»; «*American political system is the best in the world*». Отмечаются успехи американцев в различных сферах науки (особенно освоение космоса) и в шоу- и кинобизнесе: «*Americans have been to the moon*»; «*our shuttles are the most wonderful invention in the sphere of space exploration*»; «*films made in Hollywood are well-known in many countries of the world*»; «*America is a birth place of different kinds of music*».

- «Americans are tolerant and easy to deal with».

Большинство американских респондентов отметили, что американская нация – это нация уверенных, счастливых и потому терпимых к другим нациям людей. «*We always smile, especially if we meet a person for the first time*», – пишут американские юноши и девушки. Очень часто отмечалось, что люди, приезжающие в Америку получают возможность реализовать себя, сделать карьеру: «*one can achieve very good results no matter where he or she has come from*»; «*Americans treat all the people well if they respect their laws and traditions*».

- «Americans like new ideas».

Представители американской лингвокультурной общности считают, что американцы в большинстве своем с удовольствием принимают все новое, они открыты для всех достижений прогресса, более того они сами являются его основным двигателем: «*America is a new country, that's why it's not surprising that many new wonderful things appeared here*»; «*America is the country where skyscrapers, computers and baseball appeared*»; «*...we are always ready to think of something new to make our life better, we are ready to except new things which will serve us and our country*».

В общем и целом можно сказать, что у американцев сформировались положительные национальные социокультурные стереотипы. В языке это выражается использованием большого количества эпитетов (*great, mighty, wonderful, gorgeous*); частым употреблением превосходной степени прилагательных (*the best, the newest*).

Русским респондентам было предложено описать образ типичной русской женщины и типичного русского мужчины.

Облик типичной русской женщины весьма определенный и чаще всего вызывает у соотечественников и соотечественниц восхищение или сострадание. Практически все отмечают ее красоту, статность, обаяние. На втором месте по частоте упоминания – ум, интеллектуальная развитость. Далее следуют такие качества, как самоотверженность, терпение, трудолюбие, целеустремленность, способность найти выход из любых жизненных трудностей. Очень во многих анкетах определяется как «*сильная*». Среди других качеств: чувство собственного достоинства, гостеприимство, преданность, заботливость, проницательность, доброта, душевность, неизбалованность, искренность: «*русская женщина – прекрасный, исполнительный работник*». Практически во всех анкетах отмечается

приверженность русской женщины семье (верная жена, любящая мать) и хозяйственность (хранительница семейного очага), глава семейства.

Есть и отрицательный стереотип. Русская женщина определяется так: *«сердитая и много работает; вынуждена много работать, чтобы тянуть на себе всю семью, тягловая лошадь»*; *«злая, крикливая, со сковородкой, но легко прощающая»*; *«часто раздражительная и уставшая; позволяет плохо с собой обращаться, затюканная мужем, безропотная лошадь»*, – это все оценки девушек. *«Раздражительна, без тормозов»*, – пишет юноша 17 лет. *«Отмечается импульсивностью, чрезмерной общительностью и говорливостью, отсутствием чувства юмора»*, – это тоже пишут юноши. Одной из главных проблем становится одиночество: *«забита, униженна, одинока»*, – пишет девушка 16 лет. Порой русская женщина определяется одним словом – *«многострадальная»*. Оценка принадлежит ученице 15 лет. Внешность практически не детализируется. Достаточный и всеобъемлющий эпитет: *«красивая»*.

Если к вопросу о типично русской женщине практически не выбирался вариант *«затрудняюсь ответить»*, то семь человек предпочли вообще обойти молчанием вопрос о типичном русском мужчине. На фоне некоторых нижеприведенных оценок русского мужчины можно предположить что *«фигура умолчания»* свидетельствует о том, что, возможно, этот вопрос не относится к числу радующих сердце россиян.

Итак, типичный русский мужчина глазами русских респондентов.

Положительные качества: *«смелый, безрассудный, любит родину, терпеливый»* (юноша 15 лет). Мысль о любви к родине звучит еще во многих анкетах. Юноши 14–17 лет называют среди черт русского мужчины *порядочность, выносливость. Серьезный, увлеченный, демократичный, работающий, честный, добропорядочный.*

Неоднократно отмечается хитринка: *«по природе добрый, хитроватый, очень зависимый от жизненных перипетий; ленивый, любит выпить, делает вид, что душа нараспашку»*. (Интересно, что такого качества как хитрость и неискренность у русских женщин не отметил никто.) Очень часто респонденты отмечают бесшабашность: *«богат на выдумку, мозговит, философ без царя в голове», «готов во всем идти до конца»; « рубаха парень, пофигист»; «бесшабашный, бескорыстный, нерационален; сначала делает – потом думает».*

Вообще образ создается весьма противоречивый. Очень типичны противительные конструкции: *«добродушный, но грубый; «работающие, но пьющие»; «добродушен, но вспыльчив»; «умеет делать все, но ленится делать»; «трудяга, но лентяй»; «инертный, ленивый, однако добрый и мягкосердечный»..*

Лингвистический анализ собранного материала, позволяет нам сделать вывод о том, что национальные социокультурные стереотипы в русском языке выражены при помощи:

- абстрактной лексики (*чуткость, любовь*);
- эпитетов (*жадный, хитрый, искренний*);

– метафор (*без царя в голове*).

Нам представляется интересным в будущем рассмотреть стереотипные представления американской и российской молодежи друг о друге с позиции гендерного подхода.

Список литературы

1. Грушевицкая, Т. Г. Основы межкультурной коммуникации : учебник для вузов / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. П. Садохин. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003.
2. Липпман, У. Общественное мнение / У. Липпман. – N. Y. : W Public Opinion, 1950. – С. 23, 95.
3. Маслова, В. А. Культурный стереотип и его роль в поведении сквозь призму языка / В. А. Маслова // Вестн. СогУ. Сер. Филология. – 2008. – Вып. 4. – С. 30–37.
4. Селиверстова, Л. П. «Звезда Голливуда»: Лингвокультурный типаж и стереотип / Л. П. Селиверстова // Вестн. ВолГУ. Сер. 2, Филология. – 2007. – Вып. 6. – С. 158–160.
5. Шамне, Н. Л. Особенности адаптации студентов в инокультурной среде / Н. Л. Шамне, М. В. Милованова // Americana: материалы Междунар. науч. конф. «Россия и страны Америки: опыт исторического взаимодействия», г. Волгоград, 24–26 сент. 1997 г. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1998. – Вып. 2. – С. 392–398.
6. Heringer, H. Ju. Interkulturelle Kommunikation / H. Ju. Heringer. – Tübingen : Francke Verlag, 2004.

Источники

1. <http://hronos.km.ru/land/organ.html>.
2. <http://image.websib.ru/03/index.html>.
3. <http://www.yahoo.com>.

Е.А. Полехина

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

АНГЛО-АМЕРИКАНИЗМЫ В СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ЖАРГОНАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ДЕТСКО-ЮНОШЕСКОГО ДИСКУРСА)

В современном русском языке наблюдается засилье англицизмов и американизмов, особенно в детско-юношеском дискурсе. Настоящая статья посвящена исследованию причин появления иноязычных заимствований в молодежных жаргонах. В статье представлена попытка проследить этапы русификации заимствованных жаргонизмов в русском языке.

Процесс пополнения лексики новыми, в том числе иноязычными, словами всегда присутствовал в языке. Однако за последние годы объем новаций и скорость их проникновения в язык заметно возросли. Новые слова, в том числе заимствования, образуются и входят в речевое употребление не постепенно, как это было в периоды «спокойного» языкового развития, а с ходу, стремительно. Словообразование приобрело лавинообразный характер. В современном мире нет языков, словарный состав которых не обогащался бы за счет иноязычных заимствований. Лексические заимствования возникают вследствие престижа довлеющего языка, однако в условиях инокультурного окружения собственно престиж дополняется фактором лексического дефицита [Шамне, Шовгенин, 2008, с. 76].

Огромное количество англо-американизмов можно встретить в молодежном дискурсе. Молодежный дискурс – это социально обусловленная организация системы получения, восприятия, дифференциации информации, а также обмена информацией и реализации коммуникативного взаимодействия индивидов, как членов определенного социума, проходящих социализацию в возрасте от 16 до 29 лет.

Молодежный дискурс представляется некоей идентичностью, формируемой социальными процессами. Социальные процессы, направленные на поддержание идентичности, детерминируются социальной средой [Русанова, 2008].

На жаргон российской молодежи оказывают влияние многие факторы. В основном, развитие компьютерных технологий, интерес к западной поп-культуре, современная музыкальная культура, появление новых видов досуговой деятельности молодежи (толкиенисты (ролевики), поклонники японской анимации, граффитчики, хип-хоперы, скейтбордисты, байкеры, джанглисты, стрейт-эйджеры и др.), новые тенденции моды.

Интернет, его широкие возможности, быстро развивающиеся компьютерные технологии всегда привлекали молодых людей. В связи с этим появляется много новых жаргонизмов. Вот некоторые из них: *Аська, тетка Ася, Асик* – сленговое название ICQ, *дрова* – драйвера, *Инет, нет* – Интернет, *мыло, мылить* – e-mail, писать по электронной почте, *юзать* – использовать (от слова use), *шаровары, шароварная, шароварный* – от shareware (версия программы, которая предлагается для испытания), *бутить* – перезагружать компьютер (от англ. to boot).

Молодежные жаргонизмы, относящиеся к сфере музыки, содержат названия различных музыкальных стилей: попса, попсытина – поп-музыка; дарк – тяжелая музыка; дрим, хаус, драм, драмчик (Drum'n'Bass) – транс и композиций: свежак – свежая, новая музыка; релиз – вышедшая в продажу композиция; трэк – музыкальная композиция; плэйлист – список музыкальных композиций; названия действий музыкантов: чек – настройка и последующая проверка звука профессионалами перед началом мероприятия.

Существуют причины этого явления:

- потребность в сокращении слов, то есть проще использовать одно слово, чем словосочетание. Тем более что в нашу жизнь многие жаргонизмы и просторечные слова вошли настолько глубоко, что многим людям проще понять сленг, чем литературные слова;
 - обозначение чего-либо одним словом, а не понятием, когда описательное наименование заменяется однословным;
 - наличие в заимствующем языке сложившихся систем терминов, обслуживающих ту или иную тематическую область, профессиональную среду (наиболее яркий пример – лексика пользователей компьютерной техники);
 - мода.

Перечисленные причины и факторы действуют, как правило, комплексно, во взаимодействии друг с другом. При этом какой-либо один фактор является определяющим, ведущим.

Многие иноязычные заимствования достаточно быстро адаптируются в русском языке. Этому способствует удобство их использования в сфере делового общения, в условиях активных международных контактов.

С.В. Полозова выделяет следующие этапы русификации иноязычных заимствований в жаргонах [Полозова, 2008, с. 85]:

1. Фонетическая адаптация. Прежде всего, происходит приспособление заимствованной лексемы к фонетической системе русского языка. Часть английских заимствований, функционируя в жаргоне, максимально сохраняют свой звуковой облик, например: *найт* – ночь (от англ. night [nait] – ночь), *мэн* – мужчина (от англ. man [m? n] – мужчина), *юзер* – пользователь компьютера (от англ. user [ju:sə] – пользователь), *пати* – вечеринка (от англ. party [pa:ti] – вечеринка, прием гостей) и др. Однако ряд примеров показывает, что жаргонизм может отражать не фонетический, а графический облик заимствованной лексемы, например: *хайр* – длинные волосы (от hair – волосы, произносится [hæ]), *гама* – игра (от game – игра, произносится [geim]), *мессага* – текстовое сообщение (от message – сообщение, произносится [mesidʒ]) и др.

2. Лексико-семантическая адаптация. Специфика процесса заимствования в жаргоне заключается в том, что в устной речи жаргоносителей функционируют не освоенные литературным языком иноязычные единицы. Соединение иноязычного слова, не адаптированного лексической системой русского языка, с русскими аффиксами, часто разговорно-просторечного характера, приводит к созданию таких русифицированных структур, которые характеризуются сниженностью номинации и создают пародийно-иронический эффект. Ср.: *гирла*, *гирлица*, *гирленьиш* – девушка; *дринк*, *дринкало*, *дринч* – спиртные напитки; *шুзы*, *шुзняк* – обувь; *лейбл*, *лейбак*, *лейбуха* – фирменная этикетка и др.

Другим видом русификации иноязычных слов и словосочетаний является создание жаргонизмов на основе фонетической ассоциации (фонетическая мимикрия): *e-mail* – *Емеля* (электронная почта); *bad* – *бедный* (плохой, испорченный); *shell* – *шелуха* (оболочка). Примерами этого типа преобразований также могут служить многочисленные прозвища зарубежных звезд шоу-бизнеса: *Женя Ленин* (Джон Леннон), *Паша Макаров* (Пол Маккартни), *Леди запели* (рок-группа «Лед Зеппелин»), *Метла* (группа Metallica), *Юсды* (американская группа The Used). Здесь явно прослеживается сознательная установка жаргононосителей на создание пародийно-комического эффекта номинаций. Нередко трансформированные таким образом варваризмы получают просторечно-фамильярную окраску вследствие введения в производную единицу грубых слов, например: *В морду током* (рок-группа «Модерн Токинг»).

При заимствовании в жаргонную речь иноязычных слов в большинстве своем они не меняют своего значения и не развивают оттенков значения по отношению к эквивалентам. Однако наблюдаются единицы, образованные на основе метафоры (метонимии), сокращения, производные от других

жаргонизмов единицы и претерпевшие значительные изменения семантики, например: *прайс* – деньги (англ. price – цена), *грин* – доллар (англ. green – зеленый), *ринг* – телефон (англ. to ring – звонить по телефону), *олдовый* – относящийся к родителям (англ. old – старый).

3. Грамматическая адаптация. Изменения, происходящие с иноязычными лексемами при переходе их в тот или иной русский жаргон, затрагивают не только фонетический облик и семантику слов, но и их грамматическую форму. Жаргонизмы, образованные на основе варваризмов, активно вступают в систему словоизменения, то есть образуют морфологические парадигмы, например: *гурла'* – *гурлы'*, *гурло'ф* (от girl); *стрит* – *на стриту* (от street); *аскать* – *аскни* (от to ask) и т. п.

Также активно включаются заимствования в процесс деривации, образуя обширные словообразовательные ряды, например: game (игра): *гама* – *гамеза* – *гамер* – *гамить* – *гамовер*; ban (запрещать) – *бан* – *баня* – *банить*; crazy (сумасшедший): *креза* – *крезанутый* – *крезануться* – *крезаться* – *крезаторий* – *крезовник* – *крезошник*; face (лицо): *фейс* – *фейсина* – *фейсовать* – *фейсатый* и т. п.

Нередко в речевой ситуации английское слово становится более престижным, чем русское, экспрессия его новизны притягательна, оно может подчеркивать высокий уровень информативности говорящего.

Таким образом, вхождению англо-американизмов в молодежные жаргоны способствуют различные экстралингвистические факторы (появление новых компьютерных технологий, мода, современные музыкальные тренды). Процесс адаптации новых жаргонизмов в русском языке проходит поэтапно и затрагивает разные уровни языка: фонетику, лексику и грамматику.

Список литературы

1. Русанова, А. Г. Молодежный дискурс в свете тезаурусного подхода / А. Г. Русанова // Знание. Понимание. Умение. – 1998. – № 9.
2. Полозова, С. В. Иноязычные заимствования как источник пополнения лексико-фразеологического состава современных русских жаргонов / С. В. Полозова // Вестн. ВГУ. – 2008. – № 3. – С. 85–87.
3. Шамне, Н. Л. Теоретические основы изучения языковых контактов / Н. Л. Шамне, А. Н. Шовгенин // Вестн. ВолГУ. Сер. 2. – 2008. – № 1(7). – С. 76.

Источники

1. www.slovonono.ru/.
2. www.liveinternet.ru/users/...ya/post114924106/.

М.В. Макарова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ДИСТАНТИВ БЛИЗКО В РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ: ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ *

* Статья написана при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013» (Госконтракт № 02.740.11.0367).

Статья посвящена проблеме вербализации пространства в русской и немецкой лингвокультурах. В работе рассмотрены механизмы и средства репрезентации национально-культурных представлений о пространстве в двух неблизкородственных языках, представлена шкала дистантивов, выражающих пространственные отношения. Категория пространства рассмотрена автором статьи в эколингвистическом аспекте, на конкретных примерах показаны особенности реализации данной универсалии в сознании носителей русской и немецкой культур.

Современная действительность находится в постоянном развитии, поиске новых методов и способов решения проблем, стоящих перед обществом. Поэтому особую актуальность приобретают междисциплинарные исследования, объединяющие дисциплины, максимально разнородные по предмету и методологии, по доминирующим механизмам познания. Проблема связи языка, культуры и общества давно привлекала внимание ученых разных отраслей знания. Изучение языковой картины мира не теряет своей актуальности для специалистов в области психологии, лингвострановедения, лингвистики, социологии, культурологии, философии, антропологии, этнологии и др. Одним из таких современных научных направлений, которое сформировалось на стыке социального, психологического и философского подходов в языкознании и объединяет лингвистику с антропологией, социологией и экологией, – стала эколингвистика, наука о способах взаимодействия между языками, человеком как языковой личностью и окружающей его средой.

Резюмируя выводы исследователей по данной проблематике, можно заключить, что центральный объект лингвоэкологии – взаимодействие языка со средой – следует понимать как двуединый процесс: внешняя среда через человека, социум воздействует на язык, а язык как центральный компонент психосферы человека влияет на социум в целом и индивида, на нравственный и духовный уровень общества определенного времени [Бернацкая, 2003, с. 46].

В данной работе представлены результаты анализа средств и способов реализации дистантива *близко* в русском и немецком языках в эколингвистическом аспекте.

В процессе познания и отображения окружающего мира языковыми средствами пространству принадлежит важнейшая роль, так как именно пространственные представления лежат в основе формирования многих фундаментальных концептов человеческого сознания.

Занимая определенный ареал, каждое национально-культурное сообщество стремится конституировать в языковых формах окружающую действительность, вырабатывает сообразно ей специфические языковые средства. Согласимся с утверждением В.В. Гака, что «язык существует в человеке для человека и реализуется через человека, поэтому для понимания его устройства и функционирования первостепенное значение имеет учет взаимодействия трех

элементов: языковых форм, самого человека с его мышлением и психологией и внеязыковой действительности» [Гак, 1998, с. 369].

Национальная специфика выражена на всех уровнях языка: морфологическом, синтаксическом, фонетическом и т. д. Выразителями пространства, как показал наш материал, могут служить различные части речи: предлоги, глаголы наречия с пространственной семантикой и т. д. Однако наиболее ярко она проявляется в строевых единицах языка, то есть в тех единицах, которые непосредственно отражают внеязыковую действительность и имеют образно-символическую основу. К числу таких единиц языка относятся слова, фразеологизмы, языковые афоризмы, крылатые выражения и паремии. Рассматриваемые единицы возникают в различных языках на основе тех образных представлений действительности, которые отражают весь духовный, исторический, жизненный и культурный опыт языкового коллектива. Изучение этих особенностей позволяет в свою очередь проводить широкие сравнительно-исторические и сравнительно-типологические исследования.

Как показал наш анализ, единицы всех уровней языка, выражающие пространственные представления в русской и немецкой лингвокультурах, построены в основном на оппозиции *близости* / *дальности* расстояния. Таким образом, под *дистантивами* мы понимаем пространственные параметры, которые передают на пространственной шкале максимальные и минимальные дистанционные величины, где дистанционным минимумом служат языковые средства выражения пространственной категории *близости* расстояния, а дистанционным максимумом – средства реализации в языке категории *дальности* расстояния. Но объемы этих коррелирующих рядов в сопоставляемых языках различны.

Дистантив *близко* представлен более подробно, так как личная сфера субъекта, определяемая как «очень близко», на «на близком расстоянии», в силу своей значимости для носителя каждого языка (в эту сферу, по мнению Ю.Д. Апресяна, входит сам субъект и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально – некоторые люди, плоды труда человека, его неотъемлемые атрибуты и постоянно окружающие его предметы) – является наиболее дифференцированной [Апресян, 1995, с. 214]. Здесь широко используются различные средства выражения близости расстояния (от отрицания дальности – «на недалеком расстоянии» – до усилительных частиц – «прямо перед собой, под носом» и т. д.). Дистантив *близко* реализуется в русском языке паремичными сочетаниями: *лицом к лицу, бок о бок, рукой подать, плечом к плечу, в двух шагах и т.д.*, имеющими в немецком языке следующие эквиваленты: *von Angesicht zu Angesicht, Seite an Seite, ein Katzensprung* и т.д.

Если выстроить пространственную шкалу значений анализируемых средств (на материале только паремичных сочетаний), обозначив минимальное расстояние между субъектом и объектом – $D_{\min 1}$, далее – $D_{\min 2}$, 3, 4..., то дифференциация признака *близости расстояния* на данном участке будет

следующей: *лицом к лицу* = $D_{\min}1$ – в значении «напротив друг друга», «почти вплотную»; *рукой подать* = $D_{\min}2$ – со значением «совсем близко», «в зоне досягаемости субъектом». В старину рука служила мерой длины. Сначала это сочетание означало «расстояние в длину руки», а затем постепенно приобрело общее значение «близко». *В двух шагах* = $D_{\min}3$ – «в сфере действия субъекта».

В немецком языке для выражения всех этих оттенков пространственного значения *близости расстояния* служит более узкий набор языковых средств. Пространственная метафора *ein Katzensprung* служит функционально-смысловым эквивалентом как для паремичного сочетания *не за горами*, в значении «не очень далеко», «рядом», так и для паремичного сочетания *под рукой*, со значением «поблизости, так, что всегда можно взять, легко достать». Пространственная шкала дистантивов, исходя из значения немецких эквивалентов с пространственной семантикой будет выглядеть следующим образом: $D_{\min}1$ – *Seite an Seite* (бок о бок, но в букв. пер.: страница к странице, то есть «вплотную, очень тесно»); $D_{\min}2$ – *von Angesicht zu Angesicht*; $D_{\min}3$ – *ein Katzensprung* и т. д.

Эти параметры подтверждают нашу мысль о том, что для носителей немецкой культуры не является актуальным членение пространства по степени отдаленности или приближенности объекта, для носителей же русского языка такое уточнение является жизненно обусловленным.

Проведенный нами лингвокультурологический анализ показал, что пространственные отношения описываются в сопоставляемых языках с помощью одного и того же набора понятий, однако их семантические объемы различны. Категория пространства в русском языке непосредственно связана с оппозицией «далеко/близко». Значение «очень близко» воспринимается более конкретно, как что-то родное, близкое, например, *дом* или атрибуты дома – *порог*, *печь*. Возможно, с этим связано обозначение пространственной близости субъекта / объекта преимущественно антропоцентричными характеристиками (мерой измерения расстояния здесь чаще служат части человеческого тела: *под рукой*, *под носом*, *бок о бок*, *плечом к плечу*, *лицом к лицу* и т.д.). Для системы немецкого языка актуальным является выражение не степени приближенности / отдаленности объекта в пространстве, а конкретизация его местонахождения – «где именно».

Также для русского языка типично определение направления в пространстве при помощи абстрактных понятий. Не актуален способ ориентации в пространстве, при котором указываются стороны света (запад, восток, север, юг). Значение направления, заключенное во фразеологических единицах носит обобщенный характер, менее конкретный, приблизительный. На основе объектов и субъектов реального мира в сознании в сознании русского человека формируются образы, подлежащие опредмечиванию на фразеологическом уровне, благодаря творческой природе сознания создаются реальные образы, соотносимые с предметами существующего мира, и идеальные образы, не имеющие прямых прототипов в материальной действительности: *в тридевятом царстве*; *из-под*

земли; за тремя морями; за горами, за долами; под одной крышей; под солнцем; к черту на кулички и другие.

Сохраняя и оберегая сокровищницу языка, изучая источники развития и обогащения русского языка (пословицы, поговорки, фразеологизмы, фольклорное наследие), в которых запечатлен неповторимый национальный колорит, мы сохраняем свою культуру, нравственные и духовные ценности нашего народа. Изучая лексические богатства языка, мы способствуем большему погружению в глубины истории нашего края, нашего языка, нашей страны и народа в целом, ибо «экологию нельзя ограничивать только задачами сохранения природной биологической среды. Для человека не менее важна среда, созданная культурой его предков и им самим. Сохранение культурной среды – задача не менее актуальная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его нравственной жизни, для его «духовной оседлости», для его привязанности к родным местам, для его нравственной самодисциплины и социальности» [Лихачев, 1985].

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М., 1995.
2. Бернацкая, А. А. О трех аспектах экологии языка / А. А. Бернацкая // Вестн. Краснояр. гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». – 2003. – № 4. – С. 46–53.
3. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М., 1998.
4. Лихачев, Д. С. Прошлое – будущему / Д. С. Лихачев. – М., 1985.

Е.П. Лиховидова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

СТРУКТУРНО-КОМПОЗИЦИОННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКСТОВОГО ПРОСТРАНСТВА ИНТЕРНЕТ-САЙТА ОТЕЛЯ КАК СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ТУРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Цель статьи – рассмотреть особые модели институциональной речевой деятельности в рамках туристического дискурса – Интернет-сайты отелей, дать их подробную классификацию и проанализировать их структурно-композиционную организацию.

Туристический дискурс как особая коммуникативная деятельность может реализовываться в таких ситуациях социально речевого взаимодействия как экскурсия, пребывание в том или ином предприятии сервиса (отеле, ресторане, туристическом комплексе и т. д.), то есть в ситуации «интракультурного» взаимодействия. С другой стороны, инструментом формирования и функционирования туристического дискурса являются новостные сообщения средств массовой информации, Интернет-сайты предприятий сервиса, туристические буклеты и брошюры, а также произведения художественной литературы. В этом случае туристический дискурс имеет место в ситуации

межкультурной коммуникации, а в этом случае, как отмечает Н.Л. Шамне, «автоматически возникают более сложные проблемы, чем при интракультурной коммуникации» [Шамне, 2004, с. 3].

Использование Интернет-сайтов отелей в качестве материала диссертационного исследования не было случайным выбором. Индустрия туризма достигла кульминационной точки в своем развитии в российском сегменте бизнеса в 2007–2008 годах. Однако в начале 2009 года в связи с международным экономическим кризисом туристическая активность большинства россиян и жителей других стран значительно снизилась по данным социологических опросов, так как их желание совершать туристические поездки состоит в неравных пропорциях с их реальными финансовыми возможностями. Именно поэтому Интернет-пространство остается тем информационным инструментом, который знакомит человека с историей и природой иной страны, иного культурного пространства, а Интернет-сайты отелей предоставляют возможность (иногда только виртуальную) совершить путешествие, остановиться в отеле и оценить уровень обслуживания.

Интернет рассматривается как информационная технология, с помощью которой можно наиболее мобильно предоставить услугу потенциальному клиенту / туристу. С прагматической точки зрения Интернет-коммуникацию регламентируют два понятия – удобство и быстрота. М.Б. Бергельсон определяет понятие «удобства» как «экономия усилий говорящего/отправителя и слушающего/получателя. Отправитель экономит усилия, делая сообщение более кратким, максимально редуцированным, получатель же, наоборот, для экономии своих усилий, связанных с декодировкой, нуждается в развернутом, максимально эксплицированном сообщении. Эффективная коммуникация достигается путем балансировки усилий обеих сторон» [Бергельсон, 2002, с. 55].

Интернет-сайт отеля представляет собой Интернет-продукт, который включает в себя базу данных, механизмы управления информацией, инструменты для размещения собственной информации на сайте. Интернет-сайт отеля – это не только текстовое сообщение, но и большое количество графических объектов информационного характера (элементы меню, графические заголовки страниц, логотипы отелей, символы). Поэтому Интернет-сайт можно рассматривать как особое понятие – *гипертекст*, который содержит в себе большие возможности согласования, преобразования, обработки и распространения информации.

Гипертекст это особая картина мира, в которой, нажимая на определенные кнопки, можно управлять своими действиями (переключать или менять графические изображения, углубиться в тот ли иной текстовый фрагмент и т. д.). Полная схема развертывания гипертекста выглядит следующим образом: *заголовок* (ссылка) – *заголовок с аннотацией* – *часть текста* (несколько частей могут открываться последовательно) – *полный текст*. Адресат Интернет-сообщения, которому объем предлагаемой ему информации покажется недостаточным, сможет всегда «кликнуть» дальнейшую информацию.

В гиперпространстве Интернет сайты отелей занимают определенный сегмент, но с точки зрения своей лингвистической реализации в ней, они отличаются друг от друга. В результате проведенного нами анализа Интернет-сайтов отелей (около 500), мы выявили *оригинальные, глобализованные и локализованные при переводе сайты*.

Оригинальный Интернет-сайт – это сайт отеля, представленный адресантом на языке, которым пользуется «титульная нация страны», то есть «доминирующая нация в многонациональном государстве» [Головин, 2001], на территории которой находится данный отель. Передаваемая посредством таких сайтов, информация, считается лингвистически нерелевантной, так как доступна небольшому количеству адресатов. Именно поэтому адресанты не отдают предпочтение таким сайтам, так как, презентуемый посредством оригинальных (за исключением англоязычных) Интернет-сайтов туристический продукт (в нашем случае отель) очень не скоро (а, возможно, никогда) найдут своего адресата.

В качестве своеобразной лингвистической альтернативы подобным сайтам используются глобализованные Интернет-сайты отелей.

Глобализованный Интернет-сайт – сайт отеля любой неанглоязычной страны, переведенный на английский язык. Сайт представляет собой продукт комплексного процесса перевода оригинального сайта и превращения его в глобализованный Интернет-сайт. Глобализованные сайты являются доступными для большинства потенциальных адресатов и широко используются на современном туристическом рынке, так как английский язык является языком мирового общения, межкультурного и международного, и используется как средство коммуникации представителями разных народов и масс. Именно поэтому многие неанглоязычные страны (Россия, Чехия, Словения, Хорватия, Турция, Греция и т. д.) представляют свои предприятия сервиса, в частности отели, на английском языке, определенным образом глобализуя собственный Интернет-сайт отеля и делая его лингвистически доступным для большого числа потенциальных туристов.

Многие туристические компании в своей профессиональной деятельности адаптируют или локализуют собственный сайт отеля, то есть переводят его на язык конкретного адресата туристического продукта.

Локализованный Интернет-сайт – это сайт отеля любой туристической фирмы, представленный на языке конкретного адресата туристического продукта/услуги. Такие сайты – продукт комплексного процесса адаптации Интернет-ресурса к межкультурным особенностям целевой аудитории. Это обстоятельство отличает локализованный при переводе Интернет-сайт от любого другого вида Интернет-сайта.

Структура всех исследованных нами Интернет-сайтов отелей определяется их ярко выраженным информативным характером, а их информативная прагматическая ориентация определяет структурные компоненты, его композицию и рубрикацию.

Под *композицией* мы понимаем строение текста, соотношение и взаиморасположение его составляющих частей.

Внешним выражением композиционной структуры текста сайта является *рубрикация*, представляющая членение текста на его составные части, графическое отделение одной части от другой, использование заголовков. Композиция и рубрикация зависят от ряда факторов – культурных традиций, жанра туристического дискурса, содержания текстового сообщения, интенций адресанта.

Структурно-композиционная структура любого Интернет-сайта отеля предполагает наличие следующих компонентов: 1) заголовок; 2) логотип; 3) корпус текста; 4) прескриптор.

Важнейшая роль в структуре любого Интернет-сайта отеля принадлежит *основному заголовку*, который, помимо коммерческих функций, выполняет коммуникативные функции. Исследовательский материал показал, что основные заголовки представляют собой следующие типы предложений:

1) именные предложения (75 %): *Sheraton Palace Hotel; Izmailovo Gamma-Delta Hotel; Crowne Plaza Hotel; Radisson SAS Palais Hotel; St. George Hotel; Melia Athens Hotel; Hotel Residence Retezova; Hotel Paris; Hotel Metamorphis; Grand Hotel Praha; Hotel Sovereign; Classical Athens Imperial* [5];

2) именные предложения с информативной достаточностью главного члена и структурной неделимостью предложения (при этом парадигма предложения может допускать введение в его структуру служебных глаголов, частиц, замену наречия на прилагательное) (15 %): *Hotel At The Three Ostriches; Hotel At The Three Storks; At The Golden Horse Shoe; Hotel At The Yellow Shoe; Hotel At The Three Drums; Hotel & Residence At The Black Star* [5].

В ходе анализа нами также было установлено, что, Нами также было установлено, что основные заголовки могут быть сформулированы в виде *слоганов*, то есть кратких образных выражений, девизов, клишированных фраз, которые отличаются от обычных заголовков ярко выраженной эмоциональной окраской. Цель использования заголовков-слоганов обусловлена необходимостью адресанта, выделить свой туристический продукт (в данном случае отель) среди многих других и, как следствие, вызвать положительные ассоциации у потенциального клиента / туриста по отношению к отелю или предоставляемой им услуге и впоследствии мотивировать его воспользоваться услугами именно этого отеля.

Один из главных параметров заголовка-слогана – его информационная емкость. Например, образ цунами, использованный в заголовке-слогане греческого отеля «*Melia Athens Hotel*»: «*Storm of Service*» («*Цунами обслуживания*») (реклама услуг, предоставляемые отелем, www.charming@booking-hotel.com). Во-первых, сама идея гигантской волны непосредственно сопряжена с понятием волновой физики звука, о которой большинство представителей целевой аудитории имеет представление. Во-вторых, цунами – идеальное воплощение мощности (в данном

случае качества и количества обслуживания), столь важное для отображения ключевых характеристик отеля.

Неотъемлемым дополнением к основному заголовку служит *подзаголовок*, более точный и краткий по содержанию, который служит определенным связующим элементом и переходом к основному тексту. Основной заголовок выделяется более крупным шрифтом и располагается таким образом, чтобы привлечь внимание как можно большего количества клиентов. Подзаголовок же, оформляется более мелким шрифтом, чем основной заголовок, но, зачастую более крупным, чем основной текст.

После основного заголовка и подзаголовка следует один из важнейших структурных компонентов текстового пространства Интернет-сайтов отелей – *логотип* отеля. Логотип представляет собой полное или сокращенное наименование отеля. Часто в единую композицию соединены логотип и фирменный слоган, выражающий комплекс туристических услуг и дополнительных процедур, которые предоставляет данный отель. Логотип осуществляет виртуальную презентацию отеля, являясь одновременно информационным элементом (информирует потенциального клиента/адресата о предприятии сервиса, о его существовании и категориальной принадлежности, уровне звездности, о его месте на рынке туристических услуг).

В качестве структурно-семантического компонента Интернет-сайтов отелей логотип реализует прагматическую функцию, и эффективность этой реализации зависит от следующих признаков: 1) оригинальности, то есть индивидуальности образа отеля; 2) адекватности, то есть соответствия реально существующему отелю; 3) узнаваемости, то есть запоминания и дальнейшего воспроизведения образа данного отеля.

Корпус текста, следующий важный структурный компонент Интернет-сайта отеля, представляет собой подробную информацию, определенным образом «заявленную» основным заголовком и подзаголовком. Как показало наше исследование, микроструктура корпусов текстового пространства Интернет-сайтов отелей, характеризуется их членением на информационные блоки в виде подразделов и абзацев. Они отделяются друг от друга промежуточными заголовками и выполняют фатическую и референциальную функции. Тематические заголовки представлены следующими типами предложений:

1) именные односоставные или двусоставные предложения (85 %): *Address; Hotel Services; Activities; Food and Beverage; Children and Extra Beds; Cancellation; Terms and Conditions; Check In; Number of Guest Rooms; Hotel Information* [3];

2) двусоставные предложения при подлежащем, выраженным целым предложением (15 %): *Credit Cards Accepted; Children and Pets Welcomed; Food Served; Parking Charged* [4], [5].

Прескриптор представляет собой специальное приложение к Интернет-сайту отеля в виде возможности виртуального приобретения или заказа той или иной услуги, предлагаемой отелем или гостиницей. К прескриптору всегда прилагается электронный адрес отеля.

Таким образом, текстовое пространство Интернет-сайта отеля представляет собой сложное структурно-композиционное образование.

Список литературы

1. Бергельсон, М. Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации / М. Б. Бергельсон // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М., 2002. – № 1. – С. 55–68.
2. Шамне, Н. Л. Коммуникативные барьеры в межкультурной коммуникации / Н. Л. Шамне // Материалы регион. науч. конф. Поволжья и Сев.-Кавк. региона. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2004. – С. 3
3. Головин, О. Социологический словарь / О. Головин. – М., 2001.
4. <http://www.bursakulturturizm.gov.tr>.
5. <http://www.charming@booking>.

А.В. Карякин

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ КАК НЕЭКОЛОГИЧНОЕ ЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ *

В статье рассматриваются эколлингвистические основы изучения феномена речевой агрессии, приводятся дефиниция данного понятия, основные подходы к изучению. Вербальная агрессия рассматривается как способ речевого воздействия в агональном политическом дискурсе.

Современная наука отмечена гуманитаризацией исследовательских парадигм и учетом данных различных направлений. Развиваются новые области лингвистического знания на стыке наук: психоллингвистика, социоллингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология. Так возникла эколлингвистика – одно из современных научных направлений в области языкознания, которое сформировалось на стыке социального, психологического и философского направлений в лингвистике. В круг интересов этого нового направления входит феномен речевой агрессии.

Необходимость уточнения дефиниции понятия «речевая агрессия» обусловлена отсутствием его устоявшегося общепринятого определения, что связано со сложностью и многогранностью названного феномена. Понятие агрессии употребляется как в обыденном понимании, так и в различных значениях в отдельных научных дисциплинах, каждая из которых привносит свое видение данного явления [Buss, 1961; Bandura, 1983; Психологический словарь, 1997]. С нашей точки зрения, дефиниция данного явления должна учитывать как психологический аспект (мотивацию и намеренность), так и его социальную детерминированность. Для обозначения проявлений агрессии в языке в лингвистической литературе отсутствует единый общепринятый термин и применяются различные обозначения: языковая агрессия, речевая

* Статья написана при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013» (Госконтракт № 02.740.11.0367).

агрессия, вербальная агрессия, словесная агрессия, языковое насилие, язык вражды, языковая демагогия и др., что свидетельствует, с одной стороны, о недостаточной разработанности темы, а с другой – о том, что «данный феномен нельзя считать единой формой поведения, отражающей какое-то одно побуждение. Этот термин употребляется применительно к самым разнообразным речевым действиям, весьма неоднородным по мотивации, ситуациям проявления, формам словесного воплощения, интенциональной направленности» [Щербина, 2008, с. 14].

Сохраняющийся на протяжении нескольких десятилетий интерес лингвистов к речевой агрессии вызван тем фактом, что при отсутствии действенных сдерживающих механизмов в современном обществе речевая агрессия активно проникает в общественную, политическую сферу жизни общества, в СМИ. Она рассматривается в аспекте экологии языка как выражение антинормы [Скворцов, 1996], как средство засорения речи [Сковородников, 1993], как фактор, оказывающий отрицательное эмоциональное воздействие на адресата [Федосюк, 1993], как коммуникативная стратегия в ситуации конфликта [Михальская, 1996; Седов, 1996]. Наиболее разработанным является психолингвистическое направление исследований речевой агрессии [Л.С. Выготский, А.А. Леонтьев, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Я. Рейковский], в рамках которого описывается механизм возникновения агрессии в процессе мышления в результате преобразования внешних реакций на негативные раздражители во внутренние, связанные с речемыслительной деятельностью и находящие выражение в речевых реакциях, которые, являясь сложной нервно-психической деятельностью, опираются, в свою очередь, на интеллектуальные процессы [А.Р. Лурия]. Данный процесс может приводить к появлению репрезентирующих эмоции знаков, к перестройке структуры высказывания и приобретению им эмоциональной окраски [Рейковский, 1979]. Обращение к анализу инвективной, ненормативной, неcodифицированной, табуированной, непристойной, непечатной, нецензурной лексики позволяет исследовать социолингвистический аспект речевой агрессии [Н.Д. Голев, В.И. Жельвис, В.Н. Капленко, В.П. Коровушкин, К.Ф. Седов, Б.Я. Шариффулин и др.]. Вербальная агрессия с точки зрения ее языкового воплощения, правовой и этической оценки является предметом юрислингвистики.

Под речевой агрессией в нашей работе понимается «словесное выражение негативных чувств, эмоций, намерений в неприемлемой в данной речевой ситуации форме» [Щербина, 2008, с. 15]. Это определение представляется наиболее точным для нашего исследования, так как соотносит психологическую (чувства, эмоции, намерения), вербальную (словесное выражение) и социальную (ситуативный контекст) составляющие описываемого явления.

Речевая агрессия рассматривается нами как способ речевого воздействия. Изучение речевого воздействия является в настоящее время особо актуальным, т.к. оно все активнее проникает во все сферы человеческой жизни, способствует изменению ценностных ориентиров, идеологических установок,

политических взглядов. Потоки речевого воздействия идут через СМИ, рекламу, во время политических кампаний. Речевое воздействие изучается в лингвистике, психологии, социологии, теории коммуникации, пропаганде, логике, теории рекламы, политике. По мнению многих ученых воздействие является онтологической характеристикой языка. Возможность осуществлять воздействие заложена непосредственно в самом языке и определяется тем, что язык предоставляет его пользователям свободу выбора средств выражения, обусловленную наличием в системе языка альтернативных по прагматической нагрузке, но функционально эквивалентных кодов. Академик В.В. Виноградов среди важнейших общественных функций языка наряду с функцией общения и сообщения называет воздействие. В другой терминологии эта функция называется программирующей (Т.М. Дридзе). На выделении этой функции основываются современные отрасли лингвистики – психолингвистика и прагмалингвистика.

Так, признание М.Р. Блакаром языка «инструментом социальной власти» базируется на представлении о том, что «наша социальная действительность в существенной степени структурируется и определяется языком: имя или языковое обозначение могут в большей степени определять и обуславливать наше понимание того, что имеется в виду, и наше отношение к нему» [Блакар, 1987, с. 97].

Основания на трактовку вербальной агрессии как способа речевого воздействия нам дает тот факт, что с точки зрения прагматики в основе речевой агрессии лежит однонаправленное эмоциональное негативизирующее речевое воздействие на адресата (суггестия). При использовании речевой агрессии отправитель высказывания делает ставку на эмоциональное воздействие. Спецификой речевой агрессии с точки зрения речевого воздействия, по мнению Т.А. Воронцовой, является «установка адресанта на то, что его позиция должна быть принята адресатом безоговорочно. Именно поэтому речевая агрессия как речевое поведение безаргументативна по определению» [Воронцова, 2006, с. 36].

Речевая агрессия изучалась нами в политическом дискурсе. Специфика политики, в отличие от ряда других сфер человеческой деятельности, заключается в ее преимущественно дискурсивном характере, и интерес лингвистов к политической коммуникации выявляется, прежде всего, в системе когнитивно-дискурсивных приоритетов. Политический дискурс, являясь формой социально ориентированного и задающего общение в рамках социальных статусно-ролевых отношений институционального дискурса, создает определенные предпосылки и ограничения для реализации речевой агрессии. Он выступает носителем и ретранслятором смыслов, ценностей, идей, образов, мнений, интерпретаций и прочих ментальных и виртуальных образований, мощным властным ресурсом, средством саморепрезентации, легитимации и позиционирования в социокультурном и политическом пространстве. Цель политической коммуникации – борьба за власть, а содержание сводится к публичному обсуждению вопросов власти [Шейгал,

2004]. Онтологическим свойством политического дискурса является агональность. Понятие агона (состязание, борьба двух идей) применяется по отношению к речи в политике, где борьба и победа составляют главную цель общения. Речь, служащая целям завоевания власти, использующая специальные аргументы, приемы защиты и нападения, является типом дискурсивного (речевого) оружия, речевая система – агональной, поскольку агон как первый принцип социальных и речевых структур власти определяет структуру социо- и логосферы, превращая речь в агональную демонстрацию [Михальская, 1996, с. 74]. Данный факт детерминирует использование словесной агрессии. Речевая деятельность политика характеризуется намерениями и целями отправителя текста оказать определенное воздействие на получателя текста и осознанностью выбора отправителем коммуникативных стратегий и тактик, а также речевых средств их вербализации.

Материалом исследования послужили интервью с бундесканцлером Германии А. Меркель. Анализ нашего материала показывает, что речевая агрессия в дискурсивной практике А. Меркель реализуется с помощью определенных коммуникативных стратегий и тактик.

Для того чтобы в ходе политической борьбы понизить статус противников, политики часто прибегают к стратегии дискредитации. Данная стратегия в политических интервью А. Меркель реализуется с помощью следующих тактик: тактики анализ – минус, тактик обвинения и безличного обвинения, тактики упрека, тактики констатации некомпетентности противника, тактика признания чужой точки зрения или действий неправильными.

Наряду с дискредитацией противника политику необходимо повысить свой статус. Стратегия повышения личного статуса в политических интервью А. Меркель реализуется тактиками анализ-плюс, самопрезентации, неявной самопрезентации, провозглашения собственной правоты.

Список литературы

1. Блакар, Р. М. Язык как инструмент социальной власти / Р. М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987.
2. Воронцова, Т. А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Т. А. Воронцова. – Челябинск, 2006.
3. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2004.
4. Щербинина, Ю. В. Вербальная агрессия / Ю. В. Щербинина. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008.

О.Н. Георгиева

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТНОСПЕЦИФИКИ ФРАНЦУЗСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ДОМИНАНТАХ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКИХ И РУССКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОВ)

Статья посвящена исследованию этноспецифичных черт французской и русской лингвокультурных традиций, нашедших объективацию в аксиологических доминантах концептосфер «bien»/ «добро» и «mal»/«зло» и реализованных в паремиологическом слое французского и русского языков.

Критический обзор лингвокультурологических концепций [Бабаева, 2004; Карасик, 2002; Караулов, 1987; Красавский, 2001; Лотман, 1996, 2000; Сорокин, 1990] показывает, что при интерпретации культурных различий ключевая роль отводится категории ценности, которая является одним из системообразующих факторов культуры, выражением ее основной (оценочной, аксиологической) функции.

Являясь «концептами смыслов» [Маслова, 2001, с. 119], ценностные доминанты играют ключевую роль в культуре. Коды коммуникации и лингвокультурной традиции могут быть декодированы, поняты исключительно из сетки ценностей и приоритетов [Дмитриева, 2007, с. 57].

В работах целого ряда лингвистов находит подтверждение мысль о том, что для каждого народа существует иерархически организованный набор аксиологических элементов, ценностных доминант, которые повторяются в других культурах, но в другой конфигурации [Степанов, 2001; Шамне, 1999].

Таким образом, мы можем говорить о том, что разработка вопросов лингвоаксиологии имеет преимущественное значение для выявления и объяснения специфики языковых картин мира [Апресян, 1995; Урысон, 1998; Шмелев, 2002] и особенностей национального менталитета [Головановская, 1997; Колесов, 1998; Фесенко, 1999].

С целью установить и охарактеризовать ценностные доминанты французского и русского паремиологического сознания, нами были проанализированы франко- и русскоязычные пословицы и поговорки, в которых получили контекстуальную реализацию ядерные репрезентанты аксиологических концептосфер «bien»/ «добро» и «mal»/«зло», а также их дериваты.

Так, результаты исследования, представленные в настоящей статье, были получены в ходе анализа:

1) 2500 паремиологических единиц, размещенных в словаре французских пословиц и поговорок в рубриках «bien»/ «добро» и «mal»/«зло», а также 650 поговорок, размещенных на франкоязычных электронных сайтах и содержащих дериваты ядерных репрезентантов одноименных концептосфер, оценочные прилагательные – *bon, ne* (хороший, -ая), *mauvais, e* (плохой, -ая) и оценочные наречия *meux...* (лучше...), *pire...* (хуже);

2) 1000 паремиологических единиц, размещенных в словаре русских пословиц и поговорок в рубриках «добро» и «зло», а также 750 паремий, размещенных на русскоязычных электронных сайтах, отражающие представления русского народа о добре и зле, а, следовательно, о ценностях и

антиценностях, которые выражены через оценочные прилагательные *хороший*, *-ая*, *-ое* и *плохой*, *-ая*, *-ое* и оценочные наречия *хуже*, *лучше*.

В соответствии с результатами анализа паремиологического слоя французского и русского языков мы разделяем выявленные аксиологические элементы концептосфер «bien»/ «добро» и «mal»/ «зло» на две основные группы – «универсальные ценностные доминанты» и «этноспецифичные ценностные доминанты», общее количество которых составляет 97 понятий, – положительных и отрицательных аксиологических компонентов, распределенных по индексу частотности в порядке убывания, и образующих шкалу ценностей, где французская лингвокультура выступает в качестве оси, задающей вектор сопоставительного анализа.

В рамках данной статьи приводятся лишь первые пять универсальных ценностных доминант (ценностей и антиценностей), получивших наибольшее число контекстуальных реализаций во франко- и русскоязычных поговорках, – к ним относятся: *femme* (f)/ *женщина/жена*, *reussite materielle* (f)/ *материальное благополучие*, *repas* (m)/ *еда*, *esprit* (m)/ *ум*, *vie* (f)/ *жизнь* (ценности); *maladie* (f)/ *болезнь*, *pauvrete* (f)/ *бедность*, *mort* (f)/ *смерть*, *folie* (f)/ *безумие*, *betise* (f)/ *глупость* (антиценности); а также перечислены все аксиологические компоненты, вошедшие во вторую группу – «этноспецифичные ценностные доминанты»: *homme* (m) (мужчина), *mariage* (m) (брак), *pouvoir* (m) (власть), *plaisir* (m) (удовольствие), *bon gout* (m) (хороший вкус), *justice* (f) (справедливость) (этноспецифичные аксиологические элементы концептосферы «bien»), *гостеприимство*, *мать*, *совесть*, *прошлое*, *настоящее* (этноспецифичные аксиологические элементы концептосферы «добро»); *chomage* (m) (безработица) (этноспецифичный аксиологический элемент концептосферы «mal»), *война*, *обида* (этноспецифичные аксиологические элементы концептосферы «зло»).

Описание этноспецифичных черт французских и русских лингвокультурных традиций, объективированных в аксиологических концептосферах «bien»/ «добро» и «mal»/ «зло», осуществляется в несколько основных этапов: выделение базовых семантических узлов, то есть смысловых доминантных сфер анализируемых понятий; детализация содержания базовых семантических узлов; сопоставление результатов с целью выделить различия в восприятии рассматриваемых нами аксиологических единиц представителями французской и русской лингвокультурных традиций.

Проиллюстрируем приведенный выше алгоритм исследования с помощью детального анализа ценностной единицы *femme* (f)/ *женщина*, релевантность которой проявляется как через способность данной единицы отражать акценты французского и русского аксиологического пространства исследуемых концептосфер, так и через частотность употребления данной лексики в поговорках, размещенных в рубриках с тематикой «bien»/ «mal» и «добро»/ «зло». Индекс частотности, вычисленный по количеству объективаций данной лексики в рамках французских пословиц и поговорок, составил 12 % (абсолютный максимум по сравнению с другими понятиями),

тогда как проанализированные нами русские пословицы и поговорки фиксируют значительно более низкий показатель – 2 % контекстуальных реализаций понятия *женщина/жена*. На основе данных кваликативного анализа мы выделяем три основные группы семантических узлов ценностной доминанты *femme* (f)/ *женщина/жена*, получивших реализацию в паремиологическом слое французского и русского языков:

А) «Универсальные семантические узлы», к ним относятся:

- «Женщина/ жена как основа гармоничных отношений в семье» («*La femme est le bon Dieu de la maison*» (*Женщина – хранительница домашнего очага*); «Добрый мир в семье женой держится»);
- «Основные положительные качества женщины/жены» («*Une jolie femme est un bon compagnon*» (*Красивая женщина – хороший спутник*); «Добрую жену взять – ни скуки, ни горя не знать»);

Б) «Этноспецифичные семантические узлы, характерные исключительно для французского паремиологического сознания»:

- «Романтизация легкомысленности как одной из основных черт женского характера» («*Femme, vent, temps et fortune se changent bien comme la lune*» (*Женщина, ветер, погода и удача изменчивы как луна*)). Так, романтизация аксиологического компонента «*femme*», осуществляемая через частое сравнение данного понятия с такими образами, как *vent* (ветер), *fortune* (удача), *temps* (погода), *lune* (луна), *mer* (море), является одной из этноспецифичных черт французской лингвокультуры. Используя в основном номинацию природных явлений для обозначения изменчивого настроения женщин, носители французского языкового сознания параллельно фиксируют в данном лексическом выражении свое представление о «стихийности», неконтролируемости их характера;
- «Применение физической силы по отношению к женщине/ жене как неприемлемая модель поведения в семье» («*Qui frappe sa femme frappe un sac de farine le bon s'en va, le mauvais reste*» («*Тот, кто бьет свою жену – бьет мешок с мукой: хорошее уходит, а плохое остается*»));

В) «Этноспецифичные семантические узлы, характерные исключительно для русского паремиологического сознания»:

- «Применение физической силы по отношению к женщине/ жене как приемлемая модель поведения в семье» («Чем больше жену бьешь, тем щи вкусней/лучше»).

Результаты, полученные на данном этапе исследования, позволяют нам говорить о доминантной позиции духовных ценностей в аксиологическом пространстве русских концептосфер и русской лингвокультурной традиции в частности, представители которой склонны к более абстрактному мироощущению, как об одной из ее основных этноспецифичных черт, отличающей ее от французской лингвокультурной традиции, представители которой, напротив, демонстрируют склонность к так называемому «предметному мышлению» и отдают предпочтение таким категориям, как: материальное благополучие; весомое положение в обществе; соблюдение прав личности; уважение закона; положительная оценка представителями социума тех или иных поступков,

действий личности, для которой восхищение является высшей формой одобрения; поддержание благоприятного морального климата в социуме; эффективность принципа «услуга за услугу», являющегося залогом того, что в будущем человек, получивший поддержку, сможет быть чем-то полезен; проявление интеллектуальной состоятельности личности; развитие и рост личности во всех сферах жизни; комфорт и устроенность быта, как нормальное явление необходимое для повседневной жизни личности.

Список литературы

1. Дмитриева, О. А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX века : монография / М. Р. Желтухина. – Волгоград : Перемена, 2007. – 307 с.
2. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учебное пособие / В. А. Маслова. – М. : Изд. центр «Академия», 2001. – 208 с.

Ю.С. Дзюбенко

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ВАРИАТИВНОСТЬ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА РАЗЛИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

В статье речь идет о национальных вариантах французского языка Франции, Бельгии, Швейцарии и Канады. Теоретически значимым является разграничение терминов «регионализм», «региолект», «региональный говор», «региональный язык», «регионализм», «региональные черты», «региональный вариант» и «территориальный вариант» как социально-территориального явления с позиций лингвистической вариантологии.

Проблема языковой вариативности является одной из актуальных тем современной лингвистики. Известно, что франкоязычное пространство включает несколько континентов: Европу, Африку, Северную Америку. К перечисленным ареалам следует добавить острова Карибского бассейна, часть Океании и Азии. Территориальные варианты французского языка, существующие в мире, объединены понятием франкофонии. Ш. Беккет определяет франкофонию как особое единство народов, живущих в странах, «в которых французский язык считается родным или вторым языком населения, а также, если он выполняет другие важные коммуникативные функции» [Becket, 1979, с. 32].

Среди территориальных вариантов французского языка особо выделяют собственно французский, бельгийский, квебекский и швейцарский, которые, в отличие от других вариантов французского языка в мире, являются национальными вариантами литературного языка. Они образуются либо в результате параллельного развития литературного языка (и при этом могут иметь разные диалектные основы), либо вследствие экспорта языка на другую территорию (случай квебекского варианта). Несколько особняком стоит африканский вариант французского языка, принадлежащий к суперстратным территориальным вариантам, которые образуются в странах, где данный язык

используется как средство публичного официального общения, но не является родным национальным языком для большинства населения [Клоков, 2003, с. 4].

Разделение литературного французского языка на варианты произошло по собственно лингвистическим (тенденция к варьированию языковых средств выражения) и экстралингвистическим (изменение условий жизни общества) причинам. К обуславливающим варьирование языка факторам относится также ослабление политических и экономических связей между людьми, использующими один язык. Неоспоримо также влияние жизненных и климатических условий, приводящих к возникновению слов, обозначающих специфичные для данной страны реалии.

Очевидно, что функционирование и состояние французского языка на всем пространстве многочисленных территорий неодинаково. На разных территориях он имеет разный статус и ряд различий, которые объясняются историческими условиями его распространения и употребления. В разных франкоязычных странах французский язык проявляет себя и как единый коммуникативный инструмент в его литературной и разговорной формах, и как система специфических вариантов, которые обладают определенным социолингвистическим статусом.

Со второй половины XX века во французской лингвистике, изучающей варианты французского языка, появились термины «региональный говор», «региолект», «региональные говоры», «регионализм», «региональные черты». Одновременно стали выявляться различия между явлениями, обозначаемыми этими терминами. Так, термины «региональный говор», «региолект» предусматривают определенную функционирующую лингвистическую структуру. Региональные черты (регионализмы) – это отдельные особенности местной разговорной речи, которые не обязательно входят в систему региональных говоров или регионального языка [Бородин, 1982, с. 31].

Термину «региональный язык» различные исследователи давали разные определения, из-за чего возникла сложная ситуация, которая характеризовала французское языкознание. Под этим термином обозначались довольно разные объекты и явления, связанные с ними. Так, Ж.-Б. Марчеллези под региональным языком понимает «язык, употребляющийся на определенном географическом пространстве Франции, в то время как французский язык является общим связующим языком на всем национальном пространстве» [Marcellesi, 1975, с. 6]. Л. Вольф определяет региональный французский как «географический вариант общенационального койне или языка» [Wolf, 1972, с. 171].

К. Пуарье вкладывает в термин «региональный вариант французского языка» такое содержание, которое основывается на представлении о регионе как о части определенной страны в ряду других ее частей [Poigier, 1987, с. 142–149]. Так, региональным языком во Франции, например, является бретонский, а региональным вариантом французского языка – французский язык в Нормандии. Французский язык Брюсселя считается региональным вариантом относительно французского языка Бельгии, так как он является частью данной страны. Также региональные разновидности

французского языка в кантоне Во или во Фрибуре правомерно считать вариантами, так как они распространены на территориях, считающихся частью Швейцарии.

Региональный вариант французского языка – это такая форма речи, которая соответствует стандарту общепольского литературного языка, но с элементами локальной специфики в произношении, грамматике и лексике. В отличие от диалектов, региональные варианты французского языка не обладают системностью и не имеют особой исторической базы.

Во французской лингвистике региональные варианты французского языка называют также региолектами. К региолектам принято относить варианты французской речи на территории самой Франции, а также варианты французского языка Бельгии и Швейцарии, и других франкоязычных стран, а их специфические элементы традиционно называют регионализмами французского языка.

То или иное положение языка в национальном обществе определенным образом сказывается на нем как на средстве выражения национальных представлений о мире. Это связано с тем, что язык является средством не только общения, но и формирования, передачи и хранения этнического знания, представляющего собой особую систему миропонимания и эмоционального реагирования на мир. С помощью языка от поколения к поколению передаются, приумножаются, видоизменяются и частично исчезают, с одной стороны, элементы общечеловеческой культуры, а с другой – специфические национальные черты. При этом сами языковые элементы создаются и воспроизводятся в конкретных речевых высказываниях, в ритуальных формах общения, при отправлении традиционных обрядов, в текстах национальной мифологии, в сказках, песнях, баснях, в научной, художественной и другой литературе. В данном случае язык проявляет себя как средство оформления духовных ценностей народа, как инструмент отправления традиционных действий и национально-специфического осмысления мира. Все эти признаки присущи национальным вариантам языка, в нашем случае – французскому языку Франции, Бельгии, Швейцарии, Квебека. Национальными вариантами французского языка они называются потому, что французский язык является родным языком соответственно французов, франко-бельгийцев, франко-швейцарцев и квебекцев. Однако уровень национализации этих четырех вариантов французского языка разный. Статусом национального варианта французский язык обладает в большей степени во Франции, в меньшей – в Квебеке и еще в меньшей – в Бельгии и в Швейцарии. Такое положение объясняется тем, что национальный вариант может функционировать только в обществе, достигшем национального статуса, а формирование наций в Квебеке, в бельгийской Валлонии и во Французской Швейцарии является процессом, завершение которого в настоящее время не является общепризнанным.

Особенностью французского, бельгийского и швейцарского вариантов французского языка является то, что они отражают такие культуры, которые, имея единый романский источник, стали развиваться самостоятельно и в то же

время в рамках единой европейской культуры и единого франкоязычного мира. По отношению друг к другу французский, бельгийский и швейцарский варианты французского языка можно назвать региональными, то есть частями единой системы европейского варианта французского языка.

В этих региональных вариантах проявляют себя следующие специфические элементы:

- *регионализмы* – специфические единицы, которые свойственны данному региональному варианту языка;
- *семантические дивергенты* – такие единицы, которые, имея одинаковую форму в других вариантах, отличаются своим смысловым содержанием;
- *формальные дивергенты* – такие слова и выражения, которые при одинаковом содержании в разных вариантах имеют различную форму выражения;
- *статусные регионализмы* – такие элементы, которые в разных региональных вариантах имеют различную частоту употребления или различную стилистическую окраску [Клоков, 2003, с. 9].

Что касается квебекского, бельгийского и швейцарского вариантов французского языка, то в них можно обнаружить весь этот перечень специфических черт. Кроме того, в них активно используется большое количество лексики, вышедшей из употребления во Франции и считающейся там архаичной.

В российской романистике вариант единого французского языка на территории какой-либо страны принято обозначать термином «территориальный вариант французского языка». В то же время локальная вариативность французского языка обозначается терминами «региолект» или «региональный вариант».

Список литературы

1. Becket, Ch. Vocabulaire nationalitaire / Ch. Becket // Nationalisme wallon. – Bruxelles, 1979. – P. 32.
2. Клоков, В. Т. Территориальные варианты французского языка / В. Т. Клоков // Спецкурсы по романской филологии : сб. тр. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2003. – Вып. 2. – С. 3–30.
3. Бородина, М. А. Диалекты или региональные языки? (К проблеме языковой ситуации в современной Франции) / М. А. Бородина // Вопросы языкознания. – М., 1982. – № 5. – С. 31.
4. Marcellesi, J.-B. L'enseignement des «langues regionales» / J.-B. Marcellesi // Langue francaise. – 1975. – № 25. – P. 6.
5. Wolf, L. Le francais regional. Essai d'une definition / L. Wolf. – Tralili, 1972. – Т. X. – № 1. – P. 171.
6. Poirier, Cl. Le francais «regional», methodologie et terminologie / Cl. Poirier // Francais du Canada, francais de France: Actes du Colloque de Treves du 26 au 28 septembre 1985. Tubingen, 1987. – P. 142–149.

Л.Н. Ребрина

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ПАМЯТИ КАК ПОДСИСТЕМЫ ГОМОСФЕРЫ

В статье описываются теоретические подходы к исследованию экологической функции памяти в психо- и инфосфере личности и общества. Память интерпретируется как подсистема гомосферы, обеспечивающая межпоколенную трансляцию социально значимого опыта, мир социальных эстафет, включающий и эстафеты речевой деятельности. Память тесно связана с моральным словарем, и объединяется с языком принципом семиозиса и способом организации знания. Релевантными для исследуемого явления являются также такие вопросы, как столкновение нормативно-ценностных систем разных поколений, превалирование конфликтных форм межпоколенных отношений, активное использование искусственной памяти.

Масштабное воздействие антропогенного фактора на окружающую среду превратило человека в основной селективный фактор. Экологические проблемы отражают кризис современного человека, который включая множество измерений, например, отношение человека и природы, человека и человека, человека и общества, ставит вопросы о типе его рациональности, форме его самосознания и познания, отчуждении от себе подобных и окружающей среды. Предмет экологии не исчерпывается задачами сохранения природной биологической среды, как и человек не сводится только к материально-физиологическому измерению. Не менее важна среда, создаваемая самим человеком, экология культуры, несоблюдение которой ведет к нравственной, и, в силу тесной взаимосвязи био- и гомосферы, физической гибели всего социума [Лихачев, 1983; Пригожин, Стенгерс, 2000, с. 33]. Одним из ее важнейших элементов, подсистемой, поддерживающей экологию гомосферы, противостоящей времени, обеспечивающей межпоколенную трансляцию, является память, которую Д.С. Лихачев называл четвертым измерением [Лихачев, 1983, с. 25]. Развитие человеческой цивилизации связано с овладением новыми способами сохранения и передачи важной для выживания информации. Как писала П. Рейс, память подобна матери, заботящейся о нашем выживании, а забытое прошлое – груз, который мы несем без пользы, не зная об этом, и исследовать память в экологическом ключе означает воспринимать сложные переплетения и сети личной, коллективной и природной памяти, выявлять их системные связи [Рейс, 2004]. Память, имея ностальгический характер, дает ощущение утраты, желанности и неполноты обретения потерянного, является величиной переменной, ретроспекцией из каждой новой современности и актуальности, порождающей настоящее. Мир памяти – это мир социальных эстафет, фиксирующих опыт и защищающих его от ситуативности, соотносящих его с новым объектом, контекстом. Важнейшими признаками социального бытия являются повторяемость, вечное возвращение прошлого в традиции. Но сегодняшнее общество ориентировано на массовое производство вещей и идей, движимо страстью к повторению и страхом быть скопированным и размноженным, лишенным индивидуальности.

Стремительные изменения информационного пространства, как на уровне социума, так и индивидуальной информационной системы, оказывают ошутимое давление на экологию человека, приводят к росту «искусственной прослойки», отчуждающей нас от естественной среды, к возникновению пропасти, разрыву между поколениями. В результате общество переходит от постфигуративного способа трансляции социально значимого опыта через конфигуративный к префигуративному, то есть, к субъект-субъектной преемственности, превалированию обучения предыдущих поколений у более поздних, так как мир нового поколения слишком сильно отличается от мира предыдущего, а, следовательно, преемственность ослабевает, жизненный опыт сокращается, сталкиваются нормативно-ценностные системы, формы межпоколенных отношений приобретают конфликтный характер, когда одно поколение вытесняется другим, происходит сужение и уменьшение глубины канала межпоколенной трансляции с трехпоколенности до однопоколенности [Мид, 1988]. Нарушение межпоколенной преемственности, падение авторитета лиц третьего возраста, понимание старости как синонима бесполезности, активность молодого поколения как равноправного субъекта обуславливаются быстрым устареванием, несовместимостью опыта старших с нынешними быстро меняющимися условиями, что превращает пожилых людей в объект, невостребованный ресурс, кризисную группу, социальных аутсайдеров, к применению по отношению к ним практик исключения, неудовлетворенности интенции старейшинства / наставничества [Смолькин, 2004, с. 60; Чернецкая, 2003]. Между тем как реализация данной интенции имеет ценность как на индивидуально-психологическом уровне (в онтогенезе), так и на социально-культурном уровне (в филогенезе), поскольку каждая личность – субъектом и предикат определенного культурного код. Обмен между памятью, как самоорганизующейся и адаптирующей системой информационных процессов, и средой основывается на открытости системы, а обмен между элементами внутри нее – на принципе закрытости. Сегодня наблюдается переход к техносферной эволюции, информационному империализму, интегрирующему интеллект и подавляющему разнообразие, к «обществу с сервисными технологиями», чей экологический режим состоит во «взаимном встраивании» природного и человеческого миров [Розов]. Стремительное развитие усиливающей физиологические возможности «искусственной» памяти и вспомогательных семиотик приводит к формированию Homo machinalis, и обусловлено растущей потребностью обработки и усвоения абстрактно-логической информации, укрупнением семантических блоков и информационной емкости единиц [Узилевский, 2001]. Доминирующие технические средства меняют природу функций памяти, с одной стороны, усиливая ее (благодаря чему мы имеем историю), с другой, как бы «замораживая», придавая ей фиксированный линейный характер, приводя к стандартизации и коллективизации наших представлений, ограничивающих индивидуальное, но сплавляющих человеческие сообщества через формирование общих интерпретаций. При трансляции прошлое часто

подвергается анонимизации, категоризации, нормализации, морализации, эстетизации, телеологизации, метаисторической рефлексии и специализации [Аникин, 2008]. Для исследования памяти как механизма поддержания экологии инфосферы информационная экология предлагает такие понятия и явления, как информационное загрязнение, информационный доминизм, информационная анархия, информационный экоцид, информационная энтропия, информационный гомеостаз, а также аксиомы экологии инфосферы и список стрессогенных факторов [Еремин, 2005], которые обуславливают воспроизведение и утрату той или иной информации в памяти. С целью, сделать функционирование памяти более наглядным используется компьютерная метафора, но апеллируя к ней как инструменту познания необходимо помнить, что, никакие психические процессы не могут быть объяснены на основе одних лишь вычислительных процедур. Аналогичная метафора лежит в основе интерпретации памяти как гипертекста, совокупности объектов, состоящих из наборов ссылок и первичных записей и ссылок на данный набор. Ссылки, уникальные, формирующиеся из свойств объекта, отвечающие за доступ к нему – наиболее уязвимые составляющие.

Овеществленная и неовеществленная социальная память, представляя собой движение социальных смыслов в социальном времени, может рассматриваться как взаимодействие между памятьми, тезаурусами субъектов, как коммуникативная деятельность, конечным реципиентом которой является индивидуальная память, а коммуникантами – индивидуумы (микрокоммуникация), социальные группы (мидикоммуникация), общество (макрокоммуникация), предусматривающая такие типы коммуникативных действий, как диалог, подражание (наиболее миролюбивый), управление (наиболее воинственный, сегодня больше манипулятивный) [Соколов, 2002]. На современном этапе перехода к мультимедийности происходит замена линейного, одномерного текста нелинейным гипертекстом, который больше соответствует нелинейному мышлению человека и его многомерному психическому пространству. Мы изложили некоторые теоретические моменты, из которых будем исходить в нашей работе. Память тесно связана с моральным словарем, например, с концептами долга, вины, справедливости, прощения. Объединяясь с языком принципом семиозиса и способом организации знания, она обладает семиотическими механизмами, включает иконические, индексальные, символические знаки, замещающие в памяти референт, а обладая знаковостью, как и язык, прагматически значима, влияет на картину мира и доминанты в мировоззрении [Ревзина, 2006, с. 10–24]. Язык выполняет функцию репрезентации памяти, и при лингвоэкологическом описании средств номинации в планируемом исследовании могут найти также применение такие понятия, как буферная емкость лингвосистемы, лингвогемеостаз, лингвоэкологическая ниша [Сковородников, 2007].

Список литературы

1. Аникин, Д. А. Социальное пространство памяти : автореф. дис. канд. филос. наук / Д. А. Аникин. – Саратов, 2008.

2. Еремин, А. Л. Интеллектуальные системы, информация и экология / А. Л. Еремин // Ноогенез и теория интеллекта. – Краснодар : СовКубБ, 2005.
3. Левченко, В. Ф. Эволюция биосферы до и после появления человека / В. Ф. Левченко. – СПб., 2004.
4. Лихачев, Д. С. Земля родная / Д. С. Лихачев. – М., 1983.
5. Мид, М. Культура и мир детства. Избранные произведения / М. Мид. – М., 1988. – С. 322–361.
6. Пригожин, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М., 2000.
7. Ревзина, О. Г. Память и язык / О. Г. Ревзина // Критика и семиотика. – 2006. – № 10. – С. 10–24.
8. Рейс, П. Благо памятования Мнемозины / П. Рейс // Spring. – 2004. – № 70.
9. Розов, Н. С. Общества, миросистемы и цивилизации: синтез парадигм и структура истории / Н. С. Розов. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.nsu.ru/filf/rpha/papers/geoecon/forrach.htm>.
10. Сковородников, А. П. К становлению системы лингвоэкологической терминологии / А. П. Сковородников // Балканская русистика. – 2007. – С. 70–78. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0070271.
11. Смолькин, А. А. Социокультурная динамика отношения к старости : дис. ... канд. социол. наук / А. А. Смолькин. – Саратов, 2004.
12. Соколов, А. В. Общая теория социальной коммуникации / А. В. Соколов. – СПб., 2002.
13. Узилевский, Г. Я. К исследованию оснований антропологической семиотики / Г. Я. Узилевский // НТИ. Сер. 2. – 2001. – № 11. С. 7–22.
14. Чернецкая, С. В. Межпоколенная коммуникация: Барьеры и конфликты : дис... канд. филос. наук / С. В. Чернецкая. – Ростов на/Д., 2003.

И.Н. Рогожникова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ВЕЖЛИВАЯ КОРРЕКТНОСТЬ ЭКОЛОГИЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ДИРЕКТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ «СОВЕТ» И «ПРЕДЛОЖЕНИЕ»)

В статье показано, что экологичное общение может включать в себя как позитивную вежливость, так и негативную. Позитивная вежливость, реализуемая в директивных речевых актах «предложении», иллюстрирует проявление внимания и интереса к собеседнику. Негативная вежливость, реализуемая в директивных речевых актах «совет», направлена, прежде всего, на смягчение иллокутивной силы высказывания.

Директивные речевые акты (далее – ДРА) «предложение», «совет» и «угроза» мы относим к суггестивам. Из-за низкой частотности ДРА угрозы мы исключили его из рассмотрения в настоящей статье.

Сравнительный анализ ДРА «предложение» и «совет» выявляет у этих РА ряд общих черт. Оба директива содержат побуждение к действию в интересах адресата. Объединяет их также наличие в сценариях рассматриваемых РА оценки. Мотив, посредством которого человек соотносит

цель со средством его достижения, при реализации интенции предложения и совета является внешним по отношению к субъекту [Гусейханова, 2009].

Однако существуют также и определенные различия между советом и предложением. Если совет представляет собой РА, в котором положение адресанта по статусным признакам выше положения адресата, то речь о ДРА предложения идет лишь в том случае, если оба коммуниканта равноправны. Особенностью ДРА совета служит то, что бенефактивность, с точки зрения говорящего, предсказуемого действия не всегда очевидна для адресата. Поэтому приоритетность советуемого лица должна быть статусно, позиционно либо ситуативно обусловлена [Беляева, 1992]. Это дает основание каузировать действия адресата, принимая на себя ответственность за благополучный исход предикации. При реализации ДРА предложения адресант несет меньшую ответственность, чем при ДРА совета [Гинделанг, 1978]. Результативность ДРА совета при изначально более низком статусе говорящего гораздо ниже, чем при ДРА предложения.

Суггестивные речевые акты полисубъектны, поскольку ориентированы на адресата как на субъекта, определяющего успешность иллокутивного акта. По этой причине речевое поведение говорящего при реализации суггестивных речевых актов напрямую зависит от стратегий вежливого поведения. В прагматическом плане вежливость рассматривается как стратегия или набор стратегий, ориентированных на достижение положительного результата в общении [Демченко, 2007].

В общем виде стратегии вежливости можно свести к двум типам [Brown, Levinson, 1987]:

- «позитивная» вежливость, предполагает желание возвысить позитивный облик адресата, всячески проявляя интерес и симпатию к собеседнику, стремясь к взаимопониманию и согласию;
- «негативная» вежливость, которая заключается либо в избегании речевых актов, которые угрожали бы лицу или территории адресата (приказ, просьба, совет), либо в их смягчении, либо в том случае если «угрожающий акт» уже произведен, в его исправлении.

Вслед за Т.В. Лариной в качестве синонимов позитивной и негативной вежливости мы используем термины «стратегия сближения» и «стратегия отдаления». Стратегия сближения – средства, которые сокращают дистанцию между партнерами по коммуникации. Она характерна для таких «приятных» речевых актов, как уместные обращения, приветствия, прощания, благодарности, поздравления, пожелания. В то же время стратегия отдаления нацелена на создание коммуникативных барьеров, границ, на то, чтобы показать наличие дистанции между собеседниками и таким образом продемонстрировать взаимное уважение. Стратегия отдаления характерна для таких речевых актов, где затрагиваются интересы адресата: просьба, совет и т. д. [Ларина, 2003, с. 207].

К наиболее распространенным коммуникативным стратегиям позитивной вежливости относятся следующие линии поведения [Карасик, 1992]: выражение

комплиментов, подчеркивание интереса к потребностям, мнению и вещам адресата, предложение помощи, предложение к совместным действиям, проявление заботы о пожеланиях адресата и т. д., что можно проиллюстрировать следующими примерами:

«Soll ich 'n Arzt holen?» fragte ich (Bieler, Maria, 218).

Lass uns lieber ein Feuer machen (Paretti, Zauberschiff, 73).

Soll ich dich begleiten, damit du den Weg findest (Rommel, Corinna, 199).

В первом примере, говорящий, заботясь о здоровье собеседника, собирается вызвать врача, подчеркивая свой интерес к потребностям адресата. Во втором случае говорящий предлагает собеседнику зажечь костер, совместное действие выгодно обоим коммуникантам. В третьем примере говорящий предлагает свою помощь и проявляет заботу о слушающем.

В свою очередь, негативная вежливость, стратегия отдаления, включает в себя такие линии поведения, как использование косвенных высказываний, оценочных суждений, выражение извинения и благодарности, минимизацию вторжения, проявление уважения посредством принижения собственного положения и возвышения положения адресата и др.

Das war schon sehr gut. Du mu?t nur scharfer schie?en. Sieh mal, soooo! Sie machte es Jola vor (Noak, Gluck, 83).

«Du konntest auf die Hotelfachschule gehen», sagte Herr Kleeberg (Bieler, Maria, 228).

В первом примере стратегия отдаления реализуется посредством оценочного суждения, во втором минимизация вторжения в личное пространство собеседника достигается посредством конъюнктива.

Сравнение ДРА «предложение» и «совет» возможно и с позиций лингвоэкологии. Одним из объектов лингвоэкологии является экологичность коммуникации, под которой понимается использование терапевтических ресурсов языка для того, чтобы сделать общение приятным. Экологичная коммуникация по своей сути вежливо-корректна. К параметрам экологичного общения, среди многих других, относятся: вежливость, доброжелательность, стремление партнеров по коммуникации избегать негативных оценок личности собеседника, кооперативность, реализация адресности высказывания через упоминание имени адресата и др. [Шаховский, Солодовникова, 2009].

Сравнение ДРА «предложение» и «совет» с позиций лингвоэкологии говорит об экологичности ДРА «предложение». Если же адресант предлагает совершить адресату некое неприятное действие, то ДРА предложения переходит в разряд невежливых, неэкологичных РА. Невежливый совет угрожает коммуникантам потерей общественного лица, в то время как совет, выраженный в вежливой форме, не является ликоущемляющим. Его можно рассматривать как экологичный РА, при реализации которого используются

тактики негативной вежливости. Однако если адресат при реализации ДРА совета обращается к негативной вежливости с уничижительной целью, то РА совета теряет свою экологичность.

Таким образом, экологичное общение может включать в себя как позитивную вежливость, так и негативную. Позитивная вежливость, реализуемая в ДРА предложения, иллюстрирует проявление внимания и интереса к собеседнику. Негативная вежливость, реализуемая в ДРА совет, направлена, прежде всего, на смягчение иллокутивной силы высказывания.

Список литературы

1. Беляева, Е. И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык / Е. И. Беляева. – Воронеж, 1992. – 167 с.
2. Гусейханова, З. С. Когнитивно-прагматическая характеристика высказываний со значением «предложение» и «совет» (на материале современного английского языка) : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / З.С. Гусейханова. – Ростов на/Д., 2009. – 21 с.
3. Демченко, Е. В. Семантико-синтаксические средства выражения категории вежливости в английском и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19, 10.02.20 // Е. В. Демченко. – Ростов н/Д. – 2007.
4. [Карасик, В. И. Язык социального статуса](#) / В. И. Карасик. – М. : Ин-т языкознания РАН : Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.
5. Ларина, Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах : монография / Т. В. Ларина. – М. : Изд-во РУДН, 2003. – 315 с.
6. Шаховский, В. И. Терапевтическая функция языка как проблема эколингвистики / В. И. Шаховский, Н. Г. Солодовникова // Электрон. науч. журн. «Мир лингвистики и коммуникации». – № 2 (15). – 2009. – Электрон. дан. – Режим доступа: www.ecolinguistics.ru/doc/mat47.doc. (дата обращения: 23.03.2010).
7. Brown, P., Levinson S. Politeness. Some universals in language usage / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge : CUP, 1987.
8. Hindelang, G. Auffordern. Die Untertypen des Aufforderns und ihre sprachlichen Realisierungsformen / G. Hindelang. – Goppingen, 1978.

Источники

1. Bieler, M. Maria Morzeck oder das Kaninchen bin ich. Roman / M. Bieler. – Munchen : Biederstein Verlag, 1969.
2. Noak, B. Eine Handvoll Gluck. Roman / B. Noak. – Frankfurt a/M ; Berlin : Ullstein, 1994.
3. Paretti, S. Das Zauberschiff. Roman / S. Paretti. – Locarna : Droemer Knaur Verlag, 1977.
4. Rommel, A. Mit Corinna kannst du was erleben / A. Rommel. – Stuttgart : Schwabenverlag, 1959.

Н.Б. Егорченкова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ СМЫСЛОВ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Умение адекватной интерпретации коммуникативных смыслов высказывания является важнейшим элементом межкультурной компетенции, поскольку незнание культурных особенностей ведет к множественной интерпретации имплицативных смыслов речевых произведений и

некорректному использованию средств языка, содержащих в своей семантике интерпретативные компоненты.

В эпоху многообразных экологических проблем возникает острая необходимость включения в понятие среды обитания человека его культурно-исторических ценностей, поскольку экологическая катастрофа все чаще связывается с «глобальной массовизацией культуры», которая «ведет к искажению этнических стереотипов поведения, разрушению этносов, люмпенизации и маргинализации населения, разрушению сложившихся механизмов адаптации к “ландшафтам проживания” <...> и соответственно к усилению агрессивности в поведении, в хозяйствовании по отношению к природе и уничтожению биологического разнообразия» [Субетто, 2006, с.199].

Ответом на Глобальную Экологическую Катастрофу (по терминологии А.И. Субетто) может стать экологический подход к науке, который подразумевает сознательные действия человека, направленные на сохранение культурного и биологического, а также лингвистического разнообразия. В связи с этим глубокое знание иной культуры и языка, в частности этического аспекта культуры речи, по-прежнему остается одним из важнейших элементов межкультурной компетенции.

Особую значимость в свете существующих проблем, связанных с национальными особенностями коммуникативного поведения, представляет изучение потенциала языковых средств, которые используются для адекватной интерпретации явных и скрытых намерений вступающих в диалог представителей разных культур.

Несомненный интерес с точки зрения отражения в семантической структуре языковых единиц информации об отношении человека к речевым действиям других коммуникантов вызывают немецкие глаголы вопросительной семантики.

Анализ данных глаголов показал наличие в их смысловой структуре целого ряда коммуникативно релевантных семантических компонентов с прагматической заданностью, то есть компонентов, указывающих на те или иные аспекты речевого акта, причем данные прагматические компоненты представлены в смысловом содержании лексем имплицитно и извлекаются только при анализе их словоупотребления в конкретной речевой ситуации.

Использование таких глаголов вопросительной семантики, как *überfragen*, *verhören*, *vorfühlen*, *interwieven*, *abfragen*, *examenieren* и др. для описания иллокутивных коннотаций высказывания и для экспликации имплицитных коммуникативных смыслов, связано с местом оценочного компонента в их семантической структуре.

Глагол *überfragen*, например, на основании наличия в его смысловой структуре компонента «задавать слишком много вопросов» используется для экспликации имплицитно содержащегося в речевом акте смысла отказа от продолжения коммуникативного акта: *Hiermit bin ich vollig überfragt!* [Boll, Clown, S., 345].

Закрепившаяся за некоторыми глаголами негативная оценка вопросительного действия позволяет адресанту показать свое отношение к

речевому действию: *Walter bohrte, er wollte wissen, was sie empfand, ohne Rücksicht auf sie* [Musil, Mann, 1202]. Прагматическая заданность семантического компонента в смысловой структуре глагола *bohren* «донимать кого-л. вопросами» позволил адресанту использовать его для передачи негативного перлокутивного эффекта от задаваемых вопросов.

Наличие таких прагматических компонентов в значении глаголов, которые обуславливают порождение и восприятие высказывания, дает, таким образом, возможность интерпретатору производить выбор между альтернативными способами выражения примерно одного и того же значения с учетом коммуникативного потенциала того или иного глагола и его соответствия с характером коммуникативной ситуации, как составной части широко понимаемого контекста, контекста лингвокультурологического.

Л.П. Якубинский считает, что «...наше восприятие и понимание чужой речи апперцепционно: оно определяется не только внешним речевым раздражением, но и всем прежде бывшим нашим внутренним и внешним опытом...», то есть «для более адекватного восприятия и понимания чужой речи необходимо наличие как можно больше общих элементов апперцепционных масс вступающих в диалог людей и, следовательно, мы легче понимаем и воспринимаем чужую речь в разговоре, если имеется общая апперцепционная масса» [Якубинский, 1986, с. 68]. Для представителей разных языковых культур в таком случае общение затрудняется наличием в их апперцепционных массах элементов, отражающих сложившиеся в данном языковом коллективе национально-культурные традиции, системы ценностей и этические нормы. Поэтому интерпретация коммуникативных смыслов высказываний представителей иной культуры через призму своей культуры может привести к отрицательному результату, например, к неосознанному нарушению коммуникативных норм и послужить причиной возникновения конфликта.

Например, для немцев большое значение имеет зона личной автономии, поэтому неправомерное или бесцеремонное вмешательство в личные дела партнера по общению может вызвать гневную реакцию у представителя немецкой лингвокультуры.

Так, в разговоре по телефону малознакомый человек с помощью вопросов пытается узнать содержание некоторых частных писем. Такие действия говорящего адресат интерпретировал с помощью глагола *verhoren*: *Wollen Sie mich verhoren?* [Boll, Clown, s. 99].

В данном случае глагол *verhoren* (допрашивать) содержит оценку адресатом всего прагматического комплекса высказываний, произнесенных адресантом, и использован в нестандартном для него употреблении. Адекватной для данного глагола прагматической ситуацией является ситуация юридического характера, например, допрос, функционируя в которой, он реализует свои основные коммуникативные смыслы, направленные на выяснение правды у подозреваемого с помощью провокационных вопросов (*Fangfragen*). Употребление глагола *verhoren* в ситуации общения не юридического характера нацелено произвести определенный перлокутивный

эффект, в данном случае показать о выявлении адресатом скрытых замыслов адресанта и выразить тем самым свое недовольство. Здесь имеет смысл говорить о прагматической интерпретации ситуации, установлении связей между прямым значением вопроса о смысле действия адресата и значением «констатация недовольства». Передавая чужое высказывание, считает А. Зализняк, мы передаем не сам его смысл, а некоторые выводимые из него релевантные импликации, причем интерпретация всегда допускает элемент произвола [Зализняк, 2000, с. 376]. То есть то, как речевой акт видится и описывается «со стороны», может совсем не совпадать с тем, как субъект речевого акта видит (или хочет представить) его «изнутри». Вопросы, предшествующие реагирующей реплике адресата *Wollen Sie mich verhören?*, были употреблены адресантом по их прямому назначению, то есть реализуя первичную функцию «запрос информации», не подозревая о том, что они могут произвести такой эффект на адресата. Таким образом, глагол *verhören* в данной ситуации отображает эффект от употребления вопросительных конструкций, реализованный помимо намерения говорящего.

Для экспликации подобного коммуникативного смысла используется также глагол *examinieren* в ситуации, когда слушающий на протяжении нескольких реплик воспринимал диалог, участником которого он являлся, как обыкновенный запрос информации. Однако адресант затронул своим вопросом проблему, которую адресат не хотел обсуждать, и в качестве ответа прозвучал вопрос, эксплицирующий скрытые замыслы адресанта: «*Was soll das?*» *frage ich*. «*Willst du mich examinieren?*» [Becker, Irreführung, s. 245]. Оценочные компоненты в смысловой структуре глагола *examinieren* и его закрепленность за конкретной ситуацией позволяют субъекту данного речевого акта эксплицировать скрытые адресантом замыслы и выразить тем самым свое недовольство и, наконец, прекратить данный коммуникативный акт.

Из вышесказанного можно заключить, что немецкие глаголы вопросительной семантики, содержащие в своей смысловой структуре интерпретативные компоненты и употребленные в несвойственных для их семантики экстралингвистических ситуациях, способны эксплицировать имплицитный коммуникативный смысл высказываний, реализуя при этом субъективную интерпретацию, чаще всего негативно оценивая вопросительное действие. Следовательно, интерпретация опирается на семантическое значение глагола, предопределяющее выбор в пользу именно данного глагола для вербализации имплицитной семантики интерпретируемого речевого акта.

Таким образом, умение адекватной интерпретации является важнейшим элементом межкультурной компетенции и неотъемлемой частью более широкого понятия коммуникативно-экологической компетенции, поскольку незнание культурных особенностей или же искажение этнических стереотипов поведения ведет к множественной интерпретации имплицитных смыслов речевых произведений и некорректному использованию средств языка, содержащих в своей семантике интерпретативные компоненты, что может послужить причиной агрессивного поведения коммуникантов.

Список литературы

1. Зализняк, А. А. Глагол *говорить*: три этюда к словесному портрету / А. А. Зализняк // Язык о языке : сб. ст. / под общим рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. – М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 2000. – С. 363–380.
2. Субетто, А. И. Сочинения. Ноосферизм. Том третий: Россия в XXI веке в контексте действия ноосферного и социалистического императивов / А. И. Субетто ; под ред. Л. А. Зеленова. – Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006
3. Якубинский, Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование / Л. П. Якубинский. – М., 1986.

Источники

1. Boll, H. Ansichten eines Clowns : roman / H. Boll. – Koln ; Berlin, 1963
2. Becker, J. Irrenfuhrung der Behörden : roman / J. Becker. – Frankfurt/M., 1948.

А.Н. Шовгенин

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ДИАСПОРЫ В РЕГИОНЕ *

В статье обосновывается понятие «социолингвистическое пространство»; показывается, что социолингвистическое пространство контакта русского и немецкого языков является совокупностью социальных институтов, в рамках которых осуществляется жизнедеятельность индивида и по поводу которых он вступает в коммуникацию с другими индивидами; делается вывод о том, что зависимость выбора того или иного языка от социального института влияет на характер билингвизма, развивающегося в иммигрантской среде, а следовательно, определяет и лингвистические процессы, проходящие в диаспоре.

Важнейшей проблемой социолингвистики в настоящий момент является выработка четкого понятия о социолингвистическом пространстве. Находимые в литературе контекстные употребления данного термина указывают на то, что в настоящее время он понимается скорее формально в сочетании с явными оттенками политики. За основу принимается ареал проживания некоторого языкового сообщества, то есть организованной группы людей, объединенной общностью языка. Таким образом, их социолингвистическое пространство граничит с другими социолингвистическими пространствами, другими языковыми сообществами. В этом случае появляется привлекательная возможность определить социолингвистическое пространство через границы разноязычных социумов. Однако данный подход возможен только в идеальном случае – случае четкого географического разделения ареалов употребления языков. Очевидно, что данная модель должным образом не описывает ситуации, например, в диаспоре, где практически все ее члены проживают попеременно с представителями языкового большинства. В свою очередь

* Статья написана при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013» (Госконтракт № 02.740.11.0367).

диаспора обладает приведенными выше признаками: она является общностью людей, которые объединены общим языком. При определении социолингвистического пространства также игнорируется его внутренняя структура, что на наш взгляд совершенно недопустимо.

Рассматривая физическое пространство, Н.Л. Шамне в статье «Реализация идеи перемещения в пространстве в русском и немецком языках» пишет: «Познавая мир, человек обращается к структурным особенностям его организации и обнаруживает, что части и элементы, из которых построены материальные объекты, определенным образом расположены друг относительно друга, образуют некоторые устойчивые конфигурации <...>. Кроме этого, каждый объект занимает какое-то место среди других объектов, граничит с ними» [Шамне, 2000, с. 43]. То же, по нашему мнению, характерно и для социолингвистического пространства. Только индивид посредством языка фиксирует в своем сознании объекты окружающей его социальной действительности. Идентификация и распознавание индивидом принадлежности этих объектов к его социолингвистическому пространству происходит на основании закрепленных в языке названий и имен собственных, если в качестве объекта социолингвистического пространства в определенном случае выступает некоторая личность. Например, *Правительство Российской Федерации, Фонд обязательного медицинского страхования, Ростелеком, Дмитрий Медведев* и так далее указывают на русское социолингвистическое пространство. Теми же свойствами обладают и региональные объекты, такие как Волгоградская область, Волжский, Волгоградская городская дума и т. п. Исходя из этого, мы можем установить еще одно существенное отличие социолингвистического пространства от физического. Оно заключается в том, что социолингвистическое пространство формируется отраженными в языке социальными объектами и прекращает свое существование, как только даже те же самые объекты начинают восприниматься и осмысливаться социумом на другом языке, например в случае языкового сдвига. В этом случае они становятся частью другого социолингвистического пространства, если не исчезают. Объекты физического пространства, в свою очередь, остаются неизменными и не изменяют своих свойств в зависимости от языка, через который они осмысливаются.

Также важно учитывать тот факт, что индивидуумы активно воспринимают, осмысливают и перерабатывают свое социолингвистическое пространство. Так, Н.Л. Шамне отмечает: «Группы и индивидуумы членят и структурируют окружающее пространство, которое требует от них языковой и культурной интерпретации. В результате таких интерпретаций возникают пространственные образы, территориальные сети и оси, с помощью которых становится возможным достоверное ориентирование и перемещение членов языковых групп в пространстве» [Шамне, 2000, с. 44]. В приведенной цитате речь идет об ориентировании в физическом пространстве, однако этот подход вполне применим и к описанию социолингвистического пространства с поправкой на то, что релевантными для социолингвистического пространства

являются функциональные связи социальных объектов, реализуемые через языковое взаимодействие, а не место их физического размещения.

Обобщая результаты проведенного выше анализа и данные социолингвистических исследований, мы можем сделать вывод о том, что социолингвистическое пространство образуется социальными институтами, как объединениями социальных объектов по функциональному признаку и характеру речевого поведения [Карасик, 2000, с. 37–64]. Под социальным институтом мы понимаем организованную систему связей и социальных норм, которая объединяет значимые общественные ценности и процедуры, удовлетворяющие основным потребностям общества (Тематический словарь основных понятий и терминов). В целом данное определение является развитием понятия социального института, которое зафиксировано в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: «Совокупность норм права в какой-н. области общественных отношений, та или иная форма общественного устройства» [Ожегов, 1995, с. 243]. Каждый социальный институт несет на себе печать культуры социума, в котором он функционирует. Его реализация и актуализация происходят посредством языка.

Строго говоря, индивид всегда осуществляет коммуникацию в рамках определенного социального института, с которым у него, как правило, связан определенный язык или вариант языка. Такими институтами являются семья, рабочее место, обучение, средства массовой информации и тому подобное. При этом если в семье и общении с друзьями индивид имеет большую свободу в выборе языка коммуникации, то в случае с государственными институтами выбор языка детерминирован социумом, например, в России весь документооборот осуществляется на русском языке.

Эта ситуация является крайне благодатной для возникновения языкового контакта, местом которого, по определению У. Вайнрайха, является сам говорящий [Weinreich, 1953]. Обусловлено это тем, что индивиду часто требуется обсудить некоторую ситуацию, сложившуюся по поводу одного социального института в рамках другого. Например, ситуацию на работе – с семьей. При этом коммуникативные потребности в рамках каждого института обычно обслуживаются разными языками. В итоге говорящий начинает испытывать языковые трудности, обусловленные языковой некомпетентностью в данной области на данном языке. Это ведет к интерференции.

Таким образом, социолингвистическое пространство контакта русского и немецкого языков является совокупностью социальных институтов, в рамках которых осуществляется жизнедеятельность индивида и по поводу которых он вступает в коммуникацию с другими индивидами. Исходя из этого, социолингвистическое пространство – это пространство социальных институтов, в рамках которых осуществляется коммуникация по поводу их самих или других социальных институтов. Сделанные выводы позволяют предположить, что зависимость выбора того или иного языка от социального института влияет на характер билингвизма развивающегося в иммигрантской

среде, а, следовательно, воздействует и на лингвистические процессы, проходящие в диаспоре, в частности, на заимствование лексики.

Список литературы

1. Карасик, В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса / В. И. Карасик // Этнокультурная специфика речевой деятельности : сб. обзоров. – М. : ИНИОН РАН, 2000. – С. 37–64.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская АН ; Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : АЗЪ, 1995. – 928 с.
3. Тематический словарь основных понятий и терминов // Кафедра социологии и гуманитарной культуры. – Электрон. дан. – Режим доступа: www.sociology.mephi.ru/docs/sociologia/html/slovar_k_teme7.html.
4. Шамне, Н. Л. Реализация идеи перемещения в пространстве в русском и немецком языках / Н. Л. Шамне // Науч. шк. Волгогр. гос. ун-та. Русский глагол. История и современное состояние / отв. ред. С. П. Лопушанская. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2000. – С. 43–50.
5. Weinreich, U. Languages in Contact / U. Weinreich. – N. Y. : Publications of the Linguistic Circle of New York 1, 1953.

О.Ю. Улогова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

СУБКТЕГОРИЯ ВЕРЫ В СЕМАНТИКЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ЕДИНИЦ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

В статье на примере анализа семантической структуры глаголов *верить, поверить, веровать, уверовать* и их эквивалентов в английском языке рассматриваются закономерности реализации субкатегории веры в семантике глагольных лексем в неблизкородственных языках.

Антропоцентрическая лингвистика, актуальная для современного уровня развития науки о языке, на первое место поставила вопрос о когнитивной деятельности человека. Одним из наиболее важных аспектов выступает направление когнитивных исследований, занимающееся рассмотрением проблемы представления знаний о мире в языковых категориях. Совершенно очевидным является здесь вопрос о том, как устроена языковая категория на глубинном уровне. Среди наиболее интересных и значимых концепций устройства языковой категории можно выделить концепцию фамильного сходства Л. Витгенштейна; учение о фреймовой структуре представления знаний М. Минского, теорию прототипов (Э. Рош, Дж. Лакофф, Т. Гивон и др.) [Араева, 2002]. А. Вежбицкая предлагает не противопоставлять классический подход и прототипический. «В семантическом анализе есть, конечно, место для прототипов, но есть место и для инвариантов, одно не исключает другого» [Вежбицкая, 1997, с. 201]. Как утверждает в этой связи А.Ф. Лосев, «каждое слово и каждый языковой элемент заряжен бесконечным количеством разного рода смысловых отношений» [Лосев, 1982, с. 410].

Безусловно, часть наших знаний структурируется по принципу: инвариант-вариант, но большая часть организована иначе, более сложным способом – по принципу лучевых структур с центральными и периферийными членами категории. Члены одной отдельно взятой категории можно определить как субкатегории, которые находятся в отношениях подчинения и конкретизации с самими категориями; выделение субкатегорий необходимо для построения связей и отношений зависимости в рамках данной категории. Такой принцип, на наш взгляд, выглядит логичным и естественным для описания структуры как отдельно взятого участка языка, так и всего языка в целом.

Категория отношения включает в себе представления и знания человека об организации процессуально-событийного мира, что делает ее (категорию) одной из базовых. Лексемы, представляющие категорию отношения, описывают отношения между людьми, возникающие на основе различных и базовых, определяющих человеческую природу чувств: любви, дружбы, веры и так далее. Так, считаем обоснованным представить категорию отношения в виде системы субкатегорий: субкатегория любви, субкатегория дружбы, субкатегория веры и др.

Как мы определили выше, категория отношения является одной из основополагающих категорий, которая находит отражение в любой культурно-языковой группе, однако выделенные субкатегории могут иметь различную выраженность в разных языках ввиду сложившихся в определенной культуре национальных традиций, особенностей менталитета. В статье остановимся на репрезентации в языках субкатегории веры.

Отметим, что процесс общения, посредством которого могут выражаться отношения, реализуется в речи, а в системе языка материально закрепляется прежде всего в глагольной лексике, так как глаголы — это семантически самая емкая группа слов, в которой имплицитно уже заложен признак процессуальности, характеризующий взаимодействие между одушевленными или неодушевленными субъектами и объектами, являющимися членами данного отношения. Поэтому в нашем исследовании мы закономерно обратились к рассмотрению выражения категории отношения и субкатегории веры на примере глагольной лексики.

Семантическая структура глаголов рассматривается нами с точки зрения иерархии составляющих ее категориально-лексической, интегральных и дифференциальных сем. В современном русском языке глаголы, выражающие отношения, включаются в состав лексико-семантической группы (далее – ЛСГ) межличностных отношений. Глаголы, входящие в состав исследуемой ЛСГ, выражают определенные отношения субъекта к какому-либо объекту. В качестве категориально-лексической семы (КЛС) в семантической структуре анализируемых глаголов устанавливается сема «отношение к кому-, чему-либо». Данная сема может быть реализована в таких интегральных признаках, как «характер отношений», «интенсивность отношений», «направленность отношений», «сфера выражения отношений», «качественно-количественная характеристика проявления признака». Эти семантические признаки, в свою

очередь, могут выражаться в более конкретных дифференциальных семах. При этом в аспекте настоящего исследования в качестве релевантной интегральной семы в семантической структуре рассматриваемых глаголов выступает сема «интенсивность отношений», поскольку именно ее реализация позволяет говорить о специфике отражения в семантике глаголов конкретной субкатегории.

При анализе данных фактического материала нами была выделена группа глаголов, относящихся к субкатегории веры: *верить* – *поверить* – *доверить* – *уверовать* – *уверять* – *вверять* – *доверять*. Данную группу возможно разделить на подгруппы на основании реализации интегральной семы «интенсивность отношений» (актуализируется в дифференциальных семах «высокая интенсивность», «нейтральная интенсивность» и «низкая интенсивность»), а также на основании анализа конкретных примеров. Первую подгруппу условно обозначим «Вера в обыденном понимании», вторую – «Вера в возвышенном понимании, с религиозной окраской». Распределение глаголов по группам будет следующим: 1) *верить*, *поверить*, *доверить*, *доверять*, *уверять*; 2) *веровать*, *уверовать*. Рассмотрим на примерах закономерность такого распределения. Вера в обыденном восприятии: «*А я **верю** в Константина Гаврилыча. Что-то есть! Что-то есть! Он мыслит образами, рассказы его красочны, ярки*» [Чехов, «Чайка»] – в значении быть уверенным в ком-либо, считать кого-либо способным оправдать ожидания, надежды, актуализируется сема «высокая интенсивность»; «*Позвали Чебарова, десять целковых ему в зубы, а бумагу назад, и вот честь имею ее вам представить, – на слово вам теперь **верят**, – вот, возьмите, и надорвана мною как следует*» [Достоевский, «Преступление и наказание»] – в значении «вполне доверять»; понимая ситуацию подобным образом, можно считать, что здесь степень проявления признака отношения скорее тяготеет к нейтральности. Вера с религиозным оттенком: «*Несмотря на всю мучительную внутреннюю борьбу свою, он никогда, ни на одно мгновение не мог **уверовать** в исполнимость своих замыслов, во все это время*» [Достоевский, «Преступление и наказание»] – автор, используя данную лексему, вкладывал определенный, прежде всего культурный смысл: замысел, о котором идет речь, состоял в том, чтобы посягнуть на чужую жизнь, совершить убийство, что, как известно, один из великих грехов согласно религиозным представлениям; подобное понимание ситуации объясняет специфику выбора глагола. Так, приведенные примеры достаточно убедительно показывают обоснованность употребления разных лексем и распределения их по разным подгруппам.

Для подтверждения определенных нами особенностей функционирования глагольной лексики, а также для выявления национально-культурного компонента, присутствующего в значении лексем, мы обратимся к сопоставлению русских глаголов с их эквивалентами в английском языке. Рассмотрим примеры: «*В другое время, **поверьте**, от полноты души и от чисто сердца «...». – «Some other time... with the best will in the world **believe** me «...»* [Достоевский, «Двойник»]; «*Нет-с, сама всему **верит**, собственными воображениями сама себя тешит, ей-богу-с!*» – «No, sir, she **believes** it all herself,

she amuses herself with her own imaginings, I swear to God, sir!» [Достоевский, «Преступление и наказание»] – в русском языке лексемы разные, английские же эквиваленты не дифференцируются; «*Я верую, дядя, верую горячо, страстно*» – «*I have faith, Uncle, fervent, passionate faith*» [Чехов, «Дядя Ваня»] – столь высокая степень проявления отношения в английском языке выражена сочетанием «глагол-связка + существительное-носитель основного смысла»; отсутствие специальной лексики для выражения данного значения свидетельствует о различии культур, то, что важно для русской культуры, не представляется важным для английского лингвокультурного пространства.

Достаточно интересным с точки зрения национальной специфики представляется нам следующий пример: «*Несмотря на всю мучительную внутреннюю борьбу свою, он никогда, ни на одно мгновение не мог уверовать в исполнимость своих замыслов, во все это время*». – «*In spite of the entire agonizing inner struggle he went through, never for one instant was he able to believe in the feasibility of his intentions, during that whole time*» [Достоевский, «Преступление и наказание»]. Особую ценность здесь представляет глагол *уверовать*, отнесенный нами к подгруппе глаголов с религиозным оттенком, и его английский эквивалент – выражение *was able to believe*, в основе которого лежит нейтральный глагол *to believe*. Думается, что в данном случае для носителя иностранного языка не был актуализирован сакральный смысл, очевидный для носителя языка русского. Однако следует отметить, что это достаточно редкий случай.

Анализируя фактический материал, мы пришли к выводу, что в английской лингвокультуре глагол *верить* (и другие, отнесенные к условной подгруппе «Вера в обыденном понимании») слабо дифференцирует оттенки значений в контексте, что выражается в небольшом количестве зафиксированных лексем в фактическом материале. Тогда как в примерах с глаголом подгруппы «Вера в возвышенном понимании, с религиозной окраской» используется лексема, обязательно отражающая оттенок религиозности. Это позволяет предположить, что для русской культуры субкатегория веры является более важной, релевантной, чем для английской. Такое различие эквивалентов русского и английского языков опирается на представления носителей разных языков о характере отношений.

Список литературы

1. Араева, Л. А. Категоризация мира как проявление когнитивной функции языка (к проблеме значимости фундаментальных научных знаний в системе образования) / Л. А. Араева // Наука и образование : материалы Всерос. науч. конф. (12–13 апр. 2002). – Белово, 2002. – Ч. 1.
2. Вежицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежицкая. – М. : Рус. словари, 1997. – С. 201.
3. Лосев, А. Ф. Знак. Символ. Миф / А. Ф. Лосев. – М., 1982. – С. 410.

Ю.Н. Куличенко
Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ГЛАГОЛЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ПРОЯВЛЕНИЯ ЦВЕТОВОГО ПРИЗНАКА КАК СРЕДСТВО ОПИСАНИЯ ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА *

В статье на материале русского и английского языков анализируются глаголы становления и проявления цветового признака; делается вывод о том, что в русском языке рассматриваемые глаголы являются средством передачи эмоций смущения и стыда, а в английском – гнева.

Глаголы становления и проявления цветового признака часто используются в художественной литературе для описания внешнего проявления различных чувств и эмоций, охватывающих человека. Глаголы данной лексико-семантической группы в русском языке весьма многообразны, они описывают различные оттенки цвета, которые могут служить для описания лица человека, от светлого (*белеть, бледнеть*) до различных оттенков красного (*краснеть, розоветь, алеть, багроветь, румяниться, пунцоветь*). С этой целью могут быть использованы и другие глаголы, такие как: *желтеть, зеленеть, чернеть, мрачнеть* и т.д. Все лексические единицы данной группы обладают общей типовой семантикой: «становиться какого-либо цвета, приобретать какой-либо оттенок, выделяться своим цветом» [БТСРГ, 2007, с. 387].

Одним из наиболее распространенных глаголов, служащих для описания цвета лица, является *краснеть*. В самом толковании данного глагола уже объясняется физиологическая причина подобного изменения кожи: «Краснеть – становиться (стать) красным, пунцовым от прилива крови к коже; покрываться (покрыться) румянцем (о лице, щеках). *Когда Дмитрий Михайлович обращался к Катеньке, она краснела от смущения и опускала глаза, боясь посмотреть на него. От волнения у Лены покраснели щеки и даже лоб*» [БТСРГ, 2007, с. 388–389].

Как видно из приведенных в словаре примеров, покраснение лица человека очень часто вызвано волнением. Данное утверждение можно проиллюстрировать многочисленными цитатами из литературных произведений. Так, например, Л.Н. Толстой в своем романе «Война и мир» описывает сильное волнение Николая Ростова: *Он был красен, весь в поту, несмотря на то, что в комнате не было жарко. И лицо его было страшно и жалко, особенно по бессильному желанию казаться спокойным* [ВиМ, 1987, т. 4, с. 58]. Автор обращает внимание читателя на тот факт, что подобные изменения, происходящие с героем, нельзя объяснить окружающей обстановкой, внешними факторами, они связаны исключительно с внутренним состоянием героя.

Человек краснеет, когда испытывает стыд, смущение, застенчивость, радость, гнев, любое волнение и даже удовольствие, но в ассоциативном ряду на первом месте, безусловно, стоят эмоции смущения и стыда, напрямую связанные с данным колоративным признаком. Как отмечает Е.П. Ильин,

* Статья написана при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013» (Госконтракт № 02.740.11.0367).

«явным признаком смущения является покраснение лица (смутившийся человек говорит: «Ты вогнал меня в краску»)) [Ильин, 2008, с. 192]. В своей работе автор определяет стыд как «сильное смущение от сознания совершения предосудительного поступка или попадания в унижительную ситуацию, в результате чего человек чувствует себя опозоренным, обесчещенным» и ссылается на Ч. Дарвина, считавшего покраснение лица типичным выражением стыда. Подобная связь эмоции стыда с изменением цвета лица прочно закреплена в языке, так как глагол *краснеть* имеет переносное значение «стыдиться», которое зафиксировано в словарях.

Испытывая стыд, связанный с чувством вины, краснеют герои романа Л.Н. Толстого «Война и мир»: *«Наташа спросила и покраснела. Ей постоянно казалось, что что-то неприличное она делает, говоря с ним»* [ВиМ, 1987, т. 4, с. 341].

Смущаясь, люди невольно краснеют, что видно в следующих примерах: *«Все смутились поступком Наташи. Денисов тоже покраснел, но улыбнулся и, взяв руку Наташи, поцеловал ее»* [ВиМ, 1987, т. 4, с. 8]. Если в данном примере причина изменения цвета лица героя эксплицируется в макроконтексте, то в следующем фрагменте текста автор прямо указывает на одновременность внутреннего переживания, выраженного глаголом *смущаться*, и внешнего действия, описанного лексемой *краснеть*: *«Николай, точно так же, как и княжна Марья, краснел и смущался, когда ему говорили про княжну и даже когда он думал о ней, но в ее присутствии чувствовал себя совершенно свободным и говорил совсем не то, что он приготавливал, а то, что мгновенно и всегда кстати приходило ему в голову»* [ВиМ, 1987, т. 6, с. 27]. Использование данных глаголов в качестве однородных членов предложения позволяет говорить о тесной взаимосвязи двух выраженных ими действий.

Интенсивность процесса изменения цветового признака может обозначаться в предложении с помощью обстоятельств образа действия. Существуют следующие способы выражения высокой интенсивности: 1) указание на усиление оттенка цвета: *«Наташа багрово покраснела, услышав эти слова»* [ВиМ, 1987, т.4, с.348]; 2) указание на широкое пространственное распространение данного признака: *«Соня задрожала вся и покраснела до ушей, за ушами и до шеи и плеч, в то время как Николай говорил»* [ВиМ, 1987, т.3, с.232]; 3) указание на действие, являющееся результатом данного процесса: 4) *«Отчего вы уезжаете? Отчего вы расстроены? – спросила Пьера Наташа, вызываясь глядя ему в глаза. «Оттого, что я тебя люблю!» – хотел он сказать, но он не сказал этого, до слез покраснел и опустил глаза»* [ВиМ, 1987, т. 5, с. 91].

Краснеть человек может и от более негативных эмоций, таких, как злость, гнев и т.д.: *«Несвицкий, с озлобленным видом, красный и на себя не похожий, кричал Кутузову, что ежели он не уедет сейчас, он будет взят в плен навечно»* [ВиМ, 1987, т. 3, с. 501].

Не только негативные, но и позитивные эмоции могут вызвать подобное изменение цвета лица, при этом автор часто сам указывает на характер

эмоционального переживания своего героя: «Наташе так приятна была похвала этой блестящей красавицы, что она **покраснела от удовольствия**» [ВиМ, 1987, т. 4, с. 338].

В русском языке существует множество сравнительных оборотов, включающих глагол *краснеть*. В основе их могут лежать: а) антропоморфные образы: *краснеть, как мальчик, школьник, красная девица* («[Леонардо] иногда терялся от легкомысленной шутки,.. и **краснел, как мальчик**») [Д. Мережковский, Воскресшие боги]; б) анималистические образы: *краснеть, как рак* («Когда обманывают Андрея Ефимыча или льстят.., то он **краснеет, как рак**») [А. Чехов, Палата № 6]; в) растительные образы: *краснеть, как мак, пион, помидор, свекла* («И ей отвесил мой поклон. С тех пор при каждой нашей встрече, Она **краснеет, как пион**») [Я. Полонский, Моей молоденькой соседке...]; г) неодушевленные объекты: *краснеть, как кумач, лакмусовая бумажка* («Соня, **красная, как кумач**, тоже держалась за его руку и вся сияла в блаженном взгляде, устремленном в его глаза, которых она ждала») [ВиМ, 1987, т. 4, с. 7]).

Большой толковый словарь русских глаголов в качестве английских эквивалентов глаголу *краснеть* приводит следующие языковые единицы: *to glow, blush, flush, redden, become red in the face*.

Глагол *to redden* наиболее прост в семантическом отношении: он означает «to become red», то есть «покраснеть, стать красным», указывает на изменение цветового признака без определения вызвавшей его причины. В отличие от него, глагол *to colour* означает «(of a person or their face) to become red with embarrassment» (букв.: «стать красным от смущения»). Например: «*Christine coloured slightly*» [Cronin, 1957, с. 56]. Ему близок по значению глагол *to blush* («to become red in the face because you are embarrassed or ashamed» («букв.: стать красным от смущения или стыда»)), но его семантика оказывается шире, так как покраснение лица он объясняет не только смущением, как глагол *to colour*, но и стыдом, чувством вины. Для описания становления цветового признака (а именно красного) в английском языке существует еще глагол *to flush* («to become red, especially because you are embarrassed, angry or hot»), который эксплицирует покраснение лица как следствие сильных эмоций, волнения, гнева, раздражения и т.д. Например: «*Soames flushed; his flushes passed rapidly over his flat cheeks and centred between his eyes, where they remained, the stamp of disturbing thoughts*» [Galsworthy, 2001, с. 13]. Глагол *to flush* подчеркивает быстрый процесс изменения цветового признака, поэтому в качестве русского эквивалента ему наиболее близок глагол *вспыхнуть*.

И в русской, и в английской лингвокультурах легкий, естественный румянец считается признаком здоровья и душевного равновесия человека. Усиление цветового признака связано с сильными эмоциональными переживаниями, как с позитивными, так и негативными. Разумеется, комплекс эмоций, вызывающих покраснение лица, одинаков как для русских, так и для англичан, что объясняется универсальностью базовых эмоций и способов их проявления. Однако анализ нашего фактического материала показал, что в русской литературе больше

описаний, связанных с эмоциями смущения и стыда, а в английской – гнева. На основании проведенного исследования можно прийти к выводу, что русские глаголы становления и проявления колоративного признака (*краснеть, розоветь, алеть, багроветь, румяниться, пунцоветь*) различаются, прежде всего, оттенками цвета, которые в свою очередь непосредственно связаны с силой переживаемого эмоционального состояния, в то время как в рассмотренном выше синонимическом ряду английских глаголов практически не происходит дифференциации по данному параметру, но в семантике присутствуют различия, связанные с эмоциями, вызывающими подобное проявление признака.

Список литературы

1. БТСРГ = Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М., 2007.
2. Ильин, Е. П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. – СПб., 2008.

Источники

1. ВиМ = Толстой, Л. Н. Война и мир // Толстой, Л. Н. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 3–6 / Л. Н. Толстой. – М., 1987.
2. Cronin, A. J. The Citadel / A. J. Cronin. – Moscow, 1957.
3. Galsworthy, J. The Man of Property / J. Galsworthy. – Ware, 2001.

А.А. Громыхина

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

КОРПУС НОМИНАТИВНЫХ ЕДИНИЦ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТОВ СМИ *

Исследование посвящено изучению имени «Волгоград» в региональной прессе как элемента системного мониторинга ее содержания, проводимого в рамках тематики ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013». Материалом исследования послужили вторичные номинации топонима «Волгоград», предметом изучения стали функции номинаций в исследовании корпуса текстов о Волгограде. Номинативный аспект текста рассматривается в качестве основы для формирования концептуальных представлений о городе. Основное внимание в статье уделено природе и функциональным особенностям вторичных номинаций Волгограда. В статье обоснован тезис о том, что номинации в тексте «работают» на создание целостного гетерономинаивного образа называемого объекта, который выявляется при анализе совокупности его характеризующих наименований, используемых в текстах региональных СМИ.

В современной коммуникативной лингвистике при изучении языка как социального феномена все большее значение получают комплексные

* Исследование проводилось в рамках тематики и при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013» (Госконтракт № 02.740.11.0367).

исследования, позволяющие объективно и многоаспектно подойти к анализу материала (работы В.П. Захарова, В.В. Рыкова, В.И. Подлесской).

Данное исследование посвящено изучению имени *Волгоград* в региональной прессе как элемента системного мониторинга ее содержания, проводимого в рамках тематики ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013».

Номинативный аспект текста сегодня рассматривается в качестве основы для формирования его концептуальных основ, отражающих интенцию автора, и не сводится к выявлению простой суммы значений текстовых номинаций. Номинации выполняют важные функции в тексте, являясь его текстообразующими элементами, содержащими в концентрированной форме тему и идею текста, или характеризующими смысловые доминанты текста.

В нашей работе вслед за А.А. Уфимцевой, Э.С. Азнауровой, Е.С. Кубряковой, В.Н. Телия номинация рассматривается в гносеолого–семиотическом аспекте как «процесс обращения фактов внеязыковой действительности в достояние системы в языковые значения» [Языковая, 1977, с. 13], а также как результат этого процесса.

Как показали наши исследования, при формировании смысла текста и его коммуникативной направленности важную роль играют не только прямые номинативные единицы, но и их вторичные варианты. Текстообразующие номинации это номинации повторные, в качестве которых могут употребляться местоимения и местоименно-наречные слова (*он, она; тот, этот, который; там, туда, оттуда*); метафорически употребленные существительные; слова и сочетания указательного значения (*этот вопрос; данные сведения; такие выводы*); перифразы (*Остап Бендер – великий комбинатор*) и др. [Валгина, 2003, с. 65].

Под термином вторичная номинация мы понимаем слова и дескрипции, обладающие номинативной функцией, денотативным тождеством [Телия, 1977, с. 210] и сигнификативным различием с первичным именем. При назывании значимых объектов текста мы считаем неизбежным появление его характеризующих вторичных номинаций, что вызвано несколькими факторами.

Во-первых, стремлением автора следовать эстетическому принципу «разнообразия». Р.А. Благодатова в этом отношении говорит о том, что «вторичные наименования создают избыточность информации, которая способствует повышению эмоционального и эстетического воздействия на читателя» [Благодатова, 1986, с. 24], то есть могут выступать в качестве образного средства.

Во-вторых, вторичная номинация как более сложная по сравнению с первичными именами по своей семантике, оценочному наполнению конструкция [Ионова, 2005] позволяет авторам передать больше информации при меньшем количестве языковых средств, используя глубинные смыслы текста, набор стереотипных представлений, пересекающийся у автора и читателя, а также потенциал переносного, оценочного и тематического значения (например, *светлый город для светлых людей*). Оказиональный

характер вторичных единиц позволяет автору самому определить набор значимых признаков объекта, отражая их в создаваемой им единице.

Таким образом, вторичные номинации – это стилистический прием, позволяющий автору выделять один из характеризующих признаков и превратить его при помощи слова в самостоятельную характеристику. Характеристики могут быть предметного или оценочного значения, что дает возможность выделения тематических и эмоционально-оценочных группы вторичных номинаций объекта.

Материалом нашего исследования являются вторичные номинации топонима Волгоград. Предметом изучения стали функции номинаций в исследовании корпуса текстов о Волгограде, выявленные приемом сплошной выборки из печатных источников региональных текстов СМИ за период с 2002 г. по настоящее время.

Н.Д. Арутюнова применительно к корпусу всех единиц, относящихся к одному объекту в тексте, вводит понятие «гетерономинативности», под которой понимает «возможность пользоваться разными номинациями для обозначения одного и того же конкретного предмета создает ситуации, которые можно назвать гетерономинативными» [Арутюнова, 1977, с. 308]. Гетерономинативность, с одной стороны, предполагает зависимость выбора имени от условий коммуникации и значения сообщения, а с другой – известную свободу выбора в аналогичных условиях. «Потенциальная вариативность речевых номинаций одного объекта согласуется с множественностью обслуживающих его предикатов. Она особенно велика по отношению к объекту-лицу в силу его природной и социальной многогранности, а также в силу его способности к действию и деятельности» [там же]

Понятие гетерономинативности актуально для нашего исследования. Оно предполагает детальное и всестороннее рассмотрение различных номинаций основного объекта в тексте. Совокупность различных номинаций вообще создает некий «номинативный» портрет объекта. Если в тексте присутствует один объект, то при изучении количественных показателей его вторичных развернутых наименований возможно изучение его тематического, ассоциативного и оценочного потенциала.

Тематическое распределение осуществляется за счет анализа наиболее повторяемых компонентов в структуре вторичного имени. Частотные характеристики свидетельствуют о формировании обобщенных значимых смыслов, которые мы, вслед за Ю.С. Степановым, называем концептами [Степанов, 1998]. Ассоциативные возможности анализируются с помощью компонентов номинации, проанализированных в Ассоциативном словаре русского языка. Оценочность рассматривается как явление, образуемое тремя способами: 1) денотативное оценочное значение как варьирование по шкале заданных в языке признаков «хорошо / плохо» или ее аналогов (*вкусный город* (*перен.*)); 2) контекстуально формируемое оценочное значение (количественный анализ многозначных слов, наличие модальных компонентов, наречий меры и степени и т.п.): *для нас это не просто «точка на карте; далеко*

не самый проблемный город; наша только теоретически богатая область;
3) ценностные ориентации, выявленные в тематическом блоке текста как показатели ценностных приоритетов его автора: тема дома (*наш общий дом, моя маленькая родина*), принадлежности к своим / чужим, тема свободы (*волгоградские просторы, большой город на большой реке*), красоты (*прекрасный, замечательный, удивительный край*), тематические области с эмоциональной доминантой (*близкий сердцу город; город любви, тепла и света*), предметные области «центр» по отношению к другим объектам (*оазис среди степей, главные ворота на юг России*), тема героических традиций (*запоминающийся город*), тема труда (*город-труженик*).

Взаимосвязь всех трех компонентов наряду с количественными показателями является основой анализа глубинного смысла текста. Результаты проведенного анализа материала позволили нам выявить частотные характеристики соотношения ценностных констант региональной прессы и тематических групп вторичных номинаций Волгограда и воссоздать образ города по языковым данным, представленным в региональной прессе. Анализ культурных ценностных смыслов в региональной прессе о Волгограде показал, что в сознании авторов газетных публикаций и, соответственно, реципиентов данных печатных изданий город Волгоград существует как место героическое, славное по всей России и по всему миру благодаря переломной Сталинградской битве, ставшей рубежом к общей побед. Отрицательные характеристики касаются экономического состояния города и его чистоты.

Таким образом, номинация как лингвистическое понятие представляет собой закрепление за языковым знаком сигнификата, в роли которого могут выступать понятия, понятийные ассоциации, а также сложные суждения о внеязыковой действительности. Все номинации в тексте «работают» на создание целостного образа, активно участвуют в создании глубинных смыслов текста, который выявляется при анализе его семантической стороны, а также контекстуального окружения гетерономинативных номинаций.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Номинация и текст / Н. Д. Арутюнова // Языковая номинация (общие вопросы) / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. – М., 1977. – С. 304–357.
2. Благодатова, Р. А. Структура и семантика вторичных наименований в языке басен Лафонтена/ Р. А. Благодатова // Структура и семантика единиц номинации : сб. науч. тр. / под ред. И. П. Парамоновой [и др.]. – Л., 1986. – С. 18–24.
3. Валгина, Н. С. Теория текста : учеб. пособие / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003.
4. ИONOBA, C. B. Вторичный текст и проблема преобразования смысла в коммуникации / C. B. ИONOBA // Человек в коммуникации: аспекты исследований. – Волгоград, 2005. – С. 121–134.
5. Карасик В. И. Концепты-регулятивы / В. И. Карасик // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2005. – № 30. С. 95–109.
6. Рыков, В. В. Корпус текстов как отражение состояния русского языка / В. В. Рыков // Материалы Междунар. конгресса «Русский язык: Исторические судьбы и современность».

Москва, МГУ, 13–16 марта, 2001 г – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2001/abstract/abst.htm>.

7. Телия, В. Н. Вторичная номинация и ее виды / В. Н. Телия // Языковая номинация: Виды наименований. – М., 1977. – С. 129–222.

8. Языковая номинация (общие вопросы) / отв. ред. Б. А. Серебrenников, А. А. Уфимцева. – М., 1977.

А.Е. Волкова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

НЕСПЕЦИФИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ПОБУДИТЕЛЬНОСТИ В КОНФЛИКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ *

Продукты речевой деятельности выступают объектом изучения не только творческих и коммуникативных достижений их авторов, но и их негативных действий, ведущих к конфликтам и нарушениям норм социальной или моральной жизни. В числе объектов разбирательства часто выступают речевые средства побуждения к неправомерным действиям. Именно поэтому побудительность как языковая категория, посредством которой вербализуются побудительные намерения говорящего, сегодня приобретает особую практическую значимость. Одним из актуальных аспектов рассмотрения данного явления выступает коммуникативная специфика побудительности, формы ее речевого варьирования и особенно неспецифические (особые, нетипичные) способы выражения побудительной семантики и функции. В статье рассматриваются основы коммуникативного подхода к пониманию побудительности в лингвистике и установления набора признаков, при помощи которых было бы возможным установление побудительной семантики и функции высказывания в условиях использования ее превращенных, неспецифических форм выражения.

Продукты речевой деятельности выступают объектом изучения не только творческих и коммуникативных достижений их авторов, но и их негативных действий, ведущих к конфликтам и нарушениям норм социальной или моральной жизни. Речевые произведения в форме устных высказываний или письменных текстов часто становятся объектом судебно-лингвистической экспертизы и криминалистического исследования, непосредственно подвергается правовой квалификации, а также используются в качестве

* Исследование проводилось в рамках тематики и при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013» (Госконтракт № 02.740.11.0367).

средства для установления факта правонарушения» [Леонтьев, Шахнарович, Батов, 1977].

В числе объектов разбирательства часто выступают речевые средства побуждения к неправовым действиям. Именно поэтому побудительность как языковая категория, посредством которой вербализуются побудительные намерения говорящего, сегодня приобретает особую практическую значимость. В то же время побудительность предстает как явление, недостаточно изученное и описанное в современной языковедческой теории, о чем свидетельствует значительное число разнообразных подходов к изучению данной категории, непоследовательность толкований самого термина «побудительность», отсутствие единства ученых в квалификации категориальной принадлежности побудительности в современной грамматике и прагматике.

Одним из актуальных аспектов рассмотрения данного явления сегодня выступает коммуникативная специфика побудительности, формы ее речевого варьирования и особенно неспецифические (особые, нетипичные) способы выражения побудительной семантики и функции [Ионова, 2010]. В нашей статье рассматриваются основы коммуникативного подхода к пониманию побудительности в лингвистике и установления набора признаков, при помощи которых было бы возможным установление побудительной семантики и функции высказывания в условиях использования ее превращенных, неспецифических форм выражения.

Изучение побуждения имеет давние традиции в психологии, социологии и теории воздействия. Данное явление исследователями единодушно трактуется как проявление волевого начала в человеке, где воля наряду с интеллектом и эмоцией рассматривается как важнейшая составляющая самого существа человека [Иванников, 1998; Никитин, Харламенкова, 2000; Рубинштейн, 1946].

Как показано в работах ученых-психологов, для субъекта воли характерно не переживание «я хочу», а переживание «надо», «я должен»; осуществляя волевое действие, человек противостоит власти актуальных потребностей, импульсивных желаний [Ильин, 2008, с. 129]. Трактовка побудительности как волевой активности человека послужила основой для установления семантики данного типа речевых действий. При этом побудительность рассматривается в формах высказываний, исходящих от говорящего и передающих значения, входящие в семантическую область желательности и необходимости: «я хочу / мне необходимо, чтобы ты...».

Г.В. Колшанский, исследуя семантику побудительных предложений, отмечал, что она «относится, в основном, к волеизъявлению, то есть осознанному выражению в языке побуждению» [Колшанский, 1984, с. 99]. В.В. Виноградов также рассматривал волеизъявление как понятие, охватывающее значение побудительности и желательности [Виноградов, 1975]. Степень разграничения побудительности и желательности в рамках волеизъявления признается учеными исторически и типологически изменчивой [Ермолаева, 1986, с. 46].

Сегодня в коммуникативной лингвистике определен круг видов, или жанров, побудительных речевых действий: *приказание, просьба, мольба, предупреждение, совет, разрешение, запрещение / запрет, предложение / предлагание, требование, рекомендация, предостережение* (Е.И. Беляева, О.В. Богемова, Н.И. Формановская, Е.А. Филатова, Л.Ю. Бирюлин, Н.М. Хабирова и др.). Помимо этого выделяются такие виды побуждения, как *приглашение, распоряжение, инструкция, предписание, команда, наставление, запрос, разрешение, заказ, наказ, завет, убеждение, упрощивание, убеждение, принуждение, заклинание, запрос, увещевание, призыв, строгий совет, подстрекательство, соблазнение и др.*, статус которых, однако, сегодня в науке определяется неоднозначно.

Выделенные виды побудительных высказываний показывают, что в основе побудительности всегда лежит волевой импульс говорящего, включающий в себя целенаправленную желательность и осознанную необходимость, направленные на реализацию намерения вызвать ответную реакцию адресата. Условия, определяющие вариативность побудительности, связаны с такими параметрами коммуникации, как разная степень интенсивности выражаемого значения, виды этикетности, учет статусных характеристик адресанта и адресата. Именно эти свойства составляют специфику семантики побуждения.

В отечественной грамматике при исследовании выражения волеизъявления в языке в центре внимания всегда стоял императив, который А.М. Пешковский и А.А. Шахматов считали формой, выполняющей основную функцию при выражении волеизъявительного (побудительного) значения. Сегодня категория побудительности включает морфологически неоднородные формы, часто используемые в других грамматических парадигмах глагола. Круг этих имплицитно императивных форм довольно широк. Однако основным, доминирующим, средством выражения функционально-семантической категории побудительности является императив, ядро системы средств выражения побудительности [Франк, 1986; Азнабаева, 2001]. Категория побудительности обладает разнообразным инвентарем периферийных средств выражения. Они находятся в разных отношениях друг к другу, обладают различной специализацией общего побудительного значения, отличаются сферой употребления. Все периферийные средства являются императивными лишь содержательно: они распознаются в тексте как формы, имеющие общее значение – значение побудительности.

В грамматиках А.Х. Востокова и Н.И. Греча рассматривались побудительные предложения, выражающие различные виды волеизъявления. В Грамматике русского языка (1980) волеизъявление и побудительность рассматриваются как синонимичные понятия (РГ-80). Главным маркером побудительности долгое время признавалось грамматическое выражение данной категории в форме побудительного предложения. Представление о побудительном предложении как особом типе синтаксических конструкций со специфическими структурными и семантическими признаками сложилось в

русской синтаксической науке во многом благодаря работам А.А. Шахматова, А.М. Пешковского.

Известно, что традиционная классификация предложений в языкознании основывается на коммуникативном принципе, традиционно определяемом как «цель коммуникации». По цели коммуникации предложения делятся на повествовательные, вопросительные и побудительные. Побудительные предложения осуществляют функцию побуждения к действию различного вида.

В истории лингвистики существуют попытки опровергнуть традиционную классификацию коммуникативных типов предложений и создать новую. Так, Ч. Фриз предложил классифицировать все высказывания по характеру ответных реакций на высказывания, то есть по их внешним характеристикам [см. обзор: Ривлина, 2008]. Ученый выделил несколько групп высказываний: 1) высказывания, которые вызывают *ответную речевую реакцию* (приветствия, «зовы», вопросы и др.); 2) высказывания, которые вызывают *ответные действия* (просьбы и приказания); 3) высказывания, которые вызывают *сигналы внимания* к продолжению общения (сообщения). Интересным в концепции Ч. Фриза является акцентирование внимания на существовании конструктивных моделей предложений со смешанной, или переходной, коммуникативной направленностью. Перенос определенных коммуникативных признаков из одного коммуникативного типа предложений в другой наблюдается в соотношении трех основных типов функций: *сообщение-вопрос, сообщение-побуждение и побуждение-вопрос*.

Промежуточными по значению между сообщениями и побуждениями являются предложения с модальными глаголами и другими лексическими средствами выражения побуждения. Ответная реакция на такие предложения похожа на реакцию, которая следует за обычными побудительными предложениями, то есть ответные действия или словесно выраженное согласие / несогласие совершить требуемые действия. С другой стороны, побудительные конструкции могут использоваться для выражения повествовательного содержания высокой степени экспрессивности и напряженности, в частности, в пословицах и афоризмах. Такие предложения не предполагают ответных действий.

Таким образом, побудительность может быть представлена в своих специфических (типичных) и неспецифических (нетипичных) формах. Она представляет собой сложное, многоаспектное явление, имеющее свою грамматическую, семантическую и функциональную специфику. Маркеры побудительности могут быть выявлены на всех уровнях анализа высказывания (на уровнях грамматики, семантики, функции) или на одном из них. В том случае, когда речь идет о неспецифических формах побуждения с неполной маркированностью, отнесение высказывания к побудительным высказываниям предполагает проведение дополнительного исследования контекста и ситуации использования единицы анализа.

Список литературы

1. Азнабаева, Л. А. Вступительная статья / Л. А. Азнабаева // Теория речевых актов: начальный этап (Хрестоматия). – Уфа : БашГУ, 2001. – С. 3–10.
2. Виноградов, В. В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1975. – 560 с.
3. Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970.
4. Ермолаева, Е. С. К историко-типологической характеристике категории побудительности / Е. С. Ермолаева // Императив в разноструктурных языках : тез. Докл. Конф. «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л., 1988. – С. 56–57.
5. Иванников, В. Психологические механизмы волевой регуляции : учеб. пособие / В. Иванников. – М. : Изд-во УРАО, 1998.
6. Ильин, Е. П. Психология воли / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2008.
7. Ионова, С. В. Лингвистическая аппроксимация как область исследования текста / С. В. Ионова // Русская речевая культура и текст. – Томск : Изд-во Том. ЦНТИ, 2010. – С. 202–208.
8. Колшанский, Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. – М. : Наука, 1984. – 176 с.
9. Леонтьев, А. А. Речь в криминалистике и судебной психологии / А. А. Леонтьев, А. М. Шахнарович, В. И. Батов. – М. : Наука, 1977. – 62 с.
10. Никитин, Е. П. Феномен человеческого самоутверждения / Е. П. Никитин, Н. Е. Харламенкова. – СПб. : Алетейя, 2000.
11. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – 7-е изд. – М. : Учпедгиз, 1956.
12. Ривлина, А. А. Теоретическая грамматика : лекции / Благовещен. гос. пед. ун-т. Благовещенск, 2004–2008. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.bgpu.ru/site/content/kafs/engphil/rivlina/grammar/lectures/lectures%20UNIT%202.htm> (дата обращения: 04.12.08).
13. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М., 1946.
14. Франк, Д. Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике / Д. Франк // НЗЛ. № 17. – М. : Прогресс, 1986. – С. 363–373.

Е.В. Басс

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В РЕГИОНЕ: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ И СУЩЕСТВОВАНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

В статье рассматривается понятие «языковая политика», описываются этапы реализации названного феномена, в том числе на материале, представленном в Волгоградской области.

Миграции, войны, путешествия сопровождают всю историю человечества, ведя к возникновению языковых контактов и накладывая свой отпечаток на развитие культур. В настоящее время возможности для международной коммуникации стали еще шире благодаря бурному развитию транспорта и средств связи, свою роль играют также политические решения, прежде всего, сильнейших мировых держав. Облик современного мира формируется идущими параллельно процессами глобализации и интеграции в

политике и экономике, а также гуманизации, развития космополитизма и маргинализации в обществе. Именно эти процессы определяют в настоящее время бытие современного человека и, следовательно, развитие языков. В начале третьего тысячелетия языковые контакты становятся действительно всеобъемлющими, и этот факт не может оставаться без внимания со стороны лингвистов, требуя глубокого и системного изучения. В связи с этим все больше привлекают внимание ученых сущность, роль и формы языковой политики.

По мнению В.А. Аврорина [Аврорин, 1975, с. 175], научно обоснованная и целенаправленная языковая линия управления со стороны общества (его классов, партий и органов управления) ходом развития функциональной стороны, а через ее посредство в пределах возможного также и структурной стороны языка, представляет собой языковую политику, которая в многонациональных государствах является одной из важнейших составных частей национальной политики. Иначе говоря, языковая политика – это планомерное общественное воздействие на языковую ситуацию. В определении В.П. Григорьева [Григорьев, 1963, с. 5–21] языковая политика – это теория и практика сознательного воздействия общества на ход языкового развития, то есть целенаправленное и научно обоснованное руководство функционированием существующих языков и созданием и совершенствованием новых языковых средств общения.

Н.Б. Мечковская [Мечковская, 1996, с. 117] определяет языковую политику как воздействие общества в многонациональном и/или многоязычном социуме на функциональные взаимоотношения между отдельными языками. Л.Б. Никольский [Никольский, 1968, с. 114] под языковой политикой понимает совокупность мер, разработанных для целенаправленного регулирующего воздействия на стихийный языковой процесс и осуществляемых обществом (государством). Языковая политика может также определяться как совокупность мер, принимаемых государством, партией, классом, общественной группировкой для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков или языковых подсистем, для введения новых или сохранения употребляющихся лингвистических норм [Швейцер, Никольский, 1978, с. 117].

Объектами языковой политики являются как функциональная, так и структурная стороны языка. Мероприятия, осуществляемые в рамках определенной языковой политики имеют целью воздействие на языки – компоненты языковой ситуации, на их конкретные формы существования для поощрения их развития или, наоборот, для целенаправленного ограничения определенного компонента языковой ситуации для провокации его регресса.

Соответственно, целью языковой политики может быть расширение или сужение диапазона употребления определенных языков и отдельных форм их существования за счет целенаправленного увеличения или уменьшения сфер их функционирования, а также воздействие на структуру языка для поощрения или сдерживания его развития.

Реализация языковой политики предполагает выделение отдельных

этапов.

Первый шаг заключается в определении политических, идеологических, социальных и лингвистических оснований языковой политики. Это означает, что рациональная языковая политика должна разрабатываться при четком понимании реальной языковой ситуации и объективных тенденций ее развития. Должны быть проанализированы функциональные возможности всех компонентов языковой ситуации и дано объективное ее описание. Языковое планирование должно основываться на социологических исследованиях, позволяющих определить основные оценки ключевых проблем языковой ситуации населением региона и мнения о приоритетах в языковом строительстве. На втором этапе должен быть четко определен желаемый конечный результат, цель реализации языковой политики. На следующем этапе должно происходить формулирование задач, решение которых позволит направить развитие данной языковой ситуации к поставленной цели. При этом исход тех или иных акций языковой политики должен быть конкретно просчитан до того, как эти действия будут предприняты. Затем определяются направления, средства, формы акций. Основным рычагом воздействия на развитие языковой ситуации является влияние на социальный статус и функции отдельных языков и их изменение в соответствующем направлении.

Рассмотрим реализацию языковой политики на примере Волгоградской области. В Волгоградской области сегодня проживают граждане 100 наций и народностей, в том числе 23 наиболее многочисленных – русские, украинцы, казахи, немцы, татары, белорусы, чеченцы, ингуши, чуваша, марийцы, азербайджанцы, грузины, армяне, цыгане, мордва, представители народов Дагестана, корейцы, поляки, таджики, узбеки, башкиры, евреи, калмыки. В регионе действует 46 национальных общественных объединений. Основой для устойчивого согласия и гармонизации межэтнических отношений в полиэтничной Волгоградской области является последовательная государственная и региональная национальная политика, направленная на обеспечение равных прав и свобод граждан независимо от расовой, национальной принадлежности и вероисповедания, формирование установок толерантного сознания, учитывающих общественные интересы всех жителей Волгоградской области [www.volganet.ru/obsoc.php].

Вместе с тем, в последние годы значительно увеличился приток «новых мигрантов» не только из дальнего зарубежья, но и из республик бывшего СССР. В Волгоградской области зарегистрировано 25 000 иностранных работников, занятых в производственной сфере; 70 % трудятся в сфере строительства и сельском хозяйстве, остальные – в сервисе и оптовой торговле. Как отмечает председатель ВРОО «Ассоциация Волгоградской Азербайджанской интеллигенции» Ризван Сейфуллаев, основная проблема наших бывших соотечественников – незнание языка, языковой барьер [www.molodoi-gazeta.ru/article-2620.html]. В республиках бывшего СССР выросло новое поколение граждан, которое не изучало русский язык в школе и

сумело освоить его лишь на бытовом уровне. И очень важно знать законы и обычаи другой страны на своем родном языке, так легче адаптироваться к иной языковой среде. Нужны яркие примеры культурной адаптации, успешных мигрантов, но для этого требуются знание языка и образование.

Проблемы непонимания между коренными жителями и мигрантами на уровне бытовой и производственной коммуникации, обусловленные, прежде всего разными культурными стандартами, ведут к росту ксенофобии, национальной и религиозной нетерпимости [Шамне, 2009, с. 6].

Установившаяся в последние годы относительная стабильность в межэтнических отношениях – исторический шанс, предоставленный органам власти для корректировки Концепции государственной национальной политики Российской Федерации. И от того, с какой мерой эффективности сегодня будет использован этот шанс, зависит и дальнейший вектор развития межэтнических отношений в России в целом, и на территории Волгоградской области в частности.

Список литературы

1. Аврорин, В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: К вопросу о предмете социолингвистики / В. А. Аврорин. – Л., 1975.
2. Григорьев, В. П. Культура языка и языковая политика / В. П. Григорьев // Вопросы культуры речи. Вып. 4 / отв. ред. С. И. Ожегов. – М. : Изд-во АН СССР, 1963.
3. Мечковская, Н. Б. Социальная лингвистика : пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев. – 2-е изд., испр. – М. : Аспект-пресс, 1996.
4. Никольский, Л. Б. Языковая политика как форма сознательного воздействия на языковое развитие / Л. Б. Никольский // Язык и общество. – М., 1968.
5. Швейцер, А. Д. Введение в социолингвистику / А. Д. Швейцер, Л. Б. Никольский. – М., 1978.
6. Никольский, Л. Б. Синхронная социолингвистика / Л. Б. Никольский. – М., 1976.
7. www.volganet.ru/obsoc.php.
8. www.molodoi-gazeta.ru/article-2620.html.
9. Шамне, Н. Л. Региональная миграция и проблемы ксенофобии / Н. Л. Шамне // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики : материалы Межрегион. науч. конф., г. Волгоград, 4 февр. 2009 г. / сост. В. П. Свиридонова, Н. Н. Остринская, Н. Л. Шамне, Л. А. Милованова [и др.]. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2009.
10. Шовгенин, А. Н. Социолингвистическое пространство русскоязычной диаспоры Германии (на материале русскоязычной прессы ФРГ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Н. Шовгенин. – Волгоград : Перемена, 2007.

О.С. Волкова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

РЕЧЕВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ АГРЕССИВНОЙ СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВОЛГОГРАДСКИХ СМИ *

Статья посвящена рассмотрению специфики вербализации агрессии в межличностном общении с представителями региональной власти и авторских комментариях при освещении значимых социально-политических событий в области.

Исследование речевой агрессии представляется неотъемлемой составляющей эколингвистического мониторинга региональных СМИ. Понятие экологичности коммуникации, как объекта исследования новой, только формирующейся парадигмы современного языкознания, пока не получило однозначной дефиниции. В соответствии с определением, предложенным А.П. Сковородниковым, эколингвистика представляет собой «исследование проблематики языковой и речевой деградации (исследование факторов, негативно влияющих на развитие языка и его речевую реализацию) и проблематики языковой и речевой реабилитации (исследование путей и способов обогащения языка и совершенствования системы этических и прагматических постулатов речевого общения)» [Сковородников, 2000]. И поскольку нормальное функционирование и развитие языка, высокий уровень речевой культуры являются показателями благополучного состояния и здоровья общества, то подобное состояние должно поддерживаться с помощью государства и общественных институтов, включающих и средства массовой информации [Солодовникова, 2010]. Медиаэкология, или экология средств массовой коммуникации, изучает влияние символических систем и технологий на социальную организацию, познавательные процессы, политические и философские идеи человеческого общества [Postman, 2000, цит. по: Солодовникова, 2010, с. 10].

Соревновательный характер политики обуславливает агональность и конфликтогенность политического дискурса [Шейгал, 2004, с. 121–132] и, следовательно, высокий уровень эмоционального накала в нем [Шаховский, 2008, с. 259–268], и, как результат, высокая степень негативной эмоциональной вовлеченности участников общения и демонстрация агрессивной стратегии поведения в категориальных коммуникативных ситуациях.

Учитывая понимание специфики агрессивного коммуникативного поведения, представляющего собой осознанную речевую деятельность эмоциональной языковой личности, нацеленную на достижение превосходства над соперником для изменения его самочувствия и/или поведения путем причинения ему морального вреда и принижения его социального статуса. Стремление к доминированию в диалоге и

* Исследование проводилось в рамках тематики и при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013» (Госконтракт № 02.740.11.0367).

достижению превосходства реализуется в многообразных видах и формах вербальной агрессии.

Политический язык использует «номинативно-классификационные возможности языка как средства формирования взгляда на действительность (проблема ярлыка): язык может в какой-то степени решить или, наоборот, создать и заострить социальную проблему» [Шейгал, 2004, с. 22]. И эта возможность в полной мере используется представителями региональных СМИ: не успели утихнуть страсти после недавнего противостояния глав областной и городской администраций, получившего широкий общественный резонанс, как периодические издания (см., например, «Областные вести», ИА «Высота 102» и др.) обнаруживают, формулируют и привлекают внимание к новой социально-политической проблеме – недовольство граждан результатами работы и политическими приоритетами городского главы. *Андрей Куприков, сопредседатель волгоградское региональное отделение общероссийской общественной организации «Деловая Россия»: «Опыт последних двух выборных кампаний говорит о том, что человек, идущий руководить городом, в первую очередь, видит себя политиком, а не хозяйственником. На мой взгляд, пора с этим заканчивать. У города должен быть вменяемый толковый сити-менеджер. Я думаю, наевшись политиканства, горожане вполне могут одобрить поправки в Устав города, с целью введения процедуры назначения такого человека депутатами городской думы. На фоне абсолютной некомпетентности господина Гребенникова сегодня это самое оптимальное решение».* [«Областные вести», 09.04.2010]. Речевая реализация агрессивной стратегии, избираемой общественным деятелем, продолжает традиции построения оппозиционного политического дискурса региона. Прямая номинация, императивность, крайне негативная и субъективная оценочность, инвективы, сниженная, разговорная лексика и очевидная диффамация характеризуют агрессивную стратегию коммуникативного поведения в масс-медийном пространстве волгоградской области. Столь характерные для оппозиционного политического дискурса *эвфемистичность, метафоричность* («... семейственность в областной администрации расцвела пышным цветом» [«Аргументы и факты Волгоград», 23.03.10] и *ирония* («... дело, разумеется, архинужное» [«Аргументы и факты Волгоград», 23.03.10], представлены в анализируемых текстах в меньшей степени.

Необходимо отметить, что выбор частных тактик, реализующих агрессивную коммуникативную стратегию, варьируется в зависимости от прагматической установки говорящего. Так, тема уборки городских улиц и наведения порядка после зимы получила разностороннее освещение в прессе. При этом агрессивной стратегии в межличностном общении с корреспондентами местных периодических изданий придерживались как коммуниканты, наделенные властью (Анатолий Бровко, глава администрации Волгоградской области: «Главы всех городских округов и

муниципальных районов должны проконтролировать, чтобы территории, находящиеся в зоне их ответственности, содержались в чистоте и порядке. **В противном случае я буду делать в отношении чиновников соответствующие выводы.** Мусор и стихийные свалки вдоль дорог, в частности расположенных вдоль трассы Волгоград – Москва, должны быть немедленно убраны, а прилегающая к дорогам местность впредь должна содержаться в надлежащем виде, так как их состояние – лицо района и городского округа. Еще раз повторяю, чистота территорий, находящихся в зоне ответственности муниципалитетов, **станет одним из основных критериев оценки деятельности глав органов местного самоуправления**» [«Областные вести», 09.04.2010] – читатель понимает, что с помощью предупреждений, угроз происходит демонстрация власти, направляющие и контролирующие работу подчиненных действия, самопрезентация как строгого руководителя, принимающего жесткие кадровые меры на благо региона); так и журналисты, критически комментирующие события общественно-политической жизни области и решения, принимаемые отдельными представителями региональной власти.

Мэр Волгограда Роман Гребенников выступил с **очередной благой инициативой** <...> Конечно, призывы убрать мусор **очень похвальны**. Но мало об этом только говорить, **превращая любое замечательное дело в пиар чистой воды**. Любой призыв должен быть подкреплен возможностью на него реально откликнуться. А так, **прокукарекать**, а там хоть заря не вставай... Нужна каждодневная системная работа по наведению порядка, чтоб и люди загорелись желанием **подсобить власти**. Так будет только тогда, когда мы этой власти будем доверять и сочувствовать ей, а не отмахиваться, как от вдруг проснувшейся на первом весеннем солнце всю зиму дремавшей мухи [«Областные вести», 02.04.2010].

Агрессивная стратегия коммуникативного поведения – неотъемлемая составляющая политического дискурса, однако одним из важнейших условий успешного общения политиков с гражданами своей страны должна быть стратегия глорификации [Шаховский, 2007] как способ повышения личностной самооценки гражданина, а в средствах массовой информации должна соответственно доминировать этическая составляющая.

Список литературы

1. Леонтович, О. А. Проблемы виртуального общения / О. А. Леонтович. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/07/leo/> (дата обращения: 19.09.2009).
2. Романов, А. А. Политическая лингвистика: Функциональный подход / А. А. Романов. – М. ; Тверь : ИЯ РАН : ТвГУ, 2002. – 191 с.
3. Сковородников, А. П. К становлению системы лингвоэкологической терминологии / А. П. Сковородников // Речевое общение : специализир. вестн. / Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 2000. – Вып. 3 (11). – С. 70–78.
4. Солодовникова, Н. Г. Экологичность эмотивной коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Г. Солодовникова. – Волгоград, 2010. – 24 с.
5. Шаховский, В. И. Формирование эмоциональной толерантности в коммуникативной компетенции госслужащего / В. И. Шаховский // Современной

гуманитарное образование: аспекты, стратегия, технологии : тез. докл. – Волгоград : ВА МВД России, 2007. – С. 6–9.

6. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций : монография / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.

7. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М., 2004.

Источники

1. Аргументы и факты Волгоград. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://vlg.aif.ru/politic/>.

2. Областные вести. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://oblvesti.volgorik.ru/>.

3. ИА «Высота 102». – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://v102.ru/>.

4. Комсомольская правда Волгоград. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://volgograd.kp.ru/>.

5. Коммерсант Нижняя Волга. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/regions/region.aspx?regionID=34>.

Секция
**ОБЩЕЗНАЧИМОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ
В ИЗУЧЕНИИ И ПРЕПОДАВАНИИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**

С.В. Арсентьева
Современная гуманитарная академия (Тула, Россия)

ОТРАЖЕНИЕ ЯВЛЕНИЙ КУЛЬТУРЫ В ЯЗЫКЕ

В статье показано, что последняя треть XIX – начало XX вв. – это особый этап в истории развития русской разговорной речи, в котором нашли отражение кардинальные изменения в экономической, политической и культурной жизни страны.

В конце 20-го началось активное развитие науки, которая изучает язык как явление культуры – лингвокультурологии. Это определенное представление мира через призму национального языка. В рамках этой науки язык выступает не только как орудие культуры, но в большей мере как выразитель особой ментальности.

Язык и культура находятся в тесной взаимосвязи, в диалоге друг с другом. Язык имеет способность отражать культурно-национальную ментальность его носителей. В. Гумбольдт и А.А. Потебня утверждали, что язык – это духовная сила.

Язык и культура – относительно самостоятельные явления, но, несмотря на свою самостоятельность, тесно связаны через значения языковых знаков. Ссылаясь на гипотезу Э. Сепира и Б. Уорфа, можем утверждать, что структура языка и системная семантика его единиц взаимодействует с мышлением и способом познания внешнего мира у того или иного народа, в то или иное время.

Каким же образом система культурных ценностей проявляется в языке? Языковые явления отражают социокультурные явления в обществе. Индивидуализм и коллективизм, материализм и одухотворенность, восприятие мира, отношение к окружающей среде и времени, пространству, способы общения – все это отражается в языке.

Работы большинства ученых, занимающихся проблемой взаимодействия языковых явлений и культуры, обращены к тому, как язык функционирует в реальной речевой деятельности. Рассматривая язык в качестве реального факта социальной жизни, особое внимание уделяют акту говорения как отдельного человека, так и целой группы людей, объединенных общей профессией, сферой интересов, родственными отношениями, средой.

Национальный язык обслуживает общество в целом, но в то же время каждый человек является носителем этого языка.

Важным этапом в развитии русского литературного языка является вторая половина XIX – начало XX вв. В это время формируется его стилистическая система, расширяется лексический состав. Существенному развитию публицистического стиля способствует подъем общественного движения. В литературном языке используется научно-философская и

общественно-политическая лексика, а также разнообразная лексика, фразеология, паремиология из территориальных диалектов, городского просторечия и социально-профессиональных жанров.

В двадцатых годах XX столетия в нормах литературного языка происходят существенные изменения. Меняется социальная основа носителей литературного языка. Москва некогда являлась носителем образцового столичного языка, теперь же она все больше приобретает черты многонационального города, где живут представители различных диалектных территорий и других языков. Под влиянием вышеперечисленных факторов существенно меняются нормы литературного языка. Распространение массового образования, издательской деятельности, увеличение интереса к художественной литературе, публицистике, театру, появление радио, звукового кино, а затем телевидения, способствуют доступности литературного языка для миллионов граждан. Отсюда происходит усложнение и расширение функций литературного языка, происходит изменение между понятиями литературного языка и нелитературного языка. Изучение речи городских жителей позволяет глубже исследовать проблемы современного русского языка, в том числе его культурологических аспектов. Многие нормы разговорной речи переходят в разряд литературных норм. Процесс изменения и развития разговорного языка, особенности функционирования, закрепление тех или иных норм отражаются, прежде всего, в художественной литературе (публицистике). Именно это и способствует обращению к творчеству таких писателей, как А.П. Чехов, М.М. Зощенко, М.А. Булгаков, А.П. Платонов и др., в своих сочинениях сумевших отразить языковые вкусы, приоритеты того общества, современниками которого являлись сами. Их произведения являются благодатной почвой для изучения лингвокультурологического аспекта развития русского языка.

Речь городского мещанства в двадцатом веке связана с изменениями социально-политической, нравственно-правовой и культурной сферой общества. Повышается образовательный уровень граждан, что способствует лучшему пониманию европейской культуры. Начинают появляться общественные кружки молодежи, которые пришли на смену дворянским салонам. Возникает новый этап в развитии разговорной речи. На данном этапе развития русского языка существовавшее ранее четкое разделение книжной речи (имевшей в основном письменную форму) и разговорной (имевшей в основном устную форму) постепенно стирается. В то же время проникновение книжной лексики в разговорную речь создает эффект комичности, несоответствия и поэтому воспринимается одним из средств создания художественно-изобразительной речи.

Большой интерес в языковом отношении представляют произведения А.П. Платонова, которые соответствовали духу своего времени. Сам Платонов виделся как пролетарский писатель-реалист, вышедший не из народа, а оставшийся с народом. Язык его произведений отвечал духу времени. Начинаясь век с захлестнувших общество утопических иллюзий. Наступившая эра электричества, успехи в воздухоплавании, огромные производства с динамически работающими конвейерами – все это рождало представление, что техника решит все проблемы, стоящие перед человечеством. Оставалось грезить, совершенствовать изобретенные

механизмы и ждать наступление земного рая. Бурно расцветала научная фантастика. Первая мировая война 1914 года разрушила утопические мечтания: техника оказалась не только «волшебным помощником», но и орудием зла, средством истребления человека человеком. Евгений Евтушенко высказывался о Платонове: «Проза Платонова – это взлетевшая над своим временем гениальная русская мысль» [Евтушенко, 1989, с. 388, 389].

Русский литературный язык отвергается как язык интеллигенции и буржуазии. Рождается новый, видоизмененный советский язык. Этот язык носит декларативный, плакатный, лозунговый характер. Он характеризуется бедностью, в нем отсутствуют различия между письменным и разговорным словом. Герои Платонова произносят лишь отдельные фразы, но не складывают их в развернутую речь. Наблюдается процесс стенографирования мыслей: «Вощев не знал, куда его влечет, и облокотился в конце города на низкую ограду одной усадьбы, в которой приучали бессемейных детей к труду и пользе» [Платонов, 1987, с. 4]. Герои Платонова говорят то, что чувствуют, а потом уже думают: «Чиклин имел маленькую каменистую голову, густо обросшую волосами, потому что всю жизнь либо был балдой, либо рыл лопатой, а думать не успевал и не объяснил Сафронову его сомнения» [Платонов, 1987, с. 33].

В повести А. Платонова «Котлован» действие происходит в первой пятилетке, что не могло не отразиться на языке повести. В повести использовано большое количество языковых единиц, характерных для того времени.

После революции 1917 года появляется большое количество новообразований. Например, слово «завком» [Платонов, 1987, с. 5] – заводской комитет. Заводские комитеты появились во время революции 1917 года. «Красный уголок» [Платонов, 1987, с. 6] – в советские времена особое помещение или часть помещения (стена со стендами и т. п.) в какой-либо организации, предназначенное для ведения агитационной и пропагандистской работы в коллективе. Слово «окрпрофбюро» [Платонов, 1987, с. 15] – окружные бюро профессиональных союзов. Окрпрофбюро организовались в августе 1928 года, ликвидированы в 1930 году в связи с упразднением округов, они руководили работой профсоюзной работой в округах.

Словарный запас пополняется лексическими единицами иноязычного происхождения. Проникновение иноязычной лексики отражается в художественной литературе. Например, слово «трест» [Платонов, 1987, с. 5] – от английского слова trust (вера, доверие), одна из форм монополистических объединений, в рамках которой участники теряют производственную, коммерческую, а порой даже юридическую самостоятельность. Наиболее широко распространены были в XIX веке. В СССР тресты появились в связи с НЭПом. Слово «пролетарии» [Платонов, 1987, с. 15] – немецкое proletariat от латинского proletarius – неимущие. Это социальный класс, не имеющий собственности на средства производства, для которого основным источником средств для жизни является продажа собственной рабочей силы. Это слово имеет несколько значений: первое значение – производящий потомство (это значение устарело), второе значение – простонародный. Устаревшее русское толкование – «бобыль,

бездомный, бесприютный». Окончательно в современном значении понятия «пролетарий» и «пролетариат» сформировались с образованием социал-демократических партий в Западной Европе, которые под этим термином подразумевали весь рабочий класс.

Заметно обогатили разговорную речь не только заимствования, но и те слова, которые уже существовали в языке и в тот период получили возможность иного употребления, что привело к формированию других значений. Например, слово «интеллигенция» [Платонов, 1987, с. 13] – от лат. *Intelligentia* (понимание, познавательная сила, знание). Это особая социально-профессиональная и культурная группа людей, занятая преимущественно в сфере умственного труда, обладающая чуткостью, тактом и мягкостью в проявлениях, ответственная за поступки и склонная к самоотречению. В советское время приобретает негативную окраску: «Ну, стой. Ты, наверно, интеллигенция – той лишь бы посидеть да подумать» [Платонов, 1987, с. 13] и др.

Именно в то время появились такие устойчивые словосочетания, как «урод империализма», «классовый излишек», «буржуйская пища», «скелет коммунизма» [Платонов, 1987, с. 9, 29, 33, 47].

В речь малообразованного мещанства проникают книжные лексико-фразеологические единицы, в результате чего они приобретают экспрессивно-оценочную окраску, разговорная речь распространяется с помощью публицистического стиля.

Итак, из всего вышесказанного можно сделать вывод, что последняя треть XIX – начало XX вв. это безусловно важный этап в истории развития русской разговорной речи. Важная роль в развитии языка принадлежит газетно-публицистическому стилю, влияние которого постоянно возрастает.

В лексике происходят изменения, которые тесно связаны с изменениями в экономической, политической и культурной жизнью страны, так как внеязыковые социальные условия накладывают отпечаток на судьбу многих слов, часто помогая их появлению в языке, исчезновению из языка или изменению их значений.

Список литературы

1. Бурак, А. Л. Перевод и межкультурная коммуникация / А. Л. Бурак. – М. : Р.Валент, 2002.
2. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001.
3. Евтушенко, Е. Психоз пролетариату не нужен / Е. Евтушенко. – М. : Взгляд, 1989. – Вып. 2.
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М., 1987.
5. Караулов, Ю. Н. Языковая личность и национальный характер / Ю. Н. Караулов. – М., 1988.
6. Штерн, А. С. Перцептивный аспект речевой деятельности / А. С. Штерн. – СПб., 1992.
7. Платонов, А. П. Котлован / А. П. Платонов. – М. : Худож. литература, 1987.
8. Большая советская энциклопедия. – 3-е изд., 1975.

**ИДЕОЛОГЕМЫ И СТЕРЕОТИПЫ
КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ КОНЦЕПТА
(НА МАТЕРИАЛЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ КОНЦЕПТА «ВОРОВСТВО»)**

Статья посвящена исследованию некоторых составляющих концепта – анализу идеологем и стереотипов, который осуществляется в русле лингвокультурологического направления. В ней рассматриваются особенности функционирования данных ментальных единиц, их влияние на восприятие явлений действительности.

Изучение концептов, осуществляемое в русле лингвокультурологического направления в лингвистике, позволяет ученым реконструировать и исследовать целый ряд представлений о том или ином явлении действительности в исторической ретроспективе, а также на современном этапе развития общества. В поле зрения сторонников данного подхода оказываются вербальные категории, обязывающие носителя языка воспринимать явление, обозначенное в концепте, определенным образом – в соответствии с политическими, религиозными, социально-экономическими установками, актуальными для того временного, исторического среза, в котором он живет. К таким категориям относятся идеологемы и стереотипы. Они демонстрируют индивиду образец мировосприятия, ориентируясь на который тот регулирует собственное поведение и выстраивает модель собственных суждений. Целью данной статьи является рассмотрение особенностей функционирования и восприятия некоторых идеологем и стереотипов на материале репрезентаций концепта «воровство».

Представляя собой один из видов культурных установок, идеологемы, по словам Г.В. Токарева, «используются на определенном культурном срезе и меняются при переходе от одной культурной модели к другой, включают набор актуализированных в тот или иной период ценностей» [Токарев, 2003, с. 34]. Особенно сложным и неоднозначным, противоречивым и проблематичным являлось влияние идеологем, созданных в советский период, на общественное сознание. Так, например, ранний этап строительства социализма был ознаменован идеологемой: каждый советский человек, особенно на «руководящем посту», должен и обязан бороться с расхитителями государственной собственности как с врагами народа и всего социалистического строя. Подобная установка актуализировала восприятие такого явления, как воровство, в политическом ракурсе, то есть для представителей лингвокультурной общности под этим родом деятельности подразумевалось не просто хищение того или иного имущества, имеющее статус уголовного преступления, но и политическая диверсия, нарушающая основы государственного порядка. Естественно, данное утверждение изначально исходило из уст представителей высшей власти в стране, однако оно моментально оказывалось в центре внимания журналистов, писателей, режиссеров,

которые делали его атрибутом массового сознания. Доказательством этого предположения служит письмо И.В. Сталина Л.М. Кагановичу, В.М. Молотову, в котором заложены все предпосылки появления и функционирования данной идеологемы: «За последнее время участились, во-первых, хищения грузов на желдортранспорте..., во-вторых, хищения кооперативного и колхозного имущества. Хищения организуются главным образом кулаками (раскулаченными) и другими антиобщественными элементами, старающимися расшатать наш новый строй... Подобный режим в отношении этих господ, который нельзя назвать социалистическим, только поощряет их по сути дела настоящую контрреволюционную “работу”... Предлагаю издать закон (в изъятие или отмену существующих законов), который бы: а) приравнивал по своему значению железнодорожные грузы, колхозное имущество и кооперативное имущество – к имуществу государственному: б) карал за расхищение (воровство) имущества указанных категорий минимум десятью годами заключения, а как правило – смертной казнью; без такой дисциплины – невозможно отстоять и укрепить наш новый строй...» [Сталин, 2004, с. 546]. Подобная идеологема, имеющая характер директивы, обсуждаемой на собраниях представителей местной власти, звучит из уст председателя одного из хозяйств, недалеко от которого находилась знаменитая колония имени Горького: «Безусловно, что за такие вещи нужно поступать по всей строгости закона, потому что селянин – это безусловно труженик. И вот, если он повесил юбку, а ты ее берешь, то это враги народа, пролетариата. Мне, на которого возложили советскую власть, нельзя допускать такого беззакония, чтобы всякий бандит и преступник хватал...» [Макаренко, 1957, с. 146]. Интересно, что данный руководитель интерпретирует существующую и известную для него во всех отношениях идеологему, что называется, на свой манер, используя данную конкретную ситуацию пропажи личных вещей колхозников как политическую диверсию государственного масштаба. Постулат, призывающий бороться с расхитителями государственного имущества, заложен в основе многих литературных произведений 30-х гг. XX в. Наиболее известными из них стали комедии М. Зощенко «Преступление и наказание» и «Неудачный день», по одной из которых впоследствии знаменитый советский режиссер Л. Гайдай снял яркий, остроумный и любимый в народе фильм «Не может быть!».

Однако по прошествии нескольких десятилетий наравне с этим постулатом стали появляться другие, высказанные уже не руководителями, а, скорее, подчиненными, где восприятие самого факта расхищения государственного имущества имело диаметрально противоположный характер: «ты здесь хозяин, а не гость, неси с завода каждый гвоздь». Подобная идеологема оказалась порождением стереотипа: тот, у кого есть возможность и стремление расхищать государственную собственность в материальном отношении живет лучше, чем другие, «умеет жить»: «— У Топтунова отбирают дачу! – И правильно отбирают! С жульем, допустим, надо бороться! – Но почему он **жулик**? – Человек просто **умеет жить**...» [Рязанов, 2000, с. 64]. «В пути хозяева разоткровенничались, и Деточкин сообразил, что везет таких же **расхитителей народного добра**... Один был крупный «специалист» по стройматериалам – вагонами крал. Его приятель ведал путевками – и тоже

недурно жил...» [там же: 105]. Таким образом, безапелляционная, жесткая по отношению к поступкам людей идеология может быть принята, утверждена в официальных кругах, социальных институтах, но отвергнута на неформальном уровне – среди друзей, близких родственников и т. д. В этом проявляется свойство человеческой природы – поступать так, как позволяют или запрещают законы реального мира, исходить из той ситуации, которую можно наблюдать ежедневно, и, если идеология оторвана от существующей действительности, ее существование будет недолгим. Подтверждением данной мысли является исчезновение идеологии, призванной запретить расхищение государственной собственности – нельзя остановить воровство имущества, которое никому конкретно не принадлежит.

С позиции лингвокультурологии релевантными составляющими концепта являются стереотипы – устойчивые мнения о том или ином явлении действительности, которые воспринимаются человеком в зависимости от принадлежности к определенному социальному кругу, среде, роду деятельности. В восприятии стереотипов важную роль играет социально обусловленный внутригрупповой фаворитизм – стремление оценивать что-либо сквозь призму ценностных ориентиров собственной социальной группы, принятых в качестве эталона. Так, например, такое явление, как воровство, будет иметь разный набор стереотипов в сознании работника правоохранительных органов и вора. Следователь прокуратуры, оперуполномоченный будет руководствоваться главным стереотипом представителей этой профессии: вор – враг, вредитель, который, по словам знаменитого капитана милиции Г. Жеглова, должен сидеть в тюрьме. Главная функция стереотипа – экономия интеллектуальных и эмоциональных усилий человека при восприятии того или иного явления – позволяет сыщику выстраивать определенную модель вербального и невербального поведения, выработанную по отношению к вора. Руководствуясь системой стереотипов, утвержденной в данной профессиональной среде, о том, что вор не может быть хорошим человеком, работник прокуратуры, оправляясь на допрос к подозреваемому в хищении, заранее настроен на негативное восприятие данного конкретного лица: *«Если бы я искала не скрипку «Страдивари», а утраченный манускрипт и при этом не была инспектором уголовного розыска Лавровой, а называлась профессором филологии Ираклием Андрониковым, то я бы встретила наверняка множество прекрасных, добрых, умных и честных людей. Но я ищу украденную, слышите, – украденную вещь, и из-за этого должна слушать ваши сомнительные откровения, вместо того, чтобы поговорить с каким-нибудь приятным и умным человеком...»* [Вайнеры, 1991, с. 259]. Круг стереотипных представлений о воровстве и ворах в сознании тех, кто является непосредственным виновником хищений, будет совершенно иным. В уголовной среде вор – человек, достойный наибольшего уважения за удачливость, ловкость, смелость, решительность. В одном из известных произведений А.И. Солженицын писал: *«Для вольного читателя слово «воры» может звучать укоризненно? Тогда он ничего не понял. Это слово произносится в блатном мире, как в дворянской среде «рыцарь», и даже еще уважительнее, не в полный голос, как слово священное. Стать достойным вором когда-нибудь – это мечта малолетки, это стихийный напор их дружины...»* [Солженицын, 1991, с. 380].

Рассмотрев некоторые особенности функционирования идеологем и стереотипов, можно отметить, что они играют важную роль в формировании представлений об определенном явлении, подчиняя их эталону миропонимания, принятому в обществе на данный момент развития и выделяя те пласты содержания концепта, которые становятся наиболее актуальными для представителей той или иной социальной группы.

Список литературы

1. Вайнеры, А. и Г. Избранное. В 3 т. Т. 1 / А. и Г. Вайнеры. – М. : Дет. литература, 1991.
2. Макаренко, А. С. Сочинения. В 7 т. Т. 1 / А. С. Макаренко. – М. : Изд-во Акад. пед. наук, 1957.
3. Рязанов, Э. Тихие омуты / Э. Рязанов. – М. : Вагриус, 2000.
4. Солженицын, А. И. Малое собрание сочинений. В 8 т. Т. 6 / А. И. Солженицын. – М. : Инком НВ, 1991.
5. Сталин, И. В. Сочинения. Т. 17 / И. В. Сталин. – Тверь : Науч.-изд. компания «Северная корона», 2004.
6. Токарев, Г. В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» / Г. В. Токарев. – Волгоград : Перемена, 2003.

А.Е. Барецкая

**Российский государственный университет им. И. Канта
(Калининград, Россия)**

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В СИСТЕМЕ ГРЕКО-СЛАВЯНСКИХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Греко-славянские интеграционные процессы затронули проблему лингвокультурного взаимодействия двух языковых систем. Влияние греческой синтаксической системы на язык славянской переводной литературы опосредовано существованием параллельных синтаксических конструкций.

Проблема греко-славянских литературных связей привлекает к себе внимание исследователей своей сложностью, глубиной и в каком-то смысле своей принципиальной неразрешимостью. Традиционно проблема лингвокультурного взаимодействия двух языковых систем рассматривается в аспекте доминирующего влияния языка греческих литературных произведений на язык славянской переводной литературы. Однако вполне очевидно, что в синтаксическом облике древнерусских переводных произведений отчетливо проступают и собственно славянские черты. Взаимообусловленность проявления греческого субстрата и славянских языковых моделей в текстовом пространстве древнерусской литературы определила основные тенденции интеграционного развития греко-славянских литературных связей. Среди собственно синтаксических явлений, сопоставляемых с греческими, М.Н. Славятинская выделяет некоторые особенности славянского синтаксиса, испытавшие влияние греческого синтаксиса

(порядок слов, постпозитивное употребление предлогов в некоторых случаях); особенности, обязанные греческому синтаксису своим появлением в славянских языках (синтаксический оборот «дательный самостоятельный»); синтаксические ошибки, возникшие под влиянием греческого синтаксиса; синтаксические «фигуры речи» [Славятинская, 1988, с. 186]. Вместе с тем греческое влияние на славянский синтаксис опосредовано существованием параллельных синтаксических конструкций, актуализирующих проблему специфики языкового славянского и греческого мышления. Интегрирование двух языковых систем, вызванное необходимостью создания письменно-литературного славянского языка, способствует усложнению содержательного плана грамматических категорий и формализации способов их передачи.

Начальный период развития литературного языка для славян стал периодом категоризации и актуализации собственных языковых ресурсов. Ситуация синтаксического воздействия греческого языка послужила внешним стимулом для нового – литературного – витка развития славянских языков. «Чужие влияния в развитии синтаксического строя сыграли немаловажную роль, способствуя упрочению частью дивергентных, частью конвергентных факторов» [Бауэр, 1963, с. 5]. Одним из дискуссионных вопросов греческого влияния на языковой строй древних славянских памятников письменности признается вопрос о развитии сложных синтаксических конструкций.

В научной литературе традиционно представлено два противоположных суждения о характере синтаксического строя в древних славяно-русских письменных памятниках. Однако в последнее время все большее число исследователей приходят к выводу о существовании сложной системы взаимодействия двух языковых систем [подробнее см.: Чернышова, 1994]. Подчеркивается функциональное влияние греческого языка, заключающееся в предпочтительности одних моделей или неупотребительности других. Так, благодаря исследованиям М.М. Копыленко выяснилось, что в славянских переводах наблюдается устойчивая тенденция передачи греческих простых осложненных предложений сложноподчиненными предложениями различного вида: инфинитив в функции дополнения развивает придаточное предложение, вводимое союзами «да», «да бы»; зависимый инфинитив в функции обстоятельства цели передается придаточным предложением цели с союзом «да»; зависимый инфинитив в функции обстоятельства причины заменяется придаточным предложением причины с союзом «зане» [Мещерский, 1962, с. 91]. Подобным образом дело обстоит и с другими синтаксическими явлениями греческого языка (инфинитивные обороты, причастные конструкции).

Интерферируемая трудами книжников и переводчиков система греко-славянских письменно-литературных контактов в контексте культурной интеграции определяет, на наш взгляд, и эволюционную логику развития собственно славянской модели сложноподчиненного предложения. В процессе перевода осложненных причастными и инфинитивными оборотами греческих синтаксических конструкций славянский книжник стремился найти наиболее адекватную форму передачи определенного синтаксического значения. Четко

осознаваемая предикативность различного рода оборотов, выступающих единым комплексом в роли сложных второстепенных членов предложения, транспонируется в придаточное предложение с двумя индикаторами зависимости: союзное средство и форма наклонения глагола. Для диахронической характеристики сложноподчиненного предложения существенно особо подчеркнуть второй фактор, поскольку именно зависимость наклонения придаточного предложения от формы личного глагола в главном является показателем грамматически сложившегося сложноподчиненного предложения. Зависимость придаточного предложения предопределяет изменение модального значения того или иного наклонения – в придаточных предложениях требуется употребление косвенных наклонений (сослагательное и желательное). «Началом создания формальной связи главного и придаточного можно считать появление «заменительного» оптатива в придаточных, зависящих от предложения со сказуемым в историческом времени... Первоначально этот заменительный оптатив был выражением позиции говорящего по отношению к факту прошлого» [Славятинская, 2003, с. 338]. Субстанционально рефлексивная категория модальности в контексте эволюции сложного предложения актуализирует такие отношения, как время и момент речи, позицию субъекта действия и субъекта речи, действия единичные и повторяющиеся (итеративно-обобщенные) и др. Как видно, внутренние языковые процессы развития категорий темпоральности, аспектуальности, модальности стоят в зависимости от синтаксического фактора.

В истории развития сложноподчиненного предложения условная конструкция (условный период в греческом языке) благодаря сильной подчинительной связи грамматически отмечена. Маркированная зависимость придаточного условного позволяет предположить раннюю хронологию синтаксического оформления указанных структурных единиц. Данным предположением объясняется четко разработанная система условного периода [Черный, 1879, с. 72–76] и богатую гипотаксическую систему условных конструкций в древнерусской письменности.

Славянский гипотаксис, испытывающий аналогизирующее воздействие паратаксиса, с одной стороны, и греческих структурных моделей с сильной подчинительной связью, с другой стороны, в концептуальном отношении перенимает идею зависимости подчинительного предложения от главного, благодаря чему устанавливается, что «славянские переводы в значительной степени богаче гипотаксисом, чем их греческие архетипы» [Мещерский, 1962, с.9]. Языковая тенденция к эксплицитному выражению предикативных связей в рамках сложного предложения приводит к тому, что «...лингвистические мотивы образования сложных синтаксических конструкций мы можем определить как стремление к четкому, эксплицитному, коммуникативно-надежному обозначению связей между событиями (диктумными предикациями), а также модусом и диктумом, перформативом и констативом, топиком и комментарием» [Мишланов, 1996, с. 26]

Учитывая возможности контаминации заимствованных синтаксических конструкций с автохтонными при исследовании синтаксиса переводной

литературы, очень важно подчеркнуть, что передача многообразных синтаксических конструкций подлинника в целом осуществляется «средствами, заложенными в самой системе славянских языков» [Мещерский, 1962, с. 93].

В заключение представляется важным отметить факт безусловно плодотворного взаимодействия двух языковых систем, вызванного потребностями культурной интеграции в рамках создания славянского литературного языка, ставшей возможной вследствие гармоничного соразвития греческого и славянского языков. При этом влияние греческого языка выражается в стимулирующей, активизирующей те или иные синтаксические процессы и явления функции. Моделеобразующая роль греческого синтаксиса в процессе функционирования письменно-литературного языка славян в немалой степени обусловила развитие богатой синтаксической системы и современного русского языка.

Список литературы

1. Бауэр, Я. Основные проблемы сравнительно-исторического изучения синтаксиса славянских языков / Я. Бауэр // Вопросы языкознания. – 1963. – № 4.
2. Мещерский, Н. А. О синтаксисе древних славяно-русских переводных произведений / Н. А. Мещерский // Теория и критика перевода. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962.
3. Мишланов, В. А. Русское сложное предложение в свете динамического синтаксиса : дис. ... д-ра филол. наук / В. А. Мишланов. – Пермь, 1996.
4. Славятинская, М. Н. Учебник древнегреческого языка / М. Н. Славятинская. – М. : Филоматис, 2003.
5. Славятинская, М. Н. Учебное пособие по древнегреческому языку (культурно-исторический аспект) / М. Н. Славятинская. – М. : Высш. шк., 1988.
6. Черный, Э. Греческая грамматика. Ч. II. Синтаксис / Э. Черный. – М., 1879.
7. Чернышова, М. И. Проблемы влияния греческого языка на язык переводных памятников в древнерусской книжности : дис. ... д-ра филол. наук / М. И. Чернышов. – М., 1994.

А.А. Кудрявцева

**Волгоградский государственный педагогический университет
(Волгоград, Россия)**

ПОПОЛНЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ «СУБЪЕКТ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» ЗА СЧЕТ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ, ПЕРЕШЕДШИХ В НАРИЦАТЕЛЬНЫЕ

В статье на примере пополнения семантической зоны «Субъект литературной деятельности» рассматривается процесс апеллятивизации, то есть переход имен собственных (онимов) в разряд апеллятивов (имен нарицательных).

Одним из источников синонимии в современном русском языке является прономинация – «замена нарицательного имени собственным (или наоборот), например: *Отелло* вместо *ревнивец*» [Квятковский, 1966, с. 227]. В результате

перехода имен собственных в нарицательные образуются единицы, которые мы называем прономинантами.

Прономинант – это семантический дериват, произведенный от онима. Поясним данный термин на примере. Оним *Феб* – это одно из имен греческого бога Аполлона, покровителя искусств и божества солнечного света. В поэтической речи оним *Феб* становится синонимом апеллятива *солнце*, сам превращается в апеллятив: *Скука томно дни прядет, / Феба луч едва блеснет* (Е.А. Баратынский. К Дельвигу; ср.: *солнца луч едва блеснет*). В данном примере *Феб* – прономинант.

Прием прономинации является по своему предназначению способом создания экспрессивных синонимов к «обычным словам» [Томашевский, 1996, с. 66], то есть к словам, нейтральным в оценочном и стилистическом планах. Вступая в синонимические отношения с апеллятивами, прономинанты образуют синонимические пары или пополняют синонимические ряды.

Ряд прономинантов дополнили семантическую зону «Субъект литературной деятельности».

Так, при участии прономинантов образовался синонимический ряд *критик* – книжн. *зоил*, книжн. *Аристарх*. К данному синонимическому ряду примыкают также окказионализмы *Лабомель* и *Белинский*.

Зоил – древнегреческий ритор и софист (4–3 вв. до н.э.), Аристарх – древнегреческий ученый (2 в. до н.э.). Оба они известны придирчивыми критическими комментариями к «Илиаде» и «Одиссее» Гомера. Л.Лабомель (1726–1773) – французский критик, высмеянный Вольтером. В.Г.Белинский (1811–1848) – основоположник русской революционно-демократической критики.

Прономинант *зоил* встречаются преимущественно в русской поэзии первой половины 19 века, например: *Пускай от зависти сердца зоилов ноют. / Вольтер! Они тебе вреда не нанесут* (Ф.И. Тютчев. Пускай от зависти...). Прономинант *аристарх* употребляется редко. Он отмечен в русской поэзии 19 века и в публицистике того же периода, например: *У самих французов нередко раздаются странные кривые толки аристархов об их национальном поэте [Беранже]* (Н.А. Добролюбов. Песни Беранже).

Обратимся к семантике прономинантов *зоил* и *аристарх*. В специальной литературе нам встретилось мнение о том, что первый обозначает недоброжелательного, а второй – благожелательного критика [Максимов, Помирчий, 1975, с.578]. Относительно прономинанта *зоил* данная трактовка представляется нам бесспорной. Вот примеры, подтверждающие ее: *Что ж было для тебя наградой, Торкват, / За песни стройные! Зоилов острый яд* (К.Н. Батюшков. К Тассу); *Хоть тысячу зоил пасквилей напиши, / Не вероломным свет хулителя признает, / Но злым завистником иль попросту глупцом* (В.А. Жуковский. Послание к кн. Вяземскому и В.Л. Пушкину). Что касается прономинанта *аристарх*, то примеры нашей картотеки опровергают вышеупомянутое мнение: *Теперь смешно читать нападки тогдашних аристархов на Пушкина – так они мелки, ничтожны и жалки* (В.Г. Белинский. Статьи о Пушкине); *Пусть юный наш Поэт, / Известный сочинитель, / Мой Аристарх,*

гонитель, /Стихи мои прочтет, /В сатиру их внесет (В.Л. Пушкин. К Д.В. Дашкову); *Помилуй, трезвый Аристарх /Моих бахических посланий, /Не осуждай моих мечтаний /И чувства в ветреных стихах... /Но знаешь ли, о мой гонитель, /Как я беседую с тобой?* (А.С. Пушкин. Моему Аристарху). Отметим, что наш вывод совпадает с данными БАСа [БАС, т. 1, с. 223]. Таким образом, обе рассматриваемые единицы имеют значение 'суровый, недоброжелательный, беспощадный, придирчивый критик'. Прономинанты *зоил* и *Аристарх* не имеют стилистических и семантических различий и различаются только степенью употребительности. По нашему мнению, слово *зоил* более частотно потому, что оно, благодаря своей краткости и благозвучности (отсутствие скоплений согласных, наличие только звонких согласных), уместнее в поэзии, чем слово *Аристарх*.

Окказиональный прономинант *Лабомель* встретился нам в стихотворении В.Л. Пушкина «А.С. Пушкину». *Московским Лабомелем* поэт назвал Н.А. Полевого, критика, который обвинял А.С. Пушкина в подражании литературным предшественникам. В стихотворении, обращенном к своему гениальному племяннику, поэт писал: *Пусть бесится, ворчит московский Лабомель: /Не оставляй свою прелестную свирель! /Пустые критики достоинств не умалят; /Жуковский, Дмитриев тебя и чтут, и хвалят...* Подчеркнутые слова помогают выявить семантику прономинанта *Лабомель* – 'недоброжелательный критик'. Таким образом, данный прономинант отличается от доминанты *критик* стилистически и семантически.

Прониминант *Белинский* зафиксирован в современной публицистике, например: *Сто пятьдесят лет назад в Англии не нашлось своего Белинского, который назвал бы роман «Джейн Эйр» энциклопедией английской жизни* (Телепередача); семантических различий с доминантой не выявлено (ср.: *В Англии не нашлось критика*).

Прониминанты *Пиндар*, *Тиртей* и *Торквато*, синонимичные слову *поэт* зафиксированы в русской поэзии 19 века. (*Пиндар* (522–442 до н.э.) – древнегреческий поэт, *Тиртей* (2-я пол. 7 века до н.э.) – древнегреческий поэт, *Торквато Тассо* (1544–1595) – итальянский поэт).

Приведем примеры употребления прономинанта *Пиндар*. *Отечество люблю, язык я русский знаю; /Но Тредьяковского с Расином не равняю – /И Пиндар наших дней тем слогом не писал, /Каким Боян в свой век героев воспевал.* (В.Л. Пушкин. К В.А. Жуковскому). *Пиндаром наших дней* поэт назвал М.В. Ломоносова. По нашему мнению, рассматриваемый прономинант употреблен в значении 'талантливый поэт', так как эпитет *талантливый* можно применить и к Ломоносову, и к Пиндару (возможна также субституция, ср.: *талантливый поэт тем слогом не писал*). *Близ Колы пасмурной, среди диких рыбаков /В трудах воспитанный, уже от юных дней, /Наш Пиндар чувствовал сей пламень потаенный* (К.Н. Батюшков. Послание к И.М. Муравьеву). Здесь прономинант *Пиндар* также употреблен применительно к М.В. Ломоносову в значении 'талантливый поэт' (ср.: *уже от юных дней наш талантливый поэт чувствовал сей пламень потаенный*). *И где пленяешь нас не громом пухлых фраз /И не знобящим жаром, /Лирическим угаром /Пиндаров наших дней!* (П.А. Вяземский. К Батюшкову). В данном примере

рассматриваемая единица используется в значении 'бездарный поэт', что подтверждают подчеркнутые фрагменты.

Произведенный анализ показал, что прономинант *Пиндар* может употребляться в противоположных значениях ('талантливый поэт' – 'бездарный поэт'), что, как нам представляется, позволяет говорить об отсутствии семантических различий между ним и словом *поэт*. Таким образом, рассматриваемый прономинант, функционирующий в поэтической речи, является стилистическим синонимом слова *поэт*, имеющего межстилевой характер.

Прономинант *Тиртей* употребил П.А. Вяземский в стихотворении «Тиртею славян»: *Обвей свою ты кипарисом лиру, /Тиртей славян!* Поэт назвал *Тиртеем славян* В.А. Жуковского, имея в виду его стихотворение «Певец во стане русских воинов», написанное в 1812 году в военном лагере под Тарутином. Дело в том, что древнегреческий поэт известен тем, что поднимал своими песнями боевой дух спартанцев во время второй Мессенской войны. Очевидно, П.А. Вяземский считал, что В.А. Жуковский своим стихотворением оказывает на русских воинов такое же влияние. Таким образом, прономинант *Тиртей* употреблен в значении 'поэт-вдохновитель'.

У П.А. Вяземского в стихотворении «Kennst du das Land?» встретился также прономинант *Торквато*: *Там царствует богиня молодая, /Чужих небес прекрасная звезда! /В полночное созвездье закатившись, /Светло возшла над русскою землей, /И, с звездною семьею породнившись, /Она горит нам прелестью родной! /Туда, туда, Жуковский – наш Торквато!* По нашему мнению, прономинант *Торквато* употреблен в значении 'талантливый поэт'. К данному выводу мы пришли исходя из того, что Торквато Тассо был именно таким поэтом.

Прономинанты *Тиртей* и *Торквато* отличаются от доминанты как в семантическом, так и в стилистическом плане, потому что все они функционируют в поэтической речи, тогда как слово *поэт* стилистически не маркировано.

Значительное количество прономинантов, обозначающих субъектов различного рода литературной деятельности, не вошли в систему языка и не образовали устойчивых синонимических рядов или пар. Наш материал изобилует примерами подобных окказиональных единиц, встречающихся преимущественно в русской поэзии 19 века.

Список литературы

1. Квятковский, А. П. Поэтический словарь / А. П. Квятковский. – М., 1966.
2. Максимов, Д. Е. Примечания / Д. Е. Максимов, Р. Е. Помирчий // Брюсов, В. Я. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 6 / В. Я. Брюсов. – М., 1975.
3. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. – М., 1996.
4. БАС = Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. – М. ; Л., 1948–1965.

Секция
ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА РЕГИОНА

Н.И. Ершова
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева
(Саранск, Россия)

**ЯВЛЕНИЕ СИНОНИМИИ У ДИАЛЕКТНЫХ НАЗВАНИЙ ЛИЦ
ПО РОДСТВЕННЫМ ОТНОШЕНИЯМ
В РУССКИХ ГОВОРАХ МОРДОВИИ**

Статья посвящена анализу синонимических отношений в русских говорах Мордовии. Предметом рассмотрения являются диалектные названия лиц по родственным отношениям. Характеризуются отдельные группы синонимов, представленных анализируемыми словоформами, выявляется специфика явления синонимии в русских говорах Мордовии по сравнению с аналогичным явлением в литературном языке.

В русских говорах Мордовии наблюдается многообразие синонимов, представленных диалектными названиями лиц по родственным отношениям. С учетом различий в значении и эмоционально-экспрессивной окраске можно выделить следующие группы синонимов – диалектных наименований родства:

1. Абсолютные синонимы, или дублеты. Они не имеют ни семантических, ни стилистических различий. Так, абсолютными синонимами являются слова типа *погонюшка* и *погонялка* (= родственница невесты, сопровождающая ее в церковь и в дом жениха) [По праву руку невесты садилась *погонюшка* (Сиалеевский Майдан, Инсарский район); *Погонялка* бывало не отходит от невесты, пока венчают, все время с ней в церкви (Лаврентьево, Темниковский район)]; *батяка*, *тятек*, *тятека*, *тятяка* и *тятяка* (= отец) [*Батяками* звали раньше отцов-то (Хилково, Торбеевский район); *Тятека* мой строгий был, на улицу редко пускал (Решетино, Торбеевский район)]; *мнучок*, *мнучонок*, *отрок* и *унучек* (= внук) [*Мнучаты* – ти приехали, привезли всяких продуктов на поминки-ти (Суподеевка, Ардатовский район); *Отроки*-то наши, внучата, значит, теперь уж и не видят зайцев (Русские Дубровки, Атяшевский район)].

2. Семантические синонимы. Они различаются оттенками значения: *приемка* (= приемная дочь) и *девушка* (= дочь) [У нее детей не было, а с ней *приемка* жила, такая хорошая девка (Лесной, Большеигнатовский район); У Маньки-то сын был, а теперь девушка родилась, волосенки беленькие, Танюшкой *девушку* называли (Дмитриев Усад, Атюрьевский район)]. Как видим, лексические значения слов *приемка* и *девушка* включают в себя общую сему 'дочь'. Однако диалектный синоним *приемка* содержит дополнительный семантический компонент 'приемная'.

К семантическим синонимам относятся также диалектные наименования лиц по родственным отношениям *невестка* (= старшая сноха) и *молодайка* (= сноха) [Мы со своей *молодаикой* очень хорошо живем (Карпеловка,

Торбеевский район); У меня три снохи, старшую *невесткой* зовем (Нижняя Вязера, Инсарский район)]. Подчеркнем, что диалектные синонимы *невестка* и *молодайка* объединяются общей семьей 'сноха', но лексическое значение диалектизма *невестка* включает в себя дополнительный семантический компонент 'старшая'.

3. Стилистические синонимы. Они различаются эмоционально-стилистической окраской. Так, диалектные наименования лиц по родственным отношениям *отродыш* [Одна у меня дочка, а больше не было у меня *отродышев* (Ямщина, Инсарский район)]; *дите* (в первом значении) [Сноха не работает: грудное *дите* у нее (Саловка, Лямбирский район)], *палишок* [Он у нас еще *палишок* (Заречная Лосевка, Краснослободский район)], *приколдыш* [Нечего на других показывать, за своим *приколдышем* бы глядела (Говорово, Старошайговский район)], *робенок* [Мотри не обвари *робенка* кипятком-то (Суподеевка, Ардатовский район)], *чалдон* [Собрала своих *чалдонов* и в Среднюю Азию поехала (Слободские Дубровки, Краснослободский район)], *шпулька* [Я тогда еще *шпулька* была (Пушкино, Ромодановский район)] выступают в одинаковом значении «ребенок». Однако слово *приколдыш* дается в «Словаре русских говоров на территории Мордовской АССР» с пометкой «экспр.». Остальные диалектные синонимы характеризуются нейтральной окраской [см.: Блинова, 1973, с.154].

Следует отметить, что стилистических синонимов среди диалектных названий лиц по родственным отношениям в русских говорах Мордовии практически не наблюдается. Что же касается семантико-стилистических синонимов, различающихся оттенками значения и эмоционально-экспрессивной окраской, то они, по-видимому, вообще не представлены.

Анализируя синонимы родства в русских говорах Мордовии, надо сказать, что система диалектных наименований лиц по родственным отношениям значительно разнообразнее, чем в литературном языке, поскольку в диалектизмах отражаются очень тонкие семантические различия. Прежде всего, это касается слов так называемого свойства, то есть диалектизмов, называющих лиц по их отношениям близости, в частности их семейным отношениям, возникающим в результате брачного союза [см.: Маркина, Немова, 1999, с.55].

Большая часть этих слов образует соответствующие синонимические ряды и имеет литературные эквиваленты. Так, литературному слову *муж* соответствуют такие диалектные синонимические названия, как *друг*, *подружеский* (= муж, супруг), *керя* (= 2. Муж), *надомник*, *примак* (= муж, живущий в доме родителей жены), *чебухан* (= послушный муж). Напр.: А вот и мой *подружеский* пришел (Грибоедово, Кочкуровский район); *Примак* с дочерью, своих три сына, мы со старухой – вот и семья наша (Кулишейка, Рузаевский район); *Керя* у меня второй, первый помер (Наченалы, Чамзинский район); *Чебухан*-то мой слова мне против не говорит (Лада, Ичалковский район).

Как видим, в этом синонимическом ряду представлены две группы абсолютных синонимов. В первую группу входят *друг, подружьевные* (= муж, супруг), во вторую – *примак, надомник* (= муж, живущий в доме родителей жены). Эти группы абсолютных синонимов являются семантическими по отношению друг к другу и к другим членам этого синонимического ряда: *керы* (=2. Муж) и *чебухан* (= послушный муж).

Литературному слову *жена* соответствует следующий синонимический ряд диалектных эквивалентов: *баба, жененка, потешная, таерька* (= жена). Напр.: *Жененка* у него хорошая, позавидовать можно (Болотино, Ромодановский район); *А баба-то* у него уехала на родину (Ташкино, Ичалковский район); *Потешная* моя померла (Кользиваново, Краснослободский район). Ясно, что все синонимы являются абсолютными, поскольку их смысловая структура содержит ядерную сему 'жена' и не включает дифференциальных семантических компонентов.

Кроме диалектных названий лиц свойственного родства в русских говорах Мордовии широко распространены наименования лиц по кровному родству, которые, в свою очередь, также образуют синонимические ряды. Например, общеупотребительному «мать» в диалектах соответствуют: *мамока, мамака, мамонька, матья, сударка* (= женщина по отношению к ее детям, мать). Напр.: Мы приехали сюда, потому что *мамака* хотела (Мельцаны, Старошайговский район); *Матья* моя была броская до работы (Башкирцы, Теньгушевский район); Моя *сударка* с утра в поля ушла (Киржеманы, Большеигнатовский район).

Как видим, данный синонимический ряд включает в себя абсолютные синонимы *мамака, мамока, мамонька, матья, сударка*, выступающие в значении «женщина по отношению к ее детям, мать».

Следует подчеркнуть, что отличительной чертой диалектной синонимии является наличие словообразовательных синонимов – однокоренных слов, имеющих одинаковое значение и различающихся аффиксами [Сороколетов, 1978, с.16–17]. Словообразовательные синонимы, представленные наименованиями лиц по родственным отношениям, функционируют и в русских говорах Мордовии. Так, литературному слову *бабушка* соответствуют диалектные названия кровного родства *бабака* и *бабаня*. Эти синонимы имеют одно значение «мать отца или матери», но различаются суффиксами: *баб-ак-а, баб-ан-я*. Напр.: К нашей *бабаке* сходи, она много знает (Пельцо, Ковылкинский район); Которые внучки зовут *бабаня*, которые – бабка (Лыковщина, Ромодановский район).

Аналогично дело обстоит с диалектизмами *мнучок* и *мнучонок*, имеющими общее значение «сын дочери или сына», но разные суффиксы: *-ок* и *-онок*. Напр.: *Мнучок* сегодня набедовал тут (Константиновка, Ромодановский район); *Мнучонка* давно не видала (Сосновое, Ардатовский район).

Реже в русских говорах Мордовии наблюдаются словообразовательные синонимы – названия лиц по родственным отношениям, которые различаются префиксами. К ним относятся, например, диалектные слова *выгулыши* и *нагулыши*

(= внебрачный ребенок), например: Нюра-то *нагулыша* из деревни привезла (Резоватово, Ичалковский район); Да у него нет отца, он *выгулыш* (Старая Федоровка, Старошайговский район).

Синонимия тесно связана с полисемией благодаря тому, что многозначное слово в разных своих значениях (вариантах) бывает членом разных синонимических рядов [см.: Русская диалектология, 1989, с.171]. Например, слово *леля* в русских говорах на территории Мордовии входит в три синонимических ряда: I. *Няня* (в 1-м значении), *нянека*, *нянька* (в 1-м значении), *няшка*, *тетека*, *тетяка* (= сестра отца или матери); II. *Няня* (во 2-м значении), *нянька* (во 2-м значении), *няняка*, *тетяка* (= старшая сестра); III. *Лелька*, *леленька*, *лелека*, *кока*, *хрестна* (= крестная мать).

Таким образом, синонимы среди названий лиц по родственным отношениям в русских говорах Мордовии значительно распространены. Они являются абсолютными, семантическими и стилистическими. Семантико-стилистических синонимов, представленных диалектными наименованиями родства, по-видимому, не наблюдается. В рассматриваемой семантической группе чаще всего встречаются названия лиц по родственным отношениям, выступающие в качестве абсолютных и словообразовательных синонимов. Их обилие отличает диалектную синонимию от аналогичного явления в литературном языке.

Список литературы

1. Блинова, О. И. Введение в современную региональную лексикологию / О. И. Блинова. – Томск, 1973.
2. Маркина, Л. В. Термины свойства в русских говорах на территории современной Мордовии / Л. В. Маркин, И. В. Немова // Филол. заметки. – 1999. – Вып. 6. – С. 55–57.
3. Русская диалектология / под ред. Л. Л. Касаткина. – М., 1989.
4. Сороколетов, Ф. П. К вопросу о системных отношениях в лексике народных говоров / Ф. П. Сороколетов // Диалектная лексика, 1975. – Л., 1978.

Л.Н. Денисова

**Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева
(Саранск, Россия)**

СТРУКТУРНЫЕ И АСПЕКТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТНЫХ ГЛАГОЛОВ АТТЕНУАТИВНОГО СПОСОБА ДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ГОВОРОВ МОРДОВИИ)

Анализируются диалектные глаголы аттенуативного способа действия в русских говорах Мордовии в их взаимодействии с категорией вида и дополнительными неглагольными показателями аспектуальности. Исследуется процесс образования и функционирования диалектных глаголов указанного способа действия.

Несмотря на длительную традицию и известные достижения в изучении категории вида и способов глагольного действия, единого мнения по вопросу о

критериях выделения, сущности и объеме акциональных разрядов глаголов не существует. Исследования проводились в большинстве случаев на материале русского литературного и других славянских языков (польского, болгарского и т. д.). В настоящее время внимание исследователей привлекают способы действия диалектных глаголов, причем не только в славянских языках [Болсуновская, 1998; Шаламова, 2001 и др.]. В разных языках обнаруживаются различные средства выражения того или иного способа действия.

Недостаточно изученным представляется аттенуативный (смягчительный) способ действия, обозначающий ослабленную, неполную степень проявления результативного действия. Исследователи выделяют разные морфологические средства выражения аттенуативного значения, лексический состав и типы аттенуативных глаголов [Шелякин, 1966, с.110–121]. К данному способу действия в русском литературном языке обычно относятся глаголы с приставками *над-* (*надломить*, *надпороть* и т. п.); *под-* (*подкрасить* и т. п.); *при-* (*примять*, *припудрить* и т. п.); *на-* [*напеть* (*песню*) и т. п.]; *за-* (*замыть*, *застирать* и т. п.).

В русских говорах на территории Мордовии основным выразителем аттенуативного способа действия являются диалектные глаголы с приставками *под-* и *при-*, передающими ослабленный характер глагольного действия в степени его проявления: *подпыжѣть* (≈ '*припугнуть*'), *призастѣть* (≈ '*приостановиться*'), *пришлѣпнуть* (≈ '*примять*'), *пригунуть* [≈ '*притихнуть* (*о боли*)'] и т. п. Напр.: *Евгения, чай, пѣтпыжѣли, штоб на улыцу носъ ни показывѣл* (Суподеевка, Ардатовский р-н) (≈ '*припугнули*'); *У миня с робенкѣмъ тѣ фсе дела призастѣли, ничово делѣть нельзя* (Суподеевка, Ардатовский р-н) (≈ '*приостановились*').

Аттенуативные диалектные глаголы могут входить в синонимические ряды, представленные следующими лексико-семантическими группами: 1) глаголы речевого общения вроде *подфальшитъ*, *подъелдыкнутъ*, *подскрылѣть* (*подскрыльнѣть*) и т. п. с общим значением '*подшутить над кем-либо*'; 2) глаголы скрытия типа *прижѣхнутъ*, *причѣкнутъ* (*причѣхнутъ*), *пришлѣпнуться* и т. п. со значением '*притихнуть, притаиться, присмиреть*' и др. В большинстве случаев глаголы с рассматриваемой семантикой не имеют соответствующих бесприставочных глаголов, а значение аттенуативности префиксального глагола выявляется только в контексте, например: *Глянѣ, а малыи прижѣхли ф траве, штоб ни заметили их* (Каменный Брод, Ельниковский р-н) (≈ '*притихли, притаились*'); *Он так-ту уш был ростроинный, дѣ она над нем ишчо пѣдъялдыкнулѣ, он ы зачѣл йирепеницѣ* (Суподеевка, Ардатовский р-н) (≈ '*подшутила*').

Иногда диалектные глаголы с аттенуативным значением образуются от соответствующих бесприставочных глаголов при помощи приставок *при-* и *под-* типа *подкалѣть* (≈ '*подсушить в печке или на солнце*') ← *калѣть* (≈ '*сушить в печке ли на солнце*'), *припыжѣть*, *подпыжѣть* (≈ '*припугнуть*') ← *пыжѣть* (≈ '*пугать*') и т. п., например: *Фчорась я им пѣткалѣлѣ зерны-ти, оне их весь день грызли* (Суподеевка, Ардатовский р-н) (≈ '*подсушила*');

Припыжы́-къ маленькъ их, а то больнь азаруют (Кочелаево, Ковылкинский р-н) (≈ 'припугни').

В единичных случаях диалектные глаголы аттенуативного способа действия образуются при помощи приставки *над-* (*надти́хнуть* ← *тихнуть*), что дает основание усматривать явление диалектной вариантности в случаях типа *надтихнуть* – *притихнуть*, например: *Утрѣм пѣзимелиць вроди натти́хль, а к вецыру апятъ пѣнясла* (Старая Федоровка, Старошайговский р-н) (≈ 'притихла, утихла на какое-то время').

Оттенок аттенуативного значения может быть обнаружен у некоторых диалектных глаголов с приставкой *по-* типа *побалакать* (*побалкать*), *побулю́кать*, *повара́кать* *пожам́кать*, *пожва́кать* *пожма́кать*, *пожмы́хать*, *покулемкать*, *пошмы́гать* и т. п. с общим значением 'выстирать небрежно, наспех, кое-как'; *повозю́кать*, *поволта́жить* и т. п. с общим значением ≈ 'вымыть небрежно, наспех, кое-как'; *покури́ть* со значением 'немного протопить' и т. п. Заметим, в русском литературном языке приставка *по-* нередко вносит в исходный бесприставочный глагол значение ограничения действия во времени (ср. *почитать*).

Диалектные глаголы рассматриваемого типа выражают ослабленную степень проявления действия и указывают на его ограниченность во времени. Аттенуативность глаголов возникает здесь при сочетании результативного значения основы с ограничительным значением префикса *по-*. Кроме того, такие глаголы часто употребляются в сочетании с наречиями, передающими ослабленную степень проявления действия типа *немного*, *слегка* и т. п., например: *Стирать хѣрашо силоф нет, билѣе нимногъ пѣбала́кью, и ладнѣ* (Атемар, Лямбирский р-н) (≈ 'выстираю кое-как, слегка'); *Пѣваракѣт нимногъ билѣе-тъ и з грязью вешѣт* (Новая Александровка, Большеигнатовский р-н) (≈ 'выстирает небрежно, кое-как'); *Кой-как пѣкулемкѣль белье-тъ ф тазу дѣ на прясль розвесиль* (Суподеевка, Ардатовский р-н) (≈ 'выстирала кое-как'); *В ызбе сталь типло, маленькъ пѣкури́ли* (Кользиваново, Краснослободский р-н) (≈ 'протопили').

В последнее время значительно возрос интерес исследователей к проблеме функционирования видов в диалектной речи [Ровнова, 1997; Моисеева, 1999; Закревская, 2002; Ремчукова, 2004 и др.]. Исследователи отмечают своеобразие функционирования категории вида в разных типах контекста, выявляют специфику рассматриваемых форм глаголов, выражающих при этом одни и те же частные значения СВ и НСВ.

В русских говорах Мордовии диалектные глаголы с аттенуативным значением редко образуют видовые пары: *поддеклéшить* (СВ) – *поддеклéшивать* (НСВ) (≈ 'приподнять/приподнимать'), например: *Куды ты сыстѣль пѣддеклéшывьши на вилы-ти, вить ни подаш на стог-ѣт* (Суподеевка, Ардатовский р-н) (≈ 'приподнимаешь'); *Уйди з дароги-тъ, в то вон бык Митронѣф идет, врас тибя пѣддиклéшыт нѣ рага-тъ* (Кочелаево, Ковылкинский р-н) (≈ 'приподнимет').

Диалектные глаголы аттенуативного способа действия чаще всего выступают в конкретно-фактической функции СВ. Действие передается как конкретный, единичный факт. Напр.: *Как ты уехъл, рѣзболелся жолудѣк, ну тепери вроди **немногъ пригѣнул*** (Суподеевка, Ардатовский р-н) (≈ 'притихла боль'); *Сложыли копейку для продажы, а собакѣ залезлъ и **пришлюпнулъ** ее* (Суподеевка, Ардатовский р-н) (≈ 'примяла'). По наличию дополнительного модального признака выделяется потенциальная разновидность данной функции СВ, при этом глаголы могут употребляться с отрицанием, например: *Этъвъ чилавекѣ-тъ **ни пѣцскрылиш**, он тибя сам прѣсмиет* (Грачевник, Краснослободский р-н) (≈ 'не сможешь над ним подшутить').

Наглядно-примерная функция диалектных глаголов СВ характеризуется типизацией конкретного случая. Значение обычности исходит от окружающего контекста, например: *А у Иванъ уш привычка: яво хлебѣм ни карми, толькѣ нѣтъ чилавекѣм дай **пѣцскрылитъ*** (Карпеловка, Торбеевский р-н) (≈ 'подшутить'). Значение обычности в этом случае исходит от предыдущего контекста, передающего характерные особенности субъекта.

Диалектные глаголы аттенуативного СД иногда выступают в конкретно-процессном значении НСВ. Действие представляется как не ограниченный пределом процесс, например: *Куды ты сыстѣлъ **пѣддеклѣшывѣш** на вилы-ти, вить ни подаш на стог-ѣт* (Суподеевка, Ардатовский р-н) (≈ 'приподнимаешь'). Диалектные глаголы НСВ с аттенуативным значением не участвуют в передаче повторяющихся действий, так как в этом случае они характеризуются оттенками прерывистой кратности действия и неполноты его проявления. Глаголы с указанной характеристикой представляют в большей степени прерывисто-смягчительный способ действия. Ср.: *Я над нем **пѣдьялдыкѣвъю**, а он злицѣ.* *Несколь шутѣк не пѣнимат* (Суподеевка, Ардатовский р-н) (≈ 'подшучиваю').

Из всего вышесказанного следует, что диалектные глаголы аттенуативного способа действия образуются от исходных бесприставочных глаголов при помощи приставок *при-* и *под-*, в единичных случаях – *над-*. Однако в большинстве случаев аттенуативные глаголы не имеют соотносительных производящих диалектных глаголов, семантическим центром слова в этом случае является префикс, аттенуативное значение глагола выявляется только в контексте. Акциональная смысловая структура некоторых глаголов имеет синкретичную природу.

Список литературы

1. Болсуновская, Л. М. Способы глагольного действия в диалектах селькупского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. М. Болсуновская. – Новосибирск, 1998. – 25 с.
2. Закревская, В. А. Употребление приставочных глаголов совершенного и несовершенного видов в диалектной речи (на материале архангельских народных говоров) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. А. Закревская. – М., 2002. – 24 с.
3. Моисеева, Л. С. Категория вида русского глагола в говорах Тамбовской области : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. С. Моисеева. – Тамбов, 1999. – 24 с.
4. Ремчукова, Е. Н. «Потенциальная имперфективация» в разных типах современной русской речи / Е. Н. Ремчукова // Тр. аспектолог. семинара филол. фак. МГУ им. М.В.Ломоносова. – М., 2004. – Т. 4. – С. 124–146.

5. Ровнова, О. Г. Современные русские говоры в аспектологическом плане / О. Г. Ровнова // Тр. аспектолог. семинара филол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1997. – Т. 3. – С. 169–179.

6. Шаламова, Н. Н. Выражение способов действия в вах-васюганском диалекте хантыйского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Н. Шаламова. – Йошкар-Ола, 2001. – 18 с.

7. Шелякин М. А. Приставочные глаголы с аттенуативным значением в русском языке / М. А. Шелякин // Науч. докл. высш. шк. филол. науки. – 1966. – № 4. – С. 110–121.

А.Ю. Рыженко

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОЙКОНИМОВ В РЕГИОНАЛЬНЫХ НЕХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ XIX – НАЧАЛА XX вв. *

В статье на основе анализа функционирования ойконимов в региональных нехудожественных текстах XIX – начала XX века делается вывод о том, что коммуникативная установка на номинативную точность и строгость изложения обуславливает преобладание в корпусе исследуемых единиц прямого значения названий населенных пунктов.

Названия населенных пунктов, набор которых специфичен для каждой территории, участвуют в формировании экстра- и интралингвистического своеобразия коммуникативного пространства региона. Многоаспектный анализ ойконимов является одним из элементов выявления языковой специфики локально ограниченной территории.

Лингвистическое изучение региона включает в себя в том числе описание семантико-смысловых и функциональных параметров различных лингвистических единиц [Тупикова, 2008, с. 186], среди которых можно указать и топонимы, в связи с чем приобретает актуальность соответствующий анализ географических названий Волгоградской области.

Топонимия региона активно исследуется в работах Е.В. Брысиной, И.Г. Долгачева, Д.Ю. Ильина, Р.И. Кудряшовой, И.В. Крюковой, В.И. Супруна и др., однако исчерпывающее представление об употреблении ойконимов в разновременных текстах отсутствует.

Материалом исследования послужили документы Государственного архива Волгоградской области (ГАВО), краеведческие и статистические описания данной территории, относящиеся к XIX – началу XX вв., периодического издания «Царицынский вестник». Источниковая база отражает многообразие названий населенных пунктов региона и позволяет выявить специфику употребления ойконимов в нехудожественных текстах указанного периода, в которых элиминированы элементы субъективного авторского

* Статья написана при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013» (Госконтракт № 02.740.11.0367).

отношения к описываемым явлениям. За единицу наблюдения принимается топоним в рамках высказывания, равного предложению.

Установка на однозначность восприятия нехудожественного текста [Валгина, 2004, с. 114] обуславливает номинативную точность и известную строгость изложения сведений в указанных источниках материала. Семантика лексических единиц раскрывается преимущественно в рамках, заданных этим критерием. Применительно к названиям населенных пунктов коммуникативная установка рассматриваемых текстов, нацеленная на точность и строгость изложения информации, находит выражение в использовании ойконимов в прямом номинативном значении (99 % единиц), например: *Весь уездъ подразделенъ на два участка; одинъ изъ врачей живетъ въ **Камышине**, другой въ к. **Каменке***¹ [Постановления, 1868, с. 27]. В данном высказывании топонимы являются собственными именами уникальных географических объектов, населенных пунктов определенного статуса: уездного города Камышин и колонии Каменка. Сочетание ойконимов с пространственным предлогом *въ* и глаголом *жить*, имеющим значение «пребывать где, обитать, иметь жилище, пребывание» [Даль, 1978, т. 1, с. 544], корреспондирует прямому номинативному значению онимов и позволяет квалифицировать их как названия поселений. Таким образом, в анализируемом высказывании референтно-сигнификативные компоненты семантики топонимов представлены в нетрансформированном виде, что позволяет осуществлять реализацию только категориальных функций ойконимов: номинативной, индивидуализирующей, адресной, пространственно-организующей, дифференцирующей, идентифицирующей.

Задача точной передачи информации определяет статус переносных значений топонимов как отклонения от номинативной точности. Актуализация отношений полисемии – категориальная семантическая трансформация ойконимов – нехарактерна для анализируемых высказываний, поскольку нарушает номинативную точность имен собственных. Использование в тексте географических названий в непрямом значении можно приравнять к единичным, случайным, несистемным для данного периода текстовым явлениям, снижающим коммуникативную определенность высказывания.

Реализация частных семантических трансформаций, обусловленных традициями употребления того или иного топонима как языкового знака, элемента высказывания и вербального отражения референта, также имеет определенную специфику проявления в корпусе проанализированных единиц.

Синтагматически обусловленные трансформации, определяющиеся взаимодействием ойконима с другими элементами высказывания, для каждого конкретного названия в нехудожественных текстах начала XIX – XX вв. актуализируются редко, что не позволяет рассматривать их в качестве регулярных компонентов значения топонима, например: *Пугачевъ предпринималъ регулярную осаду города **Царицына**, но жители, вспоможествуемые Саратовскимъ гарнизономъ и отрядомъ Михельсона, выдержали ее такъ, какъ должно вернымъ сынамъ отечества* [Леопольдов, 1839, с. 57]. Сочетание названия города с лексемой *осада*

коррелирует семантической трансформации онима, связанной с Пугачевским восстанием, осадой Царицына бунтовщиками, верностью Отечеству и монарху, однако появление подобного компонента значения происходит нечасто и не приобретает символического характера. Трансформации указанного типа не снижают коммуникативной определенности элементов предложения, способствуют достижению цели высказывания – передаче информации о событиях, имевших место в данном населенном пункте и его окрестностях.

Актуализация отношений синонимии противоречит требованию номинативной точности, в связи с чем соответствующий семантический компонент нерелевантен для анализируемых единиц. Употребление перифрастических наименований отсутствует, при необходимости повторного употребления название дублируется, например: *...доплывши съ онымъ до города Камышина благополучно поставили ту посуду настрешне реки волги противу города Камышина* [Камышинский, 1841–1842, с. 79]. Структура «ономастический маркер + ойконим» используется дважды в неизменном виде – *город Камышинъ*. Восстановление синонимических отношений топонима с другими лексическими единицами не требуется, и возможность ошибочной идентификации локуса, обозначенного в данном высказывании, сведена к минимуму.

Прямое номинативное значение ойконимов не предполагает их противопоставления по каким-либо экстралингвистическим признакам, поэтому актуализации антонимического компонента семантики в корпусе проанализированных единиц не происходит.

Явление языковой игры, осознаваемое как отклонение от языкового стандарта [Гридина, 1996, с. 9], также не допускается в нехудожественных текстах XIX – начала XX в., поскольку творчество и эксперимент противоречат коммуникативным задачам авторов. Преднамеренная актуализация парадигматического компонента значения ойконимов наблюдается в высказываниях, где автор предпринимает попытку реконструировать этимологию названия, например: *Прежде, онъ [Камышин. – А. Р.] назывался Дмитриевскъ, потому, что первобытные жители его были переходцы изъ города Дмитрова* [Леопольдов, 1839, с. 72]. Совпадение структурных компонентов и постулируемая в высказывании словообразовательная и мотивационная связь географических названий формирует омонимические отношения слов. В данном высказывании актуализация этих отношений не противоречит авторской интенции и способствует достижению цели высказывания – этимологизации топонима.

Несмотря на семантические ограничения, накладываемые коммуникативной установкой рассматриваемых текстов, возможна случайная активизация парадигматики онима, обусловленная присутствием в высказывании слов, структурные элементы которых омонимичны основе ойконима или ее части, например: *Маркою меня зовутъ дмитриевъ сынъ батаевъ Царицынскаго уезда деревни батаевки однодворецъ...* [Царицынский, 1824, с. 14]. Лексема *Батаевка* синтагматически связана с антропонимом

Батаевъ и воспринимается на его фоне. Хотя в данном высказывании предусматривается реализация прямого номинативного значения топонима, присутствие омонимичных слов вызывает их сопоставление и актуализацию парадигматических связей.

Прагматические компоненты семантики ойконима не находят отражения в корпусе проанализированных единиц: стремление к объективности высказывания устраняет возможность выражения эмоционально-оценочного отношения к географическому названию; лингвистические указания на официальный или неофициальный характер топонима отсутствуют в тексте. При обозначении небольших поселений могут встречаться ряды из нескольких ойконимов, соотносящихся с одним географическим объектом, обычно в сопровождении лексемы *тожь*, например: ...[я] *изъявить желание быть определеннымъ царицынского уезда в селение новоникольское соляной ерикъ тожь...* [Царицынский, 1824, с. 27]. Подобные собственные имена не являются официальным и разговорным вариантами топонима, а отражают последнее и предыдущее названия населенного пункта в целях сохранения преемственности в учете и налогообложении землевладений [Поспелов, 2000, с. 12]. С лингвистической точки зрения использование нескольких ойконимов, относящихся к одному референту, способствует реализации идентифицирующей функции, определению онима как собственного имени определенного поселения.

Таким образом, коммуникативная установка на номинативную точность и строгость изложения обуславливает преобладание в корпусе проанализированных единиц прямого значения названий населенных пунктов. Региональные нехудожественные тексты XIX – начала XX в. демонстрируют близость семантической структуры ойконима к инварианту.

Примечание

¹ Здесь и далее используется упрощенная графика.

Список литературы

1. Валгина, Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2004.
2. Гридина, Т. А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явление языковой игры) : дис. ... д-ра филол. наук / Т. А. Гридина. – М., 1996.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1 / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1978.
4. Поспелов, Е. М. Историко-топонимический словарь России. Дореволюционный период / Е. М. Поспелов. – М. : Профиздат, 2000.
5. Тупикова, Н. А. Язык региона как объект научного исследования: задачи и перспективы / Н. А. Тупикова // Теоретические и лингводидактические проблемы исследования русского и других славянских языков : сб. науч. тр. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2008. – С. 185–197.

Источники

1. Камышинский городской магистрат. Т. 1. Переписка с управлением саратовского губернатора и решение магистрата о погибшем судне с товарами в р. Волге [1841–1842] // ГАВО. – Ф. 234. – Оп. 1. – Д. 45.
2. Леопольдов, А. Статистическое описание Саратовской губернии. В 2 ч. Ч. 2. – СПб. : Тип. Департамента внешней торговли, 1839.

3. Постановления Камышинского уездного земского собрания третьего созыва (с 5 по 12 октября 1867 г.). – Саратов : Тип. А. Считник и К^о, 1868.

4. Царицынский уездный суд. Дело по обвинению писаря З. Петрова в составлении фальшивых покормежных на получение паспортов [1824] // ГАВО. – Ф. И-240. – Оп. 1. – Д. 157.

А.Н. Банько

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

СПЕЦИФИКА ВЫРАЖЕНИЯ ПРАГМАТОНИМОВ В ТЕКСТАХ РЕКЛАМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ТОВАРОВ АВТОПРОИЗВОДСТВА)

В статье анализу подвергается использование зафиксированных в рекламных текстах центрального и регионального журналов прагматонимов, позиционирующих товары автомобильного производства. На основе комплексного описания экстралингвистических и внутриязыковых характеристик делается вывод о специфике выражения имен собственных в различных типах изданий.

Рекламный текст как особый тип медиатекста представляет особый интерес с точки зрения функционирования в нем прагматонимов. Особенности рекламного текста заключаются, во-первых, в том, что он в зависимости от целевой установки автора является поликодовым, полиадресатным, отмеченным, полным или неполным, клишированным или неклишированным, моно- или полисемантическим, моно- или полифункциональным, во-вторых, имеет множество каналов одновременной передачи одного и того же сообщения, содержит разные планы выражения (формальный, содержательный, функциональный), а также обладает вторичностью и производностью, и, наконец, в-третьих, обладает такими важными жанрово-стилистическими особенностями, как экспрессивность, расчет на запоминаемость, активное использование средств разговорного синтаксиса. В этой связи представляет интерес комплексное описание особенностей текстов рекламы в процессе создания уникального образа прагматонимов, размещенных в центральном журнале «Профиль» (далее – Проф.) и региональном издании «Журнал руководителя» (далее – Журн.).

Большинство рекламных модулей, опубликованных в журнале «Профиль», позиционируют новые автомобили таких мировых брендов, как «Mercedes-Benz», «AUDI», «BMW», «NISSAN», «CHEVROLET». Несмотря на иностранное происхождение, названия указанных торговых марок хорошо знакомы отечественному производителю и не нуждаются в переводе, что свидетельствует о языковой точности прагматонима.

При анализе рекламных модулей автомобилей указанных торговых марок была установлена ориентация прагматонимов, репрезентирующих товары автомобильного производства «Mercedes-Benz» и «BMW», к использованию определенного набора экстралингвистических и

внутриязыковых средств. Так, текстовое и визуальное наполнение рекламных модулей автомобилей марки «Mercedes-Benz» всегда построено на основе безапелляционной утвердительной модели с аргументированной и ассоциативной связью, например: «Mercedes-Benz». *Классический стиль. Спортивные детали. Е-Класс Premium Sport Edition* (Проф., № 9, 2008), «Mercedes-Benz» Viano. *Стабильный курс* (Проф., № 14, 2009). Четкое следование намеченной коммуникативной стратегии наблюдается в каждом текстовом элементе: от слогана до адресного блока.

Смысловой основой текста «Mercedes-Benz». *Классический стиль. Спортивные детали. Е-Класс Premium Sport Edition* выступает существительное *спорт* и его производные от этого субстантива: *кожаный спортивный руль, спортивные сиденья, спортивная подвеска... Эти и другие спортивные детали придают классическому бизнес-седану спортивную осанку и динамику. В конце концов, бизнес – это тоже спорт* (Проф., № 9, 2008). Толкование лексемы *спорт* как «физические упражнения (гимнастика, игры, борьба, туризм и т. п.), имеющие целью развитие и укрепление организма» [МАС-2, т. 4, с. 229] позволяет определить, что в описании преимуществ нового автомобиля компании «Mercedes-Benz» отражается его главное качество – стремление к физическому совершенству, силе, здоровью, тем самым у реципиента возникает прочный ассоциативный ряд здоровой, совершенной личности с рекламируемым товаром. Кроме того, высокая частотность употребления в достаточно лаконичном тексте единицы *спорт* свидетельствует о реализации стратегии навязывания главного преимущества прагматонима.

В рамках синтаксического уровня наблюдается, в основном, употребление номинативных предложений с целью обозначить преимущества рекламируемого продукта. Фрагментарность и одновременно большая емкость выражаемого содержания, рассчитанная на воображение и потенциальный опыт реципиента, позволяют подчеркнуть уникальные качества автомобилей марки «Mercedes-Benz». Эффект недосказанности создается употреблением в рекламном модуле многоточия. Тем самым подчеркивается отсутствие необходимости перечисления всех остальных преимуществ нового автомобиля.

Указанные экстралингвистические и внутриязыковые средства служат для реализации метонимического переноса: качества, присущие человеку (*спортивная осанка, классический стиль*), экстраполируются на неодушевленный предмет – автомобиль.

Аналогичное построение характерно и для другого рекламного модуля – «Mercedes-Benz» Viano. *Стабильный курс*. В данном случае смысловым центром выступает логическая связь существительных *отражение-стабильность-успех*, имеющая место в рекламной конструкции. При этом основное значение существительного *стабильность* «свойство по значению прилагательного *стабильный*», где *стабильный* – «постоянный, устойчивый, не изменяющийся» [МАС-2, т. 4, с. 243] и существительного *успех* – «положительный результат, удачное завершение чего-л.» [МАС-2, т. 4, с. 522]

реализуется в рамках текстового пространства: *«успех – понятие нематериальное. Однако есть вещи, которые могут быть его отражением. Viano «Mercedes-Бенц» в трех роскошных комплектациях – Business, Luxury и X-Clusive – ярчайший тому пример. Каждый из этих автомобилей поставляется с самым мощным в своем классе двигателем, обладает великолепной управляемостью, сочетает в себе представительский имидж и максимальный комфорт. Viano – не просто автомобиль. Это отражение вашей стабильности и вашего успеха»*.

Отличительной особенностью данного модуля является употребление оценочных прилагательных *роскошный, ярчайший, великолепный, представительский, максимальный, беспрецедентный*. Посредством языковой единицы «беспрецедентность», интерпретируемой как «не имеющий примера в прошлом; беспримерный, небывалый» [МАС-2, т. 1, с. 84], маркируется в тексте преимущества прагматонима, а товар представляет как не имеющий аналогов.

Лексический уровень рекламного модуля в меньшей степени представлен профессиональной лексикой: *управляемость* в значении «способность подчиняться управлению (о машинах, механизмах)» [МАС-2, т. 4, с. 506], *комплектация*, дефинируемая как «действие по значению глагола комплектовать» [МАС-2, т. 2, с. 85]. Употребление специальной лексики раскрывает авторский замысел сконцентрировать внимание реципиента не на технических особенностях рекламируемого продукта, а имиджевой характеристике – его статусе. В данном случае профессиональная лексика не доминирует над эмоциональной составляющей рекламного образа.

С синтаксической точки зрения модуль интересен использованием приема кольцевой композиции: *«успех – понятие нематериальное... Viano «Mercedes-Бенц». Держит курс на успех»*, что символизирует непрерывность описания лучших качеств автомобиля, концентрирует внимание реципиента на главном, что можно получить в результате приобретения машины, – успехе. С этой же целью рекламная конструкция представляет собой комплекс сложноподчиненных предложений, представляющих собой внутреннее организованное единство, которое выделяет главное преимущество автомобиля – успешность над второстепенными значениями.

В рекламном модуле «Новый Ford Focus виртуозное исполнение» (Журн., № 20, 2008) смысловым центром выступает прилагательное, образованное от существительного *виртуоз* в значении «артист, в совершенстве владеющий техникой своего искусства» [МАС-2, т. 1, с. 177]. Значение единицы *совершенство*, трактуемой как «полнота всех достоинств» [МАС-2, т. 4, с. 174], раскрывается в основном текстовом блоке.

Актуализирует качества нового автомобиля ряд качественных прилагательных *точный, безупречный*, которые являются неотъемлемыми составляющими создаваемого метонимического переноса «автомобиль – оркестр»: *«все детали и механизмы нового Ford Focus работают со слаженностью оркестра»*.

Необходимое эмоционально-оценочное значение придает и вводная конструкция: *«Неудивительно, что Ford Focus – самая покупаемая в России иномарка за последние 5 лет»* в значении «не вызывает удивления» [МАС-2, т. 2, с. 487]. Данная конструкция подтверждает уникальность рекламируемого образа, который признан потребителями.

Указанный рекламный модуль практически не включает профессионализмов, что говорит о стремлении автора разъяснить реципиенту преимущества прагматонима, сконцентрировав внимание на *совершенстве Ford Focus*.

В результате использования экстралингвистических и внутриязыковых средств рекламный модуль «Новый Ford Focus виртуозное исполнение» получает элегантность и изысканность. Именно на такого покупателя и рассчитан автомобиль.

В противоположность этому рекламный модуль «Ford Fusion для тех, кто не стоит на месте» (Журн., № 11, 2008) имеет динамику и необходимую точность благодаря употреблению профессиональной лексики и парцелированных конструкций.

Прагматической установкой рекламного модуля является утверждение *«каждый найдет в Ford Fusion то, что хочет»* и подтверждение высказывания: *«потому что Ford Fusion сочетает в себе лучшие качества автомобилей разных классов»*.

При этом перечисление преимуществ автомобиля, которые выступают в качестве доказательной базы: *компактный*, дефинируемый как «плотно расположенный, занимающий немного места» [МАС-2, т. 2, с. 84] и *маневренный* в значении «обладающий способностью быстро менять направление движения; подвижный» [МАС-2, т. 2, с. 225], *просвет*, обозначаемый в качестве «промежутка, свободного пространства между какими-либо близко расположенными предметами» [МАС-2, т. 3, с. 518], – тесно связано с практическим результатом использования автомобиля, который *«подарит чувство превосходства на дороге»*. Автор проецирует на реципиента характеристики автомобиля со степенью превосходства, что в итоге позволяет обладателю Ford Fusion быть *«всегда на высоте»*.

Аналогичная конструкция проецирования на реципиента определенного статуса присутствует и в рекламном модуле «Nissan Pathfinder вызывает уважение» (Журн., № 13, 2008). С помощью профессиональной лексики *система полного привода, бескаркасные стеклоочистители, лампы освещения порогов, система Bluetooth hands-free для мобильных телефонов* дается объяснение, почему автомобиль вызывает уважение.

Перечисление преимуществ представляет собой сложноподчиненное предложение, употребление которого вызвано стремлением максимально полно передать все оттенки статуса автомобиля: *«Nissan Pathfinder: подтверждение Вашего статуса»*.

Секция
ЯЗЫК И ТЕКСТ В ДИАХРОНИИ И СИНХРОНИИ

Т.П. Акимова

**Волгоградский государственный педагогический университет
(Волгоград, Россия)**

**ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ПОГОДА»
В РУССКОМ ЭПИСТОЛЯРНОМ ТЕКСТЕ**

Определены средства и способы вербализации концепта «Погода» в письмах классиков русской литературы XIX–XX веков, в том числе связанные с контекстуальным окружением анализируемой лексики, композицией текста, его содержанием; установлены особенности эпистолярного идиостиля В.П. Астафьева, связанные с репрезентацией данного концепта.

Рассмотрение языковых явлений сквозь призму культуры является одним из актуальнейших направлений современной лингвистики. В частности, практически любое культурно значимое понятие может получить статус концепта, а совокупность его репрезентаций считаться примерами его вербальной манифестации. В зависимости от материала, на базе которого проводится анализ средств и способов вербализации концептов, можно выделить несколько их разновидностей: 1) так или иначе зафиксированные в языке; 2) используемые в текстах определенной стилистической или жанровой разновидности; 3) представленные в речевых произведениях одного автора.

Изучение частных писем в русле лингвокультурологии предполагает выявление концептов, актуальных именно для эпистолярного текста, и определение особенностей их вербализации в анализируемом материале, в качестве которого нами избраны письма классиков русской литературы XIX–XX веков. Помимо установления общих закономерностей, обращение к эпистолярному наследию писателей, каждый из которых представляет собой авторитетную языковую личность и характеризуется высокой речевой культурой, но при этом имеет сложившиеся языковые предпочтения и ярко выраженный индивидуальный стиль изложения, позволяет выявить специфику реализации того или иного концепта в письмах конкретного автора, то есть, иначе говоря, охарактеризовать его эпистолярный идиостиль.

Высокая частотность слова *погода*, репрезентирующей одноименный концепт, в письмах русских писателей позволяет сделать вывод о том, что концепт «Погода» является частью концептосферы русского эпистолярного текста. Так, в 786 письмах А.С. Пушкина найдено 9 случаев употребления данной лексики, в 1076 письмах Л.Н. Толстого – 36 словоупотреблений, в 895 письмах А.П. Чехова – 150 словоупотреблений, в 1195 письмах М. Горького – 30 словоупотреблений, в 499 письмах М.А. Шолохова – 7 словоупотреблений, в 613 письмах В.П. Астафьева – 94 словоупотребления. Результаты количественных подсчетов позволяют определить место концепта «Погода» в

индивидуально-авторской эпистолярной концептосфере. Если представить ее в виде полевой модели, то в письмах А.П. Чехова и В.П. Астафьева данный концепт включается в ядерную зону, в письмах Л.Н. Толстого и М. Горького – в околоядерную, а в письмах А.С. Пушкина и М.А. Шолохова – в периферийную.

В подавляющем большинстве случаев лексема *погода* сопровождается в письмах определениями, выраженными прилагательными, лексическое разнообразие которых позволяет разделить их на следующие группы: 1) содержащие оценку: а) положительную: *хорошая, великолепная, восхитительная, дивная, дивнейшая, добрая, замечательная, изумительная, необыкновенная, непорядочная, отличная, очаровательная, превосходная, прекрасная, прелестная, славная, сносная, удивительная, чудесная, чудеснейшая, чудная*; б) отрицательную: *плохая, адская, аспидская, безнравственная, возмутительная, гнусная, дурная, идиотская, мерзкая, неважная, отвратительная, отчаянная, паршивенькая, подлая, поганая, препаскудная, противная, сволочная, скверная, сквернейшая, ужасная, ужаснейшая, унылая*; 2) указывающие на различные физические показатели: а) температуру воздуха: *жаркая, прохладная, свежая, теплая, холодная*; б) влажность воздуха: *гнилая, промозглая, сухая, сырая, дождливая*; в) наличие / отсутствие ветра: *ветреная, тихая*; г) особенности солнечного освещения: *облачная, пасмурная, солнечная, туманная, ясная*; 3) соотносящие погоду: а) со временем года / годом: *«високосная», весенняя, зимняя, летняя, осенняя, предзимняя*; б) с городом / регионом: *вологодская, питерская, сибирская*; 4) указывающие на деятельность / состояние, связанные с ней: *бессмысленная, бленорейная, грибная, квелая, писчая*.

Оценочные определения встречаются в письмах каждого из рассматриваемых авторов; высказывания с такими определениями обычно содержат информацию о том, какую погоду имеет в виду автор. Эти сведения могут быть переданы двумя способами: 1) посредством лексических единиц, указывающих на различные физические показатели, в рамках одного высказывания: *Погода нынче прелестная, жаркая* [Толстой, т. 19, с. 110]; *Погода плохая: ветер* [Чехов, т. 11, с. 97]; 2) посредством последующих высказываний, содержащих развернутое описание погоды: *Погода нехороша. Тает и ветрено, гудит день и ночь* [Толстой, т. 19, с. 9]. Характеристика погода как хорошей или плохой представляет собой одно из средств раскрытия языковой картины мира автора письма – индивидуальной или типизированной, присущей большинству носителей языка, ср.: *Очень хорошая здесь погода! Солнце, ясно, холодно! Хорошо!* [Горький, т. 28, с. 285]; *А тут еще погода моя, родная – мороз и солнце, действительно, чудесно* [Астафьев, с. 313].

Определения, соотносящие погоду с городом / регионом, появляются в нашем материале, начиная с писем М. Горького; определения, указывающие на деятельность, представлены в письмах А.П. Чехова, М. Горького и В.П. Астафьева. Следовательно, можно предположить, что время появления таких определений в русском эпистолярном тексте – рубеж XIX–XX веков.

Яркой чертой эпистолярного идиостиля В.П. Астафьева является характеристика погодных условий посредством глаголов: *Погода было изломилась маленько, но сегодня резко похолодало и опять стало солнечно, ясно* [Астафьев, с. 89]. Используя данный языковой прием, автор (невольно или намеренно) подчеркивает, что относится к природе как к живому организму. Впрочем, и остальные авторы при характеристике погоды используют прием олицетворения (см. определения, содержащие оценку погоды): *Погода у нас безнравственная, бленорейная, 3 градуса тепла* [Чехов, т. 11, с. 110].

Высказывания, содержащие упоминания о погоде, нередко связаны причинно-следственной связью с соседними высказываниями, содержащими следующую информацию:

1) о деятельности автора: а) в недавнем прошлом: *Здесь погода вроде бы сделалась, и я вчера первый раз сходил в лес с ружьем* [Астафьев, 124]; б) в настоящее время: *Нынче почти не выходил, – погода нехороша. Делаю пасьянсы, читаю и думаю* [Толстой, т. 19, с. 8]; в) в ближайшем будущем: *В сентябре удеру в Воскресенск, если погода не воспрепятствует* [Чехов, т. 11, с. 33];

2) о настроении / самочувствии автора или лиц из его окружения: *Погода меня замаяла. Болотная, сырая, протухлая. Все дома болеют и особенно внук* [Астафьев, с. 250];

3) приглашение адресата в гости или совет не приезжать: *Погода хороша, и у нас все здоровы и устроились. Милости просим* [Толстой, т. 19, с. 63]; *Ехать сюда ты подождала бы. Во-первых – сквернейшая погода, во-вторых – непрерывная революция* [Горький, т. 28, с. 403].

Вышесказанное подтверждает один из выводов, сделанных на основе сравнительно-сопоставительного исследования концепта «Погода» в русском языке и концепта «Weather» в английском языке, который состоит в том, что для русской лексемы *погода* характерны следующие значения: ‘благоприятный, склонный, спопутный’; ‘обстановка, окружающие условия’, причем английская лексема *weather* этих значений не содержит [см.: Перфильева, 2008, с. 10].

Анализ позиции высказывания со словом *погода* в эпистолярном тексте показал, что обычно они размещены в финальной части письма, перед формулами прощания. Они также могут находиться в начале письма, если высказывание реализует интенцию извинения или оправдания: *Дорогой Федин, в Москву я отправляюсь 20-го апреля <...>. Очень тороплюсь и поехал бы раньше, но в течение этого месяца было два кровохарканья, потому что погода идиотская* [Горький, т. 30, с. 253]. Если высказывания со словом *погода* не связаны с событиями, описанными в письме, то они могут быть использованы в качестве постскриптума: *У нас погода первый день прекрасная* [Толстой, т. 18, с. 526].

Таким образом, концепт «Погода» имеет специфические средства вербализации в эпистолярном тексте, связанные с использованием определенных языковых средств и употреблением в определенных ситуациях.

Список литературы

1. Астафьев, В. П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952–2001 / В. П. Астафьев / сост., предисл. Г. Сапронова. – 2-е изд., доп. – Иркутск : Изд. Сапронов, 2009. – 752 с.

2. Горький, М. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 28. Письма, телеграммы, надписи. 1889–1906 гг. / М. Горький. – М. : Худож. лит., 1954. – 600 с.
3. Горький, М. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 29. Письма, телеграммы, надписи. 1907–1926 гг. / М. Горький. – М. : Худож. лит., 1955. – 671 с.
4. Горький, М. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 30. Письма, телеграммы, надписи. 1927–1936 гг. / М. Горький. – М. : Худож. лит., 1955. – 819 с.
5. Перфильева, Н. Ю. Специфика вербализации концепта погода средствами русского и английского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 – Теория языка / Н. Ю. Перфильева. – Тверь, 2008. – 15 с.
6. Пушкин, А. С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 9. Письма 1815–1830 гг. / А. С. Пушкин. – М. : Худож. лит., 1977. – 462 с.
7. Пушкин, А. С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 10. Письма 1831–1837 гг. / А. С. Пушкин. – М. : Худож. лит., 1978. – 471 с.
8. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений. В 22 т. В 20 кн. Т. XVIII. Письма. 1842–1881 гг. / Л. Н. Толстой – М. : Худож. лит., 1984. – С. 305–912.
9. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений. В 22 т. В 20 кн. Т. XIX. Письма. 1882–1899 гг. / Л. Н. Толстой. – М. : Худож. лит., 1984. – С. 3–459.
10. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений. В 22 т. В 20 кн. Т. XX. Письма. 1900–1910 гг. / Л. Н. Толстой. – М. : Худож. лит., 1984. – С. 460–758.
11. Чехов, А. П. Собрание сочинений. В 12 т. Т. 11. Письма 1877–1892. / А. П. Чехов. – М. : Гослитиздат, 1956. – 711 с.
12. Чехов, А. П. Собрание сочинений. В 12 т. Т. 12. Письма 1893–1904. / А. П. Чехов. – М. : Гослитиздат, 1957. – 868 с.
13. Шолохов, М. А. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 10. Письма. 1924–1984 гг. / М. А. Шолохов. – М. : Сов. писатель, 2005. – 736 с.

Е.З. Киреева

**Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого (Тула, Россия)**

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ» В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»: ДИКТУМНЫЙ И МОДУСНЫЙ КОМПОНЕНТЫ

Диктумный и модусный типы языковой семантики культурного маркированных единиц являются проекцией соответствующих типов концептуального культурно маркированного содержания. На этом основании культурный компонент концепта «Семья» в романе Л.Н. Толстого рассматривается в виде структуры, состоящей из двух компонентов – диктумного и модусного.

Схема концепта культуры, предложенная Г.В. Токаревым [Токарев, 2003], применима к концепту «Семья» в романе Л.Н. Толстого.

Общечеловеческий (универсальный) слой	Преимущественно научные и обыденные понятия. Культурные установки, идеологемы и стереотипы, отражающие общечеловеческие ценности

Культурный (национальный) слой	Представления и обыденные понятия. Культурные установки, идеологемы и стереотипы, отражающие ценности той или иной лингвокультурной общности
Субкультурный слой	Представления, обыденные понятия, культурные установки, стереотипы, ориентированные на ценности того или иного социума.

Структура концепта культуры определяется как триединство общечеловеческого, культурного, субкультурного слоев.

Характерно, что большинство культурных установок и стереотипов о семье универсальны, они отражают общечеловеческие ценности: *не убий, не прелюбодействуй, не желай жены ближнего твоего, не лги, почитай отца и мать*. Они входят в число Десяти заповедей, которые были открыты Моисею на горе Синай на двух каменных скрижалях.

Роман Л.Н. Толстого относится к элитарному культурному страту, однако важно отметить в нем присутствие элементов народной культуры, он опирается на систему общенациональных представлений о семье, что отражается в особенностях концептуализации. Так, Константин Левин видел в жене *лучшее его самого*: «...быстрые-быстрые легкие шаги зазвучали по паркету, и его счастье, его жизнь, он сам – лучшее его самого себя, то, чего он искал и желал так долго, быстро-быстро близилось к нему» [Толстой, 1934, с. 425]. Счастье, гармония возможны только при полном соединении, слиянии любящих людей: «Он понял, что она не только близка ему, но что он теперь не знает, где кончается она и начинается он. Он понял это по тому мучительному чувству раздвоения, которое он испытывал в эту минуту. Он оскорбился в первую минуту, но в ту же секунду он почувствовал, что он не может быть оскорблен ею, что она была он сам» [Толстой, 1935, с. 50]. Такие представления коррелируют с паремияльным фондом русской культуры, репрезентирующим национально маркированные представления и взаимосвязанные с ними культурные установки и стереотипы, которые составляют ядро культурного слоя концепта. Например, муж и жена составляют ядро семьи. Идея единения выражена в паремиях *муж да жена – одна душа; муж и жена – одна сатана; жена да муж – змея да уж (т.е. одна порода, заодно); муж с женой, что мука с водой (сболтать сболтаешь, а разболтать не разболтаешь)*; в «Домострое», отражающем национальную картину мира начала XVI века, указывается: «жене тайком от мужа не есть и не пить и захоронков еды и питья втайне от мужа не держать... во всем советоваться с мужем...» [Пам. лит. Др. Руси, сер. XVI в. гл. 36].

Описывая обычаи, жизненный уклад дворянского сословия второй половины XIX века, автор использует релевантное для русской и ряда других восточных культур (что подтверждает генетическую близость России к Востоку) наивное понятие *сватовство*: «Русский обычай сватовства считался чем-то безобразным, над ним смеялись...» [Толстой, 1934, с. 49]. Культурная

значимость данной единицы отражает национальную специфику концептуализации: это понятие не имеет эквивалентов в западной культуре.

Субкультурный слой – особый сегмент культурного слоя – отражает в романе представления, культурные установки, стереотипы, характерные для следующих социальных групп: военные, представители разных поколений, убежденные холостяки и др. Так, например, военные, в среде которых протекала жизнь Вронского до встречи с Анной, – это «веселый и приятный мир»: после приезда из Москвы Вронский «как будто всунул ноги в старые туфли, ...вошел в свой прежний веселый и приятный мир» [Толстой, 1934, с. 121]. Этот мир живет по своим законам и культивирует ценности, противоречащие традиционным: «В его петербургском мире все люди разделялись на два совершенно противоположные сорта. Один низший сорт: пошлые, глупые и, главное, смешные люди, которые веруют в то, что одному муже надо жить с одною женой, с которой он обвенчан, что девушке надо быть невинною, женщине стыдливою, мужчине мужественным, воздержным и твердым, что надо воспитывать детей, зарабатывать свой хлеб, платить долги, – и разные тому подобные глупости. Это был сорт людей старомодных и смешных. Но был другой сорт людей, настоящих, к которым они все принадлежали, в котором надо быть, главное, элегантным, красивым, великодушным, смелым, веселым, отдаваться всякой страсти не краснея и над всем остальным смеяться» [Толстой, 1934, с. 121].

Как можно заметить, культурные установки, стереотипы данной социальной группы вступают в оппозитивные отношения с аналогичными типами ментальных единиц культурного слоя концепта.

Процесс антиномии, выраженный в противоположности осмысления общих концептуальных аспектов, наблюдается на примере номинации **семья**. Слово **семья** в описываемую автором эпоху включало в сигнификат значения признак 'клан'. Так, Облонский занимает «почетное и с хорошим жалованьем место начальника в одном из московских присутствий» не благодаря выдающимся способностям или честолюбию: «Место это он получил чрез мужа сестры Анны...но если бы Каренин не назначил своего шурина на это место, то чрез сотню других лиц, братьев, сестер, родных, двоюродных, дядей, теток, Стива Облонский получил бы это место...» [Толстой, 1934, с. 17]. Причина объективации данного признака реалии – представления о клановости русской семьи, породившей феномен круговой поруки, выразившийся в пословице *рука руку моет*: «Половина Москвы и Петербурга были родня и приятели Степана Аркадьича. ...следовательно, раздаватели земных благ в виде мест, аренд, концессий и тому подобного ... не могли обойти своего» [Толстой, 1934, с. 17]. Имплицитно представленная в данных фрагментах единица **семья** приобретает отрицательные коннотации, при употреблении его в данном контексте говорящий испытывает эмоции неодобрения. Известно, что выбор существенных признаков находится в зависимости от системы актуализированных в данное время ценностей.

Диктумный и модусный типы языковой семантики культурного маркированных единиц, фиксирующий и выражающий ту или нужную

концептуальную информацию, дают основания полагать, что они являются проекцией соответствующих типов концептуального культурно маркированного содержания. Культурный компонент концепта, по Г.В. Токареву, рассматривается в виде структуры (основание для предположений о его структурной неоднородности – многообразие видов репрезентации культурного слоя), состоящей из двух компонентов – диктумного и модусного.

Первый компонент – диктумный (объективный) – структурируется преимущественно представлениями и обыденными понятиями, которые являются отражениями многообразия культурно значимых (ценностно ориентированных) человеческих практик. В этот же блок входит информация об истории концепта. С информацией, содержащейся в диктумном компоненте, тесно связаны культурные установки, идеологемы, стереотипы, оценки, эмоции, входящие в модусный компонент. Ю.С. Степанов отмечает: «Концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» [Степанов, 2001, с. 43].

Культурные установки, идеологемы, стереотипы выступают в функции оснований оценки. Эмоции и оценки являются результатом соотнесения объекта оценки – представлений, бытовых понятий – с основанием оценки. Отсюда культурная маркированность оценок и эмоций, оценок и эмоций, являющихся интерпретациями той или иной идеи.

Список литературы

1. Домострой // Памятники литературы Древней Руси: середина XVI в. – М. : Худож. лит., 1985. – 625 с.
2. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Академ. Проект, 2001. – 990 с.
3. Токарев, Г. В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке) : монография / Г. В. Токарев. – Волгоград : Перемена, 2003 – 232 с.
4. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. / Л. Н. Толстой. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1928–1958. Т. 18 : Анна Каренина : роман. В 8 ч. Ч. 1–4 / под общ. ред. В. Г. Черткова. – М. ; Л. : Худож. лит., 1934. – 555 [3] с.
5. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. / Л. Н. Толстой. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1928–1958. – Т. 19 : Анна Каренина : роман. В 8 ч. Ч. 5–8 / под общ. ред. В. Г. Черткова. – М. : Худож. лит., 1935. – 516 [2] с.

И.Ю. Уварова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ ТЕКСТАХ XIX В.

В результате комплексного анализа глагольной лексики Жития Феодосия Печерского (по Синодальному изданию) выявлены семантические изменения модуляционного и / или деривационного характера в смысловых

структурах глагольных словоформ, способствующие формированию лексических норм церковнославянского языка.

Изучение церковнославянского языка имеет давнюю лингвистическую традицию. Внимание ученых сосредоточено, как правило, на выявлении и описании фонетических, грамматических, словообразовательных единиц, создающих своеобразие церковнославянского языка. История словарного состава церковнославянского языка, по справедливому замечанию О.А. Горбань, относится к числу недостаточно разработанных вопросов в лингвистике [Горбань, 1998, с. 91]. В имеющихся работах лексические единицы рассматриваются в аспекте общей проблемы разграничения старославянского, церковнославянского и древнерусского языков [Горбань, 1998; Жуковская, 1976; Клименко, 1991; Лопушанская, 1997; Молдован, 1997]. При этом лексика церковнославянского языка в последующие этапы его развития с учетом функционирования словарных единиц в текстах остается мало изученной.

В докладе рассматриваются особенности функционирования глагольной лексики в Житии Феодосия Печерского в синодальной редакции (далее Житие) – тексте, отражающем явления русского новоцерковнославянского языка. Термин «русский новоцерковнославянский» мы используем вслед за профессором С.П. Лопушанской, которая включает его в соотносительный ряд, где исходным является книжный старославянский язык, а рукописи, созданные и переписываемые с XI века в Древней Руси, именуются не «изводами», а текстами, составляющими русский староцерковнославянский язык культа и средневековой книжности, развитие которого нашло отражение после XII века в русском среднецерковнославянском, и лишь с XVII столетия можно говорить о русском новоцерковнославянском языке [Лопушанская, 1997, с. 8].

Глагольная лексика в тексте Жития характеризуется разнообразием. Наиболее употребительными являются глаголы лексико-семантического поля ‘действие и деятельность’.

Значительным количеством словоупотреблений представлена лексико-семантическая группа (ЛСГ) глаголов движения, например: bl', bl/, bljif, bl5i', gh2bl', bpsl', [j;lfi', gjc4nbnb, ufyi', =,4;bn], djpdhfnbnb, [jlbn], -[j;lfi', ghb[j;lfi', bc[j;lfi', 4p;fk] и др.

Высокой частотностью характеризуются глаголы ЛСГ речевой деятельности, например: djpd4cnb, ukfujkfi', bp]5db, vjkbnb, -d4ofdfi', h'x', ghjckfdbif, =rjh5[/, и ЛСГ глаголов восприятия, например: =dbl4nb, =ph4, cksifnb, =cvjnh4 и др.

Единичными словоупотреблениями разных лексем представлены в Житии ЛСГ глаголов покрытия объекта (3,k'x'nc5, 3,kfxfi'c5, gh'gj5cf, yfyjcbib, pfrk.xb, =nfnbnb5), ЛСГ глаголов определения (=d4lfnb, =d4lf) и ЛСГ глаголов познания (gjpyfnb, gjpyf, bp/xbc5).

Лексико-семантическое поле ‘состояние’ представлено в Житии двумя лексико-семантическими группами – глаголов качественного состояния и глаголов физического состояния, причем глаголы качественного состояния характеризуются большей частотностью, например: ldbnbc5, d'c'k5i'c5,

cvbhbvc5, =lh/xfi', y' cn'hgbib, cv/nbc5, yfckf;lfi'c5 и др., а глаголы физического состояния представлены двумя словоформами двух лексем – 3ckf,4dfnb, ,jlhcnjdjfi'.

Малоупотребительны в тексте Жития глаголы лексико-семантического поля 'состояние'; представлены ЛСГ глаголов межличностных отношений (gjrkybc5, djp,hfy5nb, hfplf5i'), ЛСГ глаголов внешнего проявления отношения (gkfrfc5) и эмоционально-оценочного отношения (uy/ifi'c5, gj3oh5nb).

Характеризуя лексическую наполняемость глагольных словоформ, следует отметить, что в тексте Жития глаголы употреблены как в прямых, так и в переносных значениях, ставших результатом семантических изменений модуляционного и/или деривационного характера в смысловых структурах словоформ [термины см.: Лопушанская, 2000]. В докладе выявленные семантические изменения иллюстрируются анализом словоформ =dbl4nb, hfp;'uc5, =cksif, ghbv4ifi'c5, gjrkjybc5.

Особенность употребления глагольной лексики в переносных значениях, возникших на основе семантической модуляции и/или на основе семантической деривации, состоит в том, что такие значения уже вошли в системы как церковнославянского, так и русского языков, о чем свидетельствуют данные исторических и толковых словарей. Выявленная особенность характеризует, на наш взгляд, общность в лексическом составе церковнославянского и русского языков.

В Житии употреблены и глагольные словоформы, отражающие своеобразие лексики церковнославянского языка. Так, глагол ghjvsik5nb в рассматриваемом тексте используется в значении «обстоятельно обдумывать, озаботиться»: yxfx gfx' 3 d4xyjv] c',4 ;bn2b y'rjyxf'vjv] ghjvsik5nb, ghjcnbh5c5 yf ,uj/ujlys5 nh/l5 (Житие, с. 96). Это значение фиксируется историческими словарями в качестве прямого, исходного значения глагола ghjvsik5nb (ср. сущ. vsckm) [Срезневский, т. II, с. 1548; СРЯ XI–XVII, т. 20, с. 178] и иллюстрируется фрагментами из разножанровых текстов – посланий, житий, летописей: # 3y]v] ghjvsikznb ghjcd4o'y2b, - y'uj ;' c2fy2' ,sdf'm <j;2'. *Никиф. м. посл. Влад. Мон.*; ds 'cn' gjl]d'kb yf vz Cdznjckfdf; ghjvsikzbn', xbv] dsregbnb ryzuby. b l4nz. *Лавр. л. 6683 г.* [Срезневский, т. II, с. 1548].

Прямое значение рассматриваемого глагола могло переосмысливаться, и в результате регулярных семантических изменений модуляционного и/или деривационного характера у него сформировалась развернутая система переносных значений, появились омонимы, в том числе и со значением «заниматься какой-либо работой, ремеслом». Материалы Словаря русского языка XI–XVII вв. позволяют говорить о наметившейся в период XV–XVII вв. тенденции к закреплению сформировавшихся омонимов за разными жанрами: в текстах религиозного содержания доминирует употребление ghjvsik5nb в значении «обстоятельно обдумывать», а в деловых текстах, старорусских летописях, повестях – ghjvsik5nb в значении «заниматься какой-либо работой, ремеслом». Усилению такой дифференциации омонимов, по-видимому, способствует переносное значение «предопределять», которое появляется у

глагола ghjvsik5nb в сочетании с существительным <ju] и отмечается в текстах с XV в.

Дальнейшая история рассматриваемых омонимов связана с их закреплением за разными лексическими системами, глагол ghjvsik5nb в значении «обстоятельно обдумывать» вошел в церковнославянский язык, а глагол *промышлять* в значении «заниматься какой-либо работой, ремеслом» – в русский язык. При этом у глагол *промышлять* формируется сниженная стилистическая окраска, поскольку в текстах XIX в. он используется для описания жизни низших социальных слоев, например, у А.С. Пушкина: *Крестьянин промышляет чем вздумает, и уходит иногда за 2000 верст выбатывать себе деньгу. Ж₁ 22.14; Предание, слышанное г. Броневским, будто бы Пугачев, по обычаю предков, промышлял разбоями на Волге, на Куме и около Кизляра, ни на чем не основано. ИП 384.12 [СЯП, т. 3, с. 867].*

Развитие исходного значения глагола ghjvsik5nb и дифференциация появившихся в результате семантической деривации омонимов, как представляется, способствует формированию лексических норм церковнославянского языка, противопоставляющих его русскому языку.

Список литературы

1. Горбань, О. А. Префиксальные образования глаголов движения в старославянском и русском церковнославянском языках / О. А. Горбань // Мир Православия : сб. науч. ст. Вып. 2. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1998.
2. Жуковская, Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников / Л. П. Жуковская. – М., 1976.
3. Клименко, Л. П. Лексико-семантические парадигмы глагола в памятниках древнерусской и церковнославянской письменности / Л. П. Клименко // Языковая культура Древней Руси : межвуз. сб. науч. тр. – Н. Новгород, 1991.
4. Лопушанская, С. П. Разграничение старославянского и русского староцерковнославянского языков / С. П. Лопушанская // Вестн ВолГУ. Сер. 2, Филология. – Волгоград, 1997. – Вып. 2.
5. Лопушанская, С. П. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс / С. П. Лопушанская // Науч. шк. Волгогр. гос. ун-та. Русский глагол: История и современное состояние. – Волгоград, 2000.
6. Молдован, А. М. Лексические аспекты в истории церковнославянского языка / А. М. Молдован // Вопросы языкознания. – 1997. – № 3.

Источники и словари

1. Житие = Житие Феодосия Печерского // Жития Святых. Минея Четья. Месяц май. – 8-е синод. изд. – М., 1998. (При цитировании указывается страница по данному изданию.)
2. Большой толковый словарь русских глаголов / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009.
3. Срезн. = Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. – Т. I–III. – М. : Книга, 1989.
4. СРЯ XI–XVII = Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 1–28. – М. : Наука, 1975–2008.
5. СЯП = Словарь языка Пушкина. В 4 т. Т. 3. – 2-е изд., доп. – М., 2001.

Т.А. Мешкова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ В ПОХВАЛЬНЫХ СЛОВАХ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

В статье обобщены результаты исследования синонимических отношений префиксальных глаголов в русском языке начала XVIII в. Комплексный анализ языковых фактов позволил установить, что разграничение синонимичных префиксальных глаголов в словах Ф. Прокоповича происходит на основе стилистических и семантических признаков словообразовательных компонентов.

В современной дериватологии активно обсуждается проблема синонимии. Это явление играет важную роль в системе языковых отношений, поскольку, как отмечает Г.А. Николаев, «явившись следствием определенных языковых процессов, она сама ... становится причиной новых языковых процессов» [Николаев, 1979, с. 258]. Префиксальная синонимия как разновидность синонимии словообразовательной связана прежде всего с синонимическими отношениями между префиксальными глаголами, которые проявляют себя семантически близкими в однородных контекстах. Появившиеся за последнее время публикации значительно дополнили сведения об этом явлении, однако вопрос о синонимике глагольных приставочных образований в период второй половины XVII–XVIII веков остается недостаточно изученным. А ведь именно в этот период, когда закладывались основы языка русской нации, происходили процессы дифференциации значений синонимичных приставочных форм, разрушалась дублетность форм, разграничивались их функции и сфера распространения.

Синонимичные префиксальные глаголы и стали объектом нашего исследования, проводимого с целью выявить особенности реализации синонимических отношений префиксальных глаголов в языке начала XVIII века. Исследование проводится в русле подходов, разрабатываемых в лингвистической школе профессора С.П. Лопушанской [Горбань, Косова, Шептухина, 2009, с. 5–26].

Источником для отбора языковых единиц послужили тексты похвальных слов Ф. Прокоповича – одного из высших иерархов русской православной церкви Петровской эпохи. Фактический материал исследования составляет две тысячи случаев употребления приставочных глаголов. Нами рассмотрены особенности реализации синонимических отношений глаголов с приставкой *из-* (250 случаев употребления).

1. В результате словообразовательного анализа языкового материала было установлено, что в похвальных словах Ф. Прокоповича представлены четыре словообразовательных типа глаголов с приставкой *из-* [Русская грамматика, 1980, с. 358–359].

Наиболее частотными являются глаголы со значением ‘удалить(ся) из чего-либо с помощью действия, названного мотивирующим глаголом’, например: *извлечь*, *излиться*, *исторгнуть* и др. (12 лексем, доля словоупотреблений 0,63). Глаголы словообразовательного типа ‘совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом’,

например: *изобрести*, *искуплять* и др., представлены 8 лексемами (доля словоупотреблений 0,27). Словообразовательный тип ‘уничтожить(ся), израсходовать(ся), употребить на что-нибудь посредством действия, названного мотивирующим глаголом’, например: *истребить*, *иссякнуть* и др., представлен 4 лексемами (доля словоупотреблений 0,09). Единичны случаи употребления глаголов словообразовательного типа ‘распространить действие, названное мотивирующим глаголом, на много мест в пределах объекта (объектов) или субъекта действия’. В нашем материале это глагол *избости* (доля словоупотреблений 0,01). Словообразовательный тип ‘интенсивно совершить действие, названное мотивирующим глаголом’ в анализируемом материале не представлен.

2. В результате сопоставления фактического материала с данными словарей [САР; СРЯ XI–XVII; СРЯ XVIII] было выявлено, что глаголы с приставкой *из-*, функционирующие в словах Ф. Прокоповича, в зависимости от словообразовательного типа могли характеризоваться синонимическими отношениями с другими префиксальными образованиями от той же основы. Так, глаголы со значением ‘удаление из чего-либо’ имеют синонимы с приставкой *вы-*. Например, *избирать* – *выбирать*, *изгнать* – *выгнать*, *излиться* – *вылиться*, *изйти* – *выйти*.

Глаголы со значением ‘довести действие до результата’ также образуют синонимические пары с глаголами с префиксом *вы-*, например, *исполнить* – *выполнить*, *исправить* – *выправить*, *исчислить* – *вычислить*.

Глаголы с приставкой *из-*, имеющие значение ‘уничтожить(ся), израсходовать(ся), употребить на что-нибудь’, могут образовывать синонимические пары с глаголами, имевшими приставки *у-*, *по-*, например: *изпраздниться* – *упраздниться* в значении ‘приводить в упадок, уничтожать’, *истребити* – *потребити* в значении ‘погубить’.

Особенность похвальных слов Ф. Прокоповича заключается в том, что из возможных синонимов представлены только глаголы с префиксом *из-*. Выбор обусловлен, по-видимому, тем, что образования с приставкой *из-* маркированы как стилистически книжные лексемы, они обнаруживают, по мнению ученых, большую устойчивость синтагматических связей и лексического окружения, то есть закрепленность в штампе, широкую сочетаемость с отвлеченными существительными, возможности метафорических переосмыслений.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что разграничение синонимичных форм происходит на основе стилистических признаков словообразовательных компонентов глагола.

3. Кроме отмеченных явлений стилевой синонимии в анализируемом материале представлены случаи разграничения синонимов на основе семантических признаков, свойственных словообразовательным компонентам глагольных единиц. Так, в «Слове похвальном о преславной над войсками свейскими победе» обнаружены синонимичные префиксальные образования от одной производящей основы: *истаять*, *растаять*. Например: *таковую се тебе бог дарова победу, яковую слышащее верный твои и царства твоего любители,*

истаевают от радости [Прокопович, 1961, с. 36]; *неблагодарное упование, яко зимний иней, растанет и излиется, яко вода неключима* [Прокопович, 1961, с. 35]. Глаголы *истаять*, *растаять* имеют общее производящее слово – глагол *таять*, который имел несколько значений: прямое – ‘становиться жидким под воздействие тепла’ и переносное – ‘исчезать постепенно, становясь незаметным, подобно весеннему снегу, медленно исчезающему под воздействием солнца’.

У префиксальных образований словари фиксируют те же значения, что у производящего слова. Факт существования между ними синонимических связей очевиден, тем не менее, в приведенных контекстах реализуются и различительные особенности рассматриваемых приставочных образований. Общность анализируемых глаголов проявляется в том, что они входят в состав метафорических высказываний, описывающих внутреннее состояние человека.

Так, глагол *растаять* в контексте *неблагодарное упование, яко зимний иней, растанет* выражает значение ‘постепенно исчезнуть’ и сочетается с отвлеченным существительным *упование* (надежда). Приставка *раз-* в структуре глагольного слова актуализирует значение ‘довести действие до результата’, что подтверждается контекстуально указанием на последовательность действий: *растанет и излиется*.

Глагол *истаять* (форма несов. вида *истаивать*) выражает значение ‘изнемочь (изнемогать) от сильного чувства’. Отмеченное значение возникает у анализируемого глагола в определенных контекстуальных условиях, во-первых, он сочетается с одушевленным существительным *любители* и субстантивированным прилагательным *верные*, обозначающими одушевленного субъекта; во-вторых, существительное *радость* в форме родительного падежа конкретизирует чувство, которое испытывает субъект. Приставка *из-* в структуре глагольного слова является формальным средством актуализации признака полноты переживаемого состояния.

Синонимичные глаголы *истаять*, *растаять* разграничиваются в контексте, по-видимому, на основе семантических признаков, свойственных различным приставкам.

Итак, анализ глаголов с приставкой *из-*, функционирующих в похвальных словах Ф. Прокоповича, показал, что разграничение синонимичных форм происходит на основе как стилистических, так и семантических признаков словообразовательных компонентов.

Список литературы

1. Горбань, О. А. Принципы комплексного подхода к анализу языковых явлений в трудах профессора С.П. Лопушанской / О. А. Горбань, М. В. Косова, Е. М. Шептухина // Семантика древнерусского глагола: синхронно-диахронический аспект. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2009. – С. 5–26.
2. Николаев, Г. А. Типы словообразовательной синонимии в русском языке / Г. А. Николаев // Slavia orientalis. – Warszawa, 1979. – № 2. – S. 257–264.
3. Русская грамматика. Т. 1. – М : Наука, 1980.

Источники и словари

1. Прокопович, Ф. Сочинения / Ф. Прокопович ; под ред. И. П. Еремина. – М. ; Л. : Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом) АН СССР, 1961.
2. САР = Словарь Академии Российской 1789–1794. Т. 1–6. – М. : МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2001–2006.
3. СРЯ XI–XVII = Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. – М. : Наука, 1975–2007.
4. СРЯ XVIII = Словарь русского языка XVIII века. Вып. 9. Из – Каста. – СПб. : Наука, 1997.

Ю.В. Кадыркова

**Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева
(Саранск, Россия)**

МОДИФИКАЦИЯ ДИРЕКТИВНОЙ ИНТЕНЦИИ¹ В СИТУАЦИИ ЭМОТИВНОГО ПОБУЖДЕНИЯ

В статье рассматривается модификация директивной интенции, характеризующаяся стремлением адресанта регулировать процесс коммуникации и реализуемая включением в структуру побуждения эмотивных компонентов, призванных воздействовать на адресата и манипулировать им в целях достижения перлокутивного эффекта.

Ориентация адресанта в ситуации побуждения связана с целью управлять процессом общения в рамках заданной интенции для решения перлокутивной задачи. Это находит отражение в динамике речевой ситуации общения, когда в ряде случаев необходимо изменить тип коммуникации. Например, от смягченного директива перейти к категорическому:

1. – <...> Дай, пожалуйста, куклу! – Сказал, не дам. 2. – Ты гадость! Я тебя не люблю! – Вот сама ты такая и есть. Тебе дашь куклу, а ты ее сломаешь! А потом меня винить будешь! 3. – Не буду! Дай куклу! – Не дам! 4. – Дай! А не дашь – я маме скажу, что ты меня обижаешь! – Как ты мне надоела! На! [Донцова].

Для выражения коммуникативного намерения адресант выбирает смягченный тип побуждения – просьбу (1), на некатегорический характер которого указывает маркер вежливости *пожалуйста*, однако цель коммуникации не достигнута. Для реализации заявленной интенции говорящий переходит к категорическому **требованию** (3) (*дай куклу*), которое трансформируется в **угрозу** (4) (*...я маме скажу, что ты меня обижаешь!*). Говорящий предпринимает наиболее актуальные для сложившейся ситуации коммуникативные ходы, направленные на модификацию типа директивной интенции: меняет атмосферу общения – выражает негативное отношение (оценку), актуализирующее внимание на статусном превосходстве; прибегает к угрозе, обусловленной стремлением говорящего к эмоциональному воздействию – интенциональное содержание реплики основано на

манипуляции (в случае отказа выполнить каузируемое действие адресата ожидают негативные последствия), поэтому побуждение должно быть воспринято как безапелляционное.

Модификация побуждения, обусловленная включением в его структуру эмотивных компонентов, наблюдается также в рамках каждого типа директивного значения (категорического, смягченного, нейтрального). Определяющими факторами являются наличие/отсутствие интенсивности, прагматическая функция которой связана с увеличением иллокутивной силы высказывания и программированием перлокутивного эффекта; а за рамками эмотивного побудительного высказывания – контекст, отражающий ситуацию общения, социальные и межличностные отношения коммуникантов.

1. Модификацию категорического побуждения можно рассмотреть на примере таких коммуникативно-прагматических вариантов, как ***требование*** и ***приказ***. Их дифференциация основана на ролевом статусе адресанта: говорящий наделен полномочиями для вербализации интенции (***приказ***) (наличие легитимной основы, предусматривающей область ситуаций, когда приказ может применяться, и систему наказаний за его невыполнение [Гловинская, 1992]) или когда таких полномочий у говорящего нет, но он претендует на право каузации подобного директива (***требования***) [Маслова, 2008]. Например:

– Татьяна Ивановна, ***подготовьте*** бумаги для совещания, ***позвоните*** моему заму, ***пусть приедет раньше, свяжитесь*** с нашими акционерами, да и кофе... черный... без сахара (Устинова).

Данный пример иллюстрирует официальную ситуацию общения, когда ролевые статусы коммуникантов определены согласно социальной конвенции «начальник»–«подчиненный» (в данной ситуации «директор крупной компании»–«секретарь»), поэтому адресант вправе вербализовать побуждение (приказ), воспринимаемое обоими как безапелляционное, требующее обязательного выполнения. Ситуация ***требования*** характеризуется отсутствием у адресанта ролевого статуса побудить к обязательному выполнению какое-либо действия, поэтому наблюдается снижение императивности и категоричности. Например:

– *Может, вы поедете уже?* – негромко сказала Таня (Устинова).

Адресант наделяет себя правом заставить адресата выполнить действие. Но в отличие от приказа, где говорящий рассчитывает на реализацию интенции, в требовании он не ожидает беспрекословного подчинения, так как исполнение побуждения зависит от воли адресата (как в ситуации просьбы). Ролевые статусы коммуникантов имеют один индекс: адресант подчеркивает свой приоритет к побуждению, адресат – свой приоритет в исполнении / неисполнении действия. Поэтому для достижения перлокутивного эффекта адресант прибегает к актуализации своего ролевого статуса, позволяющему ему побуждать к действию, которое адресат должен интерпретировать как обязательное к исполнению. Например:

– *Молчать! – дико заревел он. – Я пока еще здесь хозяин, глава семьи! Как я решил, так и будет!* (Устинова.)

Волеизъявление адресанта эмоционально маркировано: значение директива *молчать* актуализировано указанием на ролевой статус говорящего (*хозяин, глава семьи*), то есть адресант позиционирует себя как лицо, в иерархическом плане стоящее выше адресата и имеющее психологическое превосходство. Увеличение иллокутивной силы этого высказывания связано с модификацией ситуации общения (требование переходит в приказ) и повышением его категоричности за счет включения в структуру эмотивного компонента, выполняющего функцию прагматической поддержки побуждения.

2. Модификацию нейтрального побуждения рассмотрим на примере перехода *совета* в *предостережение*.

В речевой ситуации *совета* коммуникативное намерение адресанта сводится к тому, чтобы адресат знал выводы, сделанные адресантом в ходе анализа ситуации, и вследствие этого знания совершил действия в целях дальнейшего успешного развития ситуации [Маслова, 2008]. Прагматическим признаком данного типа побуждения является направленность результата в пользу слушающего, а исполнение действия характеризуется как положительное. Поэтому с точки зрения ролевых позиций коммуникантов определяющим является реальный или мнимый авторитет адресанта, так как на его основании адресат принимает решение об исполнении / неисполнении действия. Например:

– *Вот тебе мой совет: продай дом, машину, купи однокомнатную квартиру, а оставшиеся деньги оставь на черный день* (Устинова).

Побуждение, представленное в форме совета, звучит ненавязчиво, не требует от адресата мгновенной и строго определенной реакции, а наоборот, предоставляет ему возможность самому принять решение. Однако адресат может квалифицировать побуждение как неприемлемое и оценить адресанта как некомпетентного для подобного волеизъявления. Поэтому для достижения перлокутивного эффекта говорящему необходимо заслужить авторитет (право на подобное высказывание), например обозначить свою осведомленность в ситуации. Субъективизация высказывания, обусловленная включением в его структуру эмотивных компонентов, способствует интенсификации его воздействующей силы и модификации ситуации, например трансформации *совета* в *предостережение*:

– *Послушайся меня! Подумай, стоит ли сюда рваться?! Это принесет не огромный успех, а огромную беду! <...> Послушайся меня! Ты хочешь быть мертвой при жизни?* (Устинова).

Интенсификация волеизъявления адресанта в данной ситуации обусловлена его субъективным прогнозированием будущего. Авторитет говорящего в выражении побуждения основывается на демонстрации возможного развития событий, мыслимых им как реалистичных, поэтому на

основе закона эмоционального заражения адресат должен осознать бедственность положения и внять советам.

3. Модификация смягченного побуждения. Характеризующими прагматическими признаками просьбы является то, что результат совершаемого исполнителем действия направлен в пользу говорящего. Адресант не предполагает неукоснительного выполнения побуждения, поэтому происходит смещение акцента с категорических форм выражения побудительного значения (снижения императивности) в сторону реализации принципа вежливости, аргументации и обоснования необходимости выполнения просимого, то есть интенсификация воздействия программируется обращением к когнитивно-эмоциональной сфере адресата. В этом случае принцип выбора говорящим оптимального способа выражения своего коммуникативного намерения объясняется связью директивной интенции и интенции выражения эмоций. Например, выбор адресантом такого речевого действия, как **умолять** определяется желанием обратить внимание на свое плачевное состояние, свои страдания с тем, чтобы воздействовать на эмоции адресата.

– Не бросай, только не бросай, умоляю тебя, не бросай меня! Мне нужна твоя любовь, слышишь...? Не уходи... (Устинова).

Говорящий входит в личную сферу слушающего, подчеркивает, что ему будет плохо, если он не исполнит его просьбу (имплицатура: «это не просто просьба, а сигнал жизненной важности, поэтому я обращаюсь к твоим чувствам»). Для реализации интенции адресант понижает свой статус и повышает статус адресата, тем самым демонстрируя его значимость, так как только он может выполнить эту просьбу.

Таким образом, стремление говорящего управлять поведением адресата для реализации директивной интенции характеризуется ее модификацией, обусловленной элементами динамической системы взаимодействующих факторов объективного (побудительного) и субъективного (эмотивного) плана.

Примечание

¹ Директивная интенция, представляющая стремление адресанта оказать на адресата такое воздействие, которое побуждает последнего к совершению определенного действия (физического, речевого, психического), выступает в трех видах значения (категорический, нейтральный, смягченный), а также в их коммуникативно-прагматических вариантах [Маслова, 2008].

Список литературы

1. Гловинская, М. Я. Русские речевые акты и виды глаголов / М. Я. Гловинская // Логический анализ языка: модели действия / РАН, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1992. – С. 123–130.
2. Маслова, А. Ю. Коммуникативно-семантическая категория побудительности и ее реализация в сербском и болгарском языках на фоне русского языка / А. Ю. Маслова. – Саранск : Изд-во Морд. ун-та, 2008. – 244 с.

Ю.И. Юдина

МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ СРАВНЕНИЙ В ЯЗЫКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ *

Статья посвящена описанию моделей образных сравнений в языке художественной литературы конца XX – начала XXI веков. Материалом для анализа послужили сравнительные конструкции, в структуру которых входят предмет речи и вводимый образ. Процедура анализа основывается на соотнесении понятийного и образного содержания сравнений.

Сравнение в русском, да и в других европейских языках отнюдь не является для лингвистики невозделанной целиной. Основы изучения сравнения заложены в трудах А.А. Потебни, Ф.И. Буслаева, В.В. Виноградова и др. Существуют разные подходы к изучению сравнения. С точки зрения лингвистики сравнение изучается преимущественно в структурно-типологическом и семантико-функциональном аспектах (Л.А. Лебедева; Н.Т. Мальшакова; В.М. Огольцев; А.Ф. Прияткина; Е.Т. Черкасова; М.И. Черемисина и др.). Среди исследователей нет единого мнения по поводу количества и наименования структурных элементов сравнения.

В данном исследовании сравнение трактуется нами как образное словесное выражение, представленное в языке в виде конструкции, структура которой задается следующей формулой: $A + C + \beta + B$, где A – предмет речи (то, что сравнивается), B – вводимый образ (то, с чем сравнивается), C – модуль (признак, по которому сравнивается), β – оператор (формальный показатель сравнения). Степень представленности и важности различных компонентов структуры сравнительной конструкции может быть неодинаковой.

Однако сравнение – это не только языковая структура, но и продукт когнитивной работы мысли, инструментальное средство познания и отображения «наиболее общих свойств и отношений объективной действительности» [Бартон, 1978, с. 48]. В этой связи мы предлагаем рассматривать сравнение как одно из основных средств порождения нового знания. Синтез признаков предмета речи и вводимого образа сравнения, порождает и фиксирует в языке качественно новый продукт познания.

Материал для анализа сравнений был извлечен приемом сплошной выборки из восемнадцати рассказов конца XX начала XXI веков и романа Людмилы Улицкой «Казус Кукоцкого». Эмпирической базой исследования послужила картотека единиц наблюдения (сравнительных конструкций) в контексте их использования.

В ходе анализа материала нами были выявлены типовые модели образования сравнений в художественных текстах конца XX начала XXI веков. Под моделью мы понимаем образец, представляющий существенные (с точки

* Статья написана при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013» (Госконтракт № 02.740.11.0367).

зрения исследования) свойства сравнения, служащие стандартом для массового воспроизведения в языке современной художественной прозы.

1. Прежде всего, обращает на себя внимание модель конкретизации предмета речи, которая реализуется путем соотнесения абстрактных и конкретных сущностей с объектами и явлениями предметного мира. То есть на базе сравнений формируется «конкретное знание». В сфере сравнений с «образами конкретного характера» (зооморфными (32 %), фитоморфными (11 %), антропоморфными (12,6 %), артефактными (39,4 %) превалируют образы природы: зооморфные и фитоморфные (43 % объема корпуса единиц).

Например: <...> [полевой командир] *часто заморгал слипшимися в крови тяжелыми ресницами, ровно как не умеющая взлететь бабочка крыльями* (Прилепин З. Убийца и его друг). Здесь реализуется зооморфный образ бабочки.

Обратная модель – абстрагирования предмета речи, то есть соотнесения объектов материального мира с абстрактными сущностями – почти не представлена. Только 5 % объема корпуса единиц приходится на долю сравнений сферы нематериального.

2. В языке современной художественной прозы по-прежнему превалируют сравнения, образованные с помощью стереотипизированных, общепонятных образов, возникших на базе универсальных механизмов восприятия, т.е. на базе зрительных (76 %), слуховых (10 %), вкусовых (8 %), тактильных (6 %) ассоциаций. Визуальная репрезентативная система доминирует.

Однако в сравнениях, наряду со стереотипизированными образами, в текстах современной художественной литературы появляются уникальные нетривиальные образы, контрастирующие с типовыми.

а) Наблюдается увеличение дистанции между тематическими областями предмета речи и вводимого образа. Например, Людмила Улицкая в своем романе «Казус Кукоцкого» предлагает следующую зарисовку утра: *Оно [утро] было крепким, как неразведенный спирт, голым как свежеснесенное куриное яйцо, безукоризненным, как алфавит* (Улицкая Л. Казус Кукоцкого). Сравнения, построенные по такой модели, – это своего рода «вызов языковому сознанию»: в них устанавливаются «нетривиальные отношения между двумя понятиями» (Маслова)

б) Особый интерес представляют модели сравнений, в которых зафиксированы реалии нового времени. Например: *Он [Кряжинский] взгляделся в свое отражение в выпуклой линзе посередине двери: искаженная фигурка напоминала Супермена из детских комиксов* (Болмат С. Муж).

в) Наблюдается апеллирование в сравнениях к прецедентным феноменам культуры (литературы, музыки, живописи, скульптуры) без комментария.

Авторы зачастую не дают развернутого основания сравнения, рассчитывая на лингвокультурологическую компетенцию читательской аудитории. Например: *Кажется, будто ее нарисовал Обри Бердслей – чистота, слитая с порочностью* (Василькова И. Ниночка). Наиболее полным

воспроизведение образа героини будет у человека, имеющего представление о скандальных по содержанию рисунках Обри Бердслея, английского художника-графика, в которых романтическое и циничное сплелись в единый клубок. Подобные сравнения провоцируют читателя, у которого недостаточно культурологических знаний для понимания образа, «добыть» новое знание.

3. Известно, что понятийное и образное представление информации коррелируют в рамках сравнительной конструкции. Предмет речи, характеризуется рядом существенных признаков, но при этом найти конкретный объект с тем же набором свойств в качестве вводимого образа не удастся. Одни признаки актуализируются, другие редуцируются. В таком случае любое свойство предмета речи может «вырасти» в отдельный предмет, которым оно репрезентируется. А поскольку автор концентрирует внимание читателей на предметах, явлениях, деталях, которые привлекают наибольшее внимание или имеют основополагающее значение, то мы можем говорить о **тенденции к селективности образного кодирования**, то есть избирательности предметов речи и вводимых образов. Существуют многочисленные ряды тематических сфер, в соприкосновении с которыми «художнику не все равно, как назвать то, что он видит и показывает другим» [Винокур, 1959, с. 247]. На материале нашего исследования мы выделили четыре большие тематические группы, представленные предметом речи и вводимым образом: «природа», «человек», «предмет», «абстракция». Все комбинации этих групп образуют 16 моделей (соотношения предмета речи и вводимого образа). Собранный материал выявляет весьма неравную представленность тематических сфер сравнений. В количественно частотном отношении превалируют две модели:

ЧЕЛОВЕК → ПРИРОДА (30 %) (стрелка показывает направление уподобления).

Например: <...> *прозрачные, как аквариумные рыбки-гуппи, роженицы с их патологиями и осложнениями* <...> (Улицкая Л. Казус Кукоцкого).

ЧЕЛОВЕК → ПРЕДМЕТ (27 %).

Например: *Тело [младенца] безволосое, белое, все присборенное, как мятая папиросная бумага* (Улицкая Л. Казус Кукоцкого).

Транспонирование характеристик объектов живой и неживой природы на человека – это универсальный прием сравнения, а увеличение доли сравнений, в которых для характеристик человека, его тела, внутреннего мира используются образы предметов, материальных продуктов труда, может быть следствием ощущения отчужденности в технизированном и бездушном пространстве XX века техники и XXI века информации.

4. Установлено, что наряду с тенденцией к селективности образного кодирования действует тенденция, которую можно условно обозначить как **тенденцию к кумулятивности**. В рамках произведения один предмет речи может приобретать многочисленные образные репрезентации через прием сравнения.

Так, например, Ирина Василькова в рассказе «Ниночка», сравнивает героиню то с *ландышем*, то со *зверьком*, то с *маленькой хищной птицей*, то с

черным ангелом. Созданное автором образное поле открывает нам двойственность характера Ниночки: она глубоко переживает события, открыта миру, честна и при этом необузданна в страстях.

Разные свойства предмета речи вызывают к жизни образы, отражающие представления о форме, вкусе, цвете, характерных деталях, весе, высоте, ширине предметов, их типичных действиях и т. д. Таким образом, мы можем говорить о накоплении в сравнениях выработанной информации, знаний о мире, закладывающихся в фундамент мировоззрения и поведения каждого следующего поколения. Мы приближаемся к стереоскопическому видению реалий действительности.

Анализ эмпирического материала показал, что в художественной литературе конца XX – начала XXI веков сравнение используется для репрезентации нового знания, которое может родиться лишь на границах объектов. Прав в своем утверждении Х. Ортега-и-Гассет, что сравнение удлиняет руку интеллекта, его роль в логике может быть уподоблена удочке, помогающей добыть новое знание.

Список литературы

1. Бартон, В. И. Сравнение как средство познания / В. И. Бартон. – Минск, 1978.
2. Винокур, Г. О. Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. – М., 1959.

Источники

1. Антология любви: рассказы / Л. Улицкая [и др.]. – М., 2008.
2. Улицкая, Л. Казус Кукоцкого : роман / Л. Улицкая. – М., 2008.

А.А. Макушина

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ УСТОЙЧИВЫЕ СОЧЕТАНИЯ В ДРЕВНЕРУССКОМ ДЕЛОВОМ ЯЗЫКЕ (ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье выявлены и рассмотрены устойчивые глагольно-именные сочетания, функционирующие в древнерусских грамотах и княжеских уставах XI–XIV вв. Автором показаны изменения в значениях обоих компонентов сочетания – имени существительного и глагола, пути их взаимодействия в составе устойчивых сочетаний.

Исследование функционально-семантических особенностей лексических единиц, в том числе глагольного слова, в разножанровых памятниках древнерусской и старорусской письменности дает возможности выявить пути формирования русского литературного языка, его лексической и стилистической подсистем. В центре нашего внимания – лексическое своеобразие древнерусского делового языка, в частности функционирование глагольного слова. В работе мы остановимся на анализе употребления глагола в устойчивых сочетаниях с именем существительным. Данный вопрос связан с

изучением формирования словаря делового языка (позднее – официально-делового стиля) и такой важной его части, как терминология. Материалом для исследования послужили грамоты и уставы русских князей XI–XIV вв.

Исследование процессов в семантической структуре слова опирается на подходы и методы, разработанные профессором С.П. Лопушанской и ее учениками [Лопушанская, 1990; Горбань, 2002 и др.]. Семантическая структура глагола рассматривается как единство дифференциальных сем (ДС), реализующих категориально-лексическую сему (КС).

В древнерусских деловых текстах отмечены следующие глагольно-именные сочетания *водити судъ*, *судити судъ*, *дати судъ*, *дати правъду* – «судить», *дати слово* – «отвечать, нести ответственность», *дати руку* – «поручиться за кого-что-л.», *держати княжение* – «княжить», *держати гнев*, *держати нелюбие* – «гневаться», *держати миръ*, *держати правду* – «находиться в определенных отношениях с другой стороной», *доконьчати миръ* – «заключить мирный договор», *целовати крѣсть* – «присягать» и др., многие из них относятся к юридическим терминам.

Функционально-семантический анализ этих сочетаний позволяет нам говорить о следующих особенностях древнерусского делового языка.

В текстах грамот и княжеских уставов можно наблюдать преобладание устойчивых сочетаний, в которых глагол является информативно недостаточным и тесно связан с именем существительным, дополняющим его смысл; все сочетание является, как правило, синонимичным одному глагольному слову. Например: *А епископу не управивъ того, за все то дати ему слово в день великааго суда* (Устав кн. Всеволода о церк. судах, XIV в.), где *дати слово* = «отвечать за что-л. перед кем-л.» (Срезн. I : 633). Глагол *дати* в прямом значении «передать кому-л. что-л.» (Срезн. I : 632) обозначает действие, в результате которого устанавливается отношение между дающим и принимающим субъектами и отношение владения между субъектом и передаваемым объектом; глагол относится к полю «отношение» (КС 'владение', ДС 'участие двух субъектов', 'объект конкретный', 'неодушевленный', 'передача объекта'). В контексте он сочетается с абстрактным существительным *слово* «ответ, ответственность» (Срезн. III : 419) в позиции объектного уточнителя. Процесс осмысливается как отвлеченный, социально значимый; в значении глагола сохраняются семы, отражающие участие двух субъектов (второй субъект – Бог, социум и т.д.), а также общая сема 'отношение'; характер этого отношения уточняется именем. Все сочетание выражает КС 'социальные отношения', семы в значениях глагола и имени дополняют друг друга, образуя единство.

Глагол *дати* может сочетаться с существительным, обозначающим явление юридической сферы, например, *судъ дати* в контексте: *А чего будет искати мне и моимъ боярамъ и моимъ слугамъ у Новъгородъцовъ и у Волочанъ; а тому всему судъ дати без перевода* (Договорн. грам. Тверск. в. кн. Мих. Яр. с Новг., 1301–1302 гг.) где *судъ* выражает социальную (правовую) деятельность – «суд, разбор дела, дознание виновности» (Срезн. I : 603). Все сочетание

приобретает значение по значению имени «осуществить суд, правосудие» [Исаев, 2001, с. 104], то есть «судить» (КС ‘социальная деятельность’) и является правовым термином. Глагол *дати* отвлеченно называет отношение, но здесь – между субъектами (князем, его приближенными) и обстоятельствами, в связи с которыми проводится судебное разбирательство (то, что будет искать князь у новгородцев и волочан, это все должно подвергнуться судебному разбирательству). Словоформа *без перевода* показывает, что разбор дела должен происходить без перенесения дела для пересмотра, т.е. непременно, в данный временной отрезок.

В другом контексте: *А за рубежь изъ Новгородьскои волости твоимъ дворяномъ суда не водити* (Договорн. грам. Новг. с в. кн. Мих. Яр., 1307 г.), глагол *водити*, подобно глаголу *дати* в сочетании *судъ дати*, образует устойчивое сочетание с именем *судъ* в значении «судебное разбирательство»; все устойчивое сочетание приобретает значение «заводить судебное дело» (Срезн. I : 277). Глагол *водити* в прямом значении «направлять движение» является глаголом перемещения (поле «действие и деятельность»), при этом субъект выполняет активную, руководящую роль по отношению к объекту. В приведенном контексте глагол обобщенно выражает деятельность, а имя конкретизирует характер этой деятельности – социальная (правовая) – «суд, разбор дела, дознание виновности» (Срезн. I : 603). Реализация деятельности субъектом (*дворяне*), как следует из контекста, распространяется только на жителей Новгородской области. Таким образом, рассмотренное сочетание приобретает терминологическое значение по значению имени «осуществить суд, правосудие», а глагол непосредственно называет деятельность.

В рассмотренных и других сочетаниях глагол, как правило, выражает общие семы лексического поля («действие и деятельность», «отношение») и некоторые семы, отражающие особенности субъекта и объекта (руководящий статус субъекта – *водити*, наличие двух субъектов – *дати* и т. д.); характер же самого процесса (социальная деятельность, социальные отношения, межличностные отношения и т. д.) уточняется семантикой имени, которое и несет основную смысловую нагрузку. Между глаголом и существительным возникают комплетивные отношения, при которых лексическое значение глагола является недостаточным без значения имени.

Наш материал дает ряд примеров глагольно-именных устойчивых сочетаний, в которых глагол выступает в прямом значении и несет основную смысловую нагрузку, а имени отведена роль «дублера», например: *А бес посадника ти, княже, суда не судити* (Договорн. грам. Новг. с в. кн. Яр. Яр., 1270 г.), где все сочетание *судити судъ* имеет значение «судить» (Срезн. I : 597) (поле «действие и деятельность», КС ‘социальная деятельность’). При отсутствии существительного значение глагола сохраняется, так как в данном случае мы имеем дело с глаголом, в семантике которого имеется сема, конкретизирующая характер деятельности и содержащаяся также в семантике имени.

В древнерусских деловых текстах отмечено употребление сочетаний имени существительного и глагола, которые сохраняют свое прямое значение,

но все словосочетание подвергается переосмыслению. Например, понятие «присягать» в древнерусских грамотах передается глагольно-именным устойчивым сочетанием *целовати крестъ*: *На семь ти, княже, хрьсть целовати, на цемъ то целоваль хрьсть отец твои Ярославъ* (Договорн. грам. Новг. с Тверск. в. кн. Яр. Яр., 1264 г.), где глагол *целовати*, сочетаясь с именем существительным *хрьсть*, имеет значение «целовать крест, икону в подтверждение клятвы, присягать» (Срезн. III : 1452). При этом глагол *целовати* в прямом значении обозначает «приветствовать кого-л. посредством касания губами кого-чего-л. в знак чувств и т. п.» (КС 'физическое воздействие на объект').

Как отмечают многие исследователи языка деловых памятников XI–XIV вв., значение данного сочетания впоследствии (с ослаблением указания на обряд целования креста) переосмысливается как «присягать» (КС 'социальные отношения'); происходит сращение значений двух компонентов [Костючук 1968: 76–84 и др.]. Вероятно, причиной является то, что выполнение данного действия постепенно исчезло из жизни людей. Мы наблюдаем развитие значения глагола из общеупотребительного в терминологическое «принести присягу в форме целования креста» [Исаев, 2001, с. 114].

Таким образом, в уставах князей и договорных грамотах устойчивые глагольно-именные сочетания характеризуются различным семантическим взаимодействием глагола и имени: происходит «десемантизация» глагола, и все сочетание приобретает значение по значению имени; сохраняется прямое значение обоих компонентов и всего сочетания; полностью переосмысливается все сочетание.

Список литературы

1. Горбань, О. А. Древнерусские глаголы движения в системе языка и в тексте / О. А. Горбань. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2002. – 332 с.
2. Костючук, Л. Я. Некоторые наблюдения над словосочетаниями, промежуточными между устойчивыми и свободными, в древнерусском языке (по грамотам XI–XIV вв.) / Л. Я. Костючук // Ученые зап. Пск. пед. ин-та, Каф. лит. и рус. яз. Вып. 28. – Л., 1968. – С. 76–84.
3. Лопушанская, С. П. Развитие и функционирование древнерусского глагола / С. П. Лопушанская. – Волгоград : Изд-во ВПИ, 1990. – 114 с.

Источники и словари

- Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. – М. : АН СССР, 1949. – 408 с.
- Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / под ред. Л. В. Черепнина. – М. : Наука, 1976. – 239 с.
- Исаев = Исаев, М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов / М. А. Исаев. – М. : Спарк, 2001. – 119 с.
- Срезн. = Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. – М. : Книга, 1989. – Т. 1. – 1420 с. ; Т. 2. – 1802 с. ; Т. 3. – 1684 с.

Секция
**ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
В РАЗНЫХ РЕЧЕВЫХ СФЕРАХ**

С.Г. Михейкина
Московский государственный технический университет «МАМИ»
(Москва, Россия)

**ГАЗЕТНЫЙ ЗАГОЛОВОК-КАЛАМБУР
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛИНГВОКРЕАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ**

В статье рассматриваются вопросы создания газетного заголовка-каламбура журналистом и интерпретации его читателем, условия качества понимания, взаимодействия и воздействия, гендерная принадлежность каламбура.

Изучая газетный заголовок-каламбур (основной экспрессивный прием в СМИ на современном этапе), мы пришли к выводу, что данный тип заголовков можно рассматривать как определенный «механизм» для осуществления целей и намерений человека. В связи с этим возникает вопрос, как осуществляется и реализуется акт социальной коммуникации, взаимодействие и воздействие, стимуляция лингвокреативного мышления (аспект журналистского творчества) и познавательных процессов (аспект восприятия газетных заголовков читателем).

Несколько слов о терминологии. Под каламбуром мы понимаем разновидность языковой игры, в основе которой лежит стремление достичь определенного эффекта эстетического воздействия (чаще всего комического) путем нарушения нормативного канона восприятия языковых единиц. Например, *Деньги на бочку. Нефтяную* (ВМ, 25.03.09); *На саммит со своим самоваром* (ВМ, 25.03.09); *Таможня не берет добро?* (ВМ, 26.03.09); *Насильно мыт не будешь?* (ВМ, 31.03.09).

При создании заголовка важно учитывать психофизиологические основы читательского восприятия. Длительность восприятия заголовка значительно увеличивается, если перед глазами возникает неизвестный стимул (заголовок-окказионализм, заголовок-ребус, заголовок «с ошибкой» и т. д.): *Это ж-ж-ж неспроста. Опыление томатов доверили имелям* (ВМ, 30.03.09). Восприятие подобных заголовков сопряжено с детальным сенсорным анализом, выдвижением и проверкой нескольких гипотез в распознавании и лишь после этого рождения в сознании субъективного образа воспринимаемого стимула.

Журналист, умеющий давать нестандартное, оригинальное заглавие материалам в соответствии с направленностью издания – это «профессия в профессии», искусство, определенная работа интеллекта, рассчитанная на поиск новых способов воздействия на адресата, в частности «эффекта обманутого ожидания», того, что большинством читателей не сможет быть

спрогнозировано и нарушит общепринятые стереотипы. Этим даром в редакционном коллективе обладают, как правило, несколько человек. Создание заголовка для написанного материала может быть коллективным. В связи с этим не представляется возможным установить гендерную принадлежность каламбура на материале газетных заголовков. Мы смеем только предположить, что авторы-мужчины обладают лингвокреативным мышлением в большей степени. Но даже полученные данные (70 % заглавий-каламбуров подписано мужскими фамилиями) весьма условны, так как: 1) окончательный вариант заголовка может быть придуман не автором; 2) автор может использовать псевдоним; 3) необходимо констатировать наличие неизменяемых фамилий.

Создание экспрессивного заголовка требует от пишущего максимального творческого выражения в минимальном контексте. «К основным факторам креативности языкового мышления относят:

1) «оригинальность» – способность продуцировать отдаленные ассоциации;

2) «семантическую гибкость» – способность выделить функцию объекта и предложить его новое использование;

3) «образную адаптивную гибкость» – способность изменить форму стимула так, чтобы увидеть в нем новые возможности;

4) «семантическую спонтанную гибкость» – способность продуцировать разнообразные идеи в сравнительно неограниченной ситуации [Гридина, 1996, с. 11–12].

Под лингвокреативным мышлением мы понимаем разновидность эмоционального мышления, механизмы которого предполагают творческое использование/ преобразование языковых единиц, основанного на асимметрии дуализма языкового знака.

В процессе создания газетного заголовка-каламбура важными моментами являются эмоциональное вживание в решение задачи и поиск в информационной базе наиболее эффективной ассоциации с установкой на гедонистический эффект у определенной аудитории в зависимости от ориентированности издания.

Прогнозируется ли собственная речь у журналиста? Безусловно, большинство пишущих профессионально людей обладают хорошо развитым умением составлять подробный план будущей статьи. Кто-то нуждается в письменном изложении этого плана, кто-то держит его в голове; постепенно план обрастает деталями и т. д. Однако написание статьи может происходить и фрагментарными блоками, которые потом композиционно выстроятся в нужный ряд. Многим публицистам известны «муки заголовка», связанные с поиском названия для статьи, репортажа, так же, как великим писателям, – «муки творчества» в поисках нужного слова. В свое время О.К. Тихомиров, объясняя механизм интеллектуальной активности, говорил о состоянии эмоциональной активации, которое, как правило, предшествует моменту решения той или иной задачи. Рост эмоционального возбуждения – это эмоциональное предвосхищение принципиального решения задачи, названное

О.К. Тихомировым чувством близости решения. Выяснилось, что, возникая до принятия решения, эмоциональная активация способствует фиксации зоны поиска, сужению ее объема, изменению характера поисковых действий, то есть эмоции принимают самое непосредственное участие в регуляции интеллектуальной деятельности.

В соответствии с вопросами интересующей нас темы был проведен опрос московских журналистов, в котором приняли участие: Олег Говоров («Вечерняя Москва»), Константин Демченко («Труд-7»), Михаил Зайцев («Труд»).

«Мычание» про себя, рассуждение, проговаривание вслух, представление различных образов описываемых событий, вживание в образы персонажей материалов, хождение по кабинету, как признаются журналисты, часто сопровождают «рождение» заголовка, то есть этому «рождению» предшествует подготовка эмоционального вживания в решение задачи. Бывают редкие минуты озарения, так называемого «инсайта», когда до написания статьи уже готово название, и от него идет подача материала. В большинстве случаев поиск актуальных в данной ситуации слов напоминает поиск в компьютерной сети, когда «идет незримый рой гостей, знакомцы давние, плоды мечты моей...»; мозг перебирает предлагаемые варианты, пока решение не будет найдено. Во времени этот процесс поиска может быть как краткосрочным, так и долгосрочным. Характерно, что поиск продолжается, даже когда человеку кажется, что он не думает на эту тему, занимается другими делами. И ответ в таком случае всегда поражает автора «внезапностью» озарения. Статья О. Говорова «*Кровный миллион*» рассказывала о том, что на развитие донорства был выделен один миллион рублей. К заголовку привела цепочка ассоциаций: донор, кровь, кровь бесценна, необходима, люди нуждаются, что делать? донорам – почет, материальное вознаграждение, миллион рублей, миллион за кровь, кровный миллион.

Теперь о понимании речи. В газетном заголовке только первое слово не контекстно, каждое последующее находится под неконтролируемым влиянием предшествующих слов. Если порождение речи – это развертывание замысла по модели, которая определяет норму текстовости, то понимание текста представляет собой обратный процесс: это свертывание речевого произведения к исходной (ядерной) речевой схеме, образующейся во внутренней речи и передающей глубинную смысловую структуру текста. При важности лексико-грамматической стороны декодирования знания языка недостаточно для полноценного смыслового восприятия речевого сообщения. Большое значение здесь имеет адекватная референция, то есть соотнесение высказывания с реальной событийной ситуацией. «Не только самостоятельное сознательное использование выразительных средств речи, но и понимание их своеобразной насыщенной семантики, определяющей эмоциональный подтекст речи ..., является продуктом усвоения культуры» [Рубинштейн, 2008, с. 415].

Совпадение установок говорящего/пишущего и адресата улучшает качество взаимопонимания: несовпадение затрудняет взаимопонимание или даже исключает его. Предвосхищение и установка – важные механизмы при

восприятию речи.

Нейролингвистическое содержание теории взаимодействия мозговых полушарий детализирует модели порождения и понимания речи, помогает проследить, как рождаются в сознании говорящих на одном языке сочетания слов, не привычных с точки зрения общепринятой лексической сочетаемости, какая работа головного мозга приводит к появлению самых причудливых комбинаций слов. Вспомним интересные метафорические находки Есенина: *болото курит* («Курит облаком болото»); *шея деревни, руки шоссе* («Вот сдавили за шею деревню каменные руки шоссе»), игру слов у Вознесенского: *трогать музыку* («Не трожьте музыку руками»); *разорвать лугом* («Этим лугом сердце разорвано»), *дождь белокурый* («Волосы до полу, черная масть – мать. Дождь белокурый, застенчивый вдрожь – дочь»). Экспрессивные поиски поэтов и журналистов схожи в выявлении творческого потенциала языковых единиц. Цель этих поисков различна, но «механизм» процесса творчества идентичен и основан на разнофункциональности процессов понимания речи и ее экспрессии.

Каламбур отражает национальную ментальность носителей языка и эксплицирует «скрытый» творческий потенциал лексических единиц. Ассоциативный потенциал слова продуцирует абсолютно бесконечное количество интерпретаций заголовка при прочтении.

Список литературы

1. Горелов, И. Н. Основы психолингвистики : учеб. пособие / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 1982.
2. Гридина, Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. – Екатеринбург : Ур. гос. пед. ун-т, 1996.
3. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2008.

Г.В. Бобровская

**Волгоградский государственный педагогический университет
(Волгоград, Россия)**

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ГАЗЕТНОГО ДИСКУРСА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПУБЛИЦИСТИКИ И РЕКЛАМЫ

В предлагаемой концепции ядерных и периферийных разновидностей текстов, репрезентирующих современный газетный дискурс, в качестве ведущей коммуникативной стратегии построения собственно публицистических материалов анализируется информационно-интерпретационная стратегия, рекламных материалов – регулятивная стратегия.

Газетный дискурс представляет собой динамическое когнитивно-коммуникативное явление, процесс и результат речевой коммуникации в газетных СМИ. Изучение прагматической направленности газетного дискурса

связано с анализом коммуникативных стратегий и тактик, в том числе манипулятивных.

Стратегии, являющиеся предметом рассмотрения в когнитивном и лингвистическом аспектах, могут быть определены как макроцели, глобальные намерения, детерминирующие прагматические и семантические характеристики речи. Помимо рассмотрения стратегий как определенных когнитивных ходов, исследуемое понятие получило достаточно глубокое осмысление с лингвистической точки зрения (И.Н. Борисова, О.С. Иссерс, М.Л. Макаров, А.В. Олянич, О.Н. Паршина, Н.И. Формановская).

В функциональном отношении стратегии, предопределяющие способы речевого поведения, делятся на основные и вспомогательные: «Основной можно назвать стратегию, которая на данном этапе коммуникативного воздействия является наиболее значимой с точки зрения иерархии мотивов и целей. ... Вспомогательные стратегии способствуют эффективной организации диалогового взаимодействия, оптимальному воздействию на адресата» [Иссерс, 2006, с. 106]. Развивая данную идею, О.С. Иссерс говорит об основных (семантических, когнитивных) стратегиях, которые выделяются в зависимости от направленности на сознание и деятельности адресата. В их числе называют стратегии, воздействующие на ментальные, аксиологические, поведенческие установки адресата. Вспомогательные стратегии объединяются в класс прагматических (коммуникативно-ситуационных) стратегий.

К коммуникативно-ситуационным стратегиям, свойственным публицистике, можно отнести, в частности, полемическую стратегию, направленную на корректировку модели мира адресата: «В публицистике полемика ведется с целью формирования мнения читателя, которому коммуникатор стремится показать и доказать ошибочность точки зрения оппонента» [Троицкая, 2008, с. 530].

Специфика рекламной коммуникации обуславливает дифференциацию стратегий позиционного типа – формирующих восприятие объекта рекламы, и оптимизирующих стратегий – направленных на оптимизацию речевого воздействия в рекламе [Пирогова, 2001, с. 209–227]. Согласно другому подходу, эффективность речевого воздействия обуславливается презентационным характером коммуникативных стратегий передачи информации и привлечения внимания в рекламе, что служит основой для объединения вышеназванных стратегий в класс презентационных [Олянич, 2004, с. 329–330].

В нашей концепции в целом принимается классификация И.Н. Борисовой, согласно которой в качестве базовых речевых стратегий в сфере массовой коммуникации выделяются диктальная, модальная и регулятивная стратегии [Борисова, 1999, с. 81–97]. Данные стратегии представляется возможным соотнести с системой газетных жанров, которая «может быть представлена тремя большими группами: информационными, оценочными и императивными (побудительными)» [Дускаева, 2007, с. 126], выделяемыми с учетом типовых коммуникативных целеустановок газетных текстов.

В информационных газетных жанрах ведущей коммуникативной стратегией вступает диктальная стратегия, ориентированная на передачу актуальной новостной социально-значимой информации.

В плане реализации коммуникативных стратегий газетного дискурса аналитические газетные жанры нацелены на продвижение модальной стратегии. Суть данной стратегии заключается в выражении определенного оценочного мнения по отношению к предмету публицистической речи.

Регулятивная стратегия, направленная на формирование общественного мнения, чрезвычайно значима для построения речевой структуры воздействующе-убеждающих текстов. В особенности регулятивная направленность свойственна рекламным текстам, где общая коммерческая задача (формирование спроса, стимулирование сбыта) предопределяет механизмы прямо или опосредованно выраженного мотивирования адресата – потенциального потребителя товаров и услуг. Отбор и организация языковых средств в рекламно-ориентированном тексте подчинены стремлению достичь целей, выгодных заказчику рекламы.

По нашему мнению, выделение основных коммуникативных стратегий может быть рассмотрено в аспекте соотношения ядерных и периферийных разновидностей текстов, репрезентирующих современный газетный дискурс. Согласно принятой концепции, газетные тексты могут быть представлены в виде оппозиции собственно публицистических текстов (информационных, информационно-аналитических и аналитических жанров) и гибридных текстов (рекламных жанров).

Исходя из этого, представляется возможным заключить, что в собственно публицистической разновидности газетного дискурса находит выражение информационно-интерпретационная коммуникативная стратегия, в рекламной разновидности – регулятивная.

Объединение названных выше диктальной и модальной стратегий в общую информационно-интерпретационную коммуникативную стратегию позволяет рассмотреть ядерные разновидности газетных текстов в их совокупности. При данном подходе интегральным свойством газетных текстов информационной, информационно-аналитической и аналитической направленности выступает более или менее выраженная тенденция к освещению референтной основы текста под углом определенных политико-идеологических установок. Особую роль публицистики в формировании ментально-языкового пространства общества можно сформулировать следующим образом: «Основной функцией, в которой тексты современных газетно-публицистических изданий вступают в коммуникацию, является функция интерпретативная. Прессе отводится особая роль – так или иначе, с учетом разнообразных критериев и установок, интерпретировать произошедшее реальное событие, переводя его посредством речевых структур в факт вербальный и давая ему определенную оценку» [Чернышова, 2005, с. 11].

В соответствии с общепринятым положением в теории коммуникации, стратегии – общий замысел общения – осуществляются посредством

использования коммуникативных тактик. Определим тактику как способ решения конкретной коммуникативной задачи, задаваемой стратегией дискурса. Обобщая накопленный опыт в данной области (Л.А. Фирстова и др.), полагаем, что в газетном дискурсе преследуются цели решения комплекса коммуникативных задач. Выделим в числе характерных для газетного дискурса в его публицистической и рекламной видовых репрезентациях следующие коммуникативные тактики, в соответствии с которыми интенциональные установки позволяют: сообщить новые сведения (тактика информирования); дать пояснение (тактика комментирования); объяснить, сделать доходчивым (тактика разъяснения); показать на примере, наглядно пояснить (тактика иллюстрирования); доказать, обосновать (тактика аргументирования); выделить, подчеркнуть (тактика акцентирования внимания); охарактеризовать себя (тактика самопрезентации); выразить субъективное отношение (тактика оценивания); выразить несогласие (тактика оспаривания); указать на недостатки (тактика критики); обозначить единение (тактика солидаризации); подчеркнуть различия, непричастность (тактика дистанцирования); упрекнуть в чем-либо (тактика обвинения); подорвать доверие, авторитет (тактика дискредитации); побудить к чему-либо (тактика призыва); внушить надежду (тактика обещания).

Представляется закономерным, что существуют определенные коррелятивные соотношения между избираемыми коммуникативными тактиками и типами газетных текстов, в которых они воплощаются. Перечисленные тактики могут быть свойственны либо главным образом аналитической публицистике, либо сугубо информационным текстам, либо допускать возможность широкого применения. Кроме того, некоторые тактики являются доминантными в определении способов построения рекламных текстов.

Таким образом, исследование газетного дискурса в его публицистической и рекламной видовых репрезентациях в предложенном коммуникативно-прагматическом аспекте открывает перспективы для изучения новых форм интеграционных процессов в массово-информационном пространстве.

Список литературы

1. Борисова, И. Н. Категория цели и аспекты текстового анализа / И. Н. Борисова // *Жанры речи*. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 81–97.
2. Дускаева, Л. Р. Принципы типологии газетных речевых жанров / Л. Р. Дускаева // *Язык современной публицистики*. – М. : Флинта : Наука, 2007. – С. 115–149.
3. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи : монография / О. С. Иссерс. – М. : КомКнига, 2006. – 288 с.
4. Олянич, А. В. Презентационная теория дискурса : монография / А. В. Олянич. – Волгоград : Парадигма, 2004. – 507 с.
5. Пирогова, Ю. К. ИмPLICITная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования (на материале рекламных и PR-сообщений) / Ю. К. Пирогова // *Проблемы прикладной лингвистики*. – М. : Азбуковник, 2001. – С. 209–227.
6. Троицкая, Т. Б. Тактики реализации полемической стратегии в публицистическом дискурсе / Т. Б. Троицкая // *Вестн. Башк. ун-та*. – 2008. – Том 13, № 3. – С. 530–534.
7. Фирстова, Л. А. Дискурсивные стратегии и тактики в рамках телепублицистического дискурса (на материале русскоязычных и англоязычных

информационных программ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. А. Фирстова. – Саратов, 2008. – 24 с.

8. Чернышова, Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. В. Чернышова. – Барнаул, 2005. – 36 с.

Т.А. Пережогина

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

УРОВЕНЬ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ В МОЛОДЕЖНОЙ ГАЗЕТЕ

В статье приводится типология ошибок, отмеченных в публикациях молодежной газеты, и делается вывод о недостаточных требованиях к уровню речевой культуры журналистов и корреспондентов, что может привести к формированию у молодых читателей терпимого или безразличного отношения к нарушению норм и к снижению стиля.

Известно, что формирование литературного языка как образцовой разновидности связывается с понятием литератора, писателя – человека с обостренным языковым чутьем, наиболее требовательного к отбору и употреблению языковых средств для выражения мысли. Однако к нашему времени влияние писателей на формирование литературного языка снижается, и все большую роль в этом процессе начинают играть СМИ. О.Б. Сиротинина отмечает как положительную сторону такого влияния (расширение лексикона читателей, обогащение лексико-семантической системы русского языка), так и отрицательную, в частности тиражирование ошибок из-за невысокой речевой культуры журналистов [Сиротинина, 2007, с. 41].

Ученые Саратовской школы стилистики и культуры речи предложили выделить в современном литературном языке четыре типа речевой культуры: элитарную (эталон истинной речевой культуры), «среднелитературную», литературно-разговорную и фамиллярно-разговорную [Гольдин, Сиротинина, 1993].

Элитарная речевая культура – это искусство владения языком, всем богатством его возможностей при строгой уместности его использования. Для нее обязательно соблюдение ортологических и этических норм при общении, владение всеми функциональными стилями, учет особенностей устной и письменной форм речи. Именно элитарная речевая культура является эталоном речевой культуры и предметом обучения.

«Среднелитературная» речевая культура характеризуется меньшей строгостью соблюдения всех норм. «Среднелитературная» речевая культура допускает элементы смешения норм устной и письменной речи, отклонения в сторону большей книжности устной речи или в сторону большей разговорности в письменной речи, в рамках этого уровня возможны также небольшие отклонения в сфере этических и ортологических правил. В отличие от элитарной «среднелитературная» речевая культура не является эталонной и не составляет предмета обучения. Однако именно этот тип речевой культуры свойствен для большинства образованных людей.

Литературно-разговорная речевая культура характеризуется очень большой свободой словоупотребления, формообразования и синтаксических построений, возможностью использования в целях экспрессии любых неправильностей речи.

Фамильярно-разговорная речевая культура отличается от предыдущего типа и общей стилистической сниженностью.

Мы попытались определить, какому уровню речевой культуры соответствуют публикации одной из региональных молодежных газет. Еженедельная газета «Молодой» выходит тиражом 5–6 тысяч экземпляров на 24 полосах. В ней обычно содержатся материалы на темы культуры, спорта, заметки о событиях студенческой и школьной жизни, информационные сообщения, рекламные объявления, телепрограмма с анонсами передач, развлекательные материалы. Мы изучили два случайно выбранных номера газеты и попытались выявить и классифицировать нарушения норм культуры речи. Типология нарушений нормы поразила своей широтой: были обнаружены орфографические, пунктуационные, логические, фактические, речевые ошибки, отступления от этических норм. Приведем конкретные примеры.

1) **Опечатки**, которые можно объяснить лишь небрежностью при подготовке выпуска: *Тут Берлин – Амстердам – Париж обойдется на две тысячи дорожке; Добмай; во основном*. На наш взгляд, такого рода ошибки демонстрируют не только невысокий профессиональный уровень корректора и выпускающего редактора, но и неуважительное отношение к своему читателю.

2) **Орфографические и пунктуационные ошибки**. Например, употребление строчной буквы вместо прописной в названии песни: *«народное полотно»* (в соответствии с нормой нужно *«Народное полотно»*). Грубой считается ошибка в падежном окончании существительного: *Конечно, команде-чемпиону второй лиге...* (вместо нормативного *лиги*). Была обнаружена ошибка, связанная с употреблением отрицательных частиц: вместо частицы **не** в обобщающем значении использовалась частица **ни**: *«Доктор-Шлягер», «Человек-хит» – как только ни называли вчера пьяного Вячеслава Добрынина, лишь бы он сел в такси и побыстрее уехал домой*. Отмечена ошибка в правописании союза **также**: *Автобусные туры так же наравне с остальными*. Привлекло наше внимание неправильное пунктуационное оформление конструкций с союзом **как**, например: *Так вот, если идея противоречит мне, как человеку, то я играть в этом спектакле не буду*. Несколько раз отмечалось отсутствие кавычек в тех случаях, когда слово используется в условном значении или является окказиональным образованием, например: *Пилоты прибыли почти вовремя и очень обрадовались такому количеству поклонников* (речь идет о музыкантах рок-группы «Пилот»). *Трепортаж с гранками на шее* (название публикации, удачный авторский окказионализм в значении «репортаж ни о чем»; однако его орфографическое оформление не соответствует норме: правила рекомендуют заключать авторские окказионализмы в кавычки).

3) Большая группа речевых ошибок связана с нарушением **норм словоупотребления**. Например: *Правда, человек, усыпаящий свою речь шутками, прибаутками... не совсем соответствует образу монарха*. В данном случае произошло смешение паронимов – *усыпаящий* и *пересыпаящий*. Отмечено неточное употребление иноязычного слова: *Можно поменять профессию (идти в **магистрат** на другую...), а можно ждать открытия магистратуры по своему направлению*. Не зная точного значения слова *магистрат*, журналист употребляет слова *магистратура*, *магистрат* как синонимы.

4) Ошибки, обусловленные незнанием **правил сочетаемости слов**, также были обнаружены в рассмотренном материале. Вот пример одной из них: *17 рыбаков, дрейфовавших на льду в Цимлянском водохранилище, спасены*. Глагол *дрейфовать* в значении «непроизвольно двигаться, плыть по направлению ветра, течения» может сочетаться с существительным *льды* в значении «сплошные поля льда», но не сочетается с существительным *лед*, которое имеет значение «замерзшая и перешедшая в твердое состояние вода» [Словарь, 1981–1984].

5) Стремление к словотворчеству приводит к **ошибкам в образовании слов и форм слов**, например: *провели на льду около **полусуток**; нет таких абстрактных **мечт**; начинают **запнывать** их*.

Многочисленную группу составляют грамматико-синтаксические ошибки. К ним можно отнести нарушения в построении словосочетаний, простого и сложного предложений, сложного синтаксического целого. Проиллюстрируем примерами эти виды нарушений речи.

6) **Ошибки в согласовании**: *Группа людей заходят в один вагон метрополитена*.

7) **Ошибки в управлении**, например: *Усыплять животных разрешено в исключительных случаях, о которых будет **декларироваться** отдельно;...сейчас он стоит на сцене и осторожно **шутит** про мэра Волгограда*.

8) **Ошибки, связанные с употреблением однородных членов предложения**. Так, в следующем примере в качестве однородных объединены несопоставимые понятия: *...журналистике было посвящено много внимания и мероприятий*; в другом случае в одном ряду оказались родовое и видовое понятия: *в произведениях многих писателей и поэтов...*

9) **Неудачный порядок слов в предложении**, нарушающий плавность чтения: *По методу Судзуки обучения игре на скрипке одно из первых, чему учат двух-, трехлетних детей, – это кланяться*.

10) **Ошибки в построении сложного предложения**, например: *А на одной из наших игр есть ситуация, когда все участники оказываются как бы заблудившимися в лесу, которые должны не только найти дорогу в лагерь...*

11) Большую группу ошибок составляют случаи **многословия**. К ним относятся плеонастические сочетания, например: *очень толстый-претолстый*; непреднамеренное повторение одних и тех же или однокоренных слов в

пределах одного или соседних высказываний – тавтология, например: *Шоу началось с самого начала, когда на сцену в роли ведущего вышел Константин Смирнов*. Другой пример: *На торжественное собрание в ДК профсоюзов собрались военнослужащие и ветераны в/ч № 7461. Собравшихся поздравили представители администрации...*

12) **Речевая недостаточность**. Этот вид нарушения возникает обычно в результате небрежности пишущего, например: *...лауреаты детского эстрадного конкурса «Маленькие звездочки» и народного искусства им. Л.Руслановой*. Здесь пропущено слово *фестиваль* (следовало сказать: *фестиваля народного искусства...*).

13) **Ошибки в построении сложного синтаксического целого**, связанные с неправильным выбором вводных слов для связи предложений: *С одной стороны, игры показывают ребятам себя со стороны. С другой – играющие получают возможность самоутвердиться... В-третьих, инструкторы выступают на играх...*

14) **Логические ошибки**. Они возникают, когда в речи нарушаются законы правильного, логического мышления. В нашем материале было обнаружено нарушение закона противоречия: в начале информационного сообщения говорилось о том, что рыбаки, дрейфовавшие на льдине, были спасены, а в конце заметки автор упомянул, что некоторые из них «самостоятельно добрались до берега».

15) **Фактические ошибки**. Как известно, фактологическая точность является одной из основных стилевых черт публицистического стиля. Поэтому фактический материал требует особого внимания редактора. Тем не менее, в рассмотренных публикациях обнаружены и фактические ошибки. Например: *Когда и кем этот праздник был завезен в Россию, точно неизвестно, но в произведениях многих писателей и поэтов конца XVII века появлялись строчки про первоапрельские розыгрыши. Например, Пушкин написал...* Из данного текста следует, что А.С. Пушкин жил и работал в XVIII, а не в первой трети XIX века. В другом номере читаем: *Среди прочего турагентство «Эдем» предлагает остаться в России и встретить Новый год во всесоюзных, так сказать, здравницах: четыре дня в Абхазии стоят...*

Обращает на себя внимание активное использование жаргонных средств. Так, только от одного журналиста узнаем несколько нелитературных наименований денежных средств: *на косарь дорожке; один свободный Хабаровск (пятитысячная в смысле); стоят минимум 25 тыров в месяц; зарплата должна составлять большие полтоса тыров*.

На наш взгляд, нарушаются этические нормы, когда при оценке события автор обращается к грубым средствам выражения: *Певец опубликовал открытое письмо. Там он невыразительно жует сопли и невнятно обозначает проблему*.

Итак, многочисленные речевые ошибки и недочеты доказывают, что журналисты данного издания мало заботятся о соблюдении требований культуры речи. По уровню речевой культуры газету «Молодой» можно отнести

лишь к литературно-фамильярному типу. Это означает, что подобные средства массовой информации внедряют в речевое сознание своих читателей не элитарную, не «среднелитературную», а литературно-фамильярную и даже фамильярно-разговорную речевую культуру, тем самым снижают требования к газетному стилю.

Похожую тенденцию обнаружила в результате своего исследования Г.С. Куликова. Она отмечает, что в современном обществе сформировалось различное отношение к нарушениям норм речевой культуры в публичной речи, включению в нее сниженных элементов. Так, люди старшего поколения, привыкшие к эмоциональной сдержанности и стилистической строгости, отрицательно оценивают ошибки и опечатки, немотивированное использование иноязычных средств, многие экспрессивные приемы (например, искажение орфографического облика слов в рекламе). Некоторые молодые люди, напротив, считают, что все позволено, нет ничего запретного, ведь в печатные тексты уже допущены инвективные средства выражения, издаются словари ненормативной лексики [Куликова, 2005]. Таким образом, мы видим, что люди старшего поколения предъявляют более высокие требования к речи в СМИ, а у молодых людей формируется терпимое или безразличное отношение к нарушению норм, к снижению стиля, и одним из средств формирования такого отношения оказывается молодежная газета.

Возникает вопрос: «Задумываются ли современные журналисты о воспитательной роли газеты, в которой работают, о своей миссии в формировании общей культуры наших современников?» Думается, что газета, рассчитанная на молодежную аудиторию, должна решать не только задачи патриотического, нравственного воспитания (следует заметить, что этим вопросам уделяется немало внимания), но и способствовать формированию языкового вкуса и повышению уровня речевой культуры молодых людей. Ведь в стилистической структуре современного русского литературного языка публицистический стиль сегодня занимает ведущее место, и по силе и масштабу влияния на развитие литературного языка, на формирование языковых вкусов, речевых норм с ним не может сравниться никакой другой стиль. Для россиян печатные СМИ должны стать эталоном письменной речи, а высокий уровень владения речевой культурой современных журналистов – образцом для подражания.

Список литературы

1. Гольдин, В. Е. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие / В. Е. Гольдин, О. Б. Сиротинина // Вопросы стилистики: Проблемы культуры речи. – Саратов, 1993. – Вып. 25.
2. Куликова, Г. С. Поиск эталона хорошей речи в массовом сознании (на материале диалогов со слушателями радиопередачи) / Г. С. Куликова // Проблемы речевой коммуникации / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. – Саратов, 2005. – Вып. 5. – С. 49–53.
3. Сиротинина, О. Б. Факторы, влияющие на развитие русского языка в XXI веке / О. Б. Сиротинина // Проблемы речевой коммуникации / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. – Саратов, 2007. – Вып. 7. – С. 29–42.
4. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1981–1984.

Источники

1. Молодой : еженед. газ. / Ком. по делам молодежи Адм. Волгогр. обл. – 2006. – № 13 (500).
2. Молодой : газ. волгогр. молодежи / Ком. по делам молодежи Адм. Волгогр. обл. – 2008. – № 47 (638).

Л.В. Синицына

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СИНТАГМАТИЧЕСКОГО ЧЛЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ДИКТОРСКОЙ РЕЧИ

В статье показано, что закономерности употребления синтаксически обусловленного и синтаксически необусловленного синтагматического членения в дикторской речи определяются позицией высказывания в структуре информационного блока.

В связи с развитием электронных средств массовой информации в науке наблюдается интерес к изучению телевизионной речи. Были рассмотрены лингвистические особенности восприятия звучащих текстов новостных программ [Прохватилова, 2003], ритмико-интонационные характеристики дикторской речи в функционально-стилистическом аспекте [Иванова-Лукьянова, 2002], описаны интонационно-звуковые характеристики дикторской речи. [Глушко, 2004; Лебедева, 2005; Ломыкина, 2006; Гришина, 2006]. Вслед за Е.А. Брызгуновой под дикторской речью мы понимаем чтение заранее подготовленного текста ведущими информационных передач [Брызгунова, 1984]. Вслед за О.А. Прохватиловой мы относим дикторскую речь к информационно-публицистическому фоностилю [Прохватилова, 2002, с. 61].

В качестве важного стилеобразующего средства исследователи выделяют синтагматическое членение [Родионова, 1985; Корепанова, 1989]. Стилистической функции синтагматического членения в передачах информационного типа посвящена работа Т.Э.Корепановой [Корепанова, 1989]. Исследование Т.Э. Корепановой выполнено на материале информационных программ 80-х гг., однако за прошедшие 20 лет дикторская речь претерпела некоторые изменения. В данной статье будут рассмотрены закономерности синтагматического членения современной дикторской речи на материале расшифровок новостных программ «Время», «Вести» и «Сегодня» (запись проводилась в 2006–2008 гг.). Единицей наблюдения была избрана синтагма, понимаемая как минимальный интонационно целостный смысловой отрезок речи [Прохватилова, 1999, с. 6].

Как известно, синтагматическое членение определяется членением речевого потока на минимальные интонационно целостные смысловые отрезки речи – синтагмы. С точки зрения связи синтагматического членения и семантики исследователи выделяют две разновидности интонационного членения – синтаксически обусловленное и синтаксически необусловленное [Устная научная речь, 1985, с. 210–216; Прохватилова, 1999, с. 87].

Синтаксически обусловленное членение соответствует логико-синтаксической структуре высказывания, поэтому границы семантико-синтаксического единства интонационно маркируются. Синтаксически необусловленное членение не отражает синтаксико-смысловые связи высказывания и может воплощаться либо в интонационном объединении нескольких синтаксических целых в одну синтагму, либо в интонационном разделении одного семантико-синтаксического единства на несколько синтагм.

Как показал имеющийся в нашем распоряжении материал, в дикторской речи представлено как синтаксически обусловленное, так и синтаксически необусловленное синтагматическое членение. При этом преобладает синтаксически обусловленное членение, что позволяет четко, лаконично, в быстром темпе передать информацию, например: *Как заявил сегодня председатель совета директоров Газпрома / первый премьер Дмитрий Медведев / рост капитализации связан... с либерализацией рынка акций компании /...*

Синтаксически необусловленное членение в современной дикторской речи актуализирует смысловые связи внутри логико-синтаксического единства. Как показали наши наблюдения, в дикторской речи отмечено интонационное маркирование подлежащего и сказуемого внутри предикативной группы, например: *Российские фондовые рынки / сегодня работать уже не будут /...*

Выделяются в отдельную синтагму детерминанты места, например: *С Ярославского вокзала Москвы / сегодня отправился... специальный поезд / который сотрудники железной дороги / называют поликлиникой на колесах /...*

В некоторых случаях актуализируются объектные, атрибутивные и обстоятельственные отношения внутри распространенной группы подлежащего или сказуемого: *Электронный почтовый ящик / губернатора Аляски / и кабинета вице-президента СэШэА / взломали хакеры /...*

Как было отмечено Е.А. Брызгуновой, значение звучащего предложения (высказывания) является результатом взаимодействия значений, выражаемых синтаксической конструкцией, лексическим составом, интонацией, а также смысловым взаимодействием предложения с одним из предшествующих или последующих, то есть стилистическая информация любого отрезка высказывания обусловлена контекстуальными условиями [Брызгунова, 1984]. Отсюда следует, что рассмотрение закономерности функционирования синтаксически обусловленного и синтаксически необусловленного членения предполагает обращение к анализу единицы, более крупной, чем высказывание. В данном случае это сложное синтаксическое целое, или, применительно к анализируемому нами материалу, информационный блок.

Как показал исследуемый нами материал, в начальных высказываниях преобладает синтаксически необусловленное членение, в то время как в срединных высказываниях представлено синтаксически обусловленное членение.

Рассмотрим следующий фрагмент новостной программы:

Начальное высказывание: *Шахматистка Александра Костенюк / (с.н.)*¹ / *нарушила многолетнюю гегемонию ... китайских спортсменов / (с.о.)*...

Серединное высказывание: *Она стала чемпионкой мира / (с.н.) по шахматам по версии ФИДЕ / (с.о.) На соревнованиях в Нальчике / (с.н.) Костенюк выиграла с подавляющим преимуществом / (с.о.)*² *Бороться с ней не могла даже ... феноменальная китаянка ... Ху Ифань / (с.о.) В такой успех Костинюк верили немногие / (с.о.) недавно она родила дочь / (с.о.) и пропустила почти два сезона соревнований / (с.о.) однако набрать форму / (с.н.) ей удалось ... очень быстро / (с.о.) еще по ходу турнира / (с.н.) шахматистка не проиграла ... ни одной партии / (с.о.) ...*

Заключительное высказывание: *В качестве приза / (с.н.) шахматная королева / (с.н) получит диадему с драгоценными камнями / (с.о.)*...

Как видно из приведенного примера, в начальном высказывании в равной степени представлено синтаксически обусловленное и синтаксически необусловленное членение. Последнее находит выражение в интонационном маркировании подлежащего. Необходимо отметить, что в начальном высказывании анализируемого блока выражена тема фрагмента. Речь идет о русской шахматистке, которая стала чемпионкой мира. Это, по словам китайской исследовательницы Ли Вей, тема эксплицитного типа, которая характеризуется выраженностью смыслового ядра в зачине или концовке сложного синтаксического целого [Ли, 2000, с. 51] . Это означает, что тема данного фрагмента получает вербальное выражение в начальном высказывании. Соответственно, подлежащее, указывающее на объект повествования в информационном блоке, выражено в отдельную синтагму.

Серединные высказывания отмечены преобладанием синтаксически обусловленного членения. Серединные высказывания развивают тему, предложенную в начальном высказывании, потому необходимость интонационной детализации сводится к минимуму. Единичные реализации синтаксически необусловленного членения представлены актуализацией детерминанта места и дополнительных отношений внутри распространенной группы сказуемого.

В конечном высказывании подлежащее вновь отделяется от сказуемого, но это, на наш взгляд, объясняется общим стремлением конечных высказываний к дробному членению на синтагмы.

Таким образом, закономерности употребления синтаксически обусловленного и синтаксически необусловленного синтагматического членения в дикторской речи определяются позицией высказывания в структуре информационного блока, что позволяет говорить о композиционной обусловленности синтагматического членения.

Примечания

¹ Здесь и далее обозначает «синтаксически необусловленное членение».

² Здесь и далее «синтаксически обусловленное членение».

Список литературы

1. Брызгунова, Е. А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи / Е. А. Брызгунова. – М., 1984.
2. Глушко, Е. В. Паузирование в информационных текстах современной телевизионной речи (на материале новостей Российского и Британского телевидения) : дис. ... канд. филол. наук : (10.02.20) / Глушко Елена Валентиновна. – Пятигорск, 2004.
3. Гришина, О. А. Просодические особенности речи красноярских дикторов / О. А. Гришина. – Электрон. дан. – Режим доступа: // lib.krasu.ru (дата обращения: 30.03.2006).
4. Иванова-Лукьянова, Г. Н. Культура устной речи: интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм / Г. Н. Иванова-Лукьянова. – М : Флинта : Наука, 2002. – 200 с.
5. Корепанова, Т. Э. Стилистическая функция синтагматического членения телевизионных передач информационного типа / Т. Э. Корепанова // Русский язык за рубежом. – 1989. – № 5. – С. 73–79.
6. Лебедева, Ю. С. Особенности интонационного оформления текста телевизионного информационного сообщения / Ю. С. Лебедева, Г. П. Кашкорова. – Электрон. дан. – Режим доступа: www.philol.msu.ru (дата обращения: 25.05.2005).
7. Ли, Вей. Актуальное членение текста / Вей Ли // Русский язык за рубежом. – М., 2000. – Вып. № 2 (172). – С. 50–55.
8. Ломыкина, Н. Ю. Просодические характеристики речи телеведущих (на материале программ социально-культурной тематики) : дис. ... канд. филол. наук : (10.01.01) / Ломыкина Наталья Юрьевна. – М., 2006.
9. Прохвятилова, О. А. К вопросу о фоностилистической парадигме русской звучащей речи / О. А. Прохвятилова // Вестн. ВолГУ. Сер. 2, Языкознание. – Волгоград, 2002. – Вып. № 2. – С. 58–61.
10. Прохвятилова, О. А. Лингвистические особенности восприятия звучащего информационно-публицистического текста / О. А. Прохвятилова // Człowiek. Swiadomosc. Komunikacja / Internet. Miedzynarodowa Konferencja Naukowa «Język rosyjski w przestrzeni językowej i kulturowej Europy i świata». Warszawa, 1–12 maja 2002 r. – Warszawa, 2003. – S. 108–113.
11. Прохвятилова, О. А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи / О. А. Прохвятилова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1999. – 362 с.
12. Родионова, О. С. Синтагматическое членение как средство фоностилистической организации текста в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. С. Родионова. – М., 1985.
13. Современная русская устная научная речь. Том I. Общие свойства и фонетические особенности. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. – 336 с.

А.Е. Мажитова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В КОМПОЗИЦИОННО-РЕЧЕВОЙ СТРУКТУРЕ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ НОВОСТЕЙ

Статья посвящена рассмотрению гендерных различий в построении композиционно-речевой структуры телевизионных новостей. Различия наблюдаются в выборе вопроса, ответ на который составляет главное содержание информационной заметки, и в количестве новостных блоков в каждом из выпусков.

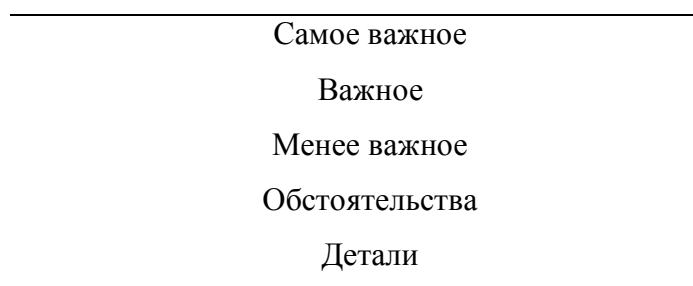
Введение понятия «гендер» в современную лингвистическую парадигму открыло перспективы для осмысления различных фактов языка в новом ракурсе. В настоящее время есть все основания заявлять о формировании гендерологии как самостоятельного направления в отечественной лингвистике, объектом которого являются социальный пол и его репрезентации в языке.

Данная работа посвящена рассмотрению композиционно-речевой структуры телевизионных новостей с точки зрения их гендерных различий. Материалом для исследования послужили расшифровки телевизионных новостей Первого канала (запись от 03.12.2009 г.), представленных дикторами, Дмитрием Борисовым и Валерией Кораблевой.

Под композиционно-речевой структурой телевизионных новостей в данной работе понимается мотивированное расположение компонентов, построение новостного текста, обусловленное его содержанием, характером, назначением и во многом определяющее его восприятие.

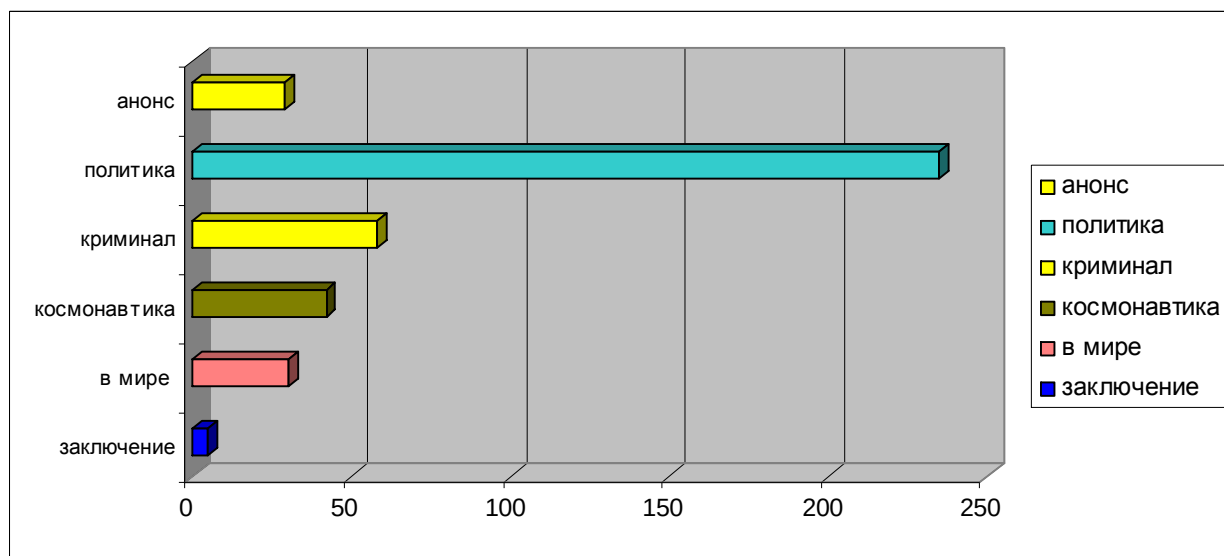
Описание композиции новостной передачи и конкретные рекомендации по смысловой организации языкового материала в «Новостях» представлены в научной литературе [см. например: Бернштейн, 1977; Ярошенко, 1973]. По наблюдениям исследователей, содержание каждой информационной заметки содержит ответы на несколько вопросов: что произошло, когда, где, почему, при каких обстоятельствах и каковы возможные последствия происшедшего. При этом обычно главное содержание информационной заметки составляют ответы на вопрос «что произошло», либо ответы на вопросы «где произошло», «когда произошло» или «почему произошло».

Кроме того отмечается, что в информационном сообщении материал, как правило, излагается в порядке уменьшающейся важности и в порядке сокращения времени звучания: за самым главным следует менее важное, затем менее важное и т. д. Этот принцип организации композиционно-речевой структуры языкового материала формулируется В.Н. Ярошенко как «принцип перевернутой пирамиды», и графически может быть представлен следующим образом:

Анализ имеющегося в нашем распоряжении материала показал, что в композиционно-речевой структуре телевизионных новостей используется принцип «перевернутой пирамиды». Однако наблюдаются гендерные различия в построении композиционно-речевой структуры.

Так, выпуск «Новостей» с ведущим Д. Борисовым содержит 6 блоков новостей, таких как анонс, политика, криминал, космонавтика, в мире, заключение. Эти блоки располагаются в порядке уменьшения времени звучания (см. гистограмму 1).

Гистограмма 1. Расшифровка телевизионных новостей с Дмитрием Борисовым

Самым продолжительным по времени звучания является блок новостей о политике, в котором затрагиваются две темы: визит президента России в Италию и пресс-конференция с премьер-министром. Содержание этого информационного блока строится на ответах на такие вопросы, как «где и что происходит», «что произошло», «кто», «почему произошло». Определяющим же принципом построения является ответ на вопрос «где и что происходит».

Следующий меньший по времени звучания блок новостей о криминале, содержание которого также строится на ответах на вопросы «что произошло», «когда произошло», «кто», «где произошло». Главным вопросом в этом блоке является «что произошло».

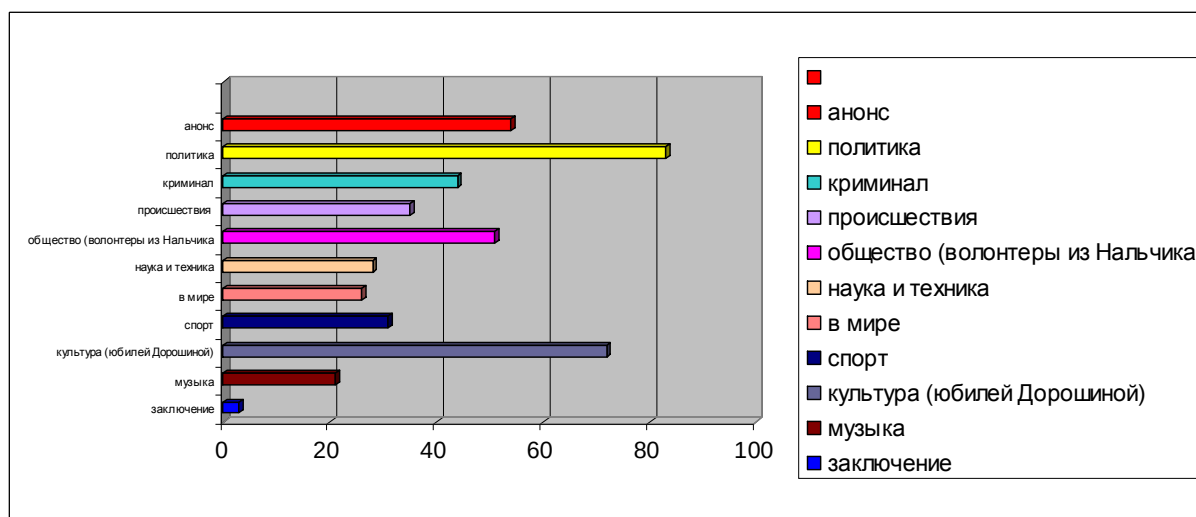
Далее в порядке уменьшения времени звучания следуют блоки новостей о космонавтике и событиях в мире. Содержание блока новостей о космонавтике строится на ответах на вопросы «кто», «когда произошло» и «что произошло», главный вопрос – «кто». В блоке новостей о событиях в мире – ответ на вопрос «где произошло».

Таким образом, композиционно-речевая структура телевизионных новостей с мужчиной-диктором строится по принципу «перевернутой пирамиды».

В композиционно-речевой структуре телевизионных новостей с ведущей В. Кораблевой наблюдается модификация принципа «перевернутой пирамиды».

Выпуск содержит 11 блоков новостей: анонс, политика, криминал, происшествия, общество, наука и техника, в мире, спорт, культура, музыка,

заклучение, которые объединяются в 3 крупных блока, и каждый из которых строится по принципу «перевернутой пирамиды» (см. гистограмму 2).

Гистограмма 2. Расшифровка телевизионных новостей с Валерий Кораблевой

Первый блок содержит новости по трем темам: политика, криминал, происшествия, которые расположены в порядке уменьшения времени звучания, то есть по принципу «перевернутой пирамиды». Далее следует второй блок, который включает три темы: общество, наука и техника, в мире. Они также расположены в порядке уменьшения времени звучания. Третий блок также построен по принципу «перевернутой пирамиды». В нем представлены две темы: культура и музыка.

Каждый из блоков начинается с положительной новости. Так, первый блок начинается с новостей о политике, в которых освещается визит президента в Рим, второй блок – с новостей об обществе, в которых затрагиваются две темы: о волонтерах из Нальчика, которые помогают ветеранам, и об открытии центров здоровья в Дагестане, третий блок – с новостей о культуре, в которых говорится о юбилее Н. Дорошиной. Заканчивается каждый блок негативной новостью. Содержание всех трех новостных блоков определяется ответами на вопрос «что произошло».

Гендерные различия в построении композиционно-речевой структуры телевизионных новостей наблюдаются в выборе вопроса, ответ на который составляет главное содержание информационной заметки. Так, в новостном выпуске с мужчиной-диктором отмечается варьирование в выборе главного вопроса, из ответа на который строится содержание информационного блока – главными вопросами могут быть «где и что происходит», «что произошло», «кто», «где произошло». В то время как в «Новостях» с женщиной-диктором наблюдается следование конкретным рекомендациям по смысловой организации языкового материала, в которых говорится, что обычно главное содержание информационной заметки составляют ответы на вопрос «что произошло». И в новостных блоках этот вопрос является главным. Кроме того, различия отмечаются и в количестве новостных блоков в каждом из выпусков. Так, в «Новостях» с мужчиной-диктором содержится 6 блоков новостей, в выпуске с женщиной-диктором – 11 блоков. Это

подтверждает имеющиеся в научной литературе представления о том, что в мужской речи наблюдается стремление к глобализации материала, в женской речи – стремление к конкретизации новостей.

Список литературы

1. Бернштейн, С. И. Язык радио / С. И. Бернштейн. – М., 1977.
2. Ярошенко, В. Н. Информационные жанры радиожурналистики / В. Н. Ярошенко. – М., 1973.

Е.С. Рябова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНЫХ ТОК-ШОУ)

В статье ставится проблема о необходимости сознательного формирования имиджа судебной власти с помощью телевидения. В этом смысле имеющиеся судебные ток-шоу не выполняют такой роли, поскольку в них в угоду зрелищности нередко нарушаются важнейшие требования к поведению участников процесса, к аргументированию позиции и пр.

Проблема имиджа судебной власти обусловлена, на наш взгляд, противоречивым и неустойчивым состоянием всей правовой культуры и правосознания в нашей стране, самой ее правовой системы.

Результаты социологического исследования показывают, что более 90 % россиян узнают о том, как работают суды, из СМИ. 9 % наших сограждан сами обращались в суд. Но никто из опрошенных не пользовался правом посетить открытое судебное заседание с тем, чтобы увидеть Фемиду в работе до того, как придется самим с ней столкнуться. Эксперты подтверждают, что жители нашей страны крайне редко ходят в суд в качестве зрителей, поскольку систему правосудия и граждан связывает взаимная неприязнь. Судьи не хотят, чтобы их работу оценивали, а россияне не желают смотреть на несправедливость, царящую в судах.

Вместе с тем, если раньше нежелание граждан самим знакомиться с деятельностью суда дополнялось и отсутствием какой-либо информации о деятельности этого органа в СМИ, то теперь, по данным ВЦИОМ, только 6 % наших сограждан совершенно безразличны к российской Фемиде. Интерес остальных поддерживается разнообразными судебными ток-шоу, имитирующими процесс судопроизводства («Час суда, «Суд идет», «Федеральный судья» и т. д.). Рейтинг таких передач очень высок, поскольку они, во-первых, позволяют узнать о деятельности суда без особых усилий со стороны граждан, а во-вторых, гораздо больше, чем реальный суд, соответствуют принципу справедливости, ведь в них, как правило, есть конкуренция, столкновение сторон, торжество закона.

Как же влияют подобные ток-шоу на имидж судебной системы? На наш взгляд, имеется как положительное влияние, так и отрицательное. К положительному можно отнести следующие аспекты:

1) Повышение правовой грамотности граждан. Это, во-первых, выражается в ознакомлении с правами и обязанностями участников процесса, а также правилами поведения в здании суда; а во-вторых, в иллюстрировании некоторых основных постулатов правосудия. Например, гражданам наглядно объясняют: если сосед убил или покалечил вашу собаку, это не дает вам право сжечь его машину. Даже если на обыденном уровне такое действие представляется справедливым, с юридической точки зрения, это преступление.

2) Возможность познакомиться с существующей судебной практикой, найти «свой случай». В этом смысле особенно полезны не те судебные процессы, в которых разбираются тяжкие преступления (убийства, грабежи, изнасилования и т. п.), а те, предметом которых являются преступления, часто имеющие место в реальной жизни (делят наследство, крадут друг у друга своего ребенка, портят имущество в отместку за нанесенную обиду и под.). В этих случаях указание на существующие статьи закона, на процедуру разрешения подобных споров и т. п. оказывает гражданам реальную помощь в решении их проблем.

3) Создание уверенности в справедливости судебной системы. Этот пункт должен быть первым и главным, однако в наших условиях представляется особенно спорным, поскольку реальные ток-шоу ему соответствуют далеко не всегда.

Что касается отрицательного влияния, то основными его причинами являются следующие:

1) Большая часть телевизионных программ данного жанра задумывается лишь как спектакль, необходимый для повышения рейтинга канала. По нашему мнению, они не имеют ничего общего с работой реального суда, и в результате люди получают искаженное представление о правосудии. Формат этого жанра предполагает накал страстей, эмоции нередко находят выход в драках и иных неординарных поступках. Зрители принимают скандальное и эмоциональное поведение участников процесса как должное и даже необходимое. Однако в настоящем зале суда такое поведение недопустимо.

2) Демонстрация непрофессионализма участников ток-шоу. И защитники, и обвинители на процессах – это реальные адвокаты и прокуроры, которых не только можно увидеть на телеэкране, но и встретить в залах российских судов. Выступая по телевидению, они должны демонстрировать свои лучшие качества. Вместе с тем, так бывает далеко не всегда. Особенно часто недоумение и протест граждан вызывает поведение прокуроров, которые будучи представителями государства (а не частных интересов потерпевшего), тем не менее крайне предвзято относятся к подсудимому, не замечают очевидных противоречий в доказательствах и смягчающих обстоятельств, настаивают на осуждении подсудимого, даже если его вина ничем не доказана и т. п.

3) Использование недопустимых средств воздействия. Именно этот пункт является собственно лингвистическим, поэтому на нем необходимо остановиться более подробно. Конечно, современные телезрители совсем не всегда способны осознать, что оратор употребляет какие-то манипулятивные приемы. Вместе с тем

интуитивно большая (по крайней мере, образованная) часть аудитории осознает ущербность такой речи. Особенно очевидны бывают просчеты в выступлениях прокуроров, когда на них в своей речи указывает адвокат.

Для выяснения специфики таких приемов нами было проанализировано 30 ток-шоу «Федеральный судья» и «Суд идет», поскольку это наиболее адекватные передачи. Анализу подлежали выступления адвокатов, в которых указывалось на манипулятивные приемы воздействия в речи прокурора. Наблюдения показывают, что чаще всего встречаются следующие приемы:

1) Интерпретация фактов только в выгодном для оратора свете: ***Односторонна и ложна привычка всякий приписываемый подсудимому факт истолковывать самими худшими для него предположениями.***

2) Утаивание информации, каких-либо существенных деталей: ***Обвинение вам напомнило это завещание, но оно отступило от обязанности беспристрастия, упустив пункт о выдаче 20000 руб., что придает совсем иной характер сделке.***

3) Проявление избирательного внимания к фактам в соответствии со своей позицией. Жизнь человека обычно содержит разные по характеру факты. Однако прокурор видит (и говорит об этом) в подсудимом только плохое, в то время как адвокат может рассуждать о его хороших делах и качествах: ***Не могу не заметить, что прошлое Дмитриевой не настолько чисто, чтобы можно было во всем безусловно верить ей и считать ее невинною, напрасно погибающею жертвой, какой хочет ее представить обвинение. Вспомните, что в связи с именем Дмитриевой, Галкин говорил о краже серег у его жены, свидетель Радостин о краже часов у Нефедова.***

4) Многократное повторение тезиса в разных видах приводит к тому, что он запоминается, усваивается и начинает восприниматься как свое суждение (в частности, по этому принципу навязывается и реклама).

5) «Предвосхищение основания» заключается в том, что в качестве аргументов используются недоказанные, как правило, произвольно взятые положения: домыслы, ссылки на слухи, на расхожие мнения и выдача их за аргументы, якобы обосновывающие основной тезис. В действительности же доброкачественность таких доводов лишь предвосхищается, но не устанавливается с несомненностью.

Как представляется, полноценный анализ того влияния, которое оказывают судебные ток-шоу на граждан, помог бы как судебным органам, так и телевизионным журналистам.

Р.Й. Кочубей

**Волгоградский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (Волгоград, Россия)**

**УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕЧЕВОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
КОММУНИКАЦИИ ВЫПУСКНИКОВ КООПЕРАТИВНОГО ВУЗА**

Статья посвящена актуальной современной проблеме соотношения языковой и профессиональной коммуникации в потребительской кооперации. Автор утверждает, что лингвистическая и коммуникативная компетенция становится в рыночных условиях неперенным компонентом общепрофессиональной подготовки юристов, менеджеров, муниципальных служащих, референтов, руководителей всех уровней. Для студентов-нефилологов это особенно важно, так как умение осуществлять речевую деятельность, знание условий, определяющих ее эффективность, во многом определяют успех любой профессиональной коммуникации: производственной, коммерческой, финансовой, научной, управленческой и др. Анализируя компоненты успешной речевой деятельности, автор приходит к выводу, что высокий уровень культуры речи специалистов, наряду с другими составляющими, становится одним из факторов обеспечения конкурентоспособности современной кооперативной экономики. Игнорирование этих условий препятствует организации эффективной речевой деятельности, ведет к коммуникативным неудачам, а следовательно, – к серьезным проблемам выпускников вузов в профессиональной области. Формированию языковой и коммуникативной компетенции выпускника не способствует и изучение небольшого (в рамках кооперативного вуза) перечня учебных дисциплин лингвистического профиля, так как многообразие языковых знаний и конкретных речевых умений и навыков, которыми должен овладеть будущий специалист в пределах данных курсов, не соответствует объему учебных часов, отводимых на их изучение.

Основной задачей профессионального воспитания студентов является формирование всесторонне развитой, гармоничной личности, умело сочетающей профессиональные умения, морально-этические качества и высокий уровень культуры. Общеизвестно, что для продуктивного общения в профессиональной сфере важна также коммуникативная компетенция, достаточность которой определяется прежде всего высоким уровнем языковой культуры и навыками грамотного письма. Особенно это актуально для подавляющего большинства носителей языка, не имеющих филологического образования.

Особенность речевой деятельности заключается в том, что она всегда включается в более широкую систему деятельности как необходимый и взаимообусловленный компонент. Так, в процессе профессиональной деятельности специалист сталкивается с необходимостью продуцировать связные, грамотно построенные монологические тексты на разные темы в соответствии с коммуникативными намерениями говорящего и ситуацией общения, участвовать в диалогических и полилогических ситуациях общения, устанавливать речевой контакт, обмениваться информацией с другими членами языкового коллектива, убеждать оппонента в выгоде предложения и проч.

От того, насколько умело осуществляется речевая деятельность, зависит успех любой профессиональной деятельности: производственной, коммерческой, финансовой, научной, управленческой и др.

Умение успешно вести деловые переговоры, грамотно составлять тексты документов и работать с ними – важнейшие составляющие профессиональной

культуры человека, принимающего решения. Лингвистическая компетентность становится в рыночных условиях неременным компонентом общепрофессиональной подготовки юристов, менеджеров, муниципальных служащих, референтов, руководителей всех уровней.

Низкая речевая культура напрямую связана с низкой эффективностью совещаний, переговоров, параличом законов, которые часто составлены так, что их просто нельзя исполнить. Таким образом, высокий уровень культуры речи специалистов становится одним из факторов обеспечения конкурентоспособности кооперативной экономики. В связи с этим, актуальным является исследование условий, способствующих эффективному обмену информацией и осуществлению коммуникативной цели.

Под эффективностью речевой коммуникации понимается достижение адекватного смыслового восприятия и адекватной интерпретации передаваемого сообщения. Правильная интерпретация считается состоявшейся, если реципиент трактует основную идею текста в соответствии с замыслом коммуникатора. Если реципиент усвоил, для какой цели порожден данный текст, что именно хотел сказать его автор с помощью всех использованных средств, можно утверждать, что он интерпретировал текст адекватно. Неадекватное понимание устного и письменного сообщения может привести к серьезным ошибкам во время выработки и принятия решения, стать причиной нежелательных конфликтов.

Одним из условий эффективности речевой коммуникации, как отмечают исследователи, является потребность в общении, в явном виде не выраженная языковыми формами, так называемая «коммуникативная заинтересованность». Заинтересованность в общении не может быть охарактеризована вполне в терминах лингвистики, так как она находится в сфере действия сил социальной гармонии и правил поведения (при симметричных и асимметричных социальных отношениях). Однако на уровне отношений между участниками диалога коммуникативная заинтересованность устанавливает паритетность вне зависимости от социального статуса и ролей. Так, на заинтересованность в общении и равные права в диалоге не влияют: а) глубина знакомства (близкие друзья, знакомые, незнакомые); б) степень социальной зависимости (например, главенство отца, подчиненное положение в коллективе); в) эмоциональный фон (благожелательность, нейтральность, неприязнь). В любом случае при заинтересованности имеет место согласие «внимать», «солидарность». И это первая ступень к успешному завершению разговора.

Следующее важное условие успешного общения, правильного восприятия и понимания – настроенность на мир собеседника, близость мировосприятия говорящего и слушающего. Л.П. Якубинский определил это как близость апперцепционной базы говорящих. Жизненный опыт собеседников, сходные интересы и культурные каноны рожают быстрое взаимопонимание, которое выражается стремительной сменой реплик, такими паралингвистическими средствами, как мимика, жесты, тембр голоса. В других жанрах успешность речевого общения определяется умением говорящего представить мир слушающего и в соответствии с этим организовать свою речь

(начиная с обращения, интонационного рисунка высказывания, порядка слов, выбора семантико-синтаксической структуры предложения, экспрессивных средств разных уровней, этикетных формул). Это способствует возникновению у собеседника благожелательного внимания, а также активизирует все составляющие культурного понимания речи, коммуникативные ожидания и ассоциации; открытость к любой позиции говорящего, готовность принять все доводы, предвосхищение смысла каждой фразы и дальнейшего хода разговора. На знании «в чем дело» держатся такие явления речи, как намек, догадка, различные способы проявления категории определенности/неопределенности, референтная отнесенность. Таким образом, данное условие успешного речевого общения также в значительной степени находится вне компетенции лингвистического анализа, так как коренится в прошлом опыте жизни собеседников и в практике «использования» языка.

Главным условием успешного речевого общения является умение слушателя проникнуть в коммуникативный замысел (намерение, интенцию) говорящего. Поскольку коммуникативное намерение формируется на довербальном уровне речи-мысли, а постижение смысла сказанного происходит параллельно линейному разворачиванию высказывания, слушатель проделывает большую работу по интерпретации речевого потока и «реконструкции» замысла говорящего, по переосмыслению ранее сказанного и понятого, по соотносению своей «модели» понятого с реальными фактами и линией поведения собеседника.

На успешность речевой коммуникации влияют также внешние обстоятельства, присутствие посторонних, канал общения (например, телефонный разговор, сообщение на пейджер, записка, письмо, беседа с глазу на глаз), настроение, эмоциональный настрой, физиологическое состояние – все это может предопределять исход разговора. Различают общение контактное – дистантное; непосредственное – опосредованное; устное – письменное. Общение будет более эффективным, если оно протекает в устной форме, собеседники находятся наедине. Но даже благоприятные условия еще не гарантия успеха, согласия. Разговор «творят» речевые отрезки (реплики), паузы, темп, жест, мимика, взгляды, позы, разговор развивается во времени, каждая последующая реплика «наслаивается» на все сказанное ранее, взаимодействует с ним, и результат этого взаимодействия непредсказуем. Атмосфера диалога становится не менее существенной, чем его содержание, и потому «стихия» разговора все более увлекает собеседников.

Важным компонентом успешного речевого общения является знание говорящими норм этикетного речевого общения. Вне зависимости от формул вежливости, в языке есть традиционный набор высказываний, предписывающих адресату определенную форму ответа. Этикетное речевое поведение предопределено не только «традиционными» вопросами, но и обстоятельствами разговора, тональностью общения, его стилистикой.

Таким образом, успешность речевого общения зависит от желания участников в форме диалога выразить свои мнения, желания, просьбы; от

умения определить все личностные особенности коммуникантов, организовать в соответствии с этим свои реплики, содержащие информацию по определенному вопросу или вопрос в оптимальной форме, на достойном для собеседника интеллектуальном уровне, в интересном ракурсе, с использованием этикетных речевых клише.

В современных условиях демократизации и низкого уровня культуры общества в целом игнорирование этих условий превращает конструктивный диалог в деструктивный, препятствует организации эффективной речевой деятельности, ведет к коммуникативным неудачам, а следовательно, – к серьезным проблемам выпускников вузов в профессиональной области.

Формированию языковой и коммуникативной компетенции выпускника не способствует и изучение небольшого (в рамках кооперативного вуза) перечня учебных дисциплин лингвистического профиля, так как многообразие языковых знаний и конкретных речевых умений и навыков, которыми должен овладеть будущий специалист в пределах данных курсов, не соответствует объему учебных часов, отводимых на их изучение.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М., 1982. – 2-е изд. ; М., 1986.
2. Казарцева, О. М. Культура речевого общения: Теория и практика обучения / О. М. Казарцева. – М., 1998.
3. Колтунова, М. В. Язык и деловое общение: Нормы. Риторика. Этикет / М. В. Колтунова. – М., 2002.

Е.Н. Вотрина

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ХАРАКТЕР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АВТОРА И ЧИТАТЕЛЯ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

В статье показано, что отношения между автором и читателем в научно-популярных текстах второй половины XX века предполагают не только иерархию, но и симметрию, то есть согласование смысловых позиций; к концу 90-х гг. XX века происходит увеличение объема и спектра средств внешней диалогичности, указывающих на характер взаимоотношений автора и читателя.

В последнее время в лингвистике существенно возрос интерес к изучению коммуникативного аспекта текста, в рамках которого текст рассматривается как порождение акта коммуникации, общение адресата и адресанта.

Данный подход может быть использован при рассмотрении научно-популярных текстов. Ориентация научно-популярной литературы на адресата вызвана необходимостью постоянно взаимодействовать с ним для достижения цели популяризации – донесение до неспециалиста знаний в убедительной и доступной форме. Характер взаимодействия между автором и тем, кому адресован текст, проявляется через отношения, которые можно обозначить как

иерархические и симметричные [Прохватилова, 1999, с. 28]. Этим и обусловлено использование в научно-популярных текстах категории диалогичности и средств ее создания.

Диалогичность определяется как «свойство текста (высказывания), отражающего отношение говорящего и слушающего, субъекта и адресата речи, отношение «я»-сферы и «ты»-сферы модуса высказывания» [Прохватилова, 1999, с. 428–446].

Цель данной работы – рассмотреть функционирование в научно-популярных текстах второй половины XX века категории диалогичности с точки зрения отражения в них взаимоотношений автора и читателя.

В качестве материала исследования послужили тексты статей научно-популярного журнала «Русская речь» за 1968 и 1999 гг. Общий объем анализируемого материала составил 200 п. л.

Анализ материала показал, что в научно-популярном тексте находит отражение два типа диалогичности: внешняя диалогичность, связанная с понятием адресации, а, следовательно, актуализацией «ты»-сферы высказывания; внутренняя диалогичность, источником которой является актуализация «я»-сферы [Прохватилова, 1999, с. 428–446].

Известно, что внешняя диалогичность как отражение взаимоотношений автора и читателя эксплицируется в текстах следующей системой языковых средств: «мы»-формами, формами повелительного наклонения, обращениями. Указанные средства эксплицируют статус адресата и его оценку говорящим [Прохватилова, 1999, с. 247].

По нашим наблюдениям, в научно-популярных текстах второй половины XX века спектр средств внешней диалогичности, выражающих взаимоотношения автора и адресата, чрезвычайно сужен. На 100 печатных страниц анализируемого материала встречается только 5 случаев употребления мы-«форм» и 4 случая употребления форм повелительного наклонения. Обращения в научно-популярных текстах второй трети XX века в нашем материале не представлены. Проанализируем указанные средства внешней диалогичности подробнее.

К средствам внешней диалогичности, выражающим взаимоотношения автора и адресата, относятся «мы»-формы, включающие в себя глаголы и личные и притяжательные местоимения 1-го лица множественного числа. Употребление «мы»-форм обуславливается реализацией прагматической направленности речи на адресата, когда «говорящий как бы привлекает слушающих к участию в анализе, развитию мысли» [Русская грамматика, 1980, с. 638].

Анализ нашего материала показал, что «мы»-формы в научно-популярных текстах конца 60-х гг. XX века выступают в значении «мы»-совместное, например: *Выделив в имени существительном суффикс -янка, **мы получим** корень жерл-, который не может быть непосредственно соотнесен с современным словом жерло, например, жерло пушки.* [Русская речь, 1968, с. 10].

Приведенный и подобные примеры показывают, что форма 1-го лица множественного числа позволяет автору подчеркнуть свое единение с

читателем. Кроме того, семантика «мы»-форм, исключая иерархичные отношения участников совместного действия, манифестирует равноправность позиций субъекта речи и ее адресата. Система доказательств как бы разворачивается совместно автором и его читателем. Поэтому справедливо говорить о том, что «мы»-формы в научно-популярных текстах указывают на симметричные отношения между автором и адресатом.

Семантика глагольных императивов 2-го лица множественного числа в научно-популярных текстах конца 60-гг. XX века связана с передачей воли говорящего, обращенной к одному или нескольким лицам, выражением побуждения к действию, воздействием, например: *Напишите нам, все ли считаете здесь правильным с точки зрения языка и стиля* [Русская речь, 1968, с. 60].

Мы видим, что в данном контексте выражается побуждение к действию, обращенное к нескольким лицам. Позиция субъекта речи является активной, доминирующей, что позволяет считать глагольные императивы 2-го лица множественного числа маркером иерархических отношений участников коммуникации.

Таким образом, в научно-популярных текстах конца 60-х гг. XX века наблюдается сочетание симметричных и иерархичных отношений между автором и читателем. Симметричные отношения основываются на равноправности позиций субъекта речи и ее адресата, в то время как иерархичные отношения являются отражением волеизъявления автора.

В научно-популярных текстах конца 90-х гг. XX века спектр и объем средств диалогичности, отражающих отношения автора и читателя, увеличивается (см. Диаграмму 1).

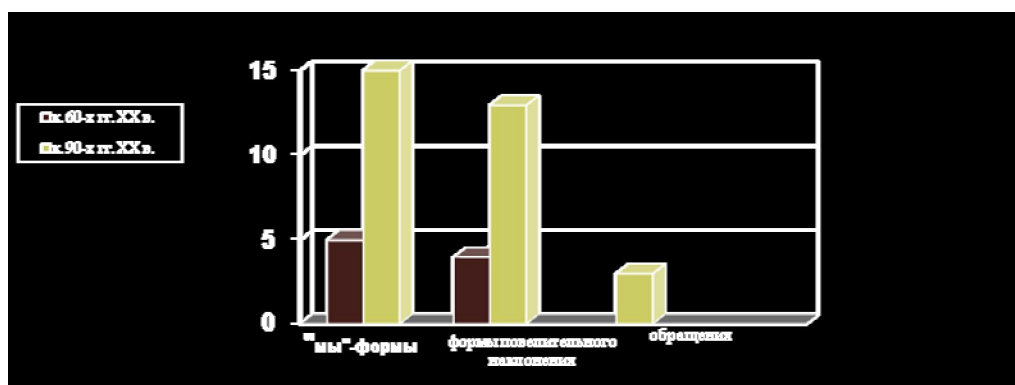

Диаграмма 1. Средства внешней диалогичности в научно-популярных текстах II половины XX века

Как видно из приведенной диаграммы, в текстах конца 90-х гг. XX века увеличена доля «мы»-форм, передающих симметричные отношения между автором и читателем. Вместе с тем наблюдается более частотное употребление форм повелительного наклонения. Кроме того, к средствам, отражающим взаимоотношения автора и читателя, добавляются обращения.

Наряду с глагольными императивами 2-го лица мн. числа, передающим иерархические отношения между автором и читателем, наблюдается

использование побудительных синтетических форм 1-го лица множественного числа, или форм «совместного действия». Обозначаемое данными формами побуждение всегда относится к двум или более лицам, а именно: к собеседнику (либо собеседникам, группе лиц, включающих собеседника) и к самому говорящему [Русская грамматика, 1980, т. I, с. 622], например: *Чтобы глубже проникнуть в суть рассматриваемой проблемы, **обратимся** к истокам ее возникновения в русистике* [Русская речь, 1999, с. 44].

Приведенный пример показывает, что автор научно-популярного текста представляет своего адресата как равного участника общения, рассматривает его как своего коллегу, соавтора. Следует также отметить, что формы «совместного действия», выражающие прямое волеизъявление в научно-популярных текстах конца XX века, имеют некатегоричный характер, что создает оттенок равноправия в отношениях между автором и читателем. Кроме того, при использовании форм 1-го лица множественного числа повелительного наклонения у читателя возникает ощущение, что он не просто знакомится с новой информацией, но как бы получает ее сам.

Анализ обращений, употребляемых в научно-популярных текстах конца XX века, также обнаруживает их способность передавать тип отношений между автором и читателем.

Анализ нашего материала показал, что в качестве номинации адресата речи наиболее часто употребляется обращение *читатель* в сочетании с субстантивированным прилагательным *дорогие*, например: *Уже сегодня, **дорогие читатели**, те из вас, кто выписывает журнал в течение 3–5 лет, стали обладателями ряда уникальных собраний* [Русская речь, 1999, с. 22].

Как видно из примеров, данные обращения позволяют передать доброжелательное отношение автора к читателю и в то же время эксплицируют иерархичную привилегированность субъекта речи над ее адресатом.

Таким образом, наши наблюдения показывают, что отношения между автором и читателем в научно-популярных текстах II половины XX века предполагают не только иерархию, но и симметрию, то есть согласование смысловых позиций. Вместе с тем к концу 90-х гг. XX века происходит увеличение объема и спектра средств внешней диалогичности, указывающих на характер взаимоотношений автора и читателя.

Список литературы

1. Прохватилова, О. А. Православная проповедь и молитва как феномен звучащей речи / О. А. Прохватилова. – Волгоград, 1999.
2. Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М., 1980. – Т.1.

И.В. Бугаева

РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева (Москва, Россия)

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ В РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЕ

В статье рассматриваются две основные особенности речевой коммуникации в православной сфере: во-первых, статус коммуникантов и направленность общения, во-вторых, влияние церковнославянизмов разных языковых уровней на адекватное понимание сообщения.

Интерес к коммуникации, к формам, способам и механизмам передачи информации в религиозной сфере привлекает все новых исследователей не только в светской науке, но и в богословской. Когда Н.Б. Мечковская писала о становлении религиозной коммуникации, она отметила, что существуют черты, «которые отличают религиозную коммуникацию от всех других видов общения. Например, в сопоставлении с коммуникацией во всех других областях жизни людей религиозное общение обладает наибольшим разнообразием семиотических средств. В религиозном общении используются все сенсорные каналы восприятия информации, малопродуктивные в публичной коммуникации (тактильные: прикосновения к святыням; обоняния: запах ладана; вкусовые: причастие, пост, разговение)» [Мечковская, 2009].

В религиозной практике значимы три направления коммуникации: от Бога – к человеку; от человека – к Богу; от человека – к человеку.

Первое направление представлено текстами Священного Писания. Рассматривая вторую группу коммуникантов **человек – Бог** (Богородица, святые), определяем, что цель коммуникации – молитвенное прошение или славословие, часто начинающееся с обращения. Структурно-семантические формулы вокатива в данном случае часто используют церковнославянскую звательную форму и в ряде случаев представлены наименованиями, состоящих из перифрастических определений и символических метафор по отношению к Господу, Богородице и святым: *Спасителю душ наших, Дево Богоотроковице, старче Божий, Сергие всехвальне; преподобне отче Серафиме*. При обращении к Господу и Богородице апеллятивы подвергаются онимизации, что орфографически передается с помощью прописной буквы: *Царь, Искупитель, Спаситель, Невеста, Владычица, Царица, Заступница* и т. д.

В третьем направлении общения **человек – человек** может быть разное соотношение статусного положения адресанта и адресата. В Церкви соблюдается строгая иерархия взаимоотношений. Формально ситуации статусного равенства возможны в следующих случаях: священнослужитель – священнослужитель, мирянин – мирянин. Ситуаций полного равенства между коммуникантами сравнительно мало, но даже в таких случаях традиционно действуют законы церковного этикета, регламентирующие уважительное отношение друг к другу и не допускающие фамильярности.

Задача религии в процессе коммуникации состоит в распространении Православного Учения в пространстве (на разных территориях), во времени (на протяжении тысячелетия) и в обществе, независимо от его стратификации. Таким образом, религиозная коммуникация обеспечивает общение определенной социальной группы православных христиан по вертикали и по горизонтали. В этом состоит первая особенность религиозной коммуникации.

Второй существенной особенностью общения в православной среде является использование церковнославянизмов, причем, не только лексических, но и фонетических, графических, орфографических, грамматических, словообразовательных, стилистических и синтаксических. Приведем примеры. Среди фонетических отличий, маркирующих речь православных верующих на русском языке, можно выделить особенности в области вокализма и в области консонантизма. В области вокализма сохраняются количественные и качественные характеристики безударных гласных, не происходит редукция этих звуков. Например: усердные [мо]ления, [Бого]матерь, [про]славлю, ми[ло]сердие и др. Во-вторых, произношение ударного [э] после мягких согласных и [ц] перед твердыми согласными, отсутствие лабиализации, например: [с'эстры], [м'эртвый], безна[д'эжный], [отцэв]. В области консонантизма сохраняется произношение г-фрикативного в словах *Бог*, *благо*, *благодать* и т. д. По правилам чтения в церковнославянском языке необходимо побуквенное произнесение окончаний имен прилагательных мужского рода в форме родительного падежа единственного числа, этот навык переносится на русскую речь: *свят[аго]*, *Иоанна Златоуст[аго]*, *боголюбив[аго]* и т. д.

Церковнославянское ударение часто встречается при явном или скрытом цитировании. Например: *Они служили делу спасения мира, становились благодатными духовными путеводителями народа Божия «пастырями и учителями» стада Христова* (записано в январе 2005); *Наша матушка – сла́внейшая* (сравн. молитву *Достойно есть...*); *... и возьмем, возьмем крест свой* (скрытая цитата из Евангелия, Мк.8,34); *У этого студента дар язы́ков*; *А вы не хотите отделить овец от козлищ* и т. д. Существует также множество примеров активного употребления церковнославянизмов на других языковых ярусах.

Следующая особенность речевой коммуникации в религиозной сфере – адекватное взаимопонимание между теми, кто является носителем православного мировоззрения, и теми, кто только начинает интересоваться основами христианства.

Проблема понимания – одна из самых актуальных в настоящее время, так как она часто приводит к коммуникативным неудачам, в том числе и в общении на религиозные темы. По нашим наблюдениям, наиболее типичные коммуникативные неудачи обусловлены следующими причинами. Во-первых, незнанием того, что в религиозной сфере встречаются слова, которые воспринимаются невоцерковленным человеком как странный окказионализм. Например, О.Б. Сиротина, говоря о многочисленных ошибках в речи журналистов, в изобретении ими неблагозвучных неологизмов, упрекает их в том, что они придумали какое-то неуместное слово «теплохладность». «Журналисты, – пишет она, – изобретают теплохладность (самое страшное в человеке теплохладность – Изв. 02. 08. 03)...» [Сиротина, 2007]. Однако слово «теплохладность» не изобретено журналистами, оно является церковнославянизмом и широко распространено в церковной среде.

Источником коммуникативных неудач часто служит терминологическая религиозная лексика типа *алтарь*, *икос*, *клирос*, *фелонь* и т. п. Религиозная

лексика мало представлена в современных орфографических словарях, поэтому написание некоторых слов также вызывает определенные трудности: *келлия, Елисавета*.

В православной среде предлог **о** часто употребляется в церковнославянском значении *внутри кого-н., чего-н.* Чаще всего такое значение встречается в словосочетаниях с одним из наименований Господа: *возлюбленный о Господе, братья о Христе* и т.п. Например: *Дорогому Н., нашему о Христе брату, с любовью и всяческим благословением. Архимандрит Софроний. Окт. 1988 (дарственная надпись на книге); С неизменной братской любовью о Господе (Поздравительное послание Святейшего Патриарха Алексия II).*

Часто этот предлог встречается в заключительной этикетной фразе в частных письмах: *С неизменным уважением и любовью о Господе Воскресшем, диакон Сергей; С пожеланием творческих удач и любовью о Христе; Мира и радости о Дусе Святем в благословенные дни Пасхи Христовой Вам и всем Вашим родным и близким.* Такое употребление предлога **о** поддерживается переводами Священного Писания на русский язык: *Все хотящие благочестно жить о Христе Иисусе, гонимы будут* (ап. Павел, II Тим. 3, 12).

Употребление предлога **о** в значении «внутри чего-н., кого-н.» в церковной литературе может привести к неверному с точки зрения богословия толкованию. Например, в 84 псалме есть фраза: *Услышу, что речет о мне Господь Бог* (Пс. 84, 9). Многие неοфиты воспринимают ее значение так: «Что думает обо мне Бог», «Что замышляет в отношении меня Господь», «Каков Промысл Божий обо мне» и т.п. Истинный смысл фразы иной: слово Божие звучит **внутри**, в душе верующего человека, вот что важно слышать и услышать. В противном случае, можно высоко вознестись и впасть в ересь, если думать, что Господь говорит **обо мне**. В ряде толкований и проповедей находим подтверждение сказанному. Так, в одной из духовных бесед старца Иосифа Ватопедского находим: «Как вы знаете, пророк Давид хотя и был многозаботлив и имел множество хлопот, но его больше всего занимало, что скажет Бог внутри него через Свое божественное просвещение: Услышу, что речет **о** мне Господь Бог (Пс. 84, 9). Такое духовное устройство теперь трудно найти в нашем обществе и в нашей жизни. Но слово Божие всегда звучит в душе боящихся Бога. Кто не слушает, что Бог говорит **внутри** него, тот сам является виновником своей расслабленности и беспечности» [Иосиф Ватопедский, 2004, с. 161]. В издании бесед на русском языке редактор сделал сноску к форме местоимения *о мне*: «В греч. тексте Септуагинты: ἐν ἐμοί – «во мне» [Иосиф Ватопедский, 2004, с. 161]. Это – весьма существенное замечание, учитывающее современное русское языковое сознание, в котором предлог **о** не соотносится со значением *в, внутри*, а именно такое значение важно и единственно верно для понимания приведенного фрагмента.

Чтобы общение состоялось, чтобы адресованная информация адекватно была воспринята слушающим, в православной среде важны не

только богословские знания, но и хотя бы минимальное владение церковнославянским языком.

Список литературы

1. Ватопедский, И. Ватопедские оглашения: Беседы о монашеской жизни : пер. с греч. братии Богородице-Сергиевой Пустыни / Старец И. Ватопедский. – Богородице-Сергиева Пустынь, 2004. – 374 с.
2. Мечковская, Н. Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета / Н. Б. Мечковская. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 594 с.
3. Сиротинина, Н. Б. Факторы, влияющие на развитие русского языка в XXI веке / Н. Б. Сиротинина // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 7. – Саратов, 2007.

Е.А. Овечкина

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ОСОБЕННОСТИ МЕЛОДИЧЕСКОГО ОФОРМЛЕНИЯ МОЛИТВЫ «СИМВОЛ ВЕРЫ»

В статье показано, что специфика мелодического оформления молитвы «Символ веры» состоит в функционировании особых типов интонационных моделей (мономелодической и нисходяще-восходящей), не встречающихся в современной интонационной системе. При этом преобладание мономелодической модели в каноническом молитвенном чтении, а также наличие суженных интервалов в восходящей и нисходяще-восходящей интонационных моделях создает эффект монотонии, характерный для подобного вида молитвенного чтения.

Как известно, современная звучащая духовная речь воплощает собой традиции русской речевой культуры. Одним из ядерных жанров религиозной коммуникации является православная молитва, так как, по мнению исследователей, она наиболее полно отражает содержательные характеристики и языковые особенности этого типа коммуникации [Прохватилова, 2008, с. 337].

Православная молитва изучается в ряде различных дисциплин: богословии, филологии, искусствоведении. Так, в изучении молитвы можно выделить несколько направлений. Первое, теологическое, имеющее наиболее давние традиции, связано с рассмотрением молитвы в богословском аспекте [см.: Кронштадтский, 2001; Брянчанинов, 1905 и др.].

Литературоведческое направление изучения молитвы основывается на рассмотрении функционирования жанра молитвы в творчестве отдельных писателей: А.С. Пушкина [см.: Лепахин, 1994]; Ф.Н. Глинки [см.: Козлов, 2005]; Ф.А. Тютчева [см.: Афанасьева, 2005]; поэтов-романтиков [см.: Осанкина, 2001] и др.

Основными аспектами изучения молитвословия в искусствоведческом направлении являются: рассмотрение взаимосвязи молитвы и пения, виды

молитв, ритмические особенности церковных песнопений, история возникновения и развития православного церковного пения [см.: Мартынов, 1997, Корнышева, 2008].

Самостоятельным направлением в изучении молитвы является лингвистическое осмысление ее особенностей. Исследователи рассматривают жанровую специфику молитвы [см.: Бобырева, 2007; Прохватилова, 1999]; семантику [см.: Мухелишвили, Шрейдер, 1993; Прохватилова, 1999]; коммуникативное пространство [см.: Войтак, 1998; Прохватилова, 1999]; типы молитвословных текстов [см.: Войтак, 1998; Прохватилова, 1999; Бобырева, 2007], особенности звучания молитвы, ее ритмо-мелодической организации [см.: Кончаревич, 2007; Прохватилова, 1999]. Несмотря на интерес лингвистов к религиозной коммуникации и, в частности, к молитве как одному из ядерных жанров духовной речи, работ, посвященных рассмотрению специфики звучащей молитвы, недостаточно.

Данная статья посвящена описанию мелодического оформления православной на примере молитвы «Символ веры» в каноническом молитвенном чтении, в котором в той или иной степени воспроизводится традиционное чтение церковнославянских сакральных текстов.

При анализе звуковых воплощений молитвословных текстов мы используем систему интонационного описания звучания молитвословий, предложенную О.А. Прохвятиловой [Прохвятилова, 1999, с. 44–62].

Анализ звуковых воплощений молитвы «Символ веры» показал, что в *каноническом* молитвенном чтении функционируют следующие интонационные модели: *мономелодическая*, *нисходяще-восходящая*, *восходящая*, что соответствует нормам религиозно-проповеднического фоностилия [Прохватилова, 2008, с. 337–347]. Так, **мономелодическая** модель характеризуется ровным движением тона в рамках одной синтагмы и может функционировать в двух вариантах: в среднем регистре (ровный средний тон) и в верхнем регистре (ровный высокий тон). Например:

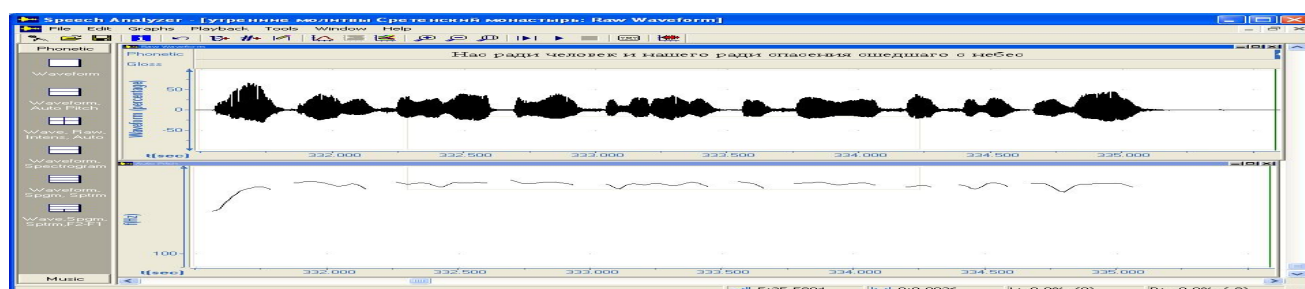

Рис. 1 Интонограмма фрагмента молитвы «Символ веры», (мономелодическая модель)

В приведенной интонограмме канонического чтения молитвы Символ веры наблюдается ровное движение тона в высоком регистре – ровный высокий тон.

Нисходяще-восходящая модель включает ровный средний тон в довершинной части, понижение тона на гласном, предшествующем

вершинному, и повышение тона на гласном вершины; завершинная часть произносится на ровном высоком тоне. Например:

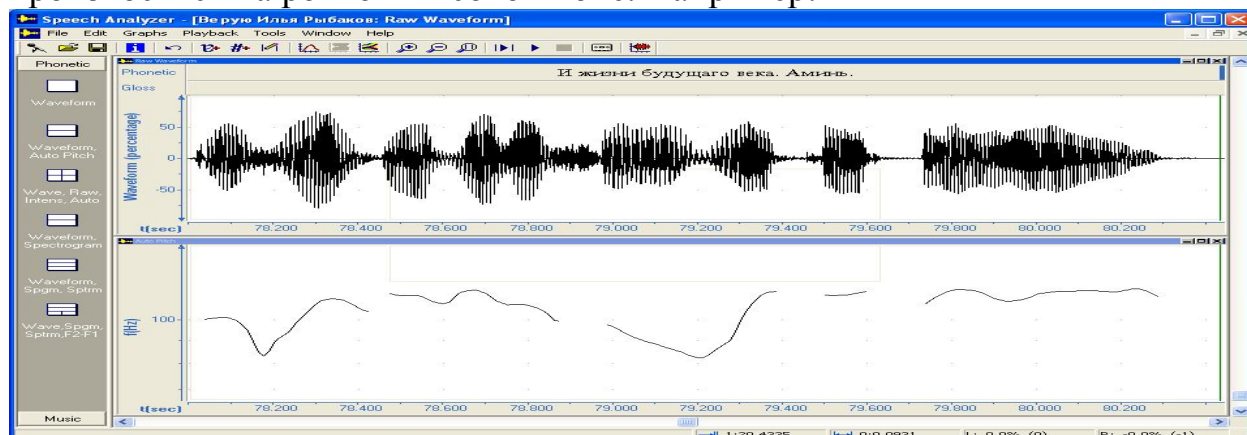

Рис. 2 Интонограмма фрагмента молитвы «Символ веры» (нисходяще-восходящая модель)

Восходящая модель состоит из ровного среднего тона в довершинной части, восходящего движения тона на вершине и ровного высокого тона в завершинной части. Например:

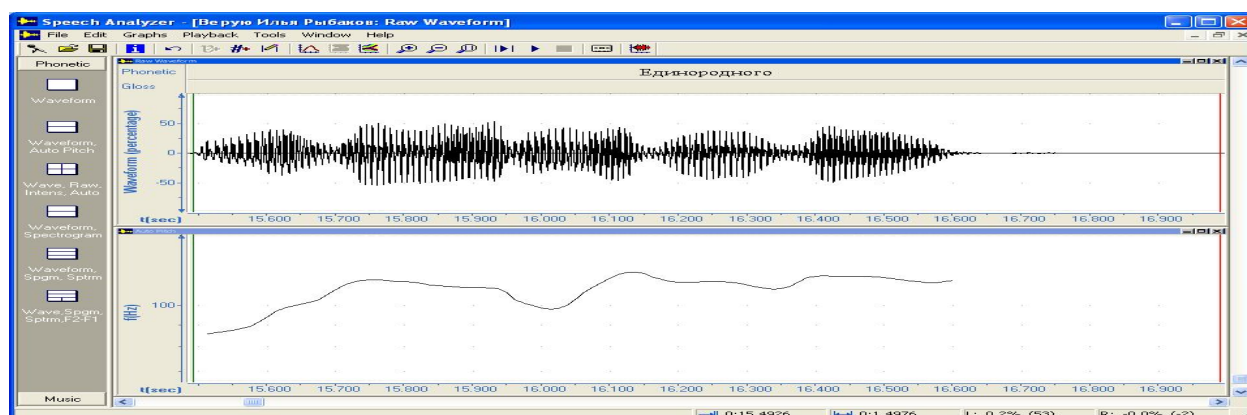

Рис. 3. Интонограмма фрагмента молитвы «Символ веры» (восходящая модель)

Как известно, нисходяще-восходящая и мономелодическая модели не имеют аналогов в современной звучащей речи и встречаются только в *каноническом* молитвенном чтении [Прохватилова, 1999, с.49]. Восходящая интонационная модель соотносима с выделяемой в современной интонационной системе, предложенной Е.А. Брызгуновой, такой интонационной конструкцией, как ИК-6. Однако особенностью восходящей интонационной модели в каноническом молитвенном чтении является использование суженного частотного интервала, не характерного для современной интонационной системы. Напомним, что в современной системе частотные интервалы в интонационных моделях составляют от 100 до 200 Гц. В нашем материале при каноническом молитвенном чтении интервал равен 35–37 Гц.

Таким образом, специфика мелодического оформления молитвы «Символ веры» состоит в функционировании особых типов интонационных моделей (мономелодической и нисходяще-восходящей), не встречающихся в

современной интонационной системе. При этом преобладание мономелодической модели в каноническом молитвенном чтении, а также наличие суженных интервалов в восходящей и нисходяще-восходящей интонационных моделях создает эффект монотонии, характерный для подобного вида молитвенного чтения.

Список литературы

1. Афанасьева, Э. М. Молитвенная лирика Ф.И. Тютчева / Э. М. Афанасьева // Духовные начала русского искусства и образования : материалы V Всерос. конф. с междунар. участием... («Никитские чтения»). – Великий Новгород, 2005. – С. 180–189.
2. Бобырева, Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения) : монография / Е. В. Бобырева. – Волгоград : Перемена, 2007. – 375 с.
3. Войтак, М. Проявление стандартизации в высказываниях религиозного стиля (на материале литургической молитвы) / М. Войтак // Текст: стереотип и творчество / под ред. М. П. Котуровой. – Пермь, 1998. – С. 214–230.
4. (Брянчанинов) Игнатий, святитель. Сочинения епископа Игнатия : в 5 т. / Игнатий(Брянчанинов). – СПб., 1905.
5. Козлов, И. В. Стихотворная молитва в творчестве Ф. Н. Глинки 1820-х гг. / И. В. Козлов // Изв. Ур. гос. ун-та. – 2006. – № 47. – С. 236–242.
6. Кончаревич, К. О некоторых специфических маркерах метаструктуры литургического дискурса / К. Кончаревич // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов : материалы Второй Междунар. науч. конф., г. Волгоград, 24–26 апр. 2007 г. В 2 т. Т. 1. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007. С. 630–635
7. Корнышева, И. Р. Музыкальная эстетика православного богослужения : автореф. дис... канд. философ. наук / И. Р. Корнышева. – Владимир, 2008. – 26 с.
8. Кронштадтский, И. Мысли о богослужении православной церкви «Моя жизнь во Христе» / И. Кронштадтский. – М., 2001. – 446 с.
9. Лепахин, В. В. «Отцы пустыnnики и жены непорочны...» (Опыт подстрочного комментария) / В. В. Лепахин // Журн. Моск. Патриархии. № 6. – 1994. – С. 87–96.
10. Мартынов, В. И. Пение, игра и молитва в русской богослужебной системе / В. И. Мартынов. – М. : Филология, 1997. – 208 с.
11. Мухелишвили, Н. Л. Семантика и ритм молитвы / Н. Л. Мухелишвили, Ю. А. Шрейдер // Вопросы языкознания. – 1993. – № 1. – С. 45–51.
12. Осанкина, В. А. Библейско-евангельская традиция в эстетике и поэзии русского романтизма : автореф. дис.... д-ра филол. наук / В. А. Осанкина. – Екатеринбург, 2001. – 35 с.
13. Прохвятилова, О. А. Жанровая специфика православной молитвы / О. А. Прохвятилова // Славистика. К-га XII (2008). – Београд, 2008. – С. 337–347.
14. Прохвятилова, О. А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи / О. А. Прохвятилова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1999. – 364 с.

М.Л. Ефимова

**Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия)**

**КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РЕКЛАМНОМ ДЕЛЕ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА (НА ПРИМЕРЕ г. ЯРОСЛАВЛЯ)**

Статья посвящена вопросам использования компьютерных программ в рекламном деле в теории и на практике (на примере г. Ярославля). В ходе исследования были обозначены существующие проблемы и намечены пути их преодоления. Статья может быть полезна как исследователям, так и практикам в области рекламного и кадрового менеджмента, компьютерных технологий.

Говорить о рекламе в России просто и сложно одновременно. В СССР рынка не было, хозяйство и политическая система были плановыми, а значит, реклама для продвижения товара на рынок (в том числе и политический) была не нужна. С переходом к новым для нас рыночным отношениям возникла потребность в рекламе. В 90-х годах в России был «дикий» капитализм и не менее «дикая» реклама, как в прямом, так и в переносном смысле. Российская специфика не позволяла заимствовать на Западе рекламные теории и технологии без серьезной адаптации, что еще больше тормозило развитие рекламного дела в стране. Однако за прошедшие 20 лет ситуация радикально изменилась в лучшую сторону.

Переведены на русский язык и многократно переиздаются работы ведущих западных теоретиков маркетинга и рекламы. Появились труды российских ученых и практиков в области рекламы, сформировалась система подготовки специалистов по рекламе как на уровне среднего, так и высшего профессионального образования.

В современном российском обществе реклама является одним из видов самостоятельной производственной деятельности. И в этой связи правомерно говорить о теории и практике рекламного дела. Но в информационном обществе бизнес не может быть эффективным без использования современных информационных и компьютерных технологий. А для рекламной отрасли эти технологии являются решающим фактором ее существования.

В современной экономической науке рекламу относят к интегрированным маркетинговым коммуникациям, рассматривают ее как способ оказания воздействия на покупательскую аудиторию, то есть с точки зрения товаропроизводителя. [Шарков, 2004, с. 20] Подходя к рекламной деятельности как к бизнесу, становится очевидным, что реклама является как его основным видом деятельности, услугой, которую он предлагает товаропроизводителю, так и одним из средств продвижения этой услуги и самого рекламного бизнеса. Эта двойственная природа рекламы нашла свое отражение в развитии таких разделов науки и практики, как рекламный менеджмент, рекламный маркетинг, рекламно-производственная деятельность. Эта же двойственность рекламы объясняет, почему автоматизация и компьютеризация массово пришли в рекламу раньше, чем в другие отрасли экономики. Реалии сегодняшнего дня – компьютеризированное рабочее место у каждого специалиста рекламного агентства (далее – РА), отдела маркетинга и/или рекламы, центра малой полиграфии, офиса сетевого РА, доступ к глобальным информационным ресурсам, разнообразное периферийное компьютерное и другое офисное оборудование¹.

Сфера применения в рекламе современных информационных технологий, основанных на использовании компьютеров, очень обширна и включает в себя различные аспекты, от создания простейших текстовых документов и электронной переписки до планирования и оценки эффективности рекламной кампании и разработки рекламной продукции, решения задач менеджмента и маркетинга с использованием информационных систем и сетевых технологий, принципов и технологий, обеспечивающих безопасность (в широком смысле слова). Новым и профессионально значимым является рассмотрение Интернет как рекламного пространства. [Ефимова, 2007, с. 13]

В соответствии со служебными обязанностями каждому сотруднику устанавливается необходимое, часто индивидуальное, программное обеспечение (далее – ПО). Тематический список программ достаточно большой: офисный пакет, программы работы с графикой (двумерной, трехмерной, векторной, растровой, фрактальной, анимированной), настольные издательские системы, программы для работы с видео и звуком, САПР, СУБД, системы для расчетов (табличные редакторы, статистические программы и др.) и т. д. Такое разнообразие оправдано ввиду разнородности выполняемых задач: осуществление связей с общественностью; проведение маркетинговых исследований; разработка и проведение рекламных кампаний; создание и моделирование рекламного продукта; организация и управление технологическими процессами производства различных видов рекламной продукции; анализ и прогнозирование эффективности рекламной деятельности и др. [1]

При обобщении результатов наблюдения можно утверждать, что в г. Ярославле в РА при выполнении служебных обязанностей у каждого сотрудника формируется большое количество разнообразных документов, большая часть из которых хранится в электронном виде в постоянной памяти (на жестком диске) ПК, установленного на его рабочем месте. То есть каждый сотрудник формирует свое хранилище документации, недоступное (в широком смысле) другим сотрудникам и даже руководителю без самого сотрудника. Исключением были: работа в одном из РА (дочернее предприятие бесплатно распространяемой газеты объявлений), где менеджеры по продаже рекламных возможностей работали в единой базе данных 1:С Предприятие, и на региональном телеканале, где в отделе маркетинга и рекламы была поставлена специализированная СУБД для работы менеджеров по продаже времени для телевизионной рекламы. Однако в остальном работа сотрудников продолжала носить несистемный (с точки зрения использования ПК) характер. Результаты наблюдения выявили

1. несоответствие между возможностями установленного аппаратно-программного обеспечения и недостаточным уровнем автоматизации обработки и хранения информации в целом;

2. неоптимальный подбор программных средств для решения поставленных задач.

Для более глубокого исследования указанных проблем и исследования требований рынка труда к подготовленности специалистов-рекламистов в

области информационных технологий в 2005 и 2009 годах были проведены два исследования.

Первое было направлено на изучение потребности в выполнении сотрудниками видов работ с использованием компьютерной техники, которые указаны в Квалификационном справочнике должностей [3] для менеджера по продаже рекламных возможностей, специалиста по маркетингу и дизайнера (вопрос 1, закрытый). Для каждой из должностей требовалось ответить на вопрос 2 (открытый): «Какими знаниями в смежных областях должен обладать специалист?» В вопросе 3 необходимо было указать компьютерные программы, в которых должен уметь работать специалист в настоящее время (закрытый), и вопрос 4 «Какими программами он должен будет овладеть в будущем?» (открытый).

На вопросы анкеты отвечали руководители (первые лица) четырех РА и руководитель отдела маркетинга негосударственного вуза, то есть было обследовано четыре крупных предприятия рекламы полного цикла и отдел маркетинга крупного образовательного учреждения (в момент анкетирования вуз работал уже 10 лет), что позволяет говорить о репрезентативности выборки и достоверности результатов для г. Ярославля.

Ответы на вопрос 3 показали, что наиболее востребованными являются программы векторной графики, далее по убывающей: текстовый редактор, табличный редактор, программа презентаций и программа растровой графики, программы верстки, справочно-правовые системы. Только один раз были указаны: программа подготовки web-страниц, программа создания трехмерной графики и программа управления проектами. Не востребованы программы обработки данных маркетинговых исследований, СУБД. Никто из руководителей не ответил на вопрос 4.

Делая выводы, следует сказать, что полученная ранжированность умения работать в программах не соответствует количеству сотрудников, которые ежедневно работают в этих программах, и противоречит тем видам работ, выполняемых на ПК, которые руководители сами же и указали в ответах на первый и второй вопросы. Например, программа для автоматизации расчетов в рейтинге только на третьем месте, несмотря на то, что она ежедневно требуется и менеджеру по продаже рекламных возможностей, и специалисту по маркетингу, а в отделе маркетинга эти специалисты являются основной движущей силой. Проведенное исследование выявило и другие несоответствия теории и практики рекламного дела в области применения компьютерной техники.

Следующим этапом исследования проблемы соответствия теоретических и практических подходов к автоматизации работ в рекламной деятельности стало анкетирование 2009 года, в ходе которого были опрошены менеджеры среднего и высшего звена восемнадцати РА на предмет применения автоматизированных систем документооборота в настоящее время или намерения их использовать в ближайшем будущем.

В настоящее время такие системы используются в трех РА, остальные пятнадцать даже не планируют их применение. Выясняя осведомленность о возможностях таких систем, были получены следующие результаты: в

тринадцати РА – знают, но не пользуются; в одном – не знают; и еще одно РА в прошлом имеет негативный опыт использования такой системы.

К сожалению, следует признать, что на региональном уровне в крупном промышленном центре с хорошо развитым рекламным бизнесом (в настоящее время в городе работает более 100 РА разного уровня и профиля), проблема соответствия теоретически обоснованного и практически реализованного полноценного использования компьютера в рекламном деле не решена при наметившемся улучшении ситуации в целом.

Примечание

¹ Результаты исследования за 2005–2009 г. (метод наблюдения).

Список литературы

1. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования от 14.03.2000 г. Специальность 350700 Реклама. Номер госрегистрации 41мжд/СП.
2. Ефимова, М. Л. Учебная программа дисциплины «Информационные технологии в рекламе», Дисциплины специализации специальности «Реклама»: сб. программ / М. Л. Ефимова; отв. ред. и сост. Л. В. Ухова. – Ярославль: ЯГПУ, 2007.
3. Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих: утв. Минтруда РФ 21.08.1998 г. № 37: в ред. постановления Минтруда РФ от 12.11.2003 № 75.
4. Шарков, Ф. И. Интегрированные рекламные коммуникации / Ф. И. Шарков. – М.: РИП-Холдинг, 2004.

М.С. Дзедаева

**Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
(Владикавказ, Россия)**

ВЕРБАЛИЗАТОР «ДВА» КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЧИСЛО» В ОСЕТИНСКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Статья посвящена одной из репрезентаций концепта «число» на материале осетинского фольклора (нартский эпос и осетинский паремиологический фонд). Автором выявляются когнитивные признаки с учетом данной репрезентации в осетинской картине мира.

С древнейших времен числа служили средством описания миропорядка и ориентации в нем человека. «Число – это абстрактное, лишенное особого содержания обозначение какого-либо члена некоторого ряда, в котором этому члену предшествует или следует какой-нибудь другой определенный член; абстрактный индивидуальный признак, отличающий одно множество от другого того же ряда. Количество – число, величина, численная определенность, о количестве спрашивают: «сколько», «как много», «как долго» [ФЭС, 1999, с. 576].

В осетинском языке слово *пунт*?с означает «счет, число, численность, количество», его этимология восходит к *nimati*- индоевр.; сравним др. индийский *mati*-, *miti*- «мера, мерить» [Абаев, 1996, с. 201].

Число в большинстве культур и религий имеет сложную символику: священные числа, счастливые числа и несчастливые числа. Символическое выражение числа – это не просто выражение количества, а идеи-силы, каждая со своим особым характером.

Числа в языковой картине мира объективируют один из наиболее известных классов знаков, ориентированный на качественно-количественную оценку элементов особого числового кода, с помощью которого описывается мир.

В архаичных традициях числа использовались в ситуациях, которым придавалось сакральное «космизирующее» значение. Тем самым они описывали параметры образа мира и служили средством для его периодического восстановления в циклической системе развития для преодоления деструктивных хаотических тенденций.

Роль числа наиболее значима в культурах, тексты которых базируются на развитом классификационном принципе, согласно которому все объекты (особенно сакрально значимые) связаны друг с другом определенной системой иерархических отношений [Топоров, 1988, с. 630].

Все числа происходят от единицы. Далее число все глубже погружается в материю, в усложняющиеся процессы, в «мир». Первые десять цифр рассматриваются как духовные образования: это – сущности, архетипы и символы. Остальные – продукт комбинации основных чисел. Базовые универсалии обнаруживаются и в западной, и в восточной культурах. Современная символическая логика возвращается к идее количественного измерения как основы качественного [Топоров, 1988, с. 632].

В осетинской языковой картине мира число «два» объективируется на основе бинарных противопоставлений, описывающих мир в фольклорной традиции. Это число отсылает к идее взаимодополняющих частей (мужское и женское как два значения категории пола; небо и земля, день и ночь как составляющие пространственно-временной структуры космоса), к теме парности, в частности в таких ее аспектах, как четность, дуальность, двойничество, близнецество.

Мотив близнецов широко распространен в осетинском фольклоре. В этом мотиве находят отражение космические мифы о созвездии близнецов, об утренней и вечерней звезде, о солнце и луне. Мотив близнецов повторяется в нартском эпосе дважды (братья-близнецы Ахсар – Ахсартаг и Урузмаг – Хамиц).

Согласно легенде Уархаг (стар.осет. **уарка** – «волк») является родоначальником одной из трех нартских фамилий Ахсартагата – фамилии мужественных, прославившейся своими героями (значимые персонажи нартского эпоса принадлежат этой фамилии. У Уархага рождаются мальчики-близнецы Ахсар и Ахсартаг. Ахсар родился первым (имя ? xsar имеет древнеиранское происхождение – «власть, царство»)) [Абаев, 1990, с. 254]. Второго мальчика называли Ахсартагом (? xsart? g – 'Xsar + уменьшительный суффикс –? g, Ахсарик) [там же].

После смерти Ахсара и Ахсартага, у Дзерассы –дочери морского владыки рождаются мальчики-близнецы Уругаг и Хамиц, отцом которых является Ахсартаг [Абаев, 1990, с. 253]. Урузмаг – постоянный предводитель нартских

походов за добычей, всегда возглавляет Совет именитых Нартов и нартские пиры. Напротив, Хамиц никогда не совершал подвигов, был легкомыслен [Абаев, 1990, с. 57]. Если ли первая пара близнецов имеет только возрастные отличия, то вторая обладает оппозиционно-качественными характеристиками.

Номинатор «два» сопровождает описание близнецов в осетинском эпосе, поскольку слово *fas* имеет значение «половика», во множественном числе слово *фазз? дт?* – «близнецы», в осетинском языковом сознании рассматривается как две половинки единого целого. Кроме того, в осетинской традиции очень почетно иметь наследника, то есть два мальчика – два наследника «*? м? йын дыуу? фаззон л? ппуйы райгуырди*» [НК, с.18]: *И родила она двух мальчиков-близнецов.*

В результате анализа осетинского фольклора было выявлена группа номинаторов, обладающих набором когнитивных признаков выражающих:

а) неопределенно-количественное значение «несколько – много». Когда номинатор два можно заменить наречием «несколько» и «много»: «*Дыуу? н? з? гъын*» не говорю два (много, несколько) не выражаю свое мнение; «*? вз? р дыуу? марды к? ны*» плохой умирает дважды (много, несколько); «*Дыуу? йы ? хс? н уын*» быть между двумя (много, несколько); «*Дыуу? къух? й калын*» двумя (много, несколько) руками выкладывать; «*Дыккаг хат низ д? р не здахы*» болезнь дважды (много, несколько) не приходит; «*Сослан куыд скуывдта, дыуу? ? х? мы хуызд? р скувы У? лх? г*» Уалхаг пожелал в два (много, несколько) раза лучше того, что пожелал Сослан; «*Иу ц? ф? й дыккаг тынгд? р ф? рисы*» второй (много, несколько) удар болит сильнее, чем первый; «*Фацыдысты ? фсым? рт? дыуу? ф? ндагыл*» Отправились братья двумя дорогами;

б) неопределенно-количественное значение «мало – несколько», обозначающее, как правило, минимальную степень чего-то, так, например: «*Ирон фидис дыуу? боны*» осетинский упрек два (очень мало) дня; «*Дыуу? къахдзафы*» в двух шагах (мало, очень близко); «*Дыуу? дуарыл не'рбац? узан*» не пройдет через две (узко, мало для полного человека) двери; «*Иу – дыуу? боны куы ф? цыдысты у? д с? м Сырдон дзуры...*» Через пару дней (мало) пути, Сырдон обратился к ним.

в) неопределенно-количественное значение «мало – несколько» с реальным количественным значением, например: «*Дон? н й? дыуу? фарсы д? р д? хи куы н? хонай, у? д д? дзы иу д? р н? ф? уыдз? н*» [посл.] Если два берега реки своими не считать, то не получишь ни одного.

В качестве характеризующих признаков номинатор «два» описывает внутреннего и внешнего человека:

а) внешние: *Дыуу? дуарыл не'рбац? узан* (не пройдет через две двери (о полном человеке));

б) внутренние: *Дыуу? куыдзы раз холлаг н? ныкк? ндз? н* (двух собак не накормит (жадный человек)); *Иу къух? й дыуу? харбызы сис? н н? й* (одной рукой два арбуза не возьмешь, жадность); *Дыуу? царм ласын* (снять две шкуры, отобрать, о наглom человеке); *Дыуу? ц? сты ? хс? н? й фындз фелвасын* (меж двух глаз нос украдет, аферист); *Дыуу? 'фсымар? й арс д? р т? рсы* (двух

братьев даже медведь боится (сплоченность людей)); Дыуу? бир? гъы й? н? бах? рдзысты (даже двое волков его не съедят (сильный человек));

в) эмоционально-психическое состояние: Иу ц? ф? й дыккаг тынгд? р ф? рисы (второй удар болит сильнее, чем первый (обида)); Дыуу? йы ? хс? н уын (быть между двумя, метаться);

г) поведение: Исты фыд раканын дыууай? н ? мбис у (два преступника ответственность делят по полам); Дыуу? ц? сты ? хс? н? й фындз фелвасын (меж двух глаз нос украдет); Дыуу? йы ? хс? н арт ? фт? уын (разжигать огонь между людьми).

Следующая группа номинаторов обладает таким набором когнитивных признаков, которые описывают отношения между людьми (родственные, кровные и некровные), так например: «Дыуу? ? хс? н арт ? фтаун» *разжигать огонь между двумя людьми, ссорить кого-либо*; «Дыуу? ихсыд уды. Л? г ? м? Ус» *две измученные души, муж и жена не ужились вместе*; «Дыуу? зн? джы иу топай не 'хсынц» *два противника одним ружьем не стреляют*; «Дыуу? ? хс? н уын» *быть между двумя, ни туда, ни сюда*; «Бир? быц? у ф? кодтой хо ? м? ус, ст? й б? фидыдтой афт?: л? г м? й куы фестади у? д м? йы д? ргъы л? ппу дыуу? къуырийы уыди хом?, уый й? гыцылг? й бахордт?, инн? дыуу? къурийы та усм?, уый т? й? сдз? б? х кодта» [легенд.] *Много спорили жена и сестра с кем из них останется мужчина, и наконец решили, когда он привратился в луну, то две недели он был у сестры, которая его понемногу съедала, а другие две недели месяца он был у жены, которая ухаживала за ним и приводила в прежний вид*; «Дыуу? куы худой, у? д к? р? дзиуыл худынц» *двое смеются, то смеются над друг другом.*

Таким образом, репрезентация концепта числа «два» в осетинской фольклорной картине мира представлена следующими когнитивными признаками: неопределенно-количественное значение «несколько-много», неопределенно-количественное значение «мало – несколько», неопределенно-количественное значение «мало – несколько» с реальным количественным значением, описание внутренних и внешних характеристик человека, эмоционально-психическое состояние, поведение, отношение между людьми. Рассмотрев номинатор «два» как репрезентацию концепта «число» в осетинской фольклорной картине мира, можно сделать вывод, что номинатор «два» с учетом контекста, в котором он употребляется, приобретает различные когнитивные значения. Основная группа, которая описывает характерные свойства лица, события, связанные с проявлением этих свойств, физические состояния и чувства.

Список литературы

1. Абаев, В. И. Избранные труды: Религия, фольклор, литература / В. И. Абаев. – Владикавказ : Ир, 1990 – 640с.
2. Абаев, В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка : в 4 т. / В. И. Абаев – М. : Визом, 1996.
3. Гуриев, Т. А. Осетинско-русский словарь / Т. А. Гуриев. – 4-е изд. – Владикавказ, 1993. – 384с.
4. ФС = Дзабиты, З. Т. Ирон ? вз? джы фразеологион дзырдуат : фразеолог. слов. осет. яз. / З. Т. Дзабиты. – Цхинвал : Полиграф РЮО, 2003. – 446 с.

5. Ирон ? мбис? ндт? : пословицы, поговорки. – Сталинир : Госиздат, 1955. – 155 ф.
6. Ирон ? мбисонды хаб? рт? : пословицы, поговорки / под ред. Х. Цгоева. – Рухс : Дз? уджыхъ? у, 1997. – 382 ф.
7. Ирон таур? гът? . / чиньг сар? зт? Ш. Джыккайты. – Орджоникидзе : Ир, 1989. – 489 с.
8. Топоров, В. Н. Числа / В. Н. Топоров // Мифы народов мира : энцикл. – М. : Сов. Энцикл., 1988. – Т. 2.
9. НК = Нарты Кадджыт? . – Дз? уджыхъ? у : Аланыстон, 1995. – 344 ф.
10. НЭ = Нарты. Осетинский героический эпос. В 3 кн. – М. : Наука : Гл. ред. восточ. лит., 1990.
11. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведов. 4-е изд. – М. : Азбуковник, 1999. – 944с.
12. Философский энциклопедический словарь. – М. : ИНФРА-М, 1999. – 576 с.

Е.Ю. Рослова

МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКА КАК СПОСОБ ВОЗДЕЙСТВИЯ В СУДЕБНОЙ РЕЧИ

В докладе рассматриваются способы воздействия звучащей адвокатской речи на аудиторию. На материале современных адвокатских речей показаны приемы манипулирования общественным сознанием, а также предложена схема, демонстрирующая структуру и стратегию восприятия речи.

Проблема классификации и описания типологических особенностей жанров устной речи – один из малоизученных вопросов в современных лингвистических работах. Во-первых, это связано с тем, что структура устной речи еще недостаточно глубоко исследована. Во-вторых, настолько разнообразны речевые жанры и настолько резко расходятся в них основные характеристики, что свести все это многообразие к каким-то абстрактным, типологическим схемам и моделям возможно только в результате большого накопленного опыта наблюдений над функционированием каждого отдельного типа. Результаты исследования жанра ораторской речи дают основание полагать, что набор жанрообразующих особенностей дискурсов зависит от целого ряда лингвистических и экстралингвистических факторов, среди которых не последнее место занимает композиционная структура.

В нашем исследовании были проанализированы речи адвокатов выступающих со словом в суде. Для осуществления системного подхода к описанию приемов используемых в адвокатской речи была рассмотрена совокупность просодических, лексических и грамматических средств, а также была предложена иерархическая схема семантико-смысловой структуры текста, наглядно демонстрирующая замысел автора.

Можно так охарактеризовать основные синтаксические изменения в публичной речи, которые происходят под влиянием эмоций: нарушение порядка слов, инверсия, повторения, риторические высказывания, которые могут носить характер восклицания, вопросов. Например: *Что мы не хотим жить в правовом государстве? Еще как хотим! А в правовом государстве,*

уважаемы суд, права человека превыше всего!; Никаких доказательств о публикации данного решения суду не представлено; Господин Суслонов к лингвистической науке никакого отношения не имеет вообще!; Ну не согласен я с его политикой. Что тут такого?; Как господин Суслонов приходит к таким выводам? Абсолютно не понятно.

Одним из важнейших приемов убеждения является использование имени прилагательного, так как помимо своего категориального значения – обозначения признака предмета или лица – прилагательные могут также передавать отношение говорящего, его эмоциональную оценку определенного субъекта, объекта или действия: *Я прошу признать **недопустимыми и недостоверными** доказательства; Формулировку выводов мы видели, **некомпетентную, гнилую**.* – В данной фразе прилагательные используются как синонимы, произносятся с перечислительной интонацией и имеют негативную оценку; ***Убийственной** статьи уголовного кодекса.*

Используя личные местоимения в выражениях, говорящий присоединяет себя и тех, от лица которых он выступает к слушающим: *У нас свобода мысли и слова; давайте посмотрим; мы видели.*

Так же в речах адвокатов присутствует большое количество глагольных форм с отрицательной частицей не: *Не было установлено, не было доказано, не является посягательством, нельзя осудить, нельзя вменить в вину, никакого отношения не имеет*

Для достижения наибольшей убедительности адвокаты также активно используют такие приемы как: апелляция к авторитетам (*европейский суд по правам человека, международное право; общество этого не хочет*); обращение к известным именам (*Гитлер; У меня тоже дома лежат книжки Маркса, Энгельса, они тоже как говорит эксперт Суслонов возбуждают социальную рознь*); прием прямого обращения к слушающим (*Уважаемый суд*); обращение к текущим событиям (*Договор о передаче островов Китаю*); апелляция к самим себе (*Я не сторонник убеждений национал большевизма, равно как я вообще не понял в чем вообще их суть; Я могу сейчас тоже написать устав НБП и разместить его на своем сайте, и что это будет достоверный документ?*); включение в текст упоминаний о своем собственном опыте (*у меня тоже бухучет преподавали, но я сейчас не смогу сделать судебно-бухгалтерскую экспертизу при всем желании, я просто не смогу; я тоже иногда участвую в митингах, тое иногда что-то держу, около каких-то плакатов стою, что меня потом тоже в этом будут обвинять?*).

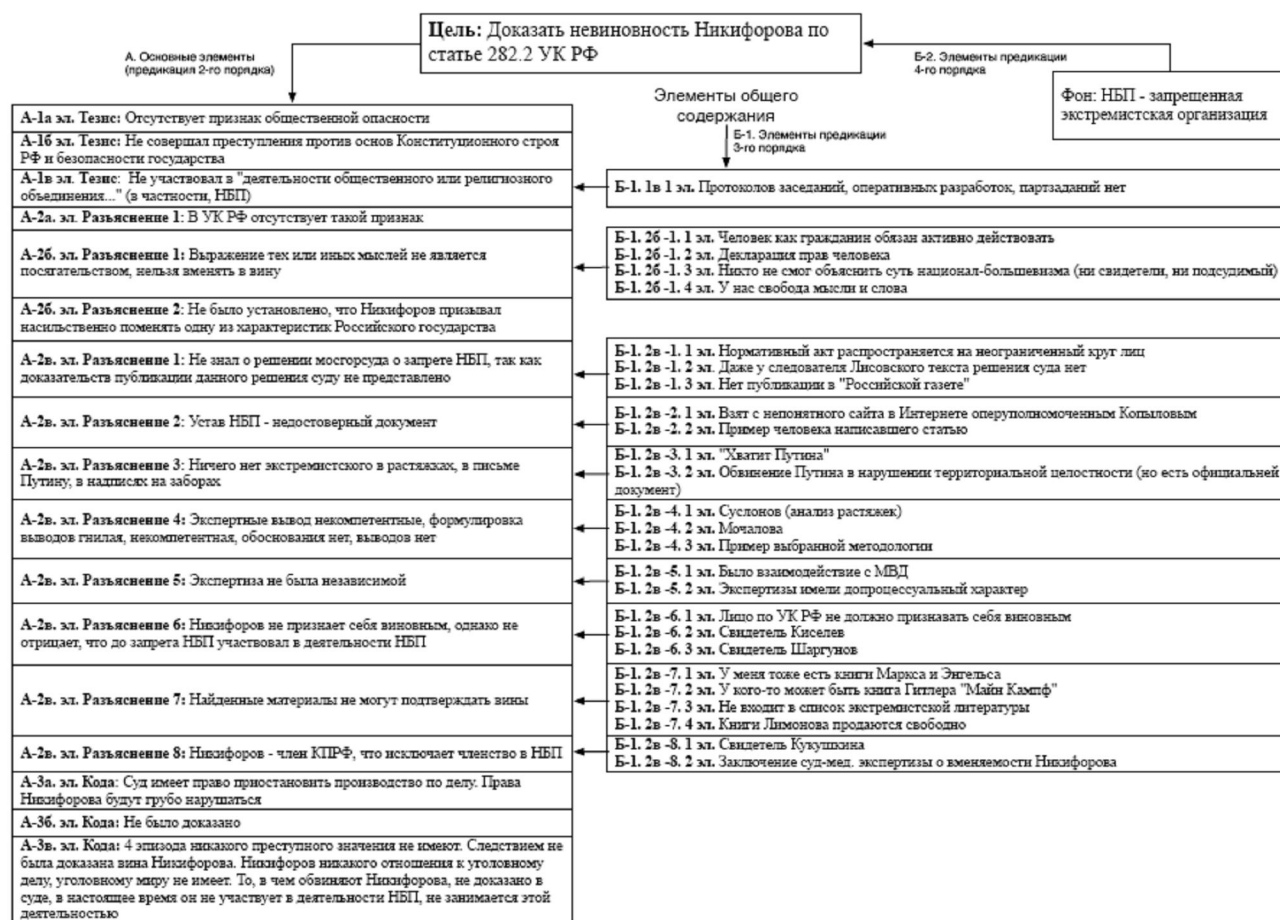
Один из использующихся адвокатами приемов называется **комментарий**. Цель – создание такого контекста, в котором мысли человека идут в нужном направлении. Сообщение о факте сопровождается интерпретацией комментатора, который предлагает слушателю несколько разумных вариантов объяснения.

Другой характерный прием – прием «**двусторонних сообщений**», то есть сообщений содержащих аргументы за и против определенной позиции. «Двустороннее сообщения» как бы упреждают аргументы оппонента и при

умелой их критике способствуют созданию определенного иммунитета против них. Например: *...не представлено доказательств того, что данный материал входит в федеральный список экстремистских материалов. Кроме того, найденные книги Э. Лимонова или Савенко, они продаются свободно, могут быть найдены у кого угодно дома, потому что продаются свободно и могут быть куплены в соответствующих книжных магазинах. Однако хотел бы обратить внимание, даже если бы данные материалы были запрещенными это еще не означало бы, что читающий их человек может придерживаться соответствующего идеологического течения. Например, если у того или иного человека найдут книгу Гитлера «Майн Кампф», которого читают в образовательных, научных целях, это еще не означает, что данный человек является сторонником национал социалистической или фашистской идеологии, это очевидно, уважаемые.*

Также адвокаты часто используют такой эффективный способ убеждения, как неустанное повторение одних и тех же утверждений, чтобы к ним привыкли и стали принимать на веру. Человеку всегда кажется убедительным то, что он запомнил, даже если запоминание произошло в ходе чисто механического повторения: *Как я уже говорил, не виновен, не участвовал.*

Теперь рассмотрим иерархическую схему адвокатской речи. Данная схема основана на идеях Н.И. Жинкина и Т.М. Дридзе. [Жинкин 1998, Дридзе, 1976]. Это семантико-смысловая структура текста, представляющая собой разбиение его на смысловые блоки (предикации), цель которых показать членение текста исходя из степени их значимости для адресата сообщения, а тем самым и авторский замысел произведения, основная задача которого заключается в воздействии.

Таким образом, с помощью подобных схем может быть наглядно показано, что является главным в тексте, а что – второстепенным. Безусловно, предложенный метод требует дальнейшей проработки и уточнения, однако преимущества предложенной схемы очевидны. Благодаря этой схеме, можно видеть, что современное адвокатское выступление хотя и объемно, но имеет стройно организованную структуру, что способствует пониманию и восприятию речи слушающими. Обычно для такого вида речей свойственно введение более одного тезиса. Разъяснение тезиса состоит в среднем более чем из трех пунктов, каждый из которых подкрепляется большим количеством иллюстративного материала (в данном случае примеров). Это могут быть как реальные, так и гипотетические примеры из жизни,

Важным итогом исследования является то, что данные результаты, коррелируют с результатами перцептивного и акустического анализа. Так эффективность звучащей речи раскрывается не только в использовании в ней конкретных языковых правил и приемов, но и большую роль играет ее просодическое оформление. Сила воздействия связана с наличием фразовых выделительных акцентов различных типов (контрастивных, модальных, эмоциональных). Эмоциональная составляющая имеет особое значение в восприятии речи. Научно доказано, что эмоции мотивируют и направляют восприятие мышление, действия.

Наиболее сильные фразовые выделительные акценты различных типов представлены в предикации 2-го порядка: тезисе, разъяснении и коде. Эти части представляют собой самые важные части речи, где от адвоката требуется опровергнуть обвинения.

Список литературы

1. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин ; отв. ред. Г. В. Степанов. – 7-е изд. – М. : Кн. дом «Либроком», 2009. – 144 с. (Лингвистическое наследие XX века.)
2. Дридзе, Т. М. Текст как объект смыслового восприятия / Т. М. Дридзе // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). – М. : Наука, 1976. – С. 48–53.
3. Златоустова, Л. В. Роль фразовых акцентов в организации звучащего стиха / Л. В. Златоустова // Русское стихосложение: Традиции и проблемы развития. – М., 1985. – С. 49–60.
4. Изард, К. Э. Психология эмоций / К. Э. Изард. – СПб, 2008.
5. Нушикян, А. Э. Типология интонации эмоциональной речи / А. Э. Нушикян. – Киев, 1986.

Секция
ЖАНРОВЫЙ АСПЕКТ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Н.К. Пригарина

Волжский гуманитарный институт (филиал)
Волгоградского государственного университета (Волжский, Россия)

**РИТОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ
КАК ОСНОВА ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА
К ИЗУЧЕНИЮ АРГУМЕНТАЦИИ ***

В статье формулируются принципы построения собственно риторической модели аргументации. Автор считает, что для нее необходимо сочетание двух уровней: статического и динамического. Первый состоит в описании того инструментария, который имеется в распоряжении оратора, поставившего целью воздействие на аудиторию. Второй предполагает изучение того, как работает вся система. С этой целью необходимо рассматривать стратегии и тактики построения аргументации в том или ином виде дискурса.

Проблема моделирования издавна занимала все ветви науки, имеющие отношение к аргументации. Это прежде всего связано со сложностью и неоднородностью самого предмета, а также с вытекающим отсюда многообразием подходов к его изучению. Именно поэтому задача моделирования в области аргументации обычно определяется в соответствии с интересами соответствующей науки. При этом традиционно роль риторики в этой области обедняется и принижается. Так, по мнению В.Н. Брюшинкина, риторическое моделирование аргументации – это воспроизведение процесса аргументации посредством *языковых средств*, ориентированных на адресата и придающих аргументации *выразительность* [Брюшинкин, www] (выделено нами – Н.П.). Поддерживают такое представление о риторическом моделировании и многие другие исследователи. Задача риторической модели сводится к созданию некоторых советов и практических инструкций, соблюдение которых может помочь адресанту усилить эффективность воздействия на адресата (см. об этом: [Труфанова., 2009, с. 283–284]). Однако на практике попытка сведения риторической модели аргументации к некоторому набору правил (тем более ограниченных выражением) приводит к существенному обеднению роли риторики в изучении аргументации, а нередко и к разрушению целостной системы, поскольку «правила» оказываются мало связанными между собой, не дают системного представления о процессе.

Именно такое положение дел заставляет нас настаивать на необходимости изменения отношения к проблеме риторического моделирования в области аргументации. Мы исходим из того, что все модели аргументации могут быть объединены в две группы: констатирующие и телеологические.

Констатирующий подход объединяет логические, когнитивные, прагматические и т. п. модели и предполагает более или менее полное изучение наличествующего корпуса аргументативных текстов для того, чтобы произвести систематизацию и обобщение найденных в них закономерностей, построение целостной модели уже имеющихся реальных процессов аргументации. Типичным продуктом такой концепции является модель С. Тулмина [Toulmin, 2007], суть которой состоит в выделении содержательных элементов текста и конструировании модели мира реципиента.

Далее в зависимости от интересов исследователя в рамках этого направления могут решаться различные конкретные задачи: задачей логического моделирования является построение формальной системы зависимостей между аргументами и тезисом; задачей когнитивного моделирования – построение системы содержательных связей между аргументами и тезисом и т. п. [Брюшинкин, www].

При телеологическом (риторическом, порождающем) подходе тоже обращаются к изучению аргументативных текстов, однако задача исследователя в этом случае состоит в определении тех способов аргументации, которые в наибольшей степени соответствуют жанру, являются эффективными (по ситуации) для изменения убеждений адресата. Вместо советов и правил в риторической модели предлагается упорядоченная и аргументированная *система действий*, опирающаяся на исследования механизма воздействия, которой может воспользоваться оратор, если ему необходимо построить эффективную речь в определенном жанре, в определенной ситуации, для определенной аудитории. Универсальная риторическая аргументативная модель до сих пор не разработана, однако классические риторические модели аргументации всегда ориентируются на риторику Аристотеля и неориторику Х. Перельмана.

Таким образом, риторическая модель учитывает ценности, интересы и психологические установки в аспекте, связанном с приемлемостью аргументов для адресата аргументации, а лингвистическая модель описывает объективно существующие в мире закономерности. В связи с этим можно сказать, что главным объектом риторической аргументации является адресат аргументации (в представлении субъекта аргументации), а задачей – построение модели адресата (как его представляет субъект аргументации), то есть ее характеристикой будет направленность на адресата аргументации.

Здесь, однако, важно заметить: мы считаем, что телеологический и риторический подходы не противостоят, а дополняют друг друга. Несмотря на то, что у них разные задачи, они занимаются исследованием одного предмета – способов изменения убеждений адресата аргументации. Мы утверждаем, что именно риторика как комплексная дисциплина, направленная на выработку наиболее оптимальных для практических нужд подходов к изучению средств воздействия для каждой конкретной сферы общения, способна не только интегрировать оба указанных подхода, но и привлечь достижения других направлений коммуникативной лингвистики для выработки такой модели,

которая бы в наибольшей степени соответствовала задачам современного риторического образования.

Собственно риторическая модель аргументации должна включать не только описание соотношения тезис – аргумент его подтверждающий, но и дополняться указанием на то, как именно строится сам процесс аргументирования. В собственно риторических трудах указания подобного рода встречаются крайне редко. С другой стороны, в различных отраслях коммуникативной лингвистики активно развивается новое направление, имеющее целью разработку стратегий построения различных видов дискурса. Это направление, как правило, не учитывает достижений риторики, не связывается напрямую с процедурой построения оратором воздействующей речи и оценкой степени ее эффективности (относится к констатирующему подходу). Соединение этих концепций позволяет предложить принципиально новый взгляд на теорию риторической аргументации, совмещающий достижения всех ветвей коммуникативной лингвистики.

Собственно риторическая модель аргументации складывается из учета двух составляющих: 1) по содержанию аргументация обязательно включает три равноправных компонента: этос, логос, пафос; 2) по структуре аргументация располагается на двух уровнях: статическом и динамическом.

Статический аспект состоит в описании того инструментария, который имеется в распоряжении оратора, поставившего целью воздействие на аудиторию. Этот аспект традиционно разрабатывался в риториках и предполагал создание всевозможных классификаций видов аргументов, что необходимо (особенно в собственно теоретическом, а не методическом аспекте), поскольку исследование тех возможностей, которые имеются в распоряжении оратора, помогает оптимизировать процедуру выбора видов аргументов в речи.

Все авторы, пишущие об аргументации, отмечают, что современная наука пока не нашла универсального способа классификации доводов и приемов воздействующей речи по причине их крайней разнородности. Вместе с тем выделение не просто тех единиц, которые составляют структуру аргументации, но тех, которые оказываются действительно важными для оптимального воздействия на суд, является чрезвычайно актуальной задачей. Подчеркнем еще раз: именно в этом состоит принципиальное отличие порождающего (риторического, телеологического) подхода от констатирующего: собираются и анализируются не все элементы аргументации, а только те, которые оцениваются как необходимые для достижения запланированного эффекта.

Вместе с тем само по себе создание таких классификаций, как показывают наблюдения, не приводит к появлению полноценной теории риторической аргументации. В связи с этим более приемлемым представляется динамический аспект, который предполагает изучение того, как работает вся система. С этой целью необходимо рассматривать стратегии и тактики построения аргументации в том или ином виде дискурса. Речевая стратегия представляет собой схему определенных действий в рамках коммуникативного

процесса, определяющую выбор языковых средств и способов выражения некоторого содержания, непосредственно связанного с достижением цели. Поскольку существуют различные способы достижения поставленных целей, постольку оратор каждый раз оказывается в ситуации, когда ему необходимо решить, по какой именно дороге он пойдет к этой намеченной цели. При этом критериями оценки альтернатив оказываются целесообразность и эффективность аргументации.

Соотношение между статическим и динамическим компонентами может быть уподоблено соотношению между языком и речью. Точно так же, как в языкознании выделяются и описываются те единицы разного уровня, из которых строится язык, а в речеведении описываются принципы функционирования этих единиц в речи в соответствии с ситуацией, задачей речи и особенностями адресата; аналогично статический уровень аргументации состоит в каталогизации элементов, из которых строится аргументация, а динамический – в описании специфики функционирования этих единиц в том или ином жанре, той или иной частной риторике и т. п.

Список литературы

1. Брюшинкин, В. Н. Системная модель аргументации как основа методологии философской компаративистики / В. Н. Брюшинкин. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://ratio.albertina.ru/pub/theory_of_argumentation.
2. Труфанова, А. С. «Новая риторика» Х. Перельмана с точки зрения системной модели аргументации / А. С. Труфанова // РАЦИО.ru. – 2009. – № 2.
3. Toulmin, S. The Uses of Argument. Updated edition. / S. Toulmin. – Cambridge : Cambridge University Press, 2007.

Е.Г. Гимпельсон

**Волгоградский филиал Российского университета кооперации
(Волгоград, Россия)**

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЖАНРОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СПЕЦИАЛИСТА

Под профессиональной жанровой компетентностью в статье понимаются знания о сущности и системе профессионально значимых жанров в соответствии со спецификой деятельности и кругом обязанностей специалиста, а также умение создавать их и применять в конкретной ситуации профессионального взаимодействия.

«Портрет» современного специалиста-профессионала предполагает речевую или коммуникативную компетентность, которая очень часто понимается как соответствие речи языковым нормам. Однако просто правильной речи недостаточно для того, чтобы в условиях профессионального взаимодействия влиять на поведение людей и работу организации. Профессиональное владение речью должно обеспечивать специалисту возможность осуществлять свои профессиональные или должностные

обязанности (руководить людьми, торговать, вести переговоры) и выражается в умении создавать воздействующие речевые произведения в соответствии с ситуацией, аудиторией и целями общения – риторические жанры (РЖ). Это вполне согласуется с суждением М.М. Бахтина, которое в теории жанров считается основополагающим. «Слыша чужую речь, мы уже с первых слов угадываем ее жанр, предугадываем определенный объем, определенное композиционное построение, предвидим конец, то есть с самого начала мы обладаем ощущением речевого целого, которое затем дифференцируется в процессе речи. Даже в самой свободной и непринужденной беседе мы отливаем нашу речь по определенным жанровым формам.<...> Эти речевые жанры даны нам почти так же, как нам дан родной язык» [Бахтин, 1986, с. 448].

Риторические жанры всегда обращены к конкретному адресату и имеют определенную коммуникативную цель – воздействие, которое проявляется в виде нового психологического состояния адресата – нового знания, настроения, согласия с новой точкой зрения, желания действовать предлагаемым образом. Только реализованное воздействие свидетельствует о коммуникативном успехе оратора, и риторический подход к жанру предполагает описание всех его слагаемых, обладающих воздействующей силой, – от содержания до способа произнесения. Однако исследование жанров в большинстве случаев сводится к описанию их языкового воплощения (лексических и грамматических ресурсов), которое называется «лингвистически наиболее важным» в иерархии жанрообразующих параметров РЖ: «Все остальные нужны нам настолько, насколько они влияют на него» [Шмелева, 1997, с. 91–97].

О сознательной (по правилам) подготовке риторических произведений пишет Ю.М. Лотман: «Риторические тексты отличаются от общезыковых существенной особенностью: образование языковых текстов производится носителем языка стихийно, эксплицитные правила актуальны здесь лишь для исследователя, строящего логические модели бессознательных процессов. В риторике процесс порождения текстов имеет «ученый», сознательный характер. Правила здесь активно включены в самый текст не только на метауровне, но и на уровне непосредственной текстовой структуры» [Лотман, 1995, с. 94]. Эти правила известны еще со времен Аристотеля и касаются изобретения содержания, расположения, выражения и произнесения речи. Из этого следует, что риторический жанр создается и исполняется в соответствии с нормами жанропорождения (моделью жанра) и характеризуется специфическим содержанием, композицией, словесной оболочкой, особенностями произнесения. «Непопадание» в жанр затрудняет общение и даже может стать причиной конфликтов.

Однако по-прежнему многие частные риторики не разработаны, и дело речевой подготовки специалистов ограничивается культурой речи. В профессиональном образовании необходимы такие дисциплины, как ораторское искусство, профессиональная частная риторика, деловое общение, целью которых должно быть формирование у студентов знаний о системе жанров своей профессиональной речи, а также навыков их создания и

применения в различных ситуациях будущей профессиональной деятельности. Так, менеджеру-руководителю потребуются жанры, с помощью которых он сможет осуществлять различные виды управленческой деятельности (планирование, организация, мотивация, контроль) в ситуациях деловой беседы, совещания, переговоров: *сообщение, мнение, речь в прениях, обоснование, опровержение, предложение, распоряжение, инструкция, рекомендация, совет, требование, просьба, обращение, критика, рефлексия, отчет, похвальное слово* и др.

В учебных пособиях «Современная деловая риторика» [Анисимова, 2004] и «Речевая компетенция менеджера» [Анисимова, 2007] описано в системе более 40 жанров делового общения в сферах менеджмента, маркетинга, public relations, поэтому будущие специалисты в данных областях имеют возможность получить представление о системе «своих» жанров, усвоить теорию по их созданию и научиться их создавать, моделируя (и проигрывая) конкретную ситуацию и выполняя все необходимые действия – от изобретения содержания речи до ее произнесения, так как осваивать деятельность можно только в форме самой деятельности. Например, будущим бухгалтерам совершенно необходимо освоить «профессиональное» *поздравление*, так как оно приурочено ко Дню бухгалтера и требует особого содержания. Продуктивным в этом случае может стать конкурс на лучшее *поздравление* к профессиональному празднику.

Одной из востребованных ситуаций делового общения в системе потребительской кооперации является торговая ярмарка-выставка. Это специально организованное мероприятие, для которого актуальными жанрами являются *речь на открытии*, которую произносит организатор (руководитель) выставки и которая имеет целью объяснить смысл, значение и цель события; *презентация* товара – информационная речь о его свойствах и качествах с явно выраженной сверхзадачей побуждения к его приобретению; *консультация* – речь, дающая более полную информацию по возникшим конкретным вопросам; *совет* – убеждающая речь, имеющая целью помочь человеку выбрать наилучший для него вариант решения проблемы; *рекламная речь*, призывающая к приобретению товара. Эта ситуация в процессе обучения для облегчения освоения может быть поделена на мини-ситуации – торжественную презентацию (открытие), торговую презентацию, личные продажи, консультирование, каждой из которых соответствует «своя» речь. Жанровая компетентность позволит специалисту-профессионалу (руководителю-менеджеру, товароведу, продавцу) выбирать речи точно по ситуации.

Востребованной и эффективной формой делового общения во многих профессиональных сферах сегодня являются переговоры. Однако умение вести их грамотно и успешно встречается крайне редко. Как отмечают в своей книге Р. Фишер и У. Юри, «большинство людей – плохие переговорщики: они слишком нетерпимы, эгоистичны, торопливы, не умеют слушать других, стремятся навязать свое мнение, легко ссорятся и портят отношения» [Фишер, 1992, с. 7]. Такое положение требует особого внимания к обучению специалистов ведению переговоров. Это важно еще и потому, что сегодня

стали популярны переговорные тренинги по продажам, принятию решений, получению долгов и т. д., где развиваются, может быть, полезные, но второстепенные (не собственно риторические) умения, причем не напрямую формирующими их методами.

В связи с этим следует вспомнить, что переговоры – это речевое событие, «это осмысленное стремление одного человека или группы людей *посредством слова* вызвать желание у другого человека или группы людей к действию, которое изменит хотя бы одну из сторон какой-либо ситуации или установит новые отношения между участниками беседы» [Милич, 1987, с. 23–24]. Следовательно, первостепенным для ведения переговоров является умение не продавать или добиваться уплаты долгов, а осуществлять речевые действия – создавать необходимые жанры в их определенной последовательности в соответствии с протоколом и структурой переговорного процесса.

Так, начало переговоров предполагает установление контакта, создание благоприятной атмосферы, привлечение интереса к теме разговора иногда в форме светской *беседы*, для чего потребуются *мнение, комплимент, похвала*. Собственно переговоры открываются *вступительным словом* о их предмете и основном направлении, далее следует основное выступление – (по обстоятельствам) *информационное сообщение*, в котором описывается уникальное торговое предложение (УТП), или *речь-предложение*, где развернуто аргументируются ожидаемые действия собеседника. На стадии обсуждения (аргументации, нейтрализации замечаний) потребуются различные по форме вопросы, а также такие жанры, как *мнение, объяснение, обоснование, совет, возражение, опровержение, критика*. Завершаются переговоры – *заключительным словом (резюме)*, в котором подводятся итоги работы, дается ее положительная оценка, выражается надежда на сотрудничество.

Чтобы научиться вести переговоры, надо, освоив предварительно отдельные жанры, «играть полную игру», то есть погружаться в переговорный процесс, выстраивая его полностью в совокупности всех этапов от установления контакта до подписания соответствующих документов, что позволит успешно вести переговоры по любому поводу. И студенты, «играя» в переговоры, научатся решать свои будущие профессиональные проблемы.

Таким образом, задача профессионального образования состоит в том, чтобы помочь будущим специалистам овладеть системой «своих» в соответствии с профессиональными и должностными обязанностями риторических жанров, что будет свидетельствовать о их профессиональной жанровой компетентности.

Список литературы

1. Анисимова, Т. В. Современная деловая риторика / Т. В. Анисимова, Е. Г. Гимпельсон. – М., 2004
2. Анисимова, Т. В. Речевая компетенция менеджера / Т. В. Анисимова, Е. Г. Гимпельсон. – М., 2007.
3. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Литературно-критические статьи. – М., 1986.
4. Лотман, Ю. М. Риторика / Ю. М. Лотман // Риторика. – 1995. – № 2.

5. Милич, П. Как проводить деловые беседы / П. Милич. – М., 1987.
6. Фишер Р. Путь к согласию, Или переговоры без поражения / Р. Фишер, У. Юри. – М., 1992.
7. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. – Саратов, 1997.

И.В. Ярова

**Волжский гуманитарный институт (филиал)
Волгоградского государственного университета (Волжский, Россия)**

СПЕЦИФИКА ОПОСРЕДОВАННОГО РЕКЛАМИРОВАНИЯ КНИГИ *

Статья посвящена анализу форм паблисити, способствующих продвижению книги на рынке. К таковым формам относятся выпуск аудиокниг и компьютерных игр, создание мюзиклов и т. п. Кроме того, с этой целью используются и традиционные формы паблисити: сообщение в прессе о событиях из жизни писателя, упоминание книги героями фильмов или ток-шоу и пр.

Все элементы, способствующие тому, что у человека возникает желание приобрести книгу, подразделяются на внутренние и внешние. Внутренние обязательно присутствуют в структуре книги независимо от того, хотел ли намеренно издатель сделать их компонентами рекламы, или нет (обложка, аннотация, имя автора и под.). Внешние элементы могут появиться только в результате сознательных усилий издательства по продвижению своей книжной продукции на рынок. Их можно разделить на прямые и косвенные. Прямыми формами рекламирования являются всевозможные анонсы, презентации и под. К формам косвенной рекламы книги относятся явления, на первый взгляд кажущиеся случайными, не запланированными издательством. Они могут быть охарактеризованы как паблисити книги. Именно последняя категория способов продвижения книги и является предметом данной статьи.

Итак, паблисити [англ. *publicity* – публичность, гласность] – неличностное стимулирование спроса на товар, услугу или деятельность посредством публикаций или благоприятных презентаций на радио, телевидении, сцене и т.п., которые не оплачиваются определенным спонсором. [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/business/9558>]. К этой категории относятся такие формы продвижения товара или личности, которые содержат рекламную составляющую лишь в сверхзадаче: упоминание предмета в положительном контексте или в необычном месте само по себе способно возбудить к нему интерес целевой аудитории. Как показывают наблюдения, паблисити книги формируется чаще всего с помощью следующих приемов.

1. Перевод произведения в необычную (более новую, нетрадиционную) форму.

1) Выпуск аудиокниг. Поскольку этой процедуре подвергаются пока только самые модные и популярные книги, то задача автора состоит в том, чтобы попасть в этот круг, стать востребованным.

2) Переделывание романов писателей в комиксы. Это новая, но уже весьма популярная форма. Конечно, чаще всего в форме комиксов выпускают истории про человека-паука, Бэтмана и под. Однако среди таких изданий попадаются и переделки серьезных произведений. Так, только на одном сайте удалось обнаружить не только комиксы по мотивам романов Евгения Жилинского «Арлекин» и Александра Еремина «Хакер», но и комикс «Хроника военных действий» по мотивам романа Э.М. Ремарка «На западном фронте без перемен».

3) Создание по мотивам книги опер, балетов, мюзиклов и т.п. Конечно, такие объемные формы не создаются исключительно с рекламной целью, однако само их появление способствует продвижению соответствующего произведения. Это понимали еще в советские времена, когда как результат общественного заказа появились, например, такие оперы, как: И.И. Дзержинский «Тихий дон» (по роману М. Шолохова), Д.Б. Кабалевский «Семья Тараса» (по повести Б. Горбатова «Непокоренные»), Ю.С. Мейтус «Молодая гвардия» (по роману А. Фадеева), С.С. Прокофьев «Повесть о настоящем человеке» (по повести Б. Полевого) и под. Все эти и подобные им произведения не только способствовали продвижению социалистической идеологии, имели воспитательное воздействие, но и пропагандировали произведения соответствующих авторов.

В наше время подобная роль могла бы принадлежать мюзиклам. Вместе с тем, считаем необходимым обратить внимание на такой нюанс. Если целевая аудитория книги и музыкального произведения совпадают (как это обычно бывает с фильмами, снятыми по мотивам книг), то продвижение книги оказывается весьма существенным. Однако если эти аудитории принципиально разные, популяризации книги не происходит. Примером такой ситуации может служить судьба очень популярного мюзикла «Нотр-Дам». Когда в рамках ток-шоу «Пусть говорят» одна из приглашенных гламурных девиц стала довольно примитивно пересказывать содержание мюзикла (который она смотрела несколько раз и была в восторге от него), ее спросили: разве она не знает, что в его основе лежит роман В. Гюго «Собор Парижской богоматери». Она ответила, что нет. Не хотела бы она теперь почитать этот роман, чтобы более подробно узнать о судьбе полюбившихся ей героев? «А зачем? Гюго – это же скучно!» Аналогично, мало кто из посещавших мюзикл «Норд-ост» захотел прочитать роман «Два капитана» В. Каверина, поскольку чтение подобной литературы не входит в круг гламурных интересов.

4) Создание виртуальных компьютерных игр по мотивам книжных бестселлеров. Эта форма активно используется на Западе, однако в нашей стране не нашла еще достаточного распространения.

2. Упоминание в прессе достойных внимания публики событий из жизни писателя. Если лицо или фамилия писателя попадает на экраны телевизоров или в популярные печатные издания, – повышается интерес к его произведениям. Это наиболее традиционная форма паблисити.

Так, активное освещение в СМИ судебного процесса по делу писателя В. Сорокина совпало по времени с переизданием издательством «Ad Marginem»

некоторых его романов. Как свидетельствует писатель, роман раскупали гораздо лучше, чем обычно. Возможно, к этой же категории можно отнести сообщение Д. Донцовой о том, что она больна раком (и как она боролась с этим недугом), что также способствовало повышению интереса к ней самой и ее романам.

Именно для продвижения своих книг писатели нередко принимают участие в различных телевизионных передачах, сидят в жюри различных конкурсов, и т.п. Типичным примером здесь также является Дарья Донцова, которая часто принимает участие в разных телевизионных передачах (при этом каждый раз говорят: автор известных и самых популярных детективов).

3. Более косвенная форма паблисити имеет место в тех случаях, когда сама книга или ее автор упоминается в рамках другой книги, телевизионной передачи, или художественного фильма, причем такое упоминание должно производить впечатление естественного (а не специальной акции). В качестве примера напомним эпизод из телевизионного сериала «Каменская» (по романам А. Марининой):

«Вы можете называть меня просто Бокр» – «Бокр?» – «Ну помните? Глокая куздра штеко будланула Бокра...» – «Да-да, это Б. Успенский «Слово о словах» – «Это моя любимая книга».

Гораздо чаще книги, их герои и авторы упоминаются в разнообразных телевизионных ток-шоу, где такая вставка производит впечатление вполне естественной. Так, в передаче, посвященной творчеству артиста В. Коренева, рассказывалось о первой и самой известной его роли – в фильме «Человек-амфибия». Основное внимание, конечно, было уделено достоинствам актера, однако ведущий не забыл охарактеризовать роман А. Беляева, по которому снят фильм, как выдающийся, популярный, интересный и т.п.

Весьма интересный пример такого же косвенного рекламирования встречается в телевизионном фильме «Всегда говори всегда». Героиня приходит на светскую тусовку, где знакомится с Татьяной Устиновой (на то, что это не случайность, указывает тот факт, что Устинова является автором сценария этого фильма). Героиня восхищается романами писательницы, а та, в свою очередь, говорит, что у женщин обычно детективы более интересные, чем у мужчин.

Для более интеллектуальной публики предназначается ток-шоу «Культурная революция», в рамках которой периодически ведутся дискуссии на литературные темы: «Обломов – персонаж нашей мечты» «Печорин – герой нашего времени» и под. Уже сам факт, что такие темы поднимаются, оживляет интерес к соответствующим произведениям (возникает желание перечитать их, чтобы составить собственное мнение по затронутой проблеме), а следовательно, вызывает желание отыскать (купить) соответствующую книгу. Важную роль в формировании такого интереса играют и сами высказывания в рамках этой передачи, поскольку они показывают актуальность классической литературы, значительность, затрагиваемых в ней вопросов.

Самой косвенной формой продвижения следует признать использование названия книг, имен авторов и персонажей для обозначения других реалий. Так, в Москве известны кафе «Обломов» и «Фандорин». В честь соответствующих персонажей литературных произведений названы конфеты «Данко» и «Гулливер» и под. Эти факторы, конечно, не стали определяющими в возбуждении интереса к соответствующим книгам, однако когда праздник выпускников в Петербурге был назван «Алые паруса» и в его рамках на Неве появился настоящий парусник, это, очевидно, способствовало желанию подростков ознакомиться с первоисточником символа праздника.

На первый взгляд, большая часть приведенных здесь упоминаний названий книг кажется случайной и малозначимой, однако, как ни странно, нередко такая реклама (даже если она, действительно, не специально сконструированная), оказывается более действенной, поскольку ненавязчиво внедряет в сознание желание почитать книгу.

Подобный прием в риторической аргументации называется недосказанностью и оценивается как весьма сильное средство внушения. Ведь мысль, высказанная оратором, воспринимается слушателями как его мысль и оценивается как бы со стороны. Но мысль, которая под влиянием речи оратора самостоятельно возникает у слушателей, является их собственным достоянием, поэтому воспринимается ими как очевидная истина и запоминается именно как своя. Такие суждения и оценки оказываются гораздо более стойкими, чем те, которые сообщены оратором, даже если слушатель разделяет высказанное мнение. «Доводы, до которых человек додумался сам, обычно кажутся ему куда более убедительными, нежели те, что пришли в голову другим» (Б. Паскаль).

Ю.Ю. Леонова

**Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
(Тула, Россия)**

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОММУНИКАНТОВ В ДИАЛОГЕ ПРОСЬБЫ

Статья посвящена взаимодействию коммуникантов в диалоге просьбы. Выделяются типы диалога, рассматриваются законы развертывания и строения диалога просьбы, приводятся признаки жанров просьбы, выявляются критерии, обуславливающие потребность вступления в диалог, приводятся типы ролевых отношений коммуникантов в диалоге просьбы.

В научной литературе принято употреблять как равнозначные термины «диалог», «диалогическая речь», «диалогические единства». Если взять за основу классификации диалогической речи учение о видах информации и рассмотреть его через призму теории функционального общения, то можно выделить три типа диалога – информативный, эмоциональный и контактно-регулятивный. Закрепленность определенного вида информации (фактуальной, концептуальной, подтекстовой) в диалогическом высказывании и

предназначенность этого высказывания для выполнения функции общения (информативной, интерактивной, перцептивной) является теоретической основой типологии диалогической речи и выявляет с достаточной степенью очевидности не только один из трех типов диалога, но и их разновидности. Среди существенных подходов к типологизации диалогов наиболее перспективным критерием является интенциональный фактор, поскольку такие критерии, как дистанция между партнерами или характер протекания обмена репликами, ориентированы на поверхностные элементы в диалоге.

Диалог просьбы строится как определенная последовательность речевых актов с различными интенциональными смыслами, порожденных последовательной цепью взаимосвязанных ситуаций.

Термины *речевой акт* и *речевое действие* мы рассматриваем как синонимы, основываясь на высказывании А.А. Леонтьева: «Речевое действие – компонент речевой деятельности, который характеризуется собственной промежуточной по отношению ко всей деятельности целью или задачей. Речевое высказывание не выходит за границы одного речевого действия» [Леонтьев, 1974, с. 22].

Говоря о диалогах просьбы, надо отметить, что в их структуру, кроме речевых актов директивного типа, входят единицы с другой иллокутивной силой. Например, в диалоге упрощения директивные речевые акты воплощают основную линию коммуникативного намерения адресанта (каузатора), а речевые акты с другой иллокутивной силой – комплимент, лесть, похвала (а также все речевые акты, которые относятся к таким проявлениям воздействия на адресата, как заигрывание и заискивание), выполняют функцию дополнительной стимуляции. Ср. у А.А. Леонтьева: мотивы смыслообразования и мотивы стимулы [Леонтьев, 1975, с. 202]. Законы развертывания и строения диалога мы рассматриваем с той точки зрения, что организующими факторами речевого взаимодействия являются социальные нормы и тема интеракции. Тема является кооперативным продуктом участников, ограниченным рамками ситуации, через тему устанавливается контакт между взаимодействующими, как одно из условий реализации различных интенций [Сухих, 1986, с. 95–102].

Под социальными нормами автор имеет в виду средства ориентации социального поведения каждой отдельной личности как некую программу действия, стратегию поведения личности в обществе. Благодаря знанию темы и социальной схемы совместного поведения, адресант может предвосхитить вопросы и возможные возражения адресата, поскольку в речевом общении действие таких норм проявляется в речевых стереотипах, в виде коммуникативных схем действований. Это, по сути, признаки жанра. В центре внимания оказываются закономерности «вынуждения» появления речевых актов (предыдущими речевыми актами, собственной прагматической валентностью, контекстом ситуации, а также социальными и психологическими мотивами каждого из коммуникантов).

В качестве базовой единицы диалога А.Н. Баранов и Г.Е. Крейдлин называют минимальную диалогическую единицу, внутри которой речевые акты

соединены на основе иллокутивного вынуждения и появление последующего речевого акта вынуждается иллокутивной функцией предыдущего. В лингвистике текста речевой жанр понимается как системно-структурный феномен, представляющий собой сложную совокупность многих речевых актов, выбранных и объединенных по законам некой особой целесообразности и относящихся к действительности не непосредственно, а через речевой жанр в целом. Именно композиция речевого жанра привлекает наше внимание как важнейший аспект высказывания.

Несомненно, что диалог, раскрывая и затрагивая разные темы, всегда подчинен решению одной задачи, которую ставит говорящий в общении, и которая соотносится с его коммуникативным намерением.

В качестве исходного критерия, обуславливающего потребность вступления в диалог, нами признается макроинтенция, в которой синтезируется социальная активность коммуникантов. Развертывание диалога с точки зрения социально-ролевого взаимодействия коммуникантов заслуживает особого внимания. Коммуникация включена в социальные отношения общающихся – это две неразрывные стороны речевого взаимодействия. Как только человек вступает в контакт с другим человеком, он сразу же оказывается включенным в систему социальных отношений, с этого момента он необходимо должен оформлять свою деятельность по некоторым правилам, реализующим эти социальные отношения [Формановская, 1986, с. 72].

Информативная полнота диалогической речи достигается помимо интонации, мимики и жеста, ситуативной обусловленностью и «общностью апперцепционной базы» (Л.П.Якубинский). Разные варианты повторов способны, пронизывая отрывок диалогической речи, сформировать из него (относительно законченное тематически) структурное целое.

Социальная роль – это предопределенные социальной позицией правила и нормы речевого и неречевого поведения личности. Следует отметить, что понятие образца не является чуждым этнолингвистике, которая оперирует категорией ритуала, то есть поведением с высокой степенью конвенционализации. На него опирается теория общественной коммуникации и социоллингвистика, рассматривающая связи между типами ситуаций и типами языковых поступков. Вышесказанное имеет прямое отношение к исследуемой речевой интенции просьбы, потому что в семантике, прагматике и синтактике просьбы есть компоненты, имеющие социальную природу.

Прежде всего все лексемы лексико-семантической группы «Просьба» входят в группу слов с социально-ориентированным отношением, то есть называющим асимметричные ролевые отношения, которые в обычном своем употреблении предусматривают два типа ролевых отношений: $G1 < G2$, где роль первого участника общения ниже роли второго; $G1-G2$ – социальная симметрия, где один из коммуникантов оказывается в силу обстоятельств в зависимом положении от другого. Для описания речевых интенций, реализуемых в пределах диалога чрезвычайно важна также не только структура ситуации в терминах социальных ролей, но и характер отношений между коммуникантами.

Эти отношения могут быть официальными, нейтральными, дружескими. Предъявление просьбы происходит через: эксплицитный речевой акт, произнесенный самим Г; авторским комментарием в тексте; речевой акт, произнесенным коммуникантом Г2; невербальным компонентом общения, который представлен в коммуникативном режиме с помощью жестов. Необходимо также отметить, что предъявление просьбы часто сопровождается операцией аргументирования. Специфическое положение аргументации подчеркивается ее непосредственной соотнесенностью с важнейшим когнитивным процессом, определяющим структуру деятельности человека – с процессом принятия решений. Языковая форма аргументации находится в непосредственной зависимости от слушающего. Исследователями выделяется аргументация явная и скрытая, в связи с этим одни типы речевых актов выражают когнитивную нацеленность аргументации явно, а другие могут использоваться только в скрытой аргументации.

Список литературы

1. Баранов, А. Н. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога / А. Н. Баранов, Г. Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. – 1992. – № 2.
2. Леонтьев, А. А. Речевая деятельность / А. А. Леонтьев // Основы теории речевой деятельности. – М., 1974. – С. 21–28.
3. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М. : Политиздат, 1975. – 304 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990.
5. Сухих, С. А. Речевые интеракции и стратегии / С. А. Сухих // Языковое общение и его единицы. – Калинин : Изд-во Калинин. ун-та, 1986. – С. 71–77.
6. Формановская, Н. И. О коммуникативно-семантических группах и функционально-семантических полях / Н. И. Формановская // РЯЗР. – 1986. – № 3.
7. Якубинский, Л. П. Язык и его функционирование. Избранные работы / Л. П. Якубинский. – М., 1986.

Н.А. Кранчетова

**Волжский гуманитарный институт (филиал)
Волгоградского государственного университета (Волжский, Россия)**

СПЕЦИФИКА МАНИПУЛЯЦИИ В СУДЕБНОЙ РЕЧИ *

В статье рассматриваются формы манипуляции, используемые в судебной речи, причем они подразделяются на допустимые и недопустимые в зависимости от того, соответствует ли используемый прием концепции рассматриваемого вида дискурса или противоречит ему. Все формы манипуляции объединены в этические, рациональные и эмоциональные.

В последние годы в связи с возросшим вниманием социума к способам воздействия на общественность появилось большое количество научных работ, посвященных изучению особенностей манипуляции сознанием. В большинстве таких работ практически все риторические

аргументы квалифицируются как средства манипуляции и обмана и на этом основании осуждаются. В связи с этим считаем необходимым высказать некоторые суждения по этому поводу.

Все способы намеренного формирования отношения к объекту (манипуляции) необходимо разделить на допустимые и недопустимые, причем это деление в разных сферах общения будет осуществляться по-разному, в соответствии с собственными характеристиками каждого вида дискурса. В связи с этим к запрещенным приемам манипуляции нужно относить лишь то, что нарушает концепцию этого дискурса, а не любое отклонение от доказательства в пользу эмоциональных аргументов.

Так, судебный дискурс ориентируется на убеждение, поэтому в нем допустимы как рациональные, так и эмоциональные элементы, не возбраняется давление на аудиторию, поскольку в прямую задачу любого судебного оратора входит формирование того отношения к подсудимому, которое вытекает из его процессуальной роли. С другой стороны, подмена пункта разногласия или замалчивание информации должны быть признаны недопустимыми приемами, т.к. они искажают картину преступления.

Поскольку основными компонентами риторической аргументации являются этос, логос и пафос, то и приемы манипуляции естественно рассматривать в соответствии с этими категориями.

1. Этический компонент представлен в аргументации ценностями и оценками. Юридическая деятельность, как никакая другая нуждается в оценках (как объективных, так и субъективных), поэтому употребление оценок является обязательным и всеобщим требованием к юридической аргументации. Например, обвинителю необходимо сформировать отрицательный образ подсудимого, в то время как защитник всеми способами подчеркивает его положительные черты. Нередко именно спор об этих оценках становится основным пунктом разногласия в речах сторон.

Вместе с тем при употреблении оценочных аргументов имеется вполне определенная этическая грань, перейти которую судебный оратор не может. Если это случается, можно говорить о недопустимой манипуляции оценками. К таким случаям относим следующие:

1) Ложное обобщение на основе оценки. Этот прием состоит в том, что обвинитель, доказавший, что подсудимый – человек аморальный и в прошлом его много темных пятен, делает вывод, что он виновен. Однако на самом деле этот вывод не может служить основанием для его осуждения по рассматриваемому делу, поэтому адвокат такой вывод активно оспаривает: *Прошлые Мироновича воспроизводятся в обвинительном акте не только с большой подробностью, оно им, так сказать, смакуется в деталях и подробностях. В этом прошлом обвинительная власть ищет прежде всего опоры для оправдания своего предположения о виновности Мироновича. Но она, по-видимому, забывает, что как бы ни была мрачна характеристика личности заподозренного, все же успокоиться на «предположении» о виновности нельзя. (Н.П. Карабчевский. Дело Мироновича)*

2) Произвольный оценочный аргумент. Этот вид недопустимого манипулирования состоит в том, что оратор с помощью оценок формирует совершенно неадекватное отношение к тому или иному деянию. С помощью этого приема простую ошибку в работе сотрудника легко объявить полным провалом, а небольшую хулиганскую выходку представить как тяжкое преступление.

3) Противоречие предлагаемой оценки провозглашаемым самим же оратором ценностям. Нередко судебный оратор предъявляет суду как свои некоторые одобряемые судом и обществом в целом ценности (справедливость, равенство перед законом и под.), однако, переходя к оценке деяний подсудимого, он тут же отступает от этих ценностей и требует чего-то совершенно иного: *Вы не обвините его, по учению равенства и братства, за то, что он стоит выше других. Лишить его принадлежащих ему прав за то только, что он выработал себе высокое положение в обществе, во имя братства, несмотря на бездоказательность обвинения, приготовить ему, побратски, позор и бесчестие, – такую просьбу могло сказать вам только ослепление, только человек, которому совершенно чуждо и неизвестно то учение, которое он здесь так старательно проповедовал.* (Ф.Н. Плевако. Дело Кострубо-Карицкого)

2. Логический компонент представлен в судебной аргументации фактами. Согласно современной (в основном, логической) теории аргументации, использование верных фактов само по себе приводит к переубеждению слушателей. Однако это не так. Хотя тезис речи оратора и должен обязательно опираться на факты, но они не панацея, само их наличие не приведет автоматически к убеждению суда: 1) другие виды аргументов так же важны для судебного оратора, потому что выполняют не менее важную функцию воздействия на аудиторию; 2) факт оказывает воздействующее влияние только будучи включен в соответствующую аргументативную конструкцию, а не сам по себе.

В какой-то мере это утверждение относится ко всем аргументам, построенным на фактах, однако особенно это заметно в юридической аргументации, имеющей вероятностный характер. Обсуждается событие прошлого, ход и участники которого могут быть только смоделированы с большей или меньшей степенью достоверности.

К допустимым приемам манипуляции фактами относится интерпретация факта в выгодном оратору направлении, поскольку из одного и того же факта могут быть сделаны совершенно разные выводы: *Нет сомнения, что некоторые факты его жизни, объясняемые прокурором его скaredностью, можно объяснить лучше, как и объяснил вчера Г. Лебедев. Его нечаепитие, лежание на голых досках, когда тут же рядом лежит перина, можно признать аскетизмом, которому предаются на старости люди, готовящиеся перейти от временной жизни в вечную. Конечно, не эту перину, которой вся цена рубль, берег он и не потому спал на голых досках.* (Ф.Н. Плевако. Дело Лебедева).

Другим допустимым приемом может считаться практика апелляции к словам и действиям противной стороны: «вы сами говорили» или «на предварительном следствии было установлено другое». См. также: *Кстати, мы здесь же имеем превосходный пример: помощник пристава Сакс, увидав раздвинутые ноги Сарры Беккер, решил бесповоротно, что тут было изнасилование, он был готов пари держать, что доктор найдет изуродованные половые части – полнейшее растление. И однако же, на другой день это документально опровергалось, так же документально, как подозрение Мироновича против Грязнова опровергалось справкой из тюрьмы. И я не понимаю, почему Сакс может ошибаться, а Миронович не имеет на это никакого права?* (С.А. Андреевский. Дело Мироновича)

К недопустимым приемам манипуляции фактами можно отнести следующие:

1) Сообщение не относящихся к делу фактов для формирования выгодного оратору отношения к подсудимому.

2) Представление несущественных, случайных, второстепенных фактов как важных и даже решающих.

3. Эмоциональный аргумент составляет основу пафоса и лежит в основе собственно риторической аргументации. Поскольку само стремление вызвать определенное отношение, определенные эмоции по отношению к объекту является проявлением манипуляции, все эмоциональные аргументы попадают в этот разряд. Вместе с тем обращение к чувству справедливости или к чувству собственного достоинства присяжных должно быть признано совершенно разумным и допустимым приемом судебной речи. Аналогичным образом, стремление адвоката вызвать у присяжных эмпатию по отношению к подсудимому должно оцениваться как соответствующее ситуации: *Итак, вы не только не вправе, а наоборот, вы обязаны рассудить этого человека по его вине и сознанию, меряя их тем чутьем, без которого никто, никогда, никакими средствами не сумеет определить теплоту или холод души, чутьем, дающимся только непосредственным прикосновением испытывающего к испытываемому.* (Ф.Н. Плевако. Дело Ильяшенко)

Главным принципом разделения эмоциональных аргументов на допустимые и недопустимые приемы манипуляции является наличие/отсутствие основания предъявляемой оценки, то есть должно быть понятно, почему именно аудиторию призывают сопереживать подсудимому или осуждать истинного виновника преступления. Например, адвокат вполне имеет право призывать сочувствовать подсудимому потому, что его чувства и ценности публично попирались: *Кто знает человеческую жизнь, ее условия, человеческую природу в особенности, тот не сочтет абсурдом, когда я скажу, что раздирательная сцена, произошедшая у гроба безвременно погибшего брата, много содействовала скорому появлению другого гроба в том же семействе (...) Но даже на самых похоронах разыгралась сцена, которой верить трудно. В ту минуту, когда нужно было смолкнуть и забыться ради общего горя, его личность сильно задевают. На могиле брата ему посылают такой привет, который не мог*

пройти бесследно даже в здоровой душе. У гроба брата ему шлют такой привет: «И ты, подлец, пришел сюда!» (Ф.Н. Плевако. Дело Лукашевича)

Недопустимой становится манипуляция эмоциями в том случае, когда оратор пытается сформировать негативное отношение к объекту, но на самом деле не имеет для этого никаких законных оснований, ср.: *Правда, здесь ее назвали публичной женщиной, чтобы показать, кому вверили больную. Но против этого я не стану даже возражать. За что оскорбили честное имя? За что позором заклеили человека? Я не допускаю подобного забвения обязанностей со стороны обвинителя, убежден, что он не решится повторить этого имени, и думаю, что жестокое, несправедливое слово сгоряча сорвалось с языка, вопреки серьезному желанию прокурора.* (Ф.Н. Плевако. Дело А. и Н. Новохацких)

Здесь прокурор называет свидетельницу Аверьянову публичной женщиной, однако адвокат оспаривает эту оценку как немотивированную и предполагает, что по этой причине прокурор не решится ее повторить. Это очень важно: пока оценка приводилась без подтверждения, она могла быть принята неискушенным слушателем, не привыкшим анализировать на достоверность слова другого человека. Однако как только было указано на ее безосновательность, она потеряла всякое значение и уже не может воздействовать на слушателя. Таким образом, немотивированные оценки могут быть квалифицированы как манипуляция, софизмы «предвосхищение основания» или «инсинуация», а не как норма.

М.В. Мухина

Волжский гуманитарный институт (филиал)

Волгоградского государственного университета (Волжский, Россия)

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА

В статье намечаются пути формирования дискурсивного пространства в Интернете. Проводится мысль о существовании помимо однородных видов дискурса, еще и комбинированных видов, обладающих признаками нескольких видов или совмещающих в себе фрагменты разных видов дискурса. Прежде всего это положение относится к интернет-дискурсу, однако и в других коммуникативных сферах могут быть обнаружены комбинированные формы.

Во второй половине XX века, когда лингвистика повернулась лицом к человеку, возникло совершенно новое направление в языкознании, которое утвердило правомочность учета не собственно лингвистических факторов для оценки тех или иных параметров текста. Появился и быстро вошел в лингвистический оборот термин «дискурс», без которого теперь не может обойтись ни лингвистика, ни семиотика, ни политология, ни философия, ни социология, ни психология. Итак, дискурс – многозначный термин ряда гуманитарных наук, предмет которых прямо или опосредованно предполагает изучение функционирования языка. Поэтому данный термин имеет разные толкования.

В лингвистической науке существует множество работ, посвященных трактовке понятия «дискурс» (Э. Бенвенист, И.Р. Гальперин, Ж. Деррида,

В.И. Карасик, Ю. Кристева, Ю.С. Степанов, М. Фуко, З.С. Хэррис и др.). Несмотря на довольно большой разброс взглядов на этот предмет, можно говорить о создании особой коммуникативной теории дискурса, в рамках которой за последние 20 лет были описаны все сколько-нибудь значимые виды дискурса. Однако жизнь не стоит на месте, в связи с чем появляются все новые объекты для изучения. Одним из самых сложных и непредсказуемых таких объектов стал для дискурсивной лингвистики Интернет.

Возникновение Интернета в конце 60-х годов как еще одного коммуникативного канала передачи данных, а затем как средства массовой коммуникации в XXI веке привело к появлению не только глобальной информационной среды, но и особых виртуальных миров, сетевых сообществ и блогов, сетевой культуры и сетевого языка, обслуживающих этот, появившийся не столь давно, сегмент социальной реальности. И этот новый мир Интернета стал столь масштабен, разнообразен, интересен и непредсказуем в своем развитии и влиянии, что целый ряд ученых, представляющих самые разнообразные гуманитарные дисциплины, приступили к изучению Сети.

Среди российских лингвистов, глубокий теоретический анализ места компьютерной коммуникации в системе общения, а также обоснование трактовки понятий «общение» и «дискурс» и описание конститутивных признаков компьютерного или электронного дискурса впервые был предпринят Е.Н. Галичкиной. Дискурс, по мнению исследовательницы, представляет собой сложное явление, которое предполагает несколько ракурсов рассмотрения. В коммуникативном аспекте дискурс предстает как вербальное общение; в структурно-семантическом – как фрагмент текста, превышающий уровень предложения; в структурно-стилистическом – как нетекстовая организация разговорной речи; в социально-прагматическом – как текст, погруженный в ситуацию общения [Галичкина, 2001, с. 28].

Е.Н. Галичкина выделяет также следующие конститутивные признаки компьютерного дискурса: 1) электронный сигнал как канал общения; 2) виртуальность; 3) дистантность, то есть разделенность в пространстве и во времени; 4) опосредованность (осуществляется с помощью технического средства); 5) высокая степень проницаемости; 6) наличие гипертекста; 7) креолизованность компьютерных текстов; 8) по преимуществу статусное равноправие участников; 9) передача эмоций, мимики, чувств с помощью «смайликов»; 10) специфическая компьютерная этика [Галичкина, 2001, с. 73–74].

Очевидно, что эти признаки в полной мере приложимы только к одной из форм интернет-дискурса, а именно к формам личностно-ориентированным (электронная почта, блоги, чаты и под.) Вместе с тем Интернет не исчерпывается этими формами, содержит и статусно-ориентированные формы, которые объединяются с первыми только внешними признаками, такими, как электронный сигнал, дистантность и пр. Что же касается собственно речевых форм, то они оказываются принципиально иными, чем те, что используются в блогах. Эти отличия вполне сопоставимы с теми, что наблюдаются между устной и письменной речью.

Интересный анализ речевых жанров, встречающихся в Интернете, содержится в работе Л.Ю. Иванова [Иванов, 2000]:

1. Общесредства массовой информации или жанры новостей. Средства массовой информации в Интернете разделяются на имеющие традиционные «бумажные» аналоги и на собственно сетевые средства массовой информации, которые на бумаге вообще не издаются.

2. Научно-образовательные и специальные информационные жанры (электронные научные и учебные издания, интерактивные учебные курсы, виртуальные факультеты и университеты и т. д.).

3. Художественно-литературные жанры присутствуют в Интернете во всем своем разнообразии. Пополнение происходит, в основном, за счет традиционных литературных произведений, которые были опубликованы на бумаге, а затем перенесены в Сеть, но существует и ряд писателей, пишущих лишь в Интернете.

4. Развлекательные жанры Интернета. Среди них – жанры, объединенные юмористической или эротической направленностью.

5. Жанры, оформляющие неспециальное, непрофессиональное общение. Это, прежде всего, всевозможные дискуссионные группы, чаты или IRC в MUD. К жанрам, оформляющим неспециальное общение, относятся также гостевые книги, письма электронной почты, избранные почтовые рассылки, социальные сайты и др.

6. Деловые и коммерческие жанры (профессиональные и непрофессиональные коммерческие доски объявлений, аналитические обзоры рынков и отраслей, информационные письма, информация на сайтах крупных компаний (корпоративных сетей), имеющая не только рекламный, но и технический и познавательный характер, баннеры).

Также Л.Ю. Иванов предлагает разделить жанры на исконно сетевые, то есть порожденные самим использованием языка в сети (чаты и дискуссионные группы), и заимствованные Интернетом из других сфер общения (аннотации научно-технических статей или передовицы электронных средств массовой информации).

Даже беглый обзор перечисленных жанров позволяет сделать вывод о принципиальной неоднородности Интернет-пространства. Из этого можно сделать вывод и о принципиальной неоднородности всего Интернет-дискурса, который можно охарактеризовать как комбинацию различных типов дискурса.

Само по себе это наблюдение представляется нам весьма важным. Во-первых, оно позволяет сделать вывод о том, что кроме однородных видов дискурса (которые, как правило, и описывались до сих пор) существуют и принципиально неоднородные (комбинированные), причем эта характеристика относится не только к Интернету, но может быть применена и к другим феноменам. Во-вторых, неоднородность Интернет-дискурса состоит не только в использовании как разговорных, так и письменных элементов (жанров, грамматических и лексических единиц и пр.) на всем пространстве Интернета, но и в принципиальном стремлении совмещать элементы разных видов дискурса даже в пределах одного сайта.

В качестве маленького примера приведем некоторые компоненты сайта компании «Билайн». Здесь можно обнаружить материалы с совершенно разной коммуникативной направленностью, имеющие признаки совершенно разных

видов дискурса. Так, к PR-дискурсу могут быть отнесены материалы, характеризующие миссию компании: *С момента своего создания в 1992 года. ОАО «ВымпелКом» – один из ведущих участников рынка телекоммуникаций, приверженец принципов этики, прозрачной отчетности, соблюдения законодательных требований, своевременной выплаты налогов, внедрения инновационных решений и, в целом, развития информационно-коммуникационной отрасли в странах присутствия.*

К рекламному дискурсу могут быть отнесены сведения о тарифах и услугах, предоставляемых компанией: *Тариф «Проще говоря, вам бонус»: собирайте входящие, получайте бонусы! Новая рекламная кампания, рассказывающая о том, как общение по мобильному телефону сделать выгодным запуска кампании: 4 февраля 2008 года.*

К информационному дискурсу относятся материалы, описывающие возможности и виды услуг компании: *В группу компаний «ВымпелКом» входят операторы связи, предоставляющие услуги голосовой связи и передачи данных на основе широкого спектра технологий беспроводной и фиксированной связи, а также широкополосного доступа в Интернет. В группу «ВымпелКом» входят компании, предоставляющие свои услуги в России, Казахстане, Украине, Таджикистане, Узбекистане, Грузии и Армении. Лицензии группы компаний «ВымпелКом» охватывают территории с общим населением около 340 млн человек. Услуги предоставляются под брендом «Билайн». ОАО «ВымпелКом» стало первой российской компанией, включенной в листинг Нью-Йоркской фондовой биржи (NYSE). Акции Компании котируются на NYSE под символом «VIP».*

Кроме того, могут быть выделены и другие виды.

Таким образом, можно утверждать, что изучение пространства Интернета позволяет вычленивать кроме однородных видов дискурса, еще и комбинированные виды, обладающие признаками нескольких видов или совмещающие в себе фрагменты разных видов дискурса.

Список литературы

1. Галичкина, Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках : дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Галичкина. – Астрахань, 2001.
2. Иванов, Л. Ю. Язык интернета: заметки лингвиста / Л. Ю. Иванов // Словарь и культура русской речи. – М. : Азбуковник, 2000.

А.Э. Рыцарева

Волжский гуманитарный институт (филиал)

Волгоградского государственного университета (Волжский, Россия)

БЛОГИ (СЕТЕВЫЕ ДНЕВНИКИ) В РЯДУ СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Активное расширение блогосферы обуславливает взаимопроникновение блогов и традиционных СМИ. В статье рассматриваются основные характеристики блогов, позволяющие им стать не просто новым способом

коммуникации нового речевого сообщества с новой коммуникативной практикой, но и возможным конкурентом традиционных печатных СМИ.

Как известно, наиболее простым определением понятия сетевой дневник – веблог или блог – является следующее: личный дневник, публикуемый автором в сети интернет и доступный для чтения другим пользователям сети, поскольку сам термин представляет собой образование из частей двух основ: web (сеть) и log(дневник). Отдельные записи, размещаемые автором блога, носят название постов (posts). Понятие «пост» перекликается с размещением сообщений на виртуальной доске объявлений в сети. Ни статья, ни персональная страница в интернете, представляющие собой заверченный текст, не предполагают обратной связи, дальнейшего обсуждения, характерного для веблога.

Большинство авторов, исследующих явление блоггинга, сходятся в определении понятия «веблог». Так, Е.И. Горошко понимает его как «достаточно часто обновляемую веб-страницу, состоящую из датированных записей (комментариев), расположенных в обратном хронологическом порядке» [Горошко, 2007а, с. 52].

М. Hourihan, проводя анализ веблогов, указывает на «общий для всех блоггеров формат. Посты представляют собой неформальные, порой противоречивые, а порой очень личные сообщения, относящиеся к разговорной речи» [Hourihan, 2002].

Н. Курчакова выделяет следующие особенности блогов: возможность быстрого создания блога без использования специальных навыков программирования; объединение множества блогов в систему – блогосферу; возможность комментирования отдельных записей посетителями, то есть возможность общения; заранее заданная структура, позволяющая свободно ориентироваться в чужом блоге [Курчакова, 2006, с. 133].

Поскольку блог предполагает возможность для посетителей оставлять свои комментарии к отдельным постам, В. Волохонский сравнивает его с «домашним альбомом, в котором гости оставляют сообщения друг другу» [Волохонский, 2007, с. 4].

На сегодняшний день одной из наиболее популярных систем блогов является Livejournal (www.livejournal.com), насчитывающая по всему миру 25167110 пользователей. Российские блоггеры занимают второе место после американских – 1434151 пользователей (по данным сайта <http://www.livejournal.com/stats.bml> на 20.02.2010).

Для лингвиста веблоги интересны, прежде всего, с точки зрения функционирования среди прочих дигитальных жанров интернет-коммуникации. В отечественной литературе данной проблеме уделяется не так много внимания, о чем, в частности, свидетельствует отсутствие четкого определения самого понятия *дигитальный жанр*. Е.И. Горошко указывает на то, что в настоящее время исследования дигитальных жанров концентрируются вокруг функции жанра, его эволюции и соотношении жанра и философско-культурной парадигмы. При этом функционирование жанра рассматривается с позиций определения роли и места жанров в дискурсивном сообществе и с точки зрения пользовательского

интерфейса. Эволюция жанров связана с адаптацией традиционных, бумажных жанров к новой электронной среде. [Горошко, 2007б, с. 376].

С другой стороны, активное расширение блогосферы не может не оказывать влияние на функционирование традиционных средств массовой информации. Понимая под СМИ организационно-технический комплекс, обеспечивающий создание, периодическую передачу и массовое тиражирование словесной, образной и музыкальной информации с целью массовой коммуникации (по определению wikipedia), можно достаточно обоснованно отнести блоги к средствам массовой информации. Блоги обладают основополагающими для СМИ характеристиками: массовой аудиторией и информированием. Технические возможности Интернета позволяют, в отличие от печатных изданий, тиражировать не только словесную и визуальную, но также аудио- и видеoinформацию. Кроме того, будучи, по сути, авторскими сайтами, блоги обладают еще одной важной чертой, отличающей их от традиционных СМИ – отсутствием редакторской цензуры.

Интересно отметить следующий факт: согласно российскому законодательству интернет-сайты не могут быть отнесены к средствам массовой информации, поскольку ч. 7 ст. 2 Закона о СМИ определяет «распространение продукции средства массовой информации» как «продажу (подписку, доставку, раздачу) периодических печатных изданий, аудио- или видеозаписей программ, трансляцию радио-, телепрограмм (вещание), демонстрацию кинохроникальных программ». Проведя анализ правовых аспектов, специалисты кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву и другим отраслям права интеллектуальной собственности пришли к выводу, что интернет-сайт по общему правилу не является средством массовой информации [Юридическое заключение по вопросу о правовой природе сайтов в сети Интернет].

В законодательстве США на основании вынесенного в январе 2005 г. решения по делу компании Apple против трех блогеров, ответственных за утечку внутрикорпоративной информации о выходе новых продуктов, было признано, что блоги не могут быть приравнены к СМИ, а их авторы ограничены в содержании распространяемой ими информации [Дикман, 2008, с. 183].

Несмотря на то, что блоги официально не имеют права быть названными СМИ, они обладают не меньшей силой воздействия. Хью Хьюит, известный американский радиожурналист, профессор права в Chapman University School of Law и автор книги «Blog: Understanding the Information Reformation That's Changing Your World», указывает на то, что блоги кардинально меняют суть журналистики. Если традиционная журналистика опирается на факт, то блог делает ставку на мнение об этом факте. Кроме того, блоги воплощают идею децентрализации средств массовой информации, доводя ее до абсолюта. С начала 20 века в мире формировались медиа-империи, влияющие на общественное мнение. Однако блоги (разрозненные и исповедующие совершенно различные точки зрения) уничтожают их влияние. Он указывает на невероятную скорость распространения блогосферы и ее растущее влияние на общественное мнение [Hewitt, XXI].

О кардинальных изменениях в СМИ говорит и Ник Дентон, создатель блога о новостях и слухах Gawker Media. По его мнению в 2010 году блоги и традиционные

СМИ по-настоящему столкнутся и приобретут качества друг друга. В качестве примера приводится издание The New York Times, первые полосы которого уже сейчас содержат материалы, написанные блогерами. При этом британский журналист не скрывает, что на сайте www.gawker.com допустима публикация информации, основанной на неподтвержденном слухе [Дентон, 2010].

Налицо еще одна важная черта, отличающая блоги от традиционных СМИ: нарушение существующих правил с целью привлечения дополнительной аудитории. Требования к форме подачи и содержанию информации в СМИ строгие: высокий уровень журналистских материалов, актуальность и достоверность информации, отсутствие плагиата, оскорблений и т. д. Авторы, пишущие в благах могут себе позволить не соблюдать данные требования. Кроме того, массовый характер информации определяется не только тем, что она ориентирована на массовую аудиторию, но и тем, что она массовой аудиторией производится.

Таким образом, отличительные характеристики блогов, такие как возможность участия в создании текста множества авторов, частое обновление текстов на основании предыдущих постов, отсутствие цензуры, доступность широкой аудитории, делают их не просто новым способом коммуникации нового речевого сообщества с новой коммуникативной практикой, но и возможным конкурентом традиционным печатным СМИ.

Список литературы

1. Волохонский, В. Л. Новые блоги о старом: краткое предисловие / В. Л. Волохонский // Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet : сб. науч. ст. / под ред. В. Л. Волохонского, Ю. Е. Зайцевой, М. М. Соколова. – СПб. : СПбГУ, 2007. – С. 4–8.
2. Горошко, Е. И. Гендер и блоггика интернета (психолингвистический анализ) / Е. И. Горошко // Вопросы психолингвистики. – М. : ИЯ РАН, 2007а. – Вып. 5. – С. 52–63.
3. Горошко, Е. И. Теоретический анализ Интернет-жанров: к описанию проблемной области / Е. И. Горошко // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Изд. центр «Наука», 2007б. – Вып. 5. «Жанр и культура» – С. 370–389.
4. Дентон, Н. Лучше быть неправым и живым, чем правым и мертвым / Н. Дентон. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1310352> (дата обращения: 20.02.2010).
5. Дикман, С. С. Правовой режим блога / С. С. Дикман // Пределы правового пространства свободы прессы (российские споры с участием СМИ в контексте мировой практики) : сб. ст. – М. : РИО «Новая юстиция», 2008. – С. 182–186.
6. Курчакова, Н. В. Формы самопрезентации в блоге / Н. В. Курчакова, // Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet. Блоги: новая реальность : сб. ст. / под ред. В. Л. Волохонского, Ю. Е. Зайцевой, М. М. Соколова. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006 – С. 132–166.
7. Юридическое заключение по вопросу о правовой природе сайтов в сети Интернет. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.medialaw.ru/publications/zip/153/2.htm>.
8. Hewitt, H. Blog: Understanding the Information Reformation That's Changing Your World / H. Hewitt . – Electronic text data. – Mode of access: <http://books.google.ru/books?id=lfveI4ppj0sC&printsec=frontcover&dq=Blog:+Understanding+the+Information+Reformation+That's+Changing+Your+World&cd=1#v=onepage&q=&f=false>.
9. Hourihan, M. What we're doing when we blog. / M. Hourihan // O'Reilly Network. – 13.06.2002. Electronic text data. – Mode of access: <http://www.oreillynet.com/pub/a/javascript/2002/06/13/megnutt.html%20> (дата обращения: 05.12.07).

Секция
ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ И КОНЦЕПТОЛОГИИ

А.А. Новожилова
Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ХРОНОНИМОВ
И ПРЕДИКАТОВ**

В статье рассматривается семантическое взаимодействие между грамматической категорией времени (глагольными средствами) темпусом и лексико-семантической категорией хронос. На примерах показывается, какие условия – лингвистические и экстралингвистические – влияют на выбор глагольных форм предиката, употребляемых в сочетании с разными типами хрононимов.

Человечество достаточно давно заинтересовалось изучением времени. Время стало объектом изучения различных отраслей знания. Не обошли его вниманием и лингвисты. В современной лингвистике категория языкового времени характеризуется достаточно высокой степенью изученности. Как правило, в работах, посвященных описанию категории времени, ученые основное внимание уделяют времени грамматическому, или глагольному. Но в системе языка временное значение реализуется средствами разных уровней. При выражении времени происходит взаимодействие между грамматической категорией времени (глагольными средствами) темпусом и неглагольными – лексическими средствами, или хрононимами, которые объединяются в самостоятельную категорию – хронос [см.: Ковалевский, 2002].

Разграничивая функции темпусных и лексических средств темпорализации высказывания, Р.Л. Ковалевский пишет, что хрононимы служат для осуществления хронологизации событий наррации. Ученый классифицирует хрононимы в зависимости от выполняемых ими функций и выделяет средства хронопунктуры (указание на точку на оси времени), средства хронометрии (указание на отрезок во времени) и хронологии (упорядочивание событий относительно друг друга) [Ковалевский, 2002, с. 136]. В данной статье рассматривается взаимодействие темпусных форм и хрононимов, относящихся к классу «хронопунктура».

Средства хронопунктуры можно подразделить на два типа – абсолютные хрононимы и относительные. Абсолютные хрононимы – это хрононимы, содержащие полное указание на определенную точку или на более или менее определенный отрезок времени той или иной временной шкалы, например, хрононимы календарного времяисчисления, содержащие указания на число, месяц, год (*am 20. Februar 2002, im Jahre 1997; 456 v. Chr., 233 u.Z.*); хрононимы, выражающие известные исторические периоды и события, которые ограничены более или менее четкими временными рамками (*im Mittelalter, im*

Zweiten Weltkrieg, beim Zaren Peter dem I.); хрононимы, выражающие определенные геологические периоды (*in der Eiszeit, in der Steinzeit*) и т. п.

Относительные хрононимы ориентируются на какую-либо точку отсчета, в качестве которой выступает момент речи. К ним относятся наречия *jetzt, morgen, heute, momentan, bisher, spater* и т.п. в самостоятельном употреблении и в различных словосочетаниях (*morgen fruher, heute um 3 Uhr.*); словосочетания, в состав которых входят указательные местоимения и прилагательные, указывающие на предшествование или следование такие, как *dieser, jener, nachster, voriger*, и т.п.; хрононимы, выраженные существительными в сочетании с предлогами *vor, in (vor drei Jahren, in einer Stunde)* и т. п.

Хрононимы, также как и грамматические формы глагола, фиксируют события, относящиеся к одной из трех временных сфер – сфере прошедшего, настоящего и будущего. В зависимости от принадлежности описываемых событий к конкретной временной сфере хрононимы употребляются в высказывании в сочетании с теми или иными временными формами глагола.

Абсолютные хрононимы комбинируются с любыми грамматическими формами глагола, выбор которых осуществляется только исходя из условий экстралингвистической реальности, так как в их семантике нет указания на принадлежность к той или иной временной сфере и они представляют собой только какие-то определенные точки на оси времени, которые упорядочены между собой. Так, например, выбор временной формы предиката, употребленного в сочетании с абсолютным хрононимом *am 3. Mai* будет осуществляться в зависимости от того, прошел ли этот день, длится в настоящий момент или ожидается в будущем: *Er ist am 3. Mai gekommen. Er kommt am 3. Mai. Er wird am 3. Mai kommen.*

Относительные хрононимы также могут сочетаться с предикатами в любой временной форме, но выбор глагольной формы зависит как от местоположения относительно точки отсчета, так и от семантики самого хрононима. Большинство относительных хрононимов, являющихся средствами хронопунктуры, можно отнести, исходя из их значения, к одной из трех временных сфер – настоящего, прошлого, будущего, которые располагаются на оси времени относительно точки отсчета, в качестве которой выступает момент речи. Так, например, хрононимы *gestern, langst, fruher* всегда фиксируют события прошлого и сочетаются с глагольными формами в прошедшем времени; хрононимы *momentan, jetzt, zur Zeit* фиксируют события настоящего и сочетаются с предикатами в настоящем времени. Но существуют такие относительные хрононимы, которые в зависимости от контекста и временной формы глагола могут локализовывать на оси времени события всех трех временных форм. Приведем подробный анализ одного из таких хрононимов хрононима *heute*. Хрононим *heute* обозначает тот день, в течение которого происходит описываемое событие и тем самым соотносится с настоящим временем говорящего. Данный хрононим указывает на полное или частичное совпадение дня, в который включен момент речи, со временем ситуации, локализуемой на оси времени при помощи хрононима *heute*. Хрононим *heute* употребляется для обозначения временного интервала, не

превышающего по своей длительности 24 часа и момент речи может совпадать со временем описываемой ситуации, следовать за ней или предшествовать ей. Причем момент порождения речи и время описываемой ситуации не выходят за рамки 24-часового интервала. С другой стороны, хрононим *heute* может обозначать как весь 24-часовой интервал времени, так и более короткие промежутки или точки на оси времени, включенные в этот интервал обозначаемые хрононимом *heute*: *Er ist heute angekommen. Er wird heute kommen. Er hat das schon heute gemacht. Heute ist sein Geburtstag. Heute ist doch Sonntag.*

Как мы отметили выше, хрононим *heute* может локализовывать как события, совпадающие с моментом речи, так и предшествующие ему и следующие за ним, но это зависит не от семантики данного хрононима, а от его сочетания с разными темпусными формами глагола:

а) описываемое событие совпадает с моментом речи и хрононим *heute* сочетается с презенсом: *Sie wollte selbst kommen, aber sie fühlt sich heute ein wenig unwohl. Sie mochten sie entschuldigen und mich statt ihrer anhören.* [KFDP];

б) описываемое событие предшествует моменту речи и хрононим *heute* комбинируется с глагольными формами прошедшего времени: «*Erna hat es mir geschrieben*», sagte der Onkel, «*sie hat ja keinen Verkehr mit dir, du kummerst dich leider nicht viel um sie, trotzdem hat sie es erfahren. Heute habe ich den Brief bekommen und bin natürlich sofort hergefahren...*» [KFDP];

с) описываемое событие ожидается после момента речи и данный хрононим сочетается с футурумом: «*Es kommen natürlich Störungen vor; ich hoffe zwar, es wird heute keine eintreten, immerhin muß man mit ihnen rechnen...*» [KFDP]

Но в некоторых случаях именно хрононим *heute* указывает на то, в какой из трех временных сфер локализована описываемая ситуация. Это касается, прежде всего, употребления презенса для обозначения будущих событий. Сравним следующие высказывания: *Er fliegt heute an.* – *Он прилетает (прилетит) сегодня.* и *Er fliegt an.* – *Он прилетает* (возможно, что действие происходит в момент речи). В данном примере *heute* сочетается с формой глагола в настоящем времени, но то, что описываемая ситуация принадлежит именно сфере будущего, а не сфере настоящего однозначно ясно только благодаря включению в высказывание хрононима *heute*.

Следует также отметить, что хрононим *heute* указывает лишь на определенный промежуток времени, в рамках которого локализована ситуация, а ее продолжительность или «точечность» зависит от типа предиката. Анализа фактического материала показал, что хрононим *heute*, употребляясь в комбинации с формами глагола в прошедшем или будущем времени, может фиксировать на оси времени как короткие, «точечные» события, так и события, длящиеся некоторое время, то есть он может употребляться в сочетании как с предикатами мгновенного действия, так и с предикатами, обозначающими процесс. Что касается употребления *heute* с формами глаголов настоящего времени, то здесь возможно только сочетание с предикатами, обозначающими процесс, то есть описываемые события должны иметь какую-либо продолжительность, а не быть «точечными», за исключением тех случаев, когда презенс используется для обозначения будущего:

Er renoviert heute seine Wohnung. – предикат обозначает процесс, обладающий некоторой продолжительностью.

Er kommt heute. – предикат имеет «точечное» значение – «достижение какого-то места назначения», действие относится к сфере будущего.

Таким образом, продолжительность описываемой ситуации и ее отнесенность к конкретной временной сфере относительно момента речи зависит от темпусной формы и типа предиката, а хрононим *heute* указывает на локализацию ситуации в рамках определенного интервала на оси времени.

Подобным образом и относительные хрононимы, в состав которых входит указатель *dieser*, фиксируют описываемое событие во всех трех временных сферах в зависимости от того, в какой временной форме употреблено сказуемое, ср.:

In diesem Monat (Jahr) besuche ich die Fremdsprachenkurse.

In diesem Monat (Jahr) habe ich die Fremdsprachenkurse besucht.

In diesem Monat (Jahr) werde ich die Fremdsprachenkurse besuchen.

Итак, мы можем сделать вывод, что выбор глагольной формы предиката, употребляемого в сочетании с абсолютными хрононимами зависит от экстралингвистических условий, а выбор глагольной формы предиката, употребляемого в сочетании с относительным хрононимом диктуется как экстралингвистическими условиями, так и семантикой хрононима.

Список литературы

1. Ковалевский, Р. Л. О категоризации языковых средств означивании времени и временных отношений (на материале немецкого языка) / Р. Л. Ковалевский // Вестн. ВолГУ. Сер. 2, Языкознание. – Волгоград, 2002. – Вып. 2.

2. *KFDP* = Kafka, F. Der Prozess / F. Kafka. Electronic text data. – Mode of access: <http://gutenberg.spiegel.de>.

Е.Г. Григорьева

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ДРАМАТУРГИИ ЖАНРА ТОК-ШОУ В АМЕРИКАНСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В статье показано, что специфика драматургии жанра ток-шоу в американской и русской лингвокультурах фактически сопоставима с противопоставлением концептов «self» и «soul» как ключевых понятий, характеризующих американскую и русскую личность.

К числу важных конститутивных признаков жанра ток-шоу, по нашему мнению, относятся его сценарность и драматургичность.

Создание любого телевизионного «произведения» – это творческий процесс, включающий следующие основные этапы: 1) разработка сценария; 2) непосредственная реализация замысла в эфире.

Существуют два принципиально отличных типа сценариев: с полностью готовым текстом или только с обозначением ролей и основной темы сообщения [Лаптева, 2003, с. 12]. Сценарий ток-шоу следует относить ко второму типу. Сценарная разработка данной телепрограммы – «некое русло, приготовленное для того, чтобы точно направить поток мыслей приглашенных людей, обозначить постановку проблемы и линию поведения ведущего, продумать возможные выводы» [Кузнецов, 1998, с. 59]. Следовательно, работа над сценарием ток-шоу предполагает: а) выбор актуальной темы для обсуждения; б) подбор и определение количества участников, выполняющих различные роли (гостей, экспертов, зрителей); в) определение линии поведения ведущего; г) продумывание выводов.

Национально-культурная специфика американских и российских телевизионных ток-шоу проявляется на стадии «продумывания выводов». Нами установлено, что, например, в ток-шоу Опри Уинфри только в каждой пятой программе в развязке представлено авторское заключение по поводу обсуждаемой в программе проблемы. Аналогичный показатель, полученный в результате анализа финальных реплик ведущей ток-шоу «Что хочет женщина», составляет 100 %. Д.Е. Братышев [Братышев, 1998, с. 150], изучавший проблемы создания имиджа телевизионного ведущего, отмечает, что ток-шоу в чисто американском варианте – это программа, где ведущий и публика работают на главную идею: раскрыть насколько возможно полнее тему передачи. Вопрос не освещается однобоко; скрупулезно и основательно отражаются разные точки зрения. В российских же ток-шоу зрителю, как правило, внушается уже продуманное за него решение. Обязательное «продумывание выводов» в отечественных ток-шоу и довольно редкое их представление в американских, вероятно, связано с некоторыми особенностями культурологического характера.

Известно, что культуры рассматриваются как ориентированные на прошлое, настоящее и будущее. Как для американской, так и для русской культур свойственны, как полагает О.А. Леонтович, линейное восприятие времени и устремленность в будущее, однако наблюдаются определенные различия, которые из-за большого сходства игнорируются. В русской культуре, отмечает исследователь, «настоящее в большей степени рассматривается в связи с прошлым», в американской – «превалирует восприятие настоящего как начала будущего и слабая связь с прошлым» [Леонтович, 2002, с. 161, 215]. Отсюда – настоящее в русской культуре, устремленное в будущее, но крепко связанное с прошлым, необходимо осмыслить, передать обретенную мудрость следующим поколениям; следовательно, важно «продумывание выводов», ибо коллективный опыт героев программы не должен исчезнуть бесследно. Настоящее в американской культуре, также устремленное в будущее, но слабо связанное с прошлым, дает понять, что у ныне живущих нет необходимости оглядываться назад, давать наставления, поскольку у каждого есть свое собственное мнение, каждый может «позаботиться о себе сам». Поэтому – практически нет выводов и навязанных решений в конце программы.

Для создания «эффекта зрелищности» авторы ток-шоу прибегают к целой системе тщательно продуманных приемов (технических, «людических» и языковых), которые вместе со сценарной разработкой составляют драматургию жанра. К числу технических приемов относятся: а) оформление студии, б) использование в программе аудио- и видеоматериалов, фрагментов теле- и кинофильмов, фотографий; в) включения музыки и т. п. К «людическим» приемам следует относить: а) выбор в качестве ведущего яркой языковой личности; б) приглашение известных людей, чья жизнь и мнение представляют интерес для телезрителей; в) привлечение к участию в программе людей с ярко выраженной харизмой; г) выступление певцов, танцоров; д) демонстрацию профессионального мастерства гостей и зрителей в студии и т. п. К языковым приемам относится использование особых фонетических, лексических, синтаксических явлений, стилистических приемов и средств для оказания эмоционального воздействия на телезрителя.

Цветовое оформление студии – один из технических приемов, используемых в драматургии телевизионного ток-шоу – имеет большое значение для создания микроклимата телепередачи. То, в каких цветовых гаммах выполнено оформление места, где происходит коммуникация между участниками того или иного ток-шоу, влияет как на характер обсуждаемых вопросов, так и на атмосферу самого обсуждения. Дизайнеры, работавшие над оформлением студии политико-аналитического ток-шоу «Времена», сочли необходимым использовать голубую цветовую гамму. Движущиеся (как река) слева направо белые точки по огромному голубому экрану за спиной ведущего передачи Владимира Познера, сидящего вместе с гостями за круглым зеркальным столом (зеркало как отражение реальности), символизируют скоротечность времени и, следовательно, означают, что участники обсуждения самых актуальных, острых и неоднозначных политических и социальных проблем современности не вправе откладывать «на потом» принятие правильных решений с учетом реально протекающих в обществе процессов. Часто обсуждение в студии носит характер жесткой полемики и диктует участникам коммуникации необходимость давать прямые ответы на прямо поставленный вопрос.

Такое восприятие атмосферы и характера обсуждения в ток-шоу «Времена» связано, на наш взгляд, с широко распространенными понятиями полихронного (polychronic) и монокронного (monochronic) времени, восходящее к работам Э.Холла [Hall, 1983, с. 42–54]. По его мнению, отношение человека к организации своего жизненного опыта в западных обществах монокронно: действия последовательны, каждому действию отводится определенный отрезок времени. Полихронное время воспринимается как более абстрактная категория, допускается выполнение нескольких действий одновременно, ритм жизни более медленный.

Российская культура, занимающее промежуточное положение между Западом и Востоком, является преимущественно монокронной с элементами полихронного поведения [Леонтович, 2002, с. 159], то есть в этом смысле русская

культура ближе к западной. Западное время изображается как стрела или текущая река, берущая начало далеко в прошлом. Время воспринимается как ориентированное в пространстве и движущееся по направлению к определенной цели. Этим, видимо, и объясняется использование в русском ток-шоу «Времена» соответствующих названию и характеру передачи элементов оформления студии – огромного голубого экрана с движущейся «рекой», что, в свою очередь, подтверждают мысль о преимущественной монокронности русской культуры.

Теплая, желто-красная гамма в сочетании с сине-фиолетовыми цветами в студии со слегка приглушенным светом, где проходит развлекательное ток-шоу «Что хочет женщина», создает атмосферу задушевного (soul-to-soul), если не интимного разговора о самых сокровенных тайнах человеческой души и о превратностях людских судеб.

Черно-бело-красные тона, характерные для оформления знаков дорожно-патрульной службы, призывающие участников движения соблюдать осторожность и «определенные правила», приглушенный свет в студии и знак, в центре которого изображена фигура пешехода, в сочетании с надписью «Опасная зона» создают особую атмосферу опасности, которая может возникнуть при расследовании запутанных ситуаций в детективном ток-шоу Михаила Пореченкова, и которая настраивает участников общения быть готовыми к любому неожиданному повороту.

Американские ток-шоу отличаются от российских в плане освещения и цветового оформления студий. Никаких мрачных тонов, только яркие краски. Все помещение заливают яркий свет множества софитов. И дело здесь не только в том, что создатели шоу стремятся превратить его в истинное зрелище, но и в том, что такое оформление студии создает атмосферу праздника, значимости происходящих здесь событий, в центре которых человек – личность, яркий индивидуум, что в очередной раз характеризует американскую культуру как культуру индивидуумов. Никто из присутствующих в студии «не прячется в тени», каждый человек на виду, каждая личность имеет право продемонстрировать свою уникальность.

Такая специфика, на наш взгляд, фактически сопоставима с противопоставлением концептов «soul» и «self» как ключевых понятий, характеризующих американскую и русскую личность. В США презентация «себя» (self), как пишет американский исследователь Д. Карбо, есть предпочтительная форма коммуникативной деятельности, с указанием на личный опыт, мысли и чувства. Self – это нечто внутреннее и уникальное, ценимое в обществе и имплицитно предполагающее достоинство как говорящего, так и его собеседника. В российском же дискурсе, по его мнению, одним из основополагающих измерений межличностной коммуникации становится ее задушевность. Следовательно, с одной стороны имеется группа индивидуумов, в основе коммуникации которых лежит фактическая информация, раскрывающая их личный опыт взаимоотношений с обществом, с другой – «душевный» коллектив, общение которого основано на понятиях морали и нравственности общественной жизни [Carbaugh, 1993, с.196].

Список литературы

1. Братышев, Д. Е. Создание имиджа телевизионного ведущего : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.10 / Д. Е. Братышев. – М., 1998. – 206 с.
2. Кузнецов, Г. Ток-шоу: неизвестный жанр? / Г. Кузнецов // Журналист. – 1998. – № 11/12. – С. 58–59.
3. Лаптева, О. А. Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте / О. А. Лаптева. – 5-е изд. – М. : УРСС, 2003. – 520 с.
4. Леонтович, О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения : монография / О. А. Леонтович. – Волгоград : Перемена, 2002. – 435 с.
5. Carbaugh, D. «Soul» and «Self»: Soviet and American Cultures in Conversations / D. Carbaugh // Quarterly Journal of Speech, 1993. – №. 79. – P. 182–200.
6. Hall, E. T. The Dance of Life: The Other Dimension of Time / E. T. Hall. – N. Y. : Doubleday and Company, 1983.

И.А. Садовникова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Во многих социальных науках в последнее время укрепился подход, в соответствии с которым различия между «мужским» и «женским» менталитетом, восприятием окружающей действительности детерминируются социальными причинами и обозначаются термином «гендер». Целью данной работы является определение места лингвистической гендерологии в ряду других направлений современного языкознания.

Гендерные исследования в лингвистике приходятся на последние десятилетия XX века и связаны, прежде всего, со сменой научной парадигмы в гуманитарных науках под влиянием постмодернистской философии, которая видит в языке главный инструмент конструирования картины мира, утверждая, что то, что человек воспринимает как реальность, на самом деле – языковой образ, социально и лингвистически сконструированный феномен, результат наследуемой нами языковой системы. Сам язык следствие человеческого опыта, прежде всего конкретного, телесного. Язык дает ключ и к изучению механизмов конструирования половой идентичности. Хотя гендер не является лингвистической категорией (исключение составляют социо- и отчасти психолингвистика), анализ структур языка позволяет получить информацию о том, какую роль играет гендер в той или иной культуре, какие поведенческие реакции для мужчин и женщин фиксируются в текстах разного типа, как меняется представление о гендерных нормах, мужественности и женственности во времени, какие стилевые особенности могут быть отнесены к преимущественно женским или преимущественно мужским, как осмысливается мужественность и женственность в разных языках и культурах, как гендерная принадлежность влияет на усвоение языка, с какими фрагментами и тематическими областями языковой картины мира она связана.

Существует несколько взаимосвязанных направлений исследования гендера при помощи анализа структур языка:

- Социолингвистика, занимающаяся изучением функционирования языка в группах людей по признаку профессии, пола, возраста, городского или сельского образа жизни и т. д.
- Психолингвистика, исследующая специфику мужских и женских ассоциаций, гендерно специфичное развитие языковой способности человека, детскую речь. В последнее время психолингвистика смыкается с нейролингвистикой.
- Идентификационная диагностика, изучающая письменные и устные тексты (анонимного) автора с целью определения параметров личности, в том числе и пола.
- Лингвокультурологические и межкультурные исследования, выявляющие культурную специфику гендера, общее и особенное в его конструировании в зависимости от языка и культуры данного общества, что позволяет установить степень андроцентризма разных языков и культур.
- Феминистская критика языка.
- Исследование маскулинности (наиболее новая линия исследования).

В рамках нашего исследования мы предприняли попытку изучить письменные тексты (анонимных) русских респондентов и частично немецких с целью определения параметров личности, в том числе и пола с целью выявить особенности письменной речи мужчин и женщин в двух культурах немецкой и русской. Респонденты должны были дать определение двум понятиям: уму и красоте. Примечателен тот факт, что при дефиниции «красоты» мужчины писали о женской красоте, а женщины в свою очередь – о мужской. Однако при определении понятия «ум» и мужчины и женщины разделили его на две категории – мужской и женский ум и давали определение отдельно каждой из них.

Большинство мужчин, отвечая на вопрос о том, что такое красота, в первую очередь женская красота выделяли в первую очередь черты личности. Вот какие качества мужчины называют привлекательными: *уверенность в себе и чувство собственного достоинства, аккуратность и ухоженность, ум, умение слушать, умение говорить, поддержать беседу*. И только после этих качеств респонденты называли особенности внешности: *длинные ноги, форма лица, цвет глаз и волос, одежда* и т.п. Парадоксальным является тот факт, что женский ум рассматривается как неотъемлемая часть женской привлекательности. Хотя и в русском и немецком языках существует достаточное количество пословиц, поговорок и т.д., доказывающих обратное. Ум и привлекательность выступают как взаимоисключающие понятия. В немецком языке привлекательность исключает хозяйственность, домовитость женщины. Один из немецких респондентов-мужчин в ответе на вопрос привел в качестве примера немецкую пословицу: «Aus einem schonen Morgen wird selten ein schoner Tag, aus einem schonen Madchen wird meistens ein Schlumpersack».

Женщины в понятии «красота» выделяют, прежде всего, внешние особенности мужчины: *красивое лицо, правильные черты лица, фигура* и т. д.

Различным оказался и взгляд мужчин и женщин на такую базовую категорию «ум». «Мужской ум» с позиции респондентов двух групп, то есть мужской и женской, имеет много общих черт. Обе группы выделили способность мужчины мыслить стратегически, способность строить логические и ассоциативные ряды. Примечательно, что среди немецких и русских респондентов нет существенных различий при дефиниции категории «ума»: «Wenn man als klug bezeichnet wird, bedeutet das meist, dass die Fähigkeit zum Denken gut entwickelt ist. Das bedeutet, dass man mit scharfem Verstand und logischem Denkvermögen ausgestattet ist».

Логическое мышление – прерогатива мужчин, а интуиция – женщин. Женщина способна безошибочно и быстро принимать решения, быстро адаптироваться в сложных условиях. С нейроанатомической точки зрения никаких оснований предполагать женщину изначально менее способной к интегральным исчислениям нет. Но «женский ум» с позиции респондентов-мужчин и женщин имеет достаточно различий. Например, по мнению мужчин истинно умная женщина никогда не будет касаться мужских тем, не станет состязаться в эрудированности, позволит мужчине просветить себя, даже если неплохо разбирается в предмете дискуссии. И вообще – не станет демонстрировать свой интеллект. Под «женским умом» понимается способность женщины адекватно реагировать на партнера. Если замечания, похвалы, напоминания, благодарности и т. п. в подавляющем большинстве уместны, то такое поведение будет восприниматься с определенной долей восхищения этой уместности, то есть как следствие проявления редкого ума и дипломатических способностей. А глупой (как написали мужчины – «истеричка», «дура», «курица» и т. д.) станет женщина, которая проявляет такие же ответные реакции, но совершенно неадекватно с точки зрения данного мужчины. Таким образом, категория «ума» женщины привязана к ее социальной адаптации и ситуативным моментам общения.

С точки зрения женщин «женский ум» рассматривается не в плане ее способности к логическому мышлению, а ее «социальной успешности»: карьерный рост, удачное замужество и т. д.

Главной целью данного тестирования является лингвистический аспект, а именно выявление особенностей письменной речи мужчин и женщин в двух культурах немецкой и русской. Для мужской письменной речи характерно: употребление большого количества абстрактных существительных; употребление при передаче эмоционального состояния или оценки предмета или явления слов с наименьшей эмоциональной индексацией; однообразие лексических приемов при передаче эмоций; использование газетно-публицистических клише; преобладание глаголов активного залога и переходных глаголов. Характерные особенности женской письменной речи: наличие множества вводных слов, определений, обстоятельств, местоименных подлежащих и дополнений, а также модальных конструкций, выражающих различную степень неуверенности, предположительности, неопределенности; склонность к употреблению

«престижных», стилистически повышенных форм, клише, книжной лексики; использование коннотативно нейтральных слов и выражений, эвфемизмов; большая образность речи при описании чувств; преобладают глаголы в пассивном залоге; высокочастотным является также использование конструкций «наречие + наречие» (слишком безжалостно; очень хорошо), простых и сложносочиненных предложений, синтаксических оборотов с двойным отрицанием; частое использование знаков пунктуации, высокая эмоциональная окраска речи в целом.

Следует отметить, что в мужской речи отмечаются также терминологичность, стремление к точности номинаций, более сильное влияние фактора «профессия», большая, по сравнению с женской, тенденция к использованию экспрессивных, особенно стилистически сниженных средств. Женщины чаще ссылаются на личный опыт и приводят примеры конкретных случаев из опыта ближайшего окружения. У женщин заметна тенденция к интенсификации, прежде всего положительной оценки. Мужчины более выразительно используют отрицательную оценку, включают стилистически сниженную, бранную лексику и инвективы.

Современная гендерная теория утверждает, что сам по себе факт различий: биологических, социальных, психологических между конкретными женщинами и мужчинами не так важен, как важна их социокультурная оценка и интерпретация, а также построение властной системы на основе этих различий. Гендерный подход основан на идее о том, что важны не биологические или физические различия между мужчинами и женщинами, а то культурное и социальное значение, которое придает общество этим различиям.

Список литературы

1. Земская, Е. А. Особенности мужской и женской речи / Е. А. Земская, М. А. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русский язык в его функционировании / под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелева. – М., 1993. – С. 90–136.
2. Кирилина, Л. В. Категория «gender» в языкознании / Л. В. Кирилина // Женщина в российском обществе. – 1997. – № 2. – С. 15–20.
3. Кирилина, А. В. Женский голос в русской паремиологии / А. В. Кирилина // Женщина в российском обществе. – 1997. – № 3. – С. 23–26.
4. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М., 1995. – С. 144–238.
5. Смит, С. Постмодернизм и социальная история на Западе: проблемы и перспективы / С. Смит // Вопросы истории. – 1997. – № 8.
6. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. – М., 1996.

О.В. Ширинова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

КОНЦЕПТ «ОШИБКА» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена вопросу словообразовательной объективации концепта «ошибка» в английском языке. Автор раскрывает основные понятия

работы, приводит краткую классификацию префиксального способа словообразования, уделяя особое внимание префиксу *mis-*, производные которого образуют лексико-семантическую группу со значением «ошибка».

Термин «лингвокультурология» появился в последнее десятилетие в связи с работами В.Н. Телии, В.В. Воробьева, В.А. Масловой, Н.Д. Арутюновой, Ю.С. Степанова, В.И. Карасика и других лингвистов. Данное научное направление создает собственный понятийно-терминологический аппарат, в центре которого находится активно развивающееся понятие концепта. До сих пор нет единого определения данного термина.

Нами было рассмотрено множество определений концепта (С.А. Аскольдов, В.Н. Телия, С.Х. Ляпин, Н.Д. Арутюнова, Р.М. Фрумкина), и в качестве рабочего мы принимаем определение, данное Ю.С. Степановым: «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов, 2001, с. 40]. Концепт – это многомерное ментальное образование [Степанов, 1997, с. 41], в котором выделяются несколько качественно отличных составляющих: «понятийная, образная и ценностная» [Карасик, 2002].

Исследуемый нами концепт «ошибка» выражается, естественно, огромным количеством лексем, которые составляют его лексико-семантическую группу. В «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова приводится следующее определение понятия «ошибка»: неправильность в действиях, поступках, высказываниях, мыслях, погрешность [ТСРЯ, 1935–1940: <http://ushakovdictionary.ru/>]. В «Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений» понятию «ошибка» даются несколько синонимов: *грех, погрешность, заблуждение, неловкость, оплошность, опечатка, описка, отступление, промах, уклонение, упущение, неправильность, шероховатость, ложный шаг, провес, промер, просмотр, просчет* [СРСиСВ, 1999: <http://www.dict.t-mm.ru/abramov/>]. В словарях английского языка выделяются четыре основных понятия: *mistake, error, blunder, bug*, а также их синонимы: *contretemps, faux pas, slip, fault, transgression, wrongdoing, deviation, digression, swerve*.

В работе нас интересует словообразовательная объективация концепта «ошибка», а точнее производных, образованных при помощи префикса *mis-*, которые составляют лексико-семантическую группу со значением «ошибка». Обратимся к общим вопросам словообразования.

Словообразование – это раздел языкознания, изучающий процессы, способы, типы и правила образования слов, продуктивность, активность и закономерности использования словообразовательных средств и словообразовательных моделей и тесно связанный с другими разделами языкознания – фонетикой, грамматикой, лексикологией и стилистикой. Эта взаимосвязь и взаимозависимость определяются системным характером языка.

Современный английский язык располагает многими способами образования новых слов, к числу которых относятся словопроизводство, словосложение, конверсия, сокращения, адъективизация, субстантивизация,

обратное словообразование, лексико-семантический способ, чередование звуков и перенос ударения в слове (фонологический способ).

Одним из наиболее продуктивных способов словообразования является аффиксация или прогрессивная деривация – морфологический процесс, заключающийся в присоединении аффиксов к корням или основам. Словообразовательная структура слова предполагает наличие трех обязательных элементов: основы, аффикса и модели, по которой происходит присоединение аффикса к производящей основе.

Участие основы в словопроизводстве зависит от ее лексико-грамматического значения. Для префиксального словообразования на протяжении долгого периода времени доминирующей оставалась глагольная основа, а также основа отглагольных производных. В современном английском языке префиксальное словообразование преимущественно распространяется на область именных основ, в то время как префиксальные глаголы уступают место глагольно-постпозитивным сочетаниям.

Префиксация как способ слово- и формообразования представляет собой присоединение префиксов к корням и основам, где префикс – это выделяющаяся в составе словоформы докорневая (то есть предшествующая корню) аффиксальная морфема, имеющая ... преимущественно словообразовательный характер.

Характерной чертой префиксов является их способность образовывать слова, принадлежащие к разным частям речи.

Префиксы английского языка классифицируются по следующим параметрам:

1. по происхождению:

- исконно английские – *be-, for-, fore-, in-, mis-, out-, over-, semi-, un-, under-, after-, up-, with-, by-*;
- заимствованные – *a-, ab-, ad-, an-, ana-, anti-, arch-, bi-, circum-, cis-, co-, contra-, counter-, de-, demi-, dis-, dys-, en-, epi-, ex-, exo-, extra-, hemi-, hyper-, hypo-, in-, inter-, mal-, meta-, mono-, non-, omni-, pan-, para-, poly-, peri-, post-, pre-, pro-, re-, retro-, sub-, super-, supra-, sur-, syn-, trans-, ultra-, vice-*;

2. по способности транспортировать производящую основу из одной части речи в другую:

- транспортирующие – *be-, de-, dis-, un-, anti-, ex-, over-, post-, a-*;
- *нетранспортирующие* *for-, fore-, in-, mis-, out-, semi-, un-, under-, after-, up-, with-, co-, contra-, counter-, hyper-, hypo-, mono-, pre-, re-, sub-*;

3. по частеречной принадлежности производящей основы:

- существительные – *ex-, arch-, ana-, dys-, per-*;
- глагольные – *be-, de-, en-, out-, un-*;
- прилагательные – *cis-*;
- смешанные;

4. по стилистической дифференциации:

- стилистически нейтральные – *out-, over-, re-, under-*;

- стилистически окрашенные – *ad-*, *an-*, *ana-*, *bi-*, *dys-*, *epi-*, *hemi-*, *mal-*;

5. по продуктивности:

- высокопродуктивные – *anti-*, *de-*, *co-*, *non-*, *pre-*, *re-*, *super-*;
- продуктивные – *bi-*, *dis-*, *hyper-*, *inter-*, *para-*, *pro-*, *trans-*;
- малопродуктивные – *an-*, *homo-*, *mal-*, *omni-*, *poly-*, *post-*, *semi-*, *supra-*;
- непродуктивные – *ab-*, *ad-*, *ana-*, *arch-*, *be-*, *cis-*, *contra-*, *dys-*, *en-*, *epi-*, *for-*, *hypo-*, *vice-*;

6. по количеству значений:

- однозначные – *after-*, *a-*, *ab-*, *an-*, *ana-*, *anti-*, *bi-*, *circum-*, *cis-*, *co-*, *contra-*, *demi-*, *dys-*, *exo-*, *extra-*, *hemi-*, *hyper-*, *in-*, *inter-*, *mal-*, *mis-*, *omni-*, *pan-*, *para-*, *poly-*, *retro-*, *semi-*, *supra-*, *ultra-*, *vice-*;
- многозначные – *a-*, *arch-*, *be-*, *de-*, *dis-*, *en-*, *epi-*, *ex-for-*, *fore-*, *hypo-*, *in-*, *non-*, *out-*, *over-*, *post-*, *pre-*, *pro-*, *re-*, *sub-*, *super-*, *trans-*, *sur-*, *un-*, *under-*;

7. по семантической отнесенности:

- префиксы со значением отрицания – *un-*, *non-*, *in-*, *dis-*, *a-*;
- префиксы со значением реверсивности – *de-*, *dis-*, *un-*, *retro-*;
- префиксы со значением противодействия и противоположного действия – *counter-*, *contra-*, *anti-*;
- префиксы со значением временной последовательности и предшествования – *fore-*, *pre-*, *post-*, *ex-*;
- префиксы со значением расположения в пространстве – *a-*, *en-*, *sub-*, *supra-*, *sur-*, *super-*, *trans-*, *hypo-*, *circum-*, *epi-*;
- префиксы со значением повторности – *re-*, *ana-*.

К.В. Пиотух предлагает несколько иную семантическую классификацию префиксов, выделяя следующие смысловые группы [Пиотух, 1971]:

1. Предшествование выражается префиксами *fore-*, *pre-*, *ex-*.
2. Последовательность – префиксом *post-*.
3. Чрезмерность – префиксами *over-*, *hyper-*, *arch-*, *per-*, *supra-*.
4. Превосходство – префиксом *out-*.
5. Недостаточность – префиксами *under-*, *sub-*, *hypo-*.
6. Неполнота – префиксами *demi-*, *hemi-*, *dys-*.
7. Отрицание – префиксами *in-*, *un-*, *dis-*, *non-*.
8. Повторность – префиксами *ana-*, *re-*.
9. Изъятие – префиксами *de-*, *dis-*, *un-*.
10. Окружение, охват – префиксами *be-*, *en-*.
11. Реверсивность – префиксами *de-*, *dis-*, *un-*, *de-*, *en-*.
12. Полнота и интенсивность – префиксами *be-*, *en-*.
13. Совместность – префиксом *co-*.
14. Противодействие и противоположность – префиксами *counter-*, *contra-*, *anti-*.
15. Направленность – префиксом *a-*.
16. Всеобщность – префиксом *pan-*.
17. Состояние – префиксом *a-*.
18. Ошибочность – префиксом *mis-*.

Приведем краткую характеристику префикса *mis-*, согласно приведенной классификации.

Префикс *mis-* является исконным английским префиксом, который в основном выступает в нетранспортирующих схемах. Он относится к префиксам, которые могут образовывать как существительные, так и глаголы и прилагательные. По стилистической дифференциации он принадлежит к нейтральным префиксам, а по степени продуктивности – к продуктивным. Префикс *mis-* является однозначным. Согласно семантической дифференциации префикс *mis-* репрезентирует смысловую группу со значением ошибочности.

Список литературы

1. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград, 2002.
2. Пиоттух, К. В. Система префиксации в современном английском языке : автореф. ... канд. дис. / К. В. Пиоттух. – М., 1971.
3. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М., 1997.
4. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Академ. Проект, 2001.

Источники

1. <http://ushakovdictionary.ru/>.
2. <http://www.dict.t-mm.ru/abramov/>.

Н.И. Дорохова

**Астраханский государственный технический университет
(Астрахань, Россия)**

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ АНГЛОСАКСОНСКОГО ЖИЛИЩА

В статье рассматривается лингвосемиотика англосаксонского жилища, в частности, типология номинаций, которые формировались в течение V–XI вв. Помимо номинаций строений в лингвосемиотическое пространство «жилище» включены знаки предметов, обеспечивающих витальные потребности англосаксов.

Лингвосемиотика представляет собой лингвистическую дисциплину, в задачи которой входит эффективный анализ данных наук о человеке, дающий возможность понять, каким образом когнитивные, языковые и дискурсивные механизмы коммуникации совокупно взаимодействуют, а также возможность раскрыть их природу. Подтверждением вышесказанного может служить высказывание Р. Якобсона: «Язык служит примером чисто семиотической системы. Все языковые явления – от мельчайших единиц языка до целых высказываний или обмена высказываниями – всегда функционируют как знаки и только как знаки. Исследование знаков, однако, нельзя свести к таким чисто семиотическим системам; оно должно принимать во внимание также и

прикладные семиотические структуры, такие как, например, архитектура, одежда или питание [Якобсон, 2005, с. 135].

Человек осуществляет определенные действия над вербальными и невербальными знаками, создавая новые языковые и неязыковые знаки, изменяя старые в зависимости от своих, динамически меняющихся потребностей, а также в зависимости от не менее подверженных изменениям запросов и нужд того социума, в котором он обитает.

Диахронический динамизм языка и культуры составляет предмет исследования лингвосемиотики, поскольку его изучение позволяет понять процесс формирования «...лингво-семиотической картины мира, представляющей собой не жесткую комбинацию «первичной» и «вторичной» (непосредственной – опосредованной, когнитивной – языковой) картин, а взаимосвязанную систему мышления, культуры, языка и речи, в которой мышление формирует (концептуализирует) представление, культура поставляет для него вещественные знаки, язык обеспечивает образующуюся концептосферу словесными знаками как именами концептов, а речь (дискурс) «ищет» новые смыслы уже имеющимся знакам или формирует новые смыслы, находя для них новые знаки» [Янушкевич, 2009, с. 34].

Представление о мире рассматривается как лингвосемиотическое пространство культуры этноса: в человеческом сознании действительность репрезентирована как объективная и независимая от человека данность, как лингвосемиотический образ мира. В этот мир включен и собственный хабитат человека – место или пространство для проживания, обитания и рекреации индивида и его окружения. Предлагаемая статья посвящена лингвосемиотическому освещению такого пространства, обустройством которого были заняты целые поколения англосаксов с V по XI вв. Речь пойдет о жилье англосаксов, которое имело широкий спектр предназначений.

Типология номинаций англосаксонского жилища весьма разнообразна: она формировалась в течение длительного исторического периода с V по XI вв. В нее включены знаки самого разнообразного предназначения – от жилища для семьи (простолюдина или знатного англосакса) до постоянного двора, в котором могли отдохнуть путники, и жилища, совмещенного с укрепительными сооружениями оборонительного характера.

Типологию составляют:

а) номинации построек – **bold**, *n* (-es/-) *house, dwelling, castle, temple; castel*, *m* (*castles/castlas*) *castle, fort; getimbre*, *n* (-es/-u) *building, structure; haga*, *m* (-n/-n) *hedge; fortified enclosure; house, yard; ham*, *m* (-es/-as) *village, hamlet, manor, estate; home, house; handcla?*, *m* (-es/-as) *towel; heall*, *f* (-e/-a) *hall, house; palace, temple; hus*, *n* (-es/-) *house; temple; dwelling-place; inn; household; family, race; inn*, *1. n* (-es/-) *dwelling, apartment, lodging, house; settl*, *n* (-es/-) *seat, residence; throne; siege; tur*, *m* (-es/-as) *tower, fortress; wicstow*, *f* (-e/-a) *dwelling-place, residence;*

б) номинации внутренних помещений жилища – **cofa**, *m* (-n/-n) *closet, chamber; reced*, *n* (-es/-), *m* (-es/-as) *hall; s? l*, *n* (-es/salu) *room, hall, castle; yppe*,

1. *f* (-an/-an) upper room, the upper part of a home, raised place; *cycene*, *f* (-an/-an) kitchen [*coquina*];

в) номинации внутренних конструкций жилища – *duru*, *f* (-a/-a) door, gate; *eagduru*, *f* (-a/-a) window; *geat*, *n* (-es/gatu) gate, door, opening; *hrof*, *m* (-es/-as) roof, ceiling; top; *ingang*, *m* (-es/-as) entrance, access; *sta?ol*, *m* (sta?les/sta?las) base, foundation; *?aca*, *m* (-n/-n) roof, covering; *ofen*, *m* (ofnes/ofnas) furnace; oven;

г) номинации хозяйственных и рабочих помещений – *weorchus*, *n* (-es/-workshop; *mylen*, *m* (-es/-as), *f* (-e/-a) mill.

Кроме собственно номинаций строений в типологию англосаксонского жилища могут быть включены номинации хабитатного пространства, окружающего жилье. В лингвосемиотическом пространстве англосаксонского хабитата обнаружены следующие типы лингвистических знаков:

а) усадебные окружения – *geard*, *m* (-es/-as) yard, garden, court; *in ~um* at home; *haga*, *m* (-n/-n) hedge, yard; *tun*, *m* (-es/-as) garden, field, yard; farm; *wyrttun*, *m* (-es/-as) garden;

б) крупные поселения, в которые включены жилища, и места публичного присутствия в них – *?orp*, *m* (-es/-as) farm; village; *neawest*, *f* (-e/-e), *m* (-es/-as) neighborhood; *e?elsta?ol*, *m* (-es/-sta?elas) settlement; *ceaster*, *f* (ceastre/ceastra) castle, fort, town; *ceapstow*, *f* (-e/-a) market-place, market; *burg*, *f* (byrg) borough, walled town; *burgtun*, *m* (-es/-as) city.

Наконец, в номинативную систему жилища входят знаки, номинирующие находящееся внутри строений имущество англосаксов. Это, как правило, домашние животные, предметы бытового использования (например, гардероб, потребление пищи, украшения, мебель, посуда и т. п.):

bedd, *n* (-es/-) bed, couch; *belg*, *m* (-es/-as) bag; purse, leathern bottle; *beod*, *m* (-es/-as) table; bowl, dish; *blanca*, *m* (-n/-n) (white?) horse; *candelweoce*, *f* (-an/-an) candle-wick, torch; *canne*, *f* (-an/-an) can, cup; *cla?*, *m* (-es/-as) cloth; clothes, covering, sail; *cnif*, *m* (-es/-as) knife; *cofgodas*, *m* pl household gods; *cu*, *f* (cy/cy) cow; *цупа*, *m* (-n/-n) 1. also *цype* *f* (-n/-n) vessel, basket;; *disc*, *m* (-es/-as) dish, plate, bowl; *f? t*, *n* (-es/fatu) vat, vessel, jar, cup; *f?etels*, *m* (-es/-as) vessel; bag, sack; *feoh*, *n* (feos/-) cattle, herd; *fo?or*, *n* (-es/-) load, case, basket; *glof*, *f* (-e/-a) glove; *godwebb*, *n* (-es/-) fine cloth, purple; *gos*, *f* (ges/ges) goose; [gen sing *ges*, *gose*; dat sing *ges*; nom/acc pl *ges*; gen pl *gosa*; dat pl *gosum*]; *handcla?*, *m* (-es/-as) towel; *handgesceaft*, *f* (-e/-a) handiwork; *hod*, *m* (-es/-as) hood; *hors*, *n* (-es/-) horse; *hr? gl*, *n* (-es/-) dress, clothing; cloth, sheet; *leohtf? t*, *n* (-es/-fatu) lantern, torch, lamp; *lin*, *n* (-es/-) flax, linen, cloth, napkin, towel; *metef? t*, *n* (-es/-fatu) dish; *orc*, 1. *m* (-es/-as) pitcher, cup; [Late L *orca*; L *urceus*]; *orf*, *n* (-es/-) cattle, livestock; *oxa*, *m* (-n/-n) ox; nom/acc pl also *exen*, *?xen*; dat pl *oxnum*, *oxum*; *pad*, *f* (-e/-a) covering, coat, cloak; *pawa*, *m* (-n/-n) peacock, peahen; *pusa*, *m* (-n/-n) bag, scrip; *ry??a* [] *m* (-n/-n) a species of dog, mastiff [Ger *rude*]; *sacc*, *m* (-es/-as) sack, bag [L *saccus*]; *scylfe*, *f* (-an/-an) shelf; *scyrte*, *f* (-an/-an) skirt; *scynn*, *n* (-es/-) skin, fur [ON]; *slecg*, *m* (-es/-as) (sledge-) hammer, mallet; *tabule*, *f* (-an/-an) table; writing tablet; *tigel*, *f* (-e/-a) earthen vessel, crock, pot, brick; *?weal*, *n* (-es/-) washing, bath, laver; soap [Goth *?wahl*]; *waghr? gel*, *n* (-es/-) tapestry, vail; *wæd*, *f* (-e/-e) robe,

dress, clothing, covering; sail; brydes ~e wedding garment; wæfels, m (-es/-as) covering, mantle, cloak, dress, clothing, garment; wegu, f (-e/-a) vehicle; wicg, n (-es/-) horse; [rare in prose]; yddisc, n (-es/-) household stuff, furniture, possessions.

Подводя итоги, представляется важным отметить, что, во-первых, лингвосемиотика англосаксонского жилища включает в себя номинации, которые, прежде всего, связаны с обеспечением витальных потребностей его обитателей.

Во-вторых, картина лингвосемиотики англосаксонского жилища весьма разнообразна; перед нами предстают подробные фрагменты жизни и условия существования этноса, стремящегося получить весь спектр предметов, необходимых для обеспечения бытия.

В-третьих, нами изучен широкий арсенал лексико-семантических средств номинации территории замка, а также всего того, что связано с реализацией потребностей весьма представительного спектра.

Список литературы

1. Якобсон, Р. Язык в отношении к другим системам коммуникации / Р. Якобсон // Семиотика. Хрестоматия / под ред. Л. Л. Федоровой. – М. : Изд-во Ипполитова, 2005. – С. 133–144.
2. Янушкевич, И. Ф. Лингвосемиотика англосаксонской культуры / И. Ф. Янушкевич. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2009.

И.О. Косова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

СЕМАНТИКА КОНФЛИКТА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются проблемы возникновения и снятия конфликта в политической коммуникативной сфере; изучаются семантические маркеры в контексте политической ситуации.

Лингвистика лжи, демагогии, пропаганды, диффамации, речевое воздействие – все это перспективные направления лингвистических исследований политической коммуникации как среды конфликтного речевого поведения, в последние десятилетия ставшими весьма актуальными и социально значимыми. Конфликт в политической коммуникации имеет свою первопричину: он возникает при активном участии средств массовой информации. Язык масс-медиа создает конфликтные ситуации при комментировании политических событий с помощью стереотипов, аксиологической лексики, высокой пафосной лексики, аксиологической лексики («звери», «недочеловеки», «наймиты»), повторов («terrorism»), эвфемизмов («принять меры», «peace enforcement operations», «hostilities», «anti-terrorist campaign», «гуманитарное вмешательство», «ограниченный контингент») и перифраз («колыбель революции», «родина президента»).

По мнению А.Б. Бушева, «...это значимые риторические приемы в создании публицистического текста – и соответственно шаг по его

декодированию, семантизации и распредмечиванию. Сюда же относится сложность дефинитивности терминов (гуманитарная катастрофа, демократический режим), конъюнктурность штампа (мафия, сионисты, масоны, закулиса, красно-коричневые, антисемиты, коррупция), банальность метафоризации (государство-изгой, ось зла, светлые дали коммунизма)» [Бушев, 1999].

Наша статья посвящена анализу роли СМИ в семантическом конструировании и дискурсивной поддержке конфликтных ситуаций политической сферы.

Как известно, «политика есть силовое, даже brutальное, трансгрессивное столкновение различных представлений об общественном устройстве, различных стратегий развития» [Макарычев www]. Политический дискурс оказывается очень мощным фактором как воспроизводства, так и распада государственности. Понять сущность и проявления политического конфликта возможно только при условии признания конфликтного взаимодействия между различными видениями происходящего разными участниками политической коммуникации, которые в зависимости от характера понимания группируются вокруг влиятельного «носителя» идеологии, взглядов, оценок. У каждого такого участника политического дискурса имеется неизменное желание узурпировать право толкования политического процесса и диктовать свои критерии семантизации таких понятий, как демократичность / недемократичность, прогресс / отсталость, эффективность / неэффективность политической системы.

Агональность способов семантической экспликации политических понятий, разворачивающаяся в зависимости от того, как распределяются властные ресурсы (финансовые, интеллектуальные, административные и др.), может привести социум к таким ценностным рассогласованиям, которые в конечном итоге приведут к распаду государственности, а в ином случае, наоборот, – к консолидации значительной части населения вокруг разделяемых ими фундаментальных ценностей. Здесь-то и кроется манипулятивная сущность вербальной деятельности СМИ, пишущих о политике, о политическом процессе, провоцирующих конфликт, часто субъективно трактуя значения лексических единиц, которые значимы для общества («безопасность», «угроза безопасности», «права человека», «защищенность»).

Ложные семантические интерпретации социально-значимых феноменов задаются противостоянием идеологий, что воспроизводит ситуацию раскола в обществе. «Демонтированное», «ослабленное», «деградирующее», «расколотое» государство и тому подобные дискурсивные характеристики состояния многих политических общностей на постсоветском пространстве провоцируют углубление кризиса в умах и в стране в целом.

С целью манипулирования общественным мнением масс-медиа разного уровня уже не один десяток лет успешно применяется тактика подмены понятий при помощи лексики и фразеологии, сокрытия нелюбимых фактов и искажения информации. Журнализм отражает все события, происходящие в

мире, и является их своеобразным катализатором, поскольку из него лексические единицы разного уровня попадают в литературный язык и в устную речь. Политические эвфемизмы, наряду с политическими метафорами, эпитетами и другими лексическими средствами, являются одним из действенных способов камуфлирования действительности, а также манипулирования сознанием потенциального реципиента с целью создания выгодной для манипуляторов картины происходящих событий. В конечном итоге узнавший правду потребитель семантически «рафинированной» информации становится «протестным» (то есть конфликтным) электоратом.

Как считает О.В. Корф, «медиадискурс превратился в решающую форму отправления публичной власти. Перераспределяя инфопотоки и меняя интенсивность коммуникаций, СМИ заняли центральное место в организации и структурировании политических процессов в современном обществе» [Корф, 2009, с. 3]. Таким образом, текстовая деятельность по созданию материала, предназначенного для публикации, оформляя и презентуя медиа-события, выражая те или иные авторские приоритеты, интерпретируя интересы и в конечном счете создавая разнообразные медиатексты, предстает едва ли не важнейшим средством регулирования политической коммуникации разных социальных аудиторий и инструментом балансирования групповых интересов, источником побуждения их к активности, средством как поиска компромиссов, так и средством конфликтогенности.

Политический дискурс сегодня оказывается формой как стабильных, так и конфликтных политических процессов. Для России роль политического дискурса в конфликтных ситуациях представляет особый интерес, так как ее территория стала местом концентрации глобальных и региональных противоречий. Наибольшую опасность представляет нарастающее внешнее давление, направленное на отторжение части ее территорий, что впервые после второй мировой войны стало представлять реальную угрозу территориальной целостности Российской Федерации.

Средства массовой коммуникации представляют собой влиятельный коммуникатор, функционирующий в политическом процессе, имея в идеале цель представительства интересов граждан. Используя свой ресурсный потенциал, СМИ могут реально способствовать выработке информационного курса, направленного на консолидацию общества и формирование общенациональной идеи, и, наоборот, стимулировать рост социальной напряженности, дискредитировать институты гражданского общества, отчуждать их от государства, укоренять в массовом сознании стереотип недоверия к структурам демократии. Когнитивная корректность (правильность понимания) реципиентом текста политических СМИ обеспечивается языковыми средствами, коммуникативным фоном и политической осведомленностью социума.

Любой современный конфликт предполагает формирование «медиа-политического субдискурса» [Корф, 2009], специфически освещающего политические события средствами массовой информации; односторонность в

формировании «семантической картинки» события способна инициировать и развить конфликтную ситуацию. Ложно репрезентированный ход политического события провоцирует деструктивное антисоциальное действие. СМИ часто способствуют конфликту, используя вербальные и невербальные технологии, эксплуатирующие усиление или ослабление эмоционального воздействия на аудиторию при освещении событий в зоне конфликта.

В условиях нарастания конфликта дискуссии постепенно превращаются в словесную битву, переговорный процесс заходит в тупик, политические методы исчерпывают свой потенциал, мнения становятся полярными. Конфликт переходит в фазу «споров крайности», когда СМИ способствуют формированию стереотипов, словесные атаки на газетной полосе или в электронных источниках Интернет-изданий становятся все откровеннее, при этом вокруг происходящего продуцируются мифы, нагромождаются пропагандистские конструкции, оказывающие существенное влияние на сознание социума. Достоинства одних участников политической коммуникации всячески преувеличиваются, а образ оппонента трансформируется в образ врага. На этой стадии стороны уже используют угрозы как средство давления, зачастую провоцируя еще более сильную ответную реакцию. В этом случае медиатекст превращается в инструмент виртуализации информации о происходящем, выгодной той или иной стороне. Он становится более агрессивным по семантике и начинает активно негативно влиять на различные параметры общественного мнения.

Постепенная утрата сторонами желания конструктивно коммуницировать друг с другом в конце концов вызывает у них ощущение страха, что, в свою очередь, приводит к военному конфликту, в котором используются любые коммуникационные средства для манипулирования сознанием и информированностью. Такой негативно маркированный медиатекст в полной мере реализует свой деструктивный потенциал, способный сформировать агональное общественное мнение. Деструктивное использование медиатекстов способствует эскалации степени напряженности между конфликтующими сторонами, фиксации в массовом сознании отрицательных этнических стереотипов, препятствующих формированию установок толерантности и взаимопонимания, формированию чувства страха, недоверия, обреченности, препятствующих выстраиванию диалога между сторонами, затягивающих в конфликт.

К семантическим способам формирования конфликтогенности медиатекста могут быть отнесены:

- использование эмотивов с отрицательной коннотацией в заголовках сообщений о чеченской войне как российской, так и англоязычной прессы (*Новые нападения и зверства исламских боевиков; Террористы ведут войну против мирных жителей; Зверские убийства солдат и офицеров федеральных сил; Угрозы обществу: насилие, преступность, наркотики, рабство; Убийства и похищение людей чеченскими бандитами; Поражение РФ в информационной войне; Предательство*

армии правительством; *Зверские убийства* мирного населения русскими солдатами; *Страдания и лишения* беженцев в палаточных городках; *Чеченский народ – жертва* российской армии; *Захватническая* война русских, *агрессия* РФ);

- использование манипулятивов для номинации действующего лица в зависимости от идеологии источника сообщения; позитивной семантики (в западной прессе чеченцы, ведущие боевые действия, именуются «повстанцами, партизанами, бойцами сопротивления – *rebels, patriots of the Chechen nation, rebel fighters, guerrillas, die Rebellen, tschetschenische Truppen*» и т. п.), или негативной (в русскоязычных СМИ – «боевиками, террористами и бандитами»);
- «лукавое» употребление идеологически контрастных способов номинации действий сторон, вовлеченных в конфликт (в дискурсе англоязычной прессы действия российских военных в Чечне характеризуются такими существительными, как «вторжение, нападение» – *invasion, intrusion, assault* и т. п., а действия противоположной стороны – такими словосочетаниями, как «сражение за независимость, борьба с оккупантами и т. п. – *fighting for independence, struggle against invaders* и т. д.);
- включенность лексических ограничителей, которые влияют на формирование отношения к социальным и этническим группам (мнение об определенных группах и отношение к определенным событиям, продиктованное контролирующими информационное пространство элитами, может влиять на выбор лексики; например, событие, обозначаемое номинацией *riot*, в зависимости от заказа элит, можно описать и как *struggle against oppressors*, как *turmoil* или всего-навсего как *urban unrest*) [Жуков, www].

На семантику дискурса оказывает воздействие и категория залога. Предложения с глаголом-сказуемым в активном залоге указывают на то, что ответственность за описываемое действие лежит на «подлежащем», или на субъекте действия. Соответственно, структуры страдательного залога указывают на жертв действия; так, для актуализации одной из основных тем иноязычной прессы (Россия бомбит Чечню), как правило, используется активный залог глагола. Его употребление указывает на то, что ответственность лежит на подлежащем данного предложения (на существительном Россия), на то, что подлежащее (Россия) совершает негативное действие по отношению к дополнению (Чечне), и на то, что подлежащее является объектом этого действия, а дополнение – и субъектом, и жертвой.

Нельзя не сказать также о конфликтогенности медиатекста как образования лингвосемиотической направленности, то есть текста креолизованного, снабженного фотографиями, рисунками, видеорядом (в случае его Интернет-размещения). На семантику медиатекста о военном конфликте оказывает воздействие параграфика (цвет, шрифт и размер букв), особенности макетирования (перетекание текста по столбцам, разорванные

или распределенные по разным страницам текстовые блоки и др.), особенности расположения видеоряда (фотографии, рисунки и другой иллюстративный материал), расположения статьи на странице, название рубрики (Special Report, News Special, Russia in Turmoil или Кавказский узел) и т. п. Для новостей о насилии и преступлениях характерны длинные и большие заголовки на первой странице.

Таким образом, характер освещения военных действий и политических конфликтов в современных средствах массовой коммуникации относится к числу сложных социально-политических вопросов; СМИ являются одним из способов инициирования, предотвращения и урегулирования конфликтов. Правда, эта регуляция носит весьма противоречивый характер: СМИ могут обострять или сглаживать ход развития конфликтов, способствовать эскалации напряженности или участвовать в процессе умиротворения и восстановления после завершения конфликта. В этом процессе формирования общественного мнения – позитивного или негативного, доводящего до конфликта, СМИ используют богатейший арсенал семантического, лингвосомиотического и дискурсивного «оружия».

Список литературы

1. Бушев, А. Б. Языковые особенности текстов, используемых в психотерапевтической коммуникации : дис. ... канд. филол. наук / А. Б. Бушев. – Тверь, 1999. – 220 с.
2. Жуков, И. В. Война в дискурсе современной прессы / И. В. Жуков // Лингвистика текста, политика и идеология. – Электрон. дан. – Режим доступа: www.faq.at/rusjaz.
3. Корф, О. В. Медиа́текст как инструмент формирования дискурса в политическом конфликте (на примере конфликта 1994–1996 гг. в чеченской республике) : автореф. дисс. ... канд. полит. наук / О. В. Корф. – М. : 2009. – 26 с.
4. Макарычев, А. Деполитизированный федерализм: политика как конфликт / А. Макарычев. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://russ.ru/layout/set/print/pole/Depolitizirovannyj-federalizm>.

Л.В. Медведева

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ СПОСОБ РЕШЕНИЯ КОНФЛИКТА СТОРОН

Противодействие и состязательность в современном судебном процессе – объективная реальность, начало конфликтной деятельности прокурора-обвинителя и адвоката-защитника в рамках судебного разбирательства, имеющего жесткие структуру, стратегии и жесткие метакоммуникационные сигналы, их вербализующие.

Юридический или правовой конфликт представляет собой специфическое судебное-процессуальное правоотношение, сущность которого состоит в

динамически активном по форме и функционально биполярном по содержанию противостоянии участников уголовного судопроизводства – прокурора как представителя обвинения и адвоката как защитника интересов обвиняемого [Баева, 2007].

Структурообразующим началом деятельности конфликтующих в процессе судебного разбирательства сторон в современном судопроизводстве является его построение на основе принципа состязательности сторон, равноправие их перед судом, а также разделение процессуальных функций.

По форме правовой конфликт – это активное противостояние сторон в судебном процессе, по содержанию – правовое отношение, участники которого имеют самостоятельные функциональные цели и соответствующие субъективные права и юридические обязанности.

Генезис конфликта в деятельности участников судебного разбирательства связан как с объективным фактором – полярностью функциональных целей, так и с субъективным, поскольку движущей силой в конфликте выступает не только противоречие само по себе, но и субъекты, в нем взаимодействующие.

Во многих случаях конфликты в деятельности участников судебного разбирательства, находящихся в ситуации правового конфликта, детерминированы личностными факторами, тогда как ситуативные факторы играют роль модулятора, определяя вариативность проявления первых в той или иной ситуации правового конфликта. Эволюция конфликта в деятельности противоборствующих сторон судебного процесса предполагает последовательную цепь событий, что позволяет выделить следующие стадии:

- осознание существующего противоречия;
- уяснение процессуальных средств реагирования;
- выявление объективно непреодолимых трудностей, возникающих на пути достижения поставленной цели;
- действия по устранению проблемы;
- реакция противника.

Противодействие и состязательность в современном судебном процессе – объективная реальность, начало конфликтной деятельности прокурора-обвинителя и адвоката-защитника в рамках судебного разбирательства, имеющего жесткие структуру, стратегии и четкие метакоммуникационные сигналы, их вербализующие.

В судебном разбирательстве принято выделять: подготовительную часть, судебное следствие, судебные прения и постановление приговора. Подготовительная часть судебного разбирательства начинается его открытием председательствующим (судьей) и протекает до оглашения судом обвинительного заключения.

Судебное следствие заключается в исследовании доказательств судом при участии обвинителя, подсудимого, защитника, потерпевшего. Исследование доказательств включает допрос подсудимого, потерпевшего и свидетелей.

Судебные прения – это самостоятельная часть судебного разбирательства, наступающая после окончания судебного следствия, в которой участники

судебного процесса подвергают анализу исследованные доказательства в судебном следствии, высказывают свои сомнения по поводу юридической оценки вменяемого подсудимому деяния, обоснованности обвинения, квалификации преступления, меры наказания, подлежащим разрешению при постановлении приговора. В судебных прениях активная роль принадлежит лишь сторонам защиты и обвинения, которые помогают суду и присутствующим в зале судебного заседания всесторонне разобраться в фактических обстоятельствах дела и вынести приговор в духе строгого соблюдения действующих законов.

Постановляя и провозглашая приговор, суд от лица государственной (судебной) власти дает оценку совершенным деяниям, выражает отношение государства к лицам, представшим перед судом, осуществляет государственное принуждение.

Таким образом, за судьей закреплены регулирующие функции в судебном разбирательстве, в то время как профессиональная интеракция в целях разрешения правового конфликта, где главными оппонентами выступают прокурор со стороны обвинения и адвокат со стороны защиты, в наиболее полном объеме проявляется в судебном следствии и судебных прениях и реализуется в судебной вербалике и риторике.

Анализ полипарадигмальных исследований профессиональной интеракции позволил установить, что судебное разбирательство отличается целесообразностью и запланированностью; жесткий регламент и недопустимость отклонения от темы разбирательства; обязательное подведение итога в виде провозглашения приговора или судебного решения; директивно-конфронтативный характер взаимодействия, предполагающий обязательность действий, предписанных решением или приговором суда; участие в судебном процессе двух противоборствующих сторон, «объединенных» рассматриваемым судебным делом (case), но «разъединенных» видением социальной опасности содеянного и оценками доказательной базы, преследующих противоположные цели в режиме конфронтации, препятствуя достижению целей другой стороны.

В научной литературе выделяется несколько направлений, исследующих судебный процесс:

- структурное, изучающее параметры оптимальной структуризации и расстановки сил в судебном разбирательстве, вариативность целей при перераспределении власти и полномочий, специфику актуализации авторитарных проявлений в коммуникативных стратегиях защиты и обвинения, приводящих к обострению или разрешению правового конфликта [Баева, 2007];
- стратегическое, направленное на выявление и моделирование стратегий коммуникативного взаимодействия оппонентов в судебном процессе, и отбор наиболее результативных для реализации функций защиты и обвинения [Гулакова, 2004];

- процессуальное, выявляющее взаимосвязь между готовностью сторон к уступкам и результатами судебного разбирательства, а также допустимый предел уступок между начальным и конечным предложениями и контрпредложениями [Захарьяшева, 2000];
- поведенческое, сфокусированное на определении психологических характеристик и типов участников судебного процесса, их уровней притязаний, обеспечивающих сотрудничество или провоцирующих конфронтацию в судебном разбирательстве [Фролов, 1997];
- интегративное, рассматривающее структурный (этапы судебного процесса), стратегический (типология стратегий, реализуемых участниками, согласованность стратегий и тактик), интерактивный (кооперативный / конфликтный режим, сотрудничество / соперничество), коммуникативный (горизонтальная / нисходящая / восходящая коммуникация), лингвистический (фактуальная и аргументативная точность, судебная риторика), психолого-когнитивный аспект судебного разбирательства [Семененко, 1999; Гулакова, 2004; Ronzetti, Humphreys, 2003].

Ситуация судебного разбирательства отличается от интеракции в других профессиональных сферах четко выраженными конфронтативными целями обвинения и защиты, стратегиями и тактиками, направленными на вынесение судом решения, удовлетворяющего притязания стороны, жесткой формализацией структуры и регламента судебного разбирательства, четким распределением ролей между его участниками, вариативностью режимов взаимодействия, ритуальностью.

Таким образом, в судебном процессе интегрируется целый комплекс контролируемых вербальных сообщений, поведенческих норм, невербальных сигналов, символов, смыслов, которые когнитивно осваиваются и декодируются участниками судебного разбирательства. Следовательно, обучение профессиональной интеракции студентов-юристов может осуществляться в междисциплинарной парадигме с параллельным развитием лингвистического, интерактивного и социокультурного компонентов иноязычной профессиональной компетенции, которые интегрируют разноплановые характеристики судебного процесса и поддерживаются, в первую очередь, системой метакоммуникационных средств, закрепленных за каждым этапом судебного разбирательства.

Список литературы

1. Баева, Н. А. Конфликты в деятельности адвоката – защитника в российском уголовном судопроизводстве : ввтореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н. А. Баева. – Воронеж, 2007.
2. Гулакова, И. И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения : дис ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. И. Гулакова. – Орел, 2004.
3. Захарьяшева, И. Ю. Юридический конфликт как социальная предпосылка процессуальной деятельности / И. Ю. Захарьяшева // Юрид. анализ. жур. – № 2–3 (10–11). – М., 2004. – С. 156–165.

4. Семененко, Л. П. Основы коммуникативно-целевой семантики / Л. П. Семененко. – Орел, 1999.
5. Фролов, С. Ф. Социология: сотрудничество и конфликты / С. Ф. Фролов. – М., 1997.
6. Ronzetti T. Avoiding Pitfalls in Closing Arguments / T. Ronzetti, J. L. Humphreys // Florida Bar Journal: Trial Lawyers Forum. – 2003. – № 12.

О.Ю. Попова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ЛИНГВОСТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕЗЕНТАЦИОННОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В статье анализируется трехкомпонентная структура презентационного выступления и реализующиеся в ней речевые интенции коммуникантов, представленные клишированными речевыми формулами делового общения. При этом особое внимание уделено функционированию методов логической аргументации и тематического развертывания речи в презентационном дискурсе.

При обучении студентов неязыкового вуза иноязычным презентационным навыкам и умениям первостепенное значение приобретает знание лингвоструктурных особенностей деловой презентации, поскольку успех публичной речи во многом определяется умением презентатора структурировать текст своего выступления.

Как показывает анализ презентационного дискурса, идеальная презентация имеет трехкомпонентную структуру: вступление (introduction), основную часть (the body) и заключение (conclusion). Вступительная часть (5–10 % от времени всей презентации) устанавливает контакт с аудиторией (фатическая функция) и дает концентрированную информацию о теме и направлении речи (проспективная функция) [Кохтев, 1992]. В основной части презентации (75–85 % речи) излагается тема выступления, последовательно разъясняются выдвинутые положения, доказываются их правильность. Структура основной части может включать в зависимости от ситуации разное количество ключевых положений, которые в свою очередь распадаются на более мелкие информационные блоки. Однако многочисленные исследования показали, что типичная аудитория с трудом воспринимает более трех пунктов, поэтому оптимальным вариантом является рассмотрение трех ключевых положений. Внутренняя структура основной части зависит от выбранного презентатором метода логической аргументации и тематического развертывания речи. Рассмотрим некоторые из этих методов.

Модульный метод подачи материала представляет собой последовательность равнозначных частей или компонентов, в которой порядок разделов взаимозаменяем. В эту категорию попадают финансовые презентации. Например, финансовые директора, делающие годовые и квартальные отчеты,

ведущие бухгалтерский баланс, докладывающие о соотношении прибылей и убытков могут использовать данный метод, поскольку не имеет значения, предшествуют поквартальные результаты годовым, или наоборот. Финансовый директор может выстроить свои пункты в любую последовательность, релевантную для данной ситуации, и обсудить каждый пункт по порядку. Этот вид презентации особенно важен студентам отделений «Финансы и кредит» и «Бухгалтерский учет».

Дедуктивный метод (от общего к частному) эффективен при презентировании позитивного сообщения. Например, объявление о ежегодных премиях сотрудникам компании проводится по информативной нисходящей схеме: (1) сообщение о выдающихся результатах организации, (2) сообщение о результатах работы отделов, (3) сообщение о премиях сотрудникам. Этот метод может быть задействован при коммерческих презентациях.

Пользуясь индуктивным методом (от частного к общему) презентатор начинает выступление с деталей и следует к общим тенденциям. Данный метод, по мнению специалистов, незаменим при передаче негативных сообщений. Например, выступление менеджера перед сотрудниками по вопросу сокращения штатов может затрагивать проблемы по следующей схеме: (1) процентное сокращение объема продаж, (2) упадок по отрасли в целом и (3) общее сокращение рабочих мест по всей стране. Подход «от частного к общему» ослабляет мрачный колорит выступления.

При использовании сравнительного метода два ключевых пункта сравниваются друг с другом или противопоставляются друг другу. Примерами служат презентации, сопоставляющие проблемы с решениями, приобретения с потерями, преимущества одного проекта перед другим и т. д. Данный метод является эффективным, но достаточно сложным, а в некоторых случаях недопустимым. Например, сравнение продукции компании с аналогами конкурентов считается некорректным [Рысев, 2002].

Хронологический метод организует кластеры идей, согласно временной последовательности событий. Этот принцип идеально подходит для презентации, в которой главной целью является рассказать об изменениях. Сообщение в зависимости от предмета презентации адресуется (1) прошлому, (2) настоящему и (3) будущему [Арредондо, 1998; Вайсман, 2004].

Географический метод использует принцип местонахождения. Примером географического расположения материала может служить презентация результатов деятельности компании на всей территории страны, при изложении ключевых моментов которой выступающий будет рассматривать результаты работы (1) на Востоке, (2) в центральных областях, (3) на Западе.

Тематический метод определяет главные темы внутри сообщения. Например, презентация может быть посвящена (1) идее нового товара, (2) производству товара и (3) распределению.

Метод «Крещендо» представляет пункты презентации по восходящей: от малозначительных до самых важных. Термин «Крещендо» заимствован из музыкальной сферы и означает увеличение мощности звучания. Каждый

следующий аргумент в презентации должен быть по своей силе воздействия на аудиторию более впечатляющим, чем предыдущий. Данная структура презентации позволяет сделать финальную часть максимально выразительной, так как в конце выступления наносится «информационный удар», который надолго остается в памяти адресата [Арредондо, 1998].

При использовании причинно-следственного метода сначала «подается» причина, затем как следствие представляется ключевой пункт презентации. Данный метод является эффективным и достаточно действенным [Рысев, 2002].

Метод ситуационного анализа базируется на исследовании конкретного случая о том, как компания, которую представляет презентатор, разрешила конкретную проблему или сумела удовлетворить запросы конкретного клиента. Такой принцип развития презентации позволяет объединить довольно разрозненные компоненты вокруг единого стержня.

Как отмечают исследователи, в чистом виде вышеперечисленные методы встречаются редко. Чаще всего наблюдается смешанный тип композиции, при котором презентатор комбинирует различные методы изложения материала в одном и том же выступлении, что позволяет сделать структуру главной части более оригинальной и нестандартной.

В заключительной части презентации обобщаются ключевые положения, выдвинутые в основной части, еще раз подчеркивается главная мысль выступления и важность для слушателей разобранной темы, аудитория подводится к определенным выводам. Таким образом, презентационная речь предстает перед слушателями как неделимая композиционная структура, в которой каждая смысловая часть, каждый информационный блок занимает свое место и соотносится с другими блоками.

Структура презентации базируется на организационных стратегиях, актуализация которых на языковом уровне происходит при помощи сигналов структуризации дискурса. Сигналы начала и окончания дискурса, смены тем, ролей, структуризации текста, реагирования, вовлечения участников и т. д. (структурные семиотические единицы) универсальны и отмечены во всех языках и типах дискурса. С помощью данных метакоммуникационных единиц презентатор стремится наиболее эффективным путем достичь запланированной цели, добиться взаимопонимания с партнером, облегчить для него процесс декодирования сообщаемой информации, предусмотреть его реакцию, избежать возможных неудач в ходе выступления [Макарова, 1996]. Другими словами, говорящий прибегает к метакоммуникационным высказываниям с тем, чтобы обеспечить коммуникативную адекватность собственного речевого поведения и реакции партнера. Анализ текстов презентаций позволяет выявить и распределить эти метакоммуникационные знаки по трем частям. Например, для вступления характерны следующие сигналы: *Right, ladies and gentlemen, shall we begin? I'd like to introduce...; my purpose today is...; I've divided my talk into (three) parts. Firstly, secondly, thirdly, after this, next, then, finally; My talk will take about ten minutes. If anyone has any questions, please feel free to interrupt.* Сигналами основной части являются: привлечение вспомогательных средств

(Have a look at this graph / diagram / chart), установление причины и следствия (This was caused by...), отнесение к прошлому (глаголы в Past Indefinite: increased, decreased, stabilized, picked up, went down, leveled out, recovered, went up, dropped, flattened out, improved), управление вниманием (You will note that...; as you see...), противопоставление фактов (Although, even though, inspite of the fact that, in comparison to), описание диаграмм, таблиц, графиков (The vertical / horizontal axis, the curve, the solid line, the dotted line, to increase, to go up, to reach a peak, to move upwards, to decrease, to drop, to fall, to decline, to reach a low point, to stabilize, to improve, slightly, dramatically, suddenly, gradually, significantly, rapidly, quickly, steadily, slowly), акцентирование внимания на каком-либо факте (In addition to this, furthermore, what is more, moreover, but most importantly..., but above all). К сигналам заключительной части можно отнести фразы: I'd like to end by emphasizing the main points; I'd like to finish with...; Let me conclude; in conclusion; there are two recommendations; that brings me to the end of my presentation; thank you for being so attentive; thank you for your attention; if there are any questions I shall do my best to answer them.

Сигналы структуризации дискурса помогают аудитории следить за течением мыслей выступающего и быстрее запоминать ключевые моменты презентации. С другой стороны, последовательный переход от одной мысли к другой положительно сказывается на самом выступающем, поскольку исключает перескакивание с пункта на пункт – недостаток, несущий фатальную угрозу эффективности презентации. Все вышесказанное дает основание включить в модель обучения иноязычным презентационным навыкам и умениям структурный и метакоммуникационный параметры презентации.

Список литературы

1. Арредондо, Л. Искусство деловой презентации / Л. Арредондо. – Челябинск : Урал LTD, 1998.
2. Вайссман, Д. Мастерство презентаций / Д. Вайссман. – М. : Вершина, 2004.
3. Кохтев, Н. Н. Основы ораторской речи / Н. Н. Кохтев. – М. : Изд-во МГУ, 1992.
4. Макарова, Е. Л. Роль средств метакоммуникации в речевом аргументировании на иностранном языке / Е. Л. Макарова // Вариативность в обучении иностранным языкам в неязыковом вузе. – М. : МГЛУ, 1996. – С. 76–83.
5. Рысев, Н. Ю. Активные продажи. Эффективные переговоры / Н. Ю. Рысев. – СПб. : Питер, 2002.

В.И. Торгашов

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ВОЕННАЯ МЕТАФОРА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена рассмотрению метафорической модели «политика – это война», которая в американской политической коммуникации реализуется военными метафорами со стертым, ослабленным или вовсе утраченным образным элементом.

Вслед за О.С. Ахмановой, под метафорой мы понимаем «троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии и т.п.» [Ахманова, 1966, с. 231]. Военной является такая метафора, при создании которой используется лексика, относящаяся к военному делу.

По утверждению Дж. Лакофф и М. Джонсона, «метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь» [Лакофф, 1990, с. 387]. А политическая сфера, включающая в себя и политическую коммуникацию, является одной из важнейших сторон жизни общества. Многие исследователи политической коммуникации, среди которых А.П. Чудинов, Г.Г. Почепцов, Е.И. Шейгал, Г.Я. Солганик, А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов и др., указывают на типичность метафорической модели «политика – это война» для описания реалий российского политического пространства. В своей работе мы попытаемся проверить актуальность данной метафорической модели для современной американской политической коммуникации. Для этого спроецируем эту модель на президентскую кампанию 2008 года в США, которая традиционно получила широкое освещение в американских СМИ.

Известно, что выборы президента США проходят в два этапа – предварительные и всеобщие выборы. Во время предварительных президентских выборов посредством праймериз и кокусов [см.: Томахин, 2001, с. 94, 405] определяются кандидаты в президенты и вице-президенты, которые будут иметь право участвовать во всеобщих президентских выборах.

Для описания всего хода избирательной кампании как нельзя лучше подходит английский термин *campaign* (например, *Clinton campaign*), первоначальное значение которого относилось к военной сфере: «a series of battles, attacks etc intended to achieve a particular result in a war» [LDCE, 2005, с. 212]. Как известно, «борьба за власть предполагает наличие противоборствующих сторон – соперников или врагов» [Шейгал, 2004, с. 223]. У каждого кандидата есть свои «войска»: *McCain's team, the Obama forces, the Clinton people, McKinnon's crew*. Кандидаты на пост президента, в зависимости от ситуации, проводят дислокацию своих сил: *Hillary Rodham Clinton is deploying former President Bill Clinton there*. Войсковые соединения состоят из армий: *Mrs. Clinton's army of fervent women, Mr. Obama's army of small contributors*. Армия, в свою очередь, может состоять из наемников и добровольцев: *army of employees and volunteers*. У каждого кандидата есть свои сторонники и союзники: *Clinton and Obama supporters, associates, allies*. Иногда, случается переход сторонников из одного лагеря в другой: *Obama camp*. Вполне естественно, что такого перебежчика руководство партии рассматривает как предателя или даже врага: *traitor, enemy*. Последний термин часто употребляется по отношению к сопернику по выборам, что подтверждает следующее мнение: «...образ политического оппонента очень легко трансформируется в образ “врага”» [Почепцов, 2001, с. 96]. Но не все политики принимают сторону того или иного кандидата. Некоторые объявляют о нейтралитете: *the four Democrats, who all claim neutrality in the presidential contest*.

Чтобы пополнить силы для выполнения определенного задания (*mission*) или проведения операции (*the Obama operation in Fairfax County*), партия может объявить призыв в свои ряды новобранцев: *one of his campaign's first recruits*. В рядах сторонников каждого кандидата, как правило, есть ветераны – люди, неоднократно принимавшие участие в избирательных баталиях: *a veteran of every Republican presidential campaign, a veteran of Democratic nomination fights*.

Для ведения боевых действий нужны средства, которые добываются кандидатами путем привлечения на свою сторону состоятельных американцев, готовых выступить в качестве доноров (*top donors, contributors*) для «военного бюджета» (*war chest*) одной из партий.

Согласно военной науке, победа во многом зависит от тактики и стратегии: *high-risk strategy for Mrs. Clinton, Clinton's tactics*. Для разработки стратегии борьбы за президентский пост партии привлекают опытных стратегов и тактиков: *chief strategist for Mr. Obama, Clinton campaign strategist, McCain's tactician*. «Мозг» избирательной кампании, включая главных стратегов и тактиков, сосредотачивается в штабах и оперативных командных пунктах: *campaign headquarters in Chicago, campaign war room*. Кстати, в 1993 году в США на экраны вышел документальный фильм с названием *The War Room*, рассказывающий о предвыборной президентской кампании Б. Клинтона. Для эффективного «ведения боя» в штабах составляются оперативные карты и разрабатывают планы: *electoral maps, to devise a plan*.

Как и в реальной войне, в ходе избирательной кампании войска противоборствующих сил объединяются во фронты: *Mr. Obama's campaign is now employing a two-front strategy, the two campaigns seemed well matched on that front*. Войска противников в районе ведения боевых действий разделяет линия фронта: *battle line*. Время от времени между противоборствующими сторонами возникают конфликты и происходят столкновения: *Clinton-Obama clash*.

Штат, в который приходит избирательная кампания, становится театром военных действий или полем боя: *battleground states, battlegrounds like Ohio and Pennsylvania*. Здесь разыгрываются сражения: *primary battles, decisive battle, nomination fights, the general election battle in Florida*. В ходе батальи претенденты на президентский пост стараются нанести ущерб, урон противнику: *Clinton is likely to hurt Obama, damage to his nomination prospects*. Кандидаты сражаются буквально за каждый дом: *Obama battles block by block to get voters to polls*. Исходом подобных сражений является победа одной стороны (*Obama's victory in Wyoming*) и поражение другой стороны: *Mrs. Clinton's loss in the Iowa caucuses, his defeat in Pennsylvania*. Для достижения победы в сражении необходимо умело сочетать атакующие и оборонительные действия: *recent attacks on her candidate, counterattack, by aggressively attacking Obama, the Clintons have also assailed Mr. Obama, Salter vigorously defended McCain, its most aggressive offensive against Romney in Florida*. После проигранного сражения требуется поднять боевой дух: *to improve morale*.

Информация о результатах очередных праймериз напоминает сводку с мест боевых действий. Здесь тоже присутствуют «взятые с боем» и

«оставленные врагу» населенные пункты и территории: *Mike Huckabee took Iowa, John McCain won New Hampshire, Mitt Romney coasted in Michigan, Ohio was a state Mr. Obama lost*. А конечной целью президентской избирательной кампании, как известно, является «взятие, завоевание» Белого дома: *Democrats hope to win the White House*.

В ходе сражения кандидаты прибегают к использованию различного рода оружия (*Republicans use Obama as weapon*), включая секретное: *Obama's secret weapon*. Вот какой сценарий предвыборной борьбы рисует в своей статье Дэвид Брукс и указывает на применение конкретного вида оружия и интенсивность огня (выделено нами – В.Т.): «There will be a steady rifle fire of character assassination from the underlings, interrupted by the occasional firestorm of artillery when the contest touches upon race, gender or patriotism» [Brooks, 2008]. В одной из статей говорилось о том, что мэр Атланты Ширли Франклин, недовольная комментарием Билла Клинтона, попыталась «выстрелить» в него: *to take a shot at Mr. Clinton over that comment*.

Блицкригом назвал журналист газеты *The New York Times* факт посещения штата Вайоминг в течение двух дней сразу тремя членами семьи Клинтон – бывшим президентом, дочерью бывшего президента и бывшей первой леди США: *Clinton blitzkrieg*.

Примеры, приведенные выше, как элементы мозаики, складываются в общую картину, на которой изображены боевые действия, война: *electoral war*.

Необходимо отметить, что президентская кампания в США 2008 года проходила на фоне двух войн. Одна из них продолжается и по сей день. Это – война в Ираке. Другая – вьетнамская война, в которой принимал участие Дж. МакКейн.

Вне всякого сомнения, этот фактор наложил отпечаток как на ход самой предвыборной кампании, так и на языковые средства, которые использовались в речи претендентов на президентский пост и журналистов, освещавших эту тему в средствах массовой информации. Но очевидно, что столь широкое использование военной лексики при описании американских политических реалий вызвано также особенностями публицистического стиля, для которого характерна реализация двух функций языка: информативной и экспрессивной. А военная метафора оказалась очень удачным в плане образности средством структурирования политических отношений. Мир политики отражается в средствах массовой информации «языком человека-воина, и соответственно, даже сугубо “гражданская” – “цивильная” концептосфера приобретает милитаристский характер» [Олянич, 2004, с. 334].

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что метафорическая модель «политика – это война» является актуальной и типичной для современной американской политической коммуникации. Тем не менее, следует отметить, и это подтверждается приведенными примерами, что военные метафоры, употребляемые журналистами, не отличаются новизной. Как правило, это стертые метафоры с ослабленным или вовсе утраченным образным элементом, многие из которых превратились в речевые штампы.

Список литературы

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М., 1966.
2. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 387–415
3. Олянич, А. В. Презентационная теория дискурса / А. В. Олянич. – Волгоград, 2004.
4. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – М., 2001.
5. Томахин, Г. Д. США : лингвострановедч. слов. / Г. Д. Томахин. – М., 2001.
6. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М., 2004.
7. Brooks, D. The Long Defeat / D. Brooks // New York Times. – March 25, 2008.
8. LDCE = Longman Dictionary of Contemporary English. – 2005.

Источники

1. The New-York Times. – 2008.

В.В. Леонтьев

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ГЛОРИФИКАЦИЯ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Статья посвящена языковым средствам, в частности, английского языка, которые служат коммуникантам средством выражения глорификации. Под глорификацией в докладе понимается возвышение языком. В докладе рассматриваются, в частности, языковые средства, применяемые адресантами речевых актов похвалы (Praise), комплимента (Compliment) и других РА.

Современное общество, включая и российское, достигло того уровня развития прогресса, когда жизнь очень усложнилась. Стрессы на работе и в быту, постоянно растущее количество негативных новостей в СМИ и на телевидении, а теперь и на сайтах Интернета не позволяют Homo Sapiens (он же Homo Sentiens и Homo Loquens) выражать свои положительные эмоции так часто, как ему хотелось бы. Сейчас среди людей самого разного возраста растут агрессивные настроения, находящие прямое вербальное выражение и порождающие новые отрицательные эмоции у адресатов или третьих лиц (слушателей).

Данный срез картины мира объясняется в психологии тем, что среди всех инстинктивных эмоций агрессивные эмоции затухают позже всего в силу очень большой длительности их инерции. Кроме того, инстинкт агрессии является доминантным инстинктом человека и любого существа [см.: Лазарев, 2001, с. 36; Шаховский, 2003, с. 152–153].

Очевидно, что в языке как одном из основных инструментов выражения эмоций, основном средстве оязыковлечения мыслей не могут не быть найдены контрмеры для борьбы с неминуемым превращением человека в агрессивное животное, коим он был на заре своего существования.

По мысли В.И. Шаховского, одним из таких языковых средств должна выступать лексика глорификации. Под глорификацией автор понимает

эмоциональный фактор коммуникации, заключающийся в повышении самооценки речевых партнеров в результате их общения друг с другом [Шаховский, 2007, с. 289].

Рассуждая о проблеме засорения русского языка в отечественных СМИ, В.И. Шаховский, в частности пишет, что «использование лексики глорификаций, возвышающей человека-гражданина и его личную самооценку, должно быть одним из важнейших условий успешного общения государственной власти с гражданами страны» [Шаховский, 2009б, с. 55]. Нисколько ни оспаривая данный постулат, хочется добавить, что лексика глорификации должна служить одним из основных языковых и коммуникативных средств возвышения человека и в повседневной коммуникации, стать языковым инструментом достижения и возможного поддержания коммуникативного баланса между адресантами и адресатами, особенно в категориальных эмоциональных ситуациях. Глорификация важна для достижения наивысшего уровня эмоциональной адаптации (термин В.И. Шаховского) коммуникантов друг к другу.

Под категориальной эмоциональной ситуацией (далее – КЭС) в данной статье понимается «типичная жизненная (реальная или художественно изображенная) ситуация, в которой задействованы эмоции коммуникантов: речевых партнеров, наблюдателя или читателя» [Шаховский, 2009а, с. 149].

По нашему мнению, применение лексики глорификаций возможно в КЭС, в которых доминантной интенцией адресантов является интенция добиться потенциального улучшения эмоционального состояния (далее – ЭС) адресатов.

Поэтому мы считаем, что к речевым актам глорификации в английской коммуникативной культуре необходимо отнести речевой акт (далее – РА) похвалы, РА комплимента, РА одобрения и т. д. Что касается РА «Praise», то мы считаем, что этот РА является реальным инструментом глорификации только в случае похвалы адресату. А, как известно, не только в английской, но в русской, и во многих других коммуникативных культурах можно выделить два типа похвалы: похвалу, чьим объектом является адресат и похвалу третьим лицам, отсутствующим в момент вербализации высокой положительной оценки.

В случае совпадения адресата и объекта высокой положительной оценки можно говорить о глорификации, по крайней мере, адресата как основном перлокутивном эффекте данного РА и потенциальной глорификации самого адресанта. Положительная оценка им самим другого лица не может не изменить и его ЭС.

Учитывая тот факт, что в отличие от русской коллективистской культуры с ее основным концептом «соборность» (то есть приоритет общих интересов над личными) основным концептом английской коммуникативной культуры выступает концепт «privacy» (автономия личности, или та зона личной автономии, куда посторонним вход запрещен) [Ларина, 2003, с. 34–41], говорить о реальной искренности адресантов РА «Praise» не совсем правильно, тем более, что искренность – понятие в высшей мере культурно-специфичное.

Тем не менее, если РА похвалы не может не быть относительно искренним, иначе похвала трансформируется в лесть, то до сих пор нет единой точки зрения на то, могут ли комплименты быть искренними или нет. О.С. Иссерс полагает, что комплименты по своей природе искренни, раз основная функция данного РА заключается в установлении контакта и поддержании добрых отношений между коммуникантами [Иссерс, 2008, с. 178]. Подобную точку зрения на основную функцию комплиментов, но уже в американской и новозеландской коммуникативных культурах разделяют Дж. Мэйнс и Н. Вольфсон [Manes, Wofson, 1981, с. 123] и Дж. Холмс [Holmes, 1988, с. 448] соответственно.

Вместе с тем, по мнению Н.И. Формановской, для создания доброжелательной атмосферы вовсе не требуется искренность, идущая «от чистого сердца» [Формановская, 1993, с. 78].

Интересна с позиции глорификации ситуация обмена комплиментами. Обмен такими коммуникативными подарками должен не только улучшить ЭС обоих коммуникантов, но и повысить их самооценку.

Как известно, речь человека управляется и языковыми, и психолингвистическими факторами [Шаховский, 2007, с. 88], что приводит к частому употреблению в речи разнообразных эмотивов.

Анализ языкового материала показал явное преобладание эмотивов в речи адресантов РА «Praise» как средства выражения глорификации. Типичным примером похвалы может служить следующий контекст:

«... and then he told her who he was. He was a prince».
«I knew».
«That's because you 're clever». (Fowles. *The Cloud*).

Установлено, что успешность осуществления РА похвалы во многом зависит от более высокого статуса адресанта [Петелина, 1988, с. 56–57], объективно определяющего и оправдывающего его право на совершение РА. В данном примере эмосема наведена на семантику прилагательного «*clever*» всем контекстом РА, самой коммуникативной ситуацией. В ситуации превалирует положительная эмоция восхищения как реакция на стимул, то есть на высказывание девочки – объекта похвалы.

Анализ языкового материала показал, что в случае РА «Praise» к наиболее частотным языковым средствам выражения глорификации относятся эмотивные прилагательные, такие, как *nice, sweet, beautiful, lovely, fine, wonderful, pretty, smart, great, dear*. Также эмотивны и инициальные междометия и междометные слова типа «*Upon my soul!*» или «*Bless my soul*».

Основными лексическими средствами усиления значения прилагательных являются лексические интенсификаторы *very, quite, so, such, absolutely, really, damned, extremely, thoroughly, too*.

Типичным комплиментом в повседневной коммуникации может служить следующий пример: «Dear friend», she said, pressing the hand which held hers, «how good, how kind you always have been to me!» (Thackeray. *Vanity Fair*).

Эмфаза синонимов и восклицательная интонация наглядно маркируют интенсивность ЭС адресанта, и, что более важно с прагматической точки зрения, его эмоционального отношения к адресату. Подобная конвергенция языковых средств предполагает глорификацию не только для адресата посредством улучшения его ЭС и последующего повышения его самооценки, но также и для адресанта путем признания собственных положительных качеств, а следовательно, также повышения его самооценки.

Эмотивные прилагательные *beautiful, nice, kind, wonderful, lovely, great, fine, pretty, handsome, sweet* выступают основными языковыми средствами выражения глорификации в случае РА «Compliment».

К основным средствам усиления значения данных лексем относятся лексические интенсификаторы *very, so, pretty, really, awfully, such, perfectly, too, quite, damn*.

Список литературы

1. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М. : ЛКИ, 2008.
2. Ларина, Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах / Т. В. Ларина. – М. : Изд-во РУДН, 2003.
3. Петелина, Е. С. Средства выражения и контексты функционирования высказываний похвалы и лести в английском языке : дис. ... канд. филол. наук / Е. С. Петелина. – Пятигорск, 1988.
4. Формановская, Н. И. Культура общения и речевой этикет / Н. И. Формановская // Русский язык в школе. – 1993. – № 5. – С. 75–79.
5. Шаховский, В. И. Дискурсивность эмоций как коммуникативная универсалия / В. И. Шаховский // Язык и эмоции: номинативные и коммуникативные аспекты. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2009 а. – С. 149–160.
6. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. – Волгоград : Перемена, 2007.
7. Шаховский, В. И. Унижение языком: контекст коммуникативного пространства России / В. И. Шаховский // Стратегия России. – 2009 б. – № 12 (72). – С. 51–58.
8. Шаховский, В. И. Эмоционально-смысловая доминанта в естественной и художественной коммуникации / В. И. Шаховский // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности. – Волгоград : Перемена, 2003. – С. 147–168.
9. Holmes, J. Paying compliments: a sex-preferential politeness strategy / J. Holmes // Journal of Pragmatics. – 1988. – Vol. 12, № 4. – P. 445–465.
10. Manes, J. The compliment formula / J. Manes, N. Wolfson // Conversational routine. The Hague, Paris : Mouton, 1981. – P. 115–132.

О.Р. Валуйская

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА

В статье рассматриваются различные подходы к теории жанров применительно к проблеме интерпретационного подхода содержательной категории глубины текста.

Традиционный подход к изучению жанров речи связан с рассмотрением системы функциональных стилей. Функциональный стиль, по И.Р. Гальперину, представляет собой разновидность письменных текстов, которая характеризуется некоторой типичностью конститuentов, при этом выбор и организация элементов находятся в отношениях взаимозависимости и обусловленности целью коммуникации [Гальперин, 1981, с. 243]. В большинстве исследований функциональный стиль определяется как разновидность литературного языка, в которой язык выступает в той или иной социально значимой сфере общественно-речевой практики людей и особенности которой обусловлены особенностями общения в данной сфере. Рассмотрев эти определения, можно отметить то, что в понимании функциональных стилей акцент делается на их социальной значимости и коммуникативной обусловленности. Текст, представляющий тот или иной жанр, реализуется в коммуникативной ситуации, поэтому жанр можно рассматривать как единицу дискурса, а не функционального стиля [Swales, 1991, p. 33]. Речевой жанр в любой области имеет свою концепцию адресата, то есть если учитывать социальный статус адресата, а также условия и ситуацию общения, то жанр будет иметь свою специфику, в зависимости от того, к какому типу институционального общения относится тот или иной текст. Спецификой жанра является его трафаретность, типовой образ, шаблонность, что позволяет выделить некий образец, которому обычно следуют. Жанр – это не только образец организации текста, но также и совокупность текстов, в которых определенным образом является актуализированным, реализованным [Гайда, 1999, с. 104]. При этом установление жанровых образцов требует рассмотрения отношения «текст – общественно-культурный контекст его функционирования».

Согласно основному положению функциональной стилистики каждый функциональный стиль оформляется в своей, только ему присущей совокупности готовых форм – жанров. Данное положение предполагает, что органическая взаимосвязь всех жанровых разновидностей, их четкое соответствие определенному стилю является одной из основополагающих характеристик стиля. К общим принципам изучения относятся: вопросы целостности жанровых разновидностей, образующих тот или иной функциональный стиль, принципы объединения жанров в различные группы, наличие жанров промежуточного характера, степень их размежевания и т. д. [Салимовский, 2000, с. 134]. Почти в каждом конкретном тексте можно найти и выделить его жанровую доминанту, которая выражается через определенный набор признаков, несмотря на то, что границы жанров подвижны и взаимно проницаемы, а сами жанры имеют многочисленные промежуточные формы. Жанры представляют собой неоднородные образования и строятся по полемому принципу [Михайлова, 1999, с. 42].

В классической стилистике представление о жанровой форме часто исчерпывается набором языковых средств, используемых для выражения идеи автора. Поэтому все большее число стилистов приходит к выводу, что сводить

«портрет» жанра к языковому воплощению [Шмелева, 1995, с. 57] или только к композиционной форме означает не отразить полностью явление, представленное комплексом признаков.

Одним из наиболее перспективных путей развития современного антропоцентрического языкознания становится исследование жанров общения. К настоящему времени лингвистика уже накопила определенный багаж фундаментальных концепций и эмпирических описаний различных речевых жанров. К.Ф. Седов предлагает искать новые ракурсы рассмотрения основного объекта изучения – жанров живой речи [Седов, 1998, с. 93]. Речевой жанр, трактуется как устоявшаяся форма речевого сопровождения типической ситуации взаимодействия индивидов. Подобное определение позволяет говорить о вторичности жанров общения по отношению к социально значимым ситуациям – поведенческим жанрам [Swales, 1991, p. 33]. Речевой жанр представляет собой результат взаимодействия коммуникантов, а потому, он, как правило, многоактен, то есть состоит из нескольких трансакций. Правила, по которым разыгрывается жанровое действие, предоставляет языковой личности определенную свободу речевого поведения. Она проявляется, прежде всего, в выборе внутрижанровых стратегий, которые зависят от индивидуальных свойств языковых личностей участников общения. Внутрижанровое взаимодействие предполагает использование говорящими речевых тактик. В лингвистической литературе отмечается, что некоторые из тактик внутрижанрового речевого поведения в живой речи выступают в качестве самостоятельных жанровых единиц [см.: Салимовский, Седов]. Данный подход приближается к коммуникативной точке зрения на жанр.

Еще одним, менее изученным, направлением в разработке проблемы жанровой вариативности является выделение и анализ риторических жанров. Под риторическим жанром обычно понимается устойчивый тип речевого произведения, результат речевой деятельности, объединяющий в себе основные элементы риторического произведения в их специфическом варианте, возникающие на каждом из этапов речевой деятельности, продиктованные риторическим каноном. Данное направление рассматривает жанровую компетенцию как необходимый компонент коммуникативной компетенции и одну из основных задач исследования видят в построении обобщенной модели риторического жанра в виде схемы. Основой данных исследований являются такие конститутивные признаки жанра: сфера общения, содержание, конкретная ситуация общения, персональный состав участников общения, этическая форма построения. Модель риторического жанра, связана с алгоритмом действий оратора, который признается главным жанрообразующим признаком [Гимпельсон, 1998, с. 14]. О.Б. Сиротина, анализируя термины «риторический жанр» и «речевой жанр», приходит к выводу, что один и тот же жанр может быть речевым при отсутствии специально спланированного, сознательного использования построения речи и употребления в ней определенных языковых средств и риторическим – в случае сознательного планирования и употребления тех или иных средств [Сиротина, 1999, с. 28].

Незамкнутость перечня жанров как инвариантных образований в значительной степени обусловлена тем, что главный термин жанроведения «жанры речи» продолжает толковаться исследователями по-разному. Это связано с тем, что при исследовании жанров речи рассматриваются проблемы речевого акта, текстового типа, речевой стратегии, речевой тактики. Определить сущность жанра как особого явления невозможно без сопоставления, соотнесения со смежными ему явлениями и понятиями.

Возможно понимание жанра как группы текстов, «которые используются для решения конкретной коммуникативной задачи в конкретных условиях общения» [Кочетова, 1998, с. 58]. В.И. Карасик определяет жанровый канон как стереотип порождения и восприятия речи в специфических повторяющихся обстоятельствах [Карасик, 1998, с. 192].

Рассмотрев все эти дефиниции, можно дать определение: жанр – реально существующая в данной культуре разновидность текстов, узнаваемая по прототипам. Важным представляется следующее положение: жанр, как литературный код, комплекс норм и правил игры, сообщает интерпретатору, каким образом ему следует подходить к данному тексту, и тем самым обеспечивает понимание этого текста [Компаньон, 2001, с. 186]. Таким образом, жанр соотносится с некоторой системой условных обозначений, сигналов, передающих информацию о смысловом содержании текста. Это дает основание рассматривать жанровую специфику текста в связи с его содержательной интерпретативной стороной, то есть как глубина текста проявляется относительно его жанровой принадлежности.

Список литературы

1. Гайда, С. Жанры разговорных высказываний / С. Гайда // Жанры речи. – Саратов, 1999. – С. 103–111.
2. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М., 1981.
3. Гимпельсон, Е. Г. Системные характеристики композиции речевого произведения : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Г. Гимпельсон. – Волгоград, 1998.
4. Карасик, В. И. О категориях дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. – Волгоград, 1998. – С. 185–196.
5. Компаньон, А. Демон теории / А. Компаньон. – М., 2001.
6. Кочетова, Л. А. Жанровые характеристики рекламного дискурса / Л. А. Кочетова // Языковая личность: системы, нормы, стиль. – Волгоград, 1998. – С. 58–59.
7. Михайлова, Е. В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей) : дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Михайлова. – Волгоград, 1999.
8. Салимовский, В. А. К экспликации понятия жанрового стиля / В. А. Салимовский // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 2000. – С. 133–153.
9. Седов, К. Ф. Языковая личность в жанровом пространстве бытового общения / К. Ф. Седов // Языковая личность: системы, нормы, стиль. – Волгоград, 1998. – С. 93–94.
10. Сиротинина, О. Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» / О. Б. Сиротинина // Жанры речи. – Саратов, 1999. – С. 26–31.
11. Шмелева, Т. В. Речевой жанр: Опыт общепилологического осмысления / Т. В. Шмелева // Collegium. – 1995. – № 1–2. – С. 57–65.
12. Swales, J. M. Genre Analysis (English in Academic and Research Settings) / J. M. Swales. – Cambridge, 1991. – 260 p.

КОНСТАНТНОЕ И ВАРИАТИВНОЕ В ОФОРМЛЕНИИ ВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДВУХСИНТАГМЕННОЙ ФРАЗЫ

В статье рассматривается зависимость временной организации двухсинтагменных фраз от знаков пунктуации, используемых для оформления сложного предложения. Исследование выполнено на материале английского и русского языков. Полученные результаты интерпретируются в терминах константных и вариативных признаков временной организации высказывания.

В настоящее время среди фонетистов общепризнанным является тот факт, что речевой континуум обладает четкой структурой, характеризующейся строгим набором правил, определяющих темпоральную организацию звучащей речи на всех уровнях – от отдельных компонентов звука до связного текста. При этом у звуковых отрезков, по объему не менее фонетического слова и синтагмы, наблюдается определенная временная структура; кроме того, исследователями также отмечается возможность говорящего произвольно менять темп произнесения таких фонетических отрезков. Так, В. Ифтинг в этой связи отмечает: «Представляется маловероятным, что ... изменение темпа речи можно объяснить только варьирующей от звука к звуку их собственной длительностью. Мы полагаем, что говорящий сознательно изменяет скорость артикуляции и длительность пауз при производстве отдельных речевых отрезков» [Eefting, 1988, p. 503]. Однако объем современных исследований временной организации единиц большей, чем синтагма, протяженности, в частности, двухсинтагменных фраз, относительно невелик, очевидно, в силу сложившихся традиций современных школ экспериментальной фонетики. Тем не менее постановка задач современных прикладных исследований требует количественного и качественного описания данных явлений.

Одна из первых попыток инструментального анализа временной организации двухсинтагменных фраз была предпринята Т.М. Николаевой в 1969 г. в работе «Интонация сложного предложения в славянских языках». К сожалению, обширный экспериментальный материал, проанализированный в исследовании, не всегда сопровождается достаточными статистическими выкладками. Поэтому с целью обобщения полученных автором результатов был проведен пилотный эксперимент, целью которого явился выборочный анализ временной организации двухсинтагменных фраз. Помимо того, сопоставление проводилось на материале неродственных языков: английского (точнее, американского варианта английского языка – General American) и русского. Подобный подход позволяет выявить как универсальные, так и специфически языковые признаки темпоральной организации двухсинтагменных фраз аналогичной структуры в неродственных языках.

В качестве материала исследования послужили сложные предложения русского и английского языков, соединенные различными знаками

препинания – запятой, тире и двоеточием. Количественный звуковой состав обеих синтагм был выровнен и составил 13 и 15 звуков в английских предложениях («It was getting late – we came out of the woods») и 13 и 14 звуков в русских предложениях («Мы вышли из леса – начинало темнеть»). Количественное выравнивание звукового состава позволило проконтролировать возможное изменение темпа синтагм при постановке их в конечной позиции в составе фразы [Krivokapic, 2006, p. 3090]. В начитываемых дикторами предложениях вместо нижнего подчеркивания стояла запятая, двоеточие или тире; фразы были сгруппированы в серии, построенные по принципу «латинского квадрата», и озвучены дикторами-мужчинами: носителем американского стандартного произношения General American и носителем русской орфоэпической нормы соответственно. Фраза с каждым знаком препинания была озвучена по 10 раз. Начитанный экспериментальный материал был оцифрован, а затем проанализирован с использованием программы анализа звукового сигнала Voice Scan. По осциллограмме измерялись такие параметры, как общая длительность двухсинтагменных фраз, длительности каждой синтагмы и паузы между ними. Для каждой синтагмы рассчитывался темп речи, определяемый как средняя длительность звука в соответствующей синтагме (без учета паузы). Для выявления характеристик временной организации двухсинтагменной фразы сопоставлялись такие параметры, как соотношение темпов синтагм во фразах с различными знаками препинания (при этом место синтагмы во фразе менялось с начальной позиции на конечную), а также рассматривалась зависимость длительности межфразовой паузы от используемого знака препинания. Для контроля темповых вариаций сопоставление темпов синтагм, а также длительностей синтагм и пауз проводилось в относительных единицах. Анализируемые величины были нормализованы по отношению к общей длительности фразы с учетом межсинтагменной паузы.

Рассмотрим результаты анализа фраз, начитанных диктором – носителем американского произносительного варианта. Прежде всего отметим, что при изменении позиции синтагм во фразе с начальной на конечную относительная длительность синтагм не изменялась. Наблюдаемые различия носят несистематический характер и не являются статистически значимыми для всех фраз, независимо от используемых в них знаков препинания: запятой, тире или двоеточия ($p > 0,05$). Следует отметить, что темп чтения фраз при этом варьировал в достаточно широких пределах, иногда составляя до 15 %. Исключение составили предложения с запятой: если относительная длительность синтагмы «It was getting late» не изменялась в начальной и конечной позиции, то длительность синтагмы «We came out of the woods» в начальной позиции была статистически достоверно длиннее длительности этих же синтагм в конечной позиции ($p < 0,05$). Интересно также отметить, что в последнем случае диктор прочитал синтагму в начальной и конечной позиции практически с одинаковым темпом: среднезвуковая длительность составила 68,0 и 69,9 мсек соответственно.

Анализ длительности пауз во фразах показал следующее: на исследуемом материале не наблюдалось статистически значимых различий между длительностью пауз в предложениях с двоеточием и тире. Что касается запятой, то выявленные различия носили статистически достоверный характер ($p < 0,05$); длительность пауз в этом случае более, чем в два раза превышала длительность пауз в предложениях с тире и двоеточием.

Сходные результаты были получены для диктора-носителя русского языка. Темп синтагм и, соответственно, средняя длительность звука в синтагмах практически не зависели от положения синтагмы в составе фразы. В отличие от американского диктора, в речи русского диктора подобная организация фразы не зависела для отдельных синтагм в предложениях, разделенных запятой. Выявленные различия были статистически незначимыми при 5 %-ом уровне достоверности. Что касается зависимости относительной длительности пауз от знаков препинания, то наблюдаемая картина полностью совпала с данными, полученными для американского диктора: статистически достоверно паузы были короче в предложениях с запятой, с одной стороны, по сравнению с длительностью пауз в предложениях с тире и двоеточием, с другой ($p < 0,05$). Статистически значимых различий по длительности пауз в предложениях с двоеточием и тире выявлено не было.

Проанализируем полученные данные. Несмотря на пилотный характер эксперимента, результаты свидетельствуют, что двухсинтагменная фраза обладает специфической временной структурой. Эта специфика выражается, прежде всего, в существовании определенного соотношения темпов синтагм в составе фразы. Т.М. Николаева отмечает наличие зависимости темпа синтагмы от ее позиции во фразе [Николаева, 1969, с. 57], однако в нашем случае данная закономерность не наблюдалась. В.Б. Кузнецов также отмечал отсутствие влияния позиции в составе искусственно сконструированной двухсинтагменной фразы на длительность гласного [Кузнецов, 1989]. На наш взгляд, расхождение с результатами, полученными Т.М. Николаевой, обусловлено проведением нами анализа в относительных единицах, что позволило проконтролировать флюктуацию темпа говорящего. Что касается вопроса зависимости между типом знака препинания и длительностью паузы, то здесь прослеживается корреляция с данными, полученными Т.М. Николаевой. Так, наши результаты подтверждают, что в случае использования запятой в составе сложного предложения длительность паузы является минимальной. Однако в случае с двоеточием и тире мы не наблюдали зависимости между типом знака препинания и длительностью паузы. Как уже отмечалось, выявленные различия по длительности в данном случае носили статистически недостоверный характер. Как и в предыдущем случае, возможным объяснением может явиться использование в наших расчетах относительных величин с целью контроля темпа речи. Следует также заметить, что полученные данные о существовании двух, а не трех типов внутрифразовых пауз неплохо согласуются с результатами, полученными О.Ф. Кривновой, в соответствии с которыми аудиторы уверенно вычленяют не более трех типов просодических швов [Кривнова, 1995, с. 230].

Контрастивный анализ временной структуры двухсинтагменных пауз в русском и английском языках позволяет выявить большое количество общих черт в темпоральной организации двух языков. К ним относятся, в первую очередь, соотношение темпов составляющих фразу синтагм, а также сходное распределение длительностей пауз в сложном предложении в зависимости от используемого знака препинания. Совокупность таких признаков составляет константное ядро временной организации речи и, вероятно, носит характер языковой универсалии. С целью выявления вариативного звена для этого уровня временной организации высказывания предстоит расширить число дикторов с тем, чтобы установить характер наблюдаемых различий – межъязыковой или индивидуальный.

Список литературы

1. Кривнова, О. Ф. Перцептивная и смысловая значимость просодических швов в связном тексте / О. Ф. Кривнова // Проблемы фонетики II / отв. ред. Л. Л. Касаткин. – М., 1995. – С. 228–238.
2. Кузнецов, В. Б. Автоматический синтез речи. Алгоритмы преобразования «буква – звук» и управление длительностью речевых сегментов / В. Б. Кузнецов, А. В. Отт. – Таллин, 1989.
3. Николаева, Т. М. Интонация сложного предложения в славянских языках / Т. М. Николаева. – М., 1969.
4. Eefting, W. Temporal variation in natural speech. Some explorations / W. Eefting // Proc. Speech. 7th FASE Symp. (Edinburgh). – 1988. – P. 503–507.
5. Krivokapic, E. Phrasal length and complexity effects on interphrase pause duration / E. Krivokapic // J. Acoust. Soc. Am. 2006. – Vol. 120. Issue 5. – P. 3090.

Е.А. Пелих

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

АРХАИЧНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В НЕКОТОРЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются некоторые архаичные фонетические особенности бермудского английского языка, которые восходят к периоду формирования ранне-новоанглийского языка и началу глобального распространения английского языка. Бермудский вариант английского языка является наименее исследованным. История заселения Бермудских островов связана с именем Джорджа Сомерса, возглавившего группу британских переселенцев. В 1620 г. колония получила независимость. Сформировавшийся на этой территории диалект отличается от креольских диалектов Карибского бассейна. Некоторые фонетические особенности этого регионального варианта английского языка могут быть проинтерпретированы как с исторической точки зрения, так и с точки зрения взаимодействия родственных разновидностей языка (например, влияния канадского английского).

Сопоставительный анализ происхождения древнеанглийских гласных и их вариантных соответствий в современных региональных вариантах

английского языка показал, что определение архаичности того или иного фонетического явления оказывается проблематичным из-за зависимости лингвистических изменений от социальных факторов формирования и развития диалектов, а так же в связи с универсальностью многих фонетических сдвигов во многих языках независимо от общности их происхождения. Известно, что при формировании прагерманских языков долгий общеиндоевропейский ударный гласный /a:/ проявлял тенденцию к превращению в более узкий /o:/, а краткие часто трансформировались в более открытые звуки: /o/ > /a/, /u/ > /o/. Однако этот процесс не затронул краткий /e/, который в германских языках либо оставался неизменным, либо наоборот сужался, превращаясь в /i/ [Расторгуева, 2005, с. 35–36].

Сравним зафиксированные в научной лингвистической литературе некоторые фонетические особенности в системе вокализма двух региональных вариантов английского языка: бермудского английского и ирландского английского. Целью исследования является определение возможности интерпретации расхождений в современном нормативном английском языке и в региолектах с точки зрения историков языка. Выбор этих двух разновидностей английского языка для анализа объясняется экстралингвистическими факторами.

Первые носители английского языка появляются в Ирландии в конце 12 века. Однако Англия в то время не могла контролировать этот регион, и на английском языке говорили только незначительные группы людей, поселившиеся в окрестностях Дублина. Появление большего количества английских и шотландских поселений и плантаций в Ирландии в 17 веке привели к тому, что более половины населения Ирландии заговорили на английском [Ranelagh, 1994, p. 118]. Второй этап притока английских поселенцев примерно совпадает по времени с заселением карибских колоний, что частично объясняет тот факт, почему вест-индские диалекты имеют некоторые общие фонетические черты с ирландским английским. Однако нам нужно помнить, что ирландский английский не был единым языком и распадался на ряд диалектов, а также подвергался влиянию субстратных наречий гаэльского языка.

Уникальность диалектов, сформировавшихся на территории Бермудских островов, по мнению некоторых исследователей, состоит в том, что они, по-видимому, не подверглись креолизации. Первыми поселенцами островов были британские колонисты, отправлявшиеся в американскую Вирджинию и осевшие на Бермудах. Острова имеют второе название – острова Сомерса – по имени Джорджа Сомерса, возглавившего группу переселенцев из Англии. И уже в 1620 году эта старейшая британская колония получила независимость [Pethen, 1988, p. 17]. История африканских рабов, ввезенных на Бермуды, необычна по сравнению с ситуацией в других британских колониях, способствовавшей креолизации диалектов. Бермудское рабство было иным, так как чернокожее население островов было занято не только на плантациях. Они добывали жемчужины, служили моряками на судах, торговали солью, работали плотниками и каменщиками и занимались другими видами деятельности

[Packwood, 1975, p. 2–11]. Как отмечают исследователи, рабство на Бермудах было «мягким» и слово «раб» не было эквивалентом слова «негр» [Bernhard, 1999, p. 41]. Все это приводило к социальным контактам рабов с британскими поселенцами и необходимости пользоваться английским языком образованных слоев населения.

В этот хронологический период, который относится к раннему новоанглийскому периоду развития английского языка, фонологическая система английского языка на территории Британских островов подвергается серьезным изменениям в системе вокализма. Естественно, что английские переселенцы в Ирландию и на Бермуды привозят с собой диалекты либо с архаичными языковыми элементами, либо находящиеся в процессе изменения и дальнейшего развития.

Из истории фонетических изменений в английском языке мы помним о бесконечных вариациях и трансформациях в произнесении фонем /a/, /e/, /i/. Например, в древнеанглийском языке фонема /a/ могла подвергаться как независимым, так и зависимым от окружения ассимилятивным изменениям, превращаясь в гласные переднего ряда или в дифтонг /ea/. В среднеанглийский и новоанглийский периоды в отдельных английских диалектах наблюдалось возвращение к исходному варианту, но в некоторых словах и позициях сохранялся приобретенный в конце древнеанглийского периода открытый гласный переднего ряда. Большое влияние на изменение качества гласных, как известно, оказал процесс Великого сдвига гласных (Great Vowel Shift). Этот процесс был длительным и его хронологические рамки, хотя и дискутируемые, по-видимому, совпадают со временем заселения Бермудских островов и Ирландии английскими поселенцами. Так, например, гласный /?/, появившийся в результате «опереднивания» /a/, сужается в бермудском английском так же, как это происходило со многими долгими ударными гласными в английском варианте языка в соответствии с Великим сдвигом гласных и, как мы уже отмечали, в период формирования прагерманских языков. Этот процесс в исследуемом региональном варианте английского языка оказался достаточно последовательным. В словах *rat*, *anxious*, *January* и др. в ударной позиции вместо /?/ появляется более узкий вариант /e/ [Ayres, 1933, p. 6–7]. В 17 веке такое сужение, вероятно, было обычным явлением в английских диалектах, так как в памятниках этого периода буква *a* заменяется буквой *e* во многих словах (*daddy* – *deddy*), а древнеанглийская буква *?* в более поздние периоды развития языка представляется как *e* (*hw?r* – *where*).

В ирландском английском в отличие от бермудского английского гласный /a/ варьируется в произношении в зависимости от территории и от позиции гласного в слове. Например, в составе одного дифтонга он произносится как широкий гласный переднего ряда (*mouth* /?/); после назализованного гласного он сужается в составе другого дифтонга (*night* /oi/); сужение происходит и в позиции перед *r* (*car* = *core*, *far* = *fore*), а /o:/ может сужаться и сокращаться по сравнению со стандартным английским, превращаясь в /u/. Подобные переходы наблюдались в древнеанглийский и

среднеанглийский периоды на Британских островах (ср. др. англ. *stan* – н.а. *stone* «камень» и *stun* «оглушать, ошеломлять»). Однако отголоски прошлого, не подвергнувшегося изменению, /a/ мы видим в других случаях, которые обычно орфографически представлены в литературе при имитации акцента представителей рабочего класса Дублина: «*Wats de stary bud?*» («*What's the story, bud?*»). Еще несколько примеров из ирландского английского доказывают существование архаичных черт, связанных с употреблением и динамикой /a/ и /o/ разного качества, а также с процессами дифтонгизации и монофтонгизации. В позиции перед сочетанием сонорных и смычных или после *h* древнеанглийский гласный /a/ подвергался процессу дифтонгизации: (ср. др.в.нем. *haltan*, др.англ. *healdan*). В ирландском английском сохранились устаревшие формы с дифтонгом (*hauld* «*hold*», *bauld* «*bold*») [примеры взяты: Hickey, 2007, интерпретация наша].

В бермудском английском начальный гласный дифтонгов /ai/ и /au/ также может изменять свое качество. Этот феномен определяется зарубежными лингвистами термином «*Canadian raising*», так как впервые он был зафиксирован в канадском варианте английского языка. Суть этого процесса состоит в том, что в позиции перед некоторыми глухими согласными ядерный компонент первого дифтонга изменяется в гласный средне-низкого подъема (Западная Канада), второго дифтонга – в гласный переднего ряда высокого подъема (Центральная Канада). Аналогичный фонетический процесс наблюдается и в некоторых вариантах колониального английского языка, например, на Багамах, острове Св. Елены, Фолклендских островах и др. [Trudgill, 1986, p. 160], что позволяет нам говорить об исторических корнях этого явления.

Фонетические сдвиги выявляются и при анализе других гласных. В ирландском графстве Корк наблюдается сужение гласного переднего ряда /e/: *well* > *will*, как это происходило при переходе от праиндоевропейских диалектов в прагерманские. Аналогичное сужение мы наблюдаем и в других региональных вариантах английского языка: например, в новозеландском *pen* произносятся, как *pin*; *pair* звучит, как *peer* [Bauer, Warran, 2007, p. 97–102]. Однако в бермудском английском наблюдается и обратный процесс, то есть тенденция к расширению гласного переднего ряда. Зафиксированные в литературе примеры такого сдвига [Schwartz, 2005, p. 9], с нашей точки зрения, могут быть объяснены частичной дистантной ассимиляцией гласных, похожей на велярную перегласовку гласных (u-Umlaut) в древнеанглийском языке. Такая ассимиляция отмечается в орфографии бермудского английского, что видно при сравнении следующих диалектных и нормативных английских слов: *arrybody* – *everybody*, *arryone* – *everyone*, *elackshun* – *election*, *resapshun* – *reception*.

Суммируя все вышесказанное, хочется отметить, что несмотря на процессы глобализации и распространение английского языка во всем мире, диалектные различия в области вокализма, восходящие к далекому прошлому германских языков и английского языка, сохраняются как в отдаленных от

Британских островов регионах, так и в областях, непосредственно контактирующих с основными носителями английского языка.

Список литературы

1. Ayres, H. M. Bermudian English / H. M. Ayres // *American Speech*. – 1933. – № 8.3. – P. 10
2. New Zealand English / L. Bauer, P. Warran, D. Bardsley [et al.] // *Journal of the International Phonetic Association*. – 2007. – № 37 (1). – P. 97–102.
3. Bernhard, V. Beyond the Chesapeake: the contrasting status of blacks in Bermuda / V. Bernhard // *The Journal of Southern History*. – 1999. – № 54. – P. 545–564.
4. Hickey, R. Coronal Segments in Irish English / R. Hickey // *Journal of Linguistics*. – 1984. – № 20 (2). – P. 233–250.
5. Hickey, R. Irish English: History and Present-day Forms / R. Hickey. – Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2007.
6. Packwood, C. Ou. Chained on the Rock: Slavery in Bermuda / C. Ou. Packwood. – N. Y. : Eliseo Torres and Sons, 1975.
7. Pethen, V. Bermuda Report / V. Pethen. – Hamilton, Bermuda : Department of Information Services, 1988.
8. Ranelagh, John O’Beirne. A Short History of Ireland / John O’Beirne Ranelagh. – Cambridge, 1994.
9. Swartz, L. Bermudian English: History, Feature, Social Role. Final Paper for Linguistics / L. Swartz. – 2005. – Electronic text data. – Mode of access: <http://en.wikipedia.org/wiki/>.
10. Расторгуева, Т. А. История английского языка / Т. А. Расторгуева. – М. : Высш. шк., 2005.
11. Smith, Peter A. Bermewjan vurdz: a dictionary of conversational Bermudian / Peter A. Smith and Fred M. Barritt. – Hamilton, Bermuda : The Island Press, Ltd, 1985.
12. Trudgill, P. Dialects in contact / P. Trudgill. – Oxford : Basil Blackwell, 1986.

И.В. Скрынникова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ КАТЕГОРИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА

Культурно-национальные особенности, профессиональные знания и образование, социальная сфера, жизненная среда рассматриваются в статье как объективные факторы, формирующие концепт пространства и влияющие на различное структурирование пространственных ситуаций мужчинами и женщинами.

Основная функция языка состоит не столько в передаче информации и осуществлении референции к независимой от него реальности, сколько в ориентации личности в ее собственной познавательной области, то есть язык стал больше рассматриваться как система ориентирующего поведения, где коннотация играет решающую роль. Значимость индивидуальных параметров личности в связи с этим существенно возросла. В том числе возросло и значение такого параметра, как половая принадлежность человека, которая влияет и на восприятие таких базовых категорий бытия как пространство и время.

Предполагается, что пол когнитивной личности является важным биосоциальным параметром: от него зависит то, какое языковое выражение

пространственных представлений более типично для женщин и какое для мужчин. В лингвистической литературе уже сообщалось о том, что спецификация пространства и времени в устных рассказах женщин и мужчин имеет определенные различия. Эти расхождения заключаются в том, что мужчины дают более детальные описания пространственных и временных отношений [Gender and conversational interaction, 1993, p. 72].

Важнейшими структурными компонентами пространственных гештальтов является концептор (или человек, структурирующий пространство посредством языка) и перцептор, пространственные представления которого формируются в процессе коммуникации. Значимо и то, что концептор ориентируется на когнитивный опыт и когнитивные особенности перцептора, которые могут в значительной степени не совпадать с его собственными, поскольку партнеры по речи находятся или находились в разных когнитивных и разных физических условиях. Здесь возникает проблема общего знания. Чаще полнота общего знания условна, даже для установления его относительных границ пришлось бы прибегнуть к серии верифицирующих вопросов. Интересно отметить, что женщины обычно чаще мужчин верифицируют полноту общего знания, о чем свидетельствует большее количество задаваемых ими вопросов, прежде всего, уточняющего типа. От способностей когнитивной личности, обусловленных биологическими особенностями, от когнитивного опыта (зафиксированного в языке культурного и социального опыта когнитивной личности) зависит фокусировка ее сознания [Колосова, 1996, с. 58].

В этой связи несомненный интерес представляет собой эксперимент, проведенный в Великобритании, респондентами которого выступили студенты Бристольского университета. Они были поделены на две группы по признаку пола (18 респондентов в женской группе и 38 респондентов в мужской группе). Им задавались вопросы в устной форме, требующие в качестве ответа некоторого описания пространственных сцен. Ответы должны были быть даны в течение 10 минут, что способствовало корректности полученных результатов. Цель этого эксперимента заключалась в жестко контролируемых условиях в выяснении того, в какой мере род респондентов определяет структуру создаваемых ими пространственных концептов, и существует ли вообще такое влияние. Экспериментатор выступали в роли перцептора, а респонденты выполняли роль когнитивной личности. Партнеры по речи разделяли область непосредственного обзора и максимального обзора, но имели разный опыт ориентирования в физическом пространстве, выходящем за рамки области максимального обзора. Такая разница помогала активизировать концептуальную деятельность респондентов.

Одним из вопросов состоял в просьбе объяснить незнакомому человеку дорогу от университета до своего дома. Наиболее распространенным прототипом структурирования пространства является перемещающаяся в координатах пространства и времени фигура, траектория движения которой концептуализируется топографически. Структурный прототип пространства такого типа можно проанализировать на примере нескольких наречий типа

«across» (прямолинейная траектория движения фигуры по горизонтальной плоскости с ограниченной шириной и неопределенной длиной), «along» (отношения между фигурой и фоном, проецируемые на горизонтальную плоскость с ограниченной шириной и некой заданной длиной), «straight» (траектория движения как прямолинейного, атемпорального и горизонтального перемещения с четкой фиксацией места расположения фигуры, находящейся в движении).

В проведенном эксперименте и мужчины, и женщины, описывая маршрут от университета до дома, в большинстве случаев использовали двумерную систему ориентации на плоскости. В эту систему горизонтальных измерений укладывались траектории, вербализуемые наречиями «ahead, across, along, on the left, on the right, straight».

Обнаруживаются некоторые закономерности, сводимые к тому, что респонденты-женщины чаще респондентов-мужчин структурировали пространство как горизонтальную плоскость. Статистическая разница в употреблении горизонтальных ориентиров колебалась от 15 до 18 словоупотреблений.

Несколько иным способом респонденты обоих полов структурировали вербально вертикальное пространство. Оказалось, что вертикальная координата во обеих группах использовалась для ориентации в пространстве реже, чем горизонтальная. Было использовано только 4 предлога (*up, down, over, under*), а также наречие *uphill*. Наиболее частотным из них был предлог *up*, представлением которого является вертикальное движение в воздухе по отношению к поверхности Земли или топографическое представление о ее поверхности.

Данная информация о психологических половых различиях вполне порождает вопрос о природе этих различий. Все варианты возможных интерпретаций могут быть объединены в две группы: 1) влияние биологических факторов в дифференциации познавательных способностей мужчин и женщин; 2) роль социально-психологических факторов в развитии познавательных способностей.

Наиболее острая полемика о существовании половых различий существует в сфере когнитивных карт (*cognitive map*), отражающих способность к пространственному воспроизведению окружающей среды и ее объектов, способ навигации. Женщины предпочитают указывать направления, с использованием ориентиров и поворотов влево (эгоцентричная ориентир-стратегия), а мужчины предпочитают использовать информацию, находящуюся на отдалении. В то же время установили, что на запоминание маршрутов по карте и внимание пол не влияет. Когнитивная карта мужчин это «карта-схема», в которое наибольшие значения имеют направление и расстояние. Женщины лучше сохраняют информацию, о внешнем виде объекта, их когнитивная карта, представлена в виде «схемы-пути», где основная информация – порядок расположения объектов [MacFadden, Elias and Saucier, 2003, p. 297].

Silverman связывает существование двух типов когнитивных карт с различными эволюционными стратегиями в пространственной ориентировки.

Мужчины, будучи «охотниками» должны были уметь находить дичь, и ориентироваться в открытом пространстве, лишенным, как правило, ярких ориентиров. Таким образом, их стратегия была направлена на выявление и фиксацию кардинальных переменных (евклидова стратегия). Женщины, в свою очередь существовали в замкнутом пространстве, для них жизненно важно было уметь находить нужные объекты (эгоцентрическая стратегия) [Silverman, 2006, p. 53].

Интерес также представляет исследование, связанное с влиянием возраста на выраженность различий между мужчинами и женщинами. Jocelyn B. Aubrey, Allen R. Dobbs в своем эксперименте изучали понимание и восприятие карт пожилыми людьми в возрасте 50–60 лет. Они отмечают, что женщины гораздо чаще проявляют сложности в оценке расстояния, углов и мысленном вращении карты. В тоже время, сравнивая полученные данные с результатами молодых людей, исследователи, обращают внимание на тот факт, что у молодых испытуемых гендерные различия более ярко выражены [Jocelyn B. Aubrey, Allen R. Dobbs, 1990, p. 189].

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что объективными факторами, формирующими концепт пространства и влияющими на различное структурирование пространственных ситуаций мужчинами и женщинами, являются культурно-национальные особенности, профессиональные знания и образование, социальная сфера, жизненная среда.

Список литературы

1. Tannen D. Gender and Conversational Interaction / Deborah Tannen. – Oxford University Press, 1993. – 352 p.
2. Jocelyn B. Aubrey, Allen R. Dobbs. Age and sex differences in the mental realignment of maps. Experimental Aging Research: An International Journal Devoted to the Scientific Study of the Aging Process. – 1990. – 189 p.
3. MacFadden, A., Elias, L.J., Saucier, D.M. Men and women scan maps similarly, but give directions differently // Brain and Cognition. – 2003. С. 297–300.
4. Silverman, D. Interpreting qualitative data: methods for analyzing talk, text and interaction / D. Silverman. – L. [et al.] : Sage, 2006.
5. Колосова, О. Н. Когнитивные основания языковых категорий (на материале английского языка) : дис. д-ра филол. наук / О. Н. Колосова. – М., 1996.

Н.Ю. Сороколетова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

В статье рассматриваются особенности гендерного проявления на разных уровнях языковой системы (лексическом, синтаксическом, фонетическом). Особое внимание уделяется фонетическим, в частности, интонационным дифференциациям. Выявляются интонационные уровни, на которых гендерная специфика проявляется наиболее ярко.

Понятие «гендер» введено в категориальный аппарат лингвистики сравнительно недавно, однако гендерные исследования здесь уже оформились в самостоятельное направление. На современном этапе появился ряд работ, где делается попытка системного осмысления и описания языка в связи с феноменом пола, создается теоретическая модель гендера и производится систематизация методологических подходов к исследованию проблемы гендера в языкознании.

Современная социальная наука различает понятия «пол» и «гендер». Пол – явление биологическое и традиционно используется для обозначения тех анатомио-физиологических особенностей людей, на основе которых человеческие существа определяются как мужчины или женщины. Однако помимо биологических отличий между людьми существует разделение их социальных ролей, форм деятельности, различия в поведении и эмоциональных характеристиках. Таким образом, гендер – совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола [Воронина, 2002].

Человек сталкивается с гендерными речевыми явлениями и их характеристиками каждый день, везде, где бы он ни находился. В любой сфере человеческой деятельности, когда происходит диалог между мужчиной и женщиной, можно говорить о гендерных особенностях. Гендерная проблематика пронизывает почти все социальные сферы, оказывает действие не только на отдельных индивидов, но и на целые группы людей.

Различия между мужской и женской речью проявляются на разных уровнях языка. Считается, что чаще всего гендерные различия встречаются на уровне лексики. Женщинам свойственно употребление уменьшительных форм, особенно в разговоре с детьми и животными, использование приблизительных обозначений, тенденция к гиперболизированной экспрессии, высокая концентрация эмоционально оценочных слов. Мужчинам – огрубление речи лексическими средствами, тенденция к точности номинации, употребление терминов, использование стилистически нейтральной оценочной лексики, экспрессивных, обычно стилистически сниженных средств, активное использование багажа профессиональных знаний вне сферы профессионального общения [Земская, 1993].

Также гендерные различия касаются и словарного состава, семантических полей и ассоциативных рядов. В силу того, что женщина больше мужчины сосредоточена на своем внутреннем мире, в ее словарном запасе встречается и больше слов, описывающих чувства, эмоции, она чаще употребляет глаголы, передающие эмоционально-психологическое состояние человека. А.В. Кирилина утверждает, что женское ассоциативное поле выглядит более обобщенным и «гуманистическим» (природа, животные, повседневная жизнь), в то время как мужчины ассоциируют себя со спортом, охотой, профессиональной и военной сферами [Кирилина, 1992, с. 51–58].

Н.Л. Пушкарева отмечает, что женщины чаще по сравнению с мужчинами используют инверсии, употребляют восклицательные и вопросительные

предложения, для них характерны развернутые, подробные и экспрессивные предложения и тексты. Отдельные предложения и тексты мужчин лаконичны, предметны и менее динамичны [Пушкарева, 2001, с. 31–40].

Участвуя в разговоре, женщина чаще задает вопросы, как правило, с целью каким-либо образом продолжить беседу. Свое несогласие с мнением собеседника женщина чаще выражает молчанием, а не открытым словесным протестом. У женщин наблюдается более вежливый характер реплик, хотя и более напористое речевое поведение. Мужчина старается доминировать в беседе, управлять ее развитием, свои намерения выражает прямо, без обиняков, не используя при этом корректные и чересчур вежливые формы слов. Количество реплик мужчины в диалоге, как правило, больше и по продолжительности они длиннее [Горошко, 2001].

Исследование гендерной специфики фонетического уровня языка не получило еще достаточно широкого освещения. Однако имеющиеся работы позволяют говорить о наличии определенной специфики как на сегментном, так и на суперсегментном уровнях. Чаще всего подобные различия фиксируются на суперсегментном уровне. В то же время известно, что, например, в чукотском языке, различия по полу отражаются и на уровне звуков: мужчины произносят одни звуки, а женщины в соответствующих словах используют другие.

В русском языке были зафиксированы следующие гендерные различия на сегментном уровне: женщинам, по сравнению с мужчинами, свойственны придыхание; лабиализация; назализация. Особенности женского произношения наиболее ярко проявляются в области вокализма, а мужского – в сферах консонантизма: для многих мужчин характерен меньший раствор рта при производстве звуков, чем для женщин, что приводит к образованию более «узких» гласных, менее богатых по тембру; а большая консонантная насыщенность мужской речи обусловлена тем, что для мужчин характерна более сильная деформация гласных в потоке речи, их количественная и качественная редукция, выпадение гласных [Земская, 1993; Потапов, 1997].

Объектом настоящего исследования явились звучащие тексты информационных сообщений в исполнении дикторов мужчин и дикторов (BBC News).

Анализ гендерных особенностей речи дикторов позволил говорить об особенностях частотного диапазона у дикторов мужчин и дикторов женщин. Средний показатель ЧОТ_{max} и ЧОТ_{min} дикторов женщин выше аналогичного показателя дикторов мужчин (226vs181 и 98vs83). Частотный диапазон женщин составил 16vs14пт у мужчин. Следовательно, полученные данные свидетельствуют о более широком и более высоком частотном диапазоне у дикторов-женщин. Данные различия физиологически обусловлены, так как существуют определенные различия в ларингеальных системах у мужчин и женщин.

Исследование частотности ядерных тонов, используемых дикторами женщинами и дикторами мужчинами, так же позволило говорить о гендерных различиях на интонационном уровне.

Частотность употребления ядерных тонов (дикторы женщины и дикторы мужчины)

Ядерный тон	Низкий нисходящий	Высокий нисходящий	Низкий восходящий	Нисходяще- восходящий	Средний нисходящий	Высокий восходящий	Неполный нисходящий	Ровный	Восходяще- нисходящий
Дикторы мужчины	43	14	18	7,2	3	3,5	2	7,3	2
Дикторы женщины	26,7	23,3	14	12	6,5	6	3,5	2	6

Удалось установить, что общим для дикторов исследуемых групп характерно преобладание низкого нисходящего тона, однако его процент отличается: 43 % у мужчин vs 26,7 % у женщин. Вторым по частотности терминальным тоном у дикторов женщин является высокий нисходящий (23,3 %) в то время как у мужчин этот тон занимает третью позицию (14 %). Достаточно частотным в обеих исследуемых группах является низкий восходящий тон, однако его процент выше у мужчин, чем у женщин (18 и 14 % соответственно). Нисходяще-восходящий тон чаще встречается у женщин, чем у мужчин (12 % vs 7,2). Что касается среднего нисходящего, высокого восходящего, неполного нисходящего, ровного и восходяще-нисходящего тона, то здесь наблюдается одинаковая тенденция: процент использования этих тонов не высок, как у дикторов мужчин, так и у дикторов женщин, но и здесь можно наблюдать различия в процентном соотношении (см. таблицу).

Напомним, что материалом исследования послужили эмоционально нейтральные тексты информационных сообщений. Именно поэтому дикторы обоих полов достаточно часто используют неэмфатические тоны (низкий нисходящий и низкий восходящий). Однако различия в частотности употребления данных тонов компенсируется у дикторов женщин большим процентом более экспрессивных тонов (высокий нисходящий, нисходяще-восходящий, высокий восходящий и восходяще-нисходящий). Именно в использовании этих тонов наблюдается наиболее яркая разница у дикторов женщин и дикторов мужчин.

Таким образом, исследования мужской и женской речи на уровне фонетики обнаруживают наличие как абсолютных произносительных особенностей в речи мужчин и женщин, обусловленных биологически, так и произносительных различий относительно конкретных фонетических переменных. Женщинам, по сравнению с мужчинами, свойственны: более высокий уровень ЧОТ_{max} и ЧОТ_{min}, более высокий верхний и нижний регистры, более широкий частотный диапазон. Для речи дикторов новостных программ характерна одинаковая номенклатура терминальных тонов. Однако частотность их употребления зависит от пола говорящего. Кроме того, для женщин характерен более высокий процент эмфатических тонов.

Список литературы

1. Воронина, О. А. Гендер / О. А. Воронина // Словарь гендерных терминов. – М., 2002.
2. Горошко, Е. И. Гендерная проблематика в языкознании / Е. И. Горошко // Введение в гендерные исследования. – Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. – Ч. 1.
3. Земская, Е. А. Особенности мужской и женской речи / Е. А. Земская // Земская, Е. А. Русский язык и его формирование / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова ; под. ред. Е. А. Земской, Д. Н. Щмелева. – М., 1993.
4. Кирилина, А. В. Развитие гендерных исследований в лингвистике / А. В. Кирилина // Филол. науки. – 1992. – №2. – С. 51–58.
5. Потапов, В. В. Язык женщин и мужчин: фонетическая дифференциация / В. В. Потапов // Изв. АН. Сер. лит. и яз. – 1997. – Т. 56, № 3.
6. Пушкарева, Н. Л. Гендерная лингвистика и исторические науки / Н. Л. Пушкарева // Этнограф. обозрение. – 2001. – № 2. С. 31–40.

Е.А. Ускова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ПРОСОДИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА КОММУНИКАТИВОВ СОГЛАСИЯ В АНГЛИЙСКОМ РАЗГОВОРНОМ ДИАЛОГЕ

Статья посвящена изучению просодической семантики коммуникативов категории согласия английского разговорного диалога. В работе освещаются различные виды согласия и свойственные им просодические структуры; анализируются просодические характеристики, соответствующие каждому просодическому значению основных типов согласия.

В результате данного экспериментально-фонетического исследования удалось установить, что коммуникативы согласия имеют спектр семантических значений, при этом каждое из них реализуется в речи посредством собственного просодического оформления.

Семантический анализ толкований коммуникативных значений согласия имеет множество оттенков и разновидностей, основными из которых являются следующие: *согласие с мнением, согласие сделать что-либо, согласие-разрешение, согласие-подтверждение* [Колокольцева, 2001, с. 74].

При реализации в реплике-реакции значения *согласия с мнением* реплики-стимулы соответствующих отрывков диалогов имеют форму повествовательных высказываний и характеризуются использованием различных коммуникативов: *you're probably right; yes, that's a good idea; I agree; well, it's true; Oh. All right; I understand и другие.*

Согласие сделать что-либо. Данный вид согласия характеризуется разнообразием по своей семантике и прагматической направленности. Так, ученые выделяют просьбу, предложение, совет, требование, приказ, предупреждение и ряд других. Иными словами, «я согласен сделать, то, что мне говорят», не зависимо от формы реплики-стимула. Реплика-реакция характеризуется коммуникативами типа: *no problem; yes, why not; yes, of course; I hope so; Yes; Perhaps и прочие.*

Согласие-подтверждение. Семантика подтверждения отражает согласие с истинностью высказывания адресанта. Рассматриваемое значение, как правило, находит отражение в диалогах, реплика-стимул которых содержит общий вопрос, а реплика-реакция – положительный ответ на него. Для данного вида согласия характерным являются следующие коммуникативы: *yes; yes, of course; yes, fine; Ok; that sounds great; yes, it's beautiful; it's perfect; yes, unfortunately they are; sadly, yes; Oh, I know; that's correct; well, it's true; exactly; Oh, yes; you're right...и другие.*

Согласие-разрешение. Разрешение представляет собой согласие на право сделать что-либо. Для того чтобы получить такое право, необходимо обратиться с просьбой к партнеру по коммуникации. Речевой акт просьбы не всегда носит прямой характер. Для передачи значения разрешения англичане используют нижеследующие коммуникативы: *yes, it is; certainly; yes; marvelous, of course I will и ряд других.*

Следует отметить, что *Yes* занимает особое место в ряду коммуникативных единиц, поскольку используется для передачи различных видов согласия. Однако столь универсальный характер коммуникатива *Yes* относит его к числу стилистически нейтральных высказываний. При идентификации данного маркера согласия роль контекстуальных показателей возрастает.

При этом следует отметить, что коммуникатив **Yes** является основным для выражения категории согласия и наиболее употребляемым в данном значении.

Исследование просодических особенностей ответных реплик разговорной диалогической речи, содержащих изучаемую категорию, а также данные акустических значений реплик исследуемой категории, позволяют говорить о том, что каждому виду согласия соответствуют собственные показатели среднего уровня частоты основного тона, частотного интервала, тонального диапазона, скорости изменения тона, громкости, темпа произнесения, а также длительности пауз.

На основании проведенного эксперимента было установлено, что при всем разнообразии использования направлений движения тона англичанами, предпочтение отдается восходяще-нисходящему, нисходящему, ровному и, в редких случаях, восходяще-нисходяще-восходящему ядерным тонам. Особое место отводится восходящему направлению движения тона в финальных семантических центрах утвердительного предложения. Данный тон применяется в случае неуверенного, но все-таки положительного ответа на неожиданное предложение сделать что-либо или согласиться с кардинально противоположным мнением собеседника.

Результаты экспериментально-фонетического анализа позволяют говорить о том, что изрезанность тонального контура, в сочетании с уровневыми особенностями просодического оформления реплик, находит свое отражение в разнообразии оттенков модальных значений при проявлении различных чувств и выражении эмоций. Удалось установить, что высокий регистр шкалы при широком диапазоне с низким тональным завершением

указывает на важность обсуждаемой темы для собеседников. Наоборот, низкий регистр шкалы и узкий диапазон свидетельствуют об отсутствии интереса к сказанному и также названные просодические параметры способны передать прагматические значения скуки, небрежности в общении, пассивность.

Показатели такого просодического компонента, как речевой диапазон также способствует созданию семантических значений исследуемых коммуникативов согласия. Изучение тонального диапазона реплик позволяет резюмировать, что в 45 % случаев ответных реплик согласия используется широкий и сверхширокий диапазоны звучания, что характерно для устной разговорной речи. Средний диапазон произнесения свойственен для 27 % фраз. В остальных случаях, различные виды согласия произносятся в узком диапазоне.

Как правило, такое разнообразие в оформлении положительных ответов свидетельствует о гармоничном добровольном согласии с мнением собеседника. Или, наоборот, указывает на негармоничное вынужденное согласие, зачастую, призванное к сохранению добрых отношений между собеседниками. В 28 % случаев оформления реплик в узком диапазоне указывает на неохотное согласие, отсутствие заинтересованности в сказанном, нежелании продолжать диалог.

В ходе эксперимента, весьма интересными оказались данные по изучению временного компонента просодических особенностей изучаемых реплик, на основании которых возможно констатировать сравнительно высокий темп произнесения, как ядерных слогов, так и всей фразы в целом в 50 % ответов-согласий. Низкий коэффициент паузации интра- и интерсегментных пауз в большинстве случаев произнесения свидетельствует об энергичном, беспаузальном звучании, что, указывает на эмоциональность звучания в значительном числе случаев.

В то же время, следует отметить характерное нестабильное по громкости звучание для реплик согласия. Так, усредненные показатели уровня звукового давления на ядерном слоге в 33 % случаев соответствуют громкому произнесению; в 24 % ситуаций – среднему, и в 43 % финальных семантических центрах реализуется тихая громкость звучания, что объясняется гармоничным речевым общением.

Изучение положительных реплик диалога позволяет говорить о том, что наряду с основными семантическими значениями согласия – *согласие с мнением, согласие сделать что-либо, согласие-подтверждение, согласие - разрешение*, возможно, выделить также существенные прагматические значения данных видов согласия, реализуемые характерными просодическими параметрами.

Весьма важными и интересными представляются результаты аудитивного анализа просодической реализации коммуникативов в эталонном звучании. Данные просодического анализа свидетельствуют о том, что каждому виду исследуемого речевого сегмента характерно своеобразное звучание, передающее то или иное семантическое значение, необходимое для

адекватного восприятия сказанного партнером. Так, удалось выявить, что *вежливое согласие* на просодическом уровне передается низким нисходящим и средним нисходящим тонами (*Low-Fall, Mid-Fall*) преимущественно среднего диапазона. *Восторженное согласие*, как правило, оформляется высоким нисходящим тоном и восходяще-нисходящим тонами (*High-Fall, Rise-Fall*) широкого и сверхширокого диапазонов. *Вынужденное согласие* передается ровным тоном узкого, реже среднего диапазонов. *Искреннее согласие* характеризуется высоким нисходящим тоном (*High-Fall*) широкого и среднего диапазонов. Для *категоричного согласия* свойственны высокий нисходящий и восходяще-нисходяще-восходящий тоны (*High-Fall, Rise-Fall-Rise*) среднего и широкого диапазонов. *Недовольное согласие* оформляется ровным и низким нисходящим тонами (*Level tone, Low-Fall*) узкого диапазона. *Неуверенное согласие* передается ровным и низким восходящим тонами (*Level tone, Low-Rise*) низкого и среднего диапазонов. *Одобрительное согласие* характеризуется низким и средним нисходящим тонами (*Low-Fall, Mid-Fall*) среднего и широкого диапазонов. Для выражения *подавленного согласия* свойственны ровный и низкий нисходящий тоны (*Level tone, Low-Fall*) узкого диапазона. *Радостное согласие* оформляется высоким нисходящим, восходяще-нисходящим и восходяще-нисходяще-восходящим тонами (*High-Fall, Rise-Fall-Rise, Rise-Fall*) среднего, широкого и сверхширокого диапазонов. *Солидарное согласие* передается посредством среднего нисходящего и высокого нисходящего тонов (*Mid-Fall, High-Fall*) среднего и широкого диапазонов. *Сдержанное согласие* реализуется низким нисходящим тоном (*Low-Fall*) узкого и среднего диапазонов. *Спорное согласие* находит свое отражение в восходяще-нисходящем и среднем нисходящем тонах (*Rise-Fall, Mid-Rise*) среднего диапазонов. *Уверенное согласие* оформляется высоким нисходящим, средним нисходящим и восходяще-нисходящим тонами (*High-Fall, Mid-Fall, Low-Fall, Rise-Fall*) среднего и широкого диапазонов.

Изучение просодических особенностей разговорного диалога англичан, выражающих различные виды согласия, позволяет говорить о том, что речь представителей британской лингвокультуры является очень яркой и эмоциональной, что составляет более половины положительных ответных реплик от общего числа случаев.

Таким образом, рассмотренные выше просодические параметры и характеристики реплик, содержащие, изучаемую категорию в исполнении дикторов англичан представляют собой эталонный вариант звучания. На основании, данного образца, становится возможным установить различные универсальные просодические оттенки коммуникативов согласия в оригинальном звучании, что в дальнейшем способствует выявлению причин возникновения просодической интерференции в ситуации двуязычия с учетом интонационной семантики различных видов согласия и создать механизм ее устранения.

Список литературы

1. Колокольцева, Т. Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи / Т. Н. Колокольцева. – Волгоград, 2001.

СТРАТЕГИЯ ПЕРСОНИФИКАЦИИ КАК ОДНА ИЗ МАНИПУЛЯТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА

В статье рассматривается стратегия персонификации в рамках теории дискурса. Данная стратегия понимается как особая группа лингвистических (языковых, дискурсивных, текстовых) и экстралингвистических средств, направленных на обращение автора к адресату как к личности, то есть к его персональным параметрам, выделяющих его из ряда остальных адресатов.

Известно, что все средства, используемые в рекламных текстах, как языковые, так и изобразительные, служат для воздействия на потенциального адресата с целью совершения последним действий, желательных для автора (манипуляции). Таким образом, манипулятивность является важной характеристикой рекламного дискурса.

Рекламный дискурс представлен достаточно многочисленным набором текстотипов, функционирующих в пределах исследуемого вида дискурса. Данные текстотипы обладают большим манипулятивным потенциалом и характеризуются своим набором манипулятивных стратегий.

Стратегии представляют собой когнитивно-прагматическую категорию, позволяющую адресанту (автору) управлять сознанием адресата максимально гибким и эффективным способом [Аникин, 2008, с. 3]. При этом коммуникативная стратегия понимается как система, составленная из организованных по принципу иерархии компонентов. Мы придерживаемся подхода, применяемого в отечественной лингвистике, согласно которому стратегия реализуется посредством набора речевых тактик, а также реализующих речевые тактики коммуникативных ходов (приемов) [Аникин, 2008, с. 9].

Среди всего разнообразия стратегий рекламного дискурса особое место занимают манипулятивные стратегии. Под речевыми манипуляциями понимается намеренное изменение ценностных установок в сознании адресата, формирование у него представления о действительности, выгодных манипулятору, в основе которых лежит свойство вариативности языка рекламы и ее мотивационная дифференциация [Булкина, 2004, с. 163]. Адресат рекламного текста сталкивается с манипулированием, которое создает иллюзию самостоятельности решения и действий адресата, оно происходит скрыто, неявно, в интересах манипулятора [Доценко, 1996, с. 59]. Манипуляция может осуществляться различными путями, среди которых самые распространенные – манипуляция через обращение к эмоциям, к социальным установкам (воздействие на сферу, отвечающую за социальное самочувствие человека: разделение на «своих» и «чужих»), обращение к представлениям о мире

(поведение человека определяется не только эмоциями, но и картиной мира, имеющейся у человека) [Доценко, 1996, с. 53].

Одним из средств выражения манипулятивности является использование стратегии персонификации. Манипулятивная стратегия персонификации понимается нами как особая группа лингвистических (языковых, дискурсивных, текстовых) и экстралингвистических средств, направленных на обращение автора к адресату как к личности, то есть к его персональным параметрам, выделяющих его из ряда остальных адресатов.

В рекламном и политическом дискурсах, которые по своей сущности являются институциональными, стратегия персонификации играет особую роль. Применение ее вуалирует институциональную сущность дискурса и придает черты личного общения между автором и адресатом. Успешность применения такой стратегии базируется на том, что в настоящее время усиливается потребность человека в общении, в признании, на эксплуатации базовых потребностей человека. Одной из таких потребностей, по мнению ученых, следует относить коммуникативную потребность человека.

Известно, что без постоянного информационного контакта невозможно полноценное развитие человека и нормальное функционирование социальных групп и общества в целом.

Любая коммуникативная стратегия реализуется посредством набора речевых тактик, а также реализующих речевые тактики коммуникативных ходов (приемов). Одним из средств реализации стратегии персонификации является тактика диалогизации.

Реклама представляет собой акт коммуникации, что находит отражение в диалогизации речи. Информация, предъявляемая в диалогической форме, действует более убедительно. Рекламный текст иногда включает имитацию разговорного стиля: эллиптичность, прерванный синтаксис, многосоюзие как воспроизведение скачков в развитии мысли, например: *Вдохновение от природы. От ее необычных оттенков. От ее небывалого света. Изобилие эффектов: переливающийся сатин лепестка, восковый глянец листка, матовая бархатистость пестика...* (каталог Ив Роше). В данном тексте присутствуют элементы монологической речи, которая как бы является частью диалога. Собеседник передает свои мысли, чувства при описании природы, используя эллиптические конструкции и незаконченные предложения, присущие внутренней речи.

Наиболее распространенным приемом диалогизации в рекламном дискурсе является использование глагольных форм 2-го лица повелительного наклонения. Глаголы повелительного наклонения 2-го лица единственного и множественного лица выполняют двоякую роль. С одной стороны, они приближают к себе адресата неформальностью общения. В рекламном лозунге *Улыбнись новому дню! – Meet tomorrow! (Avon)* в русском и английском вариантах используются глагольные формы повелительного наклонения. Эффект персонификации в данном случае, как нам кажется, возникает из-за применения форм, присущих личному общению. У адресата должно создаться

впечатление, что с ним беседует настолько близкий к нему человек, что он может называть его на «ты».

Стратегия персонификации реализуется также посредством тактики индивидуализации. Провоцирование к желаемым для автора действиям происходит с помощью обращения к чувству собственного достоинства, предполагает выражение уважения, большой заинтересованности и внимания по отношению к самому собеседнику. Используются также фразы, относящиеся к тактикам похвалы и лести: *Ваше мнение особенно ценно (адресная рассылка ИВ Роше)*. Получив подобные сообщения адресат вправе гордиться собой, и испытывает удовлетворение от того, что его достоинства оценены.

В рекламных текстах частотны способы передачи субъектной направленности за счет глагольных форм финитного характера, а также за счет сопровождающих местоименных показателей с функцией обобщения (ты, вы, мы, твой). *We never stop working for you (Verizon Wireless)*.

Ты – *you* – это любой, каждый, который планирует аналогичные действия, поступки – это конкретное лицо и его личные оценки и ощущения, которые могут стимулировать убеждение в истинности рекламной информации. Например, в рекламе косметической компании «Эйвон» и ряде других используются такие местоимения, как *ты, тебя, мы, наши*: *В новом году для новой тебя!*

К тактике индивидуализации относится нами демонстрация осведомленности, проявление автором знаний, включающих личные данные адресата. Например, многие компании по производству продуктов питания, косметики проводят анкетирование своих потребителей, выявляя их имена, адреса и даты рождения. В результате появляются тексты (чаще встречающиеся в прямой рассылке), содержащие личные обращения: *Dear professor Kurchenkov!* В случае, если автор не знает имени адресата, используются другие виды обращений, выполняющие функцию сближения с адресатом, например, *Дорогая подруга!*

Следующим способом реализации стратегии персонификации может послужить такая тактика, как метод присоединения [Шушпанов, 2008, с. 125]. Присоединение к адресату, а именно проявление особого внимания к его проблемам помогает снять психологический барьер недоверия. *Вы сеете хлеб, строите дом, занимаетесь спортом, растите и любите детей. Вы спокойно можете делать то, что вам нравится. Ваше спокойствие – наша забота... (Реклама страховой компании)*. В данном примере авторы рекламного текста проявляют понимание проблем потенциальных клиентов и выражают сочувствие и готовность помочь, как бы присоединяя к себе заботы адресата.

К тактике присоединения мы также можем отнести прием аффилиации (причисление себя к определенной социальной группе с более высоким социальным статусом через обладание предметом рекламы). При этом используются образы известных людей. При использовании в текстах рекламы данного приема потребитель осуществляет свое желание приблизиться к звезде. При использовании персонажей, обладающих личностными качествами, у

адресата возникает впечатление, как будто живой человек, известный или неизвестный, общается с ним. В рекламе сети магазинов Л' Этуаль используется образ известной и любимой в России певицы Патриции Каас, которая говорит: «*Я приглашаю Вас в Л' Этуаль!*».

В рекламном дискурсе, который по своей сущности является институциональным, стратегия персонификации играет особую роль. Применение ее вуалирует институциональную сущность дискурса и придает черты личного общения между автором и адресатом. Стратегия персонификации имеет свое выражение через тактики диалогизации, индивидуализации и присоединения.

Список литературы

1. Аникин, Е. Е. Стратегия сопоставления в российской и американской рекламе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Е. Аникин. – Тюмень, 2008.
2. Булкина, Е. В. Манипуляционные технологии как способ реализации прагматической установки гендерной рекламы / Е. В. Булкина // Лингвистика и межкультурная коммуникация : материалы Межрегион. конф. Поволжья и Сев.-Кавк. региона. – Волгоград, 2004. – С. 162–165.
3. Доценко, Е. Л. Психология манипуляции / Е. Л. Доценко. – М., 1996.
4. Шушпанов, С. С. Выразительные средства языка современной рекламы / С. С. Шушпанов // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире-2. Т. 1. – Волгоград, 2008. – С. 123–127.

В.В. Янина

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ ПОСРЕДСТВОМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ДЕЙКТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКОЙ

Целью статьи является рассмотрение пространственных прилагательных с точки зрения наличия в их семантике пространственного указания.

Категория пространства реализуется в любом языке конкретными лингвистическими единицами с их грамматическими, лексическими и словообразовательными значениями. Реализация категории пространства, может быть представлена в качестве функционально-семантического поля, ядром такого поля будут выступать единицы, наиболее часто используемые в речи.

В терминологии Ю.Д. Апресяна пространственная ориентация относительно лица, не являющегося субъектом речи, называется абсолютной, а пространственная ориентация относительно говорящего субъекта – относительной [Апресян, 1986, с. 278]. В абсолютных пространственных отношениях локализация осуществляется посредством фиксированных ориентиров, а в относительных – дейктическими средствами языка. Таким образом, дейктическая стратегия понимания пространства соотносится с

относительной ориентацией (*far, remote, etc.*); недейктическая – с абсолютной (*front, backward*) [Апресян, 1997: 278].

К средствам выражения пространственного дейксиса в художественном тексте относятся единицы, которые содержат в своей семантике указание на местоположение или направление движения относительно некоторого центра пространственной координации – любая точка пространства, когда местоположение предметов детерминировано реальной действительностью, безотносительно к субъекту речи. Практически каждая часть речи, включая служебные слова, может содержать дейктические единицы.

Пространственные прилагательные обозначают положение предметов относительно друг друга, при этом один предмет выступает в качестве ориентира, по соотнесенности с которым определяется местоположение другого предмета. Прилагательные с пространственно-дейктической семантикой, характеризуя объект или явление по его локативной связи с другим объектом или явлением, концентрируют внимание говорящих, прежде всего, на наличии самой связи. Обозначение пространственных отношений осуществляется дейктическими прилагательными посредством указания на такие отношения. Такой механизм хорошо объясняется термином, данным К. Бюлером: «указательное называние» [Бюлер, 1993, с. 76].

В ходе анализа словарных дефиниций нами было выделено пятьдесят прилагательных с пространственно-дейктическим значением, что составляет приблизительно половину от всех отобранных для анализа пространственных прилагательных. Дейктическим значением обладают прилагательные *near, next, close, distant, remote, far, left, right, high, low, upper, back, middle, central, opposite, front* и т. д.

Как показал анализ материала, в соответствии с тем, как исследуемые прилагательные отражают пространственно-дейктическую ситуацию (семантическая классификация пространственных прилагательных по типу выражаемых ими пространственных отношений), можно выделить следующие группы:

1) прилагательные, называющие пространственное отношение между ориентируемым и ориентиром (*close, upper, inner, down*). Данные прилагательные описывают такое положение ориентируемого, при котором оно занимает либо примыкающую к ориентиру позицию, либо отстающую от него на некоторое расстояние;

2) прилагательные, для которых ориентиром является вертикальное положение человека в пространстве или принятые пространственные координаты, а также косвенно указывающие на ориентир (*left, right, upper, lower, front, back*). Данные прилагательные участвуют в выражении разных пространственных ситуаций, таких, где косвенным, а иногда и прямым ориентиром служит вертикальное положение человека в пространстве;

3) значения, указывающие на местоположение объектов внутри/ вне ориентира, «находящийся внутри чего-либо», выражается прилагательными *inside, internal, inner*;

4) прилагательные со значением «занимающий определенное место относительно центра или края ограниченного пространства» (*central, middle, peripheral*);

5) прилагательные, объединяющиеся по семантическому признаку «удаленность» (*far, remote, distant*);

6) группа со значением «находящийся близко/далеко от чего-либо» включает прилагательные, которые объединяются по семантическому признаку «расстояние» (*near, distant, remote, close, next*);

7) прилагательные, выражающие идею последовательности, ряда в горизонтальной плоскости (*next, final, terminal*). В их семантику входит представление о последовательности, то есть расположение объектов и/или позиций по прямой линии, имеющей направленность. Характерным признаком таких прилагательных является определенное место в ряду предметов, явлений, событий и т. д., которое может характеризоваться относительно других предметов, явлений, событий, их порядка в ряду, относительного пространства;

8) прилагательные, объединяющиеся по семантическому признаку «направленность, предполагающая определенную форму объектов» (*parallel, vertical, horizontal*).

В отечественной лингвистике исследователи придерживаются точки зрения, что данные прилагательные не всегда функционируют как дейктические и в зависимости от контекста могут проявлять то дейктические, то недейктические черты [Бурлакова, 1997, с. 110–111]. Среди прилагательных имеется группа прилагательных дейктиков с пространственным значением, которые ориентированы относительно говорящего или адресата. Они образованы от соответствующих наречий: *left* левый / *right* правый, *back* задний / *front* передний, *far* дальний / *near* ближний и т. д. Ко второй группе относятся прилагательные, основным семантическим компонентом которых является расположение в самом пространстве, относительно чего-либо. Это прилагательные *near, far, front, back, close, right, left, middle, central, next* и т. д.

Прилагательные первой группы обозначают признак пространственности как внутренне им присущий, а значение прилагательных второй группы определяется только по отношению к чему-либо.

Таким образом, дейктическое значение пространственных прилагательных зависит от контекста и от семантики сочетающихся с ними единиц.

Например: (1) *He saw Cynthia turn from the **opposite** side, a small packet in her hand* (Archer J., 12); (2) *Vague purple hills in the **far** distance are on one side of the road* (Gordime N., 27); (3) *If at that moment you had then looked at the **next** table but one you would have seen Zaphod Beeblebrox sitting and looking very startled and confused* (Hammett D., 10).

В приведенных примерах прилагательные *opposite, far, next* выступают в дейктическом употреблении, поскольку несут пространственное указание на объекты, находящиеся вдали/вблизи от героев повествования и от рассказчика, то есть говорящего.

Пространственные прилагательные употребляются недейктически тогда, когда они обозначают присущие объекту характеристики, не зависящие от положения говорящего. Так, например, в выражении *his left hand* прилагательное *left* выступает в качестве обычного атрибута как недейктический знак, реализуя свое назывное лексическое значение, так как левая рука всегда остается левой.

Таким образом, рассмотрев пространственные прилагательные с точки зрения наличия в их семантике пространственного указания, то есть категории дейксиса, нами было выявлено, что в половине из отобранных пространственных прилагательных отражена данная категория. Нами также было обнаружено, что они могут функционировать как в дейктической, так и недейктической функциях, что свидетельствует о подвижности категориальных процессов, происходящих в глубинной семантической структуре языка.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян. – М., 1986.
2. Апресян, Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М., 1997.
3. Бурлакова, В. В. Дейксис в контексте / В. В. Бурлакова. – М., 1997.
4. Бюлер, К. Теория языка / К. Бюлер. – М., 1993

Источники

1. Archer, J. To cut a long story short / J. Archer. – L. : Harper Collins Publisher, 2000. – 350 p.
2. Gordime, N. Jump and other stories / N. Gordime. – N. Y. : Penguin Books, 1991. – 257 p.
3. Hammett, D. Selected Detective stories / D. Hammett. – N. Y. : Penguin Books, 1991. – 257 p.

И.А. Мурзинова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ФИКСИРОВАННЫЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ КАК ОСОБЫЙ ВИД КОНЦЕПТА ТИПИЗИРУЕМОЙ ЛИЧНОСТИ В КОЛЛЕКТИВНОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

В статье рассматривается особый вид концепта, исследуемый в рамках лингвокультурологии, – фиксированный лингвокультурный типаж, или концепт типизируемой личности, занимающей уникальную социальную позицию. Выявляется зависимость характеристик фиксированного лингвокультурного типажа от характеристик прототипной личности данного типажа, реально существующей в одном и том же временном интервале с представителями соответствующей лингвокультуры.

Антропоцентрическая направленность научной парадигмы, манифестировавшая себя в последние десятилетия двадцатого века во всех сферах науки, в лингвистике конца двадцатого века проявилась возникновением новой области знания – содержательной лингвистики. Языковое поведение личности не может рассматриваться вне социальных

процессов, на фоне которых происходит коммуникация индивидуумов, без учета признаваемых в том или ином лингвокультурном сообществе ценностей и норм поведения. В рамках коммуникативно-прагматического подхода к межкультурной коммуникации, пришедшего на смену простому перекодированию информации, наличие фоновых знаний сегодня признается необходимым условием адекватной интерпретации высказывания иноязычным реципиентом, а, следовательно, и успешной коммуникации. Осознав необходимость дополнения данных лингвистики экстралингвистической информацией исторического, психологического и социокультурного плана, лингвисты, продолжая использовать традиционные для языкознания описательные методы, все чаще обращаются к смежным дисциплинам в поисках объяснения тех или иных тенденций развития языка.

В свете вышеназванных изменений представляется весьма перспективной совсем еще «молодая» область лингвистического знания – теория лингвокультурных типажей, в рамках которой проводится изучение концептов культурно специфических типизируемых личностей, ценностно-значимых для того или иного лингвокультурного сообщества, существующих в языковом сознании носителей соответствующей лингвокультуры (В.И. Карасик, О.А. Дмитриева, Е.А. Ярмахова, В.В. Деревянская, А.Ю. Коровина, Л.П. Селиверстова, Т.В. Бондаренко и др.).

Лингвокультурный типаж – обобщенный тип личности, который в концентрированном виде воплощает важные культурно-специфические характеристики, свойственные для того или иного социума. Он узнаваем не только самими представителями конкретного этноса, но и представителями других этносов, соотносящих данный тип личности с тем социумом, в котором он распространен [Карасик, 2007]. В настоящей статье рассматривается особый тип концепта типизируемой личности – фиксированный лингвокультурный типаж.

Фиксированные лингвокультурные типажы – «обобщенные узнаваемые образы носителей определенной лингвокультуры, ассоциативно связываемые большинством представителей данной лингвокультуры с конкретной личностью или с небольшой группой личностей. Фиксированным типажам противопоставлены дисперсные типажы, ассоциируемые с неограниченным числом личностей» [Мурзинова, 2009, с. 5].

Вполне очевидно, что в социальной среде, где нет абсолютно идентичных личностей, типизация может быть осуществлена за счет выделения у исследуемых объектов как *интегральных* признаков, свойственных представителям данной социальной группы с точки зрения большинства представителей исследуемой лингвокультуры, так и *дифференциальных* признаков, отличающих каждого члена исследуемой социальной группы от остальных (по мнению части представителей социума). Данные признаки могут быть выделены на ассоциативном уровне лингвокультурного типажа преимущественно методом анкетирования или интервьюирования респондентов. Отметим, что интегральные признаки типажа не являются эквивалентом его объективных характеристик, они могут включать как

объективные, так и субъективные признаки типизируемой личности. Дифференциальные признаки типажа тоже могут быть субъективными или существовать в объективной реальности. Интегральные и дифференциальные признаки концепта типизируемой личности не эквивалентны его ядерным и периферийным признакам, так как они обнаруживаются на ассоциативно-образном и ценностном уровнях, не затрагивая понятийной составляющей концепта, в то время как ядерные и периферийные признаки могут быть выявлены на всех уровнях концепта.

С появлением в том или ином социуме определенной уникальной социальной позиции, мы можем говорить о потенциальной возможности возникновения как объективно существующих вне коллективного языкового сознания признаков, занимающей данную социальную позицию, так и ассоциативных характеристик, приписываемых коллективным языковым сознанием данной личности как представителю потенциальной социальной группы, то есть о возможности возникновения соответствующего лингвокультурного типажа. Характеристики данной уникальной культурно-специфической личности станут прототипной основой формирующегося лингвокультурного типажа, если они будут фиксироваться в языке данного социума. Особенностью такого типажа будет фиксация его ассоциативных признаков, существующих в коллективном языковом сознании, на одной личности – реально существующей в том же временном интервале, что и представители социума. Когда данную уникальную социальную позицию займет следующий представитель социума, в коллективном языковом сознании будет происходить «наращивание» новых ассоциативных признаков лингвокультурного типажа и постепенное исчезновение некоторых «старых» признаков в зависимости от характеристик новой прототипной личности. При этом признаки типизируемой личности, являвшиеся ранее интегральными, могут перейти в разряд дифференциальных, если они не будут свойственны новой реально существующей личности, занявшей данную уникальную позицию, в глазах большинства представителей лингвокультуры, а, следовательно, будут все реже фиксироваться в языке рассматриваемой лингвокультуры.

Поясним вышесказанное на примере. В ходе исследования фиксированного лингвокультурного типажа «британская королева» были опрошены 100 британских и 100 русскоязычных информантов в возрасте от 20 до 60 лет (преимущественно студенты и сотрудники высших учебных заведений Британии и России). Информантам было предложено написать небольшое сочинение, начинающееся словами «When I think of the British Queen(s), the following pictures come to my mind ...» («Когда я думаю о британской королеве (королевах), передо мной возникают следующие картины...»). Из всех полученных ответов нами были выбраны три фрагмента, позволяющие наиболее полно представить образы, возникающие в коллективном сознании британцев при реакции на стимул «королева Британии»:

(1) When I think of the British Queens in general a host of images float into my mind. One would be of Elizabeth I, «Good Queen Bess», dressed in her finery of silk embroidered bodice and her huge hooped skirts, glancing with disdain at the courtiers vying for her attention, whilst she says «I may have the body of a weak and feeble woman, but I have the heart and stomach of a King!» A second image would be of the great warrior queen of the ancient British tribe of the Iceni, Boudicea, a muscular and masculine figure, clad in animal skins and driving a chariot pulled by two massive, wild-eyed black stallions, as she exhorted her people to battle against the Roman invaders of her native lands. A third image would be of the pale-faced, slight but resolute figure of the young Elizabeth II as she took the oath of allegiance to the British throne in June 1953, swamped by the heavy cloak trimmed with ermine and carrying the orb and sceptre. A fourth image would be of the older, wiser and more care-worn figure of the present queen, as she talks of the «annus horribilis», ground down by schisms within society and within her family. A last image may be of Queen Victoria in her dotage, a dumpy and somewhat dowdy figure, just like anybody's grandmother, soured and disillusioned by life and by the loss of her great love, Albert, many years previously (из ответа информанта).

(2) ... I think of Queen Elizabeth, wearing one of her suits, reading a speech. I think of Queen Victoria rather as a statue (из ответа информанта).

(3) When I think about the Queen I am reminded of her physical presence. Elderly, but still attentive and active in her duties. Above all, she is dressed either in the paraphernalia of the state (tiara, gown, jewelry, etcetera) or in the more common aristocratic dress of hat and coat and gloves (из ответа информанта).

Данные примеры подтверждают наличие устойчивых представлений о королевах в британском коллективном концептуальном сознании. При анализе анкет нами были выявлены как интегральные, повторяющиеся признаки типажа «британская королева» (*reading a speech, wearing one of her suits, swamped by the heavy cloak trimmed with ermine, carrying the orb and scepter, dressed either in the paraphernalia of the state (tiara, gown, jewelry, etcetera) or in the more common aristocratic dress of hat and coat and gloves*), отмечаемые большинством информантов, так и дифференциальные (периферийные, не повторяющиеся в коллективном сознании) характеристики этого типажа (*clad in animal skins, huge hooped skirts, a dumpy and somewhat dowdy figure*). Мы видим, что интегральные характеристики рассматриваемого типажа, выделенные большинством представителей британской лингвокультуры (более 50 %), включают как характеристики типизируемой личности, свойственными любой британской королеве (*reading a speech, swamped by the heavy cloak trimmed with ermine, carrying the orb and scepter, dressed [...] in the paraphernalia of the state (tiara, gown, jewelry, etcetera)*), так и признаки, характеризующие исключительно правящую королеву Британии Елизавету Вторую (*wearing one of her suits, elderly, but still attentive and active in her duties*). Дифференциальные же признаки типажа «британская королева», как правило, являются периферийными признаками данного концепта и часто совпадают с характеристиками предшествующих британских королев.

Подведем основные итоги. Типизация личности, занимающей уникальную социальную позицию в лингвокультуре, осуществляется за счет выявления в коллективном языковом сознании интегральных (повторяющихся) признаков, свойственных личностям, когда-либо занимавшим данную уникальную социальную позицию, и их отграничения от дифференциальных (индивидуальных, не повторяющихся) признаков. Особенность фиксированных лингвокультурных типажей заключается в том, что их интегральные признаки могут совпадать с характеристиками одной прототипной личности, реально существующей в том же временном интервале, что и представители лингвокультуры, породившей данный типаж.

Список литературы

1. Бондаренко, Т. В. Лингвокультурный типаж «английский дворецкий» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Бондаренко. – Волгоград, 2009. – 21 с.
2. Деревянская, В. В. Лингвокультурный типаж «британский колониальный служащий» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. В. Деревянская. – Волгоград, 2008. – 21 с.
3. Дмитриева, О. А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О. А. Дмитриева. – Волгоград, 2007. – 24 с.
4. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2007. – 520 с.
5. Коровина, А. Ю. Лингвокультурный типаж «сноб» в английской художественной литературе / А. Ю. Коровина // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. – Волгоград : Парадигма, 2005. – С. 223–233.
6. Мурзинова, И. А. Лингвокультурный типаж «британская королева» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. А. Мурзинова. – Волгоград, 2009. – 24 с.
7. Селиверстова, Л. П. Лингвокультурный типаж «звезда Голливуда» : дис. ... канд. филол. наук / Л. П. Селиверстова – Волгоград, 2007. – 186 с.
8. Ярмахова, Е. А. Лингвокультурный типаж «английский чудака» : дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Ярмахова. – Волгоград. 2005. – 191 с.

Е.В. Степанова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛОЯЗЫЧНОГО И РУССКОЯЗЫЧНОГО РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА В СВЯЗИ С ФАКТОРОМ АДРЕСАТА

Статья посвящена изучению различий рекламного дискурса на материале английского и русского языков в связи с фактором адресата. При этом мы исходим из того, что лингвопрагматический потенциал рекламного сообщения детерминируется, прежде всего, его адресатными характеристиками, а не свойством рекламируемого товара или услуги. Именно поэтому в качестве объекта исследования рассматриваются англоязычные и русскоязычные печатные коммерческие рекламные тексты, имеющие определенную товарную категорию и адресную ориентированность.

Прототипами участников рекламной коммуникации являются «продавец» и «покупатель». Их общение дистантно во времени и пространстве и

осуществляется с помощью особого типа текстов и каналов связи. С точки зрения дискурсивной деятельности ее участниками являются рекламодаделец и целевая аудитория (адресат рекламы). Объективные характеристики участников рекламной коммуникации и дискурсивной деятельности при схожести выполняемых функций существенно различаются: покупатель – контактный, личный, единичный и индивидуальный, адресат рекламы – дистантный, анонимный, многоликий, многочисленный.

Вместе с тем каждый текст коммерческой рекламы адресован, как правило, определенной категории населения. В силу этого осуществляется учет адресантом таких характеристик, как возраст, достаток, образование, национальность, религия, социальный статус, жизненные потребности, личностные ориентиры адресата, что образует его покупательную способность.

Лингвопрагматический потенциал англоязычного и русскоязычного рекламного дискурса раскрывается с учетом ориентации адресанта на определенную аудиторию. Учитываются социальные параметры, психологические особенности адресата и мотивация вероятностной покупки (экономия, престиж, удобство ее использования, утилитарная выгода и т. д.).

Наличие коммуникативных компетенций и пресуппозиций у участников коммуникации определяет структурные и семантические особенности организации текста. Семантическая и прагматическая компетенции являются наиболее существенными для адресанта и для адресата: первая ответственна за соотносительность знака с действительностью, вторая характеризует степень осведомленности адресанта о культурно-специфических, национальных, гендерных и прочих особенностях реципиента.

Дискурсивная деятельность в рекламе асимметрична: адресат присутствует в ней лишь гипотетически, однако учет его коммуникативных компетенций, потребностей и возможностей определяет выбор адресантом вербальных средств воздействия. Восприятие одними адресатами рекламы, предназначенной другим реципиентам, не приводит к ожидаемому перлокутивному эффекту, поэтому при создании текстов адресантом учитываются вполне определенные социальные, возрастные, гендерные параметры адресата и отбираются наиболее эффективные средства речевого воздействия.

Фактор адресата в рекламе рассматривается как причина, движущая сила, социально-культурная основа, детерминирующая выбор адресантом вербальных средств воздействия, организующая сообщение, его структуру, отдельные элементы лингвистического и экстралингвистического порядка, с учетом поведенческих мотивов, социальных, культурных, возрастных, гендерных, психологических признаков и потребностей различных групп реципиентов. В данной работе мы анализируем ориентированные на определенные социальные, возрастные и гендерные группы реципиентов англоязычные и русскоязычные тексты, которые рекламируют схожие товары и услуги, выявляем некоторые лингвокультурные различия в вербальной реализации замысла адресанта.

В британской и российской рекламе обнаружены устойчивые тенденции языковой реализации в линейной и синтагматической структуре текста, предназначенного определенной группе адресатов, имеющего определенную товарную категорию. Потребительская группа «косметические товары» в равной степени представлена в англоязычных и русскоязычных рекламах, ориентированных на женщин, принадлежащих различным социально-возрастным категориям.

В британской рекламе вербальная презентация данных товаров имеет значительные различия в социально-классовой парадигме. Так, в рекламных текстах, предназначенных высшему и высшему среднему социальным классам, акцент делается на реальные потребительские свойства объекта рекламирования. Для этого на лексическом уровне широко используются нейтральные абстрактные единицы (*style, colour, step, time, control, information, direction, range*), цифровые данные (*3 minute repair, up to 3 %, 16 hours, 6 silky shades, SPF15, 24 colours, 60 seconds*), качественные определения (*shimmering, moisturizing, multi-faceted, luscious*).

В англоязычных рекламных сообщениях с потребительской категорией «косметические товары», предназначенных женщинам среднего и низшего социальных классов, свойства объекта рекламирования имеют меньшее значение; акцент переносится на его имиджеобразующие функции. Данный эффект достигается за счет использования лексем, подчеркивающих уникальность рекламируемого объекта (*unique, always, constantly, any, cheap, wide, new, free*), эпитетов (*charming, beautiful, fantastic, ideal*), превосходной степени прилагательных и наречий (*our largest picture to date, roughest, driest skin, lightest on your skin*) и пр. Еще одной яркой характеристикой текста является его значительная императивность. В английском языке существует определенный набор средств, использующихся для побуждения: различные формы императива, инфинитива, индикативные конструкции, формы сослагательного наклонения, оценочные средства, определенные вопросительные конструкции и др. Наиболее распространенным средством императивности в английской рекламе, ориентированной на указанную группу адресатов, является повелительное наклонение (*Take this opportunity to enjoy nature's most heavenly offerings at down-to-earth prices! Cleanse and exfoliate! See if you like it before you buy it! See it! Feel it!*).

В русскоязычной рекламе с потребительской категорией «косметические товары» социальные различия реципиентов в меньшей степени влияют на текстовую составляющую: вербальная презентация имеет значительные различия для возрастных групп. Так, для адресатов подросткового, старшего среднего и пожилого возрастов свойственна большая императивность (*Узнай, какая ты в глазах парней! Найди свою вторую половинку! Подберите именно Ваше средство для стареющей кожи! Открой чарующий мир продуктов линии Спа: технология для здоровья!*). Однако в отечественной рекламе место императивности менее значительное в сопоставлении с англоязычными текстами, где она иногда является текстообразующей категорией в различных социально-возрастных и гендерных парадигмах.

Кроме того, для смягчения побудительности русскоязычного рекламного текста, ориентированного на данную возрастную группу, используются лексические средства, выражающие заботу об адресате (*Найдите лучшее средство для поддержания естественной красоты*). Лексика придает рекомендательный характер высказыванию уменьшает его прямую регулятивность. Побуждение адресата к действию мотивируется такими стремлениями, как забота о нем, интерес к его жизни, стремление заинтересовать, привлечь внимание. Имеют место вербальные средства, которые включают семантические составляющие «ценности семейной жизни и дружбы», «взаимовыручка и помощь», «красота и забота» (*регулярное применение поможет избавиться от морщин, польза неоспорима, нежная забота, мягкий на ощупь, нежно успокаивает, самая чувствительная, здоровая и сияющая*).

В русскоязычных рекламных текстах с потребительской категорией «косметические товары», предназначенных женщинам подросткового и старшего возраста, используются личные и притяжательные местоимения второго лица, которые при помощи прямого обращения создают иллюзию живого общения. В зависимости от возраста реципиентов употребляются формы единственного или множественного числа (*Каждую минуту Ваша кожа подвергается воздействию специфической офисной среды. Теперь у Вас идеальный тон. Как будто ты только что нанесла помаду! Твои губы переливаются бесконечно*).

В британской рекламе выделенной потребительской категории чаще используются личные и притяжательные местоимения третьего лица, номинирующие потенциального адресата (*She wanted control. Though her hair was flat. When a woman's five she needs love and a little applied psychology.*)

Таким образом, учет объективных и субъективных параметров адресата англоязычного и русскоязычного рекламного дискурса детерминирует адекватный типу получателя сообщения выбор вербальных средств при создании рекламного текста, что определяет его лингвопрагматический потенциал.

Л.Ф. Воскресенская

**Волгоградская государственная академия физической культуры
(Волгоград, Россия)**

КОНЦЕПТЫ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ СПЕЦИАЛИСТА

В статье анализируются концепты языкового сознания в контексте формирования профессионального образа мира; определяется роль профессионального дискурса в процессе межкультурной коммуникации. Делается вывод о возможности формирования сферы профессиональных концептов, определяющих основу профессионального образа мира будущего специалиста.

Человек формирует объем знаний в процессе существования в мире, который А.Н. Леонтьев называл образом мира. Эти знания не являются результатом специальной познавательной деятельности человека, это – результат его сопричастности природной и социальной жизни. Образ мира представляет собой основу любой познавательной деятельности, базу для целенаправленной активности человека, вследствие которой формируется профессиональный образ мира. Формирование профессионального образа мира является одной из задач обучения специалиста.

Известно, что образ мира складывается из множественности мыслительных форм отражения – мыслительных образов или концептов. В современной науке выделяется три основных типа концептов:

1. Представления – обобщенные чувственно-наглядные образы предметов или явлений. Концепты-представления выступают в качестве смысловой стороны преимущественно лексических единиц конкретной семантики и характеризуются различными уровнями образности. Так, если концепты-представления «автобус, кровь, газета, яблоко» демонстрируют высокую яркость наглядно-образного содержания, то лексемы «холод, сон, деталь» характеризуются низким уровнем образности.

2. Гештальты – комплексные, целостные функциональные структуры, упорядочивающие многообразие отдельных явлений в сознании. Гештальт как вид концепта представляет собой закрепленный словом целостный образ, совмещающий чувственные и рациональные элементы, а также объединяющий динамические и статические аспекты отображаемого объекта или явления. Гештальты образуют семантическое содержание абстрактной лексики и являются содержанием таких лексем как религия, быт, математика, молчание, судьба, профессия.

К гештальтам относятся и концепты, толкуемые через прототипы, к примеру, родовые термины или собирательные единицы типа *птица, цветок, обувь, животное, посуда*, а также фреймы и сценарии типа *супермаркет, класс, экскурсия, пикник*.

3. Понятие – образ наиболее общих, существенных признаков предмета или явления, результат рационального отражения основных, существенных признаков предмета. Например: звезда – светящееся раскаленное космическое тело; квадрат – прямоугольник с равными сторонами; инженер – специалист технической области, имеющий высшее образование (З.Д. Попова, И.А. Стернин, Г.В. Быкова, Н.Ф. Алефиренко и др).

Понятие – это результат целенаправленного осмысления предмета или явления, преследующего цель отграничить предмет от сходных, либо обозначить существенные признаки предмета для его изготовления. Таким образом, понятия формируются преимущественно в научной и производственной сфере, образуя лексические пласты терминов и профессионализмов.

Представления, гештальты и понятия тесно переплетаются как в мыслительной деятельности человека, так и в его коммуникативной практике. Одно и то же слово может реализовать либо гештальт, либо понятие, либо

представление. Так, лексема «деньги» в научном экономическом тексте будет выступать как понятие, в практике бухгалтерской работы – как гештальт, а в бытовой коммуникации – как единица конкретной семантики – представление, то есть в различных дискурсах может представлять собой различные уровни мыслительной абстракции.

Диада «сознание – язык» сегодня не воспринимается однозначно прямолинейно. Исследования Л.С. Выготского, А.Р. Лурия, Н.И. Жинкина, А.А. Леонтьева, И.Н. Горелова, многочисленные экспериментальные исследования показали, что механизм мышления не связан с вербальным кодом и осуществляется независимо от языка. Мышление осуществляется на так называемом универсальном предметном коде (смысловом коде), имеющем образно-чувственный характер. Доказано, что к языку как системе знаков универсальный предметный код не имеет отношения, он формируется в сознании каждого человека на отражательной основе, через органы чувственного восприятия. При возникновении у субъекта необходимости выразить свою мысль в языковой форме универсальный предметный код через механизмы так называемых кодовых переходов перекодируется в языковые знаки. В этом процессе перекодирования присутствует промежуточный код, которым является внутренняя речь – особый код, обладающий чертами и универсального предметного кода, и реальной речи. Затем внутренняя речь перекодируется в громкую (внешнюю) речь, причем громкая речь может выступать в зависимости от коммуникативной задачи в виде скрытой артикуляции, шепотной и собственно громкой речи.

Таким образом, в профессиональном образовании речь идет об овладении системной организацией признаков объекта, обозначенного словом.

Прагматический уровень языковой личности, отражающий жизненные цели, поведенческие мотивы и установки, в большей степени проявляется в общении, формируя личностный дискурс. В профессиональной сфере мы разграничиваем два вида деятельности: общение и коммуникацию. Под общением мы понимаем установление и развитие социальных связей в рамках осуществления профессиональной деятельности. Коммуникация – организация коллективной деятельности и участие в процессе коллективного мышления. Успешность в подавляющем большинстве современных профессий зависит от дискурсной компетенции личности, то есть способности к адекватному выбору и осуществлению речевых и поведенческих паттернов в типичных и нестандартных коммуникативных ситуациях, связанных с профессиональной деятельностью. Обучение профессиональной дискурсной компетенции должно быть предметом обучения в вузе, особенно специальностям типа «человек – человек». Например, в процессе коммуникации медиков, психологов, менеджеров необходимо применение большого количества терминов и профессионализмов. Однако их общение со своими пациентами, клиентами даже в рамках профессиональной деятельности должно быть иным, поскольку применение профессиональной лексики может создать барьер общения между специалистом и человеком, нуждающимся в его помощи. Так, если человеку, обратившемуся к психологу, после диагностики темперамента сказали, что он – холерик, человек, не владеющий этим понятием,

может подумать, что его оскорбили, а при упоминании о шизофренической акцентуации может решить, что ему поставили медицинский диагноз.

Профессиональный дискурс проявляется и в процессе межкультурной коммуникации, которая обычно понимается как общение носителей разных этнических культур. Однако ее можно рассматривать и как общение носителей корпоративных культур, то есть представителей объединений, создаваемых на основе профессиональных интересов. При помощи метафоры «носитель профессиональной культуры» возможно описание тех аспектов человеческого сознания, которые сформировались при «присвоении» им определенной профессиональной культуры: перцептивные, полученные от органов чувств; концептуальные, формируемые в ходе мыслительной деятельности; процедурные, описывающие способы и последовательность использования перцептивных и концептуальных данных. Например, у носителя инженерно-технической культуры в той или иной степени сформировано профессиональное сознание, состоящее из образов и представлений современного промышленного производства, объединяющего всех специалистов, занятых в его организации.

Коммуникация представителей разных профессий неизбежна в современном социуме, когда профессиональная деятельность становится все более узкой и специфичной. Специфичен и сам процесс подобной коммуникации, что проявляется 1) в выборе речевых стереотипов, который осуществляется в соответствии со стратегиями действий, сформированными в профессиональном сознании; 2) в специфике образов сознания, отображающих предметы конкретной корпоративной культуры. Для достижения взаимопонимания необходимо, чтобы коммуниканты обладали общекультурными навыками речевого общения, а также представлениями об особенностях профессионального речевого сознания своих партнеров.

При овладении гештальтами профессионального образа мира специалист должен предвидеть результат их применения в ситуациях как профессиональной, так и межкультурной коммуникации. Так, гештальт «больница» для медика – место и условия осуществления его профессиональной деятельности, для больного это – сценарий, связанный с драматическим изменением его привычного психологического пространства, для администрации города (поселка) это – инфраструктура, обеспечивающая функционирование важного социального учреждения. Врач, общающийся с представителями разных категорий людей, должен учитывать тот гештальт, который сформирован в сознании его коммуниканта.

Процесс получения высшего профессионального образования можно представить как овладение профессиональными гештальтами в их статическом и динамическом аспектах.

Краткий анализ языковой сознания профессионала позволяет высказать мысль о возможности целенаправленного формирования сферы профессиональных концептов, что способно определить основу профессионального образа мира будущего специалиста.

Таким образом, говоря о влиянии современной парадигмы высшего профессионального образования на языковое сознание будущего специалиста

можно утверждать, что в ходе обучения студент не просто выучивает определенное количество терминов, он овладевает концептами различных уровней абстракции, которые складываются в его сознании в профессиональный образ мира.

И.К. Кириллова

**Волжский гуманитарный институт (филиал)
Волгоградского государственного университета (Волгоград, Россия)**

КОНЦЕПТЫ EDUCATION И STUDENT В АНГЛОЯЗЫЧНОМ УНИВЕРСИТЕТСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается понятие концепта *education* как одного из ключевых в англоязычном университетском дискурсе. На материале лексикографических источников описываются языковые средства репрезентации данного концепта.

За всяким институциональным дискурсом закреплена специфическая концептосфера, представляющая собой совокупность концептов, релевантных для данного типа дискурса. Концепт – это психическое, ментальное и социально-культурное образование, содержание которого может быть исследовано с помощью привлечения лингвистики, культурологии, страноведения, когнитологии, этнологии и ряда других дисциплин. В когнитивной лингвистике термин «концепт» является базовым и разрабатывается в работах С. А. Аскольдова, Е.С. Кубряковой и других. Более или менее общепринятым стало определение Е.С. Кубряковой. В ее теории делается упор на универсальность данного термина и стоящего за ним содержания: «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания» [Кубрякова, 1996, с. 116]. С.А. Аскольдов полагает, что наиболее существенной функцией концептов как познавательных средств является функция заместительства. «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов, 1997, с. 45]. К основным признакам концепта когнитивисты относят: оперативность, отражение содержания человеческой деятельности, наличие инвариантного стержня, гибкость и подвижность [Слышкин, 2000, с. 40].

Концепт *education* (образование) является одним из ключевых концептов англоязычного университетского дискурса, так как фактически, он представляет собой цель дискурса и, одновременно, его результат. Лексическая единица *education* появилась в английском языке около 1525–35 гг. как заимствование через французский из латинского, в котором она имела форму *educātiōn*, которая была образована от основы глагольной формы *educātus* (пассивного причастия глагола *educāre* = bring up, rear, educate) с помощью суффикса *-iōn*, имеющего генерализованное значение *action or condition*. Значение *providing schooling* было впервые зафиксировано в произведении Шекспира 1588 года [OED].

В современном английском языке слово *education* употребляется в трех основных значениях: 1) *the act or process of imparting or acquiring particular*

knowledge or skills; 2) the knowledge or skill obtained or developed by a learning process; 3) a program of instruction of a specified kind or level.

Категориальными компонентами значения лексемы *education* являются *knowledge* = acquaintance with facts, truths, or principles, as from study or investigation; familiarity or conversance, as with a particular subject or branch of learning и *skill* = the ability, coming from one's knowledge, practice, aptitude, etc. to do something well; a craft, trade, or job requiring manual dexterity or special training in which a person has competence and experience. Кроме того, компонентный анализ лексикографических значений лексемы *education* выявляет двусторонний характер концепта, заключающийся в активной роли обоих участников образовательного процесса: *education* = the act or process of imparting or acquiring general knowledge, developing the powers of reasoning and judgment, and generally of preparing oneself or others intellectually for mature life [RHUD]. Таким образом, в разных контекстах будет актуализироваться один из дифференциальных признаков *imparting of knowledge* или *acquisition of knowledge*.

Ценностная составляющая концепта вербализуется с помощью следующих паремиологических единиц, в семантике которых содержится высокая оценка образования как ключа к одной из главных ценностей западного мира – свободе: *Only the educated are free. Nothing is more powerful and liberating than knowledge. Education is the key to unlock the golden door of freedom. The roots of education are bitter, but the fruit is sweet. Half knowledge is worse than ignorance. Little knowledge is a dangerous thing.*

Лексема *education* входит в следующие синонимические ряды, противопоставленные по семантическим компонентам, обозначающим процесс и результат образования:

1. сема '*instruction*': *coaching* < *coach* = to train or tutor [AHD]; *drilling* < *drill* = to instruct thoroughly by repetition in a skill or procedure [AHD]; *schooling* = the process of being taught at school, the act of teaching [RHUD]; *training* < *train* = to make proficient with specialized instruction and practice, to coach in or accustom to a mode of behavior or performance [AHD].

2. сема '*knowledge*': *background* = one's origin, education, experience, etc., in relation to one's present character, status, etc. [RHUD]; *culture* = the quality in a person or society that arises from a concern for what is regarded as excellent in arts, letters, manners, scholarly pursuits, etc. [RHUD]; *erudition* = knowledge acquired by study, research, etc. [RHUD]; *learnedness* = profound scholarly knowledge [AHD]; *literacy* = the condition or quality of being literate, especially the ability to read and write, the condition or quality of being knowledgeable in a particular subject or field [AHD].

Концепт *student* (студент) номинирует клиента университетского дискурса и, следовательно, является важным элементом концептосферы англоязычного университетского дискурса. Подобно лексеме *university*, лексема *student* характеризуется как высокой частотностью в текстах англоязычного университетского дискурса, так и более широкой сочетаемостью, чем традиционный русский эквивалент «студент».

Лексическая единица *student* появилось в средне-английском приблизительно в 1350–1400 гг. в форме *student*, *studiant* как заимствование из

старо-французского: *estudiant* – причастие настоящего времени от глагола *estudier* (который в свою очередь был заимствован из латинского *studiāre*, дериватива от существительного *studium* = *application, eagerness*, которое также является производным от основы глагола *studere* = *to be busy with, devote oneself to, concentrate on*. Современный глагол *study* в средне-английском имел форму *studien* и был заимствован из старо-французского (*estudier*, см. выше) [OED].

В университетском дискурсе лексема *student* функционирует в одном значении: *a person who is studying at a place of education or training*. Компонентный анализ значения данной лексемы на материале словарных дефиниций выявляет наличие в понятийной составляющей концепта следующие семы: *engagement in studying* и *membership in an educational institution* (*student* = a person formally engaged in learning, esp. one enrolled in a school or college [RHUD]; a person who studies a subject, esp. at a college or university [OALDCE]; a person engaged in studying, esp. one under instruction at a university or an institution giving professional or technical training [POD]; a person who is studying at a place of education or training [LASDE]); a person following a course of study in a school, college or university [AHD].

Углубить понимание семантической структуры концепта *student* можно через анализ значений лексемы *study*, который выявляет наличие в семантике данной лексемы таких компонентов как *acquisition of knowledge* (*study* = to apply oneself to the acquisition of knowledge of a subject [RHUD]; acquire information, esp. from books; pursuit of some branch of knowledge [POD]), *use of memory* (*study* = to endeavor to learn or memorize [RHUD]), *use of attention* (*study* = to give time and attention to learning or discovering something [AHD]; make efforts to learn, be a student, examine carefully, pay great attention to, give thought and consideration to [OALDCE]).

Ценностная составляющая концепта *student* характеризуется утверждением важности постоянной практики и упражнений в процессе приобретения знаний, а также способности делать выводы и извлекать пользу из своих ошибок, то есть фиксирует в языке важные и общепризнанные когнитивные стратегии:

1. While studying one should do exercises and practice.

Practice makes perfect. Soon learnt, soon forgotten. Practice is the best master. Repetition is the mother of learning. [POD, OALDCE]

2. One should correct his / her mistakes and learn from them.

He that never changes his opinion never corrects his mistakes, will never be wiser on the morrow that he is today. You don't drown by falling in the water; you drown by staying there. The wisest person is not the one who has the fewest failures but the one who turns failures to best account. Laugh at your mistakes and praise yourself for learning from them. Be thankful for your mistakes. They will teach you valuable lessons. [POD, OALDCE]

Лексема *student* является доминантной в синонимическом ряду лексических единиц, номинирующих клиента университетского дискурса, которые объединяются категориальными компонентами концепта *student* и дифференцируются по ряду признаков, таких как возраст, пол, год или стадия

обучения: *pupil* = a person, usually young, who is learning under the close supervision of a teacher at school, a private tutor, or the like; *schoolboy/girl* = a boy/girl attending school; *freshman* = a student in the first year of the course at a university, college, or high school; *sophomore* = a student in the second year of high school or college; *undergraduate* = a student in a university or college who has not received a first, esp. a bachelor's, degree; *graduate* = a person who has received a degree or diploma on completing a course of study, as in a university, college, or school, a student who holds the bachelor's or the first professional degree and is studying for an advanced degree; *coed* = a female student in a coeducational institution, esp. in a college or university; *disciple* = a person who is a pupil or an adherent of the doctrines of another [RHUD].

Кроме того довольно частотны стилистически маркированные синонимы лексемы *student* (коннотация 'informal'): *grind* = an excessively diligent student; *frosh* = a college or high-school freshman; *freshie* = freshman; *soph* = sophomore; *undergrad* = undergraduate; *grad* = graduate [RHUD].

Список литературы

1. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. проф. В. П. Нерознака. – М., 1997. – С. 276–379.
2. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова. – М., 1996. – 400с.
3. Слышкин, Г. Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) / Г. Г. Слышкин // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. – Волгоград, 2000. – С. 38-45.
4. LASDE = Longman's Active Study Dictionary of English. – Харлоу : Лонгман групп лимитед ; М. : Рус. яз., 1988.
5. OED = Online Etymology Dictionary. Douglas Harper. – 2001.
6. RHUD = Random House Unabridged Dictionary. – Random House, Inc. – 2006.
7. OALDCE = Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – М. : Russian Language Publishers ; Oxford : Oxford University Press, 1982.
8. AHD = The American Heritage Dictionary of the English Language. – Houghton Mifflin Company, 2006.
9. POD = The Pocket Oxford Dictionary. – Oxford : Oxford University Press, 1933.

Н.П. Федорова

**Волжский гуманитарный институт (филиал)
Волгоградского государственного университета (Волгоград, Россия)**

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ И ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЕ

В статье рассматривается конфликт коммуникативных дистанций, приводящий к тому, что представители различных культур не только по-разному организуют коммуникацию, но и по-разному воспринимают сообщения других.

Преодоление социокультурной интерференции возможно лишь тогда, когда «... коммуниканты работают на основе сходных образов, ... на общности знаний, ... предваряющих и определяющих восприятие (смысл) языкового знака» [Томахин,

1984, с. 13]. Поэтому текст, содержащий новую информацию, надстраивает над фоновыми знаниями новое знание, которое может быть адекватно проинтерпретировано благодаря связи с уже имеющимся знанием. Таким образом, закладывая фоновые знания об иносоциуме, мы предупреждаем социокультурную интерференцию, формируем готовность обучаемых к восприятию «языка как отоображения иной социокультурной реальности» [Леонтьев, 1996, с. 44].

В качестве единицы, лежащей в основе овладения социокультурными (фоновыми) знаниями, выделяют пресуппозицию «как невербальный компонент коммуникации, как сумму условий, предпосылаемых собственно речевому высказыванию и являющихся национально-специфическим индикатором интракультурного общения» [Халеева, 1989, с. 164]. Знание о мире фиксируется в текстах, содержание которых структурируется на основе определенных фреймов, включающих инокультурные концепты. Овладевая ими, обучаемые обогащают свой социокультурный опыт.

Традиционно лингводидакты опираются на положение о том, что знание не передается, а только возбуждается, то есть передаваемая в тексте информация «вызывает из сознания» фоновые знания, которые хранятся там в виде фреймов [Wolf, 1983], вследствие чего «воспринимаемый знак вызывает лишь возникновение образа, уже имеющегося в сознании реципиента» [Томахин, 1984, с. 13]. Фоновые знания постоянно уточняются, перефокусируются, перестраиваются, приумножаются благодаря аутентичным текстам, введению новых параметров и связей в известные когнитивные структуры, вследствие чего когнитивная перестройка фреймов выступает обязательным условием приближения к содержанию когнитивной структуры представителя иносоциума.

Параметры, определяющие коммуникативно-поведенческую специфику представителей иносоциума и провоцирующие социокультурную интерференцию, связаны преимущественно с: отношением ко времени (полихронные / монохронные / реактивные культуры; ориентацией на настоящее / прошлое / будущее; доминирующими межличностными проявлениями (индивидуализм / коллективизм); гендерно-детерминированным типом культуры (фемининные / маскулинные культуры); преобладающим коммуникативным стилем (высоко контекстные / низко контекстные культуры). Пресуппозиции, как единицы фонового знания, также отражают принятые в социуме: дистанцию власти (вертикальные / горизонтальные культуры); параметры пространства (личное / социальное / общественное); тип мышления (бытийные / акциональные культуры); универсальные и национально специфические ценности культуры.

Перечисленные параметры вместе образует лингвосемиотическую концептосферу другой культуры [Hall, 1959; Hofstede, 1988; Kluckhohn, 1962; Kluckhohn, Strodbeck, 1961; Mole, 1999; Sitaram, Cogdell, 1976; Trompenaars, 1994], осознание которой помогает предотвратить социокультурную интерференцию, сформировать этнорелятивизм в отношении представителей инофонного социума. Разноуровневые параметры инокультурных знаний, необходимых для преодоления социокультурной интерференции, могут быть представлены при помощи фреймов, которые объединяют лингвистические,

коммуникативные, поведенческие и социокультурные знания и умения, концепты, ценности и предписания, принятые в иноязычном социуме. Нельзя не согласиться с преимуществами обучения фоновым знаниям по фреймовым сценариям вследствие их многокомпонентности и многоуровневости, которые позволяют классифицировать общее знание в соответствии с определенными областями реальной действительности и образовывать, таким образом, различные, в той или иной степени взаимосвязанные модели действительности. В этом проявляется отличие фрейма от ситуации, «сконструированной, как правило, на когнитивной базе родного лингвосоциума, но при этом еще и умело облегченной от всех реальных подробностей жизни, (а потому фактически не представленной в структуре сознания ...)» [Халеева, 1989, с. 182].

Т. Парсонс выделяет пять социокультурных параметров, которые являются определяющими для понимания действий представителей различных культур: 1) эмоциональность (предпочтение отдается чувствам, эмоциям) – нейтральность (приветствуются практические взгляды); 2) интересы личности – интересы коллектива; 3) универсализм (общие стандарты для разных ситуаций и групп) – партикуляризм (разные стандарты в зависимости от ситуаций); 4) специфичность коммуникации (взаимодействие для специальных нужд) – диффузность (взаимодействие для разных видов деятельности); 5) авторитет (определяющее значение статуса) – результат (определяющее значение жизненных результатов человека) [Parsons, 1982].

Конфликт коммуникативных дистанций, свойственных азиатским и европейским культурам, приводит к тому, что их представители воспринимают друг друга настороженно: европейцы и американцы относятся к азиатским партнерам как «слишком гордым», «настойчивым» и «фамильярным», требующим постоянного уважения к себе и своим обычаям, последние же считают европейцев и американцев «холодными» и «высокомерными». Коммуникативная дистанция, по мнению Э. Холла, взаимосвязана со специфической организацией временного континуума различными социумами, которую можно свести к двум противоположным тенденциям: монохронной и полихронной. В монохронных культурах один вид деятельности осуществляется в течение одного временного континуума, поэтому большое значение придается составлению планов, начальным и конечным срокам реализации проектов. В полихронных культурах в одном временном континууме реализуется несколько видов деятельности одновременно, поэтому отношение ко времени более гибкое, люди в большей степени живут настоящим и предпочитают не быть связанными конкретными датами, относящимися к будущему.

Представители разных культур не только по-разному организуют коммуникацию, но и по-разному «слушают» сообщения других: хорошими слушателями признаются немцы и шведы, плохими – французы и испанцы; американцы слушают внимательно или безразлично в зависимости от заинтересованности в сообщении [Льюис, 1999]. Общаясь с партнерами, американцы обычно говорят по очереди, бразильцы часто перебивают друг друга, не считая это проявлением невежливости. Японцы молчат, демонстрируя

проявление внимания: в японской культуре молчание не равнозначно прекращению коммуникации, а, напротив, является необходимой частью социального взаимодействия, поскольку наиболее важным считается то, что не высказано, и на паузы в разговоре реагируют спокойно, дружелюбно и с пониманием. По мнению японцев, американцы слишком много говорят и задают ненужные вопросы. В американской культуре смысл передается с помощью слов, поэтому люди много говорят для выражения своих мыслей и чувств [Graham, Mintz, Rodgers, 1994].

Наиболее значимыми различиями в отношении представителей разных культур к ценностям являются:

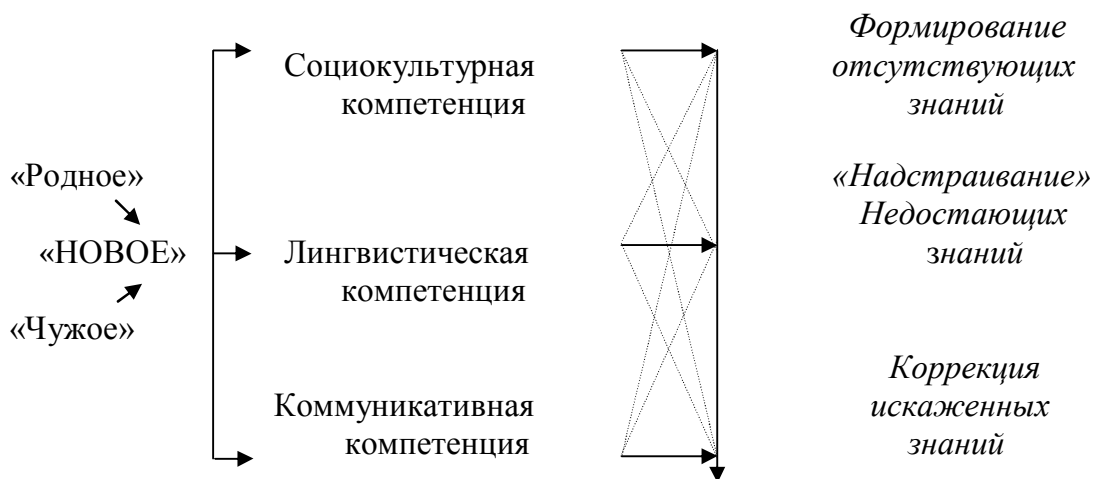
- Окружающая среда (*контроль ↔ гармония*) (Северная Америка, Западная Европа ↔ Азия);
- Время (*фиксированное ↔ текучее*) (Северная Америка, Западная Европа ↔ Южная Европа, Латинская Америка, Ближний Восток), (*настоящее ↔ будущее*) (Северная Америка ↔ Азия);
- Характер действия (*деятельность ↔ существование*) (Северная Америка ↔ Южная Европа, Латинская Америка);
- Коммуникация (*низко контекстная ↔ высоко контекстная*) (Северная Америка, Западная Европа ↔ Азия, Латинская Америка), (*прямая ↔ непрямая*) (Северная Америка ↔ Азия), (*эмоциональная ↔ прагматичная*) (Южная Европа, Латинская Америка ↔ Северная Америка, Западная Европа), (*неформальная ↔ формальная*) (Северная Америка ↔ Азия, Латинская Америка, страны Европы);
- Пространство (*личное ↔ публичное*) (Северная Америка ↔ Азия, Латинская Америка);
- Власть (*горизонтальная ↔ иерархичная*) (Северная Америка, Европа ↔ Ближний Восток, Азия, Латинская Америка);
- Межличностные отношения (*индивидуализм ↔ коллективизм*) (Северная Америка ↔ Азия);
- Конкурентоспособность (*сотрудничество ↔ конкуренция*) (Северная Европа ↔ Северная Америка);
- Структура (*гибкость ↔ порядок*) (Азия, Ближний Восток ↔ Северная Европа);
- Мышление (*индуктивное ↔ дедуктивное*) (Северная Америка ↔ Европа), (*линейное ↔ системное*) (Северная Америка ↔ Азия);
- Невербальная коммуникация (*активная ↔ пассивная*) (Южная Европа, Латинская Америка ↔ Северная Европа, Северная Америка), (*универсальная ↔ национально специфическая*) [Brake, Walker, Walker, 1995, p. 160–166].

Преодоление социокультурной интерференции осуществляется благодаря формированию отсутствующих знаний, «надстраиванию» недостающих и коррекции искаженных знаний через:

- целенаправленный подбор текстов, отражающих языковую, социокультурную и коммуникативно-поведенческую специфику иноязычного социума,

- создание модели преодоления интерференции на разных этапах обучения иностранному языку;
- разработку системы упражнений и заданий на преодоление интерферирующих явлений интер- и экстралингвистического характера.

МЕХАНИЗМ ПРЕОДОЛЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Список литературы

1. Леонтьев, А. А. Язык не должен быть «чужим» / А. А. Леонтьев // Этнопсихоллингвистические аспекты преподавания иностранных языков. – М. : РАН ИЯ, 1996. – С. 41–47.
2. Льюис, Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию / Р. Д. Льюис. – М. : Дело, 1999. – 440 с.
3. Томахин, Г. Д. Теоретические основы лингвострановедения (на материале лексических американизмов английского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г. Д. Томахин. – М., 1984. – 32 с.
4. Халеева, И. И. Лингвосоциокультурный компонент подготовки переводчиков / И. И. Халеева // Перевод и лингвистика текста. – М., 1994. – С. 23–30.
5. Brake T. Doing Business Internationally. The Guide to Cross-Cultural Success / T. Brake, D. M. Walker, T. Walker. – Illinois : Irwin Professional Publishers, 1995. – 284 p.
6. Graham J. L. Explorations of Negotiation behaviours in Ten Foreign Cultures Using a Model Developed in the United States / J. L. Graham, A. T. Mintu, W. Rodgers // Management Science. Vol. 40, № 1. – January, 1994. – P. 72–95.
7. Hall, Ed. The Hidden Dimension / Ed. Hall. – N. Y. : Garden city, 1959. – 217 p.
8. Hofstede, G. Culture's Consequences: International Differences in work-Related Values / G. Hofstede. – Newbury Park, CA : Sage Publications, 1988. – 345 p.
9. Kluckhohn, F. Variations in Value Orientations / F. Kluckhohn, F. L. Strodtbeck. – Evanston, IL : Row, Peterson, 1961. – 340 p.
10. Mole, J. Mind Your Manners / J. Mole. – L., Culture Clash. – 1990. – 153 p.
11. Parsons, T. Pattern variables / T. Parsons // On Institutions and Social Evolution: Selected Writings / ed. Leon H. Mayhem. – Chicago : The University of Chicago Press. – 1982. – P. 106–114.
12. Sitaram K., Cogdell R. Foundations of Intercultural Communication / K. Sitaram, R. Cogdell. – Ohio, 1976. – 68 p.
13. Trompenaars, F. Riding the Waves of Culture: Understanding Diversity in Global Business / F. Trompenaars. – N. Y., 1994. – 274 p.
14. Wolf, D. Arbeitsbericht zur empirischen Untersuchung «Horverstehen beim Zweitsprachensprecher» / D. Wolf. – Dusseldorf, 1983. – 187 s.

Секция
**ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Л.Б. Барулина
Новомосковский институт (филиал) Российского
химико-технологического университета (Новомосковск, Россия)

**РАЗВИТИЕ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ)**

Данная статья посвящена вопросам формирования лингвострановедческой компетенции на начальном этапе изучения русского языка как иностранного. Автор уделяет особое внимание региональному компоненту в системе обучения русскому языку.

Всестороннее знакомство с культурой изучаемого языка – одна из основных задач, стоящих перед иностранными студентами, изучающими русский язык как иностранный (далее – РКИ). Лингвострановедческий аспект (наряду с фонетическим, лексическим, грамматическим и стилистическим) играет важную роль в процессе обучения русскому языку, так как полноценное освоение языка невозможно без овладения знаниями о русском менталитете, об истории и культуре России.

Поэтому значительное место в формировании знаний, умений и навыков, необходимых иностранцам для полноценного общения на русском языке и адаптации в новой языковой ситуации, занимает овладение лингвострановедческой компетенцией, которая определяется как «знание национальных обычаев, традиций, реалий страны изучаемого языка, способность извлекать из единиц языка страноведческую информацию и пользоваться ею, добываясь полноценной коммуникации» [Щукин, 2007, с. 143].

Формирование лингвострановедческой компетенции осуществляется на всех этапах (начальном, основном, продвинутом) обучения РКИ. Отражающая связь языка и культуры культурологическая информация является органической частью каждого урока по нейтральному стилю речи, где иностранные студенты изучают названия русских реалий (обозначений предметов и явлений, характерных для одной культуры и отсутствующих в другой), коннотативную лексику (слова, совпадающие по основному значению, но различающиеся по культурно-историческим ассоциациям), фоновую лексику (обозначающую предметы и явления, которые имеют аналоги в сопоставляемой культуре, но различаются какими-то национальными особенностями функционирования, формы, предназначения предметов), русские фразеологизмы, основы речевого этикета и некоторые формы невербального общения (специфические русские жесты) [см.: Томахин, 1996, с. 23–27].

Особую роль в адаптации иностранцев к новой для них действительности играют тексты лингвокраеведческой тематики [см.: Горянский, 1979, с. 39], в содержании которых наиболее сильно отражается региональный компонент, то есть место обучения иностранных студентов. В этом случае для решения возникающих на занятиях познавательных задач дополнительно привлекаются факты из жизни той области, того города, где учатся иностранцы. В условиях обучения в Новомосковском институте (филиале) Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева (г. Новомосковск, Тульская область) используются тексты об истории города, его промышленности, об истоке Дона и о Тульской области с ее Ясной Поляной, насыщенной литературной жизнью, историей становления города мастеров и оружейников и т. п. Использование регионального компонента способствует поддержанию заинтересованности в обучении языку. Прибыв в новый город, студенты, конечно, интересуются его прошлым и настоящим, его особыми приметами, что помогает активной и плодотворной работе по усвоению русского языка. Кроме того, у студентов-иностранцев появляется и обычная жизненная необходимость лучше узнать город, свободно ориентироваться в нем, понять нравы и обычаи его жителей.

Приведем пример текста региональной направленности «Город Новомосковск», который взят из учебного «Пособия по чтению для учащихся подготовительного факультета (базовый уровень)» Л.Б. Барулиной. В процессе изучения этого текста преподаватели русского языка знакомят иностранных студентов с историей города, с его достопримечательностями и памятными местами.

Город Новомосковск

У каждого города, как и у каждого человека, своя судьба, свой характер, свой внешний облик. В самом центре России, недалеко от Москвы и Тулы, находится небольшой, но очень привлекательный город. Это город Новомосковск.

Он родился в 1920 году, когда молодой стране Советскому Союзу нужна была новая сильная промышленность, нужны новые мощные заводы. Поэтому недалеко от Москвы, где были большие запасы угля, было решено построить огромный завод – химический комбинат, который смог бы производить для молодой страны химические удобрения. Рядом решили построить город для строителей и людей, которые будут работать на новом заводе.

Стройка была одной из самых больших в Европе. Комбинат и новый город начали строить на пустом месте, среди полей. Сначала было мало машин, жилья, продуктов, людей. Огромные котлованы рыли лопатами, землю вывозили на тачках. Летом строители спали прямо на улице. Осенью начали строить бараки – дома из досок. Зимой там было так холодно, что внутри барака, где спали люди, замерзала вода. Жизнь первых строителей города была очень тяжелой, но им надо было очень много работать, и они работали.

В декабре 1933 года химический комбинат был открыт. Этот завод всегда – и раньше, и сейчас – производил нужную для экономики страны

продукцию. Теперь химический комбинат города Новомосковска похож на отдельный город со своими улицами, дорогами, зданиями. Это самый большой химический комбинат в Европе.

Интересна и история названия города. Когда основали новый город, ему дали название Бобрики. В 18 веке на территории Новомосковска было имение графа Алексея Григорьевича Бобринского, сына русской царицы Екатерины II. Поэтому новому городу оставили старое название, которое было связано с именем графа Бобринского. Но когда химический комбинат начал работать, городу дали новое имя – Сталиногорск, то есть город И.В. Сталина. Сначала город находился в Московской области. Потом в 1957 году город вошел в состав Тульской области. В 1961 году городу дали имя Новомосковск, то есть новая Москва. Это название говорит о том, что город Новомосковск находится «у самого сердца России» – рядом с Москвой.

О том, как жил и развивался Новомосковск, о том, как город живет сейчас, можно узнать в Музее истории города. Этот музей находится в центре города недалеко от Советской площади и старого здания Новомосковского института Российского химико-технологического университета имени Дмитрия Ивановича Менделеева (НИ РХТУ). Рядом со зданием музея находится памятник, который напоминает о Великой Отечественной войне. Это легендарная «катюша» – самая известная зенитная установка того времени. В декабре 1941 года она утонула в реке Шат. Через 47 лет эту машину подняли из реки и отремонтировали. Сейчас «катюша» тоже служит людям. Она напоминает всем нам о страшной войне, которая не должна повториться.

Музей истории города открылся в 1967 году. На выставках в этом музее можно увидеть рабочие инструменты и личные вещи первых строителей Новомосковска и знаменитых людей города: поэтов, военных, писателей, актеров, инженеров. Выставки музея могут рассказать о жизни Новомосковска в войну и в мирное время, о работе заводов, школ, колледжей, институтов, стадионов города.

И русские люди, и иностранцы, которые побывали в Новомосковске, говорят, что это очень красивый, просторный, удобный, зеленый город. Действительно, город окружен парками, а центральные улицы Новомосковска украшены прекрасными цветочными клумбами. Весной, летом и осенью весь Новомосковск похож на большой зеленый парк.

Новомосковск часто называют городом химиков и шахтеров. Но не только эти специальности можно получить в колледжах и институтах города. В Новомосковске есть строительный колледж, колледж физической культуры, медицинский колледж, музыкальный колледж. Талантливые молодые люди Новомосковска могут стать и строителями, и спортсменами, и медсестрами, и даже музыкантами.

Но самое главное учебное заведение в городе, конечно, Новомосковский институт (филиал) Российского химико-технологического университета имени Д. И. Менделеева (НИ РХТУ). Занятия в этом институте начались 1 октября

1959 года. Тогда это был только один факультет при Сталиногорском химкомбинате. В первый год на факультете училось только 178 студентов.

Сейчас НИ РХТУ им. Д.И.Менделеева – современный учебный и научный центр. Он состоит из девяти факультетов, на которых учится более 4000 студентов. Подготовительный факультет для иностранных граждан существует в институте уже 30 лет. За это время более 3000 студентов из стран Азии, Африки и Латинской Америки выучили здесь русский язык. Для многих студентов Новомосковск стал второй родиной: здесь они учились, нашли новых друзей, начали работать.

Новомосковск – очень молодой город. Каждый год он растет и развивается. Жители Новомосковска любят его и гордятся им.

Таким образом, формирование и развитие лингвострановедческой компетенции в ее региональном преломлении становится для иностранных учащихся необходимым инструментом освоения новой культуры, вносит весомый вклад в процесс адаптации носителей иного языка к новой лингвокультурной среде.

Список литературы

1. Барулина, Л. Б. Пособие по чтению для учащихся подготовительного факультета (базовый уровень) : учеб. пособие / Л. Б. Барулина. – Новомосковск : Изд. центр ГОУ ВПО «РХТУ им. Д.И.Менделеева» : Новомоск. ин-т (филиал), 2009. – 90 с.
2. Горянский, В. Д. Вопросы местного страноведения как составная часть лингвострановедческого аспекта преподавания / В. Д. Горянский // Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова. – М. : Рус. яз., 1979. – С. 39–45.
3. Томахин, Г. Д. Лингвострановедение: что это такое? / Г. Д. Томахин // Иностранные языки в школе. – 1996. – № 6. – С. 22–27.
4. Щукин, А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь / А. Н. Щукин. – М. : Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. – 746 с.

Н.П. Журавлева

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ АРГУМЕНТАТИВНОГО УМЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-ЛИНГВИСТОВ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ОБУЧЕНИЯ

В статье для формирования у студентов-лингвистов аргументативного умения предлагаются различные формы заданий, которые варьируются в зависимости от следующих трех параметров: объема представленной ситуации, степени осмысления ситуации, степени личного «проникновения» в ситуацию. Пути оптимизации обучения аргументативному общению видятся автору в сочетании аудиторной и самостоятельной работы, а также в координации разноаспектных занятий.

Развитие в 20 веке биосемиотики, теории самоорганизующихся систем, теории автопойезиса способствовало смещению исследовательского интереса с процессов действия человека в мире на процессы взаимодействия человека с этим миром, где языковая способность приобретает статус важнейшего адаптивного механизма, поскольку позволяет *homo loquens* выйти за пределы своего собственного когнитивного опыта, образа своей субъективной реальности, для того, чтобы моделировать общий мир с другими членами сообщества, мир, в котором можно сосуществовать и иметь взаимный доступ [Матурана, 2002, с. 7].

Уточним, что, будучи рассмотрена достаточно широко в теории, аргументация является имманентным свойством всякого общения, понимаемого как глубинный процесс со-бытия двух и более людей в процессе моделирования, создания ими общего мира на основе пред-общности речежизненного опыта (потенциальная общность прецедентных феноменов, культурных стереотипов [Красных, 2003], близость био-социо-культурных структур знания, определяемых нами как значения языковых знаков [Колмогорова, 2006].

Исследование проблемы аргументативного поведения в сфере речевой деятельности в перспективе диалога, а тем более полилога, остается мало изученным и представляет значительную трудность даже на родном языке, не говоря уже об иностранном. Студенты младших курсов, в основной своей массе, не владеют основами аргументативного поведения и, следовательно, общения не только на иностранном, но и на родном языке как необходимым условием социализации личности, важной составной частью процесса актуализации языковой способности человека как члена данного лингвокультурного сообщества, являющаяся залогом полноценного включения выпускников вуза в сферу межнациональных контактов, личных и деловых отношений. Точные данные об уровне развития аргументативных умений студентов-лингвистов начального этапа обучения еще предстоит получить. Опыт работы и анализ показывает, что некоторые внешние условия препятствуют обучению аргументативному общению. К ним относятся игнорирование психолингвистических закономерностей аргументативного поведения в методике обучения, неразработанность требований к объему, характеру, структуре и содержанию общения в проблемных беседах, отсутствие единой речевой тематики, несовершенство учебников и учебных пособий.

Способы реализации интенций, выделенных нами для аргументативного общения, связаны с формированием и развитием аргументативного умения. Поскольку аргументативному общению присуща содержательная и структурная сложность, то аналогичное умение является также комплексным и многокомпонентным, так как формируется и развивается на основе умений воздействовать, оказывать влияние, осуществлять обратную связь и взаимодействовать, искать и достигать взаимопонимания. Данные умения конкретизируются в частных специфических умениях:

- выражать мнение в различных регистрах общения;

- аргументировать мнение с учетом анафорического и катафорического типов аргументации и этапа общения;
- эксплицитно и имплицитно побуждать партнера к общению;
- адекватно отражать объективную реальность;
- учитывать изменяющуюся ситуацию общения;
- прогнозировать результаты собственного речевого поведения и поведения партнера по общению;
- давать определение, классифицировать, интерпретировать, сравнивать и сопоставлять, противопоставлять и искать условия достижения компромисса, обобщать, выделять главное.

Вышеперечисленные умения являются разноуровневыми по своему содержанию. Эта разноуровневость зафиксирована в условном выделении различных компонентов умения [Борисова, 2003]. Комплексность аргументативного умения проявляется в синтезе операционного, коммуникативно-прагматического и мыслительного компонентов, которые по-разному сочетаются в специфических умениях. Так, например, в умении воздействовать преобладает коммуникативно-прагматический компонент, в умении аргументировать – компонент мыслительный, но именно их синтез обеспечивает возможность партнеров осуществлять аргументативное общение. Представляется, что формирование и развитие выделенных умений составляет суть обучения аргументативному общению на всем протяжении процесса обучения по направлению бакалавриата «Лингвистика».

Проблема построения системы упражнений занимает центральное место в формировании и развитии любого умения и аргументативного умения в частности, так как только система, имеющая определенную цель и специальную организацию, является важным фактором формирования навыков и развития умений. При создании системы упражнений по обучению аргументативного общения за основу была взята дефиниция системы упражнений, данная С.Ф. Шатиловым: под системой упражнений понимается «такая совокупность необходимых типов, видов, разновидностей упражнений, выполняемых в такой последовательности, которая учитывает закономерности формирования навыков, умений в различных видах речевой деятельности в их сложном взаимодействии и в таком количестве, которое обеспечивает максимально высокий уровень владения ... языком... в данных условиях». [Шатилов, 1985, с. 37]

Для целей обучения вышеуказанному общению студентов-лингвистов младших курсов, с нашей точки зрения, целесообразно использование такой речевой формы как разъяснение (Erörterung – разбор, обсуждение, дискуссия, рассмотрение; рассуждение; размышление (по поводу ч.-л.). [Домашнев, 1983] Этапы обучения этой форме монолога на начальном этапе с использованием различных упражнений предлагается могли бы выглядеть следующим образом:

- упражнения первого этапа в логико-смысловом анализе аппелятивно-когнитивного текста (по типологии Е. Райс) как образца рассуждения, напр.: после прочтения текста студенты выполняют логико-смысловой анализ текста, начиная с плана содержания и логики построения текста.

– упражнения второго этапа предусматривают следующие задания:

1) подробное воспроизведение ситуации близко к тексту;

2) краткое воспроизведение ситуации с использованием исходной лексики;

3) резюмирование ситуации с расстановкой акцентов, осуществляемой при помощи: а) введения в речь аргументативных маркеров, таких как *хотя; безусловно; в конце концов; ведь, все-таки; просто, еще, уже, даже; все же* и т. д.; б) при помощи замены лексических единиц с менее выраженным языковым и речевым аргументативным потенциалом на языковые единицы, в которых такой потенциал более выражен и которые, с точки зрения языкового аргументативного потенциала, актуализируют в русском языковом сознании представление о прототипической, нормативной модели поведения человека, а, будучи употреблено в речи, актуализирует скрытый социальный императив;

4) широкое обобщение ситуации;

5) воспроизведение ситуации с попыткой предположения внутренних причин поведения героев, сопровождаемое конструкциями «кажется», «я не знаю», «возможно», «мне представляется», «думаю»;

6) градуирование ситуации;

7) репрезентация ситуации как серии причин и следствий.

Разновидности данных форм заданий варьируют в зависимости от сочетания следующих трех параметров: объем представленной ситуации, степень осмысления ситуации, степень личного «проникновения» в ситуацию.

Другие пути оптимизации обучения аргументативному общению видятся нам в сочетании аудиторной и самостоятельной работы, а также в координации разноаспектных занятий по немецкому языку в плане обучения аргументативному общению, поскольку их содержание, задачи и коммуникативно-функциональная направленность это предполагают, расширяя тем самым «поле» обучения данному виду умений.

Список литературы

1. Борисова, И. Н. Непрямая коммуникация в речевой систематике / И. Н. Борисова // Прямая и непрякая коммуникация : сб. науч. ст. – Саратов : Изд-во ГосУНС «Колледж», 2003. – С. 60–71.

2. Методика преподавания немецкого языка в педагогическом вузе: из опыта работы / А. И. Домашнев, К. Г. Вазбуцкая, Н. Н. Зыкова [и др.]. – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.

3. Колмогорова, А. В. Неолингвистика или лингвистика повседневности / А. В. Колмогорова // Проблемы и перспективы языкового образования в XXI в. – Новокузнецк : Изд-во КузГПА, 2006. – С. 61–68.

4. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2003.

5. Матурана, У. Онтология наблюдения / У. Матурана. – 2002. – Электрон. дан. – Режим доступа: www.philosophy.ru.

6. Шатилов, С. Ф. Методика обучения немецкому языку в средней школе / С. Ф. Шатилов. – М., 1986.

**СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ
КОММУНИКАТИВНОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ
В УСЛОВИЯХ МОДУЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ**

Модульный подход к формированию грамматической коммуникативной компетенции позволяет представлять учебный грамматический материал автономными порциями, модулями, обеспечивающими достижение каждым студентом определенных дидактических целей. В статье приводятся примеры ситуативных блоков (модулей), способствующих постепенному формированию у студентов устойчивых коммуникативных грамматических навыков и умений.

В условиях формирования единого общеевропейского пространства все более актуальной становится проблема формирования профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых вузов. В последнее время большое внимание уделяется разработке дидактических элементов модульного обучения, направленных на выработку практико-ориентированных навыков, составляющих различные профессиональные компетенции студентов. Модульный подход позволяет достичь цели обучения через активную самостоятельную деятельность обучаемых, учесть уровень их подготовленности, индивидуальные особенности, гибко изменять при необходимости содержание учебного материала, добиваясь осознанности его усвоения [Рудницкая, 1996].

Формирование профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых вузов представляет собой сложный процесс освоения лингвистических и межкультурных знаний, развития соответствующих практических навыков и умений. Лингвистическая компетенция, как важнейшая составляющая иноязычной коммуникативной компетенции, отражает знание системы языка во всем его многообразии и включает многочисленные аспекты лингвистических знаний (лексическая компетенция, грамматическая компетенция, семантическая компетенция, фонологическая компетенция, орфографическая компетенция, орфоэпическая компетенция).

Грамматическая компетенция является одной из базовых лингвистических компетенций, так как она определяет способность обучающегося использовать грамматические средства языка, управляющие соединением лексических элементов в значимые фразы и предложения [Common European Framework of Reference for Languages, 2001].

Исследование особенностей использования языка для аутентичной коммуникации в реальных жизненных ситуациях показывает, что традиционная система обучения грамматике разделяла элементы языка, которые в действительности взаимодействуют при использовании в контексте.

Исследователи, изучающие жанр и дискурс, доказали, что разные виды коммуникации характеризуются разными грамматическими признаками, используют различные грамматические структуры и могут быть охарактеризованы с учетом тех грамматических структур. Грамматические конструкции стремятся к объединению в определенные блоки в определенных видах коммуникации.

Для формирования профессиональной иноязычной компетенции студентов необходимо учитывать коммуникативные цели изучения иностранного языка, реальные жизненные коммуникативные задачи, требующие аутентичных примеров языка, используемых в грамматических заданиях. Если мы знаем конечные цели наших студентов, мы можем отбирать языковой материал, ориентированный на эти цели, и можем вводить грамматические структуры в рациональной связной модели, которая не ограничивается использованием их только в одном определенном виде коммуникации.

Не следует пытаться обучать студентов всем грамматическим свойствам английского языка, а только тем грамматическим аспектам, которые необходимы студентам, и могут быть активизированы. Преподаватель должен определить потребности и цели студентов и постоянно оценивать востребованность и изучаемость тех грамматических структур, которые он представляет на занятии [Scarcella, Oxford, 1992, p. 174–175].

Модульный подход к формированию грамматической коммуникативной компетенции позволяет представлять учебный грамматический материал автономными порциями, модулями, обеспечивающий достижение каждым студентом определенных дидактических целей. Под модулями понимаются ситуативные блоки, т.е. объединения отдельных коммуникативных ситуаций в единый блок по принципу коммуникативной интенции. Любая речевая ситуация, имитирующая реальное общение, характеризуется целым набором функционально-семантических значений, отражающих ее внешние признаки (понятийные, информативные, эмотивные, дискурсивные), а каждое значение выражается соответственно одним или более грамматическими явлениями [Лич, Стартвик, 1983]. Соответственно каждый модуль характеризуется набором изучаемых грамматических явлений, которые используются в реальной коммуникации одновременно и в целях формирования практико-ориентированных навыков должны осваиваться в едином контексте.

Приведем пример ситуативных блоков (модулей) для студентов второго курса специальности «международные отношения»: устройство на работу, сфера услуг, повседневное общение, общественно-политические организации. Каждый модуль представляет собой набор коммуникативных ситуаций (учебных элементов):

- устройство на работу: поиск работы, собеседование, подача документов, основные обязанности; поездки за границу;
- сфера услуг: магазины, рестораны, гостиницы, бытовые услуги, развлечения;

- поездки за границу: получение визы, таможенный контроль, система общественного транспорта, культура и традиции стран изучаемого языка;
- повседневное общение: первые контакты, встречи, приемы, телефонные разговоры;
- общественно-политические организации: политические организации, общественные организации, юридические организации, здравоохранение, средства массовой информации.

Продemonстрируем ситуативную обусловленность употребления грамматических явлений (набором функционально-семантических значений, отражающих ее внешние признаки) на примере модуля «Устройство на работу» (поиск работы, собеседование, подача документов, основные обязанности):

- абстрактные понятия (существительные, обозначающие абстрактные понятия);
- отношения между понятиями (фразы с предлогом *of*; предлоги *with*, *for*, *against* для выражения отношений между людьми);
- видо-временные значения – состояние, событие, привычка; временный процесс; состояние, продолжающееся до настоящего времени; события, произошедшие к настоящему времени; результаты совершенных действий, актуальные в настоящий момент; определенное время в прошлом; запланированное действие, принятое заранее решение, намерение; значение времени, когда происходит действие; значение частоты совершения действия (видо-временные формы глагола Present Simple, Present Progressive, Present Perfect (Progressive), Past Simple, Present Progressive; оборот *be going to*; наречия и предлоги времени; наречия и фразы);
- значения места, направления и расстояния (предлоги, наречия);
- образ действия, средство и орудие деятельности (наречия, предложные фразы, обстоятельственные придаточные предложения);
- причина, следствие, цель (обстоятельственные придаточные с соответствующими союзами, инфинитив цели);
- условие и контраст (придаточные предложения условия);
- утверждения, вопросы и ответы (вопросы разных типов и ответы на них; короткие предложения и разговорные реплики, используемые для выражения реакции на утверждение);
- отрицание и подтверждение (отрицательные предложения; использование краткого подтверждения значения; аналогичное использование кратких отрицаний для возражения; сложносочиненные предложения с союзом *but* для выражения контраста);
- согласие и несогласие (модальные глаголы и фразы);
- факты, гипотезы, нейтралитет (условные придаточные предложения (реальное/нереальное условие), сослагательное наклонение);
- степень вероятности (модальные глаголы *can*, *may*, *must*, *have to*, *should* и др.);
- отношение к истине (сложноподчиненные предложения с придаточным дополнительным);
- описание эмоций (прилагательные в предикативной функции и в безличных структурах; вводные слова; глаголы, выражающие отношение

- говорящего *like, love, hate, prefer, hope* и структуры, в которых они употребляются – простые и сложные дополнения, придаточные предложения, причастные обороты);
- волеизъявление (видо-временная форма *Future Simple* для выражения желания; сослагательное наклонение для выражения гипотетического желания; сочетание глаголов и фраз *intend, mean, be going to* в сочетании с инфинитивом для выражения намерения);
 - воздействие на людей (повелительное наклонение; модальные глаголы *be to, must, have to, should, ought to, can/could, may/might*);
 - последовательность изложения текста (вводные слова и фразы, используемые при переходе к новой мысли, перечислении, обобщении, объяснении, временной последовательности: связующие элементы общей направленности).

Как можно видеть из приведенного примера, многие грамматические явления (такие как видо-временные формы глагола; существительные разных классов; предложные фразы, выполняющие различные функции; предлоги и наречия; прилагательные; модальные глаголы; утвердительные, отрицательные и вопросительные предложения; обстоятельственные и дополнительные придаточные предложения; сослагательное наклонение; повелительное наклонение) используются для выражения функционально-семантических значений в различных коммуникативных ситуациях (учебных элементах и модулях), причем одно и то же грамматическое явление может выполнять разные оттенки значения в разных ситуациях.

Таким образом, модульный подход к обучению грамматике иностранного языка способствует постепенному формированию у студентов устойчивых коммуникативных грамматических навыков и умений.

Список литературы

1. Лич, Дж. Коммуникативная грамматика английского языка : пособие для учителя. На англ. яз. / Дж. Лич, Я. Свартвик. – М. : Просвещение, 1983. – 304с.
2. Рудницкая, С. В. Модульное обучение как целостная система : дис. ... канд. пед. наук / С. В. Рудницкая. – СПб. : Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 1996. – 213 с.
3. Common European Framework of Reference for Languages // A recent European Union Council Resolution. – 2001. – November. – 260 p. – Electronic text data. – Mode of access: <http://culture2.coe.int/portfolio/documents/0521803136txt.pdf>.
4. Scarcella, R. C. The Tapestry of Language Learning / R. C. Scarcella, R. L. Oxford. – Boston (Mass.) : Heinle & Heinle Publishers, 1992. – 228 p.

Е.Ю. Ладонина

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ВИДЫ УПРАЖНЕНИЙ ПО ПЕРЕВОДУ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Статья посвящена анализу различных упражнений по переводу на начальном этапе обучения, а также рассмотрению важнейших методических

принципов организации работы: разным аспектам выбора и отработки учебного материала; текстовому подходу в обучении; приемам активизации навыков устного перевода.

Как правило, на начальном этапе обучения английскому языку происходит овладение базовыми знаниями структуры английского языка, его грамматическим строем, усвоение определенного объема лексики, формирование на этой основе коммуникативной компетенции, а также усвоение определенной суммы знаний, составляющих основу переводческой деятельности. Для успешного формирования переводческих навыков и умений необходимо развивать речевые навыки и умения, так как деятельность переводчика включена в предметную речевую ситуацию. В переводе мы имеем дело с продуктами речемыслительной деятельности – устным высказыванием или письменным текстом. Следовательно, деятельность переводчика в качестве исходных включает реализацию умений аудирования и чтения.

Формирование навыков аудирования возможно лишь на основе готовых слухомоторных стереотипов, которые образовались в результате прошлого обучения. При обучении различным видам устного перевода собственно переводческим упражнениям должны предшествовать упражнения, обеспечивающие многократное продуцирование и восприятие новых лексических единиц устной речи. Развитие на этой основе лексических, грамматических и фонетических автоматизмов происходит в упражнениях, формирующих необходимый языковой опыт. Таким образом, очевидно, что активное говорение является базой для формирования умений аудирования.

По мере того, как закладывается необходимая лексическая база, студенты могут приступать к традиционным упражнениям на аудирование. В этом плане весьма эффективным является упражнение на скоростное чтение за диктором (обычно это упражнение выполняется студентами самостоятельно дома). Слушая фонограмму, студенты читают за диктором текст, стараясь от него не отставать. После завершения работы над темой, при сформированном у студентов определенном языковом опыте, для закрепления лексических единиц, полезны непосредственно переводческие упражнения: студенты слушают фонограмму, на которой с паузами записаны предложения на английском или на русском языке, задача студентов – записать перевод во время паузы, после однократного повторения.

Важнейшим качеством для переводчика является знание наиболее частотных, употребительных переводческих соответствий и автоматизированный навык их употребления. Поэтому полезным считается «заучивание» переводческих эквивалентов в контексте. На занятиях наиболее выгодным является многократное употребление подлежащих усвоению языковых единиц и конструкций, позволявших на начальном этапе тренировать комплекс переводческих умений и навыков. Для комплекса упражнений в этом направлении мы предлагаем следующие задания:

1. Выбрать из текста и перевести необходимые словосочетания.

2. Составить со словосочетаниями предложения и предложить кому-нибудь из студентов их перевести.

3. Перевести предложения на английский язык.

4. Перевод с повторением. Отбирается небольшой текст на русском языке. Один из студентов переводит первое предложение. Остальные могут поправлять и предлагать свои варианты. Студент повторяет наиболее правильный вариант. Следующий студент, прежде чем переводить следующее предложение, повторяет первое и т. д. Студент, который вызван последним, делает перевод всего текста.

5. Закончить предложения, используя изученные лексические единицы. Упражнение основано на замене и расширении. В предложении подчеркнуты определенные слова, которые необходимо заменить другими словами или словосочетаниями, не меняя структуры предложения.

6. Составление диалога на заданную тему. Студенты разбиваются по группам и самостоятельно составляют диалог на заданную тему, употребляя те лексические единицы, которые необходимо закрепить. При его воспроизведении, назначаются студенты для его перевода.

Переводчик должен также обладать навыком контекстуальной догадки. Для развития этого навыка можно делать следующие упражнения:

- Дается текст с пропущенными словами. Студенты должны его восстановить.
- То же упражнение выполняется при слуховом восприятии. Оно также эффективно для закрепления грамматических конструкций. Например, при закреплении темы «Условные предложения» преподаватель начинает рассказ: «Если бы сегодня была хорошая погода, ... (студенты добавляют «мы бы пошли гулять в парк»).

Известно, что переводчик организует свою речь в сложных и изменяющихся условиях речевой ситуации, поэтому структура его речи не может обладать той же стройностью, что и текст письменного перевода. Тем не менее, его речь должна производить впечатление достаточно хорошо оформленной речи. В этом может помочь широкая лексико-синтаксическая вариативность устной речи. Умение использовать эту особенность позволяет переводчику выходить из трудных ситуаций. Иногда переводчик замечает, что выбрал неудачную синтаксическую схему. В этом случае речевую схему можно спасти за счет изменения лексического наполнения.

Для работы в этом направлении можно использовать упражнения на перефразирование, в частности, предложений наличия и предложений местонахождения, предложений с качественным сказуемым. Например, «Купленные моей мамой фрукты вкусные – Фрукты, которые купила моя мама, вкусные».

Переводчик должен обладать навыком переключения, что помогает ему переводить диалог между двумя людьми, говорящими на разных языках. Для развития этого навыка на занятиях эффективны следующие упражнения:

1) Преподаватель зачитывает на русском и английском языке словосочетания или предложения, студенты переводят. Переход с русского на

английский происходит неожиданно. Упражнение желательно выполнять в быстром темпе.

2) Диалог: один говорит на русском, другой – на английском, третий студент выступает в роли переводчика.

3) Диктант: студенты слушают слова на русском языке и записывают их перевод на английский язык, и наоборот.

4) Один студент, глядя в текст на английском языке, вслух с листа переводит его на русский язык. Остальные студенты по очереди переводят услышанные фразы на английский язык. Затем проверяется правильность и точность перевода.

Таким образом, упражнения, в основе которых лежит задание на перевод, играют важную роль уже на начальном этапе обучения иностранному языку и могут предъявляться обучающимся, начиная с первых учебных занятий. Формулировки заданий в таком типе упражнений могут и должны быть разнообразными, способствуя усилению мотивированности обучения.

Кроме того, важно также, начиная с первых занятий, объяснять обучающимся, что исходный и переводной тексты не могут быть идентичными в силу различий двух языков и их возможностей. Поэтому студентам следует показать, что для достижения адекватности выражения на иностранном языке, необходимо постоянно обращать внимание на языковые расхождения и стремиться выполнять как можно больше упражнений, учитывающих отличительные особенности изучаемого языка по сравнению с родным языком. Данные упражнения будут направлены на формирование языковой компетенции и одновременно на обучение специфическим навыкам перевода.

В качестве примера в этой связи можно привести задание, выполняемое начиная с первых занятий, на распознавание и толкование интернациональной лексики, которая понимается на беспереводном уровне и, в то же время, показывает, что даже в этом случае необходимо постоянно обращаться к словарю для уточнения значения слова во избежание ошибок, особенно в переводе «ложных друзей переводчика».

Итак, выделим некоторые основные методические положения организации работы на начальном этапе обучения переводу:

- Форма организации работы на занятии. Предпочтительна работа в парах или в группах, а не фронтальная работа. Часто в силу личностных качеств некоторые студенты могут испытывать страх перед выполнением задания. При работе в группах он часто преодолевается.
- Аспект выбора и отработки учебного материала. Необходима отработка материала в реальном, активном узусе в разнообразных тренировочных упражнениях.
- Опора на текстовый подход в обучении. Важно организовать на начальном этапе работу над текстом, над его смыслом и языковым выражением. Именно работа над целостным текстом позволяет активизировать формирование всех видов речевой деятельности, выполняемых на основе перевода.
- Активизация навыков устного перевода.

В целом же успешность обучения иностранному языку и, в частности, на начальном этапе обучения, в том числе по направлению обучения переводу, во многом зависит от подбора мотивирующих упражнений, соответствующих определенному уровню освоения языка.

И.Ю. Токарева

Институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования (Тула, Россия)

О МЕТОДАХ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

В статье рассматривается методическая база формирования культурно-языковой компетенции. Особое внимание уделяется учебному концептуальному анализу.

Методика формирования культурно-языковой компетенции основывается на ряде методов обучения, основными из которых являются проблемный и проблемно-поисковый. Именно проблемное обучение является залогом хорошо развитого теоретического мышления, «которое способно дать ребенку умение видеть в предметах и явлениях их существенные свойства, выделять и обобщать то, что является главным для данного круга предметов и явлений, абстрагируясь в то же время от несущественных свойств...» [Айдарова, 1983, с. 7].

Технология проблемного обучения активизирует умственное развитие учащихся, особенно творческое мышление, формирует способность к самостоятельному решению учебных задач.

Реализация проблемного метода состоит в том, что учитель ставит перед учениками учебную задачу и вместе с ними рассматривает ее.

Проблемная ситуация вызывает определенное психологическое состояние учащегося, возникающее в процессе выполнения задания, для которого нет готовых средств решения.

Процесс мышления начинается с анализа проблемной ситуации, результатом которого является формулирование задачи, которое означает, что удалось выделить известное от неизвестного.

Проблемная ситуация включает три основных компонента.

Первый компонент состоит в необходимости выполнения такого действия, при котором возникает потребность в новом способе или условии действия. Так, получая от учителя задание проинтерпретировать какой-либо языковой факт в контексте культуры, учащийся стоит перед проблемой нового способа действия.

Второй компонент – это неизвестное, которое должно быть раскрыто в возникшей проблемной ситуации. В предлагаемой методике формирования культурно-языковой компетенции практически все задания направлены на выявление культурных смыслов, стоящих за значением языковых единиц,

отношениями, в которые они вступают. Эти культурные смыслы и являются искомым неизвестным.

Третий компонент заключается в анализе условий и приемов выполнения поставленного задания.

В науке выявлены типы проблемных ситуаций. В рамках предлагаемой методики наиболее типичными являются следующие из них.

Главной ситуацией является та, при которой обнаруживается несоответствие между имеющейся системой знаний и новыми задачами. Структурно-семантический и коммуникативный подход в преподавании русского языка, как правило, не предполагает лингвокультурологической интерпретации. Поэтому предлагаемые задания всегда вызывают трудность, заставляют учащихся задуматься о том, действительно ли язык может выражать особенности культуры.

Решение проблемы взаимодействия языка и культуры и получение вывода «Язык отражает культуру» порождает следующий тип проблемных ситуаций: из всего комплекса знаний, получаемых в школе (по языкам, мировой художественной культуре, истории, литературе и др.), учащиеся должны выбрать те, которые смогут обеспечить правильное решение предложенной задачи.

Новизна лингвокультурологии как науки может привести учащихся и к такой проблемной ситуации, при которой полученные эмпирическим путем результаты не имеют теоретического обоснования.

Реализация проблемного метода обучения предполагает совместное составление плана действий и способа решения проблемы. Затем ученики самостоятельно реализуют данный план при минимальной помощи учителя. В ходе решения поставленной задачи учащиеся активизируют весь запас имеющихся у них знаний по данной проблеме. Приемами проблемного метода являются наблюдение, анализ и синтез явлений, сопоставление, подведение итогов и обобщение их в виде формирования понятий, правил, алгоритмов методик решения учебной задачи.

Проблемный метод более ориентирован на теоретический материал, а частично-поисковый на эмпирический.

Теоретические понятия формируются с опорой на наблюдения, эмпирическим путем. Это не только облегчает процесс обучения, но и активизирует его.

Проблемные задания могут быть разных уровней педагогического вмешательства.

Новизна предлагаемого материала предполагает непосредственное участие преподавателя, он формирует проблемную ситуацию: ставит проблему и направляет ученика. Позже у ученика может быть сформирована способность самостоятельно решать вопросы, формулировать их.

Культурная референция формируется с опорой на основной научно-научный метод – учебный концептуальный анализ. Его целью концептуального анализа является изучение концепта.

Исследование концептов имеет интерпретативный характер, то есть языковые факты объясняются с целью выявления ценностей, культурных установок, эталонов, стереотипов, которыми пользуется та или иная лингвокультурная общность, то есть совокупность людей, объединенных одним языком.

Данный вид анализа опосредованный, поскольку концепты, будучи ментальными категориями, могут быть рассмотрены через систему своих репрезентаций (слов и отношений между ними). Термины концептуальный анализ // учебный концептуальный анализ соотносительны. Определение учебный подчеркивает методическую интерпретацию данного метода исследования, а также его эвристическую направленность. Концептуальный анализ основан на целом ряде приемов, которые в той или иной степени знакомы учащимся. Объединяет эти приемы главная цель – выяснить особенности понимания той или иной ментальной категории (труда, родины, памяти и под.).

Концептуальный анализ обращен прежде всего к лексическим единицам, поскольку выражение столь многообразной культурной информации осуществляется прежде всего значениями слов и значимостями, то есть отношениями, в которые они вступают.

Разнообразные задания направлены на формирование приемов концептуального анализа. Эти задания могут быть представлены в виде следующих групп:

- 1) интерпретация значений и значимостей языковых и речевых единиц в категориях культуры;
- 2) интерпретация продуктивности / непродуктивности языковых единиц;
- 3) интерпретация истории развития языковых единиц.

Например, учебный концептуальный анализ образного основания фразеологической единицы включает следующие приемы: выделение фразеологической единицы из контекста, вычленение внутренней формы (образного основания), соотнесение образного основания с кодом культуры, объяснение причин выбора образа особенностями культуры, выявление культурных установок и стереотипов, нашедших отражение во внутренней форме.

Полный учебный анализ концепта включает следующие этапы.

1. Определение имени концепта (ключевого слова).
2. Определение этимологии ключевого слова. Выяснение первичного осмысления концепта.
3. Анализ семантической структуры ключевого слова в диахроническом срезе. Изучение путей развития концепта.
4. Анализ семантических отношений ключевого слова: синонимических, антонимических, родо-видовых, деривационных, синтагматических отношений. Интерпретация смыслов, входящих в концепт, с опорой на данные отношения.
5. Анализ специфики грамматического выражения концепта. (С учетом того что ключевое слово выражается именем существительным, следует обращать внимание на такие категории имени существительного, как одушевленность, род, число, синтаксическая позиция в предложении).

6. Анализ регулярных и нерегулярных языковых явлений.

7. Особенности выражения концепта в различных типах дискурса. (Особое внимание здесь уделяется рассмотрению идеологем, ценностей, коммуникативных установок, языковой специфики прецедентных текстов, порожденных той или иной культурной парадигмой).

Последовательное изучение концепта в школе возможно в рамках элективных курсов. В курсе русского языка концептуальный анализ осуществляется фрагментарно, при изучении отдельных разделов языка. Например, при изучении словообразования рассматриваются продуктивные способы словообразования, грамматические особенности словообразовательных гнезд. Данные особенности интерпретируются в категориях культуры.

Таким образом, одним из основных методов формирования культурно-языковой компетенции является проблемный метод. Он способствует активизации познавательной деятельности, в полной мере соответствует материалу и задачам обучения. Основным частно-научным методом является учебный концептуальный анализ, представляющим собой методическую интерпретацию научного концептуального анализа. Учебный концептуальный анализ включает в себя такие приемы, как анализ многозначного слова, синонимического ряда и др., которые рассматриваются на новой лингвокультурологической основе. Целью анализа является выявление культурной информации, отраженной в языке.

Список литературы

1. Айдарова, Л. И. Ребенок и слово / Л. И. Айдарова // Маленькие школьники и родной язык. – М. : Знание, 1983. – 95 с.

А.В. Щеколдина

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ДИСКУССИЯ КАК УЧЕБНАЯ СИТУАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ БУДУЩИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются приемы организации дискуссии как особой учебной ситуации профессионального обучения будущих преподавателей, а также характеризуются виды дискуссий, используемых на различных этапах обучения иностранному языку.

Профессиональная подготовка будущих преподавателей английского языка невозможна без наличия у студентов хороших знаний языка профессионального общения, что предполагает не только овладение лексической и синтактико-функциональной структурой текстов профессиональной направленности, но также и умение вести дискуссию профессионального характера на иностранном языке.

Мы полагаем, что использование учебной дискуссии профессионального характера при обучении будущих преподавателей английского языка делает его мотивированным, то есть учитывает потребности обучаемых и те цели, которые они ставят себе, приступая к занятиям, тем самым, повышая интерес к процессу обучения.

При этом следует отметить, что мы понимаем профессиональную направленность обучения иностранному языку как специально организованный процесс ориентации целей, содержания, форм и методов обучения иностранному языку на будущую специальность студентов, а также на развитие профессиональных умений и личностных качеств, необходимых им для эффективного выполнения профессиональных задач на иностранном языке. Как следует из данного определения, профессиональная направленность обучения иностранному языку представляет собой сложный динамический процесс, в котором взаимодействуют цели, содержание, методы и формы обучения, формы учебной деятельности преподавателя и студентов. Профессиональная направленность обучения опирается на личностно-деятельностный подход, на развитие познавательной активности обучаемых, обусловленной избранной ими профессией.

Как уже отмечалось выше, одной из форм учебной деятельности преподавателя и студентов является проведение учебной дискуссии профессиональной направленности.

Под дискуссией (lat. *discussio* – рассмотрение, исследование) обычно имеется в виду публичное обсуждение каких-либо проблем, спорных вопросов. Дискуссия часто рассматривается как метод, активизирующий процесс обучения, изучения сложной проблемы.

Обязательным условием дискуссии является наличие какого-либо спорного вопроса, положения, когда мнения участников дискуссии не являются окончательно принятыми, а лишь предполагают возможность компромиссного решения вопроса. Компромиссное решение вопроса как раз и вырабатывается в ходе дискуссии ее участниками. Для успешного ведения дискуссии ее участники должны обладать знаниями о предмете обсуждения, владеть приемами психологического воздействия и управления беседой, обладать высокой культурой общения, а также уметь строить свои высказывания адекватно коммуникативному намерению и ситуации общения, логически верно излагать и обосновывать свою точку зрения, прогнозировать ход дискуссии, соотносить свою собственную роль и позицию в речевом общении с ролью и позицией оппонента. Сложность ведения дискуссии «заключается в том, что основой композиционного развертывания здесь является оценка и аргументирование» [Шумските, 1990].

Если рассматривать дискуссию как одну из учебных ситуаций обучения профессионально-ориентированному общению, то следует отметить, что она является одним из способов активизации навыков общения, так как дискуссия – это деятельностный процесс, в ходе которого, происходит «исследование, разбор, обсуждение какого-либо вопроса, проблемы» [БСЭ, 1972, с. 300; Ожегов, 1970, с. 161].

Дискуссия способствует организации умственной деятельности студентов. Являясь актом «коллективного мышления» [Низамов, 1975], она развивает навыки критического суждения и обдумывания, формирует умение публично выступать, что немаловажно для профессионального развития будущих преподавателей, способствует развитию логического мышления, сознательному усвоению знаний, учит мыслить, критически оценивать и творчески осваивать материал.

Основными задачами дискуссии в иноязычном профессионально-ориентированном общении являются:

- практика по развитию беглости неподготовленной речи;
- овладение профессионально-значимыми навыками (достижение цели в решении поставленной проблемы; изучение противоположных мнений; выработка новых концепций и т. д.);
- обучение через содержание (получение новой информации; развитие навыков общения, в том числе навыков публичного выступления и т. д.) [Ur, 1993].

Дискуссия как учебная ситуация профессионального обучения будущих преподавателей иностранного языка может использоваться на различных этапах обучения, однако они будут различными по степени свободы. На начальных этапах обучения учебная дискуссия будет направляемой. Она строится вокруг определенной, ограниченной темы или на основе текста и носит контролируемый, в значительной степени предсказуемый характер. Обучаемым подсказывается общий ход дискуссии, предлагаются направляющие вопросы, суждения и вербальные опоры в виде отдельных высказываний, плана, реактивных и инициативных реплик.

На более продвинутых этапах обучения учебная дискуссия становится менее регламентированной, приобретает творческий характер. Участники дискуссии проявляют большую активность и самостоятельность, определяя проблематику, содержание и ход обсуждения. Важной чертой свободной дискуссии является ее самоорганизация. Преподаватель занимает диалогическую позицию: поддерживает, стимулирует обсуждение эвристическими приемами, поощряет обмен информацией, различные подходы к обсуждаемой теме, побуждает студентов к поиску соглашения в виде общего мнения или решения.

Для мотивации дискуссии в учебных условиях преподавателем могут использоваться следующие стимулы: 1) изложение проблемы; 2) предъявление чьего-либо мнения по определенному вопросу или проблеме; 3) прямое побуждение к высказыванию мнения. Данные стимулы могут побудить собеседников либо к изложению собственной точки зрения, либо к высказыванию своего отношения к точке зрения собеседника.

Так, стимул, представленный в виде цифровых данных о количестве беспризорных детей в нашей стране влечет за собой комментирование этой информации и высказывание своей точки зрения о причинах, приведших к такому положению вещей. При этом мнение говорящего не зависит от мнения собеседников и «в соответствии с объемом его фоновых знаний может

граничить либо с убеждением, либо с осторожным предположением» [Макарова, 1995, с. 59].

Другого рода стимул – презентация мнения какого-либо лица по определенной проблеме (например, мнение одного из английских учителей о правомерности физического наказания) неизбежно приведет либо к изложению дополнительных аргументов в поддержку данной точки зрения, либо к полному неприятию таковой. Причем субъективная оценка точки зрения собеседника избирательна в зависимости от конкретных ситуационных факторов.

С учетом профессиональных интересов будущих преподавателей нами предлагались следующие темы для дискуссий: «Is it easy to bring up a child in a single family?», «Is it really easy to be young?», «What is a good teacher?», «Authority or permissiveness?», «Is it necessary to give children pocket money?», «Juvenile delinquency: who is to blame?» и ряд других.

Список литературы

1. Большая Советская Энциклопедия. – 3-е изд. – Т. 8. – М. : Сов. энцикл., 1972. – С. 300.
2. Макарова, Е. Л. Принцип коммуникативной направленности в формировании дискуссионных умений на иностранном языке / Е. Л. Макарова. – М., 1995.
3. Низамов, Р. А. Дидактические основы активизации учебной деятельности студентов / Р. А. Низамов. – Казань : КГУ, 1975.
4. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – 8-е изд. – М. : Рус. яз., 1970. – С. 161.
5. Шумските, Г. А. Обучение научному диалогическому общению в аспекте прагматики языка (немецкий язык, неязыковой вуз) : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Г. А. Шумските. – М., 1990.
6. Ur, P. Discussions that work. Task-centred fluency practice / P. Ur. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993.

Е.В. Холодковская

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНОЙ ДОСКИ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ МЛАДШЕЙ И СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Использование информационных технологий в учебном процессе сегодня значительно повышает эффективность преподавания иностранных языков. Не секрет, что используя эти новейшие технологии в учебном процессе можно достичь больших результатов у учащихся как младшей, так и старшей ступени обучения английскому языку.

Проекционная техника в сочетании с аудиосредствами дает возможность привлекать на занятиях тезисы, таблицы, видео- и справочные материалы, а при анализе текстов – схемы и данные электронных словарей, что позволяет

реализовать принципы наглядности, доступности и системности обучения иностранным языкам.

Но если при этом мы используем лишь учебный модуль «компьютер – проектор – экран», то работа организуется только в просмотрном режиме, учитель лишен возможности делать пометки, выделять, указывать связи, то есть анализировать явления или текст непосредственно на уроке. Кроме того, как правило, экран устанавливается поверх обычной доски, что весьма затрудняет их одновременное использование.

Интерактивная доска SMART Board помогает сочетать проверенные опытом методы и приемы работы с обычной доской с набором интерактивных и мультимедийных возможностей:

1. активное комментирование материала: выделение, уточнение, добавление дополнительной информации посредством электронных маркеров;
2. перевод текста и отдельных предложений с указанием связей и взаимоотношений между словами;
3. набор любого текста и его демонстрация в режиме реального времени;
4. показательное тестирование отдельного ученика или группы учеников для всей аудитории;
5. сохранение результатов в отдельном файле в виде картинок;
6. распознавание рукописного текста в нескольких языках.

На своих уроках английского языка я использую SMART Board с программным обеспечением SMART Notebook серии 10. Материалы, представленные в SMART Notebook, можно активно использовать при изучении всех разделов английского языка. Во-первых, это богатейший иллюстративный материал. Во-вторых, картинки удобно структурированы по темам (человек, животные, погода, природа, транспорт, одежда и т. д.). В-третьих, вставив рисунки в определенный фон, мы можем на материале картинок организовать речевую ситуацию, что способствует развитию связной речи. И наконец, в-четвертых, их можно копировать как в сам Notebook, так и в редакторы Word и Power Point.

Приведу некоторые приемы использования интерактивной доски на уроке. При изучении темы «Множественное число имен существительных» эффективно использую функцию доски «клонирование», которая позволяет увеличивать количество одинаковых картинок. Эта функция может быть использована также при изучении темы «Числительные».

При обучении постановке вопроса, когда в английском предложении необходимо «переставить слова местами», прибегаю к помощи функции «сгруппировать \ разгруппировать», которая позволяет переставлять слова в предложении.

При обучении связному рассказу использую имеющийся в программе набор определенных фонов и картинок. Так как возможно менять картинки в процессе построения устного высказывания, следовательно, и сюжетная линия рассказа выстраивается по-разному.

Для успешного освоения английского языка на уроках необходимо поддерживать живую творческую атмосферу. Тут на помощь приходят инструменты интерактивной доски Lesson Activity Toolkit, с помощью которых составляю кроссворд или организую лексико-грамматическую игру с помощью Flash-анимаций. Например, «кубик» при изучении и закреплении лексики. Творческие задания в разделе Poetry способствуют написанию английского стихотворения с метафорой с использованием заданных слов.

Интерактивная доска позволяет самостоятельно подготовить серию упражнений по той или иной лексико-грамматической теме. При контроле обученности английскому языку широко применяется так называемое упражнение на множественный выбор. Средства интерактивной доски позволяют создавать данные упражнения, применяя как словесный материал, так и иллюстративный в виде предметных или сюжетных картинок. Я предварительно ввожу и «ключ» к заданию, чтобы обучающиеся смогли сами проконтролировать правильность его выполнения.

Ценной представляется и программа SMART Video, позволяющая просматривать видеоматериалы без обращения к прикладным программам. Как известно, просмотр видеосюжета на английском языке значительно расширяют объем воспринимаемой информации.

Большие возможности открывает интерактивная доска при условии подключения к сети Интернет. Британскими и американскими методистами созданы целые системы уроков для обучения различным аспектам английского языка. Например, на сайте www.britishcouncil.org предлагаются различные варианты разработок уроков с использованием интерактивной доски как общего визуального средства, так и для индивидуальной работы ребенка на компьютере. К сожалению, пользоваться ими можно только в режиме on-line, что естественно создает некоторые трудности.

Известно, что в настоящее время весьма проблематично заставить ребенка читать, к сожалению, к книге дети стали обращаться все меньше и реже. Для повышения интереса к данному виду речевой деятельности целесообразно использовать упражнение, предлагаемое на данном сайте. В первом задании дети по предложенным опорам сами придумывают слова, это может быть либо прилагательное, либо существительное, обозначающее тот или иной предмет, выбор зависит от индивидуального задания. Далее компьютер сам составляет текст, включая написанные учеником слова. Ребенок с интересом читает «свое произведение». На данном сайте предлагается также варианты работы над стихотворением или песней.

Используя интерактивную доску, мы можем организовать постоянную работу в электронном виде, что значительно экономит время, стимулирует развитие мыслительной и творческой активности, включает в работу всех учащихся, находящихся в классе. Кроме того, программное обеспечение SMART позволяет не только сохранять слайды экранов, но и выстраивать их в нужной последовательности, в том числе и в виде альбомов. Можно просматривать слайды таких альбомов и повторно их комментировать. При

таком сохранении заданий, выполненных учеником на доске, можно проследить динамику усвоения материала каждым учащимся, выделить типичные и повторяющиеся ошибки.

В заключении хочется сказать, что о немаловажном психологическом аспекте проблемы. Мы живем в век технологического прогресса, к сожалению или к счастью, а это покажет время, наши дети все больше и больше общаются с компьютером. Порой навыки и умения этого общения у них гораздо выше, чем у преподавателей. Практически у каждого сегодняшнего школьника есть дома персональный компьютер, который используется главным образом для игр, а это значит, что подобным образом дети привыкают познавать окружающую их действительность. Возможности интерактивной доски позволяют переключить школьников с игровых программ ради игры на успешное использование их для обучения, способствует развитию творческой активности, увлечению предметом, созданию наилучших условий для усвоения материала на уроках английского языка.

С.Ю. Кочеткова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДЕСКРИПТИВНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ КАРТ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМОГО ТЕЗАУРУСА У СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Стадиальность формирования (квантование) лексического навыка, и расстановка ключевых слов в процессе лингвокогнитивной обработки профессионально ориентированного текста позволяет теоретически обосновать применение семантических карт или способа семантического картирования при формировании профессионально значимого тезауруса тематического поля «LAW» у студентов юридических специальностей при обучении их английскому языку.

Как показывает сегодняшняя практика подготовки профессионально-компетентного выпускника неязыкового вуза, формирование специалиста неотделимо от его компетентности не только в конкретной предметной (профессиональной) отрасли знания, но и в «отраженной сфере», то есть в соответствующем профессиональном пространстве иноязычной лингвокультуры, к которой обучаемый так или иначе обращается с целью повышения качества своих знаний, получения нового передового опыта, в исследовательских и иных целях и т. п.

Для эффективного достижения целей профессионально-ориентированного обучения необходима особая *лингводидактическая модель*, способствующая формированию прочного каркаса знания и навыков использования этого каркаса в речевой практике обучаемого.

Весьма важным объектом такого моделирования представляется лексика изучаемого иностранного языка: владение профессионально-значимым вокабуляром, на наш взгляд, составляет значительную часть навыков и умений профессиональной иноязычной коммуникации. Знания об аутентичном употреблении, коллокациях, регистрах применения и дискриминации синонимичных единиц в момент их использования в профессиональном иноязычном общении составляют тот «режим коммуникативной безопасности», который необходимо соблюдать во избежание возможных коммуникативных неудач, связанных с проявлением некомпетентного использования языковых единиц, влекущего профессиональные неудачи и ошибки. Особенно важно это обстоятельство в тех коммуникативных сферах, где неточность когнитивных соответствий критична настолько, что может повлиять на качество профессиональных решений. В нашем случае, речь идет о юридическом дискурсе и вовлеченных в него текстов юридической практики.

Составление ментальных карт, лежащее в основе метода семантического картирования, связано напрямую с важной лингвометодической задачей формирования тезауруса определенной профессиональной сферы у обучаемых, в частности, ключевых лексических единиц правоприменения и базовых словосочетаний, используемых в юридическом иноязычном дискурсе, отражающих соответствующие понятия и концепты правоприменительной практики.

Отбор содержания обучения на начальном уровне восприятия чужой культуры через изучение профессиональной информации предполагает селекцию вокабуляра и словосочетаний, которые отражают юридическую систему правоприменительной практики в англоязычных странах. Важное место в системе правоприменения занимают латинские термины интернационального характера, когнитивно освоенные всеми мировыми системами и заимствованные из римского права. Профессиональное правоприменение невозможно без понимания этой терминологии и грамотного использования ее в юридическом дискурсе. Таким образом, первичное освоение правового иноязычного вокабуляра с применением семантических карт дескриптивного¹ типа начинается именно с этого типа лексических единиц и словосочетаний.

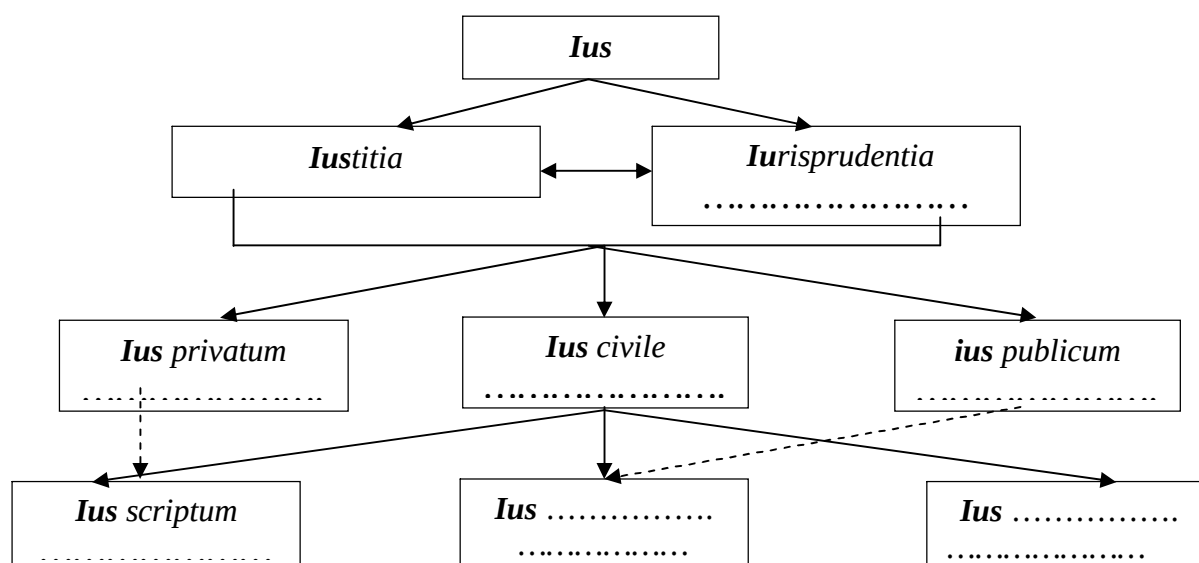
Термины римского права группируются тематически, поэтому определенный их набор вводится и когнитивно обрабатывается в рамках каждой изучаемой юридической темы. Так, в рамках темы «History of Law and Justice» при отборе и когнитивном освоении лексики, описывающей правоприменительную систему римского права, дескриптивная семантическая карта может быть использована следующим образом.

1. Вводится тематический кластер терминов универсального для правоприменения характера, отраженного в обозначении видов римского права. Введение лексического материала и его когнитивная обработка предваряет разъяснение преподавателем происхождения терминов русских лексем «право», «правосудие», «юрист», «легитимный» и английских – jurisdiction, jury, just,

law, legal, legislation от корневых латинских морфем *iu* (*ju*) и *lex* (*legis, legum*) как базовых для образования прочих производных терминов римского права.

2. Предлагается:

1) сгруппировать в порядке детализации латинские термины с общим значением «право» (***ius*** право; ***iustitia*** правосудие; ***iurisprudentia*** юриспруденция (деятельность юристов, правовая наука); ***ius aedilicium*** право эдилов; ***ius civile*** цивильное право (национальное право общины); ***ius disponendi*** право распоряжения; ***ius edicendi*** право издавать постановления; ***ius gentium*** право народов; ***ius honorarium*** право магистратов; ***ius modernus pandectarum*** современное римское (пандектное) право; ***ius naturale*** естественное право; ***ius non scriptum*** неписаное право (обычай предков); ***ius positivum*** позитивное право (изложенное в законе); ***ius possidendi*** право пользования; ***ius praetorium*** преторское право; ***ius privatum*** частное право; ***ius publicum*** публичное право; ***ius rogationum*** право вносить законодательные предложения; ***ius scriptum*** писаное право (законодательство); ***ius utendi – fruendi*** право пользования и извлечения плодов; ***ius vindicandi*** право истребовать вещь из чужого незаконного владения);

Дескриптивная семантическая карта «Право»

2) отобразить латинские термины со значением «право» в дескриптивной карте с переводом на русский язык и указанием аналога в английском языке;

3) отобразить стрелками взаимосвязи концептов римского права, отраженных в юридической лексике, а также объяснить по-английски суть этих взаимосвязей.

Алгоритм применения дескриптивной карты при освоении группы латинских терминов, описывающих типы исков, может быть следующим.

1. Вводятся термины: *actio* – исковое требование, защищаемое по суду право, иск; *actio in personam* – личный иск; *actio in rem* – вещный иск; *actio negatoria* – негаторный иск; *actiones bonae fidei* – иски, основанные на доброй совести; *actiones civiles* – иски по цивильному праву; *actiones*

negativae – отрицательные (негаторные) иски; *actiones praetoria* – иски по преторскому праву; *actiones stricti iuris* – иски строгого права; *actiones vindicationes* – виндикационные иски. Отрабатывается их англоизированное произношение, словосочетания семантизируются, уточняется их русский перевод.

2. Студентам предлагается заполнить дескриптивную карту с пробелами (см. стр. 94), в которых им следует вписать английские эквиваленты, их определение на английском языке; первый пустой слот заполнен в качестве образца:

Task: Fill in the gaps with English equivalents of Latin concept (slot 1), give an English definition to this concept (Slot 2). One slot is filled for you as an example.

3. Предлагается дать примеры употребления перечисленных терминов в контексте правоприменения, используя расширенный дескрипционный контекст:

Illustrate the usage of the following Latin terms, for example:

Civil lawsuits, or *actiones civiles*, deal with non-criminal cases and they are heard in the Magistrate Courts in Great Britain.

4. Предлагается дать англоязычные примеры, в которых раскрывается суть правоприменения каждого термина, прослеживается актуальная связь с современным правоприменением в англо-американском законодательстве.

При отборе содержания обучения англоязычной юридической терминологии студентов-юристов и формирования их иноязычного профессионально значимого тезауруса представляется необходимым научить студентов чувствовать логику семантических связей между лексическими единицами и их ЛСВ, употребляемыми в юридическом дискурсе, осознавать уместность/неуместность их употребления в том или ином контексте, правильно использовать соответствующий синоним в собственном иноязычном высказывании на профессиональную тему.

Таким образом, для реализации этой задачи преподаватель, с одной стороны, обязан сам грамотно пользоваться отраслевым юридическим словарем (двуязычным, толковым, энциклопедическим, англо-английским и латинско-русским) и использовать тезаурусный тип словаря, презентующий лексику, сгруппированную тематически и синонимически. С другой стороны, он должен научить студентов пользоваться этими типами словарей. Именно дескриптивный тип семантической карты может быть наиболее эффективно использован при отборе необходимого вокабуляра юридической сферы. Студентам могут предлагаться специальные задания, направленные на поиск и когнитивную обработку профессиональной лексики, извлекаемой из словарей и текстов юридического дискурса.

Важнейшим результатом применения семантических карт дескриптивного типа на начальном этапе формирования иноязычного профессионально значимого тезауруса и усвоения лексических единиц, его наполняющих, является закрепление соответствующих ассоциативных связей в сознании обучаемого, когда употребление одного элемента тезауруса влечет за

собой припоминание следующего, а затем всего репертуара вербальных средств, вовлекаемых в межкультурную профессиональную коммуникацию.

Примечание

¹ *Дескриптивные семантические карты* представляют собой иллюстративно-схематические опоры и коллажи, позволяющие представить первичное (генерализованное) описание вовлекаемых в коммуникацию понятий и концептов в виде статичного фрейма: дефиниции слов и специальных терминов, описывающих сущность судопроизводства в англоязычном мире.

Т.С. Мякишева

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ВНЕДРЕНИЕ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕСС ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Статья посвящена внедрению новых информационных технологий в процесс изучения иностранных языков. Данные технологии позволяют вести обучение в диалоговом режиме с учетом индивидуальных возможностей обучаемых, обеспечивать дистанционное обучение. В статье рассматривается специфика применения компьютерных технологий и сети Интернет в обучении иностранному языку, их дидактические преимущества и роль педагога в учебном процессе.

Создание искусственной иноязычной среды в процессе обучения иностранным языкам – один из важных проблемных вопросов современной методики. С ним в первую очередь связана реализация массового обучения двум из четырех основных видов речевой деятельности: аудированию и говорению (условно-коммуникативному или коммуникативному). Для достижения этой цели используются технические средства обучения, которые на современном этапе их развития характеризуются переходом к созданию многофункциональных учебных комплексов и автоматизированных обучающих систем на базе ЭВМ. Такие комплексы и системы обладают универсальными дидактическими возможностями: они позволяют вести обучение в диалоговом режиме с учетом индивидуальных возможностей обучаемых, обеспечивать дистанционное обучение (далее – ДО) с использованием современных технологий.

Дистанционное обучение – комплекс образовательных услуг, предоставляемых широким слоям населения в стране и за рубежом с помощью специализированной информационной образовательной среды, базирующейся на средствах обмена учебной информацией на расстоянии (спутниковое телевидение, радио, компьютерная связь и т. п.). Информационно-образовательная система ДО представляет собой системно-организованную совокупность средств передачи данных, информационных ресурсов, протоколов взаимодействия, аппаратно-программного и организационно-

методического обеспечения, ориентированную на удовлетворение образовательных потребностей пользователей. ДО является одной из форм непрерывного образования, которое призвано реализовать права человека на образование и получение информации.

То есть под дистанционным обучением понимается любой вид передачи знаний, где обучающий и обучаемый разобщены во времени и/или пространстве. Если согласиться с этим определением, то «старое доброе» заочное обучение и есть прообраз современного ДО, в котором, однако, отсутствует элемент индивидуализации. Каким же образом можно привнести элементы индивидуализации в компоненты дистанционного обучения [см.: Болотов, 1998]?

Поскольку современные компьютеры позволяют с большой эффективностью воспроизводить практически все известные до настоящего времени виды передачи информации, и, что представляется более важным реализовать адаптивные алгоритмы в обучении и обеспечить преподавателя объективной и оперативной обратной связью о процессе усвоения учебного материала, то становится совершенно очевидным, что принципиальное отличие ДО в сегодняшнем его понимании от традиционного заочного заключается в широком применении компьютера и Интернет при обучении иностранным языкам. Мультимедийный компьютер – это не только новый интегрированный носитель информации, это – устройство наиболее полно и адекватно отображающее модель «face to face». Кроме этого, только в компьютерах могут быть реализованы информационно-справочные системы на основе гипермедийных ссылок, что также является одной из важнейших составляющих индивидуализации обучения.

Наибольший интерес среди информационных ресурсов, предназначенных для образовательных целей, представляют электронные УМК и возможность их использования в обучении иноязычному речевому взаимодействию студентов неязыкового факультета.

Использование электронных УМК имеет определенную специфику.

Во-первых, передаваемый по сети текст становится автономным объектом, с которым может работать сам обучающийся. Он может сам вносить изменения непосредственно в полученный материал, выбрать размер и тип шрифта при просмотре полученного материала, убрать или переместить рисунки и т. п. Мы полагаем, что результат собственного труда вызывает положительные эмоции у обучающегося, порождая дополнительную мотивацию учения. Для лучшего усвоения материала студент использует индивидуальные приемы работы и запоминания, по своему усмотрению иллюстрирует изучаемый текст, делает его более личностным, отбирает содержание в соответствии со своими творческими замыслами и идеями решения поставленной задачи, фиксирует в тексте собственный взгляд на проблему.

Во-вторых, мультимедийный курс позволяет решить вопрос о противопоставлении дистанционного обучения традиционному. Информационная технология также предполагает унификацию способов работы с разнообразными

программами, в частности, программы для работы в Интернете тесно увязываются с остальными стандартными прикладными программами (офисными приложениями). В результате учебные курсы, созданные для автоматизации традиционного обучения, легко и быстро переносятся на дистанционное обучение.

В-третьих, возникает ряд методов, дающих решение методическим задачам, прежде неразрешимым в силу экономических или организационных причин (например, увеличиваются часы самостоятельной работы студента при выполнении заданий, содержащихся в ЭУ, изменяются приемы лекционного изложения материала и т. п.) [Илюшин, 1991].

Результаты исследования электронных учебно-методических комплексов позволили выделить их основные характеристики. При компьютерной форме обучения должны сохраняться все основные закономерности процесса обучения иностранному языку и культуре, в том числе принципы обусловленности, необходимости, информативности, надежности. Основным при создании электронного учебного курса является принцип квантовой организации электронного учебника: разделение материала на модули, полнота, наглядность, ветвление (связанность гипертекстными ссылками с другими модулями), регулирование, адаптивность, собираемость. Функции ЭУК должны облегчать понимание материала, обеспечивать адаптацию содержания, облегчение контроля, самопроверку, возможность оформления работы и неограниченного повторения. ЭУК должен обеспечивать достаточный объем, системность, дифференцированный подход, доступность установки, высокое качество мультимедиа компонентов, быстрое действие, удобство управления.

В ходе апробации ЭУК были отмечены преимущества использования электронных учебников: повышение мотивации, активная позиция студента, осознанность и самостоятельность обучения, самоконтроль, вариативность, активность мышления, алгоритмизация операций, интерактивная связь с различными образовательными ресурсами (электронные библиотеки, словари, энциклопедии), информационная насыщенность, высокая степень наглядности, гибкость методики обучения (индивидуализация обучения, быстрая обратная связь), экономия времени при проведении урока, развитие компьютерной грамотности студентов и преподавателя.

Бурное развитие информационных технологий, медленное, но неуклонное превращение компьютера из сакрального предмета, доступного лишь узкому кругу посвященных, в явление повседневной обыденности, появление Internet и т. д. – все это рано или поздно должно было затронуть и такую традиционно консервативную область, как отечественное образование.

Используя информационные ресурсы сети Интернет, можно, интегрируя их в учебный процесс, более эффективно решать целый ряд дидактических задач на уроке английского языка:

а) формировать навыки и умения чтения, непосредственно используя материалы сети разной степени сложности <http://www.washingtonpost.com>, <http://cnn.com/world>, <http://www.abcnews.go.com/index.html>, <http://www.bbc.co.uk/worldservice>, <http://www.washtimes.com/>);

б) совершенствовать умения аудирования на основе аутентичных звуковых текстов сети Интернет, также соответственно подготовленных учителем <http://www.hc11-labs.com/project/tts/index.html>;

в) совершенствовать умения монологического и диалогического высказывания на основе проблемного обсуждения, представленных учителем или кем-то из учащихся, материалов сети;

г) совершенствовать умения письменной речи, индивидуально или письменно составляя ответы партнерам, участвуя в подготовке рефератов, сочинений, других эпистолярных продуктов совместной деятельности партнеров;

д) пополнять свой словарный запас, как активный, так и пассивный, лексикой современного английского языка, отражающего определенный этап развития культуры народа, социального и политического устройства общества;

е) знакомиться с культуроведческими знаниями, включающими в себя речевой этикет, особенности речевого поведения различных народов в условиях общения, особенности культуры, традиций страны изучаемого языка;

ж) формировать устойчивую мотивацию иноязычной деятельности учащихся на уроке на основе систематического использования «живых» материалов, обсуждения не только вопросов к текстам учебника, но и актуальных проблем, интересующих всех и каждого.

При работе с компьютерными технологиями меняется и роль педагога, основная задача которого – поддерживать и направлять развитие личности учащихся, их творческий поиск. Отношения с учениками строятся на принципах сотрудничества и совместного творчества. В этих условиях неизбежен пересмотр сложившихся сегодня организационных форм учебной работы: увеличение самостоятельной индивидуальной и групповой работы учащихся, отход от традиционного урока с преобладанием объяснительно-иллюстративного метода обучения, увеличение объема практических и творческих работ поискового и исследовательского характера. В данном виде сотрудничества Интернета и урока часто используется проектная форма учебной деятельности. Проект предполагает самостоятельную исследовательскую работу школьников, в процессе которой ребята ищут способ решения некоторой комплексной многоуровневой задачи.

Кибернетическое пространство содержит огромный культурный и дидактический потенциал, который уже используется в обучении во всем мире. Однако для оптимального и эффективного использования кибернетических сетевых ресурсов в учебных целях требуется огромная научно исследовательская работа, результаты которой позволяют определить общие и частные принципы работы, критерии отбора сетевых ресурсов, сайтов и материалов, а также существенно обновить арсенал методических средств и приемов обучения.

Список литературы

1. Бабанский, Ю. К. Оптимизация процесса образования / Ю. К. Бабанский. – М., 1977.
2. Батулин, Ю. М. Компьютеризация – путь к хаосу? / Ю. М. Батулин, А. М. Жодзишский // Ин-терфейс. – 1991. – № 1.

3. Болотов, В. А. О дистанционном образовании / В. А. Болотов // Информатика и образование. – 1998. – № 1.
4. Власова, Ю. Ю. Личностный аспект проблемы восприятия информации / Ю. Ю. Власова // Информатика и образование. – 1998. – № 1.
5. Гиркин, И. В. Новые подходы к организации учебного процесса с использованием современных компьютерных технологий / И. В. Гиркин // Информационные технологии. – 1998. – № 6.
6. Илюшин, С. А., Собкин Б. Л. Персональные ЭВМ в учебном процессе / С. А. Илюшин, Б. Л. Собкин. – М., 1992.
7. Растригин, Л. Компьютерное обучение и самообучение / Л. Растригин // Информатика и образование. – 1991. – № 6.

Н.А. Сытина

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА РУССКИХ РЕАЛИЙ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК)

В статье описываются приемы перевода русских слов-реалий на английский язык на материале переводов русских волшебных сказок. Релевантными для исследования являются вопросы, связанные с осмыслением места реалий в тексте, и средствами, которые можно привлечь для сохранения реалии в переводе. Переводчики прибегают к самым разнообразным способам перевода реалий (калькирование, приближенный перевод, описательный перевод, транслитерация, трансформационный перевод и гипонимический перевод), что указывает на наличие достоинств и недостатков каждого из приемов и субъективного фактора в решении данной проблемы.

Как известно, фольклорные произведения, например сказки, в силу своей специфичности, вызывают трудности при переводе. Переводчик сталкивается с рядом проблем, которые условно можно объединить в две большие группы:

- 1) проблемы, связанные с особенностями языка;
- 2) проблемы, связанные с фольклорной образностью и национально-специфическими реалиями.

В данной статье нас интересует вторая группа, а именно изучить предлагаемые способы перевода слов-реалий на материале переводов русских волшебных сказок и факторы, влияющие на выбор приема перевода.

Для начала необходимо определить, что такое слово-реалия. Согласно определению Л.Н. Соболева, «реалии – это те слова национального быта, которых нет на других языках, потому что нет этих предметов и явлений в других странах» [Соболев, 1955].

На сегодняшний день исследователи предлагают различные классификации культурно-маркированных единиц, основываясь на тех или иных принципах. В работах Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова исследователи относят слова-реалии к категории безэквивалентной лексики; В.С. Виноградов подразделяет такие лексические единицы на несколько

тематических групп; С. Влахов, С. Флорин учитывают не только тематический принцип, но и рассматривают также принцип местного деления (в плоскости одного или нескольких языков) и принципы временного деления.

При анализе переводов русских волшебных сказок были выявлены различные слова-реалии, которые в соответствии с классификацией В.С. Виноградова можно систематизировать следующим образом.

Лексика, называющая бытовые реалии:

а) жилища, имущество: слобода – outskirts of the town, терем – tower, крыльцо – door-step, пяльцы – silver frame, кубок – glass, старая изба – old hut;

б) одежда, уборы: полушалка – shawl; сапожки с серебряными подковами – silver – studded boots;

в) пища, напитки: каравай – soft white bread, сухари – biscuits, закуски и заедки, вина и меды – all kinds of foods and wines and other good things, горелой корки – burnt crust;

г) денежные знаки, единицы меры: рублей сотню – hundred rubles, сажени – seven yards down.

д) обращения: почтенный – my good man, любезный Финист – Fenist the Falcon, my own love, красавица – my beauty, бабушка – Granny dear, добрый молодец – fine handsome lad.

Лексика, называющая этнографические и мифологические реалии:

а) этнические и социальные общности и их представители: работница – servant -girl, боярская дочь – boyar's daughter, купеческая дочь – merchant's daughter, слуги верные – loyal servants;

б) сказочные существа: кот-Баюн – Croon-Cat, сват Наум – brother Naoom, невидимый голос – unseen voice, Кощей Бессмертный – Koshchei the Deathless.

Лексика, называющая реалии мира и природы:

а) животные: горлица – turtle-dove; гады – crawling things;

б) растения: яблоня с золотыми яблоками – apple-tree that bore golden apples, кругом зеленый сад, на деревьях птицы поют – green garden and birds sang in the trees;

в) ландшафт, пейзаж: топкое болото – marsh, синие леса – green forests, зеленые луга – lush, green meadows, синее поднебесье – blue heavens, чистое поле – open fields.

Лексика, называющая ономастические реалии:

а) антропонимы: кабацкая теребень – ragamuffin, царский советник – Tsar's Councillor, батюшки родимого – dear father.

Лексика, отражающая ассоциативные реалии:

а) анималистические символы: серебряное блюдечко и золотое яичко – silver saucer and golden egg, серебряное донце, золотое веретенце – silver distaff and this golden spindle;

б) фольклорные, исторические и литературно книжные аллюзии: в некотором царстве, в некотором государстве – In a certain tsardom, in a certain realm; огненная река – Flaming River; родная сторона – homewards; златогривый

конь – the Horse with the Golden Mane Жар-птица – Fire-Bird, жить-поживать да горя не знать – live together in health and cheer;

в) языковые аллюзии: путь-дорога – weary way, реки медовые, берега кисельные – honey rivers with jelly banks, уста сахарные – sugar-sweet mouth, утро вечера мудренее – night is the mother of counsel (morning is wiser than evening).

Историзмы: похитник – thief, пополдneвать – stop for a bit to eat, сказывать – say a word, sprыснуть – sprinkle, кручиниться – feel weary and out of humor.

Рассмотрим более подробно переводческие решения авторов при передаче слов – реалий и охарактеризуем лишь некоторые аспекты этих единиц в текстах волшебных сказок.

В ряде волшебных сказок встречается слова «сарафан, кафтан». Так как сам предмет – русская реалья, и никаких соответствий ему в английском языке нет, то переводчики в данном случае использует транслитерацию (sarafan, caftan), выделяя лексическую единицу курсивов, но при этом отсутствует какой-либо комментарий или пояснение.

Другим примером является перевод названий частей дома. Дом как жилище есть у каждого народа, но, то, что является типичным для одного народа, оказывается экзотичным для другого. Слово «изба» вошла в иностранные языки, тем не менее, иностранная реалья заменяется реальией языка перевода, словом «hut», возможно, для достижения лучшего эффекта понимания сказки иностранным читателем.

Например, в предложении, в котором Марья Моревна говорит Иван-царевичу: «Везде ходи, за всем присматривай, только в этот чулан не заглядывай», переводчик передает «чулан» нейтральным словом «room», не пытаясь даже подчеркнуть, что это помещение в доме, служащее кладовой, хотя из текста ясно, что чулан представляет собой отдельную часть дома: «Go all over and look after everything, but mind you never look into this one room». Слово «горница» при переводе предложения «Рассердился царь и приказал их выгнать вон из горницы» переводчик просто-напросто опустил: «The Tsar was very angry and told them to get out of sight». Еще встречается слово «терем», при передаче которого переводчик ограничился приблизительно соответствующим словом «tower».

Наибольшие трудности у переводчиков вызывают формы с уменьшительно-ласкательными суффиксами, которых в сказках встречаются достаточно много, потому что эти тексты предназначены для детей, как правило, раннего возраста и соответственно ласковое отношение эксплицируется в лексике, например: *батюшка, сапожки, старичок, дедушка, уточка, детки, немного хлебушка, под крылышко* и т. д. В английском переводе эти уменьшительно-ласкательные слова не всегда присутствуют: сапожки – high-heeled boots, батюшка – Father, немного хлебушка – a little bread, под крылышко – under its wing, но, скорее всего, это уже группа проблем, связанных с особенностями языка.

Таким образом, при переводе русских волшебных сказок встречаются следующие способы передачи культурно-маркированных единиц: калькирование, приближенный перевод, описательный перевод, транслитерация, трансформационный перевод и гипонимический перевод.

По частотности употребления различных приемов передачи слов-реалий чаще употребляется калькирование (65 %) и приближенный перевод (20 %), когда переводчик передает предметное значение (семантику) реалии, в результате чего теряется колорит (коннотация) – ее национальная и историческая окраска, что может привести к искаженному пониманию культурно-маркированной лексической единицы. С другой стороны, предпочтение переводчиками этих способов имеет целью достижение оптимального эффекта восприятия текста иноязычными читателями (детьми), в противном случае, тексты сказок на английском языке оказались бы перегруженными средствами комментирования и трудными для понимания. Реже всего используется гипонимический перевод, когда устанавливаются отношения эквивалентности между словом оригинала, передающим видовое понятие – реалию, и словом в языке перевода, называющим соответствующее родовое понятие, например: полушалка – shawl, синее леса – леса из хвойных пород деревьев с сине-зеленой хвоей, распространенные в России, преобразуется в green forests, ширинка (рушник) – towel.

Перевод слов-реалий – творческая процедура, и переводчик должен донести до иностранного читателя, в данном случае детей, в возможно максимальном объеме языковые образы.

Список литературы

1. Верещагин, Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Рус. яз, 1983.
2. Виноградов, В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы / В. С. Виноградов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978.
3. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Междунар. отношения, 1986.
4. Соболев, Л. Н. О переводе образа образом / Л. Н. Соболев. – М., 1955.
5. Томахин, Г. Д. Реалии в языке и культуре / Г. Д. Томахин // ИЯШ. – 1997.

Источники

1. Русские народные сказки. – М. : Просвещение, 1993. – 320с.
2. Vasilisa the Beautiful. The Russian fairy tales. – М. : Progress Publishers, 1991. – 214 p.

О.П. Сафонова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ЭЛЕКТРОННЫЕ ПОРТФОЛИО В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Статья посвящена использованию электронных портфолио в обучении иностранным языкам, дается определение понятия «электронное портфолио», рассматривается его природа, типы и преимущества использования в процессе обучения иностранным языкам.

Существует множество дефиниций понятия «электронные портфолио» или «веб-портфолио». Среди исследователей нет единства в выборе термина для обозначения этого понятия. Так, Х. Ричардсон и Р. Ворд определяют

электронный портфолио как «коллекцию цифровых материалов, хранимых на переносных носителях», а веб-портфолио как «комплекс веб-ориентированных мультимедийных документов, которые включают государственные стандарты, задания курса, продукты учебной деятельности студентов, а также обратную связь, предоставляемую педагогами и однокурсниками» [Ричардсон, Ворд, 2005].

Хелен Баррет подчеркивает тот факт, что электронный портфолио – это инструмент для постоянной фиксации роста и развития студента, его навыков и знаний. Именно эта черта электронных портфолио позволяет преподавателю наглядно видеть, как и насколько эффективно идет процесс обучения каждого студента. За созданием и презентацией любого учебного продукта лежит целый комплекс процессов, таких как планирование, синтез, обмен, обсуждение, рефлексия и продуцирование обратной связи. Все эти процессы составляют основу обучения, основанного на электронных портфолио, которое предполагает, что сам учебный процесс не менее важен, чем получаемый результат. Обучаемый, в процессе работы над своим портфолио, собирает воедино цифровые материалы, руководствуясь определенными целями, поэтому из одного и того же набора материалов, могут быть созданы различные портфолио, в зависимости от целевой аудитории.

Электронный портфолио – это не только система организации и хранения файлов различного мультимедийного формата, но и административный инструмент, предназначенный для организации и управления используемыми приложениями и контроля за тем, кто может просматривать портфолио и предоставлять обратную связь обучающимся. Изучив разные подходы к определению данного понятия и учитывая специфику обучения 2.0, мы рассматриваем электронные портфолио как многофункциональную технологию, с помощью которой становится возможной организация коллаборативного обучения, обеспечение саморефлексии студента и обратной связи с преподавателем и другими обучающимися, развитие навыков самобразования, а также осуществление мониторинга учебного процесса на иностранном языке и демонстрация результатов учебной деятельности студентов.

Электронные портфолио бывают трех типов: студенческие, преподавательские и институциональные и выполняют шесть базовых функций: 1) планирование образовательных программ, 2) изучение формата документов, 3) отслеживание прогресса студентов, 4) поиск работы, 5) оценка курса, 6) мониторинг и оценка производительности учебного процесса [Кемпбелл, 2005].

Создание студенческих веб-портфолио может преследовать разные цели в процессе обучения иностранному языку. Так, Хелен Баррет выделяет три основных цели: обучение, презентация, оценка. Таким образом можно выделить три вида электронных портфолио: рабочий, оценочный, презентационный. В зависимости от цели, различным будет и формат электронного портфолио. Если это рабочий портфолио, то он имеет

хронологическую структуру, и обязательным компонентом является наличие регулярной обратной связи. Оценочный портфолио имеет тематическую организацию, акцент делается на достижения студентов, практический результат работы, а не процесс, как в случае с обучающими портфолио. Если же электронный портфолио создавался в презентационных целях, он также имеет тематическую структуру, главная его черта – соответствие той должности, на которую претендует его создатель. Х. Баррет в описании этого вида портфолио вводит понятие цифровой индивидуальности, то есть наличия личной составляющей электронного портфолио, которая и будет играть роль решающего фактора в выборе потенциальных работодателей. Любой портфолио начинается как рабочий. Со временем студент может выбирать те элементы, которые он считает наиболее успешными или подходящими для создания презентационного портфолио. В итоге создается оценочный портфолио, который содержит только лучшие работы студента. [Баррет, 2009]. Определение цели портфолио развивает навыки критического мышления студентов, умение создавать продукт в зависимости от аудитории, на которую он направлен. Студенты приобретают навык применения абстрактных теорий и концептов к конкретным аутентичным ситуациям, чувствуют значимость собственных достижений и созданного учебного продукта, развивают творческие, коммуникативные, организационные навыки, а также навыки планирования, самоорганизации.

Необходимо отметить, что именно применение электронных портфолио в парадигме образования 2.0 имеет существенное значение в современном процессе обучения иностранному языку, так как учебный процесс в этом случае происходит в социокультурном контексте. Это означает включение обучающихся в сообщества с определенным набором правил и инструментальных средств, а также наличие видов деятельности, побуждающих студентов к активизации таких мыслительных функций как логическая память, вербальное и концептуальное мышление [Оуэн, 2010].

Таким образом, электронные портфолио могут и должны быть использованы в процессе обучения иностранному языку не только для краткосрочной фиксации учебных результатов студентов, но и в процессе непрерывного образования с постановкой и решением новых задач. Изначально электронные портфолио представляют собой место для хранения продуктов учебной деятельности студентов и по сути являются базой данных об обучаемых. С течением времени электронные портфолио включают множество типов данных и продуктов, которые демонстрируют обучение и интеллектуальный рост студентов. Использование портфолио на протяжении всего обучения студентов в вузе ведет к развитию учебного пространства студента, позволяющего ему пересматривать свои достижения, проводить саморефлексию и тем самым развивать мыслительные навыки не только в рамках одного вида учебной деятельности. Еще более высокий уровень интеллектуального роста достигается в рамках непрерывного использования электронных портфолио в обучении иностранному языку. Данный этап

предполагает использование электронного портфолио студентом в качестве онлайн платформы для изучения и совершенствования контента в профессиональной области.

В отличие от ресурсов сети Интернет, которые использовались в поколении первого веба и даже сервисов Веб 2.0, являющихся преимущественно средствами, несомненно, оптимизирующими процесс обучения иностранному языку, электронные портфолио помогают решать не только методические задачи, такие как индивидуализация процесса обучения, активизация самостоятельной учебной деятельности, экономия аудиторного времени и прочие. Они предполагают выстраивание целой концепции обучения, так как речь идет не только о приобретении навыков общения на иностранном языке, но и навыков, входящих в профессиональную компетенцию лингвистов, специализирующихся в области прикладной лингвистики. К ним относятся: умение структурировать иноязычную информацию, представлять ее в зависимости от целевой аудитории, работать над анализом и синтезом профильных текстов, а также навыки непрерывного образования и саморефлексии, необходимые любому специалисту в современном информационном обществе.

Список литературы

1. Barret, H. Balancing the Two Faces of ePortfolios / Educacao, Formacao & Tecnologias, 2009. – 3(1), pp. 6–14
2. Campbell, J. “Electronic Portfolios: A Five-Year History.” Computers and Composition, 2005. – pp. 94-185
3. Owen, H. Portfolios Have Long Been a Part of Learning, Teaching and Professional Practice: Why Use E-portfolios and What Do Web 2.0 Tools Have to Offer? // Learning Communities: International Journal of Learning in Social Contexts: e-Portfolio, 2010. – Edition(2), pp.74–103.
4. Richardson, H., Ward, R. Developing and Implementing a Methodology for Reviewing E-portfolio Products // Wigan: The Centre for Recording Achievement, commissioned by the Joint Information Systems Committee (JISC), 2005. – access at: www.jisc.ac.uk/.../05%20epfr%20REPORT%20version%201.0%20final.doc, free.

О.П. Корниенко

**Волгоградский государственный
архитектурно-строительный университет (Волгоград, Россия)**

КОРРЕЛЯЦИЯ ЭТАПОВ ПРЕЗЕНТАЦИИ АРХИТЕКТУРНОГО ПРОЕКТА, РЕЧЕВЫХ ИНТЕНЦИЙ И ЛЕКСИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Статья посвящена вопросам профессионально ориентированного обучения иностранному языку студентов архитектурно-строительного вуза. Рассматривается иноязычная презентация архитектурного проекта как наиболее типичный вид деятельности архитектора-строителя. Вхождение России в единое европейское образовательное пространство с целью решения общих экономических проблем за счет повышения качества высшего образования является предпосылкой расширения контактов специалистов

технического профиля с зарубежными партнерами, разработки совместных проектов, что требует от специалистов не только социально-профессиональной компетентности, но и активного владения иностранным языком в сфере профессиональной коммуникации.

В ГОС ВПО по специальности 653500 «Строительство» требования к уровню владения выпускниками иностранным языком предполагают овладение иностранным языком как средством профессионального устного и письменного общения в архитектурно-строительной среде [ГОС ВПО, 2000]. Анализ иноязычных коммуникативных потребностей студентов архитектурно-строительных специальностей позволил выявить компоненты *иноязычной проектно-технической компетенции*, релевантные для их профессиональной деятельности, определить ситуации и сферы приложения иноязычных знаний будущих специалистов данного профиля. Современные потребности, лежащие в основе формирования ИПТК будущих архитекторов-строителей связаны с расширением:

- сфер профессиональной деятельности (установление контактов с зарубежными заказчиками, проведение презентаций проектов на международных выставках, обмен профессиональным опытом с зарубежными коллегами в устном и письменном форматах, осуществление профессиональной деятельности за рамками РФ);
- информационного поля деятельности (работа с современной иноязычной специальной литературой, зарубежными периодическими изданиями, работа в сети Internet);
- научно-исследовательской деятельности (поиск, отбор и обработка необходимой информации из иноязычных источников, представление результатов научных исследований и проектно-технической деятельности на международных конференциях и выставках, при защите дипломного проекта на иностранном языке).

Одним из наиболее типичных видов деятельности архитектора-строителя является презентация, обсуждение или защита архитектурных проектов на иностранном языке в учебном процессе (4–6 курсы обучения) и на международных выставках после окончания обучения. Презентация архитектурного проекта определяется как информирование аудитории о проекте строительства или реконструкции объекта, поиск заинтересованных лиц в поддержке разработки и реализации проекта [Корниенко, 2009, с. 33].

Презентация архитектурного проекта имеет трехкомпонентную структуру: вступление (*introduction*); основную часть (*main body*); заключение (*conclusion*), реализующие определенные речевые интенции. Для уточнения содержания обучения целесообразным представляется провести корреляцию этапов презентации, речевых интенций и коммуникативно-достаточного лексического материала, который необходимо освоить архитектору-строителю в процессе изучения английского языка.

Во вступительной части осуществляется:

- представление ведущего презентации проекта;

- обозначение темы и цели презентации (*representation of a new object or presentation of a project concerning restoration of an old structure etc.*);
- обозначение структуры презентации проекта;
- определение времени и порядка выступления.

Основная часть презентации составляет 75–85 % выступления. Для выяснения содержания основной части данного вида презентации обратимся к структуре и содержанию архитектурного проекта. Архитектурный проект состоит из чертежей, макета проектируемого или реконструируемого объекта, аннотации к пояснительной записке, доклада, который будущий архитектор-строитель зачитывает перед аудиторией, включающий:

1. Раздел 1. Общая часть (*General part*):

- описание типа здания (*educational center, hospital, business center, cinema etc.*);
- указание основных характеристик строения (*how many people can accommodate, main physical capacities, design requirements, functions in heating and air-conditioning systems etc.*);
- представление характеристики района строительства (*climatic parameters, relief etc.*);
- описание местонахождения здания (*location, orientation, climatic parameters, relief etc.*);
- обозначение основных видов материалов, используемых при строительстве объекта (*reinforced concrete, clay, granite etc.*).

2. Раздел 2. Архитектурно-строительная часть (*Architectural part*):

- представление генплана (*layout, roads, transport lines, municipal improvements, planting of greenery etc.*);
- описание объемно-планировочного решения (*structure, rooms, location, dimensions etc.*);
- обоснование конструктивных решений (фундамент: *isolated spread, mat foundation, combined footing, caisson*; каркас: *trabeated, post and lintel, framed*; стены: *solid and hollow, outside and inside*; перекрытия: *panels, floors*; крыша: *dome, flat, pitched etc.*);
- представление инженерного обеспечения здания (*heating, ventilation, conditioning, lifts, water supply and sewerage, power supply etc.*).

3. Раздел 3. Расчетно-конструктивная часть (*Calculation and constructional part*):

- описание графической части проекта (*front and back elevation, sides, plan of roof and floor, cut-away view, facade, cross-section etc.*);
- пояснение расчетов, таблиц.

4. Раздел 4. Организация производства работ (*Bar chart of sequence of trades*):

- пояснение таблицы «Укрупненная ведомость объемов работ» («List of jobs»).

5. Экономическая часть (*Economic part*):

- обоснование технико-экономических показателей (*area of the structure, construction budget, construction period etc.*).

В заключительной части презентации проекта презентатор обобщает вышесказанное в основной части, отвечает на вопросы аудитории и, при необходимости, призывает потенциальных строителей и застройщиков к реализации проекта.

Информативной плотностью обладает основная часть презентации, поэтому целесообразно выделить лексический материал именно для этого этапа. В содержательную часть обучения иностранному языку архитекторов-строителей необходимо включить:

- глаголы и сочетания, описывающие назначение объекта (*to function, serve, be used for, provide, serve the function of, have the capacity to, be capable of, have the ability to, be able to etc.*);
- существительные, описывающие основные требования, предъявляемые к объекту (*physical capacities, design requirements etc.*);
- существительные, обозначающие материалы и их свойства (*a good conductor of heat, transparency, fire-resistance etc.*);
- глаголы местонахождения (*to face, be bounded, be located, be situated etc.*);
- наречия и предлоги места (*perpendicular to, at right angles to, parallel, beyond, on the right, on the left of etc.*);
- существительные, обозначающие размеры здания (*length, width, area etc.*);
- прилагательные и существительные, описывающие форму объекта (*triangular, rectangular, square, semi-circular, pyramidal, conical, cylindrical, cubic etc.*);
- названия чертежей, прилагаемых к проекту (*ground floor plan, elevation, section, cut-away view etc.*);
- существительные, описывающие структурные элементы конструкции (*lintel, arch, beam, roof, ceiling, truss, vault, span, slope, etc.*);
- глаголы, обозначающие строительные понятия (*to construct, rest on, span, erect, act as etc.*);
- названия единиц измерения физических величин (*kg/m³ – kilogramme per cubic metre etc.*);
- конструкции, обозначающие диапазон указанной величины (*to vary between...and..., to range from ...to...etc.*);
- прилагательные в сравнительной конструкции (*slightly bigger, considerably, bigger, much bigger etc.*);
- названия линий, графиков (*object line, dashed line, dotted line, center line, extension line; pie chart, flow chart, bar chart etc.*);
- существительные, описывающие строительные работы (*machine drivers, steel erectors, bricklayers, roofing contractor etc.*);
- выражения времени (*before, after, as, when, until, as soon as, immediately, simultaneously, at the same time as, from the beginning of...to the end of etc.*)

Отбор лексического материала позволяет усовершенствовать процесс обучения иностранному языку студентов архитектурно-строительных специальностей и дает им возможность расширить профессиональную деятельность.

Список литературы

1. Астафурова, Т. Н. Лингвистические аспекты межкультурных деловых коммуникаций / Т. Н. Астафурова. – Волгоград : Изд-во ВГУ, 1997.
2. ГОС ВПО по специальности 653500 «Строительство». – М., 2000.
3. Корниенко, О. П. Формирование иноязычной проектно-технической компетенции у специалистов (на примере архитектурно-строительных специальностей) : автореф. дис. ... канд. пед. наук / О. П. Корниенко. – Пятигорск, 2009.

Е.С. Гончарова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

СУГГЕСТИВНЫЙ ТИП КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена рассмотрению суггестии как обязательному компоненту межличностного общения, рассматриваются принципы данного направления лингвистики.

Смена общенаучной лингвистической парадигмы последней четверти двадцатого века под эгидой исследования человеческого фактора в языке четко обозначила необходимость привлечения в лингвистическую науку данных таких отраслей гуманитарного знания как психология, социология, политология, культурология. Все чаще объектом лингвистического исследования становится детерминанта речевого поведения – авербальная составляющая психики человека – мир интенций, эмоций, оценок. Суггестивная лингвистика как самое молодое и комплексное из современных лингвистических направлений, наследуя теоретические наработки психолингвистики и социальной психологии, избирает объектом научного исследования языковую суггестию.

Изучению феномена суггестии посвятили свои труды классики российской нейропсихологии В.М. Бехтерев, И.П. Павлов, психологи П.И. Буль, М.А. Белов, Г.А. Гончаров, С.Ю. Мышляев, А.М. Свядощ, М.С. Смирнов.

Ряд современных российских лингвистов – А.К. Киклевич, Л.Н. Мурзин, А.А. Романов, Е.А. Потехина, И.Ю. Черепанова, философ-палеопсихолог Б.Ф. Поршнев – рассматривают суггестию в качестве ключевой темы науки о языке и намечают перспективы максимально комплексного решения лингвистической проблемы языковой суггестии.

Суггестия (внушение) – «это возможность навязывать многообразные и в пределе даже любые действия» [Поршнев, 1974, с. 416]. Суггестия является обязательным компонентом обычного человеческого общения, но может выступать и как специально организованный вид коммуникации, формируемый при помощи основного – вербального (словесная продукция) и вспомогательных – невербальных (мимика, жесты, действия собеседника,

окружающая обстановка и т. д.) средств. Эти средства можно рассматривать как «веер языков» разной степени значимости.

Термин «суггестивность», или «суггестия», (лат. *suggestio* – внушение, намек) достаточно прочно вошел в научный обиход. А.М. Свядощ приводит следующее определение суггестивности: «Внушение (*suggestio*) – подача информации, воспринимаемой без критической оценки и оказывающей влияние на течение нервно-психологических процессов. Путем внушения могут вызываться ощущения, представления, эмоциональные состояния и волевые побуждения, а также оказываться воздействие на вегетативные функции без активного участия личности, без логической переработки воспринимаемого» [цит. по Черепанова, 1996, с. 12]. Иными словами, суггестивность определяется как латентное (скрытое) преимущественно вербальное воздействие на подсознание индивида.

Краеугольным камнем теоретических основ суггестивной лингвистики является решение вопроса о ведущей функции языка в пользу волюнтаривной, инфлюативной или суггестивной функции – функции осуществления влияния и воздействия. Вторую сигнальную систему, по мнению представителей суггестивно-лингвистического направления, никак нельзя свести к информативной коммуникации: язык является, прежде всего, средством инфлюативной коммуникации, то есть посредством языка в первую очередь осуществляет не информирование, а прямое влияние на реакцию собеседника [Киклевич, Потехина, 1998].

Принципиальная позиция суггестивной лингвистики заключается также в том, чтобы рассматривать язык как единственное, а не одно из наиболее существенных средств регуляции человеческого поведения. Язык моделирует социальное взаимодействие и служит инструментом социальной власти, так как использование языка предполагает осуществление власти [Блакар, 1987]. Неоспоримо велика роль языка в формировании оценок и убеждений. По определению Т.А. ван Дейка, действие каждого речевого акта заключается в преднамеренном вмешательстве в систему знаний, убеждений, намерений, желаний и оценок слушателя [Т.А. ван Дейк, 1989].

Суггестивная лингвистика изучает явление суггестии как комплексную проблему; соединяет древние знания и современные методы, традиционный и нетрадиционный подход. В качестве постулатов (принципов) суггестивной лингвистики можно выделить следующие положения:

1. Язык в целом рассматривается как явление суггестивное, поэтому основное внимание уделяется изучению коммуникативно-волюнтаривной (манипулятивной) функции языка.

2. Единицей анализа является текст в широком смысле слова.

3. Суггестивная лингвистика по предмету своего исследования динамична (изучает и моделирует процессы), по методам – комплексна, междисциплинарна.

4. Языковая суггестия вероятностна по своей природе, ориентирована на преодоление существующих в каждом синхронном срезе языка норм. Суггестивное воздействие имеет правополушарную ориентацию, влияя на глубинные установки личности и общества.

5. Методологическая основа суггестивной лингвистики – вербальная мифологизация (ВМ) – универсальный, интегративный, диалектический метод познания, описания и обучения.

Суггестивная лингвистика – междисциплинарная наука на пересечении филологии и психологии, поэтому ее задача не только описывать язык, но и учитывать также физиологическую реакцию человека на слово. Текст может быть вербальным или невербальным (жесты, мимика и т. д.), то есть является знаковой системой, включающей в себя «веер языков». Динамическая природа суггестивной лингвистики заставляет исследователей изучать именно процессы воздействия: мифологический текст создается, а не только воспроизводится.

Текст, прагматическим содержанием которого является воздействие на подсознание адресата с целью изменения его психического и физиологического состояния, обозначается термином суггестивный текст. Некоторые исследователи пользуются также терминосинонимами текст внушающего характера, текст внушения. Автора суггестивного текста (адресанта) и адресата обозначим соответственно как суггестора и суггеренда. Синонимичным по отношению к последнему понятию является термин реципиент, обозначающий «лицо, на которое обращено воздействие текста» [Левкиевская, 2002, с. 209]. Известно, что эффект внушения достигается при условии значительного количества повторений (крайние случаи, например, введение в транс, сопровождаются многократным и монотонным повторением речевых стимулов), что приводит к экономии внимания, автоматизации мускульных речевых усилий говорящего, а также способствует эффективности восприятия содержания внушения.

Ведущим средством порождения и организации суггестивного текста является ритм как динамический фактор текстообразования, поэтому исследование внушения предполагает, в первую очередь, интерес к ритмической организации текста внушающего характера [Калачев, 1991; Поршневу, 1974; Рожнов, 1987; Сидис, 1902; Синицын, 1994; Черток, 1972]. Правомерно рассматривать процесс направленного воздействия в традициях теории коммуникации. В таком случае воздействующую личность (субъекта воздействия) можно назвать суггестором, а объект воздействия – суггестантом. Они взаимодействуют между собой посредством механизмов внушения, запускаемых вербальными и невербальными средствами. «Обработка» суггестии зависит от уровня суггестивной восприимчивости суггестанта. Нас в одинаковой мере интересует лингвистика суггестора, лингвистика суггестанта и корпус суггестивных текстов, обеспечивающих эффективное, целенаправленное и предсказуемое воздействие.

Естественно, что процесс преобразования суггестии от суггестора к суггестанту невероятно сложен и, трудно определить, что именно происходит в момент воздействия. Суггестант принимает лишь то, что соответствует его целостной установке личности. Важны здесь и уровень внушаемости (суггестивной восприимчивости) суггестанта, уровень его интеллекта (чем выше уровень, тем выше сопротивление), а также установка на суггестора

Универсальные суггестивные тексты являются математически точными, эффективными средствами воздействия на установки личности и общества, так как в них с наибольшей силой проявляются закономерности вербальной

мифологизации: эмоционально-личностное отношение к событиям, богатство используемых языковых приемов, ориентация на глубинные первичные слои подсознания. Каждая мифологическая система обладает своим корпусом суггестивных текстов, отличающихся особыми параметрами и влияющими на порождение индивидуальных суггестивных текстов в процессе профессиональной коммуникации.

Список литературы

1. Блакар, Р. М. Язык как инструмент социальной власти / Р. М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М. : Прогресс, 1987. – С. 88–120.
2. Киклевич, А. К. О суггестивной функции текста / А. К. Киклевич, Е. А. Потехина // Фатическое поле языка: (памяти проф. Л.Н. Мурзина) : межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т. – Пермь, 1998. – С. 114–127.
3. Левкиевская, Е. Е. Славянский оберег: Семантика и структура / Е. Е. Левкиевская. – М. : Индрик, 2002. – 334 с.
4. Поршневу, Б. Ф. [О начале человеческой истории \(проблемы палеопсихологии\)](#) / Б. Ф. Поршневу. – М., 1974.
5. Рожнов, В. Е. Гипноз от древности до наших дней / В. Е. Рожнов, М. А. Рожнова. – М. : Сов. Россия, 1987. – 302 с.
6. Сидис, Б. [Психология внушения](#) / Б. Сидис. – СПб. : Антиквар. изд., 1902.
7. Т. А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк / пер. с англ. О. А. Гулыги ; сост. В. В. Петрова ; под ред. В. И. Герасимова ; вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. – М. : Прогресс, 1989. – С. 294–300.
8. Черепанова, И. Ю. Дом колдуньи: Суггестив. Лингвистика / И. Ю. Черепанова. – СПб. : Лань, 1996.

Т.В. Серопегина

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ОБЪЕКТ ЭТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ЛИЦА В ОБОЗНАЧЕНИИ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматривается объект пейоративной этической оценки, включенной в обозначения лиц по профессиональной принадлежности, который имеет определенные содержательные особенности.

Концепт как единица структурированного знания имеет трехуровневую структуру, в которой ценностная составляющая отражает важность этого ментального образования для индивидуума и этнокультуры. Важнейшим средством выражения ценностей являются оценки, в которой проявляется взаимодействие общечеловеческой, этнокультурной и индивидуальной системы ценностей или ценностной картины мира.

Вслед за В.И. Карасиком мы считаем, что «ценностная картина мира в языке представляет собой проявление семантического закона, согласно которому наиболее важные предметы и явления жизни народа получают разнообразную и подробную номинацию. При межъязыковом сопоставлении ценностных картин мира обнаруживается, что различие между представлением тех или иных концептов выражается большей частью не в наличии или

отсутствии определенных признаков, а в частотности этих признаков, их специфической комбинаторике и номинативной плотности, проявляющейся в детализации обозначаемого фрагмента реальности и сложных смысловых оттенках обозначаемого» [Карасик, 2002, с. 168].

Оценочно-маркированные наименования лица отражают один, реже несколько, качественных признаков, которые представляют позитивное или негативное отношение познающего субъекта (языкового коллектива, социальной группы) к объекту наименования.

Мы разделяем мнение Н.А. Лукьяновой, что в языке наблюдается ярко выраженная асимметрия мелиоративных и пейоративных оценок, и это подтверждает исследуемый нами корпус единиц. Причина этого кроется в особенностях социального поведения человека, когда отрицательные эмоции как реакции на негативные факты занимают в повседневной жизни человека больше места, чем положительные эмоции, а критическое отношение к действительности, постоянная неудовлетворенность является неотъемлемым признаком активной жизненной позиции [Лукьянова, 1986, с. 79].

Н.Д. Арутюнова также отмечает, что языковые сообщения сфокусированы на отклонениях от нормы и стереотипа жизни, поскольку стандарт не вызывает интереса. Отклонение от нормы, которое берет свое начало в области восприятия мира, поставляющего данные для коммуникации, отражается в лексической системе. Именно искажения, изменения, отклонения от нормы стимулируют развитие оценочной семантики [Арутюнова, 1988, с. 140].

Культура поведения во всех сферах человеческой деятельности в общем и культура труда в частности подразумевает подчинение определенным морально-этическим нормам. Анализируемый фрагмент семантического пространства этической оценки лица является одним из многих фрагментов семантического пространства, актуализирующих пейоративную этическую оценку, и отражает отклонения от нормативных аспектов поведения людей в разных областях профессионально-трудовой деятельности, которая входит составной частью в понятие «традиционные ценности».

Oxford guide of British and American culture определяет traditional values (традиционные ценности), или small town values (Am.) (бук. «ценности маленьких городков») как образ жизни и идеалы маленьких городов, для которых важны трудолюбие, честность, дружелюбие, патриотизм, скромность. Это кластер этических предписаний, носящих, как и все нормы, облигаторный характер.

Различные эпохи демонстрировали различное ценностное отношение к труду и людям, занимающимся им. В эпоху варваров и позже, в античности к производительному труду отмечалось крайне противоречивое отношение. В период Римской империи у патрициев стало расхожим представление о природной низости плебеев – людей, занятых физическим трудом. В христианстве произошла переоценка рабовладельческой морали, и новые принципы раннего христианства, объявлявшего праздность тягчайшим грехом, изменили сложившиеся в обществе ценности и приоритеты по отношению к труду и людям, занимающимся им.

В протестантской этике труд рассматривался как судьба, призвание, предназначение человека. Ее предписания касались не только производственной, но и социальной практики, предъявляя требования высокого качества труда и

дисциплины. Эта этика осуждала пьянство и разврат, требовала крепить семью, приобщать детей к труду и обучать религиозной вере.

М. Вебер в труде «Протестантская этика и дух капитализма» описывает идеального человека – «кредитоспособный, добропорядочный, долг которого рассматривать приумножение своего капитала как самоцель». Один из основных догматов протестантизма ориентирован на прагматику жизни, утверждая, что «знак о том, спасен ты или нет, можно получить, лишь совершенствуясь в своей профессии» [Вебер, 1990, с. 138].

В анализируемом фрагменте семантического пространства пейоративной и мелиоративной этической оценки лица нашли отражение общечеловеческие, национальные и сословно-классовые ценности, относящиеся к личности человека, содержанию и результатам его труда. В дефинициях лица, осуществляющих профессиональную деятельность, прослеживается ориентация на устойчивые нормы нравственности, которые признаются наибольшим количеством людей, а также на нравственные заповеди, традиционные ценности, пересекающиеся в мировых религиях. Однако морально-этические установки католицизма в большей степени осуждают экстремальные разновидности деловых качеств, нацеленные на достижение эгоистических интересов, что поощряется протестантизмом.

Таким образом, аспекты трудовой деятельности человека, подвергающиеся этической оценке, включают:

1. Индивидуально-личностные качества.
2. Высокий профессиональный уровень.
3. Эффективность и качество работы.
4. Степень пользы труда для общества.

Модель семантического пространства мелиоративной этической оценки с общим дескриптивным компонентом

ОТНОШЕНИЕ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Бытовое поведение	Институциональное поведение
Режимы труда, соответствующие нравственным нормативам Группа А	Профессионализм, качественное выполнение профессиональных обязанностей Группа В
Eager Beaver (Am.) – доброволец, на любую работу идущий с энтузиазмом. Bee – проворный, трудолюбивый человек.	Mr. Clean (Am.) – честный политический деятель Whale (Am.) – исключительно профессиональный человек

Объект мелиоративной этической оценки, включенной в обозначения лиц по профессиональной принадлежности, обнаруживает следующие содержательные особенности:

1. Отличается высоким профессионализмом.
2. Проявляет крайнее трудолюбие.
3. Выполняет свои профессиональные обязанности с энтузиазмом.

Все оценочные коннотации данного семантического пространства прямо или косвенно обусловлены религиозными мотивациями и ценностями, характерными для традиционного протестантизма.

**Модель семантического пространства пейоративной этической оценки
с общим дескриптивным компонентом**

ОТНОШЕНИЕ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Бытовое поведение		Институциональное поведение
Порочные виды занятий Группа А	Безнравственное времяпровождение Группа В	Непрофессионализм или неисполнение своих профессиональных обязанностей Группа С
Desperate Dick (Am.) – головорез Al Capone (Am.) – преступник Moriarty (Br.) – преступник	Good -time Charlie(Br)-derog. – повеса, прожигатель жизни Coal-oil Johnny (Am.) – мот, транжира	Jack- in- the- office (Am.) – чинуша, бюрократ. Butterfly (Am.) – человек, не способный сосредоточиться на одном деле долгое время Shark (Am.) – мошенник, нечестный бизнесмен

Таким образом, объект пейоративной этической оценки, включенной в обозначения лиц по профессиональной принадлежности, имеет следующие содержательные особенности:

1. Обладает вредными индивидуально-личностными качествами, не ориентированными на профессиональную деятельность.
2. Не соответствует профессиональному уровню.
3. Выполняет неэффективную, некачественную работу, которая приводит к неблагоприятным результатам.
4. Посвящает себя занятиям, которые преследуются законом и осуждаются общественным мнением.
5. Является, как правило, представителями социально важных профессий, таких как священник, врач, адвокат, чиновник.

В качестве вывода следует отметить, что оценочные номинации лица здесь представлены неравномерно по гендерному признаку, при явном доминировании номинаций, относящихся к мужчинам. Исключение составляет Группа А пейоративной этической оценки, где широко представлены номинации лица, относящиеся к женщинам и описывающие многообразие порочного образа жизни прекрасного пола.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988.
2. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения. – М. : Прогресс, 1990.
3. Гуревич, П. С. Философия культуры / П. С. Гуревич. – М. : АспектПресс, 1994.
4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002.
5. Лукьянова, Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики / Н. А. Лукьянова. – Новосибирск : Наука, 1986.

В.В. Анохина

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ВНЕАУДИТОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ИНТЕНСИФИКАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

В статье в рамках теоретических положений межкультурной коммуникации обучаемый рассматривается как субъект межкультурной коммуникации и как центральный элемент методической системы и образовательных процессов, базирующихся на принципе речевой направленности, антропоцентрическом принципе, принципе функциональности и ситуативности, принципе новизны и пр., что вызывает интерес к обучению, предопределяет нешаблонную организацию учебного процесса и разнообразие приемов и будет способствовать формированию лингвистической, коммуникативной и межкультурной компетенции студентов.

Специфика будущей профессиональной деятельности определяет особенности практического овладения иностранным языком студентами неязыковых вузов. Государственные требования, выдвигаемые к содержанию и уровню подготовки выпускников нефилологических специальностей, предполагают высокий уровень сформированности коммуникативной компетенции и иноязычных дискуссионных умений, являющихся неотъемлемой составной частью этой компетенции. На современном этапе новые условия на рынке труда требуют подготовки специалистов новой формации, специалистов, которые не только могли бы грамотно действовать в рамках своей специализации, но и имели бы способность к свободному общению с деловыми партнерами на языке, получившем международное признание и распространение, – английском языке.

Однако перед преподавателями английского языка неязыковых специальностей стоит непростая задача – в короткие сроки (как правило, 4 семестра) дать студентам максимальную сформированность иноязычной коммуникативной компетенции. Абитуриенты, как правило, имеют разный уровень языковой подготовки, вследствие чего вывести на качественно новый уровень студентов, пришедших со слабой языковой базой, практически невозможно без каких-либо упущений в отношении «сильных» студентов. Таким образом, преподаватели вынуждены решать данную проблему, не имея возможности дифференцировать студентов по разноразовным группам. Поиск возможных ответов является причиной концептуальных перемен, переживаемых методикой обучения иностранным языкам, в том числе в рамках компетентностного подхода, позволяющего рассматривать английский клуб как форму внеаудиторной (то есть факультативной, рекреативно-учебной) деятельности, направленной на формирование у студентов-нефилологов иноязычных интерактивных умений и развитие межкультурной коммуникативной компетенции. О.Р. Бондаренко под межкультурной коммуникативной компетенцией понимает «ориентацию говорящего на иностранном языке не носителя языка своего речевого поведения на иностранного адресата, то есть успешное использование фоновых знаний о

культурно обусловленных коммуникативных особенностях иностранного адресата, а также комплекс умений учитывать имеющиеся межкультурные коммуникативные расхождения в процессе общения с носителями данного иностранного языка» [Бондаренко, 1991].

Набор компонентов коммуникативной компетенции весьма вариативен, поэтому единой точки зрения на содержание ее компонентов пока не существует. Так, различные исследователи выделяют в ее составе лингвистическую (знание лексико-грамматического корпуса языка), дискурсивную (способность понимать и достигать связности в восприятии и порождении отдельных высказываний в рамках коммуникативно-значимых речевых образований), стратегическую (степень знакомства с социально-культурным контекстом функционирования языка), социальную (способность и готовность к общению с другими) и другие компетенции. Т.Н. Астафурова в составе коммуникативной компетенции предлагает выделять *лингвистическую, социокультурную и интерактивную составляющие* [Астафурова, 2004].

Понятие *лингвистической компетенции* было впервые введено Н. Хомским, который разработал его на основе генеративной грамматики и подразумевал под ним «лингвистическую интуицию», «языковое знание», «языковое поведение» и, в конечном итоге, «способность идеального говорящего владеть абстрактной системой языковых правил». Согласно концепции Хомского, языковая компетенция включает фонологический, синтаксический и семантический компоненты лингвистического знания [Брылева, 2007]. Таким образом, языковая компетенция представляет собой многоаспектное явление, требующее разносторонних лингвистических навыков и умений. Лингвистическая компетенция включает: владение языковым материалом на уровне, достаточном для построения связного высказывания; знание системы языка на всех уровнях – фонологическом, лексико-семантическом, морфологическом, синтаксическом; представление о категориях текста и основах теории речевых актов, умение анализировать основной лингвистический объект текст/дискурс – с учетом специфики лингвистических и национально-культурологических характеристик фонетико-фонологического, лексического, семантико-синтаксического и прагматического уровней с учетом лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов; владение основными способами описания и экспликации фактуальной, концептуальной и имплицативной языковой информации; умение определять основополагающую дискурсивную структуру и основную лингвистическую специфику функционально-стилевых разновидностей текста/дискурса.

Социокультурная компетенция предусматривает понимание пресуппозиций, фоновых знаний, ценностных установок, психологической и социальной идентичности, характерных для данной культуры. Она также включает умение дифференцировать информацию с точки зрения ее значимости для межкультурного общения. Понятие социокультурной компетенции в определенной мере включает в себя понятие «культурной грамотности». Наряду с достаточно стабильными историческими и географическими данными, существуют элементы, связанные с

текущей политической ситуацией, скандалами, модой и прочими феноменами страны изучаемого языка, которые быстро возникают и сглаживаются в памяти носителей культуры. Этот динамизм требует постоянного пополнения объема инокультурной грамотности. Социокультурная компетенция, таким образом, включает знания и умения, необходимые для адекватного обмена информацией при межкультурном взаимодействии, такие как: владение системой основных семиотических средств в их совокупности, свойственной различным языкам и культурам, системой основных регистров вербальной и невербальной коммуникации; умение определять речевую принадлежность носителей различных языков с учетом социолингвистической информации; владение основами знаний концептуальной и языковой картины мира применительно к носителям иноязычной культуры; представление о языковой картине мира носителя изучаемого языка, способность описать ее и свое отношение к ней в иноязычной форме; знание реалий иноязычной культуры и умение ориентироваться в инокультурной действительности.

Интерактивная компетенция включает механизмы, приемы и стратегии, необходимые для обеспечения эффективного процесса общения. Требования к коммуникативной компетенции в межкультурной коммуникации более жесткие, чем внутри одной культуры, поскольку предполагается понимание не только универсальных закономерностей человеческого общения как такового, но и учет многочисленных национально-культурных различий, чуткость к малейшим изменениям коммуникативной ситуации и поведения собеседника. Интерактивная компетенция включает: умение применять приобретенные теоретические знания в процессе вербальной коммуникации с учетом специфики языков и культур; владение навыками восприятия и понимания аутентичной речи, передаваемой по различным каналам (акустическому, визуальному), включая каналы новых информационных технологий; умение адекватно использовать лингвистические, паралингвистические и экстралингвистические средства передачи информации; умение применять адекватно процессу коммуникации основные правила построения текста/дискурса на естественном языке; умение практически реализовывать основные способы построения аргументации в устных и письменных типах текста/дискурса; умение адекватно использовать потенциал языка для достижения коммуникативных целей с учетом ИКТ.

Р.П. Мильруд и И.Р. Максимова выделяют еще один значимый компонент коммуникативной компетенции – информативную компетенцию, то есть владение содержательным предметом общения. Формирование информативной компетенции, как считают данные лингвисты, формируют у студентов:

- информационные «фреймы» (frames), то есть набор необходимых понятий, описывающих ту или иную ситуацию;
- сложившиеся знания (schemata), то есть информацию из прошлого опыта в виде знаний и структур поведения;
- языковую картину мира (language representation of the world) в ее иноязычной форме, то есть знание окружающей действительности, способность описать ее и отношение к ней в иноязычной форме;

- фоновые знания (background knowledge), то есть информацию, важную для понимания конкретной ситуации общения;
- общий кругозор (general knowledge), то есть знание имен и названий, дат и событий, наличие биографических, исторических, политических и других специальных знаний [Мильруд, Максимова, 2000].

Данная информация является важным условием включения в общение, так как нередко ситуации, в которых студент не владеет предметом разговора, не имеет личного отношения к обсуждаемой проблеме, имеет слабые фоновые знания при высоком уровне сформированности лингвистической компетенции.

Социальная компетенция предполагает не только использование на уроке и «взятого из жизни» учебного материала, но и создание методически целесообразных условий естественного учебного общения. Для этого в группе обеспечивается «репетиция реального употребления языка» – «rehearsal of actual language use» [Цетлин, 2000].

В связи с вышесказанным следует отметить, что в рамках теоретических положений межкультурной коммуникации обучаемый рассматривается как субъект межкультурной коммуникации и как центральный элемент методической системы и образовательных процессов, базирующихся на принципе речевой направленности, антропоцентрическом принципе, принципе функциональности и ситуативности, принципе новизны и пр., что вызывает интерес к обучению, предопределяет нешаблонную организацию учебного процесса и разнообразие приемов и будет способствовать формированию лингвистической, коммуникативной и межкультурной компетенции студентов.

Список литературы

1. Астафурова, Т. Н. Компетентностный подход в лингводидактической парадигме / Т. Н. Астафурова // Материалы регион. науч. конф. Поволжья и Сев.-Кавк. региона, г. Волгоград, 19–21 апр. 2004 г. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2004. – С. 41–45.
2. Бондаренко, О. Р. Межкультурные аспекты коммуникативной компетенции на иностранном языке / О. Р. Бондаренко // Методы и организация обучения иностранному языку в языковом вузе : тр. МГЛУ. Вып. 370. – М. : МГЛУ, 1991. – С. 38–48.
3. Брылева, В. А. Развитие межкультурной компетенции студентов-лингвистов средствами виртуальной образовательной среды специального факультета : дис. ... канд. пед. наук / В. А. Брылева. – Волгоград, 2007. – 207 с.
4. Мильруд, Р. П. Современные концептуальные принципы коммуникативного обучения иностранным языкам / Р. П. Мильруд, И. Р. Максимова // Иностранные языки в школе. – 2000. – № 5. – С. 17.
5. Цетлин, В. С. Реальные ситуации обучения на уроке / В. С. Цетлин // Иностранные Языки в Школе. – 2000. – № 3. – С. 24.

Секция
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА
В РАЗНЫХ СОЦИОКОММУНИКАТИВНЫХ КОНТЕКСТАХ

У.Б. Ильина

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ФУНКЦИИ PR-ДИСКУРСА ГЕРМАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В статье рассматриваются основные функции университетского PR-дискурса, обусловленные влиянием ряда факторов, в том числе намерениями адресанта, потребностями и социальными предпочтениями адресата, а также существованием в структуре дискурса определенных объективных факторов, определяющих выделение тех или иных функциональных особенностей в пространстве университетского PR-дискурса. Статья содержит практический анализ вышеуказанных функций на материале немецкоязычных студенческих изданий, рассматривает вопросы воздействия на систему идейных, общественных и политических установок людей, затрагивает описание факторов, являющихся основными при анализе прагматической программы PR-текстов: познавательного, эмоционального, мотивационного.

В настоящее время не существует целостного описания модели PR-дискурса, в общем, и PR-дискурса германского университета, в частности, которое бы отражало все исследовательские достижения в области дискурс-анализа публичной коммуникации. Таким образом, типология и функции обозначенного вида дискурса варьируются в зависимости от выбранного подхода к его анализу.

Основной целью любой PR-деятельности является воздействие на систему идейных, общественных и политических установок людей. Изменение этой системы происходит путем формирования новых установок, либо посредством усиления или ослабления уже существующих. Согласно определению Л. Войтасика, установка – это «сформированная под воздействием пропаганды, воспитания и опыта относительно устойчивая организация знаний, чувств и мотивов, вызывающая соответствующее отношение человека к идейным, политическим и общественным явлениям окружающей его действительности, выражающееся в действии» [Войтасик, 2007, с. 257].

Л. Войтасик выделяет основные компоненты установок, являющиеся определяющими при анализе прагматической программы PR-текстов: познавательный, эмоциональный и мотивационный [Войтасик, 2007, с. 261]. Данная классификация тесно переплетается с классификацией В.М. Русакова и О.Ф. Русаковой, конкретизирующих в рамках прагматического анализа PR-текстов информативную, фатическую (контактоустанавливающую) и апеллятивную (воздействующую) установки [Русакова, Русаков, 2008].

Приняв за основу данные классификации, можно вычленить несколько основных функций университетского PR-дискурса, наиболее полно отражающих его основную цель – воздействие на адресата в интересах

адресанта: информативную, воздействующую, презентационную, просветительскую, ориентирующую, организационно-директивную.

Информативная функция (функция сообщения) как беспристрастная передача сообщений о всякого рода событиях, констатация значимых фактов, информативное описание значимых явлений, реализуется в университетском PR-дискурсе следующим образом:

Объявление в журнале «Mainswerk» (Университет Франкфурта на Майне) о проведении университетского турнира по уличному футболу:

Mainswerk (Studentenwerk Frankfurt am Main, 16–17, 2009)

Streetsoccer

Vom 21. bis 23. April wird an der FH Frankfurt im Rahmen von «Campuskultur am Mittag» Streetsoccer gespielt. Ausserdem informiert ein Infostand über «fair play-fair handeln-fair teilen». 21. bis 23. April, 12:00 bis 14:00 Uhr, FH Frankfurt am Main, Nibelungenplatz 1.

Данное объявление призвано, в первую очередь, информировать студентов о проведении мероприятия (время, место проведения), не содержит оценочных характеристик, не направлено на продвижение какого-либо образовательного продукта и не несет пропагандистской нагрузки. Однако, как и любое другое информационное сообщение, данный анонс выполняет и воздействующую функцию, то есть в данном случае имеет целью привлечение к мероприятию тех, кто заинтересован в игре в уличный футбол.

Воздействующая функция университетского PR-дискурса способствует оптимизации потребления клиентами образовательных услуг, а также продвижению новых образовательных продуктов. Эффект коммуникативного воздействия основан на использовании скрытой (имплицитной) информации, при передаче которой адресантом используются социальные стереотипы, сведения о предпочтениях и намерениях адресата. Имплицитная информация является неотъемлемой частью любого информационного сообщения.

Статья в журнале «Mainswerk» (Университет Франкфурта на Майне) о введении программы «Sudium universale», позволяющей получить более глубокое профессиональноориетированное образование:

Es lebe das «Studium Universale»

Die straffe Organisation der neuen Bachelor- und Masterstudiengänge weckt in manchen Studierenden die Sehnsucht nach eunem breiten Horizont. Die deutschen Hochschulen haben das erkannt. Sie bieten ihren Studierenden die Möglichkeit, mit dem «Studium universale» über den Rand des eigenen Faches hinzuschauen...An der Fachhochschule Frankfurt am Main wird ein solches fakultatsübergreifendes Programm...angeboten...Das ist sinnvoll, denn die neuen Studiengänge sind starker auf den Beruf ausgerichtet.

Несомненно, что данное сообщение направлено, в первую очередь, студенту, заинтересованному в скорейшем получении профессии (имплицитная информация, основанная на использовании потребности адресата), и подобная установка («Это является целесообразным, так как. новый курс профессионально ориетирован») имеет прямое воздействующее влияние на потребителя образовательной услуги.

Не менее явно в данном сообщении реализуется и просветительская функция, которая ориентирована на сообщение базовых и специальных знаний об образовательных институтах. Данная функция предусматривает пропаганду, в том числе, различного рода нововведений и достижений в рамках деятельности конкретного университета. В связи с тем, что введение «*Studium Universale*» есть несомненное новшество, о котором многие из студентов могут не знать, авторы статьи транслируют информацию для «принятия к сведению».

Презентационная функция университетского PR-дискурса есть создание определенного коммуникативного пространства, необходимого для реализации программных целей того или иного института, а также создания и продвижения его максимально благоприятного имиджа. Говоря о презентационной функции дискурса, мы можем рассматривать ее и как «атрибутивный элемент любого PR-дискурса, поскольку в каждой PR-коммуникации содержится презентационная стратегия» [Русакова, Русаков, 2008].

В вышеприведенном информационном сообщении (*Es lebe das «Studium Universale»*) помимо воздействующей и просветительской можно выделить и презентационную функцию университетского PR-дискурса, т.к. оно имеет своей целью не только представить информацию о существующем в университете нововведении, но и презентовать его более подробно, как программу, реализуемую университетом в условиях новых образовательных реалий.

Ориентирующая функция университетского PR-дискурса обеспечивает передачу статистической и аналитической информации об университете.

Информация на сайте Университета Дуйсбург-Эссен:

Universität im Zentrum des Rhein-Ruhr-Raumes

Die Universität Duisburg-Essen (UDE) liegt inmitten der dichtesten Hochschullandschaft Europas. 2003 errichtet, gehört sie zu den zehn größten deutschen Universitäten. Entstanden ist sie aus einer Fusion der Vorgängereinrichtungen, den 1972 gegründeten Universitäten-Gesamthochschulen Duisburg und Essen. Die Zwei-Campus-Hochschule im Zentrum des Rhein-Ruhr-Raumes verfügt über ein breites, international ausgerichtetes Facherspektrum. Es reicht von den Geistes- und Gesellschaftswissenschaften über die Wirtschaftswissenschaften bis hin zu den Ingenieur- und Naturwissenschaften einschließlich der Medizin. Den über 31.000 Studierenden steht eine Vielzahl von Bachelor- und Masterstudiengängen offen; das Lehramts- und das Medizinstudium schließen mit dem Staatsexamen ab. Unterrichtssprache ist zunehmend Englisch.

Очевидно, что наличие такого количества статистической информации имеет целью создать определенное положительное представление об условиях, возможностях и перспективах обучения в данном университете, сориентировать адресата в условиях огромной образовательной конкуренции среди германских университетов.

Организационно-директивная функция университетского PR-дискурса направлена на создание интерактивной коммуникации и предполагает наличие требования, побуждения к действию в интересах адресанта.

Объявление на сайте Гейдельбергского университета в разделе «*Studium*»:

Bezahlen und Ruckmelden

*Durch die Bezahlung des Semesterbeitrags (Studentenwerk-und Verwaltungskostenbeitrag) sowie der Studiengebuehr bis zum Ende der Ruckmeldefrist teilen Sie der Hochschule mit, dass Sie ihr Studium im nachsten Semester fortsetzen wollen. **Die Ruckmeldefrist fur das Sommersemester ist jeweils vom 15. Januar bis 15. Februar fur das Wintersemester ist jeweils vom 15. Juni bis 15. Juli.** Sie konnen Ihr Gebuhrenkonto selbst ausgleichen und sich sofort zuruckmelden, in dem Sie innerhalb der Ruckmeldefrist Ihre Studiengebuehr und den Semesterbeitrag per Lastschrift bezahlen.*

В уведомлении администрации университета о необходимости внесения взноса за обучение, на первый взгляд, прослеживается чисто информативная функция (*как, когда и кому оплатить и сообщить*), однако, уже сам заголовок статьи свидетельствует о трансляции в сообщении определенной директивы (*заплатить и сообщить*), которая усиливается путем обозначения четко установленных сроков оплаты, а также предлагаемой администрацией возможностью «мнимого» проявления доброй воли:

*Durch die Bezahlung des Semesterbeitrags (Studentenwerk-und Verwaltungskostenbeitrag) sowie der Studiengebuehr bis zum Ende der Ruckmeldefrist teilen Sie der Hochschule mit, dass **Sie ihr Studium** im nachsten Semester **fortsetzen wollen**.*

Очевидно, что использование в данном случае глагола *wollen* (*хотеть*), является скорее формальным, так как в случае неуплаты взноса следует отчисление, следовательно, администрация демонстрирует, таким образом, своего рода «мягкую» директиву студентам, скрытую под предлагаемой возможностью свободного выбора. Использование наречия *sofort* (*сразу же*) также придает сообщению императивную окраску (*Вы можете самостоятельно пополнить ваш счет для оплаты взноса и сразу же (!) сообщить об оплате в течение укзанного срока*).

На основании вышеизложенного можно заключить, что для PR-текстов германского университета характерно проявление различных дискурсивных функций, заявляющих от множества факторов, основными из которых являются намерения адресанта, потребности и социальные предпочтения (стереотипы) адресата, а также существование в структуре дискурса определенных объективных факторов, обуславливающих выделение тех или иных функций.

Список литературы

1. Войтасик, Л. Использование психологии в системе пропаганды / Л. Войтасик // Реклама: внушение и манипуляция. – Самара, 2007. – С. 257–261.
2. Русакова, О. Ф. М. PR-Дискурс: Теоретико-методологический анализ / О. Ф. Русакова, В. М. Русаков. – Екатеринбург : УрО РАН : Ин-т междунар. связей, 2008. – 340 с.

Источники

1. Сайт Гейдельбергского университета. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.ita.uni-heidelberg.de/>.
2. Сайт университета Дуйсбург-Эссен. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.uni-due.de/de/universitaet_mehr.php.
3. Mainswerk (Studentenwerk Frankfurt am Main), 16–17. – 2009.

М.Ю. Копылова

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АДРЕСАНТА В ИНТЕРНЕТ-ПРЕЗЕНТАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЯ (СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

В статье предлагается сравнительный анализ немецкоязычных и русскоязычных текстов Интернет-сайтов предприятий. Автор рассматривает вербальное и невербальное выражение адресанта в основных разделах данных сайтов.

В данной статье предлагается сравнительный анализ немецкоязычных и русскоязычных текстов официальных Интернет-сайтов предприятий. «С точки зрения лингвиста, Интернет является особой коммуникативной средой, особым местом реализации языка, никогда ранее не существовавшей» [Гусейнова, 277]. Согласно определению, Интернет-сайт – сервер, доступный через Интернет, осуществляющий предоставление статической информации по запросу пользователя [www.gcpp.ru].

Интернет-презентация предприятия представляет собой речевой жанр, который как «относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип высказывания» [Бахтин, 1979, с. 242] еще не стал объектом лингвистического изучения во всей полноте своих лингвопрагматических характеристик.

Интернет-сайт предприятия является не просто текстом, а гипертекстом. Традиционный текст допускает только одну форму организации транслируемого им знания, а именно линейную, в которой каждый информационный unit связан лишь с предшествующим и последующим. Гипертекстом предлагается совершенно иной вид связи между составляющими его элементами: в нем любой unit может быть непосредственно связан с любым произвольно взятым числом unit'ов информации [Кузнецов, 1996, с.50]. В толковом словаре гипертекст трактуется как информационный массив, в котором заданы и автоматически поддерживаются ассоциативные и смысловые связи между выделенными элементами, понятиями, терминами или разделами [Першиков, Савинков, 1995, с. 12].

Интернет презентацию предприятия можно отнести к массовой коммуникации, под которой А.В. Олянич понимает коммуникацию прагматическую, процесс направленной передачи информации, жестко ориентированный на получение адекватного эффекта [Олянич, 2004, с. 59]. Коммуникативный процесс можно представить следующим образом: коммуникатор → текст → реципиент. «Коммуникатор (отправитель, адресант) упаковывает нужную ему информацию в текст, который он затем отправляет реципиенту. Последний в этой коммуникативной цепочке распаковывает этот текст, хранит его и пользуется им» [Олянич, 2004, с. 61–62].

Рассмотрим лингвопрагматические характеристики одного из участников данного процесса в Интернет-презентации предприятия: адресанта. Согласно

определению, адресант – это тот, кто в процессах социальной коммуникации при помощи передачи сообщения стремится вызвать определенное поведение у партнера по коммуникации [www.aggregateria.com]. В данном случае адресантом является само предприятие.

На первой странице сайта предприятия начинается наше с ним знакомство. Первое, что бросается в глаза, это обычно набранное крупным шрифтом название или логотип предприятия, выделенное фирменным цветом. Для немецкоязычных сайтов характерно использование только названия предприятия: *Economos*, *Henkel*, *Kahlbacher* [www.economos.de , www.henkel.de, www.kahlbacher.de]. В русскоязычных сайтах под названием более мелким шрифтом идет пояснение, чем именно занимается предприятие. Характерно использование односоставных именных предложений с главным членом, выраженным существительным в именительном падеже с согласуемым определением и/или дополнением: *Лукойл / Нефтяная компания*; *Энерготехмаш / Производство мобильных зданий и жилых модулей*; *Северсталь / Российская сталь* [www.lukoil.ru, www.prorabka.ru, www.severstal.ru].

Отличительной особенностью немецких сайтов является то, что на главной странице жирным шрифтом дается краткая информация о предприятии, которая выражается одним – двумя распространенными предложениями. Наиболее частотными для выражения адресанта выступают лексемы **wir**, **unser**:

1. *Henkel – A Brand like a Friend – **Unser** Unternehmensleitsatz unterstreicht **unsere** Vision, mit unseren Marken und Technologien das Leben der Menschen leichter, besser und schöner zu machen* [www.henkel.de].

2. ***Wir** sind ein Weltmarktführer im Bereich hochwertiger, kunden- bzw. anwendungsspezifischer Dichtungslosungen. **Unsere** Werkstoffe und Produkte zeichnen sich durch herausragende Qualität bei einem guten Preis-Leistungs-Verhältnis aus* [www.economos.de].

В разделе *O компании/Uber uns* адресант выражается третьим лицом единственным числом с помощью существительных **компания**, **предприятие/Unternehmen**, а также характерно использование названия предприятия, что является отличительной особенностью как русских, так и немецких Интернет-презентаций. Использование данных лексических единиц подчеркивает деловой и официальный стиль этого тематического блока, перечисление основных видов деятельности предприятия побуждает адресата к интеллектуальной обработке полученной информации:

1. ***Das Unternehmen** hat seinen Sitz in Dusseldorf. Von über 50.000 Mitarbeitern sind 80 Prozent außerhalb Deutschlands tätig. Damit ist **Henkel** eines der am stärksten international ausgerichteten **Unternehmen** in Deutschland. Weltweit vertrauen Menschen Marken und Technologien von **Henkel*** [www.henkel.de].

2. ***ЛУКОЙЛ** – одна из крупнейших международных вертикально интегрированных нефтегазовых **компаний**. Основными видами деятельности **Компаний** являются разведка и добыча нефти и газа... Основная часть деятельности **Компаний** в секторе разведки и добычи осуществляется на территории Российской Федерации, основной ресурсной базой является Западная Сибирь. **ЛУКОЙЛ** владеет современными... Основная часть*

продукции **Компании** реализуется на международном рынке. **ЛУКОЙЛ** занимается сбытом нефтепродуктов в России, Восточной и Западной Европе, странах ближнего зарубежья и США [www.lukoil.ru].

В тематическом блоке *История предприятия/Geschichte* адресант апеллирует к концепту времени и тем самым актуализирует у адресата ассоциативный ряд, связанный с традициями и другими положительными характеристиками человеческой культуры. Для вербального выражения адресанта служат те же лексические единицы, что и в предыдущем разделе, высокой частотностью характеризуется использование названия предприятия:

1. 2006 SKF neuer Gesellschafter von **ECONOMOS**... 1988 Grundung **ECONOMOS** Deutschland 29.11.1988 in Bonnigheim... 1976 Grundung **ECONOMOS** als Handelshaus [www.economos.de].

2. История ОАО «**Энерготехмаш**» (изначально Авторемонтного завода) начиналась во время строительства Волжской ГЭС... **Завод** начал работать 1 апреля 1954 года... В 1992 году **завод** прошел приватизацию и был переименован в ОАО «Волжский энергомеханический завод «**Энерготехмаш**». Новые экономические условия заставили ОАО «**Энерготехмаш**» пересмотреть номенклатуру продукции... [www.prorabka.ru].

Для разделов немецкоязычных сайтов *Unternehmenspolitik, Mitarbeiter* характерно использование местоимений первого лица множественного числа (**wir, unser**). Тем самым адресант подчеркивает сплоченность команды, а также апеллирует к главной ценности современного западного мира – ценности человека:

*Unsere Serviceleistung zeichnet sich dadurch aus, dass **wir unseren** Kunden das liefern, was sie brauchen und nicht das, was **wir** haben!... Gezielte Personalauswahl, Forderung und Weiterbildung **unserer** Mitarbeiter bilden die Grundlage für die Qualität und Leistungsfähigkeit **unseres** Unternehmens* (www.economos.de).

В русскоязычных Интернет-презентациях в данных разделах адресант выражается существительными **завод, компания, предприятие**, а также самим названием предприятия:

*Особое внимание руководство ОАО «**Энерготехмаш**» уделяет благотворительности... Сейчас на **предприятии** организован сбор денежных средств и подарков* [www.prorabka.ru].

Итак, для вербального выражения адресанта предприятия в немецкоязычных сайтах служат следующие лексические единицы: **wir, unser, Unternehmen**, а также само название предприятия. Причем наибольшей частотностью характеризуется использование третьего лица единственного числа. Для русскоязычных сайтов используются такие лексические единицы, как **компания, предприятие, завод**, а также название предприятия. В отличие от немецкоязычных презентаций использование первого лица множественного числа характеризуется довольно низкой частотностью.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М., 1979. – С. 242.

2. Гусейнова, И. А. Жанровая организация маркетингового дискурса / И. А. Гусейнова. – Москва : Рема, 2009. – 364 с.
3. Кузнецов, М. Виртуальная реальность: Гипертекст / М. Кузнецов // New Media Logia : Междунар. симпозиум. Искусство новых медиа в России / Центр современного искусства Сороса. – М., 1996.
4. Олянич, А. В. Презентационная теория дискурса / А. В. Олянич. – Волгоград : Парадигма, 2004. – 507 с.
5. Паршиков, В. И. М. Толковый словарь по информатике / В. И. Паршиков, В. М. Савинков, В. Н. Ляхов. – М., 1995.

Источники

1. www.aggregateria.com.
2. www.economos.de.
3. www.gcpp.ru.
4. www.henkel.de.
5. www.kahlbacher.de.
6. www.lukoil.ru.
7. www.prorabka.ru.
8. www.severstal.ru.

С.А. Королькова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ В ТЕКСТОТИПОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПИСЬМЕННУМУ ПЕРЕВОДУ

В статье рассматривается роль рекламного текста в совершенствовании социокультурной и операциональной компетенций переводчика в рамках текстотипологической модели обучения письменному переводу.

Текстотипологическая модель обучения письменному переводу разработана авторским коллективом кафедры теории практики перевода Волгоградского госуниверситета и представляет собой синтез двух наиболее релевантных, с нашей точки зрения, парадигм переводоведения – лингвистической и коммуникативно-прагматической.

Теоретической базой текстотипологической модели являются следующие положения:

1) коммуникация есть неотъемлемая часть любой человеческой деятельности. Коммуникация – это процесс обмена текстуально организованной информацией, это «проявляемые вовне образцы и стереотипы действий, усвоенные индивидом либо на основе опыта собственной деятельности, либо в результате подражания общеизвестным им чужим образцам и стереотипам действий» [Дридзе, 1984, с. 52]. Следовательно, коммуникация это *текстовая деятельность*, являющаяся мотивированным и целенаправленным обменом действиями порождения и интерпретации текстов между коммуникантами. Обмен текстуально организованной информацией включает в себя следующие основные фазы: ориентировочную, исполнительную и контрольно-коррекционную;

2) *перевод* – вторичная билингвальная текстовая деятельность в рамках межкультурного общения, в ходе которой переводчик-билингв вербализует средствами ПЯ всегда с неизбежной потерей систему смыслов ИТ. Следует отметить, что перевод является динамическим билингвизмом, так как он предполагает одновременную актуализацию не только двух языков, но и двух культур. Причем текст, созданный на ПЯ, должен соответствовать стереотипам и образцам текстов, циркулирующих в лингвокультурном сообществе коммуникантов, говорящих на ПЯ;

3) *тип текста* характеризуется набором обязательных текстообразующих признаков, которые регулярно повторяются при текстопроизводстве, поэтому типы текстов могут и должны спонтанно распознаваться среднестатистическим носителем языка. Тип текста предполагает существование как инвариантных, постоянных признаков, так и вариативных, которые могут реализоваться не в каждом «экземпляре текста» (конкретном текстовом произведении [Чернявская, 2005, с.106];

4) *переводческая компетенция* – сложная многомерная лингвокогнитивная категория, включающая профессиональные навыки и умения, позволяющие переводчику осуществлять акт межъязыковой и межкультурной коммуникации. Она включает в себя несколько компонентов: лингвистический, текстотипологический, операциональный и социокультурный.

Текстотипологическая модель формирования профессиональной компетенции в письменном переводе включает три этапа, на каждом из которых формируется определенный аспект переводческой компетенции. Следует отметить невозможность изолированного формирования отдельных компонентов переводческой компетенции, речь идет о приоритетном развитии на каждом этапе обучения того или иного компонента переводческой компетенции. Таким образом, выделяются три этапа обучения:

1) формирование *текстотипологической компетенции* (сформированность умений распознавать и продуцировать тексты различного типа и жанра в соответствии с коммуникативной задачей и ситуацией общения) как базисного фактора переводческой компетенции;

2) развитие *операциональной компетенции* (умения прогнозировать стандартные и нестандартные переводческие проблемы и находить им адекватное решение, ориентируясь на тип текста), компонент обеспечивающий технологичность перевода;

3) совершенствование *социокультурной компетенции* (научиться извлекать импликатуры (смысловые выводы), опираясь на национально-специфическую структуру пресуппозиций, существующих в когнитивном сознании иноязычного лингвокультурного сообщества) и других компонентов переводческой компетенции.

В текстотипологической модели обучения письменному переводу рекламные тексты, состоящие из собственно текста и изобразительного ряда, представлены на продвинутом этапе обучения. Так как перевод рекламы в профессиональной деятельности явление не частое, а если и случается переводить рекламу, то речь идет о культурно-прагматической адаптации текста, поэтому основная задача рекламного текста в модели – это создание

прагматических пресуппозиций и пресуппозиций вертикального контекста в тезаурусе переводчика, а также совершенствование операциональной компетенции.

Рекламный текст – принципиально избыточный текст, насыщенный элементами вертикального контекста, прецедентными текстами или аллюзиями на них, специфической лексикой (с семантикой гиперболы положительной оценки, молодежный жаргон, просторечье, англицизмы), лексические фигуры стиля. Рекламный текст всегда лингвокультурно специфичен. Из-за его избыточности всегда наблюдается конфликт формы и содержания, то есть переводчик всегда перед выбором: какие потери будут минимальными, какими элементами текста можно пожертвовать при создании ПТ.

Тип текста	Вид информации				Доминанты перевода	Степень переводимости
	ког-ни-тив-ная	опе-рати-в-ная	эмо-тивна-я	эстети-ческая		
Рекламные тексты	+	++	+	+	прецизионная лексика; письменная литературная норма с отклонениями как в сторону высокого стиля, так и в сторону просторечия; лексика с семантикой положительной оценки; грамматические средства гиперболы положительной оценки; модные иностранные слова; авторские средства образности; синтаксические средства эмоционального воздействия; лексика с семантикой побуждения; аллюзивность текста.	III

Перевод рекламного текста позволяет развивать у студентов не только языковое чутье и знакомить их с пресуппозициями вертикального контекста, но и повышать интерес к профессиональной переводческой деятельности, поскольку перевод этого типа текста позволяет студенту проявить свой творческий потенциал. И даже те студенты, которые не проявляли особого интереса к процессу перевода, работая с другими типами текстов, всегда с интересом создают свои маленькие «переводческие шедевры», даже если они страдают переводческими погрешностями (например, лексическая сочетаемость – *хлеб ручной выпечки, пекарь-мастер*; или попытка сохранить информационный потенциал говорящего названия оригинала – *лесничий хлеб*).

Il y a de l'Artipan dans le pain Les pains Artipan sont composés de farines de la plus haute qualité, moulues avec	Artipan – хлеб ручной выпечки Хлеб Artipan готовится из муки высшего сорта, производящейся с особой заботой на

le plus grand soin par Dossche Mills & Bakery. Grace a une enorme variete de farines, votre artisan boulanger peut vous proposer toute une gamme de pain speciaux : un pain Forestier, un pain Silouet, ... les pains fonctionnels de la gamme Artipan sont : le Physics, le Protection, le Vitalys et le nouveau Flandrien. Ces pains Artipan contiennent des ingredients supplementaires qui sont benefiques pour la sante. GAGNEZ ! VOTRE PAIN QUOTIDIEN ARTIPAN PENDANT UN MOIS !	широко известном мукомольном предприятии Dossche Mills & Bakery. Большое разнообразие видов муки, позволяет пекарю-мастеру порадовать вас богатым выбором хлеба ручной выпечки, изготовленного по специальным рецептам: лесничий хлеб Forestier, низкокалорийный хлеб Silouet. Особыми полезными качествами обладают такие сорта хлеба как: хлеб для людей, подвергающимся повышенной физической нагрузке Physics, хлеб для повышения иммунитета Protection, богатый витаминами хлеб Vitalys и новый сорт Flandrien. В них содержатся дополнительные ингредиенты, оказывающие благоприятное воздействие на организм. СПЕЦИАЛЬНАЯ АКЦИЯ! ARTIPAN КАЖДЫЙ ДЕНЬ В ТЕЧЕНИЕ ЦЕЛОГО МЕСЯЦА!

Список литературы

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие / И. С. Алексеева. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ ; М. : Изд. центр «Академия», 2004. – 352 с.
2. Дридзе, Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии / Т. М. Дридзе. – М. : Наука, 1984 – 268 с.
3. Караулов, Ю. Н. Язык и личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1989. – 216 с.
4. Чернявская, В. Е. Тип текста в социокультурной перспективе / В. Е. Чернявская // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 4. Жанр и концепт. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2005 – С. 102–112.

Т.Б. Новикова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ДИСКУРСИВНОЕ И ИНТУИТИВНОЕ МЫШЛЕНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

В статье рассматриваются дискурсивное и интуитивное мышление в их противопоставленности и взаимосвязи с точки зрения практической деятельности переводчика. Решение проблемы адекватности перевода во многом зависит от понимания единства этих двух противоречивых форм мышления в процессе перевода.

Дискурсивное мышление переводчика представляет собой речевое мышление, предполагающее анализ грамматических структур и лексического содержания текста оригинала и синтез текста перевода. В процессе подобного вербально-логического мышления происходит перебор различных вариантов решения переводческих проблем как на этапе анализа, так и на этапе синтеза. Данная мыслительная стратегия связного логического рассуждения применяется, в основном, в письменном переводе, так как требует определенного времени. В связи с тем, что каждый шаг рассуждения обусловлен результатом предыдущего, возможен возврат к началу анализа в случае неверного заключения на одном из этапов. Умозаключение представляет

собой мысленный образ, состоящий из ряда элементов, и основывается на прошлом опыте переводчика.

Интуитивное мышление, в свою очередь, характеризуется быстротой протекания и отсутствием четко выраженных этапов. Внезапное понимание переводческой проблемы и практически мгновенное нахождение ее решения характерно, в большей степени, для устного перевода и представляет собой своего рода воспоминание о прошлом переводческом опыте. Результатом интуитивного мышления является целостный мысленный образ, который реализуется в речевой форме в процессе устного перевода. Интуитивное мышление можно, по всей видимости, считать менее осознанным, чем дискурсивное, но его нельзя считать минимально осознанным, так как устный перевод также основывается на прошлом опыте переводчика и включает в себя элементы дискурсивного мышления в свернутом виде, в то время как инсайт как элемент творческого мышления встречается в практической деятельности переводчика достаточно редко.

Дискурсивное мышление как анализ поступающей переводчику информации, представленной в устной форме, и процесс формулирования переводческой проблемы предшествует интуитивному процессу в устном переводе. В свою очередь, интуитивное мышление возможно также на любом этапе письменного перевода, однако в этом случае необходимым становится систематическое доказательство истинности, которое осуществляется в процессе дискурсивного мышления и реализуется в письменной речевой форме перевода. Таким образом, данные взаимопредполагающие и в то же время противоречивые виды мышления оказываются неразрывно связанными в процессе практической деятельности переводчика, задействуют различные стороны сознания и обеспечивают адекватность перевода на основе постоянной проверки правильности принимаемых переводчиком решений. Дискурсивное и интуитивное мышление переводчика не включают в себя друг друга и не следуют друг за другом в строгой последовательности, а дополняют друг друга.

Э.Ю. Новикова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ПЕРЕВОД ПЕРЕГОВОРОВ: ПРОБЛЕМЫ, СТРАТЕГИИ, РЕШЕНИЯ

В статье рассматриваются профессиональные аспекты двустороннего перевода переговоров, предлагаются рекомендации по формированию необходимой профессиональной компетенции, а также иллюстрируется широкий спектр переводческих сложностей и проблем, которые обусловлены, в первую очередь ярко выраженным человеческим фактором.

Переводоведение, как и любая наука, стремительно развивается под влиянием различных факторов современности: глобализации, развитием информационных технологий и каналов коммуникации. Пристальное внимание лингвистов к теоретическим и прикладным аспектам устного и письменного

перевода нашло свое отражение в работах отечественных и зарубежных «мэтров» переводоведения (В.Н. Комиссаров, А.В. Федоров, Л. Виссон, М.Я. Цвиллинг, Г.В. Чернов, Я.И. Рецкер, И.И. Ревзин, В.Ю. Розенцвейг, А.Д. Швейцер, Р.К. Миньяр-Белоручев, К. Райс, А. Нойберт, Ю. Найда, П. Кусмауль и др.), а также переводоведов нового поколения (Л.К. Латышев, Ю.Н. Караулов, И.И. Халеева, Н.К. Гарбовский, С.А. Семко, Д.М. Бузаджи, В.В. Сдобников, О.В. Петрова, И.С. Алексеева, К. Норд, У. Кауц и др.). Несмотря на достаточно широкий спектр рассматриваемых вопросов, все еще остаются малоизученные и мало освещенные вопросы, среди которых проблемы, трудности и стратегии перевода переговоров, чему, собственно, и посвящена данная статья. Итак, перевод переговоров как вида беседы представляет собой самую простую форму устного перевода и вместе с тем самую распространенную. Это такой вид перевода, при котором партнеры по коммуникации не могут общаться без переводчика и поэтому сильно от него зависят. Нет никаких сомнений в том, что основные трудности перевода беседы связаны с типом беседы, ее тематикой, ораторскими навыками участников коммуникации, а также зависят от того, как организован сам процесс перевода. В рамках данной статьи мы попытаемся выявить переводческие особенности, трудности и стратегии перевода переговоров по тем параметрам, которые влияют на определение трудностей перевода и выработку необходимых стратегий.

1. Ситуативно-обусловленные аспекты перевода

Переговоры, как правило, носят официальный характер и подразумевают общение на деловом уровне в формате бизнес-коммуникации или же административно-политическом уровне в рамках встреч межрегиональных и межгосударственных органов власти. К самым сложным и ответственным видам перевода переговоров известный переводчик-практик В. Суходрев относит «... *переговоры на высшем уровне* между главами государств или правительств». Здесь действуют определенные правила проведения протокольной беседы, поведения участников переговоров, а также определенные правила рассадки участников. Поэтому для переводчика очень важно не нарушить делового этикета и в то же время найти для себя такое место, с которого ему будет удобнее всего переводить. Если стол переговоров большой, участников много, а акустика не очень хорошая, для переводчика бывает даже удобнее переводить стоя, перемещаясь всякий раз к очередному оратору. Но если переводчик пришел с делегацией, то по правилам этикета (если заранее не оговорено иное) он должен в течение всех переговоров находиться рядом с руководителем своей делегации и переводить прежде всего для него и, как правило, на чужой язык [Суходрев, 2004]. *Деловые переговоры* протекают на фирме, в рамках выставок, носят запланированный характер, однако не всегда условия (излишне шумная атмосфера, отсутствие необходимого технического оснащения, не отапливаемое помещение, отсутствие воды на столе и т. д. и компетенции участников переговоров (неумение вести переговоры, неподготовленность к проблематике переговоров, спонтанность идей и т. д.)) соответствуют норме делового общения данного жанра, что, безусловно, служит

дополнительным стрессовым фактором для переводчика. Тем не менее в отличие от официальных переговоров формальных требований деловых переговоров значительно меньше, и у переводчика, соответственно, больше возможностей для того, чтобы обеспечить себе приемлемые условия для перевода.

2. Психологические аспекты

Одним из факторов успешного перевода является внимательное изучение личностных характеристик и особенностей будущего собеседника по переговорам, интервью, его деловых и личных интересов, характерных вербальных и невербальных способов ведения диалога. При выработке стратегии перевода необходимо настроиться на нейтральное, сдержанное в эмоциональном плане повествование и добиться при переводе «ощущения, будто собеседники общаются без переводчика» [Суходрев, 2004].

Основные проблемы и трудности психологического характера могут быть связаны со следующими факторами: участники общения в определенной степени владеют иностранным языком. Здесь необходимо помнить, что лучше переводчика никто языком и технологией перевода не владеет; участники беседы неадекватны в своем поведении или речи. В таких ситуациях необходимо проявлять терпение, такт, выдержку и нейтралитет; участники беседы находятся в ситуации конфронтации/конфликта (переговоры на высшем уровне). Как отмечает в своей пресс-конференции В. Суходрев «определенная эмоциональная окраска в работе переводчика должна быть, но не буквально, что если говорящий «шипит от злости», то переводчик тоже «шипит». Это, наверное, уже перебор». Переводчик такого уровня берет на себя еще и роль дипломата; участники беседы имеют различное культурно обусловленное представление о специфике деловых переговоров) [Емышева, 2000]. При подготовке к деловым переговорам необходимо хорошо изучить специфику этого жанра в лингвокультурной среде ПЯ. Темп и тактика беседы носит наступательный характер (интервью-конфронтация). Переводчику необходимо выстроить свое вербальное поведение в доброжелательном тоне, с ледяным спокойствием и уверенностью.

3. Функциональные аспекты

Переводчик диалогической коммуникации, как и переводчик вообще, играет ключевую роль в установлении духа сотрудничества, особенно тогда, когда разного рода беседа ведется с представителями народов и культур, мировоззрение, нравственные установки и особенности делового этикета которых имеют значительные отличия. Поэтому единственной необходимой для реализации межкультурной коммуникации является межкультурная коммуникативная функция [Поршнева, 2002], которая подчиняет себе ряд подфункций (информационно-аналитическую, герменевтическую, прогностическую, межкультурно-посредническую, конструктивно-преобразовательную, организационно-адаптивную, межличностно-коммуникативную, контролирующую, кумулятивную [там же]).

4. Текстотипологические аспекты

Каждый текст имеет свои, отличающие его от других, стилистические особенности, которые также связаны, с одной стороны, с его функциями, а с другой стороны, с тем, что его стилистика сама является функцией от специфики аудитории, на которую рассчитаны тексты данного жанра, то есть определяется социолингвистическими (прагматическими в широком смысле слова) характеристиками коммуникации [Швейцер, 1985]. К ним относятся основные типологические признаки, позволяющие переводчику произвести атрибуцию текста в широком смысле слова. Так, в жанре беседы переводчику в зависимости от ситуации приходится сталкиваться со следующими типами текстов: *по стилю* – официально-деловыми; *по форме* – рассуждение, диалог; *по виду информации* – примарно-когнитивные и примарно-оперативные [Алексеева, 2004]; *по типу реципиента* – ориентированные на индивида или на определенную группу [Нойберт, 1978]; *по виду переводческой стратегии* – тексты, ориентированные на обращение [Райс, 1978].

5. Личностные аспекты

Социальная практика, профессиональная подготовка и самосовершенствование формирует у переводчика такие профессиональные личностные качества как, двуязычие, контактность, кооперативность [Цвиллинг, 1998] и переводческую этику в целом [Алексеева, 2004]. Применительно к рассматриваемым нами видам беседы можно выделить следующие требования к личности переводчика [Поршнева, 2000]: широкий кругозор, вербальный интеллект, способность к концентрации, способность к хождению «в образ» представителя другой культуры, культура поведения. Для переводчика недопустима ни резкая жестикуляция, ни проявление каких-то сильных эмоций. Перевод должен быть лаконичным и четким, осознание Я-позиций во взаимодействии участников общения [Ворожцова, 2001], толерантность и нейтральность, обращенность к адресату, дисциплина, аккуратность, общительность.

6. Профессиональные аспекты

Профессиональная компетенция переводчика, в общем и целом, сводится к способности мобилизовать все ресурсы адекватно конкретной ситуации [Поршнева, 2002]. Наиболее востребованными в ситуации диалогического общения нам представляются следующие составляющие профессиональной компетенции: умение грамотно вести информационно-поисковую работу в рамках подготовки к переводу с учетом ситуативно-обусловленных и личностных факторов; умение оценивать и прогнозировать ситуацию коммуникации; умение быстрого реагирования и переключения с ИЯ на ПЯ; умение создать доверительный образ; осознавать и осмыслять взаимодействие и взаимопроникновение языков и культур; умение прагматически адаптировать текст; умение грамотно интонационно, стилистически, лексико-грамматически оформлять речь при переводе, так как при официальном переводе важно не только «что», но и «как» сказать; максимально способствовать успеху коммуникации на всех уровнях, так как последствия небрежности при

официальных переговорах или переводе в суде могут оказаться серьезными и даже приобрести характер межнационального конфликта.

Подводя итог проведенному анализу можно говорить о том, что несмотря на, казалось бы, достаточно простой вид двустороннего перевода беседы ввиду его по-фразового характера, здесь обнаруживает себя широкий спектр переводческих сложностей и проблем, которые обусловлены, в первую очередь ярко выраженным человеческим фактором. В отличие от других видов устного перевода, при переводе беседы в большей степени приходится учитывать прагматический фактор: статусные, личностные, языковые особенности участников коммуникации, наличие определенного эмоционального тона (выражение одобрения, дружелюбности или, напротив, неприязни, непонимания), наличие образности речи с привлечением цитат, идиом, крылатых выражений, ругательств. Поэтому весьма важным представляется уделять при подготовке переводчиков-профессионалов большое внимание данному виду перевода и формировать необходимые компетенции.

Список литературы

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение / И. С. Алексеева. М. – СПб. : ACADEMIA, 2004.
2. Ворожцова, И. Б. Культурологическая основа личностно-позиционно-деятельностной модели обучения / И. Б. Ворожцова. – Ижевск, 2001.
3. Емышева, Е. Некоторые особенности ведения переговоров с представителями разных стран / Е. Емышева, О. Мосягина // Управление персоналом. – 2000. – № 2. – С. 25–27.
4. Нойберт, А. Прагматические аспекты перевода / А. Нойберт // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978.
5. Поршнева, Е. Р. Базовая лингвистическая подготовка переводчика / Е. Р. Поршнева. – Н. Новгород : Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2002. – 148 с.
6. Райс, К. Классификация текстов и методы перевода / К. Райс // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 202–228.
7. Суходрев, В. Online – пресс-конференция / В. Суходрев. – Электрон. дан. – Режим доступа: translation-blog.ru/tematiki, <http://lenta.ru/conf/sukhodrev>.
8. Цвиллинг, М. Я. Профессиональные требования к личности переводчика и обучение переводу / М. Я. Цвиллинг // Информационно-коммуникативные аспекты перевода Ч. II. – Н. Новгород : НГЛУ, 1998.

О.И. Попова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

БОЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС И ПРЕПОДАВАНИЕ ПЕРЕВОДА В ЕВРОПЕ И РОССИИ

Единая система владения иностранным языком успешно применяется в Европе и начинает «прививаться» в России. В статье предпринимается попытка сопоставить систему уровней А, В, С с уровнями перевода, предложенными французской переводческой школой, для решения дидактических проблем перевода.

Начало Болонского процесса было положено в Болонской Декларации, подписанной 19 июня 1999 г., которая, в частности, предусматривала разработку сравнимой и сопоставимой системы дипломов и академических степеней, включая разработку приложения к диплому (которое является частью EVROPASS); развитие мобильности студентов, преподавателей и исследований. Страны, подписавшиеся под договором, должны были перейти на двухуровневую систему образования в высшей школе и компетентностный подход в обучении.

В процессе объединения в Европе была разработана единая система владения иностранными языками, благодаря которой любой изучающий иностранный язык мог бы без особых усилий определить свой уровень.

В обобщенном виде уровни владения языком представлены так:

Элементарное владение A1 – Понимаю и могу употребить в речи знакомые фразы и выражения, необходимые для выполнения конкретных задач. Могу представиться/ представить других, задавать/ отвечать на вопросы о месте жительства, знакомых, имуществе. Могу участвовать в несложном разговоре, если собеседник говорит медленно и отчетливо и готов оказать помощь.

A2 – Понимаю отдельные предложения и часто встречающиеся выражения, связанные с основными сферами жизни (например, основные сведения о себе и членах своей семьи, покупках, устройстве на работу и т. п.). Могу выполнить задачи, связанные с простым обменом информацией на знакомые или бытовые темы. В простых выражениях могу рассказать о себе, своих родных и близких, описать основные аспекты повседневной жизни.

Самостоятельное владение B1 – Понимаю основные идеи четких сообщений, сделанных на литературном языке на разные темы, типично возникающие на работе, учебе, досуге и т. д. Умею общаться в большинстве ситуаций, которые могут возникнуть во время пребывания в стране изучаемого языка. Могу составить связное сообщение на известные или особо интересующие меня темы. Могу описать впечатления, события, надежды, стремления, изложить и обосновать свое мнение и планы на будущее.

B2 – Понимаю общее содержание сложных текстов на абстрактные и конкретные темы, в том числе узкоспециальные тексты. Говорю достаточно быстро и спонтанно, чтобы постоянно общаться с носителями языка без особых затруднений для любой из сторон. Я умею делать четкие, подробные сообщения на различные темы и изложить свой взгляд на основную проблему, показать преимущество и недостатки разных мнений.

Свободное владение C1 – Понимаю объемные сложные тексты на различную тематику, распознаю скрытое значение. Говорю спонтанно в быстром темпе, не испытывая затруднений с подбором слов и выражений. Гибко и эффективно использую язык для общения в научной и профессиональной деятельности. Могу создать точное, детальное, хорошо

выстроенное сообщение на сложные темы, демонстрируя владение моделями организации текста, средствами связи и объединением его элементов.

C2 – Понимаю практически любое устное или письменное сообщение, могу составить связный текст, опираясь на несколько устных и письменных источников. Говорю спонтанно с высоким темпом и высокой степенью точности, подчеркивая оттенки значений даже в самых сложных случаях.

В сфере иноязычной подготовки данные факторы определяют задачу подготовки специалистов, владеющих иностранным языком на уровне международных стандартов, компетентных в области иноязычного профессионального общения, способных к академической и социальной мобильности»[Байденко, 2006, с. 79].

Во франкоговорящих странах такое поуровневое обучение языкам осуществлялось всегда, хотя и несколько в ином виде. Что касается переводческих вузов и факультетов, то в них европейская система уровней владения языком стала учитываться сравнительно недавно.

Так, в Институте перевода им. Мари Апс (г. Брюссель, Бельгия) обучение переводу на русский язык начинается одновременно с изучением русского языка. В этой связи необходимо вспомнить о трех уровнях перевода, предложенных французской переводческой школой (Сорбонна – Париж III, E.S.I.T.)

М. Ледерер говорит об «уровне языка (то есть перевод слов вне контекста), об уровне речи (когда значение слов актуализировано, то есть уточнено конкретным контекстом) и, наконец, об уровне текста (то есть когда внутри самого текста содержится дополнительная информация экстралингвистического характера, учитываются фоновые знания самого переводчика и та информация, которая появляется при прочтении текста).

Таким образом, в следующем примере перевод на уровне языка будет дословным: *vous* – вы, *la* – ее, *voyez* – слышите

Это так называемый «перевод, чтобы понять». Такой перевод неактуализированных значений слов может быть полезным при сравнительном изучении французского и русского языков, сопоставления французского и английского языков, помогающий объяснить особенности каждого из рассматриваемых языков. Но он не может обеспечить полноценный перевод фразы, «выдернутой» из контекста. Учитывая, что студенты 1 курса Брюссельского Института перевода достигают, в основном, уровня A2, такое обучение переводу представляется весьма уместным и необходимым на начальном этапе.

На уровне речи перевод рассматриваемого предложения мог бы быть следующим: *Vous la voyez?*

Значение каждого конкретного слова актуализировано другими окружающими его словами. «Сиюминутный» контекст ограничивает количества возможных соответствий, но не позволяет сделать окончательный выбор среди возможных версий» [Lederer, 1995].

Такой перевод отдельных фраз без контекста может помочь при обучении иностранному языку, где навыки перекодирования понадобятся для понимания синтаксиса или усовершенствования вокабуляра изучаемого языка и может осуществляться на 2–3 курсе, когда владение языком достигает уровня B1.

Так называемый «педагогический перевод» [Selescovitch, Lederer, 2002, 49] еще возможен на 4 курсе, так как абзацно-фразовый вид перевода не считается профессиональным Высшей Школой переводчиков в Париже.

Наконец, достигнув свободного владения языком (C1, C2) в магистратуре, студент уже не переводит только язык (то есть слова и независимые друг от друга фразы), но целостный текст то есть осуществляет профессиональный перевод.

Волгоградский государственный университет осуществляет подготовку переводчиков (письменных и устных) с 2000 года в рамках факультета лингвистики и межкультурной коммуникации. С 1995 года была открыта кафедра теории и практики перевода, объединившая переводческие секции по трем языкам: французскому, английскому, немецкому. Динамичная политика университета в области внешних связей позволила всем преподавателям кафедры пройти стажировки в различных европейских и американских вузах, среди которых Мэнсфилдский университет (США), Институт иностранных языков и перевода г. Мюнхен (Германия), Университет г. Грац (Австрия), Центр перевода при Копенгагенском университете (Дания), Высшая школа переводчиков при Сорбонне-Париж III (Франция), Свободный институт им. Мари Апс при Лувенском католическом университете и т. д.

Приобретенный коллективный опыт используется как в процессе преподавания перевода, так и при составлении учебных программ.

Подготовка устных переводчиков в университете осуществляется, в основном, на базе российской школы перевода (начальный этап), интерпретативной теории перевода (ИТП), авторами которой являются М. Lederer и D. Selescovitch (Сорбонна – Париж III, Высшая школа переводчиков), а также немецкой и датской переводческих школ. Непосредственно обучение переводу начинается с 3 курса, до этого кафедрами английской, романской и немецкой филологий осуществляется базовая языковая подготовка. На этом этапе обращение к «педагогическому» переводу оправдано и даже показано. Учитывая, что, как правило, студенты при поступлении в вуз уже имеют базовый уровень (B1), ориентация на профессиональный перевод может начинаться на более раннем этапе и представляется целесообразным осуществлять подготовку переводчиков на уровне речи (минуя уровень языка) уже с 1 курса.

Таким образом, интеграционные процессы, диктуемые Болонским и Копенгагенским соглашениями, находят свое отражение не только при языковой подготовке, но и при обучении переводу.

Список литературы

1. Байденко, В. И. Болонский процесс: проблемы, опыт, решения / В. И. Байденко. – М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. – С. 79.
2. Lederer, M. L'interpretation d'aujourd'hui / M. Lederer. – Paris, 1995
3. Selescovitch D., Lederer M. Pedagogie raisonnee / D. Selescovitch, M. Lederer. – Paris, 2002. – P.49–54.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА

В статье охарактеризован личностно-ориентированный подход к обучению переводчика в сфере профессиональной коммуникации. Переводчик должен обладать определенными знаниями, умениями и личностными качествами, которые реализуются в рамках коммуникативной, специальной, социальной и личностной компетенций.

В условиях стремительного вхождения России в европейское и мировое сообщество заметно изменились роль и цели обучения иностранным языкам в вузе. Из обычного предмета иностранный язык превратился в «базовый элемент современной системы образования, в средство достижения профессиональной реализации личности» [Дамирчари, Мельникова, 2006].

В современном быстроменяющемся мире к специалистам предъявляются более высокие, а главное, новые требования. Теперь уже не достаточно владеть только своей областью знаний. Принципиально важными стали способность понимать явления и за пределами профессиональной сферы, умение адаптироваться к новым условиям, готовность к переменам, способность сотрудничать на разных уровнях, в том числе и на международном. Для современного специалиста билингвизм становится неотъемлемым социальным качеством. Помимо расширения общепрофессиональных навыков успешное овладение иностранным языком предполагает высокий уровень самостоятельности и организованности работника, что делает его привлекательным с точки зрения работодателя.

Эти новые требования к специалистам лежат в основе создания программы дополнительного (к высшему) образования «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». Цель данной программы – подготовить студентов к использованию иностранного языка в профессиональной деятельности, что предполагает освоение студентами необходимого минимума профессиональной лексики, основ профессиональной деятельности, связанной с использованием иностранного языка, основ межкультурной коммуникации, то есть формирование профессиональной компетентности студентов. В рамках данной программы это означает, что обучение иностранному языку и переводу должно служить профессиональной (то есть экономической, юридической, технической и т. д.) подготовке будущего специалиста.

Когда мы говорим о профессиональной компетентности специалиста, мы подразумеваем, прежде всего, его знания свой специальности, но в то же время мы предполагаем, что профессиональные знания подкреплены общей гуманитарной культурой человека, его умением разбираться в окружающем мире, умением общаться, которое для целого ряда профессий, является составной частью профессиональной компетентности, необходимым условием истинного профессионализма [Пимурзина, 2008, с. 75].

Профессиональная компетенция не может развиваться изолированно, отдельно от общей. В этой связи можно говорить об интегративных процессах, которые позволяют гармонично осуществлять в рамках программы «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» подготовку будущих переводчиков. С этой целью система обучения должна опираться на различные дисциплины, каждая из которых освещает отдельные стороны профессиональной деятельности переводчика. В настоящее время в соответствии с личностно-ориентированной парадигмой образования федеральный компонент стандарта по иностранному языку для всех ступеней обучения направлен на комплексную реализацию личностно-ориентированного, деятельностного, коммуникативно-когнитивного и социокультурного подходов в обучении иностранным языкам. При обучении переводу в сфере профессиональной коммуникации реализуются все выделенные подходы.

В данной статье остановимся подробно на первом из перечисленных подходов. В соответствии с личностным подходом обучение должно быть направлено на формирование личности будущего переводчика как члена определенной профессиональной группы. Для решения стоящих перед ним задач переводчик должен обладать соответствующими знаниями, умениями и личностными качествами, которые рассматриваются исследователями в рамках профессиональной компетентности [Гавриленко, 2009, с. 579].

В последнее время в трудах по психологии, социологии и методике обучения российские исследователи стали разграничивать понятия «компетентность» и «компетенция», основываясь на толковании этих терминов в русских словарях. Представляется обоснованным подход тех исследователей, которые, разграничивая содержание этих двух понятий, рассматривают компетенции как ресурсы, которые выступают в качестве основы для принятия эффективных решений и определяют уровень компетентности [Алмазова, 2003]. При таком подходе «компетенции» соотносятся с ресурсами, необходимыми профессиональному переводчику, чтобы действовать, а «компетентность» состоит в умении отбирать, комбинировать и мобилизовать «компетенции», ресурсы, которые имеются в его распоряжении. Только умение отбирать и использовать при выполнении профессиональных задач внутренние ресурсы-компетенции будет свидетельствовать о профессиональной компетентности переводчика, которую возможно определить как обладание человеком способностью, знаниями и умениями передавать (как в письменной, так и в устной формах) информацию с одного языка на другой, с учетом различия между двумя текстами, коммуникативными ситуациями и культурами. Профессиональная компетентность переводчика – явление не однородное, интегрирующее в себе ряд составляющих, которые соотносятся с четырьмя основными сторонами деятельности переводчика в сфере профессиональной коммуникации (межкультурным общением специалистов, собственно профессиональной деятельностью переводчика, общением в среде переводчиков и т. д.). В соответствии с этим возможно выделить следующие составляющие данной компетентности:

1) коммуникативная компетенция, то есть способность (в соответствии с социальными и культурными нормами общества) понимать и создавать в

устной или письменной форме программы речевого поведения в виде высказываний и дискурсов, в состав которой входят: лингвистическая, прагматическая и социолингвистическая составляющие;

2) специальная компетенция, то есть способность выполнять на профессиональном уровне труд переводчика текстов по специальности, владение переводчиком соответствующими знаниями и умениями, которая включает: базовую, предметную, дискурсивную, социокультурную, технологическую и стратегическую составляющие;

3) социальная компетенция переводчика текстов по специальности, которая соотносится с профессиональным общением, владением приемами профессионального общения, принятыми в данной профессии, и с социальной ответственностью за результаты своего труда и т. д.;

4) личностная компетенция переводчика, то есть обладание соответствующими профессионально-важными для выполнения данной деятельности качествами личности [Гавриленко, 2009, с. 581].

Профессия переводчика в сфере профессиональной коммуникации является дополнительной к основной профессии. Это значит, что у студента сформирована или формируется профессиональная компетентность специалиста в определенной профессиональной сфере общения. Исследователи отмечают, что специальный (профессионально ориентированный) текст может быть полно и точно понят только специалистом в соответствующей области знаний. Известно, что прошлый опыт индивида хранится в памяти в форме декларативного знания (представления об объектах, явлениях, фактах, закономерностях) и процедурного знания (сведений о совокупностях целенаправленных процедур, необходимых для решения конкретных задач), следовательно, профессиональная компетентность переводчика текстов по специальности будет включать декларативные/теоретические знания и процедурные знания о последовательности действий переводчика и обобщенных способах их решений. При обучении переводу знания, полученные студентом по основной специальности, могут и должны быть использованы в процессе его подготовки к сложной деятельности переводчика. Такой «перенос» знаний из одной профессии в другую определяется через «интегративные знания», под которыми понимаются обобщенные знания из совокупности учебных дисциплин, образующие целостную систему, имеющую междисциплинарную структуру. Целью выделения интегративных знаний является преодоление предметной разобщенности обучения, активизация познавательной деятельности, формирование в сознании обучаемых системы взаимосвязанных знаний, развитие элементов творчества. Для переводчика в сфере профессиональной коммуникации важно также умение мобилизовать имеющиеся знания, отбирать и привлекать нужные знания при понимании иноязычного текста и при его переводе для нового получателя.

Список литературы

1. Алмазова, Н. И. Когнитивные аспекты формирования межкультурной компетентности при обучению иностранному языку в неязыковом вузе : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Н. И. Алмазова. – СПб., 2003.

2. Гавриленко, Н. Н. Интегративно-модульный подход в обучении профессионально-ориентированному переводу / Н. Н. Гавриленко // Иностранные языки в современном мире : сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. – Казань : Центр инновац. технологий, 2009.

3. Дамирчари, Э. Р. И. Роль иностранного языка в формировании профессиональной компетенции у студентов технического вуза / Э. Р. Дамирчари, Е. И. Мельникова // Критерии качества в преподавании языков в неязыковых вузах : тезисы Всерос. науч.-практ. конф. – СПб. : С.-Петербург. электротехн. ун-т, 2006.

4. Пимурзина, А. А. Формирование профессиональной коммуникативной компетенции студентов-экономистов / А. А. Пимурзина // Иностранные языки в современном мире : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. – Казань : Каз. гос. ун-т, 2008.

А.Н. Усачева

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ПРОТОТИПИЧЕСКИЕ И АДАПТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В КОГНИТИВНОЙ МОДЕЛИ ПЕРЕВОДА

В статье рассматриваются прототипические и адаптивные стратегии, лежащие в основе процесса перевода и фреймовой структуризации знаний, необходимых для успешного процесса межъязыкового транскодирования. Анализируются современные представления о мыслительных механизмах переводчика с точки зрения когнитивной психологии, включая понятие когнитивных стилей как набора индивидуальных особенностей восприятия и концептуализации.

Целью переводческой деятельности с позиций семиотики является трансфер информации из одной кодовой системы в другую. Коммуникативный подход к переводу эксплицирует функцию передачи сообщения от адресанта к адресату. Перевод с точки зрения современных представлений о работе человеческого мышления, то есть с позиций когнитологии (в ее «зонтичном» понимании), – это определенная последовательность мыслительных операций, выполняемых когнитивной системой переводчика.

По мнению А.А. Кибрик [Кибрик, 1994, с. 126], когнитивный подход к языку основывается на убеждении о том, что языковая форма, в конечном счете, является отражением когнитивных структур, то есть структур человеческого сознания, мышления и познания, некоего «третьего мира», по выражению К. Поппера, и что языковой знак соотносится с объективным миром не прямо, а через включение в структуру знания как формы информации о мире. Специфическая картина мира, отражающая опыт соответствующего этнокультурного социума, существует в коллективном сознании носителей языка, и в ее основе лежат единицы когнитивного уровня языковой личности – некие когнитивные структуры, которые эксплицируются в языке.

К числу важнейших когнитивных феноменов, детерминирующих языковую форму, относятся процессы естественной категоризации и различные структуры представления знаний. Категоризация, создавая типовой образ и формируя прототип, онтологически предшествует формированию концептов. Прототип

является экстенсионалом концепта как всей совокупности знаний об объекте, структурированных во фрейм. Концепт отражает не только существенные признаки объекта, но и все те, которые выделяются в данном языковом социуме. Этот фактор занимает привилегированное положение в сознании языковой личности, поскольку представляет собой уникальное национально-специфическое явление [Колесов, 2000, с. 55]. Переводчик в межкультурной коммуникации всегда выполняет функции и получателя, и отправителя сообщения, из чего следует, что, владея когнитивными механизмами категоризации, присущими его собственной культуре, он с необходимостью должен овладеть «чужим» культурно специфическим категориальным аппаратом.

А.П. Бабушкин предупреждает о необходимости помнить, что когнитивный и семантический анализ речепорождения совершаются на разных уровнях абстракции: семантический – на уровне социальных или культурных явлений (язык выступает в качестве их составной части). Когнитивный же метод рассмотрения основывается на том, что носитель языка выстраивает свою собственную модель, которая может совпадать, но может и не совпадать с моделями, создаваемыми другими говорящими. Когнитивные модели надличностного характера присутствуют в коллективном сознании социума и фиксируются единицами языка как системы с общенациональным статусом [Бабушкин, 1996, с. 29].

Однако следует иметь в виду, что «репрезентация информации в памяти не является точным воспроизведением реальной жизни; на самом деле это сочетание информации, умозаключений и реконструкций на основе знаний о знаниях и мире вообще» [Солсо, 1996, с. 41]. Способ извлечения и реконструкции информации ИТ и собственных фоновых знаний переводчика, а также когнитивная сущность самого переводческого процесса зависят от индивидуальных особенностей восприятия и концептуализации, которые в психологии получили название когнитивных стилей. Западные психологи выявили и описали около десяти устойчивых индивидуальных приемов оперирования информацией, сформировав представление о когнитивных стилях как устойчивых индивидуальных различиях в способах организации и переработки информации и приобретаемого опыта [Child, 1986], отражающих специфику членимости окружающего мира на когнитивном уровне.

Если концептуализирующую работу психики как единой системы, перерабатывающей информацию, рассматривать как когнитивную психическую деятельность, то «в этом процессе можно выделить: 1) приобретение, 2) применение, 3) преобразование и сохранение знаний» [Дружинин, 1999, с. 15–16]. Эта схема представляется нам условно параллельной схеме процесса перевода: приобретение знаний – этап восприятия ИТ, преобразование и сохранение – этап декодирования и удержания в памяти, применение – этап перекодирования и порождения ПТ. При этом креативность, понимаемая психологами как общая творческая способность, связана с преобразованием и порождением текста перевода и проявляется в виде способности решать задачи на основе имеющихся (и только что приобретенных) знаний, а значит, принимать конкретные переводческие решения.

Прототип в когнитивной психологии понимается как «абстрактный образ, воплощающий множество сходных форм одного и того же паттерна, наиболее репрезентативный пример понятия, фиксирующий его типичные свойства» [<http://ru.wikipedia>]. На этом основании можно с большой долей уверенности предположить, что прототипические стратегии в когнитивной модели перевода работают при принятии переводческих решений на уровне закономерных соответствий и устойчивых эквивалентов. Интроспективный анализ позволяет сделать вывод о том, что принятие каждого переводческого решения (то есть использование или неиспользование отдельных переводческих приемов для кодификации предназначенной для передачи информации средствами ПЯ) предваряется операцией сопоставления описываемого в ИТ отрезка реальности с имеющимся в памяти когнитивным прототипом.

В профессиональной деятельности устного переводчика особую роль играют ситуации, понимаемые как конкретный набор обстоятельств, которые детерминируют выбор переводческой стратегии и тактики в конкретный момент времени. Чтобы точно оценить ситуацию, переводчик должен хорошо представлять себе прагматический «профиль» участников межкультурной коммуникации, определять сущность целей и потребностей коммуникантов и коммуникативную ценность информации. В этом случае значимость «ситуационного мышления» многократно возрастает, поскольку именно оно задействует все конструкторы когнитивной системы, будь то элементарные эталоны и прототипы, целостные гештальт-структуры, детализированные и алгоритмизированные сценарии, фреймы с информационными слотами и пр.

Знание различных ситуационных моделей и осознание необходимости гибкого подхода к ним позволяет устному переводчику точнее ориентироваться на когнитивном уровне и активировать адаптивные стратегии. Адаптивная стратегия – это «такая стратегия, которая определяется в процессе решения задачи на основе накопления новой информации о возможных результатах того или иного варианта решения» [<http://slovari>]. Креативная составляющая процесса перевода проявляется, скорее всего, благодаря реализации адаптивных стратегий в решении индивидуальных проблем, так как они дают импульс для развития творческих и адаптивных возможностей человека. В адаптивной стратегии точно определенным является только первое переводческое действие, а выбор всех последующих происходит по мере развития процесса. Количество шагов процесса в устном переводе не может быть заданным, кроме того, время, необходимое для решения каждой проблемы, жестко лимитировано.

Таким образом, с когнитивной точки зрения «все типы конкретных предметов и явлений концептуализируются в нашем сознании как прототипические категории, границы которых не являются строго очерченными» [Болдырев, 2001, с. 79–80]. Прототипические стратегии переводчика имеют двустороннюю направленность – опознание когнитивного прототипа, закодированного средствами ИЯ, и его сопоставление с прототипическими представлениями носителей ПЯ. На этом этапе подключаются стратегии адаптивные, предусматривающие трансформацию

знания и позволяющие принимать конкретные переводческие решения на основе анализа реальных ситуаций межкультурной коммуникации и когнитивных способов их представления.

Список литературы

1. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996.
2. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика / Н. Н. Болдырев. – Тамбов, 2001.
3. Дружинин, В. Н. Психология общих способностей / В. Н. Дружинин. – СПб. : Питер, 1999.
4. Кибрик, А. А. Когнитивные исследования по дискурсу / А. А. Кибрик / Вопросы языкознания. – 1994, – № 5. – С. 126–139.
5. Колесов В.В. О логике логоса в сфере ментальности // Мир русского слова. – 2000. – № 2. – С. 52–59.
6. Ремхе, И. Н. Когнитивные особенности перевода научно-технического текста (на материале текстов металлургической промышленности) : дисс... канд. филол. наук : 10.02.20 / И. Н. Ремхе. – Челябинск, 2007.
7. Солсо, Р. Л. Когнитивная психология / Р. Л. Солсо. – М. : Тривола, 1996.
8. Child, D. Cognitive Styles: Some recent ideas of relevance to teachers / D. Child // Personality, Cognition and Values. – L., 1986. – P. 171–195.
9. Шкуратова, И. П. Когнитивный стиль и общение / И. П. Шкуратова. – Ростов н/Д. : Изд-во Рост. пед. ун-та, 1994.
10. <http://slovari.yandex.ru/dict/lopatnikov/article/lop/lop-0030.htm>.
11. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Прототип_\(когнитивная_психология\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Прототип_(когнитивная_психология)).

И.Г. Фомичева

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТНОГО ОБРАЗА В ГЛОБАЛЬНОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ ПЕРСОНАЛЬНОГО САЙТА

В статье проводится анализ русскоязычной и англоязычной версий гипертекста персонального сайта. Установлена роль глобализации в парадигме современного переводоведения, а также в процессе самопрезентации личности в мировом коммуникативном пространстве.

Возникновение Интернета в конце 60-х годов как еще одного канала передачи данных, а затем как средства массовой коммуникации привело к появлению не только глобальной информационной среды, но и особых виртуальных миров, сетевых сообществ, сетевой культуры и сетевого языка, обслуживающих этот появившийся не так давно сегмент социальной реальности. Роль Интернета в современном обществе практически невозможно преувеличить, так же как невозможно преувеличить темп и масштаб распространения Интернет-коммуникации [Дедова, 2008, с. 225].

Под Интернет-коммуникацией большинством исследователей понимается форма общения субъектов посредством компьютера и мировой информационной сети [ftp://lib.herzen.spb.ru/text/shchipitsina_114_171_178.pdf]. Изучение проблем, связанных с задачей формирования личностного образа в пространстве Интернет,

обуславливается глобализационными процессами, в которых информационные гипертексты становятся материалом самовыражения личности.

Самопрезентация личности в глобальном коммуникативном пространстве – это проявление одного из самопроцессов, в ходе которого происходит процесс сознательного и неосознанного предъявления личностью себя при помощи вербальных и невербальных средств коммуникации с целью формирования и построения дальнейшей коммуникации с ним [<http://www.samorazwitiye.ru/2009/11/samoprezentatsiya-lichnosti.html>].

Материалом данного исследования послужили тексты персонального Интернет-сайта Президента РФ Дмитрия Анатольевича Медведева [<http://medvedev.kremlin.ru>] на русском языке и его перевод на английский язык [<http://eng.kremlin.ru>].

Рассмотрение гипертекста как особого вида текста со всеми характерными для традиционного текста особенностями предполагает анализ этого феномена с позиций транслятологии, поскольку в настоящее время гипертекст все чаще становится объектом перевода, и определение релевантных для перевода признаков является условием выбора адекватной стратегии переводческих действий.

Для Интернет-пространства глобализация как лингвистическая и культурная адаптации текста перевода к специфике информационного и культурного пространства реципиента – адресата перевода является наиболее существенной [Митягина, 2001, с. 14–17], и в процессе вывода гипертекста Интернет-сайта в мировое коммуникационное пространство необходимо учитывать все средства адаптации текста перевода к специфике информационного и культурного пространства получателя.

Гипертекст персонального сайта транслирует образ, представляемый человеком внешнему миру, и нередко он воспринимается другими людьми как отражение уровня его самооценки. Другим фактором, влияющим на формирование представления человека о самом себе, является жизненный опыт. Особенность текстов официальной биографии, опубликованной на Интернет-сайте Д.А. Медведева, состоит в том, что они носят информативный характер с одной стороны, и служат формированию образа первого человека страны, руководителя, который достиг определенного уровня самоуважения, с другой стороны:

Окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета в 1987 году и аспирантуру ЛГУ в 1990 году. Кандидат юридических наук, доцент [<http://medvedev.kremlin.ru/biography>].

Graduated from the Faculty of Law of Leningrad State University in 1987 and completed his post-graduate studies at Leningrad State University in 1990. Holds a PhD in law and the title of associate professor [http://eng.kremlin.ru/articles/D_Medvedev.shtml].

В 1990–1999 годах – на преподавательской работе в Санкт-Петербургском государственном университете [<http://medvedev.kremlin.ru/biography>].

1990–1999: Lectured at St Petersburg State University [http://eng.kremlin.ru/articles/D_Medvedev.shtml].

Одновременно в 1990–1995 годах – советник Председателя Ленинградского городского совета, эксперт Комитета по внешним связям Мэрии Санкт-Петербурга [<http://medvedev.kremlin.ru/biography>].

At the same time, between 1990–1995, was an adviser to the Chairman of the Leningrad City Council and an expert consultant to the St Petersburg City Hall's Committee for External Affairs [http://eng.kremlin.ru/articles/D_Medvedev.shtml].

С октября 2003 года – Руководитель Администрации Президента Российской Федерации [<http://medvedev.kremlin.ru/biography>].

October 2003 – November 2005: Chief of Staff of the Presidential Executive Office [http://eng.kremlin.ru/articles/D_Medvedev.shtml].

2 марта 2008 года избран Президентом Российской Федерации [<http://medvedev.kremlin.ru/biography>].

March 2, 2008: Elected President of the Russian Federation [http://eng.kremlin.ru/articles/D_Medvedev.shtml].

Гипертекстовое развитие данной части сайта отличается: пространство между фреймами англоязычной веб-страницы заполнено информацией о структуре сайта и снабжено несколькими активными гиперссылками, которые отправляют получателя информации к Интернет-вкладкам «Dmitry Medvedev», «Photo album» [<http://eng.kremlin.ru/articles/article200253.shtml>], а также к веб-страничке его супруги Светланы Медведевой – «First Lady's Dairy» [http://eng.kremlin.ru/articles/S_Medvedeva.shtml].

В свою очередь, русскоязычная веб-страница о биографических фактах жизни Президента РФ представляет первого человека более подробно: это ссылки «Раннее детство», «Семья», «Школа», «Университет», «Ленсовет», «Наука», «Переезд в Москву», «Госслужба», «Нацпроекты», «Выдвижение», «Супруга» и «Сын» [<http://medvedev.kremlin.ru/biography#glava5>], в которых представлены фотографии и тексты из личного архива Медведевых и книги Николая и Марины Сванидзе «Медведев»:

У меня жена строгая воспитательница. И это, кстати, обычная вещь. Мамы всегда строже относятся к своим детям. Светлана старается воспитывать Илью довольно жестко. Внимательно следит, какие оценки он приносит, что делает [<http://medvedev.kremlin.ru/biography#glava12>].

До того момента, пока я не ушел из администрации, я ни о какой отдельной политической карьере не думал. После того как меня назначили первым вице-премьером правительства, началась новая часть моей жизни. Потому как все изменилось. Я из помощника, пусть и главного, превратился в активно работающую, самостоятельную правительственную единицу, причем отвечающую за довольно сложный комплекс проблем [<http://medvedev.kremlin.ru/biography#glava12>].

Анализ языковых средств русскоязычного и англоязычного текстов данного персонального сайта дает основание заявлять, что глобализация гипертекста происходит за счет использования как традиционных переводческих трансформаций на различных уровнях, так и использования современных средств креолизации информации.

Например, текст-ссылка [«My years before 1999 were very productive. I felt that my life had turned out well. This all continued until the beginning of October 1999, when I got a telephone call...»](http://eng.kremlin.ru/articles/article200253.shtml) [<http://eng.kremlin.ru/articles/article200253.shtml>] отсылает к интервью Президента, в котором он рассказывает об одном из поворотных моментов жизни.

Важнейшей проблемой перевода гипертекста персонального сайта является проблема передачи названий различных политических структур, которые решаются с помощью традиционных приемов перевода: прямая подстановка и логическое развитие понятий, использование эквивалентов и вариантных соответствий:

Попечительский совет целевой комплексной программы «Духовно-нравственная культура подрастающего поколения России» – The Board of Trustees of the targeted comprehensive program ‘Spiritual and Moral Culture for the Youth of Russia’ [<http://eng.kremlin.ru/events/chronicle/2010/04/225236.shtml>].

Российско-Американский Договор о сокращении и ограничении СНВ (стратегических наступательных вооружений) – Russian-US Treaty on Reduction and Limitation of Strategic Offensive Arms [<http://eng.kremlin.ru/events/chronicle/2010/04/225236.shtml>].

В глобализованной англоязычной версии отсутствует Интернет-блог Президента, что связано с тем, что данный раздел адресован гражданам России, и в русскоязычной версии зарегистрированные посетители сайта могут поделиться своим мнением по различным проблемам, от проблем культуры и науки до проблем безопасности на дорогах, указать на «прорехи» в управлении страной. Таким образом реализуется обратная связь народа с Президентом. Глобализованная англоязычная версия таких целей, естественно, не имеет, поэтому данный раздел исследуемого гипертекста элиминирован для перевода.

Таким образом, анализ русскоязычной и англоязычной версий гипертекста персонального сайта показал, что унифицирующие требования глобализации имиджевых страниц в коммуникативном пространстве Интернета ориентируют на использование переводчиками приемов, ориентированных не на детальное понимание, а на форму, доступную массовому англоязычному (точнее, владеющему английским языком) пользователю; а также на традиции перевода текстов заданного дискурса, в нашем случае – переводческих трансформаций, детерминированных нормами научного стиля в английском языке.

Список литературы

1. Дедова, О. В. Теория гипертекста и гипертекстовые практики в Рунете / О. В. Дедова. – М. : МАКС Пресс, 2008. – С. 225–264
2. Митягина, В. А. Проблемы перевода в эпоху глобализации и культурного плюрализма / В. А. Митягина // Актуальные вопросы переводоведения и лингвистики : Материалы науч. сессии ВолГУ. – Волгоград, 2001. – С. 14–17.
3. Сдобников, В. В. Теория перевода : учебник для студ. лингвистических вузов и фак. иностр. яз. / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. – М. : АСТ : Восток-Запад ; Владимир : ВКТ, 2008. – 448 с. – (Лингвистика и межкультурная коммуникация : золотая серия).
4. Фомичева, И. Г. Лингвистические и экстралингвистические проблемы перевода Интернет-сайтов / И. Г. Фомичева // Коммуникативные аспекты языка и культуры : сб. материалов

IX Междунар. науч.-практ. конф. студ. и молодых ученых. Ч. 1. / гл. ред. С. А. Песоцкая. – Томск : Изд-во ТПУ, 2009. – С. 231–232.

5. Шипицина, Л. Ю. – Электрон. дан. – Режим доступа: // ftp://lib.herzen.spb.ru/text/shchipitsina_114_171_178.pdf.

Источники

1. <http://blog.kremlin.ru/>.
2. <http://medvedev.kremlin.ru/>.
3. <http://eng.kremlin.ru>.
4. <http://medvedev.kremlin.ru/biography>.
5. <http://eng.kremlin.ru/events/>.
6. <http://www.samorazvitie.ru/2009/11/samoprezentatsiya-lichnosti.html>.

Е.А. Шовгенина

Волгоградский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ УСТНОГО ПЕРЕВОДА В ВУЗЕ (НА ПРИМЕРЕ КАФЕДРЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА ВолГУ)

С точки зрения профессиональной компетентности переводчик – это квалифицированный специалист в области грамотного владения родным и иностранным языками в основных для современного человека ситуациях международного устного и письменного общения. Переводческий профессионализм, в свою очередь, формируется из навыков и умений, приобретаемых в процессе обучения. Рассмотрим подробнее его содержательную сторону.

Особое значение отводится заданиям на слуховое восприятие и тренировку памяти. Они предназначены для развития оперативной памяти и позволяют вырабатывать различные психотехнические и когнитивные навыки и умения, необходимые для осуществления устного последовательного перевода. К таким навыкам относятся навыки восприятия, фиксации и воспроизведения различных рядов прецизионной лексики: числительных, дат, номеров телефонов, географических названий, имен собственных. Подобные задания могут включать как отдельные списки прецизионных лексических единиц, так и тексты на русском и иностранном языках, содержащие прецизионную лексику в концентрированном виде. В качестве домашнего задания студентам необходимо учить географические названия (как общеупотребительные, так и редко встречающиеся) в правильном звуковом оформлении с последующей проверкой в аудитории. В курс обучения также входят задания и упражнения на выработку умений декодирования последовательных операций с информацией: компрессия, трансформация и т. д.

На начальном этапе практических занятий студентам предлагаются также тексты бесед делового или общественно-политического содержания на русском или иностранном языках, которые предназначены для обучения студентов двустороннему переводу. В значительной степени задания, связанные с такими текстами, направлены на формирование у студентов умения воспринимать смысловую структуру текста, извлекать общий смысл из воспринятого

высказывания, устанавливать смысловые связи между отдельными частями текста оригинала. С этой целью студентам предоставляется возможность полностью прослушать текст сообщения, предназначенного для последовательного перевода, или значительный по продолжительности фрагмент этого текста с тем, чтобы впоследствии студенты воспроизвели данный текст или фрагмент на языке оригинала. Подобное воспроизведение и коллективное обсуждение результата дает возможность выяснить, насколько полно обучаемые восприняли смысл текста, а также уяснили его смысловую структуру.

В переводе иногда немаловажно не только передавать смысл исходной фразы, но и по возможности воспроизводить ее отдельные элементы, поэтому внимание на занятиях уделяется развитию не только смысловой, но и механической памяти. Работа над ее укреплением важна, поскольку одним из характерных требований к переводчику, осуществляющему абзацно-фразовый перевод, является умение удерживать в оперативной (кратковременной) памяти содержание переводимого отрезка текста до тех пор, пока он не будет переведен. Безусловно, в реальных условиях во время абзацно-фразового перевода переводчику не запрещается делать записи. Преподаватели на занятиях по устному переводу по возможности должны делиться со студентами своим практическим опытом работы в качестве устного переводчика, в частности ведением переводческих записей. Конечно, на практике для этого не всегда имеются возможности, и в учебной программе предусмотрен отдельный курс по технике записи для студентов четвертого года обучения.

При двустороннем переводе одним из основных требований, предъявляемых к переводчику, является умение быстро переключаться с одного языка на другой как в плане восприятия, так и в плане продуцирования. Практика двустороннего перевода осуществляется с помощью специально подготовленных текстов диалогов в рамках изучаемых коммуникативных ситуаций согласно учебно-методическому комплексу, разработанному преподавателями кафедры теории и практики перевода, где реплики одного собеседника даются на одном языке, а другого – на иностранном языке. Возможны и другие варианты предъявления текстов.

На занятиях обязательно рассматриваются ситуации, связанные с тем, что как бы тщательно переводчик ни готовился к своему переводу, невозможно гарантировать, что ему не встретится то или иное незнакомое понятие, тот или иной термин, для которого он не в состоянии дать прямого переводного соответствия. Для этого переводчику необходимы соответствующие умения, которым уделяется внимание на занятиях. В частности, умение передавать в переводе понятия не с помощью однозначных эквивалентов, а посредством описательного перевода.

В числе других подготовка переводчика в вузе включает в себя следующие задачи:

- формирование базовой составляющей переводческой компетенции, что дает переводчику возможность осуществлять перевод осознанно и с позиций понимания комплексной природы перевода, его технологии, а также совершенствоваться в течение всей своей профессиональной деятельности;

- формирование специфической составляющей переводческой компетенции, что позволяет переводчику профессионально осуществлять перевод в той или иной форме;
- формирование специальной составляющей, то есть формирование способности осуществлять перевод в определенной предметной области, или в определенной коммуникативной ситуации (Латышев 2001: 134).

По этому поводу А.П. Чужакин отмечает также, что существует извечная дилемма устного перевода: специалист глубоко разбирается в своей области, но не знает языка и не владеет навыками устного перевода, а переводчик-профессионал умеет переводить, но не разбирается в данной области знания (Чужакин 2002: 63).

Большое внимание также отводится формированию навыков создания собственной переводческой базы, то есть определенных накопленных фоновых знаний, а также развития экзистенциальных, предметных, лингвокультурных и прочих компетенций, что, несомненно, в дальнейшем поможет переводчику самосовершенствоваться в области устного перевода

Особое внимание уделяется и «ложным друзьям» переводчика, или псевдоинтернациональным словам, которые подразделяются современными лингвистами на следующие группы (Слепович 2001: 15):

(1) слова, имеющие сходное написание и произношение, но совершенно другое значение по сравнению с английским (*aspirant* - претендент, *bullion* – слиток, *complexion* – цвет лица, *data* – данные, *Dutch* – голландский, *fabric* – ткань, *list* – список, *receipt* – получение/квитанция, *troops* – войска и т. д.);

(2) слова, которые лишь в одном или двух значениях совпадают с русскими словами, но расходятся в остальных (*balance* – остаток, а не только баланс, *camera* – фотоаппарат, а не только камера, *concrete* – бетон, а не только конкретный, *minister* – священник, а не только министр и т. д.).

Также на занятиях преподавателю необходимо помочь обучающимся избавиться от заблуждения по поводу представления о том, что умение переводить приходит само по себе как результат перехода некоего количества приобретенных навыков иноязычной речевой деятельности в новое качество.

Таким образом, преподавание устного перевода в вузе базируется на методичном развитии специфических профессиональных навыков и умений. Основу процесса обучения в данном случае составляют специальные задания и упражнения, ориентированные на формирование необходимых переводческих компетенций. Важнейшую роль в достижении успешного результата играет учебно-методический комплекс, разработанный преподавателями кафедры теории и практики перевода.

Список литературы

1. Латышев, Л. К., Структура и содержание подготовки в языковом вузе : учеб.-метод. пособие / Л. К. Латышев, В. И. Провоторов. – 2-е изд., стереотип. – М. : НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. – 136 с.
2. Слепович, В. С. Курс перевода (английский ↔ русский язык). Translation Course / В. С. Слепович. – Мн. : ТетраСистемс. 2001. – 272 с.
3. Чужакин, А. П. Общая теория устного перевода и переводческой скорописи : курс лекций / А. Чужакин. – М. : Р.Валент, 2002. – 160 с.

Секция
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НЕМЕЦКОЙ ГРАММАТИКИ

А.В. Вальт

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

**МЕТОДИКА АНАЛИЗА КОГНИТИВНОГО И ЯЗЫКОВОГО ЗНАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

Семантические предикаты и падежи как концептуальные сущности базируются на минимуме признаков, отвлеченных от онтологической специфики мыслимых в них объектов. Языковое сознание как система понятий и категорий складывается не только благодаря концептуальной категоризации, но и под влиянием онтологических признаков классов.

Среди комплекса проблем, которыми занимается когнитивная лингвистика, крайне сложным вопросом представляется соотношение языкового и внеязыкового типов знаний, той когнитивной, онтологической и семантической информации, которая определенным образом оказывает влияние на становление и развитие системы конкретного языка. Утверждается, что центральные для человеческой психики концепты отражены в грамматике языков и что именно грамматическая категоризация создает ту концептуальную сетку, тот каркас для распределения всего концептуального материала, который выражен лексически. В грамматике находят отражение те концепты, которые наиболее существенны для данного языка.

Несомненно, что главная роль в структурировании отражаемого события принадлежит предикату, который предопределяет не только конкретную интерпретацию отражаемого события, но и устанавливает количество и характер реализуемых в высказывании аргументов. Вместе с тем можно предположить, что если глагол имплицитно структурирует высказывание, то падеж его эксплицитно структурирует. Другими словами, осмысление события и формирование смысла высказывания непосредственно связаны с сигнификативным представлением реальных связей предиката с субъектом и объектом, которые передаются падежными формами. Все это дает нам основание считать падеж одной из основных единиц для закрепления сигнификативного представления ситуативных знаний о мире и обуславливает актуальность данной статьи.

В большинстве высказываний падеж выражает несколько аспектов события: то, какая роль отведена каждому участнику в этом событии; в каком отношении эти участники находятся друг к другу, в каких временных и локальных рамках это событие совершается, как его воспринимает либо участник, либо сам говорящий (модальный аспект). В соответствии с этим, все данные семантически мыслимые отношения по-разному интерпретируются и на синтаксическом уровне, как субъектно-объектные, как обстоятельственные или атрибутивные.

Сказанное, однако, не означает, что все перечисленные типы отношений, составляющие денотативный план содержательной структуры грамматического

падежа, существуют непосредственно в реальной действительности или являются его чисто языковыми значениями. Языковую семантику никоим образом нельзя отождествлять с «картиной мира», которая, хоть и называется языковой, но все же в идеальном виде создается в сознании человека и только потом получает свое закрепление и реализацию в языковой системе. Таким образом, об отражательной картине мира мы можем говорить лишь в том смысле, что система языка выступает как бы вторичной формой существования понятийных категорий сознания, лишь опосредованно соотносящихся с внеязыковой действительностью.

Данная характеристика четко отвечает специфике падежной категории, чьи выполняемые функции суть реляционные, поскольку, в отличие от классифицирующих категорий персональности – неперсональности, одушевленности – неодушевленности, рода и др., они отражают не «прямые» онтологические характеристики классов объектов, а выстраивают представителей разных классов в определенных отношениях в рамках выбранного типа ситуации. Как указывает К.А. Переверзев, онтологией языка является не то, что происходит на свете, а то, что концептуализируется сознанием этноса и конструируется языком [Переверзев, 1998, с.27–31].

Мы придерживаемся той точки зрения, что падежные формы несут в себе информацию о денотатах – универсальных понятийных категориях, на основе которых мы выстраиваем в сознании ментальную модель мира. В современной лингвистике задаче установления корреляций между данными мыслительными категориями и грамматическими падежными формами служит теория семантических падежей Чарльза Филлмора, направленная как раз на выявление по возможности всех семантико-синтаксических отношений для каждой падежной формы отдельного языка [Филлмор, 1988, с.64].

Мы рассматриваем семантические падежи как ментальные единицы организации когнитивного знания, имеющие функцию отражать, хранить и репрезентировать в абстрактной форме ситуативное знание о мире. Подобно матрице данные когнитивные универсалии накладываются сознанием на окружающий мир и позволяют представлять предметно-понятийное знание о классах объектов в упорядоченных взаимосвязях. Тем самым подтверждается возможность анализа семантических падежей как денотативного плана содержания грамматической падежной системы.

Тем не менее, выявление денотативной семантики падежа не является достаточным для типологической характеристики падежных систем отдельных языков. Для типологии наиболее важным оказывается вопрос, какое сигнификативное преломление находит универсальное понятийное содержание через систему средств его репрезентации в каждом конкретном языке. Данная позиция согласуется с данными современных исследований нейрогенезиса, которые показывают, что языковую семантическую структуру, в целом, можно определить как концептуальную структуру в языковом модуле, ибо несомненно, что языковое сознание как система понятий и категорий, через призму которых носители отдельного языка воспринимают окружающий мир,

формируется при взаимодействии онтологии мира и мышления как способности к его классификации и категоризации.

В данной статье мы бы хотели показать, как онтология мира влияет на сигнификативное преломление семантических падежей. Наиболее значимым здесь является действие двух факторов – семантической перспективы и необходимости закрепления отдельных важных для носителей определенного языка онтологических признаков при интерпретации исходного отношения.

Действие двух этих факторов, их роль в становлении парадигм семантических падежей и саму процедуру анализа последних, наиболее наглядно можно представить на примере категории Агенса, представленной в немецком языке формой номинатива и аналитическими формами *mit Dat.*, *von Dat.* и *durch Akk.* Дело в том, что любое предложение, как известно, является формой выражения суждения, состоящего из логического субъекта и логического предиката. В языках номинативной типологии, к которым принадлежит и немецкий язык, единственной формой для выражения логического субъекта в активной структуре предложения является, как правило, форма именительного падежа. Если же в и позицию логического субъекта, как это происходит в пассивной структуре, выдвигается Объектив, то Агенс уже получает в связи с пониженным иерархическим статусом предложно-падежное оформление: *Das Haus wurde vom Vater gebaut* – Дом построен отцом

Помимо того, поскольку в активной структуре предложения единственной формой для Агенса в позиции логического субъекта является именительный падеж, постольку в нем, естественно, нейтрализованы все возможные онтологические признаки мыслимых как Агенс объектов. Вот почему выделять, как это иногда случается, в форме номинатива какие-то особые проявления Агенса и возводить их в ранг особых семантических падежей (Каузатива, Элементатива и т. п.), по меньшей мере, нелогично.

Однако то, что невозможно для Агенса в роли логического субъекта, оказывается возможным при его понижении в статусе и помещении в структуру логического предиката, что мы и наблюдаем в пассивной структуре предложения, где две формы Агенса (*von Dat.* и *durch Akk.*) в соответствии со своей контрастивной дистрибуцией оказываются в отношении противопоставления. Согласно немецким грамматикам, если в функции Агенса мыслится одушевленный объект (лицо), то, будучи выраженным через *von Dat.*, такой Агенс должен быть интерпретирован одновременно и как инициатор, и как исполнитель действия, тогда как тот же объект, в той же функции, но переданный через *durch Akk.*, мыслится уже только либо как простой исполнитель (посредник) действия, либо как ненамеренно произведший действие. Кроме того, эти две формы представления Агенса в пассивной структуре обычно противопоставляют одушевленного, обладающего потенцией для совершения действия Агенса (сюда же относятся случаи метафористической персонификации) и неодушевленного (неперсонифицированного) объекта (в том числе и опредмеченного действия). Что же касается формы *mit Dat.*, появляющейся, как и номинатив в структуре

активного предложения, то она является противопоставленной номинативу, потому что, в отличие от последнего, она интерпретирует Агенс уже не как инициатора и исполнителя действия, а только как соучастника, в соответствии с чем, обе интерпретации и используются в одном высказывании.

Практический анализ позволяет также установить, что на сигнификативную интерпретацию единого семантико-синтаксического отношения могут оказывать свое влияние не только онтологические характеристики мыслимого в этом отношении объекта, но и специфика той сферы мира (физическая, физиологическая, ментальная, эмоциональная и т.д.), в которой совершается событие. Так, например Делибератив, появляющийся при отражении ситуаций речевого действия, выражается в немецком языке аналитическими формами *von Dat.* и *uber Akk.*, тогда как при вербализации ментальных действий он уже представлен структурой *an Akk.*: *Sie erzahlt ihm oft von seinem Vater* – Она часто рассказывает ему об отце; *Er denkt an seine Kinder* – Он думает о своих детях.

Таким образом, мы попытались показать, что единая онтология внеязыковой действительности определенным образом преломляется в грамматике конкретного языка, фиксирующей наиболее существенные концепты для культуры соответствующего народа.

Список литературы

1. Переверзев, К. А. Высказывание и ситуация. Об онтологическом аспекте философии языка / К. А. Переверзев // Вопросы языкознания. –1998. – № 8. – С. 27–31.
2. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. –М. : Прогресс, 1988. – С. 64.

Л.М. Генералова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРАНСПОЗИТОРОВ «SICH» И «WERDEN» ДЛЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СИТУАЦИЙ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

В статье рассматриваются особенности использования носителями немецкого языка транспозиционных маркеров «werden» и «sich» для смены концептуализации событий при вербализации ситуаций социальной сферы.

Одним из основных постулатов когнитивной лингвистики является тот факт, что одно и то же событие внеязыковой действительности можно интерпретировать при помощи различных способов, исходя из целевой перспективы говорящего. При этом важную роль в концептуализации (ментальном осмыслении) исходного события будут играть транспозиционные преобразования, благодаря которым языковое выражение может получать различные оттенки.

Любое транспозиционное преобразование носит как качественный (когда происходит замена одного элемента структуры другим), так и количественный характер (устраняются или добавляются элементы структуры целого), а признаком смены концептуализации исходного события является появление в высказывании каких-либо дополнительных маркеров.

При анализе фактического материала в качестве транспозиторов, свидетельствующих о различной концептуализации события, мы рассматриваем не только набор семантических падежей (падежная рамка) при каждом типовом предикате, но и обязательно возможное использование различных лексических и грамматических операторов, свидетельствующих о смене концептуализации события.

Кроме того, при анализе средств, маркирующих характер концептуализации исходного события, важную роль играет также сфера объективной действительности, которую представляет концептуализируемое событие. В зависимости от сферы концептуализируемого события, набор семантических аргументов и лексических транспозиторов может варьироваться, поскольку для каждой вербализуемой сферы жизнедеятельности существует определенный онтологический признак, который является наиболее значимым, часто применяемым языковым сознанием носителей языка для сигнификативной интерпретации исходного события. Следовательно, первостепенной задачей будет являться как анализ структуры высказывания, описывающий конкретный фрагмент действительности, так и изучение системы средств, используемых носителями конкретного языка для указания того, на основании чего они отличают различные концептуализации одного и того же события. Без знания норм применения этой системы средств согласно контекстам и ситуациям, невозможно в совершенстве владеть языком [Гак, 1998, с. 467].

Носители немецкого языка используют целый ряд лексических и грамматических средств для переосмысления исходной ситуации внеязыковой действительности, где наиболее употребительными являются маркеры «*sich*» и «*werden*».

Чаще всего данные маркеры используются носителями немецкого языка для концептуализации событий социальной сферы жизнедеятельности индивида. Так, транспозитор «*sich*» используется для переконцептуализации исходного события, мыслимого как действие, в процесс, в ситуациях изменения социального статуса объекта:

Seine standigen Sorgen verwandelten ihn in eine Bestie [Boll, 1963, 39] – действие.

Sie war stolz, ihre Tochter verwandelte sich in eine richtige Lady [Link, 1994, 341] – процесс.

Как видно из приведенных примеров, для ситуаций социальной сферы, обозначающих изменение социального статуса объекта и концептуализируемых при этом через предикат процесса, характерна всегда запрограммированность или назапрограммированность результата этого изменения, что выражается в

конструкциях либо с аналитической структурой zu (Dat), либо предложно-падежной структурой in (Akk).

Реже конструкция с маркером *sich* используется для переконцептуализации в процесс ситуаций разрешения конфликтов, споров, дебатов:

Je langer der Proze? dauerte, desto deutlicher neigte sich die Gunst der offentlichen Meinung [Rucker, 1988, 37] – процесс.

Unsere langen Aussagen verwandelten sich allmahlich in eine lebhafte Diskussion [Boll, 1963, 310] – процесс.

Кроме того, использование данного маркера находит свое применение при отражении ситуаций образования новых организаций, объединений или в ситуации получения новых возможностей, перспектив для работы:

Mit der Hilfe seiner Mannschaft bildete Chris einen eigenen Betrieb [Rucker, 1988, 34] – действие.

Nach der Grundung des «Neuen Forum», der ersten Oppositionsbewegung der DDR, bildeten sich weitere regimekritische Vereinigungen [Link, 1994, 410] – процесс.

Jetzt offneten sich neue Quellen den Auftraggebern des Herrn von Oe. , ein nicht endender Flu? von Informationen setze ein [Rucker, 1988, 32] – процесс.

Кроме маркера «*sich*» для концептуализации событий социальной сферы часто используется конструкция с глаголом werden + Substantiv. Сфера употребления данного транспозитора строго определена и касается только ситуаций социальной сферы бытия.

Поскольку социальная организация общества может быть представлена в виде сложной взаимосвязанной системы социальных статусов, занимаемых индивидами, становящимися вследствие этого членами общества, гражданами государства, то современная наука различает два типа социального статуса:

1. Социальный статус, предписываемый обществом индивиду вне зависимости от его усилий и заслуг;
2. Достигаемый социальный статус, приобретение которого зависит от самого человека.

К предписываемому типу социального статуса относятся случаи, когда замещение социального статуса происходит автоматически в силу рождения человека и в связи с его такими характеристиками, как пол, возраст, отношения родства, раса, каста и т. д. Нас же будет интересовать достигаемый социальный статус, поскольку именно в ситуациях, отражающих приобретение достигаемого статуса, используется транспозиторная конструкция werden + Substantiv. Как показало наше исследование, приобретение достигаемого статуса зависит, в первую очередь, от личных качеств индивида, его воли и усилий.

Структура werden + Substantiv широко используется в немецком языке для переконцептуализации исходного транспоненда, выраженного через предикат свойства, в предикат процесса в ситуациях, представляющих изменение социального статуса человека, либо его приверженности к определенной политической группе:

Mein Vater war Major, verwundert und ausgezeichnet [Rucker, 1988, 253] – свойство.

Zu seinem Regiment zurückgekehrt, gesund und in allem wohlauf, wurde der junge Herr von Oe. in kürzester Zeit Leutenant [Rucker, 1988, 10] – процесс.

Mein Bruder war immer Nihilist [Link, 1994, 63] – свойство.

Alle Studenten unserer Gruppe wurden später Sozialisten und Nihilisten [Link, 1994, 451] – процесс.

Поскольку предикат процесса изображает ситуацию в развитии, в ее становлении или исчезновении, то носитель социального статуса осмысливается здесь как пассивный и страдательный субъект, в отношении которого общество продолжает выполнять функцию поставщика энергии, хотя он сам также прикладывает определенные усилия для создания процесса. Таким образом, носитель социального статуса выполняет роль Пациенса, статус же осмысливается как Результатив.

Такие же особенности употребления данной структуры сохраняются при изменении профессионального или конфессионального статуса индивида:

Ihre Freundin war die beste Schulerin in ihrer Klasse [Link, 1994, 75] – свойство.

Edgar wurde ein guter Schuler, dem Rufe des Vaters zu liebe [Rucker, 1988, 257] – процесс.

Anton studierte mit großem Erfolg und machte den Eltern Freude über Freude, wurde erst ein Doktor der Philologie und später ein Professor in Sachen der deutschen Rechtschreibreform [Rucker, 1988, 198] – процесс.

Таким образом, анализ фактического материала показал, что использование различных транспозиционных маркеров в языке позволяет по-разному трактовать одно и то же событие окружающей нас действительности.

Список литературы

1. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Яз. рус. культуры, 1988. – 768 с.

Источники

1. Boll, H. Ansichten eines Clowns : roman / H. Boll. – Ausg : Buchgem. 1963. – S. 254.
2. Link, Ch. Die Stunde der Erben / Ch. Link. – München : Blanvalet Verlag, 1994. – S. 159.
3. Rucker, G. Erzählung eines Stiefsohns : prosa – essay / G. Rucker. – Leipzig : Verlag Philipp Reclam jun. – 1988. – S. 345.

З.В. Изотова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНСТРУКЦИИ SEIN+ZU+INFINITIV В ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОМ ПРАВЕ ГЕРМАНИИ

В статье подвергается анализу конструкция *sein+zu+Infinitiv* как одно из средств реализации категорий *возможность* и *необходимость*.

Конструкция *sein+zu+Infinitiv* обозначает действие, которое предстоит совершить одушевленному субъекту. «Подобная ориентация называемого в инфинитиве действия в будущее, чему во многом способствует «zu», создает почву для выражения таких модальных значений как *необходимость* и *возможность*, причем названные значения могут быть идентифицированы лишь в конкретной реализации при определенных контекстных условиях» [Алексанова 1992: 3]. Данная конструкция является объектом пристального внимания в работах многих отечественных и зарубежных лингвистов (Л.А. Алексанова, В.К. Гречко, В.И. Кураков, Н. Brinker, Н. Kolb, О. Erdman, К. Zorn и др.). Так, например, Л.А. Алексанова указывает на потенциальность совершения действия и выделяет три семантических варианта модального значения конструкции *sein+zu+Infinitiv*: 1) значение возможности; 2) значение необходимости; 3) недифференцированное или диффузное значение [Алексанова, 1992, с.4]. Многие авторы подчеркивают трудность определения ее модального значения, так как даже при привлечении широкого контекста не всегда удается его четко идентифицировать. Так, по подсчетам одних лингвистов, значение конструкции *sein+zu+Infinitiv* идентифицируется в юридических документах в 80 % случаев [Matzke, 1986, 72], по подсчетам других (например, В.К. Гречко, который проводит исследование данной конструкции на материале научно-технических текстов) – в 97 % всех случаев. Исследователи В.В. Дружинина и К. Келлер вообще не отмечают возможности выражения конструкцией диффузного значения. Все эти расхождения в оценке значения конструкции *sein+zu+Infinitiv* объясняются, с одной стороны анализом разного языкового материала, а с другой стороны, различной интерпретацией, допускающей двоякую трактовку значений конструкции.

Рассмотрим далее, какие особенности наблюдаются при функционировании конструкции *sein+zu+Infinitiv* в праве обязательственных отношений, а также тенденции в ее лексическом и синтаксическом окружении. Как одна из важнейших частей всякой развитой правовой системы обязательственное право Германии в составе Германского Гражданского Уложения призвано регулировать основополагающие в жизни общества отношения – отношения граждан и организаций, правовое положение участников гражданского оборота, договорные или иные обязательства, а также имущественные и связанные с ними неимущественные отношения. Право обязательственных отношений регулирует претензии одного лица по отношению к другому. В нем содержатся, например предписания, регулирующие ситуации купли-продажи, займа и дарения, аренды, возмещения ущерба и другие. Одним из языковых средств, служащих для выражения таких предписаний, и является конструкция *sein+zu+Infinitiv*.

Хотя указанная конструкция может рассматриваться на пересечении микрополей возможности и необходимости, проведенное исследование показало, что в данном законодательном акте конструкция *sein+zu+Infinitiv*, проявляет тенденцию к выражению именно значения необходимости. Причем необходимость совершения действия может быть обусловлена чужой волей

(приказом или распоряжением), влиянием внешних обстоятельств (15 % исследованных норм), например: *Zeit und Ort der Versteigerung sind unter allgemeiner Bezeichnung der Sache öffentlich bekanntzumachen* (Recht der Schuldverhältnisse, § 383 [Versteigerung], S. 85) – *О времени и месте проведения торгов должно быть публично объявлено вместе с описанием вещи.*

Это объясняется, с нашей точки зрения, прагматическими особенностями права обязательственных отношений, в котором содержатся положения, которыми должны руководствоваться участники юридической ситуации при решении спорных вопросов.

В ряде случаев в конструкции *sein+zu+Infinitiv* содержится категоричное определение (*kategorische Bestimmung*) и, как правило, отсутствует указание на лицо, его должность, компетенцию. В обязательственном праве некоторое действие должно осуществиться в силу положений закона: *Für geleistete Dienste sowie für Überlassung der Benutzung einer Sache ist der Wert zu vergüten oder, falls in dem Vertrag eine Gegenleistung in Geld bestimmt ist, diese zu entrichten* (Recht der Schuldverhältnisse, § 346 [Wirkung des Rücktritts], S. 59) – *Оказание услуги, равно как и переданная в пользование вещь, должны быть оплачены в соответствии с их стоимостью, а если в договоре встречное предложение определено в денежной форме, то должна быть выплачена соответствующая денежная сумма.*

Конструкция *sein+zu+Infinitiv* рассматривается в Грамматике немецкого языка Г. Цифонун в значении «связующее побуждение к действию» (*bindende Aufforderung*) [Zifonun, 1997, 1888]. Указанное значение может быть связано также и с наличием какого-либо условия, которое определяет необходимость совершения действия, при этом указанная конструкция выступает в составе бессоюзного условного предложения. например: *Ist von der Versteigerung am Leistungsort ein angemessener Erfolg nicht zu erwarten, so ist die Sache an einem geeigneten anderen Ort zu versteigern* (Recht der Schuldverhältnisse, § 383 [Versteigerung hinterlegungsunfähiger Sachen], S. 66) – *Если нельзя ожидать соответствующего результата от публичных торгов в месте исполнения обязательства, то вещь должна быть продана в другом более подходящем месте.*

Примечательно, что в ряде исследованных норм конструкция *sein+zu+Infinitiv* реализует значение *настоятельной рекомендации* (*Empfehlung*) и переводится на русский язык словом «следует». Данная рекомендация принимается во внимание лишь в случае необходимости: *Der Wert des Gesellschaftsvermögens ist, soweit erforderlich, im Wege der Schätzung zu ermitteln* (Recht der Schuldverhältnisse, § 738 [Schätzung], S. 154) – *Стоимость имущества товарищества, если это необходимо, следует установить путем оценки.*

Конструкция *sein+zu+Infinitiv* содержится также в рекомендациях, которые должны учитывать стороны и руководствоваться ими, вступая в обязательственные отношения: *Verträge sind so auszulegen, wie Treu und Glauben mit Rücksicht auf die Verkehrsitten es verlangen* (Recht der Schuldverhältnisse §293

[Auslegen von Verträgen], S. 296) – *Договор следует толковать согласно требованиям доброй совести и принимая во внимание обычаи гражданского оборота.*

Исследуемая конструкция представлена и в предложении, в котором дается рекомендация осуществить действие другим путем, в зависимости от возникших конкретных обстоятельств.

Как известно, конструкция *sein+zu+Infinitiv* носит пассивный характер и может быть заменена конструкциями с глаголами *konnen*, *mussen+Infinitiv Passiv*. В обязательственном праве конструкция *sein +zu+Infinitiv* крайне редко выступает в значении возможности осуществления действия (2 % исследованных норм): Это, видимо, объясняется тем, что законодатель стремится избежать разночтения и, как правило, отдает предпочтение пассивной конструкции с модальным глаголом *konnen*: *Ist eine Zeit für die Leistung aus den Umständen zu entnehmen, so kann der Gläubiger die Leistung nicht sofort verlangen, der Schuldner sie sofort bewirken* (Recht der Schuldverhältnisse, § 271, S. 48) – *Если время для исполнения обязательства возможно установить из обстоятельств, то кредитор может потребовать исполнения, а должник его произвести.*

В ходе исследования норм обязательственного права нами не выявлено ни одного случая, в котором конструкция *sein+zu+Infinitiv* приобретала бы диффузное значение, поскольку в юридическом тексте требуется точность и однозначность, и законодателю важно сформулировать модальности в системе правового регулирования так, чтобы соответствующие инстанции были бы в состоянии пользоваться ими в осуществлении права на практике, а граждане могли бы четко разграничить свои права и обязанности.

Таким образом, можно заметить, что законодательные предписания носят в праве обязательственных отношений в ряде случаев не принудительный, а диспозитивный характер, то есть стороны, участвующие в таких отношениях, могут самостоятельно установить вариант поведения, учитывая при этом некоторые предписания и рекомендации. Другими словами, у сторон есть выбор, и они могут согласовать или изменить условия договора. Именно поэтому конструкция *sein+zu+Infinitiv* является менее категоричной и обладает меньшей степенью обязательности совершения действия, чем, к примеру, сочетание *verpflichtet sein* или модальные глаголы *mussen*, *sollen*.

Список литературы

1. Алексанова, Л. А. Особенности функционирования конструкции *sein+zu+Infinitiv* в текстах научной и художественной литературы / Л. А. Алексанова // Предложение и текст. – Рязань, 1992. – С. 3–15.
2. Matzke, B. Modalität der Fugung *sein+zu+Infinitiv* in juristischen Texten / B. Matzke // Deutsch als Fremdsprache. Heft 2. – Leipzig, 1986. – S. 72–74.
3. Zifonun, G. Grammatik der deutschen Sprache (Band 3) / G. Zifonun, L. Hoffmann, B. Strecker. – N. Y. ; Berlin : Walter de Gruyter, 1997. – С. 1888.

Источники

Recht der Schuldverhältnisse // Bürgerliches Gesetzbuch. – München : Textausgabe, 2001.

ПРИНЦИПЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ФОРМ ГЛАГОЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье обосновывается возможность системной подачи грамматического материала по теме управления глагола с позиций когнитивной лингвистики. Автор представляет основные принципы систематизации форм глагольного управления и демонстрирует их функционирование на примере немецкого языка.

Огромную сложность при изучении немецкого языка представляет усвоение глагольного управления, особенно его предложно-падежных форм. Это связано, прежде всего, с тем, что данный вид подчинительной связи традиционно трактуется как семантически немотивированный [Русская грамматика, 1980, с. 14] и в соответствии с этим обучающимся предлагается просто запоминать форму управления каждого конкретного глагола. Однако при изучении уже трети форм глагольного управления проявляются параллели между отдельными управляемыми конструкциями: что касается чистых падежей, то здесь в основном наблюдаются те же отношения, что и в русском языке, за исключением лишь ряда случаев. Но вот предложно-падежные формы практически всегда отличаются от русских вариантов оформления ситуации, и при этом очевидным образом группируются по выражаемым смыслам, что лучше всего видно на примере предлогов, выражающих пространственные отношения.

Er druckte sich an die Wand. – Er druckte sich in die Ecke.

Wie oft schreibst du an deinen Vater? – Er geriet in eine unangenehme Situation.

Дело в том, что каждая управляемая форма представляет собой интерпретацию определенного логического отношения. В этом смысле падеж является одним из способов отражения ситуативных знаний о мире. Он призван выражать отображенные в сознании связи, царящие в познаваемом мире.

Синкретичный характер падежной системы, обусловленный необходимостью выражения многоплановых отношений реального мира при помощи ограниченного количества средств, определяет использование языком предложно-падежных конструкций как конкурирующих форм. У В. Шмидта мы находим следующее объяснение этому явлению: «Будучи изначально лишь факультативным, свободно применяемым способом выражения отношений, предлоги в результате регулярного употребления способствовали все большему снижению функциональной нагрузки падежа. Но, с другой стороны, данный процесс обусловил обязательное отныне применение старых и возникновение новых предлогов. В итоге главную синтаксическую роль в предложной конструкции взял на себя предлог» [Шмидт, 1967, с. 275]

Таким образом, чаще всего из-за перегруженности чистых падежей именно предложно-падежные формы позволяют добиться различных сигнификативных осмыслений исходного логического отношения.

Под логическими отношениями здесь будут пониматься семантические отношения аргументов фреймовых структур к лежащему в их основе семантическому предикату [Кураков, 2007, с. 14]. Эти отношения относятся к уровню мышления и в готовом виде являются результатом концептуализации познаваемой действительности, которая представляет собой «процесс ментальной обработки информации с помощью лежащих в основе мышления категорий рассудка, полностью отвлеченных от онтологии мира» [Кураков, 2007, с. 8].

Это значит, что каждое конкретное реальное событие может быть интерпретировано как действие, процесс, состояние или свойство с определенным набором иерархически организованных семантических ролей. При этом логическое значение роли вступает во взаимодействие с онтологическими характеристиками реальных участников события. Суть такого взаимодействия состоит в том, что каждый семантический аргумент фреймовой структуры может получать несколько разных сигнификативных интерпретаций, каждая из которых предполагает соответствующее оформление.

Интерпретация сигнификативной специфики семантического аргумента зависит от определенного семантического прочтения соответствующей роли фрейма, которое определяется тем, какие из признаков участника сцены, получающего во фрейме ту или иную роль, являются наиболее важными для конкретной языковой общности.

Выбор такого признака, вступающего в силу своей ценности и значимости для носителей конкретного языка во взаимодействие с ментальным значением семантической роли, чаще всего обусловлен онтологической принадлежностью соответствующей сцены к одной из сфер бытия, например ментальной [Омельченко, 2004].

Однако очевидно, что границы между разными сферами жизнедеятельности абсолютно размыты, что, пожалуй, объясняется субъективностью отнесения конкретного события к той или иной сфере. И поскольку окружающая действительность всегда оценивается с позиций человека, наверное, будет более правильным разделить интерпретируемый мир на три связанные с ним самим части или сферы:

1. внутренняя деятельность человека. Сюда мы отнесем различные мыслительные операции, как вербализуемые, так и проходящие только на уровне мышления, а также всевозможные внутренние моральные и психологические чувства и эмоции.

2. внешняя деятельность. Это события, направленные на человека или от него, а также физические и физиологические изменения и ощущения.

3. социальная деятельность. Сюда относится совместная деятельность, партнерство, участие, социальные контакты, взаимосвязи, отношения.

Основными лексическими средствами описания этих трех сфер бытия человека является событийная лексика, обладающая валентностью, которую она реализует в конкретном высказывании чаще всего при помощи управляемых форм – падежных или предложно-падежных. Однако есть глаголы, которые описывают не само событие, а его разные фазы. К ним

относятся anfangen, beginnen, gelingen, passieren, einfallen и некоторые другие. Событие при этом описывается чаще всего существительным с событийной семантикой, занимающим в предложении место подлежащего, и интерпретируется как процесс. Объект, получающий выгоду или страдающий при этом, то есть адресат, фиксируется в предложении дательным падежом.

Solch ein Unfall ist mir noch nie passiert!

Что же касается вербализации самих выделенных нами сфер жизнедеятельности, то анализ фактического материала показал, что для реализации каждой из них в конкретных высказываниях характерен свой набор управляемых форм. В большей степени это относится, конечно, к предложно-падежным конструкциям по причинам, упомянутым выше.

Так, события, происходящие во внутреннем мире человека, чаще всего мыслятся как действия, включающие двух участников: исполнителя действия (агенса) и объекта, на который направлено действие (объектив). Реже это бывает процесс с патиенсом и опять же объективом и еще реже состояние. Парадигма реализации объектива невероятно широка. Для улучшения восприятия попробуем представить ее в форме таблицы:

<i>Форма управления</i>	<i>Сигнификативная интерпретация</i>
Akk	непосредственное содержание внутреннего события Ich kenne ihn schon gut.
von D	опосредованное содержание внутреннего события Was wissen Sie davon?
uber Akk	непосредственное содержание внутреннего события протяженность во времени наличие результата Er dachte lange uber seine Worte nach.
an Akk	непосредственное содержание внутреннего события отсутствие протяженности во времени отсутствие результата Ich erinnere mich oft an meine Mutter.
auf Akk	непосредственное содержание внутреннего события обращение к будущему Die Kinder freuen sich auf die kommenden Ferien. направление (указание) Achten Sie bitte darauf!
an D	опосредованное содержание внутреннего события Ich erkenne ihn an seine Stimme. значение неполноты Woran zweifelst du?
in D	непосредственное содержание внутреннего события значение полноты Du irrst dich in diesem Menschen.
fur Akk	непосредственное содержание внутреннего события значение выбора Wofur interessierst du dich?

Итак, хотя рамки данной статьи и не позволяют нам рассмотреть способы реализации сигнификативных интерпретаций исходных семантических отношений, а соответственно и формы глагольного управления по всем обозначенным сферам, представленный материал позволяет сделать вывод о том, что грамматическая тема глагольного управления поддается изучению, а использование принципов когнитивной лингвистики снимет для преподавателя последние трудности в ее подаче.

Список литературы

1. Кураков, В. И. Грамматика как система когнитивных категорий и структур репрезентации мира в языковом сознании / В. И. Кураков // Когнитивные аспекты немецкой грамматики. – Волгоград, 2007 – С. 5–18.
2. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. – М. : Наука, 1980.
3. Schmidt, W. Grundfragen der deutschen Grammatik. Eine Einführung in die funktionale Sprachlehre / W. Schmidt. – Berlin : Volk und Wissen Volkseigener Verlag, 1967.

Л.М. Кравченко

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

КОГЕРЕНТНО СВЯЗАННЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В СИТУАЦИЯХ РЕАГИРОВАНИЯ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО РЕЦИПИЕНТА НА ДИРЕКТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Статья посвящена принципам сочетаемости инициальных и реактивных реплик в рамках диалогического единства, а также анализу структуры наиболее частотных комбинированных речевых актов в ситуации реагирования на директивы (на материале немецкого языка).

Одним из важных признаков диалогической речи, как известно, является принцип построения речи как цепи стимулов и реакций, то есть каждое высказывание является некоторой акцией, вызывающей и обуславливающей реплику-реакцию. Поэтому основной единицей диалога считается диалогическое единство, рассматриваемое как две реплики, связанные семантически и структурно. Такой подход представлен, в частности, в работах Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 1970, с. 45], Е.В. Падучевой [Падучева, 1982, с. 305], Т.Н. Колокольцевой [Колокольцева, 2001, с. 36].

Зарубежными исследователями для описания семантически и структурно-взаимосвязанных реплик или речевых ходов вводятся понятия «interchange», «interact» или «adjacency pair» [Levinson, 1983; Crystal, 1987]. «Adjacency pair» или «смежные пары» – это типовые последовательности реплик, в которых характер второй реплики обусловлен характером первой: «Adjacency pair is a two-turn structure where the second part of a two-act exchange is defined by the first part» [Ellis, 1992].

В качестве основного признака во всех определениях диалогического единства фигурирует когерентность (от лат. *cohaerens* – связный, взаимосвязанный). Именно она отличает простую последовательность реплик от диалогического единства. Одним из проявлений смысловой когерентности реплик внутри диалогического единства является его монотематичность: переход от одной темы к другой есть маркер, указывающий на конец одного диалогического единства и начало следующего. Единство темы часто проявляется в рекуррентности ключевых слов, связанных с темой.

Отдельные предложения в составе диалогического единства не имеют самостоятельной темы, а служат совместно для выражения одной темы диалогического единства и взаимно дополняют друг друга при ее раскрытии.

Еще одна важная характеристика диалогического единства – коммуникативная целостность, которая, по мнению О.И. Москальской [Москальская, 1981], выражается в коммуникативной преемственности между его составляющими. Суть этого явления заключается в том, что каждое последующее предложение в смежной паре опирается в коммуникативном плане на предшествующее, продвигая высказывание от известного, «данного» к новому, вследствие чего образуется тематическая цепочка, имеющая конечный характер и определяющая границы диалогического единства.

И, наконец, третьей составляющей когерентности текста является структурная цельность текста. Высказывания, входящие в состав диалогического единства, связаны между собой не только единством темы и отношением коммуникативной прогрессии, но и разнообразными внешними сигналами, указывающими на то, что они представляют собой части одного целого и образуют в своей совокупности структурное единство.

Сигналами структурной связи между предложениями служат местоимения и местоименные наречия, выбор артикля, употребление времен и многое другое. Все эти явления не могут получить достаточного объяснения при рассмотрении изолированных предложений, их функционирование раскрывается полностью лишь в масштабах диалогического единства и целого текста.

Анализ реактивных реплик немецкоязычного адресата на директивные высказывания говорящего в рамках разновидностей персонального (интеракции между взрослыми и детьми (Klein, Caroline), телефонные диалоги частного (Brons-Albert, Telefondialoge)) и институционального характера ((Korpus Dialogstrukturen), вузовские (Boettcher, Hochschule) и медицинские консультации (Walther, Erstgesprache)) показал, что наиболее частотными смежными парами оказываются следующие:

Вопрос – ответ:

A: Wie alt sind de denn jetzt?

B: Y ist acht und X is sechs [Brons-Albert, Telefodialoge, S. 114]

Предложение – согласие + благодарность/ отказ + благодарность:

CHI: soll ich # dir bisschen noch bisschen Milch reintun?

MOT: ne danke. [Klein, Caroline, 90-08-26]

Приглашение – согласие + благодарность / отказ+мотивировка:

B: Naja, wollder nich irgendwann nächste Woche ma vorbeikommen?

A: Ja, das ginge wohl auch [Brons-Albert, Telefondialoge, S. 163].

Просьба – согласие + обещание / отказ+мотивировка:

Auszubildende: Können Sie sich einmal auf die Seite, eh, drehen, damit ich eben Thermometer-/damit ich eben Temperatur messen kann? ((2 Sek.))

Patient: Dat tu ich ungern.

Auszubildende: Ich weiß. Kann ich auch gut verstehen. Aber...(Walther, KA, S. 350].

Приказ – ответ на приказ (как правило, клишированная фраза):

Hauptmann: Benjamin!

Benjamin: Zu Befehl!

Hauptmann: Geh hinaus! Schau dich um! Du gehst, bist du einen Menschen findest, einen Bauern, ein Kind, ein Mädchen, was weiss ich. Schau ihn an, jeglichen Menschen, rede mit ihm. Wir warten hier, bis du wieder kommst. Wir warten auf jeden Fall.

Benjamin: Zu Befehl! [Frisch 1997: 42].

Требование – согласие + обещание / возражение:

B: Und rottet das Vieh aus mit Stumpf und Stil!

A: Gut. [Brons-Albert, Telefondialoge, s. 9].

Совет – согласие + благодарность / возражение:

S2: 4s4 bis zwölf uhr darf sie 1 2eh2 das is mit 4l4 neunzehn jahren sollte man das nicht mehr tun 5f5 1 solche begrenzungen 5f5 1 . weil 1 die kinder mit neunzehn keine kinder mehr sind 5f5 1

S1: 9s9 ja das scho:n nicht 5s5 1 aber 1 na ja sie kam mit hochrotem kopf nach hause 8 und [Korpus Dialogstrukturen, Interaktion DS 009].

Как видно из приведенных примеров, одно диалогическое единство может прерываться другим, то есть внутри одной смежной пары может внедряться другая смежная пара. Часто это происходит в случае, когда адресату необходимо уточнить директивный стимул при помощи переспроса:

Krankenpflegehelfer: Was erwarten Sie vom Krankenhausaufenthalt?

Patient: Vom Krankenhausaufenthalt?

Krankenpflegehelfer: Ja.

Patient: Wat ich davon erwarte?

Krankenpflegehelfer: Schnell nach Hause.

Patient: Erstens. Und gute Pflege, sach ich mal [Walther, KA, S. 48].

Когерентная связь характерна не только для высказываний, входящих в диалогическое единство, но и для тех, которые формируют комбинированные речевые акты в пределах одной реплики.

Комбинированные речевые акты позволяют адресату реализовать целый комплекс иллокуций, связанных с основной. Так, негативная реакция на приглашение обычно включает не изолированный речевой акт отказа, а целый набор сопровождающих его речевых актов: выражение сожаления из-за невозможности принять приглашение + извинение + объяснение причины отказа + обещание принять приглашение в другой раз или ответное приглашение + благодарность и т. д.

С учетом вышеизложенного изучение принципов сочетаемости инициальных и реактивных реплик в рамках диалогического единства, а также комбинирования определенных типов речевых актов для вербализации сложных иллокуций представляется чрезвычайно важной областью не только прагмалингвистики, но и лингводидактики, где результаты подобных исследований могут быть применены с целью повышения конверсационной компетенции языковой личности.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему-реплики» в русском языке / Н. Д. Арутюнова // Филол. науки, 1970. – № 3. – С. 44–58.
2. Падучева, Е. В. Прагматические аспекты связности диалога / Е. В. Падучева // Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка. Т. 41, № 4. – 1982. – С. 305–313.
3. Колокольцева, Т. Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи / Т. Н. Колокольцева. – Волгоград, 2001. – 260 с.
4. Москальская, О. И. Грамматика текста / О. И. Москальская. – М., 1981.
5. Crystal, D. The Cambridge encyclopedia of language / D. Crystal. – Cambridge, England : Cambridge University, 1987.
6. Ellis, D. G. From Language to Communication / D. G. Ellis. – New Jersey, 1992.
7. Levinson, S. Pragmatics / S. Levinson. – Cambridge, England : Cambridge University, 1983.

Источники

1. Sprechstundengesprache. Ein Transkriptband / W. Boettcher, A. Limburg, D. Meer, V. Zegers. – Radolfzell, 2005. – Electronic text data. – Mode of access: www.verlag-gespraechsforschung.de/2005/pdf/hochschule.pdf.
2. Brons-Albert, Rh. Gesprochenes Standarddeutsch. Telefondialoge / Rh Brons-Albert. – Tübingen : Narr, 1984.
3. Klein, W. German Caroline Corpus / W. Klein. – Electronic text data. – Mode of access: <http://childes.psy.cmu.edu/data/Germanic/German>.
4. Korpus Dialogstrukturen (Interaktionen 1–72) // Deutsches Spracharchiv (DSAv) und Datenbank Gesprochenes Deutsch (DGD). – Mannheim : Institut für Deutsche Sprache. – Electronic text data. – Mode of access: <http://dsav-wiss.ids-mannheim.de/DSAv/KORPORA/DS>.
5. Walther, S. Erstgesprache zwischen Pflegepersonal und Patienten im Krankenhausalltag. Ein Transkriptband / S. Walther. – Radolfzell : Verlag für Gesprächsforschung, 2005. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.verlag-gespraechsforschung.de/2005/pdf/pflege.pdf>.
6. Frisch, M. Stucke. Nun singen sie wieder / M. Frisch. – Leipzig : Verlag Philipp Reclam jun., 1997. – S. 5–60.

**ФРЕЙМОВЫЕ И ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ
ОТРАЖЕНИЯ СИТУАЦИЙ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ
НОСИТЕЛЯМИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА**

Статья посвящена исследованию характера и способов отражения носителями немецкого языка ситуаций ментальной сферы, и выполнена соответственно в рамках когнитивной лингвистики. Обычно когнитивность в лингвистике связывают только с познанием, при этом, однако упускается из виду вторая сторона – сознание, как способ осмысления познанного. В статье рассматривается именно специфика отражения носителями немецкого языка ситуаций ментальной сферы.

Мыслительная, или ментальная, сфера является одной из сфер человеческого бытия, включающая все события, происходящие на уровне сознания, т.е. уровня осмысления уже познанного. Это особая сфера онтологии, которая, как и все другие сферы бытия (физическая, физиологическая) может быть отражена через структуры с различными семантическими предикатами, которые составляют основу разного видения одной и той же ситуации. При этом под семантическим предикатом понимается лежащий в основе отражения данной ситуации ментальный (осмысленный) образ события, в котором в свернутом виде представлено все событие целиком с его участниками и их семантическими ролями (или функциями). На основе трех критериев: критерий статичности/динамичности; наличие/отсутствие временной связанности отражаемого события; семантический тип субъекта к предикату в отражаемом событии можно разграничить четыре типа семантических предиката: действия, процесса, состояния и свойства и соответственно выделить некоторые классы языковых структур.

Материалом исследования характера и способов отражения ситуаций ментальной сферы, послужили 3000 примеров предложений, отобранных методом сплошной выборки из художественной литературы на немецком языке, в которых представлены ситуации мыслительной сферы, к которым относятся: ситуация обдумывания, размышления, ситуации перехода в состояние размышления, ситуации узнавания, либо воспоминания как мысленное обращение к объекту, ситуации возникновения у мыслящего какой-либо внезапной мысли, ситуации предположения, догадки; ситуации оценивания объекта, где сама оценка может выражаться через прилагательное; ситуации степени доверия другому субъекту, ситуация мысленной заинтересованности, ситуация пополнения знаний, ситуация воздействия ментального события на психику и эмоциональное состояние человека.

Каждое событие интеллектуальной сферы (ситуации мыслительной сферы) как и всех других, может быть рассмотрено под углом той или иной

семантической перспективы и трактоваться соответственно либо как действие, либо как процесс, либо как состояние или свойство.

1.1. Так ситуации обдумывания, размышления (*denken, sich (D) uberlegen, sich besinnen*) представленные 45 % исследуемого материала чаще всего отражаются через предикат действие (25 %), где субъект осознанно, либо в силу неких обстоятельств определяет возникновение и поддержание события, изменяющегося в результате деятельности самого субъекта. Во фреймовой модели с предикатом действия вербализуется само ментальное действие, его производитель, а также объект этого действия. Мыслимая через предикат действия ментальная ситуация является актуальной и создается во времени. Она нуждается в постоянном источнике энергии (агенс), который определяет возникновение и поддержание события. В качестве агенса может мыслиться либо само событие, либо человек: *Ich mochte nicht daran denken (Birdgit Venderbeke «Das Muschelessen» s.14)*. Фреймовая структура такого вида отражения может быть представлена как: *R действия + Ag. (N) + Del. (an Akk., von D., uber Akk.)* где, в качестве агенса мыслится производитель ментального действия, а в функции делибератива содержание того или иного ментального действия.

Ментальное действие может носить разный характер. В соответствии с этим делибератив может иметь несколько разных характеристик, определяемых характером того или иного действия и объекта, над которым оно совершается, в соответствии с чем делибератив реализуется в предложении падежной или предложно-падежной формой (чаще всего предложно-падежными формами *an Akk.* (15 %)). Предложно-падежное управление *an Akk* отражает тот факт, что действие в событии носит кратковременный характер воспоминания о каком-либо объекте или мысленное обращение к нему и не подразумевает каких-либо последствий: *Ich dachte an den Zettel, den ich morgens in der Werkstatt geschrieben hatte (E.M. Remarque «Drei Kameraden», 17)*

Иначе дело обстоит в структурах, где объект представлен винительным падежом уже с предлогом *uber* (10 %), который используются при интерпретации семантического аргумента Делибератива как объекта для длительного размышления с последующим выводом и высказыванием какого-либо мнения: *Er musste allein sein, noch einmal nachdenken uber alles (St. Wolf «Hei?es Gold im Silbersee», 96)*. В данном случае структурная, пропозициональная модель выглядит, так же как и для ситуации обдумывания, размышления представленной выше, отличие состоит лишь в предложно-падежной форме делибератива.

Те же ситуации обдумывания, размышления могут мыслиться и через предикат состояния (15 %). При этом **Р состояние (экспериенцер)**, где экспериенцер – субъект, который испытывает определенное интеллектуальное состояние. *Ich denke nach (E.M. Remarque «Der Weg zuruck», 130)*. Данная фреймовая структура отражает события умственного напряжения, не связанного непосредственно с каким-либо объектом.

Ситуации перехода в состояние размышления могут отражаться и через предикат процесса **Р процесс (патиенс)** (5 %) Фреймовые модели с предикатом

процесса отражают ментальные ситуации как изменение интеллектуального состояния человека. Осмысление ментальной ситуации как процесс предполагает ее развитие во времени. Такое изменение может нуждаться в постоянном источнике энергии для своего поддержания. Однако субъект события не определяет осуществления этого события. В событии присутствует некая внешняя сила. Через данную фреймовую структуру носители немецкого языка отражают события действительности мыслимые, как внезапное или постепенное осознание какой-либо информации, а также изменение интеллектуального настроя субъекта: *Der Dicke besann sich keine Sekunde* (E.M. Remarque «Drei Kameraden», 35). Здесь субъект сам мыслится как изменяющий свое ментальное состояние, то есть пациент как субъект, изменяющий свое состояние.

1.2. Иначе дело обстоит при отражении ситуации узнавания, либо воспоминания как мысленного обращения к объекту (*sich erinnern über Akk, sich entsinnen.*) (18 %), которые чаще всего представлены через фреймовую структуру предикатом действия (10 %) *R действие Ag.n (N)+ Obj. (Akk.)+ Дел* используется для отражения ситуаций вызывания воспоминаний, размышлений о каком-либо объекте или субъекте. Данным типом фреймовой структуры представлена ситуация ментального действия, в которой присутствует лицо, на которое оказывается определенное ментальное воздействие. *Dieser Kerl, der sich drau?en rumtreibt, erinnert mich an einen, der auf den Fotos war* (St. Wolf «Schüsse aus der Rosehecke», 235). В качестве агенса в данной модели может выступать и некое событие или объект, а не только лицо: *Dieser Vorfall erinnerte sie an ihre Zeit als Bardame...* (St. Wolf «Hei?es Gold im Silbersee», 75). В данном случае агенсом является ментальное событие и агенс является неодушевленным лицом. Данная фреймовая структура чаще всего используется для отражения ситуации воздействия некоего ментального события на психическое состояние человека. Эти же ситуации (ситуации воспоминания как мысленного обращения, ситуации узнавания) могут мыслиться и через предикат процесса (8 %). Они представлены фреймовой структурой **R процесс (пациент+делибератив)** *...er erinnert sich an jeden Tag und jede Stunde* (E.M. Remarque «Drei Kameraden», 32). В данных предложениях субъект изменяет свое состояние, узнавая что-либо новое в результате того, что в его мыслях появляется какой-либо объект.

1.3. Несколько по-другому дело обстоит с ситуациями возникновения у мыслящего какой-либо внезапной мысли (*einfallen*) (12 %) представлены следующей фреймовой структурой и тоже через предикат процесса: **R процесс (пациент+реципиент):** *Mir war plötzlich etwas eingefallen* (E.M. Remarque «Drei Kameraden», 54). Здесь мы наблюдаем, ситуации воспоминания о каком-либо событии, причем это воспоминание приходит на ум внезапно. При этом пациент выносится на роль логического и грамматического субъекта, а реципиент передается при помощи датива.

1.4. Иначе представлены ситуации предположения, догадки (*vermuten*) (10 %) в языке интерпретируется, например, как *Sie vermutete bei ihm unlautete*

Motive. (Mann H. «Der Untertan», 138). В соответствии с этим данное предложение можно представить в виде следующей семантической модели: **R действие (агенса+локатив+делибератив) R** (*Ag.n+bei D+Дел.Akk.*). Делибератив вербализуется здесь чистым аккузативом, что отражает интерпретацию семантического аргумента как определенного знания, обнаруживаемого агентом у кого-либо. Что касается локатива, то данный семантический аргумент представлен предложно-падежной формой *bei Dat*, что обуславливает интерпретацию этого семантического аргумента как косвенного адресата.

1.5. Ситуации оценивания объекта (9 %) ментального действия субъектом представленными чаще всего глаголом *finden*, отражаются через модель, где присутствует субъект, выполняющий ментальное действие, а также объект ментального действия, и характеристика совершаемым само действие мыслятся через предикат действие: *Margarete fand diese Lösung ein bißchen zu einfach* (Feuchtwanger «Der falsche Nero», 180). Фреймовая структура представлена здесь как **R действие (агенса+делибератив)**, агент – субъект, производящий оценивание, делибератив – объект, подвергающийся оцениванию. Чаще всего оценки в немецком языке вербализуются при помощи прилагательного.

1.6. По-другому дело обстоит с ситуациями степени доверия другому субъекту (*glauben, vertrauen, trauen*) (6 %), где мы наблюдаем ситуацию ментального отношения, когда один человек оценивает компетентность другого, и свое отношение к нему. Чаще всего данные ситуации мыслятся через предикат состояния. Фреймовая структура таких ситуаций следующая:

R состояние (агенса+адресат), на поверхностном уровне данная
Der Priester glaubte dem Jefta nicht. (Feuchtwanger «Jefta und seine Tochter», 30).

Таким образом, наш анализ приведенных ситуаций ментальной сферы показал, что на способ отражения ситуаций ментальной сферы и характер их репрезентации на поверхностном уровне влияет специфика онтологии ситуаций.

Источники

1. Feuchtwanger, L. Der falsche Nero / L. Feuchtwanger. – Berlin, 1980.
2. Feuchtwanger, L. Jefta und seine Tochter / L. Feuchtwanger. – Munchen, 1983.
3. Remarque, E. M. Der Weg zuruck / E. M. Remarque. – Frankfurt a-M., 1977.
4. Remarque, E. M. Drei Kameraden / E. M. Remarque. – Frankfurt a-M., 1976.
5. Mann, H. Der Untertan / H. Mann. – Berlin, 1980.
6. Vanderbeke, B. Das Muschelessen / B. Vanderbeke. – Frankfurt a- M., 1997.

Секция
**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ДОКУМЕНТНОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

Е.В. Ковшикова

Волгоградская академия государственной службы (Волгоград, Россия)

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДЕЛОВОГО ПИСЬМА
В УСЛОВИЯХ АВТОМАТИЗАЦИИ
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
СОВРЕМЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ**

Электронные деловые письма не соответствуют традиционным канонам деловой переписки, не обладают правовым статусом документа, однако используются в современном администрировании все активнее. Частичное регламентирование электронной деловой коммуникации позволит интегрировать классическую деловую и электронную переписку в общий информационный ресурс.

Системное усложнение документационного обмена ввиду активного проникновения в него новых информационных технологий вызвало возникновение новых тенденций в развитии практики современной деловой переписки. Электронное деловое письмо (далее – ЭДП), получившее широкое распространение в практике современного администрирования, с одной стороны, продолжает традиции классической деловой переписки, а с другой – обнаруживает все признаки устных жанров делового общения.

Нами был проведен анализ 50 ЭДП, переданных посредством электронной почты и клиентской программы ICQ в различных организациях Волгограда. Анализу подвергались коммуникативные характеристики делового письма (вертикальная, горизонтальная, диагональная коммуникация); документные характеристики делового письма (реквизитный состав, отметки о регистрации и контроле); текстовые характеристики делового письма (структура и содержание ЭДП, стиль, тональность текста).

Были выявлены разнонаправленные тенденции развития ЭДП: они, с нашей точки зрения, отражают процессы как перспективного и деструктивного характера.

Во всех узлах информационной инфраструктуры организации, где концентрируются, перерабатываются и оптимизируются мощные информационные потоки в целях принятия социально значимых управленческих решений, коммуникативные намерения инициаторов ЭДП реализуются достаточно эффективно. 77 % ЭДП, подвергшихся анализу, имели четко обозначенную цель и коммуникативные намерения.

ЭДП позволяют максимально сократить инстанций прохождения документа и повысить оперативность делопроизводственных процедур и «технологических шагов». Из всей совокупности анализируемых писем лишь 3 % подверглись

процедуре регистрации и ни одно из анализируемых писем не было взято на контроль. Данный факт может быть интерпретирован и как положительный и как отрицательный, нам представляется очевидным одно: указанные тенденции обусловлены постоянным взаимодействием с западными компаниями и проникновением западной деловой культуры в современную российскую действительность. Тенденция к децентрализации документационного обмена, характерная для принципов западной деловой коммуникации, позволяет увеличить оперативность решения проблем и осведомленность акторов коммуникации о проделанной работе [Бландер, 2000, с. 384].

Также отмечена персонализация документной переписки, что закономерно связано с утверждением атмосферы доверия к исполнителю.

Сокращение времени на делопроизводственные процедуры, стирание временных и пространственных барьеров как факторов, влияющих на информационно-коммуникационные процессы в организации, приводят к деловой коммуникации вне временных ограничений рабочего времени или временных различий часовых поясов.

Интеграция технических новшеств в современные бизнес-коммуникации привела к изменению не только формы делового письма, но и качественному изменению его содержания. ЭДП позволяет обмениваться любой информацией в любом объеме, графическом или аудиальном. Интеграция корпоративных средств коммуникации, обеспечивающих мгновенный обмен сообщениями, имеет определяющее значение для создания более функциональной среды совместной работы, позволяющей повысить производительность.

В течение продолжительного периода формальные составляющие коммуникативных процессов обладали доминирующим положением, порой затрудняя коммуникации. Многочисленные формальные атрибуты текста могли создавать дополнительное чувство напряжения у коммуникантов, формируя нежелательные барьеры. В ЭДП жесткие требования к языковым формам, символике, атрибутике коммуникативного акта сглаживаются путем создания менее официальной обстановки делового взаимодействия. Результатом подобных преобразований становятся игнорирование статусной дистанции и снижение требований к строгости отбора коммуникативных средств (употребление разговорной лексики).

Формируется тенденция общения «на равных» сотрудников разных ступеней иерархии, которая становится необходимым условием создания сплоченной команды, способной выжить в условиях конкуренции.

ЭДП позволили письменной деловой коммуникации достичь параметров, которые ранее были доступны только в условиях устной коммуникации: оперативности и непрерывной обратной связи. В результате все чаще телефонный звонок или личная встреча заменяются электронным сообщением.

Возникают и новые риски. Рост коммуникативной интенсивности и скорости информационного обмена обусловили возникновение ряда деструктивных тенденций в сфере деловой переписки. А поскольку результатом деловой коммуникации, как правило, являются поступки

административного характера, то значение подобных изменений имеет крайне важное значение для эффективного функционирования организации в целом.

Свободным становятся выбор, размещение и способ оформления реквизитов. Анализ ЭДП продемонстрировал частичное (47 %), а порой и полное несоответствие (53 %) реквизитного состава требованиям ГОСТ.

В электронной деловой переписке используются наименования адресатов на иностранном языке. Почтовые псевдонимы необходимы для стандартизованных почтовых электронных адресов в глобальной сети, но в практике администрирования приводят к проблемам определения авторства, процедур регистрации и хранения электронных деловых писем.

Справочные данные адресата в анализируемых ЭДП были указаны неверно в 93 % случаев. Реквизит «дата» документа отсутствовал, либо был оформлен на иностранном языке в 30 % ЭДП.

Обязательный реквизит делового письма – «подпись», обеспечивающая юридическую силу документа, часто заменяется ссылкой на контактное лицо (адрес электронной почты или персональный номер ICQ). Подобные тенденции являются следствием отсутствия нормативной базы, регулирующей электронную деловую коммуникацию организаций.

Несоблюдение процедур регистрации и контроля, постоянная переадресация писем, несоблюдение требований к хранению деловой документации приводят к усложнению процесса отслеживания маршрута электронного документа, т.е. затрудняют, либо делают невозможным контроль документа и шагов исполнителя.

В анализируемых текстах ЭДП традиционная структура делового письма была соблюдена лишь в 33 % случаев. Потребность в оперативном информационном обмене приводит к пренебрежению структурными нормами деловой переписки. Тенденция расширения стилового диапазона деловой корреспонденции проявляется в сочетании разговорной и официально-деловой лексики, употреблении заимствований и профессиональных жаргонизмов.

В анализируемых текстах ЭДП лексические, грамматические, орфографические нормы современного русского языка и правила этикета проигнорированы во всех исследуемых образцах. То есть выявлена тенденция к снижению деловой культуры в современных организациях. Недостаточный уровень языковой и делопроизводственной компетентности актора деловой коммуникации соответствующим образом влияет и на репутацию той организации, которую он представляет.

Традиционная официальность, строгость изложения мысли, нейтральный тон повествования в классическом деловом письме подменяется в ЭДП эмоционально окрашенной лексикой, использованием графических изображений чувств актора коммуникации («смайлы» и др.), больше применимых для частной переписки, нежели для делового письма, что ставит под сомнение объективность изложенной в тексте информации.

Модальность в текстах ЭДП смягчается, нивелируется посредством ухода от языковых клише, стандартизации и этикетных формулировок. Нарушение коммуникативной нормы (то есть игнорирование культуры деловой речи), немотивированные отступления от коммуникативных стандартов и правил общения в текстообразовании или поведении не приводит к разрушению деловой коммуникации, но существенно ее нарушают. Особенно это характерно для внутренней деловой переписки между сотрудниками организации даже в условиях соподчинения. При этом в текстах исходящих ЭДП авторы стремятся соблюдать каноны деловой переписки.

Явный прогресс технологий столь же явно обозначил и проблему информационной дисциплины и информационной безопасности ЭДП. Беспрепятственная и бесконтрольная циркуляция документов в рамках организационной сети может привести к утечке конфиденциальной информации.

Трансформация современной деловой переписки, вызванная автоматизацией информационно-коммуникационных процессов организаций, подвергла изменению коммуникативные, документные, стилистические и структурно-функциональные параметры делового письма. В результате подобных трансформаций возникает, пожалуй, самая острая и сложная на сегодняшний день проблема – обеспечение аутентичности и целостности электронного делового письма. При этом важное значение приобретает юридическое обоснование удостоверения подлинности электронных деловых писем. Необходимо создание принципиально новых методологических основ документирования деятельности организаций, прежде всего, полноценного правового обеспечения в сфере электронного документационного обмена [Фатьянов, 2005, с. 200].

Таким образом, возрастает необходимость в упорядочении и регламентации ведения деловых писем на новых носителях, оформление которых до сих пор решается на эмпирическом уровне в отдельных учреждениях и организациях, и практически не регулируется общегосударственными нормами.

Список литературы

1. Бландер, Р. Эффективные бизнес – коммуникации: принципы и практика в эпоху информации / Р. Бландел. – СПб. : ПИТЕР, 2000. – 384 с
2. Веков, В. Документы на машинных носителях / В. Веков // Законность. – 2004. – № 2. – С. 18–20.
3. Семилетов, С. И. Электронный документ / С. И. Семилетов // Государство и право. – 2003. – № 1. – С. 92–102.
4. Скородумова, Е. Этикет сетевой переписки / Е. Скородумова // Служба кадров и персонал. – 2008. – № 4. – С. 92–94
5. Фабричнов, А. «Традиционные» и «электронные» документы / А. Фабричнов // Хозяйство и право. – 2008. – № 10. – С. 102–109.
6. Фатьянов, А. А. Правовое регулирование электронного документооборота. Вып. 21 / А. А. Фатьянов. – М. : Библиотека РГ, 2005. – С. 200.

**КАТЕГОРИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ
В ДЕЛОВОМ И НАУЧНОМ ДИСКУРСАХ,
ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ В РАМКАХ
ВОЛГОГРАДСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА**

Настоящая статья посвящена изучению категории экспрессивности и особенностей ее реализации в текстах научного и делового дискурсов. С позиций традиционной лингвистики, язык науки и техники, а также официально-деловой язык обладают наименьшей степенью экспрессивности. Однако наш исследуемый материал позволяет говорить о наличии экспрессивных средств воздействия в дискурсах смешанного типа.

В качестве объекта исследования нами были отобраны 300 англоязычных и русскоязычных текстов разной жанровой отнесенности, являющихся продуктом и предметом анализа сотрудников одного из волгоградских научно-исследовательских институтов, с целью выявления в них лингвистических способов выражения категории экспрессивности.

Общепризнанным является следующее определение экспрессивности: «совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи» [ЛЭС, 1990, с. 591]. И.В. Арнольд под этим термином понимает «такое свойство текста или части текста, которое передает смысл с увеличенной интенсивностью, выражая внутреннее состояние говорящего, и имеет своим результатом эмоциональное или логическое усиление, которое может быть, а может и не быть, образным» [Арнольд, 1975, с. 15], то есть общей задачей использования экспрессивных средств является выражение субъективного отношения к сказанному.

Лингвистическим механизмом экспрессивности является, главным образом, отклонение от стереотипов использования языковых единиц различных уровней. Выделяются следующие типы реализации экспрессивности: внутрисистемная (системно-языковые носители экспрессивности употребляются в экспрессивном контексте), контекстуальная (системно-нейтральные единицы приобретают экспрессивность в экспрессивном контексте), контекстуальная потеря (системно-языковые носители экспрессивности употребляются в нейтральном контексте), нулевая экспрессивность (системно-нейтральные единицы употребляются в нейтральном контексте) [Гридин, 1990, с. 591–593]. Языковые средства выражения экспрессивности составляют средства, присущие самой системе языка. Экспрессивность как общеязыковая категория свойственна единицам всех уровней языковой системы: фонетическому, морфологическому, лексическому, синтаксическому, текстовому.

Дискурс в предметной области научно-исследовательского института является промежуточным типом дискурса и обладает качествами как научного, так и делового типа. В исследуемом материале мы выделяем тексты как официально-деловые (например, деловое письмо, протокол, пресс-релиз), так и научно-технические (например, статья, монография, доклад). Особенность исследуемого материала состоит в специфической комбинаторике функций и свойств научных и деловых документов, функционирующих в НИИ.

Язык науки и техники, а также официально-деловой язык традиционно относят к дискурсам, отличающимся низкой экспрессивностью. В деловых текстах научно-исследовательского института не отражены фонологические и просодические средства достижения экспрессивности. Морфологические и лексические средства языковой экспрессии, разнообразные тропы и фигуры также не свойственны письмам, протоколам, контрактам и иным типичным текстам делового дискурса. Однако авторы отмечают, что в научных текстах среди лексических средств выражения экспрессивности можно обнаружить метафору, оценочную лексику и фразеологические единицы [Скрипак, 1998, с. 23]. В нашем материале удалось выявить только незначительное количество оценочных прилагательных и наречий, подчеркивающих особенности решаемых проблем и задач, таких, как: *best expressed, well identified, uncomfortably overlies; хорошо отслеженный, ярко выраженный, нежелательный, сложный, рациональный* и др.

Тем не менее, однозначно сказать, что дискурсу научно-исследовательского института не свойственна экспрессивность, нельзя, поскольку нами было выявлено, что в научных текстах экспрессия выражается на синтаксическом уровне. Так, например, утверждается, что в научных текстах широко используется риторический вопрос, с помощью которого активизируется диалогичность научной коммуникации. Восклицательные предложения стимулируют внимание слушателя, усиливая категоричность экспрессивного утверждения [Скрипак, 1998, с. 20]. Тем не менее, при исследовании нашего материала не удалось установить случаев использования данных средств выражения экспрессивности. Мы связываем свои наблюдения с тем фактом, что научные тексты НИИ всегда находятся под влиянием деловой составляющей дискурса, то есть их экспрессивность значительно снижена для реализации такой особенности делового дискурса, как обезличенность. Научный текст порождается автором, который в ситуации общения научно-исследовательского института является клиентом делового дискурса.

Нам удалось установить, что текстам научно-исследовательского института свойственны такие синтаксические средства выражения экспрессии, как варьирование форм повествования и параллелизм структуры разных частей текста. В исследуемых научных текстах данного института часто встречаются лексико-синтаксический и синтаксический повторы. Следующий пример из доклада о результатах исследования хорошо иллюстрирует наличие таких повторов: «*The basement of the Precambrian age is represented by granites, metamorphic rocks and the weathered crust on some uplifted blocks. The latter*

contains oil in well RE_2. **The basement** is well identified in those wells, where it is penetrated for more than 100 feet and where it is represented by granites. The top of **the basement** is best expressed on acoustic and density logs». В данном отрывке текста трижды повторяется *the basement* (подошва) как подлежащее или составная часть подлежащего. Целью применения автором данного экспрессивного средства является привлечение внимания читателя к тому, что все мысли, выраженные в предложениях, связаны исключительно с подошвой образования, а не с кровлей или иной его частью. Синтаксический повтор прослеживается в употреблении однотипных сказуемых, выраженных глаголами в страдательном залоге. Близкая семантика глаголов, относящихся к одному лексико-семантическому полю (*express, identify, represent*), свидетельствует и о наличии семантического повтора.

Ниже представлен пример повторения грамматической основы предложения *It displays* и номинативного терминологического словосочетания *Matulla formation*. В этом примере можно говорить о реализации не категории экспрессивности, а, скорее, категории точности: «According to paleontological data, **Matulla formation** unconformably overlies the Nubia formation with the hiatus corresponding to the lowermost part of the Upper Cretaceous (Cenomanian-Turonian). **It displays** the evidences of the sea deepening and is composed of sandstones, shales and siltstones interbedding with some shaley limestones. Biostratigraphic data from the cuttings analysis suggest Konyak-Santon age of the **Matulla formation**. Lithologically, **Matulla formation** has been divided by predecessors into three subformations: Matulla C, B and A. **It displays** thinning up succession from Matulla C to the base of Matulla A».

Устранение повторов в подобных предложениях (как это пытается делать русский переводчик) приводит к созданию предложений, носящих более нейтральный характер. Теряется функция выделения логической части выражения и снижается речевое воздействие.

Примечательно, что русскоязычные авторы чаще используют в научных текстах лексико-синтаксический и синтаксический повторы в качестве средств выражения категории экспрессивности, например: «Наиболее сложным этапом в работе по созданию постоянно действующих геолого-технологических **моделей (ПДГТМ)** конкретных эксплуатационных объектов (ЭО) является **адаптация моделей** к показателям истории их разработки. Качество **адаптации** значительно зависит от того, насколько близки к действительности геологическая **модель** и оценка начальных геологических запасов нефти, на основе которых построена **ПДГТМ**. Опыт работы с **ПДГТМ** свидетельствует, что такое расширение набора параметров, уточняемых в ходе **адаптации модели**, очень затрудняет процесс **адаптации**, ведет к крайне нежелательному увеличению затрат труда и машинного времени. Поэтому более рациональным представляется к моменту создания **ПДГТМ** и ее **адаптации** выполнить работы по уточнению запасов моделируемой залежи».

В корпусе изученных нами русскоязычных текстов наблюдалась тенденция превалирования лексических повторов над синтаксическими и

лексико-синтаксическими повторами. Англоязычные авторы более жестко придерживаются употребления однообразных синтаксических конструкций, тогда как русские ученые стремятся синтаксически разнообразить свои тексты.

Доминирующим фактором организации языковых средств в научном дискурсе является их обобщенно-отвлеченный характер. Обобщенность и отвлеченность придают научной речи единую функционально-стилистическую окраску. Однако если автор текста хочет подчеркнуть несоответствие или противоречие своих выводов общепризнанному знанию, то форма повествования меняется, автор вносит личное «я». Нам удалось встретить единичные случаи употребления подобных форм выражения экспрессии. Если форма повествования меняется от безличной на повествование от первого лица, это означает, что автор стремится обратить внимание на нестандартность умозаключений, порой противоречащих общепризнанным фактам.

В результате проведенного анализа мы пришли к выводу, что использование экспрессивных синтаксических конструкций подчинено общей цели оказания воздействия на читателя. Экспрессивные синтаксические конструкции в научных текстах не взаимодействуют или незначительно взаимодействуют с интенсифицирующими лексическими, морфологическими или фонетическими компонентами.

Преобладание в текстах научно-исследовательского института одних синтаксических конструкций над другими обусловлено прагматической интенцией автора как отправителя текста и экстралингвистическими факторами, включающими симбиоз двух типов дискурса в одной ситуации общения, а также выбором языка, на котором создается текст. Выявленные экспрессивные синтаксические конструкции обладают рядом типологических особенностей, в основе которых лежат различия русского и английского языков как принадлежащих к разным языковым группам. Типологические особенности англоязычных и русскоязычных статей, монографий и докладов определяют выбор экспрессивных средств уровня синтаксиса, с помощью которых осуществляется воздействие на адресата.

Список литературы

1. Арнольд, И. В. Интерпретация художественного текста: типы выдвижения и проблемы экспрессивности / И. В. Арнольд // Экспрессивные средства английского языка. – Ленинград, 1975. – С. 11–20.
2. Глазкова, М. Ю. Экспрессивный синтаксис в современной публицистике (на материале русскоязычных и англоязычных аналитических общественно-политических статей) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Ю. Глазкова. – Ростов н/Д., 2010. – 22 с.
3. Гридин, В. Н. Экспрессивность / В. Н. Гридин // Лингвист. энцикл. слов. – М., 1990. – С. 591–593.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 683 с.
5. Скрипак, И. А. Языковое выражение экспрессивности как способа речевого воздействия в современном научном дискурсе (на материале статей лингвистического профиля на русском и английском языках) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. А. Скрипак. – Ставрополь, 2008. – 26 с.

Источники

1. Iraqi Bulletin of Geology and Mining Special Issue: Geology of Iraqi Southern Desert. – Baghdad, Iraq, 2009. – 130 p.
2. Научно-технический Вестник ОАО «НК «Роснефть». – М. : 2006. – № 4. – 64 с.

Е.С. Белоус

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

СВОЙСТВА ДОКУМЕНТНОЙ ИНФОРМАЦИИ

В статье анализируется информационная составляющая документного текста, характеризуются общие и специфические свойства информационных объектов, их функциональная обусловленность.

Современный этап развития социума обозначается термином «информационное общество». Это связано с увеличением значимости информации в экономических и политических процессах и производственных операциях, развитием новых технологий. Одним из наиболее востребованных видов информации является информация, фиксируемая в документах. Поэтому представляется актуальным изучение особенностей организации, форм представления и свойств документной информации.

Информация – абстрактное, неоднозначное понятие. В настоящее время не существует единого определения термина «информация». С точки зрения различных областей знания, данное понятие репрезентируется специфическим набором признаков. В технических науках под информацией понимают сообщения, передаваемые в форме знаков или сигналов; в кибернетике – часть знаний, использующуюся в целях сохранения, совершенствования, развития системы; в теории информации – сведения об объектах и явлениях окружающей среды, их параметрах, свойствах и состоянии, уменьшающих степень неопределенности, неполноты знаний [Свойства информации, 2010].

В соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» под информацией понимаются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления.

Информация и ее свойства являются объектом исследования целого ряда научных дисциплин, таких как теория информации (математическая теория систем передачи информации), кибернетика (наука о связи и управлении в машинах и животных, а также в обществе и человеческих существах), семиотика (наука о знаках и знаковых системах), теория массовой коммуникации (исследование средств массовой информации и их влияния на общество), информатика (изучение процессов сбора, преобразования, хранения, защиты, поиска и передачи всех видов информации и средств их автоматизированной обработки), соционика (теория информационного метаболизма индивидуальной и социальной психики), информодинамика (наука об открытых информационных системах), информაციология (наука о

получении, сохранении и передаче информации для различных множеств объектов) и т. д. [Викиучебник, 2010].

Основным средством фиксации, передачи и сохранения сведений и данных является документ, состоящий из двух частей – информационной и материальной. Физическая сущность документа характеризуется термином «материальный носитель», однако для именования содержательной стороны документа используется ряд терминов: «документированная информация», «информационная составляющая», «документная информация».

ГОСТ Р 51141–98 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» закрепляет термины «документированная информация» и «документ» в качестве синонимов и определяет их как «зафиксированную на материальном носителе информацию с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать». В Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» под документированной информацией понимают «зафиксированную на материальном носителе путем документирования информацию с реквизитами, позволяющими определить такую информацию или в установленных законодательством РФ случаях ее материальный носитель». Сравнивая данные дефиниции, можно сказать, что во втором случае речь фактически также идет о документе. Таким образом, употребление термина «документированная информация» для характеристики информационной части документа нарушает основной логический закон непротиворечия, поэтому следует закрепить значение «информационная часть документа» за другим термином.

Н.Н. Кушнарченко различает понятия «документная информация», «информация документа», «информация на документе», «документальная информация». Всю информацию, которую можно получить от документа, она называет информацией документа, подразделяющейся на документную информацию (всю, содержащуюся в документе); информацию на документе (автографы, различные пометы авторов или выдающихся деятелей, резолюции, подписи, печати, штампы библиотек, архивов, музеев, информационных центров, свидетельствующих об особых обстоятельствах бытования документа во времени и пространстве), информацию о носителе и способе ее закрепления на нем (документ рассматривается как физический объект) [Кушнарченко, 2005].

Данная классификация информации, содержащейся в документе, представляется обоснованной, так как позволяет отразить сложность и многоаспектность документа как средства социальной коммуникации. Употребление термина «документная информация» для характеристики содержательной части документа будет способствовать однозначному толкованию понятий, характеризующих документ и его составляющие.

Качество передачи и восприятия информации определяется ее свойствами. В соответствии с основными теоретическими положениями информатики, к свойствам относят:

1. Содержательность, или внутреннее качество (качество, присущее собственно информации и сохраняющееся при ее переносе из одной системы в другую).

1.1. Актуальность.

1.2. Значимость (свойство сохранять ценность для потребителя с течением времени).

1.2.1. Полнота (свойство, характеризуемое мерой ее достаточности для решения определенных задач).

1.2.2. Идентичность (свойство, заключающееся в соответствии информации состоянию объекта).

1.3. Кумулятивность (свойство информации, заключенной в массиве небольшого объема, достаточно полно отражать действительность).

1.3.1. Избирательность.

1.3.2. Гомоморфизм.

2. Защищенность, или внешнее качество (качество, присущее информации, находящейся или используемой только в определенной системе).

2.1. Сохранность.

2.2. Достоверность.

2.3. Конфиденциальность [Акулов, 2004, с. 42].

Исследователи, изучающие документ, его структуру, содержание, оформление и функционирование, также рассматривают свойства документной информации. Н.С. Ларьков, описывая коммуникативные возможности документа, характеризует такие свойства документной информации, как релевантность, ценность, результативность (краткосрочная и долгосрочная), полезность, полноту (степень полноты), достоверность, избыточность, субъективность, новизну, своевременность, доступность, защищенность, эргономичность и адекватность [Ларьков, 2006]. Рассуждая об информационной составляющей документа, М.П. Илюшенко выделяет следующие свойства документной информации: целевое назначение, ценность, объективность, достоверность, большая или меньшая определенность, полнота, новизна, своевременность, периодичность, надежность, информативность [Илюшенко, 2006, с. 20–24].

Рассмотрение документа как объекта, созданного человеком специально для передачи информации во времени и пространстве, изучение реализуемых им функций позволило выявить особенности документной информации, обладающей набором определенных свойств. Некоторые из них отражают сущность информации как явления действительности и поэтому присущи любым видам информации (адекватность, актуальность, достоверность, доступность, полезность, полнота, релевантность, своевременность, ценность). Другие характерны именно для документной информации. Так, информационная емкость, объем представляют внутреннюю организацию документной информации. Фиксированность, результативность определяют завершенность документа, его способность выступать в качестве основного средства управления. Новизна документной информации позволяет оперативно

и качественно отражать функционирование социальных структур и институтов. Такие свойства, как субъективизм и избыточность, связаны с личностным фактором, также имеющем значение при отборе и обработке информации, фиксируемой в документах. Информативность, периодичность являются основой для выполнения документом коммуникативной и информационной функций.

Таблица 1

Свойства документной информации

Свойства, отражающие сущность информации как явления действительности	Специфические свойства документной информации
▪ адекватность	▪ избыточность
▪ актуальность	▪ информативность
▪ достоверность	▪ информационная емкость
▪ доступность	▪ надежность
▪ защищенность	▪ новизна
▪ объективность	▪ объем
▪ полезность	▪ определенность
▪ полнота	▪ организация
▪ релевантность	▪ периодичность
▪ своевременность	▪ результативность
▪ ценность	▪ субъективизм
▪ эргономичность	▪ фиксированность

Таким образом, свойства документной информации определяются целями создания документа, единством его информационной и материальной составляющей, рядом выполняемых им функций. Разработка документации с учетом свойств документной информации будет способствовать повышению эффективности управленческих процессов и улучшению качества информационного обеспечения органов государственной власти и населения.

Список литературы

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. з-н Российской Федерации от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ.
2. ГОСТ Р 51141–98. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения.
3. Акулов, О. А. Информатика: базовый курс / О. А. Акулов, Н. В. Медведев. – М. : Омега-Л, 2004.
4. Илюшенко, М. П. Документная информация: свойства и особенности / М. П. Илюшенко // Делопроизводство. – 2006. – № 2. – С. 20–24.
5. Кушнарченко, Н. Н. Документоведение : учебник / Н. Н. Кушнарченко. – Киев : Знання, 2005. – 460 с.
6. Ларьков, Н. С. Документоведение : учеб. пособие / Н. С. Ларьков. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2006. – 427 с.
7. Викиучебник. Виды информации и ее свойства. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://ru.wikibooks.org/wiki/Виды_информации_и_ее_свойства. Проверено 26.03.2010.
8. Свойства информации. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://elevvas.narod.ru/8kl/8_2ur.htm. Проверено 26.03.2010.

О.И. Кулько

СТРАТЕГИИ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ В ДЕЛОВОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ ДИСКУРСАХ

В статье описываются модели коммуникативных актов, в которых с помощью стратегий и тактик реализуется лингвистическая защита информации; рассматривается специфика лингвистической защиты информации в деловом и административном дискурсах.

Современная лингвистика антропоцентрична, поэтому в поле ее зрения попадают понятия и явления, не рассматриваемые традиционным языкознанием, но актуальные для осмысления того, по какой причине те или иные языковые единицы употребляются (или не употребляются) в данном контексте и каковы возможности их интерпретации. К таким понятиям относится защита информации. Несмотря на то, что оно традиционно бытует в теории информационной безопасности (это «предотвращение утраты и утечки конфиденциальной информации и утраты защищаемой открытой информации» [Алексенцев, 1999, с. 12]; комплекс мер, направленных на сохранение установленного владельцем статуса информации и прежде всего информации документированной), его можно описать с точки зрения теории коммуникации и прагмалингвистики. В этом аспекте оно актуально для различных коммуникативных ситуаций и типов дискурса.

Общеизвестно, что основная функция языка – функция информативная (с помощью языка в акте коммуникации передаются знания и мнения о мире). Однако часто коммуниканты вынуждены скрывать информацию в процессе ее передачи. В этом случае мы имеем дело с лингвистической защитой информации (ЛЗИ). Под ЛЗИ понимаем коммуникативное поведение, направленное на предотвращение утечки закрытой (конфиденциальной) информации.

Модель коммуникативного акта в самом ее обобщенном виде выглядит следующим образом: **владелец** информации (коммуникант, обладающий правами на обработку информации и ее защиту), реализуя лингвистическую защиту информации, формирует (шифрует) сообщение для **пользователя** (коммуниканта, имеющего право доступа к информации) с учетом реального или потенциального присутствия третьего субъекта коммуникации, не наделенного правами доступа. Коммуникативное поведение владельца информации различается в зависимости от количества участников коммуникативного акта (объемы пресуппозитивного знания двух пользователей могут быть неодинаковы, вследствие чего владелец будет реализовывать разные стратегии), от того, известен ли владельцу информации присутствующий субъект, не наделенный правами доступа, или это личность собирательная, въяве владельцем и пользователем не наблюдаемая, но имеющая возможность слышать или читать создаваемый в процессе коммуникации текст.

Субъекты делового и административного дискурса осуществляют внеличностное, внеиндивидуальное общение, в основе которого – считается – лежит представление об объективном факте, закреплённом в документном тексте. Сам процесс документирования как бы придает факту дополнительную объективность. Но так как осмысление факта предполагает участие личности, понятия факта и события, факта и фактуальности, объективности и субъективности должны осмысляться с учетом формулы «я – здесь – сейчас». Любая фактуальная информация в тексте – это явление, увиденное глазами человека, ценное и актуальное для него.

Говоря о тоталитарном языке, А.А. Ворожбитова пишет: «Спецификой тоталитарного устройства... является своеобразное раздвоение языковой личности на автора и цензора» [Ворожбитова]. Мы считаем, что подобное «раздвоение личности» происходит и в деловом, и в административном дискурсах. Владелец информации формирует сообщение, ранжируя информацию; при этом учитывается не только актуальность/ неактуальность информации для адресанта и адресата, но и ее ценность, ее способность формировать, конструировать, создавать реальность. Он поступает как цензор, думая, что *будет* прочитано и что *должно быть* прочитано, то есть пытается направить интерпретацию адресатом своего текста в нужное ему русло.

На наш взгляд, ЛЗИ реализуется прежде всего в стратегиях и тактиках, то есть совокупностью коммуникативных действий, направленных на достижение коммуникативной цели. К коммуникативным стратегиям, реализующим ЛЗИ в деловом и административном дискурсах, относим стратегию умолчания, в основе которой отказ от коммуникации, а также стратегии терминологизации и эвфемизации, базирующиеся на средствах непрямой коммуникации.

1. Умолчание.

В зависимости от ситуативных условий владелец информации может рассматривать всех остальных участников коммуникативного акта как лиц, не наделённых правами доступа. Тогда важнейшим способом защиты информации становится умолчание – отказ от обсуждения темы в коммуникации. Известно правило теории информационной безопасности о том, что меньше всего подвержена утечке и утрате недокументированная информация. В аспекте ЛЗИ недокументированная информация предстает как означаемое без означающего – смысл, который может существовать в сознании человека, но который не озвучивается в коммуникации. Отказ от коммуникации позволяет сохранить смыслы.

Во многих сферах коммуникации (бытовой дискурс и другие виды дискурсов, реализующиеся преимущественно в устной форме) действует принцип «последнего слова». Он предполагает, что коммуникант, чья реплика завершает коммуникативный акт, доминирует, что нашло отражение в устойчивых сочетаниях в разных языках (*последнее слово осталось за ним; поставить точку в споре; the last word, the final word (в споре)*). Но в деловом дискурсе этот принцип практически не работает. Автор письма-рекламации о некачественном товаре скорее всего безразличен к вербальному действию, письмо-ответ не обязательно, достаточно действия невербального – перевода

денег на банковский счет. Таким образом, отказ от коммуникации позволяет организациям – как автору рекламации, так и адресату – «сохранить лицо» и защитить информацию, прежде всего оценочную, которая могла бы в устной коммуникации перейти в инвективу.

2. Терминологизация.

Предполагается, что в семантике термина абсолютное преобладание понятийной составляющей при отсутствии образной и оценочной: термины служат «обозначением логически сформулированных понятий» и тем самым «несут логическую информацию большого объема» [Барлас, 1978, с.61]. Но именно большой объем понятия, обозначаемого термином, позволяет при помощи термина защищать информацию: под *нарушение трудовой дисциплины* попадают и десятиминутное опоздание, и прогул, и появление на рабочем месте в нетрезвом виде и т. д.; *дисциплинарное взыскание* – это и замечание, и выговор, и увольнение.

Высказывание *В настоящее время в организации проводятся организационно-штатные мероприятия* правильно интерпретируется лишь тем, кто знаком с конкретной ситуацией в организации, так как термин *организационно-штатные мероприятия* может обозначать как сокращение численности и/или штата работников, так и, наоборот, расширение штатов. В этом случае терминология позволяет «сохранить лицо», представив тяжелую для организации ситуацию как некритическую, обыденную.

3. Эвфемизация. Данная стратегия направлена на то, чтобы смягчить подачу информации, изменить эмоциональную окраску сообщения. Для этого используются эвфемизмы – нейтральные по смыслу и эмоциональной нагрузке слова или описательные выражения, обычно используемые в текстах и публичных высказываниях для замены других, считающихся неприличными или неуместными, слов и выражений.

В некоторых ситуациях делового и административного дискурсов возникает необходимость смягчить волеизъявление. Это происходит в том случае, если автор документа формально не имеет права приказывать конкретному должностному лицу или руководителю организации. Однако часто правила неписаной субординации выстраивают иные уровни подчиненности, которые не закрепляются в организационно-правовом документе, но четко ощущаются участниками коммуникации. Отступление от этих правил приводит к нарушению социальных связей, что является неприемлемым для институционального дискурса. Вследствие этого автор документа вынужден прибегнуть к эвфемизации, рассчитывая на то, что пользователь, зная свое место в системе управления, интерпретирует смягченную формулу как однозначный приказ, а понимание текста иным лицом, не наделенным правами доступа, будет основано на прямых значениях лексем и, следовательно, не будет воспринято как приказ. Это наблюдаем в тексте распорядительного документа администрации района:

Приказываю:

*Начальнику Энского территориального управления комитета по образованию администрации Волгограда О.Г. Ивановой **рекомендовать** обеспечить участие образовательных учреждений в мероприятии...*

*Директору ГУК ВГДК В.Н. Петровскому **рекомендовать провести** на базе подведомственного учреждения мероприятие ...*

Традиционная формула приказа *приказываю обеспечить, приказываю провести* изменяется путем включения лексики *рекомендовать*, которая нарушает традиционную деонтическую модальность, лежащую в основе нормативного акта. Структура лексического значения слова *рекомендовать* предполагает, что у адресата есть свобода воли: он может принять рекомендацию, а может поступить по-своему. Однако изменение модальности высказывания с «обязательного» на «возможное» рассчитано на «внешнего» коммуниканта, не знакомого с правилами интерпретации документного текста; названные в приказе исполнители (*Начальник Энского территориального управления комитета по образованию администрации Волгограда О.Г. Иванова, директор ГУК ВГДК В.Н. Петровский*) поймут текст в соответствии с принятыми в их социальной среде нормами.

Хрестоматийное утверждение функциональной стилистики о том, что официально-деловой документ должен быть понят и правильно интерпретируем каждым, в прагматическом аспекте теряет свою истинность: любой документ есть отражение интересов определенной социальной группы; заданная социумом необходимость эксплицировать и документально закреплять информацию вступает в противоречие с потребностью владельца информации «сохранять лицо». Выходом из создавшейся ситуации является непрямая коммуникация, в том числе использование стратегий терминологизации и эвфемизации. Актуальный смысл порождаемых текстов с легкостью должен выводиться членами той же социальной группы. Правила интерпретации, не будучи чисто языковыми, приобретают конвенциональный характер.

Список литературы

1. Алексенцев, А. И. Сущность и соотношение понятий «защита информации», «безопасность информации», «информационная безопасность» / А. И. Алексенцев // Безопасность информационных технологий. – 1999. – № 1. – С. 12–18.
2. Ворожбитова, А. А. «Официальный советский язык» периода Великой Отечественной войны: лингвориторическая интерпретация / А. А. Ворожбитова. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/vorozhbitova-00.htm>.
3. Барлас, Л. Г. Русский язык. Стилистика / Л. Г. Барлас. – М. : Просвещение, 1978. – 256 с.

И.А. Сафонова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

КОМПОЗИЦИОННО-РЕЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКСПЕРТНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В статье рассматриваются экспертные заключения, в которых представлены результаты официальных лингвистических экспертиз по материалам гражданских дел о защите чести, достоинства, деловой репутации и возмещении морального вреда: охарактеризованы основные структурные и

содержательные компоненты изучаемых документов, определены речевые особенности текстов экспертных заключений.

Объектом рассмотрения в работе являются экспертные заключения, в которых представлены результаты официальных (проведенных на основании постановления суда) лингвистических экспертиз по материалам гражданских дел о защите чести, достоинства, деловой репутации и возмещении морального вреда.

Проведение экспертизы, как отмечает А.Н. Баранов, предполагает несколько этапов:

- определение объекта анализа (выделение лингвистического аспекта поставленных вопросов);
- определение глубины анализа, круга привлекаемых источников информации по самому делу;
- определение круга источников лингвистической информации: словари, справочники, грамматики, теоретические работы;
- определение возможностей использования репрезентативных корпусов текстов и других инструментов компьютерной обработки языковых данных;
- определение необходимости использования правовых документов – текстов законов, подзаконных актов, комментариев к законам [Баранов, 2007, с. 16–17].

Результаты исследовательской работы на каждом из этапов получают отражение в тексте экспертного заключения, основными структурными компонентами которого являются: 1) экспертное задание, 2) экспертиза речевого материала, 3) выводы эксперта. Последовательность указанных компонентов закреплена в методических рекомендациях Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС), тогда как наполнение этих частей варьируется в зависимости от особенностей анализируемого материала.

Экспертное задание составляется на основании постановления суда, которое и определяет направление, конкретные приемы лингвистического исследования. Экспертное задание включает несколько композиционных частей.

Основным элементом экспертного задания являются вопросы, выносимые на разрешение лингвистической экспертизы. Этот раздел включает вопросительные предложения, содержащие спорные контексты.

Например: *Какой характер в статье [указывается название статьи] носят языковые элементы...? Вопросительный, утвердительный, предположительный?; Присутствуют ли в статье [указывается название статьи] языковые элементы, которые создают содержание, порочащее честь, достоинство и деловую репутацию [указываются фамилия, имя и отчество гражданина]?*

Далее в экспертном задании приводятся персональные данные лингвиста-эксперта, осуществляющего исследование: ученая степень, звание (если есть); стаж работы по специальности; экспертная специализация; стаж

экспертной работы; количество печатных работ, посвященных проблемам проведения судебной лингвистической экспертизы; сведения о профессиональных и экспертных учреждениях, действительным членом которых является эксперт.

Следующий раздел включает общую информацию о проведении экспертизы.

1) Время и место проведения экспертизы. Экспертиза часто проводится по адресу постоянного места жительства эксперта, что должно найти отражение в тексте заключения. Время проведения экспертизы варьируется, в связи с чем должно быть точно зафиксировано в документе.

Например: *Экспертиза начата: 25 сентября 2009 г. в 10 часов 00 минут.*

Экспертиза окончена: 06 октября 2009 г. в 09 часов 00 минут.

2) Материалы, представленные для производства экспертизы, к которым относятся: копия постановления суда о производстве лингвистической экспертизы по гражданскому делу [№... от ...] с подписью судьи и обязательным указанием номеров листов дела, занимаемых постановлением, а также само гражданское дело [№...] с указанием общего количества листов.

3) Объект экспертизы, который определяется поступающим к эксперту постановлением. В ходе экспертизы по материалам гражданского дела о защите чести, достоинства и деловой репутации объектами изучения, как правило, становятся контекстуальные значения и эмоционально-оценочная окраска языковых единиц, функционирующих в анализируемом тексте.

4) Источник сведений об обстоятельствах дела.

Следующая композиционная часть экспертного заключения – *экспертиза речевого материала* – включает такие разделы, как: 1) методические основы экспертизы, 2) нормативная база лингвистической экспертизы, 3) литература, 4) понятийный аппарат лингвистической экспертизы, 5) общая характеристика исследуемого материала, 6) содержание экспертизы спорного материала.

В разделе «Методические основы экспертизы» указываются методы анализа отдельных слов, высказываний, фрагментов текста. Судебная лингвистическая экспертиза по материалам дела о защите чести, достоинства и деловой репутации проводится, как правило, с использованием методик лингвостилистического, текстологического, лексико-семантического анализа.

Раздел «Нормативная база лингвистической экспертизы» содержит перечень федеральных законов и других нормативных правовых актов, регулирующих проведение лингвистических экспертных исследований.

Раздел «Литература» включает научную и справочную литературу, использовавшуюся при проведении экспертизы. Важнейшими при этом оказываются словари разных типов: толковые, идеографические, семонимические, иностранных слов.

Особого рассмотрения требует раздел «Понятийный аппарат лингвистической экспертизы», который является важнейшим составным элементом любого экспертного заключения, поскольку содержит толкования

единиц лексического уровня, использующихся экспертом для интерпретации спорных фрагментов текста.

Представленные в данном разделе лексические единицы можно разделить на три группы: общеупотребительные (например, *достоинство, факт, честь*), общенаучные (например, *значение, интерпретация, информация, смысл*) и терминологические (*высказывание, контекст, слово, текст, термин, инвективная лексика, словарное значение*).

В разделе «Общая характеристика исследуемого материала» определяется стилевая, жанровая принадлежность спорного текста, выявляются вкрапления иностилевых элементов, устанавливается социальная значимость, адресованность текста и т. д.

Структура раздела «Содержание экспертизы спорного материала» определяется особенностями экспертного задания и зависит от содержания и количества вопросов, поставленных на разрешение экспертизы. Так, если экспертное задание включает три основных вопроса, то экспертиза проводится по этим трем вопросам и рассматриваемый раздел состоит из трех композиционных частей.

Особого внимания заслуживают заключения, где в экспертных заданиях представлены вопросы, имеющие к лингвистике весьма опосредованное отношение.

Например: *Присутствуют ли в статье [указывается название статьи] языковые элементы, которые создают содержание, порочащее честь, достоинство и деловую репутацию [указываются фамилия, имя и отчество гражданина]? Возможно ли опровержение указанных элементов?*

В этом случае отдельное исследование не проводится и эксперт ограничивается лишь общими замечаниями.

Например: *Во-первых, исследованный текст по своим лингвистическим качествам не дает оснований для опровержений. Во-вторых, опровергнуты могут быть только сведения, но не лингвистические единицы, а верификация сведений, проверка их на действительность не относится к сфере лингвистической экспертизы. В-третьих, возможность и необходимость сведений могут быть установлены только решением суда.*

Если рассмотренная часть (*экспертиза речевого материала*) отражает ход экспертизы, то заключительная часть (*выводы эксперта*) – результаты проведенного исследования. Структурно и содержательно заключительная часть соотносится с двумя предыдущими – экспертным заданием и экспертизой речевого материала.

Экспертное заключение (особенно в двух разделах – экспертиза речевого материала и выводы эксперта) обладает важнейшими чертами текстов научного стиля, что проявляется в отборе лексических единиц и устойчивых выражений, в композиционном построении фрагментов.

Представляя собой документ, имеющий доказательственное значение, экспертное заключение подписывается экспертом, заверяется собственным

штампом эксперта (если есть), печатью организации, в которой работает эксперт, или заверяется в нотариальной конторе по месту жительства эксперта.

Объединение в исследуемых документах элементов официально-делового и научного стилей позволяет говорить о реализации в тексте экспертного заключения научно-делового подстиля [подробнее об этом термине см.: Культура русской речи, 2006].

Проведенный анализ материала позволяет сделать вывод о том, что экспертное заключение является синтетическим документом, объединяющим лингвистическую и юридическую составляющие. Сложный характер данного документа определяется сложностью самого процесса судебной лингвистической экспертизы, предполагающей проведение лингвистического исследования, результаты которого используются в ходе судебного разбирательства, то есть становятся частью юридического по своей сути процесса.

Список литературы

1. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика / А. Н. Баранов. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 592 с.
2. Культура русской речи : учебник для вузов / отв. ред. Л. К. Граудина и Е. Н. Ширяев. – М. : Норма, 2006. – 560 с.

А.В. Бережнова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ЛЕКСИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ИНСТРУКТИВНО-МЕТОДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ

В статье дается характеристика лексическому своеобразие инструктивно-методических документов, устанавливается следующая зависимость: чем выше степень унифицированности документного текста, тем меньше свободы в выборе речевых средств, тем более взаимосвязаны используемые языковые средства.

Одна из основных управленческих функций, реализуемых в деятельности учреждений, организаций, предприятий, фирм, – организация системы и процессов управления, то есть:

- создание организации, включая выбор ее организационно-правовой формы;
- установление ее структуры;
- регламентация деятельности структурных подразделений и работников;
- формирование коллегиальных и совещательных органов управления;
- регламентация деятельности аппарата управления;
- организация труда работников и некоторые другие виды работ.

Организационная деятельность учреждения фиксируется в инструктивно-методических документах, содержащих правила, нормы, положения, определяющие статус организации, ее компетенцию, структуру, штатную численность и должностной состав, функциональное содержание

подразделений и работников, их права, обязанности, ответственность и другие аспекты [Кузнецова, 2000, с. 109]. К инструктивно-методическим документам относятся структура и штатная численность, положения, должностные инструкции, регламенты, штатное расписание, инструкции и др.

В работе по документированию управленческой деятельности большую роль играет словесное оформление решений, действий, связей. При подготовке документов следует учитывать, что язык является не пассивным фиксатором принятых решений, а выполняет активную стимулирующую роль.

В связи с этим изучение языка документов вообще, и инструктивно-методических в частности, с целью выявления его своеобразия и совершенствования приемов речевого оформления документов представляется актуальным. В данной работе эта проблема решается на материале инструктивно-методических документов ООО «АЦ Волгоград».

От качества языка документов зависят четкость и определенность выражения решений языковыми средствами. По мнению Д.А. Керимова, «вряд ли можно назвать какую-нибудь иную область общественной практики, где текстуальные выражения, неверное или неуместное слово способны повлечь за собой тяжелые последствия. Нарушение логики, неточность формулировок, неопределенность использования терминов порождают многочисленные запросы, влекут дополнения, толкования и разъяснения, вызывают непроизводительную трату времени, сил и энергии и вместе с тем являются питательной почвой для бюрократической волокиты, позволяют извращать текст и неправильно его применять. Чем совершеннее текст, тем меньше вызовет он затруднений при его реализации» [Керимов, 1991, с. 35]. Именно поэтому лексическое своеобразие – основа четкого понимания текста документа.

При создании текстов инструктивно-методических документов, например, текстов положений об организациях, штатных расписаний, должностных инструкций и других большую роль играет ориентировка на примерные или типовые образцы. Именно этот принцип построения текстов обуславливает высокую степень воспроизводимости в текстах одинаковых лексико-фразеологических единиц [Кушнерук, 2007, с. 96]. Отметим сравнительно узкий их состав, расширяемый, главным образом за счет слов и терминов предмета регулирования темы документа.

Вместе с тем этот класс документов демонстрирует лексическую неоднородность во многих отношениях. Языку инструктивно-методических документов присущи все лексические свойства слов – полисемия, синонимия, антонимия, но частота и допустимость их употребления в языке документов неодинаковы.

Полисемия является одним из способов развития русского литературного языка. Язык документов, особенно в последние годы, во многом способствовал пополнению словарного состава современного русского литературного языка за счет появления новых значений слов (например, новые значения слов *лицо*, *ресурсы*, *акция*, *состав*, *товар*).

Синонимы – это близкие или тождественные по значению слова, которые по-разному называют одно и то же понятие [Валгина, 1971, с. 16]. Синонимия тесно связана с явлением многозначности. Роль синонимов в современном русском литературном языке исключительно велика – они помогают избежать ненужных повторов одного и того же слова, позволяют выразить многообразие оттенков того или иного явления, качества. Однако в языке документов свойство синонимии имеет ограниченное применение, что обусловлено требованиями точности, ясности и единообразия употребления слова в тексте документа, необходимостью его однозначного понимания и применения. В текстах инструктивно-методических документов используются синонимы, которые отличаются друг от друга оттенком значения, то есть близкие синонимы (*законы – иные нормативные акты, служба охраны труда – структурное подразделение предприятия*), но не стилистической окраской (тождественные синонимы), хотя и в случае использования близких синонимов может возникнуть вопрос о целесообразности использования такой синонимии.

Антонимы – слова, имеющие противоположные значения, употребляются для обозначения контрастных явлений, которые семантически могут быть соотнесены друг с другом [Валгина, 1971, с. 19]. При выборе антонимов учитывается многозначность слова. Употребление антонимов делает текст более выразительным. Однако такую роль антонимы не могут выполнять в стилистически нейтральных текстах, характерных для документов.

В языке инструктивно-методических документов антонимы несут смысловую нагрузку и достаточно редко употребляются в антонимических парах, что свойственно другим видам документов (деловые письма, договоры, служебные записки), и, как правило, используются в конструкциях с противительным союзом *или* (например, *действие или бездействие*), либо в конструкциях с соединительным союзом *и* (*создается и ликвидируется приказом, назначается и освобождается директором*) в целях обозначения семантически соотнесенных друг с другом противоположных (контрастных) значений и явлений. Антонимические пары в языке документов служат для достижения полноты, законченности и четкости высказываний, а не для противопоставления, как в текстах иных стилей.

Исследование значительного объема документов, относящихся к инструктивно-методическим, показывает, что дополнительная сложность их текстов связано с терминованностью, то есть с использованием терминов – слов или подчинительных словосочетаний, имеющих специальное значение, выражающих профессиональное понятие и используемых в освоении профессиональных, специальных, научно-технических объектов и в построении текстов специальной коммуникации.

Именно термины создают облик документа той или иной отрасли, позволяют однозначно определять конкретные понятия. Роль терминов не вызывает споров. Но тематика инструктивно-методических документов широка настолько, насколько позволяет перечень всех существующих отраслей деятельности (*штрафные санкции, производственный травматизм,*

сертификация, франшиза). В каждой отрасли существуют узкоспециальные термины, понятные только профессионалам. Более того, многие термины синонимичны; другие термины, будучи неполными синонимами, передают несколько разные аспекты одних и тех же понятий [Рахманин, 1997, с. 37]. Следует учитывать современные темпы развития науки и техники и, вследствие этого, лавиноподобное образование специальной терминологии одновременно по нескольким направлениям – обобщение понятий, рождение новых понятий вследствие более высокой изученности какого-нибудь явления.

Значительная часть терминов имеет иноязычное происхождение. В большинстве своем они не имеют русских синонимов, что делает их незаменимыми в текстах инструктивно-методических документов (*консалтинг, таможенный брокер, промоутер, мерчендайзинг*). Употребление заимствованных слов обусловлено торговым, научно-техническим, культурным общением народов. Овладение новыми понятиями часто сопровождается усвоением их иноязычных названий [Ульянцева, 2003, с. 70].

Даже небольшой опыт работы с документами дает возможность понять, что в создании текстов инструктивно-методических документов принимают участие как свободные сочетания слов, так и различные устойчивые единицы (*доведение до сведения, осуществление контроля, в противном случае будут предъявлены штрафные санкции*). Но, говоря о свободных сочетаниях документных текстов, мы понимаем, что свобода в этом случае условна. Чем выше степень унифицированности документного текста, тем меньше свободы в выборе речевых средств, тем более взаимосвязаны используемые языковые средства.

Список литературы

1. Валгина, Н. С. Современный русский язык / Н. С. Валгина. – М., 1971.
2. Керимов, Д. А. Культура и техника законотворчества / Д. А. Керимов. – М., 1991.
3. Кузнецова, Т. В. Делопроизводство (документационное обеспечение управления) / Т. В. Кузнецова. – М., 2000.
4. Кушнерук, С. П. Документная лингвистика / С. П. Кушнерук. – Волгоград, 2007.
5. Рахманин, Л. В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов / Л. В. Рахманин. – М., 1999.
6. Ульянцева, С. Э. Составление текста документа: языковые нормы / С. Э. Ульянцева // Делопроизводство. – 2003. – № 4. – С. 68–73.

Р.С. Карпов

**Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
(Тула, Россия)**

КОНЦЕПТ «ГОСУДАРЬ» В ОСНОВНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКОНАХ 23 АПРЕЛЯ 1906 ГОДА

Статья является кратким обзором того, каким образом в условиях поменявшейся к началу XX века общественно-политической обстановки в

текстах нормативно-правовых документах отразилась попытка закрепления утерянных самодержавием позиций. Тема раскрывается через анализ концепта «государь».

Связь языковой системы с другими сферами общественной жизни: политической, социальной, экономической, наиболее ярко прослеживается в лексическом пространстве. Лексический ярус является наиболее чувствительным к изменениям в языке. И чем интенсивнее изменения в государственном устройстве и политической ситуации, тем интенсивнее и очевиднее изменения лексики. Именно в сфере политической лексики наблюдается существенные изменения, обусловленные общественно-политическими процессами.

Общественно-политическая лексика в России формировалась поэтапно под влиянием определенных факторов, условий, закономерностей в развитии языка. Общественные процессы начала XX века значительно повлияли на формирование лексической системы языка.

Проанализируем, каким же образом отразились изменения общественно-политической ситуации, идеологических установок в тексте законодательных актов России начала XX века.

История конституции в любой стране неотъемлема от истории общества и государства. Каждый очередной этап их развития характеризуется новыми моментами в социально-экономических и политических отношениях, осуществлении функций государства. Следует подчеркнуть, что конституционное развитие в России нельзя сводить только к появлению актов, формально называемых конституциями. Учитывая это, можно полагать, что конституционное регулирование в нашей стране существовало во все периоды отечественной истории – монархической, социалистической и современной.

Исходя из сделанных выводов, можем назвать Основные Государственные Законы, принятые в 1906 году, первой конституцией самодержавной России.

Обсуждение проекта Основных Государственных Законов происходило на совещании высших сановников империи в Царском селе с 7 по 12 апреля 1906 года. Самодержавие с каждым днем утрачивало свои позиции, однако к тому моменту единство и неделимость российского государства и монархическая форма правления не подлежали дискуссии.

Выделим концепт «Государь» в тексте данного закона.

Для начала проведем семантический анализ толкования лексической единицы «государь». В «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля дается следующее определение: «государь – всякий светский владыка, верховный глава страны, владетельная особа: император, царь, король, владетельный герцог или князь и пр. Государями чествуют у нас всех членов царской семьи, ставя почет этот перед саном, где к сану или званию подданного прилагается господин: Государь Император; Государь Великий Князь; но перед именем, слово это ставится вместо сана: Государь Петр Великий».

Государь – в дореволюционной России всякий светский владыка, верховный глава страны, а также император, царь или князь. В Древней Руси Г. – человек, облеченный властью. В древних письменных памятниках «господарь» и «государь» – рабовладелец и землевладелец. Такую трактовку понятию «государь» дает Российский гуманитарный энциклопедический словарь.

Согласно определению «государь», содержащимся в словаре В. Даля, в Основных Государственных Законах 23 апреля 1906 года встречается употребление слова «государь» в сочетании с саном царской семьи – «Государь Император».

В Основных Государственных Законах нет прямого понятия «государь», но приводятся несколько определений, отражающих отдельные полномочия первого лица отечества.

В главе первой «О существе Верховной Самодержавной Власти» записано следующее: Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть. Повиноваться власти Его, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает. Особа Государя Императора священна и неприкосновенна.

Кроме этого, в данной главе встречаются еще несколько трактовок понятия «государь»:

1. Государь Император есть верховный руководитель всех внешних сношений Российского Государства с иностранными державами. Им же определяется направление международной политики Российского Государства.

2. Государь Император есть Державный Вождь российской армии и флота. Ему принадлежит верховное начальствование над всеми сухопутными и морскими вооруженными силами Российского Государства. Государем Императором, в порядке верховного управления, устанавливаются также ограничения в отношении права жительства и приобретения недвижимого имущества в местностях, которые составляют крепостные район и опорные пункты для армии и флота.

Словарь русских синонимов насчитывает более двадцати синонимов понятия «государь»: господин, правитель, монарх, самодержец, царь, король, высочайшая особа, падишах, император, порфиносец, коронованная особа, скипетродержец, князь, его величество, помазанник божий, хан, сюзерен, шахиншах, венценосец, властодержец, скипетроносец, божий помазанник, шах, единодержец.

В тексте Основных Государственных Законов замены понятия «государь» синонимами не встречается.

Рассмотрим сочетаемость слова «государь» с другими в тексте Основных Государственных Законов 1906 года. Лексическая сочетаемость проявляется в способность слова употребляться совместно с другим словом в речевом отрезке. Избирательность языка в словесных сочетаниях порождает его идиоматичность, национальную самобытность и выразительность. Границы сочетаемости в значительной степени определяются смысловыми особенностями слова, его значением.

К началу XX века наметилось разделение государственных полномочий между императорской властью и созданным Парламентом, состоящим из Государственного Совета и Государственной Думы.

Несмотря на это обстоятельство, принятые 23 апреля 1906 года Основные Государственные Законы закрепили за императором огромные полномочия.

Интерес вызывает раздел Основных Государственных Законов «О существе Верховной Самодержавной Власти», в которой определено, что особа Государя Императора является священной и неприкосновенной.

Проанализируем семантическую сочетаемость слов на данном речевом отрезке. Итак, в толковых словарях встречается определение: особа – о человеке важном, почтенном. В Толковом словаре В. Даля встречается следующая трактовка понятия «неприкосновенный». Неприкосновенный – не подлежащий чьему-либо ведению, власти. В Малом академическом словаре встречается несколько трактовок понятия «священный»:

1. Обладающий святостью, признаваемый божественным. Связанный с религиозным культом, выполнением религиозных обрядов, относящийся к богослужению.

2. Освященный высокой целью; благородный. Высокий почетный.

3. Неприкосновенный или незыблемый, нерушимый в силу своей важности, значимости и так далее.

Стоит отметить, что в словаре синонимов русского языка слова «неприкосновенный» и «священный» по отношению друг к другу являются синонимами.

Таким образом, семантическая сочетаемость слова «государь» с приведенными выше понятиями говорит нам об особом месте самодержавия в государственной системе начала XX века, подчеркивает значимость персоны императора.

Следует обратить внимание на употребление глаголов со словом «государь». В тексте Основных Государственных Законов встречаются такие примеры сочетания, как: «Государь Император» + осуществляет, утверждает, издает, объявляет, назначает и увольняет, жалует и другие.

Это наводит на мысль, что в данном нормативном правовом акте прослеживается попытка закрепить позиции самодержавной власти, несмотря на то, что законодательно ее привилегии были ограничены созданием Парламента.

Таким образом, Основные Государственные Законы, являясь документом переходной эпохи, носили отпечаток противоречивости практически в каждой статье. Это и первая попытка закрепить возникновение представительной власти, и последняя попытка, как оказалось в дальнейшем, закрепить шаткое на тот момент положение самодержавия. Но, как бы ни критиковали эти законы, они стали одним из первых шагов в направлении к правовому государству.

Список литературы

1. Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. Абрамов. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru>.

2. Бантышева, Л. Л. Общественно-политическая лексика начала XX века: традиции изучения / Л. Л. Бантышева // Политическая лингвистика. – 2007. – № 1(21).
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль // Грамота.ру. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/online/>.
4. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой ; РАН, Ин-т лингвистич. Исследований // Словари и энциклопедии на Академике. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/mas/>.
5. Традиционная русская энциклопедия. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://traditio.ru/wiki>.

Н.В. Олизаренко

**Волжский гуманитарный институт (филиал)
Волгоградского государственного университета (Волжский, Россия)**

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ДОКУМЕНТНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются основные тематические поля, отражающие систему понятий высшего образования. На сегодняшний день терминология высшего образования требует систематизации, выявления понятийных и языковых связей внутри микросистем.

Развитие системы высшего профессионального образования Российской Федерации детерминировано мировыми тенденциями глобализации. Социально-экономические изменения в стране, произошедшие за последние 15 лет, привели к внутреннему кризису образовательной системы. Россия принимает активное участие в создании единого международного образовательного пространства. Начиная с 90-х годов XX в. в нашей стране осуществляется широкая модернизация российской системы образования, направленная на ее демократизацию и развитие «как открытой государственно-общественной системы».

В сентябре 2003 г. Российская Федерация официально присоединилась к Болонскому процессу, в рамках которого до 2010 г. предстоит осуществить реформирование российского образования с целью продвижения его к открытости европейскому сообществу и интеграции в общеевропейскую систему образования. Это закрепило за Россией статус члена европейского образовательного сообщества.

Болонский процесс – это магистральная линия развития высшего образования в современной Европе, предполагающая формирование единого образовательного пространства, построенного на ряде обязательных принципов. Среди них: многоуровневая система высшего образования; введение системы академических кредитов; обеспечение мобильности студентов и преподавателей; выдача единого Европейского приложения к диплому; система управления качеством высшего образования и др.

Международная практика подобного реформирования предполагает, что обновление должно быть сконцентрировано на модернизации:

- содержания образования;
- структуры образования;
- технологии обучения;
- ресурсного обеспечения.

Присоединение России к Болонскому процессу делает необходимым и дает возможность сделать реформу отечественного образования последовательной и содержательной.

Болонский процесс поможет российской педагогической общественности уточнить роль Министерства образования в системе высшего образования, перенять опыт европейских вузов, которые взаимодействуют со своими министерствами образования, сохраняя вузовскую автономию и соблюдая разумную подотчетность государственным структурам. Он будет способствовать утверждению новых форм аттестации; помимо, нередко формальной, государственной станет применяться еще и корпоративная, более содержательная и взыскательная, обеспечивающая признание успешности работы конкретного вуза со стороны профессионального сообщества.

Естественным образом продолжит эволюционировать и содержание высшего образования. В едином европейском пространстве высшего образования появится возможность определить общие для европейских стран, в том числе и для России, требования к квалификациям, создать общеевропейские предметные объединения вузов (сети вузов по направлениям подготовки), адаптировать учебные планы к требованиям современного общества.

Вступление России в Болонский процесс может благотворно сказаться и на состоянии российской науки – через усиление исследовательского потенциала вузов, через их плановое участие в совместных с европейскими университетами программах исследований.

Вхождение вузов региона в единое образовательное пространство является не только очередным шагом в процессе общеевропейской интеграции, но также отвечает внутренней потребности российского рынка образовательных услуг. В связи с подписанием Болонской декларации предстоит решить ряд важных задач, которые потребуют значительных изменений и модернизации российского образования. Первой из таких задач является создание многоуровневой системы высшего образования: «бакалавриат – магистратура». Внедрение двухступенчатой подготовки специалистов в российской высшей школе началось не так давно, и по сравнению с другими странами Россия находится значительно ближе к ее полноценной реализации. Сегодня перед Россией и ее регионами стоит вопрос скорее о развитии этой системы образования, о ее распространении на все формы подготовки, о ее введении на все специальности. Одной из проблем в окончательном освоении двухступенчатой системы подготовки специалистов является поиск и принятие соответствующих решений относительно признания квалификации бакалавра после четырех летнего обучения на рынке труда.

Решением одной из проблем является пересмотр содержания и организационных основ образования. В связи с этим необходимо контролировать:

- появление новых документов;
- изменение системы документов;
- формирование новых требований к отдельным процессам.

Для полноценной работы Болонского процесса в России все документы должны изучаться, анализироваться и систематизироваться. Кроме того, новая концепция образования находит отражение в понятийно-терминологическом аппарате, но на сегодняшний день он остается неисследованным, что является одним из недостатков интеграции высшего образования.

Решить эту проблему возможно через приведение в соответствие формы и содержания высшего образования. Успешная практика в этом направлении будет способствовать эффективной деловой коммуникации.

Изучение Федерального закона от 22.08.1996 г. № 125 – ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании (с изменениями и дополнениями)» как документа, анализ использующейся в нем терминологии позволяет выявить лексические единицы, отражающие основную концепцию этого закона.

Исследование позволило выявить основные составляющие понятийного поля «Высшее образование»:

- структура и система образования;
- образовательные программы;
- структура вуза;
- документация;
- интеграционные процессы.

Каждая понятийная составляющая находит отражение в микросистеме. Например, составляющая «Структура и система высшего образования» включает в себя микросистемы: структура высшего и послевузовского профессионального образования, государственная система высшего и послевузовского профессионального образования, направление научных исследований высшего и послевузовского профессионального образования, научное исследование в области высшего и послевузовского профессионального образования.

Обозначенная терминология достаточно разнообразна по своей структуре. Выделенные термины могут состоять из двух компонентов («Образовательная программа», «Система образования») до восьми («Образовательная программа высшего профессионального и послевузовского профессионального образования», «Система высшего и послевузовского профессионального образования»).

Материал демонстрирует вариативность компонентов («Образовательная программа» – «Программа высшего образования»; «Инновационная программа в образовании» – «Инновационная образовательная программа»).

Быстрые темпы формирования системы высшего образования в условиях интеграции привели к преобладанию в терминологии избыточности компонентов («Инновационная образовательная программа в образовании»).

В структуре микросистемы «Образовательные программы» прослеживаются родовидовые отношения между компонентами: (Образовательная программа: бакалавриата, специалитета, магистратуры; Образовательная программа: высшего образования, послевузовского профессионального образования, среднего (полного) общего образования, среднего профессионального образования, начального профессионального образования, основного общего образования, дополнительного образования).

Основные тематические поля, отражающие систему понятий высшего образования, являются открытыми, постоянно пополняемыми и корректируемыми за счет сменяющих друг друга компонентов, входящих в микросистемы понятийных составляющих. На сегодняшний день терминология высшего образования требует систематизации, выявления понятийных и языковых связей внутри микросистем.

Т.Б. Мульганова

**Волгоградский государственный медицинский университет
(Волгоград, Россия)**

ДЕЛОВОЕ ПИСЬМО В СИСТЕМЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА УЧРЕЖДЕНИЙ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ (ОТВЕТНЫЕ ПИСЬМА НА ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАН ПРИ ОКАЗАНИИ ИМ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ)

На основе анализа более 500 ответных писем, авторами которых являются крупные лечебные учреждения, страховые медицинские организации и фонды обязательного медицинского страхования Волгограда, были подготовлены практические рекомендации для составления ответного письма на обращения граждан в учреждениях здравоохранения.

Деловая переписка в современных учреждениях здравоохранения, как и в учреждениях других типов, является неотъемлемой частью делопроизводства учреждения в целом. Деловое письмо является важным средством связи учреждения с внешними организациями и частными лицами, необходимым элементом ведения любой предпринимательской деятельности, способствует формированию имиджа предприятия (организации), является гарантом успешной деятельности как внутри страны, так и за ее пределами.

На сегодняшний день достаточно подробно описано около ста видов деловых писем, составляющих служебную переписку современного учреждения вне зависимости от рода его деятельности; составлены их классификации в зависимости от: характера передаваемой информации (служебная или коммерческая); структурных признаков (письма регламентированные и нерегламентированные); стиля изложения (формальные и неформальные). Исследователями выделяется *ответное письмо* как отдельный вид делового письма, даются две ее разновидности «письмо-ответ с положительной

информацией» и «письмо-ответ с негативной информацией» [Лагутина, Щуко, 2005; Кузнецов, 2007]. Однако предложенные структурные модели таких писем не удовлетворяют составителей ответных писем в сфере здравоохранения.

Анализируя весь массив деловых писем современного учреждения здравоохранения, невозможно не заметить, что весьма значительную часть его составляют *ответные письма* на обращения граждан по поводу оказания им медицинской помощи – заявления, жалобы, претензии и др. К сожалению, поток такого рода обращений пока не имеет тенденции к сокращению, что свидетельствует о состоянии отечественного здравоохранения в целом и о качестве предоставляемой медицинской помощи отдельным учреждением здравоохранения в частности [Саверский, 2009; Попова, 2005].

С учетом этого факта нам представляется весьма актуальным рассмотрение ответного письма на обращения граждан при оказании им медицинской помощи с точки зрения его оформления как документа: его реквизитов, структурного построения и особенностей языкового оформления.

Являясь информационно-справочным документом, *ответное письмо* входит в систему организационно-распорядительных документов, оформление которых регламентируется ГОСТ Р 6. 30-2003 «Унифицированные системы документации. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов». Поэтому составитель ответного письма прежде всего должен учитывать требования к оформлению основных реквизитов письма на бланке организации согласно ГОСТ Р 6. 30-2003.

Рассматривая структурные компоненты ответного письма, традиционно используемые в современном делопроизводстве, ответное письмо на обращения граждан в учреждениях здравоохранения может быть представлено следующим образом:

1. Обращение к адресату.

Задача обращения – установить контакт с адресатом с учетом его социального статуса, профессии, возраста, пола. В современном делопроизводстве, с учетом вышеуказанных особенностей, наиболее распространенными формами обращений к адресату являются: «Уважаемый И.О.», «Господин (госпожа) + фамилия (занимаемая должность)», «гражданин(гражданка) + фамилия», «коллеги». Однако учитывая тот факт, что адресатом в наших ответных письмах являются в своем большинстве больные люди, инвалиды, ветераны войны, наиболее приемлемой формой обращения, на наш взгляд, должна быть «УВАЖАЕМЫЙ/ -АЯ + ИМЯ, ОТЧЕСТВО».

2. Лид-абзац.

Этот первый абзац ответного письма, включающий, как правило, 1–2 предложения. Не являясь обязательным элементом ответного письма, он, по мнению многих исследователей [Лагутина, Щуко, 2005, с. 91; Кузнецов, 2007, с. 87] упрощает процесс ознакомления и восприятия текста письма.

Анализ ответных писем на обращения граждан в органы здравоохранения показал, что наличие данного структурного компонента письма необходимо. Более того, традиционно сложились свои языковые формулы таких лид-абзацев

положительного (жалоба, претензия подлежит удовлетворению) и отрицательного (жалоба претензия не подлежит удовлетворению) содержания:

Положительное содержание	Отрицательное содержание
Ваша жалоба (претензия) рассмотрена. К сожалению, факты, изложенные в ней подтвердились.	Ваша жалоба (претензия) признана необоснованной и не подлежит удовлетворению по следующим причинам.
Ваша жалоба (претензия) рассмотрена комиссионно и признана обоснованной.	В ответ на Вашу жалобу (претензию) сообщаем, что она отклоняется по следующим причинам.

3. Текст.

Основными требованиями к тексту ответного письма на обращение граждан, на наш взгляд, должны быть: полнота информации, ясность формулировок (узкоспециальные медицинские термины должны объясняться в скобках словами общеупотребительной лексики), уважительный тон изложения. С учетом характера лид-абзаца (отказ или удовлетворение жалобы) в тексте также обязательны ссылки на нормативно-правовые документы, обосновывающие правомерность отказа в удовлетворении жалобы, или подробное перечисление мер и мероприятий, направленных на устранение указанного в обращении ущерба (информация о возврате денежных средств, о мерах административного или уголовного наказания по отношению к лицам, виновным в нарушении прав заявителя).

4. Заключительная формула вежливости.

Согласно русскому деловому этикету, в качестве заключительной формулы вежливости делового письма могут употребляться: «Искренне Ваш», «С наилучшими пожеланиями», «С благодарностью», «С почтением» и т. д. Однако с учетом особенностей сферы деловой коммуникации (ответ на жалобу больного или его родственника) нам представляется единственно возможной формула «С уважением», которая выносится на отдельную строку (с абзаца) и заканчивается запятой.

5. Подпись.

Оформляется в соответствии с реквизитом «подпись» по ГОСТ Р 6.30-2003.

Особенностью языкового оформления ответных писем является строгое соответствие официально-деловому стилю современного русского литературного языка, а именно нейтральному тону изложения, точности, ясности и лаконичности изложения.

Данные стилевые черты предопределяют отбор языковых средств, имеющих свою специфику на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Знание этих особенностей помогает найти оптимальные лексико-грамматические модели предложений текста для достижения основной коммуникативной цели – конструктивного ответа на обращение.

Анализ более 500 ответных писем, авторами которых являются крупные лечебные учреждения, страховые медицинские организации и фонды обязательного медицинского образования Волгограда, позволил подготовить практические рекомендации для составления ответного письма на обращения граждан в учреждениях здравоохранения. Они вошли в практическое пособие,

составленное совместно специалистами кафедры общественного здоровья и здравоохранения и кафедры русского языка Волгоградского государственного медицинского университета. В пособие также вошел обширный материал о нормативно-методической базе, психологических аспектах и технологии работы с обращениями граждан.

Список литературы

1. Лагутина, Т. М. Деловое письмо : справ. / Т. М. Лагутина, Л. П. Щуко. – 3-е изд, перераб. и доп. – СПб. : Изд. дом «Герда», 2005.
2. Кузнецов, И. Н. Деловое письмо : учеб.-справ. пособие / И. Н. Кузнецов. – Изд.-торг. корпорация «Дашков и К», 2007.
3. Попова, Е. Г. Конфликты в лечебно-профилактических учреждениях: причины, условия и социальные последствия : автореф. дис. / Е. Г. Попова. – Волгоград, 2005.
4. Саверский, А. В. Права пациента на бумаге и в жизни. Сер. Медицинская практика / А. В. Саверский. – М., 2009.

Е.С. Семикина

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

КАЧЕСТВО ТЕКСТА РЕКЛАМНЫХ СООБЩЕНИЙ

Анализ качества текстов рекламных сообщений НОУ СПО «Волгоградский колледж газа и нефти» и ОАО «Газпром» дал возможность предложить ряд практических рекомендаций, позволяющих улучшить рекламную деятельность этих организаций.

На современном этапе развития нашего общества средняя российская семья подвергается ежедневному воздействию более тысячи рекламных материалов. Предполагается, что развитие рекламного рынка и в дальнейшем будет идти высокими темпами.

В рекламной деятельности рассматриваются три уровня качества: качество самой рекламной мультимедиа и сопутствующей ей технологии (производства и распространения); управление качеством; качество управленческой деятельности в целом (системное качество) [Смирнов, 2001, с. 78].

Первый уровень качества рекламы включает текущие оценки четырех взаимосвязанных составляющих: качество профессионализма персонала (креаторов, дизайнеров, копирайтеров, менеджеров, технологов, маркетологов и др.); качество рекламных технологий; качество самой рекламы (рекламной мультимедиа); качество организации рекламных кампаний.

Второй уровень качества включает набор мероприятий по управлению перечисленными составляющими с целью их улучшения или приведения в соответствие с требуемыми значениями.

Третий уровень качества рекламы предполагает ориентацию миссии компании на достижение качества всех элементов ее деятельности. Эти уровни качества являются взаимосвязанными. Пренебрежение какой-либо группой приводит или к увеличению затрат для достижения требуемого качества рекламы, или к недостижению требуемого качества.

Качество рекламного текста – это совокупность свойств рекламного текста, которые отвечают предъявляемым законодательством РФ требованиям; соответствуют общепринятым правилам и нормам формирования рекламного текста; удовлетворяют конкретные или предполагаемые потребности и интересы потребителей (рекламодателей и целевой аудитории населения).

Показатели качества текста выбраны по справочным описаниям к Microsoft Office 2000, материалам Интернет-сайтов. Из большого набора показателей, влияющих на качество рекламного текста, приводим, на наш взгляд, наиболее важные. К их числу относятся: благозвучие, грамотность, графическое обрамление текста, использование стилистических приемов, количество знаков в одной строке, легкость чтения, логичность текста, число сложных фраз, мотив личной выгоды, соотношение шрифта текста и расстояния просмотра, эмоциональная приподнятость, научный подход.

Качество рекламного текста по перечисленным показателям определяется величиной отклонений от рекомендуемых значений.

Основными целями рекламной деятельности колледжа являются:

- предоставление информации об услугах, оказываемых колледжем;
- мотивация абитуриентов и структурных подразделений ОАО «Газпром» к тому, чтобы воспользоваться услугами колледжа;
- поддержание доброжелательных отношений и взаимопонимания между НОУ СПО «Волгоградский колледж газа и нефти» ОАО «Газпром» и общественностью, конкурентами на рынке образовательных услуг;
- формирование благоприятного образа (имиджа) колледжа и ОАО «Газпром».

Основными средствами распространения рекламы являются: реклама в прессе (объявления в справочниках организаций Волгограда, газетах, журналах), печатная реклама (буклеты, каталоги), а также сувенирная продукция (ручки, блокноты, вымпелы с логотипом колледжа).

Рекламная информация, представленная в специализированных справочниках образовательных учреждений («В помощь абитуриенту-2009», «Выпускник-2008», «Образование 2007–2008», «Куда пойти учиться?»), состоит из рекламного сообщения в виде объявления. Рекламное объявление выполнено в двух вариантах: текстовый материал с информацией о деятельности учебного заведения в черно-белой гамме и наложенный на цветное изображение атрибутов колледжа, фото. С точки зрения восприятия потребителем предпочтительнее второй вариант.

В основном в колледже используется такой метод рекламы, как рекламные средства с обратной связью, а конкретнее – предложение услуг при помощи прямого контакта с использованием буклетов, коммерческих предложений. Также используются средства предметной рекламы, то есть сувениры в виде ручек, блокнотов, вымпелов и пакетов с логотипом колледжа.

В 2008 году колледж отмечал юбилейную дату – 55 лет со дня образования, поэтому в этом году было изготовлено много рекламной продукции с общим слоганом «Волгоградский колледж газа и нефти – 55 лет на рынке образовательных услуг».

Используемые НОУ СПО «Волгоградский колледж газа и нефти» ОАО «Газпром» методы и средства рекламы, безусловно, являются действенными, но их не достаточно для увеличения количества потребителей и улучшения положения колледжа на рынке образовательных услуг.

Для проведения исследования по анализу качества рекламного текста нами были отобраны рекламные сообщения, используемые НОУ СПО «Волгоградский колледж газа и нефти» ОАО «Газпром» в 2008–2009 гг.

Выбранный нами метод исследования – системный анализ свойств рекламного текста с использованием математико-статистического метода и метода анонимного анкетного опроса фокус-группы. База исследования – фокус-группа, состоящая из 16 человек (8 мальчиков и 8 девочек, возрастом от 17 до 18 лет) – учащиеся 11 классов МОУ СОШ № 103.

Для определения значений качества рекламного текста по показателям «Логичность текста», «Мотив личной выгоды», «Эмоциональная приподнятость», «Научный подход» нами была разработана анкета, которая была предложена для заполнения (вместе с образцами рекламных сообщений) фокус-группе.

Качество рекламного текста на основании значений показателей определялось величиной отклонений от рекомендуемых значений. Данные показатели находятся в последовательном расположении, поэтому общее значение качества (при одинаковом приоритете равном 1) рассчитывалось как произведение значений всех качеств.

На основании полученных данных можно высчитать среднее значение показателей качества текста рекламных сообщений, данный расчет представлен на рисунке 1.

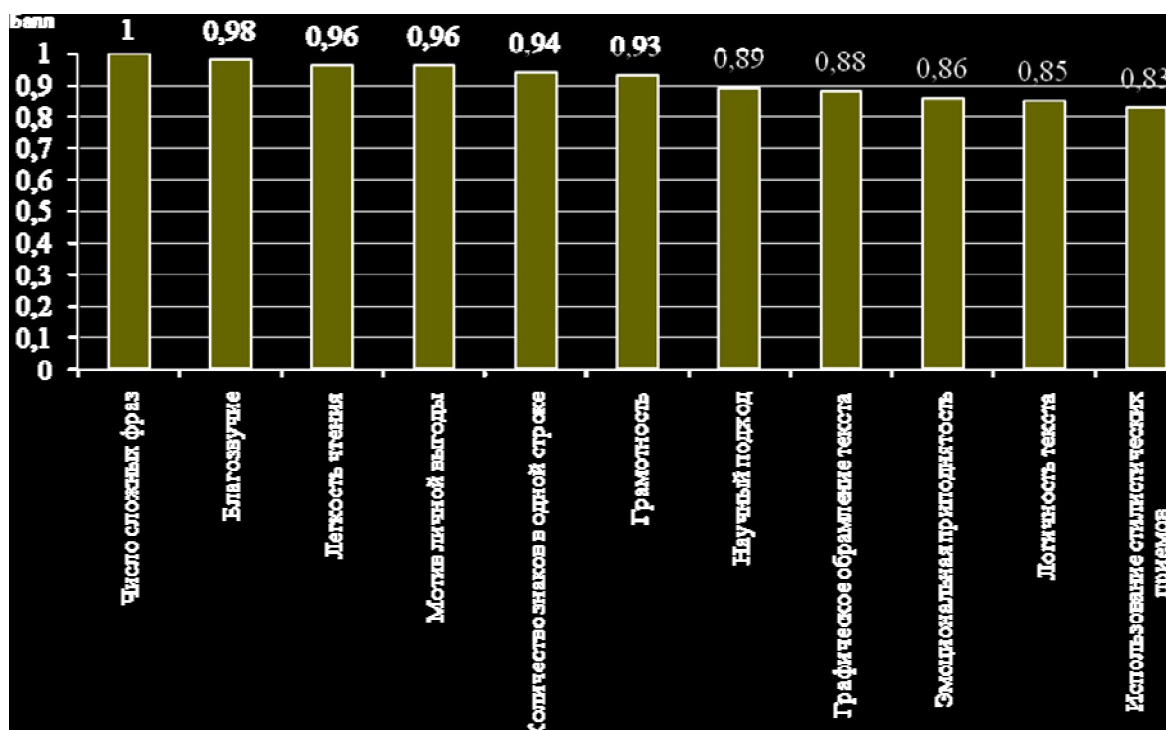

Рис. 1. Среднее значение показателей качества текстов рекламных сообщений, используемых НОУ СПО «Волгоградский колледж газа и нефти» ОАО «Газпром» в 2008–2009 гг.

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы и дать практические рекомендации по применению полученных результатов:

1. Рекламная деятельность НОУ СПО «Волгоградский колледж газа и нефти» ОАО «Газпром» нацелена на поддержание уже сложившегося положительного имиджа. Приоритетным средством распространения рекламы является реклама в прессе, а основной способ распространения рекламы – печатная продукция. Однако надо отметить, что для поддержания и улучшения существующего имиджа необходимо увеличить количество выпусков рекламной продукции в год с использованием таких средств распространения рекламы, как выставки, сувенирная продукция, телевизионная реклама.

2. Анализируя текстовую часть рекламных сообщений, можно с уверенностью утверждать, что тексты рекламных сообщений достаточно высокого качества. Самые низкие показатели качества выявлены по таким критериям, как использование стилистических приемов – 0,83 балла, логичность текста – 0,85 баллов, эмоциональная приподнятость – 0,86 баллов. На основании этого можно рекомендовать при составлении текстов рекламных сообщений:

- больше использовать стилистические приемы (антитеза, градация, парцелляция, побуждение, риторическое обращение или вопрос, сегментирование, умолчание), но при этом не увлекаться данным способом создания художественной выразительности текста, оптимальное количество использования стилистических приемов – 3–4;
- учитывать систему построения доказательств или опровержений на основе логической цепочки: суждение – посылки к суждениям – доказательство рекламируемой идеи, рекомендуемое значение данного показателя – 80–90 %;
- не увлекаться выражением эмоций, но в тоже время найти золотую середину в насыщении текстов оптимизмом и занимательностью, стремиться к рекомендуемому значению данного показателя – 70–80 %.

Внедренная в 2003 году система менеджмента качества колледжа на основе международных стандартов ИСО серии 9000 позволяет эффективнее достигать основные цели рекламной деятельности колледжа.

Список литературы

1. Смирнов, Э. А. Управление качеством рекламы : учеб. пособие / Э. А. Смирнов. – М. : РИП-холдинг, 2001.
2. Веселов, С. В. Маркетинг в рекламе: комплекс маркетинга в рекламной деятельности / С. В. Веселов. – М. : Междунар. ин-т рекламы, 2003.

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ РЕГЛАМЕНТ: СОВРЕМЕННЫЙ ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ И ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИИ

В статье показано, что административные регламенты при использовании современных технических средств делают прозрачным порядок составления, оформления документов и их прохождения в федеральных органах исполнительной власти.

В контексте проводимой в Российской Федерации административной реформы значительный интерес на теоретическом и практическом уровне вызывает решение проблемы разработки и применения административных регламентов. В связи с этим становится очевидной актуальность анализа административного регламента как вида официального документа, определение перспектив его применения и реализации в органах исполнительной власти.

С документоведческой точки зрения, значение термина «регламент» отличается многоаспектностью. Это может быть регламент коллегиального или совещательного органа (например, свой регламент имеют обе палаты Федерального Собрания РФ: Государственная Дума и Совет Федерации) либо внутренние документы законодательных органов Российской Федерации, в которых закреплены статус данных органов, внутреннее устройство, общий порядок работы, а также порядок проведения заседаний, голосования и принятия решений, ведения протокола заседаний, оформления решений, материально-технического обеспечения заседаний и т. д. Следовательно, для этих органов власти регламент является одновременно и правовым актом, так как в нем закрепляется правовой статус органа, и организационным документом, так как в нем определяется порядок внутренней деятельности органа.

Для Законодательных (представительных) органов субъекта РФ также предусмотрены регламенты. Как правило, регламенты принимаются постановлениями, которые в этом случае больше ассоциируются с «грифом утверждения», применяемым в официальных документах. Постановление как официальный документ завершает процедуру рассмотрения указанных документов на заседании коллегиального органа. Ряд субъектов РФ в своих региональных законах закрепляют регламенты в качестве нормативных актов.

Из правовых актов, регулирующих деятельность представительного органа субъекта, включая законодательную, именно регламент является основным документом, определяющим и организующим эту деятельность. Он призван устанавливать подробные, четкие, юридически обязательные процедурные правила, обеспечивающие единый порядок деятельности законодательных органов, демократизм, гласность, в конечном счете качество законов.

Чаще всего регламент воспринимается как нормативный правовой акт, определяющий порядок деятельности законодательного (представительного) органа субъекта РФ. Но практика показывает, в некоторых субъектах Федерации регламентами «обзаводятся» как законодательные, так и исполнительные органы власти (например, Правительство Москвы). Исторический же опыт свидетельствует о том, что регламент традиционно связан с деятельностью парламентариев, в частности с деятельностью дореволюционной Государственной думы.

В настоящее время термин «регламент» чаще всего употребляется в названии нормативных документов. Это связано, прежде всего, с проведением в нашей стране административной реформы, целью которой является регламентация и стандартизация деятельности органов исполнительной власти.

Видовая классификация регламентов коллегиального органа представлена следующим образом на федеральном уровне – регламент Государственной Думы РФ, регламент Совета Федерации РФ, регламент Правительства РФ, регламент Генеральной прокуратуры РФ, регламент Конституционного суда РФ, регламент Центральной избирательной комиссии РФ; на уровне субъектов РФ – регламент законодательного (представительного) органа субъекта РФ и регламент исполнительного органа субъекта РФ.

Регламенты – нормативно-правовые акты (например, Типовой регламент взаимодействия федеральных органов исполнительной власти) включают две подгруппы: Административный регламент федеральных органов исполнительной власти и Технический регламент (содержит технические требования к объекту стандартизации).

На сегодняшний день классификация разновидностей Подсистемы административных регламентов складывается из следующих разновидностей: административный регламент предоставления государственной услуги; административный регламент исполнения государственной функции; должностной регламент гражданского государственного служащего; электронный административный регламент.

Характеризуя систему организационно-распорядительной документации, многие авторы выделяют как вид документа. В частности, В.А. Кудряевым регламент определяется как правовой акт, устанавливающий порядок деятельности руководства организации, коллегиального или совещательного органа. Кроме того, регламент как вид документа входит в подсистему организационно-правовых документов организации, если он является внутренним документом. Однако в Общероссийском классификаторе управленческой документации (ОКУД) регламент не значится как вид документа.

Федеральное законодательство России предусматривает использование термина «административный регламент» для трех видов нормативных правовых актов. Так, в Типовом регламенте взаимодействия федеральных органов исполнительной власти обозначен административный регламент федерального органа исполнительной власти, состоящий из регламента

федерального органа исполнительной власти; административных регламентов исполнения государственных функций; административных регламентов предоставления государственных услуг; должностных регламентов гражданских государственных служащих федерального органа исполнительной власти [Типовой регламент, 2005, с. 1]. Таким образом, выделяются несколько разновидностей регламентов, каждый из которых обладает определенной спецификой.

Необходимо отметить наличие определенного «провала» между регламентом органа в целом и должностным регламентом конкретного чиновника. Речь идет о том, что функции того или иного органа исполнительной власти осуществляются отдельными структурными подразделениями этого органа или в их взаимодействии, а должностные лица действуют также в рамках подразделений, то есть с определенной субординацией. Кроме того, наличие еще одного уровня регламентации хотя и выглядит как усложнение системы регламентного регулирования, но позволяет «затвердить» и продублировать элементы административной процедуры, более четко закрепив ответственность руководства структурных подразделений за прохождение этих этапов. В связи с этим целесообразным является включение в состав административного регламента органа исполнительной власти административных регламентов его структурных подразделений.

В настоящее время в литературе многими исследователями выделяется и такое понятие как «электронный административный регламент», то есть регламент, реализуемый с применением информационно-коммуникационных технологий [Рысков, 2006, с. 3]. Аналогичное определение дано в ГОСТ Р 52294-2004 «Информационная технология. Управление организацией. Электронный регламент административной и служебной деятельности. Основные положения»: «Электронный регламент административной и служебной деятельности – регламент административной и служебной деятельности, реализованный с применением информационно-коммуникационных технологий» [ГОСТ Р 52294-2004, с. 2].

Административный регламент – это правовой документ. Как у каждого документа в бумажной форме, у административного регламента может быть его электронный аналог – электронный документ. Однако электронный административный регламент не является электронным документом – электронный административный регламент является реализацией административного регламента.

Широкое толкование термина, подразумевает под электронным регламентом совокупность информационных технологий, позволяющих реализовать полномочия и обязанности органов власти. Тем не менее целесообразно, если быть абсолютно точным, понимать под электронным административным регламентом только поддержку административных процессов и автоматизацию контроля исполнения требований, предъявляемых законодательством к административной деятельности.

В процессе разработки такого документа, как административный регламент, формируются новые виды документов: график подготовки административных регламентов, пояснительная записка к проекту административного регламента, план-график внедрения административного регламента, финансово-экономическое обоснование проекта административного регламента, экспертное заключение.

В пояснительной записке к проекту административного регламента содержится: анализ практики исполнения государственной функции (предоставления государственной услуги); информация об основных предполагаемых улучшениях исполнения государственной функции (предоставления государственной услуги) в случае принятия административного регламента; сведения об учете рекомендаций независимой экспертизы, предложений заинтересованных организаций и граждан.

Финансово-экономическое обоснование проекта административного регламента представляет собой расчет затрат на внедрение административного регламента и предварительное определение экономического (социального) эффекта после его внедрения. Финансово-экономическое обоснование составляется в случаях, если принятие административного регламента требует дополнительных расходов сверх установленных в федеральном бюджете на обеспечение деятельности соответствующего федерального органа исполнительной власти.

Экспертное заключение – это документ, созданный организацией в результате независимой экспертизы проектов административных регламентов исполнения государственных функций (предоставления государственных услуг) и отражающий следующие сведения: а) о недостатках сложившейся практики исполнения государственной функции (предоставления государственной услуги); б) степени улучшения сложившейся практики исполнения государственной функции (предоставления государственной услуги) после принятия и внедрения административного регламента и заключение об отсутствии отрицательных последствий принятия и внедрения административного регламента; в) выводы по результатам экспертизы, содержащие рекомендации к принятию или доработке проекта административного регламента. Экспертное заключение подписывается руководителем организации, проводившей экспертизу, или уполномоченным им лицом.

В конечном счете в процессе разработки и утверждения административных регламентов на федеральном уровне образуются новые виды документов, сопровождающие административный регламент вплоть до его утверждения и опубликования.

Порядком разработки и утверждения административных регламентов устанавливаются общие требования к разработке и утверждению административных регламентов федеральными органами исполнительной власти. Положениями рекомендовано руководствоваться и органам исполнительной власти субъектов РФ.

Регламент оформляется на общем бланке организации. Обязательные реквизитами регламенты: наименование организации (а также наименование коллегиального или совещательного органа, если регламент посвящен данному органу); вид документа; дата; номер документа; место составления; заголовок к тексту; визы согласования документа; гриф утверждения.

В соответствии с Порядком наименование административного регламента определяется федеральным органом исполнительной власти, ответственным за его утверждение, с учетом формулировки соответствующей редакции положения нормативного правового акта, которым предусмотрена такая государственная функция (государственная услуга).

Наименование административного регламента формируется следующим образом: Административный регламент [наименование федерального органа исполнительной власти] по исполнению государственной функции, (предоставлению государственной услуги) [наименование государственной функции или государственной услуги]. Например, Административный регламент исполнения Федеральной налоговой службой государственной функции по регистрации в установленном порядке контрольно-кассовой техники, используемой организациями и индивидуальными предпринимателями в соответствии с законодательством Российской Федерации (утвержден приказом ФНС от 10.03.2009 № 19н); Административный регламент представления Федеральным агентством по информационным технологиям государственной услуги по подтверждению подлинности электронных цифровых подписей уполномоченных лиц удостоверяющих центров в выданных ими сертификатах ключей подписей (утвержден приказом Минкомсвязи РФ от 10.07.2009 № 92).

Большую проблему представляет увязка положений принимаемых регламентов с действующими правилами, инструкциями и другими нормативными актами. Как уже упоминалось, много вопросов вызывает существующее разделение административных регламентов на регламенты исполнения государственных функций и регламенты предоставления государственных услуг, а также, в частности их структура и информационное наполнение. Сама идея регламентации административных процедур не вызывает сомнения, но нет полной ясности в том, насколько детальной должна быть эта регламентация. Например, закрепление в регламенте требований не только к итоговому документу и срокам его подготовки, но и к отдельным действиям в рамках этой работы может препятствовать внедрению более совершенных управленческих технологий. Вряд ли можно считать оправданным включение в каждый регламент общих положений, касающихся оборудования служебных помещений, информационных материалов для посетителей, деловой этики.

В настоящее время в действующей редакции Общероссийского классификатора отсутствуют унифицированные системы документации федеральных органов исполнительной власти по выполняемым ими функциям и предоставляемым услугам. Проведенный же анализ административных регламентов федеральных органов исполнительной власти показывает, что при

реализации государственной услуги могут быть использованы как общие, так и специфические виды и разновидности документов, в частности в сфере социального обеспечения, занятости населения, имущественных отношений, жилищно-коммунального хозяйства и т. д. Отсутствие унификации негативно сказывается как на стороне, предоставляющей эти услуги в той или иной сфере, так и на потребителях – населении.

Одним из ключевых положений в организации работы с документами становится разработка органом исполнительной власти (федеральной службой, агентством) функциональных унифицированных систем документации. Эти системы должны утверждаться руководителем соответствующего министерства и входить в состав Общероссийского классификатора управленческой документации.

Разрабатывать данные системы надлежит на основании единой методики, поэтому методические рекомендации по разработке инструкций по делопроизводству должны иметь соответствующий раздел, в котором следует последовательно изложить методологию проведения подобной работы каждым конкретным органом исполнительной власти.

При исследовании правовой базы разработки административных регламентов выявлено, что основной федеральный закон об административных регламентах находится на стадии законопроекта. Вместе с тем в ходе административной реформы в Российской Федерации проводилась большая работа по упорядочению нормативно-правовой базы и деятельности управленческого аппарата, изданы некоторые основополагающие документы, которые были использованы в данной статье.

Анализ административного регламента как официального документа показывает, что речь идет о принципиально новом документе, детально прописывающем порядок решения вопроса, срок выполнения каждой процедуры, перечень документов, представляемых для решения вопроса и выдаваемых в результате решения, а также порядок работы с ними. По существу административные регламенты с позиции делопроизводства детализируют работу с документами при решении конкретных вопросов, дополняя, таким образом, инструкцию по делопроизводству, устанавливающую лишь общий порядок работы с документами.

Изложенное позволяет сделать вывод, что административные регламенты при использовании современных технических средств делают прозрачным порядок подготовки и решения вопроса, а также весь порядок составления, оформления документов и их прохождения в федеральных органах исполнительной власти.

Список литературы

1. Типовой регламент взаимодействия федеральных органов исполнительной власти : утв. постановлением Правительства РФ № 30 от 19 янв. 2005 г. // СЗ РФ. – 2005. – № 4. – Ст. 305.
2. Информационная технология. Управление организацией. Электронный регламент административной и служебной деятельности. Основные положения : ГОСТ Р 52294–2004 : утв. постановлением Госстандарта РФ № 138 от 29 дек. 2004 г. – М., 2004.
3. Рысков, О. И. Нормативная база управления документацией: 2005 год / О. И. Рысков // Справочник секретаря и офис-менеджера. – 2006. – № 3. – С. 37.

Секция
**ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЕ И СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ.
ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

А.В. Ермолаева
Поволжская академия государственной службы им. П.А. Столыпина
(Саратов, Россия)

**РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА И ЯЗЫКОВ НАРОДОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
СУБЪЕКТОВ РФ**

В статье на основании анализа положений федерального и регионального законодательства затрагиваются проблемы использования государственного языка Российской Федерации и государственных языков субъектов РФ при документировании деятельности органов государственной власти, а также при их взаимодействии с гражданами Российской Федерации.

Словосочетания «русский язык», «государственный язык», «официальный язык», «национальный язык» встречаются сейчас примерно в 70 действующих федеральных законах.

В соответствии с Конституцией РФ государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык [Конституция, ст. 68]. Следует подчеркнуть, что государственный язык РФ является языком, способствующим взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов РФ в едином многонациональном государстве. Но даже специальная статья не может определить правила функционирования русского языка. Тем не менее потребовалось 12 лет для того, чтобы был принят закон о государственном языке Российской Федерации [Федеральный закон № 53-ФЗ]. Одна из основных причин столь сложного рождения данного документа заключается в том, что опережающими темпами создавались законы субъектов РФ о других государственных языках. На протяжении длительного времени не хватало политической воли, чтобы развести общегосударственный язык – русский и иные государственные языки, которые действуют на территориях субъектов Федерации.

В соответствии с региональным законодательством государственные языки республик и русский язык могли функционировать на их территориях на равных условиях. Особенно наглядно это проявилось при регламентации порядка документирования деятельности организаций, расположенных на территории субъекта РФ. Данными законами устанавливалось, что при общении учреждений государственной власти и управления в пределах

республики могли использоваться государственные языки по усмотрению каждой из сторон. Языком внутреннего делопроизводства учреждений, предприятий и организаций, расположенных на территории субъекта РФ, мог являться один из государственных языков данной республики [Закон Республики Коми]

Отчасти этому способствовали положения, закрепленные в законе РФ «О языках народов Российской Федерации» [см.: 4]. Несмотря на наличие норм, регламентирующих обязательность использования государственного языка РФ в работе федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, организаций, предприятий и учреждений, в рассматриваемом законе имеются положения, которые могли трактоваться не однозначно. Как известно, в работе указанных структур широко используется документированная информация и ведение делопроизводства является неотъемлемой частью их деятельности. В статье 16 рассматриваемого закона установлено, что в республиках РФ официальное делопроизводство ведется на русском языке, как государственном языке РФ, а также на государственных языках данных республик, кроме того, в необходимых случаях и на языках народов РФ на территориях их компактного проживания. Поскольку в соответствии с законом порядок использования языков должен определяться как законодательством РФ, так и законодательством республик, подобная вариативность, а также отсутствие механизма реализации указанных положений на федеральном уровне способствовали их различному толкованию в регионах. Достаточно сложно представить себе организацию, которая бы в процессе ведения делопроизводства дублировала всю документацию на двух-трех языках.

Следует обратить внимание на термин «официальное делопроизводство», используемый в тексте закона. Термины и определения понятий в области делопроизводства и архивного дела установлены соответствующим ГОСТом, в котором присутствует только термин «делопроизводство», под которым понимается отрасль деятельности, обеспечивающая документирование и организацию работы с официальными документами [ГОСТ Р 51141-98]. Документы, созданные юридическим или физическим лицом, оформленные и удостоверенные в установленном порядке являются официальными документами. Исходя из этих определений делопроизводство всегда будет официальным. Использование термина «официальное делопроизводство» в рассматриваемом законе обусловлено, на наш взгляд, дифференциацией термина «делопроизводство» по отраслям – делопроизводство в судопроизводстве [ст. 18], делопроизводство в нотариальных конторах [ст. 19], делопроизводство в сфере обслуживания и коммерческой деятельности [ст. 22]. Исходя из содержания статьи 16 термин «официальное делопроизводство» у авторов закона ассоциируется прежде всего с применением системы организационно-распорядительной документации.

Одновременно следует обратить внимание и на положение, содержащееся в статье 17, согласно которому ведение официальной переписки между

государственными органами, организациями, предприятиями, учреждениями субъектов РФ с адресами в Российской Федерации должно вестись исключительно на государственном языке РФ. Однако представляется некорректным выделение в отдельную статью данной нормы, поскольку официальная переписка является неотъемлемой частью делопроизводства. Таким образом, следует констатировать, что, согласно нормам закона, входящие и исходящие документы (официальная переписка) должны оформляться на государственном языке РФ, а комплексы внутренних документов – в том числе и с учетом законодательства республик, предусматривающего использование государственного языка субъекта РФ.

Решению вопроса унификации ведения делопроизводства должны были способствовать положения, содержащиеся в федеральном законе «О государственном языке Российской Федерации» [Федеральный закон № 53-ФЗ]. В статье 3 п. 1 зафиксировано: «Государственный язык РФ подлежит обязательному использованию в деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности, в том числе в деятельности по ведению делопроизводства». Однако данная норма является несколько декларативной, поскольку не ясно, в какой степени должно осуществляться это «обязательное использование» поскольку в этом же законе речь идет о том, что эта обязательность не должна толковаться как отрицание или умаление права на пользование государственными языками республик и языками народов РФ [2, ст. 7]. Кроме того, остается не ясным, как эта норма соотносится с положениями закона РФ «О языках народов Российской Федерации», рассмотренными выше.

Следующий аспект, связанный с использованием языков в процессе документирования, касается реализации права граждан Российской Федерации на обращение в государственные органы и организации с предложениями, заявлениями и жалобами. В соответствии с действующим законодательством при оформлении обращения граждане имеют возможность использовать любой язык, которым они владеют. При этом ответ на обращение от соответствующих структур должен даваться на языке обращения. Однако «в случае невозможности дать ответ на языке обращения используется государственный язык Российской Федерации» [4, ст. 15]. Возникает ряд вопросов: какие это случаи и как можно дать ответ на, скорее всего, непонятное и непонятое обращение? Аналогичное критическое замечание можно высказать и в отношении отказа в ответе на обращение в случае, если текст письменного обращения не поддается прочтению [Федеральный закон № 59-ФЗ, ст. 11]. И, поскольку в федеральном законе «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ», в котором установлена эта норма, ничего не говорится о языке (языках), на котором граждане могут направлять в государственные органы, органы местного самоуправления или должностному лицу письменные предложения, невольно возникает вопрос: не поддается прочтению в силу незнания языка обращения или по какой-то другой причине?

В рамках данной статьи затронуты лишь некоторые аспекты, связанные с использованием государственного языка Российской Федерации и государственных языков субъектов РФ при составлении документов юридическими и физическими лицами. Однако и на основании приведенных примеров можно констатировать, что ряд положений российского законодательства в части использования государственного языка РФ в делопроизводстве имеют декларативный характер, поскольку отсутствует механизм, обеспечивающий унификацию составления официальных документов и организацию работы с ними. Тем не менее, в таком многонациональном государстве, как Российская Федерация, чрезвычайно важно выработать единый механизм информационно-документационного взаимодействия, особенно в деятельности юридических лиц, в том числе исполнительных органов государственной власти. Основным средством, безусловно, должен стать государственный язык Российской Федерации. Это подтверждает и мировой опыт, поскольку в странах, население которых составляют представители различных национальностей, вопрос по ведению делопроизводства однозначно решается в пользу применения государственного языка.

Список литературы

1. Конституция РФ. – 1993.
2. О государственном языке Российской Федерации : федер. з-н № 53-ФЗ от 1 июня 2005 г. // Российская газета. – 2005. – 7 июня
3. О государственных языках республики Коми : з-н республики Коми от 28 мая 1992 г..
4. О языках народов Российской Федерации : з-н РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 : в ред. ФЗ от 24.07.1998 № 126-ФЗ; от 11.12.2002 № 165-ФЗ // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 50. – Ст. 1740 ; СЗ РФ. – 1998. – № 31. Ст. 3804.
5. ГОСТ Р 51141-98. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения : принят и введен в действие постановлением Госстандарта России № 28 от 27 февр. 1998 г.
6. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : федер. з-н № 59-ФЗ от 2 мая 2006 г. // СЗ РФ 08.05.2006. – № 19. – Ст. 2060.

Т.Н. Гайдученко

**Казанский государственный энергетический университет
(Казань, Россия)**

РОЛЬ ДОКУМЕНТА В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье документ рассматривается как инструмент предпринимательской деятельности, раскрывается механизм влияния документационного обеспечения предпринимательской деятельности на экономическую эффективность бизнес – структуры.

В профессиональной деятельности предпринимателя управление является важнейшей функцией. М. Вебер, видя в предпринимательской деятельности

воплощение рациональности, основу этой рациональности находил в профессионализме, компетентности, наличии специальных знаний и навыков по их применению. [Вебер, 1990, с. 15]. Профессиональная компетентность – неотъемлемый атрибут всех управленческих кадров. При любой организационно-правовой форме осуществления предпринимательства управленческая деятельность включает следующие типовые элементы управленческого цикла: прогнозирование и планирование; принятие решений; организацию работ; координацию и регулирование; активизацию и стимулирование; контроль, учет и анализ. Деятельность предпринимателя на каждом из управленческих этапов основывается на анализе информации, источником которой часто является документ – один из важнейших предметов деятельности предпринимателя. Вместе с тем документ, фиксируя важнейшие этапы организации, развития и деятельности предприятия, является и одним из необходимых результатов деятельности предпринимателя. Специалисты-документоведы определяют документ как материальный носитель с зафиксированной на нем информацией с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать [ГОСТ Р 51141-98].

Максимально эффективное построение бизнес – процессов требует четкого распределения полномочий и установление зон ответственности персонала. Решение этой задачи требует разработки документов, фиксирующих должностные обязанности и ответственность для отдельных подразделений, четкое определение действий каждого работника на каждом этапе бизнес – процесса. В теории и практике документационного обеспечения управления существуют соответствующие виды документов, традиционно используемые для организации деятельности организаций, структурных подразделений, отдельных работников.

Методы управления – это способы и приемы управленческой деятельности, с помощью которых работа производственного предприятия и его членов направляется на достижение целей, стоящих перед объектом управления. В научной литературе в период становления рыночных отношений особое внимание уделяется экономическими и социально-психологическими методами управления. Вместе с тем, на наш взгляд, не утратили своих позиций и административно-правовые и организационно-распорядительные методы управления. Административно-правовые методы управления представляют собой совокупность средств юридического (правового и административного) воздействия на отношения людей в процессе труда. Осуществление этих методов гарантируется действующей системой государственных законов и нормативных актов.

Выполняя административную функцию, каждый руководитель регламентирует границы деятельности подчиненных ему работников, ставит задачи исполнителям и контролирует их выполнение. Административное воздействие определяется объемом полномочий, которыми наделен руководитель. Полномочия – это делегированное, ограниченное, присущее данной должности право распоряжаться ресурсами организации и определять действия работников.

Административные методы предполагают организационное и распорядительное воздействие.

Организационное воздействие выражается в четком распределении функций управления, установлении прав и обязанностей работников управления, регламентации основных процедур управленческой деятельности. В основе организационного воздействия лежат организационное регламентирование и организационное нормирование.

Организационное регламентирование устанавливает правила, обязательные для выполнения, и определяет содержание и порядок управленческой деятельности в соответствии с правовыми нормами и инструктивными материалами. В результате организационной регламентации каждый работник предприятия знает, что, как и когда ему делать; от кого он должен получать необходимые указания; кому и какие предоставлять сведения. Организационное регламентирование осуществляется посредством разработки организационных документов бизнес-предприятия: устава, учредительного договора, положений о структурных подразделениях, должностных инструкций, штатного расписания создающих основу для разработки организационной структуры, распределения прав и обязанностей руководства и сотрудников, распорядительной деятельности, установления конкретных заданий и контроля исполнения.

Распорядительное воздействие отражает динамику управления. Оно осуществляется в процессе функционирования системы и направлено на обеспечение эффективной работы аппарата управления, на поддержание системы в заданном режиме или переводе ее в более совершенное состояние. Распорядительное воздействие может быть выражено в виде устного или письменного распоряжения и иметь документальную форму в виде приказа, распоряжения изданного руководителем на основе единоначалия, решения коллегиального органа или договора. В них формируются задачи для подразделений, средства их решения и сроки. Действенность распорядительного воздействия зависит от своевременности и полноты информации о состоянии объекта и определяется организацией учета и контроля их исполнения.

К организационно-распорядительным методам относится расстановка кадров в соответствии с квалификацией и интересами каждого работника. Организационное и распорядительное воздействие осуществляется одновременно, дополняя друг друга.

Документ выполняет в бизнес-структуре и коммуникативную функцию. Служебное общение по горизонтали управления между сотрудниками и специалистами осуществляется посредством служебных, докладных, объяснительных записок. Для осуществления эффективной деятельности сотрудники должны владеть элементами профессионального составления управленческих документов, исключающего искажение информации передаваемой посредством документа.

Важной сферой деятельности предпринимательских структур является формирование коммуникативных связей с различными социальными

структурами, создание общественного имиджа бизнес-структуры. Одним из действенных средств данной деятельности является служебная переписка, включающая составление и оформление инициативных, ответных, рекламных, информационных писем. Не в последнюю очередь имидж организации зависит от того, насколько профессионально, грамотно и своевременно составляются все разновидности служебных писем направляемые коммерческим партнерам и клиентам.

Без документационного сопровождения невозможно и осуществление хозяйственной деятельности предпринимательских структур. Не будет преувеличением сказать, что основным документом, сопровождающим эту деятельность, является договор во всем его видовом многообразии. Этот вид документа характеризует повышенное требование к его юридической силе.

Таким образом, документ является неотъемлемым атрибутом предпринимательской деятельности. Поэтому для эффективного функционирования любого бизнеса необходимо организовать четкую, нормативно обоснованную, работу с документами. Организация работы с документами – это создание оптимальных условий для всех видов работ с документами с момента их создания или получения до уничтожения или передач в архив на хранение. Наиболее важными этапами работы с документами являются: первичная обработка и регистрация, рассмотрение документов руководителем, исполнение документов сотрудниками, контроль исполнения, создание справочно-информационной базы, систематизация документов, хранение документов в архиве организации. Целесообразность каждого этапа работы с документами прямо или опосредованно связана с экономической эффективностью бизнес-структуры.

Четкий учет поступающих, внутренних и исходящих документов посредством их регистрации дает возможность исключить потерю корреспонденции, распорядительных документов, договоров.

Рассмотрение документов руководителем позволяет ему владеть всей полнотой информации, содержащейся в документах.

Контроль исполнения документов исполнителями (сотрудниками, специалистами организации) в соответствии с их должностными компетенциями и полномочиями повышает исполнительскую дисциплину в производственном коллективе.

Справочно-информационная база по документам и их систематизация позволяет осуществить быстрый поиск документов по различным признакам в период оперативного хранения документов в структурных подразделениях либо на рабочих местах сотрудников организации.

Грамотная подготовка документов к передаче в архив и их хранение в архиве организации дает возможность при необходимости эффективно воспользоваться ретроспективной информацией о деятельности бизнес-структуры.

Современный уровень развития информационных технологий позволяет осуществлять как документирование деятельности предпринимательских

структур, так и организацию работы с документами с помощью персональных компьютеров и их соответствующего программного обеспечения.

Список литературы

1. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – С. 15.
2. ГОСТ Р 51141-98. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения.

Е.В. Булюлина

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ РАБОТЫ С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН В 1919–1920-е гг.

Статья посвящена деятельности местных органов Наркомата рабоче-крестьянской инспекции по рассмотрению заявлений и жалоб граждан в первые годы советской власти. Исследуется организация работы губернских бюро жалоб по документированию обращений граждан и решению вопросов, послуживших предметом заявлений и жалоб. Раскрывается значение бюро жалоб в защите прав граждан.

В России издавна сложилась традиция письменного обращения к власти по разным поводам: от челобитных и прошений царю до заявлений и жалоб большевистским вождям, в партийные и советские органы. Эта традиция сохраняется, хотя и в меньшей степени, и в настоящее время. В свою очередь, и властные органы всегда рассматривали работу с обращениями граждан одним из действенных средств надзора за деятельностью государственного аппарата и должностных лиц. Руководители Советского государства также уделяли работе органов государственной власти с заявлениями и жалобами граждан большое внимание. В.И. Ленин считал, что «дельные жалобы имеют серьезное значение и приводят к серьезным результатам» [Ленин, т. 50, с. 224]. По его инициативе VI Всероссийским съездом советов, состоявшимся 6–9 ноября 1918 г., было принято постановление «О точном соблюдении законов», в котором, в частности, говорилось о праве каждого гражданина Республики обжаловать действие любого должностного лица и любого советского учреждения [СУ РСФСР. 1918. № 9. Ст. 908].

В апреле 1919 г. в составе Наркомата государственного контроля было создано Центральное бюро жалоб и заявлений. На местах, при губернских отделениях госконтроля также создавались бюро жалоб и заявлений [СУ РСФСР. 1919. № 23. Ст. 271].

Деятельность местных бюро жалоб определялась декретом ВЦИК от 9 апреля 1919 г. В соответствии с декретом, жалобы и заявления должны были приниматься от всех без исключения граждан Республики в присутственные дни. Заявители могли подавать жалобы как устно, так и письменно. Устные жалобы заносились в журнал в присутствии посетителя, зачитывались ему и им подписывались. Никакими сборами и пошлинами заявления граждан не должны были облагаться. Жалобы и заявления должны были включать точные

сведения о заявителе и о лице или учреждении, на действия которого приносилась жалоба, а также перечень свидетелей и доказательств, подтверждавших жалобу, если такие были. К заявлению или жалобе могли быть приложены необходимые документы или копии, которые после рассмотрения возвращались заявителю.

Рассмотрению подлежали жалобы, в которых сообщалось о нарушениях или неисполнении декретов, распоряжений центральной власти, злоупотреблениях должностных лиц, канцелярской волоките, грубом обращении с гражданами, незаконных арестах, обысках, конфискации и реквизиции имущества граждан и т. д. Жалобы могли подавать не только потерпевшие, но также лица и учреждения, оказавшиеся свидетелями незаконных действий.

Не рассматривались жалобы на решения, приговоры и определения судебных органов, если только они не указывали на злоупотребления со стороны судей. Также не подлежали рассмотрению жалобы на постановления СНК и ВЦИК. Жалобы частного характера, между гражданами, должны были рассматриваться местными народными судьями.

Работа местных бюро жалоб и заявлений строилась следующим образом. Во главе бюро стоял заведующий, он имел заместителя. В состав бюро входили: юрисконсульт, контролеры, расследующие жалобу, по одному представителю от ВКП(б) и профсоюзов. Имелась канцелярия во главе с секретарем. Все поступившие жалобы регистрировались и передавались на предварительное рассмотрение заведующему или заместителю. Жалобы, признанные необоснованными, отклонялись, об этом уведомлялся жалобщик. Жалобы и заявления, требующие проверки, направлялись по распоряжению заведующего или заместителя в соответствующее государственное учреждение, ревизионный отдел губернского отделения госконтроля или сотруднику бюро жалоб для непосредственного расследования.

Рассмотренные жалобы со всеми материалами поступали для решения в общее присутствие бюро жалоб, которое выносило по ним постановление. Оно утверждалось заведующим губернского отделения госконтроля, после чего доводилось до заявителя и того учреждения или должностного лица, на которого жаловался гражданин. Постановление необходимо было исполнить в срок, указанный бюро. В случае неисполнения бюро сообщало в Центральное бюро жалоб или передавало дело судебным органам.

Местные бюро жалоб должны были в конце каждого месяца составлять отчет о движении жалоб по определенной форме в трех экземплярах: первый – в Наркомат госконтроля, второй – в Центральное бюро жалоб, третий – для публикации в местной газете. Чрезвычайно любопытна форма ежемесячного отчета, невольно отразившая и все болевые точки советской действительности, чреватые нарушениями прав гражданина, и возможных виновников этих нарушений:

- «Год, месяц, число, наименование отделения;
- общее число поступивших за месяц жалоб.

А. Предмет жалобы: а) самоуправство военных властей; б) действие земельных комитетов; в) чрезвычайный налог; г) реквизиция и конфискация; д) продовольственное дело; е) незаконные обыски и аресты; ж) недостатки транспорта; з) школьные беспорядки; и) канцелярская волокита.

Б. На кого принесена жалоба: а) чрезвычайные комиссии; б) военные власти; в) железные дороги; г) продовольственные отряды; д) сельские комитеты; е) совнархозы; ж) другие советские учреждения.

В. Кто подавал жалобы: а) крестьяне; б) рабочие; в) красноармейцы; г) советские служащие; д) торгово-промышленный элемент; е) бывшие помещики; ж) советские учреждения; з) крестьянские общества.

Г. Движение жалоб:

- оставалось от прошлого месяца;
- рассмотрено;
- находится в производстве.

Д. Результаты жалоб:

- устранение от должности виновного лица;
- возбуждение вопроса о предании суду;
- исключение из партии;
- поставлено на вид» [ГАВО. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 252. Л. 41].

В апреле 1920 г. Наркомат государственного контроля был преобразован в Наркомат рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ) [СУ РСФСР. 1920. № 16. Ст. 94]. За новым наркоматом сохранились все прежние обязанности органа государственного контроля, но структура и методы работы изменились. На местах были созданы отделения РКИ на правах отделов исполкомов советов, при них – бюро жалоб.

Ежегодно губернские бюро жалоб проводили анализ поступления и разрешения жалоб. Например, в 1927 г. в бюро жалоб Царицынской РКИ поступило 599 жалоб. Из них: на бюрократизм и волокиту – 31 %; небрежное и невнимательное отношение к трудящимся – 15 %; бесхозяйственность – 10 %; трудовые споры – 7 %; прочие – 37 %.

Из числа поступивших жалоб было: удовлетворено – 49 %; передано на рассмотрение в другие учреждения – 11 %; признано необоснованными – 27 %; осталось в производстве – 13 % [ГАВО. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 1068. Л. 209].

Для широкого освещения своей деятельности работники губернских РКИ выступали с докладами в партийных и советских органах, на страницах печати, собраниях рабочих и служащих, крестьянских сходах. Несомненно, государственные органы считали жалобы граждан своеобразным барометром общественной жизни.

Несмотря на то, что с официальной трибуны органы РКИ постоянно подчеркивали, что обращения граждан являются формой участия населения в государственном управлении, так как жалобы, в основном, касаются недостатков в работе государственных и хозяйственных органов, из доклада ОБЖ на заседании президиума ЦКК ВКП(б) и коллегии НК РКИ СССР 25 января 1929 г. следует, что более 53 % жалоб содержали просьбы личного характера.

Для граждан на местах подчас лишь вмешательство РКИ помогало в решении тех или иных вопросов. Например, крестьяне, объединившиеся в

кооперативное товарищество, собрали денег на приобретение запчастей для трактора. В губгосторге им отказали за неимением запчастей, хотя на складе торго они были. По просьбе крестьян был послан инспектор губРКИ, после чего кооперативное товарищество получило запчасти.

Заводоуправление Бекетовского лесозавода треста «Волго-Каспий-Лес» приняло на работу 32 подростка, они работали 7 месяцев, затем их рассчитали, не заплатив. Подростки обращались в профсоюз, их уполномоченный в течение года ходил по разным учреждениям, и лишь после вмешательства губРКИ они получили свои деньги.

По распоряжению Усть-Медведицкого окружного отдела народного образования была уволена учительница Попова как дочь священнослужителя, хотя общее собрание граждан станицы Кременской и школьный совет ходатайствовали за нее как за добросовестного и примерного работника. Бюро жалоб губРКИ приняло участие в этом вопросе, Попова была восстановлена на работе, ей выплачено содержание за все время с момента увольнения [ГАВО. Ф. Р-95. Оп.1. Д.24, 26].

Таким образом, создание бюро жалоб позволило органам власти придать организованный характер выражению недовольства граждан и направить его в определенное русло, получить источник информации о недостатках в работе государственного аппарата. Но значение деятельности бюро жалоб этим не исчерпывается. Работа с жалобами позволяла вскрывать факты грубого нарушения законности, облегчала доступ людей в государственные инстанции. Бюро жалоб смогли помочь многим гражданам защитить их права.

Местные бюро жалоб были упразднены вместе с ликвидацией НК РКК решением XVII съезда ВКП(б) в 1934 г. [СЗ СССР. 1934. № 9. Ст. 58.; № 12. Ст. 75].

Источники и список литературы

1. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). – Ф. Р-37. – Оп. 1. – Д. 1068. – Л. 209.
2. ГАВО. – Ф. Р-95. – Оп. 1. – Д. 24, 26.
3. ГАВО. – Ф. Р-95. – Оп. 1. – Д. 252. – Л. 41.
4. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. Т. 50 / В. И. Ленин. – С. 224.
5. СЗ СССР. – 1934. – № 9. – Ст. 58 ; № 12. – Ст. 75.
6. СУ РСФСР. – 1918. – № 9. – Ст. 908.
7. СУ РСФСР. – 1919. – № 23. – Ст. 271.
8. СУ РСФСР. – 1920. – № 16. – Ст. 94.

К.А. Белоконева

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

СИСТЕМА ДОКУМЕНТОВ, РЕАЛИЗУЮЩИХ КОНЦЕПЦИЮ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Анализ документов регионального уровня (законов, постановлений, решений) показал, что они являются дополнениями к документам федерального уровня, в них даются методические рекомендации, касающиеся

реализации государственной политики в сфере образования с учетом особенностей Волгоградской области (современной экономической ситуации, социального устройства и общего уровня развития региона). В статье рассмотрены две самостоятельные системы документов (федеральных и региональных), организованных по принципу уточнения, конкретизации; показано, что между этими системами существуют отношения содержательного соответствия, соподчинения.

В современном российском образовании происходят очевидные изменения, обусловленные осуществляемой в стране реформой, которая направлена на его модернизацию. Цель преобразований состоит в том, чтобы гарантировать конституционные права, свободы и интересы граждан в образовательной сфере, привести систему образования в соответствие с современными потребностями и запросами личности, общества и государства, что позволит создать предпосылки для дальнейшего развития российского образования, приумножив его достижения и сохранив лучшие традиции на основе сочетания государственной, общественной и частной инициатив. При этом особое внимание уделяется качеству образования среднего звена (в школах, лицеях, гимназиях), являющегося обязательным для каждого гражданина, где тесно связаны образовательный процесс и воспитание.

Для реализации политики в области образования, для достижения результатов необходимо четко понимать поставленные задачи, однозначно толковать тексты нормативно-правовых актов, эффективно использовать соответствующую управленческим процессам документацию.

Сказанное определяет необходимость проведения формального и содержательного анализа документов, их систематизации, что будет способствовать оптимизации профессиональной коммуникации и решению поставленных задач.

Концепция модернизации образования представлена в ряде разностатусных документов. Анализ этих документов с учетом их уровня (федеральный или региональный), хронологии и содержания, позволил провести их систематизацию.

Так, к документам федерального уровня относятся:

- **Конституция Российской Федерации** от 12 декабря 1993 г., которая закрепляет право каждого гражданина на образование;
- **Закон РФ «Об образовании»** от 10 июля 1992 г. устанавливает статус и принципы государственной политики в области образования; описывает систему образования;
- **Национальная доктрина образования в Российской Федерации** от 04 октября 2000 г. – основополагающий государственный документ, утверждаемый федеральным законом и устанавливающий приоритет образования в государственной политике, стратегию и основные направления его развития на период до 2025 года; определяет основные направления совершенствования законодательства в области образования и является основой для разработки программ развития образования;

- **Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года** от 11 февраля 2002 г. развивает основные принципы образовательной политики в России; взаимосвязана с основными направлениями социально-экономической политики Правительства РФ на долгосрочную перспективу и определяет приоритеты и меры реализации модернизации образования;
- **Приоритетный национальный проект «Образование»** от 05 сентября 2005 г. – комплекс плановых мероприятий, призванный ускорить модернизацию российского образования по двум основным направлениям: выявление и приоритетная поддержка лидеров нового качества образования и внедрение в массовую практику элементов новых управленческих механизмов и подходов;
- **Федеральная целевая программа развития образования на 2006 – 2010 годы** от 23 декабря 2005 г. – это комплекс мероприятий, охватывающих изменения в структуре, содержании и технологиях образования, системе управления, организационно-правовых формах субъектов образовательной деятельности и финансово-экономических механизмах; носит межотраслевой характер и направлена на все субъекты системы образования;
- **Концепция национальной образовательной политики Российской Федерации** от 03 августа 2006 г. представляет собой систему взглядов, принципов и приоритетов государственной образовательной политики, которые диктуются полиэтническим характером российского общества; определяет цели, принципы и приоритеты национальной образовательной политики Российской Федерации с тем, чтобы она была направлена на обеспечение межнационального согласия, единства и целостности России;
- **Указ Президента РФ «О проведении в Российской Федерации Года учителя»** от 10 марта 2009 г., где сказано, что 2010 год объявляется годом Учителя «в целях развития творческого и профессионального потенциала учителей, повышения социального престижа профессии учителя»;
- **Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа»**, утвержденная Президентом РФ от 04 февраля 2010 г. определяет основные направления развития общего образования: переход на новые образовательные стандарты; развитие системы поддержки талантливых детей; совершенствование учительского корпуса; изменение школьной инфраструктуры; сохранение и укрепление здоровья школьников; расширение самостоятельности школ.

Анализ документов федерального уровня показывает, что образование является приоритетной сферой в государственной политике РФ, а основным направлением развития образования в ближайшие годы является его модернизация. Это обуславливает изменения в структуре, содержании и технологиях образования, а также в системе управления образованием.

Федеральные документы имеют «стратегическое» значение, носят в основном плановый характер и рассчитаны на продолжительный период.

К документам регионального уровня относятся:

- **Закон Волгоградской области «Об образовании в Волгоградской области»** от 13 июля 2006 г. (заменяет Закон Волгоградской области от 21 сентября 1999 г. № 311-ОД «Об образовании») определяет компетенцию и ответственность государственных органов и должностных лиц в сфере образования Волгоградской области; систему образования Волгоградской области;
- **Закон Волгоградской области «О государственной молодежной политике в Волгоградской области»** от 22 июня 2001 г. устанавливает общие принципы создания правовых, социально-экономических и организационных механизмов осуществления государственной молодежной политики в Волгоградской области (например, в образовательных учреждениях поощряется деятельность молодежных и детских общественных объединений);
- **Закон Волгоградской области «О национальных отношениях на территории Волгоградской области»** от 13 сентября 2001 г. регулирует общественные отношения между гражданами различных национальностей, проживающими на территории Волгоградской области, а также их отношения с органами власти, возникающие в связи с реализацией прав и свобод, в том числе права на равные возможности получения образования в любом учебном учреждении независимо от их расовой, национальной и языковой принадлежности;
- **Постановление главы администрации Волгоградской области «О реализации комплексного проекта модернизации образования Волгоградской области на 2007–2009 годы»** от 17 апреля 2007 г. определяет основные направления модернизации образования Волгоградской области (введение новой системы оплаты труда работников общего образования, переход на нормативное подушевое финансирование общеобразовательных учреждений; развитие региональной системы оценки качества образования; развитие сети общеобразовательных учреждений региона: обеспечение условий для получения качественного общего образования независимо от места жительства; расширение общественного участия в управлении образованием, финансирование на реализацию комплексного проекта);
- **Решение Волгоградской городской Думы о комплексной муниципальной целевой программе «Мир дому твоему» на 2008 – 2010 годы** от 24 октября 2007 г. закрепляет необходимость создания условий для сохранения и развития в Волгограде стабильных, толерантных межнациональных и межконфессиональных отношений, способствующих профилактике проявлений экстремизма, развитию этнической самобытности и традиционных религий;

- **Постановление Администрации Волгоградской области «О долгосрочной областной целевой программе «Патриотическое воспитание граждан» на 2009–2011 годы»** от 23 ноября 2009 г. отражает план мероприятий по совершенствованию и дальнейшему развитию системы патриотического воспитания населения Волгоградской области, в том числе повышению качества патриотического воспитания в образовательных учреждениях.

Анализ документов регионального уровня (законов, постановлений, решений) показал, что они являются дополнениями к документам федерального уровня, в них даются методические рекомендации, касающиеся реализации государственной политики в сфере образования, исходя из особенностей Волгоградской области (в первую очередь, из современной экономической ситуации, социального устройства и общего уровня развития региона).

Таким образом, можно выделить две самостоятельные системы документов, организованных по принципу уточнения, конкретизации; в то же время между этими системами существуют отношения содержательного соответствия, соподчинения. Изучение функций и свойств этих документов, оптимизация документационных процессов, сопровождающих модернизацию образования, является актуальной задачей, требующей внимания специалистов-документоведов.

Е.Е. Саблина

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ДИСКУРСОВ СМИ

В статье рассмотрены и охарактеризованы следующие наиболее перспективные и актуальные методы изучения дискурсов СМИ: дискурс-анализ, контент-анализ, анкетирование, интервью-метод, фокус-группа.

В данной статье предпринята попытка обоснования наиболее перспективных и актуальных методов для анализа дискурса СМИ. В силу своей специфики СМИ рассматриваются как филологами, так и психологами (специальная отрасль психологии – медиапсихология). Иными словами, методы целесообразно разделить на филологические и психологические. Иногда они совпадают.

Что касается собственно психологических методов исследования дискурсов СМИ, то Л.Ф. Обухова выделяет два метода исследования мышления. Первый, генетический, трактуется как способ изучения уже сложившихся форм на разных возрастных ступенях развития психического процесса (пример, метод и теория интеллектуального развития ребенка Ж. Пиаже). Второй метод связан с исследованием психики (активное, управляемое формирование новых психических процессов). Разработка этого метода проведена П.Я. Гальпериным и его учениками. Добавим сюда

экспериментально-генетический метод Л.С. Выготского, которому принадлежала мысль превратить вещь в процесс [Обухова, 1972, с. 67].

Из всего набора методов и методик психологического и филологического исследования коммуникативной среды и субъектов коммуникации в дискурсах СМИ можно выделить следующие: дискурс-анализ, фокус-группа, анкетирование, беседа, интервью, включенное наблюдение, косвенное наблюдение, самонаблюдение.

Среди перечисленных главным выступает дискурс-анализ, наиболее популярный и отчасти модный в науке метод исследования текстов, радио- и телепередач, новостных блоков и статей. На дискурс-анализ ссылаются и популярный в США психолог Ричард Харрис. Он называет этот метод одним из исследовательских подходов к изучению содержания, применимого в лингвистике, антропологии и текстологии [Харрис, 2003, с. 286]. Исследователь замечает, что дискурс-анализом часто пренебрегают, поскольку исследования массовой коммуникации по традиции более тесно связаны с социальной, а не когнитивной психологией. Филологическое понимание дискурс-анализа было дано Е. Зайцевым, который определил данный подход как «текст в контексте», не ставя знака равенства между дискурс-анализом и анализом дискурса.

Для исследований СМК применим метод критического дискурс-анализа (термин Нормана Фэркло), который придает особое значение активной роли дискурса в конструировании социального мира. Критический дискурс-анализ исследует изменения как самих передач, так и восприятия аудитории. Дискурсивная психология также рассматривает критический дискурс-анализ с точки зрения определенного использования языка в социальном взаимодействии. Взгляд ученых на дискурс, дискурс-анализ и его применение предполагает изучение СМК не как разновидности коммуникации, процесса опосредованного общения, а именно как полноценного дискурса, формирующего социальные и культурологические границы сознания [Филиппс, 2004, с. 68].

Английский психолог Дэвид Гайлс перечисляет несколько основных психологических методов, которые могут применяться в современной медиапсихологии. Это традиционный эксперимент, метод обследования-осмотра, интервью, количественный и качественный анализ, наблюдение, этнография, анализ медиатекстов, дискурс-анализ. Ученый выделяет два направления или подхода к проблематике: один характерен для Северной Америки, другой для Европы. Экспериментальная традиция прочно обосновалась в США, а европейские ученые сосредоточились на самостоятельном и непосредственном изучении медиатекстов. К эксперименту в современной психологии ученые прибегают в том случае, когда есть необходимость изучить психологическое воздействие, эффект СМК. Одна из сфер, в которой медиапсихологи применяют эксперимент – когнитивный процесс движения медиаматериала (например, газетных заголовков или рекламных слоганов).

Неоценимую роль в изучении текстов массовой информации играет метод контент-анализа, или анализа содержания (от англ. content –

содержание). Основанный на статистическом подсчете специально выбранных единиц текста (причем не только вербальных), метод контент-анализа предоставляет исследователю массовой коммуникации самый широкий спектр возможностей.

Общая процедура контент-анализа обычно включает следующие этапы:

- 1) определение конкретных целей и задач исследования текста (например, выявление манипулятивных механизмов пропаганды в СМИ);
- 2) выделение значимых компонентов текста, берущихся за единицу подсчета в соответствии с целями и задачами исследования;
- 3) сбор достаточно репрезентативного объема текстового материала, предназначенного для обработки;
- 4) статистических подсчет выбранных знаков-символов (в процентах или абсолютных цифрах);
- 5) научная оценка полученных данных в связи с задачами исследования.

Высокий методологический потенциал контент-анализа обусловлен тем, что в роли единиц подсчета может выступать практически любой компонент текста массовой информации – как вербальный (слово, словосочетание, имена политических деятелей и т. д.), так и относящийся к медиаряду (повторяющиеся образы, аудио и видеофрагменты). Именно такой подход позволяет исследователю составить адекватное представление о социальной реальности, репрезентируемой средствами массовой коммуникации. Текст при таком подходе рассматривается в качестве объективированного опосредованного отражения социальных интересов и политических взглядов сторон, участвующих в процессе массовой коммуникации.

Долгое время в зарубежной психологии и общенаучных работах, посвященных СМК, господствовало мнение, что исследовать необходимо сам текст, а не его производство или восприятие. Считалось, что значения недвусмысленно включены в тексты, а получатели информации их пассивно воспринимают.

С 80-х годов прошлого века на Западе и в США использовался метод «человеческого счетчика» («people meter»), предполагавший звонки исследователя своему респонденту в так называемые ключевые моменты коммуникативной ситуации в течение наблюдаемого периода. Исследователь задавал респонденту вопросы, например, о частоте пользования телевизором. Это производилось как по телефону, так и по пейджеру. Таким способом собранная информация основой для большинства медиапсихологических исследований за рубежом.

Интервью-метод традиционно используется во многих странах для сбора качественных показателей. Интервью проводится в режиме «один на один» или с применением фокус-группы (например, при обсуждении, что люди думают об СМК, или о роли СМК в повседневной жизни).

Фокус-группы с 50-х годов прошлого века использовались в исследованиях СМИ как альтернатива проведению эксперимента, сначала для изучения эффектов радиовещания. Позже метод был адаптирован к рынку

исследований имиджа бренда, а также к политическим исследованиям (как инструмент для проведения избирательных кампаний). В последнее время в связи с растущей популярностью качественных исследований социальной науки за рубежом фокус-группы активно применяются как в исследованиях СМК (филологами), так и непосредственно в психологии.

Фокус-группы используются для обсуждения разных аспектов СМК (от «мыльных опер» и детского телевидения до политических дискурсов). Этот метод, по мнению западных ученых, достаточно перспективен, так как позволяет собрать наиболее богатый материал, нежели закрытые и обезличенные анкеты-опросники или данные, полученные после лабораторно контролируемых экспериментов.

Из перечисленных методов, применяемых в мировой психологии, медиапсихологии и филологии, для изучения дискурсов СМИ наиболее перспективны и актуальны, на наш взгляд, следующие: дискурс-анализ, контент-анализ, анкетирование, интервью-метод, фокус-группа. До сих пор считалось, что филологические подходы и методы к исследованию СМК заключались лишь в анализе содержания передач.

Перечисленным списком не исчерпываются все методы, методики и подходы к изучению современных дискурсов СМИ. Все зависит от специализации ученого и инструментария науки, в рамках которой проводилось то или иное исследование.

Список литературы

1. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика. Системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь) / Т. Г. Добросклонская. – М. : Флинта, 2008.
2. Новиков, К. Ю. Психология. Дети. СМИ: новое поколение в виртуальных мирах / К. Ю. Новиков. – М. : ИКАР, 2008.
3. Обухова, Л. Ф. Этапы развития детского мышления (формирование элементов научного мышления у ребенка) / Л. Ф. Обухова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972.
4. Филипс, Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод : пер. с англ. / Л. Дж. Филипс, В. Марианне. – М. : Гуманит. Центр, 2004.
5. Харрис, Р. Психология массовой коммуникации / Р. Харрис. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.

А.С. Деденева, А.С. Прокурина

Орловский государственный институт искусств и культуры (Орел, Россия)

РОЛЬ ДОКУМЕНТА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ УПРАВЛЕНИЯ БИБЛИОТЕКОЙ

В статье показано, что система библиотечной документации осуществляет информационное обеспечение основных функций управления библиотекой. От того, насколько оперативно и юридически грамотно подготовлен библиотечный документ, как он соотносится с действующими в библиотеке правовыми нормами, зависит результативность информационного обеспечения библиотечной деятельности. Качественно оформленная

документация – это составляющая успешной деятельности библиотеки, база для принятия управленческих решений при разработке оперативных и долгосрочных планов, при определении миссии библиотеки, ее позиционировании в современном обществе.

Библиотека является сложной социально-экономической системой, которую характеризует многоаспектность библиотечной деятельности как объекта управления. В библиотеке существует система органов линейного управления: дирекция, заведующие отделами, секторами, ведущие специалисты, главные библиотекари, библиографы и специализированные отделы: комплектования, обработки, обслуживания, научно-методический отдел. Объектом управления в библиотеке являются также технологические процессы: комплектования и обработки литературы, обслуживания пользователей, библиографирования, научно-исследовательская и научно-методическая работа, что требует постоянной координации деятельности.

В.Г. Дригайло выделяет в библиотеке пять управляемых подсистем:

1. Технологическая подсистема: библиотечно-библиографические технологии работы с документами и обслуживания пользователей (циклы, процессы, операции).

2. Организационная подсистема: организация условий труда сотрудников (средства и предметы труда, площади и т. п.).

3. Техническая подсистема: техническая оснащенность библиотеки.

4. Социальная подсистема: подбор, расстановка сотрудников, повышение квалификации (управление персоналом).

5. Экономическая подсистема: финансирование, экономические показатели деятельности, показатели нагрузки сотрудников, показатели эффективности деятельности библиотеки и ее структурных подразделений [Дригайло, 2001].

Осуществление управленческих функций невозможно без соответствующего информационно-документационного обеспечения. Информационное обеспечение управления библиотекой заключается в создании информационных условий функционирования системы управления, обеспечении ее необходимой информацией, средствами поиска, накопления, хранения, обработки, передачи информации и организации баз и банков данных. Для поддержки принятия решений на всех уровнях управления библиотекой необходима информация следующих видов:

1. Информация об организационно-функциональной структуре библиотеки включает:

- перечень подразделений;
- иерархия подразделений;
- основные функции подразделения;
- численность сотрудников в подразделениях;
- функциональное назначение подразделений и должностные обязанности отдельных сотрудников.

2. Информация о документах, участвующих в документообороте библиотеки, которые можно разделить на две группы:

- типовые нормативные документы;
- внутренние документы, существующие только в данной библиотеке и отражающие ее задачи и направления деятельности.

3. Информация о ведении учета, включающая:

- алгоритм формирования себестоимости и учет издержек;
- принципы построения управленческого учета;
- принципы построения бухгалтерского учета;
- схемы учета технологических процессов и операций.

4. Аналитическая информация, представляемая чаще всего в виде отчетов и научных докладов, подводящая итоги функционирования библиотеки за определенный период.

5. Статистическая информация о деятельности библиотеки, необходимая для проведения сравнительного анализа и прогнозирования.

6. Информация о «внештатных» ситуациях, причинах их возникновения и путях выхода из них.

Документированная управленческая информация является основой процесса управления библиотекой: от уровня организации сбора, обработки и передачи информации зависит эффективность управления, конечная зафиксированная форма управленческого решения – документ [Редькина, 2006].

В.Ф. Янковая предлагает различать следующие системы документации с точки зрения управления учреждениями: организационно-правовая; плановая; распорядительная; отчетная; договорная; информационно-справочная; обеспечивающая [Янковая, 2006]. Совокупность документов, обслуживающих функции библиотечного менеджмента, следует назвать «системой библиотечной документации», составляющими которой, по мнению Т.А. Зайцевой, являются организационно-правовая, плановая, распорядительная, справочно-информационная, отчетная [Зайцева, 2004].

В отличие от подхода Т.А. Зайцевой систему библиотечной документации более целесообразно структурировать исходя из информационного обеспечения управления функциональными подсистемами библиотеки: управленческая; организационно-технологическая; плановая; обеспечивающая. отчетная; договорная; кадровая документация.

Первую категорию составляют документы, обеспечивающие управленческие процессы в библиотеке. Согласно ГОСТ Р 6.30-2003 эти функции обеспечивает система организационно-распорядительной документации, представленная организационно-правовыми, распорядительными и информационно-справочными документами.

В библиотеке разрабатывается комплекс организационно-правовых документов, содержащих правила, нормы, положения, устанавливающие статус библиотеки, ее структуру, штатную численность и должностной состав, функциональное содержание деятельности библиотеки в целом, ее подразделений и работников, их права, обязанности, ответственность и другие важные аспекты для эффективного управленческого воздействия. Основная цель

разработки этой документации – рациональное разделение и кооперация труда между подразделениями и работниками библиотеки. К организационно-правовым документам относятся:

- штатное расписание;
- положение о библиотеке, положение о методическом совете библиотеки и т. д.);
- положения о структурных подразделениях: О читальном зале, Об информационно-библиографическом отделе, Об абонементе и т. д.);
- правила внутреннего трудового распорядка;
- должностные инструкции работников.

Система распорядительных документов призвана регулировать деятельность библиотеки. Регулирование деятельности необходимо для выполнения поставленных задач, программ, планов. Деятельность по регулированию необходима для устранения возникающих помех, отклонений от параметров, заданных плановыми документами. Главная задача – обеспечение согласованности в деятельности подразделений и должностных лиц. Решения, принимаемые в процессе регулирования, фиксируются в документах, составляющих систему распорядительной документации. Практика управления библиотечными подсистемами разного уровня оперирует в основном приказами, указаниями и распоряжениями, например, «О проверке библиотечных фондов», «Об утверждении плана мероприятий библиотеки на текущий год» и др.

Процесс принятия обоснованных управленческих решений основан на сборе и обработке объективной и достоверной информации. Информация о фактическом положении дел в системе управления библиотекой содержится в различных источниках, но важнейшее место среди них занимают информационно-справочные документы. Эта система документации выполняет можно сказать служебную роль по отношению к организационно-правовым и распорядительным документам. Они иницируют управленческие решения, дают право выбора способа действия [Янковая, 2006]. Отсюда большое видовое разнообразие этих документов: докладные, служебные, аналитические записки, переписка с издающими и книготорговыми организациями, справки сводки, акты. Например: акт-рекламация на документы, присланные без заказа; акт выбытия документов, акт проверки библиотечных фондов, протоколы, заявки на приобретение литературы и др.

Организационно-технологическая документация – это пакет документов, содержащих правила, нормы, положения, определяющие технологию деятельности библиотеки в целом и ее подразделений, в том числе технологические регламенты, порядок организации циклов внутри и между отделами, номенклатуру библиотечных технологических процессов и операций [Редькина, 2006].

К организационно-технологическим документам, относятся классификаторы процессов, операций, разрядов работ; технологические инструкции; маршрутные и операционные карты; технологические ведомости различного назначения; блок-схемы, графики, оперограммы и др.

Система организационно-технологической документации библиотеки представлена, например, следующими документами:

- Положения: «О формировании фондов библиотеки», «О системе каталогов и картотек» и др.
- Правила пользования библиотекой;
- Инструкции: «Библиографическое описание документов», «Основные положения классификации литературы и отражение ее в систематическом каталоге» и т. д.

Общим назначением плановой документации является установление целей и задач деятельности библиотеки, определение необходимых ресурсов, обеспечение функции планирования. Планироваться может деятельность библиотеки в целом, по отдельным направлениям и подразделениям. Каждое структурное подразделение библиотеки составляет план работы. По утвержденным планам всех отделов составляется сводный план работы библиотеки, который включает перечень намеченных мероприятий (обзоры, книжные выставки, Дни информации др.), их последовательность, объем, сроки исполнения. Например, «Тематико-типологический план комплектования» определяет работу по первичному и вторичному отбору литературы, способствует плановому и рациональному комплектованию и организации книжного фонда, определяет тематическую полноту комплектования, исключает возможность поступления в библиотеку непрофильных книг.

В систему отчетной документации входят документы, с помощью которых реализуется управленческая функция контроля за деятельностью. Контроль как функция управления заключается в количественной и качественной оценке результатов деятельности библиотеки, позволяет наладить обратную связь, что дает возможность корректировать ранее принятые решения, использовать результаты контроля при планировании.

Производственная деятельность библиотек отражается в первичных учетных библиотечных документах, которые образуют систему документации обеспечивающего типа. ГОСТ 7.35-81 «Библиотечная документация. Первичные учетные документы. Требования к оформлению бланков» в состав первичных учетных библиотечных документов включает инвентарную книгу, книгу учета библиотечного фонда, лист актового учета, карточку учета библиотечного фонда, карточку учета журнала, газеты, карточку регистрации пользователя, абонента межбиблиотечного абонементов, формуляр пользователя, книжный формуляр, листок читательского требования и др. На основе первичных учетных документов в библиотеке ведется внутренняя отчетность о выполнении планов, заданий, разовых поручений, проведенных мероприятиях. Примерами являются отчеты структурных подразделений, информационный и статистический отчеты библиотеки.

В процессе осуществления своей деятельности любая библиотека вступает во взаимоотношения с другими организациями и лицами для реализации основных целей и задач по оказанию библиотечно-

информационных услуг, для сотрудничества друг с другом, с органами научно-технической информации, архивами, другими организациями, которые имеют информационные банки данных разных уровней, ведут международный книгообмен. Порядок взаимодействия определяется действующим законодательством, федеральными государственными программами. Взаимоотношения библиотеки с внешними контрагентами осуществляется с помощью договоров.

Кадровые документы ведутся всеми библиотеками, независимо от их организационно-правовой формы, сферы деятельности и численности персонала. По функциональному назначению кадровую документацию можно разделить на следующие группы:

- внутренние локальные нормативные акты: определяют общие принципы работы организации и обязательны для исполнения всеми сотрудниками библиотеки: положения, инструкции, постановления и др.;
- информационно-расчетные документы: содержат информацию, на которой базируются расчеты различного характера, и документы, служащие для сохранения необходимых для работы сведений (графики, таблицы, расчетные листы и т. д.);
- документы, подтверждающие трудовую деятельность работников, согласно трудовому и пенсионному законодательству;
- распорядительные документы: готовятся работодателем для передачи определенных распоряжений персоналу библиотеки: приказы, распоряжения, постановления, указания;
- журналы контроля и учета: для учета и регистрации документов, служащие для установления на документах определенного регистрационного индекса и придающие кадровым документам юридическую силу в трудовых спорах.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: система библиотечной документации осуществляет информационное обеспечение основных функций управления библиотекой. От того, насколько оперативно и юридически грамотно подготовлен библиотечный документ, как он соотносится с действующими в библиотеке правовыми нормами, зависит результативность информационного обеспечения библиотечной деятельности. Качественно оформленная документация – это составляющая успешной деятельности библиотеки, база для принятия управленческих решений при разработке оперативных и долгосрочных планов, при определении миссии библиотеки, ее позиционировании в современном обществе.

Список литературы

1. ГОСТ 7.35-81 Библиотечная документация. Первичные учетные документы. Требования к оформлению бланков. – М. : Изд-во стандартов, 1981. – 2 с.
2. ГОСТ Р 6.30-2003. Унифицированные системы документации. Система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов. – М. : Изд-во стандартов, 2003. – 19с.
3. Дригайло, В. Г. Основы управления библиотекой высшего учебного заведения : монография / В. Г. Дригайло, Е. В. Башун, В. Н. Волюнец. – Киев : Политехника, 2001. – 389 с.

4. Зайцева, Т. В. Современные методики делопроизводства в библиотеке : учеб.-метод. пособие / Т. В. Зайцева. – М. : Либерия, 2004. – 128 с.
5. Редькина, Н. С. Организационно-технологическая документация в библиотеке: лекция для системы повышения квалификации библиотекарей / Н. С. // БИБЛИОСФЕРА. – 2006. – № 3. – С. 47–53.
6. Сулова, И. М. Стратегическое управление библиотекой / И. М. Сулова. – М. : МЦБС, 2008. – 256 с.
7. Янковая, В. Ф. Документы и системы документации / В. Ф. / Янковая / Секретарь-референт. – 2006. – № 1. – С. 13–16.

Н.А. Дьяченко
г. Волгоград

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ МЕНЕДЖЕРОВ

Отмечается, что современная русская речь испытывает колоссальный натиск грубого просторечия. В связи с этим особенно актуальным становится интерес к изучению состояния языка студенческой среды, представленной будущими специалистами экономического профиля. Анализируется ситуация формирования речевой компетентности будущих менеджеров в современных вузах. Приводятся примеры из учебной практики, подтверждающие низкую речевую культуру студентов. По мнению автора, одним из условий успешного решения этой проблемы является введение в учебные планы по всем специальностям дисциплин «Культура деловой речи», «Стилистика деловой речи», «Деловое общение».

Аннотация: Отмечается, что современная русская речь испытывает колоссальный натиск грубого просторечия. В связи с этим особенно актуальным становится интерес к изучению состояния языка студенческой среды, представленной будущими специалистами экономического профиля. Анализируется ситуация формирования речевой компетентности будущих менеджеров в современных вузах. Приводятся примеры из учебной практики, подтверждающие низкую речевую культуру студентов. По мнению автора, одним из условий успешного решения этой проблемы является введение в учебные планы по всем специальностям дисциплин «Культура деловой речи», «Стилистика деловой речи», «Деловое общение».

Одной из главных задач, провозглашаемых сегодня руководителями российского образования, является повышение его качества. Трудно возразить что-либо против этого: ведь такая задача решалась и будет решаться всегда. Но существует реальная опасность того, что это самое качество будет навсегда утрачено или сохранится лишь дискретно, и рассуждение Митрофанушки времен Д.И. Фонвизина: «Дверь действительна или прилагательна?» – в условиях культивируемой безграмотности станет актуальным.

Практика показывает, что в настоящее время образовался значительный разрыв между гармоничной, гибкой, богатой системой современного русского языка и ее реализаций в разных функциональных стилях современной русской речи. С одной стороны, существует иллюзия полной свободы языковой

личности в выборе слов, форм, конструкций, в проявлении собственного языкового вкуса. С другой, эта свобода подавляется речевым шаблоном. Современная русская речь испытывает колоссальный натиск грубого просторечия. Это характерно не только для обиходного общения, но и для газетных жанров, эфира и даже профессиональной речи. Можно констатировать, что разнообразные СМИ грешат если не малограмотностью, то легкомысленным отношением к нормам русской речи; безграмотность рекламы не знает границ, даже дикторы радио и телевидения не всегда придерживаются лексических норм. Некоторые журналисты и критики предлагают легализацию сквернословия. Эти процессы даже объявляют «демократизацией» русского языка, который якобы «отстал от жизни»! За этими лозунгами чаще всего стоит элементарная безграмотность, незнание норм современного русского языка, убогость личного лексического запаса.

На фоне общего оскудения русской речи особенно актуальным становится интерес к изучению состояния языка студенческой среды, представленной будущими специалистами экономического профиля. Тот факт, что 70 % работы менеджера связано с речевыми коммуникациями, является аксиомой современной деловой риторики. Профессор М.В. Колтунова, характеризуя культуру профессиональной речи как экономическую категорию, утверждает: «Высокая культура и развитая экономика в передовых странах неотделимы друг от друга. И наоборот, низкая речевая культура общества определяет соответствующий уровень развития и эффективности экономики». [Колтунова 2000:7].

Речевая компетентность, являясь основой конструктивной профессиональной коммуникации, бесспорно, способствует повышению деловой активности, максимальной реализации профессиональных знаний, формированию позитивного имиджа менеджера.

Какова же фактическая ситуация в современной образовательной среде? К сожалению, словарный запас наших студентов стремительно сокращается, а количество сомнительной (с точки зрения нормативности) лексики в нем возрастает. Так, вполне успешный студент в разговоре с преподавателем употребляет слово «блин», нисколько не задумываясь, что это скверное слово. Невозможно пройти мимо «сорных» слов «*как бы*», «*чисто*». Они бездумно, механически употребляются студентами в разных формах и жанрах речи и искажают любое высказывание: *Я как бы занимаюсь спортом с детства. Они как бы выполнили задание. Мы сделали это чисто своими силами.* Студенты слышат литературную речь, в основном, на уроках. После занятий наше юношество сразу обрубаёт свои связи с нормативной языковой средой и замыкается в среде молодежной, говорящей на своем сленге. Родители, даже если они и владеют литературной речью, транслируют ее главным образом в жанре нотаций. Преподаватели специальных дисциплин часто сосредоточены только на своем предмете: отчитал спецдисциплину на должном уровне – и удовлетворен. Нередко им в голову не приходит удостовериться, понимает ли студент значение всех слов, которые звучали в лекции? Нами был проведен небольшой эксперимент: студентам вполне успешной по успеваемости группы экономического факультета (будущим

менеджерам) было предложено расставить ударение в словах и объяснить их значение. Выборка слов осуществлялась из учебников по тем дисциплинам, которые изучаются студентами по специальности. Результат был неожиданным! Студенты затрудняются в определении многих понятий: 70 % опрошенных не знали значение слов *альянс, демагогия, дотация, стагнация, нувориш*; 50 % – неправильно дали определение словам *авторитарный, консенсус, девальвация, кооперация* и др. Были неверно расставлены ударения в словах *трубопровод, каталог, облегчить, звонит, нувориш* и др.

Проведенные нами наблюдения позволяют утверждать, что значимой целью образовательного процесса учреждений, дающих профессиональное образование, становится создание оптимальных условий, способных содействовать адаптации будущих специалистов к профессиональному императиву речевой компетенции. Учитывая то, что понятие «культура речи» в образовательном процессе неязыкового учебного заведения имеет несколько эмпирическую трактовку, к сожалению, не укладывающуюся во временные рамки реального учебного процесса (в лучшем случае дисциплина изучается в течение одного семестра), а конъюнктура рынка труда сконцентрирована на требовании высокой компетентности специалистов, мы полагаем, что именно речевая компетентность на сегодняшний день и является той категорией, которая определяет степень развития речи студентов неязыковых образовательных учреждений.

По нашему мнению, одним из условий успешного решения этой проблемы является введение в учебные планы по всем специальностям (как СПО, так и ВПО!) дисциплин «Культура деловой речи», «Стилистика деловой речи», «Деловое общение». И что же мы находим в проектах новых федеральных государственных образовательных стандартов для СПО? В обязательной части общего гуманитарного и социально-экономического цикла основной профессиональной образовательной программы по специальности 080201 «Менеджмент» (по отраслям) как базовой, так и углубленной подготовки дисциплины, связанные с изучением русского языка и культуры речи, не предусмотрены.

Обосновывая актуальность задачи формирования речевой компетентности будущих менеджеров, подчеркнем, компетентностный подход к образованию сегодня претендует на роль концептуальной основы политики, проводимой в сфере образования (А.Л. Андреев, В.А. Болотов, Э. Зеер, В.В. Сериков, А.К. Маркова и др.).

Исходя из того, что любой образовательный процесс контекстно обусловлен, можно утверждать, что основополагающим подходом к решению задачи формирования речевой компетентности является контекстный (или ситуационный) подход (А.А. Вербицкий). Сущность контекстного подхода заключается в динамическом моделировании предметного и социального содержания профессионального труда, обеспечивая тем самым условия трансформации учебной деятельности студента в профессиональную деятельность специалиста. Согласно данному подходу, целенаправленное освоение какой-либо профессиональной деятельности человека невозможно вне контекста его жизненной ситуации, в которую включаются не только он сам, но и

внешние условия, другие люди, с которыми он находится в состоянии межличностного взаимодействия. Совокупность всех этих элементов составляет контекст, придающий личностное значение и смысл данной ситуации. Моделирование в учебной деятельности студентов ситуаций профессиональной деятельности позволяет ввести содержание будущего труда в контекст реальных учебных и жизненных отношений, следовательно, способствует не только усвоению и творческому определению знаний, но и принятию их как средств профессиональной и личностно значимой деятельности. Методология анализа образовательного контекста (ситуации) универсальна и включает в себя аспекты характеристики требований, диктуемых внешней средой (чему необходимо обучать); объекта обучения (кого обучать); концепции обучения (продуцируется личностью обучающегося); подходов к обучению, условий и технологии обучения (чему и как обучать на данном этапе). С точки зрения ситуационного подхода, выбранные педагогом методы и приемы формирования речевой компетентности не могут претендовать на универсальность, они должны варьироваться в зависимости от ситуации.

На наш взгляд, ситуационный подход близок субъект – субъектному подходу, т. к. учебный процесс продуцируется коллективным субъектом: обучающим и обучаемым. «Субъектный подход отвечает логике гуманизации образования, которая является ведущей тенденцией его совершенствования. Данная тенденция связана с обращенностью к человеку, созданием условий для проявления и развития его индивидуальности, попыткой обеспечить успешность процесса самоактуализации личности обучаемого» [Никитина 2002: 3]. Так мы приходим к пониманию важности для формирования коммуникативной компетентности и личностно ориентированного подхода (Н.А. Алексеев, Е.В. Бондаревская, В.В. Сериков, И.С. Якиманская и др.), определяющего двусторонний характер педагогического взаимодействия (личность педагога и личность студента). Такой подход предполагает ориентацию педагогического процесса на потребности и возможности личности. Основными характеристиками его являются самопознание (рефлексия) и саморазвитие как формы самопроявления личности.

Таким образом, можно говорить о необходимости применения комплекса взаимосвязанных подходов для формирования речевой компетентности budding специалистов-менеджеров.

В свою очередь, высокий уровень коммуникативной компетентности специалиста является не только необходимым критерием его конкурентоспособности, но и условием сохранения культуры социума, ибо только общество, то есть носители русского языка, в силах преодолеть кризис в отношении к собственной речевой культуре.

Список литературы

1. Колтунова, М. В. Язык и деловое общение: Нормы, риторика, этикет : учеб. пособие для вузов / М. В. Колтунова. – М. : Экономика, 2000.
2. Никитина, Н. Н. Основы профессионально-педагогической деятельности : учеб. пособие для студ. учреждений сред. проф. образования / Н. Н. Никитина, О. М Железнякова, М. А. Петухов. – М. : Мастерство, 2002.

Секция
**ЦЕНТРАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ СМИ
В СОВРЕМЕННОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

О.А. Прохватилова
Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

**РЕЧЕВАЯ ПРАКТИКА РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ:
НОРМАТИВНЫЙ АСПЕКТ**

В докладе предлагается краткий обзор результатов мониторинга нарушений норм культуры речи в печатных СМИ г. Волгограда и Волгоградской области. Дается описание выявленных типов ошибок, характерных для региональных печатных СМИ, показана специфика наиболее частотных нарушений норм словоупотребления, грамматики и пунктуации.

Известно, что речевая практика средств массовой информации, с одной стороны, отражает процессы, происходящие в речевой практике общества в целом, а с другой – оказывает существенное влияние на формирование норм речевого поведения, языкового вкуса его членов. Это связано с возросшим статусом речи, порождаемой СМИ: художественная литература, которая должна была играть главную роль в речевой жизни человека, сейчас по ряду причин оказалась оттесненной на второй план тем речевым массивом, который формируется прессой.

В этих условиях становится важным наблюдение над речевой практикой современных средств массовой информации, анализ того, как обращаются с ресурсами языка работающие в масс-медиа специалисты, насколько высока их речевая культура, так как, по справедливому замечанию А.П. Сковородникова, нормальное состояние национального языка, тем более – языка государственного, каким является русский язык, высокий уровень речевой культуры – показатели благополучного состояния общества.

На базе Лаборатории практической стилистики и редактирования Волгоградского государственного университета в течение двух лет проводился эколингвистический мониторинг нарушений норм культуры речи в региональных печатных СМИ. Для того чтобы выявить соотношение общелитературной нормы и речевой практики средств массовой информации города и области, были проанализированы выпуски шести городских и восьми районных газет и собрана база данных, насчитывающая более 3 500 единиц.

Научная экспертиза материалов мониторинга позволила зафиксировать на страницах волгоградских газет ошибки 11 типов: нарушения общелитературных норм языка (лексические, грамматические, словообразовательные, фразеологические ошибки, ошибки в фонике, орфографические и пунктуационные ошибки), отклонения от стилистических

норм (стилистические ошибки), собственно речевые ошибки (графические, логические, фактические), что, безусловно, свидетельствует о невысоком уровне речевой культуры региональных печатных СМИ.

Было установлено, что в городских и районных печатных СМИ представлены одни и те же типы отклонений от существующих норм. Обращает на себя внимание повторяющаяся в обоих типах изданий триада наиболее частотных ошибок, а именно: нарушений норм словоупотребления, грамматики и пунктуации. В городских печатных изданиях эта триада представлена в следующей последовательности: пунктуационные – лексические – грамматические ошибки. В районных СМИ наиболее частотными оказываются нарушения лексических норм, поэтому триада наиболее частотных ошибок выглядит следующим образом: лексические – пунктуационные – грамматические ошибки.

Обобщение полученных данных обнаруживает, что в региональной прессе особую трудность вызывает соблюдение норм словоупотребления. Как известно, ошибки в словоупотреблении, или лексические ошибки, могут возникать при употреблении слова в несвойственном ему значении либо при контекстном расширении или сужении значения слова (например, при неразличении родовых и видовых понятий); в случае незнания норм лексической сочетаемости; при смешении паронимов, омонимов, антонимов; вследствие ошибок в употреблении иноязычных слов. Лексические ошибки приводят к нарушению точности, ясности, логичности речи.

До недавнего времени общим местом в исследованиях, посвященных нормативному аспекту языка современных СМИ, было положение о доминировании ошибок, связанных с использованием иноязычной лексики. Наш материал дает основание утверждать, что сегодня картина изменилась. Наиболее частотным лексическим отклонением от нормы в региональных печатных СМИ является речевая избыточность, о чем свидетельствуют многочисленные примеры плеонастических оборотов, в которых значение одного слова дублирует смысловой компонент, входящий в значение другого, и тавтологических сочетаний, основанных на неоправданном повторе однокоренных слов. Приведем примеры:

*Хочу **поблагодарить** и **сказать спасибо** за участие в проведении новогодних праздников ученицам 9-го класса ЧСШ № 1 Брызгалиной Любови и Авдеевой Светлане, а также односельчанам Бабельковой Л. В., Козловой Г. Н., Подзоликиной Т. Т. ..* («Спутник», 20–23.01.2007);

*В общей сложности **продолжительность стаж**а в органах внутренних дел составила у него три десятилетия – солидный промежуток времени, когда перемежалось всё: волнения на службе, заботы о семье...* («Даниловские вести», 18.01.2007);

*Надо отметить, что местное самоуправление у нас **возглавили главы** КФХ...* («Заволжье», 06.01.2007);

Театр юного зрителя представил вниманию зрителей... («Вечерний Волгоград», 03.03.2006);

*Но я ни разу не пожалела, что **работаю в милиции**. Эти 10 лет, что я **работаю в милиции**, пронесли как один день... («Вечерний Волгоград», 03.03.2006);*

*...и после почти 80-летнего перерыва вновь открылся храм святой Татьяны при Московском университете, а в актовом зале старого здания на Моховой возобновилось вручение 25 января Шуваловских и Ломоновских премий, и так же весело и бесшабашно **празднует** студенчество свой **праздник**... («Прихоперье», 25.01.2007);*

*К тому же **часто в частном** секторе владельцы вместо предохраниителей используют жучки... («Даниловские вести», 30.01.2007)*

*А вот для тех, кто родился в 1967 году и после, роль и **значение** накопительной части более **значимы**... («Заволжье», 18.01.2007).*

Приведенные и подобные примеры показывают, что содержательная избыточность высказывания возникает в результате небрежного, невнимательного отношения журналистов к языку собственных произведений, к отбору лексических единиц в рамках предложения и текста.

Данные мониторинга дают основания утверждать, что в региональных печатных СМИ, наряду с речевой избыточностью, широко представлены и лексические ошибки, связанные с нарушением норм лексической сочетаемости. Например:

*Даже участие чемпионов России-95 во второй лиге под **сильным вопросом**... («Вечерний Волгоград», 03.03.2006);*

*В какой-нибудь Норвегии любой, даже **чуть выигравший** лыжник – звезда... («МК в Волгограде», 01–08.03.2006);*

*Да и вообще, видели бы вы их города, например, Бомбей, на улицах которого, весело **прожигая** жизнь и **тонны мусора**, живёт треть населения... («МК в Волгограде», 01–08.03.2006);*

*Нина Петровна, инвалид первой группы, из Ворошиловского района **приносит благодарность** нашему коллеге... («Вечерний Волгоград», 03.03.2006);*

*Первый звонок **трещит** **призывным гонгом**... («Вечерний Волгоград», 24.03.2006);*

*Он **питается адреналином**. Как наши герои. Которым, впрочем, подражать без спецподготовки не советуем... («Молодой. Свежее решение», 09.03.2006).*

Ошибки такого рода свидетельствуют о недостаточной языковой компетенции пишущего, слабом знании общелитературных норм.

Несоблюдение норм пунктуации – второй по распространенности тип ошибок в текстах региональных СМИ. При этом встречаются три разновидности нарушений правил пунктуации: 1) отсутствие знака препинания в том месте предложения, где, согласно пунктуационным нормам, он должен стоять; 2) употребление неверного знака препинания; 3) использование знака препинания в случаях, когда он не должен ставиться по норме. Назовем наиболее частотные для региональных печатных изданий отклонения от пунктуационных норм.

Так, отсутствие необходимых знаков препинания, по нашим наблюдениям, отмечается обычно при оформлении конструкций с вводными словами, например:

Герой игр на наш взгляд – лыжник Евгений Дементьев... («МК в Волгограде», 01–08.03.2006);

Самая серьёзная проблема даже для самых на первый взгляд благополучных наших хозяйств – это ценовые ножницы... («Волгоградская правда», 03.03.2006);

Поэтому не понимаю, как можно было нас, по выражению Трефилова «затоптать»... («Вечерний Волгоград», 03.03.2006).

Кроме этого, высокий процент ошибок возникает в предложениях с определениями, стоящими в постпозиции по отношению к определяемому слову и требующими обособления. В этих случаях, как показывают материалы мониторинга, необходимый знак препинания зачастую отсутствует. Например:

В вашей жизни наступает период благоприятный для серьезной работы, но излишняя горячность отстоять свое собственное мнение может втянуть вас в конфликт с теми людьми, от которых зависит ваше будущее... («Интер», 02.03.2006);

...перечислены в Волгоградское отделение Российского детского фонда на нужды детей больных сахарным диабетом... («Вечерний Волгоград», 02.03.2006);

...копия платежного документа с отметкой банка об использовании подтверждающая внесение заявителем установленной суммы задатка... («Прихопёрье», 16.01.2007);

Заросли камыша, болото – печальная картина еще недавно молчащая в самом центре нашего поселка... («Авангард», 01.01.2007).

К числу частотных пунктуационных ошибок в текстах региональных СМИ следует отнести и употребление неверных знаков препинания в бессюжных предложениях, например:

По результатам 2005-го его вкладчики оказались в убытке, процентная ставка не перекрыла инфляцию... («Волгоградская правда», 01.03.2006);

На прошлой неделе в РОВД Ворошиловского р-на пришел 15-летний школьник. Да не с пустыми руками – в пакете подросток принес целый арсенал оружия... («Волгоградская газета», 14.03.2006);

Но даже в этой ситуации нужно признать – пятое место великолепный результат... («Молодой. Свежее решение», 16.03.2006);

Этот проект пока самый доступный и относительно выгодный, многие еще не могут покупать тракторы и комбайны, выплачивая их стоимость сразу... («Волгоградская правда», 22.03.2006).

Ошибки такого рода возникают вследствие неправильной оценки характера смысловой связи между частями бессоюзного предложения, что приводит к появлению семантически немотивированных знаков препинания.

Что касается такого отклонения от существующих пунктуационных норм, как использование «лишнего» знака препинания, то, по данным мониторинга, в региональных СМИ оно фиксируется в самых разных позициях: между подлежащим и сказуемым, между соединенными одиночным союзом «и» однородными сказуемыми, между не являющимися однородными определениями и .т. д., например:

Укрепляются и обновляются ограждения объектов, усиливается их охрана, на вокзалах, причалах, крупных мостовых переходах... («Волгоградская правда», 17.03.2006);

У нас нет никаких: дополнительных сборов и комиссий!.. («Даниловские вести», 20.01.2007);

Мама у меня очень любит Татьянин день, и всегда дарит мне подарок на этот праздник... («Прихопёрье», 25.01.2007);

А вообще в уходящем году они продали населению около сорока розовых, шустрых поросят... («Авангард», 01.01.2007).

Третий тип характерных для региональных печатных изданий ошибок – нарушения грамматических норм. Они могут быть связаны либо с неправильным образованием и употреблением грамматических форм слов, либо с нарушениями в построении словосочетаний и предложений. Как показывает анализ материалов мониторинга, наиболее распространенными в текстах СМИ региона являются ошибки в управлении, согласовании и в выборе порядка слов в предложении. Например:

*Общий уровень государственной поддержки сельскохозяйственных предприятий **остается** по-прежнему **низкий**... («Даниловские вести», 09.01.2007);*

*Потом, правда, перевелся на юрфаке на заочное, благополучно отучился, **поступил и закончил аспирантуру...*** («Вечерний Волгоград», 24.03.2006);

*...издавались две основные газеты, **было еще пара** мелких...* («Вечерний Волгоград», 28.03.2006);

*В области наш район **будут предоставлять Софья Красюк**, выпускница школы № 1, занявшая первое личное место по биологии...* («Заволжье», 16.01.2007);

*Василий Михайлович пояснил: **возгорание** произошло из-за короткого замыкания электропроводки, **устраненное в считанные минуты...*** («Авангард», 19.01.2007);

*Нина Петровна, инвалид первой группы, из **Ворошиловского района** **приносит благодарность** нашему коллеге...* («Вечерний Волгоград», 03.03.2006);

*Я во все горло попросила **опровергнуть пассажиров фразу** о том, что...* («Волгоградская правда», 03.03.2006).

Результаты мониторинга позволяют выявить слабые места и стороны в общественно-речевой практике: недостаточное владение культурно-речевыми нормами, слабый контроль и оценка собственной речи, отсутствие внутренних санкций против нарушений общелитературных языковых норм, недостаток квалифицированных кадров, имеющих специальную подготовку, связанную с навыками и умениями редакторской и корректорской практики. Безусловно, в Волгограде и области необходимо создание инфраструктуры, обеспечивающей распространение и поддержание необходимого для нормального развития региона уровня владения русским литературным языком.

О.Г. Шильникова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

НАЗВАНИЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЖУРНАЛА КАК БРЕНД

Название журнала рассматривается как неотъемлемый компонент литературно-художественного издания. Выявляется роль логотипа в генерировании образно-символической семантики журнального контекста и механизм его участия в формировании цельности восприятия журнального континуума, анализируются возникающие при этом аудиторные эффекты.

Журнальный контекст как единое феноменологическое пространство обладает специфическими инструментами консолидации своих материалов, удержания цельности его аудиторной рецепции и воссоздания у воспринимающего субъекта образно-символических семантических коннотаций. Название журнала – это неотъемлемый компонент контекста,

совместно со всеми другими компонентами издания работающий на его интеграцию.

Механизм формирования новых смыслов внутри структурно неоднородных текстовых образований был раскрыт Ю.М. Лотманом, отмечавшим, что с точки зрения научного исследования, «культура в целом может рассматриваться как текст. Однако исключительно важно подчеркнуть, что это сложно устроенный текст, распадающийся на иерархию «текстов в текстах» и образующий сложные переплетения текстов» [Лотман, 1992, с. 160]. Культура, взятая как «совокупность текстов или сложноорганизованный текст», является системой динамической, внутри которой «текст и не-текст могут меняться местами в отношении к своей культурной функции» [Лотман, 2000, с. 439]. «...«Изменение функции текста придает ему новую семантику и новую синтактику. <...> Хорошо известна возможность различного функционирования одного и того же текста. При этом мы имеем дело с тем, что осмысливается создающим в одних функционально-типологических категориях, а воспринимающим – в других. При этом происходит общее переосмысление текста, поскольку разные семантические и синтаксические единицы текста становятся структурно значимыми»» [Лотман, 2000, с. 443,444]. Поэтому если рассматривать периодическое издание как единый, хотя и состоящий из относительно автономных смысловых единиц текст, то следует признать: в процессе рецепции все элементы, в том числе и название журнала, могут вступать во взаимодействие, становясь для воспринимающего сознания функционально значимыми, что порождает у текста как целого и у каждого отдельного субтекста новые смыслы.

Название журнала как издания периодического, выходящего регулярно и, как правило, в течение достаточно длительного времени, постоянно находится в поле зрения читателей, формируя у аудитории его стереотипическое восприятие. За названием как бы закрепляется определенная совокупность смыслов, которые экспонируются в журнальном контексте в формах, доступных для их экстерииоризации массовой аудиторией – идеологем, мифологем, культурных концептов и т. п. И через определенный промежуток времени название журнала, даже без обязательной предварительной расшифровки, начинает *символически маркировать* в общественном сознании и этот идеологический комплекс, и отдельные публикации издания. Так, появление произведения в журнале «с именем» могло разительно изменить общественный и литературный статус как самого текста, так и его автора, равно как и наоборот, когда публикация знаковых или знаменитых авторов, к примеру номинантов различных литературных премий, поднимает престиж и авторитет самого журнала. А.И. Кондратович в своих воспоминаниях о «Новом мире» заметил, что напечататься в журнале второго периода редакторства А.Т. Твардовского (1958–1970) было бы честью даже для В.А. Кочетова, тогдашнего главного редактора журнала «Октябрь», бывшего идейным оппонентом «Нового мира» [Кондратович, 1991, с. 352].

Весьма нагляден в этом отношении и следующий реальный эпизод культурной жизни советского государства конца 1960-х годов. 19 апреля

1968 года в театре на Таганке под руководством Ю.П. Любимова шел прогон спектакля по ранее напечатанной в «Новом мире» повести Б. Можая. На репетиции присутствовал А.И. Кондратович, у которого перед этим состоялся дружеский, но невеселый разговор с Александром Лебедевым. Последний назвал оппозиционный журнал «внутренней Чехословакией» и передал буквально витавшие в воздухе слухи о скором разгоне непокорного издания. Далее А.И. Кондратович так описывал происходящее на сцене: «Вышел актер Золотухин с номером «Нового мира». Зачитал: «Новый мир». Борис Можая. «Из жизни Федора Кузькина». На сцене – нечто вроде огородного пугала, рвань. Актер облачается в эту рвань, читая по-прежнему начало повести. А одевшись и преобразившись, прикрепляет к березовому шесту журнал и вонзает шест этот в пол, как флагшток. Тут уже я охнул, – пишет А.И. Кондратович. – Но еще больше охнули мы в конце. Когда актерам положено выходить на аплодисменты, они выходят все с номерами «Нового мира» и читают его, уткнувшись в номер. Вначале зная, теперь уже вся читающая Россия. Это, пожалуй, слишком, и, когда я рассказал об этом А.Т. и Лакшину, мы пришли к выводу, что от добрых к нам чувств Любимов устраивает нам подножку. Во всяком случае будет еще один предлог поговорить о нас. И мы даже решили как-то предупредить Любимова. Хотя что с того, – спектакль, конечно, все равно не пойдет» (Кондратович, Новомирский дневник, с. 228). «Более мрачного года, чем 1968-й, я не знаю, – писал А.И. Кондратович. – Был 37-й, но он был скрыт от многих. Был 52-й, но 53-й унес Сталина, и забрезжила надежда. 68-й – крах последних иллюзий и надежд. <...>. Будем жить. Постараемся сделать все что можно. Хотя живем уже в бескислородной атмосфере. Впору надевать противогазы» [Кондратович, 1991, с. 343].

Мы видим, что Ю. Любимов использовал в данном случае специфическое риторическое построение «текст в тексте» в качестве эстетизирующего реальный объект приема, «при котором различие в закодированности различных частей текста делается выявленным фактором авторского построения и читательского восприятия текста. Переключение из одной системы семиотического осознания текста в другую на каком-то внутреннем структурном рубеже составляет в этом случае основу генерирования смысла. Такое построение, прежде всего, обостряет момент игры в тексте: с позиции другого способа кодирования, текст приобретает черты повышенной условности, подчеркивается его игровой характер – иронический, пародийный, театрализованный и т. п. смысл» [Лотман, 2000, с. 66].

Как справедливо заметил П. Рикер, всякая интерпретация неизбежно обедняет смысловое богатство символа, так как «переводит» символ в соответствии с сеткой прочтения, которое ей свойственно» [Рикер, 1995, с. 20]. В нашем случае речь идет об интерпретации из нескольких систем координат – ситуативно-личностной, режиссерской и зрительской. Очевидно, что наблюдающие репетицию люди по-разному интерпретировали символически маркированный номером «Нового мира» замысел будущего спектакля.

Поскольку хрущевская оттепель к описываемому времени закончилась, вполне естественной была реакция на ситуацию руководителей «Нового мира», которые всеми силами пытались хотя бы оттянуть неизбежный разгром издания, поэтому демонстрация книжек журнала показалась им прежде всего жестом поддержки, хотя и слишком смелым. Режиссер же самым фактом включения номеров «Нового мира» в художественную ткань спектакля превращал журнал из объекта реального в объект эстетический, то есть работающий по законам художественности. Для зрителей журнал должен был стать «окном к другой сущности, не данной непосредственно» (так образно определял символ Павел Флоренский) [Флоренский, 1993, с. 302], стать (если учесть еще и форму введения – на флагштоке и в руках у каждого – и возникающие при этом аллюзии и ассоциации) «знаменем времени», обозначающим не только все то, за что боролся реальный «Новый мир», но и всю недавнюю эпоху и связанные с ней надежды, ожидания и т. д., то есть своеобразным символом. В результате журнал становился не только реальным участником современного информационного процесса, но в своей символической функции мог выступать в общекультурном пространстве в качестве целостного символического объекта, который именно в своей целостности и выражает множественное поле значений и смыслов, сочетание и глубина интерпретации которых могут варьироваться в зависимости от колебаний внешней среды и состояния воспринимающего сознания.

Номиналирующая, консолидирующая и символическая функции названия, отчетливо прослеживаются в воспоминаниях активных участников литературного процесса 1960-х годов. Современники считали, что последние пять лет существования «Нового мира» А.Т. Твардовского – «лучшее время этого журнала, его крестный, но и звездный час. Никогда его значение не было так велико, и прежде всего его нравственно-выпрямляющее значение. Дело было не в том, что журнал печатал лишь выдающиеся произведения, хотя большая часть того, что было лучшего в тогдашней литературе, пришло к читателю через его страницы, Дело было в неподкупности, в верности правде, в верности себе. Своим примером журнал как бы говорил: значит, можно не изменять своему человеческому достоинству, можно держаться! В этом смысле какой-нибудь рассказ или рецензия, напечатанные в «Новом мире» и уже потому прочитанные сочувственно и жадно, нередко значили больше многих куда более фундаментальных публикаций прежних или последующих времен. И чем более одиноким в своей борьбе оставался этот журнал, чем плотнее сгущались над ним тучи, тем сильнее становилось его общественное воздействие и авторитет» [Буртин, 1987, с. 200].

О том, что появляющиеся в журнале произведения резонируют не только между собой, но и неизбежно корреспондируют в читательском и общественном сознании с названием (то есть авторитетом) значимого для аудитории издания, активизируя заложенные в нем культурные и социологические коды, хорошо знали не только коллективы редакций, но и цензурирующие органы. В связи с этим зачастую возникала, на первый взгляд

парадоксальная ситуация: чем более произведение совпадало с общим направлением журнала, тем труднее было получить разрешение на его публикацию. В «Новом мире», к примеру, вряд ли могла бы появиться «Кража» В.П. Астафьева. А.И. Кондратович объяснял это так: «...Нам бы не дали напечатать, а если бы дали, так повесть пошла бы на разнос, под тяжелую молотьбу критики. А появилась в «Сибирских огнях» – похвалили и перепечатывают. Но парадокс в том, что напечатанное в другом месте не вызывало особого внимания. Резонанс бывал не тот, и отличное произведение не попадало в фокус общественного внимания. У нас же все было в фокусе, в перекрестии прожекторов» [Кондратович, 1991, с. 297–298]. Показательна в этом смысле и судьба рукописи Константина Лагунова о восстании зауральских крестьян. [см.: Кондратович, 1991, с. 338–339].

Еще более яркий пример – судьба поэмы А.Т. Твардовского «По праву памяти», которая в 1969 году самим автором была предназначена специально для публикации на страницах «Нового мира». Однако вторая половина 60-х годов – это время сворачивания реформ и конца оттепели, когда разномыслие, демократическая оппозиционность, разоблачительные тенденции в освещении сталинского правления уже вызывали у властей явное раздражение. Инструментом бюрократической реставрации явилась, по мнению Ю. Буртина, широкомасштабная кампания по организации общественного беспамятства, и тогда «оружием сопротивления ей стала п а м я т ь. А главным органом этой не поддающейся насильственному усыплению или урезыванию исторической памяти – журнал Твардовского «Новый мир»». [Буртин, 1987, с. 200–201]. Поэтому цензура всеми способами пыталась не допустить появления поэмы на страницах именно этого издания. «Можно себя представить, какой грозой грянула бы эта поэма, будь она напечатана в 1969 году! Когда сила удара была бы умножена не только всенародным авторитетом первого поэта страны и одного из тех ее подлинно великих людей, для которых известно было единственное начальство – собственная совесть, но и восприимчивостью читателя, ждавшего-заждавшегося честного, прямого слова о том, что его волновало и возмущало. Можно себе представить, как встряхнула бы эта маленькая поэма человеческие души, уже начавшие привыкать к расслабляющей мысли о вседозволенности власть имущих и о собственном бессилии, уже начавшие погружаться в то нравственное болото, из которого мы сейчас пытаемся тащить себя за волосы. И как затруднила бы она задачу «молчальников», шаг за шагом сталкивающих нас в это болото. Но потому-то они и не могли этого допустить» [Буртин, 1987, с. 201–202]. Поэтому весной 1969 года Твардовскому не дали опубликовать поэму, на страницах «Нового мира» она, как, известно, так и не появилась. Однако в июле того же года в журнале «Огонек» (1969. № 30) появилось письмо «Против чего выступает «Новый мир?», подписанное 11 членами Союза писателей, которые обвинили журнал в «кощунственном» отношении к прошлому, в «глумлении» над настоящим, в «очернительстве» и «космополитизме». «К февралю 1970 года

журнал был вырван из рук Твардовского и, не защищенный его именем, его авторитетом, поставлен на колени» [Ильина, 1988, с.25].

Итак, благодаря названию журнала, за которым стоит историческая традиция, авторитет редактора, определенный авторский коллектив, отличная от других художественная концепция издания, внятно артикулируемая общественная позиция, издании многократно увеличивает силу своего влияния на аудиторию и общество в целом. Именно потому недопустимо безответственное отношение к выбору логотипа любого издания, в том числе литературно-художественного журнала.

Список литературы

1. Буртин, Ю. «Вам, из другого поколения...» К публикации поэмы А.Т.Твардовского «По праву памяти» / Ю. Буртин // Октябрь. – 1987. – № 8. – С. 191–202.
2. Ильина, Н. «Здравствуй, племя молодое, незнакомое...» / Н. Ильина // Огонек. – 1988. – № 2. – С. 23–26.
3. Кондратович, А. И. Новомировский дневник (1967–1970) / А. И. Кондратович. – М., 1991.
4. Лотман, Ю. М. Избранные статьи. В 3 т. Т. 1 / Ю. М. Лотман. – М. – Таллинн, 1992.
5. Лотман, Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968–1992) / Ю. М. Лотман. – СПб., 2000.
6. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикер. – М., 1995.
7. Флоренский, П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях / П. А. Флоренский. – М., 1993.

Т.В. Назарова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ИНФОРМАЦИОННОЕ УЧАСТИЕ ГРАЖДАН В ЛОКАЛЬНЫХ СМИ

В статье выявляются типичные для районных газет Волгоградской области тенденции в освещении общественного диалога. Автор делает вывод, согласно которому демонстрация процесса поисков решения какой-либо социальной проблемы дает возможность транслировать позитивный опыт, создавать определенные алгоритмы, которыми можно воспользоваться при возникновении спорных ситуаций, стимулирует читателя к соразмыслению и публичному высказыванию.

Анализ прессы локальных территориальных сообществ особенно актуален в контексте начавшейся реформы местного самоуправления, которое будет являться одним из важнейших институтов демократического гражданского общества. Газеты малых городов могут стать организаторами общественного диалога, каналом влияния социума на процесс обсуждения и принятия решений, но могут превратиться в инструмент местной власти или пропагандиста общественного индифферентизма. В последнее десятилетие все волгоградские газеты декларируют развитие конвенциональных стратегий. Превращение газет в площадку для ведения общественного

диалога предполагает изменение характера политической и социальной информации.

В информировании по политическим вопросам выявляются типичные для всех районных газет Волгоградской области тенденции. Обсуждение постановлений районного и городского правительства не организуется до их принятия. Газеты ограничиваются публикацией сообщений о готовящихся решениях, текстов проектов. Вместо выступлений специалистов-экспертов с оценками проектов и предложениями альтернативных решений, результатов опросов рядовых граждан, чья деятельность и интересы затрагиваются готовящимися изменениями, публикуются интервью с депутатами городской думы, имеющие смысл PR акций. Диалог власти и общества сейчас затрагивает только социальную сферу. Распространенная тенденция: формально материалы обращены к социальной проблематике, но по сути не раскрывают значения события для общества. Большинство номеров районных газет содержат публикации о газификации, модернизации теплоснабжения, ходе программы «Чистая вода», благоустройстве городов, ремонте школ, больниц, защите прав потребителей. Издания настойчиво сигнализируют о том, что городские газеты в первую очередь служат интересам граждан. Многие издания отказались от приемов монологической подачи информации, однонаправленного характера сообщений об успешном выполнении властью планов мероприятий социальной политики. Корреспонденции включают элементы репортажа и интервью с гражданами. Например, в газете «Авангард» Новоаннинского района рубрика «Будни городской власти» сообщает о выполнении мэром предвыборной программы не в форме отчета, а в виде рассказа о его поездках по вечерним улицам, беседах с горожанами. Включены реплики горожан, где люди говорят о своих проблемах, но ни одна из них не обсуждается. Корреспонденция, имеющая диалогическую структуру, превращается в традиционный отчет об успешной деятельности мэра. В центре внимания журналиста не социальные проблемы, а создание позитивного имиджа городского главы. Материалов, имитирующих диалог власти и народа, достаточно много и в других изданиях. Так, газета «Искра» Котельниковского района в корреспонденциях рубрики «Власть и народ» сообщает о встречах главы района с жителями. Они говорят о своих нуждах, глава района о включении этих вопросов в план мероприятий. Ни одна из тем не обсуждается конкретно (не называются ни сроки, ни ресурсы, данные не сопоставляются с другими поселениями). Целью произведения остается создание образа главы – динамичного, готового работать с людьми, «слышать» их нужды, им покровительствовать, хотя обычное выполнение должностных обязанностей в принципе не является информационным поводом.

В целом приемы информирования о деятельности власти сохранили традиционную схему: с наступлением отчетного периода с главой района и его заместителями организуются интервью. Диалогический жанр представляет собой информационный отчет (без комментариев) о сделанном по каждому направлению районного хозяйства. Эти материалы выполняют только

информационные функции, без оценки деятельности власти со стороны общества эта информация остается неполной.

И все же в ходе исследования были выявлены и попытки преодоления стереотипов в освещении деятельности власти и отойти от спекулятивного использования социальных тем. Например, редакция газеты «Авангард» периодически организует «круглый стол» по проблемам городского хозяйства, горожанам предлагается дать оценку деятельности мэра письменно и по телефону, но отчеты об этих мероприятиях носят пока формальный характер.

В газете «Придонские вести» Октябрьского района постоянно ведется рубрика «Хочу спросить у главы». В ней публикуются выдержки из писем читателей, причем газета принципиально не смягчает резкости выражений. Например, жители требуют у главы поселения объяснений по поводу задержки газификации: «Мы за вас голосовали и верили вам, а вы нас обманываете. Скажите людям правду в глаза» [№ 140, 2009, с. 1]. Редакция считает своей обязанностью найти ответственных лиц, добиться ответа и публикует его рядом с письмом. Далее сообщается о том, как должны действовать граждане, попавшие в проблемную ситуацию, куда и с какими документами следует обращаться (например, так был построен диалог о задержке государственных субсидий фермерам в номере от 4июля).

В наиболее сложных ситуациях эта газета организует встречу недовольных жителей, глав поселений и районной администрации и публикует подробный репортаж. Даже если конфликтная ситуация между жителями района и властью (не без постоянного вмешательства газеты) в конце концов урегулирована и проблема в определенной мере решена, «Придонские вести» не спешат с поздравлениями. Когда (11.07.2009) состоялось торжественное открытие газопровода «ГРС Октябрьский – х. Заливский», о зажжении символического факела газета не писала. Редактор А. Ромашкин подготовил корреспонденцию на целую полосу «Первый газ и первый блин» [№ 77, 2009, с. 4], где рассказал о «цене вопроса». Подробно описаны действия наиболее активных хуторян, рассказано, как собирали поселковые сходы, вызывали прессу, глав поселения и района, названы фамилии бездействующих депутатов. Такой рассказ демонстрирует читателям, как следует поступать в подобных ситуациях. Для наглядности объемный материал разбит на главки с точными названиями, характеризующими деятельность хуторян, позицию власти: «Тот, кому больше всех надо», «Ждать или не ждать», «Обещать или не обещать». Даны фотографии, демонстрирующие противостояние сторон. В заключение дана оценка с учетом социального контекста и точки зрения общества: газ подключен к объектам соцкультбыта и 17 подворьям, а всего их 319 – до общей радости далеко.

В рассмотренном случае коммуникация между властью и жителями организовывалась редакцией (главы администрации являлись на сходы отчасти и потому, что с этой просьбой и обещанием на них присутствовать к ним обращался редактор районки) с целью дать сторонам высказаться, прояснить ситуацию и снизить остроту конфликта, поскольку причиной была задержка

финансирования из областного бюджета. Вмешательство газеты, безусловно, повлияло и на скорость пуска объекта.

Значительно удачнее в районной прессе организуется диалог между гражданами и субъектами хозяйственной, торговой, административной деятельности. Практически во всех газетах организованы постоянные рубрики «Потребительский спрос», «Потребитель всегда прав». Выявляются отработанные редакциями стандарты подачи информации. Последовательно описывается факт нарушения, действия, предпринятые потребителем. Далее по каждому конкретному случаю даются все ссылки на законы, разъясняется их суть, указываются все необходимые документы и действия, которые действительно нужно предпринимать недовольному потребителю. Описываются действия суда и приговор, даются рекомендации потребителям, способные предотвратить подобные случаи.

Конфликтные ситуации между гражданами и отдельными организациями изучаются сотрудниками всех редакций. В построении материалов выявляется типичная схема: публикуется обращение в редакцию граждан, а затем ответ полученный журналистом в соответствующих инстанциях. Как правило, конфликт разрешается. Такая публикация писем убеждает в способности газеты слышать и понимать свою аудиторию, выполняет консолидирующие, мобилизующие функции.

Наиболее последовательно работу по защите прав граждан ведут в «Придонских вестях», поэтому жители Октябрьского района к журналистам обращаются постоянно, они знают, что тревожный звонок в редакцию повлечет исследование ситуации, разрешение проблемы, а иногда и постановку более крупных социально-психологических вопросов.

При кафедре журналистики ВолГУ в мае и сентябре 2009 года были проведены семинары с сотрудниками и редакторами районных газет по проблемам социальной журналистики. В заключение работы участниками семинара были подведены некоторые итоги. Развитие гражданской журналистики требует изменений социальной позиции самих журналистов. В фокусе постоянного внимания – интересы рядового гражданина. Общество из объекта информирования должно превратиться в субъект информации, его следует рассматривать как источник знаний и опыта. Необходима разработка конкретных методик по работе с аудиторией, недостаточно писем в редакцию и бессистемных наблюдений. Любая разрабатываемая тема требует репрезентативных опросов. При редакции необходимо формировать читательский актив, способный осуществлять общественную экспертизу. При выборе темы следует отдавать предпочтение тем событиям, которые играют важную роль в жизни обычных людей. При разработке темы необходимо ставить прагматические цели. Мало диагностировать существование проблемы, необходимо предпринимать усилия для решения вопроса. Ориентация на поиск решения организует деятельность журналиста и структурирует текст. Демонстрация всего процесса поисков решения социальной проблемы дает возможность транслировать позитивный опыт, создавать определенные

алгоритмы, которыми можно воспользоваться при возникновении подобных ситуаций, стимулирует читателя к соразмышлению и публичному высказыванию.

О.А. Козлова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ИНТЕРНЕТ-ТЕЛЕВИДЕНИЕ В РОССИЙСКОМ СЕГМЕНТЕ СЕТИ: СПЕЦИФИКА КОНТЕНТА

Статья посвящена рассмотрению специфических особенностей телевизионного вещания в Интернете, в частности, характеристике видеоконтента. В основе публикации анализ материалов первого российского сетевого телеканала Russia.ru.

Традиционная журналистика активно выходит в Интернет. С каждым днем все более очевидными для редакций становятся колоссальные возможности, предоставляемые глобальной Сетью. Из «вторичного» канала доставки информации до потребителя интернет-порталы превращаются в самостоятельные единицы СМИ, зачастую заставляя модифицироваться уже свои «родительские» издания в угоду новым реалиям и новым схемам работы с информацией. Тем не менее по посещаемости лидирующие позиции среди информационных ресурсов в Интернете принадлежат изначально сетевым СМИ, не имеющим печатных аналогов. Секрет успеха прост – круглосуточное обновление информации, активное использование мультимедийных технологий, интерактивные возможности взаимодействия с читателем, а также доступность на любых носителях, поддерживающих интернет-протоколы.

Телевидение появилось в Сети гораздо позже своих «собратьев» – газет, журналов, радиостанций. Первое время это были лишь официальные сайты традиционных телеканалов. Причина очевидна – трансляции видеоконтента в Интернете напрямую зависят от уровня технического оснащения не только производителя и поставщика видеоинформации, но и конечного потребителя.

Сегодня и эта ниша постепенно начинает заполняться качественными образцами телевизионного интернет-вещания. Среди них, безусловно, выделяется один из самых популярных российских интернет-телепроектов – Russia.ru, открытый ООО «Ньюмедиа старз» в 2007 году. По данным исследований Gallup, ежемесячный охват аудитории Russia.ru – около 2,5 миллионов зрителей. На его примере попробуем определить специфические черты, характеризующие телевидение в Сети.

Особенностью Russia.ru является нелинейный формат вещания. Иными словами, все снятые и выложенные в Интернет программы могут быть доступны любому пользователю в любое время и в любом месте. Это так называемое «Видео по запросу» (Video on Demand). Причем многие

видеосюжеты сопровождаются текстовой расшифровкой. Ежедневно контент канала обогащается в среднем тремя – пятью программами.

Интерфейс ресурса построен достаточно логично, с учетом основных правил юзабилити. Любой пользователь на главной странице может ознакомиться с последними выпусками программ, увидеть рейтинг наиболее популярных, при желании воспользоваться «поисковиком» по сайту.

Тематическое разнообразие продукции Russia.ru представлено в системе рубрик. Здесь есть практически все – от программ о музыке («Клипы»), моде («Мода вчера и сегодня», «Шоу о моде», «Street Fashion»), автомобилях («Авто с Федором Буцко»), спорте («Болей за наших!»), клубной жизни («Glamurama», «шоу «Life»», киноновинках, книжном рынке до серьезных общественно-политических передач и ток-шоу («Программа Ц», «Бизнес-секреты с Олегом Тиньковым», «Эксперт»), высококлассных краеведческих репортажей из российских регионов, выступлений ведущих российских ученых на самые разные научные и околonaучные темы («Ученые МГУ», «Популярная наука») и многое другое. К слову сказать, нашумевший в свое время фильм о военном конфликте в Южной Осетии «Война 08.08.08» был снят съемочной группой канала Russia.ru. Именно освещение социальной, политической проблематики отличает этот проект от аналогичных, строящих свое вещание главным образом на развлекательных программах (Tvigle.ru). И что самое интересное. По рейтингу и по просмотрам (на сайте работают «счетчики» количества просмотров той или иной программы) лидируют именно общественно-политические и далеко не развлекательные передачи («Программа Ц» и «Эксперт», соответственно).

Russia.ru производит программы, выполненные в самых разных жанрах. В основном это передачи, позиционирующие себя как ток-шоу (хотя все жанрообразующие признаки указывают на то, что это, скорее всего, «беседы», нежели «ток-шоу»). Преобладают также репортажи, комментарии, интервью, уличные опросы и выступления в кадре. Ряд программ («Мир глазами детей», «Шоу о моде» и др.) целиком построен на «синхронах» (показ прямой речи героя в кадре). Новостных программ на интернет-телевидении пока нет. Это отличает его от обычных СМИ.

Во многом успех телеканала обеспечили профессиональные репортеры, операторы, режиссеры, пришедшие в Интернет из традиционной журналистики. Однако стиль их работы теперь подчинен специфике восприятия информации в Сети.

Одной из главных отличительных черт программ Russia.ru, как и других телевизионных проектов в Интернете, является ярко выраженное авторское начало. Представление проблемы, события, явления всегда сопровождается открытой авторской оценкой, личным мнением. Это обусловлено сложившимися в Интернете традициями. Пражурналистскими явлениями в Сети принято считать авторские проекты, вебобзоры и блоги. За каждым проектом всегда стоял конкретный человек. Его взгляды на те или иные вещи, стиль изложения материалов определяли популярность ресурса у аудитории.

По сути, мало что изменилось. Людей по-прежнему интересуют актуальные проблемы, яркие личности, «живой» язык. На Russia.ru все это можно найти. В качестве ведущих здесь выступают политики, журналисты, ученые, бизнесмены, психологи, астрологи, представители шоу-бизнеса и др. Несмотря на отсутствие журналистского опыта и явный дилетантизм в их работе, программы сохраняют свою зрелищность и востребованы зрителями. Однако зачастую это лишь видимость непрофессионализма, созданная намеренно дабы максимально сократить дистанцию между авторами и аудиторией. Видеоматериал, как правило, лишен закадрового озвучания, что позволяет создать так называемый «эффект присутствия». Мы имеем возможность увидеть своими глазами развитие события и сделать собственные выводы, основанные на наших наблюдениях, а не на интерпретациях журналистов и комментаторов. Отталкиваясь от контента, можно предположить, что основная часть программ рассчитана на молодежную аудиторию, которая в большинстве своем скептически и критически настроена на восприятие любого материала. Поэтому подобный формат работы, без открытого навязывания какой-либо точки зрения здесь вполне уместен и даже выигрышен.

На реализацию этой задачи работает и активное использование интернет-телевизионщиками таких приемов, как «лайф» (показ «картинки», имеющей принципиальную смысловую нагрузку, с «живым» звуком), «люфт» (показ «картинки» с «живым» звуком, передающие атмосферу места события) и «экшн» (неожиданное действие в кадре). Таким образом, «картинка» играет главную роль. Подобный формат работы свойствен западным тележурналистам, ориентирующимся при создании сюжетов, главным образом, на видеоматериал. Отечественные «телевизионщики» чаще всего действуют от обратного – сначала текст, затем наложение «картинки».

Интернет-телевидение стремительно развивается, формирует свою собственную преданную аудиторию. Новые возможности интерактивного взаимодействия, гораздо более широкое поле для реализации самых фантастических творческих проектов, отсутствие жестких рамок – все это, безусловно, работает на сетевое СМИ. Конечно, о конкуренции с эфирным телевидением говорить пока не вполне корректно, но кто знает, что будет дальше.

О.Г. Иванова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

**ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС
ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ»
(1868–1880 гг.)**

В статье рассматривается вопрос о специфике постановки эстетической проблематики на страницах «Вестника Европы» с тем, чтобы определить общеэстетические нормы и критерии в литературно-критических статьях журнала и в целом определить направленность художественной политики издания.

Философско-эстетический аспект для любой критики является определяющим, базовым, опорным. Философско-эстетический уровень продуцирует эстетическую оценку, которая составляет часть оценки художественной.

Проанализировав литературно-критические материалы «Вестника Европы» за период с 1868 г. по 1880 г., мы пришли к выводу, что эстетическая позиция «Вестника Европы» во многом проясняется в его отношении к понятию «художественность». Почему так редко в критике «Вестника Европы» мы встречаем суждения о понятии «художественность»? – Это связано с эстетической позицией критиков журнала. В частности А. Пыпин говорил о том, что надо осторожно обращаться со словом «художественность». Истинно художественные произведения так же редки, как и великие писатели, и толковать о художественности по поводу первой встречной повести, значит слишком мало оказывать уважения к искусству. Высказанная А.Н. Пыпиным мысль, однако, не означает, что недостаточно «художественное» произведение не достойно внимания критики «Вестника Европы». Критики ценят в нем также общественный смысл, общественное содержание. Пыпин говорил о том, что в настоящий момент эстетическая критика есть не что иное, как податливость к мнимой художественности, необходимость иного критического направления критик объясняет общественным запросом, который требует больше исследований об обществе, а не о мнимой художественности.

Новая роль и назначение критики по Пыпину – оценивать жизненные явления, а не художественные красоты произведения, которые, кроме всего прочего, еще и так редко встречаются. Кроме того, критика не должна заикливаться на одних только художественных произведениях, беллетристике, критик расширяет само понятие критики, позволяя ей оценивать и саму жизнь. А.Н. Пыпин говорил об однородности «новой критики» с критикой Белинского, о преемственности революционно-демократической критики 60-х годов (Пыпин «сочувствовал представителям «отрицательного направления», представителями которого он называл Чернышевского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина¹) и критики Белинского. Утверждается мысль об общественной направленности лучших образцов литературно-критического наследия. Критики «Вестника Европы» признавали такой подход к литературному произведению, когда «читатели и критика вслед за движением самой жизни, за явным стремлением самого «творчества», стали гораздо восприимчивее, понятливее и требовательнее именно к общественной стороне «художественных» произведений, и даже при отсутствии чего-либо особенно замечательного в эстетическом отношении (замечательных вещей этого рода было действительно немного), интересовались и менее важными в эстетическом смысле, но новыми и смелыми в общественном смысле произведениями»². Таким образом, критики признавали большую ценность за *общественной стороной произведения*, нежели за эстетической, собственно художественной. Как только «литература приучилась прямо говорить о деле, а не витать в идеалистических отвлеченностях», она приучила «ценить вернее свое поэтическое имущество»³.

Современный идеал – это не пустое идеализирование, а это то, что «господствует над мыслью и чувством писателя и читателя и в философском трактате, и в политико-экономическом суждении, и в сатирическом очерке, и во «внутреннем обозрении»⁴, то есть критик доказывает, что критика вовсе не находится в состоянии упадка, она просто отвечает новым современным требованиям и условиям, и в соответствии с тенденцией литературы к публицистичности, во многом размываются границы между искусством-неискусством, критикой и иными материалами и публикациями в журнале. И это не есть упадок и отсутствие идеалов, это есть новый уровень. Эта концепция А. Н. Пыпина очень важна для понимания не только художественной политики издания, но и его общественного «лица» в целом.

Если обобщить самые разнообразные суждения, то можно прийти к выводу, что художественная правда в произведении – один из важнейших ориентиров для писателя, по мнению критиков «Вестника Европы», а идейно-смысловой анализ произведения – в основе творческого метода критиков журнала.

Роль фантазии, воображения как художественнообразующих элементов также признавалась некоторыми критиками журнала. Это должно быть такое *воспроизведение* (не копирование) реальности, которое тронет чувство и мысль читателя. Предметом искусства должна быть строгая истина, правда без прикрас, природа, иначе, как постоянно подчеркивается в литературно-критических материалах, оно не будет выполнять основную свою функцию – служение обществу. Сама суть искусства – в той оценке внутренней стоимости тех или иных явлений реальности, в его воспитательном, просветительском значении. Содержание произведения, в первую очередь, обуславливается известной обстановкой, историческим периодом, современным состоянием, настроением общества, одним словом, национальностью – это основная мысль, точка отправления для критиков «Вестника Европы», в частности она высказана наиболее ярко в исследовании А. Пыпина «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов»⁵.

А Пыпин в своем исследовании «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов» во многом проясняет эстетическую позицию журнала, а вместе с тем отношение к целому ряду литературных явлений прошлого и современности. Он выводит своеобразный *критерий эстетического совершенства*: «В наше время литература редко поднимается до высшего совершенства художественной красоты, где произведение является широкой объективной картиной человеческой природы, или целого общества; картиной, имеющей более прочное значение, чем временный интерес обыкновенных явлений литературы»⁶. Объективное изображение человеческой природы, общества, имеющее вечное значение – вот *главный эстетический критерий*. Более того, Пыпин идет далее, выводя *общую формулу существования литературы*, которая заключается в **национальности**. «Национальность отражается на произведениях писателя не только в смысле известной приметы, местного колорита, физиономии, но кладет на него и более

глубокий отпечаток. Соединяя в себе весь характер общественной жизни, господствующих понятий, уровня образованности, национальность прямо и существенно отражается на самом *содержании* – большей или меньшей степенью самостоятельности и серьезности мысли, но только в художественной, но и в научной деятельности».

В чем сущность искусства? Во многом – в его ценностно-аксиологическом предназначении: «Наука и искусство постольку наука и искусство, поскольку они верно и глубоко оценивают явления по внутренней их стоимости»⁷. Именно в этой **«внутренней стоимости»** отличительная особенность искусства, которая возвышает его над простой стенографией. Для этого служителю искусства необходимо художественное творчество и умственное развитие, стоящее на высоте современных требований.

Определенная гибкость и подвижность эстетических принципов «Вестника Европы» во многом была связана с декларируемыми принципами: изменчивостью общественных задач, которые в какой-то мере решали и критики журнала.

Отдавая приоритет национальности для вынесения суждений о литературе и писателей, ***эстетическая позиция критиков становится заложницей внелитературных условий существования***. Смешивая понятия литературного, общественного и научного развития общества, позиция журнала и в частности позиция ее ведущего сотрудника Пыпина по многим параметрам сближала эти области человеческой деятельности. И это свидетельствует об особом подходе к оценке как жизненных явлений, так и явлений художественных, научных в журнале, о синкретизме художественной, научной и общественно-политической мысли в журнале и в литературно-критическом дискурсе в частности.

Анализ философско-эстетического аспекта литературной критики показал, что в журнале господствовал подход к произведению как отражению и выражению современных общественных явлений. Такие понятия, как **«общее»**, **«общечеловеческое»**, **«жизненность»** и **«правдивость»** лежат в основе эстетической рефлексии критиков. Сама суть искусства отражалась для критиков в оценке этих явлений реальности, в определении их внутренней стоимости для современности, в его ценностно-аксиологическом предназначении. И красота художественного творения в изображении объективной картины человеческой природы – именно это можно назвать основным эстетическим принципом журнала. Вопрос об идеальном в искусстве также решается в соответствии с задачами общественного развития. Как показал анализ, все это было связано с наделением искусства воспитательным, просветительским назначением, интеллектуальной природой, а также отведением для литературы важнейшей цели – приблизиться к разгадке общественного устройства и человеческой природы. Само просветительство журнала заключалось в стремлении исправить недостатки общественного здания путем нравственного и интеллектуального воспитания отдельных личностей. Литература, должна, по мнению критиков, давать пищу для

размышлений, обуславливается принадлежащим ей влиянием и откликается на задачи, занимающие эпоху.

Примечания

¹ Мостовская Н. Н. И.С. Тургенев и русская журналистика 70-х годов XIX в. – Л., 1983. – С. 48.

² А. Пыпин. Хроника. – Об упадке современной критики // Вестн. Европы. – 1876. – № 1. – С. 419.

³ А. Пыпин. Хроника. – Об упадке современной критики // Вестн. Европы. – 1876. – № 1. – С. 420.

⁴ А. Пыпин. Хроника. – Об упадке современной критики // Вестн. Европы. – 1876. – № 1. – С. 418.

⁵ А. Пыпин. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов // Вестн. Европы. – 1871. – № 5.

⁶ А. Пыпин. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов // Вестн. Европы. – 1871. – № 5. – С. 234.

⁷ Хроника. – Новые книги. Повести, романы и драматические сочинения Н.А. Лейкина // Вестн. Европы. – № 7. – С. 463.

Е.В. Парахневич

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ОБРАЗ СОВЕТСКОЙ РОССИИ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ПУТЬ» (1925–1940 гг.)

В статье дана характеристика того образа Советской России, каким он был представлен на страницах журнала «Путь», показано, что, несмотря на все внешние разногласия, авторы журнала на глубинном уровне сходились в признании религиозных истоков политических и социальных событий, происходивших в России.

Журнал «Путь», издававшийся в Париже в период с 1925 по 1940 года, по праву считается главным религиозным печатным органом русского зарубежья.

В программной статье, открывавшей первый номер «Пути», главный редактор Н. Бердяев выдвинул три задачи журнала – поддержание связи с Русской землей, объединение Востока и Запада и выражение духовных и религиозных задач русской эмиграции. Он отмечает, что «русской эмиграции при длительном пребывании вне родины грозит распыление, денационализация, потеря связи с Россией, русской землей и русским народом... Раскол между эмиграцией и Россией, оставшейся под большевизмом, должен быть преодолен» [Путь, 1925, № 1, с. 4–5].

В этой же статье Бердяев отмечает, что процессы, идущие в среде русской эмиграции, по своей сути лишь являются отражением той смуты, что происходит в России. «Только в религиозном движении русские в России и русские за границей составят единый духовный организм» [Путь, 1925, № 1, с. 6].

Авторы журнала в своих публикациях исходили из двух установок: что «старый мир «новой истории» рушится и что «начинается новая мировая

эпоха» [Путь, 1925, № 1, с. 7]. И одним из ключевых для журнала стал вопрос, который Булгаков сформулировал как «что случилось и что происходит с Россией?».

Новая Россия предстает в журнале как Хаос. В этом плане наиболее характерна публикация Н. Артемьева «Жива ли Россия. Рассказ ушедшего из России». Статью сопровождает комментарий редакции, в котором упоминается то, что она отражает некоторые существенные апокалипсические духовные течения и настроения внутри России, «но не претендует на полную характеристику русской жизни» [Путь, 1930, № 25, с. 3].

Автор говорит о том, что он лично видел и наблюдал в Советской России и скорбно констатирует то, что знакомый облик страны исчез. «Никогда еще так трагически не умирала великая нация, цветущая, полная духовных сил и творческих возможностей, в когтях у зверя, никогда еще великая культура не шествовала на Голгофу на глазах у всего сочувствующего человечества под крики «Распни ее!», несущиеся со всего капиталистического мира...» [Путь, 1930, № 25, с. 6].

Другой автор журнала, В. Сперанский, сравнивает большевизм с болезнью, когда «больной весь горит, бурно бредит, изможденное тело все трепещет как будто в предсмертных содроганиях» [Путь, 1926, № 5, с. 108–109].

События, происходящие в России, во многом оценивались не как борьба политическая, а как борьба религиозная. Авторы подчеркивали, что «советское безбожие – не официальный атеизм лаического государства, не атеистическое мирозерцание, а именно религия» [Путь, 1930, № 22, с. 64]. По мнению журнала, быстрый успех революции во многом был обусловлен тем, что коммунистическая идеология сумела направить нерастраченные огромные религиозные силы российского народа в нужное русло. Н. Бердяев пишет: «В нечеловеческой активности коммунизма мы встречаемся как бы с переключением энергии, накопленной в человеческой душе длительным религиозным процессом. На служение безбожной и антихристианской идее коммунизма идет религиозная энергия души. Если бы коммунистам удалось путем антирелигиозной пропаганды окончательно вырвать из человеческой души религиозное чувство, веру и готовность жертвовать во имя своей веры, то они сделали бы невозможной и веру в коммунизм, они подорвали бы собственное существование, и никто не пожелал бы уже нести жертв во имя коммунистической идеи» [Путь, 1931, № 30, с. 8].

Любопытный анализ причин революции, в частности, предлагает С. Булгаков в большой статье «Иуда Искарот – апостол-предатель». Образ Иуды он выбирает неспроста, считая, что «трагедия апостола-предателя, страшная судьба его, теперь стала неотступно пред нами, потому что сделалась нашей собственной судьбою, не личной, но народною» [Путь, 1931, № 26, с. 8]. В первой части статьи он моделирует образ самого загадочного персонажа Библии, который предстает у него «горожанином с пролетарской психологией» [Путь, 1931, № 26, с. 12], которого «зрелище народной нищеты и угнетения» [Путь, 1931, № 26, с. 14] делают «революционером» [Путь, 1931, № 26, с. 14],

толкая на путь политического террора, с одной стороны, и «экономическим материалистом» [Путь, 1931, № 26, с. 15] – с другой.

Во второй части статьи Булгаков проводит параллель между смоделированным им образом и ситуацией, сложившейся в России. Осознавая условность сравнения одной личности и целого народа, он, тем не менее, пытается выявить те общие тенденции, которые толкнули на предательство (для Булгакова тот «воинствующий атеизм», который он наблюдает в современной ему России и есть самое страшное предательство). «Мы ныне являемся свидетелями того, как русский народ в известной и, во всяком случае, значительной части, отрекся и отрекается от Христа... ради ложных мнений, предрассудков, и, что может быть, самое страшное, – вследствие тупого животного безразличия, духовного убожества» [Путь, 1931, № 27, с. 40].

В первых же номерах журнала звучат предположения о возможности контрреволюции в России, тем не менее авторы осознают, что возвращение к старым порядкам в любом случае невозможно. И контрреволюция будет направлена не против социальных последствий революции, против новой социальной почвы, а лишь свержением новой верхушки власти.

В то же время стоит отметить, что журнал «Путь» выступал против всех форм тирании и диктатуры. Он не идеализировал жизнь дореволюционной монархической России. Так, например, в первых номерах мы можем наблюдать интересную полемику. В «Письме монархиста в редакцию журнала «Путь» Петров обосновывает религиозный характер монархического начала, утверждая, что монархия всегда «была дорога русскому и церковному и национальному сознанию» [Путь, 1926, № 3, с. 137], а смысл монархии заключается в «постоянном олицетворении в лице монарха религиозно-нравственного идеала, живущего в народе, олицетворение Правды Божией» [Путь, 1926, № 3, с. 138].

Н. Бердяев в «Ответе на Письмо монархиста» оспаривает эту точку зрения и попутно обрушивается на монархистов, решительно осуждая их, считая, что именно правые течения в эмиграции делают все, чтобы разорвать органическую связь между православной Церковью в России и православной Церковью за границей. Он указывает на то, что монархия в старом смысле стала утопией и что ее время прошло.

Журнал излагал свою концепцию будущего России. Рассматривая социализм в качестве системы экономической и социальной политики сквозь призму Евангелия и православного предания вообще, авторы находят в нем заповеди социальной любви и справедливости, «попечения о утруждающихся и обремененных».

Так, С. Булгаков пишет: «Для осуждения социализма вообще как известной системы экономической и социальной политики нет никакого основания ни в Евангелии, ни в православном предании. И даже наоборот, здесь мы находим заповеди социальной любви и справедливости... В социализме же подлежит отрицанию и преодолению не система социально-

экономических идей, но то воинствующее безбожие, с которым он нередко соединяется, в особенности же теперь в России» [Путь, 1930, № 20, с. 94].

По большому счету Булгаков здесь продолжает идеи, которые несколько ранее заявил М.А. Георгиевский, который был склонен видеть социализм и его проявление – коммунизм как явления, берущие свои истоки в христианстве. Он усматривает в Иерусалимской общине, принявшей заветы Христа, следы существования коммунистического порядка.

Само разграничение социализма как социальной справедливости и как безбожия было намечено с самого начала издания. Еще в 1926 году Б.П. Вышеславцев писал о том, что «современное социальное движение стоит на распутье» [Путь, 1926, № 4, с. 129]. Б. Вышеславцев видел два противоположных направления: «1. Путь социального преступления, путь революционно-коммунистический, он утверждает и декредитирует лишение свободы, имущества и жизни в качестве необходимых средств для достижения своей цели... 2. Другой путь есть достижение социальной правды и справедливости. Он отрицает всякое направление на свободу, имущество и жизнь, утверждает неприкосновенность субъективных прав и непрерывное расширение и возрастание индивидуальной свободы и свободной индивидуальности» [Путь, 1926, № 4, с. 132–133]. Реализацию первого пути он видит как раз в коммунизме.

Примечательно то, что редакция журнала, оценивая политическую ситуацию на родине, не делала жестких выводов о том, какой общественный строй необходим России. «Важна не монархия и республика, а то, что в монархии и республике происходит, что считается социальным идеалом, что определяет направление социального движения» [Путь, 1926, № 4, с. 135].

Таким образом, главную причину, позволившей большевизму захватить власть в стране, журнал «Путь» видит в утрате русским народом веры, в отрыве от христианских ценностей, а революция рассматривалась редакцией как наказание русской интеллигенции за ее грехи и ошибки.

Несмотря на все внешние разногласия, авторы журнала на глубинном уровне сходились в признании религиозных истоков политических и социальных событий, происходящих в России, а для победы над большевизмом необходимо духовное углубление русского религиозного сознания.

Список литературы

1. Артемьев, Н. Жива ли Россия. Рассказ ушедшего из России / Н. Артемьев // Путь. – № 25. – С 3–21.
2. Бердяев, Н. Ответ на письмо монархиста / Н. Бердяев // Путь. – № 3. – С 140–144.
3. Бердяев, Н. А. Правда и ложь коммунизма / Н. А. Бердяев // Путь. – № 30. – С. 3–34.
4. Булгаков, С. Н. Иуда-Искариот – апостол-предатель / С. Н. Булгаков // Путь. – № 26. – С. 3–60.
5. Булгаков, С. Н. Иуда-Искариот – апостол-предатель / С. Н. Булгаков // Путь. – № 27. – С. 3–42.
6. Булгаков, С. Н. Православие и социализм. Письмо в редакцию / С. Н. Булгаков // Путь. – № 20. – С. 93–95.
7. Вышеславцев, Б. П. Два пути социального движения / Б. П. Вышеславцев // Путь. – № 4. – С. 127–138.

8. Георгиевский, М. А. Древне-христианский социализм / М. А. Георгиевский // Путь. – № 18. – С. 25–53.
9. Духовные задачи русской эмиграции // Путь. – № 1. – С. 3–8. – С. 127–138.
10. Курдюмов, М. Православие и большевизм / М. Курдюмов // Путь. – № 22. – С. 67–92.
11. Петров, А. Письмо монархиста в редакцию журнала «Путь» / А. Петров // Путь. – № 3. – С. 134–139.
12. Сперанский, В. Религиозно-психологич. наброски современной России / В. Сперанский // Путь. – № 5. – С. 108–114.

Л.Е. Млечко

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

РЕКЛАМА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ)

В статье показано, что социальная реклама может быть эффективна, если она совпадает одновременно не только с потребностью, но также и с сугубо личными интересами и ментальными установками социума.

Взаимосвязь общественного мнения и социальной рекламы трудно оспорить, однако механизм их взаимодействия сложнее, чем мы можем себе представить.

Феномен социальной рекламы в последнее время стал предметом изучения в трудах западных и отечественных исследователей абсолютно разных научных областей: маркетинга, психологии, коммуникативистики, политологии, социологии и т.п.

Именно это стало одной из основных причин отсутствия до сих пор четкого определения понятию «социальная реклама». Однако все же социальная реклама, как и любое понятие, влечет за собой ряд общих семантических единиц, которые помогают безошибочно узнать ее среди подобного рода явлений.

Анализ многочисленных толкований позволил нам выделить этот набор. Приведем в качестве примера некоторые дефиниции. Хрестоматийной в определенном смысле стала формулировка Г. Николайшвилли: «Социальная реклама – вид коммуникации, ориентированный на привлечение внимания к самым актуальным проблемам общества и к его нравственным ценностям» [Николайшвили, 2008, с. 9]. Не менее интересным, на наш взгляд, является подход Р. Харриса. Говоря о социальном маркетинге (данное понятие он иногда отождествляет с социальной рекламой), называет его некой областью рынка, в которую входит «продажа» позитивного поведения по отношению к себе и к социуму, как то обеспечение или усиление личной безопасности, укрепление здоровья и т.п. [Харрис, 2003, с. 378]. Конечно, было бы неправильным не упомянуть закон РФ «О рекламе»: «Социальная реклама – это информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых

средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, а также обеспечение интересов государства». [О рекламе, 2006, с. 5].

О. Савельева определяет социальную рекламу как «рекламу, направленную на распространение полезных, с точки зрения общества, социальных норм, ценностей, моделей поведения, знаний, содействующих совместному существованию в рамках этого самого общества» [Савельева, 2006, с. 24].

А. Белянин в своем определении социальной рекламы делает акцент на том, что она прежде всего поднимает проблемы общества, а уже через их репрезентацию затрагивает определенные нормы и ценности. Автор понимает социальную рекламу как «форму массовой коммуникации, содержательной основой которой является информация о социальных проблемах общества, адресованная большой массе людей, с целью стимулирования их гражданской, социально одобренной активности в русле традиционных для данного общества нравственных ценностей, чем обеспечивается его способность к саморегуляции, обусловленной требованиями развития социума» [Белянин, 2007].

Таким образом, актуальные проблемы общества (тематика многопланова), нравственные ценности, интересы, потребности общества – это и есть первичные смысловые центры социальной рекламы, которые одновременно являются и смысловыми структурами. Именно их узнает реципиент при ее восприятии. Эти же единицы являются точками соприкосновения с таким явлением, как общественное мнение.

Общественное мнение принадлежит к числу тех явлений, которые тяжело поддаются всестороннему анализу, поэтому существует множество точек зрения на проблему его определения. Но, несмотря на их большое количество (в частности, профессор Пристонского университета Харвуд Чайлдз насчитал более 40), в обобщенном виде «общественное мнение» означает совокупность взглядов индивидов на определенную проблему.

Общественное мнение отражает все или почти все стороны жизни общества. Оно включает в свое содержание рациональные, волевые и эмоциональные моменты. Так, если мнение высказывается по политическим или нравственным вопросам, то оно тем самым включает в себя и политические, и нравственные идеи, то есть рациональные моменты.

Общественное мнение широко охватывает также сферу чувств, так как оно оценивает поступки людей, одобряет, или осуждает их. Чувства расположения, симпатии или гнева, ненависти всегда присутствуют в общественном мнении.

В качестве движущих сил общественного мнения называют прежде всего массовые потребности, интересы и ценностные ориентации людей [Социология, 2004].

С процессом становления общественного мнения связаны экономические, духовные и социальные потребности. Потребности людей не только влияют на динамику общественного мнения, но выступают в качестве ее главного

фактора, так как заключают в себе испытываемые людьми глубокие побуждения к достижению определенных условий жизни и развития. Стремление к удовлетворению потребностей и выражается через оценки, умонастроения, суждения.

В результате складывается общественное мнение, в котором отражается содержание и характер той потребности, которая вызвала его к жизни. Осознанные массовые потребности людей выступают причиной зарождения и формирования общественного мнения в силу того, что выступают в качестве мотивов различных общественно-психологических процессов внутренне присущих самой природе этого мнения.

Кроме потребностей, общественное мнение складывается еще из частных интересов личности. Интересы выражают специфическое отношение людей к тем объектам действительности, которые представляют для них большую значимость и эмоциональную привлекательность. По сравнению с потребностями они выступают более сильным побудительным мотивом для возникновения общественного мнения. Те события и явления действительности, которые вызывают к себе интерес не только отдельных людей, но и порождают массовый интерес, становятся центром общественного внимания, оценок и эмоций.

Помимо потребностей и интересов на содержание и направленность общественного мнения большое влияние оказывают ценностные ориентации, которые представляют собой соединение рассудочного и чувственного отношения к предмету общественного мнения. Формирование общественного мнения идет на двух уровнях: эмоциональном и рациональном. Наиболее действенным и устойчивым является то мнение, которое захватывает как сферу чувств людей, так и сферу разума. В нем могут быть выражены не только ненависть или надежда, но и рационально обоснованная позиция его субъекта.

При анализе уровней взаимодействия этих двух явлений – социальная реклама и общественное мнение – можно заметить, что именно социальная реклама зачастую является тем средством передачи нравственных идей, которым в дальнейшем дает оценку общество. Однако реклама при этом выполняет не только информационную функцию, но также и воспитательную, и идеологическую. То есть рассказывая о проблемах общества, социальная реклама, с другой стороны, закладывает нормы поведения, ценностные ориентиры.

По мере своего развития общество обеспечило себя определенными способами коммуникации абсолютно различного уровня: межличностной, массовой и даже институционализированной (в виде таких общественного сознания, как религия, наука, искусство, мораль, правосознание и т.п.). Они помогали человеку адаптироваться к определенным моделям поведения или мнения, формируя образ социально одобряемого и социально неодобряемого действия или мнения (эмоции).

Необходим был способ передачи данных образов. Так появился феномен социальной рекламы.

Возникает закономерный вопрос: если социальная реклама важна для общества, если она помогает моделировать поведение и мнение людей, почему же общественные проблемы не уходят? Это вопрос эффективности социальной рекламы. И помогает его понять структура общественного мнения.

Если социальная реклама направлена только на сумму интересов, т.е. на коллективные потребности, то она «не работает», поскольку совершенно не актуальна для сферы личного, персонального опыта, который регулируется ментальными ценностями. Она, вероятно, будет эффективна, если совпадет одновременно не только с потребностью, но также с сугубо личными интересами и ментальными установками социума.

Список литературы

1. О рекламе : федер. з-н Рос. Федерации № 38-ФЗ от 13 марта 2006 г. – М. : РИОР, 2006.
2. Белянин, А. Б. Социальная реклама как коммуникативный ресурс управления : автореф. дис. ... канд. социол. наук / А. Б. Белянин. – М., 2007
3. Короткова, Л. Н. Социология общественного мнения / Л. Н. Короткова. – М., 2000.
4. Николайшвили, Г. Социальная реклама / Г. Николайшвили. – М., 2008
5. Савельева, О. О. Введение в социальную рекламу / О. О. Савельева. – М. : РИП-холдинг, 2006.
6. Социология : учебник / под ред. В. Н. Лавриненко. – М., 2004.
7. Харрис, Р. Психология массовых коммуникаций / Р. Харрис. – СПб., 2003.

М.А. Самойлов

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

С.П. ШЕВЫРЕВ – СОТРУДНИК «МОСКВИТЯНИНА»

Статья посвящена анализу десятилетней деятельности С.П. Шевырева в качестве ведущего сотрудника «Москвитянина», чье поэтическое, литературно-критическое, языковедческое творчество во многом предопределяло информационную политику и коммуникативную стратегию журнала с 1841 по 1850 год.

На протяжении около десятилетнего сотрудничества с «Москвитянином» (1841–1850) ведущим сотрудником журнала был С.П. Шевырев. Его поэтическое, литературно-критическое, языковедческое творчество во многом предопределяло информационную политику и коммуникативную стратегию органа.

Руководствуясь техникой прочтения сочинений С.П. Шевырева в контексте журнала «Москвитянин», реализуется принцип имплицитного давления, господства контекста над конкретными своими слагаемыми, являющийся одним из важнейших при использовании метода историко-литературного исследования журналистики, выработанного В.Б. Смирновым [Смирнов, 2005]. Труды С.П. Шевырева в данном случае составляют наиболее активный и характерный текст внутри журнала, по своему потенциалу превышающий роль иных текстов при ассоциации контекста «Москвитянина».

Валюативная сила идеологического ядра комплекса шевыревских работ экстремально соответствовала программным установкам журнала.

Движущим и руководящим механизмом в мышлении С.П. Шевырева неизменно оказывался его патриотизм, «соединяющий в себе благонамеренную патриархальную консервативность и мессианский пафос» [Маркович, 2004, с. 17]. Патриотическое одушевление «сообщало смысл его работе в «Москвитянине» [Ратников, 2007, с. 76], добиваясь того, чтобы Россия обрела истинное, полноценное искусство и настоящую, полноценную «науку искусства» – литературную критику. Сочинения С.П. Шевырева «москвитянинского» периода направлены на конструирование в сознании читателя-акцептора уверенности, что их появление сразу же поднимет молодую русскую культуру на высоту, отчасти уже утраченную просвещенными народами Европы, которые, как тогда он считал, приближаются к своей исторической старости. В размышлениях С.П. Шевырева постулировалась идея абсолютной исключительности русского пути и спасительной для Запада всемирной роли России. Предпосылкой этой идеи (прежде всего это мысль о превосходстве России, пользующейся преимуществом «сил бодрых, юных, неистощенных») оформились налицо.

Мысль эта на протяжении сотрудничества с «Москвитянином» проходит несколько стадий развития. Соприкоснувшись с мыслью о кризисе и разложении Запада, она вполне логично метаморфировала в мессианскую концепцию русской истории: речь велась о мировом значении русской культуры и ее предназначенности для спасения всего остального мира. Движение к этому тезису историко-философской схемы «Москвитянина» было достаточно коротким и прямым. А мысль о необходимости равняться на древние образцы, идеал религиозно-дидактического искусства, возвращение к нормативности критических оценок оказались закономерным следствием задач поставленных редакцией в начале издания.

Подобные идеи преимущественно сказались у С.П. Шевырева во фрагментах многочисленных критических статей, затрагивающих древнерусскую литературу. Здесь С.П. Шевырев выяснял происхождение и особенности русского языка как первоисточника национальной словесности, давал развернутую характеристику рождающейся русской литературы, знакомил читателя с русским фольклором, рассматривал важнейшие письменные памятники IX–XII веков: «Изборник» Святослава, «Остромирово Евангелие», «Киево-Печерский патерик», «Хождение» игумена Даниила, «Поучение» Владимира Мономаха, «Слово» Даниила Заточника, сочинения Кирилла Туровского, «Слово о полку Игореве». А. Евгин справедливо полагает, что С.П. Шевыреву удалось создать новую научную дисциплину – осуществить историко-литературное исследование древней отечественной словесности [Евгин, 2005, с. 76] В различных по природе материалах (стихи, заметки, библиография, программные статьи, обзоры) несмотря на разноплановость присутствующих в их содержании дискурсов, обусловленная обилием среди них гетерогенных текстов, не создавая дискретности их восприятия,

С.П. Шевыреву удается преодолеть преобладающее в современной социокультурной реальности мнение, что история русской литературы начинается с Ломоносова, что несколько древних памятников «еще не составляют словесности» и что говоря «о временах до-Петровских», невозможно в словесности этого времени найти содержание, представляющее историко-литературный интерес.

Атрибутивным свойством выступлений С.П. Шевырева по поводу «древней» словесности было стремление представить в качестве дихотомии клерикальные и светские тексты, актуализируя важнейшую для «Москвитянина» директиву сопряженности, симбиотики, сорегуляции института православной церкви и общественного устройства, присущего российскому государству с «баснословных» времен. Такие установки журнала у С.П. Шевырева находили выражение и в отборе материала, и в способе его характеристики: религиозные сочинения (например, жития святых) рассматривались именно и только как религиозные, и, более того, становились материалом для нравственных поучений, адресуемых читателю. Подобные логические образования «москвитянинцев» сопровождались жесткой критикой со стороны оппонентов, в первую очередь от представителей демократической журналистики. Так, В.Г. Белинский, намекая на несносную тенденциозность автора «Истории русской словесности, преимущественно древней» (в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года») заметил, что факты, не подкрепляющие его «любимые идеи», С.П. Шевырев регулярно выносил в примечания [Белинский, 1956, с. 46].

Конгениальной тактической схеме «Москвитянина» была и шевыревская модель диалога с читателем. Ведущие сотрудники журнала (Н.М. Языков, М.А. Дмитриев, А.А. Стурдза, М.П. Погодин и др.) избирали агрессивную стратегию, составляя свои сообщения таким образом, чтобы реципиент был уверен в исключительности транслируемых медиафактов, не оставляя в своих зачастую эмоционально-интуитивных построениях свободного пространства для возможности существования заведомо некорректных гипотетических образований. Причем при такой довольно уверенной стратегии взаимодействия с аудиторией ей аккомпанирует менторская, «просветительная» манера подачи материала. В статьях «моквитянинского» периода С.П. Шевырев отходит от своей методы предыдущих лет [Бознак, 2004, с. 112] и начинает судить писателей и явления общественной жизни со стороны, а вернее сверху. Такая перемена сопутствует внутрижурнальному усилению идеи регулируемого развития литературы.

Эта идея слышна в его важнейших декларациях, ставших программными для «Москвитянина» в 40-е. «Мы считаем своей обязанностью подавать в литературе голос понятный и твердый», – заявляет он в статье «Критический перечень произведений русской словесности за 1842 год» (1843, № 1). Основой «литературного дела» здесь признана наука, которой отводилась контролирующая функция в развитии культуры. Наука, полагает С.П. Шевырев, должна приобрести подвижность «текущей» критики, усвоить

ее главные качества, но сохранить верность своей традиционной ревизионную роль. «Необходимо, чтобы ученые взялись за дело в мире литературы, – настаивает С.П. Шевырев, – чтобы они, совокупя силы, явились властителями общественного мнения». И сразу вслед за тем подчеркивает, что одною из главных целей «Москвитянина» было предложить такое сборное место для всех ученых России». Мысль о превращении журнала в орган, способный руководить развитием литературы, кристаллизуется в статье достаточно определено.

Новой установке соответствует учительский тон профессора: он предельно сужает коммуникативно-дистанционную зону между собой и адресантом, с его статей звучат безапелляционные приговоры и прямые поучения. А за ними вырисовываются жесткие нормативные критерии, оценки, поставленные «над» естественным бытием и движением литературы. При этом большой оплошностью С.П. Шевырева (характерной для многих участников «Москвитянина», являющихся в большинстве своем деятелями науки) было невнимание к кодировке сообщения, насыщенному атрибутикой, присущей научной функциональной стилистике. Читатель испытывал большие трудности при декодировании многих материалов «Москвитянина», в чем журнал много проигрывал конкурентам из «Отечественных записок» и «Библиотеки для чтения».

Обращение С.П. Шевырева к мысли о необходимости регулировать отечественную словесность обусловлено его нешуточными опасениями по поводу интенсивного прогрессирования влияния европейских культурных ценностей, угрожающих выхолащиванием самобытных ментальных структур, что по С.П. Шевыреву приведет к неминуемой деградации и девальвации с колоссальным трудом (деятельность Петра I, кровопролитные события 1812 года, языковые реформы Карамзина и Пушкина) достигнутых культурных достижений.

Много путешествуя по Европе, страстный поклонник Данте, Ариосто, Тассо С.П. Шевырев увидел в современном Западе нарождающиеся ростки утраты пассионарных начал, следствием чего явились политические революции, «недуги государственности», замечаемый М.П. Погодиным в путевых очерках о Париже (печатаемых в «Москвитянине» в 1841 году «развратом личной свободы», и, главное появление принципиально нового типа аудитории – «массовой аудитории», «несметной массы читателей» в характеристике С.П. Шевырева. Противодействие этим тенденциям на российском медиапространстве своим долгом считал С.П. Шевырев, задавая вектор магистральному направлению мыслей авторов большинства дискурсов журнала.

Список литературы

1. Батунова, Т. К. Митрополит Филарет и литературная жизнь XIX века / Т. К. Батунова // Вестн. Моск. Гос. Обл. ун-та. – М., 2006. – № 1.
2. Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений Т. X / В. Г. Белинский. – М., 1956.
3. Бознак, О. А. Методологические поиски С.П. Шевырева в контексте формирования литературной герменевтики в Германии XIX века / О. А. Бознак // Вестн. Коми гос. пед. ин-та. – Сыктывкар, 2004. – Вып. 1.

4. «Русские воззрения» в трудах С.П. Шевырева : ист.-лит. сб. – СПб., 2003.
5. Евги, А. С.П. Шевырев в литературе и духовной жизни России 20–50-х годов XIX\ века // История. Культура. Духовность / А. Евги. – Калуга, 2005. – Вып. 5–6.
6. Шевырев, С. П. Об отечественной словесности / С. П. Шевырев ; вст. ст. В. М. Марковича. – М., 2004.
7. Ратников, К. В. Коммерческая и творческая составляющие русской журналистики: концепция С.П. Шевырева о взаимоотношениях «словесности» и «торговли» / К. В. Ратников // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Сер 11, Журналистика. – Челябинск, 2004. – № 1.
8. Ратников, К. В. Степан Петрович Шевырев и русские литераторы XIX века / К. В. Ратников. – Челябинск, 2007. – Ч. 2.
9. Ратников, К. В. Фольклорная концепция академика С.П. Шевырева К. В. Ратников // Традиционная культура сегодня: теория и практика. – Челябинск, 2006. – Ч. 1.
10. Смирнов, В. Б. Журналистика и литература. Методологические и историко-литературные проблемы / В. Б. Смирнов. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2005.

М.Г. Вартамян

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ЖУРНАЛИСТИКА КАК ИГРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО

Статья посвящена рассмотрению связи феномена СМИ и феномена игры. Журналистика функционирует по тем же законам, что и игры: ограничение временем и пространством, наличие определенных правил реализации, нацеленность на конкретную категорию читателей, отбор материала в соответствии с политическими интересами и установками редакции и самого корреспондента.

Растущий темп и напряженность жизни, отчуждение личности, обоснованные высоким уровнем технических возможностей, позволяющих людям общаться, находясь в разных уголках планеты, обезличивание общения, диктуют обществу поиск форм отдыха, разрядки, высвобождения творческого потенциала, не реализованного в социуме. Одним из способов отвлечения от будничного устройства жизни является игра. Но игра – это не только форма рекреации, по сути, все сферы деятельности человека пронизаны игрой (политические демонстрации, телевизионные шоу, конкуренция внутри трудовых коллективов), происходит карнавализация различных социальных процессов. При этом в жизнь человеческого общества игра вписана с древних времен, она выступила источником и способом формирования культуры, именно поэтому философы, начиная с Платона, занимались осмыслением места феномена игры в жизни людей.

Любую игру отличают несколько признаков. Игра обладает изолированностью, она обособлена местом и продолжительностью действия, ее неотъемлемой составляющей являются правила, устанавливающие особый порядок игры, а их нарушение приводит к разрушению всего игрового пространства. При этом вступление в игру – всегда добровольно. Играя, человек выходит из рамок постоянной жизни во временную сферу, которая граничит с серьезностью, но зачастую эту грань проследить практически невозможно. [Хейзинга, 1992, с. 17–20].

На основании приведенных характеристик легко проследить взаимосвязь игры и практически всех сфер деятельности человека. В современных же условиях наиболее ярко данная связь проявляется в сфере журналистики.

Система СМИ, нацеленная на прибыль, старается обеспечить себя стабильным доходом. Реализовать данную задачу проще всего через удовлетворение потребностей аудитории, которые в большинстве своем связаны с рекреационными программами и публикациями. Таким образом, СМИ, создавая и поддерживая целую индустрию развлекательной продукции, формирует альтернативную (игровую) реальность, зачастую отличающуюся беспечностью, красочностью, выдвигающую на первый план личностные мотивы и интересы. Аудитория в свою очередь, воспринимая эту картину мира, все больше теряет способность критического осмысления информации, транслируемой в СМИ, и все больше погружается в игровое пространство журналистики – виртуальную реальность, функционирующую по собственным законам. Таким образом, через формирование альтернативной реальности реализуется первый признак игры – *изолированность*. Погружаясь в игровую реальность текстов СМИ, человек также переносится в иной хронотоп. Место действия, где разворачиваются события, их протяженность во времени завладевают аудиторией. Важной деталью является то, что при погружении в игровую реальность, человек теряет ощущение жизни, ему трудно проследить границу, за которой начинается вымысел. По сути, аудитория вовлечена в медиаигру, которая конструирует представление людей о событиях, происходящих как в собственном городе, так и за рубежом. Построение этой реальности происходит посредством отбора фактов, мнений, акцентов на конкретных лицах. Определяющую роль здесь играют установки редакции, собственные ценности журналиста и, конечно же, политические и социальные интересы. При этом аудитория лишена ресурсов для определения объективности фактов. То есть, несмотря на то, что аудитория *добровольно* вовлекается в игровое пространство журналистики, она подчинена *правилам*, которые задаются корреспондентами, редакторами и политическими силами. Однако помимо идеологических правил, есть и чисто формальные законы функционирования журналистики, которые проявляются в системе жанров, каждый из которых имеет свою структуру и задачи.

Также исследователи выделяют следующие функции игры как культурного феномена:

1. Социализирующая.
2. Педагогическая.
3. Коммуникативная.
4. Компенсаторная [Апинян, 2003, с. 5–6].

Данные функции игры также имеют очевидную соотнесенность с функциями журналистики. Игра в своем первоначальном виде помогает человеку пройти процесс социализации. Именно в игровой форме ребенок учится дисциплине, приобретает навыки совместной деятельности. К тому же задавая определенное назначение куклам или даже самому себе и другим участникам процесса, он впервые реализует социальные роли. Несомненно, социализация

человека невозможна без реализации коммуникативной функции. Именно в процессе игры мы учимся общаться, выражать свое видение мира, приходить к общей точке зрения, ведь без согласия всех игроков с предлагаемыми условиями, игра не начнется. Интересной для рассмотрения является компенсаторная функция. Игра помогает человеку отвлечься от повседневной жизни, в своей творческой реализации, он восстанавливает психологические и физические силы – в этом и заключается основная суть компенсаторной функции. Как же данные функции реализуются в журналистике?

Тексты СМИ пусть и в искаженном виде, но все же отражают реальность. Через знакомство с ней, человеку открывается возможность изучения социального устройства, социальных ролей. Также примеряя на себя некоторые ситуации и события, ассоциируя себя с героями программ, индивиду удастся выбрать определенную модель поведения в обществе. Коммуникативная функция, по сути, важная для СМИ. Ведь именно через журналистику выстраивается взаимодействие, обмен информацией членов социума. Педагогическая же функция реализуется посредством нескольких других: культуруформирующей, организаторской и пропагандистской. И, наконец, компенсаторная. Также как игра, некоторые виды СМИ служат фоном будничных дней, помогающих компенсировать напряжение.

Поскольку журналистика пронизывает, по сути, всю жизнь человека, она оказывает значительное влияние на формирование отдельных личностей и всего общества в целом. Однако то обстоятельство, что современные СМИ формируют игровое пространство и функционируют на основании игровых моделей, придает этому воздействию на социум определенную направленность. Игровые формы сознательно используются для утаивания общественных или политических намерений, индивиды все реже оказываются в условиях, где от них требуется собственное мышление. Данное обстоятельство обусловлено следующими факторами: люди сегодня информированы через СМИ обо всем понемногу, что привело к отказу от авторитетов, каждый считает себя достаточно осведомленным и готов озвучивать свое мнение. К тому же человек стремится к личному развитию, однако данному стремлению противостоит коллективная организация жизни социума и система трансляции готовых знаний и мнений через СМИ. Так, «современный человек очень сильно подвержен напору дешевого массового продукта и в области эстетической» [Хейзинга, 1992, с. 276], что приводит к снижению критического мышления и потребности выводить собственные умозаключения. Значительную роль в этом процессе играет телевидение. Ведь человеку свойственна поверхностная оценочность и повышенная внушаемость визуального восприятия. Именно поэтому реклама максимально насыщена экспрессией и чувственностью. Она возбуждает некое настроение и требует оценочного суждения, которое реализуется моментально, беглым взглядом. Реклама способствует дальнейшему упадку способности суждения. Эра рекламы не знает ограничений в средствах. Любую информацию она насыщает огромным зарядом суггестии, навязывает свои призывы публике как догмы, заряжая ее насколько возможно чувством отвращения или восхищения. А современная

политическая публицистика превращает своих клиентов в горячих больных [Хейзинга, 1992, с. 332–337].

Таким образом, гласность и всеобщее образование ведут к вырождению и упадку. Непрерывные знания тормозят работу мысли, преграждают дорогу мудрости. Подлинная же игра исключает всякую пропаганду. Она содержит свою цель в самой себе. Ее дух и ее атмосфера – радостное воодушевление, а не истерическая взвинченность. Сегодня пропаганда, которая хочет завладеть каждым участком жизни, действует средствами, ведущими к истеричным реакциям масс, и поэтому даже когда она принимает игровые формы, не может рассматриваться как современное выражение духа игры, но только как его фальсификация [Хейзинга, 1992, с. 238].

Таким образом, очевидна связь журналистики и феномена игры. Современные СМИ не только вбирают в себя признаки игры, реализуют ее функции, но также целенаправленно формируют настоящее игровое пространство. Однако, очевидно, первоначальные свойства игры добровольности, легкости, нацеленности на преобразование и способ реализации творческого начала человека, подменяются скрытыми намерениями, функционированием на основании правил, установленных лишь одной стороной участников, то есть игра претерпевает определенную трансформацию в современную эпоху информатизации, что переводит журналистику как игровую форму деятельности в сферу мифотворчества и манипуляции.

Список литературы

1. Хейзинга, Й. Homo Ludens / Й. Хейзинга. – М., 1992.
2. Апинян, Т. А. Игра в пространстве серьезного. Игра, миф, ритуал, сон, искусство и другие / Т. А. Апинян. – СПб., 2003.

В.А. Капустина

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА»: К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В ЖУРНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

На примере художественной прозы волгоградского литературно-художественного журнала «Отчий край» рассматриваются некоторые аспекты изучения произведений и творчества писателя в журнальном контексте, затрагиваются некоторые методологические аспекты изучения феномена «литературной журналистики».

Литературно-художественные журналы всегда играли важную роль в литературном, общественном процессе России, затрагивая в своих материалах практически все вопросы современности – от политики и экономики, до искусства и философии. К середине XIX-го века назревает необходимость методологически, теоретически обосновать специфику функционирования

«толстых», энциклопедических журналов. Первой попыткой стали выступления В.Г. Белинского. В своих «Обзорах литературы» критик писал о необходимости рассматривать русскую журналистику и литературу в некоем единстве, подчеркивая, что «в журналах сосредоточилась наша литература, и оригинальная, и переводная» [Белинский, 1955, с. 441]. На тесную взаимосвязь литературы и журналистики указывали Н.К. Михайловский, Н.Г. Чернышевский, В.Г. Короленко. Интерес к литературно-художественным журналам не угасает и на рубеже веков: современному состоянию этого сегмента СМИ и литературы посвящены многочисленные круглые столы, конференции, симпозиумы.

Исследователь М.В. Теплинский изучение литературной журналистики возводит до уровня научной проблемы: «Крупнейшие журналы были литературными центрами, они стремились объединить вокруг себя близких по идейно-художественным целям писателей, направляли их творчество, порою даже выступали в качестве организаторов литературных школ» [Теплинский, 1984, с. 97]. Как справедливо замечает В.Б. Смирнов, «взгляд на историю литературы сквозь призму журналистики, вовлечение журнального материала в орбиту историко-журнальных интересов, дающее возможность понять общественно-литературное движение именно как *процесс*... – такой тип исследования журналистики – равноправный среди прочих, а зачастую, там, где дело идет о литературно-художественных или энциклопедических журналах... (подобно «Современнику» или «Отечественным запискам» Некрасова и Щедрина), и *наиболее эффективный*» [Смирнов, 2005, с. 23–24]. Таким образом, современная теория доказала, что изучение литературно-художественных журналов будет наиболее плодотворным, если пользоваться совокупностью методов, интегрирующих историко-литературные, историко- и теоретико-журналистские подходы.

Принципы литературоведческого анализа нацелены на изучение литературно-художественной составляющей части «толстого» журнала – проблемно-тематический, жанровый, композиционный анализ опубликованных произведений. Однако рассмотрение только лишь художественной ценности литературного материала на страницах журналов неизбежно приведет к односторонности. Необходим иной подход, а именно изучение журналистики в историко-литературном аспекте. Впервые основные принципы историко-литературного метода изучения журналистики были разработаны В.Б. Смирновым. Суть метода – в контекстуальном анализе журнальных материалов. Исследователь отмечает, «публикация того или иного произведения в журнале объясняется в первую очередь соответствием идейно-художественного «состава» произведения тому кругу социальных, политических и философских, эстетических проблем, которые разрабатываются журналом» [Смирнов, 1998, с. 7], «...главное в историко-литературном подходе – выявление *отношений, взаимодействия* между журнальными текстами, не внутритекстовая, эстетическая структура, а межтекстовые идейные и эстетические взаимоотношения» [Смирнов, 1998, с. 12].

Таким образом, литературное произведение, опубликованное в журнале, находится в неразрывной связи с его контекстом. Под контекстом издания

понимается общий тон его звучания, «настроение» и направленность деятельности, верность определенной общественной идее и культурной политике, которая сложилась у редакции и существенно влияет на выбор авторов и произведений. М.В. Теплинский называет контекстом единство идейных, художественных, структурных характеристик, полагая, что отсутствие последовательности в контексте журнала может говорить об отсутствии самого контекста: «Единство характерно не для любого периодического издания. Само по себе наличие такого единства свидетельствует о внутренней выдержанности, строгой последовательности политики издания» [Теплинский, 1975, с. 30]. По мнению В.Б. Смирнова, журнальный контекст «...активизирует, предельно заостряет внутриконтэкстные связи, заставляя «служить» произведение целям издания, актуализируя зачастую такие идейно-художественные аспекты произведения, которые вне журнального контекста, в отдельном издании, могут пройти незамеченными» [Смирнов, 1996, с. 10]. Чтобы избежать ошибки, делая вывод, например, о «случайности» произведения для «толстого» журнала, необходимо строго разграничивать понятия макро- и микроконтекста. Микроконтекст, по М.В. Теплинскому, это «анализ материала в сопоставлении с другими материалами, которые опубликованы в том же номере или соседних номерах. Понятие макроконтекста целесообразно использовать, когда речь идет о соответствии произведения или творчества автора общему направлению журнала» [Теплинский, 1975, с. 30]. Следует выявлять и все случаи «внутренних» конфликтов и противоречий, непоследовательности в общем направлении издания.

Можно выделить четыре основные задачи, которые необходимо решать исследователю при изучении прозы или поэзии, опубликованной на страницах литературно-художественного журнала: 1) установление идейно-эстетической связи между опубликованными в литературно-художественными произведениями (на уровне тематики, проблематики, жанрового и композиционного своеобразия); 2) выявление контекстуальной связи литературного и публицистического материала «толстого» журнала; 3) определение особенностей идейного направления издания; 4) четкое уяснение литературной позиции: в критических работах обосновываются взгляды журнала на современное состояние литературы, объясняется предпочтение тех или иных тем, проблем, жанров прозы и поэзии издания.

Контекстуальное изучение прозы, поэзии журнала «Отчий край» позволяет сделать следующие выводы:

«Случайность» появления произведения в журнале – явление редкое. Практически любой материал (художественный или публицистический) обнаруживает теснейшую взаимосвязь с тематической направленностью номера (например, выпуски «Отчего края», посвященные городам и рекам области).

«Отчий край» следует наметенной еще в первом номере программе: «Главная цель – возрождение духовности и культуры отчего края во всех его разновидностях, включая как народное, так и профессиональное творчество». Тема малой родины – основная в художественной линии журнала. В таких произведениях «вырисовывается» и образ положительного героя – человека деятельного, думающего, высоконравственного, любящего свою землю,

истинного патриота, способного прочувствовать красоту природы родного края (проза Б. Екимова, П. Селезнева, А. Данильченко, Т. Брыксиной). Следует отметить, что произведения о малой родине находят поддержку в рубриках «Критика и библиография», «Книжная полка». Общее требование критиков к местным авторам, прежде всего, психологизм, достаточно четкая мотивировка тем и проблем, характеров.

Журнал «Отчий край» не заикливаясь на региональных интересах. Тема «малой» родины в прозе журнала часто соседствует с темой «большой» родины – России. «Отчечраевские» писатели и поэты, раздумывая над судьбами страны, затрагивают в своих произведениях такие проблемы как нравственная деградация современного человека, рост отчуждения между людьми, лжепатриотизма, подмены ценностей. Тема России теснейшим образом связана с общественной позицией издания. Авторами постоянно подчеркивается кризисность, перевал общественного строя – от разрушившегося коммунизма до неустановившейся демократии. Поэты журнала нередко констатируют факт гибели сильного государства, призывают страну воспрянуть духом, открыть глаза на происходящую несправедливость (М. Зайцев, С. Васильев и мн. др). Пути выхода авторы видят в «прозрении» каждого отдельного человека (повести А. Данильченко, П. Селезнева, Т. Брыксиной, Т. Мельниковой). Своеобразной «проекцией Российской действительности» являются фантастические и детективные повести Е. Лукина, В. Першанина, С. Синякина. Кроме того, мы установили интерес журнала к теме Великой Отечественной войны и Сталинградской битвы. Эта тема, разработанная достаточно объемно и в художественных отделах, и в публицистике, позволяет говорить об особой патриотической позиции «Отчего края». Авторы журнала предельно объективны к историческому прошлому. Поэтому основная проблематика военных материалов – новая правда, изучение ранее неизвестных фактов и документов, нередко свидетельствующих об ошибках советского командования, ведущих к многочисленным человеческим жертвам.

Спектр жанровых форм прозы «Отчего края» широк и разнообразен – от рассказа до исторической повести. Появление жанровых форм обуславливается и «историко-географическим» фактором (например, именно рассказ – основной творчестве волгоградских прозаиков), и журнальным контекстом (пример – военные повести).

Список литературы

1. Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. / В. Г. Белинский. – М., 1953–1959.
2. Смирнов, В. Б. «Отечественные записки» и русская литература 70–80 гг. XIX века / В. Б. Смирнов. – Волгоград, 1998.
3. Смирнов, В. Б. Журналистика и литература. Методологические и историко-литературные проблемы / В. Б. Смирнов. – Волгоград, 2005.
4. Смирнов, В. Б. Ф.М. Достоевский и русская демократическая журналистика 70–80-х годов / В. Б. Смирнов. – Волгоград, 1996.
5. Теплинский, М. В. История литературной журналистики как научная проблема / М. В. Теплинский // Методы исследования журналистики. – Ростов н/Д., 1984.
6. Теплинский, М. В. О некоторых задачах изучения журнального контекста // Филологические этюды. Журналистика / М. В. Теплинский. – Ростов н/Д., 1975. – Вып. 3.

Секция
**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА
В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ**

Л.В. Кулькина

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ И «ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ»

В статье на материале произведений А.П. Чехова охарактеризовано «психологическое время» как художественная реальность, репрезентирующая взаимоотношения, существующие между писателем и обществом.

В данной статье мы рассматриваем «психологическое время» как художественную реальность, в виде взаимоотношений, существующих между писателем и обществом. Особое значение имеет исследование влияния искусства на дух эпохи. Социально-психологический климат времени, в свою очередь, оказывает влияние на формирование личности автора произведения. В.Е. Семенов делает по этому поводу очень важное замечание: «... Художественное произведение действительно возникает из объективной социальной действительности как диалектический синтез отражения и самовыражения активного субъекта творчества, доводится до аудитории при помощи специальных социальных средств, воспринимается другими активными субъектами в процессе сотворчества, интерпретации и снова как бы возвращается в объективную социальную действительность в мыслях, настроениях, духовных интенциях, психологических установках и в конечном счете в поступках и деятельности людей».

В пьесах Чехова психологическое время проявляется в речах и поступках персонажей в пяти основных своих формах: реляционной, динамической, статической, субстанциональной и радикальной. Реляционная концепция времени предполагает, что время есть лишь отношение между событиями, одни из которых произошли раньше, другие позже, выбранной точки отсчета. Точка отсчета может носить трагический характер. Три года и восемь месяцев прошло после того, как умер отец Платонова в «Безотцовщине», в «Трех сестрах» действие начинается именно этим относительным времени «Отец умер ровно год назад...». Реляционная концепция обычно использует такой закон фантазии, как умножение и разделение событий и предметов. Однако у Чехова она оказывается и сращиванием признаков бытия и небытия, живого и мертвого. Отмеченная фраза Ольги продолжается так «... как раз в этот день, пятого мая, в твои именины. Было очень холодно, тогда шел снег. Мне казалось, я не переживу, ты лежала в обмороке, как мертвая. Но вот прошел год, и мы вспоминаем об этом легко». Ирина заметит ей, что вспоминать незачем, и ведь печальными воспоминаниями Ольга напророчит беду несостоявшемуся мужу Ирины поручику Тузенбаху. Тем самым реляционная картина времени у Чехова всегда готова перейти в статическую.

Статическая концепция времени настаивает на одинаковой реальности прошлого, настоящего и будущего и в художественной литературе сопровождает воспоминания, прямой и косвенный намек на возможные события. В «Трех сестрах» – это воспоминания героинь и других лиц о прошлом и их далекие прогнозы о будущем, иногда неубедительные, иногда отражающие неполную истину. «Одиннадцать лет прошло, а я помню там все, как будто выехали вчера!» – воскликнет Ольга о Москве. Наиболее полно в статическом неизменном времени пребывает Кулыгин, он одинаково доволен жизнью. В статической концепции часть превращается в целое, настоящее порождается прошлым и предопределяет будущее. Однако в чеховской интерпретации будущее героев оказывается несбыточным. Софья Егоровна – убийца Платонова из «Безотцовщины» благодарит свою будущую жертву, что он воскресил ее, собирается убежать с ним, чтобы начать новую жизнь. Но это оказывается иллюзорной возможностью.

Динамическая модель времени настаивает на реальности лишь настоящего, прошлого уже нет, а будущего еще нет. Вот это динамическое, ускользающее из рук героев время и является их метафизическим судьей в «Трех сестрах». Они (за исключением Маши) не умеют бороться за настоящее. В этой модели времени, напротив, время превращается в один из своих признаков (длительность), целое становится своей частью. В «Дяде Ване» Войницкий признается, что прошлое «израсходовано на пустяки, а настоящее ужасно по своей нелепости».

Субстанциональная концепция времени, настаивает на определенной вещности времени, его равноправии с веществом и полем. В художественной литературе это установление реально не существующей связи времени с потоком воды, со стихией огня и т.п. В «Лешем» стихия огня дана как разрушительное начало, которое вызывает встречную активность помещика Хрущева, прозванного за свою любовь к лесу Лешим: «Пусть горят леса – я посею новые!». Любопытно, что сразу после пожара происходит решительное объяснение двух пар влюбленных. В «Трех сестрах» пожар является в третьем действии, он сжимает пространство, переполняет дом Прозоровых, хотя горит далеко от них, а у времени обнаруживаются совершенно особые свойства биологического ускорения. «В эту ночь я постарела на 10 лет», – признается Ольга.

Радикальная концепция времени полагает, что времени нет вообще, даже настоящего, а есть свойство предметов изменяться, и это изменение и называется временем. Исчезновение же самих предметов оборачивается исчезновением времени. В «Чайке» в пьесе Константина Треняева в монологе Нины говорится о времени, наступившем через двести тысяч лет, когда исчезли люди и все живые существа и лишь мировая душа, вместившая в себя всю историю земли, сопротивляется дьяволу. Данная модель времени, говорит о его исчезновении как самостоятельного объекта. Автор пьесы драматург Треняев не продолжает представление не только потому, что уязвлен критическими замечаниями, но и потому, что исчерпаны возможности хронического художественного мира, сотворенного им. В «Трех сестрах» Ирина говорит, что

«жизнь уходит, и никогда не вернется, никогда, никогда мы не уедем в Москву». Это признание того, что они уже изменились настолько, что в символическом плане Москва как центр высокой духовной жизни для них уже недоступна.

Статическая модель времени, допускающая одинаковую реальность прошлого, настоящего и будущего пасует перед теми испытаниями, которые выпадают на долю персонажей. В «Иванове» Анна Петровна – жена главного героя, прекрасно знающая, как когда-то он ее боготворил, заявляет: «Теперь я все понимаю. Ты никогда не любил меня и не был мне верен». Отношения между индивидами в смысле «теперь» переведены во всеобщее. Время любви отсутствует сначала в мыслях, а затем уже сопутствует исчезновению из жизни Анны Петровны и самого Иванова. В «Чайке» Нина Заречная в последнем монологе перед Костей Треплевым признается, что она и крайне слабая актриса, и настоящая актриса, и будущая великая актриса. Она замерла в своем статическом времени. Прошлая любовь к Тригорину все еще остается с ней, хотя была истоком страданий и мук. Здесь же звучит ее странное пожелание самой себе: «Меня надо убить». Статика сосредоточена на самой профессии. Константин Треплев, напротив, герой динамического времени. Он говорит, что его молодость «как оторвало», и ему кажется, что «он прожил на свете девяносто лет». И вот эта кажимость прожитости жизни оказывается реальностью. Его статическое время связано с обликом милой, возникающим всюду, «куда бы <...> ни смотрел». Но милая уходит, и далее автор фиксирует исчезающе малые отрезки времени, две минуты он рвет свои рукописи. Мать и гости собираются «играть и пить». Тригорину показывают чучело чайки и тригоринское «не помню!» предвещает выстрел Треплева. Спустя полминуты доктор Дорн, чтобы не беспокоить мать Треплева, скажет, что лопнула склянка в его аптечке.

В символическом плане в финале «Чайки» прочитывается бессилие интеллигенции предотвратить предчувствуемую катастрофу. Их поражение предопределено беспамятством по отношению к недавнему прошлому. Они живут в динамическом времени только настоящего, «играют и пьют» в то время как разражается катастрофа.

Преобладание протекающего момента над прошлым и будущим воплощено и в одноактных пьесах Чехова «Медведь» и «Предложение». В «Медведе» симпатичная вдовушка и скандальный помещик идут стреляться, и именно в этот момент обнаруживают, что прошлое перечеркнуто, и они любят друг друга. В «Предложении» помещик Ломов приезжает свататься к Чубуковым, где отец Натальи Степановны сразу же говорит, что всегда любил его как «родного сына», а дочка «влюблена, небось, как кошка». Но вот возникает ссора из-за небольшого участка земли, и молодой человек превращается в «негодяя», в «чучело». Узнав, что Ломов приезжал свататься, Наталья Степановна готова признать права жениха на Володьку Лужки, но опять возникает спор, какая собака лучше Откатай или Угадай. С Ломовым делается обморок, Чубуков готов зарезаться. Сватовство все-таки удачно завершено, но

спор продолжается, это, по словам отца невесты, громко требующего шампанское, чтобы перекричать ссорящихся, это уже «семейное счастье». Итак, Чехов создает ситуацию, когда счастье и несчастье уравниваются. Бедный Ломов с его сердцебиением запомнил русскую поговорку «жениться не напасть, как бы женатому не пропасть».

Чехов, овладев психологической тайнописью, создал пьесы, которые в течение всего двадцатого столетия подвергались осмыслению и переосмыслению, новому прочтению и интерпретации. Их смысловая глубина сравнима с глубоководными впадинами Тихого океана, куда можно погружаться вновь и вновь, используя суперсовременные технические средства, но достигнуть дна практически невозможно. Наверное, здесь творческий дух писателя соприкасался с тайнами мироздания, постичь которые нам пока не дано.

К.А. Степаненко

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

«ДЕТСКИЙ РАЙ» ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА

Образ ребенка и тема детства в русской литературе изначально были наделены особым художественным и нравственным значением. Поиски человеческого в человеке, стремление открыть коренные и непреходящие ценности бытия – все это сомкнулось в образе ребенка, ставшего одним из главных героев русской литературы. С темой детства и образом ребенка связаны глобальные исторические и психологические концепции человека, в них запечатлены существенные черты художественных исканий двух последних столетий. Свое, далеко не последнее, место тема детства занимает в творчестве Велимира Хлебникова.

Велимир Хлебников – поэт, во многом определивший пути развития русской литературы и всей культуры 20 века. Хлебников сознавал, что опередил свое время и глубоко чувствовал свое трагическое одиночество – одиночество поэта в мире. Среди литераторов, критиков и журналистов его часто называли помешанным, сумасшедшим, «тихим дурачком». Но поэт никогда не жаловался и не уходил в себя, не играл и не рядился – он жил, уверенный в своем предназначении. Тем самым он предопределил трагичность своего жизненного пути. Поэт понимал, что

Я ведь такой же, сорвался я с облака,
Много мне зла причиняли
За то, что не этот,
Всегда нелюдим,
Всегда нелюбим [Хлебников, 2001, т. I, с. 314].

Хлебников действительно был не похож на других. «По своему внутреннему [да и внешнему] облику Хлебников был близок эксцентричным и

фантастическим существам, созданным Э.Т.А. Гофманом. Как и от этих странных существ, от Хлебникова нельзя было ожидать каких-либо трезвых, разумных действий: он находился во власти иррациональной сказочной стихии, был одержим ею так же, как бывают одержимы этой стихией дети, которые, заигравшись, страстно верят в то, что они есть индейцы, разбойники, пираты и т. д.» [Русский футуризм, 2000, с. 430].

Особенности внутреннего мира поэта нашли отражение в его творчестве. В произведениях Хлебникова, как и в нем самом, на первый план выходит детскость и подлинная, высокая чистота. Артур Лурье вспоминал: «Он был важный и торжественный, как бы творивший обряд жизни и поэзии. Было что-то и от языческого идола в нем, при всей его естественности и простоте. Хлебников пишет или произносит слова так, как если бы они произносились вообще в первый раз. Стихи его не имеют начала и не имеют конца. Это вообще не стихи, а обломки чего-то, обрывки фраз, осколки случайно столкнувшихся слов. Они соединяются между собой как попало, их согласованию не придается значения. Здесь отсутствует мера и мастерство, но всегда дышит свежесть, чистота и детскость» [Воспоминания, 1993, с. 276].

Многие современники Хлебникова отмечали его бытовую неприспособленность (например, уже упомянутый Артур Лурье: «Хлебников был единственным встреченным мною в жизни человеком, который был абсолютно лишен бытовых реакций и бытовых проявлений» [Воспоминания, 1993, с. 275]) и называли его ребенком. Это сравнение оказывается важным не только и не столько в прагматическом плане. Несмотря на почти полную отрешенность от быта, Хлебников видел и замечал все. Абсолютно трезвый ум наблюдателя сочетался у него с замороженностью детского, свежего восприятия:

О чем поешь ты, птичка в клетке?
О том ли, как попалась в сетку?
Как гнездышко ты ви́ла?
Как тебя с подружкой клетка разлучила?
Или о счастии твоём
В милом гнездышке своём?
Или как мушек ты ловила
И их деткам носила? [Хлебников, 2001, т. I, с. 43]

Сознание поэта оставалось первозданно чистым. Он видел истинное, настоящее. Не зря Е.И. Замятин писал, что «дети – самые смелые философы. Они приходят в жизнь голые, не прикрытые ни единым листочком догм, абсолютов, вер» [Замятин, 1990, с. 433].

Ребенок – это человек до грехопадения, тот человек, который нарицал имена всем вещам и животным, приходившим к нему, и который жил в раю. Рай открыт одним детям; взрослым он не доступен. Вот почему у Хлебникова образ ребенка чаще всего ассоциируется с образ ангела или Амура:

Мизинич миг,
Скользнув средь двух часов,
Мне создал поцелуйный лик

И крик страстей и стыд оков.
Его, лаская отпустил.
О нем я память сохранил,
О мальчике кудрявом, –
И в час работ,
И в час забавы
О нем я нежно вспоминаю
И, ласкою отменной провожая,
Зову, прошу:
Будь гостем дорогим! [Хлебников, 2001, т. I, с. 46]

Мизинич – неологизм, характеризующий «мальчика кудрявого» (подобие Амура) как божество счастливых мгновений.

А за односпальной кроватью
Живет шалун-мальчишка.
Стрела летит к простому платью,
Свистит насмешливая крышка [Хлебников, 2001, т. I, с. 136].

В другом стихотворении игра маленьких детей показана как игра молодых богов:

Поводырем в пустыне грезной
Для тех, кто молод и кто юн,
Перелетали мира бездны
Младоюнирей табун [Хлебников, 2001, т. I, с. 60].

О чем думают эти дети, этого никто никогда по-настоящему не узнает, потому что они не выражают себя на языке взрослых, они как бы принадлежат иному миру, и тем больше, чем они сами меньше.

С самого раннего возраста дети начинают «игру» с языком. «Когда ребенок учится владеть запасом слов родного языка, ему доставляет очевидное удовольствие, играя, экспериментировать этим материалом, и он соединяет слова, не связывая этого соединения со смыслом слов, чтобы достигнуть эффекта удовольствия, получаемого от их ритма или рифмы. Это удовольствие ему постепенно воспрещается, и, наконец, ему остается дозволенной лишь имеющая смысл связь слов. В более позднем возрасте эти стремления невольно ищут выхода из заученных ограничений в употреблении слов путем искажений слов определенными надстройками и изменения их формы некоторыми приемами... или даже *созданием своего собственного языка* для употребления среди товарищей по игре» (курсив мой – К.С.) [Фрейд, 2000, с. 127]. Ребенок выражает себя в своей речи, и словотворчество Хлебникова необходимо ему как инструмент самореализации, при помощи которого он возвращает привычным словам «первобытную» свежесть. Сам поэт сравнивает язык с детской игрой: «... играя в куклы, ребенок может искренне заливаться слезами, когда его комок тряпок умирает, смертельно болен; устраивать свадьбу двух собраний тряпок, совершенно неотличимых друг от друга, в лучшем случае с плоскими тупыми концами головы. Во время игры эти тряпочки – живые,

настоящие люди, с сердцем и страстями. Отсюда понимание языка как игры в куклы; в ней из тряпочек звука сшиты куклы для всех вещей мира. Люди, говорящие на одном языке, – участники этой игры. Для людей, говорящих на другом языке, такие звуковые куклы – просто собрание звуковых тряпочек. Итак, слово – звуковая кукла, словарь – собрание игрушек» [Хлебников, 2001, т. III, с. 249].

Ребенок и детство – одна из ведущих и ключевых тем литературы. В определенном смысле это тема универсальная, не ограниченная рамками какой-либо национальной литературы или конкретного временного периода. Эта универсальность объясняется тем, что детство – такая же общечеловеческая категория, как рождение, жизнь, смерть. Явления вечные и присущие всем без исключения людям не могут не получить отражения в литературе.

Список литературы

1. Воспоминания о Серебряном веке. – М. : Республика, 1993. – С. 273–278.
2. Замятин, Е. И. Избранные произведения / Е. И. Замятин. – М. : Сов. Россия, 1990.
3. Русский футуризм: Теория. Практика. Критика. Воспоминания. – М. : Наследие, 2000.
4. Фрейд, З. Остроумие и его отношение к бессознательному / З. Фрейд. – СПб. : Алатейя, 2000.
5. Хлебников, В. Собрание сочинений : в 3 т. / В. Хлебников. – СПб. : Академический проект, 2001. – В скобках указывается номер тома.

А.Ю. Лавринова

**Волгоградский государственный педагогический университет
(Волгоград, Россия)**

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ХРОНОТОПА В ЛИРИКЕ В.И. НАРБУТА 1918–1922 гг.

В.И. Нарбут (1888–1938) – один из наиболее значимых русских поэтов первой трети XX века. Актуальным является вопрос о рассмотрении поэтического наследия В.И. Нарбута в свете пространственно-временных отношений. Данная работа представляет собой попытку многоаспектного анализа образов пространства и времени в лирике В.И. Нарбута 1918–1922 гг.

Попытки интерпретации поэтических текстов, художественно переосмысливающих те масштабные исторические события, современником и участником которых стал В.И. Нарбут, неоднократно предпринимались исследователями. Центральным предметом изучения в рамках данного вопроса была и остается книга «В огненных столбах» (1920). Так, Н. Бялосинская и Н. Панченко, анализируя образно-тематические пласты книги, отмечают нетривиальность и полемичность ее художественного строя в целом и придают первостепенное значение пронизывающему ее трагическому ветхозаветному

пафосу: «Библейские образы Нарбута – не дань отвлеченному торжественному космизму, так распространенному в пролетарской поэтике тех лет. <...> Трагическая правда братоубийственной войны – во многих стихах (цикл «Семнадцатый», «Чека», «В эти дни» и др.) <...>» [Бялосинская, Панченко, 1990, с. 34]. С этим положением трудно не согласиться, однако, можно поспорить с тезисом А. Миронова о том, что «Нарбут представляет собой тип поэта, органические особенности творческой индивидуальности которого под воздействием социальных взглядов подвергаются принципиальным метаморфозам» [Миронов, 2007, с. 10]. Поэтическое мироощущение Нарбута продолжает оставаться «серебряновековским» хотя бы потому, что сама символика заглавия весьма эмблематична, то есть органично вписывается в ту поэтическую картину мира, что складывается в русской поэзии первых послереволюционных лет. Так, К. Зелинский вспоминает, что В.И. Нарбут «привез в Харьков изящную книжку Н. Гумилева «Огненный столп», только что выпущенную издательством «Петрополис». В. Нарбут вынул из ящика письменного стола и показал также книжку своих стихов под названием «В огненных столбах», изданную еще за год до Гумилевской в Одессе Губиздатом. «Нам всем гореть огненными столпами, – сказал он мне. – Но какой ветер развеет наш пепел?» [Зелинский, 1959, с. 17]. На идею «включенности» поэзии Нарбута данного периода в контекст этико-художественных исканий поэтов Серебряного века указывает в своей монографии Н.Е. Тропкина: «Образ «огненного столба», возникающий в творчестве двух поэтов независимо друг от друга, очень показателен» [Тропкина, 1998, с. 117].

В данном случае мы предлагаем рассмотреть вопрос о новом типе пространственно-временной модели, заложенной в лирике В.И. Нарбута 1918 – 1922 годов, а также основных способах ее формирования.

В историческом локусе попытка соприкосновения с вечными категориями бытия становится для автора, как правило, одним из главнейших принципов творческой интерпретации значимых для него исторических событий. Одним из таких «вселенских» свершений явилась для В.И. Нарбута Октябрьская революция 1917 года, обернувшаяся, по выражению Иосифа Бродского, «и социальной, и хронологической переменой», трагедией, в которой «гибнет не герой – гибнет хор» [Бродский, 2003, с. 761]. Важным моментом в изучении исторического локуса является его выверенность, привязанность к смысловому вектору, фиксирующему ход времени. При этом возможно выделить временные отрезки, особо насыщенные художественными деталями, что позволяет автору передать драматизм исторического и бытийного времени: «Векторность, линейность исторического пространства, являясь максимально отчетливой особенностью лирики, содержит элементы структурно более сложные и многозначные, чем это может быть воспринято при начальном анализе» [Берке, 1985, с. 67].

Непосредственно историческому пространственно-временному континууму поэзии В.И. Нарбута 1918–1922 гг. присущ целый ряд

типологических характеристик: 1) отображение реалий конкретных исторических событий при помощи образов-символов, порожденных эпохой революции, дат, а также точных указаний на наименования топонимов и антропонимов: «...живой и на портрете *Троцкий!* // *контрреволюция* не спит: все заговор за заговором. // Пощупать надо бы *РОПИТ*. // А завтра... // Да, в часу котором? // *По делу 1106* // (в дверях *матрос* и брюки клешем») («Чека», 1920) [Нарбут, 1990, с. 216]; «и день и ночь пылает *Смольный*. // Подкатывает *броневик*, // и держит речь с него крамольный // чуть-чуть *раскосый большевик*... // И, старина, *под флагом алым* // – за партией своею – ты // идешь с *Интернационалом*, // *декретов* разнося листы» («*Семнадцатый*», 1918 (1922)) [Нарбут, 1990, с. 204–205]; 2) стремление в максимально полном объеме представить не столько хроникальную, сколько эмоциональную сторону событий, что реализуется посредством введения компрессивной темпоральной модели, где объективное историческое время оказывается максимально сжатым, сгущенным. Это позволяет наблюдать в стихах В.И. Нарбута гигантский надвременный скачок, смыкающий в единый континуум признаки (имена, даты и символы), маркирующие две и более исторические эпохи. Таким образом, в нарбутовском контексте происходит своего рода диалог времен, подчеркивающий вселенский масштаб свершающейся революции: «Объят закат *военной бурей*, // И *гетманская булава* // *Грозит конторщику Петлюре*: // Смотри, крепка ли голова! // А *полководец в треуголке* // (Увито лаврами чело) – // *Пилсудскому* с улыбкой колкой: // – И *Вас, фельдмаршал, понесло?*» («Стихи о войне», 1920) [Нарбут, 1990, с. 310]; «И сменим *Двадцать Пятым Октября* // *Четырнадцатое Июля!*» («*Бастилия*») [Нарбут, 1990, с. 320]; «Пусть История-старуха скажет: «*Гунны* // и *татары* истоптали травы // И травой легли. Но светит *нимб Коммуны* // Озарением извечной славы» («*Октябрьское солнце*») [Нарбут 1990: 308]; «*Россия Разина и Ленина*, // Россия огненных столбов!» («*Россия*», 1918) [Нарбут, 1990, с. 210]; 3) антропоморфизация описываемого топоса, реализующаяся в нескольких образных модификациях: а) Россия-девушка (молодая прекрасная женщина), одновременно жена и дочь, чистая, несущая утешение страданий и благословение: «*Россия – дочь!* // *Жена!* // Ступай – и *мертвому* скажи: «*Воскресе*» («*России синяя роса*», 1919) [Нарбут, 1990, с. 214]; «*Ах, с розой девушка* – Сегодня! – Ты // обетованная страна» («*Россия*», 1918) [Нарбут, 1990, с. 210]; б) Россия – престарелая мать. Особенно полно семантика данного образа раскрывается в стихотворении «*Кровью исходит Россия*»: «– *Матушка!* // *Тяжко от ран?* // – *Дети-то, дети* какие: // *Врангель – не ангел, а вран!* // Снова, и снова, и снова // Тело терзают мое... // <...> // – *Матушка!* // Вскинь свои очи // Из-под лохматых бровей. // Видишь? // Выходят из ночи // *Воины с песней твоей*... // – Кто-то? // – *Мужик и рабочий*. («*Кровью исходит Россия*») [Нарбут, 1990, с. 312]; в) Россия-пророчица, мудрая ворожея, которой ведомы тайны бытия: «*Бесслезная и безответная!* // *Колдунья рек, трущоб, полей!* // Как медленно, но всепобедная // точится мощь от мозолей» («*Россия*», 1918) [Нарбут, 1990, с. 210]. Следует отметить, что образ гадалки, ворожеи занимает особое положение в

концептосфере поэзии В.И. Нарбута. Согласно общеславянским народным представлениям, женщина, наделенная даром предрекать Судьбу, зачастую несчастна и одинока [Грушко, Медведев, 2001, с. 148–149]. Это вполне соотносится образу, что возникает уже в книге В.И. Нарбута «Аллилуйя» и ассоциируется со «степной Русью»: «*Вся закоптelay, несметный груз // годов несущая в спине сутулой, – // она напoмнила степную Русь //* (ковыль да таборы), когда взглянула» («Гадалка», 1912) [Нарбут, 1990, с. 113]. Мистическая способность гадалки к всеведению определяет условное вынесение всего стихотворения за пределы «картинок» «Аллилуйя», на что первым указал в своей рецензии Н.С. Гумилев [Гумилев, 1991, т. 3, с. 107–108]. Мотив ворожбы, нити, веретена также оказывается смыслообразующим, «над-человеческим» в поэтике В.И. Нарбута.

Отдельного изучения требует также образный пласт, расположенный вне вышеизложенной системы и касающийся механизмов зооморфизации пространства в поэтических текстах Нарбута. Приведем образцы: «*О Иоганн, предтеча Иисуса, // чрез воющую волкодавом Русь*» («Сандали деревянные, доколе...», 1920) [Нарбут, 1990, с. 222]; «*И снова Русь в сырой берлоге // Ворочается, как медведь, // Чтоб на неезженной дороге // Встать на дыбы и зареветь.*» («Стихи о войне», 1920) [Нарбут, 1990, с. 310]. Изначальная роковая связь лирического субъекта и исторической судьбы родины проявляет себя через мотив оборотничества, вплетающийся в исторический хронотоп: «*Закачусь в родные межи, // чтоб поплакать над собой, // над своей глухой, медвежьей, // черноземною судьбой*» («Закачусь в родные межи...») [Нарбут, 1990, с. 221].

Совокупность образов и мотивов, присущих лирике В.И. Нарбута 1918–1922 гг., а также принципы их текстовой репрезентации, позволяют рассматривать культурно-историческую модель хронотопа в качестве одного из базовых типов пространственно-временной организации поэзии В.И. Нарбута в целом.

Список литературы

1. Берке, У. Пространство – время, геометрия, космология / У. Берке. – М. : Мир, 1985. – С. 67.
2. Бродский, И. Нобелевская лекция / И. Бродский // Сочинения : Стихотворения. Эссе. – 2-е изд. – Екатеринбург : У-Фактория, 2003. – С. 761.
3. Бялосинская, Н. Косой дождь / Н. Бялосинская, Н. Панченко // Нарбут, В. И. Стихотворения / В. И. Нарбут. – М. : Современник, 1990. – С. 34.
4. Грушко, Е. А. Энциклопедия русских преданий / Е. А. Грушко, Ю. М. Медведев. – М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 148–149.
5. Гумилев, Н. Сочинения. В 3 т. Т. 3. Письма о русской поэзии / Н. Гумилев ; подгот. текста, примеч. Р. Тименчика. – М. : Худож. лит., 1991. – С. 107–108.
6. Зелинский, К. На рубеже двух эпох: Литературные встречи. 1917–1920 / К. Зелинский. – М. : Советский писатель, 1959. – С. 17.
7. Миронов, А. В. Владимир Нарбут: творческая биография : автореф. дис. ...канд. филол. наук / А. В. Миронов. – Екатеринбург, 2007. – С. 10.
8. Нарбут, В. И. Стихотворения / В. И. Нарбут ; вступ. ст., сост. и примеч. Н. Бялосинской и Н. Панченко. – М. : Современник, 1990. – 445 с.

С.О. Терещенко

**Волгоградский государственный педагогический университет
(Волгоград, Россия)**

ЭВОЛЮЦИЯ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИХ МОТИВОВ В ДВУХ РЕДАКЦИЯХ ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ПОРТРЕТ»

В данной статье проанализированы противостоящие друг другу образы антихриста и художника-иконописца. В работе рассмотрен образ молодого художника, погубленного дьявольской силой портрета, а также проведен анализ образов ростовщика и колдуна из повести Н.В. Гоголя «Страшная месть».

В 1835 году, публикуя повесть «Портрет» в составе сборника «Арабески», Гоголь вводит в ее сюжет тему близкого пришествия антихриста: «Слушай, сын мой, – говорит написавший портрет загадочного ростовщика художник, – уже давно хочет народиться Антихрист, но не может, потому что должен родиться *сверхъестественным* образом...» [Гоголь, 1994, т. 7, с. 301].

В начале XVIII в. швабский мистик Бенгель вычислил на основании своей своеобразной теории истолкования Апокалипсиса, что конец мира близок и наступит в 1837 г. В конце XVIII в. пророчество Бенгеля было пересказано мистиком и духовидцем Г. Юнгом-Штиллином (1740–1817), сочинения которого были популярны в России среди второго поколения русских масонов (после 1800 г.). В. Глянц объяснял странные слова Гоголя об антихристе в первом издании «Портрета» именно его знакомством с предсказанием Юнга-Штиллинга.

Но в произведении есть и полярный темному образу антихриста светлый образ старца-иконописца. Сын, много лет не видевший отца, так описывает встречу с ним: «Я увидел старца, на бледном, изнуренном лице которого не присутствовало, казалось, ни одной черты, ни одной мысли о земном. Глаза его, привыкшие быть устремленными к небу, получили тот бесстрастный, проникнутый *нездешним огнем* вид, который в минуту только вдохновения осеняет художника. Он сидел передо мною неподвижно, как *святой*, глядящий с полотна, на которое перенесла его рука художника... <....> Он тогда весь обратился в религиозный *пламень*. Его голова вечно наполнена чудными *снами*. Он видит на каждом шагу *видения* и слышит *откровения*; мысли его *раскалены*...» [Гоголь, 1994, т. 3, с. 106].

Перед нами будто живая «икона» самого иконописца: «как святой, глядящий с полотна». Обычному художнику хотя и далеко до него, но и он в свои исключительные минуты осеняется «нездешним огнем» и, стало быть, на это короткое время уподобляется святому. «Гоголь не только верил в саму возможность совместить религиозное и художественное служения, но и в

своей собственной жизни и судьбе пытался практически достичь их гармонического сплава» [Глянц, 2004, с. 91]. Он жестко обуславливал одно другим: «пока не добудешь медным лбом и не завоюешь силою в душу несколько добрых качеств – мертвечина будет все, что ни напишет перо твое, и, как земля от Неба, будет далеко от правды» [Гоголь, 1994, т. 6, с. 97].

Это художник, сумевший противостоять губительным чарам портрета. Есть и другой образ – молодой Чартков. Он жил аскетично, в нем была божья искра таланта, и он имел силу духа не разменивать его на блага материальной обеспеченности и светской популярности. Он «был художник с талантом, пророчившим многое: вспышками и мгновеньями его кисть отзывалась наблюдательностию, соображением, шибким порывам приблизиться более к природе». Но образ молодого человека был бы всего лишь воплощенной идеей, если бы художник не испытывал соблазнов: «иногда хотелось <...> кутнуть, щегольнуть <...>. Но при всем том он мог взять над собою власть. Временами он мог позабыть все, принявшись за кисть, и отрываясь от нее не иначе, как от прекрасного прерванного сна» [Гоголь, 1994, т. 3, с. 66].

Зная, что Гоголь придавал большое значение именам своих персонажей, предположим, что и эта повесть не стала исключением. Гоголь готовит нас к тому, что Чарткову предстоит испытание – очень уж близок он к перелому, истощению духовных сил свободного художника. Учитель предупреждает его: «у тебя есть талант; грешно будет, если ты его погубишь. <...> Берегись, тебя уж начинает свет тянуть; уж я вижу у тебя иной раз на шее щегольский платок, шляпа с лоском...» [там же]. Но автор намекает на печальный исход борьбы художника за свое творческое «я». В ранней редакции повести его звали Чертков, и с портретом в жизни героя появляется темная сила, которая не покинет его уже никогда. Мало того, его фамилия оканчивается так же, как притяжательные прилагательные с суффиксом -ов на конце (например, отцов), который обозначает признак индивидуальной принадлежности какому-либо лицу. Здесь мы видим предрешенность судьбы Чарткова: его душа будет принадлежать черту, сатане.

Погружаясь в развращающий мир светского общества, молодой человек предается почти всем смертным грехам: чревоугодию (он «стал толстеть и видимо раздаваться в ширину» [там же, с. 86]), гордыне («Уже он начинал <...> укорять без изъятия молодежь в безнравственности и дурном направлении духа» [там же]), алчности («...все чувства и порывы его обратились к золоту. Золото сделалось его страстью, идеалом, страхом, наслаждением, целью» [там же].), зависти («Им овладела ужасная зависть, зависть до бешенства» [там же, с. 90]), гнева («Он начал скупать все лучшее, что только производило художество. Купивши картину <...>, с бешенством тигра на нее кидался, рвал, разрывал ее, истерзывал в куски и топтал ногами, сопровождая смехом наслаждения» [там же]).

Источником же дьявольской силы, погубившей бедного художника, был некий ростовщик, а вернее даже его портрет. Образ ростовщика схож с

образом колдуна из «Страшной мести». У обоих персонажей нет христианского имени, оба описаны как иноверцы, характеризуются портретными деталями, обозначающими их принадлежность к иноземной культуре (у отца Катерины «заморская люлька», у ростовщика «азиатская одежда»). При описании этих персонажей Гоголь уделил внимание глазам: у колдуна «очи дико блестят», а у ростовщика «невыносимые, страшные глаза». Признаками inferнальности наделены такие детали их внешности, как крючковатый нос в «Страшной мести» и «необыкновенный огонь в глазах» героя «Портрета».

Есть еще одно, пожалуй, самое главное сходство этих образов, позволяющее предположить, что ростовщик, как и колдун, – один из малых антихристов. Согласно преданию, антихрист может вызвать любую душу. Колдун, желая обладать душой дочери, *вызывал* ее каждую ночь. Ростовщик же имел власть *забирать* души своих должников: «Он давал деньги охотно, распределяя, казалось, весьма выгодно сроки платежей. Но какими-то арифметическими странными выкладками заставлял их восходить до непомерных процентов» [Гоголь, 1994, т. 3, с. 96]. Если бы проценты выражались в денежных знаках, то просители разорялись бы, выплачивая их. Но мы не увидели ни одной истории банкротства. Очевидно, Гоголь имел в виду иное. Этими процентами и были души несчастных.

Итак, исходя из того факта, что колдун только *хотел*, но не мог добиться *одной* души, а ростовщик *обладал* множеством душ даже после своей смерти, сделаем вывод, что образ последнего намного ближе к образу антихриста последних времен.

В «Портрете» (редакции 1835 года) Гоголь подводит итоги творчеству первого периода: впервые он старается осознать и мотивировать свою мистическую интуицию. В римской редакции повести (1842) происходит своеобразное перераспределение эсхатологических мотивов. На первый план выдвигается история духовного падения Чарткова. «Прямое порождение гоголевской апокалиптики – демоническая фигура художника, в безумном самоистязании изничтожающего, сживающего со свету художественные творения» [Крюков, 1996, с. 32]. Можно было бы объяснить это движение художественной мысли писателя тем, что предсказание Бенгеля не сбылось. И такой упрощенный подход присутствует в ряде гоголеведческих работ. На наш взгляд, точнее других исследователей оценил эволюцию гоголевского замысла К. Мочульский: «До сих пор он только мучительно “чувствовал” зло; теперь он пытается построить религиозное мировоззрение. Оно эсхатологично. Мир во зле, потому что наступают последние времена, срок рождения Антихриста; верные Христу потерпят великие муки. Антихрист и теперь уже рождается частично: он воплощается в людях, овладевая их душами. Психика человека – единственный путь проникновения в мир злого начала» [Мочульский, 2004, с. 63]. Художник, ставший орудием антихриста и замоливший свой грех в суровом монашеском подвиге, говорит сыну: «Дивись, сын мой, ужасному могуществу беса. Он во все силится проникнуть: в наши дела, в наши мысли и даже в самое вдохновение

художника. Бесчисленны будут жертвы этого адского духа, живущего невидимо, без образа на земле. Это тот черный дух, который врывается к нам даже в минуту самых чистых и святых помышлений» [Гоголь, 1994, т. 3, с. 107].

В этих словах гоголевского героя и поставлена важнейшая для писателя проблема соотношения эстетического и этического начал в искусстве. Если зло так могущественно и если в мире оно проникает в святые помышления и даже во вдохновение, то как тяжка и страшна ответственность художника, гений которого может, незаметно для него самого, стать орудием Антихриста! И кто определит грань между добром и злом в искусстве? «По каким достоверным признакам художник может заключить, что его вдохновение чисто и что он не впал в прелесть?» [Мочульский, 2004, с. 63]. На этот вопрос и пытался ответить Гоголь в двух редакциях своей повести.

Список литературы

1. Глянц, В. Гоголь и Апокалипсис / В. Глянц. – М., 2004.
2. Гольденберг, А. Х. Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя / А. Х. Гольденберг. – Волгоград, 2007.
3. Крюков, В. М. Гоголя зрящий глаз / В. М. Крюков // Вопросы философии. – 1996. – № 9. – С. 23–38.
4. Манн, Ю. В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме / Ю. В. Манн. – М., 1996.
5. Мочульский, К. В. Духовный путь Гоголя / К. В. Мочульский // Н. В. Гоголь и Православие. – М., 2004. – С. 40–154.

Источник

1. Гоголь, Н. В. Собрание сочинений : в 9 т. / Н. В. Гоголь. – М. : Рус. кн., 1994.

Н.Б. Анциферова

**Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. Н.Г. Чернышевского (Чита, Россия)**

ДНЕВНИК В. ГУСЕВА КАК АКТ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ: ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ АДРЕСОВАННОСТИ

В статье дневники В. Гусева рассматриваются как определенное звено модели речевой коммуникации. Основное внимание уделено языковому выражению категории адресованности: проводится стилистический анализ разноуровневых эксплицитных, непрямо эксплицированных и имплицитных сигналов адресованности, представленных в речевой сфере рассказчика.

В качестве коммуникативного речевого акта могут выступать не только отдельные речевые высказывания, но и целый текст. Ориентированность дневника на массовое прочтение позволяет рассматривать его как экстравертивную фигуру, как определенное звено в модели коммуникации, при этом одной из ведущих категорий текста становится адресованность.

Обратимся к дневникам В. Гусева, где специфика языкового выражения адресованности обусловлена, на наш взгляд, двумя причинами. Во-первых, в

речевой сфере рассказчика находят отражение активные процессы, происходящие в современном русском языке. Во-вторых, рефлексивно-аналитический метод подачи материала и особая тема-рематическая организация повествования обеспечивают интенсивное поступление в текст новой информации, что приводит к быстрому утомлению адресата и ослаблению его внимания. Возникает необходимость поддерживать интерес читателя, обозначая переход от одной мысли к другой, очерчивая рамки ассоциативно-рефлексивных полей. С этой целью в дискурс рассказчика включается «сквозное» средство адресованности – графический словесный ряд, представленный достаточно разнообразно: изменением типографского шрифта (курсив, заглавные буквы, разрядка и т. п.), знаком *, виртуальным произношением, несоблюдением орфографических и пунктуационных норм. Остановимся на некоторых способах выражения графического словесного ряда подробнее.

В. Гусев отмечает: «В порядке уничижения автор пишет “имена собственные” с маленькой буквы. <...> Когда *отношение* к человеку или к учреждению и т.д. *меняется*, может возникнуть *большая* буква» [Гусев, 2004, с. 4]. Думается, это замечание позволяет рассматривать «неправильное» написание (или его спонтанное изменение) имен и названий как имплицитное средство выражения адресованности, поскольку таким образом делегируется авторское отношение к личностям и объектам. Так, например, в дневниковых записях до 1992 года фамилии «Ельцин», «Горбачев», «Буш» и фамильярное «Миша» пишутся по правилам русской орфографии, после августовского «путча» в Москве – с маленькой буквы. На протяжении всего дневникового повествования не изменяется негативное восприятие «шеварнадзе», «гайдара», «лужкова». Приведем примеры:

1) Пикантность в том, что Ельцин вовсе *не хочет* возвращения Горбачева: он, Ельцин, уж *все* забрал себе. А тот *вдруг вернется* [Гусев, 2003, с. 119].

2) Зачем Мише этот референдум? Риск есть, а толку никакого. Решительные люди обходятся без референдумов [Гусев, 2003, с. 39].

3) Русские будут убивать абхазов? Неужели шеварнадзе добьется этого? (Кроме всего, это тогда *все горцы* против нас.) И опять гайдар [Гусев, 2003, с. 344].

4) ...Но ельцин откажется – у него «и так все есть» – и все будет зависеть от того, как Стерлигов и подобные поведут себя далее. Да и анпиловы [Гусев, 1995, с. 155].

Высокая информационная плотность дневникового повествования обуславливает взаимодействие графического словесного ряда с эксплицитными средствами адресованности, в первую очередь, – с прямыми обращениями. Обратимся к тексту:

1) Слушаю по радио собрание избирателей. Нет, не могу. Рабы подлейшие, да когда же вас научат, наконец [Гусев, 2004, с. 12].

2) «Они хотят... вернуть». – Да никто ничего не собирается *вернуть*, лгунишка ты эдакий. «Коммунизм» не восстановим etc. etc. Да *тебя*-то просят уйти [Гусев, 1995, с. 155].

3) Америка, твой же Спенсер Треси сказал, что о нас судят по тому, какие принципы мы отстаиваем, когда их труднее всего отстаивать; у тебя еще и этой ситуации нет – у тебя нет ситуации предельной трудности, из которых не вылезает Россия, а у тебя есть лишь первая трудность, да и то скорее моральная, чем материальная, – и у тебя уже нет *никаких* принципов, кроме принципа убийства и подлости [Гусев, 2003, с. 28].

4) Власть, не издавай указов, о которых ты знаешь, что они не будут выполнены [Гусев, 2004, с. 358].

Отметим, что обращения «Америка» и «власть», используемые в речевой сфере рассказчика для номинации субъекта, в данных контекстах по функции близки риторическим, однако могут рассматриваться как средства адресованности, поскольку вовлекают читателя в сферу субъективной авторской оценки. Распространенные обращения «*рабы подлейшие*» и «*лгунишка ты эдакий*», являющиеся характеристиками, часто используемыми в раскованном бытовом разговоре, не только отражают негативное отношение, но и актуализируют направленность дневниковых записей вовне (для массового прочтения).

В дискурсе рассказчика достаточно широко используются непрямо эксплицированные средства адресованности. Приведем пример:

«... “Правители” после провала рубля и после японского тупика *чего-то* снова затеяли.

* Их манера все делать *без спросу*.

* Один из главных мотивов моей поэзии-прозы – мотив генетической усталости. – Этого не понять ни тем, ни другим.

* Почему-то я чуть не всю жизнь был уверен, что выражение “из огня да в полымя” означает «из огня в воду».

* Кажется, на этом свете лишь В.И. Гусеву ничего не надо» [Гусев, 1995, с. 114].

В данном композиционном отрезке средствами адресованности выступают указательное местоимение *те* и определительное местоимение *другие* – их ретроспективное использование предполагает, что ситуация уже известна адресату. Еще один показатель адресованности – условность грамматического лица: спонтанный переход от «Я» к «В.И. Гусев» моделирует ситуацию бытового диалога, когда один из собеседников для создания экспрессии или самоиронии называет себя в третьем лице. Выделенные курсивом *чего-то* (вместо требуемого управляющим глаголом «что-то») и *без спросу* (в сочетании с «манера») носят разговорный характер, что позволяет рассматривать их как средства выражения адресованности не только в силу графического отличия от основного текста: так создается иллюзия бытовой беседы-обсуждения (дома, на улице, в общественном транспорте) последних новостей.

Особое место среди имплицитных средств выражения адресованности занимает межтекстовый словесный ряд.

1) «До каких пор я буду “метать бисер”, вытрепывать разным...» [Гусев, 2004, с. 15]. Здесь очевидна отсылка к библейскому изречению: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга (церковнославянское «бисер») вашего пред свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас».

2) «(по телефону) – как раз танковый залп. А мы начали водку пить. “Привычка свыше нам дана – замена счастию она”» [Гусев, 2004, с. 367]. В данном композиционном отрезке, на наш взгляд, важна не столько отсылка к роману в стихах «Евгений Онегин», сколько определение идейно-содержательной сущности этого произведения критиками: характеристика «энциклопедия русской жизни» позволяет рассматривать цитату как средство выражения сопутствующего модального значения «нежелания» адресанта мириться с такими «типичными» ситуациями.

3) (« Товарищ Сталин, дай ответ, чтоб люди зря не спорили:

Конец предвидится ай нет

Всей этой суетории ?») [Гусев, 1995, с. 101].

В последнем примере в дискурсе рассказчика представлен фрагмент из поэмы А.Т. Твардовского «Страна Муравия», в которой поднимается проблема непонимания рабочими и крестьянами смысла и технологии проведения коллективизации. Использование межтекстового словесного ряда позволяет провести параллель между двумя эпохами перемен и передать ощущение растерянности и непонимания у тех, для кого якобы эти реформы проводятся. Так активизируется гражданская сознательность читателя.

Таким образом, установка на массовое прочтение позволяет рассматривать дневники В. Гусева как акт речевой коммуникации, что делает адресованность одной из ведущих категорий текста. Специфика языкового выражения сигналов адресованности обусловлена методом подачи материала и отражением в речевой сфере рассказчика активных языковых процессов. Сквозным имплицитным средством адресованности выступает разнообразно представленный графический словесный ряд, отражающий авторское отношение к фактам и личностям и взаимодействующий с полифункциональными эксплицитными и непрямо эксплицированными средствами адресованности.

Источники

1. Гусев, В. И. Дневник – 91 / В. И. Гусев. – М. : Изд-во Лит. ин-та им. А.М. Горького, 2003. – 224 с.
2. Гусев, В. И. Дневник – 92 / В. И. Гусев. – М. : Изд-во Лит. ин-та им. А.М. Горького, 1995. – 208 с.
3. Гусев, В. И. Начала и концы (дневник – 62–64, дневник – 93) / В. И. Гусев. – М. : Сов. писатель, 2004. – 408 с.

С.Ю. Воробьева

ГЕНДЕРНАЯ ПОЭТИКА: ПРАВО НА СУЩЕСТВОВАНИЕ

В статье предпринята попытка обозначить наиболее важные теоретико-методологические проблемы исследования художественных текстов, созданных женщинами, а также сформулировать основные задачи гендерного литературоведения.

«Гендерная поэтика» – понятие, оформившееся в литературоведении сравнительно недавно. Активно дискутируемое, оно связано с целым кругом теоретико-методологических проблем, осмысление и успешное решение которых должно подтвердить или опровергнуть «алиби существования» гендерного литературоведения в целом.

Обозначим те из них, которые, на наш взгляд, особенно важны сегодня, когда в отечественной науке идет процесс не только активного усвоения философских концепций, порожденных научной мыслью Запада, но и не менее активного включения в научный обиход художественных текстов, созданных авторами женщинами, долгое время остававшихся на периферии литературоведения.

1. Ситуация несоответствия: теория зачастую опережает практику. В итоге либо теория оказывается слабо связана с анализом и выглядит концептуально чужеродной, либо анализ концентрируется вокруг одной теоретико-методологической проблемы и не претендует на обобщения широкого уровня. В этом случае дальше эмпирических наблюдений или необоснованных обобщений дело заходит редко. Поэтому провести четкую грань между исследованиями, лежащими в рамках частных поэтик и гендерным подходом порой весьма затруднительно.

2. Проблема определения субъекта и объекта в гендерной и шире – феминистской критике. Женщина как объект изображения, как объект критики должна быть той Другой, отличной от сознания рефлектирующего субъекта. Кто она? Фигура, облеченная в молчание в мире, построенном по мужской логике. Кто пишет о женщине? Тот, кто пытается ее овнешнить, атрибутировать, определить и завершить авторским волеизъявлением. Кто ее остраивает или судит о ней отстраненно? Мужчина-критик? Женщина-автор, притворяющаяся мужчиной? Тот, кого Мария Завьялова называет «Внутреннейшая женщина»? Потому что **«женщины не идентифицируют себя с женщиной как видом ... Женщина (впрочем, как и другие) для себя есть внутренний человек. “Женщину” она тоже воспринимает как часть себя, но достаточно отчужденную, достаточно объективированную, доступную манипуляции часть.** Сказать, что я женщина – значит дать мне себя в объекты, отождествить себя со своим телесным комплексом, приравнять разнообразную сущность (entity) к одному ее уровню. Невостребованная часть личности будет требовать самостоятельного существования» [Завьялова, www].

3. Надо ли быть женщиной, чтобы писать о женщине? Разные мнения: И. Савкина, утверждает, что «читатели-мужчины не имеют опыта в

расшифровке кодов символической системы женщин-авторов и поэтому не замечают соответствующих структур в их текстах» [Савкина, 2003]. Практика показывает, что подавляющее большинство гендерных исследований написано женщинами. С другой стороны, мужчины-критики требуют признания за ними права профессионально судить о любом тексте, в том числе и о женских. Элейн Шоуолтер приводит слова австрийского критика Кена Рутвена: «женская проблематика слишком важна, чтобы ее можно было оставить в руках феминисток-аниинтеллектуалов» [Шоуолтер, 2004].

4. Проблема женской или – шире – гендерной идентичности личности. Как известно, гендерное сознание связано с половой принадлежностью, но далеко не исчерпывается ею. Социальная роль мужчины и женщины неизбежно приводит к обобщениям, выведению инвариантов, что чревато излишней абстракцией. Гендеру интересен инвариант, потому что гендер прагматичен, он нацелен на поиск новых стратегий общения, письма, производства, маркетинга и т. п. Но каждый конкретный автор – это частное проявление гендера, которое далеко не всегда вписывается в рамки инварианта. Насколько автор-женщина репрезентативна в гендерном смысле? Не умерла ли женщина-субъект и не превратилась ли из личности в позицию? Этот вопрос весьма актуален именно в рамках гендерных исследований.

5. Гендерные исследования ассоциативно и «по инерции» связываются в сознании широкой массы с проблемами женской идентичности, обходя стороной **проблемы идентичности автора-мужчины**. Сегодня гендерные исследования, проводимые в различных областях, имеют все же одну подоплеку и объединены (тайно или явно) одним пафосом – пафосом восстановления попорченной справедливости в отношении именно женщины-субъекта. Литературоведение, вовлеченное в гендерную стихию, тоже становится, по сути, поставщиком таких аргументов, что противоречит линии развития, уже заданной современной литературной теорией, и вплотную приближает, почти приравнивает науку в этом случае к идеологически ангажированному, социологическому или традиционному литературоведению.

Иными словами, гендерная поэтика предполагает следующее: чтобы выявить тот квант женственности, который отличает «женские» тексты от «мужских», необходимо, во-первых, как минимум, рассматривать эти тексты в параллели, что неизбежно повлечет за собой проблему принципов отбора таких «параллельных» текстов. И во-вторых, иметь методологический аппарат, позволяющий атрибутировать тексты в данных рамках и верифицированно выявлять эти признаки.

В связи с этим вполне правомерно встает вопрос о практической значимости такого анализа. Кроме криминалистического и текстологического аспектов напрашивается лишь один перспективный прожект: педагогический. Мысль о создании гендерно ориентированных учебников по предметам школьной программы не лишена смысла.

Подводя итог, сошлемся на мнение литературоведа-мужчины, одного из немногих, кто решается говорить о гендерной проблематике. Именно

женщины, считает Виктор Ерофеев, «рожают» новую русскую культурную парадигму, черты которой – здоровье, свобода от идеологии, самоограничение «молодецкой удали», защита жизни, организация хаоса, «перекодирование страсти на жизнетворчество», расширение зоны созерцания за счет отказа от героизма и моральных экспериментов по выведению лучшей породы человека, восстановления доверия к жизни, к «искреннему слову», «замирение», «бытийственный конформизм», «забота», внимание к «тварным», «теплым» мелочам и деталям жизни, «неоконсерватизм» [Ерофеев, 2001]. И, что особенно важно, говорят об этом женщины по-своему, исходя из собственной модели мира, пока, возможно, только обозначенной, но, возможно, все же более убедительной и перспективной, чем патриархатная, традиционалистская. Задача литературоведа, критика, выявить этот метаязык, обратившись к анализу максимально большого корпуса текстов, чтобы на базе изученных частных поэтик сформулировать принципы гендерной поэтики, за которой, как нам хочется верить, будущее.

Список литературы

1. Завьялова, М. Это и есть гендерное литературоведение. Современная женская литература: поиски традиций и новых языков / М. Завьялова // Независимая газета. – 2000 г. – 21 сент. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://exlibris.ng.ru/kafedra/2000-09-21/3_gender.html.
2. Савкина, И. Зеркало треснуло (современная литературная критика и женская литература) / И. Савкина // Гендерные исследования. – 2003. – № 9. – С. 84–106.
3. Шоултер, Э. Наша критика: автономность и ассимиляция в афро-американской и феминистской теории литературы / Э. Шоултер // Современная литературная теория. Антология. – М., 2004. – С. 328–329.
4. Ерофеев, В. «Время рожать» Время рожать (Россия. начало XXI века. Лучшие молодые писатели) / В. Ерофеев. – М. : Полкова-Деконт+, 2001. – С. 5–20.

Е.С. Бирючева

**Волгоградский государственный педагогический университет
(Волгоград, Россия)**

ДОНСКИЕ РАССКАЗЫ И.Д. САЗАНОВА

В статье рассматриваются особенности донских рассказов И.Д. Сазанова дореволюционного периода: тематика, психологизм, система образов рассказов.

Известный донской журналист и писатель первой четверти XX века Виктор Севский горько заметил в 1913 году, что Донская область не имеет «подлинной литературы, которая развернула бы свои страницы пред читателями и в них читатель увидел бы самую жизнь, пеструю и самобытную» [Севский, 1913, с. 4]. Однако с этим утверждением трудно согласиться.

В литературном процессе первой трети XX века заметное место занимает так называемая «донская» тема. Одним из ее родоначальников можно назвать Ивана Дмитриевича Сазанова (1876–1933), произведения которого практически

недоступны современному читателю. Педагогическую работу в школах и гимназиях Саратовской губернии, включая царицынские, он совмещал с литературной деятельностью. Талантливые рассказы писателя о жизни, быте, социальных и нравственных проблемах донского казачества, появлявшиеся на страницах дореволюционных столичных журналов, представляют значительный интерес для исследования литературного контекста эпохи и процесса формирования «донской» темы в русской литературе XX века. В данной работе мы попытаемся охарактеризовать основные проблемы дореволюционных рассказов писателя и обозначить типологию его героев.

Существенное место в творчестве Сазанова занимает проблема взаимоотношений человека с окружающим его миром донской природы. Образ Дона, «тихого Дона» казачьих песен, является в рассказах центральным.

Показывая состояние природы (по принципам гармонии или контраста), автор дает ключ к внутренним переживаниям своих персонажей. Основы такой системы соответствий явлений окружающей среды и переживаний человека лежат в устном народном творчестве, в приеме психологического параллелизма.

По мере назревания у Федоса, героя рассказа «В пути», желания вернуться в родную станицу происходят изменения и в природе: когда герою тоскливо, пейзаж – это «скучная, серая и однообразная» степь, там «пустынно, жарко и скучно» [Сазанов, 1905, с. 56]. А в воспоминаниях о доме, о возлюбленной Насте присутствуют совсем иные краски: «Широкий Дон спокоен и блестящ, как серебро...на яру лес – яркий, сверкающий, умытый дождем», там прохлада, и все «молоды, здоровы и счастливы» [Сазанов, 1905, с. 65]. Когда выбор сделан, и развязка близка – то страх быть возвращенным назад, «в путь», отражается в образах одушевленной природы: Федосу даже кажется, «будто степь зорко следит за ним тысячью глаз» [Сазанов, 1905, с. 76].

Сазанов – мастер психологического параллелизма и фольклорной символики. Весна символизирует физическое и нравственное возрождение («тонкий, волнующий аромат» акаций напоминает герою о счастливых мгновениях, проведенных с Верой [Сазанов, 1912, с. 35]; осень – увядание человеческой жизни и стремлений («Осень шла, суровая, темная осень!» – осень и в душе учителя [Сазанов, 1914, с. 21]); зима – умирание и упадок («Серое скучное небо давило землю, грязнило дали и снег...» – так же и жизнь Семена оказалась втоптана в грязь [Сазанов, 1908, с. 37]).

Другая тема, которую продолжает Сазанов вслед за русской классической литературой, – это тема «маленького человека», невысокого [социального положения](#) и происхождения, не одаренного какими-либо выдающимися способностями, не отличающегося силой характера, но при этом доброго и безобидного. Герой Сазанова сталкивается с окружающим его миром непонимания, миром людей, для которых все его беды и горести – лишний повод для насмешки.

Учитель по прозвищу «Семью-Семь» совмещает в себе все черты этого литературного типа: здесь мы видим и пушкинского Самсона Вырина

с его желанием быть достойным сочувствия и внимания, и гоголевского Акакия Акакиевича с его «Зачем, зачем вы меня обижаете?», и Макара Девушкина Достоевского с его амбициями, и чеховских героев с их боязнью действия. Семейю-Семь всю жизнь провел «на цыпочках»: перед сторожем Небалуем, перед соседями Коськой и Оськой, даже перед Таней, которую любит и боится. Он хочет любить, и понимает, что любовь уже опутала его «паутинкой», но сделать решительный шаг и пойти против течения он еще не готов.

Встреча с Таней меняет жизнь Семейю-Семь: он начинает пытаться защищаться от нападок Оськи, соседей, задается философскими вопросами: «Отчего-же теперь так пусто и голо кругом? Отчего сердце сжимается в тоскливом предчувствии?», «Где все это, Господи? Зачем ушло?» [Сазанов, 1914, с. 21]. Но найти ответ не может, ведь в своем терзании он одинок: «в мире только он один, забытый, отверженный всею жизнью» [Сазанов, 1914, с. 21].

Едва ли не важнейшее место в рассказах писателя занимает судьба женщины-казачки. Особенно показателен образ Дуняши: «юркая была, суетливая, с цепкими, гнутыми руками, с живыми мышинными глазками и до старости осталась румяной Дуняшей» [Сазанов, 1915, с. 2]. Она всю жизнь провела в работе, не жалуясь и не щадя себя, «поработать-таки любила бабка», но, проводив сына на войну, «притихла и ссутулилась» [Сазанов, 1915, с. 2].

Неизбывная тоска заставляет ее бегать каждый день за несколько верст на почту, чтобы в очередной раз услышать, что долгожданного письма нет. Но даже старик Дударь извиняет в Дуняше это беспокойство: «Оно, конечно, материнское сердце...» [Сазанов, 1915, с. 4]. Как на крыльях, преодолевает она расстояние от станицы до дома, держа письмо у сердца, радостная, с ярким румянцем, «как девушка, впервые получившая любовное письмо» [Сазанов, 1915, с. 7].

В образе Дуняши получили воплощение наиболее драматические стороны женской казачьей жизни: несчастная мать, которой выпала тяжелая доля видеть, как ее сына увозят на войну, «вечная раба», которая «привыкла гнуться, не рассуждая» [Сазанов, 1915, с. 12]. Сила Дуняши не в знаниях; грамоте она не обучена. Для нее Анапа – это край ойкумены, дальше и страшнее этого для нее ничего не может быть; немец – добрый («народ покойный, не раз приезжали они из колонка веялки продавать, толстые, ленивые» [Сазанов, 1915, с. 12]), а вот «прусак» – «это вот так!». Дуняша – человек из народа и впитала все его суеверные страхи. Она не верит в силу «еропланов», но верит в силу молитвы. Верующая Дуняша (в доме есть божница, и на ночь она творит молитву), в страхе за сына обращается к таинственным силам природы, заклиная их: «Не дерите тело белое вы, бурьян-колючки!.. Упави, роса небесная, на рану жгучую, закрой руду, кровь-матушку! Опахни лицо ему, перелетный ревун-ветер, отгони смерть лютую, косящую!..» [Сазанов, 1915, с. 17].

Другой женский образ писателя – мать Семена (так и неназванная по имени): «низенькая старушка», с «дряхлым, костлявым телом» [Сазанов, 1908, с. 4]. Она мечется меж двух огней – отцом и сыном, сморщенная, сгорбленная, побитая жизнью, состарившаяся до срока. Единственная радость – сын, обретенный после

долгой разлуки. Но впереди новое расставание, которое разрывает материнскую душу: «Зачем отрывают от сердца кровавый кусок? Почему вдруг под старость пустой и голой становится жизнь?» [Сазанов, 1908, с. 40].

Казачка в изображении Сазанова представляет собой особый тип женщины – хранительницы рода, неутомимой труженицы, с достоинством несущей груз ответственности за сложное и противоречивое казачье сословие.

Казачи – люди свободолюбивые, гордые, живо откликающиеся на происходящие события, имеющие свой яркий, колоритный язык. Они сами говорят о своей двойственной натуре: с одной стороны, им хочется жить мирно и спокойно: «Не хотелось быть, ни казаком, ни урядником, а просто свободным человеком, имеющим свою волю, свой угол, свой уют, свою любовь, на которую не показывали бы пальцами» [Сазанов, 1908, с. 34], но, с другой, они – бунтари. В детском портрете героя выделяются глаза, «горящие как у волчонка» [Сазанов, 1907, с. 2]).

Эпоха зашла в тупик и герои вместе с ней. Отсюда и ряд риторических вопросов («Али наша судьба в лес убежала?..» [Сазанов, 1908, с. 39], «Зачем день? Зачем солнце и воробьи под окном?» [Сазанов, 1912, с. 34]), и открытые финалы рассказов. Автор оставляет своих героев на распутье, когда вся страна находится в стадии выбора. Семен идет в стражники – и никто не знает, что его может там ожидать; Федос бежит на свой страх и риск в родную станицу, где у него не будет ничего; мы не знаем, что будет с Василием Дударевым и как сложится дальше жизнь бывшего силача, а ныне безногого калеки Ященко? Ответа нет. Все они идут в никуда, в неизвестность. Герои потеряны в большом мире, который запутался сам и тянет своих обитателей в пучину хаоса. Рассказы И. Сазанова воистину – «реквием казачеству» [Данилов, 1994, с. 147].

И. Сазанова можно считать не только одним из ярких представителей донской темы в литературе XX века. Он, по нашему мнению, открывает ряд тех русских писателей (Ф. Крюков, Р. Кумов, А. Серафимович, М. Шолохов), которым удалось правдиво и точно отразить драматические противоречия в жизни донского казачества накануне ее крупнейшего исторического перелома.

Список литературы

1. Данилов, И. Посвящено казачеству. О рассказах писателя Ивана Сазанова / И. Данилов // Отчий край. – 1994. – № 1. – С. 146–147.
2. Севский, В. Казачья литература / В. Севский // Приазовский край. – 1913. – № 10. – С. 4.

Источники

1. Сазанов, И. Д. В десять вечера / И. Д. Сазанов // Путь : ежемесеч. лит. и обществ. жур. – 1912. – № 10–11. – С. 30–38.
2. Сазанов, И. Д. В пути / И. Д. Сазанов // Русское богатство. – 1905. – № 11–12. – С. 56–77.
3. Сазанов, И. Д. Дома / И. Д. Сазанов // Русское богатство. – 1908. – № 12. – С. 1–41.
4. Сазанов, И. Д. Домой / И. Д. Сазанов // Русское богатство. – 1917. – № 6–7. – С. 1–10.
5. Сазанов, И. Д. На Дону / И. Д. Сазанов // Трудовой путь. – 1907. – № 9. – С. 1–10.

6. Сазанов, И. Д. На цыпочках / И. Д. Сазанов // Ежемесячный журнал. – 1914. – № 10. – С. 17–25.
7. Сазанов, И. Д. На цыпочках / И. Д. Сазанов // Ежемесячный журнал. – 1914. – № 11. – С. 15–23.
8. Сазанов, И. Д. Письмо / И. Д. Сазанов // Русские записки. – 1915. – № 10. – С. 1–18.

Н.В. Травова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

АВТОР, ПОВЕСТВОВАТЕЛЬ И ГЕРОЙ В «КОЛЫМСКИХ РАССКАЗАХ» ВАРЛАМА ШАЛАМОВА

В статье рассмотрены некоторые проблемы анализа субъектного уровня организации «Колымских рассказов» Варлама Шаламова. Проанализированы особенности соотношения автора, повествователя и героя, обусловленные принципом документальности повествования, выявлен «лирический герой» произведения.

Двадцатый век ознаменовал собой трагические утраты, связанные с появлением тоталитарных государств, фашистских и сталинских концлагерей. Это было время посправа гуманистических ценностей, когда «реальность неожиданно оказалась фантастичнее вымысла, а факты красноречивее слов. И здесь документ часто оказывался не только лучшим способом обнажения действительности, проникновения в нее и освоения ее изнутри, но и зачастую последним *свидетелем совершающегося в истории*» [Местергази, 2007, с. 3]. Возникла потребность в появлении литературы с главенствующим документальным началом, литературы «человеческого документа».

Принцип документальности Варлам Шаламов, бывший узник Колымы, считал главным принципом «новой прозы», делающим эту прозу «преображенным документом»: «Собственная кровь, собственная судьба – вот требование сегодняшней литературы» [Шаламов, 1998, т. 4, с. 360]. Это и обусловило особенности организации субъектного уровня «колымской эпопеи». «Под субъектом будем понимать того, кто изображает и описывает, воспринимает и оценивает» [Корман, 1977, с. 10].

Прежде чем говорить об особых отношениях автора, повествователя/рассказчика и героя в «Колымских рассказах» Варлама Шаламова, состоящих из шести художественно-прозаических циклов (сборников), следует разрешить проблему терминологического характера. А именно – проблему употребления нами термина «рассказчик» наряду с термином «повествователь». Дело в том, что первичный субъект речи здесь берет на себя и функции рассказчика, принимающего черты конкретного персонажа, имеющего свою биографию, являющегося участником или свидетелем события, и функции всевидящего повествователя, не принимающего участия в событиях. Эти функции находятся в отношениях дополнительной дистрибуции, но и повествователь, и рассказчик по сути

являются одной и той же сущностью, в которой угадывается сам автор, что, в свою очередь, обусловлено опорой на принцип документальности. Поэтому использование обоих терминов в отношении произведений В. Шаламова не должно вызывать противоречий.

В «Колымских рассказах» Шаламова действует так называемый «лирический герой», знаменующий собой тождество автора-повествователя/рассказчика-героя. Это образ самого автора в произведении, объективация и способ раскрытия реального авторского «я», своего рода художественный двойник автора.

И.В. Некрасова в монографии «Судьба и творчество Варлама Шаламова» отмечает: «В абсолютном большинстве его произведений, герой-повествователь по ряду биографических подробностей, а также внешне и хронологически максимально сближен с автором – Варламом Шаламовым. <...> В кн. «Левый берег» и «Артист лопаты» наблюдается постепенное уточнение, проявление автора в герое – от внешних совпадений – через вымышленное имя – к прямой названности: Шаламов. Это произошло в рассказе «Мой процесс», где само название предполагает явную автобиографичность. Все же чаще герой-повествователь, равновеликий автору, или вовсе не поименован, или носит другие художественные имена – Крист, Голубев, Андреев» [Некрасова, 2003, с. 105].

Однако мы не согласны с исследователем в том, что герой-повествователь может носить имена Крист, Голубев и Андреев. Анализ текста показывает, что Голубев и Крист выступают в колымских циклах лишь в качестве героев, и никогда в качестве повествователей.

Голубев появляется в сборнике «Левый берег» в рассказах «Академик» и «Кусок мяса», причем в обоих рассказах повествование ведется от третьего лица. В других циклах Голубев не фигурирует. В рассказе «Академик» Голубев – журналист, за плечами которого лагерный опыт. Больной, глуховатый, он выглядит гораздо старше своего сверстника – академика. Трудно поверить, что двадцать лет назад Голубев был выдающимся публицистом, за статьями которого, по словам академика, следили все молодые ученые. Но «тот Голубев умер в тридцать восьмом году» [Шаламов, 1998, т. 1, с. 224]. А в рассказе «Кусок мяса» Голубев инсценирует приступ аппендицита, приносит кровавую жертву, как некогда сделал и сам Шаламов. Несомненно, Голубев – литературная маска автора.

Знакомство читателя с Кристом тоже начинается со сборника «Левый берег». В нем Крист появляется в рассказах «Геологи», «Ожерелье княгини Гагариной», «Лида». В остальных циклах «колымской эпопеи», за исключением сборника «Очерки преступного мира», Крист тоже присутствует. Мы встречаем его в рассказах «Почерк», «Артист лопаты», «В больницу» (сборник «Артист лопаты»), «Облава», «Смытая фотография» (сборник «Воскрешение лиственницы»), «Человек с парохода» (сборник «Перчатка, или КР-2»). Причем во всех этих рассказах, как и в случае с Голубевым, повествование ведется от третьего лица.

В Кресте тоже прослеживаются автобиографические черты. К примеру, он работал санитаром (рассказ «В больницу»), а потом и фельдшером на Колыме (рассказы «Геологи», «Человек с парохода»). А еще Крест – бывший ученый, писатель, поэт, обладатель каллиграфического почерка (рассказ «Почерк»). Но главное – не совпадение биографических черт Креста и Шаламова, а то, что, пройдя один и тот же опыт, они мыслят и чувствуют одинаково, они рефлектируют – в этом и заключается проявление черт автора в его герое. Таким образом, Крест, как и Голубев, являются литературными масками Варлама Шаламова, но никогда не становятся «я» повествования.

Другое дело Андреев. С его именем «я» повествования непосредственно связано – в рассказах «Заговор юристов», «Потомок декабриста», «Инженер Киселев» и «Ключ Алмазный». Хотя повествование об Андрееве может вестись не только от первого, но и от третьего лица (рассказы «Тифозный карантин», «Ожерелье княгини Гагариной», «Иван Федорович», «Лучшая похвала», «Первый чекист», «Вейсманист», «Июнь», «Май»). Сам Шаламов подобное объяснял так: «Переход от первого лица к третьему, ввод документа. Употребление то подлинных, то вымышленных имен, переходящий герой – все это средства, служащие одной цели» [Шаламов, 1998, т. 4, с. 363].

Из очерка «Заговор юристов» мы узнаем, что Андреев родился в 1907 году и «собственно, не юрист, но учился в Московском университете на юридическом во второй половине двадцатых годов» [Шаламов, 1998, т. 1, с. 150]. А из рассказа «Иван Федорович» ясно, что Андреев после освобождения работал в одном из московских журналов. Вспомним факты биографии Шаламова. Он родился в 1907 году, а в 1926 поступил на факультет советского права, который, кстати, так и не окончил. После реабилитации, в 1956 году, Шаламов работал в журнале «Москва» внештатным корреспондентом. Кроме того, в рассказе «Потомок декабриста» Андреев – фельдшер в больнице для заключенных, к тому же «не природный москвич» [Шаламов, 1998, т. 2, с. 253], как и сам Шаламов, родившийся в Вологде. Эти факты дают нам основания считать автора и героя-повествователя Андреева не противопоставленными друг другу. Но в очерке «Лучшая похвала» Андреев Александр Георгиевич появляется уже как самостоятельный персонаж наряду с автором-рассказчиком-героем, наряду с «я» повествования.

Так кто же он? Самостоятельный персонаж или литературная маска Автора-Шаламова? Судя по биографическим и идеологическим совпадениям, в Андрееве явно проявляется автор, но иногда Андреев выступает либо как знакомый автора-повествователя, либо как знакомый других персонажей или даже литературных масок Шаламова – например, Креста в рассказе «Ожерелье княгини Гагариной». Но в любом из этих случаев позиция автора и героя не противопоставлены.

На самом деле, Александр Георгиевич Андреев был реальным человеком, с которым Варлам Шаламов познакомился в следственной камере Бутырской тюрьмы в 1937 году. И он действительно похвалил Шаламова словами, которые приведены в рассказе «Лучшая похвала»: «Вы – можете сидеть в тюрьме,

можете. Говорю вам это от чистого сердца» [Шаламов, 1998, т. 1, с. 250]. Именно поэтому этот персонаж иногда действует как знакомый автора-повествователя. Но сам автор будто растворяется в Андрееве, награждая его фактами своей биографии, своим личным опытом, своими мыслями, чувствами, говорит через него. Это двусторонний процесс: автор тоже берет кое-что от Андреева, не спроста ведь именно Андреев, а не другие литературные маски автора, становится героем-повествователем, а значит, и «лирическим героем» произведения (наряду с другим персонажем – Шаламовым). Андреев (и как реальный человек, и как персонаж) был близок и удобен Шаламову для высказывания авторских мыслей: «Андреев, тот знает какую-то истину, незнакомую большинству» [Шаламов, 1998, т. 1, с. 490].

Список литературы

1. Корман, Б. О. Практикум по изучению художественного произведения / Б. О. Корман. – Ижевск : УдГУ, 1977. – 72 с.
2. Местергази, Е. Г. Специфика художественной образности в «документальной литературе» / Е. Г. Местергази // Филол. науки. – 2007. – № 3. – С. 3–12.
3. Некрасова, И. В. Судьба и творчество Варлама Шаламова / И. В. Некрасова. – Самара : Изд-во СГПУ, 2003. – 204 с.
4. Шаламов, Варлам. Собрание сочинений : в 4 т. / Варлам Шаламов. – М. : Вагриус, 1998.

Л.Ю. Макарова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

СВОЕОБРАЗИЕ РАСКРЫТИЯ ТЕМЫ ЛЮБВИ В ЛИРИКЕ

М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

В статье раскрывается тема любви в творчестве М.И. Цветаевой, не получившая всестороннего освещения в литературоведении.

Тема любви в лирике М.И. Цветаевой уже затрагивалась некоторыми исследователями, но так как предмет данных исследований представляет собой сложное чувство, разгадыванию которого посвятили свою жизнь многие философы и мыслители, то наш взгляд, тема любви не получила полного и всестороннего освещения в цветаеведении. Мы предпримем попытку дополнить эти исследования собственными соображениями. В процессе анализа мы опираемся на работу Э. Фромма «Искусство любить: Исследование природы любви», в которой философ предложил свою классификацию типов любви: братская, материнская, эротическая, любовь к себе, любовь к Богу. Из данных пяти типов нас интересуют первые две: братская и материнская.

В творчестве М. Цветаевой тема любви занимает определяющее место. Сама Цветаева ставила это чувство во главу угла: «...все дело в том, чтобы мы любили, чтобы у нас билось сердце – хотя бы разбивалось вдребезги! Я всегда разбивалась в дребезги, и все мои стихи – те самые сердечные дребезги».

В ранней лирике Цветаевой ее лирическая героиня заявляет о своей двоякости: «Безумье и благоразумье,/Позор и честь,/Все, что наводит на раздумье,/Все слишком есть – /Во мне. – Все каторжные страсти свились в одну!-/Так в волосах моих все масти/Ведут войну!» [Цветаева, 1994, с. 233]. В дальнейшем это противоречие будет усиливаться, и две борющиеся в лирической героине силы персонифицируются в образах Психеи(душа) и Евы(тело). Но сама она предпочитает отождествлять себя с Психеей: «Я ласточка твоя – Психея!» [Цветаева, 1994, с. 394]. Упоминание птицы здесь не случайно. Лирическая героиня зачастую выступает в роли какой-либо птицы: голубя, соловья, ласточки, Феникса: «Бог одну меня поставил/Посреди большого света./ – Ты не женщина, а птица,/Посему – летай и пой» [Цветаева, 1994, с. 436], «Птица-Феникс я, только в огне пою!», Первоначально только голубь являлся символом небесной любви и дружбы, а шире – символом души, воплощением Святого Духа, но произошло обобщение, вероятно под влиянием Псалма (СХХIII, 7): «Душа наша яко птица от сети ловящих», и любое крылатое существо стало символизировать одухотворенность. Отсюда и упоминание у Цветаевой бабочки: «Душа – навстречу палачу,/Как бабочка из хризалиды!» [Цветаева, 1994, с. 19], а также серафима: «Не называй меня никому,/Я серафим твой, легкое бремя» [Цветаева, 1994, с. 568]. В иудейской и христианской традициях серафим – высший из девяти ангельских чинов, символизирует очищающий огонь духа. У Цветаевой он является и олицетворением души. Также в большинстве стихотворений лирическая героиня является «окрыленной»: «И другу на руку легло/Крылатки тонкое крыло./Что я поистине крылата,\Ты понял, спутник по беде» (1, 320), «На тебе, ласковый мой, лохмотья,/Бывшие некогда нежной плотью./Всю истрепала, изорвала, – /Только осталось, что два крыла» [Цветаева, 1994, с. 401], «Шестикрылая, ра-душная,/Между мнимыми – ниц! – сушая,/Не задушена вашими тушами/Ду-ша!» [Цветаева, 1994, с. 164].

Когда лирическая героиня выступает как Душа-Психея для нее характерно два вида любви: братская и материнская. Более наглядно это можно проследить на двух стихотворениях «Наклон» и «Раковина», обращенных к другу Цветаевой по переписке А.В. Бахраху. Уже в самих заглавиях данных стихотворений мы наблюдаем типично материнское стремление оградить ребенка как раковина, а наклон над ребенком – присущая всем матерям поза, означающая защиту и самое чуткое отношение, готовность откликнуться на любой, даже самый малейший, зов: «Материнское – сквозь сон – ухо/У меня к тебе наклон слуха,/Духа – к страждущему: жжет? да?/У меня к тебе наклон лба,/Дозирующего верховья» [Цветаева, 1994, с. 213–214]. У лирической героини также «Седеющей волчицы римской/Взгляд, в выкормыше зрящей – Рим!/Сновидящее материнство/Скалы...» [Цветаева, 1994, с. 210]. Она берет на себя великую миссию вырастить свое дитя достойно и сравнивает себя с дочерью фараона, нашедшей Моисея: «Так некогда над тростниковой/Корзиною клонилась дочь/Египетская...» [Цветаева, 1994, с. 210]. Во втором стихотворении мы наблюдаем заботу о росте ребенка: «Из

лепрозария лжи и зла/Я тебя вызвала и взяла/В зори! Из мертвого сна надгробий –/В руки, вот в эти ладони, в обе,/Раковинные – расти, будь тих:/Жемчугов станешь в ладонях сих!» [Цветаева, 1994, с. 214], и желание, чтобы ребенок отделился от матери: « – Выйдешь! – По первому слову: будь!/Выстрадавшаяся раздастся грудь/Раковинная. – О, настужь створы!–/Матери каждая пытка в пору,/В меру... Лишь бы ты, расторгнув плен,/Целое море хлебнул взамен!» [Цветаева, 1994, с. 215]. По Фромму, «мать должна не просто смириться, а именно хотеть и поощрять отделение ребенка. Именно на этой стадии материнская любовь возлагает на себя столь трудную миссию, требующую бескорыстия, способности отдавать все и не желать взамен ничего, кроме счастья любимого человека» [Фромм, 1990, с. 68]. Именно такое отношение мы встречаем в данном стихотворении.

Примеры любви братской наиболее ярко представлены в двух циклах стихотворений: «Стихи сироте» и «Двое», обращенные соответственно А.С. Штейгеру и Б. Пастернаку, также являющимися друзьями Цветаевой по переписке. Но, несмотря на общность вида любви, объединяющего циклы, есть принципиальные различия в отношении лирической героини к одному адресату и к другому. Для начала рассмотрим «Стихи сироте». Примечательно уже то, что они обращены «сироте» как сказано в заглавии. По Фромму, «любовь к беспомощному человеку, любовь к бедному и чужому – это начало братской любви» [Фромм, 1990, с. 64]. В Ветхом завете центральный объект человеческой любви – бедняк, чужак, вдова и сирота. Поэтому отношения лирической героини и ее адресата неравны, она выше его в том плане, что он является беспомощным существом, нуждающимся в ее поддержке. Во втором стихотворении цикла также как и стихотворении «Наклон» наличествует жест объятия: «Обнимаю тебя кругозором/Гор, гранитной короною скал./ (Занимаю тебя разговором –/Чтобы легче дышал, крепче спал)» [Цветаева, 1994, с. 338], но это уже не материнское, а дружеское, братское объятие. Занять разговором – отвлечь от тяжелых мыслей, развеять печаль – это задача друзей. Цветаева еще ранее заявляла: «Высоко несу свой высокий сан –/Собеседницы (выделено нами – Л.М.) и Наследницы» [Цветаева, 1994, с. 425]. Третье стихотворение «(Пещера)» также перекликается со стихотворением «Раковина». В отличие от последнего, где бесспорно заявлено: «Из лепрозария лжи и зла/Я тебя вызвала и взяла...» (выделено нами – Л.М.), в первом нет уже этого абсолюта: «Могла бы – взяла бы/В утробу пещеры:/в пещеру дракона, в трущобу пантеры» [Цветаева, 1994, с. 339]. В следующих двух стихотворениях многочисленные обращения к адресату прямо указывают на отношение героини к нему: «В коросте – желанный,/С погоста – желанный:/Будь гостем! – лишь зубы да кости – желанный!» и далее «Любимый! желанный! жаленный! болезный!» [Цветаева, 1994, с. 340]. Все эти обращения являются ни чем иным как состраданием, готовностью принять и помочь нуждающемуся, а это и есть проявление братской любви. Шестое стихотворение цикла, на наш взгляд, является программным. Это своеобразный манифест братской любви: «Наконец-то встретила/Надобного – мне:/У кого-то смертная/Надоба – во

мне./Что для ока – радуга,/Злаку – чернозем –/Человеку – надоба/Человека – в нем!» [Цветаева, 1994, с. 340–341]. Братская любовь – это потребность одного человека в другом. Фромм на этот счет говорит: «Если вы любите, не вызывая взаимности, (...) если вы жизненными проявлениями чувства не возбуждаете ответной любви к себе, ваша любовь бессильна, и она – несчастье» [Фромм, 1990, с. 41]. Вот откуда столь страстное желание лирической героини в надобности руки другого человека в своей руке. Иначе такую любовь можно назвать, опираясь на сочинение П.Флоренского, «агапической» [Флоренский, 1990, с. 412], то есть «обще-человеческой», той, которую должно оказывать всякому.

Обратимся теперь к циклу «Двое». О Пастернаке Цветаева говорила – «мой брат в пятом времени года, шестом чувстве и четвертом измерении». Здесь уже не сострадание, не жалость к «сирому», как было в предыдущем цикле, а братская любовь к равному: «В мире, где всяк/Сгорблен и взмылен,/Знаю – один/Мне равносильен./В мире, где столь/Многого хотим,/Знаю – один/Мне равномогущен./В мире, где все –/Плесень и плющ,/Знаю: один/Ты равносущ/Мне» [Цветаева, 1994, с. 237–238]. Но здесь появляется новый мотив: «Не суждено, чтобы сильный с сильным/Соединились бы в мире сем», «Не суждено, чтобы равный – с равным.../Так разминовываемся – мы» [Цветаева, 1994, с. 236–237]. Отсюда – вся трагедийность любовной лирики Цветаевой. Для подтверждения своей мысли о несовместимости равных поэт сопоставляет такие пары как Ахиллес и Елена, Зигфрид и Брунгильда, Ахиллес и Пенфезилея, которые не могли соединиться, будучи, по мысли Цветаевой, достойными друг друга.

Список литературы

1. Цветаева, М. И. Собрание сочинений : в 7 т. / М. И. Цветаева ; сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. – М : Эллис Лак, 1994.
2. Фромм, Э. Искусство любить: Исследование природы любви / Э. Фромм. – М. : Педагогика, 1990. – 160 с.
3. Флоренский, П. А. Столп и утверждение истины / П. А. Флоренский. – М. : Правда, 1990. – 49 с.

Н.Н. Нартыев

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ГОТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ США (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ Д. К. ОУТС)

В статье рассматривается малая проза Д.К. Оутс, отмеченная обращением к «готической традиции», подчеркивается, что, выступая против дегуманизации жизни в современном мире, художник показывает распад межличностных связей, трагичность персонального существования в

обесчеловеченной среде; этими социальными экзистенциальными мотивами пронизан и сборник рассказов «Коллекционер сердец».

Творчество известной американской писательницы Джойс Кэрол Оутс, нобелевского номинанта 2009 года, характеризуется устойчивым обращением к литературной традиции. В частности, об этом свидетельствуют небезынтересные образцы «готической» малой прозы, к которым по праву относят сборник рассказов «Коллекционер сердец» (1998).

Подчеркнем, обращение Оутс к стилизации под «готику» – одно из средств создания критического пафоса. В центре внимания Оутс – разоблачение мифов «общества благоденствия». Выступая против тенденции дегуманизации жизни в современном западном мире, художник показывает распад межличностных связей, трагичность персонального существования в обесчеловеченной среде. Этими мотивами пронизан и «Коллекционер сердец», в котором отчетливо проявлены «интерес к социальным проблемам и обостренное внимание к деформированной человеческой психике с существенным креном в сторону ее «пограничных состояний» и даже психопатологии» [Мулярчик, 1990, с. 337–338].

«Трагическое видение» Оутс связано как с универсальными, так и с конкретными социальными обстоятельствами человеческого существования. Отчасти об этом сообщают заглавия рассказов сборника: «Мама-смерть», «Склеп», «Дьявол», «Посмертное», «Недуг», «Шрамы», «Смерть на велосипеде», «Вечерние тени», «Гробница». Их негативная семантика подчеркивает, с одной стороны, соотнесенность этих произведений с «литературой ужасов», с другой – с обличительной традицией в социально-психологической прозе США XX вв.

«Готический тип сюжетного развертывания определяется глубинной идейно-тематической основой жанра – проблемой «переживания» и преодоления тех или иных поставленных человеку пределов» [Заломкина, 2003, с. 7]. Указанная проблема – в основе сюжетостроения рассказов «Дьявол», «Синий, как небо, мяч» и «Кукла-варежка».

Герой первого рассказа «переживать» начал еще до рождения: «Толкался в животе так сильно, что его мать сгибалась пополам от боли. <...> *Не то что любил, с ума от любви сходил*» (здесь и далее курсив автора – Н.Н.) [Оутс, 2002, с. 150]. Как всякое живое существо, «страстно стремился к тому, чего назвать еще не мог: *к Божьей милости и спасению души*» [Там же]. С детства им ощущается собственное изгойство, непохожесть на «обыкновенных» людей, которые в свою очередь также отличают его по знаку сатаны: «уродливому, ярко-красному родимому пятну в виде змеи» на лице. Годы детства «пролетели как в горячечном бреду. Да и были ли они?» За него усердно молятся и мать, и священник: «и он стал хорошим, *был избавлен* от зла». Однако, как и прежде, он остается *другим*, не таким как все... Примечателен портрет «дьяволенка»: «Очень маленький, щуплый. Короткие и тощие, как спички, ноги. Несоразмерно большая голова, узкие, покатые плечи. Странное, <...> бледное восковое лицо, красивые, чуть раскосые глаза» [Оутс, 2002, с. 151].

Индивидуальную судьбу «человека-дьявола» Оутс социализирует, отказываясь признать ее исключительность: детские годы «он прожил <...> как будто находясь в остановившемся на перекрестке городском автобусе, изрыгающем выхлопную гарь» [там же]. Образ «заблудившегося» автобуса символизирует социум, в котором отсутствует главный бытийный компонент – движение; отсутствует не только из-за неспособности людей сделать выбор, но и по причине не предоставления возможности его осуществить.

Все эти годы перед взором героя рассказа «один и тот же вид из мутного, засиженного мухами окна»: «закусочная с помятыми стенами из кровельного железа», «каменистый пустырь, поросший сорной травой» и т. д. Унылый, серый индустриальный пейзаж, подчеркивающий отчужденность человека, актуализирует (в духе идеологии готики) такие аспекты человеческого бытия, как «психическое расстройство, преследование, физическое и психологическое насилие, стремление к запретному знанию, столкновение с иррациональным и дьявольским» [Заломкина, 2003, с. 7]. «Кажется, здесь заканчивалось все сущее, пролегал край земли. Или не край, а только рубеж, граница, за которой открывалось нечто беспредельно огромное, чего ни пересечь, ни постичь?» [Оутс, 2002, с. 151].

Необычайная интенсивность эмоционального состояния героя рассказа достигается благодаря его изображению в подчеркнута драматической, крайней ситуации. Обусловленная «алым знаком сатаны» вначале, она получает мнимое, фиктивное разрешение: пятно постепенно поблекло, а затем и вовсе исчезло. Однако дьявольская ипостась «хорошего, чистого ребенка с чутким сердцем и любящей душой», правда, «преданного» в результате преждевременного извлечения из чрева матери, проявляет себя в актах насилия: поджогах школы, соседских домов и лавок.

«...Спустя годы, январским утром «он рассматривал свое лицо в тусклой поверхности зеркала общественного туалета на автовокзале Трейлуэйз», как вдруг понял: «дьявол наконец смог вырваться на свободу» [Оутс, 2002, с. 152]. Мгновением позже увидел, что «в его правом глазу появилось какое-то пятнышко». «Знаком сатаны» на этот раз была «пятиконечная звезда – *пентаграмма*». Если первый знак сатаны (родимое пятно) был естественного происхождения, то «пентаграмма» в глазу – явление *сверхъестественного* порядка, а потому, по замыслу автора, не может быть только отражено.

В ужасе от сознания, что внутри его ничто не изменилось, он мчится домой, где пытается стереть, «сковырнуть» знак сатаны, как вдруг понимает: «Разве он не знал, что молитвы ни к чему не приведут?» [там же]. Это был его «момент истины», осознание которого потребовало решительного действия: найдя на кухне «острейший разделочный нож», он «стискивает пальцы на его рукоятки, как на горле судьбы» [Оутс, 2002, с. 154]. Затем бежит, в который раз отталкивая родственников, неотступно преследующих его, в ванную комнату, запирается, и «неожиданно твердой, будто стальной рукой спокойно <...> подносит нож к лицу, храбро вонзает в глаз и поворачивает его острие внутри глаза» [там же].

Проблематика других рассказов сборника не меняется, однако каждый раз получает свою особую форму актуализации. Так, в рассказе «Синий, как небо, мяч» классический конфликт мечты и реальности воплощен в разладе между воображаемыми (детскими) представлениями о жизни и собственно жизнью, еще не вполне взрослой, но однозначно действительной. Знаменательно начало рассказа: «Это случилось давным-давно, когда я еще не понимала, что была собой и была счастлива». Однажды героиня рассказа, девочка-подросток, шла «вдоль высокой кирпичной стены цвета засохшей крови», как неожиданно «над стеной возник сферической формы предмет, такой ярко-синий, что на миг показалось: это птица!» ...Это был «резиновый мячик» – «совсем новенький, свежо пахнувший резиной, чудесно упругий и крепкий на ощупь», такой, каким она «играла еще маленькой девочкой» [Оутс, 2002, с. 3]. Героиня бросает мяч через стену, автоматически успев подумать: «Разве можно отказаться от игры?» И вот уже на нее нахлынули радостные детские воспоминания, и она «снова испытала прилив счастья».

...Героиня «упрямо продолжала искать мяч» (читай: счастье прошлой, детской, жизни), но обнаружила «метаморфозу»: «он уже нисколько не походил на прежний, синий, как небо, мяч»; «...полинялый и потрескавшийся, серовато-коричневая резина сплошь испещрена венозными прожилками мелких трещин – ну в точности старый мячик, которым я играла много лет назад», – понимает она, – «от него не пахло ничем – разве что землей и еще потом моих ладоней» [Оутс, 2002, с. 8].

Рассказ «Кукла-варежка» также посвящен излюбленным вопросам Оутс – межличностным отношениям, самоидентификации. Героиня рассказа Лорейн Лейк, знала о своей дочери Типпи, казалось бы, все, но «жизнь преподносит странные сюрпризы». Дальнейшее развитие действия раскрывает мнимый характер этого знания. Однажды Типпи, «всегда робкая и застенчивая по натуре», удивила мать весьма нетривиальным способом: «прямо в лицо ей сунула «какую-то уродливую вещицу, которая вся дергалась, точно была живая». Этой вещицей была «большеголовая кукла с младенческой мордашкой», причем «в первый момент личико куклы показалось ей [матери] знакомым». Миссис Лейк была рассержена этим поступком дочери, «но старалась скрыть раздражение за улыбкой». Инцидент получил «внешнее» разрешение: дочь извинилась, а мать «позволила себе похвалить дочь за куклу-варежку».

С другой стороны, вспоминает, что «всю прошлую неделю в доме звучал тихий гнусавый голос», который... «принадлежал кукле-варежке». «Я знаю свою дочь», – подумала Лорейн. – Это не она». В действительности же, не столько умом и сердцем, а как-то на подсознании, на «подчувственном» уровне женщина понимает, что в отношениях с дочерью – сквозит целая пропасть, что ее жизнь в целом – что-то ужасное, где нет ни подлинного понимания, ни подлинной любви. Поехав в школу, она видит свою дочь с куклой в руках, которой та пугает учеников младших классов. Рассказ заканчивается одновременно «странно» и «закономерно»: Лорейн Лейк, видимо, из нежелания

признать поражение во всей своей жизни (отношения с дочерью – лишь эпизод) кончает жизнь самоубийством.

Нежелание или неспособность человека к духовному строительству своей личности неотвратимо приводит к ее гибели.

Список литературы

1. Заломкина, Г. В. Поэтика пространства и времени в готическом сюжете : автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Г. В. Заломкина. – Самара, 2003. – С. 7.
2. Мулярчик, А. С. Джойс Кэрл Оутс / А. С. Мулярчик // Писатели США. Краткие творческие биографии / под ред. Я. Засурского, Г. Злобина, Ю. Ковалева. – М., 1990. – С. 337–338.
3. Оутс, Д. К. Коллекционер сердец : рассказы : пер. с англ. / Д. К. Оутс. – М., 2002. – С. 150. – Далее в тексте статьи в скобках указывается только страница.

Д.К. Карслиева

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

«ВИРТУАЛЬНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ» В «НЬЮ-ЙОРКСКОЙ ТРИЛОГИИ» ПОЛА ОСТЕРА КАК КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

На современном этапе развития литературного творчества, характеризующемся активным проникновением научных технологий в искусство, в литературном произведении стираются границы между текстом и реальностью, читательское восприятие подключается к интерпретации смысла произведения. «Виртуальное повествование» «Нью-йоркской трилогии» американского писателя Пола Остера формируется приемом остранения, созданием особого художественного хронотопа, в котором пространство определяется эстетикой городского пейзажа, а время теряет свое равномерное и упорядоченное течение.

Понятие виртуальной реальности в научной мысли появилось сравнительно недавно. Во второй половине XX века идея виртуальности возникла одновременно в нескольких сферах науки и техники. В массовом сознании термин «виртуальная реальность» ассоциируется с компьютерными технологиями. Что касается исследований этого термина, то более глубоко ведутся разработки в философии, психологии, а в искусстве, в частности, литературоведении речь идет лишь о констатации факта, либо рассматривается с эстетической точки зрения, не анализируя произведение. Однако еще Ю.М. Лотман отмечал, что «словесный образ виртуален. Он и в читательском сознании живет как открытый, незаконченный, невоплощенный» [Лотман, 1994, с. 433]. В литературе последней трети XX века виртуальность осмысливается и выступает в непосредственном художественном преломлении, что и порождает многообразие форм «виртуального повествования» и необходимость их осознания, в том числе и в коммуникативном аспекте. Понятие коммуникативного пространства, введенное Б.М. Гаспаровым,

призвано обозначить некую «мысленно представляемую среду», «духовный ландшафт», в который погружено высказывание и который необходим для того, чтобы создать или интерпретировать сообщение [Гаспаров, 1996, с. 295].

Постмодернизм, по словам В.П. Руднева, был первым (и последним) направлением XX в., которое «открыто призналось в том, что текст не отображает реальность, а творит новую реальность, вернее даже, много реальностей, часто вовсе не зависящих друг от друга» [Руднев, 1997, с. 221]. Ведь любая история, в соответствии с таким пониманием постмодернизма, – это история создания и интерпретации текста. В подобном случае реальность отсутствует, ее просто нет. Все, что может вычленишь исследователь литературного произведения – это различные виртуальные реальности, недаром постмодернизм расцвел в эпоху персональных компьютеров, массового видео и Интернета, влияние которого на современную действительность нельзя не принять. Признавая отсутствие реальности, постмодернизм разрушил самую главную оппозицию классического модернизма – неомифологическую оппозицию между текстом и реальностью, сделав ненужным поиск границ между ними. Теперь поиск прекращен: реальность окончательно не обнаружена, имеется только текст.

Как замечает исследователь, «специфика современной виртуальности заключается в интерактивности, позволяющей заменить мысленную интерпретацию реальным воздействием, материально трансформирующим художественный объект» [Маньковская, 2000, с. 311]. Как считает Н.Б. Маньковская, формируется «новый тип эстетического сознания», связанный с «превращением читателя из наблюдателя в со-творца» произведения, влияющего на его становление и «испытывающего при этом эффект обратной связи» [Маньковская, 2000, с. 311].

В литературных произведениях тенденцию виртуализации Н.Б. Маньковская выводит из ветвящихся сюжетов, ризоматической модели построения текста и интертекстуальности как структурообразующего принципа. Созданная при помощи таких приемов гиперлитература соотносится не с другими текстами, но с текстопорождающими системами. В основе произведений, относящихся к данной разновидности постмодернистского творчества, лежит принцип дискретности, делимости, взаимозаменяемости эпизодов текста, линии развития сюжета резко обрываются.

Остранение как прием приобретает сущностное значение в постмодернистском искусстве, что приводит иногда к стиранию его значимых признаков. Разрушение единства означаемого и означающего, в результате которого знак указывает не на означаемое, а лишь на другие знаки, создает идеальные условия для очуждения. Согласно теории М. Фуко, в постмодернистском сознании происходит снятие дихотомии субъекта и объекта, человека как эмпирического существа и как познающего. Таким образом, на место субъекта должен вступить язык, универсальная среда, пронизывающая все бытие.

В «Нью-йоркской трилогии» Остер активно использует прием остранение как одно из средств создания «виртуального повествования», переосмысливая его в духе постмодернистской поэтики и эстетики. Остранение свойственно как сюжету, так и композиции всех романов «Нью-йоркской трилогии». В романе «Стеклянный город» главный герой привносит прием очуждения в свою жизнь, пытаясь уйти от ненавистного существования в мире, отнявшем у него семью.

В романе «Запертая комната» центральной темой является поиск, причем как в конкретном смысле – герой ищет таинственно пропавшего друга детства – так и в широком: поиске своей идентичности. Этот поиск, задуманный для написания биографии талантливого Феншо, превращается в процесс самопознания главного героя. Отличительной чертой этого самопознания можно отметить не углубление в себя для выявления сущностного в личности, а очуждение, остранение от окружающей действительности, а впоследствии и от самого себя.

В этом произведении Остера прежде всего можно выделить резкую смену временных пластов в повествовании, когда рассказчик, развертывающий сюжетную нить в настоящем, повествует о странных событиях, которые произошли семь лет назад, а в своих истоках связаны с его детством. Тон повествования настраивает не на актуализацию событий прошлого, а на внедрение настоящего в глубины прошедшего и на создание атмосферы нереального, странного при описании действий и мыслей безымянного персонажа во время поиска им друга детства. Время размывает свои границы, и своего пика прием остранения достигает при описании событий, произошедших в Париже, куда главный герой приехал для поиска каких-нибудь следов своего друга. Потерпев неудачу и признав бессмысленность своих попыток, он теряет чувство реальности, видит себя «остраненным» от жизни: «Я вижу, что происходило, наталкиваюсь на свой образ в различных местах, но только на расстоянии, как будто смотрю на кого-то еще. Ничто из этого не кажется памятью, которая всегда привязана к чему-нибудь» [Остер, 2005, с. 148]. Герой осознает фрагментарность своей памяти, своего сознания и, в конечном счете, своего «я».

Остранение в романе Пола Остера полиструктурно: затрагивает не только художественную действительность, но и языковую структуру литературного произведения, виртуализирует письменный текст, делая точкой отсчета и предметом изображения не странную реальность, а саму странность, у которой нет пространственно-временных границ.

Действие «Нью-йоркской трилогии» Пола Остера в большинстве случаев происходит в современном мегаполисе. По словам Г. Вольфа, в каком-то смысле город всегда является ловушкой [Wolfe, 1979, p. 90]. Городской постмодернистский пейзаж Остера определяется огромным социальным опытом потери места. В таком городе люди испытывают одновременно ощущения человека, загнанного в ловушку и в то же время потерявшего ориентиры. Пытаясь исправить невыносимую двойственность своего

положения, герои Остера бродят по улицам Нью-Йорка – этого знакового города для писателя.

В «Нью-йоркской трилогии» самые главные препятствия созданы не хаосом городских зданий, но воздвигнуты между людьми, не понимающими друг друга и, в конце концов, самих себя. Не существует никакого нового языка, способного помочь в постижении межличностных отношений, если люди заперлись в изолированных комнатах новой Вавилонской башни. Выходом из такого положения могло бы стать объединение, о котором говорил в своем эссе «Миф о Сизифе» («Le Mythe de Sisyphe», 1942) А. Камю, подразумевая под единением то, что мы потеряли, но больше не можем обрести. Говоря о пути, по которому возможно объединение разнонаправленных движений, стоит затронуть понятие американского фронта – зоны, объединяющей препятствия с пересечением. Фронт был для американцев благоприятной возможностью: он представлял будущее, даже если это касалось нецивилизованных мест, и предпочитался обжитому пространству, которое ассоциировалось с прошлым, со Старым Светом.

Говоря о деконструкции Остером формы детектива как жанра, пронизанного непоследовательностью и не отражающего нелогичность и несогласованность настоящей жизни, следует отметить, что структура романа отражает классическую структуру детективного текста: в начале дается некая завязка, а затем следует повествование о поисках ответа на поставленные вопросы. Однако в финале эти вопросы не только остаются без разрешения, но и возникают новые. Их формулировку довольно точно дала в своей статье М. Соратур: «Свершилось ли преступление? Что случилось с потенциальной жертвой? Что случилось с подозреваемым преступником? И, наконец, что случилось с самим детективом?» [Sorapure, 1995, p. 75]. Эти вопросы преднамеренно остаются без ответа, финал произведения характеризуется открытостью, не свойственной детективному тексту, в котором все линии повествования должны сойтись в единой точке разрешения загадочных событий.

В романе «Стеклянный город» неизвестный повествователь, друг вымышленного персонажа Пола Остера, пересказывает историю, опираясь на слова незнакомого ему Квинна, который записал свои мысли в красную записную книжку. Повествователь пытается понять, кем был этот человек и чем он занимался. Квинн делает нечто схожее. Приняв имя Остера, он пытается вжиться в роль детектива и совершать те поступки, которые свойственны сыщику – следовать за потенциальным преступником: «Какие цели преследует этими прогулками Стилмен, оставалось для Квинна загадкой. Разумеется, от его взгляда ничего не могло укрыться, и все увиденное он тщательно фиксировал в своей красной тетради. Однако смысл увиденного Квинн постичь не мог. Заранее продуманного маршрута у Стилмена явно не было, вдобавок он, похоже, никогда не знал, где находится» [Остер, 2005, с. 94].

То, что Квинн фиксирует в своих записях, отражает его собственные прогулки по Нью-Йорку до того дня, как он принял предложенные условия и стал Полом Остером – частным детективом. В произведении происходит

сближение Квинна/Остера со Стиллменом, воспринимаемого поначалу персонажем в качестве преступника. Эта ситуация может быть прокомментирована следующим высказыванием Б. Херзогенрата: «Творческая часть детектива реализуется в его идентификации с преступником... онтологическая двойственность самого детектива соответствует структурной двойственности двух основных образов детективного произведения: сыщика и преступника» [Herzogenrath, 1999, p. 19].

Некоторые исследователи полагают, что движение в некотором смысле является актом речи. Остер буквально воплощает эту мысль в своем произведении, когда Квинн обнаруживает, что Стиллмен своими прогулками по городу выписывает контуры гигантских букв. Сложив их воедино, герой с трепетом осознает, что бесцельные якобы блуждания сумасшедшего старика содержат в себе послание, записанное в воздухе. Стремление Стиллмена воплотить свои идеи о Вавилонской башне, новой божественном языке и рае на земле подтверждают высказывание В.Беньямина: «Разве не является каждый город новой Вавилонской башней?» [Gilloch, 1997, p. 183].

Образ запертой комнаты, вынесенной в заголовок произведения Остера, становится многозначной метафорой одиночества и обособленности человеческого существования в современном обществе. Закрытая дверь не только препятствует общению персонажей романа, но и создает особое художественное пространство изолированной комнаты, обособленной от окружающего хаотичного мира. Вместе с тем из конечного, но замкнутого пространства всегда остается надежда выйти, хотя автор не представляет такой возможности в пределах своего текста, но, думается, открытый финал произведения является своего рода выходом из рамок романа.

В трилогии Остера художественное пространство отражает понимание писателем двойственного положения современного человека, загнанного в тупик хаосом огромного мегаполиса и в то же время потерявшего ориентиры.

На современном этапе развития литературного творчества, характеризующемся активным проникновением научных технологий в искусство, в литературном произведении стираются границы между текстом и реальностью, формируется новый тип художественной изобразительности, ориентированный на включение читательского восприятия для интерпретации смысла произведения. Структура текстов основывается на принципе дискретности, эпизоды становятся взаимозаменяемы. Художественное повествование приобретает интерактивность, воздействует на материальный объект, можно сказать виртуализируется.

«Виртуальное повествование» «Нью-йоркской трилогии» формируется приемом остранения, созданием особого художественного хронотопа, в котором пространство определяется эстетикой городского пейзажа, а время теряет свое равномерное и упорядоченное течение. Замедление ритма характеризует постижение героем собственной сущности, концентрацию его на вечных ценностях. Значимым является образ замкнутого пространства, в

котором время останавливает свое движение и герою предоставляется возможность самопознания.

Список литературы

1. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М. : Нов. лит. обозрение, 1996. – 352 с.
2. Лотман, Ю. М. О природе искусства / Ю. М. Лотман // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М. : Гнозис, 1994. – С. 433.
3. Маньковская, Н. Б. Эстетика постмодернизма / Н. Б. Маньковская. – СПб. : Алетейя, 2000. 346 с.
4. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. – М. : Аграф, 1997. – 384 с.
5. Gilloch, G. Myth and Metropolis: Walter Benjamin and the City / G. Gilloch. – Cambridge : Polity Press, 1997. – 220 p.
6. Herzogenrath, B. An Art Of Desire / B. Herzogenrath. – Netherlands : Rodopi, 1999. – 246 p.
7. Sorapure, M. The Detective and the Author: *City of Glass* / M. Sorapure // Beyond the Red Notebook / ed. by D. Barone. – Pennsylvania : University of Pennsylvania Press, 1995. – P. 71–87.
8. Wolfe, G. K. The Known and the Unknown. The Iconography of Science Fiction / G. K. Wolfe. – Kent : Kent State University Press, 1979. – 250 p.

Источники

1. Остер, П. Нью-йоркская трилогия / П. Остер ; пер. с англ. А. Ливерганта, С. Таска. – М. : Эксмо, 2005. – 400 с.

Н.Е. Спирякина

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

«ЛЮДСКОЕ КЛЕЙМО» ФИЛИПА РОТА КАК ЛИРИЧЕСКИЙ РОМАН

В статье анализируются признаки лирического в романе Филипа Рота «Людское клеймо», особо отмечается действие принципа лирической поэзии, заключающегося в том, что сфера изображения охватывает только те моменты действительности, которые имеют определенное значение для писателя и его персонажей.

Роман «Людское клеймо» (The Human Stain, 2000) современного американского писателя Филипа Рота нельзя рассматривать как всецело лирическое произведение, но этот аспект занимает значительное место в художественном мире романа.

Лиризация в произведении связана с особо сильным проявлением субъективного начала автора, его внутренней жизни, в то время как эпическое начало характеризуется, как правило, стремлением автора к изображению объективной картины мира. Безусловно, в романе Филипа Рота представлены объективные реалии социальной и политической жизни, но даны они с точки зрения внутреннего преломления персонажей – главного героя Коулмена Силка и несомненного носителя авторской идеи – писателя Натана Цукермана, позволяющих говорить о субъективизации в повествовании, которая обусловлена также исповедальными монологами главного персонажа.

Н.Т. Рымарь, обращаясь к введенному И.В. Силантьевым понятию «лирического события», указывает на способность субъекта предстать «уже не только как субъект сознания и речи, но и как субъект деятельности, обнаруживая безграничные возможности реализации себя в мире посредством переработки слова, а тем самым и всего, что оно может значить» [Рымарь, Скобелев, 1994, с. 213]. Лирический субъект, являясь «единственным и всемогущим субъектом» [там же, с. 214], творит этот мир и себя посредством переработки слова и сознания, реализуя себя в выборе тех или иных слов, их организации. В данном случае субъектом деятельности выступает рассказчик Натан Цукерман, отходя от роли «субъекта сознания и речи» в пользу «субъекта деятельности».

Ю.М. Лотман и Т.И. Сильман, в свою очередь, сформулировали идею о «соотнесенности двух лирических ситуаций – фиксированной (в рассказывании, в субъекте – точка отсчета) и меняющейся, а главное событие (постижения) представлено итогом этого “подвижного соотношения”» [Тамарченко, Тюпа, Бройтман, 2004, с. 349]. Фиксированной ситуацией представляется нахождение рассказчика Цукермана в настоящем времени, его рассказывание-воспоминание, развитие событий в котором является, в свою очередь, меняющейся ситуацией.

Кроме того, одним из признаков лирического начала в произведении является наличие символики. В романе «Людское клеймо» образом-символом предстает ворон, олицетворяющий внутренний мир Фауни Фарли, и все сообщество этих птиц как смелых и гордых существ, где внутренние эмоции и переживания не прячутся от окружающих, противопоставляется миру людей с их скрытностью, лицемерием и извечным стремлением к собственной выгоде.

Ф. Рот проявляет себя как автор лирического произведения. Он – «что характерно для лирического романа – создает тройственный по своей природе образ главного персонажа» [Пестерев, 1999, с. 140], так как Натан Цукерман – и рассказчик, и действующее лицо, «он же, в известном смысле, воплощает авторское “я”» [там же]. Эта тройственность определяет воплощенную в образе Натана структуру лирического «я».

Говорить об усилении лирического начала в романе можно и благодаря его сюжетно-композиционной организации. В произведении очевидна моноцентрическая конструкция, группирующая его основные компоненты вокруг фигуры главного персонажа – Коулмена Силка. Особая «сосредоточенность» романа вокруг центрального героя, на фоне которого другие персонажи несколько приглушены, сближают его с лирическим стихотворением. Кроме того, следует отметить и действие принципа лирической поэзии: сфера изображения охватывает только те моменты действительности, которые имеют определенное значение для писателя и его персонажей.

Филип Рот наследует традиции литературы XX столетия со свойственным ей взаимовлиянием и взаимопроникновением жанров. И хотя произведение Рота тяготеет к эпическому, а также в нем есть драматическое

начало, немаловажную роль в романе «Людское клеймо» играет лирическое начало.

Список литературы

1. Рот, Ф. Людское клеймо / Ф. Рот ; пер. с англ. Л. Мотылева. – СПб. : Амфора, 2008. – 494 с.
2. Пестерев, В. А. Модификации романной формы в прозе Запада второй половины XX столетия / В. А. Пестерев. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1999. – 312 с.
3. Рымарь, Н. Т. Поэтика романа / Н. Т. Рымарь. – Куйбышев : Изд-во Сарат. ун-та, Куйбышев. фил., 1990. – 252 с.
4. Рымарь, Н. Т. Теория автора и проблема художественной деятельности / Н. Т. Рымарь, В. П. Скобелев. – Воронеж : Логос-Траст, 1994. – 264 с.
5. Тамарченко, Н. Д. Теория литературы : в 2 т. / Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. – М. : Академия, 2004. – 512 с.

Т.И. Воронцова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ОТРАЖЕНИЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ИДЕЙ В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖ. БАРТА КАК ВЫРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ВАРИАНТА КЛАССИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ

Цель данной работы – рассмотреть творчество американского классика постмодернизма Джона Барта (род. 1930 г.) как продолжающее идеи Иммануила Канта (1724–1804). Находя свое развитие в различных культурах и областях мирового научного знания, философия выдающегося мыслителя эпохи Просвещения оказывается актуальной и для современного варианта классической риторики – науки, ставшей одной из основополагающих для нового направления в лингвистике – теории речевой коммуникации.

В своеобразной образной форме теория познания немецкого философа и ученого с его верой в разум воплощается в творчестве американского классика постмодернизма Джона Барта, чьи романы *все философичны*. В своем произведении «LETTERS» (1979), написанном в эпистолярном жанре, автор стремится преодолеть *истощение* романа просвещения, истории развития личности и создать собственную модель представления знаний по предмету «Американская литература». С этой целью писатель обращается к классическим идеям века Просвещения и к распространенной в XVIII веке эпистолярной форме, полагая, как и Кант, что знания основаны как на чувственном восприятии, так и независимо от всякого опыта, то есть отражая явления *априори*, независимо от форм созерцания пространства и времени, и мыслительных, или рассудочных, форм категорий, назначение которых мыслитель назвал трансцендентальным.

В «ПИСЬМАХ» один из респондентов – персонаж Автор Джон Барт – в духе трансцендентальной философии И. Канта, для которого созерцание без

понятий – слепо, а понятия без созерцания – пусты, описывает «*Три концентрических сна осознания*» [Barth, 1979, р. 46]. В них грезящий герой размышляет о проблемах познания и, по-кантовски, ощущает «вещи в себе» как воздействующие на органы внешних чувств. Описывая не без характерного для писателя-постмодерниста юмора материалистический подход к познанию «вещи в себе», автор сравнивает познание с укусами насекомых: «Я проснулся наполовину в трансе, понимая, где, однако не сразу, кто я и почему там оказался <...> Единственным признаком жизни <...> было жужжание миллионов насекомых – мух-убийц, жуков, стрекоз, moskitov – занятых своими делами <...> которые высасывали кровь из моей правой руки...» [Barth, 1979, р. 46]. Таким образом, используя трансцендентальную логику, которая исследует в формах то, что сообщает знанию априорный, всеобщий и необходимый характер, размышляя о границах знания, Барт через своего персонажа грезит о возможном априорном синтезе своих суждений. Благодаря этому умозрительному познанию прозаик признается: «...краем своего разума я мог воспринимать не одну, а несколько «начал», все значительные, однако, давшие в разное время развитие разным методикам!» [Barth, 1979, р. 46]. Фактически, писатель в своих снах исследует те три способности познания, которые выделил в свое время Кант, – чувственность, рассудок и разум. Но в своих представлениях о формах и границах познания писатель, равно как и немецкий мыслитель, – агностик, так как признает, что есть вещи непознаваемые, хотя эмпирические знания о вещах могут расширяться и углубляться.

Как полагал немецкий трансценденталист Кант, созерцание пространства и времени лежит в основе математики. По его убеждению, формы их перестают быть формами существования самих вещей и становятся только априорными формами чувственности. Изображая это утверждение в художественной форме, писатель-постмодернист Барт пишет: «Я нащупал в кармане часы, на которых скрытым курсивом была выгравирована монограмма моего отца, *НВ*... – часы, которых у меня не было, поскольку я никогда их не имел, а потому на них и не могло быть монограммы моего отца...! Рефлексивно вытащив их (из кармана жилета, который я не носил и не имел) <...> будучи наяву и во сне, в который я провалился (какой это был год?), я все еще ощущал себя стоящим одной ногой в отдаленных временах, или снах» [Barth, 1979, р. 46]. В этом абзаце автор попостмодернистски делает ссылку на примету XVIII столетия – часовой механизм. Подобная субъективность мнимых эпистол, которые респонденты сочиняют в романе «ПИСЬМА», суть выражение мысли Канта о том, что разум по своей природе антиномичен и диалектичен. Не выражая в письмах противоречие и не нарушая запрет на противоречие, Барт в тексте производит наращивание логики «ясновидения» [Barth, 1979, р. 689], отражая распад старой и рождение новой духовности и предполагая жанровую связь – своего рода «Мост Мира» [Barth, 1979, р. 19], указывающий на коммуникативное взаимодействие теории речевых актов с новейшими достижениями в науках. Тем самым прозаик как бы подтверждает убеждение Канта о том, что в основе

созерцаний лежат «чистые», т.е. не зависящие от опыта и предшествующие ему (априорные) формы пространства и времени, что обуславливает всеобщность и необходимость математических истин, отражающих единство нашего сознания.

Подобно раннему Канту, которого в XVIII веке интересовали теоретические построения И. Ньютона, Джон Барт восхищается умозаключениями гения XX столетия Альберта Эйнштейна, особенно его революционной теорией пространства и времени и «теорией относительности», обусловившими то взаимодействие и взаимопроникновение, которое заставило по-новому ощущать и речевые коммуникации, своего рода современную риторику. Неудивительно, что интерес Барта к современным научным достижениям побудил писателя создать композицию романа на основе расщепляющихся мыслей писателя – семь коммуникативных эпистолярных речевых потоков – по типу структуры памяти компьютера, что позволило автору создать в «ПИСЬМАХ» инновационный нарратив как синтез последних достижений науки и прошлых достижений в искусстве слова. Изображение этого процесса провоцировало авангардистский поиск с применением новых цифровых технологий как отражение эпохи кибернетики.

С точки зрения точной науки писатель стремится подчеркнуть органическую целостность и многомерную нелинейность собственного творения как способную к саморегуляции всю систему культуры. Поэтому для композиции романа характерно сочетание замкнутости и разомкнутости в обрамлении бесконечного «библиотечного» пространства; монтаж то расходящихся, то пересекающихся неизменно безупречных эпистолярных текстов и их усеченной прототипной версии «Дилетант»; чередование контрастов и уподоблений дублирующих друг друга «*вымышленных чудачков & мечтателей*» [Barth, 1979, p. 49]. Важное значение имеют точки отсчета, которыми Барт отмечает стадии своей работы над романом, а также лейтмотивы безумия, маскарада, миража, которые то разряжают, то нагнетают атмосферу творчества в живописном, нелинейном изложении. В таком тексте отсутствует центр и начало, решительно все становится текстом, а поле, где происходит знаковая игра, безгранично.

Стремясь художественными средствами выявить причины и сущность падения человека, а соответственно, языка и литературы, Барт находит их в привычке скорее пользоваться чувствами, чем умом. А потому не случайно обращение Барта к актуальным и сегодня взглядам Канта на проблемы, связанные с воспитанием и образованием. Следует отметить, что американская литература с самого начала отличалась интересом к социальным, интеллектуальным и политическим проблемам. А потому особое место занимает *проблемный роман* воспитания. Вопросы, связанные с детьми, наставления юным всегда имели значение. Эти вечные вопросы волнуют и Барта как наставника, посвятившего свою жизнь творческой молодежи: избегая нравоучений, писатель нацеливает читателя на осуществление самостоятельного поиска решения проблем, обращаясь к миру языка и литературы.

Расширяя аудиторию воспринимающих, писатель, ученый и профессор университета Джон Барт учит отличать главное от второстепенного. И в этом, наряду с прочим, также проявляется «постмодернистская чувствительность», которая, по Барту, пробуждает стремление искать выход, который сам писатель видит в творческом, разумном начале каждого индивида. Для этого нужно только обратиться к литературе, которая всегда натолкнет на свежие идеи, позволяющие по-новому взглянуть на любую ситуацию, осмыслить ее как бы сторонним взглядом и посмеяться над ней. Это, считает А.И. Пигалев, своеобразная «игра [как] привилегированная зона философского мышления, в границах которой оно со своими абстракциями только и может чувствовать себя защищенным от угроз серьезности <...> расширяя пространство-время школы и, соответственно, *школьное мышление* до размеров всей социокультурной целостности» [Пигалев, 2003, с. 84]. Причем Барт воспринимает познание языка и литературы по-кантовски: это моральное веление, или долг, а уважение к ней – моральное чувство. Подчинение долгу и уважение языка и литературы возвышают автора, а также – читателя, как часть чувственного мира и превращают его в свободную от механизма природы и условий времени личность.

В романе «ПИСЬМА» эта личность выделяется как голос персонажа Амброуза Менша – человека смертного и бессмертного. Символизируя творца, использующего старые и новые технологии так, герой достигает благословенного слияния с классической риторикой – Великой Традицией, что Кант считает высшим благом, а Барт, развивая идеи эпохи Просвещения, – стимулом для творческого порыва, воплощающего модус сознания современного человека-созидателя.

Список литературы

1. Barth, J. LETTERS / J. Barth. – L. ; Toronto ; Sydney ; N.Y., 1979. – Цитаты даны в переводе автора статьи.
2. Пигалев. А. И. Призрачная реальность культуры: (Фетишизм и наглядность невидимого) / А. И. Пигалев. – Волгоград, 2003.

Н.А. Ашихманова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЕ ДЖОНА БАРТА: ВЕРБАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается вербальный аспект трансформации ценностей в идиостиле американского прозаика Джона Барта на примере анализа текстовых фрагментов из ранних произведений писателя «Плавучая опера», «Конец пути», вошедших в состав его первой дилогии. Трансформация ключевых концептов в индивидуально-авторской концептосфере Джона Барта

заключается в изменении ценностного отношения к таким понятиям, как «истина», «закон», «любовь».

Ценности как высшие ориентиры, определяющие поведение людей, составляют ценностную картину мира, которая является частью языковой картины мира. Ценности отделяют человеческую жизнь от биологического существования, а сознание своего отличия от окружающего мира служит посредником между ними (Г.П. Выжлецов). Концепты «истина», «закон», «любовь», «смысл жизни», «смерть» являются понятиями высшей степени абстракции и отправляют в классической традиции к высшим духовным ценностям. В ранних романах американского писателя-постмодерниста Джона Барта «Плавучая опера» и «Конец пути» данные концепты выделяются в качестве ключевых на основе критериев аксиологического приоритета и сюжетопостроения. Трансформация ключевых концептов происходит прежде всего в ценностном отношении, что обусловлено как постмодернистским мировосприятием, так и своеобразием индивидуального стиля, проявляющимся в использовании авторских неологизмов, аллюзий, метафор и стилизации как принципа повествования.

Индивидуально-авторский концепт – представление или мысленный образ в авторском (читательском) индивидуальном сознании, перешедший в результате особенностей концептуализации писателем фрагментов бытия в разряд ключевого, то есть получивший в авторском (читательском) восприятии особую культурно-смысловую ценность, и, следовательно, оказывающийся личностно-значимым. Индивидуально-авторская концептосфера, или индивидуально-авторская концептуальная картина мира (Н.Ф. Алефиренко), представляет собой совокупность индивидуально-авторских концептов, содержание которых раскрывается через особенности индивидуального стиля писателя.

Истина является продуктом семиозиса определенной социальной группы, объединенной общими верованиями и ценностями. Понимание истины как соответствия представления реальным вещам теряется в общей культурно-игровой атмосфере художественного постмодерна, характеризующегося амбивалентностью суждений. Истиной для модернистов становится соответствие высказывания определенному контексту, то есть другим высказываниям (Д.А. Ольшанский). Трансформация отношения к истине в романе Дж. Барта «Плавучая опера» осуществляется как релятивизация ценности истины. Языковым способом такой трансформации выступает игровая амбивалентность суждений об истине.

Так, одна из глав романа «Плавучая опера» открывается пейзажной зарисовкой Восточного побережья округа Дорчестер в день, когда главный герой окончательно решает «переменить свой взгляд на вещи»: «Climatologically, *this day* (...) was rare for Dorchester County, rare for the Eastern Shore (...) *This day* (...) was excessively warm (...), but extremely dry. (...) It was *a day* when one would have liked to sit alone on a high dune by the ocean – the Atlantic beach is often just this dry, given a land breeze – in air as hot and salty as *Earth's commencement, the drought of*

precreation before the damp of procreation; to sit a dried and salted, sterile saint, Saint Todd of the Beach, and watch voracious gulls dissect the stranded carcasses of sandy skates and sharks, bleached and brined to stenchlessness...» [Barth, 1972, p. 82]. «*Описываемый мной день*, подразумевая погоду, был из редких в округе Дорчестер и вообще на Восточном побережье ... Теплынь ... да к тому же сушь. ... В *такой день* тянет посидеть, уединившись, где-нибудь среди дюн на атлантическом берегу, где ветерок и обычно тоже сухо, а воздух горячий, соленый, каким, должно быть, был, когда сотворялась Земля, – эта *засуха предтворения*, за которой придет *влага порождения*, – хорошо себя представляю, *этаким святой Тодд Чесапикский, иссохшая, обветренная фигура, просолившиеся мощи*, уселся наверху и разглядываю, как чайки с жадными криками носятся над песчаными склонами, круто сбегающими к морю, да над акульными плавниками, вымоченными в этом песчано-соленом растворе так, что уже и запаха никакого не осталось» [Барт, 1993, с. 159]. Повторная номинация (*this day, a day*) в данном текстовом фрагменте способствует усилению ощущения значительности и важности данного момента для главного героя. Использование возвышенной лексики (*Earth's commencement, the drought of precreation, the damp of procreation*), с одной стороны, придает пафос изображаемой ситуации (Тодд сравнивает себя со святым, *Saint Todd of the Beach*). С другой стороны, обилие эпитетов, относящихся к фигуре Тодда (*dried, salted, sterile*), дает более детальную характеристику героя, представляющего себя в настоящую минуту умиротворенным созерцателем.

Тем более сильным и неожиданным диссонансом на фоне безоблачной приморской картины звучит фраза, структурно и содержательно развивающая пейзажное описание и являющаяся продолжением внутреннего монолога героя: «*It was a lovely day for suicide. One felt that one would hardly bleed into such aridity; more probably a knife in the neck would be kissed with a desiccant hiss of mere dry air*» [Barth, 1972, p. 82]. «Отличный день для самоубийства. В такой-то зной и суховей, наверно, и крови почти не прольется, так, налетит жаркий ветерок и легким поцелуем сотрет красное пятнышко, оставшееся на шее» [Барт, 1993, с. 159]. Игра героя с образами смерти проявляется в мысленном выборе им дня, наиболее «удачного» для совершения этого действия. Акцент намеренной «незначительности» предпринимаемого героем шага усиливается использованием эмотивно-характеризующих прилагательных (*lovely, desiccant, mere dry*), открыто выражающих интенционально-эмотивные смыслы и определяющих эмоциональную тональность данного фрагмента. Находясь в состоянии медитации, главный герой переживает некий момент прозрения к истине, заключающийся в осознании им бесконечности вселенной. С другой стороны, вызывая в своем воображении образ смерти, он заигрывает с ней, низводя ценность ощущений, полученных им от проникновения в суть вещей до уровня тривиального, что, в конечном итоге, является цинической провокацией самоубийства.

Одной из характерных особенностей отношения к миру в дискурсе постмодерна является возрастание игровой интерпретации действительности. Игра выступает той формой отношения к миру, которая позволяет избежать абсолютизации одной из версий возможного опыта и задает реальное пространство

свободы. Комическая игра представляет собой осмеяние нелепости, несуразности посредством действия, свободного от правил, не направленного на достижение внешних целей и приносящее субъекту чувство радости. Вербальное выражение такого осмеяния есть игровое слово. В индивидуально-авторской концептосфере Джона Барта трансформация отношения к закону как к кодифицированной норме, установленной и поддерживаемой государственной властью и традицией, проявляется в его игровом осмыслении. Языковым способом такой трансформации является удвоение значения – наличие внутреннего противоречия между объективным узуальным и субъективным авторским пониманием закона.

Джейкоб Хорнер, главный герой романа «Конец пути», стремится гармонизировать социальные отношения. На вопросы учеников, что было раньше – язык или грамматика, жизнь или правила, и не лучше ли менять правила в соответствии с требованиями реальности, он отвечает, что в цивилизованной среде необходимы условности, договор между людьми. «You're free to break the rules, but not if you're after intelligibility. If you *do* want intelligibility, then the only way to get 'free' of the rules is to master them so thoroughly that they're second nature to you. That's the paradox: in any kind of complicated society *a man is usually free only to the extent that he embraces* all the rules of that society» [Barth, 1967, p. 70]. «Вы можете не соблюдать правил, если вам не важно, поймут вас или нет. А вот если это вам все-таки важно, тогда единственный способ стать свободным от правил – настолько ими овладеть, чтобы они сделались вашей второй натурой. Есть такой парадокс: в любом сложно организованном сообществе *человек обычно свободен в той мере, в которой он освоил существующие правила и нормы*» [Барт, 2001, с. 454]. Таким образом, по мнению Джейкоба, свободен не тот, кто восстает против законов, а тот, кто следует им автоматически. В данном контексте фразы выражение «...*a man is usually free only to the extent that he embraces...*» является примером парадоксального суждения, так как содержит элемент несоответствия: «человек свободен в той степени, в которой он связан». Это провоцирует читателя на поиски иного смысла или контекста, в рамках которого данное высказывание будет являться верным или истинным.

Концепты духовной культуры являются результатом максимальной степени абстрагирования, достигаемой мышлением в попытке осмысления мира. Как все философские категории, они направлены на «прояснение обстоятельств человеческой жизни как таковой – на пределе» (М.К. Мамардашвили) – на границе бытия и небытия, в «пограничных ситуациях» и связаны с формированием у человека смысла жизни. Любовь как сила, противостоящая энтропии – разрушению и прекращению движения и самой жизни, представляет собой чувство, в котором как ни в каком другом отражается двойственность человеческой природы: единство и борьба плотского и духовного, биологического и социального начал, разума и инстинкта.

Трагикомический любовный треугольник является основой сюжетной линии повествования в первых двух романах Джона Барта. Чета Мэков из романа «Плавучая опера» иронично приглашает Тодда Эндрюса, главного героя, поучаствовать в их браке. Описание Тоддом альянса их троих выглядит

сатирической стилизацией нравов «романа “унижения” и “осмеяния”» [Писатели США, 1990, с. 29]. Его критическое отношение усиливается в тот момент, когда Гаррисон, муж Джейн, выдвигает следующий довод: «A woman can love two or several men in the same way at the same time... or in different ways at the same time, or in the same way at different times, or in different ways at different times» [Barth, 1972, p. 20]. «Женщина может сразу двух любить, даже нескольких, и одинаково сильно, а может по-разному их любить, но всех сразу, или одинаково, но не всех вместе, или по-разному и не сразу всех...» [Барт, 1993, с. 44]. Данный каламбур построен на игре слов и представляет собой юмористическое смешение логики и рационалистического объяснения, которое обманутый по собственной воле муж пытается дать поведению своей жены.

Таким образом, трансформация отношения к любви в текстах анализируемых романов раскрывается через пародийное переосмысление института брака. То, что в действительности представляет собой ценность во взаимоотношениях между людьми, низводится до уровня адюльтерной интриги. Снижение сакральности концепта «любовь» достигается за счет использования автором лексико-семантических средств, обладающих богатым потенциалом в создании имплицитных смыслов. К ним относятся языковые приемы, основанные на образном осмыслении слова в художественном тексте: образные сравнения, эпитеты, каламбур, метафора, аллюзии и парадокс. Фактором, определяющим выразительные возможности образного словоупотребления, является принцип семантической двуплановости, создаваемый узуальными значениями и окказиональными образными смыслами.

Подводя итог сказанному, необходимо отметить то, что нейтрализация ценностей является единым, общим направлением авторского осмысления рассматриваемых концептов в анализируемых произведениях. Вместе с тем конкретный семантический маршрут изменения смысла каждого из этих ментальных образований своеобразен. Об этом свидетельствуют те языковые приемы, которые использует писатель, показывая трансформацию ценностей. Лингвистические средства, используемые Джоном Бартом при трансформации ценностей, представляют собой целостную совокупность стилистических приемов, но при характеристике трансформации каждого из концептов на первый план может выходить какой-либо один прием, например, пародия выступает в качестве приоритетного приема при переосмыслении отношения к смерти, а театральная стилизация выходит на первый план при трансформации отношения к смыслу жизни.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова : монография / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград : Перемена, 2006. – 228 с.
2. Выжлецов, Г. П. Аксиология культуры / Г. П. Выжлецов. – СПб., 1996. – 152 с.
3. Мамардашвили, М. К. Философские чтения / М. К. Мамардашвили. – СПб. – 2002.
4. Ольшанский, Д. А. Рациональность и эмоциональность в философии модернизма / Д. А. Ольшанский // Соотношение рационального и эмоционального в литературе и фольклоре : материалы Междунар. науч. конф.. В 2 ч. Ч. 1 – Волгоград : Перемена, 2004. – С. 27–34.

5. Писатели США. Краткие творческие биографии / сост. и общ. ред. Я. Засурского, Г. Злобина, Ю. Ковалева. – М., 1990. – 624 с.

Источники

1. Барт, Д. Плавающая опера : роман / Д. Барт ; пер. с англ. А. Зверева. – М., 1993. – 272 с.
2. Барт, Д. Заблудившись в комнате смеха : рассказы, роман : пер. с англ. / Д. Барт ; послесл. В. Михайлина. – СПб. : Симпозиум, 2001. – 538 с.
3. The End of the Road by John Barth a.b.e-book v3.0 / Notes at EOF. – 1967. – Electronic text data. – Mode of access: hotgiraffe.msk.ru, свободный. – Загл. с экрана.
4. The Floating Opera, Revised Edition by John Barth a.b.e-book v3.0 / Notes at EOF. – 1972. – Electronic text data. – Mode of access: hotgiraffe.msk.ru, свободный. – Загл. с экрана.

С.С. Васильева

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

ДРАМАТУРГИИ М.М. ЗОЩЕНКО 1930-х ГОДОВ

Драматургическое наследие Михаила Зощенко составляет около двадцати пьес, в том числе одноактных миниатюр, не считая либретто и бесчисленных эстрадных сценок; но она остается практически неизученной¹, что обусловлено и неблагоприятной цензурной историей дебютной пьесы «Уважаемый товарищ», и ангажированностью современной писателю литературной и театральной критики, и господствующим убеждением о вторичности драматургии писателя по отношению к его прозаическому наследию², и недоступностью самих драматических текстов³.

В 1930-е гг. писатель активно экспериментирует с художественной формой и наряду с рассказами и повестями создает крупные пьесы «Уважаемый товарищ», «Опасные связи», одноактные комические миниатюры «Свадьба», «Неудачный день», «Преступление и наказание», «Культурное наследство»⁴, рассказы для детей, документальную и автобиографическую прозу. Каковы причины обращения состоявшего писателя, мастера короткого рассказа к драматической форме? К написанию произведений для театра М.М. Зощенко побуждают, возможно, не только накопленный опыт в написании рассказов-сценок, успех эстрадного исполнения его прозы, но и литературное окружение, успех постановок друзей – В. Катаева и Ю. Олеши, эстетическое осмысление драматического опыта старшего современника В. Маяковского («Клоп», «Баня»). Жанровые искания связаны со стремлением создать новый комический жанр, синтезирующий поэтику водевиля, «реалистической комедии» и «высокой» комедии (М. Зощенко)⁵.

Дебютная пьеса «Уважаемый товарищ» (1931) не принесла театрального успеха, что, по мнению автора, было обусловлено «недостаточным знанием сцены»⁶. Уже первые критики воспринимали пьесу к контексте драматургии современников («Клоп» (1929), «Баня» (1930) В.В. Маяковского, «Мандат» (1925) Н.Р. Эрдмана, «Зойкина квартира» (1926), «Багровый остров» (1927) М.М. Булгакова); но необходимо учитывать и поток бытовых комедий, высмеивающих представителей «старого мира», не умеющих вписаться в советскую действительность, новых «деловых людей» (нэпманов), оказывающихся на деле

мошенниками и проходимцами. Кроме того, формируется «идеологическая драматургия», показывающая «перерождение», «перековку» современника и нового героя – советского человека, преданного революционным идеалам.

С одной стороны, в изображении пороков мещанского быта, саморазоблачении Барбарисова («Уважаемый товарищ»), финальном наказании порока и торжестве добродетели, значимых комических фамилиях можно говорить о следовании традициям «общественной комедии» XVIII–XIX веков или «высокой комедии». Разоблачая Барбарисова, а заодно и окружающих его «уважаемых товарищей» – жильцов коммунальной квартиры и ее жуликоватого уполномоченного Растопыркина выстраивает действие, используя «эффективные положения» (С.Д. Балухатый), запутывающие его, что говорит, с другой стороны, об интересе драматурга к водевильному жанру. Комизм положений обусловлен использованием традиционного водевильного приема увенчания и развенчания героя, восходящего к балаганной, народно-смеховой культуре. У Зощенко в духе времени увенчанию и развенчанию подвергаются и предметы, например, портреты вождей. В финале окончательно выясняется, что Барбарисова все-таки «сняли», так как он «полностью раскрыл свое гнилое нутро и полностью снял маску за это переходное время»⁷. Но ремарки, акцентирующие растерянность главного героя, меняют комедийную тональность пьесы, так как демонстрируют попытку автора показать прозрение персонажа. Сюжет о перерождении героя в пьесе недостаточно развит, любовная интрига только намечена, финал художественно неубедителен, что затрудняет определение жанра пьесы, но свидетельствует о попытке создания современной «общественной комедии».

Опубликованные в один год драматические миниатюры «Свадьба», «Культурное наследство», «Преступление и наказание», «Неудачный день» (1933) отражают попытку создания произведений по «законам сцены».

Жанр миниатюры «Свадьба» определен автором как «комедия». Отталкиваясь от близкой ему темы брака по расчету («Рассказ про одну корыстную молочницу», «Коза», «Последний барин», «Кризис», «Веселая жизнь», «Монтер»), писатель связывает её с мотивом брачного испытания. Интрига держится на комическом ошибочном осмыслении персонажем происходящего (Жених по-своему интерпретирует советы Приятеля, Отца; неверно истолковывает слова невесты о приданном, путает обменявшихся одеждой Мать и Невесту). Динамика мотива испытания определяет линейную композицию пьесы. Финал получает фарсовое воплощение: после избияния Жених всё же соглашается жениться, но опять путается и целует мать своей невесты под крики «Горько!». Таким образом, по типу конфликта и авторской оценке – это бытовая комедия, по сюжетно-композиционной структуре – комедия положений с элементами фарса.

Написанная позднее миниатюра «Корни капитализма» (1939) отражает еще одну попытку создания легкой пьесы на любовно-бытовую тематику, характерную для водевиля о ссорящихся влюбленных или супругах. Зощенко усложняет конфликт, мотивируя его поочередно возникающими у жениха и невесты подозрениями в корысти партнера, брачном аферизме.

Таким образом, как и в водевиле, комизм ситуаций обусловлен тем, что «влюбленные», не имея никаких препятствий к счастливому соединению, сами создают их. В финале драматург стремится придать развязке современное звучание и неожиданно называет настоящую, как кажется героям, «идеологическую» причину недоразумения – «старая закваска». Структурно пьеса заканчивается традиционным для водевиля счастливым финалом. Но авторская ирония, возникающая в финальной ремарке («Он снова выгребает цветы из-под дивана. И вместе с другой туфлей кладет их на колени возлюбленной».)⁸ подчеркивает сомнительность названной причины. Неслучайно пьеса была воспринята цензурой как пасквиль на современную молодежь и запрещена к постановке.

В одноактных комедиях «Неудачный день» и «Преступление и наказание» обнаруживается сходство тематическое, связанное с регенерацией архетипа плута (Е. Мелетинский) в его позднейшей формации – «плута-приобретателя», и структурное (построение действия как цепочки бытовых неурядиц, обусловленных столкновением амбиций персонажей, ошибочным толкованием происходящего); отсутствует любовная интрига; в издание для Мюзик-холла были включены комические куплеты, танцевальные номера.

«Вороватость» и алчность определяют поведение «уважаемых граждан» (сторожа и его начальства в «Неудачном дне», Горбушкина, соседа, брата Сени в «Преступлении и наказании»). И дворник, и счетовод с заведующим играют роли честных, законопослушных граждан, оставаясь правонарушителями. Все увеличивающийся список убытков растет вместе с изумлением дворника. На параллельности этих процессов и построен комизм положений в «Неудачном дне». В основе комизма «Преступления и наказания» лежит недоразумение, недопонимание персонажами происходящего: на самом деле правоохранительные органы не интересуются деятельностью Горбушкина как заведующего кооперативом, но в восприятии персонажей (Горбушкиной, соседа, Сени) произошел «поворот»: им кажется, что Горбушкин будет осужден и наказан, поэтому они начинают «полную спешную распродажу» всего, фактически осуществляя ожидаемую конфискацию имущества. Общим оказывается и построение финала, в котором «несправедливый, но порядок» (А. Жолковский) восстановлен: в «Неудачном дне» саморазоблачился наименее виновный, настоящие преступники остались безнаказанными; в «Преступлении и наказании» порядок восстановлен слепо, через потерю имущества, распад человеческих связей. Воссоздание в финале той же атмосферы, что и в начале пьесы, отражает авторскую позицию, обусловленную субъективным ощущением неблагополучия, недоверия к окружающему миру. Таким образом, по типу конфликта и авторской оценке – это сатирическая комедия, по сюжетно-композиционной структуре – комедия положений (водевиль).

Иные возможности жанра миниатюры демонстрирует пьеса «Культурное наследство». По справедливому утверждению А.А. Филипповой, это набросок апробация нового жанра, в котором написана «Голубая книга»; для этих

произведений характерен особый речевой комизм, определяющий язык обывателя, а так же царей, придворных, известных исторических личностей.

Вопреки цензурным запретам М. Зощенко не оставляет попытки создания «высокой комедии», что подтверждает факт написания на рубеже 1930-х – 40-х годов большой пьесы «Опасные связи», аккумулирующей весь предшествующий театральный опыт писателя. Главным героем снова является мошенник и проходимец Базиль Сечинский, желающий разбогатеть за счет брачной аферы. Сюжетная линия проделок Базилия Сечинского построена как цепочка водевильных комических неурядиц, анекдотических ситуаций, осложненных при этом важной задачей сатирического разоблачения «буржуазных пережитков». Обязательная для «реалистической комедии» злободневность усилена мотивировкой действий Безносова и его секретаря Курца, оказывающимися в духе времени шпионами и вредителями. Любовная интрига также осложнена идеологическими разногласиями влюбленных. Но попытка создания образа персонажа, живущего в соответствии с новыми идеалами эпохи оказалась неудачной: образ «положительно прекрасного» лейтенанта Сережи менее убедителен по сравнению с другими и явно проигрывает Сечинскому. В результате Зощенко удалось написать структурно изящную, и в то же время сложную пьесу, но равновесие между общественно значимым и художественно достоверным не было найдено; и «Опасные связи» повторили сценическую судьбу «Уважаемого товарища».

Таким образом, жанровое своеобразие пьес Зощенко не поддается однозначной трактовке⁹, но очевиден интерес писателя к комедии, к разнообразным приемам создания комического эффекта, стремление предложить советскому театру комедию нового типа.

Примечания

¹ Целостное исследование драматургии Зощенко представлено в диссертационных работах А.Я. Филипповой (Филиппова А.Я. Драматургия М.М. Зощенко : дис. ... канд. искусствоведения. – М., 1998) и М.А. Котовой (Котова М.А. Драматургия М.М. Зощенко в контексте литературного процесса 1930-х – 1940-х годов : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005). В диссертации А.Я. Филипповой рассматриваются не только творческая, но и сценическая история пьес Зощенко, анализируются тематические инварианты, особое внимание уделяется специфике конфликта. Исследование М.А. Котовой систематизирует факты творческой истории пьес Зощенко, анализирует их поэтику с точки зрения литературной репутации М. Зощенко, в контексте литературного быта.

² Ершов Л. Ф. Из истории советской сатиры. М. Зощенко и сатирическая проза 20–40-х годов. – Л. : Наука, 1973 ; Молдавский Д. М. Михаил Зощенко: Очерк творчества. – Л. : Сов. пис., 1977 ; Старков А. Н. Михаил Зощенко: Судьба художника. – М. : Сов. пис., 1990.

³ Муромский В. П. Судьба драматургического наследия М.М. Зощенко // Русская литература. – 1996. – № 2. – С. 90–107 ; История одной пьесы [«Уважаемый товарищ»]. Из воспоминаний В.В. Зощенко / предисл. и подготовка текста Г. В. Филиппова, коммент. В. П. Муромского) ; Муромский В. П. «...Дело не в литературе, а в ситуации» (Об «американской» комедии М. Зощенко) ; Зощенко Михаил. За бархатным занавесом: комедия в 4-х д. / подгот. текста, примеч. В. П. Муромского // Зощенко Михаил. Материалы к творческой биографии. – Кн. 2. – СПб. : Наука, 2001 ; Муромский В. П. «...Непостижимо трудно сейчас в литературе» (Неизвестная комедия М. Зощенко и ее

судьба) ; Михаил Зощенко. Дело о разводе : комедия в 3-х д. / подгот. текста, примеч. В. П. Муромского) // Зощенко Михаил. Материалы к творческой биографии. – Кн. 3. – СПб. : Наука, 2002 ; Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии. – Кн. 4. – СПб. : Наука, 2007.

⁴ Вопрос о датах написания пьес остается спорным. Подробнее см.: Филиппова А. Я. Драматургия М.М. Зощенко : дис. ... канд. искусствоведения. – М., 1998 ; Котова М. А. Драматургия М.М. Зощенко в контексте литературного процесса 1930-х – 1940-х годов : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005 ; Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии. – СПб. : Наука, 2001 (2002, 2007).

⁵ Осовцов С. Лабухи в лодке, не считая рояля // Литературная газета. – 1994. – № 32. – С. 6.

⁶ Филиппова А. Я. Драматургия М. Зощенко 40-х годов (особенности конфликта) // Литературное обозрение. – 1995. – № 1. – С. 29.

⁷ Зощенко М. М. Избранное. – М., 1988. – С. 377.

⁸ Зощенко М. М. Уважаемые граждане. – М., 1991. – С. 545.

⁹ Проблема дифференциации комедийных жанров до сих остается открытой, несмотря на многочисленные отечественные и зарубежные исследования общей теории комедии (См. работы Н. Киселева, Н. Федя, В. Фролова, А. Штейна, Ю. Борева; У. Мерханта, Э. Бентли и др.). Решение данной проблемы осложняется и тем, что в театральной практике XX века «чистота жанра» практически утрачена. На наш взгляд, итоговое жанровое определение должно учитывать доминирующий вид комического (сатира, юмор, ирония), приемы создания комического эффекта, комических несоответствий и способов их разрешения; тип финала, особенности сюжетно-композиционной структуры.

Ю.Д. Куликов

Волгоград

РОЛЬ ИЗУЧЕНИЯ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА В СТАНОВЛЕНИИ СУБЪЕКТНОЙ ПОЗИЦИИ СТУДЕНТА ПРАВОСЛАВНОГО УНИВЕРСИТЕТА

1. Старославянский (церковнославянский) язык – это язык древнейших богослужебных книг, переведенных с греческого языка. После крещения Руси в 998 г. церковнославянский язык русской редакции стал древнерусским литературным языком и оказывал на протяжении веков огромное влияние на складывающийся на народной основе русский литературный язык. К концу XVIII века в тонкой «просвещенной» прослойке общества «языковая ситуация» существенно изменилась – большая часть образованного общества, все более и более удалявшаяся от Церкви, стала воспринимать язык богослужения как примитивный, чуждый, сопоставлять церковнославянский язык с латынью. Эта новая ситуация мнимого двуязычия вызвала потребность в переводах с чуждого римского и «примитивного» церковнославянского на понятный культурный, каким стал созданный в начале XIX века новый литературный язык. В XX веке, в связи с богословским осмыслением имяславия, утверждавшего «Имя Божие – это Сам Бог со всеми своими бесконечными свойствами», новую концепцию языка развивали П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, А. Ф. Лосев. Данная концепция получила название онтологической теории смысла.

Философской предпосылкой онтологического статуса языка является христианский философский реализм – философское выражение догмата о Боге Троице как о Творце. Бог творческим словом одновременно творит вещь и идею в их неслитности и нераздельности. Для онтологической теории особенно важны положения о том, что смысл всякой вещи есть ее сущность, идея (смысл) вещи существует нераздельно с вещью, но и не слитно; идея вещи есть закон ее существования. Постигание смысла происходит через открытие имени вещи. В имени достигается полнота самораскрытия, т. е. «понимание вещи самой себя». Собственное имя – онтологическая основа того, что происходит с сущностью, а также основа ее именований в человеческих языках.

Овладение языком через постижение имен (смысла) вещей и означает обретение человеком смысла своего существования, заложенного в каждом. Приобщение к церковнославянскому языку – языку Богослужения и молитвы – способствует утверждению онтологического статуса бытия человека (личностного бытия) через «вхождение» в Таинство Бога Слово («В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Бог был Слово». – Ин. 1:1).

2. Идея становления личности как ее саморазвития присутствует в исследованиях таких известных психологов, как Л.С. Выготский, В.П. Зинченко, А.С. Рубинштейн и др. Широкое распространение получил подход к исследованию личностного становления, развития и саморазвития личности, в котором человек представлен как субъект деятельности и общения, а также собственной жизни (К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, Л.И. Божович, В.В. Давыдов, А.В. Запорожец, И.С. Кон, В.И. Слободчиков и др.). Важным моментом в исследованиях выступает такая сущностная характеристика личностного становления, как субъектность. Психологические образования личности, обеспечивающие человеку возможность совершать поступки, позволяющие ему осуществить акт свободного, самостоятельного и ответственного выбора, отстаивать собственную позицию, составляют особый уровень и особую структуру субъектности. С этой точки зрения субъектность человека, способности и механизмы его душевной жизни входят в психологические образования личности в качестве их особых предпосылок.

В.И. Слободчиков рассматривает конкретные условия и механизмы становления индивидуального (личного) духа в онтогенезе. Духовность субъекта представляет собой естественное принятие и следование высшим образцам человеческой культуры, переживание нравственных норм общежития как внутреннего «категорического императива», принятие высших ценностей бытия человека как своих собственных. Дух человека предстает в различных обликах – как индивидуальное (единично-уникальное), личностное (целостное) и универсальное (родовое) бытие человека. Они являются и ступенями становления духовного мира человека, мерой освоения и принятия им духовного опыта человечества, мерой его духовности в целом [Слободчиков 1995: 174].

Становление индивидуальности есть процесс индивидуализации субъективной реальности. Индивидуализация – это самоопределенность и

обособленность личности, ее выделенность из сообщества, оформленность ее отдельности, уникальности и неповторимости. Индивидуальность – это прорыв за границы «самости», выход на границы вечного, вселенского, универсального [там же]. Основными субъективными составляющими индивидуальности человека являются система смысловых отношений и ценностных ориентаций, мировоззрение, совесть, вера. Необходимо также «подчеркивать не уникальность, а идентичность и дискретность идентичности и культивирование (или рамку, наличие) индивидуальности как некоторой объективности современного мира. Поскольку индивидуальность является феноменом мира, она является предметом заботы и культивирования самого человека. <...> Последнее можно передать другому человеку: не культивировать ее за него самого, а передать как технику заботы» [Мацкевич].

Становление личности есть процесс социализации человека, состоящий в освоении им своей родовой, общественной сущности; это освоение всегда осуществляется в конкретно-исторических обстоятельствах жизни человека. Становление личности связано с принятием индивидом выработанных в обществе социальных функций и ролей, социальных норм и правил поведения, с формированием умений строить отношения с другими. Сформированная личность есть субъект свободного, самостоятельного и ответственного поведения в социальных сообществах.

Духовное развитие человека может быть понято как реализация индивидом своей потенциальной универсальности, бесконечности, как становление Человека в индивиде. Понимание личностного развития как универсализация его отношений к Миру означает также понимание того, что всеобщность, универсальность могут реализоваться либо в индивиде как личности и индивидуальности (в актуальной форме), либо в человеческом роде и его бесконечном развитии (в потенциальной форме).

Анализ исследований К.А. Абульхановой-Славской, А.А. Бодалева, И.А. Соловцовой приводит, по нашему мнению, к выводу, что наиболее существенная характеристика личностного становления, именуемая нами как «субъектная позиция», – это сознательное качественное изменение себя через взаимодействие и общение со значимым Другим, являющееся основным внутренним механизмом индивидуально-личностно-духовного развития.

3. Духовное развитие человека в образовательном пространстве православного университета, понимаемое как процесс становления субъектной позиции студента в конкретной со-бытийной общности, раскрывается через систему характеристик, закономерностей и этапов. Критерием их выделения служит православное понимание этапов становления духовного мира человека как исполнение заповедей Божьих с соответствующим им качеством жизни. Мы выделяем следующие три этапа: I. Автотрансформация (онтологическая структурированность). II. Со-трансформация (онтологическая связанность и динамизм). III. Экзотрансформация (онтологическая свобода и эсхатологический горизонт).

Первый – автотрансформация, или самопреображение, приходится на начало вхождения студента в со-бытийную общность образовательного пространства православного университета. Через приобщение студента к богослужению, чтению книг на церковнославянском языке, церковному пению закладывается личный молитвенный аскетический литургический опыт жизни человека в Церкви и способ мышления на основании святоотеческого церковного опыта, а также происходит приобретение предметных знаний и становление самоорганизации.

Второй – со-трансформация, или взаимопреображение, приходится на 2 – 3 годы вхождения студента в со-бытийную общность образовательного пространства православного университета. На данном этапе через овладение принципами и закономерностями взаимосвязанных положений христианского учения о Боге Троице, основ христианской антропологии и представлений о существовании мира; обретение ценностного отношения к предметам и явлениям окружающего мира и значимым Другим; раскрытие способности к пониманию и оценке собственных взглядов через соотнесение с понятиями и убеждениями других участников диалога; становление предпочтений к определенному образу жизни (семейному и монашескому) происходит переживаемое людьми воплощение идеалов в жизни.

Третий – экзотрансформация, или открытость для служения внешнему миру, приходится на 3 – 4 годы вхождения студента в со-бытийную общность образовательного пространства православного университета. На данном этапе через достижение целостности, интегративности всего образа жизни студента происходит обретение им полной самоопределенности, самотождественности, становление в подлинном смысле слова субъектом собственной жизнедеятельности. Жизненную позицию определяет свободный и ответственный выбор места, образа действия и мыслей. Такого рода отношения должны постоянно актуализироваться, воссоздаваться, доопределяться.

В заключение можно сказать, что изучение церковнославянского языка – языка православного Богослужения и молитвы, онтологизирует существование человека через «вхождение» в Таинство Бога Слово, т.к. человек обретает смысл своего существования, а через сознательное качественное изменение себя во взаимодействии и общении со значимым Другим происходит становление субъектной позиции студента в конкретной со-бытийной общности. Критерием этого является становление духовного мира человека как исполнение заповедей Божьих с соответствующим им качеством жизни.

Список литературы

1. Слободчиков, В. И. Психология человека / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев. – М. : Школа-пресс, 1995. – 295 с.
2. Мацкевич, В. В. Становление и эволюция индивидуальности в истории образования / В. В. Мацкевич (<http://worvik.com/news/2007/08/07/340>).

КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО В PR-ПРАКТИКЕ: СПЕЦИФИКА СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНЫХ СВЯЗЕЙ

Коммуникативное пространство – понятие широкое, вбирающее в себя разнообразный круг явлений. Традиционно оно обобщает «ряд эмпирических представлений, относящихся к оценке уровня системности и связности, фиксирующих реальные либо потенциальные возможности общения и обмена информацией между субъектами коммуникации. Термин «коммуникативные» в самом общем виде указывает на специфические особенности тех структур социального пространства, которые позволяют реализовать социокультурные взаимодействия людей, групп, организаций, государств посредством информационных связей» [Земцов 2004: 14].

Однако ядро этого понятия – коммуникация, то есть субъект-объектная связь, осуществленная на основе определенных коммуникативных стратегий, выбор которых обусловлен взаимоотношениями субъекта и объекта и целями коммуникации.

Простейшую линейную коммуникативную модель можно представить в виде схемы: $O \rightarrow C \rightarrow P$, где O – отправитель сообщения (C) получателю (P). Однако эффективной коммуникация будет тогда, когда сообщение не только отправлено, доставлено, но и воспринято с определенным воздействием. Именно эту модель описал в виде однонаправленной «пятивопросной» модели: **Who says what to whom in what channels with what effects?** (Кто говорит? – Что сообщает? – Кому? – По какому каналу? – С каким эффектом?) Г. Ласуэлл [Lasswell 1948]. Позже эта модель была дополнена еще одним звеном – обратной связью от получателя к отправителю.

Б.М. Гаспаров включает в понятие «коммуникативное пространство» жанровую характеристику сообщения (преимущественно он говорит о речевых жанрах), а также его такие свойства, «его “тон”, предметное содержание и та общая интеллектуальная сфера, к которой это содержание принадлежит», коммуникативную ситуацию, «со всем множеством непосредственно наличных, подразумеваемых и домысливаемых компонентов, из которых складывается представление о ней каждого участника», «представление автора сообщения о реальном или потенциальном партнере, к которому он обращается, его интересах и намерениях, о характере своих личных и языковых взаимоотношений с ним», «самосознание и самооценка говорящего, представление о том, какое впечатление он сам и его сообщение должны производить на окружающих» [Гаспаров 1996: 294 – 295].

Таким образом, при анализе коммуникативного пространства необходимо характеризовать и исследовать как субъекта коммуникации – отправителя, так

и объекта – получателя, целевую аудиторию сообщения. Особенно актуально это в PR-практике.

PR – организация посредством системы информационно-аналитических и процедурно-технологических действий общественного мнения в целях наиболее успешного функционирования организации и повышения ее репутации, это искусство взаимоотношения между управленческими, общественными структурами и гражданами в интересах всего общества, иными словами, «вынужденная дружба». PR рассматривается как эффективный инструмент маркетинга: в современной практике управления используется термин «маркетинговый PR» (МПР), трактуемый как «процесс планирования, исполнения и оценки программ, способствующих росту продаж и удовлетворению потребителей через передачу достоверной информации и создание благоприятного имиджа компании; идентификации ее продуктов с потребностями, желаниями и интересами потребителей» [Harris 1991].

Важный типологический критерий, определяющий понятие «коммуникативное пространство», – территориальный. Специфика субъекта коммуникации в паблик рилейшнз в том, что он, как правило, представлен двупланово: «коллективно» – как организация, предлагающая соответствующие услуги, и «индивидуально» – через отдельные личности (первые лица компании, рядовые сотрудники и т.д.). Даже если речь идет о продвижении отдельной личности, скажем, в политических PR, как правило, речь идет о персонализации имиджа коллектива – партии, компании и т.п. Исключение могут составлять паблик рилейшнз в сфере шоу-бизнеса.

Объект коммуникации – целевая аудитория, представленная как потребителями информации о субъекте PR, заинтересованными в предмете коммуникации, так и инвесторами – «материальными», готовыми оказать спонсорскую помощь, «интеллектуальными», готовыми оказать консалтинговые услуги, и «имиджевыми», способствующими формированию паблисита и готовыми оказать поддержку среди лидеров мнений (лоббирование).

Тип коммуникативной стратегии, выбираемой инициатором коммуникации, предопределяется целью этой коммуникации – конвенциональной, предусматривающей партнерство/достижение партнерства с объектом коммуникации, конфликтной, предусматривающей создание конфликта или его поддержание, и манипуляционной, предполагающей захват смыслового пространства коммуникации с тем, чтобы навязать участнику коммуникации свою коммуникативную стратегию и соответственно свое видение реальности [Дацюк]. В соответствии с целью выбирается и тип стратегии – конвенциональный (презентационный), конфликтный и манипуляционный соответственно.

Среди основных целей коммуникаций между субъектом PR и социумом – непосредственно коммуникативная (информирование о деятельности субъекта), маркетинговая (привлечение инвестиций, например) и PR-цели – формирование

положительного общественного мнения, увеличение капитала известности (паблицитного капитала) и возвышение имиджа.

Начальным этапом в коммуникативном субъект-объектном PR-процессе становится инициирование информационного потока, чаще всего посредством пресс-релизов, межличностного обмена. При формировании коммуникации необходимо учитывать наличие фильтров – ограничений в прохождении послания от отправителя к адресату (уровень доверия к источнику информации, определенные характеристики отправителя, внешней среды, получателя, незнание целевой аудитории). Процесс представления идеи коммуникации, передаваемая адресату информации в виде текстов, символов и образов, являет собой систему кодирования информации. Особенно важна проблема кодирования/декодирования (=интерпретации) в работе на зарубежную аудиторию, поскольку различия в национальном менталитете, архетипах, стереотипах, иерархии культурных ценностей могут вызывать в разных странах различную реакцию на одно и то же обращение. Чрезвычайно важна обратная связь – та часть ответной реакции, которую получатель доводит до сведения отправителя (обращение за дополнительной информацией, узнавание субъекта). В наиболее продуктивной PR-модели (двусторонней симметричной) обратная связь становится залогом успешной коммуникации.

Важнейшая характеристика в коммуникативном процессе – канал передачи информации. Одним из основных критериев для его отбора является доступность и соответствие избранной целевой аудитории. При этом в качестве канала могут выступать как средства массовой информации (печать, радио, телевидение, Интернет-СМИ), так и рекламоносители, каналы неформальной коммуникации (межличностное общение, слухи и т.д.), каналы так называемой «долгой» коммуникации – художественная литература, кинематографическое творчество и т.д. Эффективным каналом по степени коммуникативного воздействия становятся СМИ вследствие их оперативности, широкого охвата аудитории и возможностей установления обратной связи. При выборе СМИ следует руководствоваться принципом «трех соответствий»: форма должна соответствовать содержанию, содержание – PR-целям, а цели – интересам субъекта PR. Кроме того, существуют и другие принципы: адекватность выбора СМИ; обязательный анализ окружения (учет контекста); своевременность подачи информации; определенность аудитории (ее соответствие целевому сегменту).

Известная максима М. Маклюэна гласит, что средство коммуникации есть сообщение (или «канал есть сообщение» – «The Medium is the Message» [McLuhan 1964]). Маклюэн настаивал на изучении массмедиа вообще, считая, что они определяют структуру знания, регулируют принципы восприятия пространства и времени, навязывая их как отдельной личности, так и обществу в целом. Свое понимание он подчеркнул еще одним афоризмом, ставшим заглавием его книги: «The Medium is the Massage» [McLuhan 1967]. Средство коммуникации – массаж. Массмедиа «оглаживают», массируют человека,

исподволь, незаметно меняя законы восприятия. И это их свойство необходимо обязательно учитывать в PR-практике.

Список литературы

1. Harris T. L. The Marketer's Guide to Public Relations / T. L. Harris. – John Wiley & Sons, Inc., 1991. Цит. по: http://pr-club.com/techn_11.htm.
2. Lasswell H. Structure and Function of Communication in Society / Bryson J.(ed.).The Communication of Ideas. N.Y.: The Free Press, 1948.
3. McLuhan M., Fiore Q. The Medium is the Massage: An Inventory of Effects. N.Y.: Random House, 1967.
4. McLuhan M., Understanding Media: The Extensions of Man. N.Y.: McGraw Hill, 1964.
5. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 294 – 295.
6. Дацюк С. Коммуникативные стратегии [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://xyz.org.ua/russian/win/discussion/communicative_strategy.html
7. Земцов П. А. Государственная служба в коммуникативном пространстве российского общества : Дис. ... канд. социол. наук: Саратов, 2004. С. 14.

О.Ю. Юшко

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

ГЕРОЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ СОЗНАНИИ: ПОНЯТИЙНАЯ, ОБРАЗНАЯ И ЦЕННОСТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

Одной из важнейших областей духовно-творческого потенциала общества на определенном этапе его развития является культура. Само понятие «культура» неоднозначно, оно имеет множество смысловых оттенков. По справедливому мнению П.С. Гуревича [2000: 2], данное явление настолько многогранно и многоаспектно, настолько разнолик и неисчерпаем человек, так как оно выражает глубину человеческого бытия.

Впервые определение этому понятию было дано английским этнографом Э. Тэйлором, понимающим культуру как «некоторое сложное целое, которое включает в себя знания, верования, искусство, мораль, законы, обычаи и другие способности и привычки, приобретаемые и достигаемые человеком как членом общества» [Тэйлор 1871: 15]. На наш взгляд, такая трактовка остается актуальной и в настоящее время, так как она охватывает наиболее важные сферы жизнедеятельности человека, которые отличают его от других живых существ, населяющих нашу планету.

В настоящее время разграничивается культура материальная и духовная, но, на самом деле, провести четкую грань между этими двумя сферами очень сложно, так как они тесно связаны между собой, и произведения духовной стороны в большинстве случаев имеют материальное воплощение (книги, картины, фильмы), и наоборот, памятники материальной культуры всегда содержат «духовный компонент». Таким образом, в данной статье понятие «культура» целесообразно трактовать как совокупность нравственных, моральных и материальных ценностей, умений, знаний, обычаев, традиций, которые представлены различными областями: нравы, одежда, воспитание, искусство, религия, язык.

Стремление понять другие культуры, выявить и сравнить их сходства и различия существовало на всем протяжении человеческой истории. Для познания другой культуры необходимо не только усвоение специфических условий жизни, социальной структуры и национального характера представителей различных культур, но и изучение языка, на котором они говорят. Особенности поведения различных народов находят свое прямое отражение в вербальной коммуникации.

В понимании культур других народов без сомнения большую роль играют концепты и лингвокультурные типы. Говоря о концепте, В.Г. Зусман отмечает, что данный феномен всегда представляет собой часть целого, несущего в себе отпечаток системы в целом, то есть концепт является микромоделью культуры, а культура – макромоделью концепта [Зусман 2003: www]. Многие ученые (Карасик В.И., Слышкин Г.Г. и др.) сходятся во мнении о том, что, являясь «многомерным смысловым образованием», концепт имеет три стороны: ценностную, образную и понятийную.

Разновидностью концепта является «лингвокультурный типаж», под которым вслед за В.И. Карасиком (2004) мы понимаем обобщенный тип личности, выделяемой по социально-значимым параметрам в рамках определенного социально-этнического общества, проявляющий определенные рече-поведенческие характеристики и узнаваемый носителями конкретной этно- и социокультуры, оказавший существенное влияние на поведение представителей соответствующей культуры. Такое понимание типажа помогает раскрыть не только внешние характеристики (например, речевое поведение), но и внутренние (например, отношение к жизни). Так, лингвокультурные концепты и типы позволяют обобщать образы, которые, в свою очередь, дают нам представление о какой-либо культуре в целом. Благодаря лингвокультурным типажам становится возможным определить представителей различных культур, характеризующихся на основе социокультурных параметров, специфики вербального и невербального поведения.

В данной статье нами будет рассмотрен типаж «герой» в британской культуре. Само понятие «герой» появилось тогда, когда появилась древняя мифология, в которой героями являлись воины, уничтожающие чудовищ и воюющие между собой. С развитием античной культуры герои, помимо

воинских доблестей, стали наделяться и другими качествами, например, хитростью или мудростью.

В настоящее время на страницах печати (Голубев Д.А.) встречается использование такого понятия как «сверхчеловек» в значении «герой». На наш взгляд, в данном случае происходит подмена понятий. Проанализировав статьи в толковых словарях, мы пришли к выводу, что особенность сверхчеловека заключается в том, что он может, преодолевая самообусловленность своей естественной природы, достигать состояния качественно иного существа. Приставка «сверх» указывает на превышение какой-либо нормы, существующей вопреки или не в соответствии с какими-либо мерами. Говоря о герое, мы относим к таким «отклонениям» качества, которые не присущи человеку в принципе. В сверхлюдях совмещаются черты, характерные для человека и, например, какого-либо животного, насекомого. Понятие «сверхчеловек» предполагает исключительную физическую или духовную силу. Согласно Ф. Ницше, идея сверхчеловека состоит в том, чтобы частично превзойти самого себя, но при этом не вернуться к состоянию зверя. Так, к сверхлюдям мы вправе относить человека-паука из известного одноименного фильма “Spiderman”, бэтмена, робокопа, оборотней. Таким образом, целью данной статьи является рассмотрение лингвокультурного типажа «герой», определение его понятийной, образной и ценностной составляющей с тем, чтобы установить неправомерность подмены понятия «герой» и «сверхчеловек».

Проанализировав дефиниции понятия «*hero*», предлагаемые наиболее известными современными толковыми словарями COLLINS English Dictionary, Oxford Advanced Learner's Dictionary, MACMILLAN English Dictionary, Merriam-Webster's Collegiate Dictionary и LONGMAN Dictionary of English Language and Culture, нами была выявлена понятийная составляющая типажа «герой» и определена семантика данного понятия. За лексемой *hero* закрепились следующие лексико-семантические варианты:

- 1) a person who is admired by many people for doing something brave or good;
- 2) a mythological or legendary figure endowed with great strength or ability;
- 3) a man distinguished by exceptional courage, nobility, fortitude;
- 4) someone who has done something brave;
- 5) someone who is admired for their bravery, goodness, or great ability.

На основе этого можно сделать вывод, что в понимании британцев героем является человек, совершающий смелые поступки, проявляющий мужество, силу и ловкость. Нередко для того, чтобы стать героем, необходимо не только проявить храбрость, но и рискнуть своей собственной жизнью, проходя сложные испытания. Герой – это человек, обладающий недюжинными способностями.

Качества, которыми наделяют героя, зачастую сопровождаются такими прилагательными, как *exceptional*, *extraordinary*, *superior*, *impressive*, *noble*, *extreme*, *great*. Это дает представление об образной составляющей данного

типажа. Такой человек выделяется тем, что обладает редкими качествами «of high quality», как сказали бы англичане. Если речь идет о мужестве, то о мужестве необыкновенном, если о силе, то – о достойной восхищения, если о смелости, то – о граничащей с экстримом.

Анализ данных дефиниций помогает также частично понять и ценностную составляющую типажа. Герой – это человек, которым восхищаются, и восхищение в некоторых случаях может стать, на наш взгляд, результатом того, что происходит идеализация какого-либо человека, то есть за определенные заслуги и проявление положительных качеств, он представляется в лучшем свете. Герой – это уважаемый человек, почитаемый большинством людей, узнаваемый благодаря необычным способностям, которыми он обладает. В этой связи необходимо обратить внимание на то, что «сверхчеловек», обладая исключительными данными, может относиться к антигероям в силу каких-то личностных негативных, отрицательных качеств и установкой на, своего рода, «злодеяния» для всего человечества.

Таким образом, на основе проведенного компонентного анализа лексемы «hero», нами было установлено, что в целом в сознании англичан герой осмысливается как положительный человек, чаще всего представитель сильного пола, совершающий благородные поступки или подвиги, обладающий рядом отличительных качеств, что позволяет назвать его человеком с незаурядными способностями. Ни в одной из исследуемых нами дефиниций понятия «hero» не было указано на то, что герой обладает сверхспособностями, не присущими обычному человеку, что подтверждает мысль о том, что нет оснований для подмены таких понятий как «герой» и «сверхчеловек».

Список литературы

1. Гуревич П.С. Философия культуры. М., 2000.
2. Зусман В.Г. Концепт в системе гуманитарного знания // Вопросы литературы. 2003. №2. www
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
5. Тэйлор Э.Б. Первобытные культуры. Пер. с англ. Д. А. Коропчевского. М., 2003.

Источники

1. COLLINS English Dictionary. Glasgow, 2000.
2. LONGMAN Dictionary of English Language and Culture. United Kingdom, 2000.
3. MACMILLAN English Dictionary. London, 2007.
4. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. 2003.
5. Oxford Advanced Learner's Dictionary. New York, 2000.

СПЕЦИФИКА ИНТОНАЦИОННОГО ОФОРМЛЕНИЯ РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИКА

Политическая коммуникация является объектом изучения разных дисциплин: политологии, социологии, психологии, лингвистики. Установлено, что в последнее время становится важным четкое продумывание образа политика, в том числе и его речевого поведения.

Актуальность нашего исследования обусловлена возрастающей ролью политической коммуникации в обществе и недостаточной изученностью ее интонационно-звукового аспекта.

Целью данной работы являются установление и раскрытие специфики интонационного оформления современной политической речи на материале выступлений В.В. Путина.

Индивидуальная манера речевого поведения политика может быть изучена в аспекте соотношения индивидуального и общего в звучащей речи. Проблема выявления индивидуального в речи политика потребовала в качестве основы для сопоставления найти целостное описание русской интонации как системы. Наиболее удобной в этом отношении является система интонационных конструкций Е.А. Брызгуновой, т.к. она, по справедливой оценке исследователей, «очерчивает «общий план здания», состоящего не только из смыслоразличительных единиц-блоков, но и рядов эмоционально-стилистических модификаций этих единиц» [Труфанова 2004: 199].

Состояние научно-практических изысканий в современном языкознании свидетельствует о наличии пристального внимания исследователей к связи общеязыкового и индивидуального, специфического в языке и его проявлений в речевой деятельности человека (см. работы М.В. Панова, Т.Г. Винокур, Г.П. Торсуева, Е.А. Брызгуновой, Г.Н. Беспмятной, В.Я. Труфановой и др.).

Анализ специальной литературы показал, что в наибольшей степени изучены фонетические – сегментные и суперсегментные – средства. По мнению исследователей, «речевые пристрастия личности обнаруживаются в предпочтении того или иного орфоэпического варианта, в характере фонетического эллипсиса, в выборе приемов акцентного выделения» [Китайгородская, Розанова 1995: 5].

Проблема взаимодействия индивидуального и общеязыкового в звучании отражается в первых попытках описания речевых портретов в работах школы Е.А.Брызгуновой. Так, например, В.Я.Труфанова определяет «комбинации средств, обуславливающих общность и своеобразие интонации», рассматривает «влияние индивидуальных особенностей интонации на смысловую структуру речи» [Труфанова 2004: 197] и делает вывод о том, что соотношение индивидуального и общего в интонации представляется как отношение индивидуального выбора к общим средствам, которыми располагает

интонационная система языка. На материале звучащей речи актеров исследователь показывает, что «впечатление оригинальности в интонации создается за счет особенностей отбора, употребления и сочетания, общих для всех средств» [Там же: 201].

При анализе своеобразия интонационного оформления речи политика мы исходили из положения о том, что впечатление своеобразия речи отдельных говорящих возникает в результате перераспределения функциональной нагрузки какого-либо излюбленного ими средства. Это происходит, например, за счет распространения предпочитаемых типов интонации на те позиции, где у большинства носителей языка они не встречаются [Там же 2004: 200]. Таким образом, изменение пропорций в интонационном составе за счет увеличения количества определенных средств и осознается как особое качество речи, отличающее говорящего.

В результате анализа выступлений В.В. Путина был выявлен комплекс интонационных средств, присущих манере говорения политика. Наиболее частотными интонационными конструкциями, встречающимися в речи В.В. Путина, являются: в неконечных синтагмах – ИК-3, ИК-6, ИК-2 и ИК-3² (2³), а в конечных – ИК-1, ИК-2. В рамках данной статьи мы подробно остановимся на тех случаях, когда отбор тех или иных интонационных конструкций обусловлен в речи политика необходимостью передачи различных смысловых значений.

Прежде всего, следует отметить склонность В.В. Путина к сосредоточенным в одном слоге восходяще-нисходящим движениям тона (переходные ИК-2³ и ИК-3²). Данные типы ИК в речи политика встречаются не только в общепринятом использовании при выражении возражения [Брызгунова 1984] (например: ...**разуме^{3?}ется/ мы не мо^{3?}жем/ решать эту задачу та³к/ как это де⁶лали/ лет во⁽¹⁾семьдесят тому наза⁶д/ у кого-то отня³ть/ и между кем-то подели¹ть/...), но и в ряде других случаев.**

Анализ показал, что индивидуальное в речи В.В. Путина проявляется в использовании ИК-2³ и ИК-3² при смысловом подчеркивании лексического значения. Это происходит в высказываниях, содержащих:

- определенные факты, значимые как для политика, так и для всего населения страны, например:

...с удовлетворением **констати^{3?}руем/ что сокраща^{3?}ется/ есте²ственная убыль населения/...**

- качественную характеристику, например:

...что касается **фундамент^{3?}альных/ отношений между Россией и Соединенными шта³тами/...**

...сокраще²ние/ разры^{3?}ва/ ме³жду/ **высокоопла^{3?}чиваемыми** группами населения/ и людьми⁶/...

Кроме того, ИК-3² может появляться в неконечных синтагмах при перечислении, например:

...впереди⁽⁶⁾ много **све^{3?}тлых/ пра^{3?}здничных/ дне¹й/...**

... мы думаем пре⁶жде всего/ о своих **бли^{3?}зких/ о семье^{3?}/...**

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что использование различных реализаций ИК-3² (2³) для подчеркивания наиболее важной информации характеризует В.В. Путина как политика стремящегося логически организовать свое выступление, усилить эффективность восприятия речи за счет расставления в выступлении наиболее значимых в смысловом отношении акцентов.

Также среди интонационных средств проявления индивидуального в речи политика следует отметить использование в официальных выступлениях В.В. Путина нейтральных реализаций ИК-6, на месте характерных в подобной речевой ситуации ИК-4, например:

...поэ⁽⁶⁾тому наверняка мы поговорим наверное и о проблемах Ира⁶ка / и о проблемах ближнего восто⁶ка / не обойде⁽⁶⁾м э-э вниманием ... и вопросы связанные с ядерной программой Ира⁶на / что касается э-э вопросов демокра⁶тии / прав челове⁶ка / и так да⁶лее /...

Как известно, средняя степень выраженности всех характеристик ИК-6 используется в сообщениях и рассказах о привычных делах [Иванова-Лукьянова 2002]. В данном случае мы можем говорить о том, что выбор данного типа ИК создает эффект повседневности, обыденности решения социальных проблем, вопросов экономики и характеризует В.В. Путина как политика, выражающего готовность преодоления трудностей, возникающих в жизни страны.

Кроме того, отмечается концентрация определенных типов ИК в зависимости от речевой ситуации, что создает специфическую окраску звучания речи политика. Так, ситуация поздравления обуславливает появление в речи В.В. Путина ИК-6 в сочетании с несколько замедленным темпом речи, что служит созданию торжественно-приподнятого оттенка звучания. Например:

... уважа⁶емые / граждане Росси¹и // дороги⁶е / друзья¹ //...; ...с но⁶вым / го^{1?}дом //...;
...добрый де⁶нь / уважаемые дамы и господа⁶ / дороги⁶е / друзья¹ //...; еще⁽⁶⁾ раз поздравля⁶ю вас всех / с общенациона^{1?}льным праздником / дне⁶м / наро⁶дного / еди^{1?}нства //....

В рамках другой ситуации – пресс-конференции – наблюдается высокая концентрация ИК-3, имеющих разговорный оттенок, что приводит к снижению официальности регистра общения. Например:

*...как вы зна³ете/ для того⁶/ чтобы нам **вы³полнить**/ одну из основны²х задач/...*

Следует отметить, что именно разговорность, создаваемая ИК-3, по мнению М.Р. Проскурякова, является одним из важнейших качеств эффективной политической речи [Проскуряков 2000].

По нашим наблюдениям в речи В.В. Путина ИК-3 нередко используется в синтагмах с местоимениями «мы», «нас» (... у на³с/ больши²е/ очень серье²зные планы/...; ...и мы³/ сде²лаем это//...), что позволяет политику сгладить социальные, статусные различия между ним и аудиторией.

Таким образом, проведенный анализ позволяет говорить о том, что индивидуальность звучания речи В.В. Путина создается за счет особенностей отбора и употребления общих для всех средств русской интонации. В частности, неофициальный характер звучания речи политика создается за счет частого использования нейтральных ИК-6 (вместо привычных для официального общения ИК-4). Вместе с тем, использование переходных ИК-2³ и ИК-3² позволяет В.В. Путину грамотно организовать свое выступление, расставив в ней необходимые смысловые акценты. Также индивидуальность звучания речи политика проявляется и в варьировании интонационных средств незавершенности в зависимости от речевой ситуации (в рамках пресс-конференции превалирует ИК-3, а в торжественной ситуации предпочтение отдается ИК-6).

Список литературы

1. Брызгунова, Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи / Е.А. Брызгунова. – М., 1984.
2. Иванова-Лукьянова Г.Н. Культура устной речи: интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм. М., 2002.
3. Китайгородская М.В. Современная политическая коммуникация // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциации. М., 1995.
4. Проскуряков М.Р. Культура речи политика. Качества эффективной речи. М. 2000.
5. Труфанова В.Я. Речевой портрет говорящего на фоне интонационной системы языка // Вопросы русского языкознания: Сб. Вып. XI. Аспекты изучения звучащей речи: Сборник научных статей к юбилею Е.А. Брызгуновой. М.: 2004.